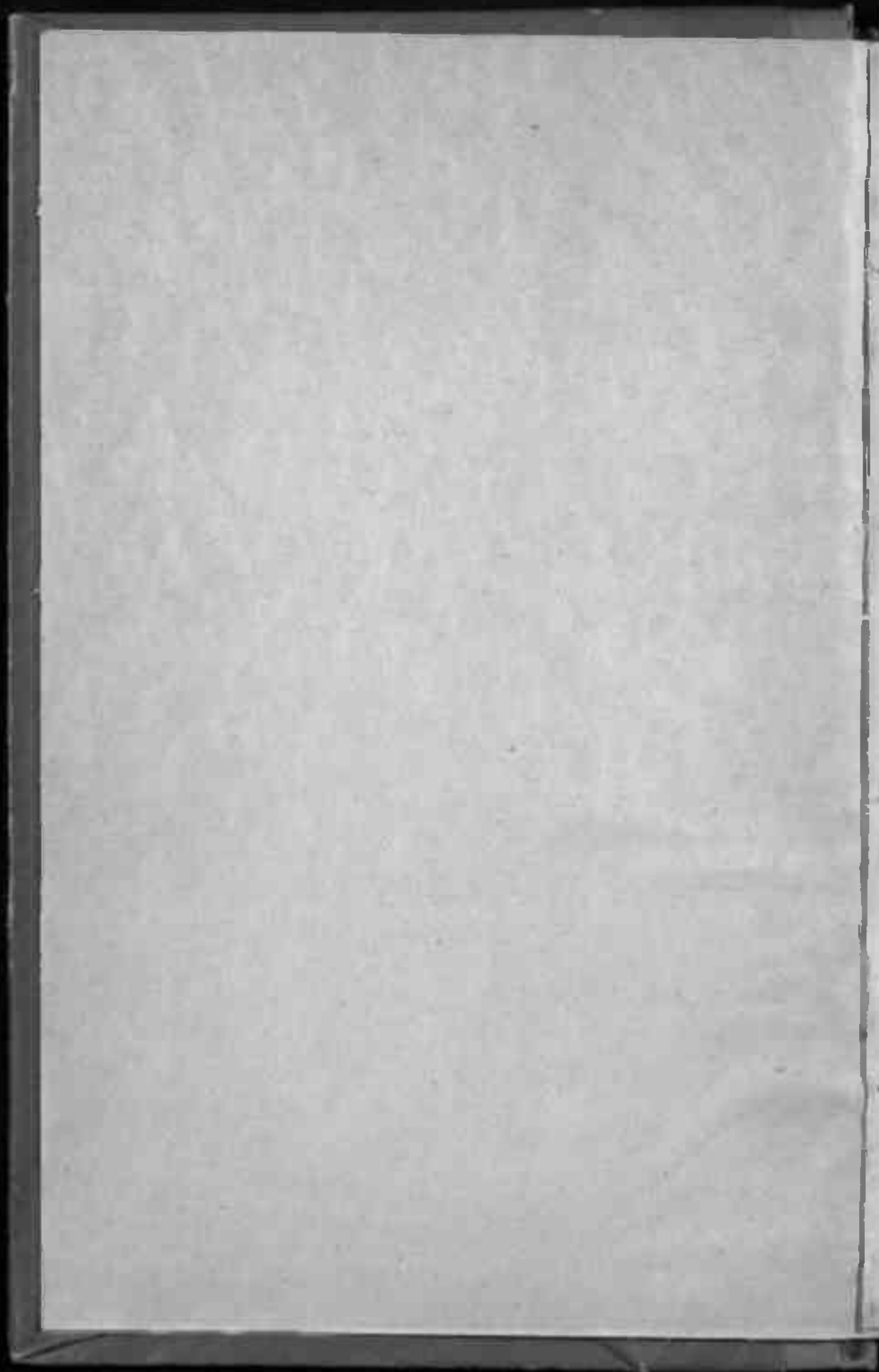

25
60
A-81
Аристов
"Хр-тия
по русск.
истории...
Варшава 1870

ХРИСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

2496

REV. H. C. H. H. H.

REV. H. C. H. H. H.

ДБ
60
А 81

147 (0.8)

15140

✓
m

ХРИСТОМАТІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖИЗНИ, ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

ОТЪ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО XVI ВѢКА.

(Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

СОСТАВИЛЪ

Н. Я. АРИСТОВЪ

Профессоръ Русской Истории Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.

Издание В. Ф. Голубинскаго.

1870.

30
27
1

Дозволено Цензурою. Варшава. 15 Октября 1870 года.

Печатано въ Типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа.
На Королевской улицѣ, доиъ С. Клеменсовской, № 413аа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые у насъ Христоматіи назначаются преимущественно для изученія русскаго языка и словесности; я представляю опытъ „Христоматіи по Русской Исторіи“, въ которомъ содержаніе древнихъ памятниковъ выдвигается на первый планъ, поэзія уступаетъ мѣсто исторіи, внѣшняя сторона подчиняется внутренней.

Такимъ образомъ я даю средства желающимъ ознакомиться съ дѣйствительной, а не идеальной древне-русской жизнью по самымъ памятникамъ. Затѣмъ помѣщалъ я въ Христоматіи статьи изъ новыхъ сочиненій по Русской Исторіи и Словесности, съ цѣлью показать, какимъ образомъ ученые дѣлаютъ выводы на основаніи историческихъ данныхъ. Въ этомъ случаѣ я не держался одного опредѣленнаго направленія, я выбиралъ разнообразныя статьи, желая познакомить съ воззрѣніями на русскую жизнь прежнихъ историческихъ дѣятелей, и потому не стѣснялся ни противорѣчіями статей, ни невѣрностями въ частностяхъ или въ общемъ взглядѣ. — Я хотѣлъ-было сообщить читателямъ еще цѣлый отдѣлъ памятниковъ археологическихъ, приложить къ Христоматіи снимки съ древнихъ рисунковъ, монетъ, крюковыхъ потъ и т. под.; но дороговизна подобнаго изданія разрушила мои планы.

Христоматию свою я назначаю для лицъ болѣе или менѣе уже подготовленныхъ: для воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для студентовъ Университета и другихъ высшихъ заведеній, а также для учителей. Имѣя въ виду такой кругъ читателей, я постоянно дѣлалъ указанія на сочиненія и статьи, изъ которыхъ можно получить свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ древне-русской жизни. Указанія эти не полны; но для желающаго заниматься онѣ не бесполезны, какъ руководящія нити.

Порядокъ статей и распредѣленіе предмета у меня въ Христоматіи довольно произвольны, (что много зависитъ отъ личнаго взгляда); по этому я счелъ нужнымъ приложить одинъ указатель древнихъ памятниковъ, вошедшихъ

въ Христоматию, въ хронологическомъ порядкѣ, а другой—по родамъ и видамъ различныхъ произведений письменности и народной поэзи.

Издаваемая мною книга доведена до московскаго періода (1462 г.) и можетъ служить пособіемъ при изученіи древне русской областной жизни. Продолженіе Христомати, которое должно обнимать московскій періодъ или среднюю Русскую Историю, появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, если будутъ благоприятствовать обстоятельства.

Н. Аристовъ.

Варшава 20 октября 1870 года.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Стро- ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ чи- тать.	Стр.	Стро- ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ чи- тать.
9	22	персмитрида	персмитрила	714	29	посужити	посудяти
138	16	хозяину	хозяину	715	16	угворятся	уговарятся
140	40	встрѣчаетъ	встрѣчаютъ	726	35	(помощника)	(отреченье, отказ)
187	7	въ	къ	728	43	орудка	орудка
183	26	князя	князя	732	12	часть	часть
244	28	няжеть	ножеть	733	19	корьмы	корьмы
281 (прѣд.)		творѣ	дворѣ	737	25	плн	плн
302	12	Русскихъ	Русскихъ	738	19	служити	служити
362	6	Мотивы	Мотивы	740	3	созидаетъ	созидаетъ
374	39	шедшу	сѣдшу	752	4	ротѣшля	ротѣ шдѣ
387	10	закодзѣ	закодзѣ	754	2	рукою	рукою
388	31	подъ ать	подъ ать	755	18	оучивать	оучивать
394	38	Анорею	Анорею	760	17	и него	и его
395	22	сборби	сборби	761	13	польберковъ	польберковъ
419	35	замити	замити	762	25	накѣстникъ	накѣстникъ
428	36	нмать	нмать	770	10	ея	ея
428	8	брата	доброта	794	20	укоренные	укоренные
429	22	пншу	пншу	820	25	квзаять	квзаять
437	2	сонмъ	своишъ	822	18	наречетися	наречетися
439	8	благодатити	благодарити	822	38	но	ни
448	19	Ощра	Ощра	810	15	шадрусъ	шадрусъ
457	28	своему	твоему	847	13	гробѣ	гробѣ
497	30	поможети	поможети	853	21	черство	черство
510	37	морского	морского	857	29	1456	1156
522	15	подъ нмъ	подъ нмъ	881	2	отай	отай
551	7	до на жа	дннъ же	864	18	обѣтовъ	отвѣтовъ
556	38	Моску	Моску	866	7	владикъ	владико
569	4	тысядной	тысядной	869	21	одежды	одежды
572	33	инокать	инокать	883	19	сѣлю	сѣлю
598	37	Орманыское	Орманыское	892	35	показался	показался
599	32	горьчатѣ	горьчатѣ	898	4	(Азблкъ)	(Азблкъ)
603	7	пакы	пакы	903	20	тогъ пустоты	того пустоты
603	4	Завотскую	Завотскую	905	20	прилучаго	прилучаго
608	37	московскыя	московскыя	910	31	подопланыя	подопланыя
608	43	Городцы	Городцы	914	15	носла	носла
614	26	онъ	онъ	914	25	брегъ	брегъ
627	27	отрожекъ	отрожекъ	914	48	спѣсп	спѣсп
660	5	Н. Д.	И. Д.	914	56	сочтется	сочтется
677	7	штужниці	штужниці	915	13	хвѣнаго струя	дѣвнча
679	32	посащипку	посащипку	915	12	едица	едицаго струпа
679	41	посуживай	посуживай	916	5	отвѣщая	отвѣщая
681	25	свои	троп	918	16	нишеть	нишеть
—	—	подопочникъ	подопочникъ	921	26	го	ко
682	15	нишенишъ	нишенишъ	923	1	Сатаръ	Сатаръ
687	1	въ нмъ	въ нмъ	923	2	кояницу	кояницу
687	39	за божественное	за божественное	923	21	повѣдѣе	повѣдѣе
696	18	Бородѣль	Бородѣль	928	28	мытница	мытница
699	22	(береженья)	(береженья)	934	17	соединялось	соединялось
700	32	нашего	нашего	936	25	Вагры	Вагры
708	43	христіаново	христіаново	938	19	описокъ	описокъ
707	5	попче	попче	940	10	исповѣдывали	исповѣдывали
709	13	Парамшина	Парамшина	941	41	инострца	инострца

Стр.	Стро- ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ чи- тать.	Стр.	Стро- ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ чи- тать.
987	16	п	ип	1122	30	Яза.	Иза.
988	4	въ путеп.	путеп.	1129	3	царѣй	царѣй
988	10	Ныль	Ибыль	1134	27	за вашъ	за вашъ
995	6	Вручехъ	Вручехо	1136	9	опы	опы
997	16	воинина	воинина	1142	30	только	только
998	15	въ семь	въ сезѣ	1146	38	<i>Промнецъ</i>	<i>Промнеца</i>
1002	15 и 22	скалы	скалы	1147	4	есе	есе
1006	43	но	не	1148	11	именомъ	именомъ
1008	4	отложитъ	отложитъ	1167	10	Воломеру	Володимеру
1010	10	Русута	Русу ти	1169	20	влязъ	влязъ
1013	16	третника	третники	1174	13	Володимеръ	Володимеръ
1014	26	мой	мои	1179	24	отъ	отъ
1018	16	продати	продати	1184	22	Бѣжцахъ	Бѣжцахъ
1018	31	посторожъ	посторожъ	1194	15	на московъ	на московской
1027	39	и	я	1200	32	Давиане	Давиане
1031	41	но	ни	1219	40	наче	наче
1040	46	бортъ	бортъ	1220	6	внззату	внззату
1044	35	слабый	слаборнъ	1225	1	истебляла	истебляла
1045	28	купецъ	купецъ	1228	4	ил	ил
1046	23	купецемъ	купецемъ	1233	13	Новгородъ	Новгородъ
1046	44	деять	девать	1237	40	минуты	минуты
1058	25	по	ко	1242	7	<i>Н. Д.</i>	<i>Н. Д.</i>
1061	6	Георгиево	Георгиеву	1244	24	Печенѣзи	Печенѣзи
1061	18	звѣри	звѣри	1267	30	зеведеть	зеведеть
1066	42	тѣ	то	1276	16	коня	копѣ
1069	55	на	да	1277	33	гозелемъ	гозелемъ
1073	8	описаны	описаны	1284	33	<i>иного родъ</i> ы	<i>иного родъ</i> ы
1084	25	списывать	списывать	1286	32	Болгаре	Болгаре
—	41	показанъ	показанъ	1290	26	пожрети	пожрети
1093	18	перечислы	перечислы	1310	42	шпѣ	шпѣ
1094	37	началъ чинихъ	началъ чинихъ	1312	30	тѣломъ	тѣломъ
1098	4	человѣку	человѣку	1343	4	никаго	никаго
1108	39	была	была	1351	24	тотомъ	готовъ
1118	15	цѣло	цѣло	1357	39	ораскѣ	ораскѣ
1120	26	<i>Прохорова</i>	<i>Прохорова</i>	1364	26	Суражане	Суражане

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I. Язычество и христианство въ древней Руси.

	Стр.		Стр.
<i>А. Памятники письменные:</i>		О идолахъ русскихъ	65
Нравы и обычаи Славянъ	1	<i>Б. Памятники народной поэзии и ихъ историческое значеніе:</i>	
Извѣстія о Славянахъ X в.	4	Идолище поганое	68
Объ Андреѣ Первозванномъ	7	Добрыня Никитичъ	70
Крещеніе св. Ольги	8	Два стиха	73
Идолы языческіе	12	Стихъ о грѣшницѣ	74
Русскіе первоученики	13	Объ историческомъ значеніи русскихъ	
Испытаніе вѣры	14	плѣсень	76
Крещеніе Руси	18	Сказка и мифъ	87
Новгородскій Перуны	21	Пословицы, заговоры, загадки и	
Крещеніе Новгородцевъ	22	примѣты	96
Слово Иларіона	24	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>	
О Волхвахъ	35	Развитіе языческихъ вѣрованій. Аса-	
Поученіе Феодосія	40	насьева	111
Изъ слова Григорія Богослова	45	О славянской мифологіи. Ербена	124
Языческіи божества	46	Богослужебные обряды Славянъ-язы-	
Слово Серапіона	49	чниковъ. Срезневскаго	142
Слово пророка Исаіи	51	Распространеніе христіанства. Пре-	
Изъ слова Григорія Богослова	53	осв. Макарія	153
Изъ слова отъ евангелія	54	О борьбѣ христіанства съ языче-	
Слово Христолюбца	55	ствомъ. Знаменскаго	159
Изъ слова Златоуста	59		
Тоже	62		
Слово Моисея	64		

II. Состояніе образованія.

1) Взглядъ на ученіе книжное.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Предисловіе къ житію Феодосія	188
Кириллъ и Мефодій	179	Надпись на евангеліи	190
О письменахъ черпорица Храбра	181	Послѣсловіе евангелія	191
Ярославъ любитель книгъ	185	Глаголю на книгѣ	—
Послѣсловія рукописей	186	Владиміръ полынскій	—

	Стр.		Стр.
Древняя тайнопись	194	Запись на книгѣ	197
Послѣсловіе Лаврентьевской летописи	196	Слово о четыъ книгѣ	198

2. Взглядъ на явленія природы.

Знаменія въ XI в.	169	Дивныя явленія	217
Знаменіе въ Кіевопечерскомъ мон.	202	Моръ	219
Стверныя сіянія	204	Вихрь, дождь, громъ	221
Солнечныя затмѣнія	205	Сказаніе о трусѣ	223
Землетрясенія	207	<i>Б. Преданія и легенды:</i>	
Гаданія по явленіямъ природы	209	Пророчество Варлаама о сибѣ	227
Безводіе	—	Изъ бесѣды Андрея съ Епифаніемъ	229
Голодъ	211	О сотвореніи солнца	231
Кометы	213	Суетврія и примѣты	232
Пожары	214		

3. Византийское и славянское вліяніе.

<i>А. Памятники письменные:</i>		<i>Б. Памятники народной поэзии:</i>	
О различныхъ мѣсяцахъ	235	Легенда о Пятницѣ	293
О злыхъ женахъ	—	Легенда о Ноѣ	294
О Югрѣ и дикахъ народахъ	242	Изъ повѣсти: «Александрія»	298
Изъ слова Кирилла Туровскаго	243	Стихъ объ Іоасафѣ	302
Слово Даниила Заточника	247	Стихъ о страшномъ судѣ	304
Хожденіе Богородицы по мукамъ	257	Стихъ о Феодорѣ Тиронѣ	306
Слово о мытарствахъ	261	О Голубиной книгѣ	310
Посланіе Іакова болгарскаго м-ту Кириллу	267	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>	
Хожденія въ Царьградъ	269	Историческіе очерки міросозерцанія.	
Посланіе о раѣ	276	<i>Щапова.</i>	315
Перечень ложныхъ книгъ	281	Характеръ древне-русской образованности. <i>П. Кирьевскаго</i>	332
Имена ангеловъ	285	О Книжной литературѣ. <i>Пыпина</i>	352
Сказаніе о сотвореніи Адама	285		
Живыя молитвы и заговоры	289		
О сотвореніи міра	291		

III. Значеніе христіанства въ развитіи древне-русской жизни.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Житіе Антонія	386
Изъ житія Феодосія	365	Изъ житія Агапіта	399
Кіевопечерскіе янны	379	Житіе Авраамія	401
Духовная Антонія	385	Объ Алексѣ м-тѣ	413

	Стр.		Стр.
Житіе Стефана Пермскаго	423	<i>Б. Памятники народной поэ-</i>	
Плачь о смерти Стефана	425	<i>зи. — Былина:</i>	
Изъ житія Сергія	429	О Василѣ Буслаевѣ	463
Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго	434	<i>В. Статьи изъ новѣйшъ сочи-</i>	
Другое посланіе его же	438	<i>неній:</i>	
Вліяніе новгородскаго владыки	441	Нравственный характеръ древне-рус-	
Дѣйствія м. Фотія	444	скаго челоѣка. Соловьева	467
Дѣйствія Іоны	446	Вліяніе христіанства на народъ	472
Посланіе духовецтва Дмитрію Юрь-		Государственное значеніе православія.	
евичу	449	Кавелина	488

IV. Управление древней Руси.

1. Власть духовная.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Уставная Діонисія	533
О Латинахъ	493	Избраніе архіепископа	537
Слово Θεодосія	495	Изъ посланія патріарха Антонія	538
Избраніе владыки	499	Настольная м-та Клиріана	548
Посланіе Симона къ Поликарпу	500	Грамота Клиріана	550
Посланіе патріарха Германова	506	Отдѣленіе кіевской митрополіи	551
Посольство папы къ Дашялу	508	Посланіе м-та Фотія	552
Изъ правила м-та Кирилла	509	Поученіе владыки Семіона	554
Изъ поученія его же	513	Благословенная грамота Павлу Об-	
Ярлыкъ Узбека	515	норскому	555
Ярлыкъ Тайдулы	520	О м-тѣ Сидорѣ	556
Дѣйствія м-та Θεогноста	521	<i>Б. Легенда:</i>	
Грамота Θεогноста	524	О построеніи Варяжской божницы	563
Повѣсть о Митяи	525		

2. Власть свѣтская.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Волненіе въ Новгородѣ	592
Отношеніе Владимира къ дружинѣ	565	Договорная Новгорода съ кн. Яро-	
Отношеніе Новгорода къ князю	567	славомъ	593
Убіеніе Игоря 1147 г.	—	Изгнаніе князя изъ Новгорода	595
Убіеніе Андрея Боголюбскаго	571	Борьба Новгорода съ тверскимъ кня-	
Обращеніе къ князьямъ	579	земъ	597
Романъ Галицкій	—	Духовная І. Д. Калиты	598
Борьба Мстислава съ боярами	580	Возстаніе въ Торжкѣ	601
Борьба Данила съ боярами	583	Лука Ворономѣевъ и сбойчатые люди	602
Борьба Пскова съ княземъ	589	Слово о князѣхъ	604
Борьба Новгорода съ княземъ	591		

	Стр.		Стр.
Договорная Василія Дим. съ кн. Владиміромъ	604	Замыслы папы. <i>Филарета</i>	615
<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>		Отношеніе прядибровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ. <i>И. Бл-лаева</i>	619
Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу. <i>Макарія</i>	607	Дружина кияжская. <i>Соловьева</i>	624
		Въче и князь. <i>Сергѣевича</i>	631

V. Законы и суды

1. По дѣламъ духовнымъ.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Ярлыкъ Атюляка	682
Уставъ св. Владиміра	661	Грамота Кипріана Псковичамъ	684
Уставъ Ярослава	663	Уставная в. к. Василія Дим. и м-та Кипріана	685
Уставъ Всеволода	669	Грамота архіеп. Іоны	688
Уставная церкви Іоанна на Опокахъ	674	<i>Б. Преданіе:</i>	
Уставная смоленской епископии	676	Видѣніе Спасова образа	689
Ярлыкъ Тайдулы до 1357 г.	681		

2. По дѣламъ свѣтскимъ

<i>А. Памятники письменные:</i>		Духовная в. кн. Іоанна 1356 г.	707
Правда русская	691	Договорная Д. Изъ. Донскаго и Владиміра Авдр. съ Михайломъ Алесавдров.	711
Завѣщаніе Владиміра галицкаго	695	Кабальная	716
Духовная Климента	696	Уставная	719
Рядная Тѣшаты	698	Жалованная новгородская	721
Жалованная Калиты	699	Изъ Псковской судной грамоты.	722
Изъ Вислицкаго статута	—		
Купчія	706		

3. О недостаткахъ древняго судопроизводства.

Изъ посланія м. Никифора къ Мономаху	735	<i>Б. Памятники народной поэзи:</i>	
Бесѣда еп. Симеона съ кн. Константиномъ	741	Повѣсть о Шемякиномъ судѣ	741

4. Памятники, касающіеся сношеній Руси съ иностранцами.

Договоръ Игоря	745	Грамота смоленскаго кн. Θεодора къ рижскому епископу.	759
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами	751	Договоръ смоленскаго кн. Івана съ рижскимъ Гермейстеромъ	760
Договоръ Мстислава смоленскаго съ Нѣмцами	752		

	Стр.
Договорная Полоцка съ Ливонс. ор- деномъ	760
Полоцкая грамота Ливонскому ордену	762
Договорная Казимира со Псковомъ .	763
Договорная в. кн. Василия съ Казиміромъ	765
<i>В. Статьи изъ новыхъ сочинений:</i>	

	Стр.
Значение Божьихъ судовъ по рус. праву. <i>А. Дохвицкаго</i>	771
О юридическомъ значеніи духовенства. <i>Н. Калачова</i>	787
О Магдебургскомъ правѣ. <i>Мацьевскаго</i>	802

VI. Общественная жизнь, нравы и обычаи.

<i>А. Памятники письменные:</i>	
Извѣстія о Русскихъ 922 г.	817
Поучение Луки Жидаты	821
Поучение Θεодосія	823
Изъ посланія м. Іоанна	825
Псаломникъ Данила	829
Поучение Владыки Монохаха до 1125 г.	831
Каноническіе вопросы Кирика . . .	857
Споръ о постѣ	864
Рассказаніе Игоря въ плѣну	865
Изъ слова о богатомъ и убогомъ .	866
Похвалы книжникамъ	868
Похвалы князьямъ	870
Похвалы епископамъ	872
Слово Серапіона о кончинѣ міра .	875
Его же слово о мятежи житія сего	876
Поучение м. Петра	877
Грабежъ на пожарахъ	882
Изъ поученія до 1350 г.	884
Моръ	886
Уткунники	890

Поучение отъ всѣхъ книгъ	892
Слово о пьянствѣ	896
Слово о челяди	897
Идеаль князя	898
Убіеніе Юліана Вяземской	899
О началѣ Колоцкого монастыря . .	900
Исповѣданіе архіеписк. Θεодосія . .	904
<i>Б. Памятники народной поэзии:</i>	
Объ образѣ Спаса преданіе	907
Сказаніе о Михалицкомъ монастырѣ.	908
Стихъ о страшномъ судѣ	909
О Петрѣ и Феврошѣ	911
Данила и Василиса	919
Добрыня Никитичъ	923
<i>В. Статьи изъ новыхъ сочинений:</i>	
Характеръ Балтійскихъ Славянъ. <i>Гильфердинга</i>	929
Религіозные обычаи. <i>Филарета</i> . .	944
Несвободныя состоянія въ древней Россіи. <i>Чичерина</i>	952

VII. Промышленность и торговля

<i>А. Памятники письменные:</i>	
Грамота Мстислава	989
Уставъ Святослава	991
Подпись на крестѣ Евфросиніи . .	992
Защита торговцевъ	993
Владимірскіи церкви	995
Вклады Варлаама	997
Даниилъ Васильевскому монаст. . .	998

Убранство войска Данила	999
Украшеніе г. Холма	1000
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами.	1001
Грамота кн. Андрея на Двину . .	1003
Грамота Рижавъ	—
Грамота архіеп. Θεоктиста	1008
Грамота Гавзейскому союзу	—

	Стр.		Стр.
Договорная Новгорода съ кн. Ми- хиломъ	1009	Неурожай въ 1422 г.	1047
Торговый договоръ Полоцка съ Рюгой	1011	Жалованная Троицкому Сергіеву мон.	1048
Грамота Калиты на Двиню	1012	Возныя послушныя грамоты	1049
Жалованная сокольникамъ	1013	Заемная и закладная	1050
Грамота Кестутія и Любарта	—	Даннал Московс. Успенскому собору	1051
Жалованная Ярославскому мон.	1014	Показаніе Микулиничча	1052
Закладная Власья	1015	Денежное дѣло въ Новгородѣ	—
Духовная вгумена Василія	1016	Жалованная Чухломскому мон.	1054
Три купчія	1017	Купчая Кирилова мон.	1056
Жалованная Отрочу монаст.	1019	<i>Б. Памятники народной по- эзи:</i>	
Жалованная Евсееву	1021	Сказаніе о Щиловѣ мон.	1055
Духовная Остафья	—	Стихъ о Есериѣ	1059
Жалованная Андрею Фрязину	1025	Олегъ Святославичъ	1065
Духовная Дмитрія Донскаго	—	Микула Селяниновичъ	1067
Уставная Кириана	1033	Садко богатый	1070
Жалованная Спасскому монаст.	1035	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочи- неній:</i>	
Жалованная Толгскому монаст.	—	Торговля древней Руси. <i>Карам- зина</i>	1073
Обводная записъ	1036	Объ имуществѣхъ рус. духовенства	
Купчая Червоново-русская	1037	<i>Вл. Милютинъ</i>	1076
Жалованная Сологичинскому мон.	1038	О поземельномъ владѣніи. <i>Н. Бл- лева</i>	1102
Жалованная Савво- сторожескому мон.	—		
Договорная Полоцка съ Рюгой	1041		
Таможенная Молдавскаго господара	1043		

VIII. Областная борьба и возвышеніе Москвы.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Договорная Новгорода съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михай- ловичемъ 1327 г.	1184
Племена славянскія	1123	Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ	1186
О народѣ русскомъ изъ Синописа	1127	Борьба Москвы съ Рязанью 1371	1187
Смерть Игоря и месть Ольги	1132	Борьба Новгорода съ Тверью 1372	1188
Убіеніе Бориса и Глѣба	1137	Борьба Москвы съ Тверью 1375	1191
Ослѣпленіе Василька	1142	Договорная в. кн. рязанскаго Оле- га Изъ съ в. кн. Дмитріемъ Изъ и братомъ его кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1381	1193
Борьба между князьями 1146 г.	1155	Подчиненіе Нижняго Новгорода Мо- сковѣ	1196
Переговоры съ Володимиркомъ	1159		
Борьба Новгородцевъ съ Суздаль- цами	1162		
Междоусобія въ Рязани	1166		
Борьба города Владиміра съ Ряза- нью 1207	1168		
Липицкая битва	1171		
Междоусобія во Владиміръ	1182		

	Стр.
Борьба Москвы съ В. Новгородомъ	
Подчинение Суздаля Москвѣ	1204
Изъиманіе московскаго князя въ	
Троицкомъ мон. 1446 г.	1205
Посланіе Ювы Вятчанамъ	1209
Усмирение Новгорода московскимъ	
княземъ	1211
<i>Б. Народныя преданія:</i>	
Сказаніе о началѣ Москвы	1213

	Стр.
Пророчество о Москвѣ святителя	
Петра	1219
Былина о Васильѣ Буслаевѣ	1220
<i>В. Статьи изъ новыхъ со-</i>	
<i>чиненій:</i>	
Взглядъ на древне-русскую исто-	
рію. <i>Н. Полеваго</i>	1223
Единство русской земли при обла-	
стной раздробленности. <i>К. Ак-</i>	
<i>сакова</i>	1234

IX. Борьба Руси съ разными племенами и народами.

1. Степняки

<i>А. Памятники письменные:</i>		Нашествіе Боняка 1255	
Авары, Хозары и Печенѣги . . .	1243	Походъ Игоря на Половцевъ . . . 1256	
Набѣгъ Печенѣговъ 992 г. . . .	1246	<i>Б. Памятники народной по-</i>	
Осада Бѣлгорода	1248	<i>эзы:</i>	
Косогы.	1250	Слово о полку Игоревѣ 1265	
Половцы	—	Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ. . 1278	
Борьба съ половцами	1251		

2. Волжскіе Болгары

<i>А. Памятники письменные:</i>		Отношенія къ Болгарамъ въ XIII в.	1291
Сношенія и борьба съ Болгарами .	1285	Битва съ Болгарами и казанскими	
Побѣды надъ Болгарами	1287	Татарами	1293

3. Татары.

Битва при Калкѣ	1305	Нашествіе Тохтамыша	1361
Нашествіе Батый	1301	Крещеніе Татаръ 1300 г.	1373
Побойще Батыево	1307	Нашествіе Тамерлана	1374
Сказаніе о татарахъ. <i>Плано-Кар-</i>		Нашествіе Едигея	1380
<i>пини</i>	1312	Посланіе Едигея	1385
Ковчина кн. Михаила въ Ордѣ . .	1316	Плѣненіе г. Владимира Талычемъ .	1387
Даніилъ Галицкій въ Ордѣ	1322	<i>Б. Памятники народной</i>	
Возстаніе противъ Татаръ 1262 г. .	1324	<i>позны:</i>	
Убіеніе кн. Романа	1325	Отъ чего перевелись витязи на св.	
Житіе Петра ордынскаго	1326	Руси	1387
Сказаніе о Михаилѣ тверскомъ . .	1337	Щелканъ Дуденъевичъ	1389
Житіе Александра тверскаго	1349	Илья и Батый	1391
Битва съ Араишей	1352	Изъ ищешовній въ честь Меркурія	1396
Слово о Задонщинѣ	1354	Легенда о Егорѣ и Татарахъ . .	1398

4. Племена Финскія

	Стр.		Стр.
Борьба съ Финнами въ XI и XII в.	1401	Борьба съ ними въ XIV в.	1407
Борьба съ ними въ XIII	1404	Мордва	1408

5. Нѣмцы и Шведы.

Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ		Борьба съ Шведами въ XIV в.	1425
и Шведамъ.	1411	Борьба съ Нѣмцами	1427
Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ.	1412	О королѣ Магнусѣ	1428
Борьба съ Шведами.	1421	Рукописаніе Магнуша.	1430
Договоръ Новгорода съ Шведами		Борьба съ Нѣмцами.	1432
1323 г.	1423	О томъ же	1434

6. Латышскія племена.

Ятвяги.	1437	Подчиненіе Смоленска Литвѣ.	1459
Отношеніа Руси къ Ятвягамъ	1441	Нашествіе Витовта на Псковъ	1460
Литовскія вѣрованія	1443	Тоже	1462
Борьба съ Литвой.	1445	В. Статьи изъ новыхъ со- чиненій:	
Сказанія о кн. Довмоутѣ.	1446	Слѣдствія татарскаго нашествія.	
Гедиминъ.	1450	В. Стоюнина.	1465
Казимиръ.	1451	Куликовская битва. Н. Костома- рова	1474
Походъ Ольгерда на Новгородъ	1452	О литовскомъ княжествѣ. Кояло- вича	1494
Первый походъ его къ Москвѣ	1453		
Второй походъ.	1455		
Битва подъ Мстиславлемъ	1456		
Лѣтъ перемиріиый тверскаго кн.			
Бориса съ Витовтомъ	1457		

Указатель древнихъ памятниковъ въ хронологи- ческомъ порядкѣ	1509
Указатель памятниковъ по родамъ и видамъ	1511

1. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

1. Нравы и обычаи Славянъ.

Имяху бо обычаи свои (*Славяне*) и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо (*каждое племя*) свой нравъ.

Поляне (*Киевляне*) бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имѣху; брачныи обычаи имяху; не хожаше зать по невесту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдалуче ⁽¹⁾. А *Древляне* живяху зпериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, по *умыкиваху* ⁽²⁾ у воды дѣвicia. И *Радимичи*, и *Вятичи*, и *Сѣверь* (*Сѣверяне*) ⁽³⁾ однихъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто; срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; брацѣ не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища,

на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съзѣщашеся (*соглашался*); имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху *трызну* ⁽⁴⁾ издѣ нимъ, и по семъ творяху кладу (*костерь дровъ*) велику, и въложашуть и на кладу мертвенца, сожжяху, а по семъ собравше кости, вложяху въ суну (*посуду*) малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Ся же творяху обычаи *Кривичи*, прочіи поганіи, не вѣдуще закона божья, но творяще сами собѣ законъ...

(Лаврент. списокъ лѣтописи, помѣщенный въ Пол. Собр. Рус. Лѣтоп., изд. Аракеотр. Ком. т. I, стр. 6).

См. также „Лѣтопись Несторова по древнѣйш. сп. мнѣху Лаврентія“, изд. Профес. Тимковскаго. М. 1824, списокъ Радзвильонскій въ Рос. Историч. Библ., изд. Акад. Н. I. 1767. Свѣдѣн. Времен. въ Пол. С. Лѣт. V. 84—155. Воскресенск. списокъ. Тамъ же т. VII, 260—345.

Лаврентьевская лѣтопись получила название свое отъ имени писца монаха Лаврентія, который переписалъ ее въ 1577 г. и этотъ списокъ доселѣ считается древнѣйшимъ. Въ немъ заключается первоначальная лѣтопись, которая приписывается преп. Пестору (до

⁽¹⁾ Т. е. съ вечера приводили невесту, а на другой день приносили приданое. Позвала лѣтописца обычай Полянъ или Киевлянъ и униженіе другихъ племенъ справедливо считаются пристрастными, п. ч. лѣтописецъ писалъ въ Кіевѣ.

⁽²⁾ Умыкать—умчать, увести, похитить.

⁽³⁾ О разныхъ племенахъ Славянскихъ см. въ этой Христоматіи далѣе.

⁽⁴⁾ Трызна—языческіе похоронные и поминальные обряды.

1110 г.) и летопись Суздальская (с 1112 до 1505 г.), сохранившая преимущественно события Ростовской, Владимирской и Суздальской областей. **Временник Нестора**, современный **Зонару** и **Косму Пращскому**, и предварительный **Гельмольда** и **Кадлубека**, составляют первоначальный памятник отечественного летописания, но справедливости пользующийся всемирною известностью. Он проливает свет на глубокий слезь IX, X и XI столетий, и вьясняет бытие Руси попростотой сказаний о ея происхождении и сообщает сведения о дьявлях древних князей, на пространство ея, непосредственно следованит за эпохою государственнаго возрожденія. Это—священная книга народа.

Летопись составлена из народных преданий, статей греческих хроник, отдельных повестей о частных лицах, напр. о **Кирилле** и **Меводіи**, **Борисе** и **Глебѣ**, ослеплении **Василька**, из поученій и летописных замѣток современников, которых можно видѣть до 986 и 1034 г. (Лавр. 8).

О русских летописях можно читать слѣд. статьи и сочиненія: **Несторъ**, рус. летописи на древне-славянск. яз. **Авг. Шлегера**, въ перел. **Львова** 1809—1819. 3 ч. Издѣл. занят. и лекція **М. П. Погодина** 1. 91—97; IV. 1—70. Оборона летописи **Нестора П. Буткова**. Спб. 1840. О **Несторѣ** и его продолжателяхъ. **Н. Б—ва**. Вѣстн. Евр. 1810. ч. 53, № 20, стр. 279; ч. 53. Сынъ Отеч. 1834, CLXVIII; 1835, CLXIX и CLXX. Вѣстн. Евр. 1811. ч. 59, № 18, стр. 19, 106; 1809, ч. 48, № 18, 133. О малой древности, первоначальномъ состояніи и вѣсточинахъ нашей летописи. **С. Стресса** Спб. 1834. О летописяхъ статьи во **Временникѣ**, кн. 1. 2. 3. 5. 7. 13. Историко-критич. разсуд. о началѣ рус. летописей. **М. А. Погодина**. М. 1839. Рус. Истори. Сборн. IV. О рус. летописяхъ и летописателяхъ по 1240 г. **В. Переплюнина**. Спб. 1836. О летописяхъ **Полынова**. Уч. Зап. Акад. П. 1, 59. Ж. Мин. Народ. Просв. XVIII. 1. Библіографич. обзоръ рус. лѣт. **Полынова**. Спб. 1850. О **Несторѣ**. **П. С. Казанскаго**. От. Зап. 1854, LXXIV, 8, с. 80. О значеніи рус. летописи въ духовн. развитіи народа. **Клеванова**. Чт. общ. 1848, кн. 1. О древней летописи, какъ памятн. литературномъ. **М. Н. Сухомлинова**. Уч. Зап. 2 отд. Англ. III. Ист. Рос. С. М. **Соловьева**. III. 116. 133. IV. 371—84. Замѣтки **Н. Н. Срезневскаго**: Изв. Акад. П. 23, 26. 77. О южно-рус. летописи. **П. Бѣлозерскій**. II. **Н. Костомарова**. От. Зап. 1857, CX, II. 114—23. Рус. Бесѣда 1857, III. 45. Лекція по Рус. Ист. **Костомарова**. Спб. 1861. Взглядъ на летописи. Прав. Собес. 1859, II. 45. 414; 1860, I. 385; II. 46. 176. Духъ Христан. 1861, № 2. 3. Чт. общ. Ист. Голъ 2-й. V. О преданіяхъ въ древне-рус. летописи. **Сухомлинова**. Основа. 1861, № 7. О составѣ рус. летописи до конца XIV в. **Беспухова—Рюкина**. Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1868, IV кн.

и отдѣльно. По вопросу о первыхъ рус. летописцахъ. **А. Разсудова**. Моск. Унив. изд. 1868, № 9.

2. Извѣстія о Славянахъ начала X вѣка.

Славяне не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашень. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ купшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для ичель и собирается медъ пчелыный. Зовутся эти кусшны *улими* и заключаютъ въ себѣ каждый около 10 кружекъ меду. Раздѣленіемъ свиней занимаются они, равно какъ другіе овцеводствомъ⁽¹⁾. Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, она сожигаютъ трупъ его. Женищины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ пожемъ руки и лица. На другой день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ за тѣмъ на холмъ. Черезъ годъ, по смерти покойника, берутъ купшиновъ 20 меду, иногда нѣсколько больше, а иногда меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственный покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было 3 жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приносятъ къ трупу его 2 столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи: тогда скамью вытаскиваютъ изъ подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ея бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгораетъ.

Всѣ Славяне—огнипоклонники. Хлѣбъ наиболѣе ими воздѣлываемый—просо. Въ

(1) Мусульманка, которую запрещада резня употребленіе свинины, поражадо это обстоятельство.

пору жатвы кладутъ они просыпаны зерна въ ковши, поднимаютъ его къ небу и говорятъ: „Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ!“ Есть у нихъ разнаго рода лютии, гусли и свирѣли; послѣдняя длиною въ два локтя, лютиа же ихъ осмипетрунная. Хмѣльной напитокъ приготавливаютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному, взявъ его къ себѣ. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣть только одинъ человѣкъ (?). Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ...

Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ рогъ погребѣ, который покрываетъ деревянною острокопечною крышею, какія видны у христіанскихъ церквей, и на крышу эту накладываютъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и ввозятъ изъ скова дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе на огнѣ до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водою, отчего распространяется паръ, нагревающий жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до самой весны...⁽¹⁾

Когда у кого изъ Русъ родится сынъ, отецъ новорожденнаго беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: „Не оставлю въ наследство тебѣ никакого имущества: будешь пить только то, что приобретешь себѣ этимъ мечемъ...“ Единственный промыселъ ихъ—торговля соболями, бѣлочками и другими шкурами, которые и продаютъ они же-

лающимъ; плату же получаемую деньгами, завязываютъ накрѣдко въ полса свои. Съ рабами обращаются хорошо... Гостиамъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его... Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ царю, предъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

Есть у нихъ, изъ среды ихъ, *врачи* (*жрецы*), имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто онъ начальникъ ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву тварицу ихъ, что онъ вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ,—не исполнить приказанія его нельзя никакимъ образомъ. Взявъ чловека или животное, врачъ накидываетъ ему петлю на шею, навѣшаваетъ жертву на бревно и жметъ, пока она не задохнется. Тогда говорятъ: „вотъ это—жертва Богу...“ Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то вынашиваютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, со-

(1) Очевидно, здѣсь описываются зелинцы, которые устраивали наипрѣдѣ для бань, а иногда и для жилья. См. ниже преданіе объ Андрѣй Первозванномъ.

суды съ наситками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверзтіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

(Извѣстія арабс. писателя Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона 1869 г. стр. 28—40).

Обратить вниманіе на языческій бытъ Славянъ. — Съ другими арабскими писателями о Россіи можно познакомиться изъ сочиненій *Френа Ibn-Fozslans und anderer Araber Berichte...* Сиб. 1822, также *Шармуа Memoires de l'Academie Imper. des Sciens de St. Peterb. 1834, VI. 317; Адватуна* Объ иностранныхъ путешественникахъ по Россіи М. 1866.

3. Объ Андрей Первозванномъ.

А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жереломъ⁽¹⁾, еже море словоетъ Руское, по нему же училъ св. Овдѣрь, братъ Петровъ. Овдѣрю учаще въ Синопіи и пришедшу ему въ Корсунъ (*Херсонъ*), увидѣ, яко изъ Корсуна близъ устья днѣпрское, въскотѣ повти въ Римъ, и приде въ устье днѣпрское; оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ (*зверхъ*) и по приключаю (*случаю*) приде и егда подѣ герамъ на берегѣ. Заутра вѣставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіаетъ благодать божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать.“ Въшедъ на горы сія, благословія я, постави крестъ, и помоливъсѣ Богу и съѣзъ съ горы сея, идѣже посѣлѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Слобѣни, идѣже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычая имъ, и какъ ся мыють, хвощутся (*парятъ въ мычелѣ*), и удивилъ

(¹) Понетское — Черное море. Жереломъ — жерло, устье.

имъ. Иде въ Варяги и приде въ Римъ, исповѣда, елико (*скольско*) научи и елико видѣ и рече имъ: „дивно видѣхъ Словенскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ банн древены, и пережгутъ е рамяно⁽¹⁾, совлукутся и будутъ нази, и обяжутся квасомъ успіянымъ⁽²⁾, и возмутъ на ся (*себѣ*) прутье младое, бьются сами и того ся добыють, егда влѣзутъ ля (*еле*) живи, и обяжутся водою студеною, тако оживутъ; и то творять по вся дни немучилии викпѣже, но сами ся мучать, и то творять не мовенне собѣ, а мученне.“ Тѣ слышаще дивляхуса; Овдѣрь же бывъ въ Римѣ, приде съ Синопію.

(П. Собр. Лѣт. 1, 3—4).

Объ апостолѣ Андрей см. „Изсѣда. объ ист. и древн. Херсонеса Таврич.“ Кіев. Сиб. 1848.

4. Крещеніе св. Ольги и характеръ Святослава.

а. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463⁽³⁾ (955). Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь инянемъ Цѣмьскѣ; и приде къ нему Ольга, и влѣзъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъ ся царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: „подобно еси царствовати въ градѣ съ нами.“ Она же разумѣвши рече ко царю: „азъ погана есмь (*язычница*), да аще мя хоцешши крестити, то крести мя самъ; аще ни, то не крещося,“ и крести ю царь съ патрархомъ. Просвѣщена же бывъши, ра-

(¹) Накалять пѣхъ до красна.

(²) Уснѣ — кожа; квасомъ кислымъ, которымъ отквашиваютъ опшны.

(³) Токал форма означенія годовъ доказываетъ, что первоначально дѣлали таблички годовъ и подлѣ ними отмѣчали достойное памяти, пропуская годы, когда не случалось ничего замѣтельнаго.

довашеся душою и тѣломъ; и поучи ю патрархъ о вѣрѣ, рече ей: „благословена ты въ женахъ рускихъ, яко возлюбилъ свѣтъ, а тѣмъ остави; благослови ти хотать сынове рускіи въ послѣдній родъ вникъ твоихъ.“ И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаніи тѣла чиста: она же поклонивши главу, стояше аки губа напаяема выпивающа ученья; поклонившися патрарху, глаголющи: «молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти непріязни.» Въ же речено имя ей во крещеніи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. Благослови ю патрархъ, и отпусти ю. И по крещеніи возва ю царь и рече ей: «хощю ты пояти собѣ жевѣ.» Она же рече: «яко хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестіанехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси.» И рече царь: «переклюкала (*перехитрила*) мя еси, Ольга;» и дасть ей дары многи, злато и серебро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерею собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патрарху, благословенъя просиши на домъ, и рече ему: «люде мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякаго зла.» И рече патрархъ: «чадо вѣрное! во Христа крестилася еси и во Христа облечеся. Христосъ ямать схранити тя; якоже схрани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давида отъ Саула, 3 отроци отъ печи, Данила отъ вѣтрівъ, тако и ты избавишь отъ непріязни и отъ сѣти его;» благослови ю патрархъ, и иде съ миромъ въ свою землю и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ, приде царица Еѳіопская къ Соломану, слышати хотяща премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамяща: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божьей, но

она человѣчески, а си божья. Ищущи бо мудрости обрящють. Премудрость на исходящихъ поется, на путехъ же дерзновенье водить, на краяхъ же забральныхъ (*на крепостяхъ*) проповѣдаетъ, во вратѣхъ же градвыхъ держаючи глаголетъ; елико бо лѣтъ незлобиви держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ вѣрста блаженная Ольга искаше мудростью все въ свѣтѣ семъ, налѣзе (*нашла*) бисеръ многотѣльныхъ, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслаждаетъ душу; и приложивши сердце твое въ разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищущи мене обрящють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не изведу вонъ. Си же Ольга приде Киеву и присла къ ней царь греческій, глаголя: «яко много дарихъ ты; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возвращаюся въ Русь, многи дары прислю тв, челядь, воскъ и скѣру⁽¹⁾, и вонъ въ помощь.» Отвѣщаяши Ольга и рече къ слову: «аще ты,» рыца, «такоже поставиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду⁽²⁾, то тогда ти дамъ» — и отпусти слы (*послы*) съ рекъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть и мати креститися, и не брѣжаше того ни во уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не брѣваху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестіянска уродство есть; не смыслиши бо, ни разумѣти во тѣмъ ходящи, и не вѣдять славы господня, одобѣлаша бо сердца ихъ, ушиа тяжко слышати, очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече отъ разума; но веже звахъ вы я не послушасте мене, прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя свѣты, моихъ же обличеній не внимасте; възненавидѣша бо пре-

(1) Челядь — рабовъ, скѣру — шкуры, мѣла, оттуда сл. скорнякъ.

(2) Суду — гавань цареградская.

мудрость, а страха господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати съвѣтъ, подражаху же мои обличенья. Икоже бо Ольга часто глаголаше: «азъ, сыну мой, Бога познавъ и радуясь; аще ты познаеши, и радоваться почнешь.» Олѣ же не внимаше того, глаголя: «како азъ хочу нѣтъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣяться начнеть.» Она же рече ему: «аще ты крестинися, вси имуть тоже створити.» Олѣ же не послуша матере, творяше норовы (*обычани*) поганьскія, не вѣдый, аще кто матере не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; яко же рече: аще кто отца, ли матере не поестушаетъ, но смерть приметъ. Се же ктому гибавшеся на матеръ. Соломанъ бо рече: кажай злыя пріемлетъ собѣ досаженъе, обличаяй нечестиваго поречеть себе; обличенья бо нечестивымъ мозолье суть; не обличай злыхъ, да не възненавидятъ тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рыкуши: «воля божья да будетъ; аще Богъ хошетъ помилувати рода моего и землѣ Рускіѣ, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова.» И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его.

б. Въ лѣто 6464. Въ лѣто 6465. Въ лѣто 6466. Въ лѣто 6467. Въ лѣто 6468. Въ лѣто 6469. Въ лѣто 6470. Въ лѣто 6471. Въ лѣто 6472 (964). Князю Святославу възрастѣю и възмужавшю, нача вои совокупляти мнози и храбры, и легко ходя аки пардусъ (*леопардъ*), войны мнози творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни когыла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ псепекъ адыше, ни шатра вѣяше, но подъкладъ (*войлокъ*) поставъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочіи вои его вси блху. Посылалъ къ странамъ глаголя: «хочю на вы ити»...

в. Въ лѣто 6477 (969). Рече Свято-

славъ къ матерѣ своей и къ бояремъ своимъ: «нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславѣ на Дунаѣ, яко то есть середѣ въ земли моеѣ, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злаго, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ (*Венгровъ*) серебро и комови (*кони*), изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь.» Рече ему Волга: «видиши мя больное сущю, камо (*куда*) хоцещи отъ мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже, рече же ему: «погребѣ (*схоронивъ*) мя, иди же аможе (*куда*) хоцещи.» По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великимъ. Несомъ и погребомъ ю на мѣстѣ; и бѣ зановѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутерь⁽¹⁾, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія крестьянѣтѣи земли, аки денница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоувѣчѣхъ свѣташеся аки бисеръ въ (*грязи*) калѣ; калыи бо бѣша, грѣхъ не омовеша крещеньемъ святымъ. Си бо омыся кудѣлюю святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго челоувѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Хрестоу...

(II. Собр. Лѣт. 1, 25—29).

5. Идоли языческіе.

И нача княжити Володимѣръ въ Кіевѣ единъ (980), и постави кумиры (*идолы*) на холму вѣвъ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ⁽²⁾, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Жря-

(1) Языческихъ похоронныхъ и поминальныхъ образъ не дѣлать, п. ч. имѣла священника.

(2) Изъ этого уса злата поздніе лѣтописцы, Герберштейнъ и польскіе историки сдѣлали бога Усада.

ху (*приносили жертвы*) имъ, наричюще я боги, приножаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверляху землю теробами (*жертвами*) своими, и оскверниша кровью земли Руска и холмъ — отъ. . . Володимеръ же посади Добрыню уя (*дядю*) своего въ Новѣгородъ; и пришедъ Добрыша Новгороду, постави кумира падъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье новгородетѣи аки Богу.

(*Лавр. 34*).

6. Русскіе первоученики.

Въ лѣто 6491 (983). Идо Володимеръ на Явѣгѣ, и побѣди Явѣгѣ и взъ землю ихъ, и иде Клеву, и творяше потребу кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боллре: нчемъ (*бросаемъ*) жребия на отрока и дѣлаю; на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, вдеже есть перкви Святая Богородица, юже сѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ тѣ приимель изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ оу него сынъ красель (*красивъ*) лицевъ и душею, на сего паде жребия по завети дѣлаюли. Не терпящеть бо дьяволъ, власть имыи падо вѣзмъ, и се блещеть ему аки торнъ в сердци, тыщашеся (*старался*) потребити оканьныи и наустити (*подучилъ*) люди. Рѣша пришедше посланни к нему: яко паде жребия на сынъ твой, изволиша бо и бози *соби*; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: «не суть бо бози, но древо; днесь есть, а оутро изгниеть; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, омуже служатъ Грьци и кланяются, иже створиъ небо, и землю, звѣзды, и лузу, и солнце, и челоуѣка, далъ есть ему житъ на земли: а сп бози что сѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.» Они же шедше повѣдаша людемъ; они же

вземше оружье, поидоша на нъ, и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: влад сына своего, да влады богомъ. Онъ же рече: «аще еуть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?» И кликнуша и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побияша я, и не свѣсть никоме, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда челоуѣци невѣголови (*не-вѣжы*) и погани; дьяволъ радовашеся сему, невѣдыи, яко близъ погибель хоташе быти ему. Тако бо тыщашеся погубити родъ хрестеяньскыи, но прогонимъ баше хрестомъ честнымъ и в опѣхъ стравахъ; сде же мняшеся оканьныи: яко сде ми есть живяще, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Невѣдыи пророка глаголюща: и нарекъ не люди моя люди мои; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщающъ ихъ, и в конецъ вселенныя глаголю ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не еуть сде были, но оученья ихъ аки трубы гласятъ по вселенуи в церквахъ. Имыже оученьемъ побуждемъ противнаго врага, попирающе полъ нога; якоже попраста и си, приимше вѣнецъ небесныи съ святыми мученики и праведники.

(*Изъ Тимков. 50—51. II. Собр. Лѣт. 1, 35*).

7. Испытаніе вѣры.

Въ лѣто 6494 (986). Придоша Болгары вѣры Бохмичъ (¹), глаголюще (*Владимиру*): яко ты князь еси мудръ и смыслеть, не вѣси закона; по вѣруи в законъ нашь, и поклонися Бохмичу. И рече Володимеръ: како есть вѣра вапа? Они же рѣша: вѣруемъ Богу, а Бохмичъ ны оучятъ, глаголя: святины не ясти,

(¹) Магометовой, мусульманской.

вина не пия; дасть Бохмѣ комуждо по семидесять жець красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту нѣложитъ на едину, та будетъ ему жена; Володимѣрь же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любилъ жены, послушаше сладко; но се ему бѣ нелюбю, и о неядебѣ мясь свинныхъ, а о натыи отпуща; рѣка: *Руси естѣ веселье питье, не можемъ безъ того быти.* Потомъ же придоша Нѣмци глаголюще: придохомъ послания отъ папежа (*паты*); и рѣша ему: рекъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся и Богу, иже створи въ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всяко дыханье, а бози ваша древо суть. Володимѣрь же рече: кака заповѣдь ваша? они рѣша: пощенье по силѣ; аще кто пьетъ или ястъ, то все въ славу божью, рече оучитель нашъ Павелъ. Рече же Володимѣрь Нѣмцемъ: *идѣте опять, яко отци наши сего не прияхи суть.* Се слышавше Жидове Козарьстия придоша, рекуще: слышахомъ, яко приходима Болгаре и Хрестяне, оучаще тя кѣмъ (*каждый*) вѣръ своею; Хрестяне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу авраамову, исакову, яковлю. И рече Володимѣрь: что есть законъ вашъ? они же рѣша: обрѣзати, свинины не ясти, ни заячины, субогу хранити. Он же рече: *то гдѣ есть земля ваша?* они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Овъ же рече: *то тамо ли естѣ?* они же рѣша: разгнѣвася Богъ на отци вашихъ, и расточа ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестяномъ. Он же рече: *то како вы имѣхъ оучите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чужимъ землямъ; еда намъ то же мислите прияти?*

Посемъ же припаша Грьци къ Воло-

димѣру Философа, глаголюще сице: слышахомъ, яко приходима суть Болгаре, оучаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть проклѣти рече всѣхъ челоуѣкъ, оуподобившеся Содому и Гомору... Слышахомъ же и се, яко приходима отъ Рима поучити васъ к вѣрѣ: своей, ихъже вѣра маломъ с нами развѣращена (*малымъ отъ нашей разнится*); служить бо оупрѣноки, рѣкше (*т. е.*) оидати, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити... Рече же Володимѣрь: придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: *яко Нѣмци и Грьци вѣрують, и егоже мы распяхомъ.* Философъ же рече: выступи въ того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии, распату быти, и погребену, а 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же пророки избиваху, друзии претвараху. Егда же сбытѣся прореченье сихъ съиде на землю, и распятѣ црпя, и въскресъ, на небеса взиде: на сихъ же ожидаше покаянья за 46 лѣтъ, и не покаышася и посла на ны Римляны, грады ихъ разбиша, и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ. Рече же Володимѣрь: *то что ради сниде Богъ на землю, и страсти такою приимъ?* отвѣщавъ же Философъ рече: аще хоцеша послушати, да скажу ти изъ начала, чѣмъ ради сниде Богъ на землю. Володимѣрь же рече: послушаю радъ ⁽¹⁾.

В лѣто 987. Созва Володимѣрь бояры своя и старци градскыи, и рече имъ: се приходима ко мнѣ Болгаре, рекуще: приими законъ нашъ; посем же приходима Нѣмци и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свои же хваляще и много глаголаша ска-

(1) Далѣ въ лѣтописи изложена свѣдѣніе исторія отъ сотворенія міра, какъ написано въ *Псалмѣ*, книгѣ древностей, отъ греч. *патриархъ* — древній.

зающе отъ начала миру, о бытии всего
мира; сущъ же хитро сказующе, и чудно
слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ,
и другии свѣтъ повѣдають быти: да аще
кто, дѣти (*де*), в нашу вѣру ступитъ,
то паки, оумертъ, станеть и не оумретъ
ему в вѣки; аще ли въ нѣтъ законъ сту-
питъ, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣ-
ти: да что оума придасте? что отвѣщаете?
И рѣша бояре и старци: *внѣси, княже,*
яко своего никтоже не хулитъ, но
хвалитъ; аще хочеша испытати гораздо,
то вшаши оу собе мужи; пославъ испы-
тати кождо ихъ службу, и како слу-
жить Богу. И блещетъ любя рѣчь князю
и вѣсѣмъ людемъ; избѣраша мужи добры и
смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣ-
те первое в Болгары, и испытайте пер-
вое вѣру ихъ. Они же поидоша, и при-
шедше видѣша скверныя дѣла и кланя-
нне и ршати (*капища*); придоша в зем-
лю свою, и рече имъ Володимеръ: идѣ-
те паки в Нѣмци, и съгладите такоже, и
отгудѣ идѣте въ Греки. Они же придо-
ша в Нѣмци, съгладивше церковную служ-
бу ихъ, придоша Царюгороду, и видоша
ко дарю; царь же испыта, коея радъ-
вины придоша, они же сповѣдаша ему
вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ
бывъ, и честь велику створи имъ во
тот же день. Наоутриа посла къ патреху,
глаголя сие: придоша Русь пытающе вѣ-
ры нашей, да пристрой церковь и кри-
лость, и самъ причинися въ святительския
ризмы, да видятъ славу Бога нашего. Си
слышавъ патрехъ, повелѣ создать кри-
лость, по обычаю створиша праздникъ, и
кадила вождоша, цѣнья и лики състави-
ша. И иде с ними въ церковь, и поста-
вила я на пространствѣ мѣстѣ, показую-
ще красоту церковную, цѣнья и службы
архирейския, предстоише дьяконъ, ска-
зующе имъ служенье Бога своего; они
же по изумлѣнны быше, оудивышеся, по-
хвалиша службу ихъ. И призваша е па-
ри Василии и Костянтинъ, рѣста имъ:

идѣте в землю вашу, и отпустиша я с
дары велики и съ честию. Они же при-
доша в землю свою, и созва князь бо-
лры своя и старца. Рече Володимеръ:
се придоша посланни наши мужи, да слы-
шимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажи-
те предъ дружиною. Они же рѣша: *яко*
ходихомъ в Болгары, смотрихомъ, како
ся поклоняють въ храмѣ, рѣкше в ршати,
стояще бес пояса; поклонився, са-
деть и глядитъ сѣмо и онамо яко бѣшегъ,
бо нѣсть веселья в нихъ, но печаль и
смердь великъ, нѣсть добро законъ ихъ.
И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ
храмѣхъ многи службы творяща, а кра-
соты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ
же въ Греки, и vedoша ны, идеже слу-
жать Богу своему, и на свѣмы, на небѣ ли ес-
мы были, ли на земли; нѣсть бо на земли та-
каго вида, ли красоты такая, и недооумѣемъ
бо сказати; токмото вѣмы, яко онъдѣ (*тамъ*)
Богъ с человеки пребываетъ, и есть
служба ихъ паче вѣсѣхъ странъ. Мы оубо
не можемъ забыти красоты тоя; всякъ
бо человекъ, аще оукусеть сладка, по-
слѣди горести не принимаетъ, тако и мы
не имамы сдо быти. Отвѣщавше же бо-
ляре рекоша: *аще бы михъ законъ*
греческий, то не бы баба твоя прия-
ла Олга, яже бы мудрѣиши всѣхъ
человѣкъ. Отвѣщавъ же Володимеръ, ре-
че: како крещенье приемѣте? они же ре-
коша: гдѣ ти любо.

(Изд. Тимковс. 52. 55 72—74.
П. Собр. Лѣт. 1, 36—46).

8. Крещеніе Руси 988 г.

Володимеръ же посемъ поемъ царпцю ⁽¹⁾
и Настаса, и доиы корсуньски с мощи
спятаго Клементя и Феоа, оученика его,
понма съсуды церковныя, иконы на бла-

⁽¹⁾ Анну, сестру царя греческаго, за мужъ
за себя.

гословенъ себѣ. Постави же церковь и Кореунъ на горѣ, юже съезыша средѣ града, крадуше приспу ⁽¹⁾, яже перкви стоить и до сего дне. Взя же, ида (идя), мѣдяны двѣ капища, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, якоже невѣдуше мнѣ я мрамарыны суща. Власть же за вѣно Грекомъ Кореунъ овать царипѣ дѣля ⁽²⁾, а самъ проиде Клеву. Яко пряде, повелѣ кумпры испроврещи (исповрещи), овы оскчи, а другия огневи предати; Перуна же повелѣ приязати коневн къ хвосту, и плещи съ горы по Боричеву иа Ручан. И мужа пристаби тети жезлиемъ (бить палками). Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше спитъ образомъ чловѣкъ, да възмездье принять отъ чловѣкъ, а поругаежъ. Влекому же ему по Ручаю к Дитиру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не биху приимъ святаго крещенья; и привлекише, вриуша и къ Дитиру. И пристаби Володимеръ, рекъ: еще где пристанеть вы, то отрѣжьте его отъ берега, доидеже пороги проидеть; то тогда охабитесь (бросите) его, оны же понелѣна створиша. Яко пустѣла и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ...

Посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголи: аще не обращеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли оубогъ, или нищъ, ли работникъ,—протвѣнь мнѣ да будетъ. Се слышавше людье, с радостию идяху, радующеся и глаголюще: *аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре приали*. Поуотря же нзиде Володимеръ с поцы царицы и с корсуньскими на Дитиру, и снисдеся бещисла люди; вѣзшоа в воду и стояху

⁽¹⁾ *Приспа*, т. е. ясынь, которую дѣлали Русскіе при осадахъ Кореуна, а Греки по почанію *крали*.

⁽²⁾ *Дѣля* — родъ царяцы, т. е. Анны, на которой женился Владиміръ; за нее и возвратилъ онъ Кореунъ въ видѣ *сына* (выкупа за невѣсту).

овы до шпе, а друзи до перспн (грудн), младнн же отъ берега, друзи же младн держаще, свершени же бродяху, попоше же стояще молитвы творяху. И баше си вѣдѣти радость на небесахъ и на земли, толяко душъ спасаемыхъ; а мѣволъ стени глаголаше: оувы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! оле бо мнѣхъ жпаше ямѣти, яко оле не суть оучении апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣхъ ихъ, иже служажу мнѣ; и се оуже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ (невѣждѣ), а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ; но имамъ оуже парствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, плоша кождо въ дому своя; Володимеръ же радъ бысть, яко позна Бога самъ и людье его, вѣрять на небо, рече: «Боже створивши небо и землю! призи на повѣля люди снѣ, и даждь ямъ, Господи, оувѣдѣти тебе истиннаго Бога, якоже оувѣдѣша страны хрестыанскы; оутверди и вѣру в нихъ праву и несоувратѣяу, я мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяса на тя пка твою державу, любѣжю козип его.» И се рекъ, повелѣ рубяти церкви и поставляти по мѣстамъ, идеже стояху кумпры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потреби князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и пошы, и люди на крещенье приводити по всемъ градомъ и селомъ. Послапъ нача понимати оу нарочитое чади ⁽¹⁾ дѣти, и дати нача на оученье книжное; матере же чадѣ сихъ плакахуся по нхъ, еще бо не биху ся оутвердили вѣрою, но акы по мертвецѣ плакахуся. Смы же раздаяномъ на оученье книгамъ, събытѣся пророчество на Русьѣи земли, глаголющее: по оны днѣ оудѣшптъ гласи словеса книжнн, и языкъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

⁽¹⁾ Знатныхъ людей.

Си бо не бѣша предѣ слышали словесе книжного, во не божью строю, и по милости споеа помилова Богъ, якоже рече пророкъ: помилую, егоже аще помилую. Помилора бо ны пакы бавею бытиа и обповѣщенъ духа, по изволеню божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Исусъ Христосъ, яже възлюбилъ насъ людемъ, Русскую землю, просвяти ю прощенемъ святыхъ.

(Изд. Тимков. 81—83. II. Собр. Лит. 1, 50—51. Здѣсь заимствовано изъ Христоматиі Ореста Ѡ. Миллера)

9. Новгородскій Перунъ.

Въ лѣто 6496 (988) прииде епископъ Іоакимъ, и трибуна разорилъ Перуна постыче, что въ Вел. Новѣградѣ стоялъ на Перуни, и повелѣлъ повалити въ Волховъ; и повязавше ужи (веревками), влечаху и по каду, бѣгоше жезлемъ и пихающе, и въ то время бѣгоше шлепъ бѣго въ Перуна и нача кричати: „о горе мнѣ! охъ! достался немилостивыхъ судиямъ симъ!“ — и вринуша (бросили) его въ Волховъ. Онъ же плывающе сквозѣ великій мостъ, верже палицу (палку) свою на мостъ, ею же безумнии убивающеся утѣху творягъ бѣгоше. И заповѣда никому же палити же не переняти его. И иде Подблявнишъ равно на рѣку, хотя горницы (горшки) везти въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, изъ бервы (1), и отрину его шестомъ, и рече ему: Перунище! досыгъ селъ въ и плакъ, а плыи прочь плыви—и плаы изъ свѣта некое (въ преисподнее окно), спрѣчь во тму крѣпшину.

(Новгородск. III лѣт. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III, стр. 207).

(1) Berme, Brème — закраина. Лиде Slownik t. 71 в Словари Далл.

Новгородскія лѣтописи напечатано въ Полн. Собрании Археогр. Ком. 4. Самая важная изъ нихъ 1-я лѣтопись, которая отличается болѣе древнимъ составомъ, чѣмъ друія лѣтописи, и необыкновенной силой, смѣлостью и энергіей выраженія. Она дошла до насъ въ спискѣ XIV в.

Вся Новгородскія лѣтописи изображаютъ древнее гражданское устройство Новгорода, дѣла церковныя, отличающіяся своеобразными чертами, союзы и раздоры Новгородцевъ съ князьями, войны съ Чудью, Шведями, Литвою, Ливонскими рыцарями и русскими областями, раннюю торговлю съ Европою (Данией, Готландомъ, Ганзой), внутреннея мѣстныя, народныя бѣдствія, напр. голодъ, морь, пожары и проч. Достоверность содержания лѣтописей происходитъ изъ самаго свойства матеріала, состоящаго или изъ сказаній, основанныхъ на вѣдомствѣ преданій, или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ записокъ людей, бывшихъ очевидцами описанныхъ въ нихъ событій. Начало Новгородскихъ лѣтописей положено весьма рано, именно не позже 4-й половины XI вѣка (II Новгор. 121; III Новгор. 210).

См. о писателяхъ 1-й Новгор. лѣтоп. Прозоровскаго. Ж. Мин. Нар. Просв. 1825. 7; Срезневскаго. Изв. Акад. 2-го отд. II; Погодина о Новгород. лѣт. Тамъ же, VI.

10. Крещеніе Новгородецъ.

Въ Новѣградѣ люди увидавше (990), еже Добрыня идетъ крестити, учиниша вече, и заклишася всѣ, не пустити во градъ, и не дати пдому опровергнути, и егда приидохомъ, они разметавше мостъ великій, изыдоша со оружіемъ, и аще Добрыня прельщенемъ и лагодными словы увѣщавая ихъ, обаче они не слышати хотѣху, и вывесше два порока великіе сомножествомъ каменя поставиша на мосту, яко на сущіе враги свои, вышгій же надъ жрецы Славянъ Богомилъ, сладкорѣчія рами нарече въ Соловей, псалми претя люду покоритися. Мы же стоимъ на торговой стражѣ, ходяхомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можяхомъ; по гдѣлющимъ въ вечестіи слово крестное, яко апостолъ рекъ, явился безуміемъ и обманомъ. И тако пребыхомъ два дни, нѣсколько сотъ крестл. Тогда ты-

сядкий новгородскій Угоняй, бѣдя всюду
вонялъ: лучше намъ помрети, неже боги
наша дати на поруганіе. Народъ же оныя
страны разсвирѣтѣвъ, домъ Добрыни
раззориша, имѣніе разграбиша, жену и вѣ-
кихъ отъ сродникъ его избиша. Тисяц-
кій же Владимировъ Путята, яко мужъ
смысленный и храбрый уготовавъ лодіа,
избравъ отъ Ростовцевъ пять сотъ мужей,
нощю перевезеся выше града на оную стра-
ну, и вшедъ во градъ выкому же пострегу-
шу; вси бо видѣвши чаяху своихъ воевъ
быти. Онъ же дошедъ до двора Угоняева,
оного и другихъ преднихъ мужей ятъ, и
абіе посла къ Добрынѣ за рѣку. Люде
же страны оныя услышавше сіе, собра-
шася до пяти тысящъ, остушиша Путяту
и бысть между ими сѣча зла. Нѣкіе ше-
дше церковь Преображенія господня раз-
меташа, и домы христіанъ грабляху. Па-
разсвѣтаніи Добрыня ео вѣсми сущими
при немъ приспѣ, и повелѣ у брега нѣ-
кіе домы зажещи, чимъ люди устрашены
бывше, бѣжаху огнь тупити, и абіе пре-
ста сѣчь. Тогда предніи мужи пришедши
къ Добрынѣ, просиша мира.

Добрыня же, собра вои, запрети гра-
бленіе и абіе идолы сокруши, древянныя
сожгоша а каменныя изломавъ въ рѣку
ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль
велика. Мужіе и жены видѣвше тоє съ-
воплемъ великимъ и слезами просяще за-
ны, яко за сущіе ихъ боги. Добрыня же
насмѣхался имъ вѣща: *что безумни со-
жальете о тѣхъ, которые себя обо-
ронить не могутъ! кую пользу вы
отъ нихъ чаять можете!*—и посла
всюду объявляя, чтобы или ко крещенію.
Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ,
иже при Владимірѣ воспитанъ, и бѣ вель-
ми сладкорѣчивъ, сей иде на торжвше,
и паче вѣсхъ увѣща. Идоша мнози, а не-
хотящихъ креститися, вонни влачаху и
крещаху, мужи выше моста, а женъ ниже
моста. Тогда мнози некрещеніи повѣда-
ху о себѣ крещеными быти, того ради

повелѣхомъ вѣсѣмъ крещенымъ кресты на-
шеѣ, опо деревянны, ово мѣдяны, и ка-
перовы (сіе видятъ греческое оловяны
испорченъ) на выю возлагати, а иже то-
го не имутъ, не вѣрити и крестити, и-
абіе разметанную церковь паки сооружимъ,
и тако крестя Путята, иде ко Кіеву.
Сего дѣля люде поносятъ Повгородцевъ:
*Путята крести мечемъ, а Добрыня
огнемъ.*

(Ист. Рос. Татищевъ. 1, 38—
40).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ лѣто-
писи Якимовской, сохранившейся въ сводной
лѣтописи Татищева. Название она получила
отъ перваго архієпископа новгородскаго Іоаким-
а. Долгое время ученые отвергали ея под-
линность и обвиняли Татищева, будто онъ
самъ написалъ эту лѣтопись; но въ последнее
время изслѣдованія показали, что Татищевъ
имѣлъ подъ руками списокъ Якимовской лѣто-
писи, хотя это не даетъ права приписывать
составленіе ея Іоакиму и вѣрять ея показан-
іямъ безусловно: ихъ можно принимать какъ
народныя преданія.

См. Изслѣдов. о Хронографѣхъ. Н. А. Иоанно-
ва. Изслѣд. о Якимовс. лѣтоп. Н. А. Лавровскаго.
Уч. Зап. Акад. 2 отд. II, вып. 4. В. Н. Тати-
щевъ и его время. Н. А. Попова. Архивъ Колачо-
ва 2, I, III, 45—40. Труды Кіевс. Акад. 1862,
N. 2, 197—228.

11. Слово о законѣ и благодати митроп. Иларіона 1051.

Благословенъ Господь Богъ израилевъ,
Богъ христіанескъ, яко посѣти и створи
избавленіе людемъ своимъ, яко не прѣ-
зрѣ твари своея до конца идолекимъ мра-
ченіемъ погибнути, но оправді прежде пле-
мя авраамле, скряжалми и закономъ; по-
следъ же Сыномъ своимъ вся языки спа-
се, евангелиемъ, и крещеніемъ, и вводя
въ обновленіе бытія, в жизнь вѣч-
ную.

Да хвалимъ убо и прославляимъ хва-
лимаго отъ ангелъ безпрестани, кланя-
ются херувими и серафими, яко призря
призрѣ на люди своя, и не солъ (не

посолю), не вѣстникъ, но Самъ спасе ны; не привидѣниемъ, придетъ на землю, но истинно пострадавъ за ны, къ живущимъ бо на землѣ челоуѣкомъ, и в плоти одѣв-ся придетъ, къ сущимъ же въ адѣ распя-тиемъ и в гробѣ положеніемъ сниде. Да обои—и живии, и мертвии—познають по-сѣщение свое и божіе прихождение, и разумѣють, яко есть живымъ и мер-твымъ, крѣпокъ и силецъ Богъ. Кто бо великъ, яко Богъ нашъ! тѣ еднѣ творяй чюдеса, положивый законъ, на проугото-вание истинны и благодати, да в немъ обожнеть челоуѣческое естество, отъ мно-гобожества идольскаго укланяясь, въ еди-ного Бога вѣровати. Да яко сысудъ сквер-ненъ челоуѣчество помывешъ водою зако-номъ и обрѣзаніемъ приметъ мѣтко; бла-годати и крещенья законъ бо, предтеча бѣ и слуга будущому вѣку, жизни ве-членной: яко законъ привождаше въ законъ къ благодѣтельному крещенью; крещеніе же прѣпущаетъ сыны своя на вѣчную жизнь... И что успѣ законъ, что ли бла-годать прѣжде закона, ти потомъ благо-дати; прѣжѣ стѣнь, ти потомъ истина, образъ же закону и благодати—Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сар-ра; работная прѣже, тѣ потомъ свобод-ная,—да разумѣеть иже чтеть... Кое бо причастіе, стѣнь съ истинною? и иудей-ству съ христіанствомъ? Отгнана бысть Агарь раба, съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ сынъ свободныя наслѣдникъ бысть отцу своему Аврааму; и отгнана быша Иудеи, и расточени по странамъ,—и ча-да благодатная христіани — наслѣдници быша Господу и Отцу. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцу въсиявшу, тако и законъ благодати являшися, и студенство ночное погыбе, солнечный теплотѣ землю сѣгрѣв-ши; и уже не гроздиться в законѣ чело-уѣчество, но въ благодати пространно хо-дитъ. Иудеи бо прі свѣщи законитѣй дѣ-лашу свое оправданіе; христіани же, при благодатѣвѣмъ солнцѣ свое спасеніе зи-

жуютъ... законъ бо прежде взнеся вмагѣ, и отъиде. Вѣра же христіанская по-слѣдъ являшися болши прѣвѣя бысть, и расплодися на множество языки, и хри-стова благодать всю землю исполни я, яко вода морская, покры ея обетшавшу завистью иудейскою, и по пророчеству Исаиу: ветха мимо идоша и новая вамъ пѣзвѣщаю... Сего ради приходя Іисусъ къ Іерусалиму, вхадѣвъ градъ, просле-звоя о немъ, глагола: яко аще бы разумѣлъ ты в день твой съ, аже к миру твоему, нынѣ же съкрыся отъ очю моею, яко придуть днѣ на тѣ, и обложатъ врази твои острогъ (крѣпость) о тебѣ, и обидуть тѣ всюду, и разби-ют тѣ и чада твоя в тебѣ, повеже не разумѣ посѣщенія твоего... Се оставля-етъ домъ вашъ пустъ, яко же и бысть. Приидетъ бо Римляне, илѣвшиа Іеруса-лимъ, и разбиша и до основанія его,—и іу-денство оттогѣ погыбе. и законъ посемъ, яко вечерняя заря погасе; и разсѣяна быша Иудеи по странамъ, да не вкушъ злое пребываегъ. Прииде бо Спасъ, и неприятъ бысть отъ Израйля, и по еван-гельскому слову: въ своя придетъ, и свои его не прияша, отъ языкъ же пріятъ бысть, яко же рече Іаковъ: и тѣ (той) чааніе языкомъ. Ибо и в роженія его волеся отъ языкъ прѣжде поклонившася ому, а Иудеи искахуть его убить, его же ради и младенца избѣша; и събысть-ся слово Спасово: яко мнози отъ востокъ и западъ придуть и возлягутъ съ Авра-амомъ, Исакомъ и Яковомъ во царствіи небеснѣмъ; а сынове царствія изгнани будутъ во тму кромѣшнюю..

Не могше бо закона стѣня удржати; по многажды идоломъ ся покланявше, како истинныя благодати удрѣжати уче-ніе! Но, ново ученіе, новы мѣхы—нолы языки, новое и облюдется, яко же и есть. Вѣра бо благодатная по всей зе-мли распрострѣся и до нашего языка русь-скаго доиде, и законное озеро пресше.

Евангельский же источник наводнився, и всю землю покрывъ, и до насъ продлв-ся. Се бо уже и мы съ вѣсми христиа-ми славимъ св. Троицу, а Иудей мѣ-чить; Христосъ славимъ бываетъ, а Иудей мноми (иѣмы?) языцы привидени, а Иудей отриновени... И уже не идолослужи-теле зовемся, христианами; не и еще без-надежныи, но уповающе жизнь вѣчную; и уже не капищъ съграждаемъ, но хри-стовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ, и дробимъ в жертву Богу и Отцу; и уже не жертвенныя кро-ве вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крове вкушающе спасаемся. Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ: въсхотѣ—и спасъ ны, и в ра-зумъ истинный приведе. Пустьъ бо и пре-исѣхши, земли нашей суми, вънезапну потече источникъ евангельский, напаяя всю землю нашу, якоже рече Исаия: и будетъ безводная въ блага, и в земли жадней источникъ воды будетъ; и быв-шимъ намъ слѣпымъ, истиннаго свѣта не-видаемъ, но въ лѣсти подлѣстѣй блуда-щемъ, ксему же и глухому отъ спасен-наго ученья,—помилова ны Богъ и въси-ляя на насъ свѣтъ разума, еже познати Его... Къ сему же и гугнахомъ языки нашими, моляще идолы, а не Бога сво-его и творца. Посѣти насъ человѣколю-бве божие, и уже не послѣдуемъ бѣ-сомъ, но ясно славимъ Христа Бога на-шего, по пророчеству: тогда скочитъ яко елень хромыи, и асень будетъ языкъ гу-гнивыхъ. И прѣжѣ бывшимъ намъ, аки звѣремъ и скотомъ, неразумѣющемъ дее-ницъ и шуйцъ, и земленыхъ прилежа-щемъ, и ни мала отъ небесныхъ попе-кушемся, посла и к намъ Господь запо-вѣди, ведуща в жизнь вѣчную... И тако страны суще, людѣ божии нарекохомся—и друзи божии нарекохомся, а не иудей-скы хулимъ, но христьянскы благосло-вимъ; не совѣта творимъ, якоже распяти,

но яко распятому поклонитися; не рас-пинаемъ Спаса, но руки к нему въздѣ-ваемъ; не прободаемъ ребръ, но отъ нихъ шемъ источникъ петлѣния; не трдесять сребра взимаемъ на немъ, но другъ друга и весь животъ тому прѣдающе; не таимъ воскресеня, но во вѣсхъ домахъ своихъ зовемъ: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ! Не глаголемъ, яко украденъ бысть, но яко възпсесся, идѣже и бѣ; не невѣруемъ, но яко Петръ к нему глаголемъ: ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго,—съ Фомаю: Господь нашъ и Богъ, ты еси,—с раз-бойникомъ: помни ны Господи, егда при-деши во царствѣ еси!...

Хвалитъ же похвалными глаголы рим-ская страна Петра и Павла, има же вѣ-роваша въ Иисуса Христа Сына божія, Асія и Ефесъ, Патмъ—Юана Богослова, Индіа—Фому, Егупецъ—Марка; вся стра-ны, гради, и людѣ чтутъ и славятъ ко-еждо ихъ учителя, иже научиша пра-вославитѣй вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по слѣдъ нашей малыи похвалами, вели-кая і дивнаа створшаго, нашего учителя и наставника, великаго *кагана* (князя) нашей земля—Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в свои лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрѣствомъ прослуша (*прослыла*) въ странахъ многихъ, и непоминаются нынѣ и словутъ. Не в худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Руской, иже вѣдома и слышима есть вѣсми концы земля. Сій славный, отъ славныхъ рождейся, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимиръ и въздрасть (*вы-росъ*), и укѣпивъ, отъ дѣтскыи младости, паче възмуждавъ кѣпостію, и силою сверша-яси мужьствомъ же и смысломъ прѣдѣлѣя, и единопержецъ бывъ земей своей, покоривъ подъ ся округныя (*окрестныя*) страны, овы миромъ, а непокоровыи мечемъ. И тако ему живушу в діи своя, и землю свою насущу правдою, мужьствомъ же и смы-сломъ, прииде нанѣ посѣщение Вышняго,

призрѣ намъ всемогущее око благаго Бога, я вселя разумъ в сердца его, яко разумѣти суету ядольскыя лести, и выискали единого Бога, створившаго всю тварь видимую и невидимую. Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнѣй земли греческѣй, христіановѣй же и сильнѣй вѣроу, како единого Бога въ трехъ (лицахъ) чтутъ и кланяются, како вѣдѣются силы, и чудеса и знаменна, како церкви людѣ исполнены, како вси (села) и гради благовѣрнѣй вси молитвахъ прележатъ, вси готови предстоять,—и си слышавъ, възвѣла сердцемъ, и возгорѣся духомъ, якоже быти ему крестянину и землякъ есть, еже и бысть, Богу тако изволившу и възлюбившу человеческое естество. Съявчечеся убо каганъ и с ризами ветхаго человека, сложи тлѣнныя, оттрясе прахъ невѣрства, и введъ в святую купель, породися отъ Духа и воды, въ Христа крестися, въ Христа облечеся, и изыде отъ купели, бѣлообразуяся; сытъ бывъ не тлѣнъ, яма приимъ вѣчно и імянито в роды и роды, Василій (¹), имже написася в кнѣги животныя в вышній градъ, і негнѣный Ерусалимъ. Сему же бывшу не доселѣ ставя подвига благовѣрія, ни о томъ токмо али сущую в немъ к Богу любовь, по подвижися паче и заповѣда по всей земли своей: крестити въ имя Отца и Сына и св. Духа, и ясно и всегласно—въ всѣхъ градѣхъ славится святѣи Троицѣ и всѣмъ быти крестяниномъ, малыимъ і великимъ, рабомъ и свободнымъ, убоимъ і старымъ, богатымъ и убоимъ. И не бысть ни единого же противишесе, благочестному его повелѣнію; *да еще кто и не любовью, но страхомъ повелѣнашаго крещашуся*; повеже бѣ благовѣріе его съ властью съпржено, и въ единое время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ св. Духомъ.

Тогда пачать мракъ идолецкый отъ насъ

отходяти, и заря благовѣрія всплещь; тогда тма бѣсовскаго служенья погыбе, и солице евангельское землю нашу осяя; капища разрушишася и церкви поставляються; идоли скрушаются и іконы святыхъ являхуся, бѣси побѣгаху; крестъ грады освѣщааше, и пастыри словесныхъ овецъ христовъ стада, епископи и презвитеры, и диаconi бескиверную жертву възносяще, и оъ въпросъ украсиша в лѣпоту и одѣша св. церкви. Апостольская труба и евангельскій громъ вся грады огласи, темпанъ (¹) Богу възвущаемъ, въздухъ осяяти; монастырево на горахъ стада; мужи и жены, малыи и велии, вси людѣ, испланише св. церкви, въславиша, глаголюще: Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одоля, Христосъ въцарися, Христосъ прославися! Велии еси Господи, и чудна дѣла твоя, Боже нашъ, слава тобѣ!

Тебе же како похвалимъ, отче честный і славный и земныхъ владыкахъ, премужественный Василье, како добротѣ ти (твоей) почудимся, крѣпости же и силѣ! Како ти благодарение въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа я лести ядольскыя избыхомъ, яко твоимъ повелѣніемъ Христосъ по всей земли славится! *Ли (или)* что ти приречемъ, христіаново, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо, како вѣрова, како разгорѣся в любовь христову, како вниде в ты разумъ, выше разума земныхъ мудрець, еже възлюбити невидимаго и о небесныхъ подвигнути, како възлюбѣ ты Христа, како прѣдаси ему! Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашъ, откуда ти припахну воня св. Духа, откуда испи память будущая жизни сладкую чашу, откуда вкус и видѣ, яко блакъ Господь? Не видѣль еси Христа, не ходилъ еси по немъ,—какко ученикъ его обрѣтесе, и не-

(¹) Въ крещеніи Владиміру дано имя Василій.

(¹) Опищать, ладонъ.

видѣше его вѣроваши? По истинѣ събыт-
ся на тобѣ блаженство Господа Исуса,
реченное къ Фомѣ: блаженъ не видѣвше
—и вѣроваши. Тѣмъ же съ дръзновеніемъ
несуменно зовемъ ти: О блаженниче, са-
мому ты Спасу нареку; блаженъ еси,
яко вѣрова к нему і не съблзнися о немъ,
по словеси его не ложному: блаженъ есть,
иже не соблазниться* мѣ. Вѣдущи бо
законъ и пророки распяша и, ты же ни
закона, ни пророкъ почитавъ, распятому
поклонися. Како гѣ сердце разверзешъ,
какъ вииде в ты страхъ божій и како при-
лѣбися любве Его! Не видѣ апостола при-
шедши в землю твою, нищетою своею и
наготою, и гладомъ и жаждою, сердце
твое клоняща на смѣрение. Не видѣ бѣсъ
изгоняющъ именемъ христовымъ, болящихъ
здравствующъ, огни на хладъ прелагаема,
мертвыхъ встающе. Сихъ всѣхъ не ви-
дѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чудо!
Иии царіе и властеле видяще вся си бы-
вающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваши,
но паче на страсти и муки вѣрдаша ихъ.
Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ
притече ко Христу, токмо отъ благаго
помысла и остроумия разумѣвъ, яко есть
Богъ единъ творецъ, видимымъ и невиди-
мымъ, небеснымъ и земнымъ, и яко по-
сла въ миръ спасенье влюбленнаго свое-
го Сына; с сими и помыслы вииде в свѣ-
тую купѣль; и еже имѣтъ уродство мнѣтъ-
ся, тебѣ—сила намѣнися. Къ сему же кто
неповѣсть многыя твоя ношныя милосты-
ня, и девныя щедроты, яже къ убогымъ
и творяше, къ сирымъ же и боля-
щимъ, къ жаднымъ, къ вдовамъ и ко
всѣмъ трѣбующимъ милости! Слышалъ бо
бѣ глаголѣ господень, Давидомъ Навухо-
доносору царю: свѣтъ твой да будетъ ти
вгоденъ, грѣхи твоя милостынями очисти,
и неправды твоя щедротами нищихъ.
Еже слышавъ ты, о честниче (о *чест-
ный*), дѣломъ сконча слышанное просияющимъ
подавая, нагихъ одѣвая жадныя и алчныя на-
сыщая, болящихъ велико утѣшение посылаа

должныя искупая, работнаа свободжаа: твоя
бо щедроты и милостыня и нынѣ въ челове-
цѣхъ поимены суть, и оредъ Богомъ и анге-
лы его; ея же ради добропрелюбныа прѣдъ
Богомъ милостыня, много дръзновенне имѣ-
ши къ Нему, яко присный христовъ
рабъ. Помогаетъ ми слово написано: ми-
лость хвалится на судѣ; милостыня мужу
аки печать с нимъ; всесланаго и миро-
сердаго Бога глаголѣ: блаженъ милости-
въ, яко ти помилуванъ будеть. Но же
апостолское послушество приведемъ о те-
бѣ отъ святыхъ писаній, рѣченое отъ
Іакова: яко обративый грѣшника отъ
заблуждениа пути его, спасетъ душу
отъ смерти, и покрыетъ множество грѣ-
ховъ. Да аще единого человека обратив-
шу, толико безмездие отъ благаго Бога;
то каково убо спасение обрѣте, о Васи-
лие, колико брѣмя грѣховно распыа,—не
единого обративъ человека отъ заблуж-
денія идольскаго зети, ни десяти, ни гра-
да, но всю область свою. Показаетъ ны
и увѣряетъ самъ Спасъ Христосъ, какою
ты славы и чести сподобилъ есть на не-
бесѣхъ, глагола: иже исповѣсь мя прѣдъ
человѣки, исповѣтъ і и азъ прѣдъ Отцемъ
Моимъ, иже есть на небесѣхъ. Колико
ты похваленъ имамъ быти, не токмо испо-
вѣдавъ, яко Сынь божій есть Христосъ,
но и вѣру уставль, по всей земли сей,
и церкви христовы поставль, и служи-
теля его введе, подобныа великаго Кон-
стантіяна, равноумне, равнохристолюбче ра-
вночестигелю служителемъ его. Онъ съ св.
отци Никейскаго собора законъ человекомъ по-
лагаше; ты же съ новшыми отци вашими
епископы снимаеся часто, съ многымъ смѣ-
реваемъ сѣбѣщаваашеся, како въ челове-
цѣхъ сихъ новопознавшихъ законъ уста-
вити. Онъ въ Египтѣхъ и в Римлянѣхъ
царство Богу покорн; ты же, о блажен-
ниче, подобно: уже бо и въ опѣхъ и
в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ, съ
матерію своею Еленою, крестъ отъ Еру-
салима принесша и по всему миру своему

разъславша, вѣру утвердиша; ты же убо по-
добенъ тѣмъ, принесе крестъ отъ новаго
Іерусалима, Константина града, и сего
на землѣ своей поставишь утверди. Его
убо подобникъ сы с тѣмъ же единая сла-
вы и чести обещанна створи Господь на
небесѣхъ, благовѣрныя твоего радѣ, еже имѣ
въ животѣ своемъ.

Добръ послухъ (*свидѣтель*) благовѣрью
твоему, о блаженниче. святая церкви св.
Богородица Марья, юже създа на правовѣр-
ный основѣ, идеже мужественное твое тѣло
лежитъ, ожидае трубы ангеловы. Добръ тѣло
послухъ, сынъ твой Георгіи, его же створи
Господь намѣстника по тебѣ твоему влады-
честву, не рушаща твои устѣвъ, но утвер-
жающа; ни умаляюща твоему благовѣрью
положенъ, но паче прилагающъ; не казаша,
но учиняюща, — иже недокончаная твоя на-
кончаная, аки Соломонъ Давиду, иже домъ
божій великъ святой въ премудрости създа,
на снѣгохъ и украшение граду твоему,
иже всякою красотою украси, златомъ и сре-
бромъ и каменемъ драгимъ, и съсуды
честными, яже церкви дивна и славна
всѣмъ окруженнымъ странамъ, якоже яна
не обрѣтается въ всемъ полунощи зем-
нѣмъ, отъ востока дѣ запада. И славный
градъ твой Кыевъ величественъ, яко вѣн-
ценъ. обложилъ, предавъ люди твои и
градъ всеславный, скорый на помощъ хри-
стіаномъ, святѣй Богородици, ей же и
церковь на великихъ вратѣхъ създа въ
имя перваго господскаго праздника св.
Благовѣщенія, да еже чѣлованіе архан-
гелъ дастъ Дѣвы, булетъ и граду се-
му. Къ оной бо: радуйся, обрадованная,
Господь съ тобою! Къ граду же: радуй-
ся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!

Встани, о честная главо, отъ гроба тво-
его, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ,
нѣсть бо ти лѣпо умерети, вѣровавшу
въ Христа, живота всему міру. Отряси
сонъ, взведи очи, да видиши, какая ти
чести Господь тако сподобилъ, и на зе-
мли не безпамятна оставилъ сыномъ тво-

лмъ. Встани, виждь чадъ свое Георгіи,
виждь утробу свою, виждь милаго своего,
виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ
твоихъ; виждь красящаго столъ земля
твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ се-
му же виждь и благовѣрную споху твою
Ерину, виждь вѣнцы твоя и правнукы,
како живутъ, како храними сущъ Госпо-
демъ, како благовѣріе держать по преда-
нію твоему, како въ святыхъ церкви ча-
стять ⁽¹⁾, како славятъ Христа, како по-
клоняются имени Его. Виждь же и градъ
величествомъ сиющъ, виждь церкви цѣв-
тущи, виждь христіанство растуще, виждь
градъ иконами святыхъ освѣщаемъ бли-
стающеся, и тпманомъ обухаемъ (*бла-
гоухающъ*) и хваламъ и божествемъ
пѣніи святыми оглашаемъ. И си вся
спадѣвъ, възрадуйся, и възвеселися, и по-
хвали благаго Бога, всѣмъ спмъ строи-
теля ⁽²⁾.

(Чтен. общ. Ист. 1848 г. № 7).

Слово Иларіона, свидѣтельства о умѣ и
образованности его, важно по изображенію за-
слугъ св. Владимира и описанію Руси въ рели-
гиозномъ отношеніи. О. И. Бодянский справед-
ливо замѣтилъ: «Слово Иларіона, кромѣ укра-
шенныхъ уже достоинствъ его перемъ изда-
телемъ, т. е. глубокаго познанія догматичес-
кой, обширной начитанности въ св. писаніи,
знаніи исторіи церкви, сильнаго христіанска-
го чувства, свѣдѣній ума, живаго воображенія,
умѣнья пользоваться словами ветхаго и новаго
заветовъ, (что, между прочимъ, указывае-
тъ на существованіе у насъ уже въ то время всей
Библии въ переводѣ), правильности расположе-
нія мыслей, остроумныхъ сравненій и оборо-
товъ речи, силы и обилія слова, короче—до-
стоинствъ вообще великаго духовнаго оратора,
— въ особенности драгоцѣнно для насъ въвиду
его на юное христіанство у нашихъ предковъ,
отношеніемъ крещенія Руси къ прочимъ хри-
стіанскимъ народамъ».

⁽¹⁾ Учащаютъ, часто ходятъ.

⁽²⁾ Эту похвалу Иларіона Владиміръ дѣлосеицѣ
предпосылаетъ къ умершему князю Владимиру Ва-
славовичу и преемнику его брату Мстиславу, съ
небольшими измѣненіями. (См. Ист. лѣт. стр.
221, 222). Въ заключеніе слова помѣщена моли-
тва, въ которой Иларіонъ обращается къ Богу отъ
лица всей Русской земли. (Ист. Рус. П. Мака-
рія 1, кр. 222).

стѣнными странами и царству благодати, равно какъ и сужденіемъ о виновности всего этого. Признаюсь, я во всей нашей словесности, древней и новой, ничего не знаю, чтобы лучше, върнѣе и живѣе, съ такою правдою исторической, чувствомъ сердечнымъ, прелестью и свѣжестью выраженій и поэтическимъ колоритомъ, изображало намъ нашего Владимира Великаго; это, по справедливому замѣчанію народа, дѣйствительно красное солнышко Руси. Видно въ каждомъ словѣ, что говоритъ человекъ по собственному наглядному опыту, коротко знакомый съ своимъ любимцемъ, слѣдовавшій долго и съ любовью за нимъ, который всматривался и вдумывался въ подвиги своего единоплеменника Руской земли, и когда его не стало, въ одинъ разъ весь доломалъ думы и чувства сердца высказавъ въ своей описанной рѣчи, запечатлѣвъ въ образѣ, которымъ этотъ чудный и святой государь является глазамъ самаго познанаго потомства какъ бы присутствіемъ, живымъ. Такъ живописуютъ одни, лишь великіе художники.

См. Прибав. къ Твор. св. От. 1844, № 2 п. 3, стр. 223—252. Ист. рус. ц. просв. Макария I, 90—100. Разборъ слова у С. Н. Шеврева въ Ист. рус. Литер. I.

Житіе и похвалы св. Ольгѣ и Владимиру князю Руской. Хр. Чт. 1849, II. 317—329. 336. Ж. Мил. Нар. Пр. ч. 79, VI. 25. О князѣ Іаковѣ Богодина. Изв. Акад. I. 326—334. Макария. Тамъ же: II, 445—457.

12. О волхвахъ.

Въ лѣто 6579 (1071). Воеваша Половца у Ростовца и у Нятяна... Въ си времена приде волхвъ, прелещенъ бжеохъ; пришедъ бо Киеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Дитьпру потещи вспяти и землямъ преступати на нѣа мѣста, яко стата Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣи на Гречьской, и прочыя землямъ пзмѣнитися; его же повѣгласи (повѣжи) послушаху, вѣрни же насмѣхаются, глаголюще ему: „бжеъ тобою играеть на пагубу тобѣ.“ Се же я бысть ему: въ едину бо ночь бысть безъ вѣста. Бжеъ бо подытокше на зло вводити, посемъ же насмисаются звергыне и въ пронасть смертнѣю, научивше глаголати; якоже се скажемъ бжеовское паушене и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ

Ростовѣстѣи области, вѣстата два волхва отъ Ярославя, глаголюща: „яко пѣ сѣхъ (узнали), кто обьяе держитъ;“ и поидоста по Волзѣ, кдѣ придутъ въ погостѣ, ту же нарицаху лучышѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а ся медь, а ся рыбы, а ся скору (мѣха, шкуры). И правожакху къ нѣа сестры своя, матери и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаеа любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнне ихъ отымашета собѣ. И придоша на Бѣлоозеро; и бѣ у нее люди въ 300. Въ се же время приключиса прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Влхатину: повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника (колдуны) избѣла уже многы жены по Волзѣ и по Шексѣи и пришла еста сѣмо. Янѣ же испытавъ, чья еста смедра (люди простые), и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ пже около ео сугъ, рѣче имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смедра еста моего князѣ;“ они же сего не послушаша. Янѣ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроки его: „не ходи безъ оружья, осорожатъ тя;“ онъ же повелѣтъ пзяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же плушю съ топорцемъ, выступивша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи;“ оному повелѣвию обити я, къ прочымъ же поиде. Они же сунушася на Яня, едвакъ грѣшяся Яня топоремъ. Янѣ же оборота топоръ ударъ и тылемъ, повелѣтъ отрокомъ сѣчи я; они же бжежаша въ лѣсъ, убивша же ту повина Янева. Янѣ же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не пиете волхву сею, не пду отъ васъ и за лѣто.“ Бѣлозерци же шедше аша я, и приведоша къ Яневи, и рече имъ: „что ради погубиста толико человекъ?“ Онѣа же рекшема: „яко ты держати обьяе, да аще истре-

бывъ сихъ, будетъ гобино (*изобиліе*); аще ли хоцеша, то передъ тобою вынешевъ жито, ля рыбу, ли шю что.“ Янъ же рече: „по истинѣ лжи то: створиъ Богъ чловѣка отъ землѣ, оставленъ костями и жыльми отъ крове, вѣсть въ немъ ничтоже; и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть.“ Она же рекоста: „зѣ вѣзѣ (*мы знаемъ*), како есть чловѣкъ створенъ.“ Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мылся въ мовици и вспотивъся, отерся ветъхомъ (*ветошикой*), и верже съ небесе на землю: и распрѣся (*заспорилъ*) согона съ Богомъ, кому въ немъ створити чловѣка? и створи дьяволъ чловѣка, а Богъ душу въ не вложи; тѣмъже аще умреть чловѣкъ, въ землю илеть тѣло, а душа къ Богу.“ Рече има Янъ: „по истинѣ прельстятъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруете?“ Она же рекоста: „антихресту.“ Онъ же рече има: „то кдѣ есть?“ Она же рекоста: „сѣдѣтъ въ безднѣ.“ Рече има Янъ: „какий то богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдя на престоли славимъ отъ ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; сихъ бо ангелъ сверженъ бысть егоже ны глаголетъ антихрестъ, за нелицемеріе его низверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то ны глаголетъ, жда, егда придетъ Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжетъ узами и посадишь и емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують: нама же и здѣ муку пріятя отъ мене и по смерти тамо.“ Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдають: не можеша нама створити ничтоже.“ Онъ же рече има: „лжють вама бози.“ Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеша створити ничтоже.“ Янъ же повелѣ бити я, и потергати (*дергати*) брѣдъ ею. Симъ же тепенома (*битымъ*), и брѣдъ его потерганъ проскъбноу, рече има Янъ: „что вама бози молвять?“ Онѣма же рекшема:

„стати намъ предъ Святославомъ.“ И повелѣ Янъ вложити рубль (*отрубкоу*) въ уста има, и привязати я къ уругу (*дуга въ лодкѣ*), и пусти предъ собою лодѣ, и самъ по нхъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янъ: „что вама бози молвять?“ Она же реста: „сипце нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тебе.“ И рече има Янъ: „то ти вама право повѣдали.“ Она же рекоста: „по аще наю (*насъ*) пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль пріямеша и зло.“ Онъ же рече има: „аще ваю пушю, то зло ли будетъ отъ Бога.“ И рече Янъ по возникомъ: „ци (*или*) кому васъ кто родинъ (*родственникъ*) убьенъ отъ сею?“ Она же рѣша: „мѣтъ мати, другому сеестра, яному роженъ (*дѣти*).“ Онъ же рече имъ: „мѣстятъ своихъ.“ Они же повняше, убиша я и повѣнша е на дубѣ: отиысье пріимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домова, въ другую ночь медвѣдъ възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста наученьемъ бѣсовскимъ, иѣмъ вѣдуша, а своею пагубы не вѣдуша. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже атома (*взятымъ*) нѣа быти; аще ли и яга быста, то почто глаголетъ: „не умрети нама,“ оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовское наученье; бѣси бо не вѣдаютъ мысли чловѣчское, по влагаютъ помыслъ въ чловѣка, тайны не свѣдуше. Богъ единъ свѣсть помышленья чловѣчская, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже, суть бо вемощни и худы взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о врачехъ ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключиса нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдъ, и приде къ кудеснику (*колдуну*), хотя возхвананъ отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывать бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдѣшу на порозѣ тоя же храмини, кудесникъ же лежаще оцѣтѣвъ (*оцѣтенилъ*), и шибѣ имъ

бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Невгородцю: „бози не смѣють прити, иѣчто имаша на собѣ, его же бояться.“ Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отидеъ постави кромѣ (*внѣ*) храмыни тое; онъ же пача опять призывать бѣсы, бѣси же мѣташе имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемъ же поча прашати его: „что ради бояться его, его же се носимъ на собѣ креста?“ Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози бояться.“ Онъ же рече: „то каца (*какіе*) суть бози ваши кдѣ живутъ?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе нашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людѣй, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну.“ Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще муки вѣчныя, а праведници въ небесѣхъ жилищѣхъ подвараются со ангелы. Снца (*тако-еа*) ти есть бѣсовская сила, и лѣшота, и немощь; тѣмъ же прелщаютъ челоувѣки, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ несвершеннымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученіемъ бѣсовскимъ. Паче же женами бѣсовская вѣлшвеня бывають, искони бо бѣсъ жену прелести, си же мужа; тако въ си роди (*въ это время*), много волхвуютъ жены чародѣйствомъ. и отравую, и инѣми бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрши; яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, яже творяще волшествомъ исомъ глаголати челоувѣчскы, и самъ премѣняшеться, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтанъи сиде творяше: Ави и Мамврѣй волшвеніемъ чюдеса творяшеть противу Меисюви, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіюви; но и Конобъ творяше мечтанье

бѣсовско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ. Сидѣ бѣ волхвъ кеталъ при Глѣбѣ Новгородѣ, глаголетъ бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прелести, мало не всего града; глаголашеъ бо, яко „все вѣдаю,“ и хуля вѣру хрестыанскую, глаголашеъ бо: „яко переиду по Волхову предъ вѣсми.“ И бысть мятежъ въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекся въ ризы, ста рекъ: „ниже хощетъ вѣру яти волхву, то да идеть за ны; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть.“ И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва; и бысть мятежъ великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ skutомъ (*подъ полою*), приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощетъ быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „все вѣдаю.“ И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хощетъ быти днесъ?“ „Чюдеса велика створю“ рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, роеа (*разрубилъ*) и, и паде мертвъ, и люде разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу...

Въ лѣто 6599 волхвъ явился Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

(П. Собр. Лѣт. 1, 75—78. 92).

О Волхвахъ см. Руднева - Густавъ, о ересяхъ и расколахъ - ЛС. М. Н. Провс. ч. XIV, стр. 213.

13. Поученіе о казняхъ божіихъ преп. Θεοδосія Печерскаго 1068—1073 г.

Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку либо, или поганья, зане не встѣгнемся къ Богу; а усобная рать бываетъ отъ соблазненія дьявола и отъ злыхъ челоувѣкъ. Богъ бо не хощетъ зла челоувѣкомъ, но блага, а дьяволъ радуется все-

му злomu, творямому въ чeлoвѣчѣхъ: иcкoви бo тoй еcть вpaгъ нaмъ, хoцeтъ убиcтвa и кpoвoпpoлитiя, пoдвизaя нa cвaры и убиcтвa, и зaвисти, и бpaтoнeнa-видѣнiя, и клeвeты. Стpaнѣ убо cъгрѣшн-иши кoей либo, кaзнятъ Бoгъ cмepтью, или глaдoмъ, или нaвeдeнiемъ пoгaнoвъ, или бeзoдoждiемъ, и иныи paзличными кaзнѣ-ми. Aщe ли пoкaявшecя бyдeтъ, в нeмжe нa Бoгъ вeлитъ быти, — глaгoлeтъ бo нaмъ прoрoкoмъ: *oбpaтитecя кo мнѣ ecтвo cердцeмъ вaшимъ, пocтoмъ и плaчeмъ* (Ioан. 2, 12), — въ ceмъ вoлю бoжiю твopящe, дa aщe бoхoмъ в зaпoвѣдѣхъ бoжiихъ пpeбывaя: тo и cдѣ, хoдящe, пpимeмъ бoгa зeмнaя, и пo oтшecтвиi cегo cвѣтa — жизнь вѣчнyю. Ho мы пpиcнo, aки cвиннiя в нaлѣ (*грѣхи*) грѣхoвѣмъ вaляяcь, грѣхи къ грѣхoмъ пpилагающe, вo вceмъ гнѣвaщe Бoгa, злoе пpeдъ oчиямъ eгo твopящe пo вce днi. Toгo paди прoрoкoмъ глaгoлeтъ к нaмъ: paзyмѣхъ, рeчe, якo жecтoцiя, кaмeнocepдiи, лeниви ecтe твopити вoлю; тoгo paди yдepжaхъ oтъ вacъ дoждь, и пpeдѣлъ eдинъ oдoждихъ, a дpyгoгo нe oдoждихъ, и иcпe зeмля нивъ вaшихъ, и иopазихъ вы paзличными кaзнѣми; тo и тaкo нe oбpaтитecя кo мнѣ. Cегo paди виногpaды вaшa и дpeвa вcякaя, нocящaя плoдъ, и внoцы, и вce иcтpoхъ, глaгoлeтъ Гocпoдъ, a злoбъ вaшихъ нe мoгy вecтepтa; нo пocылaю нa вы нoмaлy paзличныя пaцaсти, ибѣли пoкaявшecя вcтaгнeтecя oтъ злoбъ вaшихъ. Сe cлaшaщe, пoдaвaгнeмcя нa дoбpo; взыщитe cудъ, пoбaвитe oбиднaгo, и нa пoкaнiе пpидѣтe, нe вьздaющe злa зa злe, вi клeвeты зa клeвeтy, нo лoбoвiю пpиплeтeмcя Гocпoдeви, пocтoмъ, pыдaнiемъ и слeзaми oмывaющe пpeгрѣшeнiя нaшa, нe cлoвoмъ нapицaющecя хpиcтiанe, a пoгaнecки живyщe. Ce бo нe пoгaнecки ли твopимъ? Aщe ктo ycтpашeтъ чepнцa или чepнiцy, тo вьзвpaщaютcя, зa cвинiю, ли кoнь льcъ: тo ce нe пoгaнecки ли ecть? Ce бo, пo дьявoлy нaучeнью, кoбъ дep-

жaть. Дpyзиa зaчичaнью вѣpyютъ, яжe бывaютъ мнoгaждa нa здpaвiе глaвѣ; нo cинъ дiавoлъ лeтитъ и дpyгими нpaвы, и вcячecкими лeстии пpeвaблaемы oтъ Бoгa, влѣхвoвaнiемъ, чaрoдѣянiемъ, зaпoиcтвoмъ, pѣзoимaнiемъ, (*пpoцeнтaми*) пpиклaды, тaтбoю, и лжeю, зaвистiю, клeвeтoю, зyбaми (*дpaкoй*), cкoмopoхи (¹), гyслѣми, coпѣлaми и вcякими игpaми, и дѣлeсy нeпoдoбными. Видишъ бo и нa злaя дѣлa: вcя дpѣзливы (*пaдки*) нa пi-злo, и нa игpы злoя, вѣжe нѣcтъ лѣтъ хpиcтiанoмъ тaкo твopити. И ce пaкы, eгдa cтoяшъ въ цepкви: тo кaкo смѣ-eмъ cмѣшaтcя, или шeпoтъ твopити? Пpипaдaетъ бo oкaзанный дiавoлъ и влaгaeтъ въ yхo нaшe смѣхъ, и шeпoтъ, и нa нeпoдoбнaя твopити, въ цepкви cтoящe пpeдъ нeбecнымъ Цapемъ: кaкiя мyкы нѣcтъ мы дocтoйни? Ты жe, бpaтe, cтoя въ цepкви и видиши кoгo нeпoдoбнo cтo-aщa, вьзбpaни eмy и нoнocи eмy тaжкѣ. Moжe вы, бpaтiе, cъ cтpaxoмъ и лoбo-вию дpyгъ дpyгy cтoимъ нa мoлитвѣ, и вo иcтинy мoлящecя, рeчeмъ: «дa cя вcпpaвить мoлитвa мoя, якo кaдлo пpeдъ тoбoю, вьздѣнiе pyкy мoю жepтвa нe-чepнaя.» Дa aщe pyцѣ твoя ничтoжe имa-тa гpaблeнiя: дoбpѣ тo глaгoлeши, рeкa: «вьздѣнiе pyкy мoю.» Oглaдaй убо pyцѣ cя и вcпытай o нeю, дa aщe ничтoжe имaтa гpaблeнiя и нeчистoгo pѣзoимaнѣя. Aщe ли eси гpaбилъ, или пpиклaды имaлъ, или кoрчeмный пpикyчъ, или кoгo чѣмъ пpивoблѣлъ eси, eжe cвaтoе пиcaнiе oтpeклo: тo нe глaгoли, нe вьзвышaй pyки cя, дoндeжe oчистишиcя oтъ вceгo злa. Aщe бo вьзмeши вьздѣти pyцѣ пoпyщe-нiемъ бoжiимъ: тo мoлитвa тa бyдeтъ гнyсa и нeпpиaтнa Бoгy. Ho cлышa Гocпoдa, глaгoлющa прoрoкoмъ: eгдa pyцѣ гвoи пpocтpeщa кo мнѣ, oтпpaщy oчи cвoи oтъ вacъ и aщe yмнoжиши мoлитвy,

(¹) O cкoмopoхѣхъ. И. Д. Блaжeннa. Сл. Вpeмeн. oбщ. иcт. кн. XX, 60—92.

не послушаю тебѣ, глаголетъ Господь, руку твою исполню несправды. И се, взяю-блещая чада, будете вѣдуще: святіи отци наши установили постыны дни, по наученію господню и по заповѣди святыхъ апостолъ, святые праздники праздновати духовно заповѣдаша, а не тѣлесно, не чреву работающе безгоднымъ (*безвременнымъ*) пьянствомъ, но Богу молящися о своихъ сѣгрѣшеніяхъ, немощныя накормляюще с собою в подобно время, тѣло кормище земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ. Тоже брашно в судѣхъ (*сосудахъ*) книжныхъ с небесе снесено, иже глаголется, хлѣбъ аггельскій ясть человекъ, брашно посла имъ до изобилія, рекше—писаніе святыхъ книгъ... На праздни-ки же великіа пиромъ не творити, пьянства бѣгати, испити мало и блюсти душа своя, и стережи часа, в оныже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, якоже Петръ апостолъ рече: брѣя, будѣте трезвы, якоже супостатъ вашъ диаволъ ищетъ пьяныхъ, да я пожретъ. О горе, пакы реку, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ аггела хранителя своего отгоняишь отъ себе, и алаго бѣса привлекаишь к себѣ, и Святаго Духа далече есмы пьянства ради, и близъ ада, и слова божія не имущи въ устѣхъ своихъ, гибли ради пьянственна. Бѣси бо ради бываютъ о нашемъ пьянствѣ, и радующаеся приносятъ къ диаволу жертву пьянственную отъ пьяницъ; диаволъ же, радуясь, глаголетъ: яко николиже тако веселился и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христаныхъ; всяка бо дѣла моего хогѣнія въ пьянцахъ суть. Писаво бо есть: яко и поганыхъ набдигъ Богъ, а пьяницъ ненавидитъ и отвращаетъ отъ нихъ. Но толико супостатъ нашъ радуется о нашемъ пьянствѣ, а искони бо не хощетъ добра роду человѣчю, и глаголетъ: яко мои суть пьяни, а трезвы суть божіи. И посылаетъ диаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте хри-

станы на пьянство и на всяку дѣтель моего хогѣнія. Анггели же святіи, приходяще, повѣдави се святымъ отцамъ с печальною великою, да быша писаніемъ отлучили христанъ отъ пьянства, а не отъ пията: ино бо пьянство есть злое, а ино пияте в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и въ славу божію. Святіи же отци, написавше честное сіе святое правотѣрное учение, предаша христаномъ, на провоеженіе жизни сеа, и на причастіе вѣчныхъ жизни, да кто послушаетъ сего правила св. отецъ и поживетъ лѣта своя, твори волю божію,—житель будетъ вѣчна жизни; не послушавши сихъ книгъ, осужденъ будетъ съ диаволомъ в муку вѣчную.

Се слышаще, брѣя, подвижемся работати Господеву, и заповѣди Его творити, и в законъ Его поживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Исусѣ, Ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно.

(Учен. Зап. 2 отд. Акад. Н. т. II, вып. 2).

Это слово «о ведрѣ и о казняхъ божіихъ», приписываемое Феодосію, извлечено изъ греческаго Златоустру (*О маломъ и немомъ. памяти. Срезневскаго, III, 34—35*). Но по всей вѣроятности, оно приспособлено къ русской жизни. Въ первоначальной стѣписи слова это передается нѣсколько иначе (*Н. С. Л., I 75*).

Поученія Феодосія имѣютъ характеръ преимущественно обличительный: съ одной стороны языческія вѣрованія, оставшіяся въ жизни народной, съ другой — грубые нравы, не сдерживаемые нравственными законами, а главными образцами недостатки монастырской жизни,—вызывали на обличеніе любвеобильнаго пастыря. Но этому сочиненію Феодосія писаны не на отвѣщенный произвольныя заданія, но рисуютъ состояніе современнаго ему общества и выражаютъ практическое направленіе—привести семя правственности къ народу, монахамъ и князьямъ. Краткость и изначалъ простота формы составляютъ отличительную черту поученій этого замѣчательнаго древне-рускаго подвижника.

О сочиненіяхъ Феодосія см. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н. т. II, в. 2. Москвит. 1856,

Н. 23. Поуч. обь-ужьренности въ застольномъ питъѣ. Праг. Собес. 1858. III, 255. Други поучения и житіе Феодосіи см. ниже.

14. Изъ слова Григорія Богослова до 1100 г.

...Овъ (иной) путь съмѣреномъ уклони и арквати на неправдыя правьду. Овъ възненавидѣ въ вратѣхъ обличающа, и слово божіе възненавидѣ. Овъ пожьре (жертву принесѣ) неводу своему ягъшо много. Овъ трѣбу (жертву) сътвори на студеньца (колодци), дѣжда иски отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дѣждь дзеть. Овъ песущимъ Богомъ жьреть, и Бога створышаго небо и землю раздражаеть. Овъ рѣку божью нарицаеть, и звѣрь живущъ въ ней яко Бога нарицаа, трѣбу творить—овъ Дюю, а други Дюви. А нпъ градъ члеть (1). Овъ же дьрьитъ въскрущъ, на главѣ покладая, присягу творить (2); овъ прлсегы костьми чловѣками творить. Овъ кобени птичь (ворожьбу поптицамъ) смотрѣть (3). Овъ стьрѣтєня сумьнитъся (4). Овъ муцкѣ (?) скоть творя ублѣаьт. Овъ въ неделю и въ святыя днь дѣлаеть, прибытъкъ себѣ творя (на) свою погыбѣль, да еяко всею недѣлю съдѣлаеть

(1) Въ этомъ словѣ преемствуется языческое помянутое студеньца и колодезь, Дю или Зевсу, Ди или Дианѣ (Дианѣ? Въ Сл. о пол. упоминается Дюа), обоготвореніе рѣкъ и звѣря или животнаго рѣчнаго. Въ поученіи Серапіона означено, что во-дьяному божеству бросали людей во время голода. См. ниже.

(2) Здѣсь разумѣется дѣржавяя присяга: по скандинавскому обычаю, во время взятія вѣздн кусокъ дѣрва на голову (воскрузица?); тоже было и въ Россіи.

(3) Говорится о гаданіяхъ и предсказаніяхъ по птицамъ.

(4) Т. е. вѣрять во стьрѣчу, что бываетъ счастливымъ и несчастнымъ (Лавр. 73).

тѣмъ дѣньмъ погубить. Овъ ни мощьхъ лѣжею присазаеть.

(Изд. Ак. Н. 2-ю отд. 1855 г.)

15. Языческія божества.

Пришедшо ми въ Ладугу (1141), по-вѣдала ми Ладожане: яко едѣ есть, егда будетъ туча велика, и находять дѣти наши глазки стекляныи, и малыи и великыи, пропертаны, а другіе подлѣ Волховъ берутъ, еже вышолоскываеть вода, отъ нпхъ же взяхъ болѣ ста; суть же различна. Сему же ми ся дивлящю, рекоша мнѣ: се не дивно; и еще мужи старѣи ходили за Югру и за Самоядь (1), яко видивши сами на полуночныхъ (въ сѣверныхъ) странахъ, спадѣ туча, и въ той тучи спадѣ вѣверица (былка, векиа) млада, акы топерца (2) рожена, и възрастши и расходится по землѣ, и пакы бываеть другая туча, и спадають олени малы въ ней, и възрастають и расходятся по землѣ. Сему же мнѣ есть послухъ (свидѣтель) посадникъ Павелъ ладожскій и вси Ладожане. Аше ли кто сему пѣры не иметь, да прочтеть Хронографа (3): Въ царство право (Прова), дѣжгьщю бывшо и тучи велици, дшєнница съ полою многою смѣшена спадѣ, юже собравше насыпаша сусѣкы (засрома) велія; такоже при Аврільянтъ крохти сребренныя спадѣша, а въ Африкѣ тріе камени спадѣша превелци. И бысть по нополѣ и по раздѣленіи языкъ, поча царьствовати первое Местромъ отъ рода Хажова, по немъ Времѣя (Гермесъ), по немъ Феоста (Гестъ), пже и Соварога нарекоша Егуптине; дарегующю сему Феостѣ въ Егуп-

(1) Эти страны лежали на сѣверѣ Азіи между Уральскими горами и р. Обью.

(2) Какъ сейчасъ.

(3) Тоже, что Летоисецъ. Временникъ отъ хроноса—премѣ, графо—инну.

тъ, въ время царства его, спадоша клещи съ небеси, нача ковати оружье, прежде бо того палицами (палками) и камешемъ бяхуся (¹). Ты же Феостъ законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣюще, а иже прелюбы дѣюще, казнить повелѣваше, сего ради прозваша и Богъ Сварогъ: прежде бо сего жены блудяху, къ нему же хотяше, и блуху аки скоть блудяще; аще родилеть дѣтишь, который ей любъ бываше, даишетъ: се твое дѣти; оуъ же створяше празднество и прѣимаше. Феостъ же сѣи законъ раземша, и встави (устави) единому мужю едину жену имѣти, а женѣ за одинъ мужъ посягати; аще аи кто преступитъ, да ввергнуть и въ пещь огнену. Сего ради прозвана и Сварогомъ и блажиша и Егуптяне (²). И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, семь тысящ и 400 и семьдесятъ дѣй, яко быти лѣтома двемадесятьматн по лунѣ, видяху бо Егуптяне нѣи чаети, они во лунѣ чтаху, а друзи... деньми лѣтъ чтаху, двою бо на десять мѣсяцю число потонъ уѣдаша, отнелъ же начаша чловѣци данъ давати царямъ. Солнце-царь сынъ Свароговъ, емше есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силелъ, слышавше нѣ отъ кого жену нѣкую отъ Егуптянѣи богату и всажеву еуцію, и нѣкоему въсхотѣвшю блудити съ нею, искаше ея яти ю хотя, и не хотя отца своего закона разсыпати Сварожа, поемъ со собою мужъ нѣколко своихъ, разумѣвъ годину (время), егда прелюбы дѣеть, пощю припаде на ню, не удоси (не нашелъ) мужа съ нею, а ону обрѣте лежащую съ нѣмъ, съ нѣмъ же хотяще, емъ же ю и мучи и пусти ю водити по

(¹) Здѣсь, какъ не рѣдко и въ другихъ памятникахъ старины, мифологія греческая смѣшивается съ славянскою.

(²) О Сварогѣ, богѣ языческихъ Славянъ, Шафарика, см. Чт. общ. вѣст. 1846 г. № 1. Смѣсь. 30—34.

земли въ коризнѣ (въ укоризнѣ, со срамомъ), а того любодѣйца вѣкну; и бысть чисто житѣе по всей земли Егупетской и хвалити начаша.

(Ипатьевск. списокъ изъ Пол. Собр. Лѣт. т. II, стр. 4—5).

Александръ Македонскій, въ сказаніи о его жизни или въ переводной повѣсти Александрии, названъ «сыномъ божиимъ Перуна ведика», вмѣсто наименованія сыномъ Юпитера Аммона (Лѣт. Пересл. — Суздаль. М. 1854. XVI). О замѣнѣ Гѣфеста — Сварогомъ, Солнца — Дажьбогомъ см. тамъ же.

Ипатьевская лѣтопись названа такъ потому, что списокъ рукописи (конца XIV или начала XV в.) принадлежалъ костромскому Ипатьевскому монастырю; теперь хранится въ библиотекѣ Академіи наукъ. Эта лѣтопись въ составъ своего раздѣляется на две части. Первая (стр. 1—155) содержитъ въ себѣ Временникъ Нестора съ продолженіемъ, подъ которыми разумѣются лѣтописи о киевскомъ и другихъ Юго-восточныхъ русскихъ князьяхъ, до 1200 года; въ началѣ она сходна съ Лаврентьевскою, но съ половины XII вѣка изложеньемъ своимъ отъ нея разнится. Во второй части (стр. 155—226) заключается лѣтопись о Западно-Русскихъ князьяхъ, извѣстная подъ именемъ Волынской или Галицкой, доходящая до 1292 года. Замѣчательно, что Лаврентьевскій списокъ, кромѣ Временника Нестора, вообще помѣщенъ въ первыхъ его тетрадяхъ, писаннымъ крупнымъ уставомъ, и оканчивая, содержащая въ себѣ сказанія о суздальскомъ и другихъ Сѣверныхъ князьяхъ, есть также сокращенная Ипатьевская лѣтопись, изъ чего явствуетъ, что послѣдняя, не смотря на новизну списка, есть древнѣйшій и единственный памятникъ, сохранившій отъ забвенія дѣлнѣ нашихъ предковъ, въ періодъ самостоятельности Руси, до покоренія ея Монголами и Литвою. Языкъ Ипатьевской лѣтописи есть церковно-славянской въ крѣпкую русскую; но въ рѣчахъ князей и другихъ лицъ сохранился образецъ чистаго южно-русскаго народнаго языка, процвѣтавшіа до XIV стол. и уцѣлѣвшіа между прочимъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ», которая не только смысломъ, но и съ сѣверными (новгородскими), ни съ позднѣйшими русскими, Восточными и Западными, не сходятся. Въ 1-й части хронологія несходна съ другими лѣтописями, что должно приписать двумъ причинамъ: запутанности лѣтоисчисленія съ марта и сентября и не-исправности списковъ; во 2-й же части, по словамъ Карамзина, тобы во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ не правнлыны и отпачены перелисискомъ гадательна. (П. С. Лѣт. т. II, предисл.)

16. Слово блаженнаго Серапіона о маловѣрѣхъ
до 1275 г.

Печаль многу имамъ въ сердци о васъ, чада: никакоже не премѣните отъ злобы обычай своего; вся злая творите въ непавиствѣ Богу на нагубу души своей. Правду есте оставили, любви не имате, зависть и лесть жируетъ (*живетъ*) въ васъ и вознесени умъ вашъ. Обычай поганскій имате, во хламъ (*вохламъ*) вѣру имате и пожигаете огнемъ не повинныя челоувѣки. Гдѣ се есть въ писаньи, еже челоувѣкомъ владѣти обильемъ или скудостію, подивити нѣя дождь или теплоту. О неразумнии, вся Богъ творитъ, якоже хощеть, бѣды и скудость (*голоде*) посылаетъ за грѣхи наши и наказал насъ, приводи на покаянье. О маловѣрнии, слышасте казни отъ Бога: въ первыхъ родѣхъ потопа на гигаиты, огнемъ пожжены, а Садомляне огнемъ же сожжены, а при Фараонѣ 10 казней на Египетѣ, при Хамзнии—камень огневиный съ небесъ пусти, при Судьяхъ—рати наведе, при Давидѣ—моръ на людѣ, при Титѣ—плѣнь на Ерусалимъ, потомъ трясенье земли и паденье града. И въ наша лѣта, чего не видѣхомъ зла, многи бѣды и скорби, рати, голоде, отъ поганыхъ (*отъ Татаръ*) насилье; но никакоже премѣнимся отъ злыхъ обычай нашихъ. Нынѣ же гитѣ божій видѣннѣи и заповѣдаете хто буде удушенника или утопленика погребѣти, не погубите люди сихъ, выгребите ⁽¹⁾. О безумье злое, о маловѣрѣ! Полни есмь зла исполнени, о томъ не каемся. Потопъ бысть при Ное не про удачлаго, ни про утопленика, но за людскіи неправды, и нынѣ казни безщисленныя. Драчѣградъ 4000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть и нынѣ въ мо-

(1) Суевѣрный обычай откапывать утопленника или удушенника доселѣ окончательно не прекращенъ въ русскомъ простонародіи.

ри ⁽¹⁾; въ Листѣхъ (*отъ Польши*) отъ умноженья дождя 600 людѣ потопло, а нынѣ въ Перемишлѣ градѣ 200 потопило и гладъ былъ 4 лѣта тамо жъ. Се все бысть въ сія лѣта за грѣхи наша. О челоувѣци, се ли ваше покаянье, снѣмъ ли Бога умолите, что утопла или удушенника выгребсти, снѣмъ ли божію казнь хощете утишнѣти. Лучше, братья, престанемъ отъ зла, лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ, разбоя, грабленья, пьянства, скупости, лихвы, обиды, татбы, ажива помышленья, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзкоманья (*роста, процентов*). Азъ бо, грѣшникъ, всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися; вы же не престанете отъ злыхъ дѣлъ. Егда кая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то боля прогнѣваемъ, извѣсты кладуче: ⁽²⁾ того ради всеро, сего дѣла дождь, того дѣла жито не родится,—и бываете строители божіей твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Погани (*язычники*) бо, закона божія не вѣдуще, не убиваютъ едновѣрники своихъ, ни ограбляютъ, ни обидятъ (*не обманываютъ*), ни цоклеплютъ, ни украдутъ, ни заирутся чужаго, всякъ поганый брата своего; (но) кого въ нихъ постигнетъ бѣда, то искушать его и на промыслъ дадутъ ему, а найденыя—въ торгу проваляютъ. А мы творимся вѣрнии, во имя божію крещени есмь и заповѣди его слышамъ всегда,—неправды есмь исполнени и завистя, немилосердыя; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обладами, завистью,—аще бы мощно, снѣли бы другъ друга, но вся Богъ боронитъ. Аще пельможа или простый, то несть (нелѣпъ) добытка желаетъ, како бы обидѣть кого. Окаяние, кого снѣдаемъ? Не такой же ли челоувѣкъ, якоже и ты? Не звѣрь есть, ни инзвѣрець. Почто плачь и

(1) Прегрѣшѣ.

(2) Ложно говоряще.

клятву на ся влечеши? Или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда божія, не возда-
лиа комуждо по дѣломъ его? Отъ сна
бо вставъ не на молбу умъ прилагаеши,
но како бы кого озлобити, лжами премо-
чи кого. Аще не останете сихъ, то гор-
шая бѣды почаете посемъ; но моляся вамъ
глаголю: приемъ покаяныя отъ сердца,
да Богъ оставитъ гнѣвъ свой и обратит-
ся отъ нехъ дѣлъ злыхъ, да Господь
Богъ обратится къ вамъ. Се вѣдъ, азъ
поучаю вы, яко за моя грѣхи бѣды сія
дѣются; придѣте же со мною на покаяныя,
да умолимъ Бога, вѣдъ убо, ни ея по-
каевъ, будемъ помиловани; аще ли не
останетесь безумъ и неправды, то узри-
те горьзю запослѣдъ.

(Пользка Шевырева въ Бѣлоз.
мон. II, 36).

Тоже слово съ измѣненіями см. въ Приб. къ
твор. св. Отцевъ 1843, кн. 3.

Еще слово Серапіона въ Ж. М. Н. Провъ ч. 39,
VI, 42. О писателѣ см. Лѣт. Литер. 1859, I.
Сюда же относится „Поченье къ духовн. сыну“
Зарубскаго черноризца Георгія XIII в. Зѣтъ изла-
гаются нравств. наставленія и сильно вооружается
писатель противъ лязгого скомороха, гульца и свирца
(свириличка?), что нѣхъ водить къ дома глума ради;
„поганско то есть, а не крестьянско.“ (О маломъ
и неизв. памят. Срезневскаго I, 54—57. См.
также Слово Кирилла о злыхъ дѣлахъ по сп.
XV в. Москвит. 1844, I, 241).

17. Слово пророка Исаія, истолковано св. I. Златоустомъ. (1)

...Рече Господь: насладятъ гору
святую мою избраннии мои, раби
мои. Раби суть то, иже служатъ Богу и
волю его творять, а не Роду, ни Рожани-
цамъ, ни кумиромъ суетнымъ: то суть
слуги божія, иже приносятъ честную
жрътву живу Богу въ крѣпости сердца
своего съ разумомъ добраго ученія. И бу-
дутъ въ лугъ (на лугу) огради овцамъ.

(1) Слово это постоянно входитъ въ составъ
сборниковъ, известныхъ подъ именемъ *Златоу-
стовъ*.

Лугъ паречется рай, а огради райская
мѣста, а овцы—вѣршии люди, иже рабо-
тають Богу, а не Рожаницамъ. И дебрь
Охорьска въ покой воломъ. Дебрь
есть вѣщяго Іерусалима пажить, а во-
лове—кротціи епископи и попове, иже
ходя по црѣковному учевію и нѣхъ до-
брѣ учаше, иже възыскають вѣмена и не
оставляютъ святыя горы. Вы же остав-
ше мя и забывающе гору святую мою
и готовающе трапезу Роду и Рожани-
цамъ, наплывающе бѣсомъ чръпаниа.
Азъ прѣдамъ вы на оружіе и вси
заколеніемъ падете. Заколеніе есть
смерть, а оружіе—мука вѣчная. Яко
възвашъ вы,—не отвастеся, глагола-
хъ—и не слышасте, и творите злое
прѣдъ мною, иже не хощу,—то
избрате. Сею ради тако глаголетъ
Господь: се работающии ми исти
начнутъ, вы же възалчете; но тою сы-
ти есть трапезою, иже готовасте Рожани-
цамъ. Се работающии ми нити на-
чнутъ, вы же възсадете; но то пѣ-
те, иже то исполняете чръпаниа бѣ-
сомъ. Се работающии мнѣ възнесе-
лятся, вы же постыдитесь. Се ра-
ботающии ми възрадуются въ веселии
сердца, вы же, работающии бѣсомъ и
служащии идоломъ и ставляюще трапезу
Роду и Рожаницамъ, възопіете въ боле-
зни сердца вашего и отъ скрушена
духа възплачетеся. (1) Тому же съ
сбытии нѣсть зде, по въ ономъ вѣцѣ:
оставяете бо утѣшеніе наше и покой бу-
дущаго вѣка избраннымъ нашимъ, васъ же
убіеетъ Господь Богъ; а работающии ми
благословятся, поють Богу истинному, а
вы поете пѣсни бѣсовскыя идоломъ, Ро-
ду и Рожаницамъ. Въ велику пагубу
продитъ невѣжество книжное. Велико зло,
еже не разумѣти почтаемаго, и велико
зло, еже не слышати разумѣйша себе,
или разумѣя честна, не творити воля бо-

(1) Прор. Исаія гл. 63, ст. 9—14.

жиза по писанному закону. Се же, чада, слышашен остаиште ся пустошнаго того творения и службы тоя сатанины, наста вѣише (и ставленія) трапезы тоя кумирьскыя, нареченыя Роду и Рожаницамъ. Братіа, творите воля божія, якоже ны учатъ кивгы пророчскыя и апо-стольскыя и отчѣскыя, да примемъ оставление грѣхотъ и получимъ жизнь вѣ-чную о Христѣ Ісусѣ Господи нашемъ, ему жъ слава въ вѣки, аминь.

(По ркп. Спб. Публ. Библ. Q. отд. I. № 18, См. Архивъ историко-юридич. свѣд. 2, 1. отд. 1. 100—101, II, отд. VI, 66).

18. Изъ слова Григорія Богослова XIV в.

Елзны дѣлають «требокладеніе (жертвоприношеніе)» грому и молньи и Вилу, богу вавилоньскому, его же разби Данило пророкъ; тѣмъ же богамъ требу кладуть и творять. И словенскыи языкъ Виланъ⁽¹⁾ и Мокоши, Дявѣ⁽²⁾, Перуну, Хьрсу, Роду и Рожаницѣ⁽³⁾, Упиремъ и Бересыямъ⁽⁴⁾ и Пенелуту, — и вертачеса пьютъ ему въ розѣхъ⁽⁵⁾, и огненя Сварожичю молятся и назывъ (мертвымъ) мѣвъ творять и въ гѣстѣ мосты дѣлають и колодязѣ и ива многая...

⁽¹⁾ Вилы—русалка, въ другомъ сп. смѣшаны съ вавилонскыи Виломъ.

⁽²⁾ Дива—вѣроятно, Дія, Диана.

⁽³⁾ Рожаница — богиня судьбы, надѣляющая счастьемъ при рожденіи человѣка. О Рожаницахъ упоминается въ ркп 1271 г., гдѣ сказано, что люди приготавлили счастье (случай) раствореніе или чѣрнаніе, т. е. разбавленное питье. О Родѣ говорится въ Вопросахъ Кирика и въ Словѣ Злато-челника.

⁽⁴⁾ Упирь—вѣшпоръ, возкозакъ, перемѣтчикъ. Бересыя—водяное существо, русалка.

⁽⁵⁾ Т. е. изъ роговъ, которые въ древнее время служили вмѣсто стакановъ.

Начаша Елзны ставити трапезу Роду и Рожаницамъ, таже Ривляне, даже и до Словенъ донде. Се же Словене начали трапезу ставити Роду и Роженицамъ, перже Перуна бога ихъ, а преже того клали требы Упиремъ и Бересыинимъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отрунуша, а по Христа Бога яшася; нѣ и нынѣ по Украинамъ ихъ молятся проклятому богу ихъ Перуну, Хьрсу и Мокоши и Виламъ; нѣ то творять акы отай, сего же не могутъ ся лишити, наченше въ поганствѣ⁽¹⁾, да-же и доселѣ проклятаго того ставленія вторыя трапезы Роду и Рожаницамъ⁽²⁾ на прѣлестъ вѣриимъ хрестіаномъ и на хулу святому крещенію и на глѣвъ Богу. По святѣмъ крещеніи череву работыи попове уставивша тренаръ прикладати Рожества Богородици къ Рожаницамъ трапезѣ отклады дѣюще⁽³⁾. Таковыя наря-цаются кармогузды (обжоры?), а не рабы божьи. И недѣли день и кланяют-ся записавше жену въ человѣчскъ образъ тварь⁽⁴⁾.

(Лит. рус. лит. Тихонрав. IV, 100—101; также 97).

19. Изъ слова отъ св. евангелія XIV в.

...Тѣлесный грѣсъ янаци и душевныи инаци.. Тѣлесныи же суть грѣси: уби-ства, чародѣства, потвори, вошьба,

⁽¹⁾ Се времени язычества.

⁽²⁾ Вторая трапеза—secunda mensa, состоящая изъ плодовъ и вина.

⁽³⁾ Преп. Феодосій преслѣдовалъ сильно этотъ обычай въ словѣ «О гроперіи и пьянствѣ».

⁽⁴⁾ Въ Коричей 1280 г. въ правилѣ VI все-ленскаго собора упоминаются волнды (calendae?), Рожаницы, облакопроегнанія и преслѣдуются ягры, переряживанья и обычаи—скакать черезъ зажженный костеръ (Истор. Христ. Буслаева. 381—382).

наузы ⁽¹⁾, идолопоклонство, тѣбѣ идоломъ бесомъ, по жиде дихонимне, еже есть всему злу мати, иняетство и всего нужию иисити. А се душевныи грѣси: хула, злии помысли, ереси, зловомиание, зависть, клеветѣ, ненависть, прозорство, (*презрѣние?*), уныние, отчаяние, неупованіе еже къ Богу, иновѣрье, еже чюжю вѣру хвалити и примѣшати къ иной вѣрѣ, и лгати, не право глаголати, росокы дѣяти, облыговати и правыя и клятися и пваго клятвы догонити (*принуждати*) и ротѣ (*къ прислѣ*) водяти и къ иной вѣрѣ поганой првстupati и по кривѣмъ ирю дѣяти (*защищать неправого*) и учити ся остроуми (*острологи*) и вѣровати в метанне (*мечтаніе, сонъ?*) и въ лживая писанія и въ елиивскыя книги, кощунъ и въ баснотворѣя и устрядю и въ чехъ и въ Мокошь и въ спосудецъ (*въ сповѣдникъ*), итици чарове, въ громщикъ и в коладникъ и въ всѣ мартолои проклятыи, и иже творять злы дни и часы да будетъ иреть (*прокляты*)... Се же мало написасомъ о тѣлесныхъ грѣсѣхъ и о душевныхъ: нужа бо есть много писати, да сами сами расѣемотрите.

(Лит. литер. Тихонр. IV, отд. III, стр. 105 — 106. Ркн. Соф. библ. № 1262).

20. Слово Христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ, около 1400 г.⁽²⁾

Яко Илья Фезвитянинъ ⁽³⁾, заклавъ ереп жерца идольскія числомъ 300, и

⁽¹⁾ *Наузы*—волшебныя навазды, амулеты. *Натвори*—претворенія, или волшебныя измѣненія людей и вещей (оборотни).

⁽²⁾ Слово это помѣщено въ *Златанъ чепи* и въ *Панскевск. Сборникъ* XIV в. Содержаніе Сборника представлено Шевырскимъ. *Польздна въ Бѣлозерск. мон. II, 52—59.* Содержаніе Чепи въ *Чт. общ. ист. 1846, № 2. Слѣсь 46.*

⁽³⁾ Илья пророкъ изъ города Фезви.

рече: ревнѣюи поревновалъ по Господѣ вседержителю. Тако и сей не мога терпѣти хрестыанъ *двоеварно* живущихъ,—и вѣрують въ Перуца, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сама и Рыгла, и въ Вилы, ихъ же числомъ тридѣять сестрѣницъ, глаголатъ неслѣгаси и мнятъ богинями, и та подкладывахуть имъ теребы, и бурѣ имъ рѣжють, и огневѣ молятся, зовуще его *Сварожичемъ* ⁽¹⁾ и *чесновитомъ* (*творить?*); ⁽²⁾ богомъ же его творять. Егда же у кого будетъ иирь, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужнии суть еретиковъ, ни жидовъ, иже в пере и во крещеніи тако творять, не токмо неслѣжи, но и вѣжи (*просвѣщеніе*), попове и княжннцѣ. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядять моленое (*жертвенное*) то брашно. Аще ли не пьють, ни ядять, да видять дѣланія ихъ злая; аще ли не видять, да слышать—и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъ рече: «окаменѣ сердце людей сихъ, оушима тяжко слышать, очи свои смѣжиши...» Самъ Господь рече: «мнози пастусѣ погубиша виноградъ мой.» Пастусѣ суть книжннцѣ, а виноградъ—вѣра: человекъ въ вѣрѣ погубають лихими пастусѣ. Учителя безумныи, аще не лишаться (*не отстануть*) проклятаго моленья и службы дьявола, то достойни огню негасимому. Си же учителя будутъ имъ подлѣтати, аще ихъ не обратятъ отъ дѣла того сотоинна. Глаголетъ бо пророкъ отъ лица неслѣрыхъ людей, приходящихъ во крещеніе и оученью добрыхъ дѣла: «да обратятъ ны боящися тебе, и вѣдуше свидѣнія твоя».. Рече Господь: «иже добре научитъ хто, то великъ на-

⁽¹⁾ Т. е. сыномъ Сварога. См. выше Илат. лит.

⁽²⁾ Доселѣ въ Галиціи соблюдается въ праздникъ Коляды обрядъ чесновка. Быть рус. народа. Терепенко. Опис. празд. коляды.

речется во царстві небеснѣхъ. Павелъ рече къ Римляноу: «аще мнози наста-вники имате о Христѣ, но не мнози от-цѣ, о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ евангеліемъ. Молю же вы сѣ, подобни-ци (подобны) мнѣ будите, и попове и книжници.» Будете же вы подобни Пав-лу великому учителю, оучите же люди на добро и обращайтесь нхъ ото лсты дѣ-воля къ вѣрѣ истиннѣй, служити истин-ному Богу, да і вы речете предъ Богомъ пророчнѣхъ гласомъ: «се азъ и дѣти моя, яже ми далъ еси, Господи, и азъ наро-дихъ оученіемъ.» Того ради ѡчете, ясте и дары емлете отъ нхъ. Аще ли не хотите оучити нхъ, то не примѣшайтесл нмъ по евангеліемъ слову: «аще имашь око свое лукаво, то всѣхъ ѣ вошь, аще ли руку, то отсѣди ю,—лучше бо одинъ оудъ погибнетъ, нежели все тѣло.» Не можетъ бо погибнуть праведникъ про беззаконника. Кое причастіе Христу съ бѣсомъ? Тако и служащихъ Богу кое причастіе къ служащимъ бѣсомъ і оугодья дѣволя творящимъ? Павелъ бо Коринѣ-емъ рече: «обратя, псѣхъ вамъ въ пос-лапѣхъ, не примѣшайтесл къ рѣзон-дему (1), ни грабителемъ, ни корѣчми-томъ (2) і къ служащимъ кумиромъ, но должни есте отъ міра сего лзыти, рекше оумрети. Ныгѣ же псѣхъ вамъ, съ та-ковыми ни пити, ни ясти, не въ законъ, но въ упои и быти нѣли, і востаи играти,—и того дня погнѣе нхъ 620 за свое не истовос пѣнство.» Того ради не по-добаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденіе, нѣ-син мирскія, и жертвы вдовскія; еже молать сѣ огненѣ подъ овиномъ, и Ви-ламъ, и Мокоши, и Сину, и Рыгу, и Пе-руну, и Роду и Рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ,

(1) Берущимъ лхву, проценты.

(2) Облѣчивающимъ при продажѣ вина или мѣ-шаницы въ вино съ водою.

яже сугъ тѣмъ подобни (1). Се же оу-ченіе намъ вписано въ конецъ вѣка. Да не во лжи будемъ рекли, крещающесе, отрицаемъ сотоны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангель его, и всего студа его, да общахомел Христови. Да аще сѣ общахомъ Христови; то чему ему не слу-жимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодья нмъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но и вѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы со про-клятымъ моленіемъ идольскимъ, иже ста-вать лине кутья яны тряпезы, законнаго обѣда, яже нарицается беззаконная тря-пеза, мѣрная (приносимая) Роду и Ро-жанцамъ и въ прощѣванье Богу. Самъ бо Господь речеть: не всякъ видѣтъ во царствіе мое, рекъ ми—Господи, Госпо-ди, но творѣи волю отца моего» (2). Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ рас-простертъ надъ всѣмъ міромъ и ннро-снхъ, глгола: Господи, что се есть? И рече ми: се есть молитва чловѣческая, смѣшена съ беззаконіемъ; того ради Го-сподь речеть: «не можетъ рабъ работати двѣма господиномъ: одного возлюбитъ, а другаго возненавидитъ. Тако и мы, бра-тѣя, возненавидимъ дѣволя, а Христа возлюбимъ,—вошь бо прѣстнхомся, вошь облекохомся; его хлѣбъ лмы и чашу его пѣмы; оумираемъ, здрави бываемъ о немъ. Рече: слава тебѣ о всемъ, дашимъ намъ тобою, не токмо здѣ, но и въ будущемъ вѣще. Рече же Павелъ: то оубо требы

(1) Въ другомъ спискѣ это мѣсто читается такъ: «Того ради не подобаетъ хрестіаномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти; аще ли то не бракъ нарочетъ, нѣ (но) одолослуженіе, иже есть пляска, гудба (игра на музыкальныхъ ин-струментахъ), пѣсни бѣсовскія, софѣли, бубни и вся жертва вдовска. Иже молатьсѣ огненѣ, Ви-ламъ, Мокоши, Сину, Рыгу, Перуну, Хъресу, Роду и Рожаницѣмъ и всѣмъ проклятымъ боготъ нхъ.» Риска. Соф. библ. XV в. № 1285.

(2) Далѣе мѣсто взято изъ апокрифическаго сказа-занія: «Ходженіе заостола Павла по мукамъ.» Нам. отречен. литер. II, 43.

кладуть страны бѣсомъ, а не Богу. Не ведю же вамъ общникомъ быти бѣсомъ, и не можете бо пити чаши господня, и не можете бо причаститися трапезѣ господня, да не разгнѣваете Бога. Аще кто повѣсть вамъ, яко се требно (*жертвенное*) кумиромъ, не идите того; аще ль шете, или ясте, то все въ славу Богу творите: господня бо земля и концы ея... Братія, не ведю же вамъ не вѣдати бесѣды сія, но имѣмъ будите на пользу хотишимъ спастися. Истерыгнитеся отъ сѣти дьявола. Да приведемъ къ пречистому свѣту Господа нашего Іисуса Христа. Беззаконнымъ немокоривымъ, противнившимся здравому ученью, нечестивымъ, хулящимъ отца и мать, славы божія не наслѣдовати.

(Литон литер. Тихонравова. IV, 93).

21. Изъ слова, приписываемаго Златоусту до 1400 г. (1).

Горе вамъ, пожевъ слѣпши: ни сами възходите, но и хотишимъ възйти не дае-те. Человѣчи забывше страха божія небреженіемъ и крѣщения отвѣргошася, и приступиша къ идолѣмъ, и начаша жрети молнии и грому, и солнцю и лунѣ. А друзи Перену, Хуреу, Валамъ и Мокоши, Уширемъ и Берегивамъ, ихже нарицають три—9 сестриницъ; а пили въ Сварожитца вѣрують, и въ Артемиду, имже невелиаши (*невѣжи*) человѣчи молятся, и куры имъ режутъ. О убогая курята! оже не на честь святымъ породилися, ни на

(1) Полное заглавіе памятника слѣдующее: «Слово св. отца нашего І. Златоустаго, архіеп. Костянтина града, о томъ, како первое погани въроуали въ идолы, и треби имъ вѣдали, и имена имъ нарекали, аже и нынѣ мнози тако творять и въ крестьянствѣ суще; а не вѣдаютъ, что есть крестьянство». Изъ Златой Чепи.

честь вѣрнымъ человѣкомъ; но на жертву идолѣмъ режются,—и то *блутнише* сами ядять, и имѣли въ водахъ потопляеми сугъ. А друзи къ кладазѣмъ приходяще молятся, и въ воду мечють велсару (*сатанъ*) жертву приносяще. А друзи огнѣви и каменню и рѣкамъ, и источникамъ, и Берегивамъ, и въ дрова; не токмо же иже в поганьствѣ (1), но мнози и нынѣ то творять; а крестьяны ся паричающе, мосты и просвѣты, и бѣдники, и чересь огнь скачють, мнишеся (*кажущеся*) крестьяны, а поганьская дѣла творять; извѣмъ мовъ творять (*окликають мертвыхъ*) и попель посреде сыплють, и проповедающе мясо и молоко, и масла и яйца, и вся потребная бесомъ; и на печь и льюще въ баня, мытися имъ велять. Чехоль и убрусъ (*платокъ*) вѣшающе въ молвици, (*въ мовици, т. е. съ бань*). Беси же злоумно ихъ смѣющеся поропръщются (*пройдутся*) в пепелу томъ, и следъ свои показываютъ, на прелщенье имъ; они же видѣвши то отходять, поведаяще другъ другу, и то все проповѣданье сами ядять и шють, иже не достоитъ ни исомъ асти. О злая дьяволя прельсть, иже пи погани того не творять! А друзи вѣрують въ Стрибога, Дажьбога (2), и Переплута, иже вѣртичеса ему пиють въ розѣхъ, забывше Бога, створившаго небо и землю, моря и реки и источники,—и тако веселящеся о идолѣхъ своихъ... Словомъ бо и слытьемъ (*слысуть*) мнози сугъ крестьяны, а образомъ мало ихъ; образомъ же аки и ученики христови, а деломъ предатели; словѣсемъ богобоязнии, а деломъ нечестивии; словѣсемъ милосерди, а образомъ

(1) Въ Златой Чепи XIV в. упоминается о вѣрѣ народа въ домового или «бѣса хоморожителя» — *Очерки древн. Буслаева. II, 125. Опис. Рум. Муз. Востокова 352*

(2) Стрибогъ и Дажьбогъ упоминаются въ *Сл. о Пол. Игор.*

Еливи (язычники); нарокомъ (по названью, нареченю) крестьяни, а деломъ страньници: съестеиша бо ся странами и извыкоша дѣла ихъ. По истинѣ въ насъ ся сконча пророчество: каки бо суть крестьяни, а послушающе кощювъ елипскихъ и басни жидовскихъ, и рождество (рожаницу) и почтанни вездныхъ, и птица глаза (¹), и чаровѣ, и волхвованія, и заскопья денви, и лѣтъ и сновъ, и надъ источники свѣща вжагающа, и кумирьскую жертву ядять, и кровь и удавленну, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтено. Многа ява подобная снмъ: како крестьяни варещия имуть, а сине творяще? Кимъли (какимъ) дързновениемъ смѣють наричатися крестьяни? Како ли смѣють къ святымъ тайнамъ притя? а горше суще Еливи. Послушайте бо паки: каки (какие) убо крестьяни, а поганыхъ образъ носяще и прокужающе (намазывающе, надълающе маску) лице, или утварь (нарядъ) жевьскую на мужехъ сѣ творяще? И имѣтъ имъ никакоже пользы наричатися крестьяномъ.... Разумѣйте же вси възлюблени, яко малыи словеси всѣхъ снхъ отъбѣрохомся глаголюще: «(отъбѣгаемъ) сотоны и всѣхъ дѣлъ его,» и рече же при всѣхъ да помысли, что всѣхъ дѣлъ его да блюди и помышля кому ся обеща? ни ангелу земному, ни царю, ни князю вѣка сего; но дарю царствующимъ, и князю князствующимъ, — тому же ся и обеща и исповеда предъ многими послухы, да уже в руку его ты и словеса твоя. Или к тому жди его приходяща съ небеси ждеши его? несущая написаныя книги твоя, имже почестися есть предъ ангелы и чловѣки. Тѣмже, брате, сохранися, поне нынѣ отъ пога-

(¹) Т. е. гадать и дѣлать предказанія по крику птицъ. Доселѣ еще сохранилось много примѣтъ: если ворона кричитъ — дождь будетъ, воронъ кризаетъ — къ покойнику или другому несчастю и т. д.

выхъ страхъ писанія.... Мнози учителя изгыбеля, и еще умножатся имуть.

(Автопис. литерат. Тихонравова. IV, стр. 105 — 110 въ концѣ).

22 Тоже слово измѣненное.

Слышите убо: мнози суть слытьемъ (на словахъ) крестьяни, а обычаемъ и дела аки погани невѣрнии; навѣкоша бо елипскы дѣлати. О насъ бо сконча пророчество: како есте вѣрнии, обыкше кощюны и елипскыя басни жидовскыя, и у родословья (рожаницы?) и глумленіе на улицахъ, и на беседахъ рада, (родъ?), чары же и волхвованіе, и снопъ и кровяное и давленіе, вина неподобная многа дѣюще. Како крестьяни есте, аще сѣ творите, и како святыя тайны смѣете принимати, а горша будуще Еливи? Навыкосте бо поганьская дѣла творити: плясаніе, вѣсканіе руку сотоницу, пѣсаніе, пивьство, блудни, гнѣтъ, зависть и язвъ же, имѣтъ аже имъ глаголати ихъ злѣ. Творятъ бо сѣ, како крестьяни есте, а горше невѣрныхъ?..... Многи бо вѣрнии творятся, а не вѣдаютъ что есть крестьянство, како есть въ вѣрѣ и въ законѣ законено. Но вижю убо не уныя токмо неистовы что и неразумны, по и старыя, о нихъ же вельми тужю, егда на бесѣдахъ и на улицахъ града вижю мужа отъ сединъ честиа, а злая и неподобная вѣстующа (разсказывающаго), или на позоры или въ пяръ дѣти съ собою влекуща. О вернии, како ся на погыбель деете! сквернѣно бо се и зло. Отецъ свои чѣда ведетъ на зло дѣло. А крестьяномъ бы подобно закону божью своя дѣти учити, а не пагубѣ. Аще же кто въспросить бесстыдныхъ (безсовѣстныхъ) тѣхъ старечъ, како пророчи и апостоли положили, и колико зло-

столь и пророкъ,—не вѣдать убо я не умѣють о томъ что рещи. Аще ли о конехъ или о птицахъ, или о иномъ о чемъ; то философи, хитреци. Еще же и се глаголють: въ глумлении (*всселѣи, смѣхѣи*) нѣ грѣха. О человѣче, далѣ ти Богъ пожити время, да ему угодиши и волю его створиши и правду дѣяи; а ты же на чинанье, и на блудню, и на вся злая влася.... Аще здѣ учение слово продажаго, то мнози (*въ церкви*) аки у некоего зла снужею предѣстоятъ; або будеть на бесѣдѣ града, или на улицѣ, или на игрищи,—то ту пребудете и далѣ. А будеть плти, то и вошци не спать, пагубная дѣяи. Како вы крестьяни есте, а се творяще, а горее поганыхъ? Сотонию бо замышление, тои бо и позоры научалъ есть, смѣхотворца, и кощюнышники, и игрьца, да тыхъ злыми дѣлы и зрящя ихъ погубитъ. Како бо позорующая не тоуже ли творитъ. Аще пустошникъ ⁽¹⁾ глумяся что изорчетъ, тогда снѣ боле насмѣются, егже бы дѣля злословнаго кощюнышника бѣюще отгнати. Но снѣ зряще чюдятся, ти учаться злу, друзни же изды игречемъ дають ⁽²⁾. Да темъ болии огнь на свою главу вжагають. Но аще бы ни зрѣли, ни дивилися имъ; то оставили бы тиі пустованія. Но не токмо дивятся зряще, но и словеси ихъ извыкли. Да егда зберутся в пару или инде гдѣ, то подобно бы крестьяномъ глаголати было о пророчествѣ, о учении святыхъ, то снѣ в того мѣсто вѣщають,—се глаголють: онеи скомерохъ, или опъ игрецо. Да тѣмъ многы себе пути готовить, вѣдушѣ в мѣну вѣчную. Се бо имѣсть крестьянско, аще игръ и бесѣды дѣемъ, и кощюны и злы грѣхы, смѣхы и блудъ творимъ, а не-

правды не остаемся и прочихъ злобъ. По се есть гѣхъ дѣло, иже дьяволи суть угодиши, имже имѣсть чалица жизни; но с бесы осужени будуть в неугашимыи огнь...

(Лыкоп. литер. Тихонравова, IV. стр. 110—112).

23. Слово св. отца Моисея о ротахъ и о клятвахъ ок. 1400 г.

Пророкъ глаголетъ: яко того ради затворися небо—не пустити дождя на землю, зане кленуться человекѣ Богомъ и его святыми, и другъ друга догоняють клятвы, и св. церковь, неукѣсту христову, ротою (*клятвою*) скверняще; приходяще закаляютъ Сына предѣ Матерью, слугѣ же тоя матеръ рождшагося по духу брата своего св. крещеньемъ, вьють кровь заколеннаго Сына Матере тоя. И того ради велъ силы небесныи трещеють со страхомъ, зане же не велитъ Господь Богъ догоняти (*доходить*) до клятвы и роты. По истинѣ бо Спасъ нашъ Христосъ рече: человекѣ снѣ токмо ротою кнѣ знаютъ; сего ради съ небесѣ съходяще сериѣ огненъ пророкъ Захарѣя видѣ идуща на землю, в долготу 50 локотъ, а в ширину 9 локотъ; и о семъ молящеся Богу, да проявитъ ему. И сниде к нему гласъ глаголющъ: се есть сериѣ гнѣвъ божий, исходящии на тѣхъ, иже снѣ на клятвѣ рогають ⁽¹⁾, да поженеть я, и ихъ огню негасимому предасть. Семуже другая вина подобна тому—жертву приносятъ бѣсомъ, недуги (*болѣзни*) лѣчатъ чарами, и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясею (*мхорадку*) мнѣться протонлюще *нѣкими ложными писаниями* про-

⁽¹⁾ Пустой человекъ. Здѣсь преслѣдуются позоры или зрѣлища скомерохъ, которые были игрищами — актерами и гуляками — музыкантами, веселыми пѣсенниками и разсказчиками, смѣхотворцами.

⁽²⁾ Временякъ, ил. XX.

⁽¹⁾ Криво, ложно клянутся.

благыхъ бѣсовъ еленьскихъ ⁽¹⁾; пиша пища на людемъ, покладаятъ на святѣй трапезѣ в годъ люторгѣрѣи (*во время литургии, службы*), и тогда ужаснутся со страхомъ ангельская воинства. И того ради разгнѣваетъ Господь Богъ, не пустишь дождя на землю, овогда же пожаромъ, и ратни (*войнами*) частыми, и прочими бѣдами многими казни намъ посылаеть,—да мы предстанемъ отъ злобъ, и на покаянье обратимся; но мы одинако пребываемъ, не оставшеся грѣхъ, яко веми прегнѣтъ Господь святыми своими и не велитъ чарамъ медухъ лѣвити, и ни паузы, ни бѣсъ нескати, ни въ стѣхъ чю въровати, ни в ловы идуще, или на куплю отходящи, или отъ князя милости хотяще сихъ нескати ⁽²⁾. Аще ли кто отъ хрестыиъ польхуа и кобленя (*чародѣяныя*) творяще, горше поганыхъ (*язычниковъ*) осудятся таковыми, аще покаянья о томъ не примутъ, ни останутся.

(Изв. Акад. Н. Х. стр. 703—704).

24 О идолахъ русскихъ.

Здѣ нѣчто скажемъ о богахъ русскихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковою сѣнотою тогда діаволь помрачилъ бже челоѣки и въ таковое безуміе приведе, яко не токмо не знаху истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко худымъ и бездушнымъ вещемъ и стикимъ богоподобную честь воздаваху. Во 1, *Перкопосъ*, си есть Перуиъ, бже у нихъ старѣйшій богъ, созданъ на

(1) Здѣсь не имѣетъ вспоминать ложное сказаніе о св. Спснѣи и о 12 тѣлѣвицахъ. *1. Экзархъ Болгарск. Калайдовича.* стр. 240.

(2) Т. е. заговоры, когда вѣдетъ кто на охоту, на торгъ или въ судъ къ князю.

подобіе челоѣче, ему же въ рукахъ бже камень многоцѣнный аки огнь, ему же яко Богу жертву приношаху и огнь неугасяющій въ дубового древіа неугасяемо палиху; аще ли бы случилось за пераѣнемъ служащаго іерея когда сему огню угаснутъ, такового іерея безъ всякаго извѣта (*пощады*) и милости убиваху. 2, *Волосъ*, богъ скопій, бже у нихъ во великой чести. 3, *Позвиздъ*, Лихи его нарицаху Похвистъ, сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иныя погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко богу кланяющеся молахуся. 4, *Лодо* (си есть Pluton), богъ пекельный (*адскій*); сего вѣрили быти богемъ женитвы, песселя, угѣшенія и всякаго благополучія, якоже Единиы Бахуса; сему жертвы приношаху хотящи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ, сего *Ладона*, бѣса, по шѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще свои шѣкии шѣни, и руками о руки или о столъ плещуще—*Лодо, Лодо*, пренлетюще шѣни своя, многожды поминають. 5, *Купало*, якоже мно, бже богъ обилия, якоже у Единиы Цересъ (*Церера*), ему же безумныи за обилие благодареніе приношаху въ то время, егда имѣише жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по шѣкоихъ странахъ безумныи палии совершають, наченше поля 23 дни, въ по-вечеріе рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и датѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собируются простаи чашъ, обогото полу, и соплетають своѣ шѣицы изъ ядомого зеля (*травы*), или корени, и препоясавшеся былемъ возгнѣтають огнь, иидѣ же поставляютъ зеленую шѣгу, и емшеся за рудъ около обращаются окрестъ оного огня, поюще свои шѣни, пренлетюще Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакають, оному бѣсу жертву себе приносище. 6, *Коллода*, ему же празд-

никъ прескверный бѣше дек. 24. Сего ради и плѣбѣ, аще и благодать Христовымъ. Рождествомъ осія насъ и идола погубоша, но единое (однако) диаволъ еще и до-сѣлъ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадѣ сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поютъ пѣсни пѣкня, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но болѣе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ бо-говъ: не доверяху бо имъ, ниже смѣху положить на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпоту не бысть бо на кого упова-ти; но имѣяху еще и болѣй боговъ, си есть: *Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша*, иныи же кладземъ, езеромъ, роженіемъ жертвы приношаху. Отъ сихъ единому пѣкоему богу на жертву людей топаху, ему же и донимѣ по пѣконыхъ стравахъ безумныи память тво-рять: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юви и играюще, вметають челоуѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, ся есть бѣсовъ, яко вометаемыи въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбивают-ся и умирають, или утопають; по пныхъ же странахъ не впадаютъ въ воду, но токмо водою обливають, по единаче тому же бѣсу жертву сотворяють.

(Пол. Собр. Лѣт. II, 256—257).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ Густынской лѣтописи, которая такъ названа по монастырю, которому принадлежала рукопись. Эта лѣтопись составлена въ 1670 г. на основаніи польскихъ хроникъ Стрыйковскаго, Кромера и другихъ. Въ нее занесены позднѣйшіе изъясненія и разные не вѣроятныя рассказы о дивныхъ явленіяхъ. По всему этому Густынская лѣтопись болѣе другихъ нуждается въ строгой критикѣ.

Кромѣ указанныхъ памятниковъ, о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ можно еще читать въ слѣд. статьяхъ этой христоматіи: въ Церковн. Уставѣ св. Владимира преслѣдуются умышля и обычаи кра-пить сырѣю про дѣвку, а въ Уставѣ Ярославѣ—яри-ца, Лука Жидята и м-ть Іоаннъ (до 1089 г.)

вооружаются противъ скверноуденія и срамословія; послѣдній говоритъ, что ядуть удавленію и не зарѣзанію дичь и кровь, не соблюдаютъ постовъ, живутъ безъ пѣнчанія, имѣють по двѣ жены, вѣрять волхвамъ и чародѣямъ, приносятъ жертвы боготамъ и колдеемъ, ходятъ на игры и т. п. Въ *Вопросахъ Кирилла* читаемъ о жертвоприношеніяхъ богамъ языческимъ, о приношеніи больныхъ дѣтей къ волхвамъ для излеченія. *Хожд. Богородицы по мукамъ* говоритъ о похищеніи Хорсу и другимъ языч. богамъ. Въ поученіи *Кирилла Туровскаго* есть выраженіе, что не парекуютъ уже богамъ стихи, кончилися идолослуженіе и закланіи младенцевъ бѣсамъ. Описательно жертвоприношенія водному божеству, можно напоминать былинѣ о Садкѣ богатомъ и замѣтъ-ки въ Рус. Бесѣдѣ, какъ иже люди топили *перваго* роля, совершая жертву водному на богатство дому и на удачный разводъ пчелы (1860, I 1. 82. См. Густынс. л. 257). М-ть Кирилль (1274) вооружался противъ позоровъ бѣсовскихъ — сивастіи, волчей, кулачной борьбы и убійства. Въ *словѣ о мытарствѣхъ* упоминается о игрищахъ, наузахъ, чародѣйствѣхъ, вѣрѣ во вѣрѣхъ, въ птичій граи и воробѣ, сказываніи басенъ, игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. См. также *Вопросы І. Богослова* и *легенду о Февроніи Муромской*.

25. Идолище поганое

Прѣжжалъ идблище поганое въ стольно-Кіевѣ градѣ,

Со грозою, со страхомъ со великимъ
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю Владимиру,
Чтобы князь Владимиръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поедищика,
Супротивъ его силушки супротивника...
Тутъ Владимиръ князь ужаснулся,
Приужахнулся, да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владимиръ, не печалуйся:
«На бою мнѣ-ка смерть не написана,
«Потѣду я въ раздольище чисто поле
И убью-то я идблища поганого.»
Обуль Илья лапотики шелковыя,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли грече-
ской

И пошелъ онъ ко идолищу ко поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатной
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
Идѣть-то дорожкой—пораздумался:
«Хоть иду-то я къ идолищу поганому,
«Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времечко,
«И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ по-
правиться?»

На ту пору на то времечко
Идѣть ему съ стрѣчу калитище Иванище,

Несетъ на рукахъ кляху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванце!
«Уступи-тко мнѣ кляху на времячко,—
«Сходишь мнѣ къ идолищу къ поганому?—
«Не дасть ему каличище Иванце,
«Не дасть ему кляху слесей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты каличище Иванце!
«Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
«Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,
«Я тебѣ убью, мнѣ кляху и достанется.»
Разсердился каличище Иванце,
Завуль эту кляху выше головы,
Спустилъ онъ кляху во сыру землю,
Пошелъ каличище—заворыдалъ.
Илья Муромецъ одна досталъ кляху изъ сы-

рой земли.
И припелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому ядолящу поганому,
Припелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему ядолище поганое:
«Ай же ты калика перехожая!
«Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?»
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я.»
Говорилъ ему ядолище поганое:
«По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,
«По многу ли Илья вашъ пива пьеть?»
Говорилъ Илья таковы слова:
«По столько ѣсть Илья, какъ и я,
«По столько пьеть Илья, какъ и я.»
Говорилъ ему ядолище поганое:
«Экой пивъ богатырь Илья:
«Я потъ по семи ведръ пива пью,
«По семи пудъ хлѣба кушаю.»
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«У нашего Илья Муромца батюшка былъ
крестыинникъ,
«У него была корова ѣдучая:
«Она много пила и вѣла, и лопнула.»
Это ядолищу не сдобилось:
Схватилъ свое книжальце булатное
И махнулъ онъ въ калику переходящую
Со всея со сизушки великия.
И пристрѣлился Илья Муромецъ въ сторону—
ку маленькую,
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воинную сторону съ про-
стѣнчникомъ.
У Илья Муромца разгорѣлось сердце бога-
тырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли гре-
ческой,
И зануль онъ въ ядолище поганое,
И разсѣлъ онъ ядолище на домы.

(Ильск. Рыбникова. I, 85—87).

26. Добрыня Никитичъ.

Доселѣна Рязань она селомъ слыла,
А пилъ Рязань слышетъ городомъ
А жилъ въ Рязани тутъ богатый гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье—бытье, богатство,
Осталась его матера жена
Амелея Тимофеевна,
Осталось чадо милое
Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотъ учиться:
А грамота Никитичу въ науку пошла.
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка въ 12 лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жоры во витровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти мепл матушка купатися,
Купатися на Израй-рѣку.»
Она вдова многоразумная,
Добрынь матушка наказывала,
Тяжонько ему благословенье даетъ:
«Гой еси ты, чадо милое.
А и Добрыня Никитичъ младъ!
Нойдешь ты Добрыня на Израй-рѣку,
На Израй-рѣкъ станешь купатися,—
Израй-рѣка она быстрая⁽¹⁾,
А быстрая она сердитая:
Не плавай, Добрыня, за первую струю,
Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.»
Добрыня-то матушки не слушался:
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собой онъ невзгоды не вѣдаетъ,
Пришолъ онъ на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинишкѣ хоробрыя,
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее⁽²⁾.»
А все молодцы разболокались⁽³⁾
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
Никто молодцы не смѣютъ, пинто нейдетъ,—
А Добрынюшка Никитичъ младъ,
Черекрестясь въ Израй-рѣку пошолъ.

(¹) Въ другихъ спискахъ рѣка называется или *Сафата-рѣкой* или *Пучай-рѣкой*, и все это мѣ-
сто читается такъ:

Добрынюшкѣ матушка говорила:

«Что молодецъ началъ бѣдить во чистое поле,
На тую гору Сорочинскую,
Топтать-то молодцы зимнейшей,
Выручать-то пеленою русскимъ.
Не купайся, Добрыня, во Пучай-рѣкъ,
Пучай-рѣка есть сопрѣвая.

Середни струйная, какъ огонь, сѣчетъ.»

(²) Т. е. не мнѣ первому идти въ воду.

(³) Разболокались, раздѣлились.

А поплыль Добрынюшка за перву струю:
 А дѣ-то струи самъ переплыль,
 А третья струя подхватила молодца,
 Унесла во пещеры бѣлокаменны,
 Ни отколь взялся тутъ злѣтый змѣй,
 Налетѣлъ на Добрынюшку Пикитича,
 А самъ-то говоритъ Горыныче,
 А самъ онъ змѣй приговариваетъ:
 «А стары люди пророчили,
 Что быть змѣю убитому
 Отъ молодца Добрыни Пикитича,
 А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ».
 Взмолпаса Добрыня Пикитичъ младъ
 «А и гой еси, змѣице Горыныче!
 Не честь хвала молодецкая—
 На няговъ тѣло напускаешься!
 И тутъ змѣй Горыныче
 Мимо его пролетѣлъ.
 А стали его ноги рѣзвыя,
 А молодца Добрынюшка Пикитича,
 А гребится онъ ко желту песку,
 А выбѣжалъ добрый молодецъ,
 Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
 Налетѣлъ на его змѣй Горыныче,
 Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
 Огнемъ спалить, хоботомъ ушкиты:
 На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
 Бросаетъ шляпу земли греческой
 Со тѣми пески желтыми
 Ко злѣтому змѣю Горынычу:
 Глаза заворонились и два хобота ушкиты.
 Упалъ змѣй Горыныче
 Во ту во матушку во Парай-рѣку...
 Когда ли змѣй исправляется!
 Въ то время и во тотъ же часъ
 Схваталъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до
 смерти,

А выгващилъ змѣя на берегъ,
 Его повѣсилъ на осину на согнутую,
 «Судишься ты, змѣй Горыныче,
 На той-то осинѣ на согнутой».
 А я поплыль Добрынюшка
 По славной матушкѣ во Парай-рѣку,
 А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
 Гдѣ жилъ змѣй Горыныче,
 Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтунекъ,
 А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ:
 Нашелъ въ пещарахъ бѣлокаменныхъ
 У злѣтаго змѣища Горыныча
 Нашелъ онъ много злата серебра,
 Нашелъ онъ въ палатахъ у змѣища
 Свою онъ любимую тетюшку,
 Тол-то Марью Дивовну,—
 Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны,
 И собралъ злата—серебра,
 Пошелъ къ матушкѣ родимыя свои:
 А матушка дома не годилася
 Сидитъ у князя Владимира;
 Принесъ-де онъ во хоромы свои,
 И сирягалъ онъ свою тетюшку,

(¹) Не случилась, отъ сд. тожд. времени

И пошелъ ко князю явиться.
 Владимиръ князь запечалился,
 Сидитъ онъ, ничего свѣту не видѣть.
 Принесъ Добрынюшка
 Къ великому князю Владимиру,
 Онъ Спасову образу молится,
 Владимиру князю поклоняется.
 Скорчилъ Владимиръ на рѣзны ноги,
 Хвата Добрынюшку Пикитича,
 Цѣловалъ его во уста сахарныя,
 Бросилася его матушка родимая,
 Схватала Добрыню за бѣлы руки,
 Цѣловала его во уста сахарныя,—
 И тутъ съ Добрыней разговоръ пошелъ.
 А стали у Добрыни выспрашивать:
 А гдѣ побывалъ, гдѣ почевалъ?
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 «Гой еси, мой сударь дядюшка (¹),
 Князь Владимиръ солнце киевско!
 А былъ я въ пещарахъ бѣлокаменныхъ,
 У злѣтаго змѣища Горыныча,
 А всю породу змѣиую я убилъ.
 И дѣтей всѣхъ погубилъ,
 Родимую тетюшку повыручилъ».
 А скоро послы побѣжали по ее,
 Ведутъ родимую его тетюшку,
 Повели ко князю во свѣтлу гридню.
 Владимиръ князь свѣтелъ, радостенъ,—
 Пошла-то у нихъ перъ-радость всанкая,
 А для ради Добрынюшки Нивитича,
 А для другой сестрицы родимыя—Марьи Ди-
 вовны.

(Древ. рос. стих. 345—354).

Въ торжѣ уродились великановъ и лихотинныхъ
 Русские представляли не рѣдко враждебные народы
 (Очерки Вуслаева. II, 27).

Быловои боатырей крѣпъ распадаются у
 насъ на двѣ тѣло-различающіяся между со-
 бою ступени. Изъ первой принадлежатъ боа-
 тыри—старшие. Они еще очень походятъ на
 существа сверхъестественныя; нѣкоторые изъ
 нихъ надѣлены, между прочимъ, способностью
 обращаться въ животныя (оборотни); силы
 лишь боатырей до того чрезвычайны, что не
 рѣдко становятся изъ силъ въ тѣло. Эти
 боатыри (первоначально боги), соответ-
 ственно греческимъ титанамъ, отличаются си-
 лами исполнимыми и часто разрушительны-
 ми. Вторую ступень занимаютъ такія бо-
 атыри, которые уже ближе къ людямъ и не
 лишены никогда человеческого образа; силы
 еще и у нихъ громадны, но уже въ меньшей
 степени, и служатъ имъ въ прокъ, употребля-
 ются ими на полнѣйшей части съ благою чело-
 вѣческимъ цѣлью. Это—боатыри мздине;
 собственно они-то, по народному оцѣнованью,
 и жили во времена Владимира, и въ нынѣшнѣ
 обѣ-нихъ уже постоянно является и онъ самъ.

(¹) Добрыня былъ дядей Владимира, а не на обо-
 ротъ.

Таким образом из богатырской их кружки отходит уже непремьерный членом лицо историческое и тутъ, какъ и прежде въ народной поэзии, одна ступень развития не разграничивается рѣзко съ другою, а они заходятъ одна въ другую, какъ звенья въ цепи.

Богатыри постоянно представляются въ борьбѣ съ разными немирными существами. *Бирьба*—изъ долъ; иному и не хотелось, да надо—не переводится въ конецъ злыя чудища, Соловьи-разбойники, да Тугарины Змисовичи, жихучионы, скаляные, и наделяются бѣдою на Русскую землю. Чудища эти, сперва имѣвшія мифическое значеніе, впоследствии стали обозначать и враговъ Руси: Добрыня выводитъ изъ пещеры змѣя Горыныча полонны русские. Налетали на землю Русскую то Печенги, то Половцы: богатыри были необходимы и борьба необходима. Такъ мѣло съ теченіемъ времени затмивши все болѣе и болѣе очеловѣчивалось; сивилъ чудища, получили значеніе историческихъ враговъ Русской земли, какъ бы вступали въ человеческій крутъ, иной же разъ замѣнились прямо человеческими образами разбойниковъ, воинской силы и т. п. Съ принятіемъ христианства завязалась борьба его съ язычествомъ,—и эту борьбу не удлишила изъ виду былина объ идолахъ идола. Этими именами, придуманными, очевидно, уже въ христианскія времена, для презрительнаго обозначенія имъ враждебнаго языческаго начала,—этими именами только прикрывается древнѣйшее, мифическое чудовищное значеніе этого существа, всеуничтожающаго съ Соловьи-разбойниками и т. п. Это та же первоначальная физическая темная сила, которая и падала на ясное солнышко, и только позже стала, въ известной собирательной лицѣ съ бытовыми именами, нападать на солнце Русской земли—св. Владимира. Такимъ образомъ борьба богатырей въ былинахъ ведется и съ вильными врагами и съ внутренними—язычниками и разбойниками, которые при Владимирѣ были одно и то же: не желалъ новыхъ христианскихъ порядковъ, становились открытыми врагами государственными—разбойниками. Но особенно замѣчательны два былины, коимъ Илья Муромецъ спасаетъ отъ полица на Русскую землю, а Царьградъ, средоточіе православнаго христианства (опытъ историч. обзор. рус. словесн. О. О. Миллера. Сиб. 1866. стр. 203—228).

См. Русскій богатырскій эпосъ. О. И. Бу-
славца. Рус. Вѣстн. 1862 г. № 3. 9. 10.

27. а, Намекъ на жертвоприношеніе.

Уродилась Коляда
На канунѣ Рождества

Я рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
Огни горятъ великіе (!),
Вокругъ огней скамья стоятъ,
Скамья стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни каледущія,
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Ботель кипитъ горячій,
Вокъ котла козель стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзать.

б, Изъ стиха о страшномъ судѣ.

Вступилась расплакалась
Матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ:
«Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, польный
свѣтъ;
Тяжелъ много грѣшниковъ, болѣ беззаконни-
ковъ.»
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
—Потерпи же ты, матушка сыра земля!
Но придуть ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придуть, прибавлю я имъ свѣту колы-
баго,
Царство небесное.
Ежели не придуть ко мнѣ къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчнаго (!).

(Ист. р. слов. С. Шевырева. I, стр. 245)

28. Стихъ о великой грѣшницѣ.

По морю по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, проѣзжали черезъ корабли,
Во этихъ корабляхъ св. ангелы сидятъ;
На срѣчу имъ самъ Иисусъ Христосъ.
Самъ небесный даръ.
Сталъ онъ въ ангелахъ выспрашивать и вы-
спытывать:

«Св. ангелы, архангелы,
Гдѣ вы хаживали, гдѣ вы гуливали?»
—Самъ Иисусъ Христосъ, самъ небесный даръ!

(¹) Доселѣ въ тѣхъ губ. по сѣверу въ ночь на Рождество и преимущественно во время утрени на многихъ дворахъ сгребаютъ въ кучи навозъ и со-
лому и зажигаютъ ихъ. Это называется—*пурить* жечь.

(²) Обратъ въникаетъ на олицетвореніе землѣ.

Мы хаживали на полюдье на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ блызы тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши душа, взворотилася,
Со своимъ съ вѣломъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло блыное мое,
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червямъ тѣло на источение,
Вы кости земли на преданіе.
А я, душа, къ самому Христу на споканіе.—
На стрѣчу души самъ Исусъ Христосъ:
Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на волююмъ на свѣту,
—Среды и пятницы не пащивалась,
Неякаго голения не гавливалась,
—Заутреню, вечерню просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдин прогуливала,
—Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праводу землю раздѣливала:
Я межку черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Во этихъ грѣхахъ Богу не калась,
И отцу духовному не сказывала ⁽¹⁾,
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Не по правелну покосы и раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позаканчивала:
—Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала ⁽²⁾.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ пол хъ душамного хаживала,
Проворы ⁽³⁾ въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстраивала,

⁽¹⁾ Эти два стиха повторяются послѣ описанія
каждаго грѣха!

⁽²⁾ *Заломы* называется особый видъ колдос-
ства, заключающійся въ корню изловъ рожъ или изъ чью-
нибудь голову, или чтобы вынуть спорышъ изъ
хлѣба. Точно также крадутъ землю съ чужой ни-
вы для этой послѣдней цѣли: стихъ упоминаетъ
объ этой ворожбѣ выше.

⁽³⁾ Отъ сл. *воръ, воронъ*—загородныя жердей.

⁽⁴⁾ Это дѣлаютъ, по евѣрному вѣдѣ, чтобы
корова не давала молока, или чтобы молоко непорти-
лось у ней. Въѣсто корня употребляютъ осиповый
сучокъ: а въ одномъ стихѣ такимъ образомъ гово-
рится объ этой ворожбѣ:

Четвертая душа согрѣшила—
Въ чистомъ полѣ корову заканила,
У коровки молочко отымала,
Во сыру землю выливала,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушила.

Калѣки, вып. 6 стр. 165.

Я добрыхъ людей оголаживала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклянывала,
Во блыхъ по грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразучивала.
—По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу—слышала,
Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
—По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьми оборащивала.
—По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самаго сатану воспогнѣивала;
Въ этихъ по грѣхахъ Богу не калась.
Написалъ душа зеленого вѣща,
Отъ зеленого вѣща душа пыла была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ пона, безъ духовнаго
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

(Сборн. Якушкина 39—41 Сборникъ Ва-
ренцова 144—148).

Въ этомъ духовномъ стихѣ душа грѣшная
кается въ чародѣйской силѣ, которая, разу-
мѣется, существовала только въ воображеніи
народа. Вообще по характеру самыхъ грѣховъ
можно заключить, что стихъ этотъ сложил-
ся у насъ въ первые вѣка по принятіи хри-
стіанства. Плавание ангеловъ зорь сохрани-
лось, по всей вѣроятности, отъ старинны ми-
нчической и они наизли въ христіанствѣ и за-
мѣнили какихъ—нибудь языческихъ перевозчи-
ковъ души черезъ море, подобныя ирческому
Харону. Самые грѣхи суть ни больше, ни
меньше, какъ обряды языческіе, которые про-
должали совершать и въ христіанствѣ подъ
именемъ колдовства и чародѣйства.

29. Объ историческомъ значеніи русскихъ пѣсень.

Устная словесность, которую не обдѣ-
лывъ рѣшительно ни одинъ народъ, у на-
родовъ, отличающихся своей развитостью,
воплѣ историческихъ, является важною
потому, что въ ней замѣчаются корни
исего ихъ дальнѣйшаго нравственнаго раз-
витія. Уже до появленія первыхъ пи-
санныхъ письменности, устная словесность
усваиваетъ прожитъ не одинъ весьма дол-

гий периодъ.. Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отличается сплошь развитая литература. Вѣдѣствіе такой быстроты, идеи и идеалы, увлекавшие одно поколѣніе, могутъ уже оставлять равнодушными людей поколѣнія слѣдующаго. При такой быстротѣ періоды такъ и сдвигаются другъ друга; они срокомъ своихъ коротки, и въ тоже самое время обширны по содержанию. Напротивъ того, при той незначительной, едва замѣтной степени подвижности, какая однако же ощущается и въ устной словесности, періоды длятся цѣлыми нѣками, и въ тоже самое время содержаще ихъ весьма ограничено. Тѣмъ не менѣе цѣлые періоды и словесностью устной—не столько *персизуются*, сколько такъ сказать *проживаются*. Другими словами: старое изъ устной словесности вплоть никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ мало по малу входить въ нее новому.

При такой, такъ сказать, *живучести* старины въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ уцѣлѣли остатки даже самой отдаленной поры *мифической*. Уцѣлѣвъ подъ позднѣйшею христіанскою оболочкой, они могутъ быть выдвинуты изъ подъ нея, соединены, сопоставлены, и изъ нихъ можетъ снова сложиться передъ нами нѣчто цѣлое...

Первою по времени формою народной поэзіи является нѣсил *мифическо-обрядовая*. Только позже отдѣляется отъ обряда мифическое повѣствованіе, и возникаютъ различные виды уже собственно *эпоса*—сказка, загадка и т. п. Первоначально же смутные зародыши и лирики, и эпоса, и драмы сливались въ служебной одной цѣли—спасительно-дѣйствующему *обряду*. Тутъ именно была опредѣленная цѣль, и цѣль еще практическая, житейская. Человѣкъ признавалъ себя совершенно зависящимъ отъ явленій природы;—нужно было подумать о томъ,

чтобы неходъ ихъ постоянно былъ благопріятенъ для человека. Дѣло въ томъ, что въ этихъ явленіяхъ видѣлъ человекъ настоящихъ *дійствій*, въ этихъ дѣйствіяхъ—*настоящія живыя силы*, или лучше сказать, *существа*...

Съ сознаниемъ торжествующей, преваливающей силы свѣта, являлось и благоговѣніе передъ нею, и теплота къ ней благодарности—за то, что дала она человѣку. Только съ этихъ поръ могло явиться понятіе о благоволеніи божествъ къ людямъ, о тѣсной приязненной связи между небеснымъ и человѣческимъ міромъ. Только съ этихъ поръ въ *мифологии* зараждается и *религия*, которая именно и основывается на такой связи. Только съ этихъ поръ прежнее обращеніе чувствъ къ свѣтлымъ силамъ становится *могущественнымъ* обращеніемъ къ нимъ, изъ прежняго соединенія нѣсенъ съ обрядами возникаетъ *богослуженіе*.

Относьсь къ благотворнымъ явленіямъ свѣта, возвеличивая ихъ торжество надъ силами тьмы, оно особенное значеніе должно было получать въ извѣстные сроки, когда явите сказывалось и послѣдовательно возрастало это торжество. Каждому новому усилію въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненною тьмой долженъ былъ посвящаться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный праздничный кругъ, съ особыми нѣсилами и обрядами для каждого составнаго его звена. Вотъ изъ этихъ—то праздничныхъ нѣсенъ и дошли до насъ нѣкоторыя, до сихъ поръ воспоминаемыя народомъ, только относимыя уже къ праздникамъ христіанскимъ, по времени ихъ сирательства, соответствующимъ прежнимъ языческимъ празднествамъ.

Началомъ праздничнаго языческаго года можно считать время, непосредственно слѣдовавшее за зимнимъ солнцеворотомъ, т. е. то, когда, послѣ рѣшительнаго преобладанія *ночи*, снова начинается при-

бывать *день*. Какъ по незначительно еще прибываніе свѣта въ концѣ декабря, въ это время праздновали уже возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта, и вотъ языческій праздникъ *рожденія свѣта физическаго* и замѣтился впоследствии *духовнымъ* праздникомъ *христіанскаго Рождества*....

Названіе, придавае^{хн} пѣснямъ, распеваемымъ о Рождествѣ—*колядки*; въ самыхъ же пѣсняхъ упоминается не рѣдко *Коляда*, какъ бы имя собственное. Въ прежнее время видѣли въ немъ *особое божество*, не смотря на то, что такое имя не встрѣчается въ числѣ Владиміровыхъ боговъ у Нестора, а упоминается только у Димитрія Ростовскаго въ позднѣйшемъ чети—минейномъ житіи Владиміра (Снегирева «Рус. протонародн. праздн. и обряды» II, 28. Сравни Hapus, Bajeslowny Kalendarz Słowanski 49). По смыслу колядскихъ пѣсень выходитъ, что *Коляда* (отъ сл. *коло*—символь солнца)—это было имя свѣтлаго солнечнаго божества, т. е. одно изъ множества множества его именъ, соотвѣтствовавшихъ многому множеству его образовъ... Въ одной великорусской пѣснѣ небесныя свѣтила уподобляются: мѣсяцъ—хозяйну, солнце—хозяйкѣ, частыя звѣзды—дѣтямъ ихъ. Это примѣненіе, конечно, явилось позже, а первоначально мѣсяцъ, солнце и звѣзды были тутъ сами по себѣ, какъ совершенно самостоятельная *семья небесная*... Это рѣшительно подтверждается сходными пѣснями изъ другихъ краевъ. Такъ въ одной карпато-русиновской не хозяющкѣ, хозяйну и ихъ дѣтямъ уподобляются свѣтлыя явленія неба, а *Богу, Сыну божьему и божьимъ дѣтямъ*...

На служеніе богу—громовнику (во время святокъ или колядокъ) указываетъ пѣсня, въ которой описывается принесеніе въ жертву козла. Что тутъ именно принесеніе жертвы—это ясно уже изъ са-

мага мѣста дѣйствія—за быстрой рѣкой въ дремучихъ лѣсахъ: у Славянъ, за пѣниемъ храмовъ, мѣстами богослуженія служили лѣса и берега рѣкъ, почитавшіеся обиталищами божествъ и проч...

Такимъ образомъ праздникъ Коляды былъ праздникомъ возвращенія свѣтъ вообще явленій, господствующихъ въ лѣтнюю пору, т. е. праздникомъ вообще *позвортаніа на лѣто*...

Канунъ нашего теперешняго новаго года ознаменовывается своими особыми пѣснями, въ которыхъ воспѣвается какой—то добрый молодецъ *Овсенъ* (Ясень). Его, какъ и Коляду, приходится считать однимъ изъ множества образовъ солнечнаго божества. Самое имя его заключаетъ въ себѣ понятіе о *ясности*, этомъ основномъ свойствѣ солнца... Васильевымъ этотъ вечеръ называется уже отъ христіанскаго празднованія въ день новаго года памяти св. Василія Великаго. Въ малорусинской пѣснѣ, относящейся къ этому вечеру, на Василія ходитъ Илья;—христіанскимъ же именемъ замѣнился въ народныхъ преданіяхъ языческій богъ громовникъ, что произошло вслѣдствіе представленія себѣ этого бога раскатывающимся по небу въ колесницѣ, которой народъ и уподобилъ огненную колесницу Ильи пророка. Въ нашей пѣснѣ такимъ образомъ ходящимъ на Васильевъ день первоначально являлся Перунъ, слѣдствіемъ же его появленія становится въ пѣснѣ зарожденіе пшеницы и всякаго хлѣба. Мальчики, ходящіе съ такими пѣснями по домамъ, посыпаютъ при этомъ изъ рукава различными зернами, что соблюдается до сихъ поръ у различныхъ Славянъ...

Къ красному солнцу имѣетъ отношеніе народный праздникъ, славяемый въ Оужино воскресенье и на возвышенностяхъ, отчего праздникъ—и называется *Красной горкой*. Съ этого дня начинается рядъ хороходовъ и продолжается до конца іюня. Самое наименованіе *хоровода* можно свл-

зывать съ *Хорсомъ*—однимъ изъ названий солнечнаго божества (¹).

Съ хоровами соединяется множество пѣсенъ, относящихся болѣею частью уже къ воздвигшему времени и имѣющихъ предметомъ любовь или различныя отношенія семейной жизни. Но между этими пѣснями попадаетъ въ различныхъ варьянтахъ одна, въ которой повѣствуется о какомъ—то *свѣтломъ* князѣ, ищущемъ своей *свѣтлой* княгини. Чтобы добыть ее, онъ сбѣгаетъ и рубитъ своимъ мечемъ ворота,—черта уже рѣшительно выходящая за предѣлы обычнаго народнаго быта. Такого рода воинственное добываніе невесты очень часто попадаетъ въ сказкахъ, и тамъ оно объединяется мифически. Между тѣмъ нашей пѣснью, которой содержаніе при томъ и разыгрывается, соответствуетъ у Сербовъ, Чеховъ и Моравянъ такъ называемое *жонглерство крали и кралицы*. Въ нашей свѣтломъ князѣ, сербскомъ *кралѣ* слѣдуетъ видѣть или бога—громовика, разсѣкающаго облака и выводящаго изъ—за нихъ двѣ—солнце; или же солнечнаго молодца, пробивающаго своими лучами зимній покровъ земли, отворяющаго себѣ входъ къ ней, и вступаящаго въ бракъ съ освобожденною имъ землею.

Съ наступленіемъ весенняго времени желанными становятся плодотворно дѣйствующие на землю дожди. Весной его усиленно призываютъ—въ настоящее время уже только дѣти, общающія выставить ему на дубокъ горшокъ борщу, въ чемъ сохранился, какъ надобно думать, намекъ на привоивавшуюся дождю жертву...

Но вотъ наступаетъ *Егорьевъ день*, о которомъ говоритъ чешская пѣсня, какъ о настоящемъ вѣнцѣ весенняго празднованія. Въ русскихъ пѣсняхъ Егорій вели-

чается *Храбрымъ*,—чѣмъ указывается на побѣду его надъ змѣемъ и спасеніе отъ него царевны. Подвигъ этотъ существуетъ въ мифологіи всѣхъ народовъ, и то обстоятельство, что его приписали почти всюду св. Георгію, прямо указываетъ на заимствование этимъ послѣднимъ древняго языческаго божества;—какого именно, солнечнаго или громоваго, этого наобротъ еще нельзя. И то, и другое божество представлялось благопріятствующимъ какъ скотоводству, такъ и земледѣлію; а такимъ представляется и Егорій въ величающихъ его праздничныхъ пѣсняхъ. Отсюда и обычай въ Егорьевъ день выгонять стада въ поле. Въ Болгаріи при этомъ до сихъ поръ еще совершается какъ бы цѣлое жертвоприношеніе,—а именно съ торжественными обрядами закалываются *стариками* бараны, двѣушки же подбираютъ траву, на которую льется ихъ кровь...

Съ приближеніемъ лѣта наступаютъ новые праздники, составляемые въ великорусской пѣснѣ:

Первый праздникъ—Семикъ честной,

Другой праздникъ—Троицынъ день,

А третій праздникъ—Купальница.

Семикомъ завершается рядъ весеннихъ праздниковъ. Въ эту пору года даже въ суровомъ климатѣ уже окончательно распускаются—по крайней мѣрѣ *березки*; обряды совершаются съ деревьями и паутами. Въ пѣсняхъ, сопровождающихъ эти обряды, обращаются къ березамъ, какъ къ живымъ существамъ; упоминаются въ нихъ и небесныя существа, способствующія растительности, каковы *туна* и *громи*, собирающіеся гулять вмѣстѣ; упоминаются наконецъ два человѣкообразныя существа, молодецъ и дѣвица, которые уже не просто гуляютъ, а борются. Быть можетъ, это—только новые образы для тѣхъ же небесныхъ существъ, какъ можно судить по одной сербской пѣснѣ, въ которой *дѣвица—молина* борется съ

Архивъ Козачова 1, 32. Ж. Мпн. Н. Просв. 1841. Февр. 1846. Июль. Чт. Общ. Ист. 1846 № 2.

молодцы — громы и побѣждает его ⁽¹⁾.

Въ семидесяти пѣсняхъ миды уже являются значительно затемненными; то же еще болѣе относится къ пѣснямъ, появившимся на Трону и на Петровъ день...

Праздникъ Ивана — Купалы устанавливаетъ въ честь солнечнаго существа; это доказываются многими обрадами Ивановой ночи, сходными у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Между ними особенно замѣчательно скатываніе съ горы зажженного колеса. Если оно и вообще служило подобіемъ солнца, то тѣмъ болѣе это достигалось *горнымъ* колеса... Съ первыми признаками умиленія дня народъ уже предвидитъ постепенное приближеніе зимы, и потому самыя пѣсни имѣютъ напѣвъ унылый... Купальскія пѣсни отличаются темнотою и сходятся въ томъ, что въ нихъ указывается на что-то трагическое; имѣется еще рядъ пѣсень, столько же неясныхъ, но указывающихъ на брачныя отношенія....

Наступаетъ июль съ его усиленным жаромъ, но и со свѣтомъ, все болѣе и болѣе убывающимъ, сулящимъ впереди — зиму. Самый жаръ этого времени, — жгучій, часто губительный жаръ, а уже не то благотворное, живительное тепло, которое *растворяетъ* и дѣлаетъ плодотворною землю. И чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ скорѣе и самый жаръ сулитъ уже впереди — желтый листъ, этотъ признакъ умирающаго природы, провожатникъ зимы. Понятно послѣ этого, почему живое воображеніе народа замѣчаетъ уже съ этой поры — поворотъ на зиму. По народному календарю, 20 июля уже первый *осенній* праздникъ. Но служба только переходитъ къ осени, онъ еще ознаменовывается лѣтнимъ явленіемъ — громомъ, долженствующимъ проявиться во всей своей си-

лѣ — какъ бы на прощаніе. Онъ, по народному вѣрованію, не можетъ не быть въ этотъ день; — потому что это былъ день, когда то посвященный Перуну, богу грома и молнии, въ настоящее время скрывающемуся подъ именемъ *Ильи-громоуника*. Одинъ изъ величайшихъ народныхъ праздниковъ, Ильинъ день, при всемъ томъ уже не отличается какими-либо особыми пѣснями. Такія пѣсни слышатся за то въ августѣ, въ самомъ началѣ котораго, замѣчая уже быстрое убываніе дня, стерегутъ солнышко на закатѣ и обращаются къ нему съ мольбою подождать. Особыми пѣснями ознаменовывается жатва, начало и конецъ которой отличаются и обрядами особаго рода. Жатва, это собираніе даровъ благодатнаго лѣта, не могла не представляться дѣломъ священнымъ. И теперь еще въ Малороссіи мѣстами ее долженъ начинать священникъ, въ азытескія же времена она, надо думать, начиналась старѣйшиною. Въ другихъ мѣстахъ зачиншаю жатвы должна еще и теперь быть женщина, отягчающаяся безукоризненностью своей жизни. Въ Малороссіи употребительно убираніе послѣдняго сжатого снопа въ сарафанъ и отнесеніе его на хозяйскій дворъ, гдѣ принимаютъ его съ почетомъ. При этомъ поются пѣсни, восхваляющія хозяйна; первоначально же въ нихъ, повидному, восхвалялось какое-то свѣтлое божество.

Съ окончательнымъ наступленіемъ осени многое мѣняется въ народномъ быту. И трудъ, и веселье происходятъ уже не на вольномъ воздухѣ, а въ избѣ. И тутъ раздается пѣсня, никогда и вгдѣ не покидающая народа, — но это уже пѣсня съ позднѣйшимъ характеромъ, не носящая мифическо-обрядоваго характера. И въ промежутокъ времени отъ начала осени до Коляды имѣются свои праздники, но уже не имѣются собственно къ нимъ отпосланныхъ обрядовыхъ пѣсень, и мифическій смыслъ въ нихъ уже меньше замѣтенъ..

⁽¹⁾ Сербскія пѣсни Вука Карлджича. 1. 151—152.

Что же касается до свадебных русских песен, то в них находится множество языческих воззрений. В этих песнях свекоръ съ дѣтьми уподобляется свѣтлому мѣсяцу со звѣздами, свекровь же съ ея дочерью — красному солнышку съ яркими его лучами. Если же припомнить мифическія отношенія мѣсяца къ солнцу, какъ мужа къ женѣ, и мифическое значеніе звѣздъ, какъ дѣтей ихъ, то не трудно будетъ понять, что въ нашей песнѣ земная семья служитъ какъ бы отраженіемъ семьи небесной...

Уподобленіе брачныхъ отношеній между людьми брачному союзу между богами замѣтно и въ томъ, что въ одной болгарской свадебной песнѣ говорится объ отпущеніи змѣй, уносящихъ свою вѣрную любовь; а въ немъ слѣдуетъ видѣть божество молній, олицетворяющее весеннюю землю-дѣву. Замѣчительно, что въ другой болгарской песнѣ говорится объ отпущеніи юнака въ походъ на другой же день свадьбы, при чемъ онъ даетъ позволеніе своей молодой женѣ, ежели въ теченіе 10 лѣтъ она его не дожидается обратно, выбрать себѣ другаго мужа. Въ нашихъ народныхъ былинахъ тоже самое почитается о Добрынь Никитичѣ; въ основѣ же этого сказанія заключается мифъ — о бракѣ и продолжительномъ удаленіи влады за тѣмъ *свѣтлаго лѣтняго божества*...

Отъ мысли о томъ, что земной, человеческій бракъ есть только отраженіе брака божескаго, небеснаго, уже не далеко переходъ къ представляемъ себѣ боговъ первоначальными учредителями и дальнѣйшими покровителями и оберегателями неразрывности брака. А какъ на мифическомъ языкѣ неразрывнымъ считается только то, что *выковано*, то и брачныя узы стали *коваться*, — но кому же было приписывать это дѣло, какъ не тому же небесному ковачу, первоначальному производителю молній? Подобно первому

ковачу, и первый брачный вѣнецъ былъ приписанъ его божественному искусству... И вотъ уже въ святочныхъ песняхъ сопровождается гаданья о суженомъ, обращаются къ кузнецу съ просьбою сковать золотой венецъ, а въ остатковъ обручальный перстень и булавку для притыканья брачнаго покрывала. А что подъ этими кузнецомъ разумѣется именно ковачь небесный, то это доказывается призываніемъ на свадьбу Кузьмы-Демьяна, этихъ христіанскихъ святыхъ, слившихся у народа какъ бы въ одно лицо, и лицо съ характеромъ именно ковача, только носящаго христіанскія имена, а по основѣ своей — мифическаго. Наконецъ въ одной песнѣ приглашаютъ на свадьбу *боженьку* и просить его *сковать* свадьбу такъ, чтобы вѣтеръ не развѣвалъ, ни дождикъ не размочилъ, ни солнце не иссушило.

Все эти мифическо-свадебныя пѣсни въ высшей степени важны. Если въ нихъ человеческій бракъ является установленнымъ самими богами по образцу брачныхъ отношеній, существующихъ въ ихъ небесномъ мірѣ, то послѣ этого не трудно понять, что на самомъ дѣлѣ происходило скорѣе изъ что совершенно обратное. Такъ какъ человекъ переносилъ вообще въ мірѣ боговъ все, совершающееся въ его собственномъ мірѣ, то и брачныя отношенія могли быть туда только *перенесены*, — а для этого надобно прежде всего, чтобы бракъ, какъ постоинный, священный союзъ, установился въ быту человека. Отсюда же слѣдуетъ заключить, что уже въ пору мифическую (на высшей ступени развитія мифологии), и отъ древнѣйшаго *умыканія*, и отъ немнога позднѣйшей *купли* невесты былъ совершенъ переходъ къ добровольнымъ, основаннымъ на взаимности любви, отношеніямъ между женою и мужемъ.

(Опытъ историч. обозрѣнія рус. словесности. О. Ѳ. Миллера. Спб.)

1866. ч. 1, вып. I. стр. 21—61, 122—125).

Образчики въсьонь и сказокъ можно читать въ Христоматию О. Миллера. Сиб. 1866 г.

30 Сказка и мифъ.

До послѣдняго времени существовать въскольکو странный взглядъ на народныя сказки... Въ основѣ сказочныхъ повѣствованій и въ ихъ чудесной обстановкѣ, видѣли праздную игру ума и произволъ фантазіи, увлекающейся за предѣлы вѣроятности и дѣйствительности. Сказка—складка, пѣсня—быль, говорила старая пословица, стараясь провести рѣзкую грань между эпосомъ сказочнымъ и эпосомъ историческимъ. Извращая дѣйствительный смыслъ этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обманъ, имѣющій единую цѣлью занять свободный досугъ небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрѣнія уже давно бросалась въ глаза. Трудно было объяснить, какими образомъ народъ, вымышляя фантастическія лица, ставя ихъ въ извѣстныя положенія и надѣлая ихъ разными волшебными диковинками, могъ постоянно и до такой степени оставаться вѣрны самому себѣ, и на всемъ протяженіи населенной имъ страны повторять одни и тѣже представленія. Еще удивительнѣе, что цѣлыя массы родственныхъ народовъ сохраняли тождественныя сказанія,—сходство которыхъ, не смотря на устную передачу ихъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, несмотря на позднѣйшія примѣсы и на разнообразіе мѣстныхъ и историческихъ условій, обнаруживается не только въ главныхъ основахъ преданій, но и во всѣхъ подробностяхъ и въ самыхъ примѣсахъ. Что творится произволомъ ничѣмъ не сдержанной фантазіи, то не въ состояніи произ-

вести такого полного согласія и не могло бы уцѣлѣть въ такой свѣжести; творчество не остановилось бы на скучномъ, тождественномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же чудесъ, а стало бы выдумывать новыя. Доказательствомъ служить все искусственныя поддѣлки подъ народныя разсказы, поддѣлки въ которыхъ чудесное близко граничить съ нелѣпницей и бессмыслиемъ. И къ чему народъ сталъ бы беречь, какъ драгоценное наслѣдіе старины,—то, въ чемъ самъ бы видѣлъ только издорную забаву? Итъ, сказка не пустая складка; въ ней, какъ и вообще во всѣхъ созданіяхъ цѣлаго народа, не могло быть и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни нарочно-сочиненной лжи, ни извѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительнаго міра. Точно также старинная пѣсня не всегда была; она болѣею частью только переноситъ сказочныя преданія на историческую почву, связываетъ ихъ съ извѣстными событіями народной жизни и прославившимися личностями, и чрезъ то вставляетъ стародавнее содержаніе въ новую рамку и придаетъ ему значеніе дѣйствительно-прожитой бытности. Сказка же чужда всего историческаго; у ней другая задача, другія цѣли. Предметомъ ея повѣствованій быть ни человекъ, ни общественныя тревоги и подвиги, а разнообразныя явленія всей обогатворенной природы, и потому въ собственномъ смыслѣ она нѣсколько не выходитъ за предѣлы естественности, и если поражаетъ насъ своею невѣроятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь съ древними преданіями и ихъ живое пониманіе.

Происхожденіе тѣхъ баснословныхъ представлений и образовъ, изъ которыхъ сздались народныя сказки, тѣсно связано съ происхожденіемъ самаго языка и начальныхъ воззрѣній человека на природу. Первобытныя языки, какъ убѣдительно доказаво позднѣйшими филологическими ра-

зысканиями, были исполнены метафоры, и это условливалось самою сущностью человеческого слова. В эпоху своего создания, слово являлось не техническим обозначением известного понятия, а живущею, наглядным эпифаномъ, выражающимъ ту или другую особенность видаемаго предмета и явления, оно не въ состояни было уловить всего объема передаваемого имъ понятия, а указывало на одну изъ болѣе рѣзкихъ, болѣе кидящихся въ глаза его сторонъ. Отсюда во 1, возникала потребность въ сопоставленіи многихъ словъ, выражающихъ различныя качества одного и того же предмета, чтобы такимъ образомъ яснѣе описать его съ различныхъ сторонъ; во 2, родилось неудержимое стремление сблизить видимые предметы и явления по нѣкоторымъ сходнымъ ихъ признакамъ, давать имъ одинаковыя названія, и одно понятие объяснять чрезъ посредство другого. Если это я имало первобытные языки строгой опредѣленности, за то щедро платило имъ поэтическимъ колоритомъ. Великій предметъ рисовался въ его наиболѣе характерныхъ свойствахъ или въ самомъ дѣйствіи — не какъ отвлеченная мысль, а какъ живой образъ. Такъ какъ весь интересъ младенческихъ народовъ сосредоточивался на матеря-природѣ, отъ которой зависѣло все ихъ благосостояніе, то понятно, что она по преимуществу слѣдалась предметомъ обожанія и наблюдений. Обогащая природу, признавая въ ней живое существо, человекъ все свои нервы возрѣшилъ на ея силы и явления, или прѣимѣ — все свои вѣрова-нія необходимо выражалъ въ поэтическихъ описаніяхъ, гдѣ большая часть представлений были чистыя метафоры; иначе онъ и не могъ выразиться. Словомъ, мифъ и поэзія были одно и тоже. Метафорическій языкъ, общедоступный вначалѣ, съ теченіемъ времени, при забвеніи кореннаго значенія словъ и при возникшемъ

стремленіи усвоить за каждымъ словомъ одно опредѣленное понятіе, — становится загадочнымъ. До сихъ поръ поэты называютъ молодой мѣсяцъ золотымъ серпомъ, полную луну — ночною лампадою, солнце — всемірнымъ окомъ, озирающимъ съ высоты пространную землю; но все эти выраженія намъ понятны и произво-ся ихъ, мы нисколько не думаемъ, что они были известны въ самую раннюю эпоху жизни человечества и породили множество мифическихъ сказаній, которыя непрѣменно покажутся намъ страннымъ вымысломъ, если мы не обратимъ вниманія на источники ихъ происхожденія. А сколько такихъ метафоръ, которыя давнымъ-давно отжили свой вѣкъ, хотя порожденные ими басни доселѣ живутъ въ памяти различныхъ народовъ. Если разоблачить все метафорическіе образы, встречающіеся въ народномъ эпосѣ, то все фантастическое, все загадочное въ немъ объяснится само собою; и надобно замѣтить, что въ последнее время, при тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука языкознанія, ученые уже начинаютъ выступать на эту настоящую дорогу.

Съ такой точки зрѣнія обратимъ мы вниманіе на нѣкоторыя русскія сказки, и прежде всего остановимся на преданіи *объ окаменѣнномъ царствѣ*.

Преданіе это составляетъ общее достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. (См. Народ. рус. сказки, вып. V, № 40 и 42, вып. VII, № 2). Обыкновенно разсказывается, что прекрасная королева отъ укола веретеномъ или шпилькой засыпаетъ непробуднымъ сномъ, за нею засыпаютъ все придворные, все животныя и все царство какъ-будто окаменѣваетъ. Случайно наталкивается на замокъ король, видитъ спящую красавицу, цѣлуетъ ее — и она пробуждается, а за нею все царство. Король и королева обыкновенно вѣнчаются.

Во всѣхъ видонзмѣненіяхъ, сказка о спящемъ или окаменѣвшемъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня земля вступаетъ въ бракъ съ юнымъ свѣтоноснымъ жевихомъ — солнцемъ и начинаетъ свои робы. Зимній сонъ или зимняя смерть природы (многъ роднитъ эти понятія и называетъ Сонъ и Смерть братьями) уподобляется окаменѣнію, и. ч. скованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень. Временное усыпленіе природы, по указанію народныхъ примѣтій, происходитъ отъ губительнаго укола зимы; по русскому выраженію, зима на Николу съ возомъ ходитъ. Воплошая естественныя явленія въ живые образы, греческій мифъ эту гибель плодородныхъ силъ природы выразилъ въ сказаніи о красавцѣ Адонисѣ, который былъ сраженъ зубомъ или клыкомъ вепря (зооморфическое олицетвореніе зимы). Когда Адонисъ умеръ, Афродита умолила Зевса дозволить, чтобы онъ, оставаясь полгода въ подземномъ царствѣ тѣней, другую половину года проводилъ въ обители свѣтлыхъ боговъ. Съ тѣхъ поръ Адонисъ попеременно переходитъ изъ объятій Венеры въ объятія подземной богини Прозерпины. Это—представленіе круговаго оборота, замѣчаемаго въ жизни природы, поэтическия картина ея цвѣтенія и увяданія. Зимній сонъ природы,—сонъ долгій и непрерывно продолжающійся до извѣстнаго срока; отсюда понятно, по чему сильно-могучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, повергаются въ непробудный, такъ называемый богатырскій сонъ, который длится нѣсколько сутокъ, недѣль и мѣсяцевъ. Любопытно свидѣтельство одной сказки (вып. VIII, № 12), что какъ скоро добрый молодецъ впалъ въ такой сонъ, то на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки. Поэтический языкъ доселѣ удерживаетъ метфору, по выраженію кото-

рой весеннее солнце *горячо лобзаетъ* землю и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убѣрается въ яркую зелень и цвѣты...

Прекрасная царевна—солнце въ одной изъ русскихъ сказокъ является подъ именемъ *Марьи-Моревны* (дочь моря). Содержаніе сказки таково: прилетаютъ Соколы, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ своихъ образахъ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грозами; самый прилетъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Бурное дыханіе вѣтровъ издревле уподоблялось птичьему полету, и мифъ иначе не представлялъ вихри и вѣтры,—какъ существами крылатыми. Орелъ (носитель Зевсовыхъ громовъ) воздымаетъ бурю и съ помощью своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлящей, а Соколъ живой воды (*дожде*). Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями: *Вѣтеръ*, *Градъ* или *Дождь* и *Громъ*, которые тоже женятся на трехъ царевнахъ—сестрахъ. Эти дѣвицы суть небесныя свѣтила: закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ красавицъ драконами, великанами, добрыми молодцами—Орломъ, Соколомъ и Ворономъ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ уносимыя вихремъ дѣвицы прямо называются *Луной* и *Звѣздой*.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Ворона, царевичъ идетъ поспотрѣть на ихъ житье-бытье, и на пути женится на Марьѣ-Моревнѣ; но бракъ ихъ не продолжителенъ: Марью-Моревну уноситъ *Змѣй*, или по другимъ сказкамъ—*Кошечъ Безсмертный*. Змѣй или царь морекы—дождевая туча, омрачающая солнечный свѣтъ; онъ виситъ въ

запертой комнаты на желѣзныхъ цѣпахъ, что означаетъ тучу, скованную зимнимъ холодомъ, и тогда только срывается, когда напьется вдоволь воды (*жилава вода*). Согласно съ этимъ представлениемъ Змѣя въ зимнихъ оковахъ, ему дается название Кошеч (отъ слова *кость*, *костенный* — застыть, цѣпнѣть; *Баба-Яга* тоже *Костяная нога*).

Царевичу удалось уехать изъ заключения Марью-Моревну; но Змѣй нагоняетъ, отпинаетъ бѣглику и запрягаетъ въ свой городъ или гору. Царевичъ рѣшается добыть коня сильнѣе и быстрѣе Змѣинаго, и за трудную службу у Бабы-Яги ему удается достигнуть своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью-Моревну. Змѣй бросается въ погоню, но богатырский конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Царевичъ есть самъ Перунъ, разбивающий тучи и чрезъ то выводящій солнце изъ за темныхъ Змѣиныхъ горъ; конь его соответствуетъ греческому Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ новые живые источники, такъ этотъ убиваетъ копытомъ Змѣя, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться обильнымъ дождемъ.

Добытие *живой воды* составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ народнаго эпоса (выш. № 4 и 5). Старая вѣдьма Зима, представляемая въ сказкахъ злою мачихой⁽¹⁾, скрадываетъ съ неба дождя и губитъ плодородіе; сами Змѣи и Великаны, согласно усвоенному имъ демоническому характеру, представляются задерживающими дождевые ливни — до глѣхъ поръ, пока не будутъ побѣждены всемо-

крушительнымъ оружіемъ Перуна. „Егда дождь идетъ, говоритъ апокристъ, тогда дьяволъ станетъ предъ дождемъ — да не градеть на землю; того ради ангелъ господевъ гонитъ его. Громъ есть оружіе ангельское.“ (Пам. отреч. лит. Тихонравова II, 455). Драконы и Великаны охраняютъ живую воду и можавама яблоки, которыя даютъ крѣпость и здоровье старику и жизнь мертвому, — и богъ громовержець ведетъ постоянную борьбу съ этими демоническими существами, похитителями дождевой животворной влаги.

Быстрота полета бурной грозовой тучи заставила фантазію сблизить ее съ быстроногимъ конемъ, а проливаемыя ею потоки съ дойною коровою; самый дождь на метафорическомъ языкѣ назывался *молокомъ*. Буря-богатырь, *корольиный сынъ* нашей сказки, есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома — славянский Перунъ; понятно, что удары его должны быть неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами тучами и разбивалъ ихъ своею боевою палицею и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуетъ сказка объ Иванѣ — коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглазыхъ, сыпавшихъ искры Змѣевъ. Чудовищные Змѣи, владѣтели *сильной воды* (дожда), и въ пылу битвы бросаются испить этого нектара, чтобы укрѣпить себя для новой схватки. Такъ появленіе сияющаго солнца изъ-за темныхъ тучъ народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ Змѣевъ похищенной ими красавицы.

Дѣва — солнце, обезсиленная вѣдьмою Зимой и помраченная туманами или злымъ Змѣемъ — тучею, утрачиваетъ на извѣстное время и свой блескъ и свою красоту, и въ этомъ смыслѣ подчиняется влиянію колдовства. *Заколдованная* или *очарованная* царица-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ нечистая сила, теря-

(1) Въ ркп. такъ описывается зима: «Зима подобна есть женѣ *мачехѣ*, злѣе и неустойчивѣе, не жалостливѣе и ярѣе (яростѣе) и непослуживѣе; егда добра, и тогда злобѣе; егда млеетъ, но и тогда казнитъ, злобитъ и глазами моритъ и мучитъ грѣхъ ради нашихъ. Сидеца есть зима, сидеца и мачеха.» *Сборн. Соловец. библ.* № 860, л. 27 въ концѣ.

еть свой левый, бѣлосѣбный дѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, прекращаются въ вороны. Но по мѣрѣ того, какъ приближается срокъ ея избавленія, чернота все болѣе и болѣе умалается: и царица, и кони становятся бѣлыми — сначала до пояса, потомъ до коленъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы.

Вѣчныя, нескончаемыя битвы Перуна съ тучами представлялись въ разнообразныхъ поэтическихъ образахъ, запечатлѣнныхъ глубочайшею древностію...

Солнце, удаляющееся на зиму, не всегда представляется въ сказкахъ паренною заколдовавшею или насильно-похищаемою злымъ демономъ. Цѣлый разрядъ сказокъ говоритъ объ-измѣнѣ красавицы — жены своему мужу-богатырю; она отдается другому праждабному королю, уходитъ съ нимъ въ далекое государство и уноситъ съ собою разныхъ ликовицъ, символы лѣтней природы; чтобы возвратить все это, покинутый мужъ долженъ бороться съ величайшими затрудненіями, но въ свое время онъ все-таки одолеваетъ ихъ и получаетъ обратно и жену и ликовицныя вещи. Въ основѣ этого преданія скрывается мысль о временномъ союзѣ красавицы-солнца съ лѣтнею природою, о переходѣ ея во власть враждебной зимы, когда она какъ бы измѣняетъ своему законному супругу и предается коварному обольстителю, и о возстановленіи съ новою весною прежняго благодатнаго брака...

Поэзія и мифологія находятъ въ сказочномъ эпосѣ прекрасныя и обильныя матеріалы. Вѣще зѣбри, атоцы, деревья и травы, разнообразныя превращенія, волшебныя ликовицны, змѣи, великаны и карлики — все это имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ. Добрый молодецъ съ солнцемъ во лбу напоминаетъ Одина, а герой, у котораго по всему тѣлу часты звѣзды, — многоочитаго Аргуса; сказка о

Снѣгуркѣ родственна съ германскими преданіями о королѣ Снѣгѣ и его дочеряхъ; сказка о богатыряхъ безногомъ и слѣпомъ передаетъ тотъ же сюжетъ, который въ такихъ поэтическихъ краскахъ и въ такой суровой драматической обстановкѣ развитъ въ поэмѣ о Иаблоунгахъ и проч....

(Изъ статьи: „Сказки и мифы“
А. Афанасьева. Филолог. зап. изд.
Хованскимъ, 1864 г. Воронежъ.
Вып. I и II, стр. 1—68).

Къ этому нужно добавить, что сказка, какъ и всякое народное произведение, подвергалась вліянію времени и новыѣмъ воззрѣніемъ. Такъ подъ вліяніемъ христіанства мифическія существа стали замѣняться лицами бѣйственныхъ, которыми приписывается сверхъестественная сила или олицетвореніемъ разныхъ добродѣтелей и пороковъ, — и сказка стала принимать легендарный характеръ. На примѣрѣ, въ одной русской сказкѣ являются бѣйствующими лицами „Правда и Кривда“, а въ сербской сказкѣ того же смысла сохранился древній мифическій характеръ: тамъ олицетво „Правды и Кривды“ являются бѣйствующими лицами Вилы, а въ норвежской — зѣбри, волкъ, медвѣдь, лиса, заяцъ. На нѣкоторыхъ сказкахъ отразились черты воззрѣній и обычаевъ позднѣйшаго времени и на мѣсто старинныхъ таинственныхъ явленій рассказываются обыкновенныя житейскія случаи съ рациональными объясненіями.

Рус. сказки издава А. Н. Афанасьевымъ въ 8 выпускахъ съ 1855 г. О рус. народ. сказкахъ А. Н. Пышина. От. Зап. 1856, № 4 и 5.

31. Пословицы, заговоры, загадки и примѣты.

Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются изрѣванія и убѣжденія народа, его бытъ и нравственныя интересы; какъ плодъ здраваго смысла и многолѣтней опытности, онѣ пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но для насъ важно то, что въ пословицахъ отражаются черты старинныхъ воззрѣній и быта, которыя даютъ возможность узнать многія стороны давно уга-

ней до-исторической жизни. Рядомъ съ пословицей, въ которой видны слѣды *ми-огического* мирозерцанія, занимаетъ мѣсто пословица *историческая*, указывающая на дѣйствительныя лица и событія, — а пословица *христіанская*, слагающаяся подъ влияніемъ библейскихъ сказаній и поученій Отцевъ церкви.

1. Въ некоторыхъ пословицахъ, образовавшихся въ темную языческую пору, отразилась старинная воззрѣнія нашихъ предковъ: «Солище днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ.» Здѣсь высказывается понятіе язычника о свѣтилѣ, какъ о живомъ существѣ изъ породы божествъ; а въ Галиціи сохранились пословицы, свидѣтельствующія о поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ: «Передъ богомъ солнцемъ, судяще паряще.» — «Мѣсяцъ нашъ божокъ; а ктожъ вамъ буде богочасти, лк его не стане?» Намекъ на мѣсячное значеніе Колыды заключается въ пословицѣ: «Полно колыду томитъ.» О погребальныхъ языческихъ поминкахъ или тризні, сопровождавшихся играми, плясками и бѣговомъ, упоминаютъ въ пословицѣ: «По дѣдѣ сшибокъ (бѣй), а по бабкѣ щипокъ.» Пріимая во вниманіе подобныя пословицы, мы можемъ прослѣдить, какъ въ этихъ изреченіяхъ отразился бытъ русскихъ Славянъ, когда они вели еще охотничій и пастушескій образъ жизни, потомъ когда стали заниматься земледѣліемъ.

а) Когда наши предки вели жизнь звѣро-ловою и пастухомъ и жили въ лѣсу, *яко всякій звѣрь, лдуще вся не чисто*; тогда они поклонялись деревьямъ, а были у нихъ заповѣдныя священныя рощи, *божесельска*, въ которыхъ приносили жертвы ('). Въ Житіи муромскаго князя

(') По свидѣтельству Макарова, въ Тулѣ, п Рязани, губ. еще въ 1792 г. призывали въ лѣсѣ *заказчиковъ* для совершенія обрядовъ. Званіе заказчиковъ Троицкій день ведетъ начало отъ язычества, когда въ лѣсу были праздники.

Константина говорится: «*Дуплиномъ* деревянымъ, вѣтви убрисцемъ обвиваю-ще, певъ поклоняющеса.» (И. гос. рос. I, пр. 216). Это согласно съ пословицей, которая представляетъ дупло жилищемъ бѣса: «Изъ пустаго *дупла* или сычь или сова, или самъ сатана,» — «Тетка родила, жила въ лѣсу, молилася пилу.» Изъ этого же времени надобно отнести обоготвореніе овраговъ и болотъ; пословицы говорятъ: «Горы да овраги — чортово житѣе» (житѣе Змѣя Горыныча), — «Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ жтъ.» Тутъ можно припомнить разсказъ о томъ, какъ архангелъ погналъ копьемъ бѣсовъ съ неба, а они остались на житѣе, какой куда упалъ.

Жертвоприношеніе болѣе въ ходу у пастуховъ, чѣмъ у земледѣльческихъ народовъ языческихъ; по этому къ первой порѣ относятся пословицы въ родѣ такихъ: «*Моленой* боранъ отлучился, лнѣ гуляющій прилучился.» Слово *моленъ* значило встарь тоже, что приносить въ жертву. «Обреченная (т. е. въ жертву) скотина — не животина.» Брачные языческие обряды совершались у воды или подъ деревьями; въ былинѣ говорится объ одной парѣ въ эпоху богатырской жизни: «Тутъ они обручались, кругъ ракитова куста вѣнчались» (Пѣс. Кирши 96). Съ ракитовымъ кустомъ связывалась мысль о женитьбѣ:

Ракитовый кустикъ
Зеленый кудрепатый, —
Да кто у насъ холостъ
Да кто не женатый?

По этому въ пословицѣ намекается на старинный брачный обычай: «Вѣнчали вокругъ ели, а черти вѣла.»

Каини и дубина, лукъ и стрѣлы составляли необходимую принадлежность охотниковъ; борьба ихъ со звѣрями развила воинственный бытъ, по словамъ лѣтописца: «живущае скотскія: убиваху другъ друга.» Вооруженные язычники пахляли и

боговъ своихъ: Перунъ бросалъ съ неба камни и стрѣлы; сохранилась пословица, напоминающая эти понятія: »Бдетъ бо-жокъ съ *перищемъ*, стучить колесомъ.« Онъ стучитъ своей телѣгой и производитъ громъ, а стрѣлою бьетъ злое существо; пословица, вытекающая изъ этого способа представлення, гласитъ: »Завертъяся, какъ дьяволъ передъ громомъ.« Лукъ, мечъ, копье служили признакомъ раздора; въ это-то время народъ познакомился съ ковкой металловъ. Самыя изображенія поэтическія рисуютъ народъ боевыми красками: »Подъ трубами повити, подъ шеломи взалѣяны, конецъ копья въскормлени.« Какъ постоянный товарищъ бойца, конь надѣляется умомъ и всѣми понятіями челоука, даже предсказываетъ будущее. Преданія объ-охотѣ такъ живы были еще во времена первыхъ русскихъ князей, что ловля птицъ и звѣрей поддерживается сильно законодательствомъ, и эпитетскія выраженія заимствуются изъ быта пастушьяго и охотничьяго, наприм. въ Словѣ о полку Игоря и въ Волынской лѣтописи. Древляне говорятъ Ольгѣ: »аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его.« Въ первобытное время въ лѣсной глуши народъ невольно присматривался къ свойствамъ характера животныхъ и придавалъ имъ людской взглядъ и смыслъ: »Волкомъ родясь лисацей не бывать.« Отсюда вытекало мифическое воззрѣніе на птицъ и звѣрей, на ихъ нравы и обычаи, оттого первоначально образовались рассказы, или сказки о животныхъ, въ эпоху охотничью и пастушескую. Отъ этого же времени сохранилось повѣрье въ оборотней, которые выходятъ изъ могилъ и путешествуютъ подъ видомъ волка или свиньи; на это понятіе указываетъ пословица: »Коль бы тебѣ осиноый въ землю.« Это первое средство—остановить ночныя похождения оборотней. Оттуда же ведетъ свое начало суевѣріе, что волки

скрадываютъ съ неба свѣтила и оттого бываютъ затмѣнія: »Невъгласи глаголютъ снѣдаему сушу,« или какъ говорить пословица: »Сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловить.« Известную пословицу: »Съ волками жить по волчьей выгѣ« — прежде понимаемую буквально, надо объяснять въ духѣ времени: были для првлеченія звѣрей на охотѣ, но потомъ придали этому обстоятельству значеніе гаданья и предсказанья, какъ дѣлалъ половчанъ Бонякъ: »И волкъ отвыся ему« (Лавр. 115). Переходъ изъ лѣсной глуши на поле и отъ быта звѣроловнаго къ земледѣльческому, по понятіямъ крестьянъ, облегчалъ св. Егорій, который устроилъ землю, велѣлъ непроходимымъ лѣсамъ разступиться, стадамъ звѣрей разойтись, ѣсть и пить повелѣнное; онъ называется богомъ волковъ: »Что у волка въ зубахъ то Егорій далъ,« — »Егорій да Власть—всему богатству глазъ.« Понятно, что Власть, какъ покровитель стадъ, и Егорій—устроитель дикой земли, сберегали, по понятіямъ крестьянъ, *скотъ*, *обиліе*, *жизнотъ*, въ которыхъ было все ихъ богатство.

Въ періодъ звѣроловства одеждой служили кожи, а для домашняго обихода — большею частію кора деревъ, которыхъ такъ было много, и потому лыко было въ большемъ ходу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Но на юго-западѣ Руси рано уничтожились лѣса и оставалось степное пространство, которое необходимо измѣняло условія экономическаго быта населенія. Поэтому въ Малороссіи составила поговорка о Москаляхъ: »Лыкомъ визапе, у лыкахъ ходыть, падъ лыкомъ слыть.«

б) Въ пору развитія земледѣлія образовалось обоготвореніе земли; она стала *матерью* и *кормилицей*, такъ что доселѣ въ Галиціи называютъ землю *святою*. Въ Вятской губерніи на Троицу бываетъ мать-земля имянница и, по понятіямъ крестьянъ, грѣхъ въ этотъ

лень конать яки или вколачивать что-нибудь въ землю. Мѣсто зѣриныхъ кожъ у земледѣльца заплата лень и пенка; самия божества буйнаго воинскаго времени прилипали осыдлый мирный характеръ, стали покровительствовать земледѣлю и занимались оржей, какъ валькирин, или выходили на поле съ серпомъ, какъ чешскія полудницы. Но, конечно, это случилось не вдругъ: какъ люди не скоро оставили прежнія боевыя наклонности, такъ и языческие боги; вѣроятно, память объ этой дикой борьбѣ новаго поколѣнія съ старымъ сберегла пословица: «Отъ кикворы рубашка не дождешься.» Самыя краски эпическій поэтъ этого времени беретъ уже изъ быта земледѣльскаго даже для изображенія войны: «земля сѣялась и росла усобицами, поливалась кровью; жизнь людей пожинали враги и клали на току какъ колосыя, молотили цѣнами булатными и вѣяли душу отъ тѣлъ» (Сл. о пол.).

Въ осыдлую пору явилось обоготвореніе огня и домашнего очага, который способствуетъ приготовленію пищи и согреваетъ, спасая отъ двухъ страшныхъ не пріязненныхъ враговъ—голода и холода. Сербская пословица говоритъ: «Безъ стара пашья сиротно огниште» Въ это время огнище и печь служили для жертвоприношенія: «И огнени молятся подъ овиномъ;» къ той же порѣ относится обоготвореніе домового, какъ покровителя дома и семейнаго очага. Онъ обыкновенно сидитъ на печкѣ, за печкой или подъ печкой и до такой степени привязанъ къ своему пещищу, что стонетъ, если предвидитъ перемѣну въ домѣ, и не уйдетъ съ стараго мѣста, если хозяинъ забудетъ его позвать въ новый домъ. Понятіе объ этомъ бытѣ удержалось въ пословицахъ: «На печкѣ сидѣть, кирпичать молился,» — «Церкня не овини, въ нихъ образа все саны.» Да и самая печь (пещь), была сначала ямой, отсюда слово: пещера.

Въ періодъ земледѣльскій упрочались семейныя связи: слово — *дымъ* стало употребляться вмѣсто *дома*, — «и вѣдша отъ дыма мечь.» Пословица говоритъ: «Вспомнишь ты дымящую шапку,» т. е. старшаго, опытнаго; съ уваженіемъ старшихъ, которые передавали молодежи много разсказовъ изъ старинной жизни своей и другихъ людей, возникло уваженіе къ преданію и старинѣ. Но разсказамъ, тогда и люди были унѣй и правъ и жизнь отличалась всѣмъ лучшимъ: «Что изстари ведется, то не мнется.» Выходъ изъ семьи тяжело былъ въ то время, когда еще связи обществѣ не установились, особенно на всю жизнь, какъ напр. за мужъ; поэтому говорятъ дѣвицы: «Не издыхай тяжело, не отдадимъ далеко, хотъ за Ооку да подѣ боку.» Значитъ, соотвѣдствовали первыми хорошими знакомыми; «а чужая сторона горемъ огорожена и слезами поливана,» какъ поютъ дѣвушки на дѣвишникахъ.

Съ образованіемъ сельскаго союза, власть и судъ переходятъ ко всѣмъ старшимъ и дѣла рѣшаются общественнымъ приговоромъ: «Братчина судитъ, ватага рѣдитъ,» — «Братчина судитъ какъ судья.» Обстановка суда съ разными формальными уловками, судебными испытаніями водой и раскаленнымъ желѣзомъ, расцутся въ слѣдующихъ пословицахъ: «Хотъ солгать да было бы на кого посязаться,» — «Свидѣтеля за волосы тянуть,» — «Желѣза и зѣтя боится.» Такъ какъ въ прежнее время лежало много свободной земли и другихъ угодій, то собственностью каждаго было, что онъ посылалъ и занималъ: «Чье море, того и край» (сербс. послов.), — «Чья земля, того и хлѣбъ.»

По переходѣ въ христіанство, народъ сталъ смотрѣть на прежнихъ боговъ враждебно и заимѣвалъ ихъ образы: «Взялъ боженьку за пожелку да и объ полъ.» Домовой, котораго жилище было подъ порогомъ, пре-

вратился из чорта,—и доселѣ на этомъ основаніи ведется старинная примѣта, что здороваться черезъ порогъ не хорошо.

2) Историческія пословицы очень мѣтко рисуютъ дѣйствительныя событія и лица, а чрезъ это указываютъ характеристическія стороны извѣстнаго явленія или дѣйствія и выражаютъ воззрѣнія на нихъ современниковъ. Такъ можно указать на пословицы, занесенныя въ тѣтописи; о гибели Азаровъ сложилась поговорка: «Погибѣла, аки Обръ»; неудача Радимичей на рѣкѣ Пицанѣ въ битвѣ съ воеводой великаго князя Владиміра, по прозванью—Волчий Хвостъ, послужила къ составленію насмѣшливой притчи: «Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ». Отношенія дружины къ князю и народу изображаетъ Даніилъ Заточникъ въ пословицахъ: «Мужу злато добудутъ, а златомъ людей не добыти», — «Тучъ (княжій) яко огнь трепетницу накладець, а радимичи его яко искры: еще отъ огня устережешься, но отъ искры не можешь устережешься жженіи портъ», — «Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лпхмъ—и малаго стола лишень будетъ». Отвращеніе къ татарскому порабощенію Россіи высказалось въ пословицахъ: «Не въ время гость хуже Татарина», — «Тутъ слышно Мамай воевалъ». О Ермакѣ Тимофеевичѣ и его немногихъ сподвижникахъ, а потомъ уже вообще объ уральскихъ казакахъ, говорится: «Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ». Такъ какъ въ Россіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ были весьма значительные разбои, особенно на Волгѣ и ея притокахъ; то на этотъ счетъ дошло до насъ много самыхъ мѣткихъ пословицъ: «Это не покорь, что за поломъ толоръ, скажутъ—плотникъ, а не воръ», — «На Волгѣ жить—ворами (грабителями) слыть», — «Ахтуба пуста, а безъ караула не гуляй», — «Кому лопата а намъ ломъ; кому острогъ, а намъ дѣмъ», — «Вору вистѣлица—неизлѣпный другъ.»

О братчицахъ сохранилась пословица: «Съ нимъ пива не сварить». Особенно важны для изучающаго историческую жизнь своего отечества, тѣ присловья и мѣткія изреченія, въ которыхъ населеніе одной мѣстности характеризуетъ жителей другой области. Большая часть изъ нихъ сложилась исторически; такъ наприм. первоначальное населеніе Орловской губернии было пограничнымъ, собралось оно изъ бѣглыхъ и удалцовъ и постоянно рубилось съ крымскими Татарами; по этому и говорятъ пословицы: «Орловцы—проломленныя головы», — «Орелъ да Кромъ старинныя воры», — «Лявны—вѣшь ворами дивны, а Елецъ—вѣшь ворами отецъ.»

3) Что же касается до пословицъ христіанскихъ, то ихъ можно читать въ Словѣ Давида Заточника; а подробный разборъ былъ бы здѣсь не у мѣста. Переходя изъ устъ въ уста, пословицы въ позднее время мало по малу принимаютъ направление сатирическое, а чрезъ это болѣе и болѣе сглаживаются съ ними старинныя черты, такъ дорога для историка.

Заговоры и заклятія, какъ и пословицы, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой языческой старины и первоначально служили мольбами при жертвоприношеніяхъ и сопровождались обрядовыми дѣйствіями. Но потомъ эти прославленія божествъ и выраженія прошенія постепенно теряли свой смыслъ и низвелись до заклятія и выговора. Такъ клятва передъ Перуномъ: «да будемъ золоты яко золото» — для насъ непонятна; но произносивъ ее имѣли въ виду страшную болѣзнь проказу, которая за неправду, сжигала тѣло, сообщаетъ ему желтый цвѣтъ похожій на золото. Одна изъ дочерей Иродовыхъ, лихорадка желчная, называется желтѣя, желтуха, *златеница*. Заклятія солнцемъ сохранились отъ времени его обожанія; въ Нижегородской губерніи божатся въ подтвержденіе истины показаній: «Вотъ

тебѣ красное солнышко!» — А въ Галиции говорятъ: «Солнце бы тебя побил!» Въ Словѣ о полку Ярославна обращается съ мольбой къ солнцу, водѣ и вѣтру, называя каждую стихію *господиномъ*. И рѣдкій заговоръ не заключаетъ въ себѣ призыванія свѣтилъ небесныхъ, зори, воды, вѣтра и другихъ предметовъ языческаго обожанія природы. Съ этой точки зрѣнія многіе заговоры, повидимому безсмысленные, помогутъ выяснитъ религиозныя позрѣнія древняго русскаго человека. Такъ въ заговорѣ одной рукописи говорится: «Встахонь завтра и помолитхсе Господу Богу и *бѣлище*»⁽¹⁾, — лѣсный призывъ языческаго поклоуенія свѣтлѣзъ. «Заря-зарница, красная дѣвица, швея-мастерица!» Въ другихъ заговорахъ есть такого рода обращенія: «Матушка вода, обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлы горючы камень своей быстриной и золотой струей!» — «Ты небо, слышишь! Ты небо видишь!» — «Ахти нати, бѣлая нечь! Не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты»... — «Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряныя рожики, золатыя твои ножки! Сойди ты мѣсяцъ, синию мою скорбь зубную, унеси боль подѣ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча» Есть также обращенія къ Огню-полюмию и къ Вѣтру буйному.

Приведемъ одинъ заговоръ вполне, въ которомъ чередѣваются языческія понятія съ христіанскими. «Господи І. Хр. Сыне божій, помилуй насъ. Аминь. Стану я, рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону, подѣ красное солнце, подѣ младъ мѣсяцъ, подѣ частыя звѣзды, подѣ утреннюю зору, къ окіану

(1) Архивъ истор. юрид. зн. 2. пол. 2. отд. VI, 50.

морю. У окіана моря на крутомъ берегу лежитъ Латырь камень, на Латырь камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повидала, щепоты, ломоты увидала, садести и болѣзни, порѣзы и носѣки отъ удару и отъ укладу и булату увидала, и занярала. Какъ изъ Латыря камня не воды, такъ же изъ раба божія ни руды, ни садеда, ни болѣзни; изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, ни изъ раба божія *Н* ни руды; какъ Ілья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такъ же бы у раба божія *Н* твердо утвердились (?). Рука заключись въ море, ключи въ небесахъ, замки достану; эти ключи и замки св. молитвами заурю и укрьблю, поѣски и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь.» Обратимъ вниманіе, какое значеніе въ этомъ заговорѣ и во многихъ другихъ являютъ *частыя зоры*; ихъ Славяне даже призываютъ иногда сойти съ неба: «Звѣзды леныя, сойдыте въ чашу брачную.» — «Мѣсяцъ ты красный, звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! сойдыте, уйдите раба божія отъ заюла!» Вѣроваши въ Рожаницъ или богинь судьбы, которыя какъ Парки надѣляли человека при рожденіи дарами счастья и благами жизни, соединялось съ вѣрованіемъ въ счастливую звѣзду. Въ одной пѣснѣ молодецъ спрашиваетъ:

Ты скажи, скажи моя матушка родима:
Подѣ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какими же мнѣ счастьемъ надѣлила?

Василій Буслаевъ говоритъ въ былинѣ: «Не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую.» Такая вѣра въ предопредѣленія судьбы тольکو и могла создать подобныя пословицы: «Такъ ему на роду написано,» — «Не родись ни умный, ни пригожъ, а родись счастливъ,» — «Суженаго конемъ не объѣдешь,» — «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія не минути.» Вѣрованіе во влія-

ние звѣздъ на судьбу людей привело къ мысли, что какъ скоро падаетъ звѣзда, такъ умираетъ человѣкъ:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску лрова:

Не становится у насъ млада царевича.

Языческія моленія обращались въ кругу обыденныхъ нуждъ житейскихъ; нездоровые испрашивали себѣ облегченія; лѣчение сопровождалось навязками—*наузами*, чтеніемъ молитвъ надъ водой; давали больнымъ священную глину и угли отъ жертвенника, соль, хлѣбъ и другія жертвенныя принадлежности. Замѣчательно, что всѣ эти атрибуты не рѣдко сопровождаютъ заговариванія и доселѣ, но, разумѣется, употребляются безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Какъ прежде хорошо знали заклинательныя и умиловительныя молитвы приносили жертву, и они только давали силу разнымъ вещамъ; такъ впоследствии составилось понятіе о знахаряхъ, вѣдунгахъ и колдуньяхъ, какъ о лицахъ, близкихъ съ нечистой силой. Другіе заговоры имѣютъ цѣлью сохраненіе семьи и имущества отъ грозы, нападенія звѣрей, потопленія, отъ лука и меча вражескаго, отъ лихаго глаза, налета саранчи на хлѣбъ и т. п. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курской губерніи употреблялся еще обрядъ умиловленія мороза въ такомъ родѣ. Варили яичный кисель на молокѣ, ставили на окно и приговаривали: «Эй морозъ! иди къ намъ кисель ѣсть; не трошь нашихъ жита—пшеницы.»

Въ связи съ пословицей въ древнее время находилась *загадка*. Обѣ онѣ составляли часть поучительнаго наставленія, дидактическаго эпоса, и передавали изъ рода въ родъ познанія о мірѣ и жизни. Въ загадкахъ выразилось неодолимое стремленіе пытливаго ума неразвитаго язычника удовлетворить любознательности, рѣшать вопросы о загадочныхъ силахъ и явленіяхъ природы.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ сначала представлялось божествамъ въ родѣ Одна и мудрыхъ Вилъ, а потомъ вѣщнымъ дѣвицамъ, науримѣръ, Февроніи Муромской (См. ея житіе ниже). Въ одной пѣснѣ Сибирской губерніи также рѣшается замысловатая загадка семилѣтня дѣвица:

Какъ по лугу 2 по зеленому

Идетъ дѣвка 2 семилѣтка;

За ней царень 2 бѣлкудрявый:

«Постой дѣвка 2 семилѣтка!»

Загапу я 2 три загадки,

Изволь дѣвка 2 разгадать:

Да что растетъ 2 безъ кореньевъ?

—Ростетъ камень 2 безъ кореньевъ.

«Да что цвѣтетъ 2 безо цвѣту?»

—Цвѣтетъ сѣсна 2 безо цвѣту.

«Да что шумитъ 2 безо вѣтру?»

—Шумитъ вода 2 безо вѣтру.

Потомъ загадка испытала на себѣ вліяніе христіанства. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ рѣшаются важнѣйшія задачи старины, имѣющія основу въ древнихъ космогоническихъ воззрѣніяхъ. (См. стихъ ниже). Впоследствии какъ языческій обрядъ перешелъ въ игры, такъ и загадка съ своимъ стариннымъ міросозерцаніемъ стала художественною забавою и игрою словъ.

Загадка имѣетъ родство съ *примѣтками*, выражая языческую мудрость давнишняго времени. Въ нѣкоторыя пословицы и загадки приводятся прямо примѣты: «Ржетъ конь къ печали, погою топаетъ къ погонѣ.» Известно, что въ воинскую пору конь былъ товарищемъ, соратникомъ бойца и отличался вѣщими предсказаніями, какъ говоритъ пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ (См. Пушкина: «Что ты ржешь, мой конь ретивый»). При сочувствіи къ природѣ и обоготвореніи ея силъ, Славянинъ чутко прислушивался къ ея звукамъ, прилеживался къ перемѣнамъ и дѣйствіямъ въ животномъ и растительномъ мірѣ, къ явленіямъ въ средѣ стихійной борьбы и т. д. По разнымъ отступленіямъ отъ обычнаго

течения вещей онъ заключалъ о волѣ боговъ, выражающихъ ее человѣку чрезъ видоизмѣненія природы. Такъ воронъ предвѣщаетъ бѣду; лебедь летитъ къ теплу, а гусь — къ холоду; стѣна трещитъ къ покойнику; соль разсыпается къ ссорѣ; если на крещенье на небѣ звезды, куры будутъ неси и горохъ родится, а будетъ наводочъ — коровы молочны. Эти примѣты служили руководящей нитью въ практическомъ быту, и кто больше умѣлъ разрѣшать эти загадки природы, тотъ былъ мудрецомъ. (См. I. Екз. Болгар. 211—212 и ниже о примѣтахъ).

Такъ пословица, вмѣстѣ съ заговоромъ загадкой, всякимъ стариннымъ изреченіемъ и примѣтой, составляетъ часть энциклопедическаго воззрѣнія нашихъ предковъ. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, она донесла до насъ изъ отдаленныхъ временъ черты и краски языческаго міросозерцанія, нравовъ, и обычаевъ, складъ характера и быта. Изучая народную поэзію, мы можемъ возстановить до нѣкоторой степени ходъ и направление темной жизни нашихъ предковъ. Въ народѣ живетъ множество суевѣрныхъ понятій, вѣръ и увѣсеній, которыя вытекаютъ изъ языческаго взгляда и утратили свой смыслъ; поэтому для разъясненія до-исторической судьбы русскаго народа необходимо изучать его этнографію.

(Составлено по статьѣ **Θ. Н. Буслая**: „Русскія пословицы и поговорки.“ *Архивъ истор. юрид.* кн. 2, пол. 2, отд. IV, 1—176. См. *Ист. рус. слов. Галахова*, 1863 г. I, 6—29).

Указатель статей: Поэтич. воззрѣніе Славянъ на природу. **А. Н. Аванасьева**. 3 тома, 1866—9. О знач. значеніи обрядовъ и вѣрій. **А. А. Потебни**. Чт. общ. 1865, II, 1—84, III, 85—232.

IV, 233—310 и отдѣльно. М. 1865. Очерки **Буслая**. Собр. 1861, два тома. Рус. богатыр. эпосъ. **Буслая**. Рус. Вѣстн. 1862. Пѣсни историко-мифическія. Рус. Бес. 1860. I, 1, 42—47, 82, 99, 163—167. Собр. пѣсень **К. Калайдовича**, 1818 г. Пѣсни, собр. **Н. Н. Якушкинымъ**. Лѣт. рус. литер. 1859, 2, 17—20, Отеч. Зап. 1859 и отдѣльно 1865. Рус. престонародн. праздники и обряды. **Снегирева**, М. 1848. Сказанія рус. народа. **Сахарова**. Спб. 1841—46 г. Бытъ рус. народа. **Тереженко**. Спб. 1848 г. Разборъ этой книги въ *Собр. соч.* т. XI, кн. 1—48, 85—139; XII, 95—138, также въ Полн. собр. соч. **К. Д. Кавелина** т. IV. Записки рус. этнограф. общ. Спб. 1867. Годъ рус. земледѣльца. **Селиванова**, Рус. Бес. 1857, кн. 1—IV, отд. 4. О сагахъ въ отношеніи ихъ къ древ. Рус. Исторія. **С. Руссова**. Спб. 1834. О сагахъ см. Моск. Телеграфъ 1825, VII, 224—230; XV, 208—243; XVIII, 57—60. Библ. для чт. 1834. I, 1—38; II, 1—72. 1836, XIX, 20—32. **Ж. М. Н. Просв.** ч. 80, VI, 34. Словарь рус. суевѣрій. М. 1782 г. Тоже почти: „Презанія о народ. рус. суевѣріяхъ.“ 1861. Великорусскіе сказки **Худякова**. М. 1860—2, Малорус. пѣсни. **Масилювича**. М. 1827. Киевъ 1847. Пѣсни собраны **Рыбниковымъ**. 4 тома. 1861—67. Этнографическія пѣстни. Народныя южно-рус. пѣсни. **А. Метинскаго**. Киевъ 1835. Пѣсьмо Буслая къ Соловьеву. *Ист. Рос. II*, въ прилож. Записки о праздн. у Малорос. **Семеновскаго**. М. 1843, т. XI. Молодикъ. Украинск. Собр. на 1843 г. X. Повѣсти. народн. быта Болгаръ съ 1802 г. **Каравелова**. *Bajeslownij Kalendar' Sloviansky*. Гануша. Прага 1860. **Lud Ukrainsky**. *Новосельскаго*. Болгарскія повѣрья. **Ж. М. Н. Пр.** ч. 52, II, стр. 204. Литер. прибавл. къ **Ж. М. Н. Пр.** 1846, 65. Объ исторіи, знач. рус. народной поэзіи. **Костомарова**. Харьковъ. 1843. Литовскія народныя пѣсни. **Юшкевича**. Спб. 1867. Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собр. **Е. П.** Спб. 1854. Народн. пѣсни Вологодск., Олонек. губ. собр. **Студитскимъ**. Спб. 1844. Народныя сказки, собр. сельскими учителями. Изд. **Эрленвейна**. М. 1863. Обычаи, повѣрья и проч. Малороссійск. **Маркевича**. Киевъ 1860. Пѣснѣ, думѣ и шумѣ на Подолі... **Кочиньскаго**. Киевъ 1862. Пословицы русскаго народа Дали. М. 1862. Пѣсни крестьянъ Владимірс. и Костромск. губ. **Смирнова**. М. 1847. Пѣсни рус. народа, собр. **Сахаровымъ**. Спб. 1838—9. Пѣсни, собр. **Н. В. Кирѣевскимъ**. М. 1860—68. Русскіе въ своихъ пословицахъ **Н. Снегирева**. М. 1832. Сборникъ Донскихъ изродныхъ пѣсень. **А. Савельева**. Спб. 1865. Сборникъ пѣсень Самарскаго края. **Варенцова**. Спб. 1862. Сборникъ рус. духовн. стиховъ. **Егоже**. Спб. 1860. Собр. малороссійскихъ народныхъ пѣсень. **Едличка**. Спб. 1864. Украинск. **Желтцова**. М. 1859. Этнографіа. Сборникъ. Спб. 1853—1862, 1864.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНИЙ.

32. Развитие языческихъ вѣрованій.

Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ имѣютъ свою исторію; она создается не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти вѣдѣній явленій природы. Первоначально религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на не посредственныхъ чисто естественныхъ условияхъ. Впослѣдствіи приходятъ рѣзкія отлечія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Безъ сомнѣнія, излагая народныя вѣрованія въ процессы ихъ созданія, надобно будетъ основываться на логическихъ законахъ всякаго развитія, ибо осязательнаго указанія хронологическаго не имѣемъ. Но это не должно устранивать: самый характеръ того или другаго преданія и повѣрья укажетъ на ближайшее или отдаленнѣйшее время его появленія. Всякое развитіе начинается аб ово: какъ изъ непримѣтнаго зародыша вырастаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой-либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ славянскому язычеству, замѣчаемъ, что вопросъ религіи волеюцалъ въ себѣ всѣ успѣхи народного развитія въ его стремленіи отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этого развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его

испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою, требующею полного и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ признавалъ ее за нечто высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово «божество», вышедшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая мнѣология начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является неопредѣленная природа. Слѣдовательно отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемого при конечномъ развитіи язычества, вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ большими успѣхами ума, обусловливаемыми наблюдательностью и новостью впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многообразіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества, многобожіе указываетъ на большую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюдѣніи явленій природы, умъ человѣческій обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрпцаніе многобожія.

Въ періодъ своего младенчества Славя-

нишъ былъ погруженъ въ жизнь не посредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскими простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней пахнулъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку; въ ней видѣлъ онъ родное...

Когда настала пора анализа, тогда бо-
лѣе условныя для впечатлѣнія силы при-
роды отдѣлялись прежде и обоготворялись
въ особенныхъ божествахъ. При такомъ
раздробленіи общее понятіе о божествѣ,
воплотившее въ себя всю природу, какъ
единую, мало помалу затѣмнялось, пото-
му что съ нимъ не соединялась опредѣлен-
ная субстанція. Могущество, старѣйши-
ство, благотворное вліяніе, соединившіяся
съ згнѣмъ понятіемъ, переносились на дру-
гихъ главныхъ боговъ. Вотъ почему тамъ,
гдѣ еще не утратилось со всѣмъ преданіе
о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго
опредѣленія его существа, тамъ смѣло
можно говорить о церазности язычества.
Такое преданіе встрѣчаемъ мы у Сла-
вянъ: въ договорѣ Игоря съ Греками чл-
таемъ: «да не имутъ помощи отъ Бога,
ни отъ Перуна;» «да будетъ овъ
клясть отъ Бога и отъ Перуна;» то же пре-
даніе занесено въ записки Прокопія и Гель-
мольда. Этого-то «бога» могли назы-
вать старымъ, великимъ (т. е. стар-
шимъ), прабогомъ (сличи—прадѣдъ);
слѣдовательно его ставили въ родоначаль-
ники боговъ, за которыми потому оста-
вляли названіе прибоговъ. Послѣ это стар-
рѣйшинство было перевесено на Сварога
(отъ санскрит. *сварга*: *свар*—небо, *га*—
хождение—небесный, солнечный, путь).
Съ дѣлѣйшимъ развитіемъ умъ человѣ-
ческій подмѣчалъ различныя проявленія
элемента свѣта и тепла, понимаемого
нимъ въ началѣ цѣлостно. Такое дѣленіе,
вносимое познающею способностью, не про-
тиворѣчило поэтическому чувству, которое
все облакаетъ въ живой образъ. Дѣло

ума поэтически выразилось въ естествен-
ной формѣ рожденія новыхъ божествъ отъ
Сварога. Здѣсь первый актъ обоже-
ствленія человеческой субстанціи. Одни толь-
ко отголоски и зналъ и понималъ чело-
вѣкъ; въ нихъ онъ самъ обращался и ихъ
перенесъ на божества, какъ отголоски,
воспитывающія въ чело-вѣкѣ нравственное
чувство. Изъ классическаго мѣста Ина-
тъевской лѣтописи, указаннаго Шафари-
комъ, ясно видно, что у Сварога былъ
сынъ Дажь-богъ—солнце, отъ *дажъ*—день,
дневной свѣтъ; *дажъ*—прилагательное при-
тажательное. У Сварога былъ и другой
сынъ; въ Словѣ Христороубца читаемъ:
«и огнѣи молятся, зовуть Сварожичемъ.»
Отечественная форма прямо указываетъ,
что огонь Сварожичъ былъ сынъ Сварога,
братъ Дажьбога. И такъ небо родило
свѣтъ солнечный (небесный) и огонь.
Всѣми археологами Перунъ былъ при-
нимаемъ за божество молніи, что подтвр-
ждаетъ и филологія. Сварогъ есть об-
щій источникъ небеснаго свѣта, Дажь-
богъ—свѣтъ солнечный, Перунъ—свѣтъ
молніи; какъ Дажьбогъ различенъ отъ
Сварога такъ и Перунъ; и тотъ и дру-
гой особенныя проявленія силъ при-
роды (1).

Но въ какихъ родственныхъ отноше-
ніяхъ былъ Перунъ къ прочимъ свѣтлымъ
божествамъ, рѣшить трудно, ибо опредѣ-
лительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По пре-
дѣлю, Сварогъ, оставаясь въ вѣчномъ
покоѣ, предоставляетъ творчество и управ-
леніе міра своему роду. Творческая опло-
дотворяющая сила бога приписана Сла-
вянinemъ Дажьбогу, безъ животворящихъ
лучей котораго не возможно никакое раз-
витіе: холодъ и мракъ убиваютъ жизнь.
Отдѣляемыми отъ себя лучами солнце ожи-

О неврности отождествленія г. Соловьевымъ
Перуна съ Сварогомъ говоритъ и г. Шеншинъ въ
своей рецензіи въ Москвит. 1850 г. № 7 стр.
86—87.

вляеть природу и даетъ ей возможность производить. Когда восходитъ солнце, то отъ лучей его разбѣгается мракъ; темную, нечистую силу божества, по повѣрѣнью, разить молнія. Какъ лучамъ солнца приписывается сила, возбуждающая плодородіе, такъ та же сила приписана и молніи. Сербская пѣсня говоритъ о гармоніи, даваемой міру молніею; а хорутанское преданіе свидѣтельствуешь, что на землѣ началась жизнь только съ того времени, какъ внутри ея загорѣлся огонь. У насъ вѣрить, что первый весенній громъ оживляетъ природу послѣ зимняго сна; только съ того времени деревья начинаютъ распускаться. Когда раздается ударъ перваго грома, то всѣ спѣшать умыться водою, которая въ это время молодить и красить лицо, даетъ здоровье и счастье. Тоже говорятъ и о первомъ весеннемъ дождѣ...

Славянинъ не могъ не обратить вниманія на различіе проявленій свѣта въ днѣхъ, звѣздахъ, зарѣ и радугѣ, и всѣ эти проявленія свѣтлой силы обоготворилъ въ особенныхъ божествахъ. Въ преданіяхъ западныхъ Славянъ находимъ прамыя указанія на родственныя связи этихъ божествъ: князь (*старшій*)—солнце имѣетъ двѣнадцать сыновей, которые живутъ на звѣздахъ. Солнце, какъ источникъ жизни, представляется молодымъ и прекраснымъ юношею; оно сидитъ на золотомъ престолѣ и ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, ему прислуживаютъ двѣ солнцевы дѣвы: заря утренняя и заря вечерняя, которыя всегда сопровождаютъ солнце. Въ одной русской пѣснѣ заря названа сестрой солнца:

Заря-хъ моя зоринька,

Заря, солнцева сестрица!

Утренняя заря выводитъ бѣлыхъ коней Дажьбога; потому въ Карватіи ее называютъ дѣвицею, т. е. утренница—слово, близкое съ девичьей (*Венерой*). Эта звѣзда въ сербской пѣснѣ также называется сестрой солнца. Изъ того повѣрѣн,

что сыновья солнца жили на звѣздахъ, можно представлять звѣзды дѣтьми Дажьбога; отчасти это подтверждается нашими колыдками, въ которыхъ отецъ (*домоладышка*) сравнивается съ мѣсяцемъ, жена его съ солнцемъ, дѣти съ звѣздами. По литовскимъ преданіямъ, звѣзды родились отъ божественной четы солнца и мѣсяца.

Та же оплодотворяющая сила, которую народная фантазія отвесла къ Дажьбогу и Перуну, приписывается преданіями и звѣздамъ... Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно, простиралось не на однихъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Этимъ преданіемъ Велесъ (*Волосъ*) получаетъ тѣсную связь съ божествомъ свѣта и тепла. Г. Срезневскій въ своей статьѣ «Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ,» утверждаетъ эту связь самыми положительными доказательствами. Г. Соловьевъ напрасно видитъ въ божествѣ Велеса финское вліяніе. Изъ сравненій Святославова договора съ Греками и Несторова показанія объ языческихъ божествахъ отчасти видно тождество Велеса съ Дажьбогомъ; у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ и вовсе нѣтъ имени Велеса; въ договорѣ же второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волосъ. На то же тождество указываетъ и названіе Бояна Велесовымъ внукомъ, ибо дѣломъ всѣхъ людей преданіе называетъ Дажьбога. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія (*О Велесѣ въ Славян. 1852 г. № 10, крит., стр. 24—25*).

Не менѣе трудный вопросъ представляется при разсмотрѣніи родственныхъ отношеній солнца къ мѣсяцу. Въ одной сербской пѣснѣ солнцева сестра называется «мѣсечева пѣрвобрату чела,» т. е. племянница мѣсяца, слѣдовательно мѣсяцъ является дядею солнцу; въ другихъ же пѣсняхъ онъ называется братомъ солнца. Но изъ нашихъ колыдокъ можно заключить, что мѣсяцъ почитается мужемъ

солнца, которое представлялось въ женскомъ полѣ; такому олицетворенію солнца въ образѣ женщины соответствуютъ и въ некоторыхъ народныхъ преданія. Поворачивая на лѣто, солнце наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; на Ивановъ день оно выѣзжаетъ на встречу къ своему супругу мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу плодотворныя лучи; когда съ окончаніемъ лѣта погребаютъ Леду (*имя придаваемое солнцу*), то куклу, ее представляющую, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Г. Буслаевъ правильно доказываетъ, что самое слово «солнце» въ первоначальной своей формѣ, было женскаго рода. Это предположеніе было связано съ большою непосредственностію человека, который силу творческую видѣлъ и признавалъ только въ актѣ рожденія. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Славянинъ убѣдился, что солнце не само рождаетъ, но что воздѣйствіемъ своихъ лучей оно оплодотворяетъ мать сырую—землю, которая все производитъ изъ своихъ чѣдръ. Тогда-то солнце женскій полъ перемѣнило на мужескій. Такимъ образомъ въ нашихъ преданіяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ уцѣлѣли гораздо древнѣйшія вѣрованія язычества, нежели у западныхъ Славянъ...

Въ такихъ образахъ Славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни, которая для живаго существа есть благо, добро, красота. Человеку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ смерти. Обоотворивъ, какъ благо, все связанное съ развитіемъ и жизнью, Славянинъ долженъ былъ инстинктивно отсутствовать съ боязнью отъ всего, что было противно развитію жизни. Это противоположное начало должно было высказаться въ явленіяхъ, совершенно отличныхъ отъ явлений, признанныхъ благими и прекрасными: въ этомъ случаѣ также должна была сказаться вѣчная, физическая природа. Когда скрывается благотворный

свѣтъ солнца—наступаетъ темнота: иногда свѣтъ этотъ потемняется и днѣмъ туманомъ и тучами. Съ элементомъ свѣта сливается элементъ теплоты, отсутствіе котораго производитъ враждебный человеку холодъ. Мракъ отнимаетъ способность видѣть и различать вѣчную дѣятельность природы; съ нѣмъ соединяется сонъ, образъ смерти; вѣчная тьма вредна произрастительности. Холодъ убиваетъ развитіе и жизнь во всѣхъ царствахъ природы, если не будетъ отстранено это губительное вліяніе; онъ вызываетъ человека на непріятный трудъ строить жилища, заготовлять пищу и теплую одежду. Человекъ долженъ поселиться у домашнего очага. Вотъ почему эти физическія явленія (*мракъ и холодъ*) для Славянина были выраженіемъ силы недоброй, нечистой (*чистый—свѣтлый, очищеніе въ религиозномъ смыслѣ*). Будущи младенцевъ, находясь въ полной власти природы, Славянинъ обоотворилъ и эту силу, какъ высшую, неотвратимую; за темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ понятіе чего-то таинственно страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ: въ началѣ онъ истекалъ не изъ нравственной основы человека, а изъ естественныхъ физическихъ условий и ихъ различнаго воздѣйствія на живой организмъ. Нравственныя основанія приходятъ послѣ и прикрѣпляются уже къ готовымъ положеніямъ дуализма. Первоначально все понимается съ вѣдшей матеріальной стороны. У западныхъ Славянъ такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ: Бѣлбогъ (*бѣлый—свѣтлый*) и Чернобогъ. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ географическія названія урочищъ и городищъ, собранныя Хомяковскимъ. У Бѣлоруссовъ преданіе о Бѣлбогѣ сохранилось въ разсказахъ о ливонскомъ лядѣ Бѣлунѣ (См. *Приб. къ Жур. М. Н. Пр.*, 1846 г. кн. I, стр. 7—

8). Филология превосходно подтверждает существование у Славян дуализма. Слова, означающія блескъ и свѣтъ, выражаютъ понятія блага, счастья и красоты, тогда какъ слова, означающія темноту, выражаютъ понятія зла, бѣдствія, безобразія; такъ: красный (*красное солнышко, красная дѣвица, красный молодецъ*), прекрасный, краса, красота; черный—черная душа; черти всегда представляются черными и безобразными. Солнцеглавыи, бѣлыми божествами Славянъ признавалось свое родство, ибо отъ нихъ испосылается человѣку жизнь, между тѣмъ какъ боги темные, нечистые все мервятъ и убиваютъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіею въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединялось понятие о высшей справедливости и благѣ. Во многихъ славянскихъ нарѣчійхъ «солнце» значитъ счастье; къ свѣтлымъ днямъ и ночи обращены всѣ заговоры съ мольбою о помощи. Подобное обращеніе къ солнцу высказывается и въ словахъ Ярославны и въ слѣдующемъ причитаніи, сохранившемся въ устахъ нашего народа:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пять—ѣсть просятъ.

Напротивъ съ темною и холодною силою природы, съ черными божествами, было соединено все старое, безобразное, злое. Отсюда объясняется и филологическая связь всѣхъ понятій, означающихъ что-либо непріятное или враждебное человеку, слѣдичи слова: мракъ, мразъ, (морозъ), моръ, морена, смерть, мерзость, хмара (*туча*), марать, сыреть, смердеть. Главнымъ олицетвореніемъ нечистой силы была Морена (*смерть—отъ моръ, морить*), имя, до сихъ поръ упоминаемое въ малоросійскихъ пѣсняхъ. Понятно, по чему смерть на лубочныхъ картинахъ пред-

ставляется черною и уродливою; почему моры и бѣзны олицетворены народною фантазіею въ безобразныхъ формахъ, почему наконецъ нѣкоторые недуги почитаются испорченностью, насланною при помощи нечистой силы, а животныя, родившіяся съ какою-нибудь порокомъ, признаются порожденіемъ той же силы и потому—нечистыми.

Божества свѣтлая и темная имѣли свои особенныя жилища, соответственно своему различному характеру, и находились между собою въ постоянной борьбѣ...

Жилище свѣтлыхъ боговъ, по преданию западныхъ Славянъ, полагается на востокъ, откуда восходитъ солнце. Здѣсь-то вмѣстѣ съ своимъ родомъ живетъ оно въ чертогахъ и отсюда отправляется гулять по небу. Здѣсь страна вѣчнаго лѣта. Противоположно жилищу свѣтлыхъ боговъ, жилище нечистой силы представляется въ безплодныхъ горахъ, гдѣ царствуютъ вѣчный холодъ и вѣчная тьма. Можно думать не безъ основанія, что язычники полагали страну нечистой силы на западѣ; въ одномъ словѣ Туровскаго сказано: «мужа далеко лежить на западѣ». Преданія говорятъ, что лихоманки (*лихорадки*) жили въ свѣжнхъ горахъ, а морозы на лѣто заключались въ желѣзныя горы; всѣ олицетворенія нечистой силы представляются замороженными...

Между божествами свѣта и тьмы, тепла и холода, происходитъ вѣчная нескончаемая борьба, потому что обоготворенныя въ нихъ естественныя явленія не совмѣстны и взаимно другъ друга исключаютъ. У Словаковъ сохранилось слѣдующее знаменательное преданіе: когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, то нечистая сила собирается и ожидаетъ его возвращенія, надѣясь захватить нечаянно свѣтило дня и умертвить его. Но при одномъ приближеніи солнца она разбѣгается, чувствуя свое безсиліе. Въ этой эпической формѣ раз-

сказано, какъ первые солнечные лучи, прорѣзавшіе горизонтъ, протоняютъ мракъ; будто испуганный онъ прячется въ расщелины скалъ, бѣжитъ къ подошвамъ горъ и останавливается только въ глубинѣ пещеръ и въ безднахъ, куда не достигаютъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба, и каждый день побѣждаетъ солнце. Въ день святаго Иліи, Перунъ поражаетъ нечистую силу, крестьяне ожидаютъ въ это время дождя и тучъ. Такимъ образомъ молніи (*Перунъ*) разбиваетъ тучи, затемняющія небо и благотворныя лучи солнца... Оттого всякое затмѣніе солнца, особенно во время необыкновенное, почиталось худымъ предзнаменованіемъ.

«Погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласы сѣдаемо солнце.» Божествомъ свѣтлымъ былъ посвященъ пѣтухъ, предвѣщающій утро; вотъ почему крикъ его былъ страшенъ нечистой силѣ, которая убѣгаетъ тотчасъ, какъ закричитъ пѣтухъ. Дѣятельность нечистой силы соединяется преданіями съ ночью и зимой; напротивъ того свѣтлыя божества любятъ день и лѣто. 9 ноября зима отступаетъ на ноги, нечистая сила выходитъ изъ ада и своимъ выходомъ производитъ холода, мятель, вьюги, окочивающіе природу; отъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ морозы. 12 декабря «солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ.» Начинаются самые сильные холода, истребляюще сады, огороды и хлѣба: являются простудныя болѣзни, и нечистая сила, вылетающая на бѣлый свѣтъ, свлзывается съ вѣдьями, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кудакъ, отъ чего бываетъ трескъ в мятель, морозъ и холодный вѣтеръ. Пятаго января на всѣхъ окнахъ и дверяхъ чертатъ противъ нечистой силы кресты, ходя съ двумя пирогами. Пироги говорятъ о жертвѣ; известно, что жертвы приносились и нечистой силѣ: такъ предъ великимъ днемъ даютъ морозу ложку киселя, чтобы не

билъ льду, коноплей и овса. Нечистая сила любитъ темноту и во время пребывания своего на землѣ, поселяется въ прѣчныхъ лѣсахъ и болотахъ: «въ тихомъ омутѣ (*мутный, темный*) черти водятся.» Всѣ чары, при совершеніи которыхъ призывается нечистая сила, и собираніе чародѣйственныхъ травъ совершаются ночью. Вѣрившімъ средствомъ противъ нечистой силы считаютъ начерченный кругъ, какъ знаменіе образа небесныхъ свѣтилъ и ихъ оборота. Обрядъ «опашиванья» состоитъ въ начертаніи около села круга, потому что чрезъ эту черту невозможно перейти смерть. И такъ нечистая сила обвиняетъ всѣ явленія смерти, мрака, холода...

Мы разсмотримъ обожаніе одной стихіи свѣта и связаннаго съ нимъ тепла; но Славяне обожали и другія стихіи: землю, и воздухъ, и воду, которую призывали искони-сущую и изъ которой родилась земля. На все это преданія представляютъ несомнѣнныя доказательства. Эти преданія собраны съ сочиненіи г. Срезневскаго «О богослуженіи языческихъ Славянъ.» Мы припомнимъ только, что преданія наши говорятъ о водяныхъ и морскомъ чудѣ, что Стрибогъ (*Стри* на моравскомъ языкѣ значитъ воздухъ) былъ дѣдъ вѣтровъ, что мать сыра — земля обожалась: къ ней обращался Славянинъ въ августѣ, заговаривая живую отъ враждебной нечистой силы: «Мать сыра — земля! уймь ты всякую гадану нечистую отъ приворота, оборота и лихаго дѣла» и пр... Земля, воздухъ и вода, какъ стихіи, влияющія на развитіе жизни обоготворялись Славяниномъ, но не могли стать въ основаніе его религіозной системы. Причина та, что главное условіе жизни находится внѣ ихъ — въ элементѣ свѣта и тепла. Только дѣйствіемъ благотворныхъ весеннихъ лучей солнца, земля получаетъ силу производительности, вода сбрасываетъ ледяныя оковы и воздухъ наполняется живя-

теплогою теплотою. Съ отсутствіемъ этихъ лучей земля застываетъ, воды сковываются льдами, воздухъ сгущается и начинаются вихри и мятели. Зима мертва въ природу во всѣхъ ея стихіяхъ, а весна ея возраждаетъ. Оттого основнымъ исходнымъ началомъ славянской религии былъ элементъ свѣта и тепла; для выражения этого поклоненія народная фантазія создала столько божественныхъ образовъ. Обоготвореніе другихъ стихій развивалось по мѣрѣ участія ихъ въ творчествѣ и по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи съ свѣтомъ и теплотою. Такъ вѣтры зимніе почитались порожденіемъ нечистой силы, которая бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ. Напротивъ лѣтніе и весенніе вѣтры сопровождаютъ молнію и громъ, прогоняютъ вредныя испаренія и очищаютъ атмосферу, они приносятъ весною семена на землю изъ страны вѣчнаго лѣта; они навѣваютъ въ грудь человѣка любовь; наконецъ ими доносятся и молніи, все оплодотворяющая въ природѣ. Дождь и росы по связи перваго съ громомъ, а послѣднихъ съ зарями, получили особенно важное значеніе въ обрядахъ; свѣту мартовскому приписали благотворную силу и проч. Такимъ образомъ обожаніе свѣта и теплоты проникало во всѣ повѣрья и во все образы славянскаго язычества.

Стихи обожались въ началѣ какъ не посредственныя явленія природы; но впоследствии они принимаютъ человѣческіе образы. Такое перенесеніе человѣческой субстанции на божества было плодомъ долгаго развитія. Нѣкоторыя силы природы не достигли полного олицетворенія, что опять указываетъ на неразвитость нашей мифологіи. Кромѣ указанныхъ выше божествъ, Несторъ упоминаетъ еще о кумирахъ Мокоши и Сямаргла (*Сима и Регла*), о которыхъ въ настоящее время нельзя предложить ничего вѣрнаго...

Перейдемъ въ избу Славянина; сюда

перенесъ онъ тоже обожаніе стихійныхъ божествъ. Очагъ, доставлявшій человѣку свѣтъ и тепло, обожался какъ пенатъ, охранявшій домашнее счастье; съ развитіемъ язычества это божество олицетворено изъ дѣдушки домового, что подтверждается обрядомъ при переходѣ на новое селѣ. Въ Польшѣ домовый называется «Выгорище», а у Бѣлоруссовъ — «Подпечка». Въ домовомъ выразилось идеальное представленіе русскаго хозяина, домовладѣтеля. По повѣрью должно отличать своего домового отъ чужаго; послѣдній — лихой, тогда какъ первый — добрый. Оттого въ заговорахъ испрашивается защита «отъ чужаго домового», а при переходѣ въ новый домъ перемываютъ съ собою стараго домового, чтобы чужой не раззорилъ двора. По связи съ огнемъ домовый живетъ за печкою, и ему приносили въ жертву пѣтуха. Поклоненіе источникамъ и рѣкамъ особенно наглядно выразилось въ образѣ дѣдушки-водяного, которому былъ посвященъ гусь. Своего водяного тоже должно отличать отъ чужаго. Преданіе о водяномъ тѣсно связывается съ вѣрованіемъ въ русалокъ и мавокъ. О русалкахъ въ статьѣ г. Соловьева находимъ превосходное изслѣдованіе (*въ Архивъ Колачова*). Жаль только, что онъ не постарался опредѣлить, что въ давнихъ повѣрьяхъ древнѣйшее и что принадлежитъ позднѣйшимъ олицетвореніямъ. Догматизмъ здѣсь особенно былъ не у мѣста.

(А. Н. Авианскава. *Арх. Колач. II*).

33. О Славянской мифологіи.

...Дѣло несомнѣнное, что все Славянское въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ вышло изъ одного начала, именно — обожанія видимыхъ силъ природы и признанія единого небеснаго Бога (*называемого также Сварогомъ*); но столь же вѣрно и то, что въ дальнѣйшемъ развитіи ми-

еологии не все они слѣдовали одному пути и не все ушли одинаково далеко. Это развитіе должно было зависѣть отъ обстоятельствъ, и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая славянская вѣтвь... Славяне балтійскіе олицетворяли въ богахъ силы природы; боговъ они изображали въ кумирахъ, кумирамъ воздвигали храмы, для пріемотра за храмами и служенія богамъ назначали особыхъ жрецовъ, которые совершали богослуженія по извѣстному чину, съ извѣстными обрядами; наконецъ на содержаніе жрецовъ и на богослуженіе опредѣляли доходы, частью постоянные, частью случайные,—и это іерархическое устройство съ теченіемъ времени, усилилось до такой степени, что князь или воевода (гех) сдѣлался просто исполнителемъ жреческой воли (1)...

До такой крайности богослужебное устройство не достигло нигдѣ у другихъ славянскихъ племенъ. Племена эти не стояли на одинаковой степени въ отношенія къ господству кумировъ и храмовъ въ ихъ языческой религіи. Русскіе Славяне лишь подъ вліяніемъ Варяговъ пришли къ мысли изображать своихъ боговъ въ истуканахъ, и первые истуканы поставлены были Владиміромъ, княземъ кievскимъ, на холмѣ Перуну, Хорсу, Дажь-богу и др., и подобнымъ образомъ Добрынею въ Новгородѣ—Перуну надъ Волховомъ рѣкою. Однако, при этомъ же Владимірѣ уже являются на Руси храмы, вѣроятно, имъ же сооруженные, въ которыхъ онъ, по словамъ саги объ Олавѣ Тригвесонѣ, самъ приносилъ жертвы. О другихъ храмахъ на Руси есть только намеки въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Еще менѣе находимъ указаній у чешскихъ Славянъ. Въ Краковской рукописи въ пѣснѣ «Зъ чръна лѣса» говорится: «Гдѣ

батюшка давалъ кормъ (*жертвы*) богамъ, куда онъ хаживалъ къ нимъ на возглашеніе, тамъ порубили все деревья и разрушили всехъ боговъ.» Козьма Пражскій, по случаю разсказа о князѣ Тетѣ, обращается къ своему времени (ум. въ 1125) и говоритъ: «И доселѣ между многими изъ поселянъ, точно между язычниками, иной чтитъ источники или огни, иной обожаетъ лѣса и деревья, либо каменья, иной приноситъ жертвы горамъ или холмамъ, иной кланяется *идоламъ* глухимъ и вѣрнымъ, которые самъ себя сдѣлалъ, моля, чтобы они правили домомъ его и имъ самимъ» (стр. 10). Но эти слова Козьмы относятся, очевидно, только къ домашнимъ, частнымъ божкамъ, которыхъ у Чеховъ называли *Скритками* и *Шетками*, у Русскихъ—домовыми и т. п. ...

Ни въ одномъ изъ достовѣрныхъ источниковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы у Чеховъ и Моравянъ были когда-либо общественные, чтимые всенародно, куміры или храмы боговъ языческихъ, какъ Перунъ кievскій, Святовитъ арконскій и др. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что Франки и Нѣмцы уже съ начала IX стол., когда язычество находилось у Чеховъ и Моравянъ въ полной силѣ, стали къ нимъ не однократно вторгаться, и что борьба ихъ съ этими Славянами, равно какъ съ балтійскими, имѣла, кромѣ государственной, также и вѣрословѣдную цѣль, истребленіе у нихъ язычества; и, не смотря на это, въ ихъ лѣтописяхъ мы не находимъ нигдѣ извѣстія, чтобы они встрѣтили или разрушили въ Чешской и Моравской землѣ какой-либо языческій храмъ, какой-либо идолъ...

Какъ на Руси (1), такъ и здѣсь, въ Чехіи и Моравіи, нѣтъ никакого слѣда

(1) См. Ист. балтійс. Славянъ. А. О. Гильбердина. М. 1853 г.

(1) Объ-отсутствіи у нашихъ предковъ языческихъ храмовъ и жрецовъ весьма вѣрно разсуждалъ еще митроп. Платонъ въ своей «Краткой церков. рос. исторіи».

особаго сословія, назначеннаго для богослуженія, для исполненія языческихъ обрядовъ, нѣтъ никакого упоминовенія о жрецахъ. Въ пѣснѣ объ Некланѣ Воймиръ самъ, на вершинѣ скалы, зажигаетъ жертву богамъ спасаемъ; Забой зоветъ витязя Славою принести множество жертвъ и т. д. Не забудьте, что пѣснь принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ IX в., когда язычество уже вело у Чеховъ отчаянную, предсмертную борьбу за свое существованіе: потому нельзя предполагать, чтобы въ послѣдствіи еще, при самомъ паденіи язычества, Чехи принялись строить храмы и учреждать жреческое сословіе. И такъ, съ полною увѣренностію можно сказать, что чешскіе Славяне никогда не имѣли жрецовъ, а тѣмъ менѣе такихъ, какіе образовались у Славянъ балтійскихъ. Гдѣ не было общественныхъ кузировъ и храмовъ, тамъ не было никакой нужды въ жрецахъ. Въ этомъ-то именно я вижу одну изъ главныхъ причинъ, почему всѣ славянскія племена, за исключеніемъ балтійскихъ, вездѣ свободно и охотно принимали христіанскую вѣру, какъ скоро проповѣдники ея приходили въстаниками мира, а не съ оружіемъ въ рукѣ. Ибо не было никого, кто бы терялъ отъ принятія новой вѣры, какъ теряли жрецы у балтійскихъ Славянъ, (а также у Прусовъ и Лятовъ), которые лишались чрезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія, словомъ—всего своего существованія, и потому употребляли всевозможныя средства, дабы отвратить отъ себя гибель, подстрѣляли народъ къ сопротивленію, къ кровавымъ и истребительнымъ войнамъ и, не щадя даже мирныхъ проповѣдниковъ евангелія, убивали ихъ и приносили въ жертву своимъ богамъ, вѣрнѣе сказать—своимъ выгодамъ...

Иные предполагаютъ, что дѣй премудрыя дѣвы выученныя вѣщаньямъ, которыхъ изображаетъ древнѣйшая чешская пѣснь о Любушномъ судѣ, была жрицы,

или какія-нибудь другія служительницы языческихъ боговъ... Дѣвы тутъ простыя служительницы суда, *судныя дѣвы*, какъ пѣснь ихъ дѣйствительно называетъ; онѣ тутъ для того, чтобы своею вѣщею мудростію извлечь, въ случаѣ нужды, изъ огня и воды обличеніе виновнаго (на Судѣ Божіемъ), дабы, согласно съ этимъ, княжна, съ своими *девами* и *владыками*, произнесла приговоръ «по закону *въкожсиныхъ боговъ*».

...Замѣчательнѣйшее и важнѣйшее свѣдѣтельство находится въ житіи Оттона Бамбергскаго, и относится къ поклоненію *Триглаву* въ Штетинѣ (Stetin). Въ этомъ городѣ было 3 холма; средній и самый высокій былъ посвященъ верховному богу языческому—Триглаву. Жрецы языческіе говорили, что ихъ верховный богъ (истукашъ) для того имѣетъ три головы, дабы знала, что онъ печется о трехъ царствахъ, небесномъ, земномъ и преисподнемъ... По другому извѣстію въ Штетинѣ находился 4 контини или храма, и въ одной изъ этихъ континъ, самой лучшей, изукрашенной рѣзбою и разноцвѣтною живописью вѣтъ на удивленіе, стоялъ истукашъ Триглава, у котораго, говорятъ, головы были посеребренны. При этомъ храмѣ содержался конь Триглавовъ, огромный и необыкновенно тучный, вороной и весьма ретивый. Его не заставляли работать, и ни кто на него не садился, ибо онъ посвященъ божеству; одинъ изъ четырехъ жрецовъ, приставленныхъ при тѣхъ храмахъ, долженъ былъ тщательно ходить за нимъ. Его сѣдло, богато украшенное золотомъ и серебромъ, висѣло въ храмѣ Триглава. Когда хотѣли идти въ поле противъ непріятеля, или отпраиваясь на грабежъ, то посредствомъ коня гадали объ-успѣхѣхъ предпріятія. Именно, жрецъ, которому конь былъ порученъ, водилъ его 3 раза черезъ 9 положенныхъ на землѣ копѣй взадъ и впередъ, и смотрѣлъ, задрожетъ ли онъ конья

ногами или итѣ: удача предвѣщазась тогда, когда кони оставались нетронутыми.

Въ Волинѣ идолъ Триглава былъ золотой и имѣлъ также храмъ, и жрецовъ; на стѣнѣ храма висѣло также сѣдло, которое было очень старо и готово было разрушиться. Какъ Шетинѣ имѣлъ свои три освященные холма, въ знакъ мѣстопробыванія здѣсь Триглава, такъ точно и Волинѣ, бывший по свидѣтельству Адама Бременскаго, обширѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ въ цѣлой Европѣ, имѣлъ у себя три символическихъ предмета; это троякій цвѣтъ моря, окружающаго островъ, именно: зеленый, бѣлый и черныи—цвѣтъ неба, земли и преисподней, означающіи 3 области Триглава. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что поклоненіе Триглаву волинскому имѣло тотъ же смыслъ, на который указывали жрецы шетинскіе.

У Славянъ баятинскихъ было еще больше кумировъ Триглава. Объ этомъ говорить Гельмольдъ (1, 88), и есть ясное свидѣтельство, что и въ Славии, какъ и въ Волинѣ, когда имъ запрещено было поклоненіе Триглаву, скрывали его кумиры въ пещерахъ и дуплахъ, а потомъ опять вынимали ихъ, возвращаясь къ своему богослуженію. Славяне браунсбургскіе тоже почитали триглаваго бога въ главномъ городѣ земли своей, какъ свидѣтельствуешь лѣтописъ Пулковы подъ 1156 г. (1). И еще въ началѣ XVI в. въ этой землѣ, равно какъ и въ сосѣдней сторонѣ—Мишсенской (Meissen), указывали въ различныхъ мѣстахъ каменные истуканы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, правда, одну голову, но съ тремя лицами.—Имя горы Триглавъ въ Крайнѣ (Terglou) и названіе, существовавшаго когда-то въ Славоніи, города Троеглава—тоже напоминаютъ бога Триглава, какъ

деревенька Тригловъ близъ Грейфенберга въ Поморьѣ...

Сербская пѣсня о Балачкѣ, треглавымъ воеводѣ «Ледяна города Латиискаго», — чешско-словенское преданіе о стеклянной т. е. ледяной горѣ (подземной области), гдѣ треглавый драконъ держитъ въ пасть трехъ королевенъ,—чешская сказка, въ которой колдунъ, живущій въ желѣзномъ замкѣ съ тремя желѣзными обручами на тѣлѣ, скрывающій королевну въ воздухѣ, землѣ и водѣ,—и еще многія другія сказанія и повѣсти народныя суть только варіація на одну и ту же тему. Этотъ непріятель,—драконъ, желѣзный быкъ, колдунъ, исполнитъ (Obz), водяной и т. д. есть лютые морозы, или, по мѣстному положенію, такое дождливое время зимнее, находясь въ которомъ природа, эта дѣвица, стѣснена, угнетена и погружена какъ будто въ смертельный сонъ. А такъ какъ жизнь природы, какъ и трехъ дѣвицъ въ сказаніяхъ, совершается въ трехъ стихіяхъ, въ воздухѣ (на небѣ), на землѣ и въ водѣ (въ преисподней), по этому и зимнее время въ своемъ олицетвореніи является, какъ три врага, три дракона и т. д. Но для означенія единства вещи представляется одякъ треглавый драконъ, трехглавый Балачекъ, колдунъ съ тремя обручами и проч...

Этотъ-то князь смерти и мрака, врагъ природы, настоящій, дѣйствительный Чернобогъ находитъ себѣ противника и борца, а природа своего отмстителя и освободителя въ молодомъ, (какъ передается въ народныхъ разсказахъ), ласномъ королевичѣ, въ солдѣ—Бѣлобогѣ, который со времени своего новаго рожденія, т. е. поворота (солонорога), воюетъ съ этимъ непріятелемъ и наконецъ побѣждаетъ его. А такъ какъ этотъ злой богъ, эта «змѣя лютая», которую по древнѣйшей чешской пѣснѣ, уничтожилъ Трутъ, является въ трехъ стихіяхъ природы, то и противникъ его, добрый богъ, является часто въ трехъ

(1) Monum. hist. Boh. III, 167.

лицахъ. Протпвъ триглаваго Чернобога стоитъ триглавый Бѣлбогъ, это—*пресвятное солнце*, къ которому обращается Ирославна въ Словѣ о полку Игоревѣ. Онъ же есть и Триглавъ балтійскихъ Славянъ, высшій языческий богъ ихъ, добраго свойства, который, какъ боецъ, конечно, имѣлъ также своего коня, подобно Святовиту аркеискому (орекундскому); только его конь былъ черный, въ знакъ того, что его дѣло совершается ночью, въ желѣзныхъ или желѣзныхъ городѣхъ, въ подземной области, въ водной стихіи и т. д. Триглавъ добрый былъ, конечно, такимъ же *олицомъ* боготъ, какъ и Святовитъ орекундскій, и въ самомъ дѣлѣ, къ нему именно должны относиться предсказанія и гаданія, до нынѣ совершающіяся послѣ солнцеворота въ рождественскіе святки. Въ это время природа, исторгнутая изъ власти Чернобога и пробужденная къ жизни, скрываетъ уже въ себѣ зародки всѣхъ плодовъ и даровъ, вслѣдствіе которыхъ на цѣлый слѣдующій годъ. Тутъ уже напередъ опредѣляется, что должно случиться въ наступающемъ году, и каждому заранее опредѣлено, что его ожидаетъ. Человѣкъ, не въ состояніи будучи терпѣливо дожидаться, что ему принесетъ этотъ годъ, хотѣлъ еще заранее узнать свою участь, и употреблялъ для этого различныя способы, особенно же такіе, которые какъ-нибудь касались Трибога, такъ, какъ бы это божество тѣшилось ими и ихъ одобряло... Замѣчательно, что способъ гаданья, употреблявшійся у балтійскихъ Славянъ, до сихъ поръ еще употребляется русскими дѣвушками, которыя водятъ коня чрезъ оглобли телеги: если онъ заденетъ за оглоблю, то у дѣвушки будетъ злой суженый, а если нѣтъ, то мужъ ея будетъ добрый и тихій (Сказ. Сахарова 1, 2, 67).

Сравнивая шеттискаго Триглава съ орекундскимъ Святовитомъ, мы найдемъ

въ нихъ очень много родственнаго, и. ч. въ основаніи того и другаго одно существо—солнце. Но если обратимъ вниманіе на ихъ свойства, выражающіеся въ числѣ главъ, то найдемъ и существенную разницу. Триглавъ, владѣющій воздухомъ, землею и водою, представляется богомъ пространства; напротивъ Святовитъ своими четырьмя главами указываетъ намъ, что онъ—повелитель, не столько четырехъ странъ свѣта, сколько четырехъ частей года, т. е. вообще—богъ времени... Массуды, въ своихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ, видѣли гдѣ-то при морѣ, въ нагорномъ храмѣ, кумиръ этого бога, котораго члены были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней четырехъ родовъ: изъ зеленого хризолита, изъ краснаго рубина, желтаго карнеола и бѣлаго хрустала (320—321). Эти части суть тѣ же самыя вѣдуть въ томъ же порядкѣ, какъ части четырехъ временъ года: зеленый означаетъ весну, красный—лѣто, желтый—осень, бѣлый—зиму, а золотая голова надъ ними—солнце, производящее всѣ годовыя перемѣны (*).

Изъ многихъ сказаній о Триглавѣ—зломъ богѣ, и о побѣдѣ надъ нимъ, обращаетъ на себя вниманіе извѣстная сербская повѣсть о королевичѣ Троицѣ, который не могъ снести солнечнаго свѣта; когда однажды, противъ воли, онъ сашкомъ зашмыкался на своей ночной прогулкѣ, то, не будучи въ состояніи укрыться отъ лучей солнечныхъ, растаялъ. Уже самое имя *Троица* (тройной, троеличный) заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и Триглавъ; къ этому присоединимъ еще то, что въ немъ олицетворено зимнее время, вѣтъ, ледъ и снѣгъ, которые таютъ и исчезаютъ, какъ скоро упадутъ на нихъ лучи солнца... Выбѣтъ съ

(*) См. Casopis českého Museja. 1849.

ясными днями, которые пастушают по-
сле солннворота (solstitium), жестокость
зимы съ этого времени еще усиливается,
п отсюда пошло сказанне, что солнце бо-
рется съ зимою, Бѣлбогъ—съ Чернобогомъ.

Русскому простонародному слову—сол-
ннворотъ я приравниваю по смыслу ста-
ро-чешское нмя—*Ситивратъ* (отъ сло-
ва *vijati, viti*—свѣтлый), т. е. поворотъ
свѣтла. Самое нмя Ситивратъ находимъ
въ одномъ актѣ Фульдекаго монастыря
874 г. въ мѣстномъ названн *Zitemoro-
tenstenni (Sitiwratenstein)*, (*Ситивра-
товъ камень*). Подобнымъ образомъ въ
русскихъ лѣтописяхъ находимъ *Короу-
новъ камень*—камень бога Крачуна, *Во-
лосовъ камень*—камень бога Велеса; въ
Кракедворской ркп. также говорится о
скалѣ, посвященномъ богамъ, на вершинѣ
которой Воймиръ принесть жертву. По это-
му справедливо, кажется, можно заключить,
что *Sitiwratenstein* назывался камень, по-
священный богу Ситиврату, солннвороту..
Вацерадъ (отъ XII в.) написалъ надъ тек-
стомъ: *Picus, Saturni filius* — *Сорока*
Ситивратовъ сынъ. По древне-пта-
льянскому сказанню, *Picus* былъ лѣсной,
вѣщій богъ, сынъ Сатурна п отецъ Фавновъ,
котораго, говорятъ, Цирцея, за презрѣнне
имъ ея любви, превратила въ птицу, на-
звавную по немъ *Picus*—сорока, *Stras-
sek* или *Strakopot*. По этому-то сорока
у древне-итальянскихъ народовъ считалась
вѣщею птицею... Существенные признаки,
согласно указываемые въ этой птицѣ дре-
вними народными преданнми п загадками
славянскими, суть ея цвѣтъ: бѣлый, зе-
леный п черный (загадка чешск: «Сто-
ять въ ростѣ, какъ дѣвица, бѣла какъ
снѣгъ, зелена какъ дѣтина, черна какъ
уголь»). Это тѣ же самые цвѣта, которые,
какъ особенная замѣчательность, были ука-
зываемы Адаму Бременскому на островѣ,
окружавшемъ Волинъ, п по значенно ко-
торыхъ тамъ было мѣстопробыванне Три-
глава. Такъ какъ Триглавъ, богъ неба,

земли п преисподней, или—воздуха, зе-
мли п воды, означалъ тѣмъ же цвѣтами,
которые носить п сорока, то по этому са-
мому Славяне—язычники могли почтять
эту птицу, какъ явленне или воплощенне
ихъ высшаго Бога. По этому сорока у
нихъ была вѣщей птицею, какъ и самъ
Триглавъ, п такъ осталось у нихъ въ
народныхъ повѣрнхъ до сихъ поръ: «со-
рока стрекочетъ—будутъ гости.» И такъ
какъ время борьбы солнца съ морозомъ,
этотъ Триглавъ—Бѣлбогъ, является по-
сле солннворота, какъ будто онъ отъ сол-
ннворота родился, то Ситивратъ—солн-
нворотъ по праву можетъ въ сказаннхъ
славянскихъ называться отцемъ Тригла-
ва—Бѣлбога, а слѣдовательно п сорока,
какъ воплощенный Триглавъ—есть сынъ
Ситивратовъ. Ситивратъ уравнивается съ
Сатурномъ п въ томъ, что праздники то-
му п другому приходившись въ одно время
года: солннворотъ начинался съ 12 дека-
бря п празднованне въ честь его было
около святкохъ, а Сатурналии совершались
17 декабря.

Саксонскн Сатурнъ, по лѣтописи XI
в., назывался въ простомъ народѣ *Кро-
до*; а Вацерадъ нмя *Krt* объясняетъ какъ
нмя дѣда Радегостова п Радегостомъ на-
зывается Меркурія, внука Сатурнова, слѣ-
довательно п онъ признаетъ Кръга за Са-
турна. Имя *Krt* издавна, въ до-истори-
ческую эпоху, было любимымъ племенемъ
лчшимъ у Чеховъ п Моравовъ... Въ
1591 г. Штельцаръ Желетавскн возста-
валъ противъ священниковъ, которые по-
лише давали нмя мальчику 6 января, какъ
Krtan (*Krtan, Krtay*). Причина, по че-
му оно приложено къ празднику *Креще-
нн*а господня, которое приходится во вре-
мя зимняго солннворота, заключается не
столько въ случайномъ сходствѣ словъ
Krtan п *Krsten* (*Krtan*), сколько пото-
му, что слово *Krt* пришло теперь въ
пору по самому первоначальному своему
значенно. Какъ нмя народного язычес-

каго бога, оно значитъ производителя, *жизнителя*, виновника свѣта и жизни, а это свойство Ситивратоно. Въ Тульской губерніи есть повѣрье, что со дня Крещенья появляется огненный змѣй и навѣщаетъ красныхъ дѣвушекъ. Смыслъ этой аллегоріи, кажется довольно ясенъ: огненный змѣй, появляющійся въ это время, есть солнечный свѣтъ (Ситивратъ, Крътъ), а красная дѣвица, которую онъ навѣщаетъ каждый годъ,—есть вся земля господня. У западныхъ Славянъ распространено повѣрье объ удивительномъ существѣ домашнемъ, которое также въ родѣ огненного змѣя, прилетаетъ черезъ трубу и приноситъ своему хозяину всякаго хлѣба и другихъ плодовъ земныхъ, а иногда и разные сокровища. Чешское названіе его *Křet*, словене. *Skrat*, латыше. *Krat*... Такимъ образомъ и этотъ огненный змѣй въ основаніи своемъ имѣетъ не что иное, какъ зимній солнцеворотъ, начало солнечной части года, которая заботливому хозяину приноситъ урожай плодовъ земныхъ и вообще умноженіе имѣнія ⁽¹⁾. Это русскій дѣдушка, Домовой, Сусѣдокъ. Изображался *Křt* въ маленькихъ бронзовыхъ статуйкахъ величиною съ палецъ, отъ чего Чехи называли его *Paleček* (Рус. Мальчикъ—съ пальчикъ).

Если въ сл. *Křt* слышать первый звукъ *k*, переходящій въ *s*, то выйдетъ *Cřt* (чертъ), изъ жиждителя Бѣлбога—Чернобогъ, существо отрицательное,—какъ тьма есть отрицаніе свѣта, зима отрицаніе лѣта, и эти двѣ противоположности означаются словами *Křt* и *Črt*... Отрицательное свойство Черта и борьба его съ божествомъ свѣта, никакъ не выражается съ такой очевидностью, какъ въ славянскихъ преданіяхъ о твореніи міра и о похищеніи съ неба солнца Чертомъ и

отнятіе его ангеломъ... Разсказъ о томъ какъ Чертъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его родилась сорока, означаетъ, безъ сомнѣнія, что зима, темная половина солнцеворота, выпустила изъ себя назадъ солнце—тресвѣтлаго владыку воздуха, земли и воды—Триглава. Съ этимъ разсказомъ о сотвореніи сороки изъ слюны Черта, по всему вѣроятію, находится въ связи господствующее между южными Чехами повѣрье, будто эта птица есть Чертъ (а въ Росс. вѣдьма), и отъ того никто не ѣстъ ея мяса.

Чешское и польское преданіе о *Крохѣ* или *Кракѣ* имѣетъ связь съ языческими вѣрованіями въ Трибога: *Кракъ* былъ мудрый и справедливый судья и правитель народа, по сказанію Козьмы Пражскаго, имѣлъ трехъ дочерей—пророчательницъ, а по хроникамъ Кадлубка и Богухвала—двухъ сыновей и прекрасную дочь—Ванду (вода), которая посвятила себя богамъ и бросилась въ Вислу. После нея, говорятъ, правилъ землею воевода съ 12 владыками или судьями. Славяне имѣли понятіе извѣстнаго о 12 знакахъ зодіака, который Вацерадь въ началѣ XIII в. называлъ *Svor*, а чешскій переводчикъ 1411 г.—*крупомъ звѣринимъ*. Если прибавить къ сл. *Svor* образовательный слогъ *oh* (напр. царь—*царо-oh*), то получимъ названіе *Svaroh*. Именемъ *Сваро-oh* языческие Славяне означали бога небесъ, или точнѣе—бога небеснаго круга, состоящаго изъ 12 знаковъ; а сыномъ этого бога называли солнце, которое совершаетъ въ небесномъ кругу обычный ходъ свой. Чешскій Премысль, мужъ вѣщей Любуши, дочери Кроха, пасущій новину въ 12 шаговъ, есть не что иное, какъ *Сварожичъ*—солнце, идущее на пути своемъ по 12 знакамъ небеснымъ. Тоже самое значеніе первоначально имѣетъ и польскій воевода, окруженный 12 владыками...

Сваръ или кругъ 12 небесныхъ знаковъ дѣлится на двѣ различныя части или

⁽¹⁾ *Кракъ* также прилетаетъ черезъ трубу и разсыпается деньгами. См. Зап. рус. Геог. общ. 1867 г. I. 727

полукругля, а взаимною связью между ними служат зимнее и летнее солнцестояния: одна половина круга, где солнце, вновь родившись, идет на высоту и побуждает своих противников — тьму и смерть; а другая половина, где оно снова поникает, склоняется к своей смерти, уступая победу и владычество своему противнику, или говоря проще: одна половина, когда дни прибывают, а ночи убывают, а другая когда ночи прибывают, а дни убывают. Таким образом в этом кругу господствуют вместе две силы, одна другой противны, но всегда неразделимы: свет и тьма, лето и зима, жизнь и смерть, Белбог и Чернобог, Кртъ и Чртъ, добро и зло — безпрестанно следуя одно за другим и попеременно побуждая одно другого...

Оба эти владыки небесного круга, добрый и злой, Белбог и Чернобог, солнце и противник его, являются в трех лицах Триглава; троица доброй соответствует троица злая — Триглаву Белбога — Триглаву Чернобогу; троица эта в обоих случаях означает собою троякое владычество: на небе, на земле и на воде. В чешско-польской басне о Краке эта троица является лишь относительно доброго бога: чешский Крак тронется в своих дочерях, из которых послѣдняя Любуша достигает совершенства отца и судит двух братьев; польский Крак тоже тронется в своих дѣтях и младшая дочь Ванда является опять съ трояким значением, ибо называется владычицею неба, земли и воды; сама она переходит в третье, водное царство, бросается в воду, что значить и ея имя *Ванда* ⁽¹⁾. Во всех славянских народных сказках из трех сыновей или дочерей оба старшие всегда представляются бездарными и негодными, а лишь третий, знаменующий собою вла-

дыку воду, достигает совершенства и заступает собою место отца: так точно из подлого царства, после зимы, ежегодно возникает властелин всех трех царств, солнце тресветлое, Триглав Белбог. Из всего доселѣ сказанного о Краке и его потомствѣ видно, что это чешско-польское предание имѣет вполне мифологическое значение...

В одной греческой басне о происхождении Скивога рассказывается, что Геркулесъ, угнал стада Геріона, пришел в землю, которая названа была потом Скиаскою. Тамъ застала его зима. Завернувшись в левиную шкуру свою, онъ заснул, а тѣмъ временемъ исчезли кони съ его пастбища. ...Солнце на пути своемъ по 12 значному небесному кругу, в греческихъ мифахъ, знаменуется Геркулесомъ и его 12 подвигами, изъ коихъ одинъ состоитъ в отгнании стада Геріона и въ его убіении. Триглавый Геріонъ есть тоже, что славянский Триглав Чернобогъ, т. е. зимнее время, когда солнце, какъ бы ослабѣвъ и ужалившись въ силѣ своей, останавливается. Это — Геркулесъ спягъ, его кони уведены Ехидной, время переходное, состоящее вполнѣ зимнее (ползимы) и в полнѣ летнее (поллѣтны). Какъ скоро проходитъ такое время — Геркулесъ пробуждается, возрождается отъ Ехидны, и снова воспринимаетъ свою троиственную (Триглав Белбогъ), т. е. производитъ отъ Ехидны троякихъ сыновей. Въ третьемъ, младшемъ изъ этихъ сыновей, Скиога, который натягиваетъ опловский лукъ и ополываетъ его поясъ, обновляется самъ Геркулесъ. Поясомъ геркулесовымъ опять знаменуется небесный кругъ — Зодіакъ, а золотая чашка (символъ солнца), которою покрываются соединенные концы пояса, означаетъ то время, когда солнце находится на пути къ своему возрождению, — время зимнего сознорота...

Много можно насчитать мѣстъ въ сла-

⁽¹⁾ Шафирова, «Славян. древн.» 725.

вильскихъ земляхъ, получившихъ названіе отъ Краяка. Нѣмецкіе слово-толкователи объясняютъ сл. *Кракъ* словомъ *карликъ* или малорослый, и въ этомъ объясненіи сходятся съ чешскимъ Краткомъ, уменьшительною формою бога Крета или Кръта, который по происхожденію и по смыслу слова, есть то же, что Кракъ. Богу хвалъ считаетъ имя Крака за одно съ польскимъ «kraka» — воронъ, и объясненіе это хотя и безсознательное, оказывается справедливымъ въ томъ отношеніи, что оба эти слова происходятъ отъ одного корня (*кря*), и что въ басняхъ и повѣрьяхъ какъ у Славянъ, такъ и у другихъ одноплеменныхъ народовъ, воронъ дѣйствительно всегда сближается съ поворожденнымъ солнцемъ, славянскимъ Кракомъ. Воронъ приноситъ живую и мертвую воду, подъ которыми разумѣется вода текущая и ледъ; а воскрешающее и оживляющее дѣйствіе выражаетъ собою, конечно, сущность Крака, который изъ зимы рождаетъ лѣто, изъ тьмы свѣтъ, изъ смерти жизнь... И въ греческой мифологіи воронъ — любимая птица Аполлона, бога солнечнаго, который также посылаетъ его принести себѣ изъ колодца свѣжей, т. е. жирной воды. Нѣмецкій Водень, по описанію младшей Эдды, сидитъ на престолѣ, съ двумя волками у ногъ своихъ и съ двумя воронами на плечахъ; про него разсказывается, что онъ ежедневно посылаетъ отъ себя этихъ вороновъ узнавать, что дѣлается на свѣтѣ. По объясненію нѣмецкихъ ученыхъ, волки означаютъ смерть, всегубительное время, а вороны — возрожденіе, новую жизнь. Хотя, можетъ быть, въ этомъ объясненіи есть нѣкоторая изысканность, но въ выводѣ своемъ оно вѣрно. Одно изъ презвѣщій Водена, *Soluir* или *Solfadir*, богъ или отецъ зимняго солнцеворота; а животныя, при немъ находящіяся, опять означаютъ не что иное, какъ, съ одной стороны, минувшую зиму, смерть

(волки), а съ другой наступающую жизнь, весну (вороны).

Этотъ же переходъ отъ зимней половины года къ лѣтней, изображаемый въ нѣмецкомъ мифѣ волкомъ и ворономъ, въ скандинавской баснѣ (греч. извода) является подъ видомъ Ехидны, полужити, полудѣвницы; въ нѣмецкой баснѣ Ехиду замѣняетъ богиня *Гель*, у которой половина лица бѣлаго и половина чернаго. Позднѣйшая басня развила лишь одну черную сторону Гели и сдѣлала изъ нее страшную богиню смерти и преисподней: она пожирала людей, питается ихъ мозгомъ. Равнымъ образомъ и древне-итальянскій Янусъ выражаетъ переходное свое значеніе двумя лицами на одной головѣ: на одной сторонѣ старое лице, а на другой молодое...

И у Славянъ было свое божество, въ которомъ простымъ и естественнымъ образомъ олицетворился этотъ переходъ зимы въ лѣто. Арабскій писатель X вѣка, Массуди видѣлъ у Славянъ (балтійскихъ?) храмъ на черной горѣ; около храма были чудотворныя воды различныхъ цвѣтовъ и разнаго вкуса, и цѣлебная сила этихъ водъ была вѣдомъ вообще извѣстна. Въ этомъ храмѣ находился большой истуканъ представляющій Сатурна съ образъ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ или разбивалъ могильныя кости мертвыхъ. Подъ правую ногу истукана изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвую черныя вороны и другія подобныя птицы⁽¹⁾. Черными птицами, вѣроятно, означалось зимнее время, а лѣтними насекомыми подъ правую ногу — время лѣтнее, и мы тутъ опять встречаемъ двойное бытіе, зимнее и лѣтнее, черное и свѣтлое, смерть и жизнь, — что вполне соответствуетъ двуглавному Янусу и двупятной Гели... Богъ ста-

(1) *Memoires de l'Acad. S. P. burg. V-ème serie, II, 320—1.*

рець, попирающий въ шествіи своемъ воздушныхъ и земныхъ животныхъ и разрывающий могилы умершихъ, олицетворяетъ собою всегубительное время: это настоящий Сатурнъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого имени, истинное изображение славянскаго бога смерти. Мѣсто его, какъ бога природы, въ кругу годовомъ между зимою и лѣтомъ, соответствуетъ зимнему солнцевороту. По всей вѣроятности, имя этого бога—*Корочунъ* (у Карпат-русовъ. *Керечунъ*, сочельникъ—*керечунъ вечеръ*; у Болг. и Словенцъ. *Крачунъ*), который выражаетъ темную сторону времени, а *Кракъ*—свѣтлую; названіе его происходитъ не отъ слова *краткій*—отъ малыхъ зимнихъ дней, а отъ слова *крь-ти*—творить. По этому *Крачунъ* есть возбудитель творческой дѣятельности, знаменуемой словомъ *Кракъ*, и отецъ Крака или творящаго солнца. У Чеховъ и на Моравѣ, вмѣсто названія Крачуна, богъ смерти означаетъ словомъ *Костомлатъ*, что согласно съ описаніемъ бога Массеуды. Такимъ образомъ Крачунъ, какъ отецъ солнца, отождествляется съ Сварогомъ, богомъ небснаго круга,—только Сварогъ представляетъ собою нераздѣльный цѣлый кругъ, а съ понятіемъ о Крачунѣ связано раздѣленіе круга на дѣло-ловныи, лѣтнюю и зимнюю; Крачунъ есть посредникъ между ними. Въ этомъ же значеніи посредника между зимою и лѣтомъ, между тьмою и свѣтомъ, между смертію и жизнью, и Ситивратъ есть отецъ солнца, следовательно одной и той же самой сущности съ Крачуномъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Славяне не имѣли одного имени для означенія зимняго солнцеворота.

...О Ситивратѣ нѣтъ никакого указанія, чтобы онъ, подобно Крачуну, съ теченіемъ времени, также получилъ одностороннее значеніе бога смерти; напротивъ онъ, какъ отецъ Триглава Бѣлбога, сталъ богомъ свѣта и жизни, и

воплотѣ принявъ значеніе древне-итальянскаго свѣтлаго бога Сатурна. Въ этомъ смыслѣ Ситивратъ представляетъ тождество съ Кргомъ или Кракомъ; это божество поверженного солнца, Сварожича и, будучи властителемъ воздуха, земли и воды, *тресвятѣлымъ солнцемъ*, облекается въ образы Триглава Бѣлбога, трехдѣтной сороки (сына Ситивратова), трехъ дѣтей краковыхъ и т. д.

Все сказанное нами о мифологическомъ значеніи лѣтняго годового полукружія, можетъ быть отнесено, въ обратномъ или отрицательномъ смыслѣ, и къ зимнему полукружью. По относительно этихъ явленій славянская мифология, сравнительно съ предыдущимъ, гораздо бѣднѣе и уступаетъ мифологии другихъ народовъ, напр. иѣмецкихъ. Отъ лѣтняго солнцеворота родится царь смерти и тьмы: Чернобогъ, Чертъ, Змій, Водникъ и т. д.; онъ начинаетъ бороться съ богомъ свѣта; онъ причиняетъ общее умаленіе свѣта какъ физическаго, такъ и нравственнаго; онъ приводитъ съ собою злой вѣкъ. За тѣмъ этотъ богъ вытѣпляетъ добраго бога изъ трехъ его царствъ, самъ становится тройнымъ богомъ, облекается въ образы Триглава-Чернобога, триглаваго Балачка или Змія, въ образъ Черноокнижника съ тремя желѣзными обручами вокругъ себя и т. д., и окончательно одолеваетъ Бѣлбога.

(Изъ статьи Карла Яромира Ербена. Рус. Бес. 1857, IV, 11. 71—128).

Г. Ербенъ, одинъ изъ лучшихъ представителей чешской словесности въ науку; онъ и поэтъ, и изслѣдователь народной старины, и трудолюбивый издатель историческихъ документовъ.

34. Богослужбные обряды Славянъ-языч-ковъ.

Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество.

ство и по ея дѣйствіямъ, были ли они благотѣтельны для него или вредны, благословляли боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его повѣнтію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣртія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣтки, лѣтва, деньги, вѣтхавъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, отпосылались къ нимъ, какъ къ сракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣролпностью можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ, священныя озера, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятія древнихъ Славянъ, что огонь подобно водѣ, былъ первою стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ перво-данная стихія, какъ обиталище бже-

ственнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ, очищенія и гаданія. Ему молились на очагѣ, подъ опинкомъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судією при рѣшеніи дѣлъ, человѣку не чуждыхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы: Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ: четвергъ и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и по этому не могли не быть почитаемы, какъ священные мѣста богослуженія. «Не варицайте себѣ бога въ камнѣ», говорилъ русскій проповѣдникъ XII стол. Кирилль, увѣщавая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее; и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполнахъ и проч.

Лѣса, роши и деревня были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти до нынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ покланялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ.

Вѣри, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переноротами въ мірѣ, и на землѣ, Славянинъ вѣрялъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло по

вѣрованію Славянъ жизнию каждого чело-
вѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни;
преданіе о нихъ сохранилось у нѣкото-
рыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане
называютъ ихъ роженницами, и рассказы-
ваютъ, что всякій челоѣкъ, какъ только
родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду,
а на землѣ свою роженницу, которая пред-
сказываетъ ему судьбу его. Русскіе Сла-
вяне вѣрили также въ эти существа, на-
зывая ихъ *рожанницами*. «Молятся и
роду и рожанницамъ,» говоритъ одинъ
христіанскій обличитель языческихъ вѣро-
ваній. У всѣхъ Славянъ есть пословицы,
намѣкающія на древнее вѣрованіе въ пред-
опредѣленіе божіе. Русскіе говорятъ: «че-
му быть, тому не миновать; суженаго
копеежъ не объѣдешь» или, какъ выра-
жались прежде: «ни хитру, ни горазду
суда божія не минути.» Сербы говорятъ:
отъ божіей воли нельзя нигде уйдти.
Славяне вѣрили, что боги и въ милости
и въ гнѣвѣ предсказываютъ челоѣку бу-
дущее сама, безъ его моленій, и раз-
личными знаменіями, земными и небесны-
ми, даютъ ему знать, ждѣтъ ли ему уда-
чи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ
они искали такихъ знаменій въ солнцѣ,
мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ;
на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ
разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣро-
ваніе доселѣ осталось у Славянъ. «Вѣ-
руемъ,» говоритъ Кириллъ, «въ дятловъ,
въ воронъ и сянницъ. Когда идемъ куда
и если которалъ впереди заиграетъ, то мы
оставляемся и слушаемъ: правая ли
играетъ или лѣвая? если играетъ по на-
шей мысли, то мы говоримъ себѣ: до-
бро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ
она намъ. Если что на дорогѣ случится
дурного, то говоримъ окружающимъ насъ:
а что не воротиться ли? Когда отпра-
вляемся куда, заходимъ къ подхвѣмъ, вѣ-
руемъ въ нихъ, — въ встрѣчу, а когда
идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ
птицу!»

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи
своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ
имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ,
отъ ихъ милости и гнѣва, — все — и жизнь,
и счастье, и несчастье челоѣка; богами
насылались бѣдствія подобныя мору и го-
лоду; богами казнились люди за непра-
воту, за нецѣломудріе, и пр. О вѣрова-
ніи Славянъ въ безсмертіе души мы на-
ходимъ доказательства и въ свидѣтель-
ствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ
древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ на-
родныхъ, сохранившихся до нашего вре-
мени. Ожогеніе мертвыхъ и съ ними не
только ихъ вещей, но животныхъ и лю-
дей, или же погребеніе съ мертвыми все-
го, что было имъ любимо въ жизни,
предполагаютъ, что умершихъ ожидаетъ
воскресеніе и жизнь, въ которой они
опять желали бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ
пользовались до смерти. На могилѣхъ бы-
ло въ обычаѣ праздновать веселые пиры:
ихъ бы не могло быть, если бы у оста-
вавшихся въ живыхъ не было надежды
увидѣться съ усопшими въ другой жизни.
Славяне представляли себѣ рай чудес-
нымъ садомъ, и садомъ не земнымъ, а
находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣ-
ніяхъ бога солнца и свѣта, какъ раз-
сказываютъ объ этомъ преданія Слова-
ковъ и Хорутанъ, — садомъ вѣчно зеле-
нымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жиз-
ни залетаютъ и на землю, — жилищемъ
божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ.
Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную
со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни
здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожи-
дала по смерти одна и таже участь, что
и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть
лишенія и страдать, если того заслужи-
вали своей неправотою. Славяне боялись
мукъ въ неугасимомъ огнѣ пекла, вѣро-
ваніе въ которое, вѣстѣ съ самимъ сло-
вомъ, принадлежатъ до сихъ поръ боль-
шей части Славянъ. Это пекло предста-
вляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ

злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина-язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощенье за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія, она оживлялась мыслию о благодати боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ поминовенья, молитвами и жертвами другихъ. Служение богамъ совершалось или подъ отдельнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, не рѣдко дулистымъ, такъ, что иногда мѣсто святилища было отгорожено косями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили овца, животныхъ, вещь; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самаго божества, нельзя было саргаться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молеельники выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали на цѣ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Въ русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился призывъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ южно-русскихъ пѣсняхъ также повторяются призывы, подобные этимъ: «слава есъ, гей, слава есъ, пань милый Боже, на вы-

сокости!» или: «благословенъ есъ, Господь, благословенъ сыновъ своихъ.» Сербь, по врекѣ праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсню «за славу божію.» У Хорватовъ сохранилась славословная пѣсня въ честь бога Ладо: «Лев Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушай насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наша кланяемо ти! Ладо, слушай насъ, Ладо!» Въ молитвахъ просительныхъ, Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое житіе, чтобы все было счастливо, богаты и одерживали побѣды надъ врагами. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колідныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія, обращенныя къ Богу. Въ русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже» или «роди Боже!» напр.: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяйку съ борзыхъ коней сыновей женить, — дай, дай, Боже, тебѣ хозяйку съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать», или: «Роди, Боже, жито, пшеницу, усяку пашнищу, у поля ядро, а въ домѣ добро.» Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, Господи, и съ духомъ святымъ по землѣ.» Въ польскихъ колядкахъ поется: «чтобы водялась ишеница и горохъ по дворѣ, въ избѣ, дай тебѣ, Господи, Боже!» Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «дай, Боже, счастья, дай, Боже, долю!» или: «пусть васъ пань Богъ обогатитъ!» или: «сіій, сіій, Боже!» Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣяніе и помощь во всемъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Молитвы этились, хоть и не пѣсь, однако многія. Вотъ почему въ чешскихъ пѣсняхъ «возглашать любимыя слова» (*hlasati milich slov*) и просто «возглашать» (*hlasati*) значить

поляться; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Войміръ, обращаясь къ богамъ, «во-скликнулъ со скалы» (*vzuolas skali*). «Не слѣдуетъ христіанамъ совершать бѣсовскія игры,» говорятъ одни обвинитель остатковъ язычества у Русскихъ, «плясбѣ, гудьбѣ, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія.» Вообще пѣвѣ было принадлежностью языческой религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «пѣвца добра милуютъ боги» и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождалась жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простѣхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или почитіе обѣ освященіи приносящаго, обѣ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, или враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца върущаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшномъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и лезвямъ. Обычай-разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несоветымъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса въ половинѣ года. Пирѣтъ идоломъ Перуна, по утѣренію дѣто-

писецъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему какъ Богу жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили.» Возношенія лезвямъ были также обыкновенны: «ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плавь дальше,» говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. «Кладутъ имъ требы, короваи пшѣ лопать, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумирамъ трапезы когѣйныя,» сообщаетъ одно общительное русское слово. У балтійскихъ Славянъ на островѣ Ругъ—(Рюгенъ) была такой обычай: пекли пироги сладкіе, круглые и такой величины, что въ вышиину были почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Ругянъ: видать ли они его. Когда они говорили, что видать, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогами советымъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилью слѣдующей жатвы. Этотъ обычай до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, клышей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затѣливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа исполнить заковъ. Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенъя. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де жъ нашъ батко?» онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хвѣба-жъ вы мене не бачите!»—и на отзывъ ихъ: «не бачимо тату!» говорятъ имъ: «дай же, Боже, щобъ и на той ракѣ не побачили!» Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносились были ежегодно

въ честь божествъ во время празднествъ, нитъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ вѣкоторыхъ случаяхъ гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашніе животныя или птицы, изривірь: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, шилъ кровь жертвъ (у балтійскихъ Славянъ). По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо какъ яства на слѣдовавшемъ за тѣмъ пируествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ или же тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двойной характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ-нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; они были вообще въ большомъ обычаѣ у Славянъ. Самое слово жертва или жаризна, происходитъ отъ *жрсти*—сжигать. Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и балтійскихъ Славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. «Русскіе во время язычества,» говорятъ ихъ лѣтописецъ, «приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жер-

твы бѣсамъ, оскверняя землю требаніи своими и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ.»

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимостью своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человека раскрывали ему будущее. Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество, во 1-хъ о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать, — во 2-хъ о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣли огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человека и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось по нынѣ. Помощію гаданія узнаютъ високатаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ на мирской сходкѣ по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ избирали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали

съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно *Судъ божій*. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религиозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе представить вышней волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутныя и морскія; гаданьемъ пазначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданьемъ пазначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

(*Святимица и обряды языч. богослуж. древн. Славянъ, И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1846. Спб. 1848 г.*).

35. Распространеніе христіанства.

Послѣ Новгорода святитель Михаилъ посѣтилъ (въ 991) съ своею проповѣдію область ростовскую, сопровождаемый четырьмя епископами, Добрынею и Апастомъ. Ревностные благовѣстники крестили здѣсь безчисленное множество людей, воздвигли многія церкви, рукоположили пресвитеровъ и діаконовъ, устроили клиръ, но не искоренили язычества. Въ самомъ Ростовѣ, куда въ слѣдующемъ году поставленъ былъ особый епископъ Оеодоръ, многіе еще не принимали крещенія и были столько упорны и неприязненны къ архиѡастырю, что онъ, изнемогши въ борьбѣ съ ихъ злобою, нашелъ вынужденнымъ покинуть Ростовъ и скончался, вѣроятно въ Суздалѣ, гдѣ доселѣ почитаютъ его св. мощи. Преемникъ Оеодора Иларіонъ, прибывшій изъ Константинополя, такъ же послѣ напрасныхъ усилій покорить упорныхъ вѣрѣ, оставилъ кафедру и возвратился въ отечество. Съ вѣкоторою вѣроятностію можно допустить, что въ это время явился въ Ростовѣ съ

проповѣдію св. Авраамій ростовскій. Въ житіи его, которое встрѣчается въ разныхъ спискахъ, ясно говорится, что онъ дѣйствовалъ въ Ростовѣ во дни ростовскаго князя Бориса, когда въ Ростовѣ были еще какіе-то низшіе князи, какъ бывало и въ другихъ городахъ при началѣ Русскаго государства; дѣйствовалъ при первомъ ростовскомъ епископѣ Оеодорѣ и преемникъ его Иларіонъ и имѣлъ сношеніе съ самымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ; говорится также, что когда Авраамій поселился близъ Ростова, тамъ еще цѣлый конецъ Чудскій поклонялся каменному идолу Велесу, и что преподобный, съ помощію явившагося ему Іоанна Богослова, сокрушилъ этого идола, и хотя много потерпѣлъ отъ невѣрныхъ, но своими молитвами, наставленіями, терпѣніемъ и благоразуміемъ мало-помалу привлечь всѣхъ ихъ ко Христу отъ мала до велика. Правда, въ настоящемъ житіи Авраамія встрѣчаются значительныя несообразности, которыя и расположили нѣкоторые относить время подвиговъ его то къ первой, то даже ко второй половинѣ XII вѣка... Но не трудно понять, какъ могли вкрасться въ житіе Авраамія несообразности: оно составлено, судя по содержанію его, послѣ прославленія преподобнаго, т. е. послѣ открытія мощей его, которое послѣдовало уже во дни великаго князя владимірскаго Всеволода Юрьевича, внука Мономахова (1176—1212)...

Считая только болѣе вѣроятнымъ, а отнюдь не несомнѣннымъ, что Авраамій жилъ при самомъ началѣ у насъ христіанства, мы должны допустить, или онъ обратился къ св. вѣрѣ не всѣхъ жителей Ростова, или многіе изъ нихъ вскорѣ слова знали въ язычество: потому что, во второй половинѣ XI вѣка, третьему ростовскому епископу Леонтію пришлось еще много бороться здѣсь съ закоренѣлыми язычниками...

Св. Леонтий еп. ростовскій былъ, по выраженію св. Симона, еп. владимирскаго—*первопрестольникъ* въ томъ смыслѣ, что первый изъ кievопечерскихъ иноковъ возведенъ былъ на епископскій престолъ; слѣдовательно возведенъ не позже 1051 г., когда удостоился епископскаго сана и второй изъ постриженниковъ преп. Антонія—Иларіонъ, митрополитъ кievскій⁽¹⁾. Прибывъ въ Ростовъ, Леонцій хотя еще нашелъ въ немъ слѣды христіанства послѣ первыхъ двухъ ростовскихъ епископовъ Теодора и Иларіона, которые впрочемъ вынуждены были удалиться изъ города отъ гоненія язычниковъ и особенно послѣ св. Авраамія ростовскаго, успѣвшаго крестить многихъ изъ нихъ, и даже основать близъ города монастырь, но нашелъ также глубокіе слѣды язычества,—почему прежде всего рѣшился на подвигъ апостольскій. Чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, святитель, благопѣствуя вѣтъ, но встрѣчая упорное сопротивленіе со стороны старцевъ и мужей, обратилъ особенное вниманіе на дѣтей, собиралъ ихъ въ церковь, самъ наставлялъ въ пѣсняхъ спасительной вѣры и крестилъ. Закоренѣлые въ язычество родители тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремлялись на него и подвергали его мученіямъ и побоямъ; но мученикъ христовъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ, пока не просвѣтилъ върою самыхъ своихъ враговъ. Однажды, когда они съ оружіемъ и дреколемъ собрались вокругъ церкви, гдѣ онъ поучалъ дѣтей, положили между собою не только изгнать его изъ города, но и умертвить,—Леонцій, одевшись во всѣ святительскія одежды, съ крестомъ въ рукахъ и сопровождаемый освященнымъ соборомъ также въ полномъ облаченіи—явился предъ ними, и язычники, пораженные

чуждымъ видѣніемъ, поверглись всѣ наземлю, какъ бы мертвые. Леонцій простеръ къ нимъ слово, исполненное духа и силы: они увѣровали во Христа и крестились. Съ того времени своимъ ученіемъ и чудесами Леонцій привлекъ ко Христу всѣхъ жителей Ростова, и хотя скончался въ мирѣ (прежде 1077 г.), по тѣмъ не менѣе заслужилъ вѣнецъ мученическій, вѣдѣ за двумя Варягами, посрадавшими у насъ еще прежде за имъ христово. Мощи святителя обрѣтены негнѣнными въ 1164 г., мая 23 и почитаются въ ростовской соборной церкви.

Св. Исая, епископъ ростовскій, родился въ области кievской; принялъ постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ во дил преп. Антонія и Феодосія; за высокіе подвиги благочестія избранъ (въ 1062 г.) во игумена, устроеннаго великимъ княземъ Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, а потомъ (въ 1077 г.) возведенъ на кathedру ростовской епархіи. Здѣсь ожидали святителя великія труды: въ самомъ Ростовѣ были христіане, большею частью только новопросвѣщенные, которыхъ надлежало утверждать въ вѣрѣ и укрѣплять; а въ предѣлахъ епархіи ростовской находилось еще весьма много язычниковъ. И св. Исая, ревностно назидая словомъ спасенія жителей Ростова, обтекалъ прочіе грады и весь область ростовской и суздальской, невѣрныхъ утѣшевлялъ крѣпить во св. Троицу и крестилъ, а вѣрныхъ убѣждалъ быть твердыми и не поколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находилъ идоловъ, предавалъ ихъ огню, и сопутствуя себѣ дѣлами милосердія, повсюду привлекалъ къ себѣ сердца своихъ духовныхъ чадъ. Этотъ благовѣстникъ, котораго еще при жизни Господь удостоилъ дара чудотвореній, окончательно насадилъ христіанство въ ростовскомъ краѣ и, по смерти своей (въ 1090 г.), къ концу XI в. тѣмъ уже былъ своею паствою въ англѣ снатыхъ. Негнѣныя мощи его обрѣтены въ 1164 г. мал

⁽¹⁾ Житіе Леонтія ростовскаго, въ Правосл. Собес. 1858. I. 297. 420.

23, и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Кромѣ Ростова и ростовской области, св. церковь распространилась въ этотъ периодъ еще въ Муромѣ, въ епархіи Вятичей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нашего отечества въ северу и юго-востоку.

Просвѣтителемъ Муромъ былъ св. благовѣрный князь муромскій Константинъ ⁽¹⁾. Въ житіи его, которое одно сохранило намъ преданія объ этомъ событіи, говорится, что послѣ перваго муромскаго князя, св. мученика Глѣба, который не успѣлъ посадить въ Муромѣ христіанство частью по сопротивленію жителей, а частью и по краткости своего здѣсь пребыванія, Муромцы оставались язычниками до тѣхъ поръ, пока другой благовѣрный князь Константинъ Святославичъ не недросилъ у отца своего въ удѣлъ себѣ Муромъ, желая не только господствовать въ немъ, но и просвѣтить его св. вѣрою. Святославъ долго не соглашался на просьбу сына, опасаясь, чтобы невѣрные не умертвили его, или не прогнали отъ себя. Наконецъ согласился, и отпустилъ съ нимъ жену его Ирину и чадъ Михаила и Феодора, такъ же пужное число духовенства, воеводъ, воиновъ и другихъ людей, съ ихъ семействами и имуществомъ. Приближаясь къ Мурому, Константинъ послалъ напередъ сына своего Михаила съ нѣсколькими людьми для убѣжденія Муромцевъ покориться отцу его безъ кровопролитія. Но упорные и коварные язычники умертвили посланнаго имъ князя, выбросили тѣло его вонъ изъ города. Тогда Константинъ приступилъ къ Мурому съ войскомъ. Муромцы хотѣли сначала сразиться съ нимъ, потомъ заключились въ го-

родѣ и выслали сказать князю, что они согласны принять его къ себѣ на княженіе, но не желаютъ принимать новой вѣры. Константинъ вошелъ въ городъ, утвердился въ немъ со всеми своими спутниками и началъ строить церкви. Первая, построенная имъ церковь, въ которой онъ положилъ и тѣло убиеннаго сына своего Михаила, была церковь во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы; вторая — во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Объ обращеніи Муромцевъ князь усердно молился Богу и въ то же время призывалъ къ себѣ старѣйшинъ города, бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, убѣждалъ ихъ принять св. крещение, то ласками, то дарами, то обѣщаніемъ различныхъ льготъ для жителей; но все напрасно. Язычники враждовали за это на князя, и однажды, положивъ между собою клятву убить его или изгнать изъ города, собрались все съ оружіемъ и дреколѣмъ ко двору княжескому. Христіане устрашились и нѣкоторые, заключившись въ домахъ своихъ, стали готовить оружіе; но благов. князь Константинъ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, духовенствомъ и многими другими христіанами, обратился съ молитвою къ Богу. По окончаніи молитвы одинъ, съ иконою пресв. Богородицы въ рукахъ, явился предъ безчисленнымъ сборищемъ бунтовщиковъ, и язычники, пораженные ужасомъ, пали все на землю и единогласно просили себѣ крещенія. Обрадованный князь, воздавъ благодареніе Господу и Его пречистой Матери, повелѣлъ въ опредѣленный день всемъ невѣрнымъ явиться на рѣку Оку, и тамъ совершилось торжественно крещеніе Муромцевъ точно такъ же, какъ совершилось нѣкогда крещеніе Кіевлянъ въ Днѣпрѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ благов. князь Константинъ скончался и погребенъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими Михаиломъ и Феодоромъ въ перво-созданной имъ Благовѣщенской церкви. Св. мощи ихъ открыты въ 1533 г. и

(1) Вообще вся эта статья пресв. Макарія составлена на основаніи житія святыхъ позднѣе составленнаго, и содержаніе ея нельзя считать совершенно достовернымъ.

починають въ одной изъ рэкъ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

(Ист. Рус. Цер. пресв. Макарія I, 6—9. II, 15—19).

36 О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи.

Славяно-русское язычество еще не успѣло совершенно развиться, когда начала распространяться въ Россіи христіанская вѣра. Оно застигнуто было послѣднею на переходной степеніи отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ олицетворенію этихъ силъ и явленій, въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ, — къ служенію имъ общественному съ храмами, определенной обрядностью и сословіемъ жрецовъ.

Славянинъ успѣлъ выработать въ сознаніи своемъ образы, личности только для низшихъ боговъ, олицетворявшихъ русскую природу съ ея широкими рѣками и непроглядными лѣсами, водныхъ, русалокъ и лѣсныхъ, также для домашнихъ, божествъ семьи и домашняго крова. Эти только божества являются намъ съ рѣзко обрисованными личностями, съ вполне разлитою личною жизнью. Имена высшихъ божествъ — Сварога, Перуна, Дажбога — не возбуждаютъ въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ ихъ характерѣ, ни объ ихъ личной жизни; въ народѣ они совершенно забыты. Если ясность и подробность, съ какими въ народѣ хранится память о низшихъ богахъ, показываютъ удивительную живучесть вѣрованій, даютъ право заключать о древности и большемъ развѣтѣ этого вѣрованія въ язычествѣ; то наоборотъ забвеніе высшихъ божествъ обнаруживаетъ, что вѣра въ нихъ была ера-

вниательно молода, не успѣла пустить крѣпкихъ корней въ сознаніи народа. Такъ по наружному виду дерева можно догадываться о глубинѣ и крѣпости его корней. Созданіе личностей для высшихъ божествъ требовало большаго отвлеченія, мало доступнаго для дѣтской фантазіи и мысли народа.

За областію поэтическихъ сказаній о лѣсныхъ, водныхъ, русалкахъ, домовыхъ открывается первобытное поле непосредственнаго служенія предметамъ и явленіямъ природы. «Можно положительно сказать, говорить г. Шепшигъ въ своихъ очеркахъ славяно-русской мифологіи, что имена и личности божествъ играютъ самую второстепенную роль въ нашей русской мифологіи. Обогащеніе же природы и жизни во всѣхъ ихъ многообразныхъ проявленіяхъ, — вотъ главнѣйшая основа всѣхъ вѣрованій нашего язычества. Пѣсни, загадки, пословицы и изреченія всякаго рода, обычныя сравненія и качественныя изысканія носятъ еще доселѣ въ языкѣ нашемъ глубокіе слѣды этого наблюдательнаго благоговѣнія человѣка передъ вѣчными законами природы и жизни».

Въ сохранившихся доселѣ остаткахъ языческаго богослуженія непосредственное поклоненіе природѣ видимо преобладаетъ надъ олицетвореніями этихъ предметовъ, надъ аллегорическою обрядностью, изъ которой въ развитыхъ вѣрахъ древняго міра выродились, такъ называемыя, языческія мистеріи. Жертвы и молитвы относились непосредственно къ солнцу, лунѣ, звѣздамъ, огню, дереву и т. д. Олицетворенія носятъ еще первичный, наивный характеръ; вотъ народъ нарядилъ въ сарафанъ или зипунъ первый сноплъ и представлялъ его ликующимъ имавишникомъ; вотъ топять соломенную чучелу звыи, составляется хороводъ около тропцкой березки — Лады, маляется на улицѣ комическій старикъ-представитель Ярилы или съ гамомъ ѣдетъ на дровняхъ пьяная ма-

связица съ полштофомъ въ рукахъ. Съ другой стороны, всѣ подобные обряды измѣняются по мѣсту, времени, по расположенію духа толпы, зависягь отъ произвола; они еще не успѣли окаменѣть, сдѣлаться условными, постоянными и необходимыми, чѣмъ отличаются обряды вполнѣ опредѣлившейся вѣры. Въ одномъ напримѣръ мѣстѣ весенній хороводъ кружится около березки, въ другомъ около разряженной чучелы, въ третьемъ около дѣвушки. Одинъ и тотъ же предметъ празднованія выражается въ различныхъ образахъ въ началѣ, срединѣ и концѣ праздника. Все это показываетъ, что богослуженіе только лишь стало освобождаться отъ своего первичнаго, непосредственнаго характера, допускало произволъ, зависѣло отъ временнаго, случайнаго удобства и вдохновенія.

Очень естественно, что у нашихъ предковъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; это, кажется, нужно почитать вполнѣ доказаннымъ положеніемъ нашей исторіи. Храмы и жрецы являлись съ развитіемъ общественнаго богослуженія. Но у насъ самая жизнь въ языческое время не развивалась до общности. Когда каждый жилъ замкнуто съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, то необходимо преобладало домашнее богослуженіе. Каждая семья жила отдѣльно; жрецомъ былъ большакъ семейства; язва была самымъ обычнымъ храмомъ. Вотъ почему въ нашей многомолчи болѣе всего развитъ мнѣ о домономъ, вотъ почему также гораздо болѣе сохранилось у насъ языческихъ обрядовъ зимняго, чѣмъ лѣтняго полугодія; зима уродается въ избу, среди семьи; лѣтомъ крестьянинъ живетъ въ полѣ. Семейственность составляетъ самую отягчительную черту русскаго язычества. Общественное богослуженіе было еще въ зародышѣ. Несколько семействъ, даже деревень собирались на игрище «межи селы» и совершали здѣсь свои обрядовыя игры и пирь.

Эти сборища стали приурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстамъ, рѣкѣ, озеру, лѣсу и пр. и наложивъ на послѣднія печать особенной святости. Являлись богоязвья, священные дубровы, камни, криницы, ручьи и озера, которыя доселѣ пользуются суевѣрнымъ почтеніемъ. Всѣ подобныя водныя, лѣсныя, горныя урочища несомнѣнно были колыбелью общественаго богослуженія; при дальнѣйшемъ развитіи язычества мы увидѣли бы на нихъ языческіе храмы. Наиболее замѣчательными начатками опредѣленныхъ мѣстъ богослуженія, начатками храмовъ, служатъ городища.

Кто же совершалъ богослуженіе, когда семьи собирались вмѣстѣ, когда въ обществѣ собраніи ихъ терялось значеніе частныхъ большаковъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ русскій хороводъ, обрядовыя игры и русская братчина; въ богослуженіи общественномъ участвовали всѣ одинаково. Только въ немногихъ случаяхъ нуженъ былъ представитель общины: когда напримѣръ нужно было завести пѣсню, руководить хороводомъ или игрою, распорядиться общественными приношеніями или пиромъ. Тогда выступало выборное начало. Выборъ обыкновенно падалъ или на дѣвушку или на старца патріарха селенія, главаря, большака цѣлой общины. Это были жрецы тоже, если можно такъ выразиться, въ зародышѣ. Такое же значеніе имѣли при общественномъ богослуженіи пѣвцы, гудцы и прегудяницы, гуслиры, плясцы и т. п. люди, которые во времена христіанскія извѣстны подъ именемъ *скомороховъ* (Времен. ки. XX).

Болѣе всѣхъ этихъ представителей общины жреческій характеръ выразился въ классѣ волхвовъ, вѣдунговъ и вѣдьмъ, которые служили переходною ступенью къ образованію настоящаго жреческаго класса. Каждая вѣра, какъ бы она ни была въ началѣ жизненна и свободна въ своихъ проявленіяхъ, вслѣдствіе односторонне-благоговѣйнаго отношенія къ ней людей,

закаменѣваетъ въ своихъ формахъ и низводится въ обрядность все болѣе и болѣе, помѣря продолжительности своего существованія. Священное дѣйствіе, въ началѣ свободное, основанное на движеніи благочестиваго чувства одного лица, обращается въ обязательный обрядъ. Благочестивая мысль, изливаясь изъ сердца одного вѣрующаго, естественное обращеніе его къ божеству съ словами молитвы превращаются наконецъ въ такую молитву, изъ которой слова не выкинешь, въ заговоръ и заклятіе. Въ самыхъ словахъ, въ ихъ томъ или другомъ сочетаніи поставляется сила молитвы, преклоняющая боговъ къ милости и исполненію желанія. Чѣмъ дальше идетъ развитіе общественнаго богослуженія, тѣмъ болѣе развивается эта обрядность его. Не всякій, даже старецъ, можетъ уже прочесть молитву, употребить именно тѣ слова, какія нужно, и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ опредѣлено; не всякій способенъ выполнять и всѣ подробности обрядоваго дѣйствія. Все это можетъ сдѣлать только человѣкъ, исключительно посвятившій себя свящ. вѣдѣнію—вѣдунъ, волхвъ. Ему извѣстны всѣ тайны вѣры и его призываютъ на помощь во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ недостаточно кажется обыкновенная молитва. Но волхвъ все-таки далеко не жрецъ. Чтобы получить послѣднее значеніе, ему нужно сдѣлаться постояннымъ и необходимымъ посредникомъ между людьми и богами.

Съ такихъ запасомъ вѣрованій и съ такими богослуженіемъ нѣтъ войти Славиле въ семью христіанскихъ народовъ. Нельзя не видѣть, какъ бѣденъ былъ этотъ запасъ, какъ скудна была его обстановка и какъ слабы были силы этого дѣтскаго міросозерцанія въ сравненіи съ силами и средствами новой вѣры. О вѣтшней борьбѣ между старою и новою вѣрою не можетъ быть и рѣчи. Христіанскіе пастыри не встрѣтили себя противниковъ, равныхъ по силамъ и вѣтшему положенію

въ обществѣ, жрецовъ, которые служатъ всегда носителями религіознаго сознанія народа. А безъ нихъ народъ могъ выставить только безсознательное отрицательное противодѣйствіе новой вѣрѣ, во имя народной старины, противодѣйствіе подземное, не обнаруживавшееся въ видѣ вѣтшной борьбы. Христіанскія церкви строились на пустомъ мѣстѣ; не нужно было разчищать для нихъ мѣсто чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ. Христіанское богослуженіе было первымъ развитымъ общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Сводимъ благополучіемъ оно совершенно затмилъ убогія языческія сборища «межи селы» съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились предъ нимъ одною игрою. Раскрытое, объясненное и снабженное всеми средствами византийскаго образованія, православіе встрѣтилось у насъ съ бѣднымъ и совершенно неопредѣленнымъ языческимъ міросозерцаніемъ. Не пускаясь еще въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, можемъ напередъ сказать, что всѣ Свароги, Перуны, Дажбоги будутъ забыты при новыхъ вѣрованіяхъ, но что напротѣвъ низшіе собирательные духи, домовые, водяные, лѣшіе, русалки, кикиморы и пр., останутся цѣликомъ въ народныхъ повѣрьяхъ, что новая вѣра скоро не подавитъ это благоговѣющее служеніе природѣ. Можемъ напередъ также сказать, что языческая вѣра скоро уступитъ христіанству и своихъ кумировъ, и своя богослужебныя собранія, всю свою общественную сторону, но не уступитъ ему другой стороны—питательной, привычныхъ взглядовъ на вещи, всѣхъ своихъ принадлежностей, которыя были въ ея общественнаго значенія. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, оно крѣпко засядетъ въ избѣ и отсюда его уже не выживутъ скоро никакія мѣры духовной и свѣтской власти, кромѣ просвѣщенія. Эти мѣры могутъ выгнать его только съ улицы съ

поля, изъ священнаго богоясья, но оно особенно и не нуждалось въ этихъ священныхъ мѣстахъ...

Въ первоначальной исторіи христіанства на Русь, очень выразительно то обстоятельство, что народъ принималъ его съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть; гдѣ она была слаба, тѣмъ мы и въ XII вѣкѣ видимъ, съ одной стороны, проповѣдниковъ — мучениковъ, а съ другой — толпы волхвовъ. Очень естественно, что новопросвѣщенная власть усердно помогала дѣятельности пастырей церкви. При этомъ не надобно упускать изъ виду того, что іерархія, явившись на Русь, какъ священноначаліе церкви христовой, приняла государство подъ свое руководство; она воспитывала верховную власть въ благочестивыхъ князьяхъ, внушала князю, что онъ «поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помянованіе» (*Лавр. 54*), т. е. распространяла его власть, кромя юридической области, еще на нравственную жизнь...

Дѣйствуя совокупными силами, князя и пастыри церкви толпами собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься, воздвигали множество церквей, выписывали новыхъ священнослужителей изъ Византии и Болгаріи, переводили священные книги, заставляли новообращенныхъ ходить къ богослуженію, учить христіанскія молитвы, даже греческое «кириелейсонъ». Но чѣмъ быстрѣе шло это дѣло, чѣмъ покорнѣе слушался народъ своихъ властей, тѣмъ было хуже. При той быстротѣ, съ какою возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать правдиваго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества. Подъ христіанскою внѣшностію во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было даже не двоевѣріе, потому что двоевѣріе, сѣтиленіе христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкую степень усвоенія новаго ученія, не-

переработку его на народный ладъ. Оно составляетъ уже дальнѣйшую степень въ исторіи христіанства; съ него начинается постепенный ходъ внутренняго перевоспитанія народа...

Поученія настырей церкви до XIV в. прямо направлены противъ язычества, обнаруживаютъ самостоятельность его, существованіе его на ряду съ христіанствомъ.

Новая вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединялись между собою чисто механически, а не органически. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поученія представляютъ еще въ животрепещущихъ образахъ. Послѣ XIV вѣка язычество видимо ступсвалось; его догматика забывается; въ поученіяхъ является на первомъ планѣ обличеніе не мѣта, а языческой обрядности, которая пережила мѣта, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, при чемъ язычество поглощалось христіанствомъ и принимало къ нему своеобразный народный отбѣнокъ.

...Съ новымъ Богомъ народу хотѣлось удержать и своихъ прежнихъ доморожденныхъ боговъ. Онъ исполнялъ это желаніе всегда и вездѣ, когда и гдѣ было можно, гдѣ князь и духовенство не могли замѣтить его служенія по старой вѣрѣ, куда не могли проникать мѣры той и другой власти.

Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ, Спявшій полужычникъ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, рѣкѣ, къ студецу, къ старому дулистому дубу, березѣ, къ священному камню или подъ оппикъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ. Онъ поклонился и приносилъ жертвы бѣсамъ — Иеруину, Хорсу,

Мокошу, Велесу, Дажбогу и др., пѣтъ свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солнце красное, младъ свѣтель мѣсяцъ, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе, да онъ и церковь зналъ «божницею», христианскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались все старинныя богослужебныя обряды, ставились закосные обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальники для котейной трапезы и тризны по умершимъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища межъ селы, гдѣ возобновятся нѣтъ языческія безчинія и разгулъ. Но общественное богослуженіе строго преслѣдовалось, и язычество поневолѣ должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царяла чистѣйшая старина. Долго церковь не могла завлечь самаго основнаго узла законной семейной жизни — правнѣнаго брака. Въ простонародѣ было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ. Свидѣтельство на это имѣемъ въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна (XI вѣка). Не только были въ свѣжей памяти, но и на самомъ дѣлѣ происходили умыканія невѣстъ, браки съ языческими обычаями плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около священнаго озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ пѣнчаща церковнаго, обходяли вокругъ ракитоваго куста. Тоже правило XI вѣка свидѣтельствуемъ, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогнавъ одну и бралъ другую.

Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ грѣховъ, и встрѣ-

чу съ духовнымъ лицомъ почиталъ дурною для себя. Въ тоже время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники — эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, забавить его наговорами отъ лорчи, глаза и притки, навязать ему чародѣйскій паузъ, совершить обрядъ построговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращалась во всехъ важныхъ случаяхъ домашней жизни, по случаю чьей-нибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже: произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. Не только по деревнямъ и селамъ, но и по городамъ ходили толпы вѣщихъ мужиковъ и бабъ, особенно старухъ, которыя были окружены языческою таинственностію и держали въ рукахъ суевѣрное народонаселеніе древней Руси. Лѣтописи показываютъ, что къ волхвамъ ходили не только простая чадь, но и князья. Знаменитый Всеволодъ полоцкій, герой былины, оберотень «Слова о полку Игоревѣ», былъ рожденъ и воспитанъ среди волхвованія.

Если припомнимъ, какое значеніе волхвы имѣли въ язычествѣ, то все эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣляютъ для насъ степень распространенія христианскихъ понятій и укоренѣнія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника, онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ христіанства. Торжество того или другаго было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служителя языческихъ боговъ, какъ главные хранители суевѣрныхъ обычаевъ и свѣщенныя знанія стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ христіанствомъ; они ходили всюду съ

своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ боате была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще не утвержденный въ христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ моровую язву, въ голодъ, въ засухи, въ годины разнаго рода народныхъ бѣдствій. Народъ толпами ходилъ за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. Не передавая подробныхъ лѣтописныхъ извѣстій о волхвахъ, укажемъ на одно наиболее выразительное явленіе, опредѣляющее степень распространенности христіанства между разными слоями общества. Въ XI вѣкѣ волхвъ явился въ Новгородъ; когда епископъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ на вѣче, на его сторону стали только князь съ дружиною, весь народъ сталъ на сторону волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главныхъ и образованнѣйшихъ городовъ; то что сказать о селахъ, деревняхъ, починкахъ, разбросанныхъ въ разсынку по разнымъ захолустьямъ Русской земли, въ лѣсахъ и степяхъ, вдали отъ правительственныхъ и церковныхъ центровъ?... На такую грубую почву пало сѣмя христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробивавшяся по вѣстамъ вѣковъ воздѣлываемаго поля, гдѣ наскоро пропустили клочки первые ратаи—правительство и духовенство. Христіанству пужень былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Съ самаго начала принятія новой вѣры идетъ непрерывное противодействие ей со стороны вѣковыхъ привычекъ и старинныхъ народныхъ вѣрованій, наслѣдовавшихся отъ отцовъ и дѣдовъ...

Веселое, хорОВОдное и пѣсенное богослуженіе язычества увлекало новообращенныхъ христіанъ; изъ церкви народъ съ удовольствіемъ бѣжалъ на свои игрища. Обличенія въ холодоуности къ богослуженію, происходящей не отъ лѣности, а именно отъ языческаго расположенія ду-

ха, составляютъ поэтому главную тему поученій нашихъ древнихъ іерарховъ.

Древніе пастыри наши хорошо понимали, какъ вредна для христіанства эта любовь народа къ своимъ игрищамъ и пѣснямъ и что она значитъ. Пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ прямо почиталось дѣломъ языческимъ... Народъ, сохраняя еще свѣжее языческое чувство, охотнѣе стремился на языческія празднества, чѣмъ въ христіанскій храмъ...

Народныя игрища были совершенно языческаго духа. Всѣ эти купальскія, семицкія, радонцкія и т. п. торжества съ бубнами, соулками, пѣснями и плясками были вовсе не то, что шилъ; они имѣли еще смыслъ (языческій), теперь уже забытый... «Поузъ, вошеше, кошуны, влодослуженіе, моленія кладенная и рѣчая, пѣсни бѣсовскія, плясаніе, бубны и сопбани, козицы (катицы—троицкія качели), игранія бѣсовская.» И проводялись эти празднества по-язычески. Поученія съ отвращеніемъ описываютъ пьяный и грязный разгулъ, который производился на нихъ и перешелъ дѣлкомъ изъ языческаго времени. Здѣсь происходили сценны разврата, который прежде имѣлъ другое значеніе—законнаго брака, а теперь сталъ совершенно въ разрѣзъ съ заботливостію церкви объ устроеніи домашняго быта посредствомъ христіанскаго брака. Разсказавъ о языческомъ обрядѣ умыканія дѣвицъ, пр. Несторъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Руси этотъ обрядъ совершался еще и въ его время. Объ умыканіи говорится въ церковныхъ Уставахъ Владимира и Ярослава, въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна II.

Особенно свѣжи были остатки язычества въ мѣстѣ открытыхъ и многолюдныхъ собраніяхъ около священныхъ деревьевъ, камней, водъ. Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесено: «кто подъ овкомъ молится, или во ржи, или

подъ рощею, (*въ лѣсу*) или у воды. «Тоже повторяютъ Уставъ Всеволода и церковное Правило митрополита Іоанна. Въ этихъ укромныхъ мѣстахъ менѣе мѣшала язычнику строгій церковный надзоръ. Русскій переводчикъ творений св. Григорія Богослова вставлялъ отъ себя въ текстъ слова его на Богоявление господне замѣчаніе, которое обнаруживаетъ въ людяхъ его времени еще самую живую вѣру въ олицетворенія силъ и явленій природы ⁽¹⁾. Подобныя свидѣтельства ясно обнаруживаютъ предъ нами ту почву, на которой стоялъ народъ въ первые вѣка христіанства. Другія поученія еще болѣе разъясняютъ дѣло, представляя въ своихъ обличеніяхъ живую олицетворенность силъ и явленій природы въ знакомыхъ образахъ прямо подъ именами Перуновъ, Хорсовъ, Дажбоговъ и пр., свѣжую память о старинныхъ мифахъ...

Поученія обличаютъ преимущественно общественныя игры, пѣсни, пляски, развратъ. Въ празднествахъ, имѣвшихъ семейный характеръ, они подмѣтили почти только такія обряды, которые выходили изъ предѣловъ семьи и избы, напримѣръ въ праздникъ Коляды — собираніе припасовъ для общей жертвы, переряживаніе, попойки. Во внутренній міръ семьи, этотъ міръ суевѣрій тайныхъ, неоткрытыхъ, какъ видится, не могла совершенно проникнуть наша первобытная церковь. Поученія мало знаютъ даже о главномъ сожествѣ дома — домовомъ ⁽²⁾. Церковь могла слѣдить только за взаимными отношеніями членовъ семьи и устраивать ихъ по началамъ христіанскаго брака.

⁽¹⁾ Библиогр. листы Кеппена. Спб. 1823 г. № 7, стр. 88.

⁽²⁾ Встрѣчается голословное упоминаніе «ббса хороможителя» въ Златой Чепи XIV в. (*Очерки Бусл. 11, 125*) и указаніе на обрядъ въ честь домового при новосельи: «въ новосельи пѣть съ колкою черною и съ курью чернымъ» (*Опис. Рум. Муз. Востокова, 552*).

Изъ всѣхъ отраслей семейнаго богослуженія церковь болѣе всего анала о служеніи Роду и Рожаницамъ, и то также преимущественно съ его внѣшней стороны, насколько это служеніе выступало изъ недоступныхъ предѣловъ семьи. Вѣрованіе въ Родъ и Рожаницъ получило особенно широкое развитіе у славянскихъ племенъ и долго крѣпилось противъ христіанства. Наши обличенія особенно много и долго останавливаются на немъ...

На югѣ и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, гдѣ дѣло новаго образованія шло успѣшнѣе, языческіе боги были забыты еще въ XII и XIII вѣкахъ. Не то было въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Руси... На украинѣхъ, по свидѣтельству извѣстнаго намъ слова св. Григорія, еще продолжали тайкомъ молиться и Перуну, и Хореу, и Мокошу, и Виламъ, продолжали ставить и беззаконную трапезу Роду и Рожаницамъ, на великую прелесть вѣрнымъ христіанамъ. Свѣжая память старой мифологіи по украинѣмъ поддерживала знаніе этой мифологіи и въ другихъ мѣстахъ; но потомъ эта память начала темнѣть и тамъ. Обличенія начинаютъ толковать просто объ идолослуженіи вообще и о разныхъ языческихъ обрядахъ безъ яснаго пониманія ихъ первоначальнаго смысла. Мы еще встрѣчаемъ имена боговъ, но онѣ уже смѣшиваются съ именами греческой мифологіи и одно замѣняетъ другое, кромѣ того искажаются такъ, что ихъ и узнать нельзя; напримѣръ имя Хореа превращается въ Нахора...

Около XIV вѣка борьба христіанства съ язычествомъ на Руси замѣтно принимаетъ новое направленіе; она главнымъ образомъ устремляется противъ остатковъ языческаго богослуженія, которое будило еще отжившія вѣрованія, хотя уже не могло волигъ осмыслиться ими. Все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богопочтенія, болѣе и болѣе

принимало значение суевѣрія, и, теряя свой старинный смыслъ, примыкало къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закопѣнная привычка смѣшивала принадлежность старыхъ боговъ съ принадлежностями христіанскихъ святыхъ, обряды ядовѣскихъ торжествъ съ торжествами церкви. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что вошло въ самую народность Славянъ русскихъ. Даже христіанскія торжества церкви получили языческія названія, напримѣръ Русальныя недѣля, Купало, Коляда и проч. Христіанство затмило боговъ, превратило ихъ во второстепенныя существа, болѣею частью въ демоновъ, но служеніе имъ долго сквозило и доселѣ отчасти сквозится среди христіанскихъ обрядовъ. Въ старинныхъ пѣсняхъ, которыми сопровождаются народные праздники, слышимъ прѣдвѣвы, въ которыхъ уродливо сопоставляются Богородица и Троица съ Дидомъ, Ладомъ. Христіанскій праздникъ переходилъ въ открытый языческій разгулъ съ языческими обрядами, которыхъ цѣлью было не узнать, хотя память объ ихъ значеніи и была затеряна; пастыри церкви прямо называютъ ихъ невѣрными, погаными, ядовѣскими, еллинскими. А тамъ, за предѣлами общественныхъ праздниковъ, таился цѣлый міръ тайныхъ суевѣрій, пѣрованій съ собирательныхъ духовъ водныхъ, лѣсныхъ, домовыхъ, особое погасное богослуженіе дома и семьи съ множествомъ суевѣрій, привѣтъ и обрядовъ...

Во главѣ языческаго общественнаго богослуженія, какъ мы знаемъ, стояли волхвы, потомъ гуды, прегудницы, пѣсельники, плясцы и другіе люди, необходимые при совершеніи обрядовъ и распорядженій праздничнымъ торжествомъ. Какъ представители язычества, волхвы въ началѣ дѣлали открытыя возстанія противъ христіанства. Съ XIII вѣка мы не видимъ уже этихъ возстаній, — знакъ, что

христіанство успѣло занять господствующее положеніе среди народа. Но еще долго спустя послѣ этого они продолжали удерживать за собою прежнее значеніе и пользовались благоговѣйнымъ уваженіемъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ.... Такъ въ 1410 году м. Фотій писалъ къ новгородскому духовенству: «учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленія, ни зелія, ни вороженія и елика такова, занеже съ того гвѣвъ божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы перестали и казались бы, а не имутъ слушать, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказывайте, чтобы не держали ихъ между себе нпгдѣ, гоняли бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не ямать слушать васъ, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте» (А. Эксп. I, № 369).

Прежде колдунъ, волхвъ прызывался въ качествѣ служителя боговъ; его дѣйствія имѣли значеніе религіознаго врачеванія, очищенія, благословенія, молитвы и закланія боговъ. Но когда язычество стало падать, когда въ народѣ стала усвоиваться общая мысль проповѣдниковъ, что старая вѣра есть служеніе бѣсамъ и бѣсовское изобрѣтеніе, къ числу бѣсовскихъ козней, злыхъ обаяній, пагубныхъ чаръ отнесены были, разумѣется, и дѣйствія волхвовъ. На волхва, вѣдуна и вѣдму народъ взглянулъ, какъ на существа злобы, исполненныя грѣха, которые продали бѣсу свою душу, дѣйствуютъ по его волѣ и его силою, какъ на рабовъ его. Всѣ принадлежности ихъ получили худое, черное значеніе; у нихъ черная кошка, черная собака, черная книга, по которой они волхвуютъ среди черной ночи. Они дѣлаютъ одно только зло и людямъ и животнымъ, своими заговорами насылаютъ болѣзни, скрадываютъ дождь, ро-

су, спѣтъ, производить голодъ, бесплодіе, вредятъ вѣтъ и всему ⁽¹⁾...

Наряду съ волхвами почти одинаково преслѣдовались другіе представители общественной стороны язычества, — скомо-рохи...

Пересматривая увѣщанія и запрещенія, мы легко можемъ судить о слѣдствіяхъ ихъ. Вѣдъ они, равно какъ и полицейскіи мѣры правительства, быють именно на ту сторону язычества, которая была особенно слаба и не развита, которая вовсе не составляла его сущности, на внѣшнюю общественную его сторону. Мы видѣли, что она только еще устанавливалась, только еще выходила съ опредѣленными очерками изъ области народной поэзіи и народныхъ увеселеній на игрищахъ межи селы; очень не мудро, что ее легко было опять обратить въ ея первобытное состояние, въ ту же область поэзіи и увеселеній. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность церкви не коснулись или слегка, тоже только снаружи, коснулись сущности языческаго міросозерцанія. Славянинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на его печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ студени, изъ котораго пилъ, въ лѣсу, гдѣ онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косою и сохою; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагѣ въ его немудреной жизни и каждый шагъ, каждое занятіе, каждый предметъ его домашнего обихода были окружены множествомъ обрядовъ, примѣтъ, суевѣрій. Вотъ гдѣ была суть его религіи, а сюда-то и не проникали внѣшніе мѣры противъ язычества. Отлученія и обличенія церкви, батоги и опалы государства проносились въ

воздухъ, не задѣвая этого темнаго мірка полнотическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, таинственнаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозы, обличеній и наказаній, а свѣта, христіанскаго просвѣщенія.

Древніе просвѣтители народа, разрушая куміры и требища, старались строить на ихъ мѣстахъ христіанскіе храмы; новая святыня ставилась на развалинахъ старой. Нужно разширить смыслъ этого выразительнаго явленія въ исторіи христіанства. Только тамъ уничтожалось язычество, гдѣ христіанство его замѣняло, гдѣ старыя вѣрованія и обряды замѣнялись новыми. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усваивались народомъ, язычество оставалось цѣликомъ. Какъ ни величественно возпышалось новое зданіе христіанства на старой почвѣ, не очищенной образованіемъ, эта почва всегда подпочла и оживляла свои обычныя прозябанія, и пробивались они изъ подъ давящаго ихъ зданія во всѣ стороны, лѣзли во всѣ его щели и не замечанныя мѣста.

У насъ не было главнаго средства противъ язычества — христіанскаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрныя понятія народа. Какъ бы мы ни старались доказывать обиліе духовнаго просвѣщенія въ древней Руси множествомъ просвѣтительныхъ твореній, трогательною заботливостію о томъ церкви, современное намъ состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь, по которому шелъ народъ. Не касаясь исторіи собственно простаго народа, заглянемъ лишь въ исторію его ближайшихъ просвѣтителей — низшаго духовенства. Мы видимъ въ низшемъ духовенствѣ главную просвѣтительную силу для народа, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Въ вопросѣ о народномъ образованіи нужно

(1) Развитие этихъ мыслей см. въ Альман. „Комета“ въ статьѣ г. Аваньева „О вѣдунѣ и шаманѣ“.

брать по вниманию именно эту силу, а не высшую иерархию, которая вращалась среди высших классов и во все времена была более или менее далека от народа, имела мало просветительного влияния даже на низшее духовенство.

Низшее духовенство было плоть от плоти и кость от костей простонародья. Когда приходская сходка рассуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшего человека, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣ, извѣстнаго по всему околотку. Это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которые были распространены въ массѣ и которые онъ усвоилъ лучше всѣхъ.

(Изъ статьи П. В. Знаменскаго. Правосл. Собесѣдн. 1865 г. кн. 8).

Статьи по рус. мифологии можно читать слѣд.: Перунъ. П. Калайдовича. Вѣстн. Евр. 1807, ч. 36, № 24, стр. 267. О Велесѣ Волкова, ч. 107 № 19, стр. 174. Замѣч. на эту статью, ч. 108, № 24, стр. 38. О языч. религии древ. Польши. Бандтке. 1826 ч. 146. № 7, стр. 191; 1827 ч. 152, № 5, стр. 27. О Червобогѣ. Преиса. Ж. Мн. Н. Прос. ч. XVIII, 1. 227. Кто же о мифологии, ч. XXIX, IV, 32. Купало, ч. XXXI, II, 1. Волось ч. XL, II, 47. Обожаніе солнца Срезневскаго. Хорсъ и Дажьбогъ. Бодянский. ч. LI, II, 36. О кумирахъ, ч. LXXI, VII, 32; LXXII VI, 26. LXXIII, VII, 22. Языч. преданія Польши и Литвы. Сынъ Отеч. 1842, VII, 1. Объ идеяхъ кельтскихъ. Сп. Руссова. Тамъ же 1824, XCVIII, 145—161. О дитяч. мифологии, тамъ же 1836, CLXXVI, 166, CLXXVII, 90. 1837, CLXXXV, 298. 1838, VI, 51. Сѣверн. Архипъ ч. 1. № 3, стр. 291. ч. 4, № 24, стр. 463 ч. 9, № 3, 431. № 4, 191. О тождествѣ мифологии скандинавской, финской, славянорус. Библ. для чт. 1842, LV, 33—64. О рус. народ. мифахъ и сагахъ. Н. Йо. На-деждина. Рус. Бес. 1867, кн. III и IV, слѣд. О времени язычника Владимира. Рус. Бес. 1856,

кн. 1, ст. 2. Очеркъ нравовъ и языч. религій Славянъ. С. М. Соловьева. Архивъ историко-юрид. слѣд. кн. 1, отд. 1, 1—54. О языч. взглядахъ и обычаяхъ. О. И. Буслева. Тамъ же I, IV, 1—48. Домовой. А. П. Афанасьева, т-же VI, 43—29. О Рожаницахъ, Срезневскаго и Афанасьева, т-же кн. II, полов. 1. отд. 1, 35—96, 123—142. Зоморичъ, божество. Афанасьева. Отеч. Зап. 1852 LXXX, II, 1, 95. LXXXI, II, 1. Его же Религиозно-языч. значение изъбы Славянина, 1851, LXXVI II, 53. Истуканъ Святограда, изданный въ Подоліи, О. 3, 1851, LXXVII, VIII, 66. Мнѣ старинс. языкъ. Шенкина 1850 г. Кругачъ. разборъ въ От. Зап. 1850, LXVIII, V, 17. Дажьбогъ. Рус. Ист. Сбор. VII, 150. О Рожаницахъ. Времен. 9, 25. Письмо Буслева, въ прилож. ко 2 т. Ист. рос. Соловьева. О языческихъ суевѣріяхъ. Москвит. 1851, II, № 5. Святоградъ. Шенкина. Времен. кн. 43. Сѣверъ 1. О Русалкахъ. Шафарика. Саворіи Ceskeho Muzeum 1863, 237. Коляда. С. Микучка. Вѣстн. 1860. № 37. О Купалѣ и Колядѣ. П. Собр. Соч. К. С. Аксакова. 1861, 1, 325. Славянс. мифология. Журн. Ваза, 1861, № 9 и 10. Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія Д. Щенкина. М. 1859. О мифич. вѣрованіяхъ. Н. А. Лавровскаго. Сиб. 1862; (извлечено изъ Учен. Зап. II отд. Акад. Н.). Славянс. и рос. мифология. Касайрова. М. 1810. Краткое обозрѣніе мифологии Славянъ. рос. П. Строева. М. 1845. Опис. древ. славянс. баснословія. М. Попова. Сиб. 1768. Древ. религій Славянъ. Г. Глижи. Митава 1804. Словарь рус. суевѣрій. М. Чулкова. Сиб. 1782. Также съ дополненіями: „Аббре-га рус. суевѣрій“ М. 1786. Опытъ о языч. Вѣдѣніяхъ въ Кіевѣ поставленныхъ во времена язычества. С. Руссова. Сиб. 1824. О статуѣ Червобога въ Бамбергѣ. Шафарика. Рус. Ист. Сборн. т. 1. кн. 1. 1—30. О значеніи кумировъ при св. Владимірѣ поставл. Москвит. 1831, IX и X, 99—120, XI, 105—115. Свидѣтельство Пандіеме. Сборн. о языч. суевѣріяхъ рус. Срезневскаго. Тамъ же 1851, V, 32—64. О двухъ серебряныхъ идолахъ, вырытыхъ въ Черниголѣ въ 1702 г. Тамъ же 1846, IV, 200. Начертаніе славянс. мифологии. М. Касторскаго. Сиб. 1844. Восточн. изв. о Руссахъ. Френс. Сѣвер. Арх. 1826, 22. Сказанія иностран. о бытѣ и нравахъ Славянъ. В. Макуиса. Сиб. 1861. Архитектура храмовъ языч. Славянъ. Срезневскаго. Чт. общ. ист. 1846, № 3, слѣд. 44—54. Погребальные обряды у древнихъ Славянъ. А. А. Котляревскаго. М. 1867 г. Славянс. мифология Н. Н. Костомарова. Кіевъ 1847. Извлеченія изъ Крайедворс. рѣд. касательно религій. вѣрованій и обрядовъ. Ж. М. Н. Пр. 1840. № 12. Слѣдъ христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-рус. сказаніяхъ о мірѣ. Прав. Собес. 1864, 1, 249.

II. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ.

1) ВЗГЛЯДЪ НА УЧЕНІЕ КНИЖНОЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

37. Кириллъ и Мефодій.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть оу насъ оучителя, иже бы ны наказалъ (*наставилъ*) и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни греческу языку, ни латыньску; они бо ны онако оучать, а они бо ны и онако, (*одни такъ, другіе иначе*), тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и пошлѣте ны оучителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь, и рѣша философы: есть мужъ в Селунѣ, именемъ Левъ; суть оу него сынове разумяви языку словѣньску, хитра два сына оу него философа. Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко Авови, глаголя: послѣ к намъ въскорѣ сына своя Мефодія и Костянтина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мѣ Словѣньска земля, просящи оучителя собѣ, иже бы могъ имъ протолковати св. книги; сего бо желаютъ.

Оумолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцелюви. Сила же припедѣшема, начаста съставлявати писмена азбукъовная словѣньски, и преложиста апостолъ и еуангеліе. Ради быша Словѣни, яко слышаша величѣя божья своимъ языкомъ; посемже преложиста псалтырь и охтанкъ и прочая книги. Нѣцы же начаша хулити словѣньскія книги, глаголюще: яко не достоинъ никому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, Латынь, по Пилатоу писавъ, еже на крестѣ господни написа. Се же слышавъ папѣжъ римскыи, похули тѣхъ, иже ропшють на книги словѣньскыя, река: да ся исполнить книжное слово, яко възхвалять Бога вси языци; другое же: испъвъзглаголють языки величѣя божья, яко же дастъ имъ св. Духъ отвѣщевати, да аще кто хулитъ словѣньскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкви, дождеже ся исправитъ; ти бо суть волци, а не овца, яже достоинъ отъ плода знати я, хранилися ихъ: вы же чада божья, послушайте оученія, и не отрините наказанія церковнаго, якоже вы наказалъ Мефодіи оучитель вашъ. Костянтинъ же възратився въспять, и иде оучити бол-

гарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посем же Конецъ князь постави Мефодѣи епископа въ Пани на столѣ св. Овтропника апостола, единого отъ 40 оученика св. апостола Павла. Мефодий же посади два пола скорописца зѣло, и приложи все книги исхоль отъ греческа языка въ словенескъ 6-ю мѣсяцъ, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 9-ю день октября жѣсяца. Окончавъ же достоинно хвалу и славу Богу въздасть, дающему такую благодать епископу Мефодѣю.

(Литоп. Нестора, по изд. Тилковскаго, 16—17. Ц. Собр. Литоп. I, 11—12).

38 О письменахъ черноморца Храбра, по-
ловенна Хаджа.

Прежде убо Словѣне не имѣху книгъ,
но прѣгати и рѣзати чѣтаху и гадаху,
погани (язычники) суще. Крѣстѣваше-
жеса, римскыи и грѣчскыи писмены
нуждаахуся, словѣнскы рѣчь безъ устро-
ения; но како можетъ ся писати добръ
грѣчскыи писмены: Богъ, или животъ,
или зѣло, или церковь, или чааніе, или
широта, или ядь, или удъ, или юность,
или языкъ (здесь должно быть *на-*
писаніе юсовое), и многа подобна сѣмъ.
И тако бѣша многа лѣта. Потомже че-
ловѣколюбець Богъ, строчи всѣ (всѣ на
пользу), и не оставляя челоуѣка рода
безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводя
и спасенію, помяловавъ родъ челоуѣчъ,
посла нмѣхъ св Костантина философа, на-
рицаемаго (во мнишескомъ чинѣ) Кяри-
ла, мужа праведна и истинна, и сътво-
ри нмѣхъ 30 писмена и 8, ова убо по чи-
ну грѣчскихъ писменъ, ова же по сло-
вѣнскыи рѣчи. Отъ прѣваго же начеи
по Грѣчску: они убо *алфа*, а сѣхъ *азъ*,
отъ аза начеиъ обое; и якоже они по-

добышися жидовскимъ писмевѣхъ створиша, тако и сынъ грѣчскимъ. Жидове бо прѣвое писма имуть *алефъ*, еже ся сказають учпение съвершающе, въподлѣму дѣтищу, и глаголюще: *учи сѧ*, еже есть *алефъ*; и Грѣци подобашися тому *алфа* рѣша. И сподобися речеице сказаниа жидовска Грѣчскому языку. Да речесть дѣтищу въ учения мѣсто, *ици*: *алфа* бо—ици сѧ речесть грѣчскомъ языкомъ. Тѣмъ бо подобися св. Кирилъ створи прѣвое писма *азъ*. Но яко и прѣвому сущу писмени *азъ*, и отъ Бога дашу роду Словѣнскому на отгвѣстѣе устѣ, въ разумѣ учащияся бубвамъ, великомъ раздвиженемъ устѣ възгласится, а она писмена маломъ раздвиженемъ устѣ възгласятся исповѣдаются. Се же сугъ писмена словѣнская, сиче а подобають писати и глаголати: *а, б, в, г....*

Друзья же глаголютъ: «почто есть 38 писменъ створишь? а можеть ся и меньшия того писати, якоже и Гръци 24 пишуть.» И не видятъ количествъ пишуть Гръци; есть бо убо 24 писменъ, но не наизвѣстны тѣмъ книги, но приложени суть двогласныхъ 11 и въ писменехъ же (въ числахъ же) 3, 6-е и 9-десятиное и 9-сѣтное, и събираются ихъ 38. Тѣмъ же потому подобно и въ тѣмъ образъ створи св. Кирилъ 38 писменъ.

Друзин же глаголють: «Чесому суть Словьньскы книги? ни того бо есть Богъ створплъ, ни то аггели, ни суть ижде конни (законни), яко жидовьскы и римьскы и еллиньскы, ижде отъ кова (отъ закона) суть и прняты суть Богомъ.»

А друзини мнятъ, яко Богъ имъ есть створилъ писмена, и не вѣдаютъ, что глаголюще окаянии. И яко трини языки есть Богъ повелѣлъ книгамъ быти, якоже въ евангелии пишеть: «и бѣ дѣска написана жидовскы и римскы и еллинскы, а словенскы нѣсть ту; тѣмже и сѣуть словенскихъ книги отъ Бога. Изъ тѣмъ что глаголемъ, или что речемъ къ

таѣмъ безумнымъ? Обаче речемъ отъ св. книгъ, якоже научихомся: яко въ ряду бывають отъ Бога, а не отъ иного. Иѣсть бо Богъ створи жидовскыя языка прѣжде, ни римскы, ни еллинскы, ни сирьскы, ниже и Адамъ глагола, и отъ Адама до потопа, и отъ потопа, дондеже Богъ раздѣли языки при стѣлпотвореніи, якоже пишеть: «размѣшеномъ же бывшемъ языкомъ.» И якоже ся языци размѣсиши, тако и нравы, и обычаи, и уставы, и закони и хитрости на (каждо) языки. Египѣномъ же землемѣрене; а Персѣомъ и Халдеомъ и Асиреомъ звѣздочтеніе, вѣшнвеніе, врачеваніе, чарованіе и всѣ хитрости члвчѣа; жидовомъ же св. книги, въ нихже есть писано, яко Богъ створи н землю, и всѣ яже на неѣ, и члвчка, и всѣ по ряду, якоже пишеть; Еллиномъ Граматикія, Риторикія, Философія. Но прѣжде сего Еллини не имѣху своимъ языкомъ писемей, но финицкыи писменны псаху свою си рѣчи, и тако бѣша многа лѣта. Паназидъ же (Паламидъ) послѣжде пришелъ, наченъ отъ алфы и вѣты, 16 писменъ тѣкмо Еллиномъ обрѣте, приложи (ли) же имъ Кадмъ Милеи (и Миликій) писмена 3, (и составишася 19 писменъ); тѣмже многа лѣта 19 писаху. И потомъ Синовидъ обрѣтъ, приложи двѣ писмени, Епихаріа же Сказатель 3 писмена обрѣте; и събрася ихъ 24. По мнозѣхъ же лѣтѣхъ Дионисъ Граматикъ 6 двогласныхъ обрѣте, потомъ же другыи 5, и другыи 3 численятаа; и тако мнози многими лѣты едва събраши 38 писменъ. Потомъ же многомъ лѣтомъ мипупнемъ, Божиимъ повелѣниемъ, обрѣтася 70 мужъ, иже прѣложиши отъ жидовская (языка книги) на грѣцкыи языкъ. А словѣцкыи книги едины св. Костантинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена створи и книги прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ (отъ греческихъ на словенскій языкъ), а они мнози многи лѣты 7 ихъ писмена устроили, а

70 прѣложение (седми мужми писмена устроиша, а 70 мужей книги прѣведоша): тѣмже словѣцкыи писмена свѣтъи суть и чѣстиѣиша, свѣтъ бо мужъ створи а есть, а грѣцкыи Елліни погани.

Аще ли кто речеть: «яко иѣсть устроитъ добръ, понеже ся постраяють и еще.» Отвѣтъ речемъ симъ: и грѣцкыи такожде многожди суть постраяли, Акилла и Симилахъ, и потомъ ани мнози; удобѣе бо есть послѣжде повторити, неже прѣвое створити.

Аще бо въпросиши книгѣица (книжника) грѣцкыи, глаголя: «кто вы есть писмена створи, или книги прѣложилъ, или въ кое время?»—то рѣцаши отъ нихъ вѣдѣть. Аще ли въпросиши словѣцкыи букари (букварей), глаголя: «кто вы писмена створи есть, или книги прѣложилъ?»—то вси вѣдѣть, и отвѣщавше рекуть: св. Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирѣлъ, тѣи намъ писмена створи и книги прѣложи, и Меодіе братъ его (епископъ моравскій). Наше въпросиши—въ кое время?—то вѣдѣть и рекуть: яко въ врѣмена Михаила царя грѣцкаго (по седмолѣ соборъ въ 44 лѣто), и Бориса князя Бѣлгарьскаго, и Растислава князя Моравьска и Коделѣ князя Бѣлтеньска, въ лѣта же отъ създания всѣего мѣра 6363. Суть же и инѣ отвѣти, аже и инде речемъ, а пише иѣсть врѣмя (¹). Такъ (такоже есть) разумъ, братіе, Богъ есть далъ Словѣномъ, ему же слава и чѣсть и дрѣжава и покланѣніе, илиѣ и присно и въ бесконечныи вѣкы, аминъ.

(Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. Измѣд. К. Калайдовича. М. 1824 г., стр. 189—192).

(¹) По изъ писаніи черноризца Храбра доселѣ извѣстны только эти «Отвѣты о писменехъ.»

39. Ярославъ любитель книгъ.

Въ лѣто 6545 (1037). Заложилъ Ярославъ городъ великій Киевъ, у него же града сугъ Златая врата; заложилъ же и церковь св. Софѣя, митрополию, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ св. Богородицы Благовѣщенье, посемъ св. Георгия манастирь и св. Прѣны. И при семъ нача вѣра хрестыанская плодотвѣи и расшѣрѣти, и черноризцы почаша множитися, и манастирѣе починяху быти. И бѣ Ярославъ любилъ церковныя уставы, поны любилъ повелику, излиха же черноризцы, и книгамъ прилежалъ и почиталъ е (ихъ) часто въ нощи и въ днѣ; и собралъ писцы многы и прикладаше (переводилъ) отъ Грекъ на словѣнское писмо и списаша книги многы, и списка (розыскалъ), ими же поучающе вѣрши людѣ, наслаждаются ученѣя божественнаго. Якоже бо се вѣкто землю разоретъ (распишетъ) другий же насѣетъ, или же пожинають и лдатъ плещу бескуду (завола); тако и съ отецъ бо сего Володимѣръ взора и умягчи, рекше крещенѣмъ просвѣтитъ; съ же насѣи книжныи словесы сердца вѣрныхъ людѣ, а мы пожинаемъ, ученѣе приемиюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученѣя книжного; книгани бо кажеми (наставляемы) и учими есмы пути показанью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, папаяущи вселеную, се суть пеходища мудрости; книгамъ бо есть нечислѣная глубина, сими бо въ печали утѣшаени есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хвалѣ е глаголаше: азъ премудрость вселѣхъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ господень; мои свѣтъ, моя мудрость, мое утверженѣе, моя крѣпость, мною цареве царствуютъ, а силнии пшють правду, мною вельможи величаются и мучители держати землю; азъ любящая мя люблю, ищущи

мене обрѣшуть благодать (Притчи Солом. VIII, 12, 14—17). Аще бо попищѣи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрѣщѣи великую ползу души своей; иже бо книги часто чтѣть, то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и евангельская ученѣя и апостольская, житѣя св. отецъ, въсприемлетъ душа велику ползу. Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви св. Софѣи, юже созда самъ, украси ю златомъ и серебромъ и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И нынѣ церкви ставляше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя поны и даѣя имъ отъ имѣнья своего урокъ, велѣя имъ учити людѣ, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутѣри, людѣ хрестыанскѣ. Радовашеся Ярославъ, видѣя множество церкви и людѣ хрестыанъ зѣло; а врагъ сътовашеться, побѣждаемъ новыми людѣми хрестыанскими.

(Лазар. 65—6).

40. Послѣсловіа XI в.

А.—Остромирова Евангеліа 1056—7.

Слава тебѣ, Господи, царю небесъшын, яко съподобилъ мя написати евангеліе се: почалъ же е писати въ лѣто 6564, а коньчалъ е въ лѣто 6565. Написалъ же евангеліе се рабоу божію, наречену сущоу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ, близкою сущоу Изяславоу кыязю, тогда прѣдъръжащоу обѣ власти—и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира; самъ же Изяславъ кыязь правляаше столъ отца своего Ярослава Киевъ, а брата своего столъ поручи правити близкою своему Остромиру Повѣ-

городѣ. Многа же лѣта даруѣ Богъ сътяжавъшюму еуангеліе се на оутѣшеніе многамъ душамъ крестіянъскымъ. Дадъ ему Господь Богъ благословеніе святыхъ евангеліестъ Іоана, Матвея, Луки, Марка и, св. протецъ Авраама и Ісаака и Іакова, самому ему и подружю его Θεоланъ и чюдотъ ею (ихъ) и подружнемъ чюдъ ею. Съдравъствоуйте же многа лѣта съдържяще пороученіе свое. Аминь.

Азъ Григоріи дьяконъ написахъ еуангеліе се, да нике горазитѣ сего напише, то не можи зазърѣти мнѣ грѣшныюу. Писахъ же писати мѣсяца октѣбрия 21 на память Иларіона, а окончыхъ мѣсяца мая въ 12, на память Епифана. Мою же всѣхъ почитающихъ, не можѣте кляти, азъ исправльше почитайте; тако бо и св. апостолъ Паулъ глаголетъ: благословяте, а не клыѣте. Аминь.

(Историч. Христом. Буслаева. 1—2).

Б.—Святославова Изборника 1073.

А коньць всѣмъ книгамъ: оже ти собѣ не любо, то того и другоу не твори.

Въ лѣто 6581 писана Іоанъ дьякъ изборникъ съ (сеи) великоумоу князю Святославоу. Великийъ въ князыхъ князь Святославъ въжделаниемъ зѣло въжделавъ дръздаливый владыка обавити покрывенныя разумы въ глубинѣ многострыпъныхъ силъ кнѣи премоудраго Васяля въ разумѣхъ повелѣ мнѣ цемоудроупѣду прѣмѣноу сътворити рѣчи инако набѣднште тождество разумѣ его, яже акы бѣчела любодѣльна съ всякого цвѣта псапію събѣратъ акы въ еднѣ сътъ въ вельмысленное ерьдыше свое проливаетъ акы сътъ сладкъ изъ оуетъ своихъ прѣдъ бояры на въразумише тѣхъ мыслемъ явлѣлся имъ новыи Пголеменъ не въроу, но желаниемъ паче и събора дѣля многочастыныхъ божествовныихъ кнѣи въсѣхъ

яны же и своя полаты испѣльнь пѣчыюу си память сътвори еже памяти вину въсприяти буди хриеголюбивѣи его души азъ отъмыштеніе въвцемъ блаженныхъ и святыхъ мужъ въ неурѣбрыдомый въкъ вѣкомъ.

(Христом. Буслаева 261—2).

41. Предисловіе къ житію препод. Θεодо-сія Печерскаго до 1093.

Благодарю ти, владыко мой, Господи І. Христе, яко сподобилъ мя еси нестойнаго съповѣдателя (попостователя) быти святынямъ твоимъ въгодныкомъ; се бо неспрѣва пасавию ми о житии и убѣніи и о чудесѣхъ святою и блаженою страстотрыпцю, Бориса и Глѣба, поудляхъ и на другое исповѣданіе ирпнати, еже выше е (естъ) моея силы, ему же и не бѣхъ достоинъ, грубъ сы и не разумячевъ, къ сямъ же яко и не бѣхъ учень выкои же хитрости. Нъ въспомнѣхъ, Господи, слово твое, речѣшее: аще имате въру, яко я зѣрно горущю, и речете горѣ сей: *прииди и възгорѣси въ море, и абие послушаетъ васъ*; си на умѣ азъ грѣшныи, Нестеръ, ирпимъ и оградивъся въроу и уованиемъ, яко вся въможна отъ тебе сътъ, начатъкъ слову съписанія положихъ, еже о житии преподобнаго отца нашего Θεодосіа, бывша игумена монастыря сего, святыхъ владичицъ нашея Богородицѣ, его же и день успѣніе кнѣи праздыцующе (Ѣмал), память творимъ. Се же якоже, о братне, въспоминяющю ми житіе ирподобнаго, не сущю же съписану ни отъ кого же, печалноу по въся дни съаржимъ бѣхъ и молахъся Богу, да сподобитъ мя въся по ряду съписати о житии богочестнаго отца нашего Θεодосіа, да и по насъ сущи черноризци, ирпимше писаніе, почитающе ти видяще

мужа доблесть, въсхвалять Бога и уго-
дника его прославляюще, на прочия под-
вигы укрѣпляются, наипаче же, яко и
въ страстѣ сии такъ сии мужъ явися и
угодникъ божий. О семъ бо и самъ Го-
сподь прорече: *яко мнози придуть
отъ востока и запада, и възлягуть
къ Авраамъ и Исаакъ въ цар-
ствии небесныхъ*; и пакы: *мнози бу-
дуть послѣдними пръвими*. Но сии
послѣднии вѣщия првѣхъ отецъ явися,
житиемъ бо подражая святаго и прѣ-
ваго начальника чирььскому образу,
великого мыно Антонія; и се же чудь-
ище, яко же ишеть въ отъьскыныхъ
кѣлигахъ, славу быти послѣднему роду,
сего же Христосъ въ послѣднихъ родѣ
семъ такого себѣ съдѣльника показа и
пастуха пшкыишъ. Бѣ бо измолода жи-
тиемъ чистѣмъ украшенъ, добрыми дѣ-
лесы, вѣрою же и съмыслѣмъ паче, сего
же нынѣ отъсуду уже начну съповѣда-
ти, еже отъ уны вѣреты житие блаже-
наго Феодосія; нѣ послушайте, братие, съ
всѣмъ прѣлежаниемъ, испълнь бо
есть пользы слово се въемъ слушаю-
щымъ. Молю же вы, о възлюбленихъ,
да не зазрите пакы грубости моеи,
сдържимъ бо сии любовлю, еже къ
преподобному, чего ради укусахъ съпи-
сати вся сп, яко о святѣмъ; къ сямъ
же и блудилъ, да не къ мнѣ речено бу-
детъ: *злымъ рабе личивымъ, подоба-
ше ти дати сребро мое тържени-
комъ, и азъ приидѣ, быхъ съ мнѣ-
вою истлѣмъ е*. Тѣмъ же яко же и
ишеть лѣпо, братие, таити чудеса блаженна,
наипаче Богу рекъшуму ученикомъ своимъ:
*яко еше глаголю вамъ въ тѣмъ, по-
вѣдите на свѣтъ, и еше въ уни слы-
шите, проповѣдите въ домѣхъ*; си
на успѣхъ и на устроение бѣдующимъ
списати хоцю, и о спхъ Бога славяще,
мѣзды отдаиѣ приимете. Хотяцю же мѣ
исповѣдати начати, прѣже молюся Госпо-
деви, глаголя сице: «Владыко мой, Го-

споди, въседръжителю, благимъ подателю,
отче Господа нашего Іис. Христа, прѣ-
ди на помощь живъ, и просиѣти сердце
мое на разумѣние заповѣди твоихъ и
отъверзя устыи мои на исповѣдание чю-
десъ твоихъ и на похваление св. въгод-
ника твоего, да прославится имя твое,
яко ты еси помощникъ въемъ, уповаю-
щимъ на Тя въ вѣкы! Аминъ.»

(По списку XII в. Чт. общ.
ист. 1858, кн. 3. III, 1—2).

Обратить вниманіе, съ какими страхомъ и бл-
готовнымъ чувствомъ приступали къ составленію
житіи святыхъ, какъ и вообще другихъ сочине-
ній духовнаго содержанія.

42. Надпись на евангеліи послѣ 1125.

Азъ рабъ божий, недостойный, худый,
грѣшныи, събьсахъ памяти дѣла ца-
рю нашему и людямъ о съкончаніи
евангелія, еже башеть казалъ Мьстиславъ
кѣназъ худому Наславу, и возилъ Царю-
городу, и училъ хмипетъ (*перенѣстѣ*),
божнею же волею възрагхъся пѣтъ Царя-
города, исправихъ все злато и сребро
и драгыи камень, пришедъ Киеву и съ-
кончася все дѣло м. августа въ 20.
Цѣну же евангелія сего едина Богъ
вѣдае.

Азъ же худыи Наславъ много труда
подѣлахъ и печали, въ Богъ утѣши мя
добраго кѣназа молитвою... и даи Богъ
его молитву... и мѣтъ худому Наславу,
правляща его орудия въ правду и обрѣ-
сти честь и милость отъ Бога и отъ
своего царя и отъ братие.

(Изв. Акад. Н. X, стр. 90).

Здѣсь весьма характеристично изображается усро-
женіе книгъ, какъ дѣло святое. Напи предки смо-
трули на книги не какъ на средство пріобрѣтенія
познаній и духовнаго просвѣщенія, но какъ на сред-
ство спасенія.

43. Послѣсловіе евангелія 1164.

Въ лѣто 6672 написаны быша книги сія м. августа въ 20 день мною, грѣшнымъ рабомъ и дьякомъ святыхъ апостолъ, Константиномъ, а мірскы Добролю, Семесну попову св. Іоанна Предтеча. А братья и отци, аже вы гдѣ криво, а поправивше чѣтѣте же, а не клѣтѣте. Яко же радуется женихъ о невѣстѣ, тако радуется лясель, видя послѣдній лясель.

(Іоаннъ Экзархъ. 28. 31. 107.
110. Востокова Опис. Рум. Музея,
стр. 171.)

44. Гаданье на книгѣ ок. 1276.

Вложи Богъ въ сердце мысль благо Володымерови (Васильковичу), нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книги пророческыя, да тако собѣ въ сердци мысля рече: «Господи Боже сильный и всемогущи (всемогущий), вся съзидаи и разстраля, што ми, Господи, проявишь грѣшному рабу своему—и на томъ стану.» Розгънууть же книги, и вшылся ему пророчество Ісавно: *Духъ Господень на мнѣ...* (гл. 61, 1—4). Князь же Володымеръ отъ сего пророчества уразумѣ милость божию до себѣ, и нача искати мѣста, абы гдѣ поставити городъ. Ся же земля опустѣла по 80 лѣтъ по Романѣ.

(Ипат. 206.)

О гаданіи на псалтыри упоминаютъ въ Поучении Мономаха. См. Употребленіе псалтыри въ древн. быту рус. народа. Правосл. Собор. 1857, IV. 814. О гаданіи на псалтыри. Срезневскаго. О малорус. и неизв. памяти. IV, 34—37.

45. Владиміръ Васильковичъ волынскій.

Князь Володымеръ (до 1288 г.) пѣ княженіи своимъ многи города сруби

по отци своимъ: сруби Берестій и за Берестьемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемъ Лѣстѣ, и парече имя ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ камень, выотою 17 сажень, подобенъ удпленію всѣмъ зрящимъ нани; и церковь постави Благовѣщеніа св. Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя серебромъ, и евангеліе опракошь оковано серебромъ, апостолъ опракошь, и парамья, и съборникъ⁽¹⁾ отца своего туго жъ положи, и крестъ въздвизанный положи. Тако же и у Быску поустрои церковь иконами и книганы. У Володымера же списа (рописалъ) св. Дмитрея всего, и съсуды служебныя серебряныя скова, и икону пречастыа Богородица окопа серебромъ съ камнемъ дорогомъ, и завѣсы золотомъ шиты, а другыя оксамитныя съ дробницею (металлическими укрупненіями), и всѣми узороча (узорами, рѣдкостями) украси ю. У епископи же, у святоа Богородица образъ Спаса великаго окопа серебромъ, евангеліе списавъ и окова серебромъ и да (опись) св. Богородици, и апостолъ списа апракошь св. Богородици да и съсуды служебныя жъже-ного (червоного?) золота съ каменемъ драгомъ Богородици же да, образъ Спасовъ золотомъ съ драгомъ каменемъ оковавъ постави у св. Богородица, въ память себѣ. Въ монастырь свой апостолъ да евангеліе апракошь⁽²⁾, и апостолъ самъ списавъ, и съборникъ великій

(1) Сборникъ—книга, въ которой помѣщены статьи изъ различныхъ писателей и о разныхъ предметахъ.

(2) Евангеліе и апостолъ назывались *Апракошь* тѣ, которые расположены были по порядку богослужебныхъ чтеній: обыкновенное же евангеліе *Томръ* (четвероевангеліе) расположено по порядку евангелистовъ и слогъ.

отца своего туто же положи, и крестъ възвизалый и молитвенный да. Въ епископью перемышлскую да еуангеліе апракосъ, оковано серебромъ съ земчюгомъ, самъ же съписаъ бѣше; а до Чернигова послать въ епископью еуангеліе апракосъ золотомъ писано, а оковано серебромъ съ земчюгомъ, и среди его Снасъ съ финиѣтомъ (*финифтъ*); въ дупкую епископью да крестъ пеликъ серебрянъ позлатяеть, съ честнымъ деревомъ. Созда же я церквы многы: въ Любомли же постави церковь камени св. и великого мученика христово Георгіа, украси ю иконами коваными, и съсуды служебныя серебряны скова, и платцы (*платки, воздуши*) оксамитны (*золотнаго бархата*) шты золотомъ съ жемчюгомъ, херувимъ и серафимъ, и индѣтъя (*напрестольная одежда*) золотомъ шита вся, а другая паволокы бѣлчатое (*шелковал ткань*), а въ малую олтару обѣ индѣтъи бѣлчатое же паволокы; еуангеліе списа апракосъ, окова е все златомъ и каменіемъ дорогымъ съ жемчюгомъ, и деисусъ на немъ скованъ отъ злата, паты, (*бляшки, подѣски*) великы съ финиѣтомъ, чюдло видѣнїемъ, а другое еуангеліе апракосъ же волочено оловиромъ (*барьяной тканью*), и дѣту възложи на не съ финиѣтомъ, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ, апостолъ апракосъ, прологы списа 12 мѣсна (¹), положено житіа св. отецъ и дѣавіа св. мученикъ, како вѣвчашася своею кровію за Христа, и мѣнен 12 списа, и тріоди, и охтай (*октоихъ*) и ермолой (*ермологий*), списа же и служебникъ св. Георгію, и молитвы вечерніи и утрѣни списа, особъ молитвеника, молитвеникъ же кушавъ въ протопоинное (*для протопоина?*) и да въ немъ 8 гривень куцъ, и да св.

(¹) Сказанія о святыхъ на каждый день года въ родѣ четьиной.

Георгію; кадѣлвици двѣ, одна серебряна а другая мѣденна, и крестъ възвизалый да св. Георгію; икени же списа намѣстную св. Георгіа, и гривну (*цѣнь*) златую възложи на нь съ женчюгомъ, и св. Богородицю списа на золотѣ же мѣстную, и възложѣ на ню мовѣсто (*ожерелье*) золото съ каменіемъ дорогымъ; и двери соліа мѣдяны; почалъ же бѣше писати ю и списа вѣ три олтарѣ, и шія (*подъ куполомъ*) вся съписана бысть, но не скончана, зайде бо ѣ бѣлѣсть; полія же и колоколы дивны слышаніемъ (*звукомъ*), такихъ же не бысть въ всей земли. Въ Берестинъ же създа стѣлпъ каменъ, высокою яко и каменецкыи; постави же и перковъ св. Петра, и еуангеліе да апракосъ оковано серебромъ, и служебны съсуды скованы серебряны, и кадѣлвица серебряна, и крестъ възвизалый туто положи; и инаа многаа добродѣша съдѣа въ животѣ своемъ, яже словутъ по вѣмъ землямъ. Туто же положимъ конецъ Вѣлодимерову княженію.

(Ипат. 222—3).

46. Древняя тайнопись:

а) Надписъ на прологѣ 1229 г.

Манъ шыкъ томанъ кменсышви вуги-пу ромьлтую като хе п виледъ топгашви тѣпичулюю, аринъ. Это значить: «радъ бысть корабль, преплывши пучину морскую, тако же и писецъ кончавши книгу сию».

Такая тайнопись доселѣ употребляется въ духовныхъ уявляцахъ и называется *тарбарскою грамотою*. Здѣсь буквы замѣняются одна другою въ такомъ видѣ:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	ш	с	у	п

Гласныя, а также *ѣ* и *ѥ* остаются безъ перемѣны.

(Изв. Акад. т. X, стр. 182).

б) Запись на рукописи 1307 г.

Си же апостолъ книги вѣда святому Пятелимону Изоспмъ игуменъ сего же манастиря. Сего же лѣта бысть бой на Русской землѣ: Михаилъ съ Юрьемъ о князенье новгородское. При сихъ князехъ сплещется и ростате усобицами, иныише жизнь наша съ князехъ которы (раздоры) и вѣщи скоротилися человекомъ. А псалъ вѣ. ВВ. КК. ДД. ВВ. Ъ. рекше: Давыдъ, Органъ, Мысль, Истина, Д(обро?)—Ъ... (Конецъ отрѣзанъ въ рукописи). БЗ. Ъ. 333. (К). Море. пять земель. двѣ тѣ... море, — мудры разумѣть. Имя писца оказывается Домидъ.

Это выходитъ такимъ образомъ: вв ($2+2=4=d$), кк ($50+20=70=o$), дд ($20+20=40=m$), л ($1+4=5=n$), вв ($=2+2=4=d$) з, т. е. Домидъ. Другая надпись называется *красноречивымъ* и означаетъ тоже: она напоминаетъ акростихъ. Выраженіе, напечатанное курсивомъ, заимствовано писцомъ изъ Слова о полку Игоревъ.

(Изд. Акад. Н. X, 280—281).

в) Надпись на колоколѣ соборной юрьевской церкви во Львовѣ 1341 г.

ЖХЖН Въ лѣто 6849 соляныи бысть
колоколъ сїи святому Юрью при
ВХ/Н князи Дмитрии игуменомъ Ев-
фимьемъ. *Ъвока араксъ ѡмисит а.*

Это надобно читать наоборотъ и выходить: А писавъ Спаса Яковъ.

(Изд. Акад. X, 297).

На рукописи Евангельскихъ чтеній 1353 года писецъ Леонидъ замѣтилъ: «Лихое перо, невольнѣно писати» (Изд. Акад. X, 314).

г) Запись на евангеліи 1355 г.

Въ лѣто 6863 написано бысть евангліе се, повеііиємъ боголюбиваго архієпископа новгородскаго Моисея, а рукою многогрѣшныхъ КІ. ГВ. О. КЛ. ДД. ВВ. А. ЕЕ. ВА. ПН. ДД. АВ. МЛ. ПП. Ъ. Я. (т. е.

Леонидъ и Григорій). Аще будемъ грубо написали, или кдѣ преступилъ, или въ глаголаніи съ другомъ, или въ дреманіи, а вы преподобнии отци игумены и попове собою исправляе чтите, а насъ грѣшныхъ не поклѣйте, Бога дѣля, занеже эа священническая клятва, а добро есть благословене. А. КК. ДД. ЛК. Ъ. П. ВВ. НН. Ъ. ГВ. ІК. Ъ. ДД. РР. А. ЛН. Ъ. (т. е. Аминь, крестъ лѣвосоу = Господи помилуй).

(Чт. общ. ист. 1867 г. кн. 2, III, 9).

Эта тайнопись самая не хитрая: здѣсь буквы указываются счетомъ, наиримѣръ л означаетъ 30 ($л=20$ и $і=10$), и (8) сложено изъ двухъ 4, т. е. дд и т. д. Такая же тайнопись разобрана выше.

47. Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи 1373 г.

Радуется купецъ прикупъ створивъ (барышъ получивъ), и кормчій въ отишѣ приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; также радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, также и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ божій Лаврентей мнѣхъ. Началъ есмь писати книги сія, глаголемый Лѣтописецъ, м. генваря въ 14, на память св. Отецъ нашихъ аввадъ, въ Спнаи и въ Рамѣхъ избѣвныхъ, князю вел. Дмитрію Костантиновичю, а по благословенью священнаго епископа Діонисія, и кончалъ есмь м. марта въ 20, на память св. Отецъ нашихъ яже въ монастыри св. Савы избѣвныхъ отъ Срацивъ, въ лѣто 6885, при благовѣрѣхъ и христовлюбивѣхъ князи в. Дмитріи Костантиновичи, и при епископѣ нашемъ христовлюбивѣхъ священномъ Діонисѣхъ суждаекомъ и новгородскомъ и городскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже са

гдѣ буау описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправляая Бога дѣла, а не клените; занеже книги цѣшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сыиъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклоняные со Отцемъ и съпресв. Духомъ, и ныня и прѣсно въ вѣкы, аминь.

(Лавр. I, 209).

48. Запись на книгѣ Евангельскихъ чтеній XIV вѣка.

Поклонѣ отъ Фрола господину игумену Микитѣ. Доправи мя, господине, Бога дѣла кнѣги си на Даму къ св. Михаилу; кнѣги же си дадѣть Григорию Стрину. А ты, господине, Григория взми собѣ у игумена Акакіа 5 сорочѣкъ, а евангеліе даи ему; а мѣъ даи Степанъ да Василия два сорока; а ты, господине Григория, возми 5 сороковъ, — и всего будетъ 7 сороковъ. А рядъ мой: отъ писмени взяти 6 сороковъ да *телятины* (за пергаментъ) ми было взяти, за телятины же сорочѣкъ, а 6 отъ писмени. А ее жъ взятъ кнѣги. А язъ вашъ бѣю челомъ своимъ старѣишимъ Степану и Василию, Григору.

Изъ этой записи видно, что игуменъ давискаго Арханг. монастыря Акакій поручалъ монаст. старостѣ Степану и Василию заказать списокъ евангалія. Дѣло это прѣдѣлъ на себя Фролъ и получилъ въ задатокъ два сорочка, но поручилъ писать другому лицу. Книгу онъ отправилъ къ игумену Микитѣ, чтобы тотъ переслалъ ее въ Архангельскъ къ его знакомому Григорию Стрину, и этого просилъ передать Акакію и взять съ него 5 сороковъ — 4 за писанье, а еще сорочѣкъ за пергаментъ. Очень любопытна форма этой записи къ разнымъ лицамъ; а еще любопытнѣе записъ, какъ одно изъ очень не многихъ показаній о цѣнности книгъ на Руси въ древности.

По выводу И. И. Срезневскаго. Фролъ получилъ за написаніе евангелія около 50 к. сѣр. за листокъ, т. е. около 80 вышнихъ рублей; за пергаментъ 12 р. 60 коп. Вся книга стоила безъ переплета приблизительно около 92 р. 60 к. Съ переплетомъ цѣнность ея доходила вероятно до 100 руб. на наши деньги по ихъ нынѣшней цѣнности.

(Свѣд. и зам. о малозв. и неизв. пам. И. И. Срезневскаго. 1867 г. Спб. вып. II, стр. 91—96).

49. Слово нѣкоего калугера о чтеніи книгъ (1).

Добро есть, братіе, почитанье книжное, паче всякому хрестьяну; блаженіи бо, рече, испытующии съвѣдѣнія его, всѣмъ сердцемъ възвѣщаютъ его. Чѣто бо рече испытующии съвѣдѣнія его? Егда чѣтеши книги, не тытися бѣрзо иштисти (*быстро прочитати*) до другыя главины, иъ поразумѣи, чѣто глаголютъ книги и словеса та, — и тришлы обращался о единой главины; рече бо: въ сѣрдци моемъ съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ. Не рече: устытъчю изглаголахъ, иъ и въ сѣрдци съкрыхъ, да не съгрѣшу тебѣ, — и поразумѣвалъ убо истинныи писанія правдыи есть ими. Реку же: узда конечи правитель есть и въздержаніе, правдыику же книги я. Не съставишь бо ся корабль безъ гвезди, ни правдыику бес почитанія книжнааго, — и лкоже плѣвникомъ умъ стоитъ у родителъ своихъ, тако и правдыику о почитаніи книжныи. Красота воини оружіе — кораблю вѣтрила; тако и правдыику почитаніе книжное. Открыи бо, рече, очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона твоего.

(1) По мнѣнію Буслаева это слово, вѣроятно, славянское. *Историч. Христ.* 300. *Калугеръ* — добрый старецъ.

го; очи бо глаголетъ размысль сердечь-
ныи и прочее. Не съкрыи отъ мене
заповѣди твоихъ; разумѣи, яко не отъ
очию скрыи, нѣ отъ разума и сердца;
тѣмъ же и похули непоучающагося, гла-
голя: прокляти уклоняющагося отъ запо-
вѣди твоихъ. Тѣмъ же и самъ ся по-
хвали, глаголя: Коль складка словеса
твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ
устъ твоихъ паче тысячи злата и сере-
бра,—и въспѣтъ глаголя: Въздрабуюся
азъ о словесехъ твоихъ, яко обрѣтая ко-
ристь многу. Користъ бо нарече сло-
веса божия, глаголя: Яко обрѣтохъ не-
достопиѣ сы такъ даръ, еже ми ся поу-
чати словесемъ твоимъ днь и поутъ.
То мы, братия, поразумѣимъ и послу-
шамъ разумныма ушима і поразумѣимъ
силу и поучение святыхъ книгъ. По-
слушамъ ты житія св. Василия и св. Иоан-
на Златоустаго, и св. Кирила Філософа
и шѣхъ многъ святыхъ,—како ти съшрва
повѣдають о ихъ рекуште: из млада при-
лежашу святыхъ книгъ; то же и на ина
добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како
ти начятъкъ добрымъ дѣломъ поучение
святыхъ книгъ, да тѣмъ, братия, и си-
ми подвигнемъ на путь житія ихъ. и
поучаимъ въ ину книжныи словесемъ,
творяще волю ихъ, якоже велятъ, да и вѣ-
чныя жизни достойни будемъ, въ вѣки аминь.

(Изв. Акад. Н. Х. 426—427).

Въ этомъ словѣ прекрасно выражается взглядъ древняго книжника на занятіе чтеніемъ, какъ на дѣ-
ло нравственное, которое было началомъ истиннаго
христіанскаго пути и достиженія праведности для
святыхъ. Книги всѣ разумѣются святыя и божест-
венныя. См. Списываніе книгъ въ древнія времена,
Прав. Собес. 1862, I. 131. 350. О древнерус.
училищахъ Н. Лауровскаго, Харьковъ 1854. Дре-
внія рус. книги. Срезневскаго. Христ. Древн. и
Археологія, 1864 № 2 и 3. Загѣтки по исторіи
книжнаго проsvѣщ. Григорьева Эпоха 1864.

Съ принятіемъ христіанства проникла къ
намъ цѣлая почти готовая литература преи-
мущественно духовнаго содержанія. Образо-
валась эта литература у соплеменныхъ намъ
Болгаръ, особенно въ вѣкъ славнаго царя Си-
меона (889—927). Неопытное преимущест-
во составляла для насъ возможность познако-
миться сразу на языкѣ намъ понятномъ и
съ самыми священными писаніемъ, и съ лу-
чшими его толкователями. Это было
чрезвычайно облегчить распространеніе у насъ
христіанства, которое съ другой стороны на-
ходило благодарную почву во многихъ сторо-
нахъ славянскаго быта и нравовъ.

Книги приносились къ намъ вѣроятно ма-
ло по малу, а у насъ ихъ усердно списывали и
распространяли. Немедленно послѣ крещенія
Киев, Владимиръ позаботился о томъ, «тобы
родители отдавали дѣтей «на ученіе книжное»;
учили конечно священники, присланные къ
намъ греческимъ духовенствомъ, а въ числѣ ихъ,
по всей вѣроятности, было много Болгаръ.
Первые обученные грамотѣ, сами становились
священниками, а потомъ учили другихъ. При-
мѣру Владимира, «любившаго словеса книжная»,
слѣдовали многие изъ его сыновей, особенно же
Борисъ и Ярославъ. Полудній положили нача-
ло книгохраненію при Кіево-софійскомъ со-
борѣ. Въ первое время, по всей вѣроятности,
учили грамотѣ только будущіе священни-
ки (Опытъ исторіи, обзоръ рус. словесн. О.
Миллера, Сиб. 1866. 242—244).

2) ВЗГЛЯДЪ НА ЯВЛЕНІЯ ПРИРОДЫ.

50. Знаменія въ XI в.

Въ лѣто 6570. Въ лѣто 6571 (1063)
Судиславъ преставися, Ярославъ братъ,
и погребоша ѱ въ церкви св. Георгія.
Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Вол-
ховъ вспять, дній 5; се же знаменье

(явленіе) не добро бысть, на 4-е бо лѣ-
то поже Всеславъ градъ...

Въ лѣто 6572. Всеславъ рать почаль.
Въ си же времена бысть знаменье на
западѣ, звѣзда преведика, лучѣ имущи
акы кровавы, въсходящи съ вечера по
заходѣ солячяпѣмъ, и пребысть за 7

дній. Се же проявляше не на добро: посемъ бо быша усобицѣ много и нашествие поганыхъ (*Половцевъ*) на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровопролитіе. Въ си же времена бысть дѣтище вверженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ (*смѣялись, дивились*) до вечера, и пакы ввергоша и въ воду, башеть бо сице: на люди ему срамны удоче, иного велѣтъ назати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяцъ бысть; его же невѣгласи (*невѣсти*) платолють снѣдаему сущю. Се же бывають сица (*такія*) знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣмъ. Яко же древле, при Антиоцѣ, въ Іерусалимѣ, случися внезапно по всему граду за 40 дній являтися на въздухъ на конихъ рищущимъ (*скачущимъ*), въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полки обоявляемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженіе Антиохова на Іерусалимѣ. Посемъ же при Неронѣ цари въ томъ же Іерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ кошійный, надъ градомъ; се же проявляше нахоженіе рати отъ Римлянъ. И наки сице же бысть при Устиньѣ цари, звѣзда возсія на западѣ, испущающи луча, юже прозваху *блистаницю*, и бысть блвстающи дній 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченіе, съ вечера до заутра, яко мѣти всѣмъ, яко падаютъ звѣзды, и пакы солнце безъ лучъ сѣяше; се же проявляше крамолы (*драки*), недужи, челоукомъ умертвіе быше. Пакы же при Маврикіи цари бысть сице: жена дѣтище роди безъ очю и безъ руку, въ чересла (*къ чреву*) бѣ ему рыбій хвостъ прирослъ; и пееъ родися шестоногъ; въ Африкѣ же 2 дѣтища родистася, одинъ о 4-хъ ногахъ, а другой о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинѣ икоисборца, сына Леонова, теченіе звѣздное бысть на небѣ,

отторгаху бо ся на землю, яко впадшимъ мѣти кончану; тогда же въздухъ излѣяся повелію. Въ Суріи (*въ Сиріи*) же бысть трусь (*землетрясение*) великъ, земля разсѣдшися трій псиріишъ (*на 3 версты*), изиде дивно изъ землѣ мѣска (*мошакъ*), челоуцьскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи напѣе изыба (*нашествіе иноплеменихъ*); еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли соянци, ли птицами, ли егеромъ (*друнмъ*) чимъ, не благо бывають: но знаменья сица на зло бывають, ли проявленіе рати, ли гладу, ли смарть проявляють.

(*Лавр. 70—71*).

См. въ 1-мъ отд. статью: «Языческія божества». Какъ галъ, такъ и элѣсъ лѣтописецъ объясняетъ разныя явленія по византійскимъ хроникамъ.

51. Знаменіе въ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

Томъ же лѣтѣ (1110) бысть знаменіе въ Печерстѣмъ монастырѣ, въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молвья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 ноци; и весь миръ видѣ. Се же столпъ первѣ ста на трапезници каменѣи, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Θεодосіевымъ, и потомъ ступи на верхъ, акы ко востоку лицъ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненный столпъ, но видѣ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенеиъ, яко же рече Давыдъ: «твори ангелы своя духы и слугы своя огонь палящъ.» И шлени сугъ повѣлѣниемъ божьимъ, а може хоцетъ Владыка и Творецъ всѣхъ. Ангелъ бо приходитъ, кдѣ благая мѣста и молитвенія домовъ, и ту показаютъ нѣчто мало видѣнія своего, яко мощно видѣти челоукомъ; не мощно бо зрѣти челоукомъ естества ангельскаго,

яко и Моисей великий не возможе видѣти ангельскаго естества, водашеть бо я въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ; то се не столбъ водаше ихъ, но ангель идаше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленіе нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже я бысть; на 2-е бо лѣто не се ли ангель вождь бысть на иноплеменики и сущюстаты, якоже рече: ангель предъ тобою предидеть,—и пакы: ангель твой буди съ тобою? Якоже пишетъ *премудрый Епифаний*: къ кой же твари ангель приставленъ: ангель облакомъ и мъгломъ, и свѣту и граду и мразу, ангель гласомъ и громомъ, ангель зимы и зноя, и осени и весны и лѣта, всему духу твари его на земли, и таѣсны бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподни тмы, и сущи во безднахъ, бывшии древле верху земли, отъ нея же тмы, вечеръ и ношь, и свѣтъ и день, ко всемъ тваремъ ангели приставили. Также ангель приставленъ къ которой убо земли, да соблюдаютъ куюждо землю, аще суть и погани; аще божіи гитѣзъ будетъ на кую-либо землю бранью яти, то оной землѣ ангель не воспротивится повелѣнью божью. Ико и се бѣаше я на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменики поганыя, и побѣждають ны повелѣніемъ божьимъ: они бо бяху водими ангеломъ; по повелѣнью божью. Аще ли кто речеть, яко ангела нѣсть у поганыхъ, да слышеть, яко Олександру Македоньскому оуполчившу на Дарья и пошедшу ему и побѣдившу землю всю отъ вѣстоу и до западу, и поби землю Египетскую, и поби Арама, и приде въ острова морьскыя; и врати лице свое выити въ Ерусалимъ, побѣдити Жиды, занеже бяху мирни со Дарьемъ, и поиде со всеми вои его, и ста на товарищи и почи. И прииде ноць, и лежа на ложу своемъ посреде шатра, отверзе очи свои, види мужа стояща надъ нимъ, и мечъ нагъ

въ рудѣ его, и обличіе меча его, яко молоніа, и запряже мечемъ своимъ на главу цареву. И ужасеся царь велими и рече: не бѣи мевел!—И рече ему ангель: «посла мя Богъ уицати царя великиа предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помогая ти; а нынѣ вѣдай, яко умереши, понеже помыслилъ еси взяти въ Ерусалимъ, зло створити ерѣмъ божьимъ и къ людямъ его». И рече царь: молю тя, о господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего; аче не люблю тя, а ворочуся дому моему.—И рече ангель: «не бойся, иди путемъ твоимъ къ Іерусалиму, и узриши ту въ Іерусалимѣ мужа въ облаченіи моемъ, брзо пади на лица своемъ и поклонися мужю тому, и все, еже речеть къ тобѣ, створи, не преступя рѣчи ему; въ онъ же день преступиши рѣчь его, и умереши». И вѣставъ царь, иде въ Ерусалимъ, и пришедъ въспроси ерѣвѣзъ: иду ли на Дарья? И показаша ему книги Даниила пророка, и рекоша ему: «ты еси козелъ, а овъ овецъ, и истолчеши и возмеши царство его». Се убо не ангель ли вожаше Олександра? Не поганъ ли побѣждалъ, и вси Еллии кумпротслужебници? Тако и ся поганіа поупущени грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестіанехъ не единъ ангель, но елико крестіашася, паче же къ благовернымъ княземъ нашимъ; по противу божью повелѣнью не могутъ противитися, но молить Бога приаждо за хрестіаньскыя люди.

(П. Собр. Лит. 1, 121—122).

Здѣсь опять явленія объясняются по мнѣніямъ ученыхъ богослововъ византійскихъ.

52. Сѣверныя сіяніа:

а) Въ 1102 лѣто бысть знаменіе на небесахъ, м. генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ востока и

уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, аки отъ луны полны свѣтащся. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, м. февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнцѣ: огорождено было солнце въ 3 дуги (*полукруга*), и быша другыя дугы хребты къ себѣ (*выпуклостями другъ къ другу*). И сія видяще знаменья, благовѣрнии чловѣци со вздыханьемъ молихуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья сія на добро: знаменья бо бывають она на зло, ова ли на добро.

(И. С. Лст. I, 117).

б) Тое же зимы (1203) знаменья бысть многа на небеса, единое же отъ нихъ скажемъ: бысть во едину ночь, въ 5 часть ночи, потече небо все и бысть чермно (*красно*) по землѣ же и по хоромамъ снѣгъ, мѣсти же всѣмъ чловѣкомъ зряче, аки кровь пролься на снѣгу; и видѣша же вѣшнѣ теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгашу бо ся звѣзды на землю, мѣсти видящияхъ я яко кончину (*мира*). Знаменья бо въ небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ лунѣ, или естеромъ (*шымъ*) чмъ, не на добро бывають: но знаменья сіица на зло бывають, или проявляютъ рати, или гладь, или смерти проявляютъ.

(И. С. Лст. I, 176).

53. Солнечныя затмѣнія.

а) Того же лѣта (1187) бысть знаменье м. сентября 15: тма бысть по всей землѣ, якоже дивитися всѣмъ чловѣкомъ, солнце бо погнѣе, а небо погорѣ облакы огнезрачными. Таковая бо знаменья не на добро бывають: въ той бо день того мѣсяца взятъ бысть Ерусалимъ

безбожными Срацины; знаменья же та не по всей землѣ бывають, но на ню же страну Владыка что хоцетъ повести. Тогда бо глаголахуть тму бышнюю въ Галичи, яко и звѣзды видѣти среди днѣ, солнцю померькино; въ кievской сторонѣ никто же не видѣ въ тѣ часть. Мы же о семъ поглаголемъ. Аще во дни наша преда Господь градъ Ерусалимъ святыи незаконнымъ тѣмъ Агаряномъ; да кто свѣсть умъ господень, кто ли свѣсть талиан его створеная? Обрѣтаемъ бо въ Судійскихъ книгахъ, яко Ильи жерцю судящую во дни оны во Израили, и возидоша множеніици на Ерусалимъ, и вземши дщицу скрижали Завета господня, упочившеся и възвдоша на бой во срѣтѣніе имъ: Богу же тако поустышню гнѣвъ свой на Израиль, и побѣдени бывше Израилѣици отъ иноплеменицихъ и святыню Завета господня плѣмнша и нѣ по колѣнцѣхъ лѣтъ, якоже исповѣдають Царскыя книги, оячь возвратити Господь скрижали Завета господня во Ерусалимъ, предъ ними же Богоотецъ Давыдъ веселя исполнися, скакаше играя. Намъ же укоренымъ сущимъ, поношеніе приемиющимъ отъ незаконныхъ тѣхъ Агарянь, а чающе есмы божія благодати и лавка преслава.

(Ипат. 135).

По астрономическимъ таблицамъ, солнечное затмѣніе въ 1187 г. было 4 сентября, когда взятъ былъ Арабыи у крестоносцевъ г. Акколонъ, а Ерусалимъ отнятъ былъ 2 окт. Слѣдоват. лѣтопись отъбѣга и день взятія Ерусалима и день затмѣнія неутѣрно.

б) Тое же зимы (1206) бысть знаменье на небесахъ въ солнцѣ, м. февраля въ 28 день, въ среду сырное недѣли, и стоя отъ полудне до мѣфимона⁽¹⁾, осталось бо ся его было аки мѣсяць въ настатки (*въ началѣ*) 1 дне; мнози бо вѣрнии чловѣци зряще молихуся Богу,

(1) Мѣфимонъ, мѣфимонъ — прѣходъ на вечерни.

дабы Богъ обратилъ знаменье то на добро.

(П. С. Лѣт. I, 180—181).

О солнечныхъ затмѣніяхъ, П. И. Мельникова. Отеч. Зап. 1842 г. № 6 XXII. II, 47. Взглядъ этнописцевъ на событія міра. Прав. Собес. 1859.

54. Землетрясенія

а) Тое же зимы (1195), по Оедоро въ недѣлѣ во вторникъ, въ 9 часъ, потрясеея земля по всей области кievьской и по Киеву: церкви каменныя и деревянныя колебахуся, и вси людѣ видяще отъ страха не можаху стояти, овѣи падаху ницѣ, инии же трепетаху. И рекоша игуменн блаженн: «се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхи наша, да быхомся остави отъ злаго пути своего;» инии же молваху другъ ко другу: «сн знаменн не на добро бывають, но на паденне многимъ, и на кровопролитіе, и на мятежъ многъ въ Руской землѣ,» — еже и сбысться.

(Ипат. 147).

б) Того же лѣта (1230), м. мая въ 3 день, на память св. Оодосѣя игумена Печерскаго, въ пятюкъ, во время св. литургія чтому св. еуангелію въ церкви сборній св. Богородица въ Володимери, потрясеея земля, и церкви и трапеза, и иконы подвижшася по стѣнамъ, и паникадило съ свѣщамн и свѣтилн поколебахася, и людѣ мвози изумѣшася, и мпяхутся тако, яко голова облыла коего ихъ (1), и яко другъ къ другу и глаголаху, не вси бо разумѣваху дивнаго того чудесе; бысть же се въ многыхъ церквахъ и въ домѣхъ господскихъ. Бысть же се и во иныхъ городѣхъ, и въ Киевѣ

(1) Дивились и думали, что это головокруженіе.

градѣ велии болма того бысть потрясенье, а въ манастири Печерскомъ церкви св. Богородица каменная на 4 части раступиася, ту сушу м-ту Кирилу и ки. Володимеру, и бояромъ и Кіямомъ множеству и людѣмъ сшедшимся, праздникъ бо баше отъ дне св. отца Оеодосѣя; ту и трапезницею потрясе каменю, снесену бывшую корму и патью, все то потре каменье дробнсе (мелкое), сверху падая, и столы и скамьи, но обаче вся трапезница не падеся, ни верхъ ея. Также и въ Перяславѣ рускомъ церкви св. Микхила каменная расщѣдася на двое и паде переводъ (сводъ) съ кровлю 3 хъ комаръ, и потроша иконы и паникадила свѣщамн и свѣтилн. То же все бысть по всей землѣ одного дня, одного часа, въ годъ (во время) св. литургія, м. мая въ 3 день, въ пятюкъ 4 й недѣли по пасцѣ. Тако слышхомъ у самовидѣцъ, бывшихъ тамо въ то время. Того же м. мая въ 10 день, въ пятюкъ 5 недѣли по пасцѣ, вѣщи видѣша рано, въсходящю солнцю бысть на 3 углы, яко и коврыга, потому мнѣи (меньше) бысть аки звѣзда, тако и погнбе, потому мало опять взиде въ своемъ чину. Того же мѣсяца въ 14 день, во вторникъ 6 недѣли по пасцѣ, въ торговъ годъ, солнце нача погыбати, зрящимъ всѣмъ людѣмъ, мало оставя его и бысть аки мѣсяць 3 дни, и нача опять полнитися, и мвози мняху мѣсяць идуще чрезъ небо, зане блшетъ мѣсяць идуще то (ущербъ), а друзи мняхутъ солнце идуще въспять, понеже облоци малѣи, частіи, съ полунощныи страны борзо бѣжаху на солнце, на полуденную страну (съ сѣвера на югъ). Того же дни и часа бысть тако и того грознѣе въ Киевѣ, всѣмъ зрящимъ, бывшю солнцю мѣсяцемъ, явшася столпове черлени, зелени, синія, обанолы (съ облытъ сторонъ) солнца; гаче (потому) сниде огнь съ небеса, аки облакъ великъ надъ ручай Тибедь, людѣмъ всѣмъ отчаявшимъ-

ся своего жителя, мняще уже кончину сущю, цѣлующе другъ друга, прощенные плачуще горко, воспиша (*возопиша*) къ Богови слезами: и милостью своею Богъ преведе страшный тотъ огонь черезъ весь градъ безъ накости, и пале въ Дитиръ рѣку, ту и погibe. Тако сказано на нѣхъ самовидци, бывши тамъ.

(П. С. Лит. I, 193).

55. Гаданія по явленіямъ природы.

Ростиславъ (въ 1249 г.) взявъ въ помощь Дяховъ и осидилъ Ярославъ въ Во-лынской землѣ. Хвалящю же ся ему предъ вон своими и рекущу: «аше быхъ пзвѣдалъ, кдѣ Данила и Василка, ѣхалъ быхъ на на еще бы ми съ 10-ю воишъ, ѣхалъ бы на ия;» гордѣшу же ся ему, и створи игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему съ Воронемъ, и падеся подъ конь и вырвалъ собѣ плече, и не на добро случился ему знаменіе. Слышавъ же Данило и Василко ратное пришествіе его, помоли-стася Богу, начаста собираи въѣхъ. Не дошедшимъ же воимъ рѣкы Слону, сошедшимъ же на поли оружитья, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многымъ ворономъ, яко оболочку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъшущимъ и плавающимъ крилами своимъ и восприметаящимъ на воздухъ, якоже иногда и николиже не бѣ; и се знаменіе на добро бысть... Яви же Богъ милость свою и дашъ побѣду Данилу на-канунъ великую мученику Фрола и Ла-вра.

(Ипат. 183—184).

56. Бѣзводіе

Тон же осени (1228) въ Новгородѣ ниде дѣжгъ великъ и день и ночь, на

Госпожинъ день⁽¹⁾, оли и до Никудина дни не видѣхомъ свѣтла дни; ни сѣна людемъ бѣше лѣзъ добыти, ни нишъ дѣла-ти. Тогда же окаяныи диволъ, исперва не хотѣи добра роду человѣчю и заидѣвъ ему, зане прогоняшеть его пощнымъ сто-янемъ, пѣнемъ и молитвамъ, и пѣзди-же на Арсенія, мужа кротка и смѣренна бранелю велику, простую чадъ; и створ-ше въче на Ярославѣ дворѣ, и поидоша на владыцѣнъ дворѣ, рекуще: *«того дѣ-ля стоитъ тепло дѣло»*, — выпроводилъ. Антонія владыку на Хутицю, а самъ сѣлъ давъ мѣзду князю; — и аки злодѣи пѣха-юще за воротъ выгнаша, малѣ ублюде Богъ отъ смърти, затворилъ въ церкви свѣтѣи Софи, иде на Хутицю; а заутра введоша опять Антонія архіепископа, и по-садиша съ нимъ 2 мужъ, Якуна Монебви-ци, Никифора Цитишка, — и не досыти бы-ла, и еще болѣ того: вѣзмятеся исъ городъ, и поидоша съ вѣща въ оружіи на тысяч-ского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его, и брата его Богуслава, и Андреевъ владыцѣнъ столышника, и Давыдовъ Софійскаго, и Су-димирова; а на Душнѣцѣ на Лицнѣскаго старосту тамо послаша грабити, а самого хотѣша повѣснѣти, и въскоци (*убѣжаша*) къ Ярославу, а жену его яша, рекуще: «яки ти на зло князя водѣтъ,» — и бысть матежъ въ городѣ великъ.

(I Новг. 43—44).

Подобное же происшествіе было во Псковѣ 1407. Вспомни въсвалъ полости псковскіи, а Новгородцы не помогли своимъ братьямъ; къ тому же восталъ моръ; время было притупное: «А тогда бѣше моръ во Псковѣ великъ; и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: *«тоба ради моръ сей у насъ»*, — и выѣха князь Данило изъ Пскова (I Псковск. 198. См. ниже).

(1) Госпожинъ день — Успеніе; постъ успенскій долготъ въ простонародьи называется *Спожинкамъ* и, вѣроятно, приспособлено названіе къ слову — *пашни*, спожатому хлѣбу.

57. Голодъ въ Новгородѣ.

Въ лѣто 6738 (1230). Богъ видя наша безаконія, и братоубавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящися въ лѣю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочити крылы закрываються, того же мы въ рукахъ держаще скверными усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашу пусту положивша, а иное сами не блюдуще безъ милости истеряхомъ свою власть (*область*), и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвигеніе честнаго хреста обилѣе (*озимое*) по волости нашей, и отголѣ горе уставися велико: почяхомъ купити хлѣбъ по 8 кушъ, а ржи бадъ по 20 гривнъ, а въ дворѣхъ по полъ-30, а пшеяцѣ по 40 гривнъ, а пшеа по 50, а овса по 13 гривнъ, и разидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжия грады и страны братьѣ нашей и сестрѣ, а останѣкъ почаша мерети. И кто не прослызится о семъ, видяще мѣртвѣцѣ по улицамъ лежаща и младенця отъ псѣхъ извѣдаемы? И вложи Богъ въ сердце благое створити архиепископу Спирidonу, и постави скудельницу у св. апостолѣ въ ямѣ на Пруськонъ улицы, и пристави мужа блага смѣрена, именемъ Станила, возити мѣртвѣцѣ на кони кдѣ обидуце по городу; и тако безирестани по вся дни влачаше, и наполни до върха, иже бысть въ ней числомъ 3000 и 30. На ту же зиму поиде княжицѣ Ростиславъ съ посадникомъ Вывѣдомъ на Тържѣкъ, м. декабря въ 8, въ недѣлю. А завтра убиша Смена Борисовица въ 9, а домъ его весь разграбиша и села, а жену его яша, а самого погребеша у святого Гюргя въ манастыри; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михала, и Даньслава, и Борисовъ тысяческаго, и Творинирицѣ,

иныхъ много дворовъ... Той же зимѣ въведоша съ Хутина отъ св. Спаса Арсениа игумена, мужа кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спирidonъ и весь Новгородъ, и даша игуменство у св. Георгія; а Саву лициша, посадиша ѿ въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль и преставися марта въ 15, въ субботу, предъ обѣдней, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсениемъ и всею братьею, а даи Богъ молитва его святая вѣсімъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимосею монаманарю: бѣшетъ бо мужъ благъ, кроткъ, смѣренъ и незлобивъ, покоп Богъ душу его съ вѣсми правдыми въ царствіи небеснѣхъ! —Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тѣхъ весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшей на насъ отъ Бога казни? яко нинѣ простая чадъ рѣзаху люди живыя и ядаху, а нинѣ мѣртвая мяса и труше обрѣзающе ядаху, а друзи конину, цѣдру, кошкы, иня же мѣхъ ядаху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замѣсѣа. А нинѣ пакы зли челоувѣци почаша добрыхъ людѣи дома зажигати, кдѣ чююче рожъ и тако разграблявахуть имѣніе ихъ, нѣ тѣхъ осочивши (*нашли*) тако творяще овѣхъ оцѣмъ изжгоша, а другихъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша. Въ покаяніи мѣсто злое и горцаши того быхомъ на зло, а вѣдѣши предъ очима нашими гнѣвъ божіи: мѣртвѣцѣ по уличамъ и по търгу и по мосту по Великому, отъ псѣхъ извѣдаемы, оже не можаху погребати. И поставиша другую скудельницу на поли, коньцѣ Чюдиньцевѣи улицы, и бысть та пълна, въ ней же числа нѣсть; а 3—ю поставиша на Колѣни, за св. Рожьствомъ, и та же бысть пълна, въ ней же числа нѣсть. То же бы намъ все видяще предъ очима, лучшиимъ быти, мы же быхомъ пущиши: братъ брату не съжалашеться, ни отецъ сыновѣи, ни мати дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межѣ нами, нѣ бѣаше туга и печаль, на

удичи скръбь другъ съ другомъ, дожа тьска, зряще дѣти плачуще хлѣба, а другая умирающа. И купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшо, а ржи 4-ю часть нади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху оти в жатери дѣти свое одѣрень изъ хлѣба гостѣль. Се же горе бысть не въ нашей земли во единомъ, нъ по всеи области Русьскѣя, кромѣ Киева одного. И тако ны Богъ възда по дѣломъ нашимъ.

(I Новг. 46—47).

58. Кометы:

а) Въ лѣто 6772 (1264). Явися звѣзда страшная, свѣгащи презъ мѣсяцей 3, луча ку полудню испущающи; и по томъ бысть великій моръ въ ескотѣхъ.

(Густ 343).

б) Въ лѣто 6773 (1265). Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы, см же звѣзда парѣчается власатая; отъ видѣны же сѣя звѣзды страхъ обья вся челоуѣкы и ужасть; хитреци же смотрѣвши тако рекоша: «оже ятежь великъ будетъ въ земли.» но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничтоже.

(Ипат. 202).

О явлении кометы см. еще «Повѣсть о нашествіи Тохтамыша.»

в) Въ великое говѣние и. марта (1402) являшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю на западѣ звѣзда немала, аки копѣйнымъ образомъ, верху же ея аки лучъ сіяше, иже на востоцѣ восходящю и на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ весь той мѣсяцъ тако восходящю. Се же является грѣхъ ради на-

шихъ, прообразуетъ и прегитъ и велеть намъ показатися отъ грѣхъ нашихъ; убо сѣю рещи сбывается слово еуангельское, якоже самъ Спасъ въ еуангеліи рече: «въ послѣдныя дни будутъ знаменія велика на небеси, въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, услышати же имать слухъ рати и нестроение и слышанія браши, вѣстанетъ бо азыкъ на азыкъ, и страна на страну, и царство на царство, и будутъ гладове и ятежи и пагубы, и трусы (землетрясенія) велицыи по мѣстоу, и страхованія въ морѣ, все же начало бо лѣтнемъ, предасть же братъ брата на смерть и отецъ чадо, и возстанутъ чада на родителя своя и убьютъ и, и другъ друга предасть и возненавидѣтъ и презрѣститъ, и за умноженіе безаконія насянветъ любви многихъ; будетъ бо тогда печаль велика и скорбь челоуѣкомъ, и туга (тужба, горе) азыкомъ, и гнѣвъ на людехъ и страхъ повсюду.» Да еже то въ еуангеліи прежде Спасъ намъ глаголаше, то нынѣ въ послѣдняя времена все сбывается, а реченныя знаменія на небеси въ солнцѣ и въ лунѣ и во звѣздахъ являющеся.

(П. Собр. Лѣт. IV, стр. 105).

59. Пожары въ Новгородѣ.

а) Въ лѣто 6807 (1299), и. апрѣля 18, въ субботу вел., въ 1 часъ ночи, загорѣся на Варяжской улицѣ, и створися горе велико, но нашимъ грѣхомъ: въздвигеся буря съ вихромъ, и тако бысть силенъ огонь въборатъ, кто мало что похвятивъ выбѣжа изъ своего двора, а иже все огнь взя. И вержеся огнь изъ Илмечьского двора въ Неревьскыи конецъ, загорѣся на Холоньѣ улицѣ, а тамо слыише огнь, а Неревляне на оной сторонѣ, а мость Великыи огнь звалъ; и тако створися пагуба велика, одна на сѣтъ (при

разсвѣтъ) Богъ и добріи люди уяша. А зли челоуѣцы падоша на грабежи, что въ церквахъ все разграбиша, Бога не боячєся, а въздучє казни божію, въ покаяніа мѣсто горіеє зло створиша, въ св. Іванѣ (въ церкви) надѣ товаромъ сторожа убиша, а въ св. Іконѣ сторожъ сгорѣ. На торговомъ полу 12 церквей сгорѣ, иконъ не всѣхъ успѣшна вынести, ни книгъ,—а въ Христовѣ церкви нѣколько головъ сгорѣ, и два попа сгорѣша, въ Неревскомъ концѣ 10 церквей сгорѣ и многа узорочья въ церквахъ, и мужъ добръ сгорѣ Елевѣрій Лазоревичъ. И бысть завтра печаль и сѣтованіе, въ радости мѣсто: то же все бысть грѣхъ дѣла нашихъ; сбылись пророчество Исаіа пророка, еже рече: *преложю праздники ваша въ плачь, и игрища ваша въ сѣтованіе*. То же, братіе, Богъ казнить за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся остави отъ злобъ своихъ; аще сгрѣшихомъ, нѣ не отчаемя твоеа милости, твоя бо есть, Господи, власть казнить и пакы милovati,—казнивъ, Господи, помилуй ны!

(I Новг. 66—67).

б) Въ лѣто 6848 (1340 г.) м. Іюня въ 7 загорѣлся на Щерковѣ улицѣ, въ полѣднѣ, и погорѣ Неревскій конецъ до св. Якова, а сѣмо и до Чюдинцевы улицы, и дворъ владыченъ, и св. Софія, церкви и дворы въ дѣтинцѣ (въ крепости) и Людичъ конецъ до св. Алексія, а сѣмо и до Прусской улицы, люгъ бѣ пожаръ съ бурєю и съвихромъ, но водѣ огнь ходя горяще, много людей потоне на Волховѣ, и перевержєся чрезъ Волховъ на одну сторону, и погорѣ вся сторона отъ Федорова ручья въ Славию и до поля, до вечерни, въ церкви каменны и деревянны; изъ многихъ церквей не успѣшна вынести ни иконъ, ни книгъ, ни изъ домовъ, а хотя кто что вынесъ на поле, или на огоро-

ды, или въ греблю или въ лоды и въ учаны (большия судна), то все поломянемъ взялось, а иное зли челоуѣцы пограбиша. Не токмо же то у своей братіи хрестьянъ, а иныхъ надѣ своимъ товаромъ побиша, а товары собѣ поимаша, и въ св. церквахъ, нѣже бы всякому хрестьянину хотя бы и свой домъ повергъ (бросить), а церкви постеречи. Но мы пакы Бога не боячєся, ни чающе въскресенія мертвымъ, ни суда божія, ни възданія по дѣломъ, а выдаче казни божію надѣ нами, въ покаяніа мѣсто горіеє творимъ: церковь Святыхъ 40 (мученикъ), яже бѣ устроена иконами и писменемъ (росписана) и кованіемъ и крутою (металлическими украшениями), запершєся въ церкви товаръ (пожитки) весь разграбиша, а иконъ и книгъ не даша нести, а сами избѣгоша изъ церкви, все сгорѣ, и сторожа два убиша, а у св. Богородици въ торгу попъ сгорѣ, а церковь вся погорѣ, иконы и книги, сего же ни властѣ огнь не прикоснуся, а товаръ весь пограбиша, а въ св. Пятницѣ сторожъ съ сыномъ сгорѣ, и церковь та надеся, и другая Борисъ и Глѣбъ на Подолѣ, а всѣхъ церквей погорѣ 50, а людей 70 душъ сгорѣ въ домѣхъ, а Великій мостъ (1) сгорѣ весь по воду. А Смоленскъ погорѣ на Спасовъ день (1-го августа).

(II. С. Лѣт. IV, 54).

в) Того же лѣта (1442) бысть пожаръ въ Плотническомъ концѣ: загорѣся отъ Щитной улицы маіа въ 4, и погорѣ половина Ковюховы ул. и Запольская вся, и за городъ перешедъ погорѣ. И пакы, того же мѣсяца въ 14, на память священномуч. Мокія, загорѣся на Подолѣ, и бысть пожаръ люгъ и пакости людемъ

(1) Мостъ великій устроенъ былъ въ Новгородѣ чрезъ р. Волховъ.

много, и церковей каменных огорѣ 12, а христіанскихъ душъ, Богъ вѣсть, колико скорѣ, и Коведь весь погорѣ до св. Георгія, и ту преста на Лубяницѣ. И по малѣ времени, того же мѣсяца, погорѣ Заполе Милыгины ул.; и бысть пакость велика людямъ, кои вносилися къ нимъ съ животы своими. Сѣмъ пожары бывають грѣхъ ради нашихъ, да ся быхомъ поизаимъ отъ злѣбъ своихъ. Въ то же время людіе, отъ скорѣи тоа великія пожарныя, похузивше люди, глаголюще отъ ярости емищеніи: «втайнѣ ходите и людемъ не являетеса, и зажигаете градъ, и люди губите», — право ли есть глаголющее? Богъ вѣсть испытанія челоуѣческа.

(I Нов. 114).

60. Разныя дивныя явленія и случаи:

а) Въ лѣто 6777 (1269). Дивы великіе являютеса: выплаху люди на небѣ войска въ зброяхъ, и раздѣлены на два полка, и едны въ другиямъ бѣхуся; потомъ, не далече отъ Кракова, една цани Чербославская Малгората единымъ роженемъ породѣ дѣтей живыхъ 36, генваря 21. Въ то же лѣто, декаврѣя 6, въ ноци, авися свѣтъ на небѣ крестообразно, яко не токмо градъ, но и оную всю страну просвѣти. Въ то же лѣто, во 8 день по Рождѣ, въ Каланиу родися телець со седмю ногъ телныхъ и двома песини главами, едина по обычаю напредѣ, а другая меншая надъ опашію: сего трупу никтоже отъ животныхъ не хоташе ясти, ни птица, ни пси, ни волки; на Шлонску (въ Силезіи) зась дождь кровавый идаше, а потомъ зась бысть дождь великъ и поводъ, яко и села и людей вода забираше.

б) Въ лѣто 6783 (1275). Родися въ Краковѣ дѣтище со зубами, вже гла-

голаше абіе, егда же окрещенно бысть, испадоша ему зубы и преста глаголати; второе же дѣтище родися, вже по шестію мѣсяцъ своего рождества яснымъ языкомъ глаголаше и пророчествоваше на шестіе Татаръ, приложи же и се, яко оно имать пострадати отъ Татаръ, еже и сообытеса.

в) Въ сіе лѣто (1277) видѣша на небѣ свѣтъ, акы бы небо отверзето. Въ сіе лѣто уловаша рыбѣныя ливо бѣсовское, страшное, въ езерѣ, въ повѣтѣ Краковскомъ, вже имѣаше главу коую зъ рогами, а очи акы свѣщи свѣтахуся ему; людей же тамо бѣ множество, вже се видѣвши убѣвшася, отъ страха всѣ побѣгоша, сіе же диво такожде побѣже полъ ледъ рычащи.

г) Въ лѣто 6847 (1339). Една цани уродила разомъ дѣтей 12, — 11 померли заразъ, а единъ выхавася и былъ потомъ бискупъ.

(Густынск. 344. 345. 349).

д) Той же весмы (1360), въ великое гонѣние, акы огненныя зари являшася, отъ востока восходя чрезъ небо. И бысть мятежь сильнѣ въ орадѣ; мнози цари, и царевичи, и радци, изсѣкошася межю собою.

(II Нов. 132).

е) Того же лѣта (1406) погыбе мѣсяцъ передъ равнею зарею, и бысть яко кровь на мѣстѣ его, и заиде не исполнявсѣ. Того же лѣта, по Петровѣ дни, въ Нижнемъ Повѣгородѣ бысть буря велика, и вихоръ вземъ челоуѣка на лошади и съ колесницею повесъ, дондеже невидимъ бысть; на другій же день обрѣтоша на другой странѣ рѣки великія Волги колесницу его на древѣ высоцѣ висѣщу, а челоуѣкъ безъ вѣсти.

(П. С. Лѣт. VI. 133).

же) Той же осени (1431) вода бысть мала вельми, и земля и лѣсы горяху, и дымъ много вельми, иногда другъ друга не видѣти; и съ того дыма мряху рыбы и птица, а рыба дымомъ вояше и по два года.

(I Нови. 111)

а) Того же лѣта (1440) бысть знаменіе въ Вороночи: отъ иконы св. Николы изъ лѣваго ока, изъ суха древа, истече кровь напрасно, на заутрени въ Свасъ день; и послаша по икону събора 3-го два иопа, Ивана да Семена, и при везеви бысть икона во Псковъ на Усѣхновение главы Іоана Предотеча, а усѣктоша икону вся 3 събора в архимандритъ Геласіи и вся священники, молящеся Богу, и бысть страхъ великъ крестіаномъ о чудеси св. Николы.

(П. С. Лѣт. IV, 211).

и) Да и сіе не забвено будетъ въ поспѣднихъ родѣхъ: 1447 г. генваря 3, бысть облакъ тученосенъ и съ дождемъ, и паде вкушъ ишеница и рожь и жито на полѣ и на лѣсѣ, отъ града за 5 верстѣ, въдаѣ отъ Волховца и до Мьстѣ рѣки на 15 верстѣ; люди събравше, елико кто изобрѣге, и принесоша въ градъ, граждане же стекошася видѣти сіе преславное чудо, откуда и како бысть.

(П. Собр. Лѣт. IV, 125).

61. Морь:

а) Въ 1352 г. морь былъ во Псковѣ чрезъ все лѣто: почалося изъ весны на цвѣтной (сербной) недѣли, тоже и до самыя осени, уже предъ зимою преста. Того же лѣта Псковичи послаша церковь св. Богородица честному ея Покрову за стѣною, въ странѣ св. Дми-

трея. Тогда же архіеп. Василей пріѣздила въ Псковъ не въ свои лѣта, ни во свою череду, но тако, хотя благославити дѣтей своихъ Псковичъ и поновъ; и обояде весь градъ съ кресты, и съ всѣмъ священнымъ съборомъ и съ всѣмъ крилосомъ, и съ мощи святыхъ, и съ пѣньми и съ молитвами и слезами, молящеся Господу Іесу Христу и пречистой его Матери, св. госпожѣ Богородицѣ, о заступленіи града и о всѣхъ людехъ живущихъ въ немъ о Христѣ въ вѣрѣ крестіанстей, дабы Господь претставилъ (остановилъ) многоналежащую тогда смерть на людехъ; такоже и весь народъ и люди, мужи и жены, отъ мала и до велика вси вослѣдствующе ео многими слезами заху: *Господи помилуй!* Архіепископъ же Василей шло дий ту побыть, поѣха пакы изъ Пскова здравъ, бысть ему на пути наборѣ (быстро) разболѣя, мало поболѣвъ претставися на рѣцѣ на Узѣ Сана свѣтлостью не умолена бываѣтъ смерть. на всѣхъ вызываѣтъ многоязныя своя зубы. Пѣкатори же рѣша: «той морь изъ Иудѣйской земли, отъ Солнца—града».

(Пол. Собр. Лѣт. IV, 191).

По претставленіямъ народнымъ, навѣяннымъ евангеліемъ сказаннымъ, солнце имѣетъ свой горокъ, который находится въ странѣ Врѣшановъ (Брѣшановъ), т. е. въ Индіи, гдѣ живутъ разные уроженцы народы. Оттуда—то приносятъ вѣтеръ различныя смертельныя болѣзни.

б) Псковичи послаша послы своя (1407) въ В. Новгородъ и бивша челоуѣ, абы помогли на Нѣмецъ,—и не помогоша. И потомъ бивша челоуѣ ки. в. Василію Дмитріевичю, абы помоглъ бѣднымъ Псковичемъ въ тоша времени: и князь вел. разверже жиръ съ своимъ тестемъ, съ ки. Витолтомъ, псковскыя ради обиды. И баше тогда въ Псковѣ морь неврестаенъ; и выпроважиша ки. Данила Александровича, глаголюще: «тебе ради морь сій есть въ насъ»,—и

поѣхъ изъ Пскова въ Новгородъ, въ самый никодниъ день во осень. И послалъ Псковичи послы своя къ в. кн. Василью Дмитриевичю, и испросиша себе кызи, брата кызя вел. меньшаго Костянтина; и прѣѣха кн. Костянтинъ, во вторникъ на вербоной недѣли. И кн. Костянтинъ съ Псковичами смыслише и домовишеся Богу, създаша церковь въ имя св. отца Аванасія, въ единъ день, въ недѣлю (въ воскресеньи) и освещаши я службу совершиша, м. марта въ 29 день.

(П. С. Лѣт. V, 19—20).

62. Вихрь, дождь, громъ:

а) Того же лѣта (1419), априля 9, въ недѣлю при вечери, бури бысть велика вѣтрева, съ вихромъ, и туча и дождь умножили со градомъ, и источиши потокоша вода, акы рѣка сплила и молнии блистаюша и громъ страшный; и отъ того страха потрясеся земля, а людие ницъ падоша, а пономарь церковный бысть мертвъ; и во двѣ церквахъ, во св. Богородици на градныхъ воротѣхъ и св. царя Константина на Росткии улицѣ, иконы ополѣша отъ огня небеснаго. Якоже рече писаніе о громѣхъ и о молніяхъ: «аще отъ сраженія облакомъ точию молнія будетъ, иѣсть преждающе, но аби мимоходитъ и изгинетъ: аще ли съ ударяющимъ облакомъ, и къ сивъ снѣдетъ небесный блескъ огненъ, пламенно-виденъ, и съвокупится съ молніею, исходя долу (анизъ) творить сгорѣніе, его же валучитъ; се же наречется пожаръ.» Не вѣсть бо Владыка казнить, смертию тою нараскою осуждасть. Якоже бо и во единой болницѣ мнози на одрѣ лежать, да ниія отъ нихъ вѣставаются, друзія же отъ нихъ разлѣчными суды кончаются: тако же бо я о громогласнѣмъ томъ шибени, отъ матернихъ ндрѣ

младенца извергъ снабжаетъ, друговци же отъ рукъ матернихъ истергъ младенца суду предають, мать же младенца снабжаетъ; то кто изглаголетъ силы господня, како ли уѣсться смотрѣніе? Не видѣмъ есѣ громъ, ни рукъ человѣческихъ имѣеть, прерѣвая, превращая и растерзанъ подруга отъ ужикъ своихъ и чадо отъ родителя своихъ; но токмо повелѣніе владычье съ страхомъ творить, но прешеніемъ тѣмъ на молитву вѣстываетъ.

(П. С. Лѣт. III, 138; IV, 118—119).

б) Въ лѣто 6929 (1421). Въ Новгородѣ поведъ велика бысть въ Волховѣ, и свесе 20 городень Великого мосту, и бурѣ велицѣ бывша и разбиша эѣ воды и уличши мости, и храма мнози отъ основанія исторжены быша, мнози же воды ради на верхъ хоромъ живяше; а монастыревъ 19 обіять вода, яко ни иѣвию быти въ нихъ, и толицѣ скорби бывше, яко уже людие чающіиѣ потону нашедши на нихъ. И еще же паки и туча велика взиде, маія 19, съ полунощи, съ громомъ страшнымъ и съ шумомъ великимъ, въ полунощи молнии блистающіи и яко прозрѣти не мочно бѣ, яко бо чающіиѣ людие сожженнымъ быти отъ огня одного; понеже бо и туча она пришедше надъ градомъ ста, измѣняся отъ дожденосія огненное видѣніе, людие же всяко чающа пламени быти и пожигающа грѣшники, и ужасашася и начаши вопити: *Господи помилуй*, и прочее много моленіе, и обѣты приносяху Господевѣ и преч. Его Матери и всѣмъ святымъ, понеже бо камене изъ облака являшеся. Архіепископъ же Семенъ съ чюпомъ священнымъ и вси богобоязни людие, вшедъ въ церковь Премудрости божія, ницъ падше со многими слезами изъ глубины сердца со воздыханіи молящеся, такоже и по прочимъ церквамъ

священники и люди творяху, и тако предле нощь та страхомъ оутѣмъ; пришедшу же дню и бысть тишина, и туча она бысть не видна, и егда люди въ себе приидоша отъ страха оного.

(П. Собр. Лѣт. VI, 141—142).

См. еще IV, 207 подъ 1433 г.

в) Того же лѣта (1450) бысть чудо страшно во градѣ Москвѣ: м. августа 5 день, канувъ дни Спасова, предъ вечернею за единъ часъ, внезапно пріиде туча со востока на градъ, и бысть громъ страшень; по разгнѣванію Господа Саввоа, по умноженію грѣхъ хрестіянскихъ, прострѣли громъ верхъ у церкви у каменья св. Михаила архангела на площади, и поиде стрѣла въ церкви, и бысть чудо странно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви. Того же м. августа 13 день, пріиде туча отъ западныхъ страны на градъ Москву и вѣтръ великъ зѣло, и сломила крестъ у церкви св. архангела Михаила на площади.

(П. С. Лѣт. V, 270).

63. Сказаніе о трусѣ

(Твореніе Родіона Кожуха, дьяка митрополита).

Въ лѣто 6968 (1460) іюни 14. Нынѣ убо въ лѣта живота нашего прояви Богъ людехъ своихъ дивное и страшное чудо, въ день памяти св. пророка Іезекии. Мы убо и донынѣ знаменія прежде сего бывшаго въ писаніи св. книгъ прочитахомъ, а видѣніемъ такового страха во многопрешедшая лѣта никогда же узрѣхотъ, яко двесъ очима нашими страшнаго сего труса бывшаго видѣхомъ и ушеса наша исполнилася трепета сердець нашихъ, таковая отъ небесъ пришедша

грозная слышаша. Бысть бо велие знаменіе во градѣ Москвѣ сиево. Преже взиде подъ небесы туча на облацѣхъ и вѣсѣмъ зрѣти, яко обычай шествоваше воздуха носимо, и тако поиде отъ юга совокупляяся облакы по аеру воздуха (sic!) парящаго, по пророческому словеси: «сбирая яко въ мѣхъ воды морскія и молагаа во скровищахъ бездны»; и тако поиде ко вѣстоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже соловкуивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и тако распростанися надъ многими мѣстами, и бысть видѣніемъ туча грозна и велика велии. И пакы скоро шестіе свое возврати отъ востока къ западу, якоже скоростъ молоньи, и продолже дождь великъ на градъ Москву, на многие села и мѣста далече отъ града; повзвѣше въ ней вихоръ, вѣтръ силенъ велии, и по граду много си. церквей и покровение ихъ енесе, а на стѣнахъ града крови разлома, въ долу поверже силнымъ возвѣніемъ вихра паряща по аеру, и безчисленное хранивъ множество верхи ихъ сбиваше и на земли яко прахъ поверже, а цѣли храмины до основанія земли разоришася; а по селомъ и по многымъ мѣстамъ града того многи храмы св. церквей разнесе, а живущихъ людей въ вѣсѣхъ многи дома восхизая разметаше, твердо укрѣпленія человѣческая зданія, яко ничтоже вытѣвѣвъ разшибаше; сие же и древесъ неизглаголанное множество на лица поля падошася по многымъ мѣстамъ обрестъ града, восторзаемы и предомлаемы возвѣніемъ пужнаго и скороминушаго оного вихра, яко же въ писаніи о семъ гаголетъ: «страхе землю и емяте ю». Къ сему же пришедшему на въ вихру, и молоніямъ тогда блистаніе велие бяше и громъ тутѣше; но не толкъ и страшень, яко вихрь онъ возвѣлише велии. Якоже рече Господь: «не сіа ли вси собрашася у мене, и запечатѣшася по скровищахъ моихъ?» И сіа рече: «по-

острю мечь мой яко молнию и воздамъ мѣсть врагомъ моимъ, во время соблазна ихъ; азъ, рече, убию и жити сотворю, и нѣсть иже измѣтъ отъ руку мою». Того ради Богомъ посланнаго великаго страха, пришедшаго на ны, мнози во градѣхъ и въ селѣхъ людѣ въ той часъ живота своего отчаяшася, и другъ отъ друга прощенія прошаху, и слезы проливающе со въздыханіемъ къ Богу и моленія приносяще ползовахуся, и тако многими скорбями и сѣтованіемъ въ то время одержими бывше, мнрносяще гласъ воспріемши, ркуше: «Господи! утоли наше рыданіе слезное»; и тако плачущесе чающе уже конечнѣ своего живота лишитися. Мнози убо свидѣтельствоваху огнь въ тучи той видѣвши яко пламень распыхася отъ великаго ярости вихра, но нигдѣ же чему коснулся божіимъ запрещеніемъ. Тако же и въ селѣхъ отъ древесъ преломаемыхъ, отъ храминъ разрушенныхъ, отъ верховъ нмъ разсыпанныхъ, ничѣмъ же не вреди никого же отъ всѣхъ чловѣкъ народа, яже скота ихъ; но вся Богъ соблюде цѣлы отъ смерти, ничѣмъ не врежены, развіе храмовъ разрушенныхъ и потребныхъ въ нихъ; а пахатное жито сѣмена на лаци поля со землею смяте. И тако молитвами великихъ нашихъ святителей и чудотворецъ, предстоящихъ престолу божію, Николы великаго, и Петра м-та, и Алексія снастольника его, и Леонтія еп. ростовскаго, и св. чудотворецъ препод. Сергія и Варлама и Кирила молитвами и предстояніемъ ихъ къ Богу, благопріемъ князей вел. Василья и Ивана сына его, также и архіепископа нашего Іоны м-та молитвою и всѣхъ православныхъ, вскорѣ сотвори Господь милость свою на боящихся его и пощадѣ насъ. Якоже нѣкогда пощадѣ о Ниневіи градъ величѣмъ и обратися отъ злобъ своихъ, еже, рече, восхотѣ сотворити имъ и не сотвори: и пынѣ также въ малѣ часѣ переведе черезъ градъ ве-

ликаую тучю, и того нужнѣ волнуемаго на ны вихра укротл, и тишину воздуха всячески намъ дарова; по пророческому, яко же рече: «не до конца прогнѣвается, ни въ вѣки враждуетъ Господь, ни по беззаконію нашему сотвори намъ, ни по грѣхомъ нашимъ воздастъ; во утверди Господь милость свою на боящихся его.» Того ради ещевая страшнаа намъ знаменія являя, наказая ны, хотя ны отлучити отъ грѣхъ, да не до конца увязнемъ въ сѣтѣхъ козней дьявола ловленія; яко же рече Господь: «обратитесь ко мнѣ, сынове чловѣчести, и покажу на васъ милость свою и возвращу ярость свою отъ васъ; зне яко тысяща лѣтъ предъ очима его, яко день вчерашній, иже мимо идетъ; лѣта же наша яко паучина паучахся съ трудомъ и болѣзнию въ животѣ нашемъ.» И тако мало дній препроводивше въ будущаа онамо преходимъ; иже здѣ богоугодѣ поживши, то и онамо отъ Бога благая воспріимутъ, а творящии злая въ мукѣ послани будутъ. Того ради, братіа, видѣвше таковая намъ страшная знаменія бываемая, да разумѣемъ яко Богомъ ещевая послана суть; мы же видѣвши сіа воспріемъ яко отъ сна убудившеся отъ похраченій грѣховныхъ, и умигчимъ нивы сердець нашихъ, и притечемъ къ Богу, со умиленіемъ припадающе и со слезами воиюще, милости просимъ, покаянія о грѣсѣхъ положивше спасеніе получимъ, сердечнѣ слезы проливше грѣховъ очистимся, милостыню подавше спасеніе получимъ; и таковая убо сотворше, добръ благыхъ отъ Господа насладимся, небеснаа селенія воспріимемъ, по святыхъ кровѣхъ упокоимся, идѣже праведни почиваютъ. Аще ли же такового на ны отъ Бога посланнаго великаго и страшнаго труса, еже вмаѣ отъ глубокыхъ сокровищъ своихъ показа намъ отригновеніемъ оного духа, паряющаго по воздуху, и толики отъ него страсти быпшаа презримъ; то како не прогнѣваемъ спсого

Владыки и живителя всей твари? Якоже Приточникъ рече: «Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать»; что же ли смиреніе? не обѣщаніе ли отъ злыхъ, еже творити молитва съ покаяніемъ и со умиленіемъ къ Богу? по апостолу, яко же рече: «да отъ злыхъ избѣгше съ правдою проживемъ, чающе блажена унованія; страшно бо есть впасти въ руки Богу живу, не имущу кому бланыхъ дѣлъ». Того ради покаемся отъ злыхъ, и тако помолимся умиловившимъ своего Владыку, да ны, прогнѣвавшая рабы, избавитъ отъ

толика страшнаго труса, отъ глада же и губительства, и отъ пашествія иноплемennыхъ, и отъ междоусобія брани, и отъ всякаго нужа, и отъ всякаго зла: Богу нашему слава въ вѣки, аминь.

(Н. Собр. Ллт. VI, 182—184; VIII, 148—149).

Это твореніе московскаго дьяка Кожухъ служить характеристическимъ образцомъ красноречія XV в. Тогда простой, краткій и сильный языкъ считался низкимъ: витѣватость же, напыщенная украшенность и растянучость составляла отличительныя черты высокнхъ твореній.

Б. ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ.

64. Пророчество св. Варлаама о снѣгѣ и о мразѣ.

Егда быше въ животѣ препод. Варлаамъ, и приѣде св. Варлаамъ в вел. Новѣградъ ко архиеп. Антонию благословитися. Архиепископъ же заповѣда препод. Варлааму пакы с недѣлю помедливъ прѣхати к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлахъ побесѣдовати. Св. же Варлаамъ рече ко архиепископу: «аще Господь повелитъ, господине св. владыко Антоніе, буду оу твоихъ салтыни благословитися на первой недѣлѣ петрова посту в пятюкъ на снѣхъ.» Святитель же, слышавъ от оустъ св. Варлаама, в сумнѣни бысть, что хоцетъ святыи в пятюкъ первый недѣлѣ петрова посту прѣхати на снѣхъ. Стыдыше же (ся) вопросити святаго о ващп. Бысть же по пророчеству св. Варлаама в петровѣ постѣ на первый недѣлѣ к пятю на ноцѣ нае снѣгъ великъ въ поясъ челоуѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутрѣ приѣде св. Варлаамъ в вел. Новѣградъ ко архиеп. Антонию на снѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожь въ цвѣтѣ прибило. Св. же Варлаамъ нача утѣшати свтителя душеполезными словесы: «Не скороби (ти), по паче благодарити Господа нашего Іис. Христа и пречис. его Матерь Богородицу и всѣхъ св. великихъ чудотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще, св. владыко Антоніе, не послаа бы Господь Богъ

снѣгу и мразу, погубнута было людемъ от глада: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ подустити гладъ, и молитвъ ради преч. Богородица и всѣхъ св. великихъ чудотворцевъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в корени ржаномъ во всякомъ обилии черви изомроша, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и божимъ промысломъ и повелѣніемъ будетъ теплота, и той снѣгъ за дождевую тучу одоитъ землю и плоды всякия земныя.» Еже и бысть по пророчеству св. Варлаама. Святитель же архиеп. Антоніи, снѣгъ слышавъ глаголы от св. Варлаама, вели оужасеся о предивномъ божии милосердіи и о неизрѣченныхъ божихъ судьбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель св. владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгнуть класы ржаные и с корнемъ. Шедшы посланни на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с корнемъ, привесоша тоу въ келію предъ архиепископа Антонія. И видѣ Антоній а корени ржаномъ много множество червей и измерившихъ от снѣга и от мраза, прославиша Бога о бывшей божии милости. По пророчеству же св. Варлаама, на оутрѣ, еже в субботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и растая снѣгъ и оупоя землю, и оуважи яко же дождевою тучю. Божимъ промысломъ и повелѣніемъ, рожь тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыа Богородица и великихъ чудотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чудотворца. Святитель

же видѣть збывшееся пророчество св. Варлаама, того же лѣта оугоубыше велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молятвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ ради великихъ чудотворцевъ, и молятвами св. Варлаама чудотворца.

(Пам. стар. рус. лит. I, 277—278).

65. Изъ бесѣды св. Андрея съ Епифаніемъ

Вода, яже изъ облака исходитъ дождемъ, съ небеси ли исходитъ ци (или?) отъиудѣ въ облакъ входить?—Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, па облацѣхъ. Да и дуга бо помыслинемъ божинъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхъ, и изливаетъ облачной воды; да егда повелитъ Богъ здѣти дождь на землю, восходить шумъ изъ трубы дужной, а той дукъ есть бурень вѣлмыи и смущающаяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облакъ, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ челоуѣкъ павыкая называть гроломъ, понеже скрежетъ облакъ, готови путь, да быша прияти воду, да егда придетъ духъ правый громный и отпуститъ облакъ, тогда пакы входить другій духъ воду кровя, скрежеща и гремя, наполнии облакъ водой, яко же я губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержавшее ихъ и воду, и прежь лойдетъ духъ сущій въ немъ съ громомъ, пути твореи водами, хотящими прияти на облацѣхъ, да тако пуцаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови гремятъ, громъ бо приходить предъ водою, множицею же и безъ грома бываетъ дождь. Но не о себѣ сами ти облакъ дождь даюгъ, а владыка Богъ имоетъ къ нимъ приставилъ есть, да ихъ направляютъ и на всю тварь небесную. Епифаній рече: откуда исходитъ молнія?—Андрей рече: трубы облачныя собирають отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напившися восходятъ изливаютьъ изъ себе воду ту, а входяще скорѣныя бѣдныя приелють ю въ сокровенныя бездны: да егда наполнятся отъ нея, тогда проливаются на землю и вси наполняются и отходятъ на страну свою и на мѣста своя и пребываютъ недвижущеся. Потомъ же рече: молнія есть утверждение, есть сокровище тѣмъ и содержитъ въ себѣ воду ту, поядаетъ ее всю соль и всю скверну, аще есть печиста или морская вода во облацѣхъ тѣхъ, и сходитъ ангелъ господень явѣ, древомъ чеснаго креста расслаждаетъ и очищаетъ воды тѣ, та же потомъ молнія приходитъ предъ громомъ, устрояюще путь сущій во облацѣхъ на низу земли и прежь очищаетъ и приготавливаетъ. Да аще случится бездождю, то облацы рѣдцы слагаетъ на напра-

во, множицею же аще будетъ пообилу (обильное) исхожденію ея, да свѣтлицы ходитъ до земли свѣтащися облетающися, всену же ся прикоснетъ, а ужиганія бо силу имать въ себе силу большую земнаго огня, хладнѣй же небеснаго неугасимаго огня, якоже Богъ спомолюмо сотворивъ па потребу громови; по мое есть сіе слово едино, — и пророковъ псаломъ 134 се же глаголетъ о ней: «молнию въ дождь сотвори Богъ.» — и пакы другій пророкъ глаголетъ: «молнія, рече, направляя воды подремлю (погребамъ), разсыкая капля по облакомъ.» — Дождь есть же молниинъ родъ отъ небеснаго огня, якоже солнцо имѣетъ зарю сіяніе есть сущему верху на тверди, па ны же огонь разумѣи таковъ сущоствомъ, ого же Илія пророкъ молятвою сведе на полѣна и на жертву волову и па іереръ посрамленія на аса сили Езавелевы; и того огня сіяніе молнія есть, иже спадаетъ съ небесъ молятвами пророка. Полизахалса и полѣна, воду и землю, ого же силу видѣвши вси позопиша: *едина Богъ Израилевъ, а иного нѣсть.* ... Блаженный рече: по праву ли се глѣбцы глаголютъ, яко Илія пророкъ на колосницѣ ѣзда грезитъ и молнию пуцаетъ по облакомъ и гонитъ аминъ? — Святый рече: не буди, чадю, того саму тако бытъ. Велико бо безуміе се есть, еже и слухомъ примати слышати: челоуѣцы убо умомъ суще не помни первые, и тако по своему безумію прельщеніи и тако написаша се. Ино глаголаше, яко Христосъ врабѣя дѣлаша каломъ предъ Жидами, и дупуеъ на ня пуцаше, — и летаніе; и пакы глаголаху, яко сибѣтъ мука есть бѣда; да якоже се лжа, тако и то есть лжа, — естествомъ написали, но всякому челоуѣку достойтъ отнюдѣ не слышати ихъ всякому хрестіанину. Много бо лжуще дѣшеницы написали: Илія бо па небеса не възде; не буди того, ни па колесницы свѣдѣти и благодати имѣетъ на дожди, да ся помолитъ Бога, да въ годину бездождя милосердовавъ дасть дождь жаждущимъ людемъ, а па небо не вышелъ есть никтоже, но единъ Сынъ божій, яже есть на небеси; а Илія живъ есть, но есть на земли во плоти своей, — никто же его не знаетъ. Живъ есть и Евохъ, посродѣ людей ходитъ и никтоже его не знаетъ и не вѣсто (не вѣдомо); но едины суще достойныи призывающися Богу по праву. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ и есть въ міръ семь, якоже жемчюгъ посродѣ жала, и оставленъ есть на земли во плоти вмѣсто Іисъ. Христа... Да тріе сія живи суть до кончины вѣка сего, со антихристомъ борющеся и обличающа и тако мучения вѣщны примуть отъ Христа Бога. А иже молнія ждѣтъ, сія не прию, (объ этомъ не спорю); право бо то есть, по не св. Илія пуцаетъ молнию, не буди того; но ангелъ господень представляетъ есть на се... И егда (дьяволъ въ образѣ змѣи) изыдетъ въ гнѣзда своего, хотя предати насъ погубити

человѣка, да видѣть его Богъ съ высоты своей, не хотя насильнику проклятому волѣ ему дати надъ родомъ симъ челоувѣскимъ, велитъ ангелу *авио* (?), громѣти начепеть на змыю и посылаетъ молину трубу и пождетъ его; даволъ же ихъ есть змыя зацитити его хоти, взываетъ его и бѣжитъ съ нимъ, боися молнии. Бѣгая же дабы ся и челоувѣку прильпиться, да не того же ради избавится онъ, но вѣдая Богъ мысль, проси и того знаменн, дасть есть ангелу молину, рекъ: либо другъ, либо врагъ, сирѣчь—либо еще инъ св. челоувѣку прибѣгнетъ, да зажжетъ и того съ нимъ; да я святому, гдѣ его постигнетъ, либо у древа, либо на полѣ, либо во храмѣ, либо въ кораблѣ, или къ челоувѣку прибѣгнетъ,—ту его поразивъ сожжетъ, а тѣло змиево невидимаго змыя, оного сатану пожигая молниєю соузы нерѣшимыми свяжетъ до скончанія правата воеданія.

(Рик. Калинин. Духовн. Акад. № 219 и 813, л. 544).

Также рик. профессора Казанскаго Университета *И. И. Булича*, л. 40—42. Въ заглавіи этой рик. выстро Евангеліа означено — *Евангеліа*. Рик. ака XVIII в., но весьма вѣрна древнему тексту.

66. О солнцѣ, како сотворено повелѣніемъ божиимъ.

(Изъ книги Гротографы).

Величество солнца больше 30 поприщъ, видимо же мало есть, пожеже отъ земли отстоитъ высоко. Одежда и вѣнецъ царскій на немъ, а ангеловъ господнихъ 14 тысячъ, по все дни хождаю съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни совлакають съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престоли господни; а у солнца останутся по три ангела и снабждаютъ солнце. И далъ Богъ 100 ангеловъ облачать солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы, нарицаемыя *фениксы* и *кадмавы*, летаютъ предъ солнцемъ и обмакуютъ крылы свои въ водѣ окыпстей, и кропятъ ими солнце, да не попадутъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго и тѣмъ птицамъ періе обгараетъ, и бывають голи, яко окропленіи и наки куцются въ окыпѣ, и обновляются. Того ради и петь пророкъ нарицается, имѣетъ подъ крылами своими перо блго инакъ птицъ. И егда солнце (зайдетъ?) на западъ, тогда у петья испорбитъ перо, когда же двинутъ ангелы господни одежду и вѣнецъ отъ престола господни, тогда пробуждается петь, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылами

своими: 1) проповѣдуетъ миру воскресеніе и ангелъ правды, 2) подаѣ, светодавача Христе, и послѣ свѣтъ твой всему міру, 3) Христосъ животь есть и вся совершаетъ, и такъ петь пѣснить до свѣта, творца своего величаегъ, праведнымъ радость возбѣщаетъ. Аминь.

(Письма Рыбникова. IV, 184—185).

См. Очерки Буслаева I, 501—502.

67. Суетѣрія и прамѣты.

При изислѣдваніи мадательныхъ и астрологическихъ книгъ, также суетвѣрій народныхъ, русскіе грамотники могли руководиться статьями греческаго происхожденія. Въ Ризанской кормчей 1284 г. многа статьи направлены противъ волхвовъ и обавниковъ, чародѣевъ и узольниковъ, преслѣдуются скрамныя мированія, какъ еллинскія предостъ, сколороли, вожденіе медовден на сумлене, каланды, которыя свѣщали съ Колядою, ниже въ получаніи (въ случаи, въ судьбу) върують и въ родословіе, рекше въ Рожаница. Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV в. въ правилѣ Греческаго собора сизано: «Аще кто обрѣщетъ колесницы юнцѣ (агтеръ?), или соплѣмъ, или пласецъ, или (и) подрузникъ, либо рекше ирица, или ирѣчь, или корчелмникъ, или вербопопиевъ, или чародѣвъ, или обавникъ, или чарамъ учитель, или наузотворецъ, или зыздопиевъ, или волхвовъ, или усконоецъ, или зромникъ, или колядникъ чтець, или метаньемецъ, или розоимецъ, или въ стричю въружъ,—да останутъ ся тою, или да отлучатъ ся отъ церкви. На основаніи подобныяго приаизъ въ статью о Ложныхъ книгахъ постоянно заносили указанія на различныя чисто-русскія суетвѣрія и так. обр. составился изъ длинный перечень, который служитъ богатымъ матеріаломъ для изученія воззрѣній нашихъ предковъ на міръ и жизнь. Проставляемъ полный списокъ суетвѣрій:

А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ нагубу. Первая книга *Мартолова*, рекше *Осиролова*, вторая книга *Остронома*; третья *Землеморіе*; четвертая *Чаровникъ*,— въ нихъ же суть 12 главизнъ, статьи, дююнадесять опрометныхъ лиць звѣриныхъ и птичьихъ,—се же есть первое, тѣло свое храняще мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ,—и совою,—рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, и волкомъ, летаютъ змеемъ, и рыщутъ рысою и медвѣдемъ; 5) *Громникъ*. 6) *Молнияникъ*, 7) *Мѣсяцъ* окружится, 8) *Коледникъ*, 9) *Метанъ*, 10) *Мясельникъ*, 11) *Сноусудецъ*, 12) *Волхвовникъ*,—волхвующе птицами и звѣрями, еже есть се:

храмъ (храмина, дома) трещать, ухозвонъ, воропограй, курокаликъ, окомигъ, огонь бучить песь выеть, мышепискъ, мышъ порты (бѣлье) грызеть, жаба воркочать (квоцаетъ), кошка въ онѣ, мышца подрожать, сонъ страшеть, слѣнца стрѣтять, изгорить нѣчто, огонь пичить, искра въ огня прилетѣть, кошка мывається, падотъ человекъ, свѣща угаснѣть, конь ржетъ, волъ на волъ (вождоидитъ), пбточникъ различныхъ птицъ, пчела (носта), рыба (воотропецетъ), трава шумить, древо о древо скрипитъ, листъ шумить, сороска пощечетъ, дятель, желна, волкъ воетъ, гость (горестъ) придетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ (лопатничникъ) и прочая волхвованія различная

Путникъ, книги, въ ней же есть написана о стрѣчкахъ и коби всякия еретическая, о часѣхъ злыхъ и добрыхъ, еже есть Богомъ

(¹) Всяма интересны объясненія и прибавки въ спискѣ XVIII в.: ...И пса слушаютъ, и кошки мавкають. Или гусь кокочетъ, или утица крикаетъ, и петель стоя поетъ, а курца поетъ—худо будетъ; конь ржетъ, волъ рветъ, и мышъ порты грызетъ, и хоръ порты портитъ, и таракановъ много—богату быти, а свершцовъ—также, и мышъ въ жнивь высоко гнѣздо советъ—и сѣтъ великъ будетъ и много будетъ; кости болать и подколѣшки свербѣть—путь будетъ; и дѣлкъ свербѣть—пѣнази нѣтъ; очи свербѣть—плакать будутъ; и встрѣча добрая и злая—и скотыня, и птица, и звѣрина, и човѣчесская; пѣзъ хруститъ, огонь бучить, и искра прилетѣть и дымъ высоко въ избѣ ходить—въ породѣ, и березъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе мѣзныкрые тлѣуть, и облаки дождевыя и снѣжныя и вѣтренныя, и грошь граить, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрипаетъ, и волки воютъ, и бѣлки скачутъ—моръ будетъ и война встанетъ, и вода пребудетъ, и плодотъ въ лѣтѣ въ козѣ не будетъ или умножится, и зори смотрѣть, небо дреседуетъ—ведро будетъ; и пчелы шумитъ—рой будетъ; и у яблони хвостыны колотать, да яблоня будутъ велики.... (Не тавяше да будутъ проклѣти - (Опис. Рум. Муз. 351—352). Словомъ—дреседуетъ въ Ростроно, губер. означаютъ волоніе возауа, которое бывають среди самага жаркаго лѣтняго дня, и считаютъ это явленіе предвѣстїемъ надолго установившейся хорошей погоды. Въ одной церковной пѣснѣ сказано: «Черпнуеть бо ея небо дреседуетъ». (Замѣчаніе А. М. Грудова).

отречено, о дѣлѣхъ лунныхъ (лунавылѣхъ), что въ первый день луны небесныя сотвори Богъ Адама, — еретики написано. А не въ первый день луны створи Богъ Адама, — пожеже солнце и луну и звѣзды небесныя сотвори Богъ въ четвертый день въ среду, Адама же сотвори Богъ въ шестой день въ пятокъ. Како хочещи, пекыгласе, во едипъ день рождене Адама съ луною исповѣдати, преже солнца и луны; (почто неразумнѣ) вѣруещи еретическимъ джамъ, а оставя божіе писаніе, иже ти (еретицы) всю тридесѣть дни на лжу списаша? Такоже и прочая коби о мученицѣхъ и о благовѣщеніи, еже суть книги еретическія. — Раоли и Алмаканъ, Звѣздочетъ, о 12 звѣздахъ, другой Звѣздочетъ, ему же имя Шестодневъ, въ нихъ же безумныя люде вѣрующе, волхвуютъ, ищуще днѣй рождениа своего, савовъ получения (савомъ почитенія), и урока житію, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и вазней (счастія) въ службахъ и въ куплахъ и въ ремеслахъ, (и въ службахъ, и временемъ) ищутъ своимъ безумнѣмъ, оставя божію помощь, и призываютъ бѣсовъ на помощь, а не вѣдуще божіихъ судьбъ, яко пѣсть се божіе повелѣніе, ни отъ св. апостолъ св. отцемъ предано, но Богомъ ненавистно и мерзко Богу бысть, второе идоловѣріе, отъ бѣсовъ еретики наслѣло невѣжанъ, на пагубу душамъ, аки плевель посреди пшеница, раздѣлающе пламень вѣчныхъ мукъ, по Господню словеса, еже рече: «черъ ихъ не уируеть, и огонь ихъ не угаснѣтъ.»

(Лѣтн. зап. Архивир. пом. 1861. вып. 1; изд. 28—44, 52—3).

См. Г. Экз. Болгар. 298—212; Обзор. Корич. Резовкишича, изд. 2. Спб. 1839 г., 186—190; Русъ раск старобр. Шапова, 149—152.

Видѣлъ на землю, какъ на живое существо въ Слово Серапіона. О дуалистич., созданіи міра: въ статьѣ «О Волхвѣхъ». Также: Лѣтн. рус. литер. 1859, II, 100 Рус. Бес. 1857, IV, 2, 101—103. Паденіе бѣсовъ съ неба въ разныхъ мѣстахъ: Прав. Собес. 1859, фев. 230. Описки и заговоры: Слово Моисея о ротахъ. Головъ отъ волхвованія, откапыванье изъ земли утопленника и удавленника: «Слово Серапіона». Мысль о концѣ міра: Сл. Кирилла 1274, Сл. Серапіона.

3) ВИЗАНТИЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

68. Изъ Сборника Святослава 1073.

Мѣсяци по Римлянемъ, о различныхъ мѣсяцехъ. 1) марта 31 сладко яждь и пей, 2) априля 30 рѣпы не ѣжь, 3) мая 31 поросате не яждь, 4) июня 30 въ часъ вторый пей воды мало, 5) июля... 6) августа слѣза не яждь, 7) септемвра 30 млѣка не яждь, 8) октявря 31 не яждь оцтыана, 9) октября 30 не мыйся часто, 10) декабря 31 капоусты не яждь, 11) януара 31 въ часъ 2-й пей вина цѣла мало, 12) февруара 28 сеукла не яжь.

(Христ. Буслаева 265)

Оцты—уксусъ, оцтыана—кислаго. Цѣла—цѣльнаго, безъ прибавки воды. Сеукла, сеутль, греч. *сеутилон*—свекла. Описание сборника Святослава 1073 г. помѣщено въ „Опис ркп. Рум. Муз.“ А. Х. Востокова. „О дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ“ см. Памяти. отречен. р. литер. Тихонравова. II, стр. 389—395 по. ркп. XV в.

Замѣчательно, что соотвѣты Изборника Святослава занесены въ Лѣтописи XVII в. почти буквально (Ркп. Соловец. библ. № 28, л. 53).

69. О злыхъ женахъ.

а) Чѣсо ради рече апостоль, учить же-нѣ не вѣлю.

Имъ же учи единою злѣ (на зло) Адама: прѣжде бо прѣслушания равночѣстна бѣ мужу жена небонъ имъ же бесѣдова Богъ глаголы о създании мужей, яко же бо и о томъ рече: створи мѣ человека по образу и по подобию нашему, а не рече: да будетъ человекъ; также и о томъ не рече: да будетъ же-

на, нѣ (но) и съде створимъ ему по-моштыницю по нему. По грѣсѣ же:—къ мужу твоему обращение твое в тѣ (той) тобою обладаетъ, створи хъ тѣ, рече, равъ-ночѣстну и не потребова добрѣ властью да прѣступи на повинование не сътрѣлѣ свободы, то прими работу, не умѣ вла-сти, то буди убо обладома и мужа позна и господина, и тѣ да господствуетъ ти: къ мужу твоему обращение твое, рекъ-ше. подбѣжище твое, пристанище твое, безблание твое,—да сего ради убо женѣ учить не вѣлю рече ни власти мужемъ, небонъ учи единою и господствова и всѣе разврати, нѣ быти въ млѣчании глаго-летъ же и вину. Адамъ бо, рече, не прѣблштенъ бы, жена же прѣблшена въ прѣступѣ (въ преступлении) бысть, сего ради и отъ учительскаго съврже прѣстола, иже бо учить не вѣсть, то да выкнетъ (1), аште ли не хо-шеть учитися, нѣ учить, то и себе и учаштаяся припогуба (погубить) е еже убо и о женѣ тѣгда бысть, да сего дѣля рече: жена въ млѣчании да выкнетъ въ всякомъ повиновании; неповиновение бо ея и прѣзорство (презрение, дерзость) всемирную бо пагубу и погряzenie наве-де, рече бо мудрыи: отъ жены начало всему грѣху и тою умираемъ вси. Глаголетъ же и притѣчаникъ: мнози из-вивъши съврже и безчисла суть, яже изморн, тѣмъ же учить, рекый: не по-слушай злы жены, медь бо каплетъ отъ устъ жены блудны, иже въ мало врѣмя осладитъ твои грѣтанъ, послѣжде же горь-чые злѣти (желчи) обратиши и обо-

(1) Въ молчании пребываетъ, навикаетъ.

стрѣнѣ паче ножа обоюду остра и жена чьстѣныхъ мужъ улавляе дума и въкрилена есть и блудна въ дому не млъчнѣте позѣ еѣ, время бо въсколко вънѣ плавае, время же въ стыгнахъ въ всѣхъ аглахъ ласеть и путѣ адоу—путѣ ея, съводяште въ кровништа съмырѣти, и не въсты студа, сѣде бо въ двѣрхъ своего дому на одрѣ явѣ въ стыгнахъ призываюшти мимоходы, и адѣ и похотѣ женска—и гроза и земля ненасыташѣся воды, и огнь и вода,—не рече та: довѣле, и такъ путь жены любодѣица, яже егда сътвори отъмывѣшѣся, ничто же ся мѣни сътвориши бесчѣстна; и уае жити въ землѣ пустѣ или съ женою язычною и которивою, и акы чрвь въ дрѣвѣ, тако же мужи погубитъ жена злодѣица,—и яко же капля изговѣтъ челоуѣка, тако же и жена язычѣва отъ хлѣбницы его; и яко усерязъ златъ въ поздрѣхъ свинии, тако же и женѣ злосмыслѣнѣ краса,—и съборѣицъ обрѣтая рече: горчѣе паче съмырѣти жеву, яже есть ловъ и сѣтъ срьдечная узы въ руку ея и бл҃гынѣ прѣдѣ лѣпымъ е божлемъ възбудетъ ея, съгрѣшала же увязнетъ въ ней и челоуѣка единого отъ тысящѣхъ обрѣтохъ блага, жены же въ всѣхъ тѣхъ (тѣмъ?) не обрѣтохъ, тако же убо и Сирахъ учить глаголя: не дажѣ женѣ наступити на силу свою и унѣши злоба мужьска и еже добро творящи жена и всяку язву, а не язву срьдечную и всяку злобу, а не злобу женьску, выше главы змыны мѣвать злобы выше злобы женьскы, и жити съ лѣзвѣмъ и съ змынемъ излоуи и лѣ жити съ женою злагоу; злоба бо женьска прѣмѣнитъ очи свои и посунѣти лице свое, акы медвѣдица и акы въсходѣ пѣсѣчѣнъ подѣ ногоу старѣцю, тако же жена мужу млъчялаву и волун и ярымъ зыбася жена зла, дръжася по ну акы дръжася по скаръпию; и не упадася на доброту женьску и жены не възделѣи; и не дажѣ водѣ исхода, ни женѣ злѣ дръзновения ва ся;

аште ходитъ подѣ руку твою, отъ плоти своея отъсѣи а, и гнѣвъ великъ жена пьяна, и студа своего не прикрѣтитъ, и акы жажда путѣицѣ уста отъверзе и отъ всякой воды ближней испитъ и у всякого колу сѣдетъ и противу стрѣлѣ отъверзетъ туль, и блудъ женьскъ въ възирани очѣнѣмъ и въ въздахъ ея познана будеть; и аште дѣштери пмаши, блудѣ тѣлесѣ ихъ я не утиши лица своего къ нимъ о дѣштери свои утвѣрди храненне, да не обряште просторъ и възлѣзе въ прокуду, и сътворитъ тя смѣху врагомъ и потяжѣбу въ градѣ и острѣмитъ тя въ множествѣ народѣ; и жена зѣла чьстѣ зла мужу грѣшѣу дасться, да въ лѣпоту бо глаголаше Богъ къ немъ по прѣступѣ: множа умножу печалѣ твою, многы бо печали и стѣнания и болѣзнь и туги, намъ бысть податѣница; тѣмъ же рече въ печали родиши чадо и къ мужу твоему обращенне твое и тѣ да обладаетъ тобою. И сего дѣла законъ полагае апостолъ рекыа: жены своиѣ мужемъ повинуются, акы господевѣ, яко глаза есть женѣ мужъ, яко Христосъ глаза есть церкви, да яко же церковь повинуется Христу, тако же и жены мужемъ своимъ и съжде и кошту вы да вѣсте яко всякому мужу бо нѣсть дѣлѣ жнѣ покрывати главы, образъ и слава божѣа сы, жена же слава мужевѣа есть, не бо есть мужъ отъ жены, въ жена отъ мужа, не бо създанъ бы мужъ жены дѣла, въ жена мужа дѣла, и жены ваша въ съборишѣи да млъчатъ, не бо есть повѣлено емъ глаголати, яко же и законъ глаголетъ: аште ли что хотѣти навѣнѣнѣти, въ дому своихъ мужъ да въпрашають: гнусно бо есть женѣ въ съборѣ бесѣдовати...

б) Тогоже отъ того еже о Иродиадѣ.

Никыи же убо анѣрь тѣчѣтъ (подобенъ) женѣ злѣ и язычнѣ, чѣто бо есть

льва люте въ четырьножиныхъ, что ли буя е змѣя плѣжущихъ, ни ничто же тѣхъ развѣ злы жены; а яко же левъ и змѣя хуже есть въ злѣ съвѣдѣтельствуеъ мудрый глаголя: жити съ лъвѣмъ и съ змѣею извои, неже съ женою злою, небонъ и льви Давида въ ямѣ усумишася, Науеѣ же Незавель уби; китъ же въ утробѣ Иону съхрани, Далида же Сампсона остригши иноплеменникомъ прѣда; змѣя же и аспиды и я рогатыи Иованна въ пустыни вѣстрѣташа, Иродѣеъ же на обѣдѣ ѿ устѣну; враги Илью въ пустыни прѣкрѣмаша, Незавель же по благодѣти дѣждевѣи на убои гоняше ѿ, и убоаяся бѣжа въ пустыню, путь чотыридесѣти дѣни и уставъ прошае смръти, рекый: Господи Боже, дозвѣте чина убо, изъими душу мою, яко не уни есмь отецъ моихъ. Ухъ мѣ, пророкъ убоая жены, яже бо всѣго мира дѣждь въ языцѣ ношаше, яже огнь съ небесе словѣмъ съведе и молатвою мрътвѣца възкрѣсѣвъ, жены убоая! Ни едина бо злоба иѣсть тѣбѣ (равна) жевъ злѣ, съвѣдѣтельствуеъ ми и словѣмъ мудрый, рекый: иѣсть главы выше главы змѣи, и иѣсть злобы выше злы женскы. О злое же дѣволе и острое оружїе! Женою бо испрѣва Адама въ породѣ потопа, женою Иосифа затвори въ тѣмьници, женою Давида на Урино убиство възбѣси, женою прѣмудраго Соломона на прѣступленїе развратѣ, женою Сампсона ослѣпи, женою Илью прогнѣ и Прѣдтечу хризова устѣну, женою вся заколаеъ, вся коритъ, вся убиваетъ вся хулитъ, вся цотязаетъ (ругаетъ); жена бо безстыдна ничѣсо же не сумѣтѣся, ни пророка стыдѣтѣся, я святивѣла сражѣетѣся, ни сѣдинъ чѣтеть. О зло, зла злѣе жена зла! Аште убо и убога есть, то злѣю (зломѣ) богата есть; аште ли и богатѣство имать золобѣ ея помогающе, сугубо зло: не стѣрѣли животь, не дѣлѣюшти недугъ, не

укротимыи звѣрь. Азъ бо видѣхъ и аспиды кротамы украшѣтѣся, и львы и тигры и рыси ласкаемы кротѣются, жена же зла и корима бѣетѣся и квочима вышѣтѣся. Аще и мужа има князя, вошть и дѣнь словесы ѿ поуштающѣ на убѣство: остриъ акы Иродова Ирода; аште ли имать убога мужа, на гѣвѣи и на которы (ссоры) ѿ подвизае: аште и въдова есть, сама собою вся коритъ, вся потязаетъ страхѣмъ бо божїемъ не възсхлѣпѣаетъ (не обуздываетъ) си языка, ни на будущее суждѣне възпраетъ, ни къ Богу възводи очю, ни любѣнаго вѣсть закона хранити. Ни что же бо есть жевъ злѣ прѣдати мужа своего на смръть, небонъ и праведнаго Иова своя жѣла на смръть предаваша рекути: «рѣкъ иѣчто слово къ Господу, и умѣря». О, изволенїя зла! О разума не прѣподобна! Не помѣлова аидѣшти своего мужа утробу отъ възгарающѣихъся прыпѣти, акы на углѣхъ лежашю и вся плѣти его чрѣвѣми изѣдаему, не прѣклонѣся на мѣлость, видѣшти ѿ всего всѣческы стѣнушта и тужашта и чѣсто изъ боку гнои испушташта, не умягчѣся на милосердѣе, видѣшти вынѣ на гнои лежѣшта нага и гниюшта, яже бо нѣкѣгда въ цѣсарѣствѣ и багѣрѣвици, не помѣну бывшѣа прѣвѣе къ нему любѣе и обычае, и елико же его дѣлѣма велика бѣ и славна, въ рѣкъ что слово къ Господу умѣря. О благодѣти жевѣска, о утѣшенїе болѣзньмъ, и любѣе супруга! То не дозвѣлаше ли ему малогодная болѣзнь, въ вѣчѣную ему подаше хулы дѣла муку. Хотѣли ли и другую видѣти злѣца сѣя супружѣю жену? Сѣмотри ми Далиды, како своего мужа остригши и сѣвязавши, иноплеменникомъ прѣда свои удѣ, своего мужа, его же грѣаше, его же ласкааше, его же обლობѣзаше, его же паче себе любѣшти лицѣмѣроваше, его же вѣчера любѣаше, дѣньсѣ прѣлѣштааше, его же вѣчера грѣаше любѣшти: то еда не

бѣ краснѣ, то кто его бѣ краснѣи, иже и седмѣ пленищ на главѣ ношааше, седамьроствѣтлѣными благодати образъ нося, или еда не бѣ добръ, то кто его бѣ добрѣи, иже и лѣва единѣ на пути срѣтъ уби, и едипою челюстью осѣлюю тысящѣу иноплемениникъ побѣ, нѣ и тольми бѣаше свѣтъ, якоже възяждавшю ему дрѣвле въ оскудѣвшия воды помолитися и отъ дрѣвнѣмыя въ рупѣ челюсти мрътвѣ воду источити и отътуду почьрпатѣ. Тоже такоо красна и такоо добля, такоо свята, своя жена акы ратыника съвязавъши иноплемениникомъ прѣда, его же ослабѣивъше лѣваху и гриште, ему же ни льви, ни иноплеменици противитися можяху,—сего своя жена погуби. Отъкуду же то възможе? Отъ мужьявныя благостыни: тайну бо силы его воптъю лѣстью украдѣши, акы нага закла. Сего дѣла запрештаеть ти пророкъ, рекыи: отъ съложя (ложя) своего съхранися повѣдати ея что. Кни бо, повѣждѣ ми, авѣръ на своего мужа толико въаглагола, кая змѣя тако своего съпруга погубити хощетѣ, кая ли лѣвица мужа на закланье прѣлетѣ!—Да, въ истину нѣсть злѣбѣи, паче злѣбѣи жевьскы, да иже убо зѣлу жену да въѣтъ уже безакония своихъ принявша мзды. Рече бо мудрый: жена лукава мужю грѣшну дасться.

(Изъ Сборника Святослава, Изв. Акад. Н. Х., 220—226).

Подобныя разсужденія о злыхъ женахъ служили издавна образцами для русскихъ грамотъ; такъ апокрифическое слово Златоуста расплодило множество статей противъ злыхъ женъ. Даниилъ заточникъ въ своихъ злобныхъ выходкахъ противъ женщинъ пользовался какъ идеями, такъ и выраженіями греческихъ писателей и часто вытаскивалъ изъ святынь, подобной Сборнику Святослава, буквально. Слова о злыхъ женахъ во множествѣ появились въ «Пчелѣ» съ различными измѣненіями и вариациями на одну и ту же тему. И потому мы жестоко бы ошиблись, если бы стали рисовать картину дѣйствительной жизни и характера древней русской женщины по нижеслѣдующимъ аскетическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ, принесеннымъ изъ Греціи, хотя не отвѣщая,

что они имѣли въослѣдствіи долю вліянія на положеніе женщины.

Случи эти выписаны съ разсужденіемъ Даниила заточника о злыхъ женахъ; также съ выдержками изъ книги «Пчела». Москвит. 1836, № 8, стр. 410—14. Рус. Бес. 1836, кн. 2. «Пчела» издана въ 25 кн. Временника. О ней см. въ Изв. Акад. II, 222—34 статью М. И. Сухомлинова. О женахъ злыхъ, тамъ же IV, 426 п. дѣл. Архивъ Н. В. Колачова II, 2. 44. См. также посл. Якова къ в. кн. Изяславу. Ист. Р. Ц. Макари II, пр. 254.

70. О Югрѣ и дикихъ народахъ.

Се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сѣхъ 4 лѣтъ (1092), яже сказа ми Гурята (Юрій) Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди яже суть дань дающе Новугороду: и пришедши отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядьи на полунощныхъ (съ сѣверныхъ) странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «давньи мы находихомъ чудо, его же нѣмы слышали прежде сѣхъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти: суть горы зайдуче луку моря ('). мѣъ же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ яличъ великъ я говоръ, п сѣкутъ гору, хотяще выѣчиси п въ горѣ той просѣчево оконце мало, и тудѣ молвлять, и есть не разумѣти языку ихъ, но покажутъ на желѣзо и понавають рукою, просѣче желѣза; и аше кто дастъ имъ ножъ ли, ап сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пронастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъже не доходимъ ихъ всегда, есть же и подалъ на полунощя». Мнѣ же речю къ Гурятѣ: си суть людье закланіи Александромъ Македонскимъ царемъ. Якоже сказаетъ о нихъ Меовдѣй Патаріскый: и вѣде на восточныя страны до моря, нареченое Солнце мѣсто,

(') Отъ формы лука—лѣгкобѣ, излучина, заглавъ морской.

и видѣ ту челоѣкы печастыя, отъ племени Афетова; изъ же нечистоту ангѣлъ: ядяху скверну всяку, козэры и мухы, коткы, змѣи, и мертвель не погрѣбаху, но ядяху и женскыя изворогы (*изверженія*) и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загнати на полунощныя страны азъ горы высокия; и Богу повѣлявшю, сеступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не сеступишася о нихъ горы на 12 локотъ, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова спца естъ: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь (*возметъ*); въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыни Египетскыя, изидуть и сѣ скверши языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію божию.

(Ш. С. Лѣт. I, 417).

Автописецъ дѣлаетъ объясненіе на основаніи апостольскихъ источниковъ. См. также разсказъ Павла посадника лядожскаго, набѣсъ Половецкы 1096 г. и налѣстїе Батыево.

71. Изъ слова Кирилла Туровскаго въ нолунъ недѣлю по пасхѣ до 1174.

Веліка учители и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника. Мы же нищїи есмы словесы и мутни умоу, не вмуще огня св. Духа, наслажденіе душеполезныхъ словесъ; обаче любве ради сущихъ со мною братїи, мало нѣчто скажемъ о поновленїи воскресенїа христова. Въ минувшую бо недѣлю св. пасхы удивленіе бѣ небеси и устрашенїе пренеподнимъ, обновленїе твари и избавленїе міру, разрушенїе адава и поспранїе смерти, воскресенїе мертвыхъ и погубленїе прелестныя власти діаволя, спасенїе же челоѣческому роду христовымъ

въскресенїемъ; обнищенїе ветхому закону и порабощенїе суботѣ, обогащенїе христовѣ церкви и въздѣренїе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему прегнѣненїе бысть; створибояся небомъ земля, очищена Богомъ отъ бѣсовскихъ сквернъ, и ангелы съ женами рабобщию въскресенїю служашаху. Обновися тварь, *уже бо не нарекуются богами стихїа, ни солнце, ни оми, ни источниши, ни дрѣвеса; отсель бо не приемлетъ требы ады закласмыхъ отци младенецъ, ни смерть похъети, преста бо идолослуженїе и погубиенъ бѣсовское насиле крестнымъ таинствомъ, и не токмо спасеся челоѣчь родъ, во и освятися христовоу вѣроу.* Ветхїй же законъ отнудъ обнища, отвѣрженїемъ телчаа крови и козлихъ жѣртвъ, единъ бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жѣртву принесе; тѣмъ и праздникъ суботѣ преста, а недѣли (*воскресенїю*) благодать дана бысть въскресенїа ради, и царствуетъ уже въ днѣхъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. Въичаимъ царяцю днѣмъ, братїе, и дары честны съ вѣроу той принесемъ, дадимъ по силѣ, якоже мяжемъ: овъ (*одинъ*) милостивъ, безлобіе и любовь, другїи дѣвство чисто и вѣру праву и смиренїе нелицемѣрно, инъ исцеложское пѣніе, апостольское ученїе и молитву съ въздыханїемъ предъ Богомъ... Днесь ветхаа конецъ приаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ, яко вретница (*грубой одежды*) съвлекшиися и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдають; не сію, глаголю, видимаа небеса, нъ разумнаа; апостолы, пже днесь на Сїонѣ вшедша къ нлѣмъ познавше Госнода, и всю печаль забывше и скръбъ іудейскаго страха отвѣргше св. Духомъ ожившиися, въскресенїе христово ясно проповѣдають. Ныня солнце красуеся къ высотѣ; възходитъ и радуеся землю огрѣ-

васть, чзиде бо намъ отъ гроба праведное солнце—Христосъ и вся вѣрующая ему спасаесть. Ныня луна съ вышняго съступивши степени, болшему свѣтилу честь подаваетъ; уже ветхый законъ, по писанию, съ суботами преста и пророки христову закону съ недѣлею честь подаютъ. Ныня зима грѣховная покаяниемъ преста естъ и ледъ невѣрія благоузмиемъ растая. Днесъ весна красуется, оживляюща земное естество; бурши вътри, тихо повѣвающе, плоды гобзуютъ и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеъ. Весна убо красная вѣра естъ христова, аже крещениемъ поражаетъ чловѣчское оны естество; бурши же вътри грѣхотвореніи помысли, уже покаяниемъ претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобзуютъ: земля же естества нашего, аки сѣмя Слово божіе приими, и страхомъ его ирисво болящи, духъ спасенія ражаеъ. Ныня новорождаемъ агныи и ундя (*тлѣта и телѣта*) быстро путь неруше, скачуютъ, и скоро къ шатеремъ възрацающеся веселяться, да и пастыри свирлюще (*шрал на ширели*), веселиемъ Христа хвалятъ. Агнца, глаголю, кроткии отъ языкъ людѣ, а унца кумиротолкующа невѣрныхъ странъ, иже христовомъ въчловѣченіемъ и апостольскимъ учениемъ и чудесы, скоро по законъ емъшеся, къ св. церкви възвратившеся, млеко учения есуть; да и учителя христова стада о всѣхъ моляшеся, Христа Бога славить, вся волы и агнца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторася (*отпрыски*) испущаютъ и цѣтты благоухани процвѣтають, и се уже огради сладкую подавають воню (*запахъ прятный*), и дѣлатели съ надежею тружующеся плододавца Христа призываютъ. Бѣхомъ бо прежде аки древа дубравная, не жуше ялоа, ныня же присадиа христова вѣра въ нашемъ невѣрши, и уже держащеся корене Іосѣпа, аки цѣтты добродѣтели пушающе, рай-

скаго пакыбытъя о Христѣ ожидаютъ; да и святители о церкви тружующеся отъ Христа мзды (*награды*) ожидаютъ. Ныня рган (*пахари*) слова, словесная унца къ духовному ярму приводяще, и крестьяное разо въ мысленныхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяніа почерпающе, сѣмя духовное въспасающе, надежами будущиъ благъ веселяться. Днесъ ветхая ковець пріѣша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плоды ищуютъ и рыбари, глубину божіа въчловѣченія испытающе, полну перковую мрежу ловитвы обрѣтають, рѣками бо, рече пророкъ, расядетъ земля, узрять и разболаться нечестивіа людѣ. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела (*пчела*) свою мудрость показавши, вся удивляетъ;—якоже бо ови въ пустыняхъ самокріемъ живуше, ангелы и чловѣкы удивляютъ, и си на цѣтты взлетаючи, медвенныя сты стваряетъ, да чловѣкомъ сладость и церкви постребная подасть. Ныня вся добротыныи атица церковныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться. Днесъ новымъ людемъ въскресенія христова поновленія праздникъ, и вся полая Богови принасяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы (*жертвы*), отъ іерей—св. жертвы, отъ міродержителей (*отъ властей*)—боголюбныя милостыни, отъ вельможъ—церковное печеніе, отъ праведникъ—смиреномудріе, отъ грѣшникъ—истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ—обращеніе къ Богу, отъ ненавидящихъ ея—духотная любви.

(Пам. XII в. 18—24).

Сочиненія Кирилла Туровскаго важны для изученія чуждаго вліянія, до какой степени онъ подражалъ византийскимъ образцамъ, какъ творенія св. Отцовъ увлекли талантливыхъ проповѣдниковъ отъ оригинальности, потребностей времени, мѣста и т. п.

Поученія Кирилла Туровскаго поражаютъ обиліемъ переносныхъ иносказательныхъ объясненій, не рѣдко произвольныхъ и принужден-

мысль; въ немъ много искусственности и изысканности, которыхъ, можетъ быть, происходили изъ подражанія византийскимъ образцамъ, а некоторые поученія даже на половину взяты изъ пролога, какъ доказалъ В. М. Ундольский. Преповѣдникъ объясняетъ простыя вещи напыщенно, витиевато, прибавляетъ къ смысламъ и угодоблещанья, дополняетъ фантастическими подробностями сказанія евангельскаго и вообще все его сочиненія отличаются средневѣковой туманностью и неопредѣленностью теоретическихъ разсуждений. По этому современные слушатели и читатели не могли вывести для себя изъ поученій Кирилла никакихъ нравственныхъ практическихъ призывовъ и заключеній, хотя все его сочиненія замечательны яркими чертами литературнаго дарованія и теологической оригинальности.

Изъ сочиненій Кирилла Туровскаго повѣстны: 1. Десять воскресныхъ словъ отъ вербнаго воскресенья до троицы или пятидесятницы; 2. Слово на вознесеніи; 3. Слово о премудрости; 4. Сказаніе о черноризствѣ чину; 5. Показаніе къ братьямъ; 6. Притча о хлѣбѣ челоуѣчеству и о душѣ (Изм. Акад. II, 309); 7. Два посланія къ Василию игумену Петерскому (Пом. XII в. 117. Приб. къ Теор. св. Отц. X, 346); 8. Молитва на всю седмицу (Изд. въ Правосл. Собес. 1857 г. I 212. II, 275. Изм. Акад. V, 249—255. 306. Ист. Рус. Ц. III, 310—319); 9. Канонъ похвальный (Изм. Акад. V, 255—257); 10. Исповѣданіе (Изм. Акад. V, 307). См. изд. Сухомятинова: Рук. гр. Уварова, т. II. Изм. Акад. X, 225; Ист. Рус. Ц. III, 99—149; Вѣст. Евр. 1822, ч. 121, № 1, 44, № 2, 130.

72. Слово Даниила заточника до 1199 г.

Вострубивъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренныя органы, и возведемъ мудрости своея. *Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Возстань слава моя, возстань въ псалтыри и въ гуслахъ; возстану рано, исповѣтися. Да разверзу во притчахъ гадаше мое; провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленнаго укрѣплится въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой яко трость книженика скорописца, и увѣтлѣна уста, аки рыцѣи быстростъ; сего ради покушахся напѣ-*

сати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ злѣ, аки древняго младенца о камень. Но боюсь, господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко та смоковница проклятая, не имѣя плода покаяннаго: имѣю бо сердце, аки лице безъ очю, и бысть умъ мой, яко нощныи вравъ на царихъ, и разсыпаша животоу мой, аки ханаонски царь буетію, и покры мя нищета аки Черное море Фараона. Ся же бѣхъ напѣсехъ, бѣжахъ отъ лица художества моего, аки Агара рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но вѣдѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычаю твоей любви, глаголетъ бо писаніе: *просищему у тебе дай, толкущему отързи, да не лишень будещи царства небеснаго; писано бо есть: возверзи ни Господа печаль свою, той ти пропитиетъ во ѡныи. Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещаша, растуща за стѣною, на ноще ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на агня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ты ни орютъ, ни съѣсть, ни въ житницу собирають, но убовають на милость божию; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, кому любовь, а мнѣ горе лютое: кому Бѣлоозеро, а мнѣ черныя смолы; кому Дачь озеро, а мнѣ, ни пель съѣда, ни плачъ горки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали, зане не процвѣте часть моя (1). Дру-*

(1) Въ ред. XIII в. этому мѣсту соответствуетъ слѣд.: «Не остави мене, яко отецъ мой и мати моя оставиша мя. А ты, господине, прими милость свою. Кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль, зане часть не процвѣте въ немъ.» (Рус. Бес. 1856, II, 109).

зи же мои и ближніи мои и гдѣ отвергошася мене: зане не поставихъ предъ ними трапезы многоразличныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки въ солило, а при напастѣ аки врази обрѣтаются, и лапы помогающе подразити (*подбить*) вози мои: очима бо плачють со мною, а сердцемъ смѣются. Тѣмже не иму другу вѣры, не надѣюся на брата. Не дгаль бо ми Ростиславъ князь: лѣшчи бы ми смерть, а не курское княженіе. Также и мужеви: лѣшче бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ, яко же бо Соломонъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи; аще ли буду богатъ, гордость восприму; аще ли буду убогъ, помыслию на тѣбу и на разбои. Тѣмже воишоу къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: *помилуй мя, сыне великаго царя Владимира* (1). Да не восмачуся рыдая, яко Адамъ раю. Пусти тучю художества моего на землю: зане, княже господине, богатъ мужъ вездѣ знаеиъ есть, и въ чужой землѣ друзи имевѣ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богаты возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нани клануть и уста ему заградытъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна.

Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенегу, яко птицу отъ кляпцы (*кляпки*), яко ути отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози постыкають его и на огонь вешють; также и азъ всѣми обидимъ есмь, зане не ограженъ есмь страхомъ грозы твоея.

(1) Въ ред. XIII в. «помилуй мя, сыне великаго царя Всеволода». Въ другомъ мѣстѣ: «возглаголемъ къ господину своему всемогущему князю Ярославу Всеволодовичу,» какъ и въ заглавіи: «Даніила заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу.» (Рус. Бес. 1856, II, 101, 102, 110).

Якоже бо олово гинетъ, часто разваряемо; тако и человекъ пріемлетъ многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чужей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человекъ папастыи; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человекъ умъ совершенъ. Молеве ризы издѣдаютъ, а человека—печаль; печалу мужу засунуть кости. Аще кто человека въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день. Птица бо радуется веси, и младенецъ матери, тако и я азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человекы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеши. Княже господине! лви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай, плодотворъ. Азъ же худъй добръ дѣваюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помани сухъ хлѣбъ ядуща, или щени сладкое питіе; а мене помани теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста за вѣтрени. Егда ляжени на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помани подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на подаліе убогимъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержитъ воды, не точію елины рыбы: тако и ты, княже господине, не удержи злата и сребра, но роздай людямъ. Паволока, нещерна многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; якоже рече Соломонъ: *Слава царю во*

мнозѣхъ лѣзѣхъ; тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велики во мнозѣхъ людѣхъ. Якоже бо похвалися Египтѣй царь посланъ царя Вавилонскаго, и показаша имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашъ царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ вся, занеже мужи злато добуудуть, а златомъ людей не добыти ⁽¹⁾. Якоже рече Святославъ князь Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною и рече имъ: братие! намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнну быти? Якоже Богъ повелѣть, тако и будетъ: «Поженетъ бо единъ его, а отъ ета двягнется тысяща; надѣйся на Господа, яко гора Сионъ не подвижется во вѣны.» Диво ли за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ—повсаты. Многажды бо безнарядіемъ полцы погибають. Ведѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибають. Гусля бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою ⁽²⁾; зане князь щедръ

⁽¹⁾ Въ ред. XIII в. прибавлено: «Вода изъ рыбахъ, а ты, княже, людей своимъ. Весня украшаетъ землю цвѣты, а ты, княже, насъ украсиши нѣжностью своею. Се былъ есмь въ великій нужо, подъ работнымъ яремомъ пострадалъ. Все твое искусили, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоёмъ, нежели въ червленѣхъ сѣпозѣ въ боярствѣ дворѣ. Луче бы ми тебѣ въ трудѣ служить, нежели въ багрянцѣхъ въ боярствѣ дворѣ. Небѣно бо усеразъ златъ въ поздри сѣвини, ни на холопеѣхъ добрый портъ. Аще бы котзу золоти колца во ушю; но дну его не избыти черноты, и жжениа его; тако же и холопу. Аще паче вѣтры гордѣль и бузѣль, то укора ему своего не избыти—холопѣи имени. Луче бы имъ вода имѣти въ дому твоёмъ, нежели вино меда въ боярствѣ дворѣ. Луче бы ми воробей испечень приимати отъ руки твоея, нежели плечи барани отъ руни злыхъ государь. Многажды бо ми ся обратаетъ работный хлѣбъ аки пельнь во устахъ моихъ. И нѣтъ съ плачемъ растпо-
ряхъ (Рус. Бес. 106—107).

⁽²⁾ Въ ред. XIII в. «Княже мой господине! Орелъ царь надъ птицама, а осетръ надъ рыбама, а зѣвъ надъ зверма, а ты, княже, надъ Пересла-
вѣмъ. Левъ рыкнеть, кто не устранился,—а ты, кня-

отецъ есть всѣмъ; служи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибли-
гають. Добру бо господину служба, до-
служится свободы; а злу господину служба, дослужится больша работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще сквозъ дубравы, наполюще не токмо че-
ловѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущъ ка-
менны: не зѣя щити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезъ сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезъ солонъ. Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села; тиунъ бо его, яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ.

Княже, господине мой! не лишн хлѣба нища мудар, ни вознеси до облакъ бога-
та безумна, несмыслена: нищъ бо мударъ, яко злато въ камиѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое сголове, соломы наткано. Господине мой! не зря вышняя моя, но зря вну-
треная: зѣвъ бо одѣянъ есмь скудеи, но разумомъ обленъ; юнъ возрастъ либю, а старъ смыслемъ; быхъ мыслію яко орелъ парий по воздуху. Но постави со-
суды скудельничьи подъ потокъ каляя язы-
ка моего, да изкаплють ти сладчайша ме-
ду словеса устъ моихъ ⁽¹⁾; якоже рече Давидъ: «сладка словеса твоя паче меда устомъ моимъ;» Соломонъ рече: «словеса добра наполють душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.» Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна по-

же, речеша, кто не убоится? Яко жъ бо зми стра-
шнѣе свистаніемъ своимъ, тако и ты, княже, изощъ,
грозенъ множествомъ сильныхъ вой. Злато—красота
женамъ, а ты княже, людей своимъ.» (Рус. Бес.
114).

⁽¹⁾ Въ ред. XIII в. «Княже мой господине! Азъ бо аще не во Аонѣхъ растохъ, ни у филозоѣвъ
учихся, но быхъ надая эки чтеца по книгамъ, по
различнымъ цѣбтамъ. Оттуда избравъ сладость сло-
весную. Соккупая мудрость нко въ нѣхъ воду мор-
скую.» (Рус. Бес., 109).

сылай, самъ не лѣняся по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пировнаго. Лѣпши слышати прѣвнѣ умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вино, премудрѣе будетъ. Не стѣи бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ: безумныхъ бо ни орутъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся режутъ. Какъ во утѣлѣ мѣхъ воду лить, такъ безумна учить; псомъ и свинѣмъ не надобно злато, ни сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмѣивати, ни безумна наказати. Дѣти бѣгаютъ урода ⁽¹⁾, а Господь—шлянаго челоуѣка. Коли пожретъ синица орла, коли камень восплыветъ по водѣ, коли свинѣ почнетъ на бѣлку лаяти,—тогда безумный уму научится. Или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ есмь неба полетѣна, ни звѣздъ лутованыхъ, ни безумна мудрость глаголюща. Или ми речеши: солга ми еси аки пѣсь,—добраго бо вса князи и бопрѣ любятъ. Или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать; аще быхъ умѣлъ украсти, толико бы не скорбѣхъ. Погубляетъ мужъ мужество свое татьбою.... Княже мой господяне! не море топить корабли, но вѣтри; и не огонь творитъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишень будетъ.

Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена

⁽¹⁾ *Родъ*—животическое существо, которое противопоставляется истинному Богу. (Хр. Бусл. 641). См. № 17 этой Христом.

владѣтъ; не работа въ работахъ—подъ жонками возъ возити. Дивѣ дива, кто поимаетъ жену злообразну, прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну припечюще къ зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зеркало, видѣвши лѣпость лица своего, зане большую печаль примѣши себѣ. Иля речеши: женился у богатаго тестя, чти дѣля, а ту шей, и яжъ, и веселися въ великой радости и любви; то лѣпше волѣ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волѣ бо не молвить, ни зла мыслить; а злая жена бѣма бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордятся, а во убожествѣ иныхъ осуждаетъ ⁽¹⁾. Что есть жена злая? гостиница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы мятѣжъ, ослѣвленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужъ имѣетъ смотрѣти на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣль ея не ищываетъ: то дай Богъ ему трлещю (мужрадкой) болѣти. Но по сему разсмотрите злу жену, иже речетъ мужу своему: господине мой, свѣте очію мою! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю, и возрождать мя уды тѣла моего. Послушайте жены слова апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у цер-

⁽¹⁾ Въ ред. XIII в. за этимъ слѣдуетъ: «Или речеши, княже, пострижися въ черныцы. Не видалъ есмь мертвеца на саниахъ ѣздячи, ни черта на бабѣ, ни ѣзды есмь отъ нѣдъ смовати. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели воспримши ангельскій образъ, Богу солгати. Аки бо, рече, мирови, а не Богу; Богу нельзя лгати, ни великимъ играти. Мнози бо отшедше мира сего, паки возирающаеся, аки пси на своя блевотины, на мірское гоненіе. Обиходятъ села и домы славныхъ мира сего, яко пси ласкосерди; пѣтъ жъ брацы и пирове,—ту черныцы и черныцы, и беззаконни, отеческыи имѣя на собѣ сати, а обычаемъ золь.» (Рус. Бус. 118—119).

кви стоять молящися Богу и святѣй Богородицы; а чему ся хотите учить, и вы учитесь въ домѣхъ, у мужей своихъ, а вы мужи по закону держите жены своя, поне борзо обрѣсти добрыхъ женъ. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечаліе; а зла жена—люта печаль, изотшание дому. Червь бо древо тлѣтъ, а зла жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во утлѣ лодѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодѣ порты помочить, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учить, или желѣзо варити:—желѣзо уварить, а злы жены не научить; злая бо жена ни учения слушаетъ, ни Бога ся боятъ, ни людей стыдятся, но вся укоряетъ и вся осуждаетъ. Что лва злѣ въ четвероногихъ? и что зми лютѣйши въ ползущихъ по землѣ? всего того злая жена злѣ. Нѣсть на землѣ болши женскія злобы: женою бо сперва прадѣд нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради пророка Данила въ ровъ вверже, и львы ему возилизяху. О злое орудіе, остро дьяволе! Нѣкому же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начать дѣти продавать, людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣта? онъ же рече имъ: аще ли будутъ родилися въ мать, и они возрастъше, меня продадутъ (1).

Еще возвратимся на переднія словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философовъ научился, но быхъ яко падающая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвенный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды моренія, а не отъ свое-

го разума, но отъ божія промысла. Сии суть словеса, да не уже много глаголю.

Здѣсь въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Сии словеса азъ Даниилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣзѣрѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустихъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбакомъ, и принесена бысть ко князю, и нача ся поротти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Даниила свободити отъ горькаго заточенія.» Очевидно, эта вставка позднего времени.

Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утлѣ, роняя богатство убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко гѣ многіи люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися; да не возненавидѣнь буду міру со мною бесѣдою, яко же бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжена недобро, продолжена паволока. Господи, дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломонову, кротость Давидову, и умложи, Господи, вся челоуѣки подъ руку его! Люте бѣснующемуся дати ножъ, а лукавому власть. Паче всего ненавиждь стореownika неретерплива, Аминь.

(Пам. XII в. стр. 229—240).

См. Рус. Бес. 1856, кн. 2, 90. Сказ. Рус. Нар. Сахарова, I, IV, 59—60. Изв. Акад. Н. X, 141, 263—272. Отеч. Записк. 1842 г. т. XXII. Смѣсь. 57—59.

Выписки изъ Слова въ сравненіи съ подобными мѣстами другихъ древнихъ памятниковъ, равно какъ и замѣчанія объ этомъ произведеніи, см. въ Москвит. 1856 г. № 7 и 8. П. Безсонова. Г. Сахаровъ первый открылъ сходство Слова съ Пчелою. (Москвит. 1843 г. № 9, стр. 149—185). Затѣмъ М. И. Сухомлиновъ представилъ способъ составленія древнихъ произведеній вообще, словъ, Пчелы и другихъ памятниковъ стирпы. (Извѣст. Акад. Н. 1853 г. стр. 222—234. 1854—55 г. стр. 159—220). См. извлеченія изъ книги Златоустъ. Забѣлина. Архивъ историко-юрид. Колачева II. 2.

Слово Даниила составлено почти все изъ различныхъ изреченій саян, писанія, латинскихъ, изъ пословицъ и оружія источниковъ, какъ самъ писатель говоритъ, что онъ отъсюду выбиралъ изъ книгъ, какъ пчела соки изъ цвѣтовъ. Въ Слово весьма мало историческаго элемента, скорѣе можно отыскать въ немъ

(1) Въ ред. XIII в. нападокъ на злыхъ женъ мѣста.

личныя черты и выражение вкуса грамотника XII в. Составъ Слова позволяет на много древнѣй произведенія книжниковъ, которые заимствовали изъ книгъ все, что имъ нравилось, и соединяли въ одно цѣлое. Поэтому Слово заточника имѣетъ сходство съ древними поученіями—«О злыхъ женахъ», «печеніемъ Кирилла философа», съ статьями Писца и т. под. Слово имѣло много читателей особенно потому, что оно отличается своими подвѣтами выговорами противъ некоторыхъ общественныхъ злоупотребленій, жертовъ которыхъ были сами писатели. *Неизвѣстно, кто такой былъ Данилъ и за что былъ сосланъ на Лопе озеро (Олонекъ, губ.), но имя и мѣсто ссылки занесено въ летопись подб. 1378 г. Неизвѣстно также, кто былъ виновникомъ несчастія этой мудреца древности. Если жалка была сама дѣйствительность, говоритъ проф. Буслаевъ о старинной жизни, то утѣшилъ ли крайней мѣрѣ тѣмъ, что лучшие люди той эпохи, хотя смутно, но все же сознавали тягостный инетъ ся. Надобно однако замѣтить, что по недостатку ли ясно уразумѣнія своихъ общественныхъ отношеній, или вслѣдствіе твердой вѣры въ лучшую будущность, не догадали они въ своемъ уныніи до отчаянія; и какъ юрькому заточнику, и на берегахъ дикого озера, утѣшительно мерцалъ отъ далекаго Переяслава свѣтъ примиренія, милости и правды, такъ и читатели его краснорѣчиваго плана были вполне увѣрены, что рано или поздно недоразумѣнія прекратятся, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилованъ и примиренъ съ жизнью, хотя бы и помощью какого нибудь чуда. Потому—то писцы, для собственнаго своего утѣшенія, внесли въ позднѣйшую редакцію Слова замысловатую повесть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое молчаніе въ оськъ и бросилъ въ озеро... (Древне-рус. литер. и искуе Рус. В. 1857 г. кн. 16).*

73. Хоженіе преса Богородица по мукамъ XII в.

1. Хотѣ св. Богородица помянуться къ Господу Богу нашему на горѣ Еліовѣстѣй, во имя Отца и Сына и св. Духа, да снидеть архангелъ Михайлъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100

отъ запада, 100 отъ полудня (съ юга), 100 отъ полунощи (съ сѣвера)... 2. Богородица хотящи дабы видѣла, како ся душа мучать (въ аду); и рече Михайлу архистратигу: «Исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая?» И рече къ ней Михайлъ: якоже речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ. И рече къ нему св. Богородица: «Кoliko есть мукъ, ядѣ же мучатся родъ христіанскій?» И рече къ ней архистратигъ: неизречемины суть муки. Рече же къ нему благодатная: «Исповѣждь ми на небеси и на земли.» 3. Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отверзся адъ. И видѣ въ адѣ мучающаяся и баше ту множество мужъ и женъ, и вопль много баше. И вопроси благодатная архистратига: «Кто си суть?» И рече архистратигъ: сии суть, яже не вѣроваша въ Отца и Сына и св. Духа, шъ забыша Бога, и вѣроваша, юже ны бѣ тварь Богъ на работу створилъ, то оны все богы прозаша—солнце я мѣсяць, землю я воду, звѣря и гады, *тосетъныи и челоуѣчска мена та утриа (?)*. Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обративша, бѣсомъ злымъ вѣроваша, до я доселѣ мракъмъ злымъ одѣржени суть, того ради еде тако мучаться... 5. И рече къ нем архистратигъ: кудѣ хочеша, благодатная, да изидемъ—на полуднии или на полунощи? И рече благодатная: «да изидемъ на полуднии.» И тѣгда обратившася хѣровими и серафими и 400 ангелъ изведоша Богородицу на полунощи... 6. И увидѣ св. Богородица мужа висяща за носѣ, и чръве ядаху его, — я вопроси ангела: «кто съ есть что ли грѣхъ створилъ есть?» И рече къ нем архистратигъ: съ есть иже приклады (*проценты*) имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣкы мучиться. И видѣ жену висящую по зубы, и различныя амія искождаху изъ устъ ея ядаху тѣло ея,—и видѣвши Пресвятая въпро-

(1) Заглавіе этой визант. поэмы слѣд.: «Слово преса Богородицы велии дупополезно — О ланомъ всею мира, Господи, благодати отъ.»

си ангела: «что есть жена си, что ли грѣхъ ея?» И отвѣща архистратигъ и рече: та есть, госпоже, еже хожаше по ближняя своя и по сусѣдомъ послушаючи что глаголють, и слагаючи словеса неприязниа, съважающе на сваръ⁽¹⁾, да того ради сяде мучиться. И рече св. Богородица: «добръ бы было челоуѣку тому, да ся бы не рожалъ⁽²⁾...» 9. И увидѣ Святая древо желѣзно, пнѣюще отъ расли и вѣтви желѣзно, и вѣрше вѣтви того пнѣшае уды (крючья) желѣзны, и баше ту овѣщахъ множество мужъ и жевъ за языки. И видѣвши Святая прослезися, и възвѣсти Мххаила: «кто ся суть, что ли съгрѣшеніе ихъ?» И рече архистратигъ: се суть клеветники, съвадники и еже разлучила брата отъ брата и мужъ отъ женъ своихъ. И рече Мххаилъ: послушай, Преспытая, да ти азъ окажу о сихъ,—аще кто хотѣше креститься, или покаяться грѣхъ своихъ; то ти разглаголаху и не поучаху спасенію, да того ради тако ся мучатъ сядѣ на птѣхъ... 14. И видѣ Преспытая жены висѣща за вся ногти, и пламени лехожаше изъ устъ ихъ и опалаше вся, и змѣя исхожаше изъ пламени того, и прильпяху къ нимъ и попилаху, глаголаше: помяните васъ, яко мы едины мучимся паче всѣхъ мукъ. И рече Святая прослезившася: «Что есть согрѣшеніе тѣхъ?» И рече архистратигъ: то суть поады, иже поповъ своихъ не почитоша, и по смерти ихъ идоша за мужъ, да того ради мучатся. И рече пресв. Богородица: «помяну, владыко, грѣшныя, яко ти евангелие твое приахъ, и законъ твой съхранихъ;» тогда рече къ ней Господь: послушай, Преспытая, аще кто тѣхъ сътво-

ри зло не покаися, ни отъ работы да добръ глаголеши, якоже закону твоему учиаша, и пакы сътвориша зло, егда не отахъа злаго; азъ что да речу, яко есть речено: «дасть тѣмъ противу злобъ ихъ.» Тогда и вся святѣи слышавше владыку, не смѣша что отвѣщати.

(Изя. Акад. Н. Х, стр. 551—579).

Такъ это слово напечатано съ греческимъ подлинникомъ. Хожение Богородицы по мукамъ доселѣ ходитъ въ престоноародѣ въ безчестенныхъ видоизмѣненіяхъ.

Отреченныя книги стали входить въ Россію очень рано. такъ *Аванасіевы отвѣты* и *Слово Меодія Патарнаго* помѣщены въ Изборникъ 1073 г.; въ рукахъ Кирика была книга, гдѣ говорилось, что 16 лугургій, закзанныхъ въ видѣ епитиміи, избавляютъ отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—покрываютъ 8 мѣсяцевъ, а 30 цѣлый годъ. Кирикъ говорилъ Нифонту, что онъ читалъ тетрадку, въ которой значилось: «Аще захочетъ дѣлать подѣлницу...», а эти слова находятся въ апокрифич. статьѣ о 12 патницахъ. (Памяти. отреч. литер. Тихонравова, II, 338). У Аврамія смоленскаго была книга *Глубины* (до 1206). Отрывокъ изъ апокрифич. *Слова І. Богослова* «О поклѣ Богородицы» 12 в. съ греч. подлин. см. Срезневскаго «О малозв. и неизвѣст. памяти». IV, 64. О ложныхъ книгахъ замѣчено въ Сл. Кирилла до 1280; Завѣты 12 патриарховъ находятся въ Палеѣ до 1240. *Сказаніе Афродитіана* есть въ спискѣ рип. XIII в. Въ Сильвестровск. Сборн. до 1350 г. помѣщены: *Откровение Авраама* и *Посланіе Пилата къ Тисерію*.

О другихъ ложныхъ книгахъ см. Памяти. отр. рус. литер. Тихонравова. Спб. 1863. два тома. *Ево же* Лѣтоп. рус. литерат. 1859. I. Моск. Вѣд. 1859, № 232. Памяти. старин. рус. лит. изд. *Кушелева-Безбородко*. О древне-рус. литер. *Лѣтоп.* От. Зап. 1857, № XI. Озарики *Буслаева*. I. 480—504. История. Христом. око же 533. 543—4. *Гильбердинта* о Богомиллахъ. Рус. Бес. 1859. № 4. 117—130. Срезневскаго О малозв. и неизв. памяти. II, 63, IV, 53. I. Екзархъ Болгарскій *Калайдовича* 202—212. Опис. Румянц. Музея № 449. Апокрифич. сочиненіи въ древне-рус. письменности *Н. Я. Порфирьева*. Правосл. Собес. 1869 г. Благовѣстіе Николаева. Тамъ же 1860 г. О средѣ и лѣтѣ. Тамъ же 1859 г. кн. 2.

(1) Сплетничала, чтобы раздоръ произвелъ между ближними.

(2) Лучше бы тому челоуѣку не родиться.

74. Слово о мытарствѣхъ (¹).

Понеже тайна ся не всеми откровенна бысть, и многими челоуѣки не вѣдома, но якоже Кирилъ философъ рече: не то-го ради сътворени быхомъ, да ямы и шемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимъ Богови и будущая и благая получимъ. Но понеже испытаніемъ божественныхъ писаній заблудихомъ отъ истиннаго пути, ны почышляемъ, како ны есть постигъ Богъ и създасть, въ утробѣ матерній души положишь, и пакы и отцулу ны изведе. Егда убо, рече, всякъ младенецъ крещаемъ бываеъ, тогда посылаеъ отъ Бога ангелъ на хранение въ все житіе челоуѣческое: лукаваго сатаны ангелъ даемъ бываеъ, егда въ смыслъ, въ разумъ будеть о всемъ добрѣ и о злѣ. Егда же начнетъ въ правдѣ пребывати челоуѣкъ, то приеъмлетъ старѣйшинство надъ нимъ божій ангелъ, и съхраняеъ ѿ отъ всякого лукавства дьявола въ нощи и во дни. Имать же съвѣщаніе въ себѣ душа та съ ангеломъ, напвсаеъ ангелъ вся благая дѣла ея отъ юности и до старости. Егда пакы начнетъ челоуѣкъ пребывати въ злыхъ дѣлахъ, тогда приеъмлетъ власть и старѣйшинство лукавый ангелъ сатанинъ надъ таковымъ челоуѣкомъ, и въ слѣдъ его ходя, вся грѣхы напвсаеъ нощныя и дневныя; ангелъ же господень плачется таковаго челоуѣка. Ащели покаеъся, то приѣмлетъ ангелъ божій старѣйшинство и власть; тогда ангелъ сатанинъ плачется его. Пакы же суть жиоти и не вѣрующе, ни послушати хотяще, яко испытанаеъ суть душа челоуѣкомъ по смерти, егдаже исходить отъ тѣла. Понеже поставилъ есть Богъ

испытанія всякому челоуѣку. Первое испытаніе, егда хощеъ разлучитися душа отъ тѣлеси. Преже бо приидуть бѣси и представятъ ея вся дѣла, яже будеть съгрѣшила отъ юности и до старости; отвѣдающе харатейныя свитки, и начнутъ обличати душу, исхваждающе грѣхы ея, яже къ всемъ житіи съгрѣши, ркуще ей: ци забыла еси, яже съгрѣши въ всемъ житіи; но мы ихъ не забудомъ, и списахомъ ясно. Посемъ представета два аггела, посланная по душу отъ Бога. Егда же узрѣтъ ея душа, ужаснется, образъ весь и лѣвота (красота) и лице измѣнится, рудѣ и носѣ премолкнута и слуха съ нима, и языкъ молчаніемъ затворится, и будеть весь уныль, и дряхль, и скорбень, и за симъ явится смерть. И тако, и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидеть, и станеъ одержима душа, зряща на свое тѣло; якоже бо кто изволеъся изъ ризы своея, и потомъ сталъ бы, зря ея: тако станеъ душа на свое тѣло зряща, отъ него же изиде, умилию къ ангеломъ изираючи, и видѣ дѣла своя предъ собою поставлепа, или добрая, или злая, и яко въ всѣхъ пѣвѣщаема.

И посемъ вземши душу, повесутъ ю на въздухъ, къ второму испытанію, идѣже есть 20 мытарствъ, Богомъ поставлена на въздухѣхъ предъ враты небесныя, на испытаніе всякой души, исходящей же отъ тѣлеси, градушей къ небеси.

1-е мытарство: обоганіе, елико будеть лгала, отъ юности и до старости; 2, оклеветаніе, елико челоуѣци оклеветаютъ; 3, зависть, елико завидѣхотъ кому; 4, лже когда будеть гнѣвъ на кого долго нилъ; 5, ярость съ гнѣвомъ, или на чада, или на рабы, или на всякого челоуѣка; 6, гордость, елико разгордѣхотъ; 7, бие слово, срамословіе, бестудная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ, и въ навечерницахъ, и на вграцахъ и на уяцахъ; 8, ризонманіе и грабленіе, насильное мздоиманіе; 9,

(¹) Слово это прежде приписывалось Кириллу Туровскому, но кажется принадлежать Кириллу философу (Макар. Ист. Р. Церкви, ч. III, стр. 146), и подверглось позднѣйшей редакціи. Вуслаевъ и Швейревъ полагаютъ, что слово это можно скорѣе приписать Авраамію Смоленскому. (Очерки рус. нар. слов. II, 119; Изв. Акад. VIII, 326. IX, 182).

иже тщеславіе когда сътворихомъ, хвалы ради и славы человѣческия; 10, златолюбіе и сребролюбіе; 11, пьянство и запойство; и всѣ чаши наши изочтени суть отъ бѣсовъ въ запойствѣ; 12, злопоминаніе, елико зло поминахомъ когда, глаголющи. не забуду ти ни до смерти; 13, чародѣйство и волхованіе, наузы (*наязки*); 14, обьяденіе и ранное яденіе и питіе, отъ юности наша и до старости; 15, всяка ересь, вѣрують въ стрѣчу, въ полазъ и въ птичій грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудуть; и еже унии блудъ творять; 16, прелюбодѣяніе, еже мужи отъ женъ своихъ блудъ творять, а жены иже отъ своихъ мужъ съчужими мужи; 17, убійство и всякая раны, или бѣснѣя и рванія за власы до крове; 18, тѣжба и всякое краденіе; 19, всякъ блудъ; 20, скупость, немилосердіе.

Сдѣ бо обличаютъ бѣси душу, аще будемъ коли брату досадили, или нищему, или изгнали изъ дому своего, или грозилися на кого: то ту обличающе ны бѣси, препирающе. Аще бо и вся заповѣди божія исправите, а будемъ немилостивы, и на нищія немилосердны, или на рабы своя, не подавающа имъ доволнаго одѣянія, пища, дѣломъ же насилующе, ниѣми бѣдами; то о всѣхъ сихъ испытана будетъ душа, истязана отъ въздушныхъ бѣсовъ.

Да аще имать душа добрая дѣла, истинное покаяніе, о томъ испытующе вся си, преходить; и потомъ възходитъ въ врата небеснаа, радуящися, яко избывши лукавыхъ въздушныхъ бѣсовъ. И потомъ устрѣтають друзіи аггели, посылаеми по душа ниѣхъ чловѣкъ, веселящися, радуются о ней, яко избѣже лукавыхъ бѣсовъ, и цѣлуютъ обнимающе. Потомъ принесени быша къ престолу Бога вседержителя, и поклонится подножію Господа; и потомъ предасть ю Михаилу, завіща: иди, душу сію веи, и покажи ей

обители святыхъ и небесныя полаты райскія, душа праведныхъ сущая въ рай, и душа грѣшныхъ сущая на муку грѣшныхъ, въ нихже имуть быти мучими въ день великій суда. И носима бываетъ прежде по поднебеси, покажетъ ей полаты святыхъ градъ, горній Іерусалимъ, его же самъ Господь по възнесеніи създа; потомъ внесома бываетъ въ рай къ праведнымъ душамъ, и исходяще же душа праведны, и срѣтають обнимающе, и цѣлуютъ ю; и потомъ сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка, покажетъ ей мѣста, идѣже имъ мучитися, понеже мѣла дале че міра есть на западѣ ('). Ся же вся мѣста обходить душа праведнаго за 40 дни, и потомъ внесома будетъ въ рай, мѣсто покойно до послѣдняго въскрешенія

Всѣхъ же грѣшныхъ душа, егда изиде изъ тѣлеси, представуть ей аггели бѣсовьсти, принесутъ предъ ню вся ея съгрѣшенія, якоже будетъ сътворила отъ юности и до старости, написаны въ свитѣхъ; и начнутъ, отвивающе, обличати ю.

Да негдѣ се ихъ запрети (*оспорить*), понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы и праздници съ памятю имуть написаны, съгрѣшихомъ когда, или въ кое лѣто, и въ которы мѣсяцъ, или въ кое время и въ часъ, или въ который праздникъ, или до обѣда, или по обѣдѣхъ, или въ день и въ ночь. Да аще исповѣдалъ я будетъ отцу духовному, и каився пакы ся не възратилъ къ нимъ будетъ, то обрѣтають я заглажены, понеже невидомъ заглажаетъ у нихъ Духъ св.; бѣся же вѣдаютъ, яко истиннымъ покаяніемъ загладишася, и скорбятъ не улучивше. Аще ли будетъ утаилъ своя грѣхы; а не исповѣдалъ отцу, то не заглажены тѣхъ

(') Представленіе о томъ, что души показываютъ адъ и рай чисто народное, которое не изгладилось доселѣ. — Адъ на западѣ, на востокъ рай.

святци обрѣтаются. Аще ли будетъ исповѣдаль отцу, отецъ же, дара дѣла, не положилъ ему будетъ опитеми за ты грѣхи, рекше на добрая дѣла не наказалъ, на молитвы, на поклоненіе, на постъ, на милостыню, на прочая добрая дѣла не научилъ, не вѣстигнулъ, дабы не сѣтворилъ злани сгрѣшилъ; то такового грѣси не заглаживи обрѣтаются въ святцѣхъ бѣсовскихъ; но все ясно съ памятью исписаны; то оба таковая примета бесконечную муку, понеже онъ вѣдая грѣхи его, не положилъ ему опитеми за то, а сѣи такоже вѣдаютъ, изиска себѣ погаконника, и покаяся у такового, и оба осудятся ⁽¹⁾. И потомъ всхитима бываетъ душа лукавыми бѣсы и бѣема люте, не дадущи и ни до перваго мытарства взити, и затворима бываетъ въ адѣ и въ тмѣ и въ сѣни смертѣй, идѣже душа грѣшныхъ отъ вѣка суть держими; ту сѣдять плачущесе, ожидающе дне великаго, суднаго. Но на преже глаголанная видѣмъ, понеже мнози съблажняются, ркуше: якоже нѣсть святыхъ на земли, и тако глаголюще мнози заблудившесе погибона, и мнози иныя въ слабость введоша; они же слышаша, и на нихъ взирающе, естущишася съ истиннаго пути и заблудяшася, послушающе таковыхъ невѣгласъ (*невѣжесѣ*), понеже невѣдѣніе злое есть сгрѣшеніе. Аще ли быша пытали божіихъ евангелій св. кнѣгъ, яже божіи усты речены быша: не прейде родъ сѣй, дондеже вся си будутъ; право глаголю вамъ, небо и земля мимо иду, а словеса моя не имутъ прейти, ни измѣнятся... Павелъ апостолъ рече: не вси убо умремъ; вси же измѣнимся въ мгновеніи ока, рекше—вборѣ. Егда же вси человѣци изомрутъ, тогда останутся мнози праведники живи, храними Богомъ, не разлучившимся души съ тѣломъ. И ини

мнози о семъ прорекона; аще бо кто пытити въсхошетъ о семъ, то обрящеть.

И се уже видимъ конецъ міру приближающеся, урокъ житію скончавашесе, уже бо мало нашего живота и вѣка: вся же, яко Господь рече, испыташесе, вѣстати имать языкъ на языкъ, царство на царство, и страна на страну, и даръ на царя, князь на князя, епискупъ на епискупа, чернецъ на чернца, и братъ на брата, и будутъ глади и пагубы и труси по мѣстомъ: вся же та въ начало болѣзнемъ. По скончаніи же томъ, солнце и мѣсяцъ померчета, небеса съвѣются въ свитоцъ, и силы небесныя явятся, и посемь Сынъ божій съ славою придетъ, хотя судити всему міру. Скончавшуся року житія, оставшимъ же 3 лѣтомъ седмыя тысящи, будетъ въ 3 лѣта царство антихристово; по скончаніи же 3 лѣтъ царства его, послетъ Господь Михаила и Гавриила, вѣструбита въ рога овня, и въ мгновеніи ока въскреснутъ мертвыи; и праведники же въскреснутъ преже, свѣтліи по добродѣтели ихъ, послѣди же грѣшники, омрачени по злымъ ихъ дѣломъ. Посемь огнь неугасимый потечеть отъ вѣстока до запада, поядая горы, и каменіе и древа, и море изеушая, твердь же яко бересто свертитъ, и вся видимая сущія вещи, развѣ чловѣкъ, вся отъ ярости огненныя, яко воскъ истають, и згорятъ вся земля; и сквозь ити сѣй огнь неугасимый подобаетъ всему чловѣческому роду проити. Не будетъ гдѣ убѣжати и ни съкрытися, но будетъ болѣзнь и скорбь, не имущи ни единой же утѣхи, паче же грѣшнымъ не покаившимся, ни единой скорби имѣвшимъ о души своей, но тоцѣю въ покой и мнозѣй пищѣ и въ питіи, и въ прочихъ ихъхъ грѣсѣхъ лѣта своя скончаша; да тѣмъ явится имъ ярость божія, полна гвѣва и яру, бѣду отщепенія носящи; не явитъ бо ся имъ яко тремъ отрокомъ, хладъ: хладъ праведнымъ же, а не огнь. Въ

⁽¹⁾ Мнѣніе объ-опитеми замѣчательно, что она заглаживаетъ грѣхи.

сияже суть иѣкаторѣхъ, мала имуща съгрѣшенія, и не исправлена яко чловѣкъ, понеже естъ Богъ единъ безъ грѣха, иже плоть взя нашего ради спасенія, да самъ огнемъ искусивъ, оцѣститъ я, и просвѣтятся тѣлеса нѣхъ, яко солище по добродѣтели ихъ: праведнымъ даеъ свѣтъ, а грѣшнымъ же опаденіе и омраченіе. Прешедшимъ же имъ огненую сію рѣку, огненная си рѣка, по божію повелѣнію, послуживши, отшедши къ западу, учинится озеро огненное, на мученіе грѣшнымъ. Посемъ будетъ земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣга; и потомъ повелѣніемъ божіимъ премѣнится, и будетъ яко злато, изидеть изъ нея трава и цвѣтїи многоразличїи и неувядающїи наокогда же, понеже суть духовни, и посемъ взростуть древа, не яко видная си суще, во высоту и лѣпотою, величествомъ невозможно естъ изъглаголати усты чловѣческими, понеже суть духовна, о Христѣ Ісусѣ о Господѣ нашемъ.

(Памятн. XII в., стр. 92—101).

Въ началѣ «Слова о мытарствахъ» имѣетъ большое сходство съ апокрифическимъ сказаніемъ о «Хождеши ап. Павла по мукѣхъ» (Памятн. отр. рус. литер. II, 40 и дал.); потомъ съ стихомъ «О страшномъ судѣ», «О вѣчныхъ житїи св. Василия Нового на сочинителѣ «Слова о мытарствахъ» см. въ Очеркахъ Буслева, II, 139. О мытарствахъ говорится въ «Житїи Авраамїа смоленскаго» и въ «Житїи Антонїа Рязанскаго».

Къ числу подражательныхъ сочиненїи относится «Поученіе Владимира Мономаха»; но такъ какъ въ немъ находится много данныхъ для изученія княжескаго быта XI—XII в., — поэтому оно отнесено въ отдѣлъ статей объ Обществ. жизни.

75. Посланіе Іакова Святослава болгарскаго Деспота м-ту Кирилу до 1262.

Богомъ избраному пастырю и учителю словесного стада правотѣрныхъ вѣры на-

шея, отцу мѣ по духу, святому прѣосвященному архіепископу Курялу прѣславнаго града Кіева, учителю же всея Русїи, и свѣтильнику цркви бгоспасаемаго града Кіева. И о семъ благодарю господство мѣ прѣподобствїе твое, еже о Христѣ, принявъ азъ писаніе святаго ти владычества, благодарихъ святую ти молитву, прѣосвященный архіепископе всея Русьскыя земля, благодѣявшаго родна моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ прѣтоць моихъ. Пишу тобѣ, възлюбленный Богомъ, архіепископе Кириле, протворюю, да ся словомъ твоимъ вселенаа Русьская просвѣтитъ, а писанїемъ сїю Зонару (Жормчю) до ся нигдѣ не прѣйшїи, понеже тако подобно естъ сїи Зонарѣ во всякомъ царствѣ единомъ быти на съборѣ, якоже святїи отцы уставїши и упрѣдаша намъ. Того ради азъ испросивъ патрїарха и прѣпостїихъ за свѣтопочившїихъ родителии моихъ и за помїна ради душа своя (!)...

Написана же бысть сїя Зонара въ лѣтѣ 6770-е, 5 индикта, въ днѣхъ благовѣрнаго царя Костянтина прѣдѣржаща столъ болгарскимъ, повелѣніемъ же и по цѣнѣ великаго господина Іакова Святислава деспотѣ болгарскаго. Мы же раздѣливъше на 3 частїи вписасомъ за 50 днѣхъ, почавъше мѣсяца ноября 10 днѣхъ, кончана же бысть мѣсяца генваря 7 днѣхъ. Азъ же худоумный многотѣшныи Іоанъ, зовомъ Драгославъ, молю съзвѣсно: отцы и братїа, чытащїи и прѣписующїи, легко исправляюще чытѣте, а не злословите, понеже ве бѣхъ до тамо писецъ...

(Иза. Акад. Н. X, 203—4).

(*) Въ XII в. Зонара сдѣлалъ систематическій сводъ, въ которомъ слѣпаются свѣтскїи и духовный элементы законовъ и составляли сборникъ, извѣстный подъ именемъ Коричей, которая и называется здѣсь Зонарой.

76. Хожденія въ Царьградъ

а) Стефана Новгородца послѣ 1347.

Въ ведѣлю страстную приходомъ въ Царьградъ и вѣдохомъ къ св. Софіи. И вѣдохомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ величїи, толстотою и высокою и красотою издадеца смотря видѣти его, и изверху его сидятъ Юстинїанъ великій на конѣ, величїи чуденъ, аки живъ, въ доощѣбѣ одѣванъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руку держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя простеръ буйно нащолдїи, ва Срацинскую землю къ Іерусалиму. Суть же много и анихъ столповъ по граду стоятъ отъ камня мрамора, много же на нихъ писанїи, отъ верху и до долу, писано рытією (*рызьбой*) великою, и словеса всѣ позложены быша, а кии черны. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ!

А отъ столпа Юстинїанова вѣйти въ дѣрїи св. Софіи; въ первыя дѣрїи поступивъ мало, иди въ другія, и третїи, и четвертыя, и пятая, и въ шестыя тоже, а въ седмыя дѣрїи вѣйти въ св. Софію, въ великую церковь. И пошедъ мало обратитисъ назадъ, и возрѣвъ горѣ на дѣрїи, видѣти: ту стоитъ икона св. Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не можно испсати. Ту бо погани иконоборцы лѣстниду приставили восхотѣвъ содрати вѣнецъ златый, и св. Θεодосїа опроверже лѣстницу, и разби поганява, в ту святую заклаша рогомъ козымъ. И отъ того мимо пошедъ, вѣдохомъ множество народа цѣлююще съ умилениемъ Страсти господни, и возрадованомъ великимъ; зане бо безъ слезъ не можно прїидти къ Страстямъ господнимъ. И ту видѣ насъ царевъ бояринъ, ему же имя простое: Ботарь, и той видя тѣсно-ту и вужду нашу, доприводи ны къ

Страстямъ господнимъ. Бога дѣля, и ту мы цѣловахомъ грѣшны. Потомъ вѣдохомъ, поступивше мало на сторону, и увидѣхомъ ту на стѣнѣ Спасъ мусією утворенъ (*мозаикой устроенъ*), и вода святая отъ язвъ гвоздичныхъ отъ ногу его идетъ, и ту цѣловахомъ грѣшны, и помаза ны едикъ отъ іерїонаховъ масломъ и напой водою святою. И ту стоятъ многи столпове отъ камня краснаго мрамора, окрвани чудно, въ нихъ же лежатъ мощи св., ту людїи прикасаются, и иже кто бо-литъ, и абїе съ вѣрою здравїе прїемлетъ. И ту виде насъ св. патриархъ Царяграда, ему же имя Исидоръ, а на патриаршество прїизва ны и благословихомся и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо весьма любить Русь. О великое чудо! koliko смиренїи бысть ему, иже бесѣдова съ странїи ны грѣшны; не нашъ бо обычай имѣть.

И ту близъ трепеза каменная: св. Авраамъ, ему же Богъ въ Троицѣ явився подъ дубомъ Мамврїйскимъ. Мы же грѣшны вѣдохомъ той дубъ Мамврїйскїй, егда быхомъ въ Іерусалимъ и окрестъ его, а листыя зеленые уродилися у дуба того и стоять и зимѣ и лѣтѣ, слаголютъ бо, яко будутъ стоять до скончанїя вѣка, огороженъ каменомъ высоко, и Срацины стерегутъ его. Ту же одръ лежатъ желѣзный, на немъ же св. мученикъ мучили, на огонь поставивши; у тогожъ одра множество людей приходять и прїемлютъ изцѣленїе, и мы грѣшны цѣловахомъ его. И ту стоятъ столпове отъ камня багряна, красны весьма, простерїе аспиду подобно, видѣти челоуѣку лица своего образъ, аки въ зеркало, отъ великаго Рима привезены бо суть. Имать же св. Софія множество кладязей съ сладкимъ водою, окрїчь тѣхъ, иже въ стѣнахъ церковныхъ и промежъ стѣнъ, и не познать ихъ ровно съ дномъ, рекше: помостомъ церковнымъ. Надъ тѣми бо кладези вбиты суть кольца желѣзныя во мраморъ,

а мраморъ ся зоветь камень гладокъ. Тако жъ и кандиль развѣшено многое множество несчетно въ св. Софїи: иная жъ въ предѣлахъ и каморахъ, а ины въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, а въ улицахъ церковныхъ, идѣ же иконы великія стоятъ, и ту кандила съ масломъ древлынымъ горять, и ту мы грѣшныя приходимъ со слезами и съ радостію, по силѣ священи подавахомъ, тако жъ и у мощей святыхъ...

Идучи жъ отъ св. Софїи мимо столповъ Юстиниановыхъ, и мимо малыхъ трехъ и мимо св. Теодора, на гору пондти великою улицею, *Царевымъ путемъ*, прошедь недалѣчь добраго перестрѣла, ту стоятъ столпы правотѣрнаго царя Константина, отъ багряна камня створень отъ Рима привезенъ; на верху его вѣланы крестъ; въ томъ же столпѣ лежать 12 кошь укрутъ; тужъ и сѣкира Ноева лежатъ; ту патріархъ лѣто провозжааетъ. И оттолѣ идомъ назадъ къ св. Софїи. Ту бо близъ двѣ церкви великія стоятъ: Ирѣна великая церковь, а оттолѣ ведалече св. Богородицы монастырь женскій: ту лежатъ св. Евдокія. И оттуду на подолъ къ морю идучи, есть холмъ св. великомуч. Георгія, рекше: *непобѣдимая сила*; ту стоятъ Страсти господни, замчены и запечатаны церковною печатію. На страстной недѣлѣ царь самъ съ патріархомъ отпечатаваютъ и цѣлуютъ, а потомъ невозможно видѣти никому же. Ту лежатъ тѣло св. Анны, и цѣловахомъ грѣшныя, и ту за стѣною, надъ моремъ, явися Христосъ самъ, и ту церковь наречутъ: *Христосъ*. Стоять многесто болящихъ, и отъ всѣхъ градовъ привозятъ—и приѣмлютъ изцѣленія: и ту лежатъ св. Аверій, и цѣловахомъ тѣло его. То бо все мѣсто подобно есть Соломоновой купѣли, ижъ въ Іерусалимѣ. И оттолѣ идомъ въ монастырь Панагравъ: ту лежатъ глава св. Василія. И оттолѣ ведалече мона-

стырь Панагавасый: ту бо лежатъ замчены Страсти господни на двое раздѣлены. И оттолѣ идомъ во вторникъ къ св. Богородицѣ поклонитися выходней иконѣ; ту бо икону евангелистъ *Лука* написа, понарови самую госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу; ту бо икону во всякій вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится-вародъ а людѣ изъ иныхъ городовъ! Икона жъ та велика вельми, окована гораздо, и цѣвды предъ нею поютъ красно, а народъ вси зовутъ: *Кирие елейсонъ*! съ плачемъ. Единому человеку на плеча вставятъ раму, а онъ руцѣ распростретъ, аки распятъ, также и очѣ ему запровержутъ, видѣти грозно, по ходбищу мещетъ его семя и овамо, вельми сильно повертываетъ имъ, а онъ не помнитъ, куда его икона носитъ. Потомъ 2-й подходитъ, и той такожъ, тажъ 3-й и 4-й подхватываютъ, и тѣмъ вси тако жъ. А они поютъ цѣне съ дѣяны великое, и народъ зоветь: Господи помилуй! съ плачемъ. Два діакона держатъ репиды, а ины кивотъ предъ иконою. Дивное видѣніе! 3 человека вставятъ на плеча единому человеку, а онъ аки простъ ходитъ, изволеніемъ божиимъ...

Та жъ идомъ къ Теодору въ Студійскій монастырь. Много бо суть видѣномъ въ Царѣградѣ видѣнія, еже не мочно всего написати. Толико бо Богъ прославлялъ св. мѣста, еже не мочно разсказать. Въ монастырь Студійскомъ быхомъ и цѣловахомъ тѣло св. Саввы. И церковь та велика вельми, и высоко палатою сведена; икона въ ней аки солнце сияетъ, вельми украшена златомъ, много двиятися, аки жемчугомъ изсажена, и илсцу тако не мочно вписати... Тако жъ и трапеза устроена, идѣ же брасія ѣдятъ, вельми чудно, паче всѣхъ монастырей, а стоятъ на краю, близъ Златыхъ вратъ. Ту лежатъ Теодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь

посылали много книгъ: уставъ, трюди и пины книги...

И на утрѣ въ пятокъ, ядохомъ съ други мопил по св. монастырямъ и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добриду, своихъ Новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, нѣколи бѣ мочно было свидѣться, за не бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живуть туто, спасаючи въ монастырѣ Студіекомъ отъ книгъ св. писанія, зане бо искусни зѣло книжному спасанію. И ядохомъ съ ними къ св. Ивану Дамаскину, въ монастырь женскій. А оттогѣ ядохомъ въ монастырь Ивана Предтеча, зовутъ: Ивана Бога богатѣмъ; и та церковь вельми удивлена мусією, и ту цѣловахомъ руку св. Іоанна Крестителя, иже устроил церковь, иконы окола златомъ и съ драгимъ каменіемъ и жемчугомъ. И глаголютъ бо нѣцыи, что та рука Ивана Предтеча; но нѣсть тако, не Предтеча рука, нѣтъ у прекрасной Богородицы, близъ Студіекаго монастыря, та есть рука св. Ивана Предтеча прапая, а лѣвая на Іорданѣ.

Сподоби ны Богъ видѣти все въ добрѣ, еже ся надѣяхомъ, а въ Царьградѣ бо аки въ дуброву вникти, и безъ добра вожа (вожака) не возможно ходити, а скупо или убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единаго святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ и тогда видѣти и цѣловати.

(Сказ. рус. народа, Сухарова II, 8. стр. 51—55).

6) Хожденіе въ Царьградъ дьяка Александра 1395.

При патриарси Антоніи, при цари Мануилѣ, се азъ діакъ Александръ приходихомъ куплею въ Царьградъ и приходомъ поклонитися въ св. Софію. Величество ея для красoty не мощно исповѣдати: входя въ великія двери, на правой сторонѣ

стоятъ икона св. Богородицы, что гласъ отъ нея изшелъ Марія Египетской въ Іерусалимѣ, а великія двери отъ Ноева ковчега, на лѣвой сторонѣ преобразился Спасъ на мраморѣ; внутри церкви трапеза Авраамля, на ней же явился Спасъ въ Троицѣ Аврааму подъ дубомъ Мамврийскимъ; близъ того одръ желѣзень, на немъ же жьгли св. мученикъ, мощи св. патриарха Арсения; во алтарѣ есть камень, на немъ же сѣдѣлъ Спасъ, бѣсѣдуя женѣ Самарянини при кладязѣ Іаковлѣ. А въ монастырь въ Маньянъ Страсти спасовы вси и багрянца, кровь, копье, трость, губа, и отъ браны св. мощей множество въ томъ монастырѣ. Назадъ того монастыря церковь св. Спасъ: мощи св. Аверкія и вода цѣлебная туто есть. Близъ того монастырь женскій: ту глава св. Василья Кесарійскаго. Въ Одиитріи икона св. Богородицы: выходитъ въ всякой вторникъ и творитъ чудеса, и кто съ вѣрою придѣлитъ, здравіе получаетъ, писалъ же сію икону Лука евангеллистъ; нѣкогда бысть иконоборство, и съхранила сію икону въ Пантократори монастыри въ стѣнѣ, зажегше кандило предъ нею, и тоже кандило 60 лѣтъ не угасло предъ нею. Въ Апостольской церкви отъ мощей св. апостолъ, во алтарѣ зазаны мощи св. великаго Спиридона, мощи св. Плумена, гробъ св. Іоанна Златоустаго, гробъ Костянтина царя и матере его Елены, столпъ есть мраморный, у него же привязанъ былъ Спасъ, коли мучили его Жидова; туто есть камень, у него же плакалъ Петръ апостолъ о отверженіи Господни и алекторъ (куръ) его възгласилъ. А въ Пантократори монастыри: доска Спасова, на ней же несли его къ гробу, корчага во олтарѣ, что воду въ вино претворилъ Спасъ въ Канѣ Галилейскихъ, глава св. Флора и Лавра, глава св. Іакова Перскаго, близъ того Теодосія дѣлца въ тѣлѣ. Въ Панмакариствѣ въ монастырѣ: глава св. Игнатія Богоносца. Въ Подроми въ монастыри,

уже именуется «Богомъ богатый»: отъ мощей св. Іоанна Предтечи, леонтей Спасовъ, кровь, рука св. Іоанна Пустыника, глава св. Вифантія, отъ мощей св. Пантелеймона; у сего монастыря и есть ии селъ, ии виноградъ, но милостию божіею всѣхъ монастырей богате. Близъ того монастырь женскій св. *Никола*: и отъ мощей туто есть, въ хорѣ мощи св. Михаила Сигела (*Синкелла*). Въ *Ахернѣ*: риза св. Богородицы и отъ пояса ея; иѣкогда бысть иконобореніе въ Цариградѣ, прѣидоша и по суху и по морю, Сергій же патріархъ омочилъ въ морѣ сію ризу св. Богородицы и море вскипѣ, и ратни поѣбѣгоша; ту есть икона св. Богородицы, юже видѣ св. Андрей на воздухѣ за мѣръ моляшуся. Близъ того монастырь св. *Козмы и Дамьяна*: и отъ мощей главѣ ихъ обѣ. Въ монастыри св. пророка Давида: пророкъ Давидъ въ гробѣ, св. великій Никита въ гробѣ, Романъ цѣлѣецъ въ гробѣ. Въ *Пелесврентѣ* монастыри: рука правая св. І. Крестителя господня, глава великаго Григорья, отъ мощей Семіона Богопринца, и отъ мощей 10 мученикъ, и иныхъ св. мощей много, есть икона св. Богородицы, что поколодъ Жидовицъ въ шахматной игрѣ, и изопла кровь и нынѣ знати кровь. Въ *Студіи* въ монастыри Θεодора: мѣро св. вел. муч. Дмитрія, и отъ мощей свѣтыхъ много. Въ монастыри *Царициномъ*, иже именуется *Курьмарта*: отъ мощей св. Іоанна милостиваго, Марія Клеопова апостола сестра, св. Орина, Θεодосѣя мученица, что рокоу козливъ закалаю въ св. Софїи. Близъ Константинова двора царева есть монастырь св. *Сергія и Вакха*: отъ мощей ею обѣ главѣ; близъ того ирища цѣлѣе ядъ змиѣвъ запечатанъ въ трехъ иѣдлихъ змиѣхъ, и иныхъ дивесъ (*чудесъ*) много туто сѣтворено Лвомъ Премудрымъ царемъ. Въ монастыри св. *Лазаря*: Лазарь святой и сестрѣ его обѣ, Марѣа и Марія зазданы во олтарѣ. Сія

же св. монастыри или св. мощи, или чудотворенія, ово видѣхомъ, иная же не видѣхомъ, не мощно бо есть всходить въ монастырей, или св. мощей, или писати, тысяща тысящами; и нынѣ есть св. мощей или чудотвореніе много—не мощно бо исповѣдати.

(П. С. Лѣт. IV, 357—358).

При чтеніи путешествій, обратитъ вниманіе, какъ Византія дѣйствовала на русскихъ путешественниковъ чувствами своей святости и искусства.

78. Посланіе о раѣ ок. 1347.

Василіе, милостию божіею архіепискупъ Понагорода, священному епископу Θεодору тѣврскому, еже о Господѣ брату, благодать и миръ отъ Бога Отца вседержителя твоему священству и всему священному събору, игуменомъ, іереомъ и дѣтемъ твоимъ. Понеже увѣда смиреніе наше и св. съборъ священный, игумены, іереи, что ся учинило у васъ во Тѣбри промежи нами, въ тѣхъ людехъ божіихъ, посѣпленіемъ и по совѣту дѣволю и лихихъ людей, икоже бо слышомъ распрю, бывшую въ васъ о ономъ честномъ раю; и пребыхъ много дѣй во възсканіи исправленія божественнаго закона, тѣмъ еже низскахъ и се пишу къ тебѣ, понеже, брате, по божію повелѣнію, должны есмы другъ другу показати творити о исправленныхъ намъ божественныхъ писаній, отъ св. апостолъ, и великихъ святителей, икоже бо тѣ св. апостоли бесирестани посыланія твориху другъ ко другу, такоже и намъ подобно есть; въ нихъ бо мѣсто поставлены есмы, кто во что позоватъ, тотъ въ томъ да пребываетъ. Слышавъ, брате, что повѣстуети: «рай погыбѣ, въ немъ же былъ Адамъ;» ипо, брате, о тою есмы погыбели не слышали, ни въ писаніи кѣмъ обрѣли о томъ св. раю, но вси вѣдаемъ отъ св. писанія, что насади Богъ

рай на востокъ въ Едемѣ, и въведе в оныя человека и заповѣда ему, рекъ: «аще соблюдеши слово мое, живъ будеши; аще ли преступиши, смертию да умрешь и въ ту же землю выдеши, отъ нея же взять еси.» Онъ же преступилъ заповѣдь Божию и изгнанъ бысть изъ рая, и плачуща горько поидя: о раю пресвятый, иже мене ради посажденъ и Евы ради затворенъ! помози тебе створцаго и мене создаваго, да некли твоихъ цѣлителей насыщуся (1).

Тѣмъ къ нему Спасъ глаголя: моего создания не хочу погубити, но хочу спасти и въ разумъ истинный привести; обѣщаю ему пакы вникти въ рай. Въ царемъ (2) же имѣются 4 рѣки идуть изъ рая: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Евфратъ со вѣстока, Нилъ же подъ Египтомъ, ловящъ на немъ *силоамъ* (?), течетъ же съ высокихъ горъ, иже суть отъ земли и до небесъ, а мѣсто непроходимо есть челоукомъ, а верху его Рахманъ (3) живутъ. А се, брате въ приложѣ (*прологъ*) вѣдѣмъ явѣ есть, въ чудесахъ св. архангела Михаила, что возмъ праведнаго Еноха въ рай посадилъ честитымъ; а се Илья св. въ рай же съидеть, находящъ его и Агапій св. и чистъ хлѣба возмъ; а св. Макарій за 20 поприщъ жилъ отъ св. рая; а Евросимъ св. былъ въ рай и 3 лбока принесе изъ рая и далъ игумену своему Василію, отъ нихъ же исцѣленія многа быша. И нынѣ, брате, мнитъ ся чинъ мысленный, но все мысленно мнитъ ся видѣніемъ; а еже рече Христосъ въ евангеліи о второмъ прішествіи, а то ли мы-

слено скажете? Сущимъ олесную себе рече: «пріидите благословенши Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе прежде сложенія міру;» в сущимъ ошюю себе рече: «отъидѣте отъ мене проклятии въ огнь вѣчный, уготованный дьяволу и ангеломъ его;» не вамъ бо, рече, уготованъ мукы, но дьяволу и ангеломъ его. Отъхъ двою мѣсту 1. Златоустъ рече: «насадилъ Богъ рай на востокъ, а на западъ мукы уготова; якоже бо въ царевѣ дворѣ утѣха и веселіе, а въ дворѣ темница.» А се священномуч. Патреки глаголетъ: «два мѣста уготова, елико исполнено благихъ, а другое тмы и огня исполнено.» То же, брате, не речено Богомъ видѣти св. рая челоукомъ, а мукы и пынь суть на западѣ; много дѣтей моихъ Новгородцевъ видоки (*свидѣтели*) тому: на дышущемъ морѣ черкъ неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молвеная *Моръ*, и что вода въходить въ преисподняя и пакы исходить трижда днемъ. И та вся мѣста мучимая не погибота, а мѣсто се святое како погибѣ, повѣжъ ми, брате, возмъ же есть пречистая Богородица и множество святыхъ, еже по воскресеніи господни явишася многимъ въ Іерусалимъ и пакы видома въ рай? Речено бо имъ есть: уже пламенное оружіе не храни въ раю Едемскихъ; пріиде бо Спасъ мой, воша въ рѣны: видете пакы въ рай. А се, брате, въ Блаженіи молвиль: снѣди ради древняя пзведе изъ рая врагъ Адама, престомъ же разбойника Христосъ в оныя введе. Егда же приближися преставленіе владычица наша Богородица, ангель правде (*масличную*?) принесе вѣтвь изъ рая, являя гдѣ ей быти; а еже рай мысленный есть, то почто привесе вѣтвь сію ангель, а не мыслену есть? Апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ Ижидовъ вѣтвь ту видѣли. Ни едию же, брате, дѣло божіе тлѣнно есть; но вси дѣла божія не тлѣнна суть. Самовидецъ есмь сему, брате, егда Христосъ идый въ Іерусалимъ

(1) Это мѣсто есть въ духовномъ стихѣ: «О раю, мой раю, прекрасный мой раю» (Сборн. Кириловъ, въ Чт. общ. ист. № XIII), и взято изъ апокрифа: «Плачь Адама».

(2) *Царемъ*—выбранныя мѣста ветхаго завета для богослужебнаго чтанія.

(3) *Брамыны, браманы*—Индійцы, которые считались счастливыми изъ смертныхъ.

на страсть волную, и затвори своими рукама врата градна, и до сего дни неотворени суть; а егда постися Христосъ вадъ Ерданомъ, своими очима видѣвъ есмь постигну его, и ето финикъ Христосъ посади, недвижннъ суть и донынѣ, не погибли, ни погнѣли. Или, брате, имешь себѣ мыслити, аще насади Богъ на вѣстоцѣ рай, почто обрѣтесе въ Іерусалимѣ тѣло Адамле? то не вѣси ли, брате, службу ангельскую, козъ скоро свершаюгъ, безъ износимыхъ рѣчей служить Богу, въ мгновеніи ока землю прерипють и небеса преходятъ? мощно бо есть Богови единѣмъ словомъ Адама изъ рая въ Ерусалимѣ поставити, и херувиму повелѣ хранити врата Едемская, и по воскресеніи своемъ повелѣ Адаму въ рай вниити и множество святыхъ съ нимъ, слово и дѣло есть въскорѣ. А то мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ 3 юмы (судна), и одна отъ нихъ погибла много блудивъ, а 2 ихъ потомъ долго носило море въгромъ, и привнесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣна на горѣ той написанъ Девесуъ лазоревъ чюдннъ и велии издвѣленъ паче мѣры, яко не человѣчьскыма рукама творенъ, но божіею благодатию; и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіаненъ, яко не мощи чловѣку неговѣдати: и пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солида не видѣша, но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуяся паче солида; а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышашуть, и веселія гласы вѣщающа. И повелѣша единому другу своему взити по шегѣ (по мачтѣ) на гору ту, видѣти свѣтъ и ликованія гласы; и бысть яко взиде на гору ту, и абіе всплеснувъ рукама и засмѣяся, и побѣже отъ другнхъ своихъ къ сущему гласу. Они же велии удивлешася, и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажетъ имъ, что есть бывшее на горѣ; и той также сътвори, и мала възвратися къ своимъ, но съ вели-

кою радостію побѣже отъ нихъ. Они же страха наполнишася, и начаша размыслиати къ себѣ, глаголюще: «аше ли и смерть случится, но видѣти бѣгохъ свѣтлость мѣста сего» — и послаша третіаго на гору, привязавъ ужищемъ (перевкой) за ногу его; также и той стпорити хотѣ, всплескавъ радостно и побѣже, нъ радости забывъ ужаса на возѣ своемъ, они же сдернута его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтесе мертвъ. Они же побѣгоша вяснати: не дано есть имъ далѣ того видѣти свѣтлости тѣя неизреченныя, и веселія и ликованія тамо слышащаго; а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внуцата добры здоровы. А что, брате, молвишь рай мысленъ, нно, брате, такъ то и есть, мысленный и будетъ, а сажень (насажденный) не погиблъ и нынѣ есть, а на немъ свѣтъ самосіаненъ, а твердъ заплата есть до горъ тѣхъ равныхъ; а мысленный рай то есть, брате, егда вся земля искушена огнемъ будетъ, по апостольску словеса: чаемъ небесъ новыхъ и земли новыя, егда истинный свѣтъ Христосъ спидетъ на землю. Размысли себѣ, брате, козъ свѣтелъ свѣтъ именуется въ Бггнъ запятнй твердѣю, паче же много дивнѣе в свѣтлѣ свѣтъ — Христосъ истинный есть, а съ нимъ 9 чиновъ свѣти суть служить ему: 1, чинъ Ангели, 2, Архангели, 3, Начала, 4, Власти, 5, Силы, 6, Престоли, 7, Господства, 8, Херувими многоочити, 9, Серафими шестократни. Егда Господь нать ливити въ свѣтлости божества своего на землю и силы небесныя двинутся, ангелъ престануть отъ дѣла своихъ, и явить свѣтлость свою сътвореную отъ Бога; то есть, брате, мысленный рай, егда вся земля просвѣщена будетъ свѣтомъ неизреченнымъ, исполнена радости и веселія, якоже апостолъ Павелъ глаголетъ, егда възхощетъ бысть до третіаго небеса: «око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце чловѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ

его.» О семъ раю мысленомъ Христосъ рече: «суть етерн (нѣкоторые) отъ здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дождеже узрѣти царствіе божіе пришедшее въ силѣ.» То суть, брате, видѣше царствіе божіе Моисій и Ілїа, Петръ и Іаковъ и Іоанъ на Оаворѣстѣи горѣ. Якоже видѣше ученици его, удариша собою о перстную землю, не могуще видѣти свѣтлости божества его; не възможно бо его, брате, ни святымъ видѣти, мысленаго рая, въ плоти суще, того ради си святїи видѣше не моглаи стояти, ницѣ на землю падоша.

(Н. С. Лѣт. VI, 87—89).

См. также *Степен. книги I, 480 — 484*. Владыка Василій, очевидно, воспользовался апокрифомъ «О трехъ мѣсахъ, како находило Макарія у раи» (*Пам. старин. литер. 3, 137 — 139*). *Пам. отреч. рус. литер. Тихомирова 1863 г. II 59*; также пѣлъ онъ полъ руками отреченное «Слово объ Адамѣ».

79 Перечень ложныхъ книгъ XIV в.

Яко ни мирскихъ съставленныхъ псалмовъ глаголетъ дерзави, ни не исправленныхъ книгъ чтеть, но токмо исправлены новаго и ветхаго заветъ, а иже кто лже-написаныя и несправленыя книги полагаетъ въ церковь, аки святы, да извержеться, а книги да сожгутся.

Неисправленыя же книги се суть имена имъ: Адамъ. Енохъ. Ламехъ. Патриарси. Молитва Иосифова. Псалми Соломоны. Пѣсни Давидовы. Обавления Илиина. Обавления Софонїина. Обавления Петрова. Обиходи апостольствъ. Варнаве по-славне. Въпроси Іоанна Θεолога, еже въпраша Аврама праотца на горѣ Елеонетѣй. Того же въпроси къ Господу: слыши, праведный Іоанне, еже есть баснемъ законъ. Въпроси Варлоламеовы къ Богородици: до-

жная писания. Еуангеліе отъ Варнавы. Еуангеліе отъ Фомы: еретичи списали. Видѣше Павла апостола, еже епископъ еую именуютъ. Паралипомена Иеремїева о плененїи, что орла слави уъ Вавилонѣ съ грамотою къ Іеремїи. Житіе апостола Петра, что рыбы по сузѣ ходили. Дѣтство Христово, что Господа отречатемъ продавалъ: еретикъ писалъ. Два на 10 яковлѣча, глаголемая дѣтвица. Іепистолья о недѣли. По муканъ хоженіе Богородици. Имена аггеломъ. Прѣнне диаволе съ Христомъ. Недугъ естественный, его же трисавицами именуютъ, яко же баеъ Еремїя попъ болгарскый; глаголетъ бо оканчїи сице: яко сѣдѣшу св. отцю Сисѣнью на горѣ Синаистѣи и ангела Сихаила именуютъ, еже на соблазнъ мнозѣмъ, и седмъ трисавицъ. Иродовы дщери баснѣствоваше злыи, иже ни еуангелїасты и ни единѣи же отъ св. седми (соборъ?) именоваше. По единя испрошїи главу Предтечеву уебщи, о ней же явѣ есть, яко Филиппова дщи (дочь) бѣ, а не Иродова; великий же Сисѣний патриархъ Костянтїна града въ своихъ ему словесѣхъ глаголаше сице: не мните мя оного Сисѣния лживаго, его же написа Иеремїя попъ, неразумнымъ на соблазнъ. О древѣ крѣстїицѣмъ—пѣвѣете св. Троицѣ, и о Господѣ нашемъ І. Христѣ, како в поны ставленъ: тоже Иеремїа что си излага. О Соломоны царя и о китоврасѣ басни и кощунны. О службѣи таинѣ Христовѣ, что опоздѣтъ обѣдню, рекше врата затворятся, и о семъ попа клеветъ: еретикъ писалъ ⁽¹⁾.

Суть же и мученическая словеса криво складена, не тако, якоже оныхъ истина ле

(1) Въ словѣ Еремїи (*Пам. Сборн. XIV в.*) къ числу отреченныхъ книгъ отнесены: астрономїа, звѣздочетъ, сонникъ, волхвицкї, птичїи чаровѣ, землѣжрѣе, чаромѣрѣе, стѣнныя знаменїе, луное и солнечная, яко 3 бывають солица, лезейникъ, колѣдникъ, громъ якъ, благоуханїа вода и т. п.

жить, яко се Георгиево мучение, рекше отъ Дадяна мучень бысть. Никитино мучение пивующий его, яко царевъ сынъ, еже не бысть тако. Вупатнево мучение. Климента зыгирьскаго и плѣхъ мнозѣхъ.

Суть же ложная писания, яко се худыа сѧ номокапопци, у поповъ, по молитвенникомъ и лживымъ молитвы, еже о трясаицахъ. Еретичы быти, исказиаи предания св. апостолъ, пачуче на соблазнъ грубымъ ложнал словеса. Пола соборъ обыскалъ и ищиствилъ и проклѣялъ

(Литоп. занятый Археогр. Ком. 1861. I, 25—7).

Подобный список ложныхъ книгъ находится въ Изборникѣ Святослава 1073 г и буквально переведенъ съ греческаго языка. Представленный здѣсь списокъ, который относится къ XIV в., сходенъ съ индексомъ, приписываемымъ патриарху константиноп. Никитору.

Ложныя или отреченныя книги представляють одно изъ важнейшихъ явленій старой русской письменности, отъ которой отъчасти зависитъ решение многихъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи культуры и развитія русскаго народа. Давно указанный и запрещенный духовными учителями, они держались однако въ народѣ и влияние ихъ начинается съ первыхъ памятниковъ нашей литературы и отъ перваго знакомства съ Византией. Въ томъ средний періодъ древней Руси, въ которомъ до сихъ поръ остается столько темнаго для исторіи, обширный кругъ этой литературы является уже въ полномъ развитіи, — и его дѣйствіе на массу было такъ глубоко, что даже и теперь есть иногда полная возможность убедиться изъ позднѣе отысканныхъ древнихъ апокрифовъ или изъ современнѣе преданій и суевѣрьевъ народа, или изъ рукописныхъ тетрадакъ раскольническихъ. Главное содержаніе апокрифовъ вращалось на ветхозаветныхъ и новозаветныхъ личностяхъ и событіяхъ, къ которымъ сведены была вся подпочтовая, занимавшая стариннаго простаго человѣка. Большая часть этихъ преданій явилась въ первый разъ на Востокѣ и въ Византии, и только еще получивъ полнѣе народный откликъ, — сначала незатѣченный и проникавшій даже въ официальныя произведенія церковныхъ отцовъ, но наконецъ развилыйся до чисто фанта-

стическаго характера, который и былъ по томъ причиною ихъ запрещенія. Апокрифы сражались съ суевѣрьемъ, даже съ ерестическимъ: въ апокрифы видѣли чуть не страшное «волшебство»: его стали считать дьявольскими писаніемъ, и въ разрядъ апокрифа и въ самомъ дѣлѣ начали причислять волшебныя и чудотворныя книги, астрологію и т. д. Этотъ взглядъ перешелъ и въ понятія нашихъ старинныхъ блюстителей и цензоровъ народной вѣры; по нашимъ памятникамъ, ложная книга была «оторымъ идогловѣриемъ»... Не смотря на то, этими книгамъ, «насланнымъ отъ бже на пачубу душамъ», — предстоялъ огромный успѣхъ въ нашей старой письменности. Апокрифы поэтически дополняли догматическую литературу. Легко дѣйствую своимъ сказочнымъ характеромъ и неразвитое воображеніе, они крѣпко засѣли въ понятіяхъ народа, являлись иногда съ старыми повѣрьями оренъ язычества и породили сами цѣлую массу новыхъ народныхъ легендъ и суевѣрій. Стариннымъ читателемъ находили въ нихъ ответы на пытливые вопросы младенческой мысли — о твореніи міра, о судьбѣ человека, о будущей жизни, о природѣ и повседневной дѣятельности человека; апокрифы какъ нельзя лучше приходились къ народнымъ представленіямъ, въ которыхъ фантастическое и волшебное лѣнилось съ самыми научными и материальными подробностями и образами. Черезъ посредство «ложныхъ книгъ» до сихъ поръ можно объяснить этины литературныя путенъ много изъ современныхъ понятій и суевѣрной мифологіи народа. Русская древность опредѣлила объемъ этой литературы въ подробномъ указателѣ, известномъ подъ именемъ статьи: О книгахъ истинныхъ и ложныхъ...

Вмѣстѣ съ первыми памятниками византийскаго литературнаго явленія и списки книгъ истинныхъ — каноническихъ, и ложныхъ, т. е. апокрифическихъ писаній. Такъ, они находятся уже въ Солтославовомъ сборникѣ (1073 г.) (1), пришедшемъ къ намъ черезъ Болгарию изъ византийскаго источника. Но индексъ византийскіе не были похожи на позднюю статью «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ»: одни были лено чужие, въ нихъ было только самое короткое обозначеніе древнехристіанскихъ каноническихъ книгъ и апокрифовъ, въ другой, кромѣ длиннаго перечисленія ихъ, мы находимъ и еще множество другихъ книгъ, легендъ, даже суевѣрій и народныхъ преданій, — что было лено приурочено къ русскимъ нравамъ и къ содержанию рус-

(1) Статьи о ложныхъ книгахъ встрѣчаются въ кончинахъ XIII и XIV в. въ молитвенникѣ м. Кипріяна до 1406 г.

ской письменности. Статья о ложных книгах была таким образом уже чисто русским приложением: она была адресована к русскому православному читателю и направлена против русских ложных книг и народных суеверий.

80. Имена ангеловъ

А се имена ангельска, вже обладают и виноградъ и градинами:

1, Име ему *Полутосъ*: напиши ему на кресте и постави по средѣ виноградъ, или нивъ, или градине (въ *огородъ*),—и проженеть всякого дѣвола отъ туду; св. Духъ умножать въ дому твоему жита и вина и вса блага въ обители.

2, Ангель *Ефимъ*, вже домови обладаеть всякому христіанину, и пиши име ему на кресте и постави въ дому твоему, и проженеть отъ дому того всякого дѣвола,—и не прикоснется николиже.

3, Ангель издѣ водами, имая его въ память и помолит его съхранить тебе отъ потопа воднаго.

4, Ангель *Михайло*: егда спити и пробудилсѣ, имей его въ память и помолитсѣ ему..... (конца не достаетъ).

(Памяти. отречен. р. литер. Тихомирова. II, 345. Изъ сербской рук. XV в.)

81. Сказаніе, како сотвори Богъ Адама.

.....Создати въ земли Маданстей челоука, вземъ земли горсть отъ осьми частей: 1) отъ земли—тѣло, 2) отъ камня—кости, 3) отъ моря—кровь, 4) отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—оттепла. И поиде Господь Богъ очю имати отъ солнца, и оста-

ви Адама единого лежаща на земли; прииде же оканнѣй сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями (соязиди). И прииде Господь ко Адаму и восхотѣ очю вложити во Адама, и виде его мужа измазаниа, и разгнѣвася Господь на дѣвола и пача глаголати: «окаянне дѣволе, проклятый, не достоинъ ли твоя погибель? Что ради челоуку сему сотворишь еси пакость, измаза его? и прокляты ты буди,»—и дѣволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонны, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и тѣслою ⁽¹⁾ очисти его аки зеркало отъ всѣхъ сквернъ, и постави собаку и повелѣ стрѣиди Адама, а самъ Господь отиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И прииде вторые сотона и восхотѣ на Адама нанусти злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и уболѣи велими сотона. Собака начала зло лаяти на дѣвола, оканнѣй же сотона, вземъ древо, и истыка всего челоука Адама, и сотвори ему въ немъ 70 педуговъ. И прииде Ісусъ изъ горнево Іерусалима, и видѣ Адама древомъ исколото, и милосердова о немъ и рече сотонѣ: «проклятый дѣволе, что сотворишь челоуку сему, почто вложилъ недуги сія?» —Тогда отвѣща дѣволъ, оканнѣй сотона Господу, глаголи: аще приидеть кая болѣзнь челоуку сему, да не постигнетъ, до скончанія всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой педугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя имать на помощь призывати въ педузахъ свѣхъ. И отгна Господь дѣвола, и исчезе дѣволъ, прогна (изъ), аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Скобелкою, тѣсло — полукруглов долото, исполненное на рукоятку въ родѣ топора.

⁽²⁾ Т. е. всѣ недуги обращены были во внутри челоука тѣла, гдѣ они всегда скрываются.

И посла Господь ангела своего, повелъ взять азъ на востокъ, добро на западъ, мыслете на сѣверъ и (ъ) на юзъ. И бысть человекъ въ думу жову, нарече имя ему *Адамъ*. А костей сотвори Богъ во *Адамъ* 345, и бысть *Адамъ* царь всѣмъ землямъ и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ и рыбамъ морскимъ и самопласть дать ему Богъ. И рече Господь *Адаму*, глаголя: «тебѣ работаетъ солнце и луна и звѣзды, и птицы небесныя и рыбы морскія, и итлицы и скоты и гады.—И насадъ Господь Богъ рай на востокъ и велѣ *Адаму* пребыти, а жена *Адаму* еще не сотворена бысть. И яложи Господи Богъ сонъ во *Адама*, и усне *Адамъ*, и взять его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и нозѣ и главу, и созда ему жену въ 6-й день, и показа ему Господь свою смерть и распятие и воскресеніе, и провидѣ вознесеніе за полшесть (за $5\frac{1}{2}$) тысящъ лѣтъ. И видѣ *Адамъ* Господа распята, а Петра въ Римѣ ходяща, а Павла въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе твое (sic) воскресеніе, и вознесеніе Господь....

И воста *Адамъ* отъ сна своего и трепетень бысть во ужасѣ величѣ о провидѣніи. И вожа (sic) Господь *Адама* въ рай ходяща и рече ему: «*Адаме*, *Адаме*, пощѣжь ми.» *Адамъ* же убоися велии, не смѣя Богу повѣдати того видѣнія. И рече ему Господь Богъ: «*Адаме*, *Адаме*!—*Адамъ* же рече ему: Господи владыко, тебе видѣлъ на крестѣ распята во Иерусалимѣ, а ученики твои видѣ(хъ) ходяща Петра въ Римѣ, а Павла въ Дамасцѣ, проповѣдующе твое распятіе и воскресеніе.—И рече ему Господь: «подобаетъ ми тебе радн снѣти на землю и распяту быти и въ 3 й день воскреснута; а ты же не пощѣдай никомуже видѣнія сего, дождеже увидиши мя въ раю сѣдша одесную Отца, и ты о томъ поскорѣи, *Адаме*.»

И бысть *Адамъ* въ раи 7 днѣй, прообразуя Господь Богъ житіе человеческое:

10 лѣтъ исполнителя роженіе, 20 лѣтъ—юноша, 30 лѣтъ—свершеше, 40 лѣтъ—средовѣчіе, 50 лѣтъ—сѣднна, 60 лѣтъ—старость, 70 лѣтъ—скончаніе.

И сотвори Господь Богъ всю тварь, море и рѣки и скоти своею хитростию, а та 7 днѣй противъ 7 тысящъ лѣтъ. И постави Господь Богъ двѣ свѣтила величѣ на тверди небеснѣй—освѣтити землю и разлучи между днемъ и ночью, да будетъ во знаменіи дне и лѣта, а будетъ просвѣщеніе на тверди небеснѣй: свѣтила великая въ начатокъ дни, второе свѣтило—въ начатокъ ночи. И звѣзды постави Господь Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли и обладати днемъ и ночью и свѣтомъ. И бысть вечеръ и бысть утро—день четвертый.

Постави Господь Богъ планеты и облацы зарыныя и дуги на облацѣхъ, еже пушати дожди и громъ, и молнія человекѣмъ всея земли просвѣщати древа плодотвѣта. И рече Господь Богъ: «изведе воды живыхъ во вѣки, итицѣ перящесе по заводемъ⁽¹⁾ на тверди небеснѣй (?).» И бысть, яко сотвори Господь Богъ 4 книги великія, изведе отъ нихъ всяку птицу и всякъ гадъ на земли; и пныя благослови ясти, и глаголя: «раститесе и умножитесе и наполните (землю) и обладайте ею.» А в 7 бо днѣ(й) обходитъ кругъ, а 7 лѣтъ за всю 7000 лѣтъ, и 8-й тысящи нѣсть конца, еже есть безжовечный. Въ недѣлю (въ воскресеніе) воскресе Христосъ отъ мертвыхъ, и въ той же день Господь на облацѣхъ (придетъ) судити всему міру, иже не ямать конца свѣта и воздасть комуждо по дѣломъ его...

(Памят. старин. литер. III, 12—14.)

(1) Забоды—такия мѣста въ рѣкѣ, заливъ

82. Личныя молитвы и заговоры.

1. Молитва апостола Павла, аще змиа устыкнетъ чловѣка или скотину ⁽¹⁾.

Возми сосудъ чистъ и вли въ воду чисту, молитву сію рекъ, напои болящаго и помажь мѣсто уяденное и исцѣлеть. Аще ли далече больной, напои повѣдашаго ти и помажь мѣсто уяденное, и изцѣлеть врежденный.

Молитва. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ Павелъ, прежде нареченный Савлъ, бысть гонитель и каменемъ вся сосуды св. Духа побивахъ, а нынѣ рабъ и апостолъ христовъ: плывущу ми по морю къ странамъ ливанскимъ и, ко острову потщавшеся, изыдоша вси възъ корабля, изыдохъ и азъ, еже собрати рождѣнныя. И скончавши отонуду, ехидна нѣкая обѣи ми ся на десной руцѣ. Азъ же, имѣя въ себѣ св. Духа, и отрясохъ ю на восходящій пламень, и сожжена бысть до конца, и ни единыя же покости прихъ отъ уязвленія ея, и въ сонъ преложишася. И яви сея во снѣ архангелъ Михаилъ и возгласи мнѣ, глаголя: «Павле, рабе господень! возтани и прими книгу сію и обращеніи въ ней воображеніе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ.» И возставъ, приимъ книгу, обрѣтохъ въ ней написано сиде: «Заклятая вѣсть 400 и 90 и 5 и половину родъ звѣринъ, ползающихъ по земли, во имя Господа нашего І. Христа, сотворившаго небо и землю, и въ престолъ его неподвижимый и во огненную рѣку, исходящую отъ подножія Господа нашего І. Христа и во множество св. ангелъ его, приимшихъ отъ него власть наступати на змию и на скорпию и на всю сплу вражію, змию вредящую и василиска, и аспида, и змию облаковидную, змию огневидную, змию власновидную, змию дубо-

входную, змию врановидную, змию слѣпую, змию стрѣльную, змию черную, змию триглавную, змию, уядающую жены, ехидну морскую, имущую ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпию, духовеніе дѣволе.» Идѣже преневетъ апостола Павла преещеніе, еже проповѣдася, звѣри ради всяко всегда уируеть звѣрь, а врежennyй исцѣлеть во славу божію. Аминь.

2. Молитва отъ всякое болѣзани нечестиваго духа и отъ главы ⁽¹⁾.

Отче святы, всемоги, прѣвечни Боже, отърини все болѣсти отъ чловѣка сего, отъ главы, отъ власи, отъ вѣрха, отъ тѣмена, отъ очи, отъ уши, отъ вустъ, отъ езика, отъ подѣзика, отъ гортани, отъ руцъ, отъ прѣсти, отъ сердце, отъ жили, отъ тѣлеси всего, отъ всехъ составъ чльновнихъ, отъ внутри, отъ езу, отъ гласа, отъ юности, отъ всякаго тела раба божіа *имер.* въ имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

3. Молитва родильницъ. Аще коли жена дѣтитемъ болѣтъ, сію молитву напиши на бумазѣ, вели глаголати попу трижды надъ тою женою да вели *обязати около главы ея* ⁽²⁾.

«Господи благослови отче. Обрѣте Господь нашъ І. Христосъ надъ св. Іоаномъ Богословомъ и обрѣте жену *имре* родящу и чревомъ болящую и не могущу родити ея, и рече Господь нашъ І. Христосъ св. Іоанну Богослову: иди, Іоанне, и рци ей во правое ухо: отъ Бога родимое и отъ Бога питаемое, выиди младенецъ ко Христу,—Христосъ тя зоветъ, во имя Отца и

⁽¹⁾ Печатается по списку XVII в., но она находится въ сербск. требникѣ 1423 г.

⁽¹⁾ Заимствована изъ сербской рукоп. XV в. Такая же заговорная молитва, только пространнѣе, находится въ Сборн. 1476 г.

⁽²⁾ Эта молитва встрѣчается въ частѣ заговора въ аѣчебникѣ XVII в.

Сына и св. Духа всегда и ныне и присно и вѣки вѣкомъ. Аминь.»

Глаголи и се толкуєсь: «Помани Господи сыны Едомскія въ день Іерусалимъ, глаголющая—истощайте, истощайте.»

4. Молитва св. священномуч. Антипы зубная. Положиси поклоны 12, Господи помилуй 40 и положи чело на камени, глаголи молитву сию:

«Радуйся, стѣно и кореше ея, измни Господи болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе исцѣленіе глазъ и челюстей рабу твоему *имрѣ*, молитвами св. священ. Антипы и св. Богородица и св. безмездникъ Козмы и Даміана и всѣхъ святыхъ твоихъ, ныне и присно и вѣки вѣкомъ. Аминь.»

Великому Антипѣ литургію твою и дай на службу по силѣ.

5. Молитва егда претсея вода.

Обонъ поля Іердана стоять трие аггелы, мѣдна чрева имуще; единъ вяжетъ і единъ рѣшаютъ, третій Бога молятъ, и сію глаголетъ: святъ, святъ, трисвѣтаты Господи, пусти проходъ, Оисонъ, Геовъ, Тигръ, Ефратъ, пусти проходъ да потечетъ вода, куды есть текла, во имя Отца и Сына и св. Духа, ныне и присно и вѣки вѣкомъ. Аминь ⁽¹⁾.

(Памяти. отреч. рус. литер. Тихонова, II, 353—360).

83. Сербско-болгарскій разсказъ о сотвореніи міра.

Прежъ земли бысть Господь Саваофъ—въ трехъ комахъ на воздушѣхъ. И по-

мысли себѣ Господь Саваофъ, безначальный отецъ, и тако стригну отъ сердца и родъ возлюбленнаго Сына божія Господа нашего І. Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой св. пещусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на 70 тѣмахъ ⁽¹⁾ тысящъ и будите озера и облака и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и дуну изъ пѣдръ своихъ, рай на востокѣ насади; мразъ—отъ лица господня, а громъ—гласъ господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молніе—слово господне изъ устъ божіихъ исходитъ, а солнце—отъ внутрення ризы господня, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тѣла столповъ на воздушѣхъ. И рече Господь: буди на землѣ море Тивиріадское, вода соленая. И снѣде Господь по воздуху на море Тивиріадское и узрѣ Господь плавающего на тоѣ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему, гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися (*нырни*) въ море, и вынь земли и камень, и преломи надвое, изъ лѣвья рука дасть сатанѣ половину камня, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Богъ отъ искръ огненныхъ Михаилъ архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жъ изъ камня (*сотвори*) бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите 33 кита на морѣ Тивиріадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля.

(Изъ сборника М. Сальче, принадлежащаго В. И. Григоровичу. Ж. Мил. Н. Пр. 1863, кн. 3, IV. 91).

Подобныя повѣсти о сотвореніи міра доселѣ разсказываются въ престоинародѣхъ какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ (Дѣл. литер. Тихонр. III).

⁽¹⁾ Подобная молитва есть въ сербскомъ требникѣ 1423 г. Последнія три молитвы взяты изъ русоп. 1476.

⁽¹⁾ Тѣма—значить счетъ: 40,000.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

84. Легенда о Пятнице.

Когда-то одна баба не почтила матушку Пятницу и начала придево мыкать да вертеть. Пропряла она до объѣда, и вдругъ совъ на нее нашель—такой могучій сонъ! Уснула она, вдругъ отворилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница вѣточю въсьмъ, въ бѣломъ шумунѣ, да сердитая такая! и шмыгъ прямо къ бабѣ, що пряла-то. Набрала горсть кастрику съ пола, какая отлетала—то отъ мочекъ (придей льна или поссоки), и ну посыпать ей глаза, и ну посыпать! посыпала да и была такова; поминай, какъ звали! Ничего и не молвила, сердешнал. Та баба какъ проснулася, такъ и вавыла благимъ матомъ отъ гъязъ, и ни въдаа, отъ чего они заболѣли. Другія бабы сидятъ въ ужасы и учали зорить: „Ухъ ты, окаянная! Заслужила казнь лютую отъ матушки Пятницы“ — и сказали ей все шо было. Та баба слушала—слушала и ну просить: „матушка Пятница! возмилуйся нѣ, помилуй меня грѣшную: поставлю тебѣ свѣчку, и другу — недругу закажу обижать тебя, матушка!“ И шо жъ ты думаешь? Ночью, вишь, опять приходила она и выбила изъ глазъ у той бабы кастрику—то, и она опять встала. Грѣхъ великій обижать матушку Пятницу—прядево мыкать да прастъ.

(Записана въ Липецк. у. Тамб. губер. сельс. ун-т. Елисеемъ Сабуровымъ. У Аванасьева стр. 47).

Почитанію Пятницы ведетъ свое начало извѣстнъ: этотъ день посвящается богинѣ Венерѣ или Фреѣ, Прид. Какъ у Славянъ, такъ и у Русскихъ доселѣ передаются рассказы о св. Пятницѣ, хотя первоначальный смыслъ ихъ утратился. (См. Арх. истор.-кр. кн. 2, пол. 2, отд. IV, 42—43. I. Экзархъ Болгар. 210. Моск. вѣдом. 1831, № 75. Прав. Собес. 1859, № 2, 188. См. также „Легенды Аванасьева, стр. 145—140).

Сувѣранный взглядъ стили находить объясненіе старинныхъ преданій въ христіанской исторіи; въ одномъ духовномъ стихѣ передается эта легенда такъ:

Молился трудникъ во пустыни,
Не владѣлъ онъ ни руками, ни ногами.
Пришла Пятница Парасковѣ,
Трудника съмѣю осветила,
Трудника крестомъ оградилъ,
Божьи рѣчи говорила:
Поди же, трудникъ, на Россію,
Скажи трудникъ всему міру,
Чтобы матернымъ словомъ не бранились;
Отъ матерна слова поизбаются;
Чтобы родители дѣтей не проклинали
И жиновѣмъ дѣтей не называли:
Жиды у Христа проклятые;
Чтобы мужики жены честныя
Понимали три дни въ кепель:
Пятницу и среду почитали,
Въ воскресный бы день не работали,
Чтобы въ среду золы не золили,
Чтобы на чистую воду не пущали,
А въ пятницу пыли не пылили⁽¹⁾,
Что въ пятницу Жиды Христа распинали,
Горячую кровь пропущали.

(Калѣки, в. 6, стр. 164—165).

85. Легенда о Ной Праведномъ.

Въ древнее время былъ человѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во вѣсѣхъ человѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь свергну человѣческихъ дѣлъ очистить и сотворить потопа на землѣ. И послалъ къ нему, Ную Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ную сотворить ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ 13 мѣсяцевъ, а жепѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ.... Дьяволъ сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой?— Она же сказала ему: „крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны.“ Дьяволъ же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вѣется по деревьямъ; имя ей

(¹) Чтобы не парили шею и бѣлья не подожгли, чтобы лѣтъ не трепези, не млади, не мыкали и не пряди, п. ч. отъ пыли при этой работѣ засоряется лицо св. Пятницы.

хмель. И ты ступай, паряв травы той цвету, упарь и уквась ее, и гѣмь его напои, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаетъ. — И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказала женѣ своей: „жепо, дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить.“ Жена же, пазивъ чащу, подава ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: „пѣтъ ли еще?“ Жена дава ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена пачала его ласковыми словами спрашивать: „куда господине мой, ходишь и что творишь?“ Ной и разсказалъ ей все... Наутро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ плакать. И явился ему ангелъ господень, и сказалъ ему: не вѣдѣлъ тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ.

(*Легенды*, изд. А. Аванисьевымъ, стр. 181—183).

См. еще 48—53. Рус. Вѣстн. 1856 г. № 13, стр. 21—23. Очеркъ литер. исторіи старин. пов. и сказокъ, А. Пыпина. 204—205.

Эта легенда дѣлкомъ взята изъ апокрифическаго „Сказанія о Ное“ (Нам. стар. литер. III, 47—48). Неизвѣстно, когда и гдѣ составилось это сказаніе, но оно передѣлано въ Россіи и получило мѣстный колоритъ. Такъ подъ травой, пьющейся около дерева, разумѣется хмель, вмѣсто виноградя; а подъ питьемъ изъ этой травы — пиво или хмельная брага, вмѣсто винограднаго вина.

О легендахъ:

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуютъ цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вследствие котораго получили они названіе легенды. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя върованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспріятыя юными новообращенными племенами, должны были найти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ

повѣствованій; такое заимствованіе событий и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшіеся подъ вліяніемъ священныя книгъ и отчасти отразившіеся въ народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный духовный; пѣсня обратилась въ стихъ, сказка — въ легенду. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народнаго фантазма, видоизмѣняется согласно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и напѣвами, который уцѣлѣли отъ эпохи до-исторической и которые поочинному такъ противоположены началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь насильдственно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ на несостоятельность подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія, такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ, въ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія некоторыя чудотворныя атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому, хотя пристоичнѣе смотрѣть на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейскій оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религиозно-догматическаго откровенія народа въ его современномъ состояніи. Пѣть, это все памятники глубокой старины, того давня происшедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смщеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрѣдова въ языческими, назвалъ народъ нашихъ доисвѣрныхъ.

Если они и уцѣлѣли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторыя пріемъ слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все — такъ главнымъ образомъ они любобытны для насъ, какъ пѣснь поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ мифовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены въ нихъ характеромъ и принимаютъ въ дѣлѣхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыя христианскія начала, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человека и природы, она по старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событий, описанныхъ въ вѣтхомъ и новомъ заветѣхъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Такъ, по народнымъ повѣртіямъ, собака первоначально была создана колю; но чертъ желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. Мышь прогрызаетъ Ноювъ ковчегъ; ужемъ зажимаетъ эту дыру своей головою, за что Богъ положилъ ему голову. Когда родился Христосъ и начались тѣсныя Прода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикормила его сыномъ. Прожорливая лошадь всю ночь пѣла кормъ и непрерывно открывала убожище Спасителя, а волъ не только перестилъ пѣть, но еще собиралъ разбросанное съено рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а волъ благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается, оттого-то волъ употребляется человекомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ.

Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ Еврея, Толпа окружила его. Невѣрующей хозяйкѣ вздумалъ помыслиться, и сказала Спасителю: „если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?“ — Свилъ съ трема поросятами, — отвѣтилъ Господь.

Какой ужасъ околѣлъ престолнцѣхъ, когда вмѣсто спрятавшихся хойки и дѣтей вытолзла изъ подъ корыта больша свинья съ трема поросятами. Вотъ почему Евреи не поднятъ свинины. — Медалью, говорятъ поселане, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, пѣтъ хлѣба, ходитъ на заднихъ лапахъ, пидаетъ и не имѣетъ хвоста....

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ истинныхъ событий и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гуманнаго христианскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. (Народ. рус. легенды, собр. А. П. Аванасьевицъ. М. 1859 г. Въ предис. стр. V—XIV).

86. Изъ византійской повѣсти „Александръ драгъ.“

Житіе и послѣдованіе достояннымъ человекомъ и воиномъ оустраивающимся на бранѣ, еже убо чинити и разумѣти и слышати блаженнаго мужа цара Александра, како воюва и како назавсе царь всѣхъ земли подсолнечной. Начнемъ уже о рожденіи и о смерти его.

Бысть великой премудрости и храбрости и крѣпости утвердившихся въ лѣто.... рожденъ сынъ ему тогда и нарече имя ему Александръ, еже по греческомъ езику зовется избраннъ, и по истинѣ избранъ и благъ въсемъ являшеся; не бѣ же ему отъ пѣтскаго рожденія, ни отъ человѣческаго утвора, но божіимъ промысломъ, еже всегда помогаше ему. Имаше къ высшему истинную любовь и языкъ непотворнъ; податливъ и милостивъ къ всемъ согрѣшающимъ, и правъ судъ имаше; сими 4-ми добродѣтелями четверемъ краемъ землѣ царь сомодрѣжацъ назавсе, и сими добродѣтелями высакій царь свое царство требуе аржати. И тако Александръ творю, великимъ градомъ и странами царь назавсе, козико ни умъ человекъ постигнути възможе, ни разумъ дойти Александромъ добродѣтели, душевнѣй же и пласцей.

Нагнемъ убо о рожденіи Александромъ. Говоре сынъ Филиповъ бити ему, но небуди то, но Нектевана цара Египтскаго сынъ есть, и Олимпіади, жены Филиповы. Сій Нектеванъ, Египтскими странами царь, вѣховною хитростію и звѣздочтѣемъ царь бѣше, къ бою и рати пейдеше, ни войскомъ ни оружіемъ противляшеся, но на помощь себе имаше вѣховную хитрость, и въсемъ околнимъ езикомъ противляшеся и одолеваше. И вси околніе царіе чуждахуся, что учинити лукавому сему вѣху, Египтскому царю, — вса бо благая земли нашей и богатство вѣховною хитростію възетъ и къ слови земли приложи, ни же страждемо; но обаче нетрпимъ вещь сію вѣховную, нъ васи събравшеся на землю Египтскую поиде, и Нектевана отъ царства изгнавши, и блага наша опетъ къ себе възвемо, а онъ есть бездѣтъ и безъ наслѣдія вѣховнъ и страшливъ, и вса земля та противитсе. Бѣху же събѣщали овнъ езицы на Нектевана: Перси, Ивери и Арапи, и Аксіапи, Вюпи, и Елапи, и иніе восточны езицы; и то видевъ Египтскій царь краишій, царь именемъ Вѣрѣтрихъ, и вспликавсе, и рече: „о тебѣ тебе, великій въ градовѣхъ Египте, до небесъ възнесесе, и до ада.... сънидешъ; рука твоя бѣ на всѣхъ, нынѣ же рука всѣхъ на те; здѣ сладости насытилсе еси, нынѣ же горькаго яда наситишсе, но идемъ къ Нектевану царю и исповѣмъ ему бывшее, понеже

невзятые восточные царива и войске идуть нань." И приидь, приступивъ къ нему, и рече: „вѣсто ти буди царю, понеже вскоре свой животъ въ самртъ премѣниши, Даріе бо царь Персидскій, кой бу такматсе (?) прииде на межде земле твоее съ вѣсьми восточными войсками, и хоцетъ поразити Егупатъ тебе ради, но савѣкупи свою войску на бой, и изиди прѣма ихъ, нѣ никто же можетъ одолѣти сильной войсцѣ и храбромъ витезомъ ихъ.“ — царь рече,—царь на цара и юнакъ на юнака и коня, и тако чѣсть и помощь имать; царство многими людьми сѣстоитсе, како и море многими ванами, и тако страшно является плавающимъ до немъ. И то Нектенаву Верберихъ рече, и насмѣясе царь и рече: добро сътворилъ еси, понеже възвестилъ еси мнѣ дошастіе цара Дарія и другихъ восточныхъ царей на Егупатъ; мудрій страшливъ небываетъ, раты многими людьми небываютъ, но добринъ и храбримъ сердцемъ; мнозици единъ воакъ многи елень гонить, и единого вѣлка скопченіемъ много стада овецъ разгонитсе, нѣ ти пойдѣ и реченіе твое отъ мене створи мнѣхъ съходи и мнѣ гласъ посылай. И се рекъ Верверика отправи, самъ же писа книгу по вѣсехъ градовѣхъ и странахъ Егупатскихъ готовитсе на брань, битисе за землю и за царство свое; но гдѣ Богъ не хоцетъ, челоувѣкъ не можетъ. И сіе рекъ, выиде въ полату царску и волховно врачеваніе сътвори и азгату руоумирію водѣ наполни и отъ воска на водѣ двѣ войскѣ учини, съпротивя войску свою, и хитростію сътвори битисе войскамъ, и видѣ свою войску отъ Персидской войске побѣну, и виде царь бѣгущіе Егупатскіе кормяще корабли ратніе и уважаху войску въ Егупатъ, и велии въсплакасе и рече: о горе тебе, Египте, во много лѣтахъ прославилсе еси съ царемъ своимъ Нектепавомъ и въ единомъ лѣте погибаете; несть бо на земли радости, иже непремѣнитсе въ жалость, ни слава, коя не погибаетъ, но, о горе тѣмъ, иже надѣются въ волшебную хитрость и поможь; приличпо есть наславлющемсе на воду когда се одре, тогда въ воду погрязнѣть. И въ безчастіе прииде царь Нектенавъ, и въ Египте не могаше бити, ни съ войскомъ битисе, жалосте исполнявсе, брану и главу свою оструга, и въ полунощи нѣ царскихъ полатъ избѣже и удалисѣ, нѣ незнае стране земле отиде, и прииде въ Филиппусъ градъ, идеже его ни кто же не знааше, и сѣдѣше въ нѣкоемъ мѣсте скровнѣ въ граду, и врача себе язоваше и майстора хитра отъ Егупатскихъ звездочатьцѣ.

О наидѣвшихъ войскахъ на Егупатъ.

Войску свою Египтене многу изгубише и къ дворожъ цара своего Нектенава придоше и не обретоше его въ царскихъ полатахъ, и велии въсплакашесѣ, и обретоше писаніе царево на одру его, глаголюще сице: „милія мои

Египтени, аза вашего не могахъ арѣти, но отидохъ отъ васъ старъ въ ину землю до 30 лѣтъ, и по тридесетехъ лѣтахъ паки прииду къ вамъ мзды.“ И то писаніе възымши Егуптене, изидаше у азгату столпъ высокъ срѣде Египта поставивше въ мѣсто цара, и въ руку его положены писаніе, его же самъ писалъ бѣше. и възложе вѣнцы на главу его, сами же къ Пасидону богу своему притекоше, и аз Нектенава цара своего молишесѣ и выпрашаху его: гдѣ естъ? Онъ же къ нимъ въ снѣ явисѣ и рече имъ: „до 30 лѣтъ имать пріяти къ вамъ мзды, и мѣчь не уломать десницы Перской притупити и враги ваше Перси подъ ноги положить.“

Въ Македоніи врагъ великъ бистъ

Нектенавъ. Филиппъ же царь Македонскій имаше царицу, име ее бистъ Олимпіада, и вѣсегда скорбь имаше запеклодна бѣше, но образомъ красна бѣше азглю, и въ великой любве даръ съ нею пребиваше. Егда же идеаше царь Филиппъ на воску, и призва царицу къ себе Олимпіаду и целова ея въсердечно и рече ей: „милія моя Олимпіадо, аще не зачнеши отроче до пришествія моего, не има дуже видѣти отъ мои.“ — и сіе рекъ на войску отиде. Олимпіада же оскрбе и въ тузе велицей оста, не обде что сътворити. Едина же отъ рабинъ знааше ю, понеже скорбѣти отроче ради немѣвня, и рече къ Алимпіади царицы, госпожи своей: „не скорби, госпоже моя, естъ въ пешемъ граду челоувѣкъ Егуптенинъ, мужъ хитръ словомъ и дѣломъ; мнитисѣ, когда те види, сътворитъ ти сердцу хотѣние.“ — сіе же слыша Олимпіада въскорѣ за Нектенава посла.

Прииде есе Нектенавъ къ царицы.

И рече ему Олимпіада. „о челоувѣче Егуптенине, истинна ли естъ, что азъ слышала о тебе, понеже хитростію твоею мошешъ разрешити утробу мою, и сильному царю Филиппу сердце обвеселити, и великую мою жалость на разость обратити; да аще се истинна будетъ, твори несумненно еже вѣси, и великую чѣсть и даръ отъ мене примѣши, и великъ у Македоніи наречешисѣ.“

Нектенавъ есе видѣвъ Олимпіаду.

И велии дивляшесѣ лѣпоте лица ея и очима зираше нань, и главу преклонивъ стояше: она же поминяше еда хоцетъ въскорѣ бисѣдовати са нею, онъ же стое молче. И рече ему Олимпіада: „что не трудяши, о челоувѣче, аще имаши силу творити, твори еже вѣси.“ Онъ же видѣвъ красоту лица ея устривень бистъ въ срѣце любовію, и рече къ Алимпіадѣ: — вижду, прииде, понеже боги хотѣть бити съ тобою, Амона и Финеса, да аще припустиши къ себе, мати великому царю наречешисѣ,—

И се слыша Олимпиада и възрадовасе радостю великою зело, понеже своему сыну мати назовется, и повелѣ Олимпиада, да сѣтворитъ ему камору малу близъ полате царскіе, яко да казуютъ ей дохождение бога Амона и Финеса. И приде Нектенавъ къ ней самъ въ образъ бога Амона и рече—таковъ есть образъ Амоновъ.—глава орлѣ, на ней рози вазелисковы, опашь аспидовъ, поги злѣови, крила гризѣла злата и чермѣна, — сице въобразисе Нектенавъ и вниде къ Олимпидѣ, и бистъ съ нею, и рече ей:—блаженна ти въ жепѣхъ Олимпидо, яко днесь вичеть сына, въсему свѣту дара.—И сіе рекъ изидѣвъ, она же осталстивна, — и приде завтра къ ней и рече ей:—хранисе въ чистотѣ, и тако приходи къ тебе богъ Амонъ, и тогда приде время родити ти, призови ма къ себѣ, и что ти азъ рекъ створи. И сему тако бвѣшу...

Прислѣвъ часъ рожденья и приступи Нектенавъ къ царицы и рече ей:

Придѣжи въ себе не родити, дондеже благий часъ приидетъ, аще аще въ сій часъ... родити, раба и непогребенъ чловѣка, зане волю круга небеснаго въ лучѣхъ стоять; мало потерпи, дондеже небесные планиты науставу стануть, и стѣхъ преступленіе створетъ, тогда родити хочещи цари царемъ, зѣло нудра чловѣка. Она же претрѣпѣла се и родя сына великого Александра....

(Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. По списку ркн. Рум. Музея, № 475, л. 1 и дал. См. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 303—306).

Наша „Александрида“ представляет особый вид того произведения греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисмену, и которое, распространившись въ латинскихъ редакціяхъ во всей западной Европѣ среднѣхъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаний в романовъ, описывавшихъ подвиги и сказы Александра Македонскаго. Переходя отъ одного народа къ другому, сказаніи объ Александрѣ мѣнялись въ духъ разныхъ національностей, и такимъ образомъ являлись отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событій и преданій; чѣстныя явленія получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ въ другаго источника, хотя бы пухъ и не допускалъ первоначальный видъ сказанія. Старинная русская повѣсть ведетъ начало отъ византийскихъ редакцій, а не отъ латинскихъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, и взята въ сербскомъ переводѣ, который считается весьма древнимъ. Повѣсть встрѣчается въ троякѣ Георгія Амастрога и у Меодія Патарскаго, переводы которыхъ на Русь были известны первоначальному издѣвателю, и онъ упоминаетъ нѣсколько разъ о дѣлѣхъ людяхъ, заключаемыхъ въ горы Александромъ Македонскимъ. Дѣлѣхъ Заточникъ

зналъ о храбрости Александровой. Большая известность Александрии въ старинной русской литературѣ прямо определяется большимъ количествомъ списковъ; извѣстность нѣкоторыхъ рукописей исторіи показываетъ, что она принадлежала къ числу любимыхъ чтеній. Повѣсть о разрушеніи Троя, заимствованная изъ сочиненія византийца Малазы, извѣстнаго въ переводѣ славянскомъ, также знакома была вошлымъ перепискамъ; познѣвшіе русскіе тексты сохраняютъ слѣды древняго южно-славянскаго подлинника. Византийскому источнику принадлежитъ извѣстность Русскихъ съ Восточными сказаніями, которые откосятся чисто къ области фантазіи. Одну изъ этихъ памятниковъ *Синахриль царя Адороса и Нависа страны* есть сказка изъ „Тысячи и одной ночи“, сохранившаяся въ замѣчательномъ сборникѣ XIV или XV в., въ которомъ найдено Слово о полку Игоревѣ. Эта же сказка въ другихъ рукописяхъ озаглаживается: *Сказаніе объ Акхирѣ премудромъ* (т. е. о Гейкарѣ, министрѣ Синахриды, царя Нависа). Въ русскомъ переводѣ сохранились нѣкоторыя особенности южно-славянскаго подлинника; формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенія, быть можетъ современную слову о полку Игоревѣ. Въ изложеніи учѣбныя слѣды и греческаго перевода арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала извѣстна въ литературѣ южно-славянскихъ. Такая же передѣлка сказки арабской „Дѣяніе и житіе Дементіева Акрита“ находилось въ томъ же Пушкинскомъ Сборникѣ и „Сказаніе о Идипъ богатой“, извѣстнаго пресвитера Іоанна къ императору Мануилу. Это средневѣковое преданіе о существованіи сильнаго христіанскаго государства въ Азій, которымъ управлялъ царь въ видѣ сщеника Іоаннъ, встрѣчается въ греческихъ запискахъ Плато-Кариния, Рубрикаса и другихъ. „Повѣсть о Китоврасѣ“, сказаніи о Соломонѣ, легенда о Варлаамѣ и Іосафѣ тоже перешли въ Византию чрезъ посредство Славянъ, кажется, ранѣе XV столѣтія.

Исторія Варлаама и Іосафа—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средние вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ (жившій въ III—IV ст. въ землѣ Синааръ въ Азіи) обратился въ христіанство иудейскаго царевича Іосафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоценный камень, и объяснилъ, что камень изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Большая извѣстность этой исторіи послужила источникомъ для русскихъ духовныхъ стиховъ объ Осавѣ царевичѣ и о пустыньѣ. (Чт. общ. 1848 г. 9, 181).

87. Объ Іосафѣ царевичѣ.

Во дальней во долинь,
Тамъ стояла нѣтъ прекрасная пустыня.
Приходить ли во пустыню
Младой царевичъ Іосафъ:

„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Принимая мене во пустыню,
Отъ юности прелестная;
Научи меня, мать пустыня,
Какъ божью волю творить.
Достави меня, пустыня,
Къ своему ко небесному царствю.“

Отвѣщаетъ ему мать пустыня:
— Любезное мое чадо,
О молодой царевичъ Иосафѣй!
На кого свое царство спускаешь,
Кому владѣть твоимъ царствомъ,
Твоими бывшими каменными палатами,
Твоею казною золотою? —

Отвѣщаетъ ко пустынь
Младой царевичъ Иосафѣй:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Не хочу я вѣтъ на вольный свѣтъ,
На свои каменныя бѣлы палаты
И на свою казну золотую.
Хочу я пребыть во пустынь,
Я радъ на тебя, мати, работать,
Земные поклоны исправляти,
До своего до смертнаго часу.“

Отвѣщаетъ ли мать пустыня
Ко младому царевичу Иосафѣю.
— Чадо ты мое, ты любезное,
Младой царевичъ Иосафѣй!
Какъ придетъ весна красная,
Всѣ луга, болота разольются,
Древья листьемъ одѣнутся,
На древахъ запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами:
Но ты изъ пустыни вонъ изойдешь,
Меня мать прекрасную пустыню позабудешь. —

Отвѣщаетъ ли ко пустынь
Младой царевичъ Иосафѣй:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Какъ придетъ весна, мать, красная,
Всѣ луга, болота разольются,
И всѣ древа листьемъ одѣнутся,
На древахъ запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами:
Но я изъ пустыни вонъ не изойду,
Тебя, мать прекрасная, не покину.“

Отвѣщаетъ ли мать пустыня
Ко младому царевичу Иосафѣю:
— Чадо ты мое, ты любезное,
О молодой царевичъ Иосафѣй!
Дарю тебя златыми вѣнцомъ;
Я вѣрныхъ дарю на спасеніе,
Безвѣрныхъ дарю на дѣи воли. —

Усть ангелы возрадовалися
И архангелы счудесалися
Премладому его смыслу,
Превеликому его разуму.

А мы запоетъ аллилуйя, аллилуйя,
О слава тебѣ, Христе Боже нашъ!

(„Калки“ Безсонова, вып. I, ст. 206
— 208).

88. Стихъ о страшномъ судѣ.

Воскреснетъ небесный царь
И вознесется рука Его
Да на вышнихъ небеса!

Егда будетъ страшный судъ,
Вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенные;
Ужаснется вся всецѣпная,
Померкнетъ красное солнышко,
Потемнѣетъ свѣтъ мѣсяца,
Падутъ звѣзды на землю,
Яко листьѣ со древа,
Престолы поставятся,
Вся книга поразглаголюется:
Дѣла наши прочитаются,
Вся грѣхи объявятся.

Отъ востоку и до запада.
Съ восточныя со стороны
Идутъ души праведныя,
Идутъ все любимыя;
Стрѣчаетъ ихъ небесный царь
Съ милостью, со жалостью
И съ великою со любовію:
„Вы подите, праведные,
Подите мои, любимые,
Во мой во прекрасный рай,
Во царствіе небесное:
Весь вамъ рай радуется,
Царствіе вамъ ликуется!“

(Вамъ райскія древа отверзуются
И прикрасенъ вамъ рай красуется!)

Съ западныя стороны,
Съ полуночныя — темныя,
Идутъ души грѣшныя,
Идутъ все беззаконныя;
Проречетъ имъ небесный царь
Съ грубостью, со яростью,
Со великою съ нелюбовію:
„Подите, грѣшныя,
Зыдите, проклятыя,
Къ сотоны — ко дьяволу,
Кому вы работали.
Во тѣмъ во кромѣшную,
Въ пропасти глубокия!“
Роспачутся грѣшныя
Во многіе голоса:
„Увы, нашъ небесный царь,
Солнце наше красное!
Прими насъ въ прекрасный рай,
Во царствіе небесное!“
Проречетъ имъ небесный царь:

..Я топерь васъ, грѣшныихъ,
Всѣхъ къ себѣ на судъ дождалъ,
Послѣ вамъ по дѣламъ воздамъ:
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Бережѣ—свашенникамъ
И судилия неправеднымъ —
Погрѣба имъ будутъ глубокие,
Мразы имъ будутъ лютеы:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Мужамъ беззаконникамъ,
Инымъ будетъ грѣшницамъ,
Женамъ—беззаконницамъ
И младенческимъ душегубницамъ, —
Кослы имъ будутъ мѣдныя,
Огни разноличныя,
Звѣи груди ихъ высосаеы,
И сердце вытягаемо:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Глумотворцамъ и пресмѣшникамъ, —
Смола имъ кипучая
И зубная скрѣжанія,
И плачь имъ непрестанный:
То имъ мука вѣчная
И житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Клеветникамъ и язычникамъ, —
Языкъ въ темя вытягнутъ
И за языки повѣшены
На улачь жезлъыныхъ ^(*):

(За языки повѣшены
На крюки горючїи,
На древа каленыя).

То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Илищамъ и корчемникамъ, —
Чады имъ будутъ горькіе
И скрады имъ великіе:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Плѣсунамъ и волынщикамъ, —
За хребты они будутъ повѣшены
Надъ плитами надъ каземнымъ
И на гвоздѣ желѣзное.
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Сребролюбцамъ и грабителямъ, —
Червь имъ будетъ неуспѣваемая
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!" —

(*) *На крючьяхъ.* Слѣхи это выражение съ подобными, встрѣчающимся въ „Хожд. Богородицы по мукамъ.“

Припадутъ вси грѣшныя
Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
Начнутъ оны горько плакати.
„Увы, отцы—изтери!
Почто насъ породили,
На бѣзый свѣтъ попустили,
На добры дѣла не учили?
Чего ради мы, грѣшныя,
Маленьки не померли?
Мы бы были ангелы,
Съ Богомъ за единое:
А топерь намъ, грѣшнымъ,
Дѣламъ нашимъ судъ пришелъ
Отъ царя небеснаго!“

(И погоняя насъ, грѣшныихъ,
Въ западную сторону,
Во мѣсто во адское,
Во проищать глубокую.
Не слышно отъ грѣшныихъ
Ни пѣску, ни вереску,
Отмытъ и до-отку).

(Кальки Безсонова, вып. 3, 176).

Въ другихъ вариантахъ того же стиха много встрѣчается разнообразныхъ приемовъ въ распредѣленіи сорта мучений извѣстнымъ грѣшникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на русскіе стихи о страшномъ судѣ имѣло большое вліяніе „Хожденіе Богородицы по мукамъ.“ Оно же находится въ связи съ сюжетами картины „страшнаго суда,“ и съ содержаниемъ лубочной картинки „адское дерево,“ которая встрѣчается у раскольниковъ.

89. Стихъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ.

Царь Константинъ Самойловичъ молился у заутрени, чтобы Господь спасъ его отъ силы жидовской, которая облегла его городъ Ерусалимъ. Никто не беретъ защищать его, всѣ перетрусили угрозы: вдругъ вызывается двѣнадцатилѣтній сынъ царя Ѳеодоръ Тироникъ, падѣсь на силу небесную. Рубился олъ три дня и три ночи и покорилъ силу жидовскую: крови такъ было много, что Ѳеодоръ молился, чтобы разступилась мать сыра земля и пожрала кровь іудейскую. На радостяхъ отецъ съ сыномъ сѣли за скатерти за браныя, пьютъ — ѣдятъ, прохлаждаются. Родимая матушка Ѳеодора, милующи и жалѣючи добра коня, привязаннаго ко столбу точеному, —

Отвязала отъ кольца послаченаго,
Повела на сине море,
Помы, обмытъ кровь іудейскую
И всею кровью жидовскую.
А гдѣ ны взялся змѣй огненный,

Двенадцати-крылых хоботовъ,
Онъ прожралъ коня добраго,
Полонилъ его матушку
И унесъ его матушку
Во пещеры во змѣиныя,
Ко двенадцати змѣенышамъ.
А гдѣ не взяли дѣла ангела божіихъ.
Рекли человѣчѣмъ да в головахъ.
„А младъ человекъ, Федоръ Тиронъ!
Ты плещь и тѣш прохладяешься,
Надъ собой бѣды ты не знаешь:
Твою родимую матушку
Полонилъ змѣй огненный,
Прожралъ твоего коня добраго“... (').
(При этой сценѣ Федоръ Тиронъ)
Что въ устахъ было, то проглотилъ,
Что въ рукахъ, то такъ пустилъ.
Восходитъ скоро въ церковь соборную.
Онъ беретъ съ собой слово божіе,
Святу-честну книгу евангеліе,
Онъ беретъ съ собой збрую ратную,
Конь булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы каленны;
Еще приходитъ къ морю синему,
Становится на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово божіе,
Святу-честну книгу евангеліе;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданіи слова не вымолвить.
Гдѣ ни возьмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчѣмъ языкомъ:
„А младый человекъ, Федоръ Тиронъ!
Ты поди по мѣтѣ, по китъ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суку,
Выручи свою родимую матушку
Изъ твое мѣтѣ змѣиной,
Отъ двенадцати отъ змѣенышей“.
А младый человекъ Федоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово божіе,
Святу-честну книгу евангеліе,
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданіи слово не вымолвить.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ твое мѣтѣ мѣтѣ змѣиной,
Отъ двенадцати отъ змѣенышей,
Кричитъ—вопить громкимъ голосомъ:
„Ой, дитятко, съ тобою мы погибли,
Родимое, съ тобою погибли!“
А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Самъ возговоритъ таково слово:
„Не убойся, моя матушка, не погибли,
Родимая, не погибли;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе,
Со мною збруя ратная, конь булатное,
Сабля вострая, палица желѣзная,

(') *Калыки переходіе, III, 526—530.*

Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.“
А молодой человекъ Федоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
Онъ стрѣлялъ въ двенадцати змѣенышей,
Побивалъ двенадцати змѣенышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ твое мѣтѣ мѣтѣ змѣиной
Отъ двенадцати змѣенышей;
Онъ посадилъ ее на голову на тяжелую (').
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себя ослѣпилася,
Завидѣла змѣя лютого,
Люта змѣя, люта-огненная,
О двенадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопить громкимъ голосомъ:
„Ой, дитятко, съ тобою мы погибли,
Родимое, съ тобою погибли!“
А младый человекъ Федоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
„Не убойся, моя матушка, не погибли,
Родимая не погибли;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе“....
А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютого,
Люта змѣя, люта-огненная
О двенадцати хоботовъ,
Вышибала ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по поясъ,
По самы груди былия.
А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ по сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
—„Ужъ ты матушка мать сыра земля
Раступись на четыре четверти,
На вѣтъ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную!“
По божію изволенію
Раступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человекъ Федоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово божіе
Святу-честну книгу евангеліе;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданіи слово не вымолвить.
Гдѣ не возьмется та же китъ рыба,
Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчѣмъ языкомъ:
„А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Ты поди по мѣтѣ по китъ рыбѣ,

(') *Можетъ быть „на голову — на темяно.“*

Яко по мосту, яко по суху,
Повеси свою родимую матушку,
Изъ тые изъ муки змѣйные.
А младый человекъ Федоръ Тиронъ
Переходить море синее,
Стаивается на крутомъ на красномъ бережечѣ,
Самъ возговорить таково слово:
— „Государыня моя родимая матушка,
А что стоитъ мое похождение
Супротивъ твоего порождения?“
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалась,
Сама говорила таково слово:
„Ой горе, чадо мое!
А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
Какъ твое то похождение,
Наипаче моего порождения“ (1).

(Изъ письма Якушкина, стр. 56—59).

См. апокр. житіе Феодора въ Пим. стар.
литерат. 143—145.

Содержаніе русскихъ духовныхъ стиховъ, точно такъ же какъ и легендъ, чисто религиозное и было въ старое время дипломъ благочестія и христіанскаго любопытства народа. Они брались изъ рассказовъ свящ., писанія, церковныхъ преданій, принесенныхъ изъ Византии, изъ отреченныхъ или апокрифическихъ книгъ, а также изъ преданій языческой старины. „Въ свяжизъ народа въ Европѣ, говоритъ А. Н. Пыпинъ, христіанство нашло сильный откликъ (въ средніе вѣка); личности и событія свящ., истории заменили мѣсто языческой мифологии, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей не рѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла ту же языческую старину подъ новыми формами. „Легенды отъ безпрестаннаго обращенія въ народъ икогда сливались съ другими рассказами; отъ ея христіанскіе рассказы вплетались въ язычскіе рассказы, и такъ въ старыя мифическія воспоминанія: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра прилипались космогонія древнихъ обрядныхъ пѣсенъ, въ историю благочестивыхъ людей попадали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданія объ-адѣ и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д.“ Происхождение міра и конецъ ея составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ русскихъ духовныхъ стиховъ, а также жизнь Спасителя,

(1) Твое похождение, т. е. то, что сдѣлалъ ты для меня, князь, т. е. бже, выше тѣхъ мое порождение, чѣмъ-то, что я тебя родила.

дѣлая святыхъ мужей и воздаяніе на судѣ праведникамъ и грѣшникамъ.

90. О Голубиной книгѣ.

Восходила туча сильна грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долипы книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, собѣжались
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дяконовъ,
Много народу, людей мелкихъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступается,
Никто ко божьей не пришатнется.
Приходитъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ.
До божьей до книги онъ достудается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное цѣлѣ ему объявляется.
Еще приходитъ ко книгѣ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ.
Возговорила Володимиръ князь:
„Ты премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
Кто сию книгу надписывалъ,
Голубину кто напечатывалъ?“
Нимъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
„Писалъ сию книгу самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ царь небесный;
Читалъ сию книгу самъ Исая пророкъ,
Читалъ онъ книгу ровно три года,
Прочиталъ изъ книги ровно три листа.“
— „Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Прочти, сударь, книгу божью,
Объяви, сударь, дѣла божіи,
Про наше житіе, про свято-русское,
Про наше житіе свѣту вольнаго:
Отъ чего у насъ начался блѣдъ вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное? и пр.
Отъ чего у насъ въ землѣ цари пошли,
Отъ чего зачались князья-бояры,
Отъ чего крестьяны православные?“
Возговорить премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— „Ой ты гой еси, Володимиръ князь,
Не могу я прочесть книгу божью,
Ужъ мнѣ здесь книгу,—не прочесть божью;
Эта книга не малая, книга великая,
На рукахъ держать,—не сдержать будетъ;
На палой положить божій,—не уложится,
Умомъ намъ сей книги не сосѣтити,
И очамъ намъ книгу не обозрѣти,
Великая книга Голубиная!

Я по старой по своей по памяти
Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ;
У насъ бѣлый возный свѣтъ зачался отъ
суда божья;

Солнце красное отъ лица божьяго,
Самого Христа царя небеснаго;
Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ божикъ;
Почи темныя отъ думъ господнихъ;
Зори утренни отъ очей господнихъ;
Вѣтры буйныя отъ свята Духа;
Дробень дождекъ отъ слезъ Христа,
Самого Христа, царя небеснаго.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Наша помыслы отъ облакъ небесныхъ,
У насъ мѣръ-шародъ отъ Адама;
Кости крѣпкія отъ камня;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.
Оттого у насъ въ землѣ цари пошли
Отъ святой главы отъ адамовой;
Оттого зачались князья, бояры
Отъ святыя мощей отъ адамовыхъ.
Отъ того крестьяны православные
Отъ свята колѣна отъ адамова.
Возговоритъ Володемиръ князь,
Володемиръ князь Володимировичъ:
„Премудрый царь, Давидъ Евсевичъ!
Скажи ты намъ, проповѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Какъ земля всѣмъ землямъ мати?“ и др.
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Евсевичъ:
—У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
Почему жъ Бѣлый царь надъ царями царь?
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомолную,
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ пресвятыя Богородицы.
Потому Бѣлый царь надъ царями царь,
Свята Русь землѣ всѣмъ землямъ мати;
На ней строятъ церкви апостольскія;
Они молятся Богу распятому,
Самому Христу царю небесному;
Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати!
А слава главамъ мати—глава адамова,
Потому что когда жиды Христа
Распинали на лобномъ мѣстѣ,
То крестъ поставили на святой главѣ адамо-
вой

Иерусалимъ городъ городамъ отецъ.
Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
Потому Иерусалимъ городамъ отецъ:
Во тѣмъ во градѣ во Иерусалимѣ
Тутъ у насъ среда землѣ (!).
Соборъ церквей всѣмъ церквамъ мати.
Почему же соборъ-церковь церквамъ мати?

(1) См. путеш. *Дангила*. Слани также „Ложные и стр. книги рус. старинны“ А. Н. Пыпин 177, и „Памяти. старин. Автор. вып. 3.

Стоитъ соборъ-церковь посреди града Иерусалима;

Во той во царви по соборней
Стоитъ престолъ божественный;
На томъ на престолѣ на божественномъ
Стоитъ гробница бѣла каменная,
Во той гробницѣ бѣлой каменной
Почиваютъ ризы самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго;
Потому соборъ-церковь церквамъ мати.
Ильмень озеро озерамъ мати;
Не тотъ Ильмень (!) который подъ Новымъ

Градомъ,
Не тотъ Ильмень, который во Царѣ-градѣ.
А тотъ Ильмень, который въ Турецкой землѣ
Надъ начальнымъ градомъ Иерусалимомъ.
Почему жъ Ильмень озеро озерамъ мати?
Выпала съ его матушка Иорданъ рѣка,
Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился въ ней самъ Иисусъ Христосъ,
Со силою со небесною,
Со ангелами со хранителями,
Со Иоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ;
Потому Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Ѧаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Ѧаворъ гора горамъ мати?
Преобразился на ней самъ Иисусъ Христосъ,
Иисусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ.
Съ Петромъ, со Иоанномъ, со Іаковомъ,
Съ двенадцатью апостолами,
Показалъ славу ученикамъ своимъ;
Потому Ѧаворъ гора горамъ мати.
Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
На бѣломъ латырѣ на камени,
Бѣдствовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Иисусъ Христосъ царь небесный
Съ двенадцатью со апостолами,
Съ двенадцатью со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распушалъ онъ книгу Голубиную;
По всей землѣ, по вселенной;
Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати (!).
Кипарисъ древо всѣмъ деревьямъ мати.
Почему то древо всѣмъ деревьямъ мати?
На тѣмъ древѣ на кипарисѣ
Объявился намъ животворящій крестъ,
На тѣмъ на крестѣ на животворщемъ
Распятъ былъ самъ Иисусъ Христосъ,
Иисусъ Христосъ, царь небесный свѣтъ;
Потому кипарисъ всѣмъ деревьямъ мати (!).

(1) Ильмень въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ (Буслаева, *Очерки нар. слов.* т. I, стр. 460).

(2) Латырь—изектри, литарь. Безосолова къ 4 вып. *Писень* (Ирѣвскаго, стр. I—IX).

(3) О кипарисѣ, какъ о деревѣ распята — въ апокрифахъ „о крестномъ деревѣ“ (Писля, *Отреч. книги*, стр. 82 и 85).

Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
 Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
 Когда жидовья Христа распяли,
 Святую кровь Его пролили,
 Мать пречистая Богородица
 По Иисусу Христу сильно плакала,
 По своему сыну по возлюбленному,
 Ронила слезы пречистыи
 На матушку на сыру землю;
 Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыи
 Зарождалася плакунъ трава;
 Потому плакунъ трава травамъ мати.
 Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
 Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
 Посреди моря океанскаго
 Выходила церковь соборная,
 Соборная, богомольная,
 Святого Климента попа римскаго;
 На церкви главы ираморныя,
 На главахъ кресты золотые.
 Изъ той изъ церкви изъ соборной,
 Изъ соборной, изъ богомольной,
 Выходила царица небесная,
 Изъ океана моря она омывалася,
 На соборъ церковь она Богу молилася.
 Отъ того океанъ всѣмъ морямъ мати.
 Кить рыба всѣмъ рыбамъ мати.
 Почему же кить рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 На трехъ рыбахъ земля основана.
 Стоитъ кить рыба—не сворохнется;
 Когда жъ кить рыба поверотится,
 Тогда мать земля восколебается,
 Тогда бѣлый свѣтъ пашь покончится;
 Потому кить рыба всѣмъ рыбамъ мати.
 Основана земля святымъ Духомъ,
 А содержится словомъ божіимъ.
 Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
 Почему она всѣмъ птицамъ мати?
 Живетъ стратимъ птица на океанъ морь,
 И дѣтей производить на океанъ морь.
 По божьему все повелѣно,
 Стратимъ птица вострепенется,
 Океанъ море восколыхнется;
 Топить она корабли гостиные
 Со товарамъ драгоценными;
 Потому стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати (*).
 У насъ видрихъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
 Почему видрихъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
 Ходить онъ по подземелью,
 Прочищаетъ ручьи и проточины,
 Куда звѣрь пройдетъ,
 Тута ключъ кипитъ,
 Куда звѣрь тотъ поверотится,
 Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
 Живетъ онъ во святой горѣ,

(*) Въ другихъ вариантахъ Страфилъ — греческое: *страфон* — страсть, въ другомъ созданъ образъ нога, или нога, сербск. *ной*, птица „великая страждоустоя“ (Казѣн Перекоже, вып. 2, стр. 369).

Пѣть и вѣтъ во святой горѣ,
 Куды хочеть, идетъ по подземелью,
 Какъ солуншко по поднебесью:
 Потому же у насъ видрихъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.—

Возговорилъ Володимиръ князь:
 „Ой ты гой еси, премудрый царь,
 Премудрый царь, Давидъ Евсеевичъ!
 Мнѣ ночесъ, сударь, мало спалось,
 Мнѣ во снѣ много видѣлось:
 Кабы съ той страны со восточной,
 А гъ другой страны со полуденной,
 Кабы два звѣря собиралися,
 Кабы два лютые собѣгалися,
 Промежду собой дрались билися,
 Одинъ одного звѣрь одолѣть хочеть.“
 Возговорилъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давидъ Евсеевичъ:
 —Это не два звѣря собиралися,
 Не два лютые собѣгалися;
 Это кривда съ правдой соходилася,
 Промежду собой бились-дрались,
 Кривда правду одолѣть хочеть;
 Правда кривду поресиорила.
 Правда пошла ва небеса,
 Къ самому Христу, царю небесному;
 А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
 По всей землѣ по свѣгъ-русской,
 По всему народу христианскому,
 Отъ кривды земля восколебалася,
 Отъ того народъ весь возмущается.
 Отъ кривды сталъ народъ неpravильный,
 Nepravильный сталъ, злопамятный:
 Они другъ друга обмануть хотять,
 Другъ друга поветъ хотять.
 Кто не будетъ кривдой жить,
 Тотъ причаинный ко Господу,
 Та душа и наследуетъ
 Себе царство небесное.—
 Старымъ людямъ па послушанье,
 А молодымъ людямъ для памяти.
 Славу поемъ Давиду Евсеевичу,
 Во вѣки его слава не минуется.

(Христомъ О. А. Милера).

Сравно стихъ съ іерусалимскою бѣдой. Пам. стар. литер. 2, 307—308.

„Въ стихѣ о Голубиной книгѣ христианскія цѣны и преданія слышныиаются съ апокрифическими выдумками и языческими впроваженными отдаленной эпохи. Вѣсто Владимира въ другихъ вариантахъ этого произведенія является то Волохъ Волохотвичъ (т. е. доисторическій великанъ), то какой то Волохотманъ Волохотмановичъ. Разговоръ Давида съ Владимиромъ ведется въ стилѣ древнѣйшихъ эпическихъ составлений о мудрости и всякомъ знаніи. Большая часть странныхъ понятий въ этомъ стихѣ

заимствованы из апокрифического сочинения, известного под именем Беседы—*будто бы—презъ соитителей. Понятн о чудесныхъ животныхъ взяты изъ средневековыхъ Бестиаріевъ, или сборниковъ о свойствахъ змѣй, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся.*

Нѣкоторыя подробности восходятъ своимъ началомъ къ мифической эпохѣ, каковы: о созданіи земли, воздуха, солнца и проч. изъ составныхъ частей какого-то мифическаго существа, а также происхожденіе костей въ человѣкѣ отъ камней, крови отъ моря и т. д. Въ одномъ вариантѣ стиха о Голубиной книгѣ сохранилось преданіе о

*происхожденіи сословій, напоминающее Индійскій мифъ о происхожденіи кастъ изъ устъ, отъ рукъ и отъ ногъ Брами, а именно: Зачахлись (1) цари со царицами
Отъ честной главы отъ Адамовой;
Зачахлись князья со боярами
Отъ честныхъ мощей отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того колѣна отъ Адамова.*

Вмѣсто зѣвря Индрика въ другихъ вариантахъ единорогъ и инрогъ, инорогъ.

(Примѣч. проф. Буслаева. Христ. 1620—1621).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІИ.

91. Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія.

....Извѣстно, что церковные учителя древней Руси строго преслѣдовали народныя мифологическія воззрѣнія на природу, какъ «*бѣсовскія мечтанья*», искореняли всѣ эти живые эпические образы народнаго міросозерцанія—естественныя выраженія мифической фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую флору, или мифы и воззрѣнія отцевъ и учителей восточно—византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно—византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполне по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне—русскіе книжники, писатели и учителя почерпали понятія о мірѣ, во 1-хъ изъ книги Бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во 2-хъ

изъ разныхъ греко—восточныхъ толкованій на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василия В., изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аванасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ 3-хъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполне выразилось восточно—библейское міросозерцаніе; въ 4-хъ изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальныя источники. Такъ напр. Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ

(1) Т. зародился, отъ сл. чадо.

(2) Т. е. отъ тѣла.

устройствъ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1385 году (*Татищ. Ист. Рос. IV, 313*), Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды «Похвала Творцу міра», книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятиями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ....

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учителя внушали народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы, Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молнии, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было съ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія... (*Сборн. Соловецк. библ. при Казанск. Дух. Акад. № 993*). Такъ напр. читаемъ въ сборникѣ Епифанія сказаніе, какъ «Богъ сотвори отъ начала до сегодняго дни: въ 1-й день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ нимъ, суть сии ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мгла и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ и осени и вѣснмъ духомъ, ангелъ земля, тѣмъ и проч. (1).

(1) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ греко-восточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, гениевъ народныхъ.

Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою написалъ въ своей лѣтописи (6618 г.) значеніе въ Печерскомъ монастырѣ и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ....

По русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокритами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются дѣйствующими духи божіи—ангелы, напр. былъ особый, «ангелъ въ солнцѣ». Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу «о всей твари чтеніе», гдѣ сказано «какъ 300 ангелъ солнце воротятъ». Въ глубокой древности образовалось, и доселѣ существуетъ между нашими поселянами, повѣрье, что каждое снѣгилье имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды. Вечеромъ каждый ангелъ зажигаетъ свою звѣзду какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее (1).

Вѣра въ ангельское міроуправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эмпиріческое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами мифологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, поборающія зловредныя силы и начала физической жизни (2). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святы-

(1) См. Отеч. Зап. 1842 г. № 6, стр. 81. Архив. истор.-юрид. Кадамова 1854 г. кн. I, VI, 8.

(2) Какъ у древнихъ Грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, у Византцевъ и Скандинавовъ—свои; такъ и по славянскимъ представленіямъ духи были и добрые и злые въ природѣ.

ми, изображаются въ народныхъ суевѣр-
ныхъ наговорахъ или заговорахъ и закли-
пяхъ новаго, христіанскаго цикла. Какъ
въ языческихъ заговорахъ или наговорахъ
и заклятіяхъ дѣйствуютъ дѣйствующими не-
ключительно религіозно-мнѣическіи олице-
творенія Перуна, Дажьбога, Стрибога,
Соянце, луна, громъ, молніи, вѣтры, огонь,
вода, роса утренняя и вечерняя, звѣзды
и проч., такъ въ переходныхъ отъ язы-
чества къ христіанству заговорахъ или
наговорахъ новаго, *двоевѣрнаго* мнѣически
христіанскаго склада или цикла являются
дѣйствующими силами главными образомъ
ангелы и святые. Старые язычески-ми-
еологические отгѣнки только подкрашива-
ютъ эти новые христіански-языческіе или
двоевѣрные заговоры.....

Святые еще болѣе важную роль игра-
ли въ средневѣковомъ міросозерцаніи, чѣмъ
ангелы. Они замѣнили въ народномъ мі-
ровоззрѣніи языческихъ героев и полу-
боговъ. Какъ въ западномъ средневѣко-
вомъ міросозерцаніи пророкъ Ілія, святые
Георгій и Хризостомъ играли роль языче-
скихъ героев, полубоговъ, побѣдителей
и умертвителей дракона, другіе святые
замѣнили языческихъ боговъ и богинь,
напр. Frau Lutz (Sancta-Lucia) замѣ-
нила *Берту*, Норвежскій св. Олафъ —
Тора, Славянскій Sanct-Witus — *Сла-
товидъ* и проч.; такъ и въ нашемъ мі-
росозерцаніи и поэзіи съ такимъ же полу-
мнѣическимъ характеромъ и значеніемъ
является пророкъ Ілія, Георгій Храбрый,
Власій и другіе святые.

Извѣстно, какъ народъ нашъ донынѣ
еще объясняетъ явленіе грома, молніи и
дождя: то Ілія пророкъ, говорить онъ,
ѣдитъ по небу на огненной колесницѣ,
разгоняетъ печальную силу и проливаетъ
дождь на землю. Такая христіанско-мно-
гологическая персонификація грома въ обра-
зѣ пророка Ілии, очевидно, стоитъ въ тѣ-
сной, преемственной связи съ древне-язы-

ческимъ олицетвореніемъ грома и молніи
въ образѣ Перуна громовержца....

Слыша въ церкви, что Ілія огненос-
ный и тученосный на огненныхъ коняхъ
шествіемъ по небесному кругу просвѣща-
ется, что Ілія Освѣтитель возгреваетъ
на огненной колесницѣ, что Ілія тучено-
ской облакѣ дождя на землю низводитъ и
проч., — народъ, настроенный къ мнѣче-
ской персонификаціи явленій природы, лег-
ко могъ понять буквально все эти образ-
ныя выраженія церковныхъ книгъ, при-
нять ихъ за физическую дѣйствительность.
И такимъ образомъ Ілія пророкъ сталъ
въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ пре-
жде былъ Перунъ, огненосный и тученос-
ный громовержецъ, неболарный орелъ,
метавший кремни и кремницы, — Перунъ,
также разѣзжавшій по небесному кругу
на огненныхъ коняхъ и гремѣвшій своей
огненной колесницей....

Какъ Ілія пророкъ сталъ, на взглядъ
народный, олицетвореніемъ грома, молніи
и дождя, въ образѣ Перуна громовержца,
такъ Іоаннъ креститель сталъ въ средне-
вѣковомъ народномъ міросозерцаніи олице-
твореніемъ мнѣческаго лѣтняго *огненна-
го солонворота*, на мѣсто двухъ языче-
скихъ *Сварожичей* — *солнца и огня*...
Представляя Іоанновъ левъ какъ бы
последнимъ, окончательнымъ и самымъ
полнымъ проявленіемъ лѣтняго животвор-
наго вліянія солнцана земную природу, —
сидѣли зацѣпясь знахарскими и лѣчеб-
ными травами и кореньями, сидѣли очи-
ститься лѣтней подой, освященной Іоан-
новъ крестителемъ и солнцемъ.....

Какъ пророкъ Ілія замѣнилъ въ сред-
невѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перу-
на, а Іоаннъ Предтеча обоимъ Сварожичей —
солнце и огонь, такъ Георгій хра-
брый въ народный эпической поэзіи по-
силъ мифическій характеръ героя — полу-
бога, устроителя земли Русской. Цер-
ковь, введши праздникъ въ честь его 23
апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе

его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь. Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своимъ понятіемъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Елисаветѣ прекрасной». Въ самобытной народной поэзіи, именно въ *стихѣ о Егорѣ Храбромъ*, герой землеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, мифическій образъ его, какъ героя полубога, носитъ ясные отбѣнки отдаленнаго мифическаго «юнацкаго» эпоса, съ другой стороны, сквозь мифическій ликъ Егорія храбраго проглядываютъ и нѣкоторыя черты историческаго народнаго эпоса и земскаго мироустройства (1)....

Простоесердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ греко-восточной церкви и саму Богородицу... Изображая однихъ святыхъ героями, полубогами, поборающими силы демоническія, мифическія, демоновъ водныхъ, лѣсныхъ звѣробразныхъ и т. п., лѣтательности другихъ святыхъ народное міросозерцаніе усвоило дѣйствія разныхъ производительныхъ силъ природы. Вѣра народная сближала ихъ съ жизнью природы, представляла ихъ непосредственными устроителями, управителями жизни физической, напр. пронзателями плодовъ земныхъ, хранителями скота, птицъ, пчелъ и проч.

На долю русскаго народа выпалъ жре-

(1) Въ свѣтѣ этой мифологической двучности, въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ богатырскаго эпоса, напр. въ записанной нами въ Казани, *святый Егорій* характеристично сближается съ *Свято-горомъ* богатыремъ. *Свято-гора*, вѣроятно, искаженное имя—*святый Егорій*. См. о Святогорѣ въ Сборникѣ Рыбникова.

бій совершать особенно великую славную борьбу съ природой. Коловизуя и разрабатывая огромныя пустынные пространства сѣверо-востока, онъ приторгался сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, гдѣ почти на каждомъ шагу спотыкался и изнемогалъ, встрѣчался и боролся съ звѣрами, страдалъ отъ мороза, утопалъ въ рѣкахъ, въ большихъ озерахъ и проч. Онъ на льдахъ сѣвернаго океана искалъ добычи, отправлялся артелями на веснованье: тутъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверно-поморскихъ святыхъ, онъ постоянно и страшно страдалъ отъ бурь морскихъ.... Страдалъ онъ и отъ непогодъ и суроваго сѣвернаго климата, «морозомъ побивавшаго его по сѣбѣ почти во всякое лѣто» и проч. и проч. Слѣдовательно, ему нужны были, судя по его необыкновенной, богатырской, страдальческой работѣ въ борьбѣ съ природой, такія могучія силы, которыя бы сдерживали для него препятствія и вредныя дѣйствія природы. И вотъ, не зная силъ природы и не умѣя покорять ихъ, какъ покоряетъ теперь разумъ, онъ вѣрилъ въ силу чудесъ, въ помощь христіанскихъ чудотворцевъ. Вѣра въ чудотворное могущество святаго покорять силы природы, останавливать зловредныя дѣйствія ея стихій и явленій явила такимъ образомъ практическое основаніе. Чудо святаго въ области природы замѣняло для древняго русскаго человѣка разумное, научное покореніе въ пользу человѣка физическихъ силъ, явленій, стихій природы....

Наконецъ, эта вѣра, это благоговѣніе къ чудотворцамъ сѣверо-восточнымъ были отчасти бессознательнымъ, младенческимъ выраженіемъ народной благодарности за вспомогательные подвиги ихъ въ борьбѣ съ независимой еще тогда силой русскихъ народомъ сѣверо-восточной природой. Отшельники нѣрѣдко первые пролагали дорогу колонизаціи и культурѣ рус-

ской земля... «Пустыня была непроходимая» (большая часть московской области въ XIV в.), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азаринъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго, — «нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля, мірскія села и деревни многочисленны. Стези не была тогда и непроходима бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дорогъ вели и проѣзды всякаго чина людѣмъ, днемъ и ночью безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ змѣвъ являхуся ему на утѣшеніе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 верстъ и вышнее ползущихъ змѣвъ и ужевъ не бываетъ. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобилдовашеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесть толико не бысть, елико нынѣ многочисленное чство человекъ въ слободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша».... (Времен. Х. Смѣсь).

Древне-русскій человекъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыя, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый издѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно издѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч., — древне-русскій простолюдинъ иногда павно вопрошалъ явившагося ему во свѣдѣніи святого: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать. И такъ мало помалу составлялись особыя народныя, такъ сказать, святы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святого просить.....

Отъ времени отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, нашъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше первоначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне-очаговаго воззрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и необразованный купецъ и мѣщанинъ, сколько умелъ, находчивъ, хитеръ, ловко изворотливъ въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мірской, закрѣпленной вѣковыми смысломъ и опытомъ народнымъ, столько же, къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерцаніи, — въ чемъ, впрочемъ, все не онъ одинъ виновать.....

Своеобразныя и замѣшанные народныя понятія о мірѣ особенно характеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ міра... По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатана или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портилъ и творилъ безобразныя созданія — гадовъ, мошекъ или неровности земныя — горы, и т. п.; а Богъ творилъ все вышнее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонию. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морскаго, и проч. Мы приведемъ простонародный русскій разсказъ о *сотвореніи міра*, изъ сборника г. Якушкина: «Стихъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіанъ: надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіанъ-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насадить!» — «Сти!» — сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли.» Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли, вынулъ: глядь — всю землю водою размывло. Опустился въ дру-

гой,—тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по божьему повелѣнію, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насытилъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодами.—«Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными», сказалъ лукавый Господу:—ты будешь меньшей братъ, я большой!»—Господи усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями ровными».—Господи усмѣхнулся опять.—«Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшей!»—Возьми, говорятъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы».—Лукaвый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изъ всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и пристѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю.—Люди, да еще святые люди, варицаются сыны божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣзть». (*Лит. литер. II, 100*).

...Вовсе не знал и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ міроустройства,—Славяне-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напръ Сварога, въ солнцѣ—Хорса, Дажьбога, въ громѣ и молніи—Перуна, въ огнѣ—Сварожича, въ водѣ и воздухѣ—Вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ—дѣвъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у Славянъ вѣрѣ въ единого верховнаго бога природы вѣру въ библейско-христіанскаго Бога, какъ владыку и повелителя міра. Сама церковь вполне усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе.

По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣущаго и всемогущаго владыки міроустройства. Въ такомъ смыслѣ церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа... Такой взглядъ на міроуправленіе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудію Его, соболѣзнуюющею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказать людей за оскорбленіе Владыки міра...

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богословскихъ воззрѣній на физическое міроуправленіе, мало по малу глубоко укоренилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу единаго Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя священныя божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низшли съ высоты религиозно-языческой апотеозы, божественнаго міродержавія,—и уступили мѣсто единому Богу, творцу и вседержителю вселенной.

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи, суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *китахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и мнѣческому огнеродному чудовищу океана—киту великому...

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросо-

зерцания, мы примѣчаемъ въ немъ два отличительныхъ направленія: граматниче, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно—натуральное. Въ книжномъ или граматничьемъ міросозерцаніи преобладаетъ смѣсь еврейско-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластики и физико-теологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-наглядныя и мифологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ...

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жилищемъ божества, сохранилось донынѣ существующее въ народной поэзіи представленіе свѣтилъ небесныхъ *очами неба* или *лицами* небеснаго Бога. Эпическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ очами неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ очами неба...

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подмѣтило весьма не много звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подмѣтило крайне поверхностно и представляетъ баснословно, ни сколько не изображая ихъ истинной космической природы... Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли знаменія земныхъ событій, наши предки называли млечный путь, по нашествію Татаръ, *батушнымъ путемъ*, думая, что на небѣ, именно въ млечномъ пути отобразился страшный путь Батия. Название это сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь...

Безъ разумаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбежно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предрассудочнымъ и невѣжествен-

нымъ представленіямъ о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на земную природу и организмъ человека...

Такіе предрассудки относительно луны изстари господствовали и доселѣ сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Первоначальнымъ источникомъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣсяцъ, какъ въ живое, божественное существо... Съ другой стороны русскіе народные граматники много предрассудочныхъ примѣтъ о лунѣ заимствовали изъ общихъ славянскихъ астрологическихъ источниковъ. Напримѣръ, у Сербовъ распространены были подробныя гомовники или «Сказанія о животѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе луны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти суевѣрные сказанія отъ Сербовъ перешли и къ Русскимъ...

У крестьянъ нашихъ отъ временъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ примѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разныя земледѣльческія работы. Возникши подъ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяцъ, какъ на живое, божественное существо, предрассудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно во совершенному незнанію физической сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности, метеорологіи...

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, ничто на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затмѣнія солнца и луны. Уже самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожиданное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны возбуждали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ въ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ, луна болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь;

сѣрый цвѣтъ все переходитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затмѣнiе, и весь лунный кругъ представляетъ особенно темно-красный цвѣтъ, происходящiй отъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ въ тѣнь. Суевѣрiе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращенiе луны въ кровь, и ужасается. Еще въ болѣе страсъ и изумленiе приходитъ суевѣрные массы, когда бываютъ полныя затмѣния солнца, то есть, когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ прямо на извѣстныя мѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закрывается луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затмѣнiе, распространяется особенная темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны нѣкоторыя изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волнующимся сіиенiемъ отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время полного солнечнаго затмѣнiя, все животное царство приходитъ въ тревожное состоянiе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, лошади и другія животныя выказываютъ безпокойную боязливость. Неудивительно по этому, если это чрезвычайно-рѣдкое явленiе всегда приводило въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ...

Въ языческія времена, въ эпоху звѣроловнаго и пастушескаго быта, въ народѣ зооморфическаго міровоззрѣнiя, суевѣрiю Славянъ такъ же, какъ и другимъ невѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа—*волкодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнiя... Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: *спыдаемо солнце*» (Ипат. 7). Лѣтописцамъ, вообще, затмѣнiя казались *погибелью* или уничтоженiемъ солнца и луны; они постоянно отмѣчаютъ эти явленiя такими словами: *погибе солнце,*

погибе мѣсяцъ весь или бысть гибель луны. Христіанское народное суевѣрiе то относитъ затмѣнiя солнца и луны къ дѣйствiямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ...

Какъ затмѣнiя солнца и луны, такъ и всѣ другія, свѣтотѣны видоизмѣненiя небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся не постижимыми, сверхъестественными знаменiями. Въ среднiе вѣка, всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковные книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненiя въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменiями къ добру или къ худу. Тогда и на весь вообще физическій міръ, и на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чуткостью суевѣрiемъ прислушивались, ко всякому явленiю зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣнiе на природу отчасти наслѣдовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанiя. И оно особенно относилось къ чудесамъ неба... Наши старинныя книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровенiе гнѣва или милосердiя небеснаго, отраженiе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцанiе придавало свѣтиламъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленiямъ и видоизмѣненiямъ, такое могущественное, мироуправительное значенiе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе были выѣстъ лѣтописями физическихъ явленiй и, въ частности, явленiй звѣзднаго неба, затмѣнiй солнца и луны, явленiй различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ, и проч...

Вѣрованiе во влiянiе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведетъ

ся съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, наиримѣрь, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ... Что касается до рожденія и судьбы человѣка, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально происходило изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось извѣстными астрологическими преданіями...

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суевѣріе успало вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ чьей-либо смерти. Есть народный разсказъ о трехъ сестрахъ—вѣдмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весъ, вѣкъ *горѣть на небѣ тремя звѣздами*, близъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *дневныя зори*. Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ семьѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» или: «чья-то душа покатила» (*Архивъ Калачова 1855, IV, 128*). Въ настоящее время въ некоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Симбирской губ., падающія звѣзды почитаютъ также за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся (*Этнограф. сборникъ V, 9*). Падающія звѣзды слыгутъ также въ народѣ за призванъ лѣтнихъ дѣвицъ невинности. Налъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность...

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Въ древней Руси, невѣжество вѣдало въ кометахъ знаменіе политическихъ или общественныхъ несчастій. Наиримѣрь, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такіа сказанія: «Въ лѣто 1382 бысть такое проявленіе: по мнози ноши являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда вѣкая*,

аки *хвостата* и акоже *копѣйнымъ образомъ* овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утренней, тоже многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тохтамышева на русскую землю и горькое игогашыхъ татаръ пахожденіе на крестьяны... Небо для нашего простаго народа—темна яса во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предрассудковъ. Кромѣ суевѣрій славянской мѣологии и средне-вѣковой астрологіи, въ народныхъ астрономическихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ отразились въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія.

(Изъ сочин. А. П. Шапова. Жур. Мин. Народ. Пр. 1863 г. кн. 1—6 отд. IV).

92. Характеръ древне-русской образованности сравнительно съ западно-европейской.

...Въ то время, какъ римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели восточной церкви, не увлекаясь въ односторонность схоластическихъ построеній, держались постоянно той изысканности и пѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанскаго любомудрія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели христіанскіе и языческіе, и особенно писатели философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ,—я очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большой части духовныхъ твореній до самой половины XV в., между тѣмъ какъ Западъ необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго цотга XIV в. обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ грече-

скихъ. Только въ половинѣ XIV в. основана была первая учевая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки, — тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ православной церкви, который, заразившись западною увѣренностью въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ; но за то — тѣмъ съ большою честію принятъ въ Италію.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинцамъ, — хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его арабскіе и латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе всякаго развитія ума на Западѣ. Однакоже въ греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но напротивъ того, въ большей части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона; — не потому, конечно, чтобы христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умоизобразительной дѣятельности разума. Отъ того, почти тоже отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философией латинскаго міра, какъ она вырабатывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ церкви восточной, особенно ясно выраженную въ св. отцахъ, жившихъ послѣ римскаго отпаденія.

Достоинно замѣчанія, что эта духовная философія восточныхъ отцевъ церкви, на-

сашихъ послѣ X в., — философія прямо и чисто христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію; — философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій, — не смотря однако же на всѣ свои достоинства (умозрительныя) была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была опѣнена западными мыслителями; но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи, не упоминаетъ объ-ней, — хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинныя трактаты о философіи индійской, китайской и персидской. Самия творенія восточныхъ писателей оставались для Европы неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были переведены; нѣкоторыя еще весьма недавно, и тоже не опѣнены. — Нѣкоторые богословскіе писатели Запада, хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ. — Наконецъ нѣ въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада не замѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія восточной церкви, если бы она были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе: изъ этого должно исключить, можетъ быть, одного Фому Кемпійскаго, — ая Герсона, если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, пере-

водъ съ греческаго, передѣланный нѣсколько по латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ восточной церкви, жившихъ послѣ отдѣленія римской, нельзя искать ничего новаго относительно христіанскаго ученія; ничего такого, чтобы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство;—въ томъ-то и особенность ихъ, что они сохраняли и поддерживали во всей чистотѣ и полнотѣ учение существенно христіанское, и—держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія—отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разнообразныхъ уклоновъ.

Впрочемъ и древніе отцы церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и слѣдовательно равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востоцѣ. — Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполне извѣстны *все* писатели и учителя вселенской церкви; западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно латинскіе и только нѣкоторые изъ греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовые уже понятія, почерпнутыя ими у римскихъ учителей. Отъ того и въ позднѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какими образомъ они могли такъ долго удерживаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое иначе должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ отцовъ церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже

вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее подъ названіемъ *мистики*!

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокъ и Западъ происходитъ еще различіе и въ самомъ способѣ мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; западные—болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Одни изъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ—изъясненное; полезное опять особымъ смысломъ. Истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ, и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе. —Безчувственный хололъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній—почитаютъ они равно законными состояніями чловѣка; и когда въ XIV в. узнали ученые Запада о стремленіи восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа, — то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нее всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и восточные, говоря «о внутреннемъ сосредоточеніи духа», о «собраніи ума въ себѣ» и т. д.; но подъ этими словами

обыкновенно разумѣютъ или другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе. — Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; то равновѣсіе внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ, — даже въ самыя крутые переломы жизни, — что-то глубоко спокойное, какъ-то искусственная мѣрность, достоинство и вѣстѣ смиреніе, свидѣтельствуя о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго міросозерцанія. Европейецъ, напротивъ того, всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый, — когда не театральнѣе, — всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и вѣншихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиленіемъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученія св. Отцовъ православной церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта.

Обширная русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, прележащихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ-бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными вѣтвями духовнаго общенія.

Изъ нихъ единообразно и единомысленно развивался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе. Безразлично составлялись изъ всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство въ свою очередь во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на св. Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспоминаемъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII в. уже имѣли такія бібліотеки, съ которыми многочисленностью томовъ едва могла равняться первая тогда на Западѣ бібліотека парижская (!); что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ такъ же свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки европейскіе, — что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келій, часто въ глуши дѣсовъ, изучались и переписывались — и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ словенскіе переводы тѣхъ отцовъ церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшахъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому нѣмецкому профессору любу-мудрія придутся по силѣмъ мудрости. Наконецъ когда мы вспоминаемъ, что эта

(!) Несторъ Шлоцера, 1.

русская образованность была так распространена, так крепка, так развита, и потому пустила такие глубокие корни въ жизнь русскую, что не смотря на то, что уже полтора столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся смыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отделилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего:—этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и пропитанный ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно въ нѣсныхъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное дѣйствіе!—И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ христіанское учене.

Потому этотъ русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи—драгоценны для насъ особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена словенскія. И не природныя какія-нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенные особенности, какъ земля, на которую падаетъ унывающее сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ наконецъ ему дать свободный ходъ на божьемъ свѣтѣ или заглушить

его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую, но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было насильственнымъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ; ибо, если черезъ полтора столѣтія такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или по крайней мѣрѣ значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? (1) При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній, единственно въ слѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же христіанства нравственные понятія рус. человека измѣнились; а вытѣсь съ ними и его общежительныя отношенія, и потому все общественное устройство рус. земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человекъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей жизни волю принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное желаніе св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ так. обр. различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вытѣсь съ тѣмъ опредѣлила она, съ начала навсегда, твердыя границы между

(1) См. о древ. Рус. Исторіи П. В. Кирѣвскаго Москвит. 1843 г. № 3.

собой и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою сплтанностью общественнаго устройства: всегда оставаясь въ государствѣ и его мірскихъ отношеніяхъ, высоко надъ ними, какъ недосягаемый свѣтлый идеалъ, въ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла призванія насильственно управлять ихъ волею, или приобретать себѣ власть свѣтски—правительственную, или еще менѣе,—искать формальнаго господства надъ правительственною властью. Государство, правда, стояло церковью: оно было тѣмъ крѣоче въ своихъ основахъ, тѣмъ связѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство въ свою очередь, смирно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя *святимъ*. Ибо, если рус. землю иногда называли: *св. Русь*, то это единственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ божіихъ, которые въ ней находились: а не потому, чтобы ея устройство представляло сопряженіе церковности и святости, какъ устройство «Св. Римской Имперіи».

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, церковь не обладала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ ордевамъ, князвизцоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проявляя все умственное и нравственное убѣжденіе людей, она незримо вела государство къ осуществленію высшихъ христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе церкви

на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Нейскаженная завоеваніемъ русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавидящихъ другъ другу племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ устраивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другого; ни истекающей отсюда политической и нравственной борьбы; ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія и дружина земская, все классы и виды населенія, были проникнуты однимъ духомъ, однимъ убѣжденіемъ, однородными понятіями, одинакою потребностью общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ-нибудь частномъ обстоятельстве; но въ вопросахъ существенныхъ—слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутреннего убѣжденія, церковною и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. По тому именно въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляло не плоскость, а лѣщину, на

которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма: а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума...

Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ *подлой* черни; ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короли. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русской разселенныхъ и ижьющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая свое особое согласіе, или свой маленький міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія большія согласія, которыя въ свою очередь составляютъ согласія областныя и наконецъ племенные, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей русской земли, ижьющее надъ собою великаго князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются все связи его верховнаго устройства (1).

Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды: предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы; свитость преданія — логическому выводу;

(1) Этотъ взглядъ славянофиловъ до крайности развитъ впоследствии А. П. Шаповымъ. См.

нравственность требованія — внѣшней пользы. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно; но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древнерусскаго права. Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностью.

Между тѣмъ, какъ римско-западная юриспруденція отвлеченно выводила логическія заключенія изъ cadaго законнаго условія, говоря: форма — *это самый законъ*, — и старается все формы связать въ одну разумную систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло, не только разумное дѣло, но *самый написанный разумъ*; право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выросая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юристконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній...

Въ итогѣ разницы характера просвѣщенія западно-европейскаго и древнерусскаго остаются слѣдующія черты: христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви, — въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей церкви православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности, — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума, здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ лсканіе наружнаго, мертваго единства, — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ церковь смѣ-

шалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера, — въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, — здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познанию; тамъ взаимное прорастаніе образованности языческой и христіанской, — здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій, — въ древней Россіи ихъ еднородная совокупность, при естественной разповидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльные государства, — здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній, — здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально-логическая, — здѣсь выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, — здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, — здѣсь, въѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, — здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами, — здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, — здѣсь неизбежность основнаго

убѣжденія; тамъ прихоть моды, — здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозакопости, — здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щедрость роскоши и искусственность жизни, — здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, — у Русскаго — глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія. Однимъ словомъ — тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльных видовъ бытія человѣческаго, общаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общаго и частнаго, умо-зрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго...

Отъ чего же образованность русская не развилась полнѣе образованности европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія западнаго? Отъ чего не опередила Россія Европу?...

Особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней, — во всемъ объемѣ ея общаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что чело-
вѣку легко было смѣшать ихъ значи-

тельность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ.

...Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать рано; но въ XVI в. оно уже становится видимымъ... Уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа. — Оттуда произошла та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ, и потому своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мнѣящихся людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

(Изъ статьи П. В. Кирьевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.“ Моск. Сб. 1852 г. I, 1—68, Москвит. 1845 III, 11—52).

Русскую исторію сначала разрабатывали Нѣмцы—Шлецеръ, Эверсъ, Миллеръ,—и внесли въ нее голландскія нѣмецкія теоріи, которыми рабски слѣдовали русскіе историки и не смѣли подвергнуть ихъ собственному анализу. Формы государственной жизни служили главными предметомъ историческихъ изслѣдованій: о народѣ многочисленныхъ историковъ совсѣмъ забыли. К. С. Аксаковъ и вообще все славянофилы являются первыми защитниками русскаго народа и противниками узкихъ нѣмецкихъ теорій⁽¹⁾. Не принадлежа къ народу и не имѣя съ нимъ жизненной связи, Нѣмцы не могли истолковать правильно живущую судьбу русской жизни. Изображеніе князей, войнъ, дипломатическихъ переговоровъ недостаточно для знанія русской исторіи, какъ твердили западные ученые. Намъ нужно знаніе народнаго быта, изученіе общественныхъ внутреннихъ причинъ

явленій русской жизни. Соловьевъ, по словамъ Аксакова, сдѣлалъ послѣдователемъ Нѣмца Эверса, провозгласивъ въ науку учене о родовомъ бытѣ и образовавъ свою ученую партію⁽¹⁾. Все народы проходили чрезъ первоначальную степень родового быта, думаютъ послѣдователи Соловьева; но Аксаковъ доказалъ, что эта теорія о родовомъ бытѣ у русскихъ Славянъ совершенно произвольна. Заслуга Аксакова очень значительна въ томъ отношеніи, что онъ убилъ фальшивую теорію родового быта и указалъ на основаніе быта общинное или вѣщевое. Народъ упрямился своимъ вѣщамъ и вѣщивался въ княжескую борьбу въ крайнемъ случаѣ: дружина была стигнута чуждою народомъ. Главный недостатокъ возрѣвѣвшаго славянофиловъ толка, что они представляли слишкомъ идеально древне-русскую жизнь и проводили рѣзкія черты тамъ, гдѣ ихъ не было. Сознывая, каковыя явленія должны были, они мало обращали вниманія на то, что это явленіе было не такимъ на самомъ дѣлѣ, какъ они его представляли отвлеченно отъ жизни. Они чрезчуръ увлекались московскими патриотизмомъ, въ противоположность теоріи западникова, превозносившихъ все не русское, и потому у нихъ картина древняго русскаго быта нарисована слишкомъ идеально, прелепательными чертами и въ географическихъ размѣрахъ.

О заслугахъ славянофиловъ вообще и въ частности о трудахъ К. С. Аксакова по русской исторіи см. рѣчь Н. И. Костомарова. Актъ спб. ун-верс. 1861 г.; также въ Рус. Словѣ. 1861.

93. О книжной литературѣ.

Древній періодъ нашей письменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ, характеръ первыхъ произведеній въ обнаруживаетъ благоприятныя условія, въ которыхъ народныя поэтическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чужой литературы, и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Внѣшнія отношенія ставили права русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы восточной, славянскаго посредничества; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и въ дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязан-

(1) Московск. Сб. 1852 г., т. I, стр. 49—140, въ статьѣ: „О древнемъ бытѣ у Славянъ и у русскихъ въ особенности.“

(1) Мнѣніе о родовомъ бытѣ принято было и проповѣдывано Кизилемъ, Афанасьевымъ, Кошачевымъ и друг.

ностью к началу национальным. Тринадцатое столетие открыло новый период в умственной и нравственной жизни древней Руси: внешние несчастия, отблески самобытности должны были невыгодно отразиться и в литературе, и действительно эпоха татарского владычества положила замечательный отпечаток на ее памятниках. Вместе с тем, многие произведения до татарского периода или совершенно погибли, или остались уединенными свидетелями того, в каких разбратях и в каком направлении могло совершаться прежде литературное движение. До нас дошло только незначительное число рукописей этого времени; рукописи, а с ними и самые сочинения, терпелись от разных неблагоприятных обстоятельств, так что о многих памятниках мы можем только догадываться; потому очень часто труд исследователя древнейшей русской словесности состоит только в том, чтобы возстановить по возможности ее фактический состав и объем.

Во внешней ее истории прежде всего обращает на себя внимание тесная связь ее с византийской литературой средних веков, связь, которая и по известным ныне памятникам может быть определена довольно точно. Не говоря о множестве сочинений духовного содержания, принятых нами вместе с христианством, и которых весьма древние списки уцелели до сих пор, — переводы греческих хронографов начались почти одновременно с первыми попытками русской литературной деятельности. Знание хронографов дало первому нашему летописцу возможность представить в начале своего труда короткий, но точный космографический очерк; перевод Малахи несомненно принадлежит десятому веку, столько же древний и Амартол, следы которого в Несторе указывают еще Альтер (Philol. krit. Miscell. Wien 1799. 99—100). В исторических хронографах заключался переход к произведениям чисто-литературного характера, какие перешли к нам в последствии также из византийского источника; но и которыми, неясным, впрочем, намеком и эти последние можно отнести к отдаленной старине. Были ли все эти произведения трудом собственно русских переводчиков? — другой вопрос, окрайней мѣрь их не прямо — русское происхождение не мешало их действию на читателей и они помогали между тем расширению русского литературного запаса.

Тот широкий путь, которым переходили к русским читателям византийские произведения, составляли болгарская и сербская письменность, во все время их дѣйствующего состояния. Многие, на что у нас смотрели иногда как на русское, было принадлежно-

стью литературы южно-славянских; но переходя к нам, в них оно иногда не оставляло никаких следов своего существования. Памятники болгарские сохранились большей частью в русских списках, передельвавших особенности старо-славянского текста и только у нас они получили в последствии важное значение, — как древние переводы византийцев для позднейших составителей хронографов. Сближение словесности южно-славянской с нашею, обусловливалось с одной стороны единством литературного языка, с другой единством исповѣданія и происшедшими из него обстоятельствами. Взаимное общение народов приводило к нам духовных учителей из Болгарии и Сербии: они приносили к нам памятники своей литературы, важные тем больше, что были очень понятны и для русского читателя. В числе главных органов этого посредничества долго была Афонская гора: уже давно упоминаются путешествия русских к святогорским обителям, и давно русские получили там право гражданства. Там составлялись переводы греческих писателей; там исчислось множество рукописей, которые приносили были потом в Россию и расходились по всем ее краям. В последствии характер сношений много изменился, когда с падением Византии и Афонская гора подверглась преследованию и угнетению; и тогда однако она не переставала посвящать русским плоды своей деятельности; в XVI столетии имя Максима Грека блистательным образом напомнило об Афонской горѣ. Наконец, афонские инок приходили в Россию всего больше в надежде на помощь и за милостыню от царя и народа. Еще раньше кончилось содействие нашему образованию со стороны Болгарии и Сербии: с падением политическим прекратилось у них и развитие литературное, так что наконец у них не появлялось ни своих новых произведений, ни переводов; литература сербского языка жила только в дубровницких памятниках, являвшихся независимо от старинной словесности Сербии православной. Как бы в заглавие прежнего, в Болгарии и Сербии распространялись уже русские памятники, даже самые списки русской редакции.

Несомнѣны однако и прямые отношения нашей литературы с византийскою. Переводы с греческого дѣлались и дома на Руси, язык этот был известен многим; при том к нам постоянно собиралось много греческих выходцев. Летопись отмѣчает иногда самые переводы, как факт любопытный; так в софийском времени упоминается о переводе поэмы Георгия Писиды — Похвала к Богу о сотворении вселенной. В содѣйствии с тем, что досталось нам из южно-

славянского источника, русская письменность обнаруживает обширное знакомство с разными отраслями византийской литературы, и теперь сохраняются многие памятники этой последней, по известным в греческом подлиннике; точно также она сберегала многие южно-славянские переводы. При изучении памятников византийской повествовательной или поэтической литературы, известной вообще очень мало, необходимо обратиться и к старинной русской письменности, где иногда остается их единственный след.

У нас были известны и любимы очень многие из тех произведений, которые были знамениты в средневековой литературе и принадлежали к самым характеристическим явлениям ее. Старинная повесть наша представляет и другие любопытные стороны. Прежде всего она имеет право на внимание историка литературы, как популярное чтение старого времени, очень любимое и распространенное; в своем отношении к читателю, она не имела тех интересов, какие соединялись с произведениями историческими и чисто-назидательными, — при сильном господстве дидактических требований, она занимала своим более или менее поэтическим содержанием, и следовательно отбывала только чисто литературную потребность читателей. С другой стороны повесть наша представляет не мало данных по отношению к народной жизни и понятиям, которые она в себя отражала.

Как главную отрицательную черту надобно заметить особенную бедность произведений самобытно-русских в этом большом собрании разнообразных сказаний, повестей, сказок и романов. Народный эпос не сдвинулся у нас источником для письменных произведений, как было у Чехов, имевших судя Любуши и Кракедворскую рукопись. Напротив, наша народная словесность, как болгарская и сербская, издавна заключалась в самой себе и начала отделяться существование. Слово о полку Игореве становится явлением, как произведение, нераздельно связанное с народным эпосом и по духу и по внешней отделке. Известные условия старинного образования выдвинули на первый план историческую и духовную отрасль литературы, и это направление почти с одинаковой силой удерживалось во всем старом периоде. Строгая исключительность этого направления не допустила свободного выражения начал народно-поэтических: эти послания слишком сильно проникались всем богатством народных вбраний и вместе с ними вызвали против себя горячую и непрерывную полемику. Как древние наши писатели вооружались против «тисен и игрищ бесовских», так XVII столетие считало предосудительным и потому запрещало

«сказки сказывать небылыя и загадки загадывать».

Восполнением недостатка в повести русской, по содержанию и происхождению, служила обширная и популярная литература иноземных сказаний. Любовь к занимательному чтению и охота к фантастическим и романтическим рассказам находили пищу в многочисленных переводах, которыми словесность наша наводнена была с древнейшего времени. От X до XVIII столетия, сначала старо-славянская, потом русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакциями сказаний, расходящихся в то же время и в западно-европейской литературе. Чтобы вкратце понять, какая роль предназначена была этим переводам в нашем популярном чтении древней эпохи, не должно забывать, что в старину смотрели на перевод все не с той точки зрения, как смотрят теперь. И перевод и передьлка в наше время не могут усвоить литературу чужаго произведения и ничего не прибавляют к собственным ее результатам, потому что внутренний смысл переводнаго сочинения остается по прежнему не сроден литературе. В старину, напротив, быть может от не слишком большей разборчивости читателей, чужое и переводное принимали, как свое оригинальное. О книге судили по ближайшим чертам содержания, и считая перевод за русское сочинение, также легко и чисто-русское произведение приписывали чужим писателям: так многие русские почительные слова отнесены, в рукописях, к I. Златоусту. При этом взгляд перевод герял и свою иноземную внешность: оставая без изменения общия мысли, переводчик или лучше сказать передьлкаватель замѣнялъ частныя, национальныя черты подлинника другими, взятыми из русскаго быта, потому, что хотѣлъ быть понятнее для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передьланная на русскіе нравы, теряла свою исключительную физиономію и находила больше сочувствія у читателей. То же явленіе, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторилось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ литературѣ начинающей, которая не имѣетъ понятія о литературной собственности и слѣдуетъ не хитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его». Простодушіе, съ какимъ тогда подѣлывали и травилировали чужое произведение, даетъ много цѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо лѣзлы изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здѣсь не было обыкновенно никакого предвѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, дѣло совершалось

саме собой. Писанная литературы всегда и вездѣ подвержены были влиянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавляя глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало по малу начиналась сильная порча текста, отъ которой недалеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарий, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведение получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣятельностію южно-славянскіе. Русскіе приобретали по большей части готовыя сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-славянскіе письменности и потомъ легко переходили въ русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на русской почвѣ, такъ что впоследствии уже только на ней продолжали свое существованіе: многие изъ памятниковъ южно-славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ сербскихъ и болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ старо-славянскіе письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранялось многое изъ классическаго наслѣдія, и, кромѣ того, находилось значительное собраніе восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени греческой литературы—творенія Аристотеля, Эвклида, Гипократа, Птолемея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ переводовъ, по связямъ съ народами германскими и романскими, для нея доступны были и сказанія западно-европейскія. Южно-славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, передѣланныя подъ влияніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежду, какъ баснословная исторія Александра Македонскаго, приписываемая псевдо-Каллисмену, повѣсть о троянской войнѣ и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной

Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая Казила-и-Дилла, или Стефанитъ и Их-нилатъ, или же знакомыя только въ литературѣ византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной ночи, Синагрилъ и му-дромъ его министръ; и произведенія, навѣяныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ исторія Варлаама и Иосафата; и средневѣковыя преданія о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданіе о царѣ пресвитерѣ Іоаннѣ. По старинной повѣсти о Дѣяннѣ Деягеновѣ можно заключать, что у насъ не были чужды и византійскія героическія сказанія, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность византійскаго міра съ азиатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаніями; не смотря на то, что по своему схоластическому направленію греческая литература византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему-либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-славянскіе письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифическія преданія, какія вообще играли очень важную роль въ средніе вѣка и у насъ получали развитіе довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обуславливалась только письменными памятниками: основанные первоначально на чужомъ преданіи, эти рассказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ позднимъ, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаніемъ чистаго народнаго эпоса. Такъ наши повѣсти о Соломонѣ или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народно-словесности: одна изъ сербскихъ сказокъ «о премудромъ Соломонѣ» представляетъ неоспоримые слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта болѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всей свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказалъ русскій отбѣнокъ и потому въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-славянскіе перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ количествѣ, уже около

XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоємъ. По этому XIV и XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки болѣею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаруживавшаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой поры открывается новый періодъ нашей повѣсти, оставаясь, какъ и прежде, переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе рассказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, который она пользовалась прежде, литература падшей Византии не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собою разные произведенія, не прекращались до Петра В. Въ замѣнъ того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы..

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали въ глазахъ ихъ такой цѣны, какую имѣли въ свое время сказанія византийской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роли въ нашей словесности, и по отношенію къ средневѣковой романтической литературѣ. Большая часть и византийскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ въ старину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданій, которыми ученые изслѣдователи романтическаго эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (*Wandernde Dichtungen*). При всемъ различіи своего происхожденія—восточнаго или западнаго азиатскаго или европейскаго, онѣ сходны были въ одномъ, своей всеобщей извѣстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расходилась повсюду, и у разныхъ народовъ, видоизмѣняя свою физиономію, получала длинную литературную исторію, не лишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ германскими и романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдѣльной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бераскомъ, романы объ Артурѣ или Карлѣ В., но тѣмъ не менѣе стано-

вились общимъ достояніемъ народовъ западно-европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданіями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и рассказами, пришедшими изъ Византии и съ Востока: баснословная исторія Александра, Троянскія сказанія, повѣсть о семи мудрецахъ, Калила-и-Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ рассказовъ, новеллы, анекдотическія повѣсти, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространялись также быстро и обширно, какъ и основныя памятники романтическаго эпоса.... Памятники русской старинной письменности еще на одну степень раздвигаютъ этотъ кругъ странствованій, открывая иногда до сихъ поръ неопредѣленные факты его исторіи. Такимъ образомъ, нашъ переводъ одной сказки изъ Тысячи и одной ночи, сдѣланный безъ сомнѣнія съ греческаго, указываетъ, что въ литературѣ византийской извѣстнѣе было и этотъ знаменитый сборникъ вмѣстѣ съ другими сказочными сборниками Востока, и слѣдовательно даетъ: новое средство объяснять сходство, какое находятъ въ его содержаніи со многими изъ старинныхъ повѣстей западно-европейскихъ. Дѣяніе Девгеніева, переведенное въ древнюю эпоху нашей письменности, и кажется не извѣстное изъ греческихъ источниковъ, вмѣстѣ не малую цѣну для исторіи средневѣковаго эпоса въ литературѣ византийской, какъ остатокъ самобытнаго героическаго романа византийской эпохи. Подобнымъ образомъ, болѣе поздне русское сказаніе, основанное на мифѣхъ о Соломонѣ, подтверждаетъ родственность нѣкоторыхъ памятниковъ германскаго эпоса съ преданіями византийскими, сближая нѣмецкое стихотвореніе XV вѣка съ его предполагаемымъ греческимъ источникомъ....

Народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли; но, говоря о старинной повѣсти, нельзя незамѣтить нѣкоторыхъ, болѣею частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи, съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видали, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сближеній, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжныя входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ иныя формы отъ влияния народно-поэтическаго взгляда.

Чужия повести иногда особенно завлекали читателей по каким-нибудь чертам своего содержания, безиременно переписывались и расходились в новых списках. Известно, каким удивительным превращением подвергается иногда в рукописных литературах одно и то же произведение: сравнись несколько списков какой-нибудь любимой старины повести, можно без труда видеть, что все множество вариантов часто бывает только следствием обширного распространения повести, переходившей во все стороны и во все разряды читателей. Не говоря о том, что при подобном распространении вступившие подробности слагивались под русские формы, самое изложение много выигрывало в пользу народности склада и языка. На этом и останавливались большей частью передовые повести. Но случалось, что эти травестированные рассказы сближались с оригинальными произведениями народа и, не смотря на чужое происхождение, получали право гражданства в нашем сказочном эпосе; герои переведенных повестей изображались теми же красками, как богатыри сказок и былины. Так, по свидетельству знаатоков, варианты рукописных сказаний о Соломоне повторяются в малорусских преданиях; так итальянский роман XIII—XIV века превратился в русскую народную сказку о Бояе королевича. Тем же путем проишли многие из наших народных анекдотов, в которых хотелось видеть проявление русского юмора, и которые однако составляют принадлежность немецкой или вообще западной анекдотической литературы средних веков. Известная любочная изданная с XVII века занимающая важное место в народном чтении, представляют много заимствованных рассказов, принадлежащих старинной рукописной повести.

С другой стороны чисто-народные произведения подвергались книжному влиянию. В них очень легко могли появиться отдельные подробности чуждаго происхождения; в круг народных знаний давно перешли новыя понятия о чудных далеких странах, дивных зверях и птицах, заключенных сначала в передовых сборниках, в роду средневекового «энциклопа», и потом распространявшиеся посредством азбучников и изъдобавных популярных книг; отсюда они появлялись в песнях, былинях, и может быть в сказках. Такой переход мифов во мслгях случаях можно считать болле естественным, чмъ живое предание, которому верьдо дают савшномъ общирное значение. Иногда народная поэзия заимствовала и цлые сюжеты изъ книжныхъ преданий и повестей; это должно было произойти конечно тамъ, гдѣ сфера книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла по этому служить эпическимъ ма-

териаломъ, и отсюда явились опозитизированные сюжеты духовныхъ стиховъ «объ Алексѣ божіемъ чловѣкѣ», о Федорѣ Тиронѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ, даже стихи о Голубиной книгѣ, о Георгии храбромъ и другіе. Молитвы послѣднихъ не всегда принадлежать народной фантазіи, но давно ею восприняты, они связаны съ національными идеями и развиты яравнѣ съ ними. Не всѣ духовные стихи одинаково древни, но многіе принадлежать далекой старинѣ; стихи о Голубиной книгѣ, одно изъ любопытѣйшихъ произведеній русской эпической поэзіи, въ XVI столѣтіи является уже какъ нѣчто законченное: очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выражения—преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народной поэзіи обнаруживалось влияние и книжной повести. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени выставляются иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрусьвшій «Полканъ-богатырь». Народная сказка къ своему оригинальному содержанию примѣшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: «мечъ-кладенецъ», необходимый спутникъ сказочнаго героя, едва ли не былъ чертой заимствованной, также какъ магическая гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или Ногай птица, выносящая сказочнаго царевича изъ подземной страны на св. Русь. Даже цлые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ рассказовъ; къ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка «о злой жевѣ», попавшей въ яму в надугавшей бѣса, очень известная и въ средневековой западной повести.

(Очеркъ лит. исторіи старин. нов. и сказокъ рус. А. Н. Пылина. Учен. зап. 2 отд. Акад. Н. IV. 2—10. 17—19. 22—25).

Указатель сочиненій и статей: Хронографъ Георгія Амартола въ гречес. подлин. Изд. *Муральта*. Учен. зап. акад. О переводѣ Манаассиной лѣтоп. на славян. языкъ. М. 1842. Визант. исторіи, перевод. при Свб. Духовн. Акад. Спб. 1866—62. О жизни и трудахъ Константина Порфирог. *Зермина*. Хар. 1858. Всплнхъ Македонявъ. *Его же*. О родѣ греческихъ князей Комниновъ. М. 1852. Очеркъ жизни патр. Фотія. М. 1858. Патріархъ Фотій. Вѣстн. Европ. 1868. 4 и 2. Какъ выражались отношенія Константинополь. церкви къ окрест. сѣвернымъ народамъ и особенно къ Болгарамъ въ X в. В. И. Григоровича. Одесса 1866. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart. *Пиллера*, Мюнхенъ. 1865. Царь-

градъ и дворъ византийскій въ X в. Легенда. Сынъ Отеч. 1839, XII. II. Латинс. императоры въ Константинополѣ. *П. Медовикова*. М. 1849. О состоянии вѣтант. империи. *А. С. Хомикова* Рус. Бес. 1860, II, 101. Голосъ Грека въ записку Византии. *Ю. С. Дестуниса*. Тамъ же 1859. Смѣсь 184. Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древ. времена Россіи. Прав. Собес. 1860, I, 181. Царствование Констант. Палеолога. Сынъ Отеч. 1824, LXXI. 193. Взятіе крестоносцами Царяграда 6712 г. Христом. *Буслаева*, 440. Осада и взятіе Византии Турками. *М. Стасюлевича* Спб. 1854. Повѣсть о Царьградѣ. *Срезневскаго*. Спб. 1857, п въ Учен. зап. акад. Сказаніе о Царьградѣ. *В. Яковлева*. Спб. 1868. См. еще о Византии въ Ж. Мин. II. Пр. т. XVII, 499; XXI, отд. 2. 13. 159; XXVIII, 149. XXIX, 137. XXXII, 69. XXXIII, 180. XXXIX, 38; LXX, 133.

О Кириллѣ и Меѳодіѣ. *М. П. Погодина*. Сѣверя. арх. ч. 19, № 4. с. 348. Горскаго въ Москвит. 1843. № 6, 405. 432. Пресса. *Филарета*. Чт. общ. 1846, № 4; 1847, № 5. О. *Бодянского*. Тамъ же 1863, 2, III. 1—224; 1864, 228; 1868, 2. 1—64. О времени происхожд. славянск. писменъ. *Его же* М. 1855. Кирилл и Меѳодій. *П. А. Лавровскаго*. Хар. 1863. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ *Погодина* М. 1865. О Кириллѣ и Меѳодіи и тысячел. ихъ годовицъ. *Гильфердинга*. М. 1862. Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. *Его же*. М. 1856—9. Славянск. древности. *Шафарика*. М. 1848. Ж. Мин. II. Пр. 1843. № 6; 1858. № 5. Славянск. Народопис. *Его же*. Расцѣтъ славянской письмен. въ Болгаріи. *Его же*. Чт. общ. 1848 № 7 и отдѣльно. О происхожденіи и родинѣ глаголицы. *Его же*. Чт. общ. 1860, IV. Изв. акад. VII, 2; X, 5. Рус. Вѣст. 1856, № 5. Объ отношеніи языка славянск. къ языкамъ родствен. *Гильфердинга*. М. 1854. О вліяніи христіанства на славянск. языкъ. *Буслаева*. М. 1848. Опытъ историч. грамматики. *Его же*. М. 1863. Палеографич. и филологич. матеріалы для исторіи письмен. славянск. *Его же*. М. 1855.

Списокъ рус. памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечеств. палеографіи. *П. Каптева*. М. 1822. О древнерус. языкѣ. *Погодина*. Изв. акад. V. Матеріалы для славянской палеографіи. *Пымина*. Уч. зап. акад. II, вып. 2. Мысли объ исторіи рус. языка. *Срезневскаго*. Спб. 1850. Объ изученіи роднаго языка. *Его же*. Спб. 1860—61. Статьи, касающіяся древн. славянск. языка. *Григорьевича* Каз. 1852. О народной поэзіи славянск. племенъ. *Бодянского*. М. 1837. Древн. памятн. рус. письма и языка. Спб. 1863. Объ историч. населеніи въ славянск. словообразованіи. *Дювернуа* М. 1867. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянск. народовъ до XIV в. *Мацлевскаго*. Чт. общ. 1846. О Сербіи, въ ея отношеніяхъ къ сосѣдямъ, особенно къ Россіи. *Григорьевича*. Каз. 1859. Ист. чешскаго королевства. *Томка*. Спб. 1860. Исторія Сербіи. *Ранке*. М. 1857. Ист. чешскаго народа въ краткихъ очеркахъ. *Гильфердинга*. Спб. 1860. Исторія польскаго народа *Шмидта*. Чтеца о славянской исторіи въ И. Спб. Универс. Спб. 1867. Вѣкъ болгарск. царя Симеона. *Палаузова*. Спб. 1852. Остатки Славянъ на южнокъ берегу Балт. моря. *Гильфердинга*. Спб. 1862. О славянахъ въ малой Азіи и проч. *В. И. Ламанскаго*. Спб. 1859. Исторія славянск. литературы. *А. Н. Пымина* Спб. 1863. Св. великомуч. *Димитрій Солунскій* и *Солунскіе Славяне*. *Филарета*. М. 1848. Православіе у Чеховъ. *Новикова*. М. 1848. Борьба Славянъ съ Нѣмцами на балтійск. поморьѣ. *Гильфердинга*. Спб. 1861. Славянскій элементъ въ Греціи. *Палаузова*. М. 1850. Исторія разныхъ славянскихъ народовъ. *Ранке*. Спб. 1795. Виландскій законъ 1280 г. М. 1846. Славянск. зоря. Вѣна. 1867. Богомилы, црква Босаньска и крѣстьян. *Петрановича*. У Задру. 1867. Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Запад. Евр. въ концѣ XIV и началѣ XV в. *Наолера*. Хар. 1864. Исторія первоб. христ. цркви у Славянъ. *Мацлевскаго*. Перев. Евейскаго. Варш. 1840. Святые южннхъ Славянъ. *Филарета*. Черниг. 1866.

III. ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА ВЪ РАЗВИТИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖИЗНИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

94. Изъ житія преп. Θεодосія Печерскаго до 1093 (¹).

...Отець нашъ Θεодосіа святии побѣдоносць показася въ пещерѣ на злыя духы, по остриженіи (въ монахины) матери своей и по отъврженіи всякоя мирьскыя печали, большимии трудаи паче наченъ подвизатися на рвеніе божіе. И бѣ видѣти свѣтила три еуща въ пещерѣ, разгоняща тьму бѣсовскую молитвою и алканіемъ, мѣню же преп. Антоніа и блаженнаго Θεодосіа и великааго Никона; си бѣша въ пещерѣ, моляще Бога, и Богъ же бѣ съ ними: иде бо, рече, 2 или трие съзъкуплени въ имамое, ту есмь посредеѣ ихъ. Въ тоже время, иже бѣ пръвѣи у князя въ боярьхъ и мѣньиъ Юанъ, и того сынъ часто прихажаше къ преподобнымъ, наслажася медоточныхъ тѣхъ словесъ, иже исхожаху изъ устъ отецъ тѣхъ, и възлюбѣ же

я зѣло, — и яко въсхотѣти ему жити съ ними, и вся презрѣти въ житіи семъ, славу и богатство ни въ что же положивъ. Прикосну бо ся емъ слово господне, рекшее: яко удобѣесть вельбуду сквозѣ иглѣвъ ушии проити, нежели богатѣ въ царствіе небесное вѣити. Тѣгда же повѣда единому Антонію мысль свою, глаголи: «хотѣлъ быхъ, отъче, аще Богу годѣно, мнихъ быти и жити съ вами». Глагола ему старѣць: благо хотѣніе твое, чадо и помыслъ испълненъ благодати; нѣ блуди, чадо, да не богатство и слава мира сего възвратитъ тя въспѣтъ, Господу рекъшю: някто же възложъ руки своя на рало и зря вспѣтъ, управленъ есть въ царствіи небеснѣхъ; тако и мнихъ, възвращаяся къ миру мыслию и пекыся о мирьскахъ, не имать управитися въ жизнь вѣчнѣю. И ина многа старѣць бесѣдова къ отроку, и оному же сердце боле острѣшася на любовь божію, и тѣгда отиде въ домъ свой; и въ другѣи же день одѣвъся въ одежу свѣтлѣю и славнѣю, и тако въсѣдъ на конь, побѣха къ старцю, и отроци бѣша окрестъ его їдуще, и другія коня вѣдуще предъ нимъ въ твари (въ сбруѣ) и въ славѣ велицѣи приѣха къ пещерѣ отецъ тѣхъ,

(¹) Это взято изъ списка XII в.; здѣсь Несторъ пишетъ, что мать Θεодосіа разсказывала сама Казарю Θεодору, о дѣтствѣ и поступленіи въ монашество Θεодосіа: „азъ же отъ него вся си слышавъ, оному съповѣдающе ми и списавъ.“ (Зап. Акад. Н. II, 2, 131—140). О дѣтствѣ Θεодосіа см. тамъ же.

Онѣмъ же ишедшимъ и поклонившимся ему, яко же есть лѣпо (*прилично*) вельможѣ, онъ же пакы имъ поклонися до земля; потомъ же, снемъ съ себе одежду боярьскую, положи предъ старцемъ, такоже и коня, сущая въ твари, постави предъ нимъ, глаголя: «се вся, отче, красная прелесть мира сего суть, и яко хоцещи, тако створи о нихъ, — азъ бо уже вся ся презрѣвъ, хошу нишкѣ быти, и съ вами жити въ пещерѣ сей, и къ тому не имамъ възвратитися въ домъ свой». Таче (*потомъ*) старецъ къ нему:—блюда, чадо, кому общаешися, чаи вопиѣ хоцещи быти, се бо невидимо предстоѣтъ ангели божии, приемлюще общанья твоя; но егда како пришедшу отцю твоему съ многю властью изведеть тя отсюду, намъ же не могущимъ помощи, ты же прейдъ Богомъ явившися яко ложь и отметникъ его.—Глагола ему отрокъ: «вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнетъ отецъ мой, не имамъ послушати его, еже възвратитися къ мѣру; молю же ти ся, отче, да въскорѣ острижешъ мя». Тогда повелѣ преп. Антонія великому Никону, да острижетъ ѿ и облечетъ въ мнишьскую одежду; онъ же по обычаю молившись, и остриже ѿ, и въ черны ризы облече, Варлаамъ тому имя нарекъ. Тогда же приде кажиникъ (*скопеецъ*) нѣкто отъ князя дому, иже бѣ зѣло любимъ княземъ, придержи у него вся ⁽¹⁾, и моляшеся старцю Антонию, хотя быти чернецъ; его же поучивъ старецъ еже о спасеннѣ душѣ, предасть Никону, да и того острижетъ; онъ же того остригъ, облече въ мнишьскую одежду, Еврентъ имя того нарекъ. Нѣсть бо лѣпо тѣзвѣти, и еже нанесе врагъ скорбь на прещодобныя ею (*ихъ*) ради... Увѣдъ бо князь Изяславъ бывшее о бояривѣ и о кажиникѣ его, раз-

гнѣвася зѣло, тогда же повелѣ ту, абже шедше, единого отъ нихъ привести, дерзнувша таковая створити, иже ишеде, и великого Никона приведоша предъ него. Тогда князь, възрѣвъ съ гнѣвомъ на Никона, глагола ему: «ты ли еси остригъ боярина бесъ повелѣния моего?» Никонъ же отвѣща:—благодатню божиею азъ есмь постригъ я, повелѣнемъ царя небеснаго, Исусъ Христа, призвавшаго я на таковы подвижъ. — Князь рече: «то или увѣщавъ я въ домъ свой поити, или въ поточенье пошлю тя и сущая съ тобою, и пещеру вашу ведю раскопати». Къ сему же Никонъ отвѣща:—се, еже есть, владыко, угодно предъ очами твоими, тако створи, ни же нѣсть отвращати воинъ отъ дара небеснаго.—Антоний же и иже съ нимъ, вземше одежа своя, и отъидоша отъ мѣста своего, хотяще отъити во ину область; князю же, еще сварящю (*рукающу*) Никона, и се единъ отъ отрокъ вшедъ повѣдаше, яко Антонія съ сущими съ нимъ отходитъ отъ града сего въ ину область. Тѣгда глагола ему жена его: «послушан, господи, (*господине*) и не гнѣвася, яко такоже бысть и въ странѣ нашей, отбѣжавъшемъ нѣкое бѣды ради чернецъ, много зѣла створися въ земли тои ихъ ради, нѣ блюда, господи, да не тако въ области твоей будетъ». Тоже слышавъ князь, убоявъсѣ гнѣва божия, отпусти великаго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою; по онѣхъ же посла, рекши, да съ мольбою възвратятъсѣ въспѣять, иже едва по три дни увѣщавъ быша възвратитися въ свою пещеру. (*Посль того бояринъ Іоаннъ со многими отроками распудилъ стадо Христово и взялъ сына своего Варлаама силой домой; но онъ стопталъ въ грязь свѣтлыя одежды, 4 дня не пѣлъ ничего и не поддавался на ласки своей жены. Киевопечерскіе иноки молились о немъ, и отецъ*

(1) т. е. былъ распорядителемъ или экономомъ.

сжалился надъ нимъ, отпустилъ его въ монастырь и провожали его рабы, жена, отецъ и мать съ великимъ плачемъ, какъ мертвеца, а братия радовалась великою радостью)...

Тогда блаженный отецъ нашъ Θεодоси поставленъ бысть презвύτεрьмъ повелѣниемъ преп. Антонія, и бѣ по вся дни божественную службу съвѣршая съ всякимъ сѣмѣреніемъ: бже бо кротокъ нравъ и тихъ смыслъ, и простъ умъ, и духовныя всея мудрости испълненъ, любовь же непорочно имѣя къ всемъ братьямъ: бѣ бо уже съвѣкуповаеся бразия яко до пятнадцате...

А еже испѣва житіе ихъ въ пещерѣ, и елико скръби и печали пріяша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому свѣдущю, а устомъ человѣкомъ не можно исповѣдати. Къ снѣгъ же и адъ (нища) ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ тѣмъ ти (да) вода, въ суботу же ти въ недѣлю сочива вѣкушахуть, многашды же и въ та дѣни не обрѣвшюся сочиву, зелье (зелень, траву) съваривше едино, и то ядаху. Еще же и руками своими дѣлахуть дѣло, ово ли копыта (чулки?) плетуще и клобуки (шапки), и ина ручная дѣла строяще, и тако носяще въ градъ, продаху, и тѣмъ житю купяху, и се раздѣлахуть, да кждо въ ноши свою часть намѣлаше на строение хлѣбомъ... и тако вѣкусивше мало хлѣба и намы дѣлѣя своимъ кждо имашеть, и тако по вся дни трудящися, пребывахуть въ любви божіи. Отецъ же нашъ Θεодосіи сѣмѣреніемъ снысаль и послушаніемъ всѣхъ пресѣвааше, тридѣмъ и подвизаніемъ (подвизомъ) и дѣлѣмъ телѣснымъ, бже бо и тѣмъ благъ (красивъ) и крѣпкъ, и съпособствѣмъ всѣмъ служаше, и воду нося и дѣрва изъ лѣса на свою плещю, бѣди же по вся ноши въ славословенніи божіи; и братія же на опочителіи, суще, блаженныи же възъмъ раздѣленное житю, и кождо

часть възъмъ, и поставляше на своемъ мѣстѣ. Другици же оводу (сальникамъ) сущю многу и комаромъ въ ноши, налѣзъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, съблгаше, прядыи вѣлну (шерсть) на съплетѣніе копытникомъ, и псалтырь же Давидову пою, отъ множества же овода и комара все тѣло его покрывено будише, и ядахъ плоть его о немъ, илюще кровь его; отецъ же нашъ пребываше неподвижимъ, ни вѣстая отъ мѣста того, дондеже годъ (время) будише утрьни, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ церкви, и ставъ на своемъ мѣстѣ, веноступъ сы, ни мысленъ умъ, божественное славословіе съвѣршаше, ти тако намы и (изъ) церкви послѣ же всѣхъ излагаашо (выходило): и сего ради всѣхъ любляхути и вѣдо, и яко отца имяхути и, вѣдо дивящися сѣмѣренію его и покоренію.

Таче по свѣхъ божественныи Варлаамъ, игуменъ сы братія въ пещерѣ, пзведенъ бысть княземъ повелѣніемъ въ манастирь св. муч. Дмитрія, и ту игуменъ поставленъ; тогда же братія, ту сущая въ пещерѣ, събрашеся изволеніемъ всѣхъ, възвѣстивше преп. Антонію, блажен. отца нашего Θεодосіи игуменъмъ себѣ нарекоша, яко и чернчскую жизнь управивша, и божія извѣсто (знатно, хорошо) заповѣди излика (отлично) вѣдуша. Отецъ же нашъ Θεодосіи, аще и старѣишество приимъ, не измѣни сѣмѣренія своего правила... Вида мѣсто скръбно суще и тѣсно, и еще же скудно при всѣмъ, и братія множащися, церкви же мали сущи на съвѣкупленіи имъ, и николи же въпаде о томъ въ печаль, ни поскрбѣ отъмъ, но по вся дѣни братію всю утѣшая, учаще никако же почеса о плѣтѣмъ (о тѣлесномъ, материальномъ). Послѣ того на новомъ мѣстѣ, недалеко отъ пещеры, Θεодосій скоро создалъ церковь съ оградой, поставилъ много келій и переселилъ братію въ 1062 г.,

выписалъ Студійскій уставъ изъ Царяграда и ввелъ его въ свой монастырь; помогалъ убогимъ и въ постъ затворялся въ пещерь, поучивъ братію на исполненіе подвиговъ. Въ пещерь онъ велъ сильную борьбу съ злыми духами и побѣдилъ ихъ).

Имѣяте же обычаи сѣи великыи о-тець нашъ Θεодосіи, яко же по вся вещи обиходити ему келіи мниховы вѣсѣ, хотя увѣдѣти кождо ихъ како житие; егда бо услышаше кого молитву творяща, тыгда ставъ, прославяше о немъ Бога, егда же ли пакы кого слышаша бесѣдующа, дѣва ли или трие съшедшеся въкупѣ, тоже ту ударивъ своею рукою въ лѣври, ты тако отъхожааше, назнаменахъ тѣмъ свои приходъ. Таче въ утрѣи день, призвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ яко же издавеча притѣчами наговя, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ Богу тѣшание ихъ. *(Далѣе слѣдуетъ, чему поучалъ братію Θεодосій).*

Тѣмъ же слышаще князи и бояре доброе ихъ житие, приходяаху къ великому Θεодосію, исповѣдающе тому грѣхы своя, иже велику пользу приимъше отъ того отъхождааху, ты тако пакы приношаху ему нѣчто мало отъ имѣнии своихъ на утѣшение братія, на строение монастырю своему, друзи же и села влавающе на попечение имъ. Навиаче же зѣло любляше блаженнаго христіюбывши князь Изяславъ, предържанъ тыгда столь отца своего, и часто же и призывааше къ собѣ, множицею же и самъ приходяаше, яко же и отътолѣ тако Богъ възвеличаше мѣсто то, умножая вѣсѣхъ благыхъ въ немъ молитвами въродника своего.

(Далѣе слѣдуетъ разсказъ, какъ пришелъ Изяславъ въ монастырь, ворота были заперты и привратники не отворили ему безъ повелѣнія Θεодосія, — какъ умеръ Варлаамъ, — какъ Никонъ умоленъ былъ отъ людей пойти въ Кіевъ изъ Глутороканя

просить сына святославова Гльба княземъ на мѣсто умершаго Ростислава, — какъ Θεодосій прежде вѣсѣхъ изъ братій смиренно носилъ воду, рубилъ дрова для кухни, прлалъ нитки для переплета книгъ, изну-рлялъ себя бдѣніемъ, носилъ худыя одежды, такъ что несмысленные смѣ-ались надъ нимъ и проч).

И се въ единъ день шедъшу великому отцу нашему Θεодосію нѣкотораго ради орудія *(по нѣкоему дѣлу)* къ Христіюлюбцю кнзю Изяславу, далече ему сущю отъ града, таче яко пришедъ, и до вечера ему бывшу орудія радя, и повелѣтъ христіюлюбцю ношнаго ради постыиания ему, на возѣ допроводити до монастыря его. И яко бысть идъи путемъ и возан *(везиий)* его видѣвъ ѥ въ такомъ одѣжи сущаго, и мѣвъ, яко единъ отъ убо-рыхъ есть, глагола ему: чирноризче! се бо ты по вся дни пораздыи еси, азъ же трудныи сы *(въ работѣ)*, и се не могу на кони ѣхати, нъ ещѣ сѣтворивъ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же можыи на кони ѣхати, всяди на коня. То же блаженныи съ всякимъ смѣтряннемъ вставъ, сѣде на кони, а оному же легъшу на возѣ, и идяше путемъ, радуяся и славя Бога, и егда же въздремаашеся, тыгда же съсѣдъ и текъ, идяше въскрай коня, дондеже утрудна-шеся, ты тако пакы на конь въсядаше. Часто уже зорянъ въсходящемъ и вель-можамъ бдущемъ къ князю, и издавеча познавъше блаженнаго, и съсѣдъше съ конь, поклоняхуся убо блаженному отцу нашему Θεодосію; тыгда же глагола отроку: се уже, чадо, свѣтъ есть, въсяди на конь свои. Онъ же видѣвъ, еже тако вси поклоняхуся ему, и ужасеся въ умѣ и трепетнъ сы, въста и въсѣде на конь, ты тако повле путемъ, а преп. Θεодосію на возѣ сѣдящю, вси же бояре сѣрѣтъше поклоняхуся ему. Таче до-шедъшу ему монастыря и се ишедъше

всѣхъ братія, поклонившася ему до земли, тоже отрокъ болѣе (весьма, вельми) ужасеся, помышляя въ себѣ, кто съ есть, еже тако всѣхъ покланяются ему; и емъ ѿ за руку, введе ѿ въ трапезницу, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощетъ, еще же и кунями тому давъ, отпусти ѿ. Си же съповѣда братии повозыникъ тѣ, а блаженному о семъ никому же явившю. (Потомъ излагаются поученія Феодосія къ братіи, которую онъ укрѣплялъ на брань противъ искушений дьявольскихъ, говорится о расширеніи монастыря и нападеніи разбойниковъ, поученіи бояръ и князя).

Къ сему же блаженному нѣколи приводеша разбойники съвязаны, ихъ же бѣша яли (поймали) въ единомъ селѣ монастырскѣ, хотѣща красти; блаженный же, видѣвъ я съвязаны и въ таковъ скръби суща съжали си зѣло, и прослызавъ, повелѣ раздрѣшити я и дати же тѣмъ ясти и пити, и тако пакы тѣхъ учаше много, еже никогоже прѣбидѣти и никому же зѣла сѣтворити, подасть же тѣмъ отъ имѣнія довольное, еже на потребу, и тако тѣхъ съ мирѣмъ отпусти, славяща Бога, якоже оттолѣ тѣмъ умилитися и никому же зѣла сѣтворити, нѣ своими дѣлы довольномъ быти. Таково бо бѣ милосердіе великаго отца нашего Феодосія: аще бо видѣше нища или убога, въ скръби суща и въ одежи худѣ, жалѣаше си его ради и вельми тужаше о семъ, и съ плачѣмъ того миновааше; и сего ради сѣтвори дворъ близъ монастыря своего, и церковь възгради въ немъ св. първомученика, Стефана,—ту же повелѣ пребывати нищимъ, и слѣпыимъ, и хромымъ, и трудоватымъ, и отъ монастыря подавааше имъ, еже на потребу, и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть дающе имъ, и еще же и по всѣхъ суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущимъ въ узахъ...

(Потомъ говорится о прозорливости Феодосія и милостыняхъ, которыя присылали въ монастырь христіанцы, о чудесахъ его и видѣніяхъ избранныхъ).—Се бо и сице обычаи имѣаше блаженный, яко же многашды въ нощи вѣстая, и отанъ вѣсѣхъ исхожааше къ Идумѣ, и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣдпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отъметники и безаконники тѣхъ нарицая, жадаше бо еже о Христѣ въ исповѣданіи убиенъ быти. ⁽¹⁾

Бысть и то время смѣтеніе нѣкако отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, братии сущимъ по плоти, на единого старшего брата, христіанца, иже по истинѣ христіанца, Изяслава. Тоже такоже прогнанъ бысть отъ града стольнаго. Онѣмъ пришедшимъ въ градъ отъ, посылаета же по блаженнаго отца нашего Феодосія, бѣдѣща (убѣждаѣ) того прити к нѣмъ на обѣдъ, причаститися (стать участникомъ) неправеднѣмъ тѣмъ съвѣтѣ (совѣтъ). То же иже бѣ исполненъ Духа Св. преподобны—иже разумѣвъ, еже не праведному сущу изгнанью, еже о христіанци, глаголетъ посланому, яко не имамъ ити на трапезу Езавелину и причаститися брашна того, исполнѣ убо крови, убійства. И ина же многа укоризна глаголавъ, отпусти того, рекъ, яко да възвѣстиши всѣхъ си пославшимъ тя. Но обаче она аще слышаста сив, но не възмогоста прогнѣватися на нь; видѣша бо праведнаго суща челоуѣка божія; ни пакы же послушаста того, но устремистася на прогнаніе брата своего; иже отъ всѣхъ тоя области отгнаста того, и тако възвратистася вспять, единому шедшу на столѣ томъ брата и отца своего,

⁽¹⁾ Здѣсь напечатанъ текстъ житія по самымъ древнимъ спискамъ. (Чт. Общ. Ист. 1858, 3, III). Далѣе представляется образчикъ изложенія житія по спискамъ болѣе позднимъ. (Изъ житія Феодосія отрывки см. въ Лавр. Лѣт. стр. 69. 79—80. 89—91. 121. 257. 265—7). Объ основаніи Киевопечерскаго монастыря. Тамъ же—67—9.

другому же възвратившуся въ область свою. Тогда же отецъ нашъ Феодосии, наполнився Духа Св. нача того обличати, яко неправедно створивша, не по закону сѣдла на столѣ томъ, ако отца си, брата старшого прогнавши. То же тако обличаше того: овѣгда (*иногда*) епистолю пиша, посылаше тому; овогда же велможамъ его приходящимъ к нему обличаше того о неправеднѣмъ прогнаннѣ брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Сеже послѣже вписа к нему епистолю велику зѣло, обличая того и глаголя: Гласъ крови брата твоего вопиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина. Инѣхъ многихъ древнихъ гонитель и убоинникъ братоненавидникъ приводя и притчами тому яся, еже о немъ, указавъ и тако вписавъ и посла. Яко то прочте епистолю ту, разгрѣвася зѣло, яко левъ рикнувъ на праведнаго, и удари тою о землю; якоже оттолѣ промчеса вѣсть, еже на поточенье осужену быти блаженному. То же братия в велицѣ печали бывше и моляхуть блаженнаго остаться и не обличати его. То же тако же отъ бояръ мнози приходяще повѣдаху ему гнѣвъ княжъ на того сущъ и молахутъ и не супротивитися ему. Се бо, глаголаху, на заточенье тя хочеть послати. Си же слышавъ блаженны, яко о заточеньи его рѣша, возрадовася духомъ и рече к тѣмъ: Се бо о семъ велии радуюся братие, яко ни что же ми блаже (*лучше*) въ житиі семъ. Еда богатства, имѣнья лишенье нудит мя, или дѣтви отлученье и селъ опечалует мя? Ничто же отъ таковыхъ принесохомъ в миръ ось; но назѣ родихомся; тако же подобаетъ намъ нагомъ прѣити отъ свѣта сего: тѣмъ же готовъ есмь или на поточенье, или на смерть. Оттолѣ начать того укарати о братоненавиденьи; жадаше бо зѣло, еже поточену быти: Но обаче онъ, аще велии разгнѣвася бѣ на блаженнаго, но не дерзну ни единого же зла, ни скорбна створити тому: видяше

бо мужа преподобнаго и праведна суща его: якоже преже многажды его ради завидѣше брату своему, еже такова свѣтила имать въ области своей, якоже сповѣдаше слышавъ отъ того черворизепъ Павель, игуменъ сы отъ единого манастиря сущихъ въ области его. Блаженны же отецъ нашъ Феодосии много молимъ бывъ отъ братии и отъ велможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничто же успѣетъ тѣми словесы тому, останися (*останется*) его; оттолѣ не укаряше его о томъ, помысливъ же в себѣ, яко уне есть молбою того моляти, дабы възвратилъ братъ си (*брата своего*) въ область свою.

Не по мнозѣхъ же днехъ разумѣвъ благий князь преложенье блаженнаго Феодосея отъ гнѣва, и угнѣшенъ же отъ обличенья того, възрадовася зѣло; издавнаго бо жадаше бесѣдовати с нимъ, ауховныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженному, аще повелитъ тому прѣити в манастирь свой, или ни. Оному повелѣвшю тому прѣити, то же си съ радостью въставъ приде и с бояры в манастирь его. И великому Феодосею съ братнею пришедшу нсъ церкви, по обычаю ерѣтѣшу того, поклоннемся, якоже лѣпо князю, и тому же цѣловашу блаженнаго, таче глаголаше ему: Се, отче, не держакъ прити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя, и не въпустиши насъ в манастирь. То же блаженны отвѣща: что бо, благий владыко! успѣетъ гнѣвъ нашъ, еже на державу твою. Но се намъ подобаетъ обличити, и глаголати вамъ, еже на спасенье дѣши; и вамъ лѣпо есть послушати того. Тако же вшедшима въ церковь, и бывши моливъ сѣдоста, блаженному Феодосею начевшу глаголати тому отъ святыхъ книгъ, и много указавшу ему о любви брата, и ону паки многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу тому с тѣмъ мира створити. И тако паки по мнозѣ бесѣдѣ тои отыде князь въ домъ свой слава Бога,

яко сподобися с такимъ мужемъ бесѣдовать. И оттолѣ часто приходяше к нему духовнаго того брашна насыщаяся паче медвѣна ста. Се же суть словеса блаженнаго, яже исходяхуть отъ медоточивыхъ устъ тѣхъ!

Многашедъ же великий Феодосий к тому ходяше; и тако въспоминаше тому страхъ божии, и любовь, еже къ брату. И единъ отъ дни шедшу къ тому благому богоносному отцу нашему Феодосію, яко вниде въ храмъ (*въ комнату*) идѣже бѣ князь, сѣде; и се видѣ многия играюща предъ нимъ: овы гусленныя гласы испущающы, другия же органныя гласы поющы, инѣмъ псыскы гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ княземъ. Блажены же бѣ въкравъ его сѣдди и долу вича (*поныкнувъ головой*). И яко мало въсклонившя, и рече къ тому: то будетъ ли еице на ономъ свѣтѣ? То же ту абисъ словомъ блаженнаго умалися, и малы прослезися; повелѣ тѣмъ пресгати. И оттолѣ аще коли прѣставяше тыя играти, ти слышаше блаженнаго пришедша, то повелѣваше тѣмъ пресгати отъ таковы игры. И многашедше пакы егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженнаго, то же того тако срѣташе радуяся предъ дверми храму, и тако възвѣсташа оба въ храмъ. Се же якоже веселился, и глаголаше прѣподобному: Се, отче! истину ти глаголю, яко аще быша мя възвѣстили отца въставшаго отъ мертвыхъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоёмъ, не быхъ того тако боялъ, или сумнѣлъ, яко же прѣподобныя твоя душа. Блажены же: то же аще тако боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата своего на столъ, яже ему благовѣрный отецъ твоя предасть. Он же о семъ умолче, не моги что отвѣщати к сямъ. Толми (*до такой степени*) бо бѣ врагъ (*дьяволъ*) ражегль (*его*) гнѣвомъ на брата своего, яко ни слухомъ хотяше того слышати.

Отецъ же нашъ Феодосий бѣ по вся дни и нощи моля Бога о христолюбцѣ Изяславѣ; еще же въ октении вѣда того поминати, яко столпному тому князю и старшину всѣхъ, сего же, (т. е. *Святослава*) яко, рече, прѣсѣ законъ сѣдшу на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О семъ же едва умолень бывъ отъ братия, повелѣ того с нимъ (т. е. *обоимъ*) поминати; и обаче же первое христолюбца (*Изяслава*), тогда сего благаго (*Святослава*).

(Христом. Галахова, стр. 27—30).

Въ Лавр. л. (67—9) см. объ-основаніи Кіево-печерскаго монастыря. Въ Степен. кн. (I, 167) и въ ркп. гр. Толстаго (Опис. 595) сохранилось сказаніе о нѣкомъ славномъ разбойникѣ Могутѣ времени св. Владимира: онъ раскаялся и спасся. Какъ образчикъ распространенія древнихъ житій въ XVI в., см. отрывокъ изъ житія св. Ольги (Ист. Рус. Ц. Макария. I, пр. 453).

Житія святыхъ содержатъ богатый и разнообразный материал для исторіи внутренней жизни нашихъ предковъ и много отличительныхъ особенностей областной жизни. Къ малочисленнымъ известіямъ прибавляются они подробныя объясненія и дополненія; касаются частной жизни лицъ и народа. Въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ можно познакомиться съ подробностями экономической жизни народа; не говоря уже о монастырской жизни и религиозно-практическомъ ея влияніи на народъ. Но въ то же время относительно житій надобно вообще замѣтить, что пользоваться ими для выводовъ о нашей отечественной жизни надо весьма осмотрительно. Вѣсть съ другими родами произведений, перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ и изъ Византии, явились и житія святыхъ; и какъ во всѣхъ родахъ мы стали, весьма естественно, подражать образцамъ готовымъ, такъ и въ житіяхъ отечественныхъ святыхъ должны были вноситься черты, свойственныя житіямъ вообще. За древнюю письменность замѣчаются нѣкоторыя приемы, сходные съ приемами народнаго эпоса: и въ ней не столько творится новое, сколько передѣлывается изъ прежняго, изъ готового. Такъ и многія житія должны опазываться не болѣе, какъ переиначеніемъ, арирровкой другихъ житій; чуждыя, византийскія служили основой нашимъ, и хотя при этомъ и передѣлывались, такъ сказать, на наши нравы, но во многихъ мѣстахъ должны были ясно сквозить и чуждые. Едва ли не такъ оно въ первой половинѣ житія Феодосіева—въ описаніи дѣтства его и молодости. О. Миллера.

95. Кіевопечерскіи янокі.

(Подъ 1074 г.). Бѣ же се дивно чюдю видѣти, братіе: съвокуши Богъ гакъ черно-ризицѣ въ обители Матери своей, аки свѣтила въ Русской землѣ сіяху, ови бо бяху постиници, ови же на бдѣніи, нви же на колѣнопреклоненіи, ови же на пощеніи чрезъ день или чрезъ два дни, нви же ядуще хлѣбъ съ водою, нви же зелье варено, друзи же сыро. Въ любви пребывающе, меньшии покаяющесе старѣйшимъ, не смѣюще предъ ними глаголати, во все съ покореніемъ и послушаніемъ великимъ; такоже и старѣйшии имѣяху любовь къ меньшимъ, наказавъ ихъ, утѣшающе аки чада своя възлюбленная. И аще который братъ впадалъ нѣ въ кое (въ нѣкое) прегрѣшеніе, утѣшаху его и единого епитимью раздѣлаху—любо тріе, любо четьре, за великую любовь: такова бо баше любовь въ той святѣй братіи, въздержаніе и смиреніе. И аще нѣкій братъ отхожаше отъ монастыря, вся братія о томъ витѣху печаль, посылаху по нь (по нему, за нимъ), и призываху въ монастырь брата; и шедше къ игумену вси поклоняхуся за брата, и умолаху игумена, и приимаху брата въ монастырь съ радостію. Такови бо бяху тогда черноризци, постиници, въздержници, отъ нихъ же намѣню (отличу) нѣколько мужъ чюдныхъ. Яко се убо бысть первый Даміанъ прозвиртеръ: баше таковъ постиникъ и въздержаникъ, яко развѣ хлѣба и воды ничегоже вкуси до смерти своей. Егда же привошаху дѣти болныя въ монастырь къ блаженному Феодосію, повелѣваше сему Деміану, да молитву створишь помажеть ѿ св. масломъ; и приимаху вѣдѣнія, ацинь (какимъ) же недугомъ одержимъ бяху⁽¹⁾. Посеи же разболѣлся, конецъ

житію пріять: приде къ нему ангелъ во образѣ Феодосіевѣ, обѣща ему царство небесное; посемъ приде Феодосій съ братьею, и сѣдаху у него, онъ же игумену рече: «господи! не забывай, что ми еси въ нощи обѣщаль»; разумѣвъ же Феодосій, яко явленіе видѣ, и рече: «что ти обѣщашъ, буди ти»; онъ же предасть духъ, и тако честно похоронивша тѣло его. Бѣ же и другій братъ, именемъ Еремія, иже помняше крещеніе Русь: сій пріи даръ отъ провидѣнія прежебудуща; аще видѣше кого въ помышленіи, обличаше и наказаше втайнѣ блжестися діавола; аще ли умыслить ити изъ монастыря, и пришедъ обличаше мысль его и утѣшаше брата, и аще что кому рече, сбывашеся глаголь его.

Бѣ же ннѣ старецъ, именемъ Матвей, прозорливъ. Стоящу ему въ церкви, и видѣ бѣса во образѣ Ляха (Поляка), носяща цвѣтки въ привоцѣ (въ поль), иже глаголются лѣпки; обходя жеташе на братію: ему же приляшше цвѣтокъ, мало постоявъ, разслабленъ бывъ, вину створе ея же ради изаше изъ церкви, и шедъ усняше; аще ли къ кому не приляшше цвѣтокъ, стояше крѣпко въ нѣтъи, доидеже отпюють утренюю; се видѣвъ старецъ, повѣдаше братіи своей. Паки же старецъ той же видѣвъ: отпѣвшю имъ заутренюю, ядущимъ братьямъ въ келіи, се же опочиваше подъ бѣломъ⁽¹⁾, баше бо келія его подавъ церкви, и видѣ, и се аки толпа отъ воротъ, и единого сѣдѣща на свиньи, и нны около его текуща; и рече имъ старецъ: «камо идете?» и рече бѣсъ: «по Михалѣ по Тоболковича»; старецъ же знаменаса крестомъ, и приде въ келію свою; яко бысть свѣтъ, рече келейнику: «иди, впрашай, есть ли

пыль болышихъ. См. далѣе отрывокъ изъ житія Лаврентія.

(¹) Этотъ замѣчательный разсказъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе имѣли монастыри для бѣд-

(¹) Мѣсто, гдѣ били или звонили для собранія къ службѣ церковной.

Михаль въ келии?» и рѣша: «давѣ (да-веча) скочилъ черезъ столпѣ (ограду) заутреня»; повѣда же старецъ игумену и братіи видѣніе. При семъ старци Θεодосій преставился, и бысть Стефанъ игумень, и по Стефанъ Никонъ. Сему старцу и еще сущю, стоящю ему на заутренѣ, возрѣвъ, видѣ бѣса на игуменѣ мѣстѣ соища: и разумѣвъ старецъ, яко игумень не всталъ есть. Также ива многа провидаше видѣнія старецъ, и почти съ миромъ о господѣ.

Инь чернецъ бѣше, прежде купецъ богатъ, родомъ Торопчанинъ, именемъ Чернь: всхотѣ быти мнихъ, раздая все имѣніе свое нищимъ, приде къ великому Антонію; Антоній же постриже его, и нарече имя ему Исакій. Се же Исакій облечеса во власяницю, и повелѣ купити козель и одрати ѿ мѣхомъ, и взвѣче на власяницю, и оше (высохла) около его кожа сыра; и затворися въ пещерѣ въ единой улицѣ, въ келейѣ малѣ, яко 4 локоть, и ту моляше Бога со слезами. Бѣ же ядь (пища) его проскура една, и та же чрезъ день, и воды въ мѣру шаше; великій же Антоній прииошаше ему пищу, подаваше оконцемъ, яко рука видѣть. И того створи 7 лѣтъ: на свѣтъ не выходя, на ребрехъ не лега, но сѣдя мало она прииошаше. Единою по обычаю вечеръ нача кланятися, поя псалмы, доже до полуночія трудився сѣдѣше, свѣчу погасивъ: внезапно свѣтъ восія въ пещерѣ яко отъ солнца, и се 2 уноши явистася ему красна, блистающа лица ею (ихъ) аки солнце, глаголюща къ нему: «Исакіе! въ есѣ (мы есмь) ангела, се Христосъ иде къ тобѣ со ангелы». И вставъ Исакій, и видѣ толпу, и лица ихъ аки солнце, и единъ посредѣ ихъ сіяше, луча отъ него паче всѣхъ, и глаголаста уноши: «Исакіе! той есть Христосъ, ладъ поклонися ему»; онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, выступи поклонися аки

Христу. Бѣси же кликнуша и рѣша: «нашъ еси, Исакій», изведоша ѿ въ келейцю малу, и посадиша ѿ, и сѣдоша около его, полна келейца и улица пещерная. И рече старѣйши ихъ: «возмѣте сопѣли и бубны и гусли⁽¹⁾, и ударяйте, ать ны (пустъ намъ) епляшетъ Исакій»; и удариша въ сопѣли и въ гусли и въ бубны, и почаша имъ играти, и утомивше ѿ, оставиша лѣ (еле) жива, отъ идоша поругавшеся ему. Заутра же прислѣвшю укушенію хлѣба, приде Антоній по обычаю и глагола: «благослови, отче,» и не бѣ гласа и не бѣ отвѣта; и посла въ монастырь по Θεодосіа и по братью, мнѣвъ, яко преставился есть. Откопавше взяша ѿ мертваго, вынесше положиша ѿ, и узрѣша яко живъ есть; и рече: «яко се иматъ быти отъ бѣсовскаго дѣйства»; и положиша ѿ на одрѣ (на кровати), и служаше около его Антоній. Въ се же время приключися Изяславу прити изъ Ляховъ, и поча гнѣватися Изяславъ на Антонія за Всеслава; присла Святославъ почи, поя Антонія къ Чернигову. Антоній же пришедъ Чернигову, взялюбѣ Болдины горы, ископавъ пещеру, ту и вселися; и есть монастырь св. Богородица на Болдиныхъ горахъ и до сего дни. Θεодосій же увѣдавъ, яко Антоній шель есть Чернигову, педъ съ братьею, взя Исакіа и привесе къ собѣ въ келію, и служаше около его: бѣ бо раслабленъ умомъ и тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну (божъ), ни встати, ни сѣсти, но лежаше на единой странѣ, подъ ся поливаше, и червіе кияхуся ему подъ бедру съ моченія и съ поливанія. Θεодосій же самъ своима руками спрятываше ѿ, служаше около его и омываше; се створи за 2 лѣта. Се же бысть

(1) Бубенъ—барабанъ, сопѣли—духовой музыкальный инструментъ, а гусли — струнный, въ-ролято въ родѣ балалайки.

чюдно и дивно: яко за два лѣта лежа сій, ни хлѣба вкуси, ни воды, никакого же брашна, ни овоца, ни языкомъ проглагола, ни вѣтъ и глухъ: Θεодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и ноцъ; и на 3-е лѣто проглагола, и прослыша, и на ноги поча встаети и аки младенецъ ходити. И не брежаше въ церковь входить, ну жею привлечашуть ѿ къ церкви; и тако помалу поча ходити къ церкви. Посемъ поча ходити на тряпезу, и посажахуть ѿ кромѣ (*отдѣльно*) братья, положить предъ нимъ хлѣбъ, не емляше, но ли (*пока*) въ руцѣ вдадутъ; Θεодосій же рече: «положите предъ нимъ, ать самъ возьметъ»; не бреже недѣлю ясти, и помалу оглядася поча ясти, и тако научися ясти; и тако избави ѿ Θεодосіа отъ козни дьявола. Θεодосію же преставлешиюся, бысть Стефанъ въ него мѣсто, Исакій же паки вспрія жестокое житіе и рече: «о дьяволе! прелстилъ мя еси, сѣдяща на единомъ мѣстѣ; уже не затворюся въ пещерѣ, но побѣжю тя ходя въ монастыри;» и облечеса во власницю, и на власницю свиту вотоляу (*полотняную*), и поча уродьствовати, и нача въ поварни служити, варити на братію. На заутренюю прежде всѣхъ входя, и стояше недвижимо, змиѣ же стояше въ прабошняхъ (*въ котлахъ*) въ протоптанныхъ, дождеже примѣрзаша нозі его къ камени; и по заутреніи идяше въ поварню, приготовляше дрова и огнь и воду. Едилъ же поварь, такоже именемъ Исакій, рече посмѣхаяся: «Исакій! воно сѣдитъ воронъ, иди, и ии (*поймай*)»; онъ же поклонився до земли, шедъ имъ ворона и принесе ему предъ всѣми повары; и ужасошася, повѣдаша игумену и братья, и почаша братья честити ѿ. Онъ же не хоташе славы челоувѣчскія, поча уродьствовати и пакостити игумену, и братья, и мірскимъ челоувѣкомъ; ии же бѣхуть ѿ. И поча по міру ходити, и вселися въ пещеру, въ

ней же прежде былъ, и собра къ собѣ младыхъ и вкладываше на нихъ порты (*ризы*) чернечскія, да овогда отъ игумена Никона рабы приимаше, овогда отъ родителей дѣтескъ; се же все терпаше, равны, наготу и студень. Единою же вжегшю ему печь въ пещерѣ, поча палити утлязнами, оному же вѣчимъ заложити, вступити ногама на поломя, дождеже изгорѣ, и излѣзе. И ина многа повѣдають о немъ, другое и самъ видѣхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, нивочтоже имаше устрашенія ихъ, яко мухъ, мечтанія ихъ. Бѣси же напасти ему дѣяху, глаголюще: «нашъ еси, Исакіе! се поклонился еси нашему старшину»; онъ же рече имъ: «имамъ Ісуса Христа Бога и пречистую его Матерь и молитву Θεодосіа и тако побѣжю злохитрія ваша и мечтанія» — знаменашеся знаменіемъ крестнымъ, и тако исчезашу бѣси. Тогда въ ноци прихожаху бѣси съ мотыками и рыскари, (*съ скребками и лопатами*), глаголюще: «роскопаемъ пещеру сію, и сего загребемъ сѣ»; ии же глаголаху: «бѣжи, Исакіе! хотять тя загresti»; онъ же рече: «аще бысте челоувѣци были, то въ день бысте являлися, но тма есте, во тмѣ ходите», — и знаменашеся крестомъ и исчезашу. Паки же являхуся ему звѣриномъ образомъ, и зміею и гадомъ, всякимъ привидѣніемъ страшаше, и не възмогаша ему ничтоже сѣтворити, и вопіяху: «о Исакіе! одолѣ и побѣдилъ ны еси»; онъ же рече: «якоже бысте вы мене прелстили во образѣ христовѣ и ангелскомъ, недостойни суще проклятіи того видѣнія, нынѣ же являетесь звѣриномъ и гадомъ, аци (*каковы*) же и есте». — Оттолѣ не бысть ему пакости отъ бѣсовъ; якоже самъ повѣдаше: «яко се бысть ми за 3 лѣта брань». Потомъ поча крѣпше жити въздержаніемъ, пощеніемъ и бдѣніемъ, и въ такомъ житіи скончася: разболѣвся, внесоша ѿ въ монастырь, до 8-го дне скончася о Госпо-

дѣ; игуменъ же я братья спрятавшие тѣло его, погребомъ. Таки бяху (таковы были) чернцы Феодосіева монастыря, иже и по смерти сіюють яко свѣтила, и молятъ за сѣбѣ сущію братію и за приносящюю въ монастырь, въ немъ же и нынѣ добродѣтели живутъ обще вси, въ пѣньи и въ молитвахъ, на славу всемогущему Богу, Феодосіевымъ молитвами, аминь.

(Изъ Киевонечерскаго Патерика.
П. С. Лпт. 1. 259—261. 81—85).

Изсѣд. о Патерикѣ *Кубарева*. Ж. М. Н. Пров. 1838. № 10; ч. XX, I; ч. XXVI, II, 124. О Патерикѣ Изв. Акад. V, 129—158. Чт. общ. 1846—47, кн. IV, отд. 4, 5—10; кн. IX, 1—40. 1858, III. Труды Моск. общ. ист. I. Критич. разборъ Патерика П. Каванскаго. Времен. VII. См. Опис. Киево-печерс. звыр. М. Есепия. Киевъ 1831.

96. Духовная Антонія до 1147.

Се язь Антоній, хужши во мнѣсѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, не пріяхъ ни имѣнія ото князя, ни отъ епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты епископа, а паша по чюжей землѣ ни вдвое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ, и брати и сиротамъ, и адѣ крестьяномъ досажая: да то все управитъ Мати Божія, что есмь бѣды прінялъ о мѣстѣ семъ. Се поручаю Богу и св. Богородицѣ и крестьяномъ, и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство. Хто мое слово худое преступитъ, судитъ ему Богъ и св. Богородица, или Богъ отведетъ. А кого изберутъ братья и отъ братья ниже хто въ мѣстѣ семъ терпитъ. А которой братъ нашъ да отъ мѣста сего начнетъ хотѣти игуменства или издою или насильемъ, да будетъ проклятъ. Иля ото князи пачесть по наомлю дѣяти кому или по мадѣ, да

будетъ проклятъ. И се возвѣщаю: да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на земли и на тони 70 гривенъ, на сѣдѣ есмь далъ гривенъ 100. На Волховскомъ Тудорѣ съ женою и съ дѣтьми одерень, Волосъ (Власть) съ женою и дѣтьми одерень, Василій съ женою и дѣтьми одерень. Аще сю грамоту кто преступитъ, да будетъ проклятъ грѣши ссы св. отецъ и осемьнадесятъ и буди ему со Іудеоу причастъ.

(Ист. Рус. Іерархіи III, 124—126).

См. позднѣяго состава -Житіе Евфросинія Полоцкой. Степен. книга I. 273; -Житіе Нилы Новгород. Ист. Р. Ц. Макарія II, пр. 54—57. О житіи Леситія Ростов. Тамже II, 59. Нифонтъ епис. Новгород. II. Зернина. Архивъ Колачова 2, 4. отд. III, 107—115. Рус. святые Араіен. Филарета Черниговъ. 1861. О житіяхъ Вологодск. святыхъ Москвит 1850. XX, 68; XXIII. 40; 1851, III, 227.

97. Житіе Антонія Римлянина до 1157⁽¹⁾.

Сей преподобный и боговосный отецъ нашъ Антоніе родися во градѣ въ велицѣмъ Римѣ, иже отъ западнаго части отъ Италіиска земля, отъ латынска языка, отъ христіану родителю, и навиче вѣрѣ христіанствѣ, ея же дерьжаста родителіе его вѣнати, крыющеса в домѣхъ своихъ; попеже Римъ отпаде вѣры христіанскія, и преложишася в латыню, конечнѣ отпаде от паны Формоса, даже я до днесь. И яна многа о отпаденіи римскомъ повѣда ми, и о богомерской ереси ихъ; во убо о семъ да премолчимъ, о преподобнымъ же да глаголемъ. Отецъ же его и мати, я добрѣ исповѣдани, отыньдоша к Богу, преподобныи же навиче грамотѣ и

(¹) Это житіе представлено здѣсь въ сокращенномъ видѣ

изъучи вся писанія греческаго языка, и прилежно начать чести книги ветхаго и новаго завета и преданіе св. отецъ 7 соборовъ, еже изложиша и възясниша вѣру христіанскую. и возжелѣ възпріяти явоческіи образъ. И поволився Богу, и раздая имѣніе родителей своихъ нищимъ, а прочее отъ имѣнія своего положи въ сосудъ древянъ в дельву, рекше в бочку, и закопавъ ѿ всякою крѣпостію утвердивъ, сокры, и вверже в море. Самъ же поиде от града в дальніе пустыни изыскати мниховъ живущихъ и тружущихся Бога ради, крыющихся отъ еретикъ, и пещерахъ и в разсѣлахъ земныхъ. И божиамъ промысломъ вскорѣ изобрѣте мнихы, в пустыни живущихъ; в нихъже бѣ еднѣ имѣяше презвитерскій чинъ. Преподобныи же Антоніе много моляшеся имъ со слезами, дабы его присочетали къ своему Богомъ избранному стаду. *Ониже много его вопрошаху о христіанствѣ. и о среси римскихъ, боящеся искушенія отъ отступникъ и отъ еретикъ.* Оаъ же имъ христіанства себе не повѣдавъ, они же ему рекоша: чадо Антоніе, понеже ювъ еси и не можеша трыпѣти постническаго житія и трудовъ червеческихъ; понеже ему бывшу въ то время 18 лѣтъ, и яна многа ему повѣдаху узкаго и прискорбнаго шествія пути явоческаго трыпѣнія. Он же неослабно моляшеся имъ и кланялся с великимъ умилеіемъ о воспріятіи мѣшескаго образа, и едва получи желаніе свое, и постригоша его во явоческіи образъ; и пребысть же преподобныи с ними в пустыни той 20 лѣтъ, тружаяся и постясь, и моляся Богу день и ночь. Бысть же, рече, вдальѣ насъ яко 30 поприщъ в пустыни возграждена отъ ту живущихъ иноковъ церкви мала. во ями боголѣннаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Обычая же бѣше всѣмъ инокомъ ис пустыни сходящеся к велицѣи субботѣ.

...Ненавидѣи же добра діаволъ воздвѣже гоненіе ковечное на христіаны, *послаша князи града того и боюмерзкыи отступникъ на па римскія области по пустынямъ, и начаши имати мнихы, и предаху на мучение; преподобнымъ же онымъ отцемъ богоизбраннаго Христово стада, отъ страха того разшедшимся по пустыни, и не возвѣдаша другъ друга.* Преподобныи же Антоніе начать жителство имѣти при моря в непроходныхъ мѣстѣхъ, толико на камени ноцію и во дни безпреставни стоя и моляся Богу, и никакогожъ покрова и хвѣжа (*хлѣбины*) неимѣя, тоцію мало пища вкушая отъ недѣля до недѣля, еже принесе изъ пустыни своя. И пребысть ту на томъ камени преподобныи годишное время и мѣсяца два. и толико трудися къ Богу моляся в постѣ и во бдѣніи и молитвахъ и безъ пища пребывая, елико ангеломъ подобенъ бысть...

Бысть же въ лѣто 6614, м. сентября въ 5 день, на память св. пророка Захаріи, отца предтечева, восташи вѣтри велицы зело, и море восколебася, яко николиже быша тако, и волнашъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же пребываше стоя и безпреставни молитвы Богови возсылая, — и абіе внезапно, едина волна напригнися, и подъ ятъ камень, на немъ же преподобныи стояше, и несе его на камени, якоже на кораблѣ легцѣ, ни како же ничимъ не повредя ни устраши его. Преподобныи же стояше и безпреставни моляся Богу... И не свѣтъ, рече, когда день, когда ли ночь, но свѣтомъ неприкосновеннымъ объять бысть, камени же текущую по водамъ, ни кормилца (*ребцовъ*) ниущи, ни кормчѣа... И отъ Римскія страны шестое его бысть по теплomu морю, изнегоже в рѣку Неву, и из Невы рѣкы въ Невое озеро, из Неваж озера вверхъ по рѣкѣ Волхову, противу быстринъ неизреченныхъ, даж и до В. Нова-града, до уреченнаго мѣста ка-

мень не приста нигдѣже. И приста камень, на немже преподобныи стоя и моляшеся, при брѣзѣ велика реки, нарицаемѣй Волхова, на мѣстѣ, идѣже нынѣ божіею благодатию и пречистыя Богородица и преподобнаго отца нашего Антонія молитвами обитель стоитъ. В таже времена бысть въ третью стражу ношы. въ сельцы, еже имѣуемо Волховскомъ, начаша во градъ звонити и заутреннему утѣнію, якоже обычаи есть, и услыша преподобныи звонъ великъ во градѣ, и ста на многъ часъ во страхъ мнози и в недоумѣніи, и отъ страха начать быти въ размышленіи, и во ужасѣ велицѣ, и чааше яко ко граду Риму принесенъ бысть на камени.

Ноци же мимошедши, и дневному сѣту солнцу восставшу; преподобному же на камени стоящу, стекочася людѣ къ нему, иже ту живуще, и зряще на преподобнаго дивнѣшася, и придоша к нему и начаша вопрошати о имени и о отечествѣ и отъ коей страны прииде. Преподобному же ни мало русску языку умѣюще, и инокотораго отвѣта недоумѣаше ни съказати; но токмо кланяся, самъ же с камени не постуши, и пребысть ту три дни и три ноши, на камени стоя и моляся Богу. Въ 4-й же день преподобныи помолися Богу на многъ часъ о увѣденіи града и о людехъ, и дабы ему послалъ Богъ таковаго человека, иже бы ему повѣдалъ о градѣ и о людехъ. И снвиде преподобныи с камени и поиде во градъ, и обрѣте челоуѣка греческіа страны гостѣу дѣюща, купецкіи чинѣ имуща, иже умѣаше римскимъ и греческимъ и русскимъ языкомъ.

Узрѣвъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ; преподобныи же ему повѣдаше имя свое, и христіана себе нарече и грѣшна инока и недостойна ангельскаго иноческаго образа. Купецъ же оныи паде къ ногамъ святаго, проаше благословеніа отъ него; преподобныи же

ему благословеніе дарова и о христѣ цѣлованіе. Вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людехъ и о вѣрѣ и о св. божіихъ церквахъ; Готѣяныи же преподобному повѣдаше вся по ряду...

Преподобныи же слыша отъ греченниа сего повѣсти сіа, возрадовася душею, и несильному Богу велие благодареніе воздающе во умѣ своемъ. Вопросы же преподобныи греченниа Готѣяныи глаголя: еще ни повѣсть, друже, колико разстояніе отъ града Рима до града сего. и въ koliko время переходять людѣ путь сей? Онъ же рече: «дальшая страна есть, и нуженъ путь по морю и по суху, едва переходить въ полгодишное время, аще кому Богъ поситѣшитъ». Преподобному же размышляюще и дивящуся въ себѣ о величїи Божїи, како в два дни и въ двѣ ноци толику долготу пути преиде, наипаче же, яко и выше естества на камени по воданъ, — и едва отъ слезъ удержашеся въ то время, и поклонися ему до земли, миръ и прощеніе ему даровавъ. И снвиде преподобныи во градъ поимолитися св. Софїи премудрости Божїей, и великаго святителя Никиту видѣти, — и видѣвъ церковное благоустройство и чинъ, и святиТЕЛЬСКИИ САНЪ, вельми возрадовася душею, и помолися и обхождаше всюду, и пакы отыде на мѣсто свое. Святителю же Никитѣ въ то время никако неявиши преподобныи, понеже еще не навывче словенску и русску обычаю и языку. Начать же преподобныи молитися стоя на камени своимъ день и ношь, дабы ему Богъ открылъ русскимъ языкъ, и видѣвъ *Господь Богъ преподобнаго подвижника и труды, и начаша приходить къ нему, иже ту близъ живущи людѣ и граждане, молитвы ради и благословенна.* И божїимъ промысломъ, преподобныи вскорѣ отъ нухъ начать разумѣти, и глаголати русскимъ языкомъ; людехъ же вопрошающимъ его о отечествѣ, и коей земля рожденіе, и воспитаніе, и о

пришествіи его; преподобныи же ни како не повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣ же времени доиде въ слухъ о немъ до святителя Никиты того же В. Новогграда; святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести предъ себя. Преподобныи же во страстѣ величѣ бысть, еще же и радостію одержимъ бысть, и иде ко святителю въ величѣ смиреніи. Святитель же введе его въ келію свою, и сотворивъ молитву преподобныи, и рече: аминь, и приеми блagosловеніе отъ святителя со страхомъ и съ любовію, яко отъ Божіа руки. Святитель же Никита провидѣ св. духомъ еже о преподобнемъ, и начатъ вопрошати его о отечествѣ, и о пришествіи его въ В. Новградъ: откуду и како прииде? Преподобныи же святителю не хотя повѣдати тайны, славы ради человѣческа, но токмо грѣшна себя именуя. Святитель же Никита с великимъ прещеніемъ, еще же и съ заклинаніемъ, вопроша преподобнаго и рече: мнѣ ли брате не повѣся тайны своя, а вѣси яко Богъ имать открыти нашему смиренію, яже о тебѣ, ты же судъ прещушанія приими отъ Бога. Преподобныи же падъ предъ святителемъ на лица своемъ, и плакаше горько, и моля святителя, да не повѣсть тайны сєя никому же, дондеже преподобныи въ жизни сєи. И повѣда о себѣ тайну на единѣ святителю Никитѣ вся поряду: о отечествіи своемъ, и о воспитаніи и о прихожденіи своемъ изъ Рима въ В., Новградъ, яже исперва писана. Святитель же Никита сѣя слышавъ отъ преподобнаго, не мняше его яко человѣка, но яко ангела Божіа... И оба лежаша на земли, плакашася, помочая землю на многъ часъ, другъ у друга благословеша просяще и молитвы...

Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно у него, и пребывалъ съ нимъ до исхода душа своя; преподобныи же

никако восхотѣ сего сотворити. и отвѣшавъ рече: Господа ради, святче Божій, не нуди мене: долѣетъ бо ми на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ. *(За тѣмъ идетъ разсказъ о посещеніи владыкой Антоніа).*

Святитель же хотя поставити ему хижину близъ камени; преподобныи же сего никакоже восхотѣ, но всяку скорбь терпѣаше ради Бога. Святитель же Никита хотя иже увѣдѣти о чудеси, бояся искушенія, начатъ, разводя на единѣ селянъ тѣхъ, вопрошати о явленіи преподобнаго; они же единодушно рѣша ему: во истину святче челоуѣкъ сѣи Божіи по воли прінесень бысть на камени...

Святитель же Никита *(по призываніи домой)* посылаетъ по посадниковъ, по Ивана и по Прокопіа, по Ивановыхъ дѣтей посадничих, и рече имъ: «чада моя, послушайте мене; есть во отечествѣ нашемъ селцо близъ града рекомое Волховско; Богъ изволи и пречистая Богородица на мѣстѣ томъ воздвигнутися храму пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества, и устроитися обители страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и возплететъ молитва къ Богу о спасеніи душъ вашихъ, и воспамяновеніе будетъ родителемъ вашимъ». *Посадники же съ любовію послушаша святителя, и отмыриша подѣ церковь и подѣ монастырь земли на вся страны по пятидесяти сажень;* и повелѣ епископъ Никита возградити церковь древяну малу, и освати ея, и едину келейцу постави на прибѣжище мнихомъ.

По лѣтѣ же единомъ пришествія преподобнаго, близъ камени преподобнаго, рыболовцы ловитву дѣюще, и обѣ всю ночь тружавшеся и неыша ничтоже: и отъ труда изнемогша, и извлекоша мрежа своя на брегъ и в величѣи скорби быша. Преподобныи же скончавъ молитву иде къ ловцомъ и глагола имъ: чада моя, токмо имамъ гривенныи слитокъ сребра (по-

неже въ то время у новгородскихъ людей не бысть денегъ, но лѣша слѣтки серебряныя: ово в гривну, ово в полтину, ово в рубль. и тѣмъ куплю дѣяху), — и сѣю гривну слѣтокъ вдаю вамъ. Послушайте же, ввержите иже своя въ великую сѣю рѣку Волховъ, и аще что имете, то вдаю пречистыя Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: обѣ всю ночь тружавшеся и ничтоже ахомъ (*вынули*), толико изнемогахомъ; преподобныи же съ прилежаніемъ модаше ихъ, дабы послушали его. Они же по повелѣнію преподобнаго пвергоша иже своя въ рѣку Волховъ, и извлекоша на брегъ множество много великихъ рыбъ, молитвами святаго, едва не проторжеся иже, яко николиже тако яша; еще же извлекоша сосудъ древній делву, сиречь бочку, оковану всюду обручьми желѣзными. Преподобныи же благословяше ловцовъ глаголю: чада мои, вѣдите милость Божию, азъ же застъ благословляю и вдаю вамъ рыбу, себѣ жъ сосудъ делву, сиречь бочку, понеже ми Богъ вручи на создание монастыря... И рекоша къ преподобному: «се мы нахотѣли у тебе рыбы ловити, а бочка наша есть»; еще же и жестокии словесы досаждающе укоряху преподобнаго. (*Пошли къ городскимъ судьямъ, чтобы они рѣшили споръ*). Старецъ же рече: «господіе мои, вопрошайте ловцовъ спѣхъ, что они имутъ вложеное въ бочку сѣю?» Ловцы же недоумѣющеса, что отвѣщати ктому; преподобныи же рече: «сѣя бочка нашей худости, вдаю моретѣмъ водѣ въ Рамѣ сущемъ отъ нашихъ грѣшныхъ рукъ; вложено же въ бочку сосуди церковныя, златія и серебряныя и хрустальныя, потврп и блюда, и явая многа отъ священныхъ вещей церковныхъ, и злато и серебро отъ имѣній родителей моихъ. Ввержено же в море сокровище сіе тоя ради кныи, еже бы не осквернились священныи сосуди отъ богомерзкихъ еретикъ, и отъ

опрысканныхъ ихъ блѣсовскихъ жертвъ. Подняси же на сосудехъ римскимъ языкомъ написаны». Судіа же повелѣша разбити бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. и даша преподобному бочку и отпустиша его с миромъ, и ктому никтоже смѣяше вопросити его. Ловцы же отыдоша посрамлени. Преподобныи же Автѣніе иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда вся святителю...

Антоніи полагаетъ сокровище свое во святительствѣ ризницы на соблюденіе, а самъ, вземъ благословеніе у святителя, и начать строити обитель. *И купи землю около монастыря у посадниковъ градскихъ, и съ живущими, иже на той земли людьми прилучившимися, и въ вочалъ лѣта, доколе Божиимъ строеніемъ миръ вселенныя стоятъ, и при великомъ рыцѣ Волховъ рыбную ловитву купи на потребу монастырю, — и межи нами отмежавъ, и писму вдавъ, и въ духовную свою грамоту написавъ. И начать тружати безпрестанно, чрезъ весь день, и труды къ трудамъ прилагая, нощи же безъ сна пребывая, на камени стоя и моляся, — и видя его богоподобное ангельское житіе, кн. в. Мстиславъ, и святитель Никита, и вси старейшии града того и людіе начаши блажити и велию въру имѣти.* Таявъ же о пришествіи его не вѣдаше никтоже, развѣ епископъ Никита, и начаши прибирати братія ко преподобному; онъ же съ любовію принимаше. *Миръ же недостойному священноиноку Анорею Богъ сподобилъ воспріяти ангельскіи образъ во обители сѣи, — и бысть въ послушани и во учени преподобнаго.*

(Потомъ построили каменную церковь, богато украсили ее, поставили трапезу, кельи и ограду монастырскую)

Имѣна же преподобныи ни отъ когосе не воспрять, ни отъ князей, ни отъ епископа, ни отъ велможъ градскихъ; но токмо благословеніе отъ чудотворца Никиты епископа. Но все строяше изъ бочки сея, еже въ Рима Богъ постави водами въ великомъ Новѣградѣ. и поты и труды своими, — и аще кто что принесетъ Бога ради потребная отъ имѣна своего, или пищу: преподобныи же тѣмъ братію питая, еще же и сиротъ и вдовицъ убогихъ, и нищихъ питая. И потомъ преподобныи зъ братією и сиротами своими начатъ прилагати ко трудомъ труды. Не по мнози же времени святитель христовъ Никита епископъ начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда ему отшествіе свое отъ жизни сея, и много наказавъ его, отыде къ Богу. Преподобныи же въ величїи сборби и в слезахъ бысть о преставленїи святителя Никиты, понеже великъ духовный совѣтъ имѣаху между собою.

(Обитель стала распространяться, монахи умолили Антонія, чтобы онъ былъ у нихъ игуменою).

И поживе преподобныи по игуменствѣ лѣтъ 16, в добръ исправленїи упасе стадо христово.

И уведе преподобныи о своемъ отшествїи къ Богу, *призвавъ мене священноинокѣ Андрея*, и нарече себе мене отца духовнаго, и добръ исповѣдавъ со слезами, и повѣда моему оканнству преподобныи свое пришествіе изъ Рима. и о камени, и сосудѣ древяномъ, о деахи, свиречи бочки, еже исперва написа. И повелѣ ми вся сія написати по представленїи своемъ я церкви Божїей предати, чтущимъ и послушающимъ на пользу души и на исправленїе добрыхъ лѣлъ, въ славу в честь св. и живонвальной Троицы Отцу и Сыну и св. Духу, и пречистой Богородицы. Мнѣ же о семъ въ

величїи удивленїа бывшу, и посемъ призва братію и рече яхъ: «братїя моя я споспѣды! молю убо васъ, се нынѣ отхожу отъ жизни сея ко Господу Богу моему І. Христу, да молитѣ за мя я пречистую Богородицу въ преставленїи моемъ. *Да измуть ангели милостивн души мою* ⁽¹⁾, я да избѣгну съей вражїихъ отъ воздушныхъ мытарствъ пашпми св. молитвами, понеже грѣшенъ есмь; вы же *изберите себе на игуменство отъ братїи* на мое мѣсто отца и учителя, и пребудите у него въ постѣ в молитвахъ и в трудѣхъ, во бдѣнїи и в слезахъ. Еще же молю вы о немъ же лзидостѣ, о томъ я подвизаетея и о своемъ спасенїи яе не радите, и миръ и любовь между собою имѣйте. и милостивни прилежите, и страннолюбїи не забываете, — и аще тако пребудите, обитель сія пречистыя Богородица никогда же не оскудѣетъ. Еще же молю вы, пребудите въ послушанїи ко игумену и ко отцемъ своимъ духовнымъ, ко стварїинымъ братїи, писано бо есть: «блажени нишии духомъ яко гѣхъ есть царство небесное» и проч... И яна многа наказавъ преподобныи братїи и поучивъ, яже ко спасенїю; братїи же видѣвше преподобнаго в послѣднемъ изыханїи, быша въ величїи умиленїи и в сътованїи, и в слезахъ многихъ, и рекоша: «о добрый нашъ пастырю и учителю! се нынѣ уже зримъ тя въ послѣднемъ издыханїи на кончїи вѣка, и нынѣ къ кому прибѣгнемъ и отъ кого насладимся медоточныхъ словесъ учещи, и кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обращаеши предъ Богомъ благодать я милость я по отшествїи своемъ отъ жизни сея моли о насъ неослабїи Бога я пречистую Богородицу» ... Блаженныи же

⁽¹⁾ См. въ стихѣхъ о двухъ Лазаряхъ и въ словѣхъ о мытарствахъ. Выше № 75.

глагола имъ: «чадца моя, се уже предаю васъ въ рудѣ Господни и пречистыя Богородицы, а о игуменѣ возложите на Господа Бога и пречистую Богородицу и на наше смиреніе: то уже *наставникомъ вамъ вмѣсто мене да будетъ отецъ мои духовными священникомъ Андрею*. И тако предастъ ему монастырь и братію ему, вручивъ глаголя: «се убо, брате Андрее, оставляю ти съ Богомъ строителя и кормника обители сей святой и всю братію о Бозѣ собраниую; но блюди, брате, прочее, да ничтоже оставится отъ монастырскихъ законъ, отъ св. апостолъ и пророкъ, и св. вселенскихъ соборъ...»

Азъ же аще тѣлеснѣ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами неотступно пребуду, и о семъ разумно да будете вамъ, аще обрѣя буду благодать предъ Богомъ, то обитель сія, по отшествіи моемъ умножится наипаче,—и соберутся братія множество въ духовной любви, и умножатся св. сія обители всѣмъ обиліемъ духовнымъ. и въ телесныхъ ободахъ не будете скорбни.» И тако учивъ ихъ до вольно, и духовнымъ лобзаніемъ цѣловать ихъ, и кождо по единому, и одаривъ ихъ молитвами и благословеніемъ печатлѣ, и впрелъ полагаетъ братія заповѣдь: *«ащелучится избрати игумена, то избирати отъ братии, иже кто на мѣстѣ семъ тръпится. и аще князь найдетъ игумена. или епископъ, по насилію или по мадѣ, или которыми братья наши отъ мѣста сего, а начнетъ хотѣти игуменства, кроме братскаго соборнаго изволенія, евоже не произволятъ братія на игуменство, тоиже мадою или насиліемъ отъ князя или отъ епископа поставленъ будетъ, тѣхъ преподобнымъ проклѣтию предасть»*. Таже и о земли утверждая и глаголетъ: «о братія моя! егда свѣдохъ на мѣстѣ семъ купилъ есмь село сіе и землю. и на речѣ семъ

рыбную ловитву, на строеніе монастырю, цѣною изъ пречистыя сосуда, сиречь изъ бочки,—и аще кто начнетъ обидѣти васъ, или пастupati на сію землю, нио имъ судити мати Божія». И давъ братіи послѣднее прощаніе и о Христѣ цѣлованіе, и ставъ на молитвѣ и воздвигъ рудѣ горѣ, и знамена вся животворящимъ крестомъ, перекрести лице свое, рекъ: «миръ всѣмъ». И помолвися на многъ часъ, аще убо и радостно тому баше, еже разрѣшиться отъ плоти, и съ Христомъ быти; но показуя яко всѣмъ страшна чаша смертная, и многія же по воздухомъ истязателя имамы...

(Прочитавъ молитву, чтобы Господь сподобилъ его пройти беззредно огненныя волны и глубины бездонныя и избавилъ отъ темныхъ князей тартара, Антоній) повелѣ священноиноку Андрею, отцу своему духовному, себе покарити и отходязъ пѣти,—и возлегъ на одрѣ своемъ и отиде къ Богу—въ вѣчныя покои. И погребенъ бысть честно архіеп. Нифонтомъ съ священнымъ соборомъ и со множествомъ народа града того, со свѣщами и съ кадила, со псалмы и пѣніи и пѣснями духовными въ лѣто 6655 (1147) м. августа въ 3 день, на память преп. и богоносныхъ отецъ нашихъ Исаіа даламата и Фавста. И положено бысть честное гѣло его въ церкви преп. Богородицы, юже самъ созда. Поживе же съ пришествіи своего до игуменства лѣтъ 14, въ игуменствѣ же бысть лѣтъ 16, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. и по благословенію препод. архіеп. Нифонта поставляетъ во игумены ученика преподобнаго священноинока Андрея. Сей же Андрей повѣда архіеп. Нифонту и княземъ града того и всѣмъ людемъ, еже слыша отъ преподобнаго о чудесѣхъ сѣхъ; архіепископъ же и вси людие велими почудившеся и воздаша хвалу Богу и пречестіи Богородицы, и великому чудотворцу Антонию; и оттогда

начать зватися *Антоніи Римлянинъ*. И повелѣ архіеп. Нифонтъ сіе житіе прѣподобнаго изложити и написати в церкви божіи предати, на утверженіе вѣрѣ христіанскѣй и на спасеніе душамъ нашимъ; а *Римляномъ, еже отступивши отъ православныя греческія вѣры, и преложившася въ латынскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну, и проклятіе, въ славу же и честь животворящей Троицы, Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ в орсно и во вѣки вѣкомъ, аминь.*

(Правосл. Собес. 1858 г. кн. 5).

Это житіе написано въ XII в. ученикомъ Антоніа—игуменомъ Андреемъ, но подверглось переработкѣ въ XVI в. См. *Очерки Буссева II, 97—133.*

98. Изъ житія Агапитова ок. 1235.

Нѣкто отъ Кіева пострижеся именемъ Агапитъ при блаженнѣмъ отци нашемъ Антоніи, еже послѣдствовавшее житія того ангельскаго, самовидецъ бывъ исправленіемъ его. Яко же бо онъ, великій, покрывавъ свою святость, болныя цѣлише отъ своея яди, мняся тѣмъ зелье врачевное подавать, тако здрави бываху молитвою его: тако и съ блаженнымъ Агапитъ, ревнуя святому старцу, помогаше больнымъ. Егда кто отъ братія разболяшеся, сян оставивъ кѣлию (не бѣ что краднаго), пришедъ къ болящому брату, и служаше ему, подымая же и полагая того, на свою руку износилъ его, подавая тому отъ своея яди, еже вараше зелье; и тако сдравъ бываше больныи молитвою его. Аще же ли продолжалася недугъ болящему—сипце Богу благоволящю, да и вѣру и молитву раба своего умножить—сли блаженный Агапитъ неотступно пребываше у него непрестанно, зоясь за нь, доидеже Господь сдравише подасть бо-

лящему молитвы его ради. И сего ради прозванъ бысть *Дльчець*. Сему Господь дарова дары исцѣленія. И въ градѣ се слышано бысть: нѣкто въ монастыри дльчець. И мнози приношаху къ нему болящая, и сдрави бываху.

Бысть же в сего блаженаго время нѣкто, Ориенинъ родомъ и вѣрою, хытръ же бѣ врачевати, яковъ же не бысть прѣже его, иже токмо видѣвъ болнаго познаваше и повѣдаше смерть его нарекъ день же и часъ, и никако же измѣнитъ слово его. Се уже никако же не прачюется. Отъ сихъ единъ болныи принесеи бысть в печерскыи монастырь, иже первыи бысть у князя у Всеволода, его же Арменинъ и нечаяние введе, прорекъ ему по осми днии смерть. Блаженный же Агапитъ, давъ тому отъ зелия, еже самъ вѣдаше, сдрави створи. И прочеся слово о немъ по всеи земля-русской. Арменинъ же утѣченъ бысть завистию стрѣлюю, нача укарати блаженаго. Посла в монастырь нѣкого осужена на смерть, повелѣвъ дати ему смертнаго зелия, да предъ нимъ вкусувъ, падъ умретъ. Блаженный же сего умирающа, дасть ему монастырскы яди, и сдрави створи молитвою своею отъ смерти избави повиннаго. Отселъ вооружається на нь яновѣрныи, научая тоже вѣрныи своя, хотя уморити мниха смертныи зельемъ. Блаженный же пияше безо пакоств, ничто же зла приеми. Вѣсть бо Господь благочестивыи избавляти отъ смерти. Иже рече: Аще что и смертво испляють, ничто же ихъ не вредитъ; на недужныя руки възложить, и сдрави будуть.

(Изъ посланія Поликарпа къ Акидину. Христомъ, Галахова. 57).

Посланіе Поликарпа къ киевопечерскому архимандриту Акидину—служитъ какбы продолженіемъ посланія Симона къ Поликарпу, потому что Поликарпъ, действительно, продолжаетъ писать о томъ же предметѣ, о

которомъ писалъ и Симонъ,—о киево-печерской обители, и повествуется именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не написалъ; а съ другой стороны,—и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, изрѣдка только ссылаясь на неизвѣстное намъ житіе преп. Антонія. Слѣдовательно Поликарпу принадлежатъ это посланіе болѣе по формѣ, а содержание своимъ оно обязано преимущественно Симону. Тронательныя убѣжденія послѣднее, вѣроятно, глубоко подѣйствовало на восприимчивую душу юнаго Поликарпа; онъ остался жить въ печерской обители простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндиму и по его желанію принялъ на себя и выполнилъ настоящіи труды (ок. 1230) въ память и наученіе будущимъ инокамъ.... Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ въ достоинствѣ посланію св. Симона. Разсказъ у Поликарпа также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянута; слоги не столько точны и правильны и замѣтно страдаетъ многообразиемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ говорить отъ своего лица, менѣе зрѣлы и послѣдовательны, нежели у св. Симона. Но какъ сочиненіе историческое, судя по источникамъ, какими пользовался Поликарпъ, посланіе его можетъ быть поставлено совершенно наравнѣ съ посланіемъ св. Симона, и при единствѣ предмета и самыхъ источниковъ, оба посланія представляются какъ бы двумя частями одного цѣлаго: они—то, какъ извѣстно, и послужили именно основною для киево-печерскаго Патерика (Пол. Р. Ц. Макарія, т. III, стр. 162—3. 167).

99. Житіе Авраамія Смоленскаго до 1240 (¹).

...Владыко мой, Вседержителю, благымъ подателю, Отче Господа нашего І. Христа! приди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на разумѣніе заповѣдей твоихъ, в отверзѣн устнѣ мои на исповѣданіе устенъ твоихъ и чудесъ, и на по-

(¹) Память Авраамія празднуется авг. 21. Житіе написано ученикомъ его Евреюмомъ; здѣсь напечатано по позднѣму списку. Разсказъ явлѣя и безжизненъ, можетъ быть, потому, что распространенъ позже. Я сократилъ его.

хваленію св. твоего угодника, и да прославится имя твое, яко ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣки.

Бѣ сей блаженный Аврамей отъ вѣрнута родителю рождѣся, бѣста та въ законѣ господни. добръ живущи въ законѣ благочестію; бѣ же отецъ его всѣмъ чтѣмъ и любѣмъ, отъ князя честь пріемля; бѣ бо въ истину отъ всѣхъ опознавъ, яко и правдою украшенъ и многѣмъ въ бѣдахъ помогаю, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и къ церквамъ прилежа. Такоже и мати его всѣмъ благочестіемъ украшена, таже не яко неплоды бѣста, двѣдѣсять дщерема отъ него рождѣшимся, и не бѣ има отрочати, и се бысть има отъ божия строенія: многѣмъ желаніемъ моляста Бога подати има отроча, многы же обѣты и милостыни церквамъ и монастыремъ дающе,—и послуша ею Богъ и дасть има отроча. Еще бо ему носиму въ утробѣ матерѣ, обита Христова Благодать в немъ и вѣзавъ бысть святыи, яко преже Самуилъ; и съвершившимся днемъ роженія, родила блажена дѣтища.. И егда же бѣ отрочатемъ въ возрастѣ смысла пришедшу, родителя его даста книгамъ учить: не бо унываша отроча, яко прочая дѣти; но и скорымъ прилежаніемъ извѣща; къ сему же на игры съ прочими съ инѣми не съхожаша, но на божественная и на церковная пѣнія и почитанія преже инѣхъ притекая, яко о самъ родителема радоватися, а инѣмъ чюдитися таковому дѣтища разуму. Господни бо бѣ благодать на немъ, просвѣщающа разумъ его и наставляюща на путь заповѣдей Христовыхъ. Егда же въ болшии возрастѣ прииде, всю тѣлесною красотою и добротою, яко свѣтъ сияше; родителема же его къ брану понужающимъ, но той самъ не восхотѣ, наипаче поучивъ его и наказавъ презрѣти и вѣзневзвидѣти житейскую сию славу, презрѣвъ мѣра сего, и въсприять мнища-

смы чинъ. Тѣмъ же отшедшима житія сего я Богу. онъ же по велику обрадовася, и дастъ Богу славу тако позволяшему; богатство же, еже оставиша родителей его, убогимъ раздаде, вдовицамъ и сиротамъ и черноризцамъ... Богодухновенныя же книги и святыхъ житія почитая и какобы ихъ житія и труды и подвигъ восприяти; измѣнися свѣтлыхъ ризъ и въ худыя облечеса и хожаше, яко единъ отъ нищихъ, на уродство ся преложи. и рассмотря и прося и моляся Богу, како бы спастися и въ кое мѣсто прити. И оставиъ всѣхъ, Богу наставляющу, отшедь отъ града далече ѿ попришь, острыжеса ту, якоже мнози вѣдять св. Богородица монастырь, къ востоку, *Селнице* нарицають е. И бысть оттоль по благодати Христовой болей на подвигъ. и вся труды подвижася и мыслю вспоминая св. града Іерусалима. И изъ всѣхъ (*отець*) любя часто почитати учения преп. Ефрема великаго вселенныя учителя, и Иоанна Златоустаго, и Феодосія печерскаго, бывшаго архимандрита всея Руси, иже въ святыхъ богодухновенныхъ книгъ житія ихъ и словеса преходя и унылая почиташе день и ночь, безирестани Богу моляшеса, и покланяся, и просвѣщая свою душу и промысль, и кормивъ словомъ Божиимъ. Яко дѣлолюбивая плеса вся цвѣты облагоуши, и сладкую себѣ пищу приносяши и готовяши; такоже и вся отъ всѣхъ избирая и списая, ово своею рукою, ово многими писци, да якоже пастухъ добрый, вся свѣдѣныя и когда на коемъ пажити ему пасти стадо, а не якоже невѣжа невѣдый пасти: да овогда гладомъ, иногда же по горамъ разыдутся, минн отъ зѣрей сѣдени будутъ. Тако всѣмъ есть вѣдома невѣжамъ, взимающимъ санъ священства...

И пребысть блаженный Авраамій пребывая въ монастыри въ трудѣ, и въ бдѣнии и въ алканьи день и ночь, якоже и самому игумену зрящу доброто житія ра-

доватся, и всей братіи. и славити Бога. Мисѣмъ отъ мира притекати отъ него угбшениа примати отъ св. книгъ,—и бѣ въ всемъ повинуюся игумену, и послушаніе имѣи къ всѣмъ братіямъ, и любовь и смиреніе мыши, Бога ради покараися всѣмъ. Искусивъ же его игумень, яко въ всемъ повинуется ему и послушаетъ: бѣ бо и самъ игумень хитръ божественнымъ и вся свѣдѣныя и прохоты, якоже мпози свѣдѣть, и никтоже смѣи предъ нимъ отъ книгъ глаголати; и принуди же блаженнаго Авраамія пріять священнический санъ, и поставлену ему бывшу диякономъ, и потомъ ереємъ при княженнѣ вел. Христолюбиваго Мстислава смоленскаго и всея Руския земли. Примъ же св. блаженный священныи санъ, болѣе смиренія пріять, яко таку благодать Христосъ ему дарова: божественную литургею съ всѣмъ тицаніемъ, юже за всего мира Христосъ повелѣтъ приносити, и ни единого же дне не оставя, яко же и мнози вѣдять его бывша и до самой смерти, и не оставившаго церковныя правила и божественныя литургія и своего подвига; нищету же и наготу, и укоренія же отъ диявола, и тугу и искушенія отъ игумена, и отъ всей братіи и отъ рабъ, кто можетъ исповѣдати? Якоже ему самому глаголати: «быхъ ѿ лѣтъ искушенія терня, поносимъ, безчестнуемъ, яко злодѣи»; якоже не терня его и виля себе дияволъ побѣждена отъ сятаго, и вѣдѣиже нанъ сию кривоуду, своимъ советы хотя ѿ оттоль прогнати, якоже и бысть. Вѣдѣ бо дияволъ, яко мнози отъ града приходять и учениемъ духовнымъ его множатся, отъ многихъ грѣхъ на покаяніе притекають; аще ли сяде речемъ: Богу хоташу, яко имѣтъ глго свѣтильнику въ тмѣ сияти, и укрытиса граду выше горы суху... Оттоль вѣиде въ градъ учи и наказуя вся на страхъ господень. Сяце же и сему бысть отъ диявола наученія: ибо нѣции отъ перей,

друзия же отъ черноризецъ како бы нанъ вѣстети (возстать); овы же отъ града потязати и укорити исходяще, друзия и спира творяще, яко ничтоже свѣдуще, противу нанъ глаголаху, и тако посрамлени съ студомъ отхожаху; и пакы не представляху крамолы нанъ въздвизающе, въ градъ и вездѣ глаголюще: «се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть». Есть бо, о братия, о семъ приложити слово на утѣшеніе вамъ: тако бо бѣ благодатию христовою утѣшая приходящия и плѣняя ихъ душа и смыслъ ихъ, дабы възможна неотхожащу быти, яко сему и мнози суть послуся, яже в саому игуменѣ нестѣрпѣти, многыя къ нему вѣдѣ притекающія, и хога того его отлучити и глаголаше: «азъ за ти отвѣщаю убо Богу, тыже престоани уча», и много озлобленія нанъ възложи. И оттолѣ пѣниде въ градъ, и пребысть въ единомъ монастыри у честнаго креста, и ту начаша боля приходитьи и учение его множайшее быти; а врагъ сѣтоваше, а Господь Богъ раба своего прославляше. и съблюдаше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время. и отъ многъ приемля утѣшенія, подаваху ему на потребу и лише потребности; и потомъ скоро раздаваше ядовищамъ и нищимъ, а самъ, еже въ потребу себѣ принимаше, украси же церковь иконами и свѣщами. И мнози начаша отъ града приходити и послушати церковнаго пѣнія и почитанія божественныхъ книгъ: бѣ бо блаженный хитръ почитати, дасть бо ся ему благодать божия не токмо почитати, но и протолковати, яже мнози не свѣдущимъ, и отъ него сказавша всѣмъ разумѣта. и слышавшимъ ксеу изъ устъ и памятью еказал. Яко ничтоже ся его не утаитъ божественныхъ писаний, якоже николяже умалкоша уста его ко всѣмъ, къ малымъ же и къ великимъ, рабамъ же я свободнымъ, и руководнымъ; тѣмъ же ово на молитву, ово на церковныя пѣния, ово

на утѣшеніе притекающимъ. Яко и въ ночь мало сна принимати, но колышное поклонение и слезы многы отъ очю излиявъ, и въ перси бѣя, и кречаниемъ Богу припадая — понижавати людѣ своя, отвратити гнѣвъ свой, а послати милость свою, и належащихъ бѣдъ избавити ны, и миръ и тишину подати молитвами пречистыя Дѣвы Матери Богородицы и всѣхъ святыхъ. Написа же двѣ иконы: едину страшныи судъ втораго пришествія, а другую испытанія въздушныхъ мытарствъ, иже всѣмъ имѣеть избѣжати. . И ко всѣмъ приходящимъ онаго страшнаго дня не престалъ о томъ глаголя и почитая великаго онаго свѣтлаго учителя вселенныя Иоана златоустаго, и препод. Ефрема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ св. Духа глаголавшаго ния собѣ у(в)ѣнная в всѣмъ проповѣдая.

И бѣ блаженный с воздержаніемъ отъ многого пѣтя, пьянства же отишюде ненавидя, рызы же по смиренію любя, драгыхъ велмя бѣгая, и смиреніе престои пѣтя, на трапезы же и на пиры отишюде нескходя, многыхъ ради зазираний, якоже бывають отъ мѣста избирающихъ. и инѣхъ ради многыхъ бывають, отъ многа ради пьянства и блды, и того ради сего убѣгаше. Образъ же блаженнаго и гѣло удручена баше, и кости его и съставы, яко мощи ящести, в свѣтлость лица его блѣда имуща отъ великаго труда въздержанія и бдѣнія, отъ многъ глаголъ, яже тружашеся, поя и почитаа, и молитву приносѣ къ Богу... Егда устрояшеся въ священнический санъ, образъ же и подобіе на великаго Василия: чръну браду таку имѣя, плѣшиву разѣвъ имѣя главу, но не зазрите ми братна мои грубоствы: не лжа бо си глаголю, или какою хитростію или мудростію, но многыхъ ради, иже его не видѣша и не слышаша... Видя же себе сатана побѣжденна Христовою силою отъ святаго, яко являшесѣ ему овогда въ ночь, овогда въ день,

устрашая и претя, яко огнь освѣчая и въ ноши, яко мнѣзѣть еще не снѣшмъ, овогда стужал, овогда являлся въ мно- зѣхъ мечтанныхъ, пакы яко левъ нападаю, яко звѣрие лютии устрашающе; другое— яко во дни нападающе и стѣкуще, иногда и съ одра сметающе я; егда отъ сна вста- яше блаженный, по малу сна вкусивъ, отъ злыхъ оклянныхъ бѣсонскихъ мечтаний, и въ день болѣе ему о семъ стужающе; тѣмже ово собою, ово въ желы бестуд- ный преображающеся, тоже яко о вели- комъ Антонии пишеться... Не могли ока- яныи терпѣти бывающия ради благодати помощи вѣрнымъ и христілюбивымъ хри- стіаномъ, и отъ всѣхъ побѣждаемъ силою Христовою, и вшедъ сатана въ сердца безчинныхъ, и въздвиге на нѣ, — и начаша оныи клеветати къ епископу, нини же хулити и досаждати, оныи еретика наря- дити и, а нини глаголаху на нѣ: *глаголю- щия книги почитаешъ*; нини же къ женамъ прикладающе.

Попове же знаяще и глаголюще: «уже наши дѣти вся обратилъ есть», друзии же пророкомъ наридающе, — и ина же многа на нѣ вѣщания глаголюще, иже блаженный чюжъ, истинною реку тако. А блаженныи все радуяся терпяше о Го- споди, събрашежеса вси отъ мала до ве- лика весь градъ на нѣ: нини глаголютъ заточити, а нини къ стѣнѣ ту пригвоз- дити и зажещи, а друзии — потопити. И проведше сквозѣ градъ, вѣмъ же събрав- шимся на дворъ владычнѣ—игуменомъ же я попомъ и чернцомъ, княземъ и бол- ромъ, диякономъ и всемъ церковникамъ, ввсегда послаша по блаженного, уже всѣмъ събравшемся, посланныя слугы емше, яко зодѣтя влацаху. Оныи ругахуся ему и без- чинная словеса кладающе, и весь градъ и по торгу и по улицамъ, вездѣ полно на- рода, мужи же глаголюще и жены и дѣ- ти. Блаженный же бѣ, яко птица ятъ руками, не умѣя что глаголати или что отвѣстати, но едино упование имѣя къ

Богу, и къ нему моляся о тая, избавити печали... Якоже и бысть: князю бо и вѣлостелемъ умякши Богъ сердца; игуме- номъ же и ереемъ, аще бо мощно, жи- ваго позрѣти; ведомо же ему на снемъ, явился Господь в то время препод. Лудѣ Прусяну, у церкви честнаго архангела Михаила, стоящу ему на молитвѣ: въ 9 часъ, — и гласъ бысть ему глаголюще: «яко възводить блаженного ему угодника на снемъ, съ двена ученикома истязати хо- тятъ, тыжъ о немъ никакже съблазни- ся». И глаголаше блаженный Лука на снѣмающихся на блаженного Авраамия и на уничижающихъ его: «многа бо безъ правды хулящии уничижаютъ, но да бы- ша грѣси его на мнѣ были, и вы слы- шасте яко хотѣша сътворити прежде сего неимуша страха божия. Такой же без- умный и епискупъ, како хотяше безъ правды убити и, иже и еще порокъ зель, и хула, и клятва зла и гнѣвъ бо- жии за 30 лѣтъ пребысть, и еще время будетъ, аще се того не покаете»...

Приведену бывшу блаженному на судъ, ничтоже на нѣ вины не обрѣтающимъ, но безчиннымъ попомъ, яко волон рыкающимъ вины, такоже игуменомъ; князю же и вельможамъ не обрѣтающимъ вины, но изыскающе все, нѣст неправды никоюже, но всю лжють... (*Всѣ нашли невин- нымъ Аврааміа*).

Видѣвше же сѣя, тако отъидоша, и яко немѣя конца, въ чемъ осудити и, и рѣша, отъ епископа. на се приготова- нымъ, крѣпко стрѣщи и. и на два и отъ ученикъ его, иже преподобному служаше добръ. На утрии же събравшися игуме- ни и ерев и вины, яже прежде глагола- ху укорявше, озлобивше, възложиша на нѣ, — и отъ того времени пакы видѣвъ мона- стырѣ, идѣже бѣ прежде остригавъся бла- женный, яко не приимшу ему явкоаго зла, се же отъ сего времени многа зла пребысть, елико баше блаженнымъ нау- чено, всѣ ти обратилася на своя дѣла

злыхъ грѣхъ, но и славу Богу, тѣряюще сихъ всѣхъ. И еще тогда блаженному Лазарю ереємъ сушу, и по Игнатіи епископу бывшу, истинною рещи, яко поборникъ и пастухъ Христовы церкви словесныхъ овецъ; еси бо бѣаше Бога ради оставилъ епископство свою и за многая обидѣнія св. церквей, иже обидѣти властели, отъ имающе чужая безъ правды, и обидѣти вдовицы и сироты. Сии бо видѣи и слыша, яко вся безъ правды, иже на блаженнаго Авраамія оу крамолу въдвигнули, Богу бо о семъ възложивше, се пришедъ глагола къ епископу Игнатію: «велико есть быти опытемы граду сему, аще се добръ не опечалиши»,—якоже и бысть. Блаженный Игнатіи сего послуша скоро, посла ко всѣмъ игуменомъ и ко всѣмъ попомъ, заповѣдая и запрещаая всѣмъ—отъ всякаго реченія зла престати, иже на блаженнаго Авраамія... Блаженный же терпя ихъ запрещенія, яко инокому же не приходити къ нему; мнози же меченици на всѣхъ путехъ стрѣжаху, а пѣцци разграблени быша... Скоро овни отъ игуменъ, инии же отъ поповъ напрасную смерть приимаху, яко ведуще и бывше въ сонмѣ на блаженнаго тужаху, и припадаху ему на ногу прощенья приимаху, а не бывше въ сонмѣ радовашуся...

Бывшу же бездуждию велику въ градѣ, яко изсыхати земли, и садамъ, и нивамъ и всему плоду земному, яко незаколиво бысть время, всѣмъ тужащимъ и молящимъ Бога; и самъ епископъ блаженный Игнатій (*долгалъ крестный ходъ*),—и не бысть дождя на земли, и бывше въ печали велицѣ. Се же все бысть отъ божия промысленія, и хотя Богъ блаженнаго Авраамія объявити; и възложивъ Богъ на сердце нѣкоему епископу Игнатію о блаженствѣ Авраамія, глаголя сице: «вси молихомся, не послуша насъ Богъ; кая вина такояже на преп. Авраамія, яко лишенъ бысть бо-

жественныя литургія, еда и того ради бысть отъ Бога казнь»? Тогда Игнатій вскорѣ посла по Авраамія, и призвавъ и и спытавъ, яко все лжа и оглаголанія по зависти и злобѣ диаволи бысть,—и прости и глаголя: «благослови честный отче, за неведение мое; се ти сътворихъ, послушавше лживыхъ клеветникъ и оглагольникъ». И благослови пакы пречистою и честною литургию съ врѣмяти, и моли Бога о градѣ, и о всѣхъ людехъ, да помилуетъ Господь и подастъ богато дождь свой на землю... (*Авраамій дорогой сталъ молиться*) Еще преподобному не дошедшу своеа келіи, одожди Богъ на землю дождь, яко славети Бога всѣмъ. и глаголати: «слава тебѣ Господи, яко скоро послуша раба своего. И бысть многа радость въ градѣ и оттолѣ начаша притекати въ градъ...

Лѣпо же помянути и о житіи препод. отца Θεодосія печерскаго всея Руси: хотѣ Богъ въру раба своего явити, и отъ того мѣста на другое преселити, и пресвѣтлѣйшую церковь възградити; уже умножившися брати, и показа Богъ чудо внощи яко скажутъ рекуще, яко дуга въ образъ отъ верха церковнаго, другой холмъ конепъ ея,—и препод. отца Θεодосія душа съ иконою пречистыя Богородицы и брати въ сѣдѣ идуща и поюща. Тако же и нынѣ помянемъ о преп. Аврааміи и о молитвѣ пресв. Богородицы и брати въ слѣдѣ идуща и поюща, якоже бысть потомъ и хотящимъ показати мѣста, на немъ же блаженный о Бозѣ хощетъ жити ииѣмъ мнозѣмъ, иже имутъ с нимъ спасатися. Преп. и благочестивый Игнатій мысляше създати церковь каменну, во имя св. Игнатія, во имя себе, въѣ града таково еуде мѣсто близъ ровно, угодно на постаніе церкви и всемогуще въсприяти рядъ монастырскъ, и оукупивъ оградѣ овощевыя окрестъ его, и постави церковь во имя Богородицы; и потомъ ту разрушивъ, и на ино мѣсто пресели, и основа большю, и нарече въ имя

св. владычицѣ нашея Богородица положеніе честныя ризы и пояса. И быша в нем неколико брати, блаженнымъ питаеми епископомъ Игнатиемъ; нѣкоторые же буйши и несмысленни уни жадоху глаголаше: «аще хоцетъ кто да идетъ на игуменство, ямя нарицающе... По мнозѣ же времени, Богу о семъ промыслиаху, стужаше бо в себѣ Авраамин, яко далече сушу града, приходящимъ такоже; блаженный епископъ помянувъ божію волю, тогда призва единого от своего честнаго крылоса, перваго от старѣйшихъ, протопopa именовъ Георгія, глагола к нему о блаженнемъ Авраамин. Помянувъ, яко далече ему сушу граду, скорбь ему велля, да призаветь скоро; блаженный прииде по повелѣнію епископа (*Инатій благо-словилъ его на игуменство*). И оттолпи прослави Господь болѣ, зане же злѣ блаженнаго оскорбивше, обращатися начаша и припадати на ногу, просяще прощения, иже всеми ненавидимъ бывъ, всемъ бысть, да иже прежде бояхуся приити, то убо не бояхуся, но радующеся приходяху. Не точию гражене едине приходяху, но и со женами и съ дѣтми: инъ от княз, и от велможъ, работни же и свободнии притекаху, вся своя грѣхи исповѣдающе к нему,—и тако отхожаху во дома своя радующеся. Прии же блаженный домъ св. Богородица, и украси ю, яко невѣсту красну... Мнози же хотяху быти черноризци, но не ту абие постригаше, ведый трудъ искушение велика от общаго всего врага, и се братіе числомъ 17. Сиче же блаженный искушаше от Христоувыи благодати, вся бо ему Господь откровенная даяша разумѣти житіе хотящимъ и к нему притекающимъ, тако отвѣщевая глаголюще, къ послушливымъ и смиреннымъ, веля имъ часто притекати къ себѣ, елико бо их от златолюбства и злобы, тѣх удаляхася, сиче бо от своихъ напастей; многи от черноризецъ принимаше искушения, да того ради не скоро приима,

искушаше же сиче ведый по книгамъ; но слышаше нѣкоего игумена, сиче бывше точию до 12, то числомъ имаше мнихъ даже—въ искусь. А егда кто хоташе от него постригтися, то знаменаша прежде, къ коему брату видетъ, да аще пойдяше къ подвижну брату, то стоя славяше Бога, руцѣ въздѣвъ, и о немъ моляся Богу; аще ли не к такому, то печаленъ бываше... Блаженный епископъ радовашеся, яко такового дарова ему Богъ свята и блаженна мужа; Авраамій же радовашеся яко та въ даръ благодать приемъ от него. Мало же по такой любви поживъ епископъ и преставися к Богу, по правдѣ рѣчи: въ истину святу и преподобиому и к Богу тако подвижався, от юности потрудився, и до самыя сѣдины... Оттолѣ болѣ начать подвижатися блаженный Авраамин, и о такомъ разлучении преподобнаго въ смирении мнозѣ, и в плачи от сердца съ въздыханиемъ, и съ стѣнаниемъ, поминаше бо о себѣ часто, о разлучении души от тѣла. Блаженный Авраамин часто себѣ поминая, како истязаютъ душу пришедше ангели, и како испытаниемъ на воздухѣ, от бесовскихъ мытаревъ, како есть предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведуть, и како во второе пришествіе предстати предъ судилищемъ страшнаго Бога, и како будетъ от судія отвѣтъ, и како огнена рѣка потечетъ, пожгавши вся, и кто помогаа будетъ, развѣ покаяніе, милостыня и безпрестанныя молитвы, и ко всемъ людемъ, и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаются помогающіи души. Мы же сего ни на памяти имамъ, но о всемъ, а другое о иномъ станемъ, не имуще ни единого слова отвѣщати предъ Богомъ. Пребысть же блаженный въ такомъ подвижаніи вся дѣла живота своего, всемъ бдя и моляся съ въздыханиемъ; многи же научявъ, и наказавъ пребывати въ добромъ трудѣ, въ бдѣнии же, и въ молитвѣ, и въ терпѣнии, иже и смирении, въ миро-

ствии же, и въ любви; и сице утверди вся съ слезами многими, сѣхъ же не забыватья выколеже, и глаголаше: «и менѣ смиреннаго не забывайте въ молитвахъ вашихъ. моляшеся владыцѣ и Богу. и пречистой его Матери съ веѣмъ святыми его». И потомъ болѣзнь на божественнаго нашедши, и тако преставися (не позже 1220 г.), предавъ блаженную душу господеву, его же желаше, и получи царство небесное. И пребысть блаженный Авраамъи. подвижася лѣтъ 50 отъ уности до конца живота своего, о Христѣ І. Господѣ нашемъ, Емуже слава и дръжава со Отцемъ и св. Духомъ, и нынѣ и присно и во вся безконечныя вѣки. Аминь.

(Прав. Собесѣдн. 1859 г. окт. и декаб.).

100. Повесть о Алексѣе митрополитѣ всеа Русси послѣ 1378.

Тоежъ зины (1377) м. Февраля въ 12 день, на память вже во св. отца нашего Мелентія патриарха великия Антиохія, въ пятокъ въ заутреннюю годину, престависъ пресвещенный Алексѣй м-тъ Киевскій всеа Русси въ старости честнѣй и глубоче. Се убо блаженный Алексѣй м-тъ родисъ отъ славныхъ бояръ черниговскихъ, бываше жъ тогда божиими судьбами частая варварская плеченія на градъ Черниговъ и на всѣ епархія тѣя, спречь страны тѣя; и того ради отецъ его Феодоръ и мати его Марія отъѣдоша отъ отечества своего отъ града Чернигова, и приѣдоша въ преименитый градъ Москву, и ту пребывающа родъ ста сего блаженнаго...

Блаженныи жъ убо Алексѣя старши і в. кн. Семена сына Іванова, внука Данилова, правнука Александрова, прапра-

внука Ярослава 17 лѣтъ; крестя же его еще младенца суща, князь Иванъ Даниловичъ еще сынъ на вел. княжении, и изречено бысть имя ему во св. крещении Елеверей Семионъ, и еще дѣтвущи пзуучися грамоте всей, и во благочиннемъ возрасте пребываше. Пришедшу жъ ему въ возрастъ 12-мъ лѣтомъ прилучисъ ему на смотрѣнню иѣкоему, повеже Богъ хотя проявити о немъ, и прострѣ сѣтъ на уловленіе птицамаъ и стрѣжаше опасно сѣя, і воздремався уснѣ; и бысть ему гласъ глагола: «Алексѣя что всеу тружаешися, се отселе будиши человекъ лова». Блаженноу жъ отъ сна возбавишу, и невидѣ никогоже, и удивисъ и ужасесъ, размышляше о семъ, что сие новое званіе, еже нареши мя Алексѣемъ; и отъ того часа нача во мнозе умилении и размышлении быти, и не могъ свѣ разсудити, никому же повѣдай о семъ.

Отецъ же его и мати и братья вопрошаху его глаголюще: «что тако въ печаль вдался еси, и отнюдѣ уклоняеши въ молчаніе, всегда книги въ рукахъ имаша, і въ сѣхъ точию поучаеши», къ вамъ же единого отъ тебѣ слова несть, сѣя бо есть плоческая, а немаяская; кто убо тебѣ наказа плоческимъ житиемъ жити, почто убо тако изсушилъ еси себя, постомъ и жаждею, не сокрушай убо себя, да не въ недугъ впаденія и насъ въ скорбь и въ печаль вдали, и повѣждь намъ, кто тя разврати». Блаженныи жъ мало утѣшивъ изъ яки держашесъ своего воздержанія, и на позорище не хожаше, и со отроки не играше, и всяческии кощунствъ и глумлении отбегаше, и прележаше молчанію божественныхъ писаний, и хожаше во умилении своемъ всегда. Бывшу жъ ему возрастомъ 20-мъ лѣтомъ возлюбилъ Бога всею душою, і вся заповѣди его тшашесъ хранити, и ажелъ во иноческое житіе постричься, и остави отца и мать и братію и сестры, і вся бли-

жнии и друзи и женитву, і всякое мирское пристрастие возненавидѣ, но точию Богу одному работати вжелѣ глаголя всебѣ, пророче изволяхъ приметатись въ дому господни неже жити мѣ въ селехъ грѣшнихъ. И тако изыде изъ мира 20 лѣтъ сы возрастомъ или мало вѣщли, и вниде въ монастырь Богоявления, и пострижесь во св. ангельскѣи и иноческѣи образъ, и нарекоша имя ему Алексѣй, преже нареченные отъ Бога, иже во оставленіи сетей на уловленіи птицамъ въ пустыню; и нача жестокимъ житиємъ жити, постомъ и бдѣніемъ и молитвами и умилениемъ слезами, и всякое писаніе ветхое и новое извѣче.

Прииде жъ въ той монастырь Богоявления и старецъ Стефанъ изъ Радонежа духовенъ сынъ подвижнѣвъ, ибо той Стефанъ духовнымъ и жестокимъ житиємъ живяше, братъ сынъ единого отца и единые матери блаженнаго игумена Сергія, иже въ Радонежѣ о Господи монастырь воздвиже; и тако старецъ Стефанъ со Алексѣемъ духовнымъ житиємъ оба купно въ единствѣ живяше. И не точию же сѣ, но и въ цѣркви и на крылосѣ оба шоряду стояща пояху, во мнози любви о Господи і смиренни. Также и Геронтей вѣхто нарочитъ и честенъ и славенъ старецъ духовенъ житиємъ въ томъ же монастырѣ св. Богоявления живяше, и съ Стефаномъ и съ Алексѣемъ во мнози духовне любви о Господи смиренне пребываше. Любаше же ихъ и Феогностъ м-тъ всеа Русии, и часто къ себѣ призываше, и упокоиваше и прощааша и почиташе ихъ добръ. Тако жъ по томъ старца Стефана Феогностъ постави игумена въ томъ же монастырѣ св. Богоявления; и бысть Стефанъ игуменъ Богоявленскѣи духовникъ в. кн. Семѣну сыну Иванову, такожъ Василью Тысяцкому и Федору брату его, и прочимъ бояромъ старѣвшимъ и инымъ многымъ, вси бо возлюбивша его

добраго ради житія его и смиренія.

Тажъ потомъ пресвещенныя Феогнасть взя къ себѣ во дворъ изъ монастыря св. Богоявления преп. старца Алексѣя, и учини у себя наипустимикомъ, иже спомогати ему и разсуждати церковныя люди съ правдою по священному правилу; и бысть во дворѣ у митр. Феогнаста иереод. старецъ Алексѣй лѣтъ 12 и 3 мѣсяцы. во иночествѣ имѣя 40 лѣтъ. Также потомъ Феогностъ постави его епискупомъ въ Володимѣръ м. декабря въ 6 день, хотя его по себѣ на столѣ митрополчествѣ быти, любяше бо его зело блаженныи добродѣтели сего ради. И пребысть Алексѣй епискупомъ 4 лѣта, двистуя святятельная, дондеже и преставися Феогнасть м-тъ.

По преставаениижъ Феогнастовѣ, общимъ советомъ и избраниемъ святейшимъ, и в. кн. Івана сына Иванова, и бояръ і велможъ і всѣхъ людей; паче же божиимъ изволеніемъ и избраніемъ понуженъ бысть ити къ патриарху въ Царьградъ ставитися въ митрополиты. И сиче и не хотя поиде въ Царьградъ на поставленіе. Поставленъ бысть въ Царѣградѣ блаженнымъ Оплоѣемъ патриархомъ въ митрополиты на Русь. И яко прииде отъ Царьграда на свои столъ на Русь, и приять бысть отъ всего православія русскаго радостнѣ и сѣдя на престолѣ своемъ. И помышляше евангельское слово глаголюще, ему же много дано, много і възмечется отъ него, и увѣдѣвъ рабъ волю Господина своего и не сотвори бѣдъ булетъ яного; и такова во умѣ держа большихъ подвѣсъ казашесь, и труды ко трудомъ прилагаше, и свѣтъ и образъ всѣмъ бывающе.

Помысля жъ блаженный воздвигнути церковь и составити монастырь общее житіе, глаголя: любѣтъ мѣ есть Богу, случибосѣ некогда, егда плаваемъ отъ

царяграда, возмущенію вѣтрену быти, и сокрушати волнами желнми кораблю, і вѣмъ намъ отчанвшимся живота, и ко-муждо молящуся о себѣ, а азъ обѣтъ свой дахъ Богу, вон же день до приста-нища достигнемъ, въ того прилучившаго-ся святаго состави церковь, и отъ того часа вѣтра и море отъ волнения своего престаша, и бысть тишина велия, и до-стигохомъ пристанище тихое м. августа въ 16 день. По своему обещанію помы-сливъ поставити церковь нерукотворен-ного образа Господа и Спаса нашего І. Христа и устроить общее житіе. И сие рекъ къ своимъ сушимъ, изыде къ бла-женному Сергію, і вса ему таковая из-рече, хошу, рече, нынѣ исполнитъ обе-щанное свое; блаженныи жъ Сергіи рече ему: добро убо и блаженно діло, еже хоцеша сотворити, и аще что потребуши отъ насъ сия убо вса невозбранна ти есь. Митрополитъ же рече, хошу ученика тво-его Андроника въ томъ монастырѣ на-чальника устроить. Глагола ему преподобныи Сергіи, якоже хоцеша творя. Святый же Алексѣй, *даде монастырю милостыню доволну и братію учре-ди*; и въземъ съ собою инока Андроника изыде изъ монастыря и прииде во градъ Москву, и обрете у града Москвы на рѣцѣ на Яузе мѣсто угоднѣ къ монастыр-скому строенію; и тако, Господу Богу дѣйствующу, и пречистей Богородицѣ спо-спешествующаи, воздвиже церковь во имя нерукотвореннаго образа Христова, ижъ съ собою принесе изъ Царяграда, зла-томъ и бисеромъ украси, і въ томъ мо-настырѣ въ церкви постави, иже и до нынѣ стоятъ; *і всемъ удоволи той монастырь, и вса яже къ потребе устрои, и села и воды и мѣста.*

Прииде же въ тотъ монастырь и пре-подобныи игуменъ Сергіи, и похвали и благослови мѣсто, и паки возвратися въ свой монастырь иже въ Радонеже. По семъ времени мимошедшу св. Алексѣй

иде въ Новѣгородъ въ нижней, и тамо церковь воздвиже во имя преч. Богоро-дицы, честнаго и славнаго ея Благовѣ-щенія, и монастырь состави *общее житіе, и села і воды и мѣста да-рова тому монастырю, и всякими потребами удоволи, і всякими кра-сотами украси туу церковь Благо-вѣщение преч. Богородицы.* Таже по-томъ тамъ же крести сына князя Бори-са Костянтиновича у внука Васильева, у правнука Михайлова, у праправнука Ан-дрѣева, и нарече имя ему во св. креще-нии Іванъ; и многу честь приялъ отъ в. кн. *Бориса Костянтиновича, и много требованія даде, і вещи дви-жимыя и недвижимыя, князь в. Борисъ* къ тому монастырю преч. Богородицы Благовѣщенію; и есть той монастырь въ Нижнемъ Новѣгороде и донныи митропо-личъ, благодатію Христовою, и преч. Бо-городицы, и св. чудотворца Алексѣя мо-литвами, хранимъ со всеми требованіи его.

Таже по семъ прииде во градъ Воло-димерь, и тамо состави монастырь *общее житіе на рѣцѣ на Клязме,* и церковь въ немъ воздвиже во имя св. и равна апостоломъ вел. царя Костянти-на, и всякими потребами удоволи, *и села подая, и изобилствуй всемъ;* и есть и донныи той монастырь благода-тію Христовою хранимъ со всеми по-требами его. И за премногую добродѣ-тель святаго происхожаше о немъ слава, не только въ христіанскихъ странахъ, но и въ неверныхъ татарскихъ странахъ. Въ та бо времена, у Ордынского царя Чангбека царица Тамдала боляше очива, и тогда прииде посолъ изъ Орды отъ ца-рицы Тамдалы въ лѣто 6865 (1357) по блаженнаго Алексѣя м-та всеа Русии, яко да идеъ посетити ея, видѣше бо его мужа свята, и разумъ, яко Богъ слушаетъ его, и аще просятъ у Бога дасть ему. Он же уготова потребное въ

путному шествию, и нача пѣти молебевъ въ церкви пречистыя Богородицы соборней, и се отъ себя сама загорѣся свѣча у гроба св. Петра чудотворца; онъ же иѣвъ молебѣвъ со священнымъ соборомъ и свещу ту раздробивъ и роздаде народу на благословенне, и того воску свещи съ собою взять і воду освятить, поиде во Орду ко царице Таидале. І виде его царица во снѣ во одѣже архиерейстей, такоже и священниковъ его во священныхъ ихъ одеждахъ; и якоже виде во снѣ, царица Таидала св. Алексѣя, и по тому образу сотвори ему ризы святительския, и всѣмъ его священникомъ, якоже виде ихъ во снѣ. И посемъ услышано бысть у царя Чанибѣка во Орѣ о пришествии святаго, і къ той часѣ самъ царь Чанибѣкъ Азбѣковъ сынъ изыде во сретении его и съ сыномъ своимъ Бердибѣкомъ, и съ прочими сыны своими, и со князи и съ вельможи своими, и съ великою честью, и тамо писанное исполнися: *левъ и агнецъ вкупе почитють*. Блаженныи жъ соверша молебное пѣние, и свещу воска оваго, иже отъ себе зажесть, и тамо повелѣ зажещи и покрови Таидалу царицу священною водою, і въ той часѣ прозрь. Видѣвъ же царь Чанибѣкъ и прочии Татаровя и удивившася и хвалу и честь велию дарова святому, и дары многими почти его и священниковъ его, и слугъ его, и отпусти его на Русь; а въ Орѣ великая замятия бысть отъ всѣхъ, и имѣху его оттоле велика предъ Богомъ. И бысть на святительствѣ престоле митрополю всея Руси многа лѣта, *уча слову божию*, и по благочестию побора, и неправая содѣлающихъ воспрещая, и поставляя епископы и презвитеры...

Откровениемъ божиямъ внутрь града Москвы созда монастырь, и постави въ немъ церковь камену во имя св. архистратига Михаила, честнаго сего чюдеси, и предѣлъ

воздвиге во имя пресв. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, і всяческими добротами украсивъ ту, иконами и кивгами и подписью и златыми сосудами священными, и прочими всякими узорчьи, и монастырь тои состави общее житие, еже есть и до сего дни. *Многа жъ села и дома и люди и езера и нивы и жыта подавалъ естъ святыи*, и вся, елика довабеть на потребу монастырю; не токмо же прежде реченное дающе и благодѣявша, но и самого себя въ томъ монастырѣ повелѣ положить преставльшеся, еже и бысть. Есть же и донынѣ гробъ его въ томъ монастырѣ входя въ церковь одесную олтаря, въ немъ же святое его тѣло многая исцеленія сотворяетъ съ вѣрою приходящимъ. Созда же себѣ таковыи монастырь за 12 лѣтъ до своего преставления.

Внегда жъ видя себя святыи отъ старости изнемогъша и къ концу приближающеся, и призва къ себѣ препод. игумена Сергия изъ Радонежа. Опому же скоро пришедшу, и бесѣдующимъ яхъ, и повелѣ Алексѣй м-тъ изнести крестъ съ порамондомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, и даруетъ святому. Онъ же со смиреніемъ поклонися глаголя: *прости мя, великии архиерею Христовъ, яко отъ юности моя не быхъ златоносецъ, въ старости жъ хочу наипаче въ нищете пребывать*. Архиерей же речъ ему: «вѣмъ чадо, яко и сия исправляе еси, но сотвори послушание и прими отъ меня данное ти благословене»; и тако возложи на него свои рукама крестъ златъ съ порамондомъ, златомъ и бисеромъ украшенъ, якоже нѣкое обручение. По сихъ хотящихся ему глаголати, также пачать глаголати ему: «преподобне Сергие, веси что призвахъ тя, и что хочу глаголати тебѣ?» Глагола препод. Сергей: како могу увѣдѣти, аще не повѣси ми?—Глагола

св. Алексѣй: «се убо азъ вижу себѣ къ концу приближающесь, и желаю при своемъ житиѣ избрести мужа могуща по мнѣ паствити стадо Христово, и се убо тебя избрахъ правити слово пастивное, и вси убо тебѣ желаютъ и требуютъ; и прежъ убо епискупъ поставленъ будеши, по моему же преставленію на моемъ престоле сядеши». Глагола прешод. Сергій: прости мя, великий архiereи христовъ, яко выше моего мѣръ есть, еже глаголемъ. Кто бо азъ, грѣшникъ и худѣшникъ паче всѣхъ человекъ, но убо молю тя да кому прочее на мнѣ. ниже иному кому о мнѣ глаголеши, понеже никтоже сия во мнѣ можетъ избрести.—Св. Алексѣй, видя его непреклонно, и вопреложи ему кому глаголати о семъ, да неопечалывая отъидеть во внутреннюю пустыню. и такового свѣтлыица лишится, и утѣшивъ его словесы духовными отпусти его въ свой монастырь съ честію съ миромъ и съ любовію.

Самъ же блаженный Алексѣй м-тъ еще и во глубине старости бе, и во мнозе изнеможении, но не преста уца слову божію и возводъ всѣхъ на путь покаянія. И уже хъ концу приближись, и священную литургію соверши, и св. таинъ причастивъ, и о великомъ князе и о всѣхъ князехъ и боярехъ, і воиствахъ, и во всѣхъ людехъ помолися, и последнее цѣлованіе давъ отиде ко Господу въ бесконечный вѣкъ, м. февраля въ 12 день, въ пятокъ въ заутреннюю годину. Не повелѣ же себя святыи положить въ церкви, но въѣ церкви за олтаремъ, и мѣсто указа, и тамо повелѣ себя положить, великого и конечного ради смиренія. Слышано же бысть преставленіе его, и стекошася князи і вельможи и иноцы; также и епискупы скоропостижаютъ со слезами и рыданіемъ. И удивись князь в. конечному его смиренію, и разсудившись епискупы положиша его въ церкви, въ предѣле Бла-

говѣщенія пречистыя Богородицы, и дѣже суть и донынѣ честныя его мощи, съ вѣрою приходящій исцеления подають...

Изыде же изъ мара блаженный Алексѣй съ горящимъ желаніемъ и любовію работати Богу 20 лѣтъ или мало вѣше, и построжесь во св. ангельскимъ иноческимъ чинъ въ монастырѣ Богоявленія, и поживе въ монастырѣ время довольно. Также Оеогнасть м-тъ взя его къ себѣ во дворъ, и пребысть у него въ намѣстничествѣ 12 лѣтъ и 3 мѣсяцы. Также постави его при своемъ животѣ въ епискупы въ Володимерь, и пребысть въ епискупствѣ 4 лѣта. По преставленіи жъ Оеогнастоу во Царѣградѣ блаженнымъ патриархомъ Филофеемъ поставленъ бысть въ митрополиты тогда сый 60 лѣтъ; въ митрополитствѣ пребысть 24 лѣта, и бысть всѣхъ лѣтъ житія его 85 лѣтъ, и пребысть въ томъ гробѣ 60 лѣтъ

Въ лѣтожъ 6939 (1431) во княженіе в. кн. Василья Васильевича, при святѣишемъ Оотѣ м-тѣ Клевскомъ і всеа Русии обзавдася верхъ церковныи и во время священныя литургіи и священнику еже неизмѣну изъ олтаря, но не вредити бысть: и тако тоя церкви мѣсто очистише и вачаша копати, хотяще основати новую церковь каменную. И сиде копающе обретоша священное тѣло Алексѣя м-та Клевского і всеа Русии, сипеже и ризы его цѣлы, м. Мая въ 20 день. И создавше церковь положивша св. его тѣло въ церкви въ предѣле Благовѣщенія пречисте. Богородицы на десной странѣ; идѣже суть и до сего дни источаютъ исцѣленія всѣмъ съ вѣрою приходящій.

(Никон. лѣтоп. IV, стр. 55).

Почтеніи м-та Алексѣя 1354—1378 въ Прибавл. къ твор. св. о. 1847, 1. См. Житіе Петра м-та послѣ 1389 г. Стан. ки. I, 410—424. Іоанъ м-тъ Кіевскій. Г. Карпова. Чт. общ. 1864, IV, 1. 103.

101. Житіе Стефана Пермскаго послѣ 1396.

Бысть въ лѣта сего благочестиваго, христолюбиваго, в. кн. Василия Дмитріевича сій св. Божій человекъ Стефанъ, священнѣйшій Епископъ, истинный Святитель, равноапостольный учитель и дивный проповѣдникъ благочестія, о немъ же здѣ малѣ речется, прочая же о немъ пространно видѣ явлена суть: яко блже родомъ Устюжанинъ, роди же ся отъ отца именемъ Симеона и матерп Маріа, наученъ же бысть грамотѣ, и бысть клирикъ церкви св. Богородица, таже и во мнишескій чинъ пострижеса, еще же и презвитерскій санъ сподобленъ бысть, поставленъ быти отъ Герасима епископа коломенскаго, потомъ же и греческія грамотѣ научися, и пермскій языкъ навывче, и вселися въ него благодать божія. И тако даровася ему премудрость, яко и азбуковы сложи пермскимъ языкомъ, иже отъ вѣка не бывало. И вземъ благословеніе у святителя, и иде въ невѣрныхъ люди въ Пермскую землю, идѣже бяху тогда люди Бога не знающе, и закона не вѣдуще, но поганскимъ обычаемъ живуще бяху, злымъ кудесомъ поучахуся, и богомерскому волхвованию прилѣжаху. Ихъ же неподобныя обычая многія окрестъ ихъ живущія страны навывкоша тогда. Се же имела иноязычными странами и мѣстомъ живущихъ около Перми: Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корелы, Югра, Печера, Вогуличи, Самоады, Пертасы, Пермь великая, Гамаль, Чюсовая. Рѣкамъ же стравъ тѣхъ имена: 1-я рѣка Вынь впаде въ Вычегду, 2-я Вычегда обходяще всю землю Пермскую, и потече на Югъ въ землю Татарскую, и впаде въ рѣку Волгу ниже Казани яко 50 верстъ. И тамо сѣдаху многи языцы. Божій же Стефанъ еще презвитеръ сый всю по давнѣй ему благодати отъ пресв

я животворящаго Духа всюду во странахъ тѣхъ проповѣда слово Божіе, утверждая истинну. Въ Перми же бездушныя идолы ихъ сокруши и сожже, и люди учениемъ своимъ отъ тьмы на свѣтъ приведе въ позваніе божіе. И тогда первое крести ихъ яко до тысящи, и потомъ отъ пресвещеннаго Пимина м-та всяя Руси поставленъ бысть еп св. Стефанъ первый Пермій епископъ, идѣже грамоту и книги съ Рускаго языка на Пермскій языкъ преложи, и многія люди закону божію научи, и крести ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа, и многи св. церкви тамо воздвиге, и попы ставляше, и лютейшаго волхва, именемъ Пала, согначескій рядъ держащаго, крѣпко же я злолито противящагося благочестивому его ученію, и сего богомудростными словесы посрами, и яко безгласна сотвори и отъ Христова стада отгна... И тако Богу помогающу ему въ невѣрныхъ людехъ утверди православную вѣру, ихъ же многымъ трудомъ и со всяцѣмъ дерзновеніемъ учаше невозбранно, и чудно поживе до конца, о стадѣ своемъ подвизаяся, и съ миромъ преставися къ Богу въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Святые же и честные священное его и трудолюбивое тѣло положено бысть въ церкви всеплотнаго Спаси, иже есть прйдѣльмъ у Преображенія Господня, при в. кн. Василии Дмитріевичѣ, и при Кириѣ м-тѣ всея Руси. И сие о сихъ вкратцѣ предложися. Довольно же о семъ блаженномъ Стефанѣ повѣсть трудолюбно собора, и преукрашено написа священнолюбокъ Епифаній, ученикъ прелед. игумена великаго чудотворца Сергія.

(Степен. книга, ч. 1, стр. 524—552).

Эту преукрашенную повѣсть см. въ Памят. старин. литер. IV, 134—161. Житіе Стефана писано ученикомъ прелед. Сергія Епифаніемъ.

Буквы пообрѣтеныя Стефаномъ для Пермякомъ и Зырянъ и названія ихъ см. въ V т. пр. 125—

137. -Ист. Гос. Рос. Карамзина. Никон. Мѣстоп. IV, 267. Зап. Архив. общ. IX, 520.

Кромѣ изобрѣтенія азбуки и перевода на пермскіи языкъ Часослова, Осьмогласника, пѣснь дѣря Давида и богослужебныхъ книгъ, Стефанъ написалъ: 1) Посланіе къ п. кн. Дмитрію Донскому объ уменьшеніи налоговъ на Пермь, Москва, 1847, I, 121; 2) Посланіе къ м. Копріану о ново крещенныхъ людяхъ съ извѣщеніемъ о страхахъ Пермскихъ. Кромѣ того онъ писалъ книги «хитрѣ, в го раздѣ и борзо».

102. Плачъ Пермской земли о смерти епископа Стефана.

Горе, горе намъ, братіе! како остахомъ добра господина и учителя! Горе, горе намъ, како лишили быхомъ добра пастуха и правителя! О како отъишя отъ насъ, пже многа добра намъ податель; о како остахомъ очистивника душамъ нашимъ и печальника тѣломъ нашимъ! То перво остахомъ добра промышленника и ходатая, иже былъ намъ ходатай къ Богу и къ человѣкомъ: къ Богу убо молился о спасеніи душъ нашихъ, о ко князю о жалобѣ нашей, и о льготѣ и о пользѣ нашей, и ходатайствовалъ и промышляше ко боляромъ же, къ началамъ, властемъ міра сего былъ заступникъ теплъ, мвогажды избавляя вы отъ насилія, и работы, и тивунскихъ продажъ (*взятокъ судей*) и тяжкихъ даней облегчая вы. Но и сами ти новгородцы, ушкуйники, разбойники словеса его увѣщаваніи бываху, еже не воевати ны; нынѣ же обуюду погрѣшихомъ и отведемъ лишени быхомъ: къ Богу не имать молитвенника тепла, къ человѣкомъ же не имать заступника тепла. О како и откуду се бысть поруганію нашему! быхомъ поношеніе суетомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинежѣ. О епископъ нашъ добрый, аки къ живому тебѣ глаголемъ: о добрый подвижникъ правыя вѣ-

ры, о священнослужителѣ и богопроповѣдникѣ, иже Бога намъ проповѣдавалъ, а ядоло поправилъ, вѣлестный нашъ вождь и наставникъ, проводникъ заблуждшимъ намъ! Аше быхомъ злато потеряли или сребро, то иное лъ того мѣсто обрящемъ, а тебѣ оставше, иного такова не обрящемъ. Камо зайде брота твоя, камо отъиде отъ насъ, или камо ся дѣлъ, отъ насъ изыде, а насъ сирыхъ оставилъ еси, пастухъ нашъ добрый? Оставилъ еси свое стадо заблуждаться и скитаться по горамъ, горопятнымъ и волкохвщнымъ быти. Кому приказалъ еси стадо свое, еже о пастыи и о печеніи? Кто же ли тако пощечется нами, овцами заблуждшими? Не терпимъ бо безъ тебѣ быти. Быхомъ яко овца, немощи пастуха, быхомъ имущи печаль безъ утѣшенія. Кто же ли утѣшитъ нашу обдержавшую ны, къ кому ли прибѣгнемъ, или къ кому соизрѣмъ, гдѣ ли услышимъ словеса твоя сладкая, или гдѣ насладимся бесѣды твоея душеполезныя? Видати ли ся намъ по тебѣ такова господина и учителя или не видати? Да еще будетъ видати, то благословенъ Богъ; аще ли не видати, то воскую ны еси оставилъ, воскую ны отринуть до конца? Или прогнѣвася на овца пажити твоея? Воскую же пустихомъ тя и на Москву, да тамо почилъ еси! Лучши бы было намъ, дабы былъ гробъ твой въ земли нашей и прямо очима нашими, дабы былъ намъ увѣтъ (*увѣщаніе*) нехудъ и утѣха, поне велика сиротѣству нашему и аки къ живому къ тебѣ приходяще, благословлялися быхомъ у тебе, и по успѣши аки къ живому, поминающе твоя Богомъ преданая словеса. Нынѣ же отинути всего поряду лишени быхомъ: не токмо бо тебе самого остахомъ, но и гроба твоего не сподобихомся. Почто же в обида си бысть навъ отъ Москвы? Се ли есть правосуды ея: имѣюще у себе митрополиты, святители, а у насъ былъ единъ епископъ, и того къ себѣ взя, и нынѣ быхомъ не

имущее въ гроба епископа. Единъ то былъ у насъ епископъ; то же былъ намъ законодавецъ и законоположникъ, то же креститель и апостолъ и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, посѣтитель, правитель, исцѣлитель, архіерей, стражевой, пастырь, наставникъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многа архіерей имущи, избивающи, излѣстующи, мы же токмо того единого имѣхомъ, но и того единаго не сподобихомся, и быхомъ скудѣствующе и недостатчѣствующе и сѣтующе, яко обнищаномъ зѣло, яко смирихомся, яко о обожаномъ зѣло... О како нестѣуемъ, яко не на своемъ столѣ почилъ еси! Добро же бы было намъ, аще бы рака мощей твоихъ была у насъ, въ нашей странѣ, а въ твоей епископѣ, не жели на Москвѣ не въ своемъ предѣлѣ. Нетако бо тебе Москвичи почтутъ, яко же мы, пи тако ублажать; знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и презвища ти кидашу, отнюду же вѣдавъ яко и *храпомъ* ти зовоу, перазумѣюще славы и благодати божия, бываемыя въ тебѣ и тобою. А мы быхомъ тебѣ должную честь воздали, яко должні суще тебѣ и яко твои есмы ученицы, яко чада твоя приснаа; елма же тобою Бога познахомъ и истѣннѣ избыхомъ, тобою отъ прельсти бѣсовския избавихомся, крещенію сподобихомся. Тѣмже вѣрско-ту(?) убо достоинъ намъ почтати тебе, яко достойна суша хвалы; достоинъ бо, рече, дѣлатель мзды своея. Да како ты возможемъ по достойноу восхвалити или како ты ублажимъ, яко сѣтворилъ еси дѣло равно апостоломъ? Хвалить римская земля обою апостолу, Петра и Павла⁽¹⁾; чтитъ же и блажитъ Асійская земля Іоанна Богослова, а Египетская Марка еван-

гелиста, Антиохійская Луку евангелиста, Греческая Андрея апостола, Руская земля великого Володимира, крестившаго ю; Москва же блажитъ и честитъ Петра м-та, яко новаго чудотворца; Ростовская же земля Леонтія епископа своего. Тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалитъ и честитъ, яко апостола, яко учителя, яко пожа, яко наставника, яко показателя, яко проповѣдника и яко тобою тмы избыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ. Тѣмъ же чтемъ ты яко дѣлателя винограду Христоу, яко терніе въ стерзалъ еси, идо-служеніе отъ земля Пермскія, яко плугомъ, проповѣданью взоралъ еси, яко сѣменемъ ученіемъ словесъ книжныхъ насѣалъ еси въ браздахъ сердечныхъ, отнюду же возрастають классы добродѣтели, иже яко серпомъ вѣры сынове Пермскія жнутъ радостныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя и яко сушиломъ воздержанія сушаше, и яко цѣпы терпѣнія млаташе, и яко въ житницѣхъ душевныхъ соблюдающе пшеницу, ты тако ядѣть пицу неосудную; ядѣть бо, рече, пици, насытятся и восхвалятъ Господа взыскающіи его; жива боудутъ сердца ихъ въ вѣкъ вѣка. Но, о преподобный нашъ отче, священ-ный епископе Стефане! аще и преставилъ еси отъ насъ духомъ, аще и гробъ твой далече удаленъ отъ насъ, но молитва дабудетъ съ нами всегда. Аще и мощи твоя далече отстоятъ отъ насъ, но благословеніе твое дабудетъ близъ, посреди насъ и на насъ присно. Поминай насъ въ своихъ съ молитвахъ, помолися о своемъ ся стадѣ.

(По сп. XVI в. Нам. старин.
рус. литер. в. IV, стр. 134—
161. см. далье).

Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана Перм-
скаго. А. М. Спб. 1856. См. также Уч. Зап. Ка-
занск. Универс. 1869

⁽¹⁾ Писателю была извѣстна подвиза св. Влади-
миру м-та Илариона. Смотри выше № 11, стр. 28.

103. Отъ житія св. Сергія 1392.

Сей блаженный Сергій родился въ Ростовѣ, отъ блаженнаго родителю, отца Кирилла, матери Маріи. Егда же бѣ въ утро бѣ матернѣ, на литургіи трижды провозгласи (*прокричалъ*), во время трисвятаго, и херувимской пѣсни, и святая святымъ; посемъ родися; въ среду и въ пятокъ отъ сестры не ссаше, ни отъ млека ядше. Егда же вырасте, вдалъ бысть родители своими на ученье божественныхъ писаний. Стефанъ, братъ его, спѣшно изучился, сему же косо (*тупо*), и не скоро учащуся. Ходивъ по лѣсу нѣкогда и обрѣтъ старца молитву творяща, и помолился ему (*просилъ его*), о немъ помолитися, чтобы его молитвами Богъ даровалъ ему разумъ—и помолился о немъ и благослови; отрокъ же Сергій, преже нареченный Варооломѣй, моли его въ домъ его ити и пищу вкушати: ядше съ старцемъ, и родители пищу хотяху поставити, старецъ же не хотяше, но повелѣ Варооломѣю въ часовнѣ часы пѣти, онъ же не умѣяше, и старцемъ благословенъ бывъ и начатъ добръ стихословити, яко и старцу дивитися; потомъ ядъ старецъ отъ иде и прорекъ родителемъ его, яко сынъ ею (*ихъ*) велий будетъ предъ Богомъ. Потомъ преселися отецъ его отъ Ростова въ Радонежъ, близъ церкви Рождества Христова, братъ же его оженися; не по мнозѣ родители его иноческаго сподобитася образа отъ житія исходить, Варооломѣй же раздавалъ пиitie свое нищимъ, иде къ Покрову, къ брату своему Стефану. Стефанъ бо, братъ святаго, не много поживъ съ женою своею, роди отъ нея сына единого, именемъ Ивана, и та отиде къ Господу, и Стефанъ пострижеся у Покрова. Варооломѣй же приде къ нему и моли его въ пустыню ити съ нимъ, и шедше обрѣтоша мѣсто, сставиша монастырь; глаголетъ же древнѣ, видяху на томъ мѣстѣ преже свѣтъ, а нынѣ огонь, а

нынѣ благоуханіе слышаху. Стефанъ мало поживъ отиде къ Богоявленію каменному на Москву. Святый же часто призывая священника и веляше творити литургію, потомъ нѣкимъ пришедшимъ къ нему постриженъ бысть и нареченъ Сергіемъ, и потомъ нѣкимъ братіи собравшеся молиша его игуменомъ быти, онъ же не хотяше; и моляше его ити ко святителю Афанасію епископу волынскому, иже бѣ въ Переяславѣ, «Алексіей и-тъ того поставилъ во свое мѣсто, а самъ во Царѣградѣ», чтобы имъ далъ игумена, Афанасей же принудилъ послушаніемъ и постави его игуменомъ, а тогда бѣ братія святаго 12. Посемъ братъ его Стефанъ, оставя монастырь, приде ко св. Сергію «бѣ бо кн. в. Семіонъ Ив. имѣлъ себѣ духовнымъ отцемъ», и сына своего Ивана дасть святому, и святый постриже его, и нарече его Феодоромъ. И потомъ оскудѣше лучиша въ монастырь томъ, 3 дни братія не ядше быша, въ 4-й день вземъ святый сѣкиру иде ко старцу своему, иже хотяше сѣнцы дѣлати, и рече ему святый: «слышахъ яко сѣни хоцеша дѣлати, сего ради придохъ». Онъ же рече: «желаю, да жду плотника, а уже все приготова-но». Святый же рече: «азъ сотворю якоже хоцеша, изду (*награду*) возьму у тебя, аще хлѣбъ имаши». И изнесе ему бразъ хлѣбы гнилы, святый же рече: «таковыхъ желаетъ духъ мой», и сдѣла ему сѣни во единъ день. И въ 9-й часъ нача ясти гнилые хлѣбы, яко дымъ видѣти отъ нихъ, и братія роптаху на него, чтобы нинѣ велѣлъ въ міръ ити; онъ же не велѣ до заутрѣи ити, и заутра кормля (*пища*) монастырю привезена бысть отъ христіянолюбца, и на 2-й день потому же, и на 3-й день такожде привезено бысть, яко довѣлѣги братіямъ на многи дни, и Сергій похвали Бога. И бысть до 7 лѣтъ, приношаху отдалеча воду, и потомъ роптаху на него братія, что не близко воды монастырь ставилъ, и глаголаху:

«яко пренесемъ монастырь и поставимъ близъ воды»; и святой молитвою воду произведе близъ. Потомъ отроча умершее молитвою воскресъ, и великому отъ бѣса мучима исцѣли, и земледѣльца увѣри; видѣны въ нощи видѣ, птицами прообразуемо, колико мнихъ будетъ у него много; потомъ ангела уяръ служаща съ нимъ, аки во образѣ священника незнаема. Также патриархъ присла отъ Царяграда грамоту и поминки (дары); онъ же смиреннѣе поклонися, рече нмъ: «блюдитесь, егда къ нѣмъ послани будете». Она же рекоша: «ты ли еси Сергій, живой въ Радонежѣ»? Онъ же рече: «азъ есмь». И поконивъ ихъ самъ, иде съ поминки и съ грамотою къ Алексѣю м-ту, во градъ Москву, «баше же святой на кони не ѣздаше», приде и сказа ему вся; митрополитъ же прочте грамоту, и по написано: общее житіе велѣше патриархъ у себе ему уставити, «не бѣ бо Сергѣй еще во обители своей общее житіе установилъ»; и сдума съ митрополитомъ и съ братьею, и уставилъ общее житіе. Потомъ же врагъ завидѣ ему, научи нѣкоторыхъ не хотѣти Сергія во старѣйшинахъ. Во единъ отъ днѣй, въ день суботный, поущивъ вечерню, святой же бѣ во олтарѣ въ ризахъ, Стефанъ же, братъ святаго, стоя на крылосѣ и рече *коноарху* (1): «Кто, рече, повелѣ тебѣ взяти книгу сію»? Онъ же рече: «игуменъ дастъ ми ю». И рече Стефанъ: «кто есть игуменъ на мѣстѣ семъ? не азъ ли прежде сѣдохъ на мѣстѣ и церковь возвыгохъ»? и нѣкая словеса нехвальная върече. Блаженный же бѣ во олтарѣ слышавъ; по скончаніи вечерни изыде изъ монастыря, никому же вѣдуще, и пребысть ночь въ пустѣ мѣстѣ моляся, и завтра иде въ монастырь на Махрищѣ, ко игумену Стефану, и ис-

проси себе брата у него искусна указати ему мѣсто пустынное—и обрѣтоша ему мѣсто пустынное на Кержачѣ. А братія скорбѣше его повсюду несахуть и; прилучися единому отъ братіи во ездѣ святаго ити на Махрише и тѣмъ увѣдѣша святаго тамо, и начаша братія ходити изъ монастыря его къ нему, иногда 2, иногда 3. И благословеніемъ Алексѣевымъ церковь постави Благовѣщеніе, ово бѣлца, ово жинихъ, потомъ келья ставиша и монастырь строяша. А болѣе обителя старци не терпяху безъ него быти, моляху м-та Алексѣя, чтобы повелѣніемъ его опять возвратился; и митрополитъ посылаетъ два архимандрита, Герасима и Павла, велѣ ему возвратитися опять, а непокоряющуся братію изгнати изъ монастыря; онъ же возвратися. А Стефановъ сынъ Ѳеодоръ, братаничъ святаго, живяше у него въ кельи и въ послушаніи, никакого помысла утан у него, злаго и благаго, и сему възде на мысль еже монастырь создати. Святой же рече: «азъ хотѣхъ по своему животу тебе здѣ благословити на игуменство, но понеже аще хочещи, сотвори», и отпусти его на зысканіе мѣста съ братьею хотящею, и обрѣтоша мѣсто Сямонова; и благословеніемъ митрополитимъ созда церковь во имя Рождества св. Богородица. Сергій же пришедъ похвали мѣсто; а сперва не хотѣше его пустити, молчанія ради, но молненіемъ князя Дмитрія Ивановича пусти его. Ѳеодору таковой чти сподоблешуся, нѣкогда прилучися ему быти во Царѣградѣ, св. же патриархъ Нилъ велии почти его, и архимандритомъ постави, и дары мнози честны дастъ ему, и учини монастырь Сямоновскій во имя патриарше, и дома и села монастырскіе, а къ митрополиту нѣчѣмъ же не которыми дѣлы повиноватися, *анакнота* самому себѣ ставити (1). И

(1) Конархъ—заправляющій на кнзростъ чтеніемъ в дѣлѣ.

(1) Т. е. зависѣть прямо отъ патриарха, а не отъ митрополита.

посемь моливъ в. княземъ в святителемъ на епискуство граду Ростову, в основа перковь камену Успение св. Богородица и архимандрита постави; а самъ архіепискупомъ поставленъ и стадо добръ упасе, ко Господу отъиде. Таже ученикъ святаго Андроникъ, такоже благословеніемъ святаго и испрошеніемъ его Алексѣя м-та, на рѣцѣ на Яузѣ созда монастырь. Таже святой и въ Серпоховѣ князю Володимеру обложи монастырь Высокое, а в. князю на Коломнѣ Голутвино обложи. Потомъ восхотѣ митрополитъ благословити его на свое мѣсто, призва дасть ему крестъ съ парамандомъ со златымъ в съ жемчугомъ; святой же не хотѣ взять, митрополитъ же велѣ сняти перепанатку и самъ на него возложи, а на митрополиту не общася. Потомъ князь в. благословился отъ него Мамая побѣди. Посемь, въ послѣдняя лѣта живота его, упокоился братів, святой же пребываше въ величій нищетѣ, никого имѣнія прятая, ни селъ, но пребывая упоая къ Богу. Призвучися оскудѣніе монастырю, Сергій же не оскудѣ вѣрою, но моляшеся Пречистой; имѣя же обычай по вся дни пѣти канонъ акафистовъ. Во единъ же отъ дній поуюу ему той канонъ, бѣше 40-ница Христова Рождства, день же пяттокъ бѣ при вечерѣ, и Пречистую видѣ съ Петромъ и Іоанномъ. Таже пермский епискупъ Стефанъ иною дорогою ядый къ Москвѣ, св. Троицы поклонися да и св. Сергію, веретъ отъ монастыря съ 10, святой въ ту пору за трапезою такоже воста и поклонился ему, и братія спросиша его, онъ же сказа, и гнаша и увидиша а. Епискупа отъ Костянтинограда пришедша, не вѣрующа, яко святъ есть св. Сергій, ослѣплена того ради, святой испѣля Человѣка болна 20 день лежаща, ни пивша, ни ядша, ни спавша, испѣля. И боярина княжъ Владимірова обличи, иже ялъ отъ брашенъ и отъ меду пилъ, яже бѣ кормити монастыря его послалъ князь.

Таже о насилствѣ человека наказа, что вепрь (*боровъ*) отыялъ корынный, и повелѣ отплати у негоже взялъ, онъ же обѣщася и не отдалъ; и бысть вепрь растесенъ въ кѣти его, въ зимное время червѣми ядомъ, и вземъ изверже его псомъ и птицамъ на свѣдѣ, ни тѣмъ же не причастившимся. Потомъ Симонъ епискупъ видѣ огнь ходящъ по жрътвеннику, а святой причастися тѣмъ огнемъ. И отъ Тахтамышова нахоженія бѣжа во Тѣрь, и Исакія благослови на молчаніе, огнь отъ руку его изыде. Таже пожавъ и преставися съ миромъ.

(П. С. Лист. VI, 120—122).

Житіе Сергія Радонѣжскаго составлено въ XV в. Иеромонахомъ Епифаніемъ Премудрымъ. Историч. опис. святотроиц. С. Лавры. М. 1842, 50—56. Житіе Сергія Чудотворца. М. 1862.

104. Посланіе Кирилла Бѣлгородскаго псалм. Василию Дмитріевичу ок. 1400.

Господину благовѣрному и боголюбивому кн. в. Василью Дмитріевичу, Кирило черничею многогрішный съ своею братіею, ла твоей, господине (!), доволной еже къ намъ милости, много челомъ бьемъ, и радуемся о тебѣ, что имѣешь сичеву вѣру къ пречистой Богородици и нашей нищетѣ и о величїемъ твоємъ смиренїи. О семъ же радуемся и скорбимъ, что паче слова и смысла, безмѣрное твое смиренїе: посылаеши ко мнѣ грѣшному и нищему и всякого дѣла блага удалившемуся. Ты князь в. всея земли Русскія, и смиряся, комуѣ посылаеши грѣшному и страстному и недостойному небеси и зем-

(!) Слово: *Господине* въ посланїи встрѣчается 38 разъ; а его выбрасывалъ, хотя оно весьма характеристично.

ля и того самаго иноческаго житія; и язъ грѣшный истинно о семъ скорблю, недостойнства ради своего, радемъ же ся благого ради твоего произволенія и смиреннѣе мудраго ирава, яко симъ подобитися, господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, отъ толика неизреченна славы и съ высоты шедшему, насъ ради грѣшныхъ и смирившуся даже и до рабіа образа. Сяце и ты отъ толика славы міра сего преклонися смиреніемъ къ нашей нищетѣ, и отъ сего познаваемъ твою великую любовь къ Богу и Пречистой его Матери. Елико бо приближаются святѣи къ Богу любовію, толико видятъ себе грѣшны; ты бо симъ смиреніемъ велико себѣ приобрѣтаешь спасеніе и ползу душевную. Тѣмъ язъ грѣшный паче печалю душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху еще убождаетъ, не притѣживша ни единого добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково моленіе посылаещи ко мнѣ, немогущему по своимъ грѣсѣхъ Бога умоляти. И како о тебѣ Бога умолю, самому ми сущу исполнену всякого дѣла зла? Но писаю, что не велятъ отрицатися и грѣшнымъ молити Бога о велящихъ за ся, вѣры ради ихъ. Тѣмъ же вѣры ради твоя великія, не оставитъ тебе Богъ, но помилуетъ и Пречистая Госпожа Богородица и Царица наша поможетъ ти вся дни живота твоего и подаетъ ти исцѣленіе души жъ и тѣлу, что насъ нищихъ ея не забываетъ въ пустомъ семъ мѣстѣ, събравшихся во обители ея, но часто призываетъ доволными милостынями. Мы же не можемъ о семъ тобѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упованіе наше, испроситъ на тя милость у Сына своего въ сій вѣкъ и въ будущій. А язъ грѣшный съ своею братцею, елика сила, радъ Бога молити о тебѣ нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ, и о всѣхъ крестьянѣхъ, Богомъ порученныхъ тебѣ. Ты же самъ, Бога ради, анем-

ли себя и всему княженію твоему, въ немъ же ты постави Духъ св. пасти люди Господня, еже стажу честною си кровію. Якоже бо великія власти сподобился еси отъ Бога, толикимъ болшимъ и возданіемъ долженъ еси. Въздай же убо благодѣтелю долгъ, святыхъ его храня заповѣди, всякого уклоняясь путя вѣдущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблзняется, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже и о князехъ. *Аще кто отъ бояръ со-грѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ одному; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ; иже подъ нимъ сотворяетъ вредъ.* Ты же съ многою твердостію храни себе въ добрыхъ дѣлахъ; рече бо св. Апостолъ: «миръ имѣйте и святиню, безъ нея же никто же узритъ Господа». *Возненавиди всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; не преложиши имъй благочестія помыслъ и не возвышайся временною славою къ суетному шатанію:* малъ же убо и кратокъ сущій адъ животъ и съ плотію съряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный; но бойся Бога, вѣстнаго Царя, и блаженъ будещи: «блажени бо, рече, боящися Господа». Вспомниай же надежу будущаго вѣка и парство небесное, радость Святыхъ, веселіе съ Ангелы, надо всѣми же зрѣніе пресладкаго лица Божія; той бо въ истину доброта неизреченная, весь сладость и желаніе и любовь несытвая всѣмъ любящимъ его и творящимъ пресв. волю его. *Да слышешъ есми, князь я., что смущеніе велико между тобою и сродники твоими князми Суждальскими. Ты свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ межѣи вась крестниомъ кровопролитіе велико чинит-ся.* Ино посмотри того истинно, въ чемъ

будеть ихъ правда предъ тобою, и ты соимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты за себе стой по правдѣ. А почнуть ти бити челомъ, и ты бы Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже тако слышеть есмь, что досель были у тебе въ нужи, да отъ того ся и возбранили. И ты Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицѣмернаго суда Божіа; а еже възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити души скорбящая и озлобленія, много поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы пресекаяти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любви же не имамъ, ничто же полза ми есть». Възлюбленный же тишетъ Іоанъ Богословъ: «аще кто речетъ: Бога люблю, а брату своему ненавижу, ложь есть». Тѣмъже и ты възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ на в. Князь Васильѣ да будетъ, и на твоей в. Княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и моей братіи. Аминь.

(А. Ист. I. № 12, стр. 21—22).

См. также о м-ѣ Кириѣ. Приб. къ твор. св. О. 1848, 2 Ж. М. Н. Просв. XLIV. V, 1. Правосл. Собес. 1862 1, 3.

**105. Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго
къ князю Андрею Дмитріевичу Мо-
лайскому.**

Господину благовѣрному князю Андрею Дмитріевичу Кирилъ Черныише, грѣшныи и нещребный, съ своею братіею много челомъ бжесть, и Бога молишь о вашемъ здравіи господей нашихъ, поминая, господине, твою любовь, что явѣши къ Пречистой Богородицы и къ налей видѣть, и поминая твою великую и довольную милостыню нашего господина. Да что ми еси ⁽¹⁾ писалъ о преславномъ чудеси Пречистыя Богородицы, иже слова и смысла преславная ея чудеса, — слава тебѣ Боже, слава тебѣ крѣпикъ, слава тебѣ безсѣртный хвалимый въ Троицы всѣми небесными силами и родомъ человѣческимъ! Молитвами Пречистыя Богородицы матери своея такову изля милость въ послѣдній сей родъ, услышалъ воленіе Матери своея о роду крестьянскомъ. Слыша, князь Андрей, вотхое писаніе: егда восхощетъ Богъ кую землю показати за нечестіе, посылаетъ прежде проповѣдники, дабы обратились; и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимо водить скорбь и предлагаетъ печаль на радость и показуеъ на нихъ свою милость. Господине, князь Андрей! намъ видѣши пречистыя Госпожи Богородицы и преславная ея и великая чудеса, и о томъ ея радоватися сердцемъ и душею утраштитися на всякъ часъ, что сподобилъ насъ Богъ Пречистою своею Матерію въ послѣдній сей родъ таковыми знаменами и чудесы избавити крестьянскій родъ отъ нашествія иноплемениныхъ врагъ; и намъ нынѣ видѣвши на насъ божію милость и Пречистыя Богородицы помощь, помянати бы грѣхи своя, и о томъ бы

(1) Въ посланіи много разъ встрѣчается слово *господине*, которое я опускалъ.

плакаться и просити у Бога милости и помощи у пречистыя Его матери на благая дѣла; а еще видѣть насъ милосердый Господь въ сокрушеніи и сътованіи ходяща, не презрѣтъ насъ, якоже Ниневитяны, но обычнымъ си человеколюбіемъ помилуетъ. Благаго и преблагаго Бога благодати должны есмы; того бо есмы создатели и раби искупленіи есмы честию Его кровію. И ты же, видя человеколюбіе и милосердіе Господа нашего І. Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому молитвами пречистыя Госпожи Богородицы Матере своея; и ты смотри того, властелинъ вотчинѣ поставленъ, люди свои уймай отъ лихаво обычая; суди бо судили праведно какъ предъ Богомъ право, поклеповъ бы не было, подметовъ бы не было; суди бы посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими. Повеже сяче глаголетъ Господь: «да не оправданы нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата устыдятся на судъ, ни брата свойства ради, ни друга любы ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судъ, яко судъ истиненъ есть, прокляты всякъ неправду судя». Пророкъ речетъ: «ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огнь поестъ нечестивыя мзды ради, яже неправдою взимають»⁽¹⁾; а судя праведно безъ мзды, спасени будутъ, и царство небесное на слѣдуютъ. И ты, господине, внимай себе, чтобъ коримы въ твоей вотчинѣ не было; занеже то велика пагуба душамъ, крестьяне ся пренавають, а души гибнутъ. Также и *мытовъ* бы у тебя не было, понеже *куны (оеньи)* неправедныя; а гдѣ *перевозъ*, тѣмъ пригоже дати труда ради. Также и разбой бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было, и еще не уймутся сво-

его злаго дѣла, и ты ихъ велѣи наказывать своимъ наказаньемъ, чему будутъ достойны. Также уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и еще не потщившия всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже пластель есть своимъ людямъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ не лѣнись управы давати самъ: то выше тебѣ отъ Бога вѣнчается молитвы и поста; а отъ упиванія бы есте уймали; а милостыню бы есте по силѣ давали. Занеже постигитесь не можете, а молитися лѣнитесь; ино въ то мѣсто вамъ милостыни вашъ недостатокъ исполнить; а великому Спасу и Пречистѣй Его матери госпожѣ Богородицѣ, заступницѣ крестьянской, чтобы есте велили молебны пѣти по церквамъ; а сами бы есте ко церкви ходити не лѣнились; а въ церкви божіи стойте съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще. Занеже церковь наречется Христова таинства. Блуди и себя, Господине, опасно: въ церкви столъ бесѣды не твори и не глаголи никакова слова праздна; и еще кого видити отъ вельможъ твоихъ или отъ простыхъ людей бесѣдующа въ церкви, и ты имъ азбраний; понеже то все прогнѣваетъ Бога. И ты, князь Андрей, и о всемъ о томъ внимай себѣ; занеже глава еси и властель отъ Бога поставленъ, яже подъ тобою крестьяномъ. А милость божія и пречистыя Богородицы на тебѣ, на немъ господи, и на твоей княгинѣ и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва, и братіи моей. Аминь.

(Ист. Рос. Іер. IV, 413—17).

(1) Исхода гл. 23. Второзак. гл. 16; Левит. гл. 19; Второзак. гл. 1; Исидр гл. 5, Іерем. гл. 22.

Три посланія Кирилла и духовная грамота. Ист. рос. іер. IV, 397, 403. Чт. общ. 1859, 3. 4. 70. О Кириллѣ Бѣзозерс. см. Москвит. 1842, № 1. крѣпч. отд. Поѣздка Шевырева П. Житіе Савватія и Зосимы. М. 1853. Похвальное имя слово.

106. Вліаніе Новгородскаго владыки.

Въ лѣто 6926 (1418), индикта 11, бысть знаменіе въ церкви св. мученици Анастасіи, идяше отъ иконы ея. Богородицы Покрова аки кровь по обѣ стороны ризы ея, м. апрѣля въ 19. Сего же мѣсяца 24 сдѣся таково въ В. Новгородѣ: наученіемъ діаволомъ, человекъ иѣкій Степанко, изымавъ боярина Данила Ив. Божица внука, держаще вопиаше людемъ: «о друзи! пособствуйте мнѣ на злодѣа сего»; людіе же видяше его вопль, пришедше влечалуть якоже злого къ сонму людскому и казниша равани близъ смерти. Бѣше же и се дивно, или на укореніе богатымъ обидящимъ убогіа, или казнь діавола: жена иѣкая, отвергну женскую помощь, взаими мужскую крѣдость, выскочивъ посреди сонмища дастъ ему раны, укоряючи его, яко неистова глаголющи: «яко обидима есмь имъ». И сведаши его съ сонма, сринута его съ мосту аки разбойника и зло дѣюща людемъ много; иѣкто же людинъ, Личко, хотя ему добра, восхити его въ челять—и народъ возъярися изъ того рыболова. Домъ его разграбша, а самъ скрыся. И рекомый бояринъ, хотя безчестіе свое мстити, восхити супостата, нача его мучити; хотя врьдъ свой исцѣлити паче язвы воздвижеть, не помяну рекшего: азъ отыщеніе, глаголетъ. Слышавъ же народъ, яко изымавъ бысть братъ его, нача звонити вѣче на Ерославѣ двори, и собирашеся людей множество, глаголюще, вопиюще по многи дни: поидемъ на оного боярина и домъ его расхитимъ. И пришедше въ доспѣхахъ, стагомъ, на Кузюмодемьянской улицы и на Яневу въ берегъ, пограбша домъ его. И по грабе-

жѣ томъ, Кузюмодемьянцы возъярившеся, да не горѣ чего будетъ на нихъ, отдаша человека; и иршедше ко архіепископу молиша его, да послетъ на соборъ людскъ. Святитель же послуша моленіе ихъ, посла его съ попомъ ихъ да и съ своимъ бояриномъ; они же пріѣхаша его. И заки возъярившеся, аки пѣани, отъ ярости лютыя, на много боярина Чюдинцовы улича, и много съ нимъ разграбша домовъ боярскихъ; нъ и монастырь св. Николы за полъ разграбша, и игумена и черицовъ оскорбша, ркуще: «зѣтъ жишоты христіанскія и беларскія»⁽¹⁾. И еще того утра на Легощи улицы разграбша дома многыхъ, глаголюще: «яко намъ супостаты суть»,—и тогда же на Прускую улицу пойдоша; услышавше же Пружене то начаша бѣтася съ ними, вооружавшися стрѣляти; отъ нихъ и бѣжаша, ииѣ же рѣюшеся другъ на друга и грабленіе пометаша. И отъ того часа нача злоба множитися, и прибѣжавше на свою страну Торговую, рѣша: яко Софійскаа страна хочеть на насъ возружившеся ити, и дома наша грабити; и почаша звонити по всему граду. Того же дня, въ лютую ту брань, бысть громъ великъ и молнія блискаше, дождь и градъ, вли того ради, или смотрѣніа вышнего на потребу живущимъ народомъ. И начаша люди срыскатися со обѣихъ странъ, аки на рать, на великій мостъ, въ доспѣсѣхъ; бѣше и губленіе, овля отъ стрѣлъ, ииѣ отъ коней, быша же мертвыи аки на рати. Отъ грозы тоя страшныи и отъ возмущенія возгрясеша градъ весь, и найде страхъ на обѣ странѣ; и отъ лютыя брани и усобного губительства начаша животы свои носити въ церковь.

Слышавъ же то владыка Семіонъ, усобную рать прожежъ своими дѣтми,

(1) Т. е. въ монастыряхъ лежать пожитія крестьянъ и бояръ.

испусти изъ очю слезы и повелѣ пред-
стоящимъ собрати соборы своя; а въ то
время прилучися быти Варламу архима-
ндриту св. Георгія, нѣкихъ ради вещей и
слышати отъ него утѣшительныя словеса,
и глагола ему святитель: «архимандрите!
последуй ми»; онъ же рече: «съ радо-
стію, учителю, иду по тебѣ». И вышедъ
архіепископъ въ церковь св. Софіа, нача
молитися со слезами, и вступи въ божес-
твенный олтарь и облечися въ священ-
ная ризы, своимъ соборомъ, и повелѣ
взяти крестъ господень и Пречистыя Бо-
городица образъ, и поиде на великій
мостъ, и по немъ послѣдующе священни-
ци, и причетъ церковный, и христойме-
витое людство; баше же на пути тѣсно-
та доспѣшными людьми. И мнози добріи
мужи изъ очю испущаху слезы, глаголю-
ще: «да укротитъ Господь народы, моли-
твами господина нашего святителя», — и
люде богобоязливѣ, припадающе ко свя-
тителевому ногамъ, съ плачемъ глагола-
ша: «пойди, святителю, благослови наро-
ды, да уставиъ Господь твоимъ благо-
словеніемъ усобную рать»; нини же гла-
голаху: «да будетъ злоба си на начинаю-
щихъ брань». Пришедъ святитель, ста
среди мосту, и вземъ животворящій крестъ
нача благословляти обѣ страны; ови же
взирающе на честный крестъ кланяхуся,
нини видяще архіепископа изъ очю слезы
испускающа, и на нь смотряще просле-
зишася. Услышавъ же она страна святи-
телево прихождение, и приде къ нему по-
садникъ Федоръ Тимофеевичъ, и съ ины-
ми посадники и тысяцкими, и благовѣр-
ніи христіане, и кланяхуся владыцѣ, гла-
голюще: «да уставиъ народы». Владыка
же послуша ихъ моленіа, посла архима-
ндрита Варлама, отца своего духовного, и
протодіакона на Ерославъ дворъ ко св.
Николѣ, да подадутъ благословеніе его
степенному посаднику Василью Есиповичу,
и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, и все-
му народу, да идутъ каждо во свояси.

Они же отвѣщаша: «да повелитъ свя-
тель своей странѣ въ хоромы (въ дома)
ити, а мы своей брани, по твоему бла-
гословенію, повѣстуетъ и повелѣваемъ
имъ отъйти въ жилища», — и събравшимъ
ся по семъ съ нарочитыми мужи рассу-
дiti вещи сіа начало — и разъядошася,
благодаряще Бога и пречистую его Ма-
терь, глаголюще сице: «давшаго намъ та-
коваго святителя, могущаго управити своя
дѣти и поучаги словеса духовными, ово-
го кротостию, иного обличеніемъ, иныа
же запрещеніемъ, ноипаче же сію брань
крестомъ господнимъ и поученіемъ сво-
имъ укроти; да сохранитъ его молитва
насъ и благословеніе отъ такового мате-
жа, въ вѣки, аминь».

(Пол. Сбор. Лѣт. III, стр. 136
—138).

О вліяніи Новгородскаго владыки на народъ,
см. въ статьяхъ о бѣдствіяхъ и знаменіяхъ.

107. Дѣйствія митроп. Фотія.

Въ лѣто 6933 (1425) февр. въ 27
д., въ 3 часъ ноши, преставися благо-
вѣрный и христіолюбивый в. кн. Василей
Дмитреевичъ. И м-тъ Фотій тоя же но-
ши посла по князя Юрія, брата его, въ
Звенигородъ, своего боярина Акиѳа Асле-
бѣтева; онъ же не ходи на Москву, иде
къ Галичю. А на вел. княженіи съде
кн. Василей Василевичъ, бѣ же тогда 10
л. безъ 13 дней; а кн. Юрій приславъ
къ нему и вземъ съ вел. княземъ перемаріе
до Петрова дни. Да за тѣмъ же перемаріе-
мъ, тоя весны, разъсла по всей своей
отчинѣ по всеѣхъ людѣи своихъ, и яко сня-
дошася къ нему вси изъ всеѣхъ градовъ
его, и въсехотѣ поити на вел. князя; а
кн. великій слышавъ то съвокушися съ
всеми силами, съ нини же бяху и дяди

его. И поиде князь велики къ Костро-
нѣ, князь же Юрій слышавъ то, что
идеть на него кн. велики съ всѣми снза-
ми и съ братьею его, и побѣже въ Но-
въгородъ Нижній, и сѣде тамо съ всѣми
людми своими; а князь велики послалъ на
него дядю своего кн. Костянтина съ мно-
гою силою. Кн. же Юрій убоявся бѣжа
за Суру и ста о брѣзѣ, а кн. Костянтивъ
стоявъ противу его възоратися, понеже бо
не лѣзъ прѣвѣи къ нему за рѣку, и цакъ
възвратившемуся ему къ Москвѣ, и кн.
Юрій иде къ Новугороду, и оттуду къ
Галичю, а къ вел. князю присла о пере-
миріи на годъ. Кн. же великии съ отцемъ
своимъ Фотіемъ м-томъ, и съ матерію сво-
ею в. к-нею Софією, и съ дядями свои-
ми кн. Андрѣемъ и Петромъ и Констан-
тинномъ Дмитреевичи, обосла же ся тог-
да и съ братомъ своимъ, и дѣдомъ в.
кн. литовскимъ Витофтомъ, и съ всѣми
князи и бояры земли своей здумаша по-
слати къ кн. Юрію отца своего Фотіа
м-та; онъ же ни мала отречеса, повско-
рѣ и съ радостію поиде къ нему въ Га-
личъ о миру того же лѣта. И приде
въ Ярославль на Рождество Предтечева, и
ту нимало помотчавъ, но точію ужиналъ
у кн. Іоана Василевича; молиша же его
князи ярославскіи, чтобы у нихъ обѣдни
слушалъ наутрѣ, и не послуша ихъ, но
поиде въ Галичъ. А кн. Юрій слышавъ
то, събра всю отчину свою, и срѣте его
съ дѣтми своими и зъ бояры и съ лут-
чими людми своими, а чернь свою събравъ
изъ городовъ своихъ и волостей, изъ селъ
и деревень, и бысть въхъ многое множе-
ство, и постави ихъ на горѣ отъ града
съ прѣзда митрополича, кажа ему мно-
гихъ людѣй своихъ. М-тъ же вниде въ
посадъ града того, и поиде къ соборной
церкви Преображенія, бѣ же церковь та
на посадѣ на подолѣ у езера, и бывъ въ
церкви помолився изыде, и възрѣвъ на онъ
народъ, иже по горѣ стоиць и рече кн.
Юрью: «сыну! не видахъ столько народа

въ овчихъ шерстехъ», — вси бо бяху въ
сермигахъ; князь бо хотя явитися яко
много люди имѣ, а святитель въ глушѣ
си вибновъ себѣ. Посемъ же поиде къ
келіи своей, идѣже стояти ему, и начатъ
слаголати князю о миру, чтобы не было
кровопролитія межи ихъ съ вел. княземъ;
кн. же Юрій перемиріа просаше, а о ми-
ру не внимаше. Разгнѣвалъ же ся м-тъ
и не благослови въ града его, ско-
ро изыде изъ него, и въ той часъ бысть
моръ на людѣи града его. Кн. же Юріе
слышавъ и видѣвъ то, и вѣдѣвъ на конь
и гна по немъ, и постиже его за озе-
ромъ въ с. Пасынковѣ, и начатъ блати
ему челоу и молитися о своемъ съгрѣ-
шеніи, и едва умоли его; и възвратися,
благослови самаго и градъ его, и цакъ
вииде въ прадъ, и отъ того часа преста-
гнѣвъ Божій. М-тъ же поучивъ князя
о любви не токмо съ братьею, но и съ
всѣми православными; кн. же Юрій мно-
гу честь въздѣвъ ему отпусти его, самъ
же проводя его съ всѣми народомъ, рекъ
ему: «пешлю о миру къ вел. князю бо-
ляръ своихъ». И по отшествіи митрополи-
чи посла боярина своего Бориса Галич-
скаго и Данила Чешка, и доконча миръ
на томъ, что кн. Юрію не искати кня-
женія великаго собою, но царемъ: котора-
го царь пожалуетъ, той будетъ князь ве-
лики Владимерскіи и Новугороду В. и
всей Руси, и крестъ на томъ дѣло-
ваша.

(П. С. Лѣт. VIII, 92—93).

108. Дѣйствіи владыки Іоанн.

Князь Дмитрей услышавъ (1446), что
дѣти в. князя пришедъ сѣли въ Муромъ
съ многими людьми, и не въскотѣ на
нихъ посылати, бояся, понеже бо вси лю-
діе негодоваху о вкляженіи его, но и са-

мого мысляху, хотяще в. кн. Васяла на своемъ государствѣ видѣти. Князь же Дмитрей умысливъ сие, призва къ себѣ епископа Рязанскаго Іону на Москву, и пришедшу ему обща ему митрополію и начать глаголати ему: «отче! чтобы еси шелъ въ свою епископію, въ градъ Муромъ, и вдалъ бы еси дѣти в. князя на свой патрахѣль (¹); а язъ радъ ихъ жаловати, отца, ихъ я. князя выпущу и отчяну дамъ доволну, какъ мощно имъ быти съ всеми». Владыка же Іона поиде къ Мурому въ судѣхъ, и съ тѣми рѣчми княже Дмитреевыми приде въ Муромъ, и начать говорити рѣчи его бояромъ в. князя дѣтей, тремъ княземъ Рязанскимъ и прочимъ съ ними. Болре же много о томъ думавше смыслиша себѣ сие: «аще мы нынѣ святителя непослушаемъ, не поидемъ къ кн. Дмитрію съ сими я. князя дѣтми, и онъ пришедъ ратью городъ возметъ в сихъ поймавъ, что хощетъ то творити имъ, такоже и отцу ихъ в. князя и всеми намъ; и въ что будетъ крѣпость наша, непослушавши сяхъ глаголь святителейыхъ»? И рѣкоша Іонѣ владыцѣ: «аще приидеши еси съ сими глаголы отъ кн. Дмитрея къ нашимъ государемъ, в. князя дѣтемъ, да и къ намъ, ино мы собою сего не дерзнемъ сѣтворити, что отпусти намъ съ тобою дѣтей в. князя безъ крѣпости, но шедъ въ соборную церковь Рождства Пречистые и възмеша ихъ у Пречистые и съ пелены на свой патрахѣль, и тако отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними идемъ». Владыка же Іона общаеся тако сѣтворити, и шедъ въ церковь начать молебень Пречистые, и сѣвршивъ молебнаа и озятъ ихъ съ пелены у Пречистые на свой патрахѣль и

(¹) Взять на патрахѣль—значить поручиться и заставить въ неприкосновенности святительскимъ словомъ.

поиде съ ними къ кн. Дмитрію въ Переяславъ, тамо бо тогда ему сушу; приде же въ Переяславъ м. маіа въ 6. Князь же Дмитрій мало почти ихъ, съ дестію на обидѣ къ себѣ зва ихъ и даривъ ихъ; а на 3-й день послѣ того, съ тѣмъ же владыкою Іоною, посла ихъ на углечъ къ отцу въ заточеніе. Оя же дошедъ съ ними до отца ихъ и остави ихъ тамо, възвратися къ кн. Дмитрію; онъ же повелѣ ему ити къ Москвѣ и сѣсти на дворѣ митрополити, Іона же сѣтвори тако. А Рязанские то владыке, князь Іоанъ и братья его Семень и Дмитрей, что кн. Дмитрей Шемяка слово свое измѣнилъ въ всемъ и владыцѣ слѣга и пачаща мыслити, какъ бы князя в. вынати. Въ же въ той мысли тогда съ ними к. Иванъ Васильевичъ Страга, да Иванъ Ощира зѣ братомъ зѣ Бобромъ, Юшко Драница и иные многие дѣти боярскіе дворовые в. князя; съ ними же въ думѣ былъ Семень Филимоновъ съ дѣтми всеми, да Русалка, да Руно, и иные дѣти боярскіе многие и учинивша себѣ срокъ всеми быти подъ Углечемъ на Петровъ день о полудни. И Семень Филимоновъ съ всеми своими на тотъ срокъ пришелъ; а про Рязанскихъ узвнялася вѣсть кн. Дмитрію, и не смѣша поити на тотъ срокъ подъ Углечъ, но поидоша за Волгу къ Белоозеру. А князь Дмитрей посла за ними съ Углеча рать съ Васильемъ съ Ведревымъ, да Феодора Михайловича посла за ними съ многими плѣки, а срокъ былъ имъ сѣстися въ мѣсто на усть Шексы у Всѣхъ Святыхъ; и Феодоръ неусиѣлъ къ Василью, а Рязанские воротившися на Василья побѣта его на усть Молога; а Федоръ въ ту пору перевезеся за Вльгу на усть Шексы съ всеми плѣки своими, а Рязанскимъ вѣсть бысть про него, онъ же и на того воротившися, Феодоръ же влѣтъ ихъ опять побѣжа за Вльгу, а Рязанские поидоша по Новгородской землі къ Литвѣ и придоша къ кн. Василью Яро-

славичю въ Мстиславль. А Семень Филимоновъ съ всеми своими отъ Углича иде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣлаа; одинъ Руно отвърнулъ отъ него за Рязполовскими. И какъ приидше Рязполовскіе, да кн. Иванъ Стрига и прочіе многіе дѣти боярскіе, прежеписанные и неписанные, начаша говорити кн. Василю Ярославичю, какъ бы вынати в. князя, а князь Дмитрей Шемяка видя то, что про в. князя мнози людіе отступаютъ отъ него, и розосла по владыки и начать думать съ кн. Иваномъ и съ владыками и съ бояры: выпустити ли его или ни? А владыка Юна на всякъ день не престааше глаголя: «неправду вси учинилъ, а мевя еси ввелъ въ соромъ и въ грѣхъ; князя ти было великого выпустити, и ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ; а мнѣ еси далъ свое правое слово, а они мене послушали и нынѣ язъ въ всей лжи, выпусти его, сведи съ моея души и съ своея; а что можетъ онъ учинити безъ вѣка? а дѣти его малы, а еще его укрѣпи крѣстомъ честнымъ да и нашу братью владыками»; многа же в. князь изрече. Князь же Дмитрей много думавъ о семъ положи на томъ, что выпустити великого князя, а дать ему вотчина, на чемъ бы мощно ему быти.

(П. С. Лѣтъ VIII, 117—119).

109. Посланіе духовенства Угличскому князю Дмитрію Юрьевичу 1448.

Господину князю Дмитрію Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старѣйшего в. кн. Василя Васильевича и вашего благородія общія, Ефремъ владыка ростовскій, Аврамій владыка суздальскій, Юна владыка рязанскій, Варламъ владыка коломенскій, Питиримъ владыка пермскій, и мы ваши нищій и молебни-

ца, Геронтія архимандритъ симоновскій, Мартиніанъ игумень сергіева монастыря и съ прочими архимандриты и игумены, нашу братію, всехъ св. обителей настоятели и со всемъ еже о Христѣ братствомъ нашимъ, со всеми священноиноками и со всеми священники всехъ св. божіихъ церквей, челомъ бьемъ и благословляемъ. А пишемъ къ твоему благородію, по своему долгу, попоченіе твоя о твоей единойродной и безсмертной души, и о будущемъ и въ вѣки пребывающемъ о вѣрѣхъ вашихъ благородіи и о тѣлѣ своемъ многотѣномъ здравіи; и о томъ тобѣ своему господипу воспоминаемъ, не отъ себе свое, но отъ божественнаго вѣщаго писанія, токмо воспоминающе тобѣ, самовѣдущему прежебывшее, како поизначальству вражды общаго нашего душегубаго супоста и врага всему человѣчскому роду дьявола, козньми его и наветы, како праотцу нашему Адаму позавидѣ и положи ему въ сердци равнобожество, яко да будеть я и Богъ, разумѣвая добро и зло; и его же ради восхогъ праотець нашъ обожитися и равенъ Богу быти въ разумѣнии, того ради абіе и наготу свою позна и осуженъ отъ Бога бысть, своимъ трудомъ и въ потѣ лица хлѣбъ снѣсти. Аще убо онъ великій, еже божію рукою созданный первый человекъ, праотець нашъ Адамъ толико и таково самовѣдательствомъ обожения пострада и о суженію подданъ со всемъ человѣческимъ по немъ родомъ, даже и доселѣ воиномъ осуженіи вси мы пребываемъ: и тое убо прежнее, еже отъ божественнаго писанія воспоминаухомъ ти. Къ тому же и сіе бывшее въ наша времена, малымъ прежде сего, еже самъ множае иныхъ, или паче рещи, отъ всехъ человекъ ты тое болши вѣси, како отецъ твой князь Юрій Дмитріевичъ колікое тѣнцаніе имѣлъ на начальство в. княженія, яко же и древній нашъ праотець Адамъ ко обоженію! И въ Орду отецъ вашъ ко Царю ходилъ, и ко-

ликие труды отецъ вашъ самъ подъялъ! А всему православному христіанству отъ него то въначалѣ истома и великіе убытки почали быть: а Княженія В. никакъ же недогадъ; что ему Богомъ не дано, ни земною изъ начальства пошлюю. Къ нему же и апостольское слово рцемъ: «ни хотящему, ни толкущему, но милующему Богу». Но томъ паки не уймися, собравъ къ собѣ злыхъ и кроволитныхъ человекъ, да в. кн. Василья Васильевича съ В. Княженія стонялъ, и колико паки на В. Княженія пожи? Не самъ же ли того часа съ великимъ челобтвемъ в. кн. Василья на вел. государство призывалъ, а самъ съ В. Княженія въ 5 человекъ съѣхалъ? Потомъ и въ другіе приедъ, съѣлъ на вел. государствъ безъ пошлины же, иаче рещи, яко разбойнически, и колико пакъ и самъ пожилъ! Егда было ему, при кончинѣ, о своей души попечение помѣтити и пожеланію его древнему самоначалства, Богъ ему злѣ попустиити хотѣнію его исполнитися, токмо яко человекомъ навидѣніе, а ему отъ всѣхъ на осуженіе. Такожъ и послѣ его, и братъ вашъ старѣйшій, князь Василій въсхотѣ Княженія В. не отъ божія же помощи и воли, но отъ своей его гордости и высокомыслства, и колико крови христіанскіе проля, и священниковъ в черноризцевъ пресѣче и извѣша! И попустилъ ли ему самому всеилный Богъ? Ей, веропустити, яко же и самъ вѣси, (знаешь), какою его нынѣ житіе и пребываніе. Въспояняемъ же и тобѣ вмагъ и тебе самого. Егда по нашимъ христіанскимъ грѣхомъ, приходилъ къ Москвѣ безбожнѣй паръ Махметъ, и коликое самъ у града у Москвы стоялъ, а воя своя по земли распустилъ: и кн. в. Василій Васильевичъ коликое пословъ своихъ по тебе посылалъ, тако же и грамотъ, зовучи тебе къ собѣ на помощь? И ты къ нему не пошелъ и въ томъ коликое крови христіанскіе пролилося, и коликое

множество христіанства въ половѣ въ поганство пошло, и коликое святыхъ божіихъ церквей разрушилося, и коликое черноризцевъ осквернено и дѣвицъ растлѣнено! А все это во твоємъ небреженіи, и намъ видится, что жъ всего того всеилный Богъ отъ твоею руку взыщетъ. Потомъ же паки безбожнѣй царевичъ Махметъ приходилъ на православное христіанство къ граду къ Суждаю: и господинѣ нашъ кн. в. Василій Васильевичъ и съ своею братією, со кн. Михаиломъ Андреевичемъ и со кн. Василіемъ Ярославичемъ, и съ своими бояры и съ дѣтми съ боярскими, и со всѣмъ своимъ христіанскимъ воинствомъ, кого тогда Богъ получилъ, съ гѣми самъ бѣлся; и тѣ его братья колыкии раями ранены были, князь в. самъ и братъ его кн. Иванъ! Конечнее пакъ тѣ безбожнѣй Татарове в. князя и князя Михаила, поймавъ, и въ половѣ повели. А коликое тутъ, на томъ бою за православную вѣру и за св. божьи перквы, великихъ людей побито, бояръ и дѣтей боярскихъ и иныхъ людей в. князя и его братіи: итѣ мученичскы въ Богу отъидоша, имъ же буди вѣчная память! А по тобѣ братъ твой старѣйшій, князь в. посылалъ пословъ своихъ до 40 зовучи тебе къ собѣ за христіанство помогати: и ты ни самъ къ нему не поѣхалъ, ни воеводъ своихъ съ своими людьми не послалъ; и въ томъ также крови христіанскіе колико проліялося и въ половѣ въ поганство поведено, и того всего Богъ потому жъ отъ твоею руку взыщетъ. Потомъ паки Богъ своею милостію князя в. изъ поганства свободилъ, отъ поганыхъ ему ничто лихо не починалося; и какъ пришелъ на свое государство, и тебе дѣлолъ на него вооружалъ желаніемъ самоначалства, разбойнически, пощетатствомъ изгонити его на крестомъ дѣлованьи; и сотворилъ еси надъ имъ не менши прежнего братоубійцы Каина и окаяннаго Святополка. И разсуди

сообѣ, которое благо сотворилъ еси православному христіанству, или чѣмъ еси себе самого пользовалъ, и колико еси погосподарствовалъ, и въ которой тишинѣ пожилъ еси? Не все ли въ суетѣ и въ прескочаньи отъ мѣста до мѣста, во дни отъ помышленія томимъ, а въ ночи отъ мечтаній сновидѣнія? Ища и желая большаго, и меншее свое изгубилъ еси. А божіею благодатию и неизреченными его судьбами, братъ твой старѣйшій князь в. опять на своемъ государствѣ: понеже кому дано что отъ Бога, и того не можетъ у него отнять ни кто; ему же бо когда Богъ помогати въсхощетъ, и человекъ того озлобитъ не можетъ; тыжь, господине, никакъ съдрогнувся сердцемъ, ни Бога бояся, ни будущаго праведнаго суда божія въспоминая, но всически опять припелъ еси былъ, хотя пакы изговни своего брата старѣйшаго в. кн. Василія Васильевича; но божіимъ промысломъ, еже умыслилъ еси сообѣ не о Бозѣ, того ти ся не съ стало, впасть еси былъ самъ въ руки, яко же древній онъ гордый Фараонъ въ глубину моря; и аще не бы милосердіе свое показавъ на тобѣ братъ твой старѣйшій князь в., то припелъ еси былъ самъ къ своей погибели и со всеми своими, по пророку: «вмалѣ вселила бы ся въ адъ душа твоя.» Но какъ ему Богъ положилъ на сердце, не поминя твоего къ сообѣ луха, все твое тобѣ оставя, да тебе князь в. пожаловалъ, по твоему челобитію, вотчину твою тобѣ далъ и въ докончаніе ты пріидъ; а ты къ нему цѣловалъ честный и животворящій крестъ, что ти по тѣмъ докончальнымъ грамотамъ правити къ нему во всемъ, какъ что у насъ въ нихъ написано. И являлъ намъ нынѣ, богомолцемъ своимъ, господинъ нашъ, а твой братъ старѣйшій, князь в. Вас. Васильевичъ свои съ тобою тѣ докончальныя грамоты да и перемирную вашу общую грамоту, ваше съ нимъ управление, какъ есте изъ чѣмъ межъ себе

скончали и животворящій крестъ цѣловали, какъ вамъ на чѣмъ правити и жити вамъ въ томъ и до живота, доколѣ Богъ повелитъ вашему блзгородію въ семь временикомъ жити пребывти. Но, господине, узрѣвъ есмы въ вашихъ докончальныхъ грамотахъ писанные строки, по чѣму вамъ межъ себе жити и правити, по крестному цѣлованью.....

А ся строка, господине, написана у насъ въ обоихъ грамотахъ, и въ докончальныхъ, и въ перемирной, о казнахъ и о поклажахъ; а на тѣхъ, господине, на всехъ строкахъ цѣловалъ еси честный и животворящій крестъ къ нашему господину, къ своему брату старѣйшему в. кн. Василью Васильевичю, молвя такое свое крѣпкое слово, чтобы тому быти неподвижно, по любви, въ правду, безо всякіе хитрости; а се докончаніе яся еси правити своему брату старѣйшему в. князю и до живота. И нынѣ, господине, братъ твой старѣйшій, кн. в. Василій Васильевичъ, намъ вашимъ общимъ богомолцемъ, своимъ и твоимъ, то възвѣстать, а имы сами отъ слышанья все уразумѣли же есмы. Что жъ ты, господинъ нашъ, не вѣдаешь, запросто учинилъ еси сообѣ то честнаго и животворящаго креста цѣлованье и тѣ крѣпкіе и утвержденные ваши рѣчи и писанія, которыи самъ еси на себе написалъ въ нашихъ докончальныхъ грамотахъ и въ перемирной грамотѣ, на чѣмъ еси по своему христіанству, Богу и своему брату старѣйшему в. князю честный и животворящій крестъ цѣловалъ? Или, господине, по нужи, смѣемъ рещи, ослѣпела ты будетъ душевная слѣпота, возлюбленіемъ временныя и преходяща, и пожалѣ ни во что же бывающія, чести и славы княжесыи и начальства, еже слытагися зовому и пменовану быти княземъ в. а не отъ Бога дарованно? Или златолюбствомъ обьятъ еси, или женовнимателенъ и женопокоренъ, яко жъ Ироду подобству, явля-

ся еси, попралъ еси свое православие и крестное цѣлованіе ни во что же вмѣнивъ, ни къ единому своему слову достоѣнствъ сѣтворился еси? А св. петра хили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими рѣчами; а надѣмся, что и самъ знаешь, что суть тѣ св. петра хили, воображеніе есть муки Господа нашего І. Христа, еже при спасеніи его растять, и что ихъ ты сквернишь злыми рѣчами, не яко христианинъ буда, но и поганыхъ горди: и петра хили наши твоими рѣчами не могутъ сквернитися никакоже, но токмо самъ душу свою губишь. Мы же убо опрежъ створенныхъ тобою твоихъ дѣлѣхъ немного глаголемъ, еже ни во христианинѣхъ когда прежъ сего не есть сичево слышано, но о нынѣшнемъ только твоимъ преступленіи и къ брату твоему старѣйшему къ в. князю о твоимъ неиставленіи по крестному цѣлованію и по тѣмъ грамотамъ ваинитъ, тобѣ сее пышнѣе новое твое воспоминаемъ. По тѣмъ ваинимъ строкамъ, что еси сзвъ же на себе написалъ: «что ты быти съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ вездѣ заоднѣ, и до своего живота; а кто будетъ ему другъ, то и тобѣ другъ, а кто будетъ ему недругъ, то и тобѣ не другъ»; — и ты на него добываясь, а христианство православное до конца губя, съсылаешся съ иновѣрци, съ поганьствомъ и съ иными со многими землями, а хотя его и самого конечнѣ погубити и его дѣтки, и все православное христианство разрушити. Ино въ семъ первомъ крестномъ цѣлованіи исполнилъ ли еси, а къ своему брату старѣйшему къ в. князю исправилъ ли еси? Также и то: «съ кѣмъ будешь въ цѣлованіи, и тому ты цѣлованіе сложити»; — и ты въ цѣлованіи съ В. Новымгородомъ, да къ Новгороду В. цѣлованія не сложилъ, да еще посылаешь еси къ В. Новгороду и посла своего, а зовучи себе княземъ в., да просилъ еси у нихъ собѣ помочь, а во-

дя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, и вы ми дайте на нихъ помочь. А все то ты злохитрѣствуешь на своего брата старѣйшаго на в. князя, хотя и ниша и досягая самъ собѣ В. Княжесю; а что Татарове во христианствѣ живутъ, а то ся чинить все твоего же дѣла съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ неуправленія, и тѣ слезы христианскіе вопи на тобѣ же. А котораго часа съ своимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ управленія во всемъ чистю, по крестному цѣлованію; ино мы ся въ томъ имасмъ, что тогожъ часа князь в. Татаръ изъ земли воятъ отплелъ. Также еси посылаешь ко кн. Ивану Андреевичу посла своего Михаила Сатина, а все одиначески съ нимъ на брата жъ своего старѣйшаго на в. князя; да и то еси съ нимъ приказалъ ко князю къ Ивану, чтобы князь Иванъ и къ в. князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: «только пожалуешь ты, князь о, кн. Дмитрія Юрьевича, ино то еси и мене князя Ивана пожаловалъ; а только не пожалуешь кн. Дмитрія, ино то еси и мене князя Ивана не пожаловалъ.» И князь Ивановъ Андреевичъ посолъ Елизаръ Васильевъ възвѣстилъ то твое слово в. князю отъ кн. Ивана Андреевича. Ино то, господине, князь Дмитрей, самъ посмотри, пригодно ли то, тѣ твои посолства и приказы? А что написано въ ваинихъ докончальныхъ грамотахъ: «А добра ти своему брату старѣйшему в. князю хотѣти во всемъ вездѣ».....

Ино въ сѣхъ строкахъ гдѣ еси своему брату старѣйшему в. князю исправилъ хотя воодно, и по крестному цѣлованію въ которомъ еси мѣстѣ похотѣлъ добра, или что еси ему повѣдалъ, о добрѣ ли его, о лисѣ ли его, и гдѣ его честь и гдѣ его гроза, и какъ подъ нимъ блюдеши его отчину все это В. Княжесю? А ты самъ посылаешь вездѣ, на его лихо, на его кровь, какъ всюды во хри-

снѣнство, такъ и въ бесерменство, къ Новугороду В. посылаешь, ко кн. Ивану Андреевичю посылаешь, къ Вятчаномъ посылаешь; а въ Вятку ти ся, по докончанью и по крестному цѣлованью, не въстунати. Посылаѣ еси въ Казань ко царевичю къ Мамотяку, на брата своего старѣйшего в. князя на все лихъ и всего православнаго христіанства на неустроение, и посолъ его къ тобѣ пришелъ, у себе его и нынѣ держишь. А за твоею посылкою къ Мамотяку, брата твоего старѣйшего в. князя кличѣ царевичъ Мамотякъ поймалъ да скова, и вынѣ держитъ его у себе, въ желѣзѣхъ скованнаго; а братъ твой старѣйшій князь в. посылаѣ къ тобѣ, пережи, своего боярина, а оцѣ своихъ дѣтей боярскихъ къ тобѣ посылаѣ о томъ, чтобы еси къ нему отпустилъ того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпустилъ, такъ и видѣтиса еси не далъ его боярину и его дѣтямъ боярскимъ съ тѣмъ съ Мамотяковымъ посломъ. А отъ царя Седи-яхамата пришли къ брату своему старѣйшему в. князю его послы, и онъ къ тобѣ посылаѣ просити, что ся тобѣ имаѣтъ дати съ своей отчины въ тѣ татарскіе проторы; и ты не далъ ничего, а не зѣучи царя Седи-Яхамата царемъ. А того иѣкакъ позабылъ еси, не на томъ ли юрту одеѣ твой, кн. Юрій Дмитріевичъ былъ у царя въ Ордѣ съ в. княземъ вмѣстѣ, и на поминаѣ стояли? Не гѣ же ли пакъ царевичи и великіе князи у сего царя Седи-Яхамата, которыхъ тогда и у того царя были да тоже дѣло дѣлали? Ино, господине, намъ видѣтиса такъ, что еси во всемъ въ томъ брату своему старѣйшему в. князю по тѣмъ докончальнымъ грамотамъ и по крестному цѣлованью не исправилъ. А что еси поималъ святости, честные кресты и святые иконы, и Страсти Спасовы, да и казну брата своего старѣйшего в. князя, и его матери в. княгини и его в. княгини (же-

ны) казны и поклажаи, и его бояръ и Марьины Ѳедоровны жены Ѳедоровича, и гдѣ будешь что ни взять казны и поклажаи, и тобѣ то все отдавати брату своему старѣйшему в. князю по крестному цѣлованью; а отдавати было то все, а послѣ вашего докончанья, ино ушедъ мѣсяцъ. Ино уже послѣ того срока большѣ шти(6) мѣсяцъ книжныхъ; и ты иѣчто малое казны в. князя, и его матери в. княгини, и его в. княгини отдалъ, а болши, все лутшее еще у тебе, того не отдаси, а Марьины Ѳедоровы жены Ѳедоровича того не отдаси ничего, а я святость вся у тебе, не отдаси ничего. Также что яся (взялся) еси брату своему старѣйшему в. князю отдавати ярлыки и докончальныя грамоты и дефтери и иныя какія грамоты, по крестному цѣлованью, что еси у него поималъ въ его казнѣ; и того ему тѣхъ всѣхъ ярлыковъ и грамотъ не отдалъ еси. »А бодромъ вашимъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи васъ волинымъ воля; а кто служить брату твоему старѣйшему в. князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ». И опослѣ того вашего докончанья и крестнаго цѣлованья, которыхъ бояре и дѣти боярскіе отъ тебе блии челомъ брату твоему старѣйшему в. князю служити, а села и дома ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, черезъ то докончанье и черезъ крестное цѣлованье, гѣхъ еси бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и дома ихъ еси у нихъ поотымалъ, и животы и състаки всѣ, и животину еси у нихъ поималъ. Также, господине, ваша старина, что жити вамъ въ Москвѣ, по духовной грамотѣ дѣда вашего в. кн. Дмитрія Из.; и ты, господине, шлешъ къ своему тіуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывати отъ своего брата старѣйшего отъ в. князя людей, а велишь звать людей къ собѣ, а все подѣ в. княземъ доставая В. Княженъ; и тѣ твои грамоты выимаши у твоего тіуна у Ва-

тазна, какъ уже его былъ князь в. отпустилъ къ тобѣ, но у него тѣ грамоты выжили на пути. И намъ, господине, вѣдѣемъ богомолцемъ видѣтся, что какъ то все ты, господинъ нашъ, дѣлаешь не по докончанной грамотѣ, ни по старинѣ, ни по крестному цѣлованью, какъ есте межъ себѣ кончали, я честный и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему в. князю на чомъ еси цѣловалъ. А нынѣ, господине, рѣчей брата твоего в. князя, что намъ сказывалъ, да и грамотныхъ строкъ, еще и не исписали есмя, что ся надъ вѣмъ отъ тебе дѣлаетъ не по докончанью, ни по крестному цѣлованью. И о томъ тобѣ своему господину и вспоминаемъ, и челоу бѣемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, побережи своей души и своего христіанства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, братомъ передъ старѣйшимъ, передъ в. княземъ исправися во всемъ чистого, Что, господине, его у тебе святости ли будетъ, казны ли его самого, и его матери в. княгини, и его в. княгини, и его бояръ и Марьины казны Федоровы жены Федоровича, и ярлыкы его и докончанныя грамоты и дѣтеры и нынѣ какія грамоты, что пойманы въ его казни, чего будешь ему недодалъ, то бы еси ему, господине, отдавалъ все; а въ тѣхъ, господине, строкахъ, въ чемъ ся будешь передъ нимъ не исправилъ докончанными грамотамъ и по перемирной грамотѣ и по крестному цѣлованью, а въ томъ, господине, положи передъ Богомъ и передъ пречистою его Богоматерью, и передъ своимъ братомъ старѣйшимъ передъ в. кн. Васильемъ Васильевичемъ, чистое покасаніе, а себе въ томъ во всемъ исправи, а цѣлованье честнаго и животворящаго креста исполни. А мы, господине, вашъ богомолцы, по своему долгу, били есмы за тебе челоу своему господину, а твоему брату старѣйшему

в. князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій в. князь, какъ ему Богъ пожелалъ на сердца, нашего слова своихъ богомолцевъ послушалъ, а тебе своего брата жаловати хочеть и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управлятися срокъ по крещеніи 2 недѣли. И ты бы, господине, я Бога ради и нашего дѣла къ тобѣ моленія, а и свое дѣла души и своего дѣла христіанства, не вскладывалъ на себе высокомысльства, въ гордости начальства, еже ты что не благодарю, вспомяная великого Богоотца и пророка царя Давида, яко и до трикратъ помазанъ бысть на царство, но никакъ же восхотѣ воцаритися, до неаже и убиенъ бысть Саулъ, аще и стѣно бысть отъ Саула царство. Но когда же той царь Давидъ, яко челоукъ възвысился мыслію и рече единъ глаголъ: «азъ рѣхъ, во обилии моеи не подвижуся въ вѣки», и колико за единъ той глаголъ пострада, яко и лукаваго духа попусти на него Богъ, и отъ того впаде въ сугубо согрѣшеніе, въ любохѣныи и убійство, и колико плакался къ Богу о тѣхъ согрѣшеніихъ! Такожъ и Навъходоносоръ царь о создани градъ Вавилона похваляся, и колико зато пострада, яко волъ хода и траву ядый: но пакы умоли о немъ Бога пророкъ Даниилъ, и въ челоуѣчское чюство претвори его паки Богъ и пояся. Такожъ и арменскій царь Тиридатъ о заточеніи великаго Григоря претворенъ бысть вепремъ, в ходи 2 лѣтъ, нечистоду ядый: но пакы умоленъ быти великимъ Григорьемъ отъ сестры его, и сотвори его челоуѣка, и такожъ покася и крестися самъ и все царство свое крести. И имѣли быхомъ, господине, еще и много тобѣ писати отъ божественнаго писанія, но самъ, господине, какъ ты далъ Богъ разумъ, потоуку разумѣшь божественное писаніе: и молимъ твое блатородіе, да са смиришь стѣрушеннымъ сардцемъ; и наше спяре-

ніе, и божія благодать и милость, и нашего смиренія молитва и благословеніе будетъ съ твоимъ благородіемъ, по твоему покаянію и обращенію. А еще ли единиче въ своемъ жестосердіи тако и хочещи пребыти и въ своей высоцѣй мысли и не въ покаянномъ сердци, и тако не въскочешъ смирити свою душу съкрушенною мыслію и не въскочешъ обратитися ко всемогущему Богу съ чистою совѣстью и истинна покаянія положить не похочешъ, а таки ставешъ къ брата своего старѣйшего в. князя лиху и къ его крови, а ко христіанскому неустроению и погибели, и брату своему старѣйшему в. князю челомъ не имешъ бити, а съ нимъ ся не управишь, а его не отдаши святости, честныя кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, и казны в. князя и его матери в. княгини, и его в. княгини казны и поклажаи, и бояръ его, и Марьины казны и поклажаи Ѳеодоровы жены Ѳеодоровича, и всего, гдѣ еси что ни поималъ казны и поклажай, и ярлыковъ и грамотъ и докончальныхъ всѣхъ и деотерей и иныхъ какихъ грамотъ, что еси поималъ въ в. князя казнѣ, и что еси ялъся, то все отдади брату своему старѣйшему в. князю, по докончальнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и покрестному цѣлованью; и только ему того всего не отдаши, а въ тѣхъ строкахъ таки ему не исправишя, которыя у васъ въ докончальныхъ грамотахъ написаны, да и въ перемирной грамотѣ и въ сей нашей грамотѣ вписаны, на чомъ еси цѣловалъ честныя и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему, къ в. кн. Василью Васильевичу: ино то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себѣ наложимъ тягость церковную духовную; по господню глаголющему словеса: «егоже еще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и егоже еще свяжете на земли и будетъ связанъ на небесѣхъ»; и пакы: «Слушай васъ, Мене слушаеъ, а отметаиъся васъ, Мене

ся отмещетъ; а отметаиъся Мене отмещетъ и пославшаго Мя.» И аще необратившися къ Богу, и ко своему брату старѣйшему къ в. князю, съ чистымъ покаяніемъ, и по Спасову глаголющему словеси, чюжъ будешъ отъ Бога и отъ церкви божіей, и отъ православныя христіанскія вѣры, и части не имаша съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости божіей и пречистыя его богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ в. князю Василью Васильевичу цѣловалъ; и по св. правиломъ проклять да будешъ отъ св. Апостолъ и отъ св. богоносныхъ Отецъ, отъ всѣхъ 7 вселенскихъ соборовъ, и въ конечную погибелъ да пойдеши съ прежними онѣми богомерзкими еретики, временно же и будуще. Такожъ и нашего смѣренія, святительскаго и священническаго не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ си вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто иметъ тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставити и побърати или епѣшъствовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на в. князя лиху и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіанства на неустроение и на нечистиину. А въ томъ твоёмъ несправленьи какова, по грѣхомъ, кровь христіанская прольется, и та христіанская кровь вся на тобѣ же будетъ. А писана на Москвѣ, м. декемвриа въ 29 день, въ лѣто 5956, индикта 11.

(А. Ист. 1, № 40).

О юридичес. знач. духовенства см. *Церков. Уставы*. Слово Иларіона и статью П. В. Калачова въ отдѣлѣ: «Законы и судопроизводство». Обычай печалования означенъ въ Посл. Никифора къ Митрофану, объ-успокоеніи бунта и кровопролитія см. 1 Новг. лѣтоп. 55—56. 84—82, также «Борьба съ Рязанью 1207». О вліяніи духовенства см. въ концѣ «Посл. Симона къ Поликарпу» около 1225. Въ сл. Кирилла 1274, высказывается угроза—не принимать приношеній въ церковь отъ кулачныхъ бойцовъ, а убитыхъ въ бою запрещается погребать, поминать и хоронить около церкви. Духовенство поддѣрживало Московск. еденодержавіе. См. отдѣлъ VII.

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

110. Быльня о Василии Буслаевѣ.

Василий уже пережил первую молодость; но онъ еще не старъ; онъ въ славѣ и въ чести, — но въ душу ему западаетъ грустная дума. Вспоминаетъ онъ прокаченную буйную молодость; много грѣховъ на душѣ: надобно отчистить; — онъ собирается въ Ерусалимъ. Такое путешествие было своего рода удачей. Побывать въ далекой странѣ, повидать всякаго дива, поклониться величайшей святыни — это приманчиво для пылкой натуры. Василий приплываетъ откуда-то по Ильменю въ В. Новгородъ. Пѣсня не говоритъ, откуда онъ возвращается, можетъ быть съ торговаго дѣла, а можетъ быть съ удачаго; а можетъ быть и отъ В. Новгорода въ посылкѣ былъ; а В. Новгороду такие молодцы, какъ Буслаевъ, всегда гонимы. Онъ оставляетъ караульщицковъ у своихъ суденъ, а самъ идетъ къ матушкѣ; за нимъ храбрый дружина. Онъ проситъ материнскаго благословенія идти въ Ерусалимъ⁽¹⁾.

Приходитъ Василий Буслаевичъ
Ко своей государьнѣ матушкѣ:
Какъ вьонъ около ея увизается,
Проситъ благословеніе великое:
«Иди мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ
Со всею дружиною храброю,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»

Старуха подозреваетъ, что удалой сынъ вмѣсто Ерусалима пойдетъ ушкуйничать на Волгѣ либо на морѣ Варяжскомъ. Она какъ-будто боится, чтобъ Василий обманомъ не wziлъ у ней родительскаго благословенія на дурное дѣло, и говоритъ:

— Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;

То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго.
А и не носи Василья сыра земля! —
Камень отъ огня разгарается,
А и булагъ отъ жару растопляется, —
Материно сердце распушается,
И даетъ она много свинцу пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долготѣрное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою.
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.»

Они плывутъ по Ильменю, а оттуда по волжскому пути. Въ народномъ воображеніи географическія свѣдѣнія очень смутно представлялись. Много судоу приплывало съ восточной стороны по Ильменю къ Новгороду. А Ерусалимъ гдѣ-то далеко въ восточной сторонѣ. Стало-быть и въ Ерусалимъ можно достигнуть поплывши по Ильменю. Наши паломники плывутъ по Волгѣ: путь ея хорошо былъ извѣстенъ Новгородцамъ.

Бѣгутъ они ужъ не сутки — другія,
А бѣгутъ уже недѣлю — другую.
Встрѣчу имъ гости корабельники:
— Вараветуй, Василий Буслаевичъ!
Куда молодецъ поволѣлъ погулять? —
Отвѣчалъ Василий Буслаевичъ:
«А мое-то вѣдь гулянье не охотное:
Со молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Ерусалиму.»

Когда гости сказали ему, что окольной дорогой бѣжать надо полтора года, а прямымъ путемъ 7 недѣль до Ерусалима, да за то на прямомъ пути стоять разбойники, Василий отвѣщаетъ имъ:

А не вѣрую я, Василья, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую въ свой червленый вязъ;
А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Василия, какъ видно, и не робокъ и вмѣстѣ не суевѣренъ. Это достоинство молодца по народному понятію. Народъ, хотя поддается вѣроваціямъ, но сознаетъ, что его идеалъ

⁽¹⁾ Замѣчанія къ этой быльнѣ заимствованы у Н. И. Костоморова. Сказки рус. народопр. II, 442 и дал.

не должен бояться ни примѣтъ, ни предзнаменований, ни сна, ни чиха. Василий не боится, что на прямой дорогѣ,—

На славномъ морѣ Каспійскомъ,
На томъ острову на Куминскомъ
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоять атаманы козачи,
Ни много, ни мало — три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червленые корабли.

Подъѣзжали удалцы къ горѣ Сорочинской
и пошли за своимъ атаманомъ на горѣ.

Будетъ Василий въ полугорѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.

Полнота жизни неприятно сталкивается съ
унылымъ видомъ ея разрушенія,

Шуль Василий тое голову съ дороги прочь;
Провѣдится пуста голова человѣческая:
«Гой еси ты, Василий Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь:
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ!
Умѣю я, молодецъ, ваяться,
А на той горѣ Сорочинской,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,—
И лежать будетъ головѣ Васильевой!»
Поконилъ Василий, прочь пошелъ:
Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить,
Али нечистый духъ.

Вашли на самый верхъ горы; лежить
камень съ надписью: «кто перескочитъ вдоль—
сломить буйну голову.» Молодцы стали
сказать поперекъ—вдоль не смѣли; Василию
приходила тоже охота, но не рѣшился. Еще
онъ Ерусалима не видалъ, грѣховъ не отмо-
лилъ, рано ему пропадать! Дорога еще живая,
за гробомъ страшно. А все-таки Василий не-
выручитъ въ эту пророчесвенную надпись ка-
меня. Призывли молодцы къ разбойникамъ
или ушкуйникамъ; слава Буслаева далеко
прошла: когда испуганные караульщики при-
ѣхали сказать атаманамъ своимъ о прѣздѣ
молодца; они говорятъ:

Стоитъ мы на острову 13 лѣтъ;
Не видали страху великаго:
Это де идетъ Василий Буслаевичъ;
Звать де полетка соколиная;
Видѣть де поступка молодецка!

Василій кланяется имъ и спрашивается
путь къ Ерусалиму, ушкуйники просятъ его
хлѣба кушать; онъ сѣлъ съ ними за одинъ
столъ, выпилъ чару зелена вина въ полтора
ведра единымъ духомъ, а атаманы не могутъ
выпить и по полуведру. Это ихъ удивило.

Откушавъ хлѣба съ солью и получивъ въ по-
дарокъ серебра, золота и жемчугу, Буслаевъ
поклонился и поблагодарилъ хозяевъ и вы-
просилъ у нихъ молодца провожатаго до Еру-
салима.

Подымали топки парусы полотняные,
Побѣжала по морю Каспійскому.
Будутъ они во Ердань—рѣкъ,
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Ерусалимъ градъ.
Пришелъ во церкву соборную.
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ ланихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко св. святыхъ приложился онъ,
И въ Ердань рѣкъ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дья-
конами;

И которые старцы при церкви живутъ,
Даютъ золотой казны не скупаючи.

Ясно, что самое религиозное настроеніе
поддерживалось удалью. Молодецъ напалитъ,
надѣваетъ другимъ зла, а потомъ отмалива-
етъ грѣхи, въ Ерусалимъ ѣздитъ, церквя
строитъ. Когда Василій совершалъ богоугод-
ныя дѣла, дружина его въ ту пору

Купались во Ердань—рѣкъ,
Приходила къ нимъ баба заѣзская,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердань—рѣкъ?
А некому купатися, опречь Василья Бусла-
евича.
Во Ердань—рѣкъ крестился самъ Исусъ Хри-
стовъ;

Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.»

На это дружина отвѣчала, что онъ не
аѣрять ни въ сонъ, ни въ чохъ. Въ русской
землѣ, покрытой дремучими лѣсами и болота-
ми, раздѣлявшими жилия поселенія одно отъ
другаго,—что было за лѣсомъ, представлялось
воображенію зловѣщимъ, страшнымъ, таин-
ственнымъ. Громадность лѣсовъ давала про-
тивоположной сторонѣ значеніе далекаго, не-
доступнаго; оно легко облекалось въ образы
фантазій. Отъ этого существо таинственное,
привѣтливое называется *зальскимъ*.

Повѣхали молодцы въ обратный путь; зна-
комые атаманы поклонились при встрѣчѣ съ
ними, стали расспрашивать о повѣздѣ въ
Ерусалимъ.

Много Василій не баетъ съ ними,
Подавъ плъсмы въ руку имъ,
Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдн съ молебнами за ихъ, мо-
лодцовъ.

Атаминны были довольны, что за нихъ по-
молился Богу для очищенія ихъ грѣховъ, но
грѣшить перестать ничуть не думали. Васи-
лій былъ что то грустенъ. Онъ не сталъ обѣ-
дать у атамановъ. Онъ торопился. Его пред-
чувствие томило. Молодцы опять приплыва-
ють къ горѣ Сорочинской; опять взошелъ на
гору Василій, и опять толкнулъ пусту чело-
вѣчью голову. Голова снова проговорила, что
и прежде, Василій плюнулъ и прочь пошелъ.
Далѣе молодцы встрѣтили знаменитый камень
съ надписью. На этотъ разъ отвага беретъ
верхъ. Не утерпѣлъ Василій.

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавляться,
Поперекъ камню поскакивать;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль до камня,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убитъ подъ каменемъ.
Гдѣ лежать пуста голова,
Тамъ Василья схоронили...

Таинственное предвѣщаніе остерегало Ва-
силья, но не былъ бы онъ и богатырь, уда-
лецъ, еслибы онъ послушался предостереже-
нія. То и молодецъ, что ничему не покоря-
ется, ничего не боится—вбруетъ въ одну свою
силу! Хотя погибъ онъ — да славно, чест-
но, до конца сохранялъ свою свободу, свою
мочь—силу. Какъ не сдѣлать новгородской

душѣ того, что запрещается, хотя бы за это
и грозили! Уже лучше пропасть, да не по-
слушаться!

Дружина возвратилась въ Новгородъ на
червленомъ кораблѣ безъ любимого атамана;

Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и нешатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ поклонились,
Всѣ письмо въ руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама запла-
кала:

«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего.»

Старая матушка теперь осталась круг-
лой сиротой въ мірѣ. Ей ничего не нужно.
Она отдаетъ казну свою изъ глубокихъ под-
валовъ, припасенную для сына, удалымъ
его товарищамъ; они теперь ей какъ родные,
они напоминаютъ ей Василья.

Брали они казны по маху числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо матушка Амелеа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала до-
брыхъ молодецъ».

Втапору матера вдова Амелеа Тимофеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
А и выпiali они, сами поклонились,
И пошли кому куда захотѣлось.

(Др. Рос. Стих. 166—179.)

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

111. Нравственный характеръ древне- русскаго человека.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ
по основаніи государственна религія хри-
стіанская была провозглашена господствующею

на Руск, я легко замѣтить, какъ
эта религія, въ трудныя времена госу-
дарственнаго младенчества поддерживала
общество въ его основѣ. Юный народъ,
при сильномъ кнѣжномъ страстей, при
отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя мо-

гуть выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимой стремительностію влекла къ паденію, та же самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юности, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзани въ неустоенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильна была и сопротивляемость болѣзнямъ, охранявшая тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, также сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишения, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобы дать ей торжество надъ матеріальною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вѣщественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славомъ торжества духа надъ плотію, — выходилъ монахъ, и, въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать

свой желѣзный напцырь, и просить другаго болѣе почетнаго, — мантии монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшие люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о вышнихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, следовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершие для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это — то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно — то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода изъ быть лучшии. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго Европейца, юность, условлившая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу, и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность даетъ исторіку ключъ къ уразу-

мѣню характера дѣйствующихъ лицъ. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсень, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе къ святымъ мѣстамъ, подвигъ, вовсе не соответствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: «Съ молодю много было бито, граблено, поръ конецъ надобно душу спасти». Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго Европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный съ молодю насильями, вдругъ приходитъ въ сознание своей грѣховности и спѣшитъ спасти душу подвигомъ религиознымъ. И здѣсь, и тамъ—и на Востокѣ, и на Западѣ,—общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекались бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаяться—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя; противъ сильной болѣзни выступало и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа средних вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантией юнока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ полѣ бились два монаха; на

Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются,

(Изъ статьи С. М. Соловьева:
„Древняя Русь“. Рус. Вѣстн.
1856 г. кн. 1.)

112. Вліяніе христіанства на народъ русскій.

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ, лежалъ славянинъ—язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти: его вѣрованія ограничивались обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра; мифология была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества, общественный бытъ отличался простотой патриархальной жизни со всѣми ея неустройствами. Находясь въ такой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго и зрѣлаго новой возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо, въ сравненіи съ этой духовной силой, что оно оказалось несостоятельнымъ и сдадено послѣ непродолжительной борьбы. Воинственный характеръ князя и дружины, содѣйствовавшихъ распространенію христіанства на Руси, помогъ принятію его къ народу мирнаго характера.

Сначала христіанская вѣра была мало понятна для многихъ поколѣній древней Руси, жившихъ подъ вліяніемъ стариннаго воззрѣнія и языческихъ обычаевъ; но постепенно она стала прививаться къ народу своей вѣшной обрядовой стороной. Эту вѣру можно назвать *дѣтской*, *поверхностной* (Римл. 40, 17). Принятая сердцемъ и утверждающаяся на словахъ другихъ, она обыкновенно выража-

ется въ движеніяхъ чувства и въ игрѣ воображенія. Въ человѣкѣ, преданномъ такой вѣрѣ, не можетъ быть ни сомнѣній, ни желанія испытать, изслѣдовать, поразмыслить о своихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ, о своихъ вѣрованіяхъ, привязанностяхъ и стремленіяхъ. Не доступны для него отдаленныя истины, не нуждается онъ въ доказательствахъ: ему понятенъ только живой фактъ, наглядное явленіе и картина съ любимыми отбѣсками, чертами и красками, простой живописный языкъ. Образъ и дѣйствіе производятъ на него глубокое впечатлѣніе и предъ нимъ онъ расточаетъ знаки своей любви и преданности; только чрезъ посредство нихъ становится ему доступна истина и добро. Но онъ не въ состояніи дать понятія и отчета въ волнующихъ его религіозныхъ чувствахъ: онъ не уловимъ и не осязаемъ для его сознанія и разсудка, не привыкшаго слѣдить за тонкими изгибами душевныхъ движеній. Повторяющіяся религіозныя впечатлѣнія, конечно, не остаются безъ слѣда на душѣ, если онъ искренни и глубоки; онъ воспитываютъ христіанское чувство и дѣтскую вѣру. Внѣшними богослужебными принадлежностями и дѣйствіями церковь увлекаетъ неразвитаго человѣка и мало по малу затрогиваетъ его христіанскую любознательность, его умъ и стремленія, чтобы развить въ немъ самосознаніе и поднять на высшую степень духъ его.

Такое явленіе повторялось во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, такъ было и у нашихъ предковъ: прежде всего внѣшняя обстановка или выраженіе вѣры христіанской стала дѣлать непороть въ жизни русскаго народа. Но не одинъ свѣтъ богопознанія и богопочтенія вѣра Христова внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на родномъ языкѣ, превышающая всѣ современныя ей начала народной русской жизни, она сдѣлалась въ древнее время

главнымъ двигателемъ, одушевляющимъ всѣ почти отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливая собою другой лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ опредѣленію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и, отдѣльно взятые, не были уже самостоятельной опоры; но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу. Выбѣвъ съ вѣрою, перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало по малу проникать въ составъ государства. Корочею руководилась свѣтская власть въ судныхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразование всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовые правила на всѣ частныя случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ, вѣра подчинила своему вліянію и водительство всякое духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основною народнаго взгляда и характера. И въ этомъ случаѣ церковь дѣйствовала на неразвитаго человѣка своей внѣшней дисциплиной и обрядовой стороной.

Храмъ являлся въ воззрѣніи нашихъ предковъ, какъ живое лицо, исполненное благодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ епископовъ по жребію и такой выборъ считался священнымъ и угодиымъ Богу и проч. Но кромѣ этого общаго священнаго значенія, храмъ

имѣлъ въ древности особенную силу. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ съ своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и папствомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ теплѣ, тишинѣ и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для вѣхъ. Князь и народъ жаждали торжественной службы; «изъ окрестностей стекались смотрѣть на замѣчательныя церкви, и всякій возрастъ лился; не только простцы, но и государь самодержецъ, свѣтлѣйшій митрополитъ, преосв. архіепископъ и епископы, и князья, и сановники видѣше превеликое созданіе церкви и многочудную подпись во истину мнящеся, яко на небеси стояти». (*Лавр. л. 173*). Такъ наши предки получали христіанское назиданіе, питались духомъ церкви во внѣшнемъ его облаченіи непосредственнымъ чувствомъ и созерцаніемъ. Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей въ храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. Конечно, это воспитаніе было безотчетно, какъ основанное на чувствѣ; но все таки храмъ, своимъ общимъ впечатлѣніемъ, возвышалъ духъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно пропикнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и кипѣнія страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремились наружу и требовали немедленнаго удовлетворенія, — храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ (*1 Новг. 44. 65. II. Соф. 175*). При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности — считали счастьемъ принять тамъ

смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою острогой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и не зрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдалась важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ записныхъ книгъ и проч. Тамъ хранились законы мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя разбирательства. Въ случаѣ голода или общаго несчастія, въ церкви брали деньги. При церквахъ устроивались богадѣльни, въ которыхъ жали больные и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Всякое построеніе, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени вѣхъ и каждого, сопровождалось высокою, единодушною радостію. Не напрасно лучшіе люди стараго времени «вельми болѣзновали духомъ, зря подписание не украшену церковь» и заботились день и ночь, не щадя ни силъ, ни трудовъ, ни средствъ на созданіе и украшеніе храмовъ. Это считалось величайшимъ подвигомъ и важнѣйшею заслугою.

По словамъ древнихъ памятниковъ, якимъ они «устроили себѣ память вѣчную и оставленіе грѣховъ и вѣсѣмъ христіанамъ прибѣжище, и радость и поселіе, и похвалу себѣ отъ людей». Все это живо рисуетъ, какъ глубоко дорожили предки нашею святыней храма и какъ велико было его значеніе. «Аще кто къ святымъ прибѣгнетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу приметъ души же и тѣлу», замѣчаетъ лѣтописецъ.

Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго нравнаго порядка дѣла, въ противоположность образу неча, съзвиз котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простаго и грубаго изычивка, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди означало обновленнаго челоѡѡка и вошло въ Россію во всеобщіе обычаи. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанина въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшение семейнаго быта. При каждомъ входѣ и выходѣ, почитатель дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ нею утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужинемъ. Въ присутствіи св. иконъ, древній русскій челоѡѡкъ считалъ безчестнымъ дозволить себѣ какія-нибудь предосудительныя вольности (*Пам. XII в. 195*). Вѣсто старыхъ кудесниковъ, стали приобѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою въ надеждѣ получить помощь, въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ общахъ, во время недовѣрчивости другъ къ другу, призывались во свидѣтельство правоты дѣла и увѣрены были въ ихъ правомъ судѣ и расправѣ надъ виновнымъ и невиннымъ; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ рускомъ челоѡѡкѣ, что онъ вооружался крестомъ и выходилъ противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ, съ цѣлю побѣдить ихъ. Безъ сомнѣнія, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавнихъ привычекъ и вводило въ отношенія членовъ общества новое нравственное начало. Понятно почему, при заключеніи мира,

поставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, плѣнныхъ не-пріятелемъ.

Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозившихъ народныхъ несчастій, съ цѣлю умилоствленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда челоѡѡкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокаивали страждущій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Люди жестокосердые, которые рассчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ, для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время пожара, крамольники во время мятежа, — и тѣ умилялись душою, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этими вліяніемъ крестные ходы, какъ и все священныя церемоніи, благотѣльны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благотѣний божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одною чувствъ радости, какъ братьевъ, разливали въ душѣ кроткое спокойное чувство любви и возбуждали высокую благодарность Подателю всякаго дара. Душа юная и свѣжая научалась благоговѣть предъ Богомъ, не какъ предъ грознымъ владыкою, но и безконечно-милующимъ и любящимъ Отцемъ. И, въ обыкновенную пору, крестные ходы имѣли большое значеніе, отвлекая челоѡѡка отъ излишнихъ житейскихъ понеченій; въ день назначенный для хода, прекращалась торговля и другія мірскія занятія.

Тоже высокое значеніе имѣли праздничныя торжества. При отсутствіи допѣ-

рія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполнили душу одними общими стремлениями и чувствами, связывали тѣснѣе христіанское общество, поселяя миръ между его членами, и упрочивали общественную нравственность. Введемъ праздниковъ и строгихъ отдохновеній, установимъ порядокъ въ работѣ и сбереженіе народныхъ силъ. Праздники считали наши предки живую дѣйствующую силу: «Кто преступитъ крестъ, тотъ проклятъ 12 праздниками церковными» говорятъ іерархъ. Но это—то понятіе о праздникахъ и сопровождалось благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь. Въ первую пору принятія христіанства, торжества церковныя, замѣняя языческія празднества, приучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны, имѣли большое значеніе и шествія, которыми сопровождались духовныя христіанскія торжества.

Какъ служители алтаря и распорядители общественного богослуженія, какъ орудія, чрезъ которыя Богъ изливаетъ свою благодатную силу и освященіе, какъ истолкователи воли божіей, выраженной во свящ. писаніи,—пастыри древней русской церкви, при господствѣ религіознаго направленія жизни, высоко стояли во взглядѣ нашихъ предковъ, и, при отсутствіи прочнаго государственнаго порядка, пользовались величайшимъ вліяніемъ и значеніемъ.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлитъ было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси, у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ

преобразовать внутренний бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ думѣхъ и бѣсѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Многіе изъ князей повторяли своимъ дѣтямъ заповѣданіе равноапостольнаго Владимира—болѣе всего слушать совѣты духовенства. И оно въ высшей степени оправдывало довѣріе къ нему правителей государства. Пастыри церкви не одними молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, — но, сообразно съ общою пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ—начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали, со стороны іерарховъ, то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви,—и духовная сила торжествовала надъ матеріальною. Особенно благотѣльное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобицахъ, которыя они часто усмѣвали погашать своимъ посредничествомъ и тѣмъ вносили благодатный миръ въ взволнованныя сердца и уменьшали страданія народа. На духовныхъ возлагались большею частію обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и слѣдов. безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества Татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору, іерархи облегчали участь недоумѣвающего

правительства и убитого народа не однимъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Нося въ себѣ сознаніе закона и правды, пастыри церкви дѣятельно заботились объ улучшеніи общественной нравственности. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Граденія, торговля и всякія мѣры, суды, извѣсы, ставила подлежали надзору духовныхъ лицъ. Завѣдывая сами правомъ суда во многихъ случаяхъ, они ослабляли необузданное корыстолюбіе и продажное правосудіе областныхъ правителей и другіе пороки. Народныя возмущенія, сопровождаемыя грабежами и приносившія такъ много горя народу, часто подавляемы были дѣятельными пастырями при первой всыпкѣ. Они старались смягчить грубое самоуправство народа и, въ случаѣ несправедливости и жестокости гражданскаго судебнаго приговора, считали своею обязанностію ходатайствовать за несчастнаго. Вообще, на этомъ поприщѣ, они старались, какъ новгородскій владыка Симеонъ, по словамъ летописи: «управити своя дѣти и поучати словесы духовными, со всею кротостію, много обличеніемъ, иныя же запрещеніемъ укрощати.»

Русское духовенство не усиливалося соединиться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, стояло во главѣ земства, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще незнакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: «что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить?» Въ послѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей въ

затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственные минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычай и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ, хотя эти начала прививались туго. Оно преслѣдовало вредныя остатки языческаго быта, напр. кровную месть, судебныя поединки, обычай многоженства и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали неимущимъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ божіихъ, для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства древніе памятники передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывкахъ объ извѣстныхъ лицахъ: «Князьмъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ. избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбилъ житіе его боаре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставлялъ» замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

О нихъ народъ часто могъ тоже сказать, что заключается въ плачѣ о Стефанѣ пермскомъ: «теперь мы лавились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ на-

шихъ, а князю довозилъ наши жалобы и проч. (См. выше № 102).

Монастырь, какъ пристанище душъ выскокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ Христовой вѣры, по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ, съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово божіе и, тяжелыми трудами и усиліями, достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросомъ не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посетителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Кроткая и живая бѣда ихъ вѣзывалась въ памяти жаждущаго истины, стремленіе къ которой необходимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и восприимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ изучать уроки нравственные, въ самомъ приложеніи къ дѣлу, — что ему особенно дорого. Тамъ отъ единого видѣнія токмо и обычай устроенію довольна преподавали зрѣвшихъ пользу. Въ мірѣ, болѣею частью, хотѣвъ жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилие, об-

манъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообличенію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посетителей монастыря; а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда «собирались князья и вельможи и прочіе люди, за духовною пользою». Тамъ получали правители народа челоуколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые являки русскіе были люди практическіе; они обращали свои взоры на міръ и тамъ старались укротить личные страсти и искоренять общественныя безпорядки, нерѣдко съ опасностію жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собиравлись жители, — и, такимъ образомъ, заселялись мѣста пустынные и безплодные. На монастырскія земли являлись бѣжалыя крестьяне, отъ порабощающаго деспотизма, и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще, русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страдающихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время войнъ междоусобицъ и опустошеній вѣшнихъ враговъ, особенно когда Россія стонала подъ игомъ татарскимъ.

Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о неприятеляхъ, заставляло прятать, за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое, — и монастырь нерѣдко превращался въ крѣ-

пость. Въ монастырскихъ житицахъ хранились запасы, благотѣльные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день кормили; бѣдные никогда не получая здѣсь отказа въ пищу и одежду, а больные—во врачеваніи и пособіи. Устройство монастырей было великимъ благотѣніемъ, считалось дѣломъ спасительнымъ, сопровождалось душевною радостью создавшихъ ихъ и на эту радость отъивались все.

Конечно, народъ смотрѣлъ на всю эту обрядовую сторону, мало сознавая ея значеніе; но все-таки она имѣла на него образовательное вліяніе.

Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ сказать историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая обнаруженіе всякаго событія непосредственному вліянію божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Ихъ строили по общему, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарности за избавленіе отъ грозившихъ бѣдъ, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе моровой язвы, голода, землетрясенія и болѣзней.

Есть еще одна сторона въ священныхъ предметахъ, болѣе всего усиливавшая народное благоговѣніе къ нимъ. Это явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудотѣственной силы. Эта сила обнаруживалась яменно въ томъ, что особенно любилъ, на что преимущественно взиралъ, съ священныхъ восторгомъ, русскій человѣкъ. Чудеса со-

вершались, болѣею частью, въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатаицы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ русскаго народа.

Эта крѣпкая вѣра въ чудесныя явленія спасала юное и неустроенное общество христіанъ. Явное покровительство неба добрымъ и страдальцамъ за правду и открыто—чудесное неблаговоленіе къ злымъ поразительно дѣйствовало на *грубаго* человѣка и побуждали его держать сторону первыхъ. Легко себѣ представить, какъ поражали чудесныя явленія простую душу древняго человѣка и какъ онъ повергался въ прахъ предъ ними, ощущая свое недостойнство.

Во время замѣчательныхъ событій, и особенно при видѣ необыкновенныхъ явленій природы, когда сильно возбуждено чувство и настроено воображеніе, болѣе всего появлялось фантастическихъ разсказовъ, и все они проникнуты религіознымъ характеромъ. Вліяніе ихъ на народъ было неотразимо.

Эти разказы въ свою пору съ быстротою верлетали изъ устъ въ уста, возбуждали изумленіе и вздохи, оставляли въ душѣ каждого неизгладимый слѣдъ; слезы радости, или глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, лились изъ глазъ, — и человѣкъ ожидалъ событія, которое, по его мнѣнію, предзнаменовано извѣстнымъ явленіемъ.

Начала вѣры, нравственныя силы, внесенныя ею въ общество, основанныя на преданіяхъ и обычаяхъ мнувшаго, не давали спокойно и самодовольно прямиригься съ застоємъ жизни и подвигали юное общество вперед на пути развитія. При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противодѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всехъ и каждого.

Умерщвление плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственыя средства. Постъ уравнивалъ и богача сластолюбца и бѣдняка въ качествѣ пищи. Сознывая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали, кто ѣсть мясо въ великое говѣнье и прямо высказывали основаніе: «Рать въ насъ есть многа и противится плоть духови и духъ плоти. Потребно убо есть по истинѣ быліе постное: то бо кротитъ тѣлесныя страсти, то обуздываетъ противныя стремленія и духови даетъ тѣлесное покореніе... Постъ основаніе есть добродѣтели; того ради во всемъ мірѣ, яко же солнце всенѣтъ есть».

«Пошенье очищаетъ душу и тѣло, и ангеламъ равнѣ сътворитъ и на небо возводить». Всеобщее господство и разгулъ личныхъ страстей стремленіе къ исключительному довольству мірянъ, вызывали физическія труды въ аскетахъ ради спасенія души, путешествіе по св. мѣстамъ, изнуреніе тѣла и т. п.

При частыхъ дракахъ и неурядицъ, разорявшей народъ, состраданіе къ бѣднымъ, милосердіе и щедроты считаются одною изъ величайшихъ добродѣтелей въ отношеніи къ ближнимъ; равноапостольный князь, по словамъ Нестора, милостынею разсыпалъ всѣ грѣхи. «Дивная и славная милостыня омываетъ всѣ прегрѣшенія отъ насъ и небесная врата отверзаетъ, и ярость Божию на кротость и на милость претворяетъ; милостыня безъ труда на небеса возводитъ и съ дерзновеніемъ у престола божія поставяется». Вообще, дѣла внѣшняго милосердія, выступаютъ на первый планъ въ древнее время.

Особенно отрезвительны были для древняго русскаго общества разныя пораазительныя явленія и бѣдствія физическія; въ то время люди припоминали и потопъ и страшный судъ и обращались къ пока-

янію. Древній писатель замѣчаетъ: «Большая нужда и злая скорбь утрашаетъ и приводитъ человѣка къ вѣрѣ». Эти слова глубокоистинны въ отношеніи къ древнему русскому человѣку. Что могло смирить буйную волю, какъ не мысль о наказаніи? Дикій произволъ и наглые нарушенія утихали предъ мыслью о страшномъ судѣ. Страхъ, трепетъ и внѣшняя сила обуздывали человѣка и замѣняли не сознанный и безсильный законъ. Доселѣ сохранилась пословица: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится».

(Духъ Христіанина 1861, окт. и ноябр. кн.)

113. Государственное значеніе православія.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на финскую почву церковъ восточнаго исповѣданія, со всеми ея учрежденіями. Не смотря на то, что языческое міросозерпаніе уворно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени, — названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и на долго замѣнило сознаніе народности (*христіанинъ* = *крестіанинъ*). Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и то же; православный, хотя бы и не русскій по происхожденію, все — таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ: заступила мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи; въ западной Россіи оно получило его впоследствии, подъ вліяніемъ борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя, такимъ образомъ, оно играетъ великую роль въ цѣломъ русскомъ племени,

однако характеръ его, на западъ и востокъ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія... Христианство принимается въ-шшимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православии, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполне отжито Великороссіянами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христианства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, принаравливая христианское ученіе и истины къ своимъ полужизненнымъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы, естественно гораздо поздне стали доступны внутренней, духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья въ первоначальной родинѣ... Въ западной Россіи развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ.

Въ Великороссіи православіе, соответствующее ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остальнаго образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной, причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ

Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени оцѣдлаго быта, едва ли ранѣе XII в., при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда-либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, и ч., по степени развитія, были неспособны подняться до внутреннего, духовнаго содержанія христианства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи не исчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохраняли сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христианскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури. Будь мы съ самаго начала колонизаціи римскими католиками, или сдѣлались ими вскорѣ послѣ водворенія на новой почвѣ, мы были бы, роковымъ образомъ, втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія, которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ коснулось. Последняго термизна этой посылки мы не знаемъ: онъ еще впереди. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что славянскія племена не могутъ развиваться, не усвоивши себѣ плодовъ высшей, европейской культуры; но вопросъ во все не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени развитія, они могутъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя своей политической и народной самостоятельности; на это исторія отвѣчаетъ очень категорически, примѣромъ Россіи и прочихъ славянскихъ государствъ и народовъ.

Православие замѣняло намъ въ началѣ сознание народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единение задолго предшествовало государственному, и въ течение столѣтій подготавливало его. Перѣзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событиями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй м-тъ привлекаетъ на себя сѣтованія патриарха за то, что держитъ сторону московскаго князя, въ расприхъ его съ удѣльными. Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ Татаръ, благословляетъ на подвигъ Дмитрія Донскаго, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбы нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его вскормила, выходила, и передала на руки свѣтской государственной власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Не понималъ этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи, призванія, опредѣляемаго составными стихіями послѣдней,—нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи... Церкви приходилось бороться не съ злою волей, или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами, съ дикими предрассудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ... Имѣя дѣло съ такой средой, церковь должна была вооружаться не проповѣдью, не поученіемъ,

а вѣншей дисциплиной, чтобы сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобию Божію.

(Мысли и замѣтки о рус. ист.
К. Д. Кавелина. Вѣст. Евр. 1866,
II, VI, 351—4, 358—9).

Указатель сочиненій и статей: — Общ. общества. знач. Христ. Церкви и ея учрежд. на Русіи. *Н. Д. Бѣлинскаго*. Ж. Мин. П. Пр. 1856, № 7. Взглядъ на состояніе духовенства древ. Русіи. *С. М. Соловьева*. Чт. Общ. 1846—7, кн. 6. Каводръ великоимѣнн. свѣтительская въ историч. знач. *А. Толмилла* 1831. О распространеніи православія между Монгол., Антоц. и жителями Біарумъ. Христ. Чт. 1859, № 6. Отнош. древнерус. общества къ церкви. Вѣстн. Юго-Зап. Рос. 1863 № 11 и 12. Заботливостъ пастырей объ-улучшеніи народн. жизни въ Россіи. Руковод. для сельск. пастырей 1860, № 29. 285. О значеніи отечественной церкви. Ж. Мин. Н. Пр. ч. LVIII, VI. 339. О способахъ духов. просв. древ. Рос. Правосл. Собор. 1858. I. 87. Сдѣланные рос. монастырей просвѣдую древ. Рос. Тамъ же 483. О вѣрѣ въ народн. просвѣщеніи Россіи. Тамъ же 489, I, 77. Просвѣтит. значеніе вѣры для рус. народа Тамъ же 1838. I. 87. 262. 1839. I, 77. Голосъ древ. рус. церкви объ улучшеніи быта насвободныхъ людей. *А. Шапова*. Тамъ же, 1859. I, 40. Попеченіе отечеств. церкви о внутренн. благоустройствѣ гражданс. общества. Тамъ же 1861. I, 77. 473. Исторія рус. монашества. *П. Казанскаго*. м. 1833. Пол. историч. собр. свѣдѣній о мон. *А. Ратиски*. 1852. Словарь историч. о святыхъ рус. Сиб. 1862. Русскіе святые, чтимые всего церковно или мѣстно. *Архис. Филарета*. Черниговъ. 1861—2. Біографіи первыхъ десяти Новгород. епископовъ. *Тихомирова*. Новгород. 1862. Біографіи Тверскихъ іерарховъ. *Черепнева*. Тверь. 1859. Очеркъ изъ исторіи рос. церк. іерархіи. *Г. Карлова*. М. 1865. Историч. свѣд. о судьбѣ правосл. церкви въ Минс. епар. *Архис. Николая*. Спб. 1864. Христіанство въ Ливоніи. Московит. 1843. VII, 85. Ист. правосл. цер. въ Финляндіи и Эстляндіи. *Чистовича*. Спб. 1856. Призрѣніе на Русіи. *Лешкова*. Рус. нар. и госуд. 587—92. О началѣ богадѣльнъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ. *Н. М. Снегирева*. Литер. вечеръ. М. 1844. О скудельницѣхъ или убогихъ домахъ въ Россіи. Историч. сборн. общ. ист. III, кн. 1, 235.

IV. УПРАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

1) ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

114. О Латинах.

Не приемай ученья отъ Латынь (¹), ихъ же ученье развращено: влѣзше бо въ церковь, не поклоуются иконамъ, но стоя поклоуются, и поклонився напишеть крестъ на земли и цѣлуетъ, вставъ простъ (прямо) станеть на немъ ногами; да легъ цѣлуетъ, а вставъ попираеть. Сего бо апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо евангелистъ первое напсавъ посла въ Римъ, якоже глаголетъ Василій; икона на первый образъ приходить. Паки же и землю глаголють матерю. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, таже землю; тако глаголють: «Отче нашъ, иже еси на небеси.» Аще ли по сихъ разуму (по ихъ разсужденью) земля есть мати, то по что почете за матеръ свою, да сѣмо ю лобызаете, а паки оскверняете? Сего же

преже Римляне не творяху, но исправляху на всехъ сборѣхъ, стоящеся отъ Рима и отъ всехъ престолѣ. На первомъ бо сборѣ, еже на Аръ въ Никѣи, отъ Рима Силвестръ посла епископы и презвитеры, отъ Олександра Овонаси, отъ Царягорода Митрефанъ посла епископы отъ себе; тако исправляху вѣру... (Далѣе слѣдуетъ перечисленіе посланныхъ представителей на остальные шесть вселенскихъ соборовъ).

И си вси съ своими епископы сходящеся исправляху. По семъ же сборѣ Петръ Гугинъ со ииѣми шедъ въ Римъ въ престолъ възвѣстити, и развратъ вѣру, отвергъся отъ престола Юрсаляиска, и Олександрьскаго, Царяграда и Онтіахискаго. Възмутяша Италию всю, сѣюще ученье свое разномъ: ови бо попове единою женою оженѣся служить, а друзи до сѣмъ жены поминаючи служить, ихъ же блвстися ученья: пращаютъ же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да сохранитъ тя отъ сего,

(¹) Такъ передавали Греки видѣтъ съ символами вѣры св. Владимиру въ 988 г.

• (Лавр. 49—50).

115. Слово св. Феодосія, игумена Печерскаго монастыря о вѣрѣ крестьянской і о латыньской (1).

Господи благослови. Слово ми есть к тобѣ, княже богородицый! Азъ Феодосъ, худый робъ пресв. Троица, Отца и Сына и св. Духа, въ чистѣ и вправовѣрнѣ вѣре роженъ, и воспитанъ в добротѣ наказанія вправовѣрнымъ отцемъ и матерью, наказывающе мя добру закону, вѣрѣ же латыньстей не предучагеся, ни обычаи ихъ держати, і компанья ихъ бѣгати, і всякого ученія ихъ бѣгати, і воровы (права) ихъ гнуматися, и блюсти своіхъ дочереі не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ изъ единого судна (чаши) ясти, ни пити, ни брашна ихъ приимати. Тѣмже наки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити дати имъ, но въ ихъ судѣхъ; аще ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву: занеже не право вѣруютъ, і не чисто живутъ: ядятъ со псы и с кошками, і пьютъ бо свой сецъ; ядятъ же лвы і дикіе кони, і ослы, и удавленнику, і мертвечину, і мѣдвѣдину, і бобровину, і хвостъ бобровъ, і въ говѣнѣ ядятъ мяса, пущающе в воду; а 5-ю недѣлю поста во вторникъ черныи ихъ ядятъ лой (жиръ, сало) і въ субботу постятся, і постившеся вѣчеръ ядятъ молока и яща. А согрѣшаютъ,—не отъ Бога просятъ прощенья, но прощаютъ попове ихъ на дару (за подарки). А попове ихъ не женятся законною женитвою, но с рабами дѣти добиваютъ, и служатъ невозбранно; а пис-

купи ихъ наложницы держати, і на войну ходять, і оплаткомъ (1) служить. Іконъ не цѣлуютъ, ни мошей святыхъ; а крестъ цѣлуютъ написавши на земли и вставше попирають его ногами, а рудъ подонъ подложивше; женище же ся у нихъ, поимають двѣ сестрѣ; а крещаются во едино погруженіе, а мы въ три; мы жъ крещаемое мажемъ муромъ і масломъ, а они соль сыплютъ крещаемому в ротъ; имя же не нарицають святаго, но кого како прозовуть родителя, в то имя крестятъ. А глаголють Духа св. исходяща отъ Отца и отъ Сына. Ина многа злая дѣла суть у нихъ; развращенная погибель полная вѣра ихъ. Его же ни Жидове творять, то они творять. Много же и в Савьску (Савелланскую) ересь вступаютъ. Мы жъ рече отецъ мой: ты же, чадо, блюди ся кривовѣрныхъ, і всѣхъ ихъ словесъ, занеже исполнялася і наша земля злыя тоя вѣры (2); да кто спасая спасетъ душу свою, въ вправовѣрнѣ вѣре живучи. Нѣсть бо иная вѣры лучше нашеі, яко же наша чиста и свята ся вѣра вправовѣрная. Сею бо вѣрою живучи грѣховъ избытъ і мукъ вѣчныя гознути (освободиться), но жизни вѣчныя причастнику быти і бесъ конца со святыми радоватися; а сущему въ иноі вѣрѣ или въ латыньстѣ, или въ арменстѣ (3), нѣсть видѣти имъ жизни вѣчныя. Не подобаетъ же, чадо, хвалити чужее вѣры. Аще хвалитъ кто чужю вѣру, то обрѣтается своєю вѣроу хуля. Аще ли начнетъ непрестанно хвалити и свою, і чужю, то обрѣтается таковъ двоевѣрецъ,—близъ есть ереси. Ты

(1) Католическое причастіе приготовляемое въ видѣ бѣлаго тоняго праника.

(2) Вѣроятно, Феодосій намекаетъ на то, что Изяславъ позволилъ польскимъ войскамъ поживиться на счетъ Русскихъ и побѣдители старались склонять въ католическую вѣру.

(3) Армяне исповѣдуютъ православную вѣру съ ничтожными отступленіями въ обрядахъ церковныхъ.

(1) Послание написано 1074 г. къ в. к. Изяславу, который два раза искалъ помощи въ Польшѣ, имѣлъ сношенія съ Латынцами, пригрозилъ оттука польское войско на Русь, — и для успокоенія содѣлалъ и разрѣшенія вѣдомымъ имъ сямъ князь обратился къ Феодосію съ вопросами о вѣрѣ Варяжской.

же, чадо, блюдеся ихъ, и свою вѣру не престанно хвали. Но свойся к нимъ; но бѣгай ихъ, і подвижайся въ своей вѣрѣ добырыми дѣлы; милостынею мноу не токмо своея вѣры, но и чужия. Аще ли вѣдаши нага, или голодна, или зимою или бѣдою одержима: аще ли ти будетъ жидовинъ, или Срацинь, или Болгаринъ ⁽¹⁾, или еретикъ, или латинянинъ, или ото всѣхъ поганыхъ,—всякого помилуй, и отъ бѣды избави я, яко можеша,—и мѣзды отъ Бога не лишешъ будещи. Богъ бо и самъ нынѣ поганыхъ набождатъ, яко же и крестяны. Поганымъ же иноуврѣмъ в семь вѣщъ попеченье отъ Бога, а в будущей же чюжи будутъ добрыя дѣтели; мы же, живуше въ православнѣй вѣрѣ, здѣ есмы набожны Богомъ, а въ будущемъ вѣдѣ спасаема Господомъ нашимъ Исусъ Христомъ ⁽²⁾. Рече же ми отецъ мой: чадо, аще ти ся случитъ умерти по святѣи сеи вѣрѣ і Господа ради, то умри съ дерзновеньемъ за вѣру христову: святѣи бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши вѣкѣи иноуврѣныя с вѣрыми прою (*распрю, спорѣ*) дѣющи, лествю хотаща отвести отъ правыя вѣры, ты же вѣдаи не скрый въ собоѣ, но помози православнымъ; аще имъ поможети, то яко овча избавиши отъ устъ львовыхъ, аще ли умолчиши, то, яко отъемъ у Христа, предавши ихъ сѣтѣи. Аще ти речеть прець (*спорщикъ*): сию вѣру і ову Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, живши Бога двоевѣра, то не слышиши ли, окаяние, развращене злыя вѣры? Писанье глаголетъ: единый Богъ, единая вѣра, единое крещение,—рече Господь: тако бо лѣпо есть намъ і скон-

чати всю правду; да се все исполнятъ, толи вознесся, і ученики посла на проповѣданье. Ты же по проповѣданью апостольскому толико лѣтъ державъ правую вѣру, совратился еси на зловѣрье по наученью сѣтливцу. Не слышите ли апостола Павла глаголюща: «аше ангель приидеть съ небесе благовѣстити намъ, а не якоже мы благовѣстимъ, да буди проклятъ?» Вы же отринуша проповѣданье апостольское и св. отецъ исправленье, і приясте неправду і вѣру развращену, поиди многия погнѣбля; того ради имъ с вами недостоинѣ сужитъя примати, ни къ божественнымъ тайнамъ обще приступати,—ни имъ к нашей, ни намъ къ ихъ: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самаго Господа жива видяши, оде сную отца сядища: и пакы приидеть судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертвѣи, мертву жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну, і животь вѣчный обрѣста. Тако бо писано: «воздастъся комуждо по дѣломъ его», о Христѣ Исусѣ, о Господѣ нашемъ, Ему же слава. Аминь».

(Прав. Собес. 1865 г. кн. 8. Ист. Христ. Бусл. 1861 г. 518).

Въ этомъ посланіи въ числѣ обвиненій на Латинъ находитъсѣ такіе, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а не ко всей латинской церкви, или нынѣ и со всѣмъ не вѣрны. Пр. Феодосій о заблужденіяхъ Латинъ суждалъ по разсказамъ другихъ и по греческимъ писаніямъ, въ которыхъ тогда много неблизко изводили на Латинъ (Въ посл. конст. патріарха Мис. Керуларія къ Петру антіох. патріарху. Сборн. Соловец. № 886, л. 160. № 930 л. 144. См. Котелерія; Eccl. græcæe monum. 135—143. 581—584). Точно также и латинскіе послы обвиняли Грековъ во всевозможныхъ ересяхъ и расколахъ.

Посл. м-ти Льва объ опрѣснокахъ. Времен. V. мат. 1—18. Стязанье съ Латиню м-ти Георгія 1075 г. Ист. Рус. Ц. Макарія, II. пр. 221.

⁽¹⁾ Болгары держали магометанскую вѣру. См. Испытаніе вѣры в. кн. Владиміромъ.

⁽²⁾ Это внушение преп. Феодосія, чтобы помогать всакому иноуврѣцу въ бѣдѣ, лишеться высокохъ христовыхъ чувствовъ.

270—284, стр. 140—154. 297—320. Посл. Иоанна II (1080—1088) къ папѣ Клименту III. Уч. Зап. Акд. III. 4—20. Пам. XII в. 203. Здѣсь оно напечатано съ ошибками, что видно изъ латинскаго текста, переданнаго Герберштейномъ. *О мѣстѣ Иоанна см. Пол. Своб. соч. Неведина. VI, 635.* Посл. мѣстѣ Пиккатора къ Владимиру Мономаху до 1121. Христом. Буслаева 1864, 901—7.

Противъ латинскія обычаи находится замѣчаніе въ „Житіи Антона Рязанскаго“, а въ „Сказаніи о Довмонѣ“ рѣзко выражается презрительный взглядъ на всѣхъ иноземцевъ.

При чтеніи этихъ памятниковъ слѣдуетъ отличать русско-католической церковной администраціи и дисциплины сравнительно съ греко-восточной церковью и выдѣлать особенности направленія той и другой церкви.

116. Избраніе Владки 1193.

Преставился Гаврила архиепископъ новгородскій, м. майа въ 24, на святаго Свѣта, иже на Дивнѣи горѣ, и положенъ бысть въ прятворѣ св. Софія, постороны брата, нареченнаго въ чирнецствѣ Григоріи. И посемъ Новогородя съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены и съ Софьяны и съ попы гадаша промежу себе, снхотяху поставити Митрофана, а нини Мартурія, а друзія Гричина; и бысть распря въ нихъ. И положиша на святѣи трапезѣ три жребія, и послаша съ вѣча слѣдца, да, «коего намъ Богъ дастъ,» — и вынеса божіею благодатію Мартурія, и послаша по него, и абіе привезоша его въ Русь и посадиша во дворѣ св. Софія. И послаша о немъ къ митрополиту, глаголюще: «постави намъ владыку», — и присла по него съ великою честію; и иде съ предивны (знатныи) мужи, и пріавъ съ любовію князь Святославъ в митрополитъ, и поставиша ѣ декабрия 10, на память св. Мины и Ермодена. И пріиде въ Новгородъ генваря въ 16, на спаденіе веригамъ св. Петра.

(1 Новг. 21).

117. Посланіе св. Симона къ Черноризцу Поликарпу ок. 1225.

Брате, сѣди въ безмолвіи, събери умъ свой и рци къ себѣ: человекѣ! Нѣси ли міра оставилъ еси и поплоти родитель, аще же и здѣ пришелъ на спасеніе, а не духовная творить; что ради (за чѣмъ) въ черническое имя облекся (облекся) еси? А не избавить тебе муки чернилъ ризы. Се виждь, яко блажимъ (величаемъ) еси здѣ отъ князь и отъ бояръ и отъ всѣхъ другъ твоихъ, глаголютъ бо: «блаженъ еси, яко възненавидѣлъ еси міра и славы его, уже не печется ничѣмъ же земнымъ, небесныхъ желая.» Ты же не мнишески живиши. Великъ студи (стыдо) одержити мя тебе ради: аще же блажаше ны здѣ варяють ны (считающе насъ здѣсь блаженными предварятъ насъ) въ царство небесное, и ови въ покои обращутся, мы же мучимы горько возопіемъ; и кто помянетъ тя, самому себѣ погубившу?

Вспраия, брате, въспраия и попечися о своей души, работай господени съ страхомъ и съ всякою смиренною мудростію. Да не днеси кротоу, утро прѣи золь; змалъ молчаніе и пакы роптаніе на своего игумена и на того служители. Не буди лживъ, виною тѣлесною (подъ предлогомъ болѣзни) сбора церковнаго не отлучайся; яко же бо дождь раститъ сѣмя, тако и церква влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо, елико твориши въ келія, нивѣчтоже суть, аще и псалтирь чтеши или обанадесять (12) псалма поеш, ни единому Господи помянуи подобаетъ (несравнителен) съборному пѣнію. О семъ, брате, разумѣй, яко верховный апостолъ Петръ, самъ церкви сынъ Бога жива, егда ятъ (взяты) бысть отъ Ирода и всажены въ темницю, не отъ церкви ли бывающа

молитва избави отъ руку Продову?...
(Затѣмъ тексты св. Писанія: псал. 26, 4; Матѣ. 21, 31; 18, 20).

То аще толякъ сборъ болѣ ста собе-
регся, вѣруй, яко ту есть Богъ нашъ.
Отъ того бо божественнаго огня тѣхъ обѣдъ
створяется, его азъ желаю единого круп-
на, паче всего суща иже предо мною.
Свидѣтель ми есть Господь, яко нѣчемуже
быхъ неприсягъ (не прильпалъ) ко
иному брашню, развѣ четверти и гороху,
устроеннаго на святую братію. Ты же,
брате, не днесъ похваляй лежащихъ
на трапезѣ и утро на варящаго и
на служащаго брата ропщещи, и
смы старѣйшихъ пакость творя, и
обращенія мотылу (пометъ) бѣдый, яко-
же въ Патерици написано.... Терпѣ же,
брате, и досаженія; претерпѣвший бо до
конца спасется (Матѣ. 24, 13). Аще
бо и ключитѣйся (случитѣся) озлоблену
быти, и пришедъ нѣкто възвѣстити ти,
яко онеца потаза ты злъ⁽¹⁾, рци же
возвѣстившему ти: аще и укори мя, но
братъ ми есть и достоинъ бо есмь того,
не о себѣ же творить сего, но прагъ
поустыль (навоостриль) естъ на се, да
вражду сѣтворитъ между нами, Господь
же да попереть (уничтожитъ) лукава-
го, брата же да помилуетъ. Рече ми
же: яко въ лице ми досади предо
всѣми; не пристрашенъ буди, чадо, о
томъ, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, по
падъ поклонися до земля, а брату глаго-
ля: прости мя, и исправи въ себѣ пре-
грѣшеніе, и всю силу вражью побѣдиши.
Аще ли потязанъ спротивитися, сугубо
(вдвое) еси себѣ досадишь. Ты ли болѣе
еси Давыда царя, емуже Семей досажа-
ше въ лицѣ, единъ же отъ слугъ ца-
ревъ нестерпѣ: иду, рече, и отъгну гла-
вы его, почто песь мертвый проклинаеть

господа (господина) моего? Но что же
рече и Давыдъ къ нему: о сыну Сарушъ!
не дѣй сего, да видятъ Господь смиреніе
мое и въздастъ ми Господь благая, кля-
твы его ради.

Помысли, чадо, и больша, како Го-
сподь нашъ смири себѣ, бывъ послушавъ
сѣ смерти своему Отцу, *досаждаемъ не
въ спрещаше, (1 Петр. 2, 23)*; слыша—
ся: *блсъ имаша*, по лепобіемъ и зау-
шаемъ, оплеваемъ не гнѣвашеся, но и за
распинаемая моляшеся, и тебе научилъ
есть: «*молите, рече, за враги своя и
добро творите ненавидящимъ васъ, благо-
словите клануща вы.*» (Мѣ. 5, 44).
Довольно же ти буди, брате, твоего кру-
подушіа (гордости)⁽¹⁾ сѣтворенное дѣло;
тѣмже ти плакатися подобаетъ да про-
щень будещи, яко оставилъ св. честный
монастырь и св. отецъ Антоніа и Тео-
досіа и св. черноризецъ, иже сънима, и
ялъся еси игуменниги у св. безмезднику⁽²⁾.
Добрѣ еси сѣтворилъ, лишивъ такового
начинанія пустошнаго, и не далъ еси
плещу врагу своему, ибо врагѣ желаніе
погубити тя хотяше. Не вѣси ли, яко
древо часто напаяемо скоро испесть (*за-
сохнетъ*), и ты отъ послушанія отча и
братія своей оставь свое мѣсто, въско-
рѣ хотяше погибнути; овча пребывая въ
стадѣ неврежено будетъ, а отлучившеся
въскорѣ погибнетъ и волкомъ изъѣдено
будетъ. Подобаше ти прежде разсудити,
что ради въсхотѣлъ еси пзыти отъ свя-
таго и блаженнаго и честнаго и спасе-
наго того мѣста Печерскаго, въ немъ же
дшившеся всякому хотяще спастися? Мню,
брате, яко *Богъ сотвори се, не терпя
твоея гордости и изверже тя*, яко

(1) Вотъ онъ укорялъ тебѣ. Въ пародѣ сохра-
нилось доселѣ сл. *таза*—ругать.

(1) *Круподушіе* —щекотливость, противопо-
лагается въ древнихъ памятникахъ, *круподушію*—
мужеству и терпѣнію.

(2) Въ монастырѣ безсребренниковъ Козьмы и
Даміана.

же прежде сатану со отступными силами, зане (ибо) невосхотѣлъ еси служити своему мужеву, своему господину, а нашему брату архимандриту Авкидну, игумену Печерьскому.

Печерскій монастырь морь есть, не держитъ въ себе ничего, но измѣщаетъ вонъ. А еже въписахъ ми еси досаду свою, люте тебѣ, яко погубилъ еси душу свою. Вѣпрошаю тебѣ: чимъ хочещи спастися? Аще постыжкѣ еси, или трезвитель о вѣсѣхъ, и вощь безъ сна пребывая, а досады не терпя, не получиши спасенія. Но радуется о тебѣ игумень и вся братія, и мы вѣсѣ слышавше и вси утѣшхомся о обрѣтеніи твоёмъ, яко погубилъ бл—и обрѣтешя. Попустихъ же и еще твоей воли быти, а не игумень, восхотѣлъ еси пакы игуменити у св. Димитрія, а не бы тебѣ принудилъ игумень, или князь или азъ. И се уже вскусялся еси. Разумѣй, брате, яко не угодно Богу твое старшинство, а сего ради дарова ти оскрудѣніе очю, (слабость зрѣнія); то ты ни тако адрогнуся, идеже бѣ рещи: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научюся оправданіемъ твоимъ». Разумѣхъ ты самолюбца и славы ищещи отъ человекъ, а не отъ Бога. Не вѣруещи, оканяѣ, писанному: «никтоже о себѣ възметъ чести, но званый отъ Бога»; аще бо апостолу не вѣруещи, то ни Христу. Что отъ человекъ ищещи саяу саяу, а не отъ Бога, сущимъ же отъ Бога не хочещи повинутися и мыслиши высочайшия, идѣже древесе таковы въ небесѣхъ оверженіи быша. Азъ несмъ ли, глаголюши, достоинъ увѣритися такому саяу? или хужди есмь чимъ иконома сего, или его брата сплюща (приспѣвающаго кушанья)? Самъ не получишъ желанія мятешися, ищещи же часто исходити отъ келіи въ келію, и ту сваживать (со-

рить) брата зъ братомъ, многоли не полезная: или мнѣ сій игумень и сій икономъ, яко здѣ токмо спастися възможно, а вами что ни не разумѣють. Сидявольская начинанія, сін точныхъ тебѣ изыщѣства! Аще ли и самъ кое предспѣяніе (успѣхъ) получиши яко стати ти на высочайшемъ мѣстѣ, не забывая смиренныя мудрости, да егда прилучитися съступлши съ степеніи, и обрѣцеша путь свой смиренны, и не впадеши въ скорбѣ различныя. Пишетъ же ми княгини Ростиславая Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Оконіево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто, — «аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради», — я рѣхъ ей: тщи (дочь) моя Анастасіе! дѣло небогоугодно хочещи сътворити; абы пребылъ въ монастырѣ неосходво съ чистотою съвѣстію, въ послушаніи игумени и всей братіи, трезвяся о вѣсѣхъ, то не токмо бы въ святительскую одежду оболченъ, но и вышняго царства достоинъ бы былъ. Ты же, брате, епископству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хочещи, во послушай глаголюща къ Тимофею Павла апостола, почеть разумѣши, аще еси что отъ того исправилъ, какому подобаетъ быти епископу. Аще бы ты былъ достоинъ такового сана, нѣ быхъ ты пустилъ отъ себе, но своимъ рука на намѣстника ты поставилъ быхъ въ обѣ епископы, Владимірію и Суздалью, якоже князь Георгій хотѣлъ, но азъ ему възбранилъ, видя твое веледущіе (гордость). Аще мене преслушаешися, кацѣй-любю (какой-либо) влести въскопещи, или епископству или игуменьству повинившися, буде клятва, а не благословеніе, и кому не ввидеши въ святое и честное мѣсто, въ немъ же еси остригался, и аки сосудъ непотребенъ будещи и изверженъ и плакатися имаше много. Брате, не то свершеніе (совершен-

ство) есть, еже славиму быти отъ всѣхъ, но еже исправити житіе и чисто себе снабдети. Отъ того, брате, Печерскаго монастыря мнози епископы поставлены быша; яко же отъ самого Христа Бога нашего апостоли въ всю вселенную послани быша, такоже отъ того Матере Госпожа наша Богородица великаго монастыря тоя, мнози епископы поставлены быша въ всю Рускую землю. Первый Ростовскій священномученикъ Леонтія, его же Богъ прослави нетлѣшимъ, и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, много мучивше, убиша; и се третій гражанинъ небесный бысть Рускаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчався отъ Христа, егоже ради убиенъ бысть. Иларіона м-та чель есть самъ въ житіи св. Антоніа, яко отъ того постриженъ бысть, и тако священства сподобленъ бысть. По сихъ же Николае, Ефремъ Переяславлю, Исаіа Ростову, Германъ Новуграду, Стефанъ Владимірю, Нифонтъ Новуграду, Маринъ Юрьеву, Мина Полотъску, Николае Тмуторокану, Θεоктистъ Чернигову, Лаврентій Турову, Лука Бѣлуграду, Ефремъ Суздаю. Аще хоцеша вся увѣдати, почти лѣтоисчисла старого ростовскаго, есть бо всѣхъ болѣ 30, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мною, близъ 50. Разумѣй, брате, колка слава того монастыря, и постыдився покаяся, и изволи си тихое и безмятежное житіе, къ нему же Господь привелъ тя. Азъ бы радъ оставилъ епископство и работалъ игумену, но вѣси, кая вещь держитъ мя. И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сеа зборныя (соборной) церкви, красоты владимерьскія и другія суздальскія церкви, юже самъ создавъ? Колико же мѣста градовъ и селъ, и десятину збирають по всей земли той, и тѣмъ всѣмъ владѣтъ наша худость! Предъ Богомъ ти молвлю: всю сию славу и власть яко калъ (грязь) мѣлъ быхъ, аще бы ми трескою (пал-

кой) торчати за враты, или сметіемъ (соромъ, что считается) валѣтися въ Печерскомъ монастыри и попираему быти человекѣ. Лучшиа есть чести временная день единъ въ дому божіа Матере, паче 5000 лѣтъ, въ немъ же волявъ (изволявъ) быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничѣхъ.

(Пам. XII в., 249—257).

За тѣмъ осталая часть посланія Симона состоитъ изъ поучительныхъ разсказовъ о Печерскихъ подвижникахъ. Она помѣщается обыкновенно въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ. Ист. Рус. Цер. Макарія. III, 156—160.

118. Посланіе Константину патріарха Германа II, 1228 г.

«Германъ, милостію божіею архіепископъ всея восселенія, патріархъ, смиренный митрополитъ Ефесскій Θεодоръ, смиренный м-тъ Кизическій Никиторъ, смиренный м-тъ Сардинскій Георгій, смиренный м-тъ Ясскій Θεодоръ, смиренный м-тъ Амастрійскій Никола, смиренный м-тъ Прускій Сергій.

Восесвященный митрополите всея Руси, о Господи любимый брате и служебниче нашего смвренія, Кирлеонтъ (Кирилл)! Пріепѣ во слухъ нашего смвренія, яко вѣдѣи во Русской странѣ прежде смѣющимъ мужи нѣкіа купящимъ и корабьскому игу влекуше, аще и плѣнники вѣкіа, потомъ учителямъ ихъ предающе, учити священныя грамоты и ученія священныя возрастъ, возводить по чину ихъ ко священнодостоіанію, ко епископомъ сихъ приводяще, но прежде сихъ отпустивше работнаго ига (изъ рабства), яко же и поставленія священія совершени работнымъ (рабамъ) быти оупъ іереомъ рабимъ именемъ безчестованномъ быти, иже, усыновленіе дарующимъ крещеніемъ вѣрующимъ.

Сей убо вослухи вопйде нашего смиренія и божественному священному собору, священнымъ митрополитамъ вѣстѣмъ, и упыни и скрби исполнены многы; иже отиудѣ дѣется во странѣ христіанствѣ сѣковое безаконіе. Тѣмже братски пишемъ ко твоему священству и еже под тобою боголюбивымъ епископомъ, да якожъ могуще, отсѣцѣте всѣковое безаконіе и неправыто прегрѣшеніе; но еже противная во едино съмѣдшесѣ не можета. Тако бо аще рабъ по Бозѣ свободенъ ходатай вѣрнымъ. И колико Господени ходатай, иже господствуя отъ ходатающаго. Павлу же, великому апостолу, не мните сиче; не бо инако Описима апостольскаго даровацѣя и еподобилъ, развѣ Филипповыхъ отпустился рукъ. Мнози же священныхъ и божественныхъ правилъ и законъ безаконіе се отговяты отъ христіанскаго бытія. И поимнулъ быхъ и сѣковое правило и законъ, аще быхомъ не писали к тебѣ, добръ вся вѣдущему. Унастрой убо благовремененъ и невремененъ, съ всеми боголюбивыми епископы: обличите, запретите, молитесь, отлучите и отъ нашего смиренія священнаго собора, иже таковыи имѣюще прегрѣшенія, да не божественныхъ ругаются, да не честная безчествуютъ; да ни единого же отъ господь понудите на священіе привести работающихъ имъ. Аще ли хотятъ привести Божови жертву за свое спасеніе, да будетъ жертва во веселѣніи, душею и тѣломъ возложится Божови. Не убо могутъ Божови работати и мамонѣ. Аще ли не угодно будетъ се господствующимъ, да не имѣютъ своя рабы подручны себѣ. Вѣдомо же буди вѣмъ, иже отъ тебе, боголюбивымъ епископомъ, яже о семъ, яко никогда же кого работнаго на священіе приводити; но прежде отъ своего господина дасть ему списанную свободу, и чадомъ его. Мѣсяца мая, видѣкта во 1.

Приказываетъ же наше смиреніе, и о Душѣ св. и съ неразрушимомъ отлуче-

ніемъ, востыгъ благочестивымъ княземъ и прочимъ старѣйшимъ вѣствующимъ тамо, да огребаютъ отпудъ у церковныхъ монастырскихъ стѣзаний прочнѣхъ праведныхъ ии подобаетъ отъ святительскихъ судовъ распустити явѣ яко дѣволѣнія восхищенія. Сіа бо душевная сущая соблазны. Архіереемъ единѣмъ повелѣваемъ божественни священни канони и законъ христіанскій сюдѣти и сиравляти. Тѣмъ иризънаемымъ ни, якожъ рекохомъ, огребатися отъ сихъ.

(Ист. Рус. Ц. Макарія, III, 337—338. Корж. Рум. Мус. № 232 л. 319—320.)

119. Посольство папы къ Даниилу князю Галицкому 1254.

Во Краковѣ бѣша послы папныи, носяще благословеніе отъ папы и вѣнецъ и санъ королевства, хотѣще видѣти князя Данила; онъ же рече имъ: «не подобаетъ ми видѣтися съ вами въ чужей землѣ, въ паки». Оттуда же пройде землю Судомирскую и приде во градъ Холмъ, съ честію и со славою, въ домъ Пречистотѣ, падъ поклонися и прослави Бога о бывшемъ: не бѣ бо инокоторый князь Русскій воевалъ землѣ Чешской...

Въ лѣто 6763 (1255). Присла папа послы честныи, носяще вѣнецъ и скипетръ и коруну, еже назречеться королевскій санъ, рекымъ: «сыну, приими отъ насъ вѣнецъ королевства». Древле бо то прислалъ къ нему пискупа Беренского и Каменедького, река ему: «приими вѣнецъ королевства»; онъ же въ то время не приалъ бѣ, река: «ратъ татарьскал не прѣстаетъ злѣ живущи съ нами; то како могу прияти вѣнецъ, безъ помощи твоей»? Опиза же (Opiso—*легатъ римскій*) при-

де вѣнецъ нося, обѣщаваяся, яко «помощь имѣти ти отъ папы»; оному же однако не хоташу, и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовитъ, и бодре ладъскыѣ, рекуше: дабы пріялъ бы вѣнецъ, «а мы есмь на помощь противу поганымъ». Онъ же вѣнецъ отъ Бога прія, отъ церкви св. апостолъ и отъ стола св. Петра, и отъ отца своего папы Некенгія (*Инокентія*), и отъ всихъ епископовъ своихъ. Некенгій бо кляняте тѣхъ хулящихъ вѣру грецкую православную, и хоташу ему соборъ (*соборъ*) творити о правой вѣрѣ о воединѣи церкви. Данило же прія отъ Бога вѣнецъ въ городѣ Дорогичинѣ.

(*Inat.* 190—1).

Папскую грамоту 1257 г. Данилу Романовичу см. въ *Hist. Russiae monumenta* I, 84—5. До 40 писемъ посланий по дѣламъ Ливоніи 1216—1240. Тамъ же № 4 и дал. Историч. документы о притязаніи папъ подчинить рус. церковь своей власти. Сынъ Отеч. 1847, IV. 1—20.

120. Изъ правила м-та Кирилла II на соборѣ Владимірскомъ 1274.

...Азъ Кирилъ Смѣренныи митрополитъ всея Руси многа убо видѣниемъ и слышаниемъ неустроение (*въ*) церквахъ, ово сице держаща, ово низко, несъгласія многа и грубости или неустроениемъ пастушьескимъ (*пастырскимъ*), или обычаемъ неразумныи, или неприхождениемъ епископъ, или отъ неразумныхъ (*непоилтнхъ*) правилъ церковныхъ. Попрачени бо бѣху прежь сего облакомъ мудрости елиньскаго языка (¹), нынѣ же

облесташа, рекше истолкованы быша, и благодатью божіею ясно сияють, невѣдѣніи тму отговнаше, и все просвѣщающе свѣтъ разумнымъ и отъ грѣхъ избавляюще тѣмъ иже невѣдѣнимъ; прочее Богъ да съхранитъ насъ, а грѣхъ да проститъ, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтитъ ны Богъ и вразумитъ ны, да никакоже преступающе отеческия заповѣди горе наслѣдуемъ. Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше божія правила? не растя ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяти ли быша гради наши? не млоша ли силнии наши князи острпемъ меча? не поведѣни ли быша въ плѣнь чада наша? не запустѣша ли св. божія церкви? не томимы ли есмь на всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ поганъ (*Татаръ*)? Си вся бывають намъ, зане не хранимъ правилъ св. нашихъ и препод. отецъ. Нынѣ же азъ момыслихъ съ св. съборомъ и съ препод. епископы, иѣкако о церковныхъ вещехъ испытанію извѣстныи творити. Приде бо къ слуху нашъ (*мы услышали*), яко плѣци отъ братья нашихъ дерзнуша продати священныи санъ и причитати я къ церквамъ, и взимати отъ нихъ нѣкыя уроки глаголемыя, и забыша правила реченаго св. апостолъ и препод. отецъ нашихъ, да слышать ясно вси: «поставленыи намъздѣ, да пзвержеться и поставлше его»... Аще кто пзвиться отъ св. нашего собора, или игумена въ игуменьство, емя отъ него что, салица на мзды, рекомое „посошное“, или постризая лирскаго попъ на мзды въ игуменьство, или попа поставлаетъ къ церкви емя у него что, да будутъ извержени, ходатаиствующии да будутъ проклати (¹). Епископи же

(¹) Замѣтательно, что эта рѣзкая выходка относится къ внимательству князей и вообще вѣлительныхъ лицъ, какъ мы видѣли выше въ послѣдніи Спмона къ Поликарпу.

(¹) Прежде непонятны были книги греческимъ и переводами. Это выписано изъ Сербской Коричей.

егда хотятъ поставити попа или дьякона, да испытають *(испытываютъ)* житие его, како будетъ имѣть житие прежде поставленья, да призвуютъ знаемыхъ сусѣди, его же знаютъ надѣтска, якоже правило седмое глаголетъ Феодора епископа Александрийскаго: да свидѣять поставленье вси священники, аще одинако смыслятъ, и тогда епископъ да испытаетъ, и пришедшимъ свидѣтельствовавшимъ о немъ, да поставленъ будетъ. Поставление же втайнѣ не бывае, но всемъ намъ вѣдомо будетъ, еда како пришелецъ будетъ иноя страны и утаивъ съгрѣшенно украдетъ священство... а или въ лживѣ послушствѣ былъ будетъ, или убийство совершилъ будетъ, волею или нужею, или резовникъ *(берущий проценты)*, или челяде друца *(томитъ прислугу)* голодомъ и паготою, страдою *(работой)* насилье творя, или даня бѣгая или чароубецъ. Аще кто отъ прежде реченыхъ снхъ винъ хотя единою ятъ будетъ, таковыи не можетъ быти попъ, ни дьяконъ, ни причетникъ.

...Не взимати же у нихъ ничтоже, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополи, да будетъ се въ всехъ епископахъ, да възмутъ клирошане 7 гривенъ отъ поповства и отъ дьяконства отъ обою. Аще ли кто по уставу нашему болѣ сего емля отъ дьякона, или отъ попа, или отъ игумена, или отъ проскуривающа, и отъ нищихъ насилье дѣюще: или на жатахъ, или спинахъ, или провозъ дѣяти, или иная нѣкая сборное емлюще ⁽¹⁾, или на мѣстеники поставляющии на мзды, или десятильника, или егда божественныя съборы собиралъ тогда нѣкако собирающе собирають отъ властей церковныхъ, или скареднаго дѣла прибытка отлучаютъ нѣкыя отъ цер-

кве, не божия дѣла закона, но своею ради прибытка, или угоды нѣкого дѣла.... Паки же увѣдѣхомъ бѣсовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ Елиныхъ, въ божественныя праздники позыры иѣкакы бѣсовскыя творити, съ свистаишемъ, и съ клячемъ и въилемъ съзывающе нѣкы скаредныя пьяница, и быюща дѣрколемъ до самыя смерти и взимающе отъ убиваемыхъ порты *(платье)*. На укоризну се бывае божиихъ празднникомъ и на досаждение божиихъ церквамъ. Паче о семъ досажать нашему Спасу и Заступу *(заступнику)*, иже насъ избавя отъ проказы смертныя и отъ туги *(тлѣности)* дьявола... Паки обрѣтохомъ въ предѣлахъ новгородскихъ, дьяконы емлющи божественныя ащы, и прежде поповъ проскурмисание творяще, и потоки пришедшемъ попомъ послѣ проскурмисати.... Понѣже увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ перодство творяще, бещенъ *(безчестно)* святительско, унивающа безмѣры въ св. пречистыя дѣла постенныя, отъ свѣтлыя недѣли вербныя до всѣхъ святыхъ, яко не быти божественному приношенно, ни божественнаго крещенна до всѣхъ святыхъ.... Паки же увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ, яко иѣкыи не свлщенны освящаютъ приносима къ церкви плодоси, рекше крупы или кутья за жертвы; повелѣваемъ отъ сего времени таковому не быти, ни отъ дьяконовъ да не освящено... Аще кто изъобразится по снхъ правилѣхъ бещенъ творя, да изгнанъ будетъ отъ св. божиихъ церквей, а убѣдени да будутъ прокляти въ снхъ вѣкъ и въ будущи. Аще нашему законоположенно противятся, то на прѣвощаи отъ нихъ примати, рекше просфоры, и кутья, и свѣчи. Аще и умереть, то надъ нихъ ни ходѣ перѣи и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ божиихъ церквей. Аще который попъ дерзаетъ что

⁽¹⁾ Т. е. если будетъ заставлять работать на себя что—нибудь, какъ бывало, въролпо, прежде.

сворити над ними, да будетъ тяжьъ своего сана.

(Рус. Дост. I, стр. 107—117).

(См. также: опис. Рум. Муз. 221. Чтен. общ. ист. и древн. 1847 г. 8. Смѣсь.

121. Изъ поученія Кирилла м-та Кіевскаго до 1280.

Слышите убо отцы о Господѣ, архiereйскій и священноиноческій и иерейскій преподобный и священныи соборе, к вамъ ми слово сказати предлежитъ. Поже вы нарекошеся по благодати данной вамъ отъ Бога, и по апостольскому званію, земныи ангели и небесныи челоуѣци, и свѣтъ и соль земли, якоже глаголетъ божественное писаніе... Тѣмъ же убо, о иереи, сохраните убо себе отъ скверныхъ сатанинскихъ всякихъ дѣлъ, яко же глаголетъ Златоустъ: отвержете отъ себе пьянство и объяденіе, лишитесь тяжбы, сваровъ, вражды и хулы на друга своего, и сквернаго мздоманія, клятвы и лжи, скупости и ненависти и лукавства. Сему внимайте, сему учитесь, сему другъ друга понужайте, како бы вамъ не порочнымъ стати на страшномъ и грозномъ судѣ во второе пришествіе христово, егда будетъ судити всей вселенной, и како слово воздати оу людехъ коемуждо въ пастыи своей. Того ради всяко попытеся о своемъ спасеніи, и образъ себе сами собою показуйте во всякомъ благочестіи, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесахъ. Вамъ бо есть слово воздати о стадахъ своемъ. Аще бо кто единого отъ сихъ изгубитъ паствы своей небреженіемъ, не все ли свое превратитъ есть спасеніе, и не лучше

ли сему, яко да обяжется жерновъ осли на выю его, и погрузится въ мори; души бо единыи отъ челоуѣкъ недостойныи весь міръ: како иже мнози души соблазнительныи отъ васъ, не имать погрузитися во огни негасимомъ въ геенѣ. Простѣтъ бо согрѣшившій, за свою едину душу отвѣтъ дастъ Богу, иерей же за многихъ. Тѣмъ же слышите и іоанна Златоустаго и усрамитесь его реченія, еже рече: *Горе вамъ возводи спящи, оставаше слово божіе и чреву служаще, ихъ же Богъ чрево, и слава ихъ въ студъ, иже млеко и волну отъ стада емлюще, а о овцахъ не пекущеся, о нихъ же слово имате воздати въ великій день оный...* Къ сему же, о иереи, божественная писанія любите и въ нихъ поучайтесь, писаніи бо прочитаніе небесемъ есть отверженіе. Мнози убо не прочитаніемъ книгъ съ праваго пути совратившася, вы же убо избирайте разумѣнія отъ божественныхъ писаній, якоже добрая пчела пребывающа на цвѣтахъ и отъ нихъ взимающа, былія же оставляюща. *Дожныхъ же книгъ не почитайте*, и отъ еретикъ уклоняйтесь, и общенія съ ними не имайте, а бусловцемъ и сквернословцемъ и во вѣческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаній и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубу правовѣрныхъ душамъ, устіе заграждайте и возбравайте, отъ писаней святыхъ слово пріимше. Иже убо кто отъ васъ вѣсть чему въ разумѣ достиженъ (*чего не понимаетъ*), той искушѣйшаго вопрошаеъ...

Блюдайте и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготю не томите, но любите ихъ, яко своя уды, или яко Христосъ насъ всѣхъ, тако же творите; дѣтя своя духовныи наказуйте (*учите*). И аще сохраните сія вся заповѣданная, то Бога воз-

веселите, и ангелы удивите, и молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, и земля нашей отъ иновѣрныхъ бесерисенскихъ страиъ облегчится, и милость божія на вся страны рускія земли умножится, и пагуба и тли (*уничтоженіе*) плодомъ и скотомъ престануть, и гнѣвъ божій утляется, и народы всея рускія земли въ тишинѣ и безмолвіи пожизнутъ, и милость божію получать въ нынѣшнемъ вѣдѣ, а не же въ будущемъ... Се уже видимо, любими, кончина міру приближися и урокъ (*конецъ, уреченное*) житію нашему пріспѣ, и дѣла сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во евангелии сѣце (*рече*): «Востанетъ бо языкъ на языкъ и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя, и сильный на сильнаго». И вся сія збышася...

(Чт. общ. Ист. и древн. Рос. 1847 г. № 8, Смысь).

См. также: Приб. къ твор. св. От. 1843 г. № 4; 1861 г., I, 414 — 432; Правосл. Собес. 1859, I, 244.

Очень не удивительно, что Кириллъ преувеличилъ недостатки духовенства, когда подъ влияниемъ Татарскаго владычества было строгое обличеніе неправды, какъ причины падѣна Россіи.

Кириллу также приписываютъ Послание къ сину и кн. Александра, Поученіе и к. Василию и нѣсколько другихъ словъ, сохранившихся въ Мѣрилѣ Праведномъ 1350. Обзоръ рус. яттер. Филарета 52. Прав. Собес. 1861, III, 467.

О недостаткахъ жизни духовенства можно встрѣчать факты еще въ Прав. м-та Іоанна до 1089; въ Сл. Заточника, въ Сл. Серапіона о кончинѣ міра, въ поуч. м-та Петра п. 1308.

122. Ярлыкъ хана Узбека 1313.

Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою, и величествомъ, и милостію Его мноую. Азѣяково слово, всенитъ нашимъ

княземъ великимъ и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ, и вельможамъ, и княземъ нашимъ утѣлымъ, и дорогамъ славнымъ, и полчвымъ княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и избирателемъ, и баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцемъ, и данщикомъ и вѣсцомъ нашимъ, и зимовьящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и парадусникомъ, и всѣмъ людямъ высокимъ, и нижнимъ, и малымъ, и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣеть; да никтоже обидитъ (*на Руси*) соборную церковь Петра митрополита, и его людей и церковныхъ его; да никто же възвмаетъ съжавай, ни имѣниемъ, ни люддемъ; а знаетъ м-тъ Петръ въ правду и право судить, и управляетъ люди своя въ правду; и въ чемъ ни буди — въ разбои, и въ поличномъ, и въ татѣ, и во всякихъ дѣлахъ — вѣдаетъ Петръ м-тъ еднѣ, или кому прикажетъ; да вся покорятся и повинуются м-ту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и деатеремъ; да не вступаются въ перковное митрополитіе никтоже, заведе то божіе есть все; а кто вступается, а нашъ ярлыкъ и наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ Него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А м-тъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣмается, да правымъ сердцемъ, и правую мыслію своя вся церковная устроить, и судить, и вѣдаетъ, или кому пожелитъ таковая вѣдати и управлять. А намъ въ то не вступатися ни вочтоже, и дѣломъ нашимъ, ни всѣмъ княземъ нашимъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто

ничѣмъ въ церковная и въ митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловаи ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земля ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конекіе, ни во всякіе скотскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди, и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложивши старыя отъ начала ихъ, то все вѣдаеть м-тъ, или кому да прикажетъ, да nebudeтъ ничтоже перечислено, или порушено, или кѣмъ изобижено. Да пребываетъ м-тъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякіе годки (*непріятныхъ притязаній*), да правымъ сердцемъ и правою мыслію молить Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. Мы бо такоже управляемъ и жалуетъ, якоже прежніе цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ; а мы по тому же пути и тѣми же ярлыки жалуетъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы божіа бжежемъ и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ божіе, и тотъ будетъ повиненъ, а гнѣвъ божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертію казнію, да то видя нынѣ въ боязи будутъ. А побудутъ наши баскаки, тамошники, даншники, поборщани и писцы, по словъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово моляло, да будутъ все соборные церкви цѣлы митрополича, ничѣмъ ни отъ кого не изобижены вси его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣеть, и архимандриты, и игумены, и попы и вся его причта церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Давъ ли на насъ ездють, или иное что ни буди: тамга ли, помолужное ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, ловатва ли кая ни буди наша, или егда на службу нашу еъ нашихъ удельовъ повелитъ рать собирать, гдѣ восхотитъ повести, — а отъ соборныхъ церквей Петра

м-та никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей, и отъ всего его причта; тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и прежде насъ не вѣдаетъ, что бога бессмертнаго силою и волею живутъ все, и воюють? то все вѣдаютъ; и мы, Богу моляся, по первыхъ царей грамотамъ грамоты имъ давали жалованье, а не изыначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было прежде насъ, тако моля, и наше слово уставило по первому пути, которая данъ по первому пути наша будетъ, или запросы наши накинеть, или помолужное, или посылы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или поводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или царитъ и кто ни естъ, и кто ни буди, и да не взимають, и да не просятъ ничтоже; и что возмуть, и они назадъ дадутъ третщею; и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотреть. А что будутъ церковные люди, ремесленцы кои, или писцы, или каменныя здатели или дроводѣльные, или иные мастера каковы ни буди, или ловцы, каковаго лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши да не вступаются никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ, и пардусники наши, и ловцы наши, и сокольники наши, и побережники наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимають ихъ, ни у нихъ дѣльных ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церквя, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ вѣру осуждати ихъ и хулити, тотъ человекъ не извинится ничѣмъ же, и умретъ злою смертію. А что попы и диаконы, еднѣ хлѣбъ ладше и во едномъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по тому же пути наше пожалованіе. Еже кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а м-ту не служить а жаетъ себѣ, тотъ именемъ поповскимъ да не отнимается, но даетъ дань; а поны, и диа-

коны, и причты церковные пожалованы от насъ по первой нашей грамотѣ и стоять молящися за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслию; а кто учнетъ не правымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ пощъ, или діаконъ, или причетникъ, или церковные иные люди кто ни буди, откуда ни есть, митрополиту похотятъ служить, и о насъ Богу молитися, что будетъ о нихъ у м-та въ мысли, то вѣдаеть м-тъ. Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру м-ту грамоту сію для крѣпости ему, да сію грѣмѣту видяще и слышаще вси людѣ, и вси перкви, и монастыри, и вси причты церковные да не преслашаютъ его ни въ чемъ, но послушны ему будутъ по закону ихъ, и по старонѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ митрополитъ правымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ скорби всякия, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступится въ церковное и митрополитчѣ, и на того будетъ гнѣвъ божій, а по нашему великому наказанію и истязанію не извинится ничимъ же, и умереть злою смертною казнію. Такъ ярлыкъ нашъ, такъ молва слово наше учинило, таковою дающею крѣпостию утвердilo. *Завѣщаніе* лѣта, осенняго перваго мѣсяца четвертаго *ветха* на поляхъ писана и дана».

(Ист. гос. рос. Карамзина IV, пр. 245; Собр. гос. грам. II, № 7).

Кругъ дѣтосчисления у монголовъ,—такъ же, какъ у восточныхъ Турокъ,—состоялъ изъ 12 лѣтъ: 1-й годъ назывался мышью, 2-й быкомъ, 3-й рысью и барсомъ, 4-й змеею, 5-й проводилою, 6-й конемъ, 7-й козломъ, 8-й бараномъ, 9-й обезьяною, 10-й курицею, 11-й конемъ 12-й свиньею. Мѣсяцъ раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣлствуютъ ярмыи. Здѣсь сказано: «четвертаго *ветха*»; а въ другомъ: «въ 8 нова».

123. Ярлыкъ, данный Тайдуломъ м-ту Осгносту 1333.

По Зенебѣкову ярлыку, Тайдулову слову ордннскимъ улуснымъ княземъ, і волостнымъ и огороднымъ и сельскимъ до-рогамъ, і таможенникомъ, и побережникомъ, и мнохожимъ посломъ, и кто на какою дѣло поидетъ, ко всемъ поплнникомъ. Отъ давнихъ добрыхъ временъ і доселе, что зовутся богомолды і весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобе ни которые пошлны, занеже самому Богу молится за насъ і за наше племя в родъ и родъ и молитву воздаютъ. Такъ молва Осгноста м-та царь пожаловалъ со злою тамгою ярлыкъ далъ, і ны первыхъ ярлыкомъ не изыноча, такъ же молва Осгносту м-ту с млпненемъ грамоту дали есмы, и како онъ сѣлъ в Володимере молится за Зенебѣка царя і за наши дѣти молитву воздаютъ, а пошлны ему не надобе, ни подводы, ни коржъ, ни запросъ, никаковъ даръ, ни почестье не воздаютъ никакому, ни люди его; а земли его і воды, ни огородовъ, ни виноградныхъ, ни мельницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будетъ кашихъ, не замахотъ (*не трогаютъ*), ни силы не творять надъ нами, ни істомы никакой і не отнимаютъ у нихъ ничего; іли гдѣ стануть, да не емлютъ у нихъ ничего. Такъ есмы молвили; а кто паки безпутно силу учинитъ какову, іли пошлину замыслитъ, тотъ смертію умереть. І ты, Осгностъ м-тъ, возмолвишь, что такъ есмы пожалованъ, а которые к тебѣ не причастны огороды, виноградны, воды, земли, а надъ тѣмъ какову неправду учинишь, і ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ даси Богу і тотъ грѣхъ на тебѣ, а за насъ молитву воздай Богу. Тако молва на утверженіе млпненную грамоту дали есмы *завѣщаніе* лѣта, арами мѣсяца въ 8 нова, а жа-

лобу положилъ Тапобога, о Кхоча Мухтаръ, учагуя Каравчлѣ писали.

(О достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ. Григорьева. 1842).

Ярлыки выдавали ханы, называя съ Батыею, по крайней мѣрѣ въ Ил. лѣтоп. подъ 6763 г. сказано, что какою то владѣтель Кременецкій въ 1255 г. говорилъ: «Батыева грамота у мене есть». Ярлыки называются также мнѣшными грамотами отъ сл. мнѣшны—мѣшка, эвлыкъ, печать при грамотѣ.

124. Дѣйствія митроп. Всеволоста.

Въ лѣто 6835 (1327 г.) в. кн. тверскій Александръ Михайловичъ избѣи Татари па Тѣери, великихъ пословъ, Шевкала князя бесерменскаго и дружицу его, хотящу ему сѣсти во Тѣери на княженіи, а князя князя бесерменская посяжати по городомъ по рускимъ; хотяше привести христіанъ въ бесерменскую вѣру⁽¹⁾, а кн. Александра и братью его побити. И съзва кн. Александръ Тѣеричъ, нарекъ (призвавъ) Бога и рекъ тако: «братъ, мужи Тѣеричи! уповаемъ на милость божію, и стоянемъ дому св. Спаса⁽²⁾, и молитвою св. госпожа Богорица честнаго ея Успенія⁽³⁾, и молитвою св. новоявленною мученику Бориса и Глѣба землѣ Рускія; не я почлахъ избивати, но оны; да будетъ отместникъ Богъ крови отца моего и брата моего, заше прольѣ кровь Михайлову и Дмитре-

еву праведну⁽⁴⁾, егда и мнѣ се же хощеть съ творити и вѣру вашу въ бесерменство превратити?—и поиде на Шевкала. Онъ же слышавъ Александра идуща, и изыде противу и съступися восходящу солнцю, и бысть съча зла, и билася чрезъ весь день, и уже къ вечеру я одолѣ кн. Александръ; а Шевкалъ побѣже на сѣни (крыльцо высокое), и зажже кн. Александръ отца своего дворъ и сгорѣ, а Шевкалъ ту же сгорѣвъ пропале. И тогда же бѣше боголюбивый кн. Александръ унѣ веретою (юнгъ возрастомъ), съ вершенъ умомъ, цѣломудренъ душею, подѣвша мало дружинѣ и побѣхавъ во Псковъ градъ; и Псковичи его пріята честно, и крестъ къ нему цѣловаше, и посадиша его на княженіе. И на 3-е лѣто вложи окаинный врагъ дьяволъ въ сердце княземъ рускимъ разыскати кн. Александра, повелѣніемъ окаиннаго царя Возбѣка (Узбека): и подѣлше всю землю Рускую, и прѣхавше къ Новгороду, и подѣлше Новгородцовъ и всю область новгородскую отъ Бѣла-озера и отъ Заводочья и отъ Корѣлы. И ставше у Новгорода, послаша послове во Псковъ, Луку Протасьева съ дружиною, а отъ Новгорода владыку Мовселъ, и тысяцкого Авраама, и Федора посадника; и рекоша кн. Александру: «поѣдъ, господине, въ орду, не погуби крестіанъ отъ поганыхъ». Боголюбивый же князь хотѣ побѣхати въ орду за вся крестіаны. И рекоша Псковичи: «не ѣзди, господине, въ орду; оже что будетъ на тобѣ, изомремъ, господине, съ тобою во единомъ мѣстѣ». И догадався князь Иванъ, оже не вынати кн. Александра, ни выгнати ратно, и намолви (научило) м-та Всеволоста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятѣ и отлу-

(1) Конечно, это мнѣніе современниковъ составлялось изъ незнакомости къ Татарамъ, которые были всегда весьма вѣроуверенны, что ясно видно изъ этихъ ярлыковъ.

(2) Церковь св. Спаса была главнымъ и патрональною въ Твери.

(3) Подобныхъ выраженій много въ древнихъ писателѣхъ, но оны страшны на нашъ взглядъ, хотя понятны въ устахъ древнихъ книжниковъ.

(4) Заше князь воспоминаетъ страдальцевъ за Рускую землю—отца своего Михаила и брата, убитыхъ въ Орду.

чение на кн. Александра и на весь Псковъ ⁽¹⁾. Боголюбивый же князь Александръ рече Псковичемъ: «братья мои и друзи мои! не буди на васъ проклятія ни отлученія мене ради; ѣду изъ града вашего вонъ, не буди вашего пѣлованія на мнѣ, ни моего на васъ, только пѣлуйте крестъ на княгини моей, како вамъ не выдати». И Псковичи пѣловаше крестъ, и выѣха кн. Александръ изъ Пскова послодно съ Псковичи, не мога трѣпѣти проклятія и отлученія, зане кн. Александръ добротою и любовію въ сердци Псковичемъ. Тогда башеть во Псковѣ туга (*тлота, горе*) и печаль и молва (*споры*) многа по боголюбивомъ кн. Александрѣ. И послала Псковичи послове къ кн. Ивану, Селогу посадника, а съ нимъ Олуферя Мандыевича, Омицю Дорожжича, Явила Подуектовича, Андрѣя попа св. Николы: аже онъ стоитъ у града у Вопокя; а хоженіе его отъ Новгорода до Опоки 3 недѣли, но хотя Псковичъ розгнѣвити. И Селога посадникъ, и Олуферей, и Омица, и Явила, и Апарѣй пошъ праваша слово псковское: «князь Александръ изъ Пскова поѣхадъ прочь; а тобѣ господину своему князю в. весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попове и чернцы и черницы, и сироты и вдовицы, и жены и малыя дѣтя», Боголюбивый же кн. Иванъ услыша отъ псковскихъ пословъ, оже Александръ изъ

⁽¹⁾ Это весьма замѣчательное явленіе и рѣдкое въ Русской исторіи: 1, оно показываетъ сильное развитіе самодержавной власти князя, который распоряжается митрополитомъ и чрезъ него достигаетъ политическихъ цѣлей. 2, Въ XI в. власть духовная становится не заправляющею дѣлами, а рядомъ и въ связи съ свѣтской властью. 3, На Западѣ проклятія посылались постоянно, гдѣ папа присвоилъ себѣ и свѣтскую и духовную власть, а у насъ это было большимъ исключеніемъ. 4, Отлученіе сильно действовало на народъ въ средніе вѣка, какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Пскова выѣхалъ, и кончаша *миръ вѣчный* съ псковичи по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ; и благослови м-ть Θεогнасть и владыка Моисей Селогу посадника и весь Псковъ. И потомъ кн. Александръ, бывъ полтора года въ Литвѣ, и пріѣхаше въ Псковъ ко княгини; и пріиша его Псковичи съ честью, и посадиша его во Псковѣ на княженіи.

(П. С. Лѣт. IV, 185--186; также 50—52).

125. Грамота м-та Θεогноста 1353.

Благословеніе Θεогноста митроп. всея Руси къ дѣтямъ своимъ къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всѣмъ крестьяномъ Черного Яру и ко всѣмъ городамъ по великую Ворону. Молюся Богови, да будете душею и тѣломъ добры здоровы. Вѣдайте, дѣти занеже многожды рѣчи и мятежъ былъ промежи дѣтми владыками, рязанскимъ и сарайскимъ, про передѣлъ тѣ (*ту границу епархіи*), и послалъ быязъ къ вамъ игумена своего, да разсмотритъ по правдѣ, чій передѣлъ будетъ; и по того же игумена послушеству далъ есмь былъ грамоту владыцѣ сарайскому Афонасью: нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ владыка рязанскій съ крылошаны своими ⁽¹⁾ и привезлъ ко мнѣ грамоту брата моего, Максима м-та, а 2-ю грамоту брата моего, Петра м-та, и управливають (*оправдываютъ*) владыку рязанскаго, и велѣтъ ему держати всего передѣла того по великую Ворону; и явилъ ми и 3-ю грамоту владыки сарайскаго Софонья, какъ тѣ (*тогда*) ся отступилъ того передѣла,

⁽¹⁾ Съ пѣвцами и вообще людьми служащими съ нимъ.

что ся ему не вступатно; а еже не сарайскій передѣль, по рязанскій. И ся вся азъ нынѣ видѣвъ, расудяя есмь по тѣмъ грамотамъ братья моей митрополитовъ, что держатъ владыцѣ рязанскому передѣла того всего по великую Ворону. И еже быхъ переже спихъ грамотъ впадѣвъ, ни игумена быхъ не посылалъ извѣдывать (*узнавать*), ни грамоты быхъ сарайскому владыцѣ не далъ. И нынѣ есмь ту грамоту отложилъ, а грамотъ братья своей м-товъ на могу порушати. Итого дѣла (*ради*) нынѣ пишу къ вамъ и явно створю (*объявляю*), какъ по тѣмъ грамотамъ братья моей м-товъ управляю владыку рязанскаго, ать (*да*) вѣдаетъ передѣлъ тѣ весь, и далъ есмь владыцѣ рязанскому Кпрису грамоту правую, какъ и братья моя дали м-ты, и вы иитѣте къ нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и исполняйте все, елико (*что*) глаголетъ вамъ душеполезная и спасительная; а что будетъ церковная поплана, а то ему давайте, по давнему обычаю. А милость божья и св. Богородица и мое благословенье да будетъ съ вами.

(Ист. юс. рос. IV, нр. 362).

126. Повѣсть о Митяи архимандритѣ по слѣ 1380.

По представленіи иже въ святыхъ отца нашего Алексѣя м-та всея Русіи, възиде на степень его нѣкоторый архимандритъ, именемъ Миканлъ, нарицаемый *Митяй* (*уменьшит. иля*), зѣвъ же незнаемо нѣкако и странно, облечеса въ санъ митрополчъ, възложи на ся бѣлый клобукъ, и маватию съ источники и скрижалии, и церемонатку митрополчю по посохъ, и просто рещи во весь санъ ми-

трополчъ самъ ся постави. Прежде бо сего в кн. Дмитрій Ивановичъ просялъ того у Алексѣя м-та, дабы благословлялъ Митяя по своему животѣ на митрополчю; онъ же не хоташе того створити, понеже новоуку ему сушу въ чернечествѣ, якоже апостолъ глаголетъ: подобаетъ епископу непорочну быти и не новоуку, да не развеличався въ отѣхъ впадетъ діаволу. Князь же в. много о семъ нуждале митрополита: овогда самъ приходя, овогда же бояръ старѣйшихъ посылалъ къ нему, дабы сѣтворилъ волю его, благословилъ бы Митяя на митрополчю; Алексѣй же м-тъ, умоленъ бывъ и принуженъ, и на тако посули быти прощенію его, но извѣстѣя святительски и старчески, паче же пророчьски, рече: «азъ не доволенъ благословити его, но еже дати ему Богъ, и св. Богородица, и пресвященныи патріархъ и вселенскій съборъ». И бысть на немъ азаръ отъ всѣхъ челоуѣкъ, и мнози негодоваху о семъ, и священники неключимоваху (*досадовали*) о немъ, понеже еще не поставленъ сый вселенскимъ патріархомъ, но самъ дрзну на таковыи превысокий степень, и на дворѣ митрополчѣ живяше, и въ всемъ сану его хождаше, казну же и разницу взя, и боаре служажуть ему, и отроки предстоуху ему, и вся елика подобаетъ митрополчю, тѣмъ всемъ обладаше; и нача вѣоружатися на игумены и на священники и на черноризцы, епископы же и прозвѣтары въздыхаху отъ него глаголюще: «воля господня да будетъ». Взыскати же и распытывати о семъ, кто есть панѣствикъ сей Митяй, откуда бѣ, и что ради дрзновеніе таково и власть имяше. Бысть убо сей Митяй родомъ Коломенитинъ, саноу же поиъ, единъ отъ сущихъ тамо коломенскихъ поповъ, возрастомъ высокъ, тѣломъ не малъ, плечистъ, рожасть (*породистъ*), браду нитя плоску в велику и сѣвршену, словеса речистъ, глаза нитя красенъ, грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ,

чести гораздѣ, отъ князѣ сказати гораздѣ, всеми дѣлы поповскими извѣщенъ и по всему нарочить бѣ (знаменитъ былъ). И того ради избранъ бысть изволеніемъ в. князя въ отечество и въ печатники, и бысть Митяй отецъ духовный князю в. и всемъ бояромъ старѣйшимъ, еще же и печатникъ ⁽¹⁾. И пребысть въ таковѣмъ чину и въ таковѣмъ устроеніи много лѣтъ, дондеже съетарѣся старецъ Іоаннъ, нарѣцаемый Непейца, архимандритъ Спасскій, иже остави архимандритію въ старости глубоцѣ и сяде въ кѣлію молчанія радъ; и тогда взысканіе бысть кому быти по Непейцы архимандриту у Спаса, и въпрѣвыхъ помянутъ бысть Митяй, сего въсхотѣ князь в. архимандритомъ у Спаса, еже и бысть въскорѣ. Въсхищенъ бысть, акп нуждею, Митяй на постриженіе и приведенъ бысть въ церковь св. Спаса, и призванъ бысть ту отъ Михайлова чюда архимандритъ, именемъ Елисей, нарѣцаемый Чететка, и абіе постризаеъ. Митяя въ черици, и не токмо въ черница, но и въ архимандриты. И ту баше (видѣти) дива полно: иже до обѣда бѣлецъ сый, а по обѣдѣ архимандритъ; иже до обѣда мірянинъ, а по обѣдѣ мнихомъ вачалникъ и старцемъ старѣйшимъ, и наставникъ, и учитель, и вождъ и пастухъ! И пребысть Митяй въ архимандритѣхъ яко два лѣта. По преставленіи же Алексѣя м-та, оставль архимандритію, на пребольшій санъ устремися, повелѣніемъ в. князя на превысокій степень взыме, и творяше все, еже достонѣ митрополиту, по всей митрополи, и съ поповъ дань собираше, зборное же и роженственное, оброки же и помпны, то все взимае, гововлся на митрополи и пристраиваетъ себѣ все сущаа, къ пугному шестую потребнаа къ Царюграду на поставленіе. Но того лѣта не поиде,

хоташе поставитися на Руси въ епископы сущими епископы въ Руской земли. Сиде же ему умыслившу, и въ единѣ отъ днѣхъ бесѣдуетъ Митяй къ в. князю, глаголя: «почтохъ прѣвила св. отецъ и обрѣтохъ сиде въ низъ: яко достонѣ спешимъ епископомъ, елицы обрящутся 5 лѣа 6, да поставятъ епископа, — и нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да повелитъ дръжава твоѣ съ скоростію снитися епископомъ, сущимъ въ Рускій земля подѣ областію государствѣа твоего, и спешимъ поставитъ я мене въ епископы»; князь же в. Дмитрій повелѣ тако сему быти. Сшедшимъ же съ епископомъ и ни единъ же отъ нихъ дръзну рещи противу Митяю, но токмо Дюнисій епископъ суждалскій по многу възбрани князю в. глаголя: «не подобаше сему тако быти». Митяй же видѣ себе осрамлена и умышленіе его бездѣяно бысть. Нѣцыи же отъ малоумныхъ павздиша Митяю на Дюнисіа, а Дюнисію на Митяя; Митяй же осуди яко виновата Дюнисіа, и посла къ нему, рече: «что ради, о епископе, пришедъ въ градъ сей не приде ко мнѣ прѣже всѣхъ, ни поклонимъ ся, ни благословеніа потребова отъ мене, но яко небрегома створи мя; не веси ли, кто есмь азъ, яко имѣю власть въ всей митрополи»? Дюнисій же рече: «да на мнѣ не имаша власти ни единой же; тебѣ подобаше (паче) приити ко мнѣ, и благословитися и предъ мною поклонитися: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ, то кто болій есть, епископъ ли, или попъ»? Митяй же рече: «ты мя попомъ нарече, а язъ въ тебѣ ни поща доспѣю, а скрижали ⁽⁴⁾ твои своими руками спорю, но не вынѣ мщу тебѣ, но егда приду изъ Царяграда». И мнози распрѣ бывши ме-

⁽¹⁾ Хранитель печати, въ родѣ секретаря у князя.

⁽⁴⁾ Скрижали на мантии архіерейской дѣлаются на ндецахъ изъ лентъ и въ видѣ четверугольных.

жи или. Пребысть же Митай на Москвѣ намѣстникомъ лѣто и 6 мѣсяць, и отго-
лѣ начать Діонисіе помышляти къ Царю-
граду; се увѣдавъ Митай и вѣзвѣсти в.
князю, да запрѣтитъ Діонисію. Князь же
великій отъинудъ възбрани ити ему къ
Царюграду, да не сѣтворитъ пакости, и
же которые споны (*препятствіа*) Ми-
тая, доидеже въ митрополитехъ приидеть,
и повелѣ Діонисіа нуждею удрѣжати; и
держимъ бѣ Діонисіе въ крѣпости, преу-
хитри сице в. князю глаголя: «ослаби ми
я отпусти ми въ своей воли жити, а уже
къ Царюграду безъ твоего слова не иду,
а на томъ на всемъ поручаю тебѣ по се-
бѣ игумена Сергіа». Князь же великій
послуша моленія его, и отпусти Діонисіа
на томъ словѣ яко не ити ему къ Ца-
рюграду, но ждати до году Митяевы ми-
трополіа. Діонисій же ни съ нечѣлю не
помедля, но вскорѣ (побѣжаніемъ) по-
бѣже къ Царюграду изъ своей епископѣ
изъ Новгорода Нижнего Волгою къ Са-
раю, обѣтъ свой взмѣнивъ, а поручника
свята выдавъ. Митай же большее себѣ
оправданіе пріать, и дръзновение стяжа, и
поношеніе на Діонисіа и негодование.

Князь же в. Дмитрій зѣло любяше Ми-
тая, и въ сласть посадуша его, и егда
уже къ путному шествію Митай устрем-
ляшеся, и тогда дръзну просити у в.
князя паче мѣры прошенія, глаголя: «аше
обрѣтохъ благодать предъ тобою, да дай
ми харатью (*бумагу, грамоту*) не ча-
писишу, а подписаву и запечатаву твоею
печатію в. князя, да вѣзму съ собою на
запасъ, да егда что ми будетъ надобѣ за-
вѣсти сребра тысячу или колико въ оску-
дѣнии или въ нужи, да напишу си въ
ней»; и сѣтвори князь в. по прошенію
его и дасть ему такую харатью, глаголя:
«да егда что ти будетъ надобѣ, то се ти
будетъ и кабала (1) моя съ печатію».

(1) Кабальная грамота въ родѣ векселя или
контранта.

И поиде Митай къ Царюграду, въ лѣ-
то 887 (1379) по суху; въ тоже вре-
мя и Діонисій поиде по Волзѣ къ Сарая.
Поиде Митай съ Москвы на Коломну, а
съ Коломны за Оку рѣку перевезеса къ
Рязани, м. поиде 26 день. И проводили
его чество самъ князь в. зѣ бояры ста-
рѣйшимъ, такоже и епископи, и архи-
мандриты, и игумены, и полове, в. диа-
конъ, и черьды и множество народа, и
проводилие его възвратишася; съ нимъ
же поидоша къ Царюграду: три архиман-
дриты, Іоаннъ Петровскій, и сей бысть
первый общему житію начальникъ на Мо-
сквѣ, Пимъ переяславской, Мартинъ
коломенскій, Дорожей печатникъ, Сергій
Озакъ, Степанъ Высокой, Антоній Ко-
пне, Макарей игумень съ Мусолина, Гри-
горей спаскій дѣконъ, Александръ про-
топопъ московскій, Давыдъ протоіаконъ
Даша, и крѣлошапе володимирскіе, и лю-
ди дворные, и слугы поплые (1) митро-
поличіи, и казна и ризница. Бояринъ же
бѣ отъ в. князя Юрій Васильевичъ Коче-
винъ Оленинскій, тоже и посолъ его,
тому и старѣйшинство приказано; а ми-
трополичіи бояре: Феодоръ Шолоховъ, Іо-
анъ Ортеміепъ Коробельнъ, Андрей
братъ его, Нестъръ Барминъ, Степанъ
Ильинъ Кловыня, а толмачъ (*перевод-
чикъ*) Василей Кусковъ, а другій Буйло,
и бысть ихъ полкъ великъ зѣло. И прой-
доша всю землю рязанскую, и придоша въ
мѣста половецкаа, въ предѣлы татарскіа,
и уже проходящихъ имъ орду, и атъ
(*взять*) бысть Митай Мамзай, и не-
много дръжавъ его, пакы отпусти ѱ; и
прешедше землю Татарскую, придоша къ
морю Каринскому, и ту въ корабль вѣ-
доша; и бысть уже преплавающимъ имъ
пучину морскую; яко и Царь бѣ градъ ви-
дѣти, тогда внезапно разболѣся Митай, в

(1) Слуги поплые — старинные люди, на ко-
торыхъ были грамоты.

умре на мори,—и не сбылся мысль его и не случился быти ему митрополитомъ на Русь. Повѣдаху же тамо бывшеи на кораблѣ томъ, и глаголаху: егда разболѣся Митяй, тогда корабль той стояше на единомъ мѣстѣ, ни поступа ни сѣмо, ни озамо, а ники мнози корабли множаху его сюду и оводу. Вложше же Митяя въ раку (въ *варку*—*барку*) мертваго, и везше въ Галату погребоша его. Се же преславно явленіе показа Богъ неизреченными его судьбами, якоже апостолъ глаголетъ: «никтоже вземлетъ честь о себѣ, но званый отъ Бога». Сего бо Митяя не хоташе никтоже въ митрополи; епископи же, и игумени, и прозвирери, и весь чинъ священническій и *мисси* *еси* моляху о томъ Бога, дабы не *пустилъ* Митяю въ митрополи *тесть* быти, но *единъ* князь в. *хоташе* его *видѣти* въ томъ чину; той же, упова на любовь княжескую, о пномъ же ни о комъ не брегаше, аще бо и книги добръ свѣдѣше, но не вспомяну пророка глаголюща: «добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя», и пакы глаголетъ: «не надѣйтесь на князя, на сыны челоувѣскіа, въ нихъ же нѣсть спасенія». Есть бо пвако разумѣти, но глаголати не мощно противу судбамъ божіимъ, многожды бо паводитъ Богъ на насъ скорби и предаетъ вѣруцѣ немилостивымъ и суровѣйшимъ пастухомъ за грѣхи наша, но не до конца прогнѣвается; такоже и сему не попусти, ни изволи быти пастырю и митрополиту на Русь.

По умертви же Митяевѣ, бысть замѣня (во*зменіе*) всѣмъ бывшимъ съ нимъ, и недоумѣяхуся, что сѣтворити, и въсколебашася яко паны: вся бо мудрость ихъ поглощена бысть; еще же къ тому расури бысть межѣ ихъ и разность: овѣ хотяху поставити Іоана въ митрополиты, а друзи Пимина, и тако потомъ съгласившеся вси въ едину думу и яша-

ся за Пимина, а Іоана оставиша. Иванъ же рече: «азъ имамъ не обинуася глаголати на васъ, яко не истинствуете ходяще, но съ лжею глаголете и ходите». Они же съвѣтъ сотвориша, яша его и желѣза възложыша на нь, не единомудрствоваше бо съ ними по Пиминѣ.

(Пимень нашель оъ бумагахъ Митяя *харатью*, подписанную великимъ княземъ и написалъ заемную (*кабалную*) грамоту). Пиминъ же кабалою оною в. князя съ своими съвѣтниками позавидоваша сребро въ ростъ на ния в. князя у Фрязь (*Франковъ, Итальянцевъ*) и у бесерменъ (ростетъ же сребро то и доселѣ), и розсудыша посулы, и раздаваша много на всѣ стороны. . . (*Послъ истязанія и испытанія Пимина*), Греки говорили: «аще Русь право ли не право глаголють, но мы пстивствуемъ и правду дѣлемъ и глаголемъ»; и тако постави патриархъ Нилъ Пимина митрополитомъ на Русь. Приде вѣсть къ в. князю, яко Митяй умре, а Пиминъ въ митрополиты сталъ; князь же великій не въхотѣ Пимина въ митрополию, рече: «азъ не послахъ Пимина стати на митрополию, но послахъ его яко единого отъ служащихъ Митяю, что се нынѣ слышу таковая»? И посла на Кіевъ по м-та Кипріяна, Феодора игумена Симановскаго, отца своего духовнаго. . . Киприанъ же приде жъ Кіева на Москву, и срѣте его весь народъ и князь пріятъ его съ великою честію и любовію. (*Спусти 7 мѣсяцевъ пришелъ изъ Царяграда Пимень въ Коломну; по приказу князя сляли съ него здѣсь все митрополичье облачение, отобрали всѣхъ людей и отвели его въ заточеніе на Чухлому, потомъ перевели черезъ годъ въ Тверь*) . . . Осенью 1382 г. съѣха Киприанъ м-тъ на Кіевъ, разгнѣва бо ся на него кн. в. Дмитрей Ивановичъ того ради, что не сѣдѣлъ на Москвѣ въ осадѣ (*при нашестіи Тохтамыша*); и посла по Пимина м-та, и пра-

веде его изъ заточенія на Москву и при-
ять его съ великою честію и любовію на
русскую митрополию... Тое же звыи прин-
ае изъ Царяграда Діонисіе епископъ суз-
далскій въ свою епископію гевн. 6., а
исправи себѣ архіепископію у патр. Илаа
и сущимъ по себѣ епископомъ въ томъ
предѣлѣ: въ Суздали и въ Новѣгородѣ
(Нижегородѣ) и на Городцы, а дзеть ему
патріархъ и весь вселенскій съборъ фе-
лонъ съ четырьмя кресты; тогда же вы-
несе изъ Царяграда и страсти Снасовы и
мощи многихъ святыхъ.

(П. С. Лѣт. VIII, 28—31. 48).

127. Уставная грамота суздальс. архіеп.

Діонисія Свѣтоторскому монастырю ок.

1382.

Богу спосѣшашу и слово утвержда-
шу, Слова рѣди, и св. Духомъ свершаю-
щу, якоже заповѣда всеев. патріархъ все-
ленскій, пекійся дупами челоувѣцкими,
учити, и наказати и управити, по боже-
ственнымъ заповѣдемъ евангельскимъ до-
брѣ живущаа укрѣпяти и благословити
свъртавшасяе въратити на путь пра-
вый, сиречь, на добродѣтельное житіе,
еже уставилъа святіи, и богоносніи Отци,
общее житіе, по великому Нахому, еже
ангелъ божій, а по В. Василию, еже два
чина випса мнѣшскаго житія, пустынный
и общее житіе, еже похвалили аче пу-
стыннаго, а св. Ефремъ тако пишетъ, а
св. Іоанъ божественый лѣтвица силса-
тель наипаче утверди и украси различно
премудростными наказаніи. Пришедшию
же ми посланіемъ всеев. патріарха все-
ленскаго, въ богохранимый градъ Псковъ,
о исправленіи отлучихся отъ съборныа
апостольскыа Христовы церкви и на утвер-
женіе и на исправленіе священникомъ и

честнымъ монастыремъ и вѣмъ христо-
вѣнитымъ людемъ, и слышомъ о че-
стномъ монастырѣ преев. Богородица, иже
именуется Свѣтнаа Гора, общеживущимъ,
и възрадовахся душею zelo а възвеселихъ-
ся по премногу; съ тшаніемъ идохъ и влѣ-
дѣхъ, и благословихъ отъ всев. патріарха,
и обрѣтохъ а несправляющася въ
всемъ божественаго писанія и бого-
носныхъ Отець устивы, ово творяще,
ово же оставляюща. О божественномъ
общемъ житіи и о свершеніи мнѣшскаго
устава и о высотѣ безстрастіа, умолевъ
быхъ отъ препод. игумена, ту суща а
яже о Христѣ братья, направиши свър-
тавшася и наказати непаказанныа.
Азъ Діонисій архіеп. суздальскій, по по-
вѣнію всеев. патріарха всев., възрѣвъ
въ Номоканонъ, по правила св. Отець, яже
о божественномъ общемъ житіи, по но-
вихъ и уставихъ препущенаа небре-
женіемъ, въ обиду св. Отець уставы.
Якоже рече правило, еже въ 5 Сѣбрѣ:
«мнѣхомъ ничтоже подобаетъ своего имѣ-
ти, но все свое предати монастырю въ
власть». Рече богогласный Лука о втро-
жавшихъ Христу и мнѣшское житіе испра-
вившихъ: «яко ви единъ кто что отъ сво-
его глаголаше его быти, но бѣша вѣмъ
обща». Тѣмъ же, хотящимъ мнѣшство-
вати, дати сущаа и приимати потребности;
по постриженіи же, выдающимъ къ нему
вѣмъ монастырю имѣти власть: ни о чемъ
же о своемъ пещися или рядити смѣ
попускается. А кто купитъ стѣжаніе кое,
еже непричастно монастыреви, сие тво-
ря; си убо игуменомъ или епископомъ да
въспринимается, а многимъ дерзновеніемъ про-
даемо и убогымъ и немощнымъ, клас-
нымъ (разслабленнымъ) да раздается та-
кое стѣженіе. Поне когда Анапью, укра-
сти поучившася, о приписаномъ запреше-
ніемъ повелѣ св. Сѣборъ уцѣлемуарити;
аше бо часть сребра уѣмъ отъ своихъ,
не всего у ногъ апостольскыхъ положишь,
умре: что подобаетъ рещи о тѣхъ, иже

не всего себя приносяще Богу, часть же своихъ похотемъ работающе, ихъ же обрящетъ болшее томленіе, якоже сплну сущу Богу душу и глго и погубитъ? Иже въ мнѣшскій св. образъ одѣянъ, и въ въ монастырѣхъ сущимъ, и ни словомъ глго рещи: се твое, а се мое, или сего и иного; ибо 5000 сущи простыи и вся обща ямаху, никто же свое ебу быти вѣща: бо глго наче въ общемъ житіи, въ монастыри не нарицати: а се мое. Кѣмъ же сущъ отъ плевелъ стѣющаго діавола върастѣша въ общемъ житіи, глаголемая и тарица, недостойтъ нарицати общимъ, но разбойникъ, сѣдалища, и священнокраденіи и всеа злобы непріязньны здѣлываца. Сего бо ради наречется общее житіе, да все обще имутъ, и ни единому имѣти діавольска начинаніи и свои попеченіи, пакостнаа и безумнаа, яко иже во еп В. Василіи глаголетъ: «яко имѣй въ монастыри свое что въ келіи, велико или мало, чюжого себе Божіа церкви створи, и господни любве такожъ чюжъ есть: полѣзѣнѣе убо есть съ малыми разумными жити, неже съ многими безаинными, преобладающа заповѣди господня». *Нынѣ же явдшаа въ сѣи великаа съгрѣшеніи, и презереченнаа правила св. Отець преступльшаа невѣдѣемъ, аще начнутъ каятися достойно и общаются въ та же великоа съгрѣшеніа не впадати, азъ смиренный архіеп. Діонисій суждальскій, съ благословеніемъ всеев. патріарха, прощаю. Отселѣ, по повеленію всеев. патріарха вселенскаго, въ честнѣмъ семь монастыри св. Богородица, на Снѣтной Гурѣ, уставихомъ ти, въ монастыри семь честнѣмъ, ничто же своего, ни игумену, ни братіи, но все отдать Богу и св. Богородици въ монастырь: ни псти въ келіи ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни ключнику не дати никому же ничесоже безъ игумена слова; псти же и пити въ трапезѣ вкупи всѣмъ; оиричъ же тра-*

пезѣ ни ясти, ни пити. ни кабожъ, ни до обѣда ни по обѣдѣхъ; а допана никакосжъ не пити. А въ церкви по правилу я по уставу св. отецъ да поють. А на службу ядѣже аще послетъ мнѣхъ, безъ ослушенія да ядетъ; и безъ благословенія игумена никакосжъ не ходити ни куды. Послушаніе же и покореніе имѣти во всемъ игумену: аще кто вопреки начнетъ глаголати игумену и въздвижати начнетъ свирѣ, заперитъ таковой да будетъ въ темнищи, дождеже покается; а непокороваго мнѣхъ, по 1-мъ и 2-мъ и 3-мъ наказаніи, выженуть его изъ монастыря, да не вдадутъ ему отъ выссенаго въ монастырь ничтоже. Се же отъ многа мало писахомъ вамъ; а прочее же обращете въ кнѣгахъ св. В. Василіа Кесарійскаго и св. Ефрема, и св. Ивана Лѣтвичина, и св. Феодора Студійскаго и прочихъ св. отецъ, о послушаніи и о смиреніи и прочихъ добродѣтелѣхъ, аже свершивше, милость божію получите и св. Богородица, и благословеніе всеев. патріарха вселенскаго, и она будущаа благаа, аже уготована Богъ любящимъ Его. Приде же въ слухъ наша и се, яко ктиторъ сего честнаго монастыря, рекше, создатель, создавъ сѣи монастырь и братью совъкушавъ, и уставъ въ веде св. Отець, общее житіе, аже многымъ наказаніемъ извѣстивъ и клятвѣмъ утвердивъ, еже есть на сдасение думамъ чловѣчьскимъ, пребывающимъ въ монастыря семь честнѣмъ, и всѣмъ христовеннымъ людемъ на пользу и похвалу, пребывающимъ въ богохранимомъ семь градѣ Псковѣ: се азъ, поповляя, пишу на утверженіе сей грамотѣ, яко кто дерзнетъ помышлѣти, благое се уставленіе превратити лукавымъ обычаемъ, будетъ подлѣ тлгости отлученія пресв. патріарха вселенскаго.

(Актъ Истории. I, № 5).

128 Избрание архиепископа 1388.

Сиде Алексѣй владыка съ владычства, на прецелованіе праздника владычня, по своей воли, въ монастырь св. Вскресенія на Деревяницю, своего радя нездравія, благословивъ своихъ дѣтей весь В. Новгородъ; сѣдѣхъ . . . О лѣтъ безъ лѣтъ и безъ лѣтъ мѣсяцъ, изволи молчаливое житіе, въ немощи буди Посадникъ же Есѣѣ Захарыничъ, съ мужи старѣйшими, бѣша ему челомъ и много молиша и вѣсть Новогороденъ о томъ, чтобы еще побывалъ въ дому св. Софьи, «дондеже изыдеи, кто будетъ митрополитъ Руской земли». Онъ же не послуша ихъ и отречеся отъ нихъ, глагола имъ: «дѣти! на мене ся не падѣйте; а васъ благословлю, добывайте собѣ владыку». Новгородци же рекоша: «кого, отче, благословяши намъ на свое мѣсто святителемъ? Алексѣй же благослови, рекъ: «изберите собѣ 3 мужи достойны, да положите 3 жребія на сп. трапезѣ (или престолѣ) въ имена написавше, да который Богъ дастъ вамъ, того вамъ благословлю». И явлено божіею, а по святителю благословенію, много гаданъ посадникъ и тысяцкой, и весь Новгородъ, и игумены и попове, и створиша тако, не изволиша бо собѣ отъ чловѣкъ избраніе створити, но отъ Бога пріати извѣщеніе, и уповаши на милость Его, кого Богъ дастъ, того знаменаетъ; и избраша 3 игумены, и створиша 3 жребія: въ 1-й написаша игумена св. Сваса съ Хутынъ Ивана, Перфурьева сына, а въ 2-й Паревенія игумена изъ Благовѣщенскаго монастыря, Сидорова сына, а въ 3-й Аванасья игумена Рождественскаго. И посадникъ Михайла Даниловичъ самъ жребья печаталъ, и положиша на престолѣ въ св. Софьи, утвердивше слово таково: «его же азъ схоощу св. Софья премудрость божія своему престолу служебника имѣти, того жребіи да оставятъ на престолѣ своемъ».

И начаша ерси съборомъ литургию шѣти, а Новгородци стояша вѣчемъ у св. Софьи; и по отидѣти св. службы, протопопъ Измайло вземъ съ престола изсече на вѣче жребіи Аванасьева, и потомъ Паревеніева, а Ивановъ остался на престолѣ, по божію изволенію и по даннѣй благодати, изволи Богъ служителя собѣ и пастуха словесныхъ овецъ Новгороду и всей области его ⁽¹⁾. И възлюбивши вси Богомъ назнаменана и избранна мужа, блага и кротка, тиха и смирена и зѣло бояща Бога; и паролъ весь отъ мала и до велика течаху на Хутину, и поидоша его, и изведоша ѣ честно на стѣни, въ владыченъ дворъ; Алексѣй благослови его въ свое мѣсто своею рукою. А се бысть на Вознесеніе господне, въ четвертокъ, м. мая 7.

(П. С. лѣт. IV, 95—96).

Но монастыремъ въ древнее время игумена зы бирали сами людемъ. См. Житіе Антонія Римскаго о киевопечерск. инокахъ. По святѣльству Герберштейна въ презанее время и Митрополита выбирали на соборѣ изъ епископовъ и игуменовъ разныхъ монастырей; потомъ выборъ сталъ завѣсть отъ великаго Московскаго. См. выше въ повѣсти о Мотая.

129. Изъ посланія константинопольскаго патріарха Антонія Псковичамъ 1388 — 1395 г.

Патріархъ Антоній, милостію божіею архіепископъ Константинограда, новаго Рима, и всесельскій патріархъ. О боголюбивый епископъ В. Новграда и прочихъ предѣлъ, ты же благородный посадникъ и тысяцкий и всѣ болре, и священники и иноци, и вси люде христіанскіи

⁽¹⁾ А при выборѣ владыки въ 1229 г. поминали вынимати жребіи владыка Ростиславъ и снъ шаныль жребіи Спиридона. П. С. лѣт. 1. 220.

господни! Смирение наше и божественный и священный съборъ, яже о васъ промыслюще, по долгу своему же, бездѣ вселенныя крестіаны не престаеъ еже пясати и учити о вѣрѣ, елика въ миру и спасенію ихъ: сего ради съ многымъ въвести потщамъ и прилежаніемъ, еже Рускаго многочеловѣческаго наказати и ушприти многихъ и возникыхъ съблзненій, предваришихъ завистію лукаваго бѣса. Пожеже възвѣщено ми бысть о васъ, моему смирению и всему священному събору предѣлши, о преже варившихъ *(предварившихъ)* въ васъ ересьхъ, яже суть расколы ⁽¹⁾, занеже съблзнитесь во время оного Карпа, діакона отлученаго отъ службы, стриголника *(разстригу)*, и глаголете: *не достойни суть презвитери по мзодъ поставляеми, недостойно отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещеніа отъ нихъ приимати.* Но мы не мало смутихомся и оскорбѣхомъ о семъ, вѣдуще душевную бѣду, въ ню же впадете, и недоумѣхомъ лукаваго бѣса вознеть его, и удивихомся, и въ нынѣ вложи пакы насъ пскушенія. Сего ради, посла наше смирение и непокый съборъ боголюбиваго архіеп. сузда. Дионисіа къ вамъ съ грамотами, мужа честна и благочестива и добродѣтельна, и священныхъ капунъ *(правиль)* извѣстна хранителя, да видѣтъ вы отъ насъ и благословить вы, и поучить и покажетъ, и съвокуишъ вы вси сборнѣи и апостольстѣи церкви: да ушѣте *(узнаете)* вси, яко отлучаяся отъ церкви, самого того христа отлучается; нѣсть изъ участія, ни жребія священнымъ отъ него, ни въ семь вѣцѣ,

⁽¹⁾ *Вресью* называется отступленіе отъ догматическаго ученія Христіанскаго, а *расколомъ*—не вѣрный взглядъ на обрядовую вѣщность Христіанства.

ни въ будущемъ... ⁽¹⁾. Исправите же убо и вы себе, стриголница, нанпаче еретица, увѣдѣше, въ кое зло впадете: покоритесь презвитеромъ вашимъ и покайтесь въ нихъ же съгрѣшите, и отступите отъ ересей своихъ. Азъ бо глаголю се, отецъ вашъ, патріархъ: съяднитесь въ благое, въ смирение и любовь къ ереомъ, слугамъ божіимъ; въздадите церкви божіи должное покореніе. И пожеже нѣсть грѣха, побѣждаа челоуѣколюбіе божіе, и аще исповѣте въ нихъ же съгрѣшили есте, и просите прошеніе и милосердіе отъ службѣниковъ св. церкви,—я Богъ... простить вамъ вся елика съгрѣшите. Аще бо се небудетъ отъ васъ съ крупенымъ сердцемъ и смиреннымъ, но небудете даже и до конца немирени, въ вервомъ непокортитѣ вашему и жестокогѣ; и пакто же отъ насъ разрѣшѣть васъ, еже на васъ възглашено отлученіе. И аще кто, възмѣ рѣчь на презвитеры, расколъ учинитъ кто отъ крестіанъ, проклятъ да будетъ...

Злохытрѣствомъ и лживыми словесы прелестилъ диаволъ родъ челоуѣчъ, и тѣмъ древа животнаго удалихомся. Сътворивый же насъ Богъ, неизреченными щедротами подаде намъ причащеніе св. пречистыхъ таятъ, истиннаго животнаго плода, еже снѣдъ, живу быти въ вѣкъ. И нынѣ диаволъ неперстаеъ прельщая родъ челоуѣчъ: тогда бо отиаде самъ славы божіа и отдалися отъ древа животнаго; нынѣ же отъ службы отлучена и отъ церкви изгнана Стригольница въздвиже на правобѣрную вѣру; и оклеветалъ весь вселенскій съборъ, патріарховъ и митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священны, и мшолеть, яко не по достоянью поставляеми; и таковую

⁽¹⁾ Семьми на священное писаніе и на правила св. отцовъ я выпустилъ для удобнаго чтенія.

виною прелюбашу худодумныя, отлучашу отъ причастія сѣ, пречистыхъ животворящихъ таинъ христовыхъ, и пуще змѣныя прелести постави прелестъ: змѣа бо прелести, пно смертію умирають; а сею прелестію въ муку вѣчную идуць... - Стригольници же, противнии Христу, повелѣвають, яко отъ древа животнаго, отъ причащенія удалятися.... показа или писаніе книжное, еже списа, на помощь ереси своей, дабы чимъ уставити народъ на священники, уподобляся оному Корею и Дафану и Авирону, иже вставша на Моисея и на Арона, глаголюще: освещеніи приносити Богу теміанъ, и мы также священники есмы; и отлучиша народъ 200 и 50 въ слѣдъ себе... и разгнѣвая на ны Господь Богъ, и повелѣ земля зинути (златъ, разстутися) и пожрети ѿ сѣ женами и сѣ дѣтии ихъ, и сивдоша живи въ адъ; а оставшихъ огнемъ съжже... Также и нынѣ Стригольники, на священія влуща, на святительскаго сана, сами ся поставляютъ учителяи народомъ, отъ тщеславія и высокоумія, и слушающая ихъ съводятъ въ погыбель. Христосъ Богъ Спасъ нашъ избра 12 ученикъ и сѣ апостолы постави, помолився Богу и Отцу, възложи на ны руки своя и повелѣ имъ учити народы... Сами апостолы взяша рукоположеніе отъ Христа Сына Божія, и тоже рукоположеніе даша патриархомъ и митрополитомъ и прочимъ священникомъ. По тому правлу, и доселѣ избирають патриарси и митрополиты въ которую ждо область и наставляють патриарха, а патриархъ съ митрополиты поставляетъ митрополита; митрополитъ съ епископы поставляетъ епископа, а епископъ съ попы и дѣяконы поставляетъ попы и дѣяконы: и тако достоятъ намъ имѣти всякого священника, яко апостола Христова. Егда священникъ службу служить, тогда имѣти его яко Христа въ

Словѣ и съ ученики поочеревавши, и тако достоятъ причастіюся отъ руки его, яко отъ руки христовы вечеревавши. И не разсужай и не распытовай о ѣрен божіа, аще достоятъ или ни... Смотрите же, Стригольники илииначе же еретици, како ти апостолъ Павелъ рече, себе рассмотреть, а не ѣрен божіа. Или речеши: недостойни суть оуцопродавци?

Христосъ, вѣдый іуду, хотяша предати его на вечера, отъ трапезы, не осуди его прежде суда; а ты кто еси осуждай чужего раба? Своему господеву или стоить или падеть: силеиъ Богъ вѣставити его. Рцѣте, еретици, гдѣ хотите поа взати себѣ? Аще глаголете: недостойны естъ патриархъ, и недостойни суть митрополиты; то по вашему нѣишь слову, ни единого нѣишь поа на земли, аще бо который, вѣишты дѣла, позна себе, безъ даровъ церковныхъ поставленъ естъ. Но мыслію и вѣрою исповѣдаемся и вси причащаемся къ соборнѣи и апостольскѣи церкви; а его же митрополита освятитъ намъ патриархъ, того вся чтѣтъ яко Христова намѣстника, также и епископъ въ коемъ ждо градѣ и области презвитеры, яко апостолы христовы. Вамъ же гдѣ естъ поставити поа, по своей окаянной вѣрѣ? Не приде бо христосъ второе възплотитися на землю, ни сиведѣтъ ангелъ освятити вамъ поа; аще бы вамъ ангелъ освятитъ поа, то и тому не подобаетъ вѣровати, по апостолу Павлу, рекшему: «аще ангелъ вамъ благовѣститъ паче проповѣданнаго, еже пріиште, проклятъ да будетъ». Како дерзнусте уничтожити святителя проторы (издержками) церковными, еже взимають у поставляющихся, урокъ церковный, по апостолу Павлу глаголющу: «церковникъ церковно питается и олтарници съ олтаремъ съдѣлаются»?...

Аще вы, Стригольники и еретици, праведники мнитесь, не слышите ли

апостола глаголюща: «аще речемъ, грѣха не имамъ, лжомъ и истинны нѣсть въ насъ»? Завѣстію бо (по)стрѣкаемъ вы, *Стригольници, вѣстаете (возстали)* на святыхъ и на поповъ, сами себя хотѣюще честь прехватити. Изучите словеса книжная, яже суть сладка слышати крестіаномъ, и поставитесь учителя народомъ. А не почитаете слова Христова, еже рече: «не входѣи двѣри въ дворъ овчій, — во прѣидѣи нудѣ (въ другомъ мѣстѣ), тѣмъ есть я разбойникъ».

Всакъ бо чинѣтъ поставленіа святительска, учѣти покушаяся, и учителя укорити, сей не двѣрми вшелъ есть. Таги и разбойници убиваютъ чловѣкъ оружіемъ; а вы, *Стригольници*, убиваете чловѣкъ разумно смертію, удаленіа ради отъ пречистыхъ тѣлъ и крови Христовы, Христу Богу глаголющу: «аще кто не съѣстъ плоти Моея, ни пьетъ крови Моея, не имать живота ни живота (жизни)».

Глаголютъ Стригольници о нынѣшнихъ святителехъ и о поповѣхъ: недостойны тѣхъ службы, яко имънїемъ възимають у христіанъ по-даваемое имъ приношеніе, и за живыхъ и за мертвыхъ; а не разумѣють оказавшій, еже достойно прїимати отъ подающихъ милостыню: самъ бо Христосъ въ домъ Закхеевъ вшеде обѣдать и подаваемая прїимаете. Аще бы не прїялъ Христосъ ни отъ кого же имѣнїа, чѣмъ бы ученици или купити хлѣбовъ въ градъ самарейскій, егда сѣдѣ Христосъ на клѣбѣхъ? И кое бы сребро посвялъ Іуда въ ковчежцѣ? И по вознесеніи Христовѣ, апостоли проповѣдающе нѣмъ христово, прїимаху отъ приносящихъ: мнози бо продаху села и стѣжана, и цѣны ихъ полагаху предъ ногами апостолескими; Аванія же унѣтъ (наказъ, утаивъ) отъ цѣны села, аѣтѣ умре съ женою своею Самфирою предъ ногами апостола Петра. Апостоли бо прїимаху отъ приносящихъ, и подаваху отъ того требующимъ; и сами отголя-

стѣжаху себѣ иницѣ и одѣи: не каменалихъ тѣлеса бѣяше. Вы же, еретици Стригольници, убиваете ядущихъ и пїющихъ святителей и поповъ, рекуще, «яко Жидове христови, трутѣи, глаголюще: си чловѣкоядци суть и винопїици, друзи мытаремъ и грѣшникомъ»; а вы, ересици, тако глаголете: си учителя тѣхъ суть, лдѣтъ и пїють съ тѣмицами, и възимають отъ нихъ платъ и сребро и порты (платье), отъ живыхъ и мертвыхъ: и такими злыми словесы оказавшимъ прѣдѣлають народѣ. И аще будутъ, по вашему слову, недостойни святители и попове, но помяните слово господне, еже рече: «на престолѣ Моисеовѣ сѣдоша книжници и фарисїи; все еже глаголютъ вамъ творити — творите, по дѣломъ же ихъ не творите; глаголютъ бо вамъ, а не творять». Вы же Стригольници, почитающе св. евангелїе, то слово прѣстѣзуете, которое речено: «покорїйтеся учителямъ»; а которое самъ Христосъ изрекъ ученикомъ, то почитаете на укоръ священникомъ, а неразумѣя слова Христова реченнаго въ св. евангелїи: «что видѣши сучецъ въ очеси брата своего, а у себе брѣвна не виѣши? Изми, лицемѣре, первѣе брѣвно изъ очесе своего»...

И пакы речено бысть: «да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ чловѣкъ и да видѣтъ дѣла ваша добра, и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ». Се же слышавше, не имѣмъ, яко предъ чловѣкъ добродѣтелию не велѣно имъ хвалитися... Вы же, Стригольници, глаголете, еже Павелъ повелѣ въ простому чловѣку учѣти: тогда бо вся нестѣрни быша, а не вамъ еретиномъ то речено бысть, како вы нынѣ *правовѣрныхъ христіанъ смущаете, Святители и церкви божїи преобидѣли*. Не боятелися въ Манаковѣ ⁽¹⁾ писанаго: «всѣмъ яже учѣти

⁽¹⁾ *Вомоканомъ* — собраніе церковныхъ правилъ, отъ греч. *номос* — законъ, *канон* — правило.

приобидѣти быти церкви божіи, да будетъ проклятъ. Вы, Стригольници, убо яваете христіанъ тѣмъ словомъ, еже Христосъ рекъ апостоломъ: «не имайте влагалница, ни мѣди при поясъ вашихъ». Предъ страстію же своею, рече имъ: егда послахъ вы безъ влагалница и безъ мѣши, требоваше ли чего? Они же речеша къ нему: не требовахомъ ничтоже; рече имъ Іисусъ. имѣхъ же имѣше влагалница и мѣхъ (мѣшокъ).» Аще пошехъ Христосъ держати влагалнице и мѣхъ ученикомъ, то позорно ли держати влагалнице и мѣхъ? Аще ли речете еретичи; се много собираете ильнѣи; то не вы, Стригольници судите имъ: судитесь отъ Бога, или отъ божіаго святителя. *Что еси творилии главою, пона сый; овца будя, пастухомъ творилиши?* А не слушае Григоріа Богослова, рекшаго: «овцы не пасты пастуховъ». Еще же и сію ересь прилагаете, Стригольници, *величье къ земли каютися человеку, а не къ попу...* Св. отци уставивша духовныхъ отецъ, да исповѣдаются пшъ крестіани... Духовному отцу да исповѣдають грѣхы свои человекъ, и духовный отецъ отъ грѣха того престати повелѣти, и противу грѣха того въздасть ему снѣткою понести; того дѣла ему Богъ отдасть грѣха того. А кто исповѣдается къ земли, то исповѣданіе нѣсть ему въ исповѣданіе; земля бо бездушная тварь есть, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣщати, и не въспречити смръщаемымъ. Того дѣла, не подасть Христосъ Богъ прощенія грѣховъ къ земли касающемуся. *Сію бо злую сѣнь положи диаволъ Карпомъ закономъ, что не велѣлъ каютися къ попомъ, дабы отъ поповъ нести иерейскую отяль, еже далъ Христосъ вязати и развязати грѣхы.* Самъ бо Стригольникъ слезавъ бысть и отлученъ отъ церкви, сносъ дѣла ереси; того ради нѣмъ въ ту несповѣданую погыбель ве-

летъ. Еще въ животѣ своемъ уразумѣлъ то, еже тѣло его не будетъ погребено съ псалмы и пѣснии; того дѣла почалъ людѣмъ глаголати: *не достоинъ надѣ умершими плти, ни поминати, ни службы творити, ни приносить за мертвыхъ приносити къ церкви, ни нировъ таирити, ни милостыни дати за душу умершаго.* Діаволъ отпаде ангельскаго сана; того дѣла многи люди прельщаетъ, дабы не единого свезъ къ погыбель; тако и Стригольници, связавъ бывше, вѣхъ въ свой съюзъ не праведный привлекають, дабы не едины связаны на небеси и на земли, и отлучены отъ соборныя церкви, злыя ихъ ереси ради. Въ апостольскихъ бо правльхъ писано есть, творити память по умершихъ; такоже и св. отци уставивша въ великой службѣ поминати усопшихъ, и покаяна по нихъ пѣти, и кануны заупокойныя уставивша; а по еретикъ же не повелѣша никако припоменѣи приносити, ни заупокой поминати его...

Въ пещерѣ кыевской Антоніевъ единъ живыхъ умре въ грѣсѣхъ и положенъ бысть въ пещерѣ; злыи сирадь вхожаше изъ него, и явлено бысть о немъ: повелѣ игуменъ изверещи неомъ на свѣдѣ, послѣди же молитвами св. Антона и Феодосіа и прочихъ святыхъ, положенныхъ въ пещерѣ той, и ту сущихъ живыхъ въ монастыри томъ св. отецъ молитвами, отслава бысть злая таа его воня и предложися на благоуханіе; се бысть знаменіе ослабѣ его. Мы, живши, того дѣла, сътворяемъ молитвы за мертвыхъ; того ради Богъ повелѣ молитву творити другъ за друга. Христосъ Богъ нашъ имѣетъ власть и по смерти влещи въ муку или пощадѣти. Слава великому человеколюбію его и праведному суду. Подобно есть христіаномъ слышати слова христовы: «облюди-ся отъ книжникъ хотищихъ ходити въ одежахъ овчѣхъ, внутри суть волы и грабители; отъ влѣдъ ихъ познаете я»,

А еретици, Стригольники вѣди, безумни, глаголютъ: «си не грабятъ имѣнія, не собираютъ». Фарисѣи тацѣ же бѣша: поставшася двояды на недѣли, весь день не ядуще; мытари же, грѣшници, съ исповѣданіемъ придоша къ Христу и спасошася.

Таковы же бѣша и вси еретици, цѣстивниці, молебниці и книжницѣ, лице мѣривниці, предъ людьми чисты творящеся: аще бо бы нечисто житіе ихъ видѣли люди; то кто бы вѣровалъ ереси ихъ? Или бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто бы послушалъ ихъ? Но въ книжномъ писаніи сами еретици съблзнилишася, тѣмъ явнымъ неразумнымъ съвратима; о сихъ бо пророци прорекоста: «камень претѣканія и съблзненію павѣрующимъ въ Христа». Книжное почитаніе, рекша, правотѣрнымъ недвижимо спасете: всякъ бо почитая книжное писаніе, безъ смѣренія и кротости, аще кого укорити чинъ, и тѣмъ впадаетъ въ ересь и бываетъ ему съблзненію камень, и на жизнь вдоваа ему заповѣдь обрѣтається ему въ смерть. Еще бо вѣщо и доидѣ того реку: и бесерменове постыжася и отъ книгъ глаголютъ, но не подобаетъ внимати ихъ. О самопоставляющихъ учителей апостолъ рече: «яко мнози лживи пророци изыдоша въ міръ, но не послушайте словесъ ихъ и въ дома свои не прикимайте ихъ, да не приобщаетеся дѣломъ ихъ злымъ; слугы бо лстивыи преобразуются яко слугы истыны, и самъ сатана преобразуется въ ангелъ свѣтъ». Тѣмъ же не достойно есть слушати Стригольническихъ ученій никакому крестіанину, да не уловленъ будетъ въ діаволѣ пругаѣ (сѣти), да не отлучится отъ безсмертнаго источника, отъ тѣла и крови Господа Бога Спаса нашего І. Христа, да не будетъ осужденъ въ вѣчную муку.

Достойно всякому хрестіанину приходить въ церкви божіи и слушати ивѣнія и чтенія, еже есть въ св. церквахъ, и

внимати писаному въ апостолѣ и въ евангеліи, еже почитаютъ священники; а недостойно ихъ осуждати, по реченому: «не осуждайте, да не осуждены будете; имъ же судомъ судите, осудитесь вамъ». А кто по стригольнической ереси, начнетъ священникъ осуждати, не токмо неподобно ихъ послушати, но и отъ грядъ ихъ отгнати; рече бо писаніе: «извержете злое сами отъ себе; малъ квасъ все смѣшеніе квасить». Христосъ же Спасъ нашъ ученикомъ своимъ рече: «облудитесь отъ кваса фарисейска», сиречь, отъ учениа тщеславна. О всѣхъ сихъ и славимъ Господа Бога Спаса нашего І. Христа, дащаго намъ плоть свою ясти и кровь свою пити, ему же слава... и проч.

(Акты Исторіи. I, № 6).

О Стригольничествѣ св. Разсудъ. о ереси и расколахъ. Руднева М. 1838. 236.

130 Настольная грамота м-та Кипріяна новгородскому архіеу. Іоанну 1392

Се язъ Кипріянь митрополитъ Кіевскій и всея Руси, по преданью св. апостолъ и св. Отець уставу, еже то уставили предѣлы церквамъ божьимъ, митрополюмъ и епископамъ, да еже что пошло къ которой митрополю или къ епископу монастыреве, игуменъ съ черныци, попы, дяконы и всякъ церковный человекъ, то вси подѣ властью, въ послушаньи святителю; никто же да не смѣетъ ни единого крестіанина, ни малъ ни великъ въступатися въ тая дѣла. Аще ли который отъ тѣхъ игуменъ, или попъ, или чернецъ имѣть отъжиматися мирскими властелины отъ святителя, такового божественная правда извергаютъ и отлучаютъ, а кто

по нѣмъ имѣть вступатися, того не благословляютъ. А что погосты и села и земли и воды и пошлыны, что потягло къ церкви божьей, или купли, или кто далъ по души памяти дѣла, а въ то ни одинъ христіанинъ не вступается; а кто вступается, того не благословляютъ божественная правила. Сего ради, и азъ Кипріянь по тѣмъ божественнымъ правиламъ, далъ есмь сию свою грамоту въ епископию въ новгородскую, въ св. Софью и сыну своему, владыцѣ архіепископу В. Новгорода, Ивану: да елико есть монастыревь, игумены да будутъ у него въ покореніи и въ послушаніи и всея чинъ священнический; такоже и погосты и села и земля и воды, со всеми пошлынами, что потягло при первыхъ владыкахъ къ той епископии, къ Софьи святой, какъ при первыхъ владыкахъ тако что ни было, тако и нынѣца поти-
неть къ св. Софьи и ко владыцѣ Ивану. А никто бы не смѣлъ вступатися въ церковныи пошлыны, ни въ земли, ни въ воду, блюся бы казни ся правны; а кто будетъ вступился, а тотъ бы престалъ отъ сего часа. А кто послушаетъ св. апостолъ правилъ и св. сборовъ, предаче и мое поученье, на томъ милость божія и Пречистыя ея Матери и мое благословенье, и кто не послушаетъ моего благословенья и покушается обидѣти церковь божью, а на томъ не буди милости божьей и Пречистыя ея Матери ни моего благословенья. А дана грамота на Москвѣ, м. августа въ 29 день.

(А. Истор. I. № 7 стр. 16).

Обратить вниманіе, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ стали рано поднимать вопросы о владыкахъ духовенства; въ Москвѣ онъ возникъ позже.

131. Грамота м-та Кипріяна Псковичамъ 1395

Се азъ Кипріянь митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Что есмь слышалъ, ажъ владыка суждальскій Денисей списалъ грамоту, коли былъ во Псковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя в. Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнить, да въписалъ и проклятье, кто имѣть не по тому ходити: иже то Денисій владыка не свое дѣло дѣлалъ, не по закону и не по правиломъ. Ажъ будетъ какову грамоту списавъ, положилъ князь в. Александръ, по чему ходити. иже въ томъ царь воленъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженіи, всякая дѣла управляетъ и грамоты записываетъ; также и тотъ князь в. Александръ въ своемъ княженіи, а списалъ такову грамоту по чему ходити, на христіанское добро, воленъ въ томъ. А что Денисій владыка выпелъся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и азъ ту грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковичи, ажъ будетъ прежде сего ходили по той грамотѣ князя в. Александровѣ, а будетъ то у васъ старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да то я самъ подеру: та грамота не въ грамоту. А что въписалъ проклятіе и неблагословенье патриарше, а то азъ съ васъ снимаю и благословляю васъ: то былъ суждальскій владыка, а дѣялъ то въ митежное время; а патриархъ ему того не приказалъ дѣяти. А вы, дѣти мои, ходите по своей пошлывѣ, и по старинѣ суды судите; а кого виноватаго пожелаете ли, — воли есте, покажите ли противу какое вины, — воли же есте; дѣйте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіи христіане дѣютъ. А милость божья на васъ и мое благословенье.

А дана грамота въ В. Новѣгородѣ, м. майа 12, видикта 3, въ лѣто 6903.

(А. Истор. I, № 10. стр. 18).

132. Отдѣленіе Кіевской митрополіи.

Въ лѣто 6922 (1414). Фотій м-тъ, понеже по обычаю живяше въ Москвѣ, да ни же многія отъ русскихъ священниковъ взымаше, въ сіе лѣто хотѣ поити презъ Литовскую землю во Цариградъ, и выбиравше дани обычныя у священниковъ; Витолтъ же не любяше сего, еже изъ его князства дани во ину область износить, и разгнѣваясь на Фотія м-та, и повелѣ его за всего ограбити и ни съ чимъ на Москву отпустити..

Въ лѣто 6923 (1415). Витолтъ, в. кн. литовскій, видя яко св. Софія, столная церковь митрополіи, не плуща государя, аки вдова оспротѣвшая, красоты своея лишена есть, такожде и во всей митрополіи кіевской строенія нѣсть, а митрополитове пришедши зъ Москвы о семъ токмо пекутся, еже обрѣти што красно въ Софіи себѣ взяти, такожде и дани отъ священниковъ и иныхъ христовлюбцевъ собравши въ Московскую землю съ собою отнесть, и сожалѣ о томъ, еще же размысли в се, да не умаляется богатство въ землѣ Руской: и сего ради повелѣ собратися на соборъ осѣмъ епископомъ и ихъ священному клиру. Собравшеся, по повелѣнію его, епископы всѣ: Исаія Чернѣговскій, Феодосій Полоцкій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Володычмерскій, Харитонъ Холмскій, Евфимій Туровскій, и прочія священники и бояръ множество, имъ же рече Витолтъ: поставѣ себѣ митрополита въ моей державѣ, си есть въ Кіевѣ, по прежнему обычаю; аще бо я пинкой вѣры азъ есмь, но жалю опустѣнія и обнищанія вашей митро-

поліи кіевской въ моей державѣ, понеже московскіе митрополитове не пекутся вами, токмо приходяши отъ васъ и проч. яже выше; аще ли же не хотите поставити себѣ здѣ м-та, а потомъ кто пойдетъ къ м-ту въ Москву, откоса казну зъ моей державы во ину область, смертію умреть. Она же видяще доброе желаніе князя, повишущася повелѣнію его, и согласившеся всѣ епископы, и весь освященный соборъ, и всѣ бояре, избраша себѣ на митрополію благоговѣйна мужа Григорія Цемилыака (*Семиылаха*). А Витолтъ посла грамоту моленія отъ всѣхъ епископовъ и отъ себе на спячѣйшему патріарху Каллисту, да благословитъ поосвятити инаго м-та Кіеву, написа же и вины, почто не хощетъ м-товъ московскихъ; св. же патріархъ Каллистъ не хотѣ, да смятеніе будетъ во православныхъ, благослови Руси поосвятити себѣ Григорія на митрополію кіевскую, его же поосвятити (*соборомъ епископовъ*) благословеніемъ патріаршимъ, новемря 15. И оттолѣ начаша быти два м-ты, едний въ Кіевѣ, а другій въ Москвѣ.

(Густынец. лѣт. 353).

133. Посланіе м-та Московскаго Фотія въ Кіевъ 1417.

Яко той мятежникъ церковный Григорій Цемблакъ зовется митрополитомъ кіевскимъ, и поставленъ есть отъ неправеднаго сборища въ литовскомъ Новѣгородѣ, не избраніемъ св. отецъ, не испытаніемъ съборнымъ, не разсужденіемъ правильнымъ, ни рукоположеніемъ патріархъ, ни по преданію церковному; но паче мучительно самозаконно поставленіе его съдѣяние, якоже въ сонномъ привидѣніи играюще, проявленіи си спѣшатъ глумяши, мерзскаго оного поставляютъ, въ

священную одежду непотребнаго несвященнаго отъзвуютъ, еже достойнъ възгласивше ему, иже многаго стыда и лукавства достойнаго, но мірскими властью и по хотѣнію своему и желанію обрѣте, на пребывающаго мене, м-та, по достоянію въ животъ. Яже о немъ перѣе явлена была на сборѣ въ Цариградѣ, елико смущеніе створи на христову церковь, отъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Евпріа и божественнаго и священнаго всего собора изверженъ бысть изъ сану, отъ поновства и проклятъ.

Сего ради божественный и священный сборъ по случаю събранъ, божественныя и священническія и вселенскія святители, м-ты и съ сими боголюбивыя епископы, и судомъ симъ обвинивъ яхъ сего Цамблака, по божеств. священ. правиломъ, извержена и отлучена и проклята; также и тѣхъ епископъ его сборища, неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ, якоже бо не по повелѣнію явившася божеств. правилъ, но досадители и преслудатели, отметивъ сими явившася, отъ единого по достоянію съгласія лишшася отъ божеств. сборныя и апостол. Христовы церкви, имѣнующеся святители безъ разсужденія святаго великаго патріарха, но отъ мірскаго зачала святительство приима. И како то створи оканный св Цамблакъ, кто же убо имѣетъ его священникомъ и съпріобщается ему, или благословеніе его принимаетъ, аще епископъ буди, или священникъ, или кто мірскій человекъ, имѣетъ того извержена и проклята: приобщаясь не приобщенному, и самъ той не приобщенъ будетъ. Вамъ же и всѣмъ вашимъ, елици не приобщившася незаконному сему дѣлу, отъ незаконнаго сего Цамблака, въ всемъ никакъ приобщаемы будете, гнушающееся его яко несвященна, но осквернена. Аще и пишеть къ вамъ, и неспріятно буду вамъ писаніе его; аще и присылаетъ къ вамъ како, и слова ему не дадите отъгнудъ,

понеже то погубленіе принесется душамъ вашимъ; и который убо рукополагаетъ отъ него, рекше поставленъ, и познаете его, имѣйте его извержена, яко того самого Цамблака, и сихъ его и все, еже оны створилъ и створить, имѣйте дѣло то, якоже не бысть. Услышите вси, иже любее съ ними творяще! Како убѣжати вамъ отъ гнѣва грядущаго на нихъ? язи съ ними съдворяющееся и съоскверняющееся въ пищи, или въ питіи, или въ любови дружбѣ! Како смѣете приступити къ божественнымъ и страшнымъ тайнамъ христовымъ? И молю вашу любовь православныхъ крестьянъ, еже не сходятся вамъ съ тѣми ни въ которомъ дѣствѣ, ни въ пищи, ни въ питіи, ни во дружбѣ ни въ обѣты, ни въ мирѣ, ни въ любви; понеже который сходяйся съ ними, чюжда себе творить церкви божіи. А милость божія и наше благословеніе да будетъ со всеми православными крестьяны.

(П. С. Лѣт. IV, 116—117).

Фотій м-тъ иже ский. Приб. изъ Твор. св. О. 1852. 2. Ист. Рус. Словес. Шеварева 111. Обзоръ дух. Лѣт. 86—89 Григорій Цамблакъ. Тамъ же 89—91. Изв. Акад. VI. Папская булава ему дана 1458 г. П. Собр. Лѣт. VI, 319—320. Его поученія Правосл. Собес.

134 Поученіе владыки Семіона Псковича 1418

Вы благородны и честнородны мужи! Вѣдуще се, яко елико кто честь воздаетъ своему святителю, та же честь самому Христу приходить, отъ него же чаюче маду пріяти сторицею и жизнь вѣчную насладити: также, сынове, честь воздавайте своему святителю и отцемъ вашимъ духовнымъ, наставникомъ вашего спасенія, всащымъ покореніемъ и любовію, не пытающе отъ нихъ ничтоже, ни вопреки

глаголюще наставнику своему отцу; не смотритъ самому себѣ и своего спасенія, въ послушаніи и въ наказаніи отца своего духовнаго и во смиреніи, о себѣ же никакже не мудрствовать, ни высити, ни аки православныя крестьяны, живу-щая подъ закономъ божіимъ; да чтобы есте церковь божію не обидѣли, зажеже церковь божія не обидѣма бываеъ ни отъ кого же, ни кимъ же. И вы бы, дѣти, въ церковное не вѣступалися ни-лѣтже, елико назначала епископіи пога-гло, при преждебывшихъ архіепископѣхъ новгородскихъ, по правильному извѣще-нію, въ домъ божій св. Софїи, въ зем-ли, и въ воды, и въ суды, и въ печать, и во все пошлѣны церковныя; или будетъ кто въ церковное во что вѣступилъ, и бы бы есте, чада, того съступили, а съ своей души свели, по указаннымъ цер-ковнымъ правиломъ не ожидая на ся бого-словныя вины, по правилу св. отецъ.

(П. С. Лѣт. IV. 118).

135. Благословенная грамота м-та Фотія иноку Павлу Обнорскому ок. 1420 г.

Благословеніе Фотія, митрополита всея Руси священническому всему и иноческо-му чину и всякому купю чину же възра-сту православному. Вѣсте, еже изъ на-чала начальственаго велко ухищреніе лю-кавственое и попущеніе естъ отъ супо-стата врага дѣвола на родъ человѣческій, нате же того коварствъ и многихъ сѣ-тей пропинаемыхъ на родъ человѣческій, убиствомъ и татбамъ и иными таковыми Богу отгуждаемыми мерзостями, и всеми таковыми далече отъ Бога сътворѣя душа человѣческая и кровь погыбели низворе-вая: и се убо оттуду древлѣ, вѣсте, ко-ликимъ ухищреніемъ того общаго врага дѣвола, ради лакомства, протца наше-го Адама на преслушаніе введе и изъ рай

изгна; того же пакы врага сѣтми и ко-варьствы, и Каина подвиже на убійство Авелево; и по сѣмъ того же супостата врага ухищреніемъ, Іуду отъ лѣка апо-стольска отлучи и на предательство его введе, еже сребролюбья ради Творца не-бу и земля Іудѣмъ прода; и по сѣмъ многочислены суть сѣти его, пропинаемы на родъ христіанскій, всякими прелестя-ми и мерзостями душа человѣческая от-лучая. И такожде и нынѣ, того сѣтми и запятіемъ и ухищреніемъ, подкратъ ума нѣкоторого, ведучи въ погыбель человѣка того, и на то взяты дерзновение прїиде, и церкви божіей скровенное взять, и мно-го истязаемыхъ не яскуши, ни повѣда. И о сѣмъ убо наше смиреніе, съ молитвою и съ благословеніемъ, тако лишемъ: кто будетъ тое съкровище въсхитилъ, да не презритъ слезящаго о немъ, и благосло-вляю, да повержють взятое въ церкви бо-жіей и безо всякаго зазора; аще ли сего писанья нашего мерадити начнеть и не повержетъ, и азъ смиренный, тако имѣя власть отъ Духа св. еже вязати и рѣша-ти, имѣю того подъ запрещеніемъ и тяго-стію церковною и отлученіемъ, подъ сво-имъ неблагословеніемъ, дондеже тате-крадственное прїобрѣтеніе повержетъ ры-дающему по немъ и възвратитъ погубив-шему, и тако прїиметь отъ Господа Бога милость и его пречистыя матери, а отъ нашего смиренія свободу разрѣшеніемъ про-щеніе о сдѣянныхъ злыхъ его.

(А Истор. I, № 257).

136. О Сидорѣ митрополитѣ.

Въ лѣто 6945 (1437). Прїиде изъ Царяграда на Москву м-тъ Сидоръ, въ вторникъ свѣтлая недѣля по Велицѣ дни, и прїять его князь вел. честно; онъ же сый подстрекаемъ бысть сатаною, и пома-лѣхъ временехъ своего прїишествія начать

дрзновенно тичуясь къ соборному пути-
шествію; и повѣдаше нынѣ, яко быти въ
Римстей земли събранію 8-го събора, мя-
тежа ради и разкола, еже Гречестей въ-
рѣ съ Римскою, о раствореніи св. тѣла
и крове божіа на св. жрътвенницѣ, еже
въ киедомъ хлѣбѣ раствореніе даждь и въ
преспоѣхъ. и прочее о св. Душѣ,
и тако нарицаются прежній исходатай
събору тому. Благовѣрный же вел. кн.
Василій Вас., Богомъ вразумѣваемъ, гла-
голаше ему, да не поидетъ на съставле-
ніе 8-го събора латынского, ниже събла-
знится въ ересѣхъ ихъ, въ избраніи же ему
о сихъ; къ сему же повелѣ и еще гла-
голати ему, яко да останется таковыя
мысли съвѣршати, и много глаголаше ему,
и не послушае сиевыхъ, но яко неи-
стоуа сѣ дѣлаше. И посемъ ркоша ему:
«вѣси ли, отче, заповѣдь св. правилъ св.
Отецъ, якоже о снѣхъ богоноснѣи Отца св.,
7-й съборъ съвѣршавша и въ св. пра-
вилахъ уставъ и божественный законъ св.
апостолъ весь положивше, и св. цѣру
православія запечатлѣша проповѣдію Отца
и Сына и св. Духа, чтуше св. Троицу,
едино божество не раздѣлнмо; о 8-мъ же
съборѣ съставляющихъ проклятію предаша,
и анафема ихъ нарекоша, и съ еретики
ихъ отлучаша единослужно Богу проти-
вила дѣлающихъ». Онъ же снѣхъ ника-
коже послушати можаше. Благочестіа же
разнителъ и спосѣтчикъ истинѣ, бла-
говѣрный кн. в. Василей Вас., сиеваа
рече къ нему: «О, Сидоре, дерзновенно
дѣлаши, въ латынскую землю идеть, и
съставленію 8-ю събора повѣдаеши, его
же отресоша св. отци; нынѣ же аще и
не останешися мысли своея, то буди въ-
даа, егда възвратишся отгуду къ намъ,
то принеси къ намъ изначальствѣише
благое съединеніе, нынѣшнее вѣсѣвше
въ нѣкъ благочестіе и уставъ божестве-
наго закона и правленія св. церкви». Онъ
же зѣло тяжкую о снѣхъ клятву на
сѣ положи, рекуще, яко ничтоже страпна

и цюжа не принести отъ Латынь въ Рус-
скую землю съ 8-го ихъ събора, но яся,
рече, крѣпчѣ стояти о православіи и по
св. правиломъ побарати о благочестіи;
аже словесе бо глаголаше сѣа, скрываа
мысль злую въ сердца свои, хотя съвѣ-
ршити люди божіа съ истиннаго пути св.
цѣры и съединити къ Латыномъ, мнѣвъ
себе единого мудрѣйша всѣхъ. Егда же
приде Сидоръ въ Пѣмекскую землю до
града Юрьева (*Дерпта*), жпзущи же въ
немъ люди православія и вси священни-
ци съ честными кресты изыдоша срѣсти
его; Латыни же и Пѣмцы крыжъ лѣпкій
(*польскій*) изнесоша противу ему, поче-
сти его ради. Онъ же преступивъ таж-
кую свою клятву, ею же клялся о бла-
гочестіи великокрѣпавному си (*своему*)
государю Василію Вас. всеа Русіа, по
реченному пророкомъ: «яко забѣ Бога спа-
сающаго ѿ», —преже бо и възрѣ, и по-
клонися, и притече, любезно цѣлова и
знаменася крыжемъ лѣпкимъ, и по снѣхъ
приде къ св. крестомъ православія, по-
слѣдоваше же и провожаше в чѣлаше крыжъ
латынскій, иде съ ними до костела, си-
рѣчь до церкви ихъ, а о св. крестѣхъ
православія не брѣжаше, ни провожаше. Ви-
дѣвъ же сѣа боголюбивый епископъ Аврамей
суждальскій, и вѣи на томъ пути бывшеи съ
ними христіане православія, еже таковаа
нечестіа отъ него св. крестомъ бываема,
въ томъ частъ ужасонъ зѣло вси одрѣжи-
ми бѣша; зане бо еще не доведъ Рима
таковаа богоотступниаа дѣлаше. И по снѣхъ
приде Сидоръ въ область римскую, въ
градъ нарицаемый Ферару, идѣже тогда
богоотметный суетмысленный 8-й съборъ
наша римскій Еугеніе съставляше въ 6947
лѣто м. сентября...

*Далѣе подробно изложена исто-
рія флорентинскаго собора, на ко-
торомъ Исидоръ согласился соеди-
ниться съ латинами).*

Увы престести сѣа пагубныи! уни съ-
единеніе мръзости Греческому православію!

нико убо мѣста свѣта животнаго мракъ тмы влѣпнется, како ли вѣра благочестія къ латынѣмъ приложится; царь же и патріархъ (греческіе) православія въ прелести латынскихъ ересей впадошася, въ сѣти злата увязавше погубоша Сидоровымъ обоганіемъ, злато пріеми отъ Бога отлучающа и съ латынѣю соединившася. Что убо, царю въ латынѣхъ доброе увидѣлъ еси? Не сіа ли есть почестъ въ нихъ божіей церкви, еже възвысѣ въ ней гласы своя яко безумни, и многъ кличъ и плещъ и зѣло великъ възль пѣніа ихъ; или есѣ красота ихъ церковная, еже ударяють въ бубны, въ трубы же и въ органы, руками пласуше и ногами топчуще, и многа игры дѣюще, ими же бѣсѣмъ радость бываетъ; се ли есѣ смиреніе и благочестіе въ св. церкви, еже на па ихъ клечитъ на колѣну свою, и оорѣсочнаа приносить и въ рукавицахъ служить, и перстни на рукавицахъ носить, также и архидіаконы и діаконы и учителя ихъ творять, и наплатове ихъ клечать, также и вси Лахове и весь латынскій родъ, мужска полу и женска, малы же и велицы, вси падающе на колѣну клечать до скончанія богомръскаго ихъ пѣнія; тако бо и Жидове сътворивша ругающися Христу Богу нашему, еже на святыхъ его страстехъ претерпѣти отъ нихъ досаду и поношеніе; сіа же къ тому еще яко нарушася образу господню: учителя вѣль. церковни служители, постризають браны и усы свои равнующи женскому арбію, ркуше же еяце бласловествуя: тако добро есѣ къ святымъ приступати; а идѣже служатъ и приобщаются, ту и пси ихъ съ ними ходять. Имъ же свѣтъ похваляше таковаа Сидоръ злочестивый, и того ради отъ папы Сидору пріемшу почестъ велию; и тако идушу ему отъ Рима въ путь свой на рускую митрополию, и прише въ градъ нарицаемый Буданъ, м. марта въ ѿ день, и отгуду пославшу ему своя писанія въ Ля-

цкую, и Литовскую, и Нѣмецкую землю и на всю Русь православнаго христіанства, еяце пиша: »Исидоръ, милостию божіею, пресвященныи архіепископъ кievскій и всея Руси, легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдлаща латынскаго и литовскаго и нѣмецкаго, вѣсть я всякому христовѣрному съ прибавленіемъ вѣры своя вѣчно спасеніе въ Господа. Възрадуйтеся и възвеселитеся вси нынѣ, яко и перковы вѣсточная и западная, коликое время раздѣлены быша и едина къ единой враждебны, а нынѣ истиннымъ соединеніемъ соединившася въ изначальственнѣйшее свое соединеніе, и въ миръ, и въ еднѣчество древное базъ всякого раздѣленія» и проч...

Приде Сидоръ на русскую землю (1440), въ богоспасаемый градъ Москву, къ благочестивому и благовѣрному в. кн. Василию Вас., скрывая прелестъ латынскія въ себѣ ереси, еже занесе на истинное православіе; и тако почестъ свою латынскаго обычая бѣсованія гордости въскорѣ являетъ, нынѣ же хотя величатися, еже страшно и чужо есѣ отъ православныхъ вѣры, еже не достойтъ творити вѣрнымъ: прежде убо въ посланніи грамотъ своихъ зващеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдлаща латынскаго же, и литовскаго, и нѣмецкаго, а прехъ собою повелѣваше носить крыжъ латынскій да 3 наплатцы сребрены, про честь оряскаго си права. Егда же въ молатвенныхъ реченій св. службы и вмѣсто си. патріархъ вселенскій поминаетъ въ прѣвыхъ и блажитъ Еугенія папу римскаго, ему же бо на златѣ отдава св. вѣру Греческаго православія; по скончаніи же св. службы повелеваетъ Сидоръ, вшедъ на амбонъ, чести велеласно грамоту 8-ю суемысленаго събора отреченнаго, въ ней же написано есѣ богомръско и богоотступно, еже суть латынскія прелести: раздѣляюще св. Троицу, глаголющи, яко Духъ св. отъ Отца исходитъ, Духъ же и отъ Сы-

на, и опрѣсночнаа мудръствующе съединиша ркуше, яко въ безквасиѣхъ и квасиѣхъ хлѣбъ Тѣлу Христову сътворитися достоинъ; а о уеопишихъ сипе есть писано: аже въ истинней вѣрѣ и исповѣданіи божіа съ смиреніемъ копецъ пріяша, и показиша плодъ не досѣѣша принести о стѣгнѣмихъ своихъ, о нихъ же имъ духовнии отци заповѣдаша, и таковыи очищеніемъ мукъ очистятся по смерти;—но вся убо ещевая собою мудръствующи съдѣлаша, прелеести ради истинныя вѣры православна, еже бы прельстивъ отлучити христіанство отъ божественнаго закона. И тако о вѣсѣхъ своихъ бывшихъ дѣлахъ ихъ и самъ Еугеній папа римскій посла свое съ нимъ написаніе къ благовѣрному в. к. Василью Василу (*За тѣмъ слѣдуетъ грамота папы*).

Сіа же вся услышавъ в. князь, и яко узрѣ бываемаа грамота ихъ сумысленаго събора укрѣпленія и услышавъ, по изреченію словесъ его, въпрывыхъ вопи помяновеніе имени, и позна Сидора вѣкохощаго ересь, и тако не пріять благословенія отъ руки его и *латынскими ереснымъ прелестникомъ* нарече его, и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя *вѣкомъ* назва его, и скоро повелѣ съ митрополскаго стола съверещи его, яко безумна прелестника и *отступника* вѣры, и повелѣваетъ пребыти ему въ монастыри, доколеже обыщетъ о немъ по божественнымъ священнымъ правиламъ св. апостолъ и богосъставныхъ седми съборовъ св. Отець, и тако истиннымъ судомъ правды предъ

архіепископы и епископы земель своихъ и предъ всѣми зборы священныхъ обличитъ еущее въ злыхъ ересехъ бывшее дѣло его, яко да уеахится таковыхъ и отложитъ ересная дѣла своя, и повинется и покается, и милость получить. Сидоръ же злого яду насытився, никакоже отргнутъ мого и ни мала времени пождати не стерпѣ, срама ради обличенія своего о злыхъ силъ ересѣхъ латынскихъ, еже дѣлаше; и тмою евоого безвѣрія облякся, ношню *бездверіемъ* нешедъ, тѣтствомъ, бѣгъ ится, и съ ученикомъ своимъ съ чернцемъ зъ Григоріемъ, и тако (*убѣжалъ съ Москвы къ Твери, а оттолъ къ Литвѣ да и къ Риму*) бѣжаща къ Риму, отпѣду же придоша и злыя латынскія ереси изнесоша, (къ папѣ своему злочестивому, диволомъ водимъ къ своей ему погибели). Богоразумный же благочестіа дѣлатель, благовѣрный в. кн. Василей Вас., никакоже не посла по немъ звѣратити его, ни вехотѣ удръжати его, яко несмыслена еуща и богомръска, да не приступятся грѣсѣ его; заки бо святая правила божественнаго закона св. апостолъ повелѣвають таковаго церкви развратника огнемъ съжести, или живаго въ земли загresti.

(П. С. лѣт. VIII. 100—109).

Объ исключительномъ и свѣтскомъ значеніи римско-католической церкви и предіомѣ ея вліяніи на развитие (Славянъ см. *Ист. Балт. Слав.* А. Гильфердинга 1853. 298. О сношеніяхъ папъ съ Россією Н. А. Иванова. Уч. Зап. Каз. Унив. 1842. кн. IV.

Б. Л Е Г Е Н Д А.

137. Построение Варяжской божницы.

Въ лѣта благочестивыхъ в. князей нашихъ русскихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и со-вокупленіи, прислаша Нѣмцы отъ всѣхъ 70 городовъ посла своего, быша челоуѣкъ архіеп новгородскому, и посадникъ, и тысяцкѣмъ и всему В. Новгороду, глаголюще: «мылые наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себя, посреди В. Новгорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю». И Новгородци отмоливша имъ рекуще: милостію божию и его пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вѣтчинѣхъ господы нашихъ в. князей русскихъ, въ В. Новгородѣ, стоятъ всѣ церкви православныя наша вѣры христіанскія, нис кое причастіе стѣгу ко гмѣ, такоужъ и вашей божницы быть какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именовъ, и Нѣмцы слышавше жестокой отаѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ быша челоуѣкъ посаднику Добрынѣ, и дапа ему посулъ великъ (*взятку большую*). О семъ бо и Соломонъ рече: «всѣ послушаютъ злата». Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими советники повелѣ Нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцѣмъ новгородскимъ: «только нашей божницѣ храму св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у насъ въ В. Новгородѣ, и то вашѣмъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти-жъ. — И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новгородскіе, начаше бити челоуѣкъ господину своему, отцу архіепископу и всему В. Новгороду, рекуще: «пожалуйте, поволите Нѣмцомъ поставити ропату (*божницу, церковь*) по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбятъ; зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ у ихъ не быти». Тажъ и посадникъ Добрыня за старость и за гости начать говорити: «только не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городамъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велики будетъ нужно». — и архіепископъ и новгородци послуха (*и*) посадничъ советъ и гостей своихъ челоуѣтъ, поволѣша Нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и Нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоитъ

церковь древняго св. Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мздою и паучонъ диаволомъ, повелѣтъ церкви св. Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ Нѣмцомъ; Предтеча жъ господень не терпя вражія навѣта, и его злаго советника, что испоругалъ святой его храмъ мзды ради; въ ноци убо той услыша пономарь той церкви Предтеченъ гласъ глаголющъ ему: «заутра на 3-мъ часу дневномъ иди на Великий мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посадничья чюда». И пономарь заутра възвѣсти Новгородцемъ, якоже слыша, и абіе стекошася множество народа на Великий мостъ видѣти, что хощетъ быти. И какоужъ побѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ презъ Волховъ въ насидѣ съ людьми своими — и внезапно прииде вихрь, и вземъ насидѣ, възнесе на высоту, яко болѣ двѣ сажени и удари оводу, и ту потоле посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ воѣхъ переняша въ судѣхъ въ малыхъ перевозникахъ, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогша вывезти тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, неполучи и погребенія, яже есть обычай православнымъ. Ся имъ повѣда игумень Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Занкхевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго.

И якоже съзрышиша Нѣмцы ропату свою, и наыша иконошниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣи странѣ въ верху, на прелестъ христіаномъ и на соблазѣтъ, — и якоужъ написаша иконошники образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа недоложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ прииде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, адыже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ (*краска*) смыло дождемъ, яко же неявились ни янаментю (*ни знаку не осталось*).

(Пам. стар рус лит 1, 2:1—253).

Легенда эта составлялась уже по образованіи союза ганзейскихъ городовъ, слѣдов. гораздо позже фѣйствительнаго по троеніи варяжской божницы (римско-католической для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII в. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главномъ центрѣ балтійской торговли. (*Съверно-рус. народопр. Н. И. Костомарова*).

2. ВЛАСТЬ СВѢТСКАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

138. Отношенія св. Владиміра къ дру-
жинѣ.

Въ 996 г. створи (Владиміръ) праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше бояры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и людіа многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь днѣи 8, и възвращашеться Киеву на Успенье свѣтыя Богородица, и ту пакы стваряше праздникъ великъ, съзывая безчисленное множество народа. Видя же люди хрестіянскы есуща, радовашеся душою и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо людіа словеса княжыа, слыша бо единую Евангеліе чтомо: блаженіи милостивіи, яко ти помилуваніи будутъ, и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ, и пакы: не скрывайте собѣ скровищъ на земли, идѣже тля тлѣтъ и татѣе подьбываютъ, но скрывайте собѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлѣтъ, ни татѣе крадутъ. И Давыда глаголюща: блаженъ мужъ иплуя и давая. Соломона же слыша глаголюща: идавай нищему, Богу взаритъ дасть. Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому прихадити на дворъ княжъ и взышати всяку потребу, питье и иданье, и отъ скотъныа кушати (изъ кладовыхъ деньгами). Устрои же и се, рекъ: «яко немощни и болни не могутъ долѣзти двора моего». Повелѣ пристроити кола

(теллы); въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овошь разнолвчный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возитя по городу, въпрашающимъ: «кдѣ болни и нищѣ, не могутъ ходити? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся щетѣая, уставы на дворѣ въ гридьничѣ пиръ творити и прихадити бояромъ, и гридемъ, и съдѣскимъ, и десятицкимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множество отъ мяса, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилію отъ всего. Егда же подьбыхуться, начинахуть роптати на князь, глаголюще: «зѣло естъ нашымъ головамъ! да намъ лѣсти деревянными лѣжками, а не серебряными». Се слышавъ Володиміръ, повелѣ исковати джищѣ серебряны лѣсти дружинѣ, рекъ сице: «яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною иалѣзу серебро и злато, якоже дѣаъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и серебра». Бѣ бо Володиміръ любилъ друживу, и съ нима думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ.

(И. Собр. Лѣт. I, 54).

Сравнить описаніе лѣтописное съ изображеніемъ былинъ угощеній в. кн. Владиміра.

139. Отношеніе Новгорода къ князю

Въ лѣто 6644 (1136). Новгородци призваша Пековичъ и Ладожанъ, и сдумавше яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша ѿ въ епискупль дворъ со княгинею и съ бояры и съ тещею, мая въ 28, и сторожи стражаху день и ночь по 30 мужъ со оружіемъ; и сѣдѣвъ два мѣсяца, и пустиша ѿ нѣзъ города, а Володимера сына его пріаши. А се вины его творяху: »1-е не блюдетъ смердовъ; 2-е чему хотѣлъ еси сѣсти въ Переяславѣ? 3-е ѣхалъ еси изъ полку напредъ всѣхъ, а отъ того много ны потаты (убиты); и велѣлъ вы ко Всеволодку приступити, а пакы отступити велитъ«. — И не пустиша его, донелѣже инъ князь будетъ. И приде Новгороду князь Святославъ Ольговичъ изъ Чернигова отъ брата Всеволодка; и Всеволода выгнаша Новгородци отъ себе, онъ же приде къ стряпцу своему Ярополку въ Кіевъ, и да ему Вышегородъ, и сѣдѣ ту лѣто едино.

(1 Софійс. 157).

140. Убіеніе кіевскаго князя Игоря въ 1147 г.

Изяславъ посла Кіеву къ брату своему Володимиру и къ митр. Климови; и къ Лазореву тысячнику, и рече имъ: «созовите Кіянъ на дворъ къ св. Софьи, ать (пустъ) мой посолъ молветъ рѣчь мою къ нимъ, и скажетъ лѣсть черняговскихъ князей». Кіаномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ св. Софьи на дворъ, вѣставшемъ же имъ азъ вѣли, и рече имъ Изяславъ посолъ: «цѣловалъ вы князь свой: азъ близъ вамъ

являю, се думалъ есмь со братомъ своимъ Ростиславомъ, и съ Володимиромъ, съ Изяславомъ Давыдовичемъ, пойти на стріяя своего на Гюрга, и вась есмь съ собою избялъ (манилъ, звалъ); и вы мнѣ есте река (говорили): не можемъ на Володимире (мономъ) племя руки възняти (подняти) на Гюрга, но еже на Ольговича, хотя и съ дѣтми идемъ съ тобою; се же вы являю: се Володимеръ Давыдовичъ и Изяславъ, и Всеволодъ Святославъ, ему же азъ много добра створихъ, цѣловали ко мнѣ крестъ, пунѣ же цѣловали потай (тайно отъ) мене крестъ къ Святославу Ольговичу, а къ Гюргеву ся послали, а надо мною лѣсть учинили, хотѣли мя любо яти, любо убити про Игоря, но Богъ мя заступялъ и крестъ честный, его же ко мнѣ цѣловали; нынѣ же, братъ Кіеве, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣщали, пойдите по мнѣ къ Чернягову на Ольговичъ, доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣетъ конь, кто лѣ не имѣетъ коня, а въ лоды, ти бо суть не мене единого хотѣли убити, но и вась искоренити». — Кіане же рекоша: «ради, оже вы Богъ тебе избавлялъ отъ великія лѣсти братью нашу, идемъ по тебѣ и съ дѣтми, якоже хоцещи». — И рече единъ человекъ: «по князи всемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и прежде створиша при Изяславѣ Ярославѣ, выскше Всеслава изъ поруба злѣ бни, и поставиша князи собѣ, и много зла бысть про то граду нашему; а се Игорь ворогъ нашего князя и пашь не въ порубѣ, но въ св. Оедорѣ, а убивше того къ Чернягову пойдѣмъ, во своемъ князи; кончаны же си съ нами». — Тоже слышаше народъ, оттогда пойдомъ на Игоря въ св. Оедорѣ (монастырь). И рече имъ Володимеръ: «того вы братъ мой не велѣлъ, Игоря блюдутъ сторожи, а мы пойдѣмъ къ брату, яко же ны велитъ». Рекоша же Кіане: «мы вѣдаемъ, оже не

ковчиги добромъ съ тѣмъ племемъ, и на вамъ ни намъ, коли-любю». М-тъ же язабранише пмъ и Лазарь тысяцкой, и Рагуило Володимиръ тысяцкой, како быша не убили Игоря. Они же кликнуша и поидоша убивать Игоря, и Володимиръ всѣмъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ мвнути, увороти коня на право, мимо Глѣбовъ дворъ, и въскорѣша (*предупредили*) Кіана передъ Володимеромъ. Игорь же услышавъ, поиде въ церковь св. Феодора..

Онъ же устремилъся на нѣ, яко звѣрь свѣршилъ, и похитиша его на обѣднѣ въ церкви св. Феодора, и манотью на немъ отогрѣша. Онъ же рече имъ: «о законпреступники, врази, всея правды христовы отметивши! почто яко разбойника хотите на убить? Аще крестъ цѣловалъ есте ко мнѣ, рекуще, яко смѣти ма собѣ княземъ, нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ ма Богъ минскій чинъ въспряти». Лукавый же нечестивый сборъ болѣ възидише, глаголя: «побейте, побейте!» И тако изъ святки лаволокоша, и онъ же вельми възгласивъ, рече: «о оканьни! не вѣсте ся что творише, се бо творите невидимъ; аще и все тѣло мое наго оставите, нагъ бо наглохъ изъ чрева матери моея, и нагъ отъиду тамо». И то ему глаголющу, и емше, повѣдоша наъ монастыря, и сретѣ ѿ Володимира въ вратѣхъ монастырскихъ, и рече Игорьъ възря на нѣ: «охъ, брате, како ма ведугъ!» Искочи Володимиръ съ коня, и огню ѿ коръзномъ (*верхней одеждой*), река Кіаномъ: «братъ мой! не мзлите сего створити зла, ни убивайте Игоря»; и доведе ѿ Володимира врата метере своя, и ту начаша Игоря убивати, и ударивъ Володимира быче Игоря. Михайлъ же видѣ то искочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ же выча ѿ двора метере своя, Игоря хоропя, и загвора ворота; быче же Михайла, от-

торгоша крестъ на немъ и съ чепми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству убивающимъ Игоря, и прыгна Володимиръ Мстиславичъ, искочи съ коня, паде на Игоря, и тако Игорьъ вѣста, и вилде въ дворъ Мстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убить про Игоря. И тако изъ народа стояще, и взрѣша Игоря вѣгша въ Мстиславль дворъ, и тако народъ двигушася и выломиша ворота, и тако побивша. Игорь же побиваемъ рече: «Владыко! въ руцѣ твоя предаю тебѣ духъ мой, прими въ миръ твой душу мою». Безаконни же, немилостивии, побивше ѿ отъинудъ тѣло его наго оставиша и доверзъше ужемъ (*привязали веревку*) за ноги уволочиша: и еще живу сушу ему, ругающеся царьскому и священному тѣлу, и волокоша ѿ Мстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на княжъ дворъ, и ту привончаша ѿ. И тако скончаша Игоря князя, сына Олгова. Башеть бо добрый побирникъ отечества своего, въ руцѣ божиа преда духъ свой, и сълекоя ризы тѣлѣннаго челоука, и въ нетлѣнную и многострастную ризу облекся Христа, отъ него же и възиде въсприемъ мученія нетлѣнный вѣнецъ. И тако къ Богу отъиде м. сентября въ 19, въ день пяткъ. И оттуда възложи на ѿ на кола, и везоша ѿ на Подолье, на Торговище; и шпергоша поруганью незаконниа, неспыслиши, ослѣпленіи очима своимъ, въ душе, яко мститель есть Богъ и възиде къ крови невиннаго. Челоуци же благовѣрнии, приходяще, взимаху отъ крове его и отъ прикрова сушаго на немъ на тѣлѣ его, на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрываху наготу телеца его своимъ одежами. И повѣдаша Володимиру, яко поверженъ есть на торговищи; и посла тысяцьского, и пріѣха видѣ повержена Игоря мертвого, и рече: «се уже Игоря есте убили, во Олговичъ, Давыдовича и Всеволодичъ, оже мыслили

на нашего князя ядо, хотяче погубити зльстю; но Богъ за вѣщитъ княземъ и сп. Софія». И повелѣ тысяцкойъ взяти Игоря, и взявше и положиша въ церкви св. Михаила. На ту ночь Богъ прояви надъ нимъ знаменіе велико, зажегосядь свѣтъ вси надъ нимъ въ церкви той; наутрѣ же шедше Новгородци повѣдаша митрополиту, м-тъ же запрети, да никому же не повѣдаютъ, но повелѣ потаити такую благодать Богу являющую надъ нимъ. Суботѣ святаѹ, посла м-тъ игумена Онанью св. Федора; и прѣйха игумень, и видѣ лагого, и облече ѱ, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на конецъ града въ монастырь св. Семеону (бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Свято-слава), тамо положиша.

(Ипат. Л. 32—34).

Въ объясненіе этого отрывка нужно замѣтить, что въ 1147 г. Киевляне, по приглашенію своего князя Изяслава Мстиславича, рѣшили идти на Давыдовичей, которые только что уличены были Изяславомъ въ измѣну. Но одинъ человекъ сказалъ, что сторонники Игоря, врага Изяслава, въ отсутствіе ихъ, могутъ вывести изъ монастыря постриженнаго Игоря: ядѣ при Изяславѣ (1067 г.) злые люди вывели же Всеслава изъ поруба и много зла было городу, а изъ монастыря Игоря достать легче. «Кончимъ прежде съ нимъ, убьемъ его, а потомъ и пойдемъ къ Чернигову». Киевляне нашли совѣтъ основательнымъ и убили Игоря. Въ этой необходимости смерти Игоря высказалось опасеніе отца, какъ бы, въ отсутствіе преемника Изяслава, не усилилась партія Давыдовичей и въ противность только что состоявшемуся рѣшенію, оставшіеся въ городѣ Киевляне не посадили ни стада опять Игоря, которому цѣловали крестъ въ предыдущемъ году.

141. Убіеніе Андрея Боголюбскаго

Въ лѣто 6683 (1175). Убіенъ бысть в. к. Андрей Суздальскій, сынъ Дюревъ, внукъ Володимѣрь Мономахъ, м. июля въ 28-й день, кануны св. апостола, деи бѣ

тогда суббота. Создалъ же бысть собѣ городъ камень, именемъ Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ отъ Кіева, такоже и Боголюбый отъ Володимеря. Сынъ благовѣрный и христіялюбивый князь Андрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко позлату красну, душу украсивъ всеми добрыми нравы; улюбши царю Соломону, яко домы Господу Богу и церковь православному св. Богородица Рожества, посреда города, камени созда въ Боголюбѣ, и удивни ю паче всѣхъ церквей, подобна той Святаа Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ...

Посемъ же иныи церкви, многы камени постави различныѣ, и монастыри многи созда. На весь бо церковный чинъ и на церковники отверзъ быше Богъ сердце въ очи, не поирача ума своего пылствомъ, и кормитель быше чернцемъ и черницамъ и убогимъ, и всякому чину, яко вълюбленный отецъ быше, паче же милостивее быше милостивъ; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиша, много добродѣтели много въ немъ ближе, и всякъ обычай добронравенъ вытѣшеть: въ пощѣ въхладѣть въ церковь и свѣща въжигивашеть самъ, и видя образъ божій на иконахъ написанъ, взирая яко на самого Творца, и вси святѣи написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свой, съкрушеномъ сердцемъ, в уздыханьѣ отъ сердца износи и слезы отъ очю испущая, покаянье Давыдово принималъ, плача о грѣсѣхъ своихъ, възлюбивъ неплѣнная паче тѣлныхъ и небесная паче временныхъ, и царство святыми у вседержителя Бога паче претекущаго сего царства земнаго, и всею добродѣтельно бѣ украсенъ, второй мудрый Соломонъ; быше же и сю добродѣтель имѣти: пещишеть по вся дни возити по городу брашно и питье различное, большыи и нящыи на потребу,

и видя всякого нища приходящаго къ себѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: «еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене?» и тако приимаше всякого приходящаго къ нему, яко же Христосъ заповѣда. Тѣмъ достойно отъ Бога побѣднѣй вѣнецъ приимъ еся княже *Андрею* (гречес. *андр*—*мужь*), мужеству тезоимените, братама благоумными святыми страстотерпцема възлюбиваша еси, кровью умывся страданія ти; аще бо не напасть, то ни вѣнецъ, аще ли не мука, то ни дарове: всякій бо держася добродѣтели не можетъ бо безъ многихъ врагъ быти. Князь же Андрей вражное убійство слышавъ напередъ до себе, духомъ разгорѣся божественнымъ и нивочто же вѣдѣти...

Сей же боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, создавшаго всяческая отъ небытия въ бытїе, душу свою положи. Тѣмъ въ память убьенія твоего, страстотерпче княже Андрей, удивившася небесни вои, видяще кровь проливаему за Христа; рыдаетъ же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, опрачнѣвъ звѣзду свѣтошину помрачаему; оканечѣ же убійцѣ огнемъ врестятелю копечнѣмъ и сожигаетъ всякого грѣха куяну, рекше дѣянѣя. Ты же, страстотерпче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати миротѣ миръ. Мы же на преднее вѣзра- тимся. Се же бысть въ нѣтъницю, на обѣднѣ, съѣсть лукавы и нагубоуоуи- ственный. И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленный имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его князь велѣлъ казнить, и устремися дьяволѣмъ наученъ, и тече воиѣ къ брату своей къ злымъ съвѣт- никомъ, якоже Юда къ Иудомъ, тѣсняя угодати отцю своему сатанѣ; и почаша молвити: «день того казнить, а на съзавтра; а промыслимы о князѣ семь,» — и свѣщаша убійство на ночь, якоже Юда

на Господа. И пришедшии нощи, онъ же устремившеся цѣпавше оружья, поидоша на нь яко звѣрье съвѣрши; и идущимъ имъ къ ложници его, и приѣ страхъ и трепетъ и бѣжаша съ стѣнъ, шедше въ медушю (*погребъ*) и пиша пиво; сотова же веселящеть ѣ въ медушѣ и служа имъ невидимо, посѣвѣая и крѣпя ѣ, якоже ся ему общали бяхуть; и тако упившеся виномъ поидоша на стѣни. Начальникъ же убійцамъ бысть Петръ Кучькоуъ зятѣ, Аибалъ Яснѣй ключникъ, Якимъ Кучьковичъ, а всѣхъ нечѣрныхъ убійцъ 20 числомъ, вѣже ся бяху снѣли на оканѣный съвѣтъ, томъ дни, у Петра у Кучькова зятѣ. Постыгши бо нощи суботнѣи, на възмѣя свѣтую апостолу Петра и Павла, вземше оружье, яко звѣрье дивнѣ, пришедшии имъ къ ложници, пѣтѣже блаженный князь Андрей лежить, и рече одинъ стоя у дверей: «господине!» И князь рече: «кто есть?» И онъ же рече: «Проконѣи.» И рече князь: «о паробѣче! по Проконѣи.» Они же прискочивше къ дверемъ, слышавше слово княже, и почаша бѣти въ дверь и сялоу выломаша дверь. Блаженный же вскочѣ, хотя възяти мечъ, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни выпѣлъ ѣ Аибалъ ключникъ его: то бо мечъ бѣшеть св. Бориса. И възскочиша два оканѣи и ястася съ нимъ, и князь поверже одного подъ ся, и мѣвше князя повержена и узавѣиша ѣ свой другъ; и носемъ познавша князя и боряхуся съ нимъ велми, бѣише бо силѣнъ и съкоша и мечи и саблями и кошиными язвы даша ему. И рече нѣтъ: «о горе вамъ нечестивѣи! что уподобистеся Горасѣру? что вы зло учинихъ? аще кровь мою про- лѣясте на землѣ, да Богъ отомытитъ вы и мой хлѣбъ.» Се же нечестивѣи мѣв- ша его убѣиша до конца, и възвѣише дру- га своего и несомѣ воиѣ, трепещуци отъидоша; онъ же во торѣхъ възскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати въ болѣзни сердца, иде подъ стѣни. Они же

слышавше гласъ, возворотилися опять на нь. И стоящии имъ, и рече одинъ: «стоя видохъ яко князя идуща съ сѣнй доловъ»; и рекоша: «грядите его»; и текоша изсозорвати его, оже иѣтуть, идѣже его отошли убивше; и рекоша: «то тѣ есмы погубохомъ, вборзѣ выѣте его». И тако въжегше сѣши наѣззона ѿ крови. Князь же узрѣвъ я плуща къ собѣ, и въздѣвъ руцѣ на небо поплосился Богу, глаголя: «Господи! прязри на немощь мою, и виждь смиреніе мое и злую мою печаль и скорѣю мою, одержающую мя плыѣ, азъ уповаю терплю»...

И то ему глаголашю и молившюся о грѣсѣхъ своихъ къ Богу, и сѣдѣщу ему за стономъ въсходнымъ, и надолзѣ вщющипъ его: и узрѣша ѿ сѣдѣща яко агня непорочно, и ту оканьни прискочивша, и Петръ же отѣтя ему руку десную. Князь же възрѣвъ на небо и рече: «Господи! въ руцѣ твои предаю тебѣ духъ мой»; и тако успе. Убьенъ же бысть въ субботу на нощь. И освѣте заутра въ недѣлю, на память 12 апостолъ, оканьвѣи же оттуда шешше убивша Проконья, милостьника его; и оттуда идоша на сѣни, и выинаша золото и камень дорожное и жемчугъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнія, и въскладше на милостьныи конѣ послаша до свѣта прочь; а сами въземше на ся оружье княже, милостьное, почаша совокушати дружину къ собѣ, ркуче: «ци жь да на насъ прѣйдутъ дружина володимирская?». И скупиша полкъ и послаша къ Володимерю: «ти что помышляете на насъ? а хочемъ ся съ вами коньчати; не насъ бо одиятъ дума, но и о васъ суть же въ той же думѣ». И рекоша Володимерци: «да кто съ вами въ думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ». И разидошася и вълегоша грабати, страшно зрѣти. И тече на мѣсто Кузмище Кипинъ, оли иѣтуть князя, видѣже убьенъ бысть; и поча прошати Кузмище: «какъ есть убятъ господинъ?». И рекоша:

«лежать ти вынолоченъ въ огорождѣ, но не можн имати его, тако ти молвати вси, хотимъ и выверачи псомъ; оже са кто прииметь по нь, тотъ нашъ ворожьбѣтъ есть, а и того убьемъ». И нача плакати надъ нимъ Кузмище: «господине мой! како еси не очютилъ скверныхъ и нечестивыхъ пагубоубиственныхъ ворожьбѣтъ своихъ, идущихъ къ тебѣ, или како еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкъ поганыхъ Болгаръ? и тако плакася ѿ. И прииде Амбалъ ключникъ, Ясень родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа, я на до всеми волю ему далъ бѣщеть, — и рече въарѣвъ на нь Кузмище: «Амбале вороже: сверая коверъ ли что ли, что постѣлати или чамъ прикрыти господина нашего». И рече Амбалъ: «иди прочь, мы хотимъ выверечи псомъ». И рече Кузмище: «о еретиче! уже псомъ вывереза? помниши ли, жидовне, въ которыхъ вортѣхъ пришелъ бѣщеть? ты вынѣ въ оксамитѣ стояши, а князь нагъ лежеть; но молются, сверая ми что любо» — и сверже коверъ и корано; и обергѣвъ ѿи несе ѿ въ церковь. И рече: «отомниѣте мя божицю». И рекоша: «порини ѿ ту въ притворѣ, печаль ти имѣ»; уже бо пьяни бѣхуть. И рече Кузмище: «уже тебе, господине, паробѣци твои не янають; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли, и аче Латининъ, и до всего хрестыанства, я до всеѣхъ поганъ, и рече: въведѣте ѿ въ церковь и на полати, да видятъ истинное хрестыанство и крестятеся, акаже и бысть. — и Болгаре и Жидове и вся погань, видѣвше славу божию и украшеніе церковное, и тѣ бома плачють по тебѣ; а еи ни въ дерковъ не велѣтъ вложити». И тако положи въ притворѣ у божици, прикрывъ ѿ корзномъ; я лежа ту 2 дни и нощи. На третій день преле Арсѣній игумень святою Кузми и Демьяна, и рече:

«долго намъ зрѣвшимъ на старѣйшие игу-
мени и долго сему князю лежати? отом-
кѣте божницю, да отпою надъ нимъ,
вложимъ ѿ любо си въ буду, любо си
въ гробъ, да коли престанеть злоба си,
да тогда пришедъ изъ Володимеря и по-
несутъ ѿ тамо». И пришедше клироты—
не боголюбьскыи, и взявше ѿ внесоша въ
божницю, и вложивъ ѿ въ гробъ камень,
отпѣвше надъ нимъ погребальное со игу-
меновъ Арсеньевъ. Горожане же Бого-
любца разграбивъ домъ княжъ, и дѣла-
тели, иже бяху пришли къ дѣлу, золото
и серебро, порты и паволоки, вѣнны,
ему же не бѣ числа; и много зла ство-
рился въ волости его, посадниковъ и ти-
вунцовъ дома пограбивъ, а самѣхъ и дѣт-
скѣхъ его и мечники избивъ, а дома ихъ
пограбивъ, не вѣдуше глаголемаго: вѣдѣ-
же законъ, ту и обидѣ много; грабители
же и изъ селъ прихотѣе грабяху. Та-
коже и Володимери, ози же почла ходити
Микулиця со святою Богородицею, въ ри-
захъ, по городу, тождь почаша не грабити...
Въ 6 день, въ пятницю, рекоша Володи-
мерецъ игумену Феодолуви и Лупѣ деме-
стыванику свѣтоѣ Богородицѣ: «нарядитъ
носилицѣ, ать поидемъ возмемъ князя, а
господина своего Андрея»; а Микулицѣ
рекоша: «сѣбери попы вси, оболочеша
въ ризы выйдѣте жъ передъ Серебряная
ворота съ св. Богородицею, ту князя дож-
деши». И створи тако Феодулъ игумень:
св. Богородицѣ володимерьской съ крыло-
шаны и съ Владимирцѣ ѣхаша по князю
во Боголюбое, и взявше тѣло его приве-
зоша Володимерю, со честию, съ плачемъ
великимъ. И бысть по малѣ времени,
и почла выступати стѣна отъ Боголюбого:
и людѣ не моглоша ся нимало удержати,
но вси воцѣхуть, отъ слезъ же не можа-
ху прозрити, и вопль далече бѣ слышати.
И почла весь народъ плача молвити: «уже
ли Кіеву поѣха, господине, въ ту цер-
ковь, гдѣмъ золотыми вороты, ихъ же дѣ-
лать послалъ бѣше той церкви на вели-

цѣмъ дворѣ на Ярославѣ, а река: «хочю
создати церковь такъ же, ака же ворота
си золота, да будетъ память всему отече-
ству моему» — и тако плакася по немъ
весь градъ. И спратавше тѣло его, съ
честию и съ пѣснями благохвалными,
положивъ его у чюдноѣ хвалы достойноѣ
у св. Богородицѣ Златоверхой, юже бѣ
самъ создалъ. Се бо князь Андрей не
вда въ животоѣ своемъ тѣлу своему покоя
и очима своимъ дреманья, донелъ же обрѣ-
те домъ истинны, прибѣжище всемъ хри-
стіаномъ, Царяи небесныхъ чиновъ и
Госпожи всея вселенныя, всякого челове-
ка и многими путями ко спасенью приво-
дящи. Якоже апостолъ учить: его же
любить Господь, того же и казнить, и
бить же всякого сына, его же приимлетъ;
аще бо наказанья терпите, яко сыномъ
занъ обрѣтается Богъ. Не постави бо Богъ
прекраснаго солища на единомъ мѣстѣ, а
довольюща и отгуду всю вселенную осѣ-
щати, но сотвори ему устои и цѣлѣне
и западъ: и тако угодиша своего Андрея
князя не приведе его къ собѣ туне, а
могущаго таковымъ житіемъ и тако душою
спасти, но кровью мученичскою умывша
прегрѣшеній своихъ, и со братомъ своимъ
съ Романомъ и съ Давыдомъ единодушно
ко Христу Богу притаче, и въ райстѣи
ниши водворяся не нареченью съ ними,
ихъ же око не видѣ, ни ухо слыша, ни
на сердце человеку възыде, яко уготова
Богъ любящимъ его тѣхъ благъ сподо-
бився видѣти въ вѣки. Радующияся Ан-
дрею, княже великий, дерзновенне имѣи
ко всемогущему и богатыхъ богатѣйшему,
на высокыхъ сѣдящему Богу, молися по-
милувати братью свою, да подасть имъ
побѣду на противныѣ и мирную державу
и царство честию и многолѣтню, во вся
вѣки вѣковъ, аминь.

(Ипат II, 111—116).

Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій М. Пог-
дина. М. 1850.

142. Обращеніе къ клязьмѣ.

Васъ молю, стадо христово, съ любовью, приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбараняху русьскыя земля, и ныня страны приимаху подъ ся. Ти бо князи не собираху многа имѣнія, не творилихъ вирь (*судебныхъ денежныхъ изысканий*), ни продажъ въскладаху на люди; но оже будаше правая яира, и ту возма, дающе дружину на оружіе. А дружина его кормляхуся, воююще ныня страны, бьющися: «братіе! потягнемъ по своей клязи и по русьской земли». Не жадаху: «мало ми есть, княже, 200 гривенъ»; не кладаху на свои желы алатыхъ обручей, но хожяху жены ихъ въ серебрѣ, и расплодиха были землю русьскую. За наше несытство навелъ Богъ на ны поганья, а я скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ. Пяметь бо ся: «богатство неправдою собираемо, скоро изѣтается». И пакы: «сбираеть,—и не вѣсть кому собираеть». И пакы: «лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа». Да отсѣятъ, братія възлюбленная моя, останемся отъ несытства своего; довольн будите уроки вашими. Яко и Павелъ пишетъ: «ему же данъ, то дасть, ему же урокъ, то урокъ; никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбимъ въ страхъ божій и правотѣи свое спасеніе съдѣвающе, да и адѣ добръ поживемъ, и тамо вѣчной жизни причастица будемъ».

(И. С. лѣт. V, 87).

143. Романъ Галицій.

Въ лѣто 6709 (1201). По смерти вел. кн. Романа, приснопамятного само-

держца всея Руси, одолѣвъша всякъ поганьскій языкъ, ума мудростью ходяща по заповѣдямъ божіимъ: устремилъ бо ся баше на поганья яко и левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяще яко коркодаль, и прехожаще землю ихъ яко и орелъ, хроборъ бо бѣ яко и туръ (*дикій быкъ*). Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья Измалятины, рекомыя Половцы, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзная врата (*), Сырчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимѣръ Мономахъ пилъ золотомъ шелономъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавшю оканыиыя Агаряны. По смерти же Володимѣръ оставшю у Сыръчана единому гудью же, Ореви посла и во Обезы, река: «Володимѣръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойдѣ въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; аже ты не восхочеть, дай ему поуhati (*поухати*) зелья, именемъ *свианъ*». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славу быти». И приде во свою землю, отъ него родившися Концаку, иже снесе Сулу цѣшь ходя, котель нося на плечеву. Роману же князю ревновашю за то, и тщашеся погубити иноплеменики. Велику мятежю возставшю въ землѣ Руской, оставившиа же ся двѣма сынома его, единъ 4 лѣтъ, а другіи дву лѣтъ.

144. Борьба Мстислава съ боярами.

Въ лѣто 6734 (1226). Лѣстивому Ярополку рекну къ бояромъ галичьскимъ:

(*) Кавказскія горы.

«яко ядеть Мьстиславъ въ поле, и хо-
щеть вы предати тѣстеву своему Котю
на избитѣ», Мьстиславу же праву сущю
о семъ и не свѣдушу ничтоже о нихъ,
они же емше вѣры отъидоша въ землю
Перемышлескую, въ горы Кавокаескія,
рекше по Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ,
послаша послы своя, рекуще: «яко Жн-
рославъ повѣдалъ ны есть». Мьстиславу
же пославшу отца своего Тимофея: «яко
всѣе оклеветалъ мя есть къ вамъ Жн-
рославъ», Тимофеею же клещюся имъ о
семъ, яко не свѣдушу Мьстиславу ничто-
же о семъ: и приведе бояре вси къ не-
му. Князю же обличившу Жирослава, из-
гна ѿ себя. Якоже изгна Богъ Ка-
нина отъ лица своего, рекы: проклятъ ты
буди, стоя и трясыйся на земли, яко же
раздвиже земля уста своя пріяти кровь
брата твоего, якоже я Жирославъ раз-
движе уста своя на господина своего: да
не будетъ ему пристанька во всихъ зе-
мляхъ, въ Рускихъ и во Угорьскихъ
(Венгерскихъ) и нѣ въ нихъ же стра-
нахъ, да ходитъ шатався во странахъ,
желаніе брашна да будетъ ему, вина же
и олу (селя, масла) поскуду да будетъ
ему, и да будетъ дворъ его пустъ и въ
селѣ его не будетъ живущаго. Оттуда
выпчавъ иде ко Изяславу: бѣ бо лукавый
лестецъ нареченъ, и всихъ стропотливѣ
и ложи пламнѣ, всеяменитый отцемъ до-
брымъ, убожество возбраняше злобу его,
тѣжею питашеся языкъ его, но мудростию
возложаше вѣру на лѣно, крѣпшеся лѣстью
наче вѣща лжеименецъ, зане прелщаше
истонно чюжихъ, но и своихъ возлюблен-
ныхъ, имениа ради; того бо дѣля жадаше
быти у Изяслава. Мы же на преднее
возвратася. Мьстиславъ же, по совѣтѣ
лѣтвыхъ бояръ галичскихъ, вѣа дщерь
свою меньшую за королевича Андрея, и
ласть ему Перемышль. Андрей же послу-
шавъ лѣтсваго Семьюка Чермьнаго, и
бѣжа въ Угры и нача воздавати рать;
бывши же зимѣ, приде ко Перемышлю,

Юрьеву тогда тысящю держащю ⁽¹⁾, пе-
реда Перемышль и бѣжа самъ ко Мьсти-
славу. Королеви же ставшю во Зве-
нигородѣ, и посла вон свои къ Галичу,
самъ бо не смѣ вѣхати къ Галичу: повѣ-
дахуть бо ему волхвы угорьскыя, яко
узрѣвшу Галичъ не быти ему живу; оу-
же тоя ради вѣны не смѣя ити въ Га-
личъ, яко вѣрашеть волхвомъ; Днѣстру же
плавидлившюся, не могоша перейти. Мьсти-
славъ же выѣха противу съ полкы, оуѣмъ
же озоровавшаиъ насъ, и вѣхаша Угре во
станы своя: бѣ бо съ королемъ Пакославъ
съ Ляхы. Оттуда же поиде король ко
Теребовлю и взя Теребовль, и поиде къ
Тихомю и взя Тихомль; оттуда же при-
де ко Кремлянцю, и бѣся подѣ Кремля-
немъ, и много Угоръ избѣа и раниша.
Тогда же Мьстиславъ Судислава посла къ
затп своему князю Давилу, рекый: «не
отступай отъ мене»: оному же рекшю:
«имамъ правду во сердци своемъ». Отту-
ду же приде король ко Звенигороду. Вы-
ѣха же Мьстиславъ изъ Галича, Угрѣ же
выѣхаша противу ему со становъ короле-
выхъ, Мьстиславъ же бѣся съ ними и по-
бѣди ѿ, и гнаша по вѣхъ до становъ ко-
ролевыхъ, сѣкуще ѿ; тогда же Мартини-
ша убиша, воеводу королева; король же
смятеся умомъ и поиде изъ земли борзо.
Данилови же пришедшу ко Мьстиславу съ
братомъ Васякомъ ко Городку, и Глѣбъ
съ вѣмъ, и молвѣшимъ имъ: «пойди, кня-
же, на короля, по Лехти ходитъ», Судис-
лавъ же браняшеть ему, бѣ бо имѣя-
шеть лѣсть во сердци своемъ, не хотяше
бо пагубы королеви, имѣаще бо въ немъ
надежу велику: бѣаще бо король пзне-
моглъся. Лѣткови же пѣ то время иду-
щу въ помощь, Давидовъ же бранящю ему
не помогати королеви, оному наипаче хо-
гящю, Данилъ же и Василко посласта лю-

(1) Тысящикомъ было.

ди своя къ брату, не даста ему прити; оттуду же возвратився иде во свою землю, изнемогъ бо ся бѣ ходити на войну. А король угорскы иде во Угры; тогда же угони Изяславъ со лѣстивымъ Жирславомъ, и даста съ нимъ Угры. Потомъ же Судиславу лѣстящю, подо Мьстиславомъ, рече ему: «кѣмъ! дай дщерь свою обрученую за королевича, и дай ему Галичъ: не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе». Оному же не хотящю дати королевичю, напаче хотящю дати Данилови, Глѣбови же Зерембевичю и Судиславу претяща ему не дати Данилови, рѣста бо ему: «аже даси королевичю, когда восхощени можети взяти подъ нимъ, даси ли Данилови, въ вѣкы не твой будетъ Галичъ», — Галичаномъ бо хотящимъ Данила. Оттуду же посланиа въ рѣчяхъ, Мьстиславу дасть Галичъ королевичю Андрееви, а самъ взя понизье, оттуду иде Торьцкому. Мьстиславу же Нѣмому дасть отчину свою князю Данилови, и сына своего поручивъ Ивана, Ивану же умершу, и прѣя Луческъ Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне.

(Ипат. 155. 165—6.

145. а, Борьба Данила съ боярами

Въ лѣто 6735 (1227). Начнемъ сказати безчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многы крамолы, и частая возстанія, и многы мятежи: измылада бо не бы има покоя. Сѣдѣшу же Ярославъ въ Лучьскѣ, а Данилъ въ Жидыгень кланятся и молятся св. Николѣ, и зва ѿ Ярославъ къ Лучьску; и рѣста ему бояре его: «пріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ»; оному же отвѣщавшу, «яко пріиходяхъ здѣ молитву створити св. Николѣ, и не могу того створити», иде въ Володимерь. Оттуду же, собравша рать, посласта на нь Андрея, Вячеслава, Гаври-

ла, Ивана; оному же вѣхавшу ать бысть съ женою своею, ать же бысть Олексю Орѣшскомъ, бѣ бо борзъ конь подъ нимъ, угонивъ ѿ и ѿ его до города; и затворившася Лучане. Наутрѣ же приде Данилъ и Василько, и предашася Лучане, братъ же да Васялкови Луческъ и Пересопницю, Берестій же ему бѣ преже далъ. Повоеваша Ягоязи около Берестія, и угониста ѿ изъ Володимера, вѣхавшии же двѣма Мокъдуничю Шутрови и Стеругови Зѣбровичю на полкъ, и убоень бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютръ, а Стеругъ убоень бысть Шеломъ. Бѣжащимъ же Ягвѣземъ, угони ѿ Данилѣ, Пѣбра взяли четырьмя ранами, древо же выплбе конь пѣзъ руку его; Васялкови угонившу его, кликъ бысть великъ: «обратъ ти бѣется назадъ»; оному же оставшу, обратися брату на помощь, оному же сими утекшу, а инѣ разбѣгшася. Мы же, се оставше, на преднее возвратимся. Данилъ же посла Дымьяна ко тести своему, рече ему: «не подобаетъ Пиняномъ держати Черторыиска, яко не могу имъ терпѣти». Дымьянови же повѣсташу съ нимъ: «сыну! сгрѣшихъ, не давъ тебѣ Галича, но дасть иноплеменику, Судислава лѣстця съвѣтомъ, обольсти бо мя; ажь Богъ воохочетъ, поидивъ на ны, язъ всажу Половца, а ты своими, аще Богъ дастъ его нама, ты возми Галичъ, а язъ Понизье, а Богъ ты поможетъ; а про Черторыескъ правъ еси». Дымьяну же прѣхавшу въ великую суботу, наутрѣ же на великъ день прѣхаста Данилъ и Василько ко Черторыпеску, въ повелѣбникъ на ночь обѣдоста градъ; тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть съ города; наутрѣ же обѣхаста градъ, Мирославъ и Демьянъ рекоста: «яко предалъ Богъ врагы наша въ руку ваю», Данилъ же повелѣ прѣступити ко граду, и взяша градъ ихъ и князя ихъ изымаша. Потомъ же Мьстиславъ великый удалый (удалой) князь умре; жадящю бо ему видети сына свое-

ко Давида. Глѣбъ же Зеремѣвичъ, убѣ-
женъ бысть завистью, не пустише его;
оному же хотящо поручати домъ свой и
дѣти въ руцѣ его: бѣ бо нѣтъ до него
любви велику во сердцѣ своемъ. И по-
томъ же пустиста Ярославъ, и даста ему
Перемиль и потомъ Межибожіе. Давило-
ви же приѣхавшу ко Галичю (1229), Га-
личъ бо бѣ ея затворилъ, Давилъ же взя
дворъ Судиславль, якоже вино и овоща и
корма, и копѣи и стрѣлы, пристранно ви-
дѣти; потомъ же Давилъ, видѣвъ люди
своя яко несполнялися, не хотѣ стати въ
города, но иде на нѣкую страну Днѣстра.
Судиславу же тое нощи вобѣгшу во го-
родъ, яти бывше отъ вой его люди и ре-
коша, яко Судиславъ уже въ Галичи. Да-
вилъ стояше Угольничѣхъ, на березѣ Днѣ-
стра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угрозъ,
и стрѣзавшася на леду, вечеру же бывшу,
и ледомъ возставшимъ и рѣпѣ наводнив-
шися, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ беза-
конный лихый Семейюшко, подобный
лисице чернотѣ ради (красноты);
и приде же Дѣмьянъ со воими бояры
галичскими, со Мирославомъ и со Воло-
диславомъ, и со многими бояры галич-
скими. Давилу же о семъ веселу бу-
дущу, а о мостѣ печаль имѣюще, какъ
Днѣстръ перейти, гнавъ же Давилъ ко
мосту и узрѣвъ, яко конечи мосту угасъ
есть, и бысть радость велика; на утрѣ
же приде Володимѣръ Инѣгоровичъ, и пе-
реидоша мостъ и сташа по берегу Днѣ-
стра. На утрѣ же уставше и обѣха
Давилъ городъ, и собираетъ земаю Галич-
скую ста на четыре части окрестъ его, и
собра отъ Бобрюки даже и до рѣкы Уши-
цѣ и Прута, и обѣде въ силѣ тяжцѣ;
отѣмъ же изнемогшимъ переидоша градъ.
Давилу же приѣмшу градъ, помилувашю
любовь короля Андрея и пусти сына его
и проводи и до рѣкы Днѣстра; изыде же
съ нимъ единъ Судиславъ на нѣмъ же
мѣтаху каменіе, рекуще: «изыди изъ гра-
да, мятѣжиче земля!» Андрееви же при-

шедшу ко отцю си (своому) и брату, и
Судиславу глаголющу непрестанно: «изы-
дѣте на Галичъ и примѣте землю Рус-
скую; аще не поидеши, укрѣпятся на ны».
Изыде же Бѣла риксъ (rex — царь), рекъ-
мый король угорьскый, въ силѣ тяжцѣ,
рекуще ему: «яко не имать остатися грѣхъ
Галичъ, нѣсть кто избавля и отъ руку
моею». Вшедшу же ему во горы Угорь-
скыѣ, посла на нь Богъ архангела Ми-
хаила отворити хляби небесныя, конешъ
же потопающимъ и самѣмъ побѣгающимъ
на высокая нѣсту, оному же одинако
устремившися пріяти градъ и землю. Да-
вилу же молящуся Богу, избави и Богъ
отъ руки силныхъ. И обступивъ градъ
и посла посоль, и возопи посоль гласомъ
великомъ и рече: «слышите словеса ве-
ликого короля угорьского, да не уставляете
васъ Дѣмьянъ, глаголя: изъема изымѣ-
ны Богъ; ни да уповаеъ вашъ Давилъ
на Господа, глаголя: не имать предати
градъ сесѣ (сей) королевѣ угорьскому;
только ходилъ на ны страны, то кто мо-
жетъ одержати отъ руку мою и отъ силъ
полковъ моихъ»? Дѣмьянъ же одинако
крѣпился, грозы его не убоясь: Богъ
поспѣшникъ бысть ему. Давилъ же при-
веде къ собѣ Лахы и Половцы Котяневы,
а у короля бѣаху Половцы Бѣговарѣови;
Богъ попусти на нь рану Фараонову.
Градъ же крѣпился, а Бѣла изнемога-
ше и поиде отъ града; оставившу же ему
люди за собою, оружники многи и фаре-
вники⁽¹⁾, нападшимъ же на нь гража-
номъ, мнози впадаху въ рѣку, нѣмъ же
избѣени быша, нѣмъ извени быша, нѣмъ

(1) Фарь, фаризъ, фарезъ, farisius, fa-
gas, farius означаютъ хорошаго коня. Въ сказкѣ
«Дѣвѣ Девгошево» говорится: «кто сему во дѣлѣтѣ
ся, како дерзость авъ уноша, како лось нагонѣ
бѣже (искорѣе) фарь бѣззого. Како фарь подъ нѣмъ
скакаше, а онъ гораздо на немъ вграетъ». Ист.
рос. рос. II. ар. 333. III. 190, 272. Венгерскій
исадикъ назывался фаревникомъ.

же изоммани быша, яко иидѣ глаголетъ: Скрытъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Дибѣстръ злу игру сыгра Угромъ⁽¹⁾. Оттуда же поиде король къ Василеву, и перейде Дибѣстръ, и поиде ко Пруту. Богъ бо попустявъ бѣяше рану, ангелъ бѣаше ихъ; еиде умирающимъ, пии же изъ подѣшевъ выступахуть, акы изъ черня, (черевиковъ, башмаковъ), иши же око-ло огни сохъшеса и мясо ко устамъ при-дѣвше умираху, многими же ранами раз-ными умираху, хляби бо небесными оипа-ко топяхуть и. Ушедши же ему за не-вѣрство бояръ галичкихъ, Данилъ же, бо-жью волею, одержа градъ свой Галич.

(Ипат. 166—7, 169—70).

6. Приде (Данилъ въ 1240 г.) ко граду Дорогычину и восхотѣ внити во градъ, извѣстно бысть ему, яко «не вни-деши во градъ»; оному рекшу, яко «се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ»; «вы же не изволите внити въ оны» — отъиде; и отъиде мысли си, иже Богъ послѣже отмъсть створи держателю града того и вдасть ѿ въ руцѣ Давилу; и обновивъ и созда церковь прекрасну святоѣ Богороди-цы, и рече: «се градъ мой, преже бо прияхъ ѿ копьемъ». Данилови же со бра-томъ пришедшу ко Берестю, и не воз-могоста ити въ поле, смрада ради множ-ства избѣвныхъ: не бѣ бо на Володимерѣ не остана живый, церкви св. Богородицы исполнена трупъ, иныа церкви наполен-ны быша трупъ и тѣлесъ мертвыхъ. По-томъ же Михаилъ иде отъ уа (дяди) сво-его на Володимеръ, (сѣ) сыномъ своимъ,

(1) Лѣтописецъ намекаетъ здѣсь на лѣтопись Іоанна Малалы, которая была ему известна, вѣроятно, въ славянскомъ переводѣ. Вотъ что говоритъ греческая лѣтопись о рѣкѣ Скрытъ: въ то же время городъ Едесса былъ потопленъ совершенно разлитъ рѣки Скрытъ; въ послѣдствіи на томъ мѣстѣ найдена огромная каменная плита съ надписью. «Рѣка Скрытъ недобрый шутки сыграде надъ жителями». (Перел.с. Лѣт. I.VII).

и оттуда иде Пиньску. Ростиславъ же Володимеричъ приде къ Данилу въ Хоамъ, одержалъ бѣаше Богъ отъ безбожныхъ Татаръ, Ростиславъ же показа правду свою, яко не есть во съвѣтѣ (въ согласіи) съ Михаиломъ; Михаилъ же не показа прав-ды въ добродѣтели Данилу же и Василку, но пройде землю его, ии пославъ посла, иде въ Кіевъ и живяше подѣ Кіевомъ во островѣ, а сынъ его иде въ Черниговъ Ростиславъ. Вышедшу же Лавки изъ Угоръ съ бояры галичкими, и прѣйша во Водаву ко отцю си, и радъ бысть ему отецъ. Бояре же галичестіи Данила кня-земъ собѣ называху, а самѣ всю землю держашу; Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабаше всю землю, и въшедъ во Бакоту все Понизье прія, безъ княжа повелѣнія, Григоръ же Васильевичъ собѣ горную страну Пере-мышльскую мыслаше одержати, и бысть мнѣжъ великъ въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова столника своего съ великою жалостію ко Доброславу, глаголя къ нимъ: «князь вашъ азъ есмь, повелѣнія моего не тво-рите, землю грабите; черниговскихъ бо-яръ не велѣхъ та, Доброславе, приимати, въ дати волости галичкими, а коломый-скую соль отлучити на мя»; оному же рекшу: «да будетъ тако». Во тѣ же часъ Якову сѣдши у него, привѣста Ла-зоръ Домажеръ и Иворъ Молибожичъ, два беззаконника, отъ племени смерля, и поклонистася ему до землѣ; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про-что поклонистася; Доброславу же рекшу: «вдахъ кня Коломыю»; Якову же рек-шу ему: «како можети безъ повелѣ-ній княжа отдати ю сима, яко велиции князи держати сию Коломыю на роздава-ніе оружьиномъ; си бо еста недостойна ли Вотиница держати»; онъ же усмѣя-ся рече: «то что могу же глаголати»? Яковъ же прѣйхавъ вся си сказа князю Данилови; Данилъ же скорбаше и моляше-

ся Богу о отчине своей, яко нечестивымъ снѣмъ держати ю и обладати ею. И малу же времени минувшу, присла Доброславъ на Григоря, река: «яко не вѣренъ ти еси», — противаятсѣ ему, а самъ хотѣше всю землю одержити; сводилисѣ сами и прѣѣхаха съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу по одной сорочьѣ, гордыню же текущую у стремена его; Данилови же видяшу и Васиакви гордость его, большую вражду на нь воздвигуста. Доброславу же и Григорю обомъ ловащимъ на ся, слышавъ же Даниль рѣчи ихъ, яко полны суть лести, и не хотятъ по воли его ходити и власть его иному предати, сомысливъ же со братомъ, поужа же видя беззаконіе ихъ, и повелѣ его взимати.

(Ипат. 178—179.)

Борьба королей съ боярами въ Галиции весьма интересна особенно въ томъ отношеніи, что выходя изъ вѣчныхъ, какое нибудь порядки феодальной Европы на сосѣднія славянскія страны.

146. Борьба Пскова съ княземъ.

Томъ же лѣтъ (1228) князь Ярославъ поиде въ Пльсковъ, съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславъ, и слышавше Пльсковичи, яко идеть къ нимъ князь, и затворишасѣ въ городѣ, не путивша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровѣхъ въспятися въ Новгородъ, промѣля бо ся вѣсть бѣше си въ Пльсковѣ, яко *везеть оковы хотѣ ковати ялицыи мужи*. И приидъ створи вѣче въ владычьи дворѣ, и рече: «яко не мыслилъ есмь до Пльсковичъ груба ниче-го же, нѣ везлъ есмь бытъ въ коробыяхъ дары, паволоки и оловъ, а они мя обѣществовали» (*обезчестили*), — и положи на нихъ жалобу велику. Тѣгда же

приведе пѣлгы изъ Переяславля, а река: «хочю ити на Ригу». И стаха около Городища шатры, а инии въ Славѣ по дворомъ, и въздорожиша все по тѣргу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы. И отозъ ста дороговъ: купляху хлѣбъ по 2 кушѣ, а кады ржи по 3 гривнѣ, а пшеницю по 5 гривнѣ, а пшена по 7 гр.; и тако ста по 3 лѣта. Тоже слышавше Пльсковичи, яко приведе Ярославъ пѣлгы, убоявшесѣ того, взяша ярь съ Рижаны, Новгородъ выложивше, а рекуче: «то вы, а то Новгородичи, а намъ не надобѣ; нѣ оже повдуть на васъ, тѣ вы намъ помозите»; и они рекоша: тако буди, — и поиде у нихъ 40 мужъ въ талбу (*въ заложники*). Новгородичи же увѣдавше, рекоша: «князь насъ зоветъ на Ригу, а хотѣ ити на Пльсковъ». Тѣгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: «повидите со мною на путь, а ала до васъ не мыслятъ нѣкотораго же, а тѣхъ ми выдайте, кто мя обадилъ къ вамъ». И рекоша Пльсковичи, приславше Грычана: «тобѣ ся, княже, кланяемъ и братъи Новгородичемъ, на путь не вдемъ, а братъи свои не выдаемъ, а съ Рижаны есмы миръ взяли; къ Колываню (*Ревелю*) есте ходивше серебро поймавъ, а сами пойдосте въ Новгородъ, а правды не створисте, города не взяете, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головъ такоже, а за то нашу братью избиша на озерѣ, а инии поведени (*въ пленъ*); а вы роздравше та прочь; или есте на насъ удумали? тѣ мы противу васъ съ сп. Богородицею и съ поклономъ, то вы лучше насъ изсѣчете, а жены и дѣти поемлетѣ собѣ, а не лучше поганѣ; тѣ вамъ ся кланяемъ». Новгородичи же князю рекоша: мы безъ своей братъи, безъ Пльсковичъ, не инаемъся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемъ. — Много же князь нудилъ, и не яшасѣ по путь. Тѣгда же князь Ярославъ поиде съ княгынею изъ Новгорода Переяславлю, а Новгородъ остави два сына своя Феодо-

ра и Александра, съ Ѳеодоромъ Даниловицемъ, съ гнуомъ Якимомъ.

(1 *Новг.* 43).

147. Борьба Новгорода съ княземъ.

Въ лѣто 6763 (1255). Выведоша Новгородцы изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ; и то слышавъ Олександръ, отецъ Васильевъ, поиде ратью къ Новгороду. Идущу Олександру съ многими полки и съ Повоторжъци, ерѣте и Ратишка (*уменьшит. Ратибора*) съ перевѣтомъ: поступиай, княже! братъ твои Ярославъ побѣгъ. И поставиша Новгородцы полкъ за Рождествомъ христовымъ въ концы, а что пѣща — а ти сташа отъ св. Ильи, противу Городища. И рекоша меншии у св. Николы на вѣчи: братъе, цѣ (*если*) како речеть князь: «выдайте мои ворогы?» — и цѣловаша св. Богородицю меншии, како стати всѣмъ, любо живогъ, любо смерть за правду Новгородскую, за свою отчину.

И бысть въ вятшихъ совѣтъ зель, яко побити меншии, а князя въвести на свои вези. И побѣжа Михалко изъ города къ св. Георгию, како было ему своимъ полкомъ уразити нашу сторону ⁽¹⁾ и измясти люди; увѣдавъ Онанья, хотя ему добра, посла по немъ въ тайнѣ Якуна, и увѣдавши черныи люди погнаша по немъ и хотѣша изъ дворъ его ударити, и не да Онанья: «братъе, аже того убьете, убьете мене переже»; — не вѣдаше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничество дати Михалку. И присла князь Борисъ на вѣче: «выдайте ми

Онанью посадника, или не выдадите, азъ вамъ не князь, иду на городъ ратью». И послаша Новгородцы къ князю владыку и Клима тысячскаго: «поѣди, княже, на свои столъ, а злодѣевъ не слушай, а Онанья гнѣва отдай и всѣмъ мужемъ новгородскимъ». И не послуша князь молбы владычии и Клямовы; и рекоша Новгородцы: «аже, братъе, князь нашъ тако сдумалъ съ нашими крестоверестуи-няки, оно имъ Богъ и св. Софья, а князь безъ грѣха». И стои весь полкъ по 3 дни за свою правду, и въ 4-я день присла князь, река тако: «аже Онанья лишится посадничества, азъ намъ гнѣвъ отдамъ»; — и лишился посадничества Онанья, и взяша миръ на всеи воли новгородской. И поиде князь въ городъ, и ерѣте и архіеи. Далмать со всѣмъ іерейскимъ чиномъ, съ кресты, у Прикуновъ двора, и вси радости исполнишася, а злодѣи омрачишася: зане хрестьяномъ радость, а дьяволу нагуба, яко не бысть хрестьяномъ кровопролитія велика. И сѣде князь Олександръ на своемъ столѣ. Въ лѣто то же даша посадничество Михалку Степановичю.

(1 *Новг.* 55—56).

148. Вовлечіе въ Новгородъ.

Том же зимы (1259) прѣѣхаша оканьскіи Татарове сыроудии, Беркаи и Касачикъ, съ женами своими, и нѣихъ много; и бысть мятежъ великъ въ Новгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску ⁽¹⁾ оканьнымъ Татаромъ.

⁽¹⁾ Лѣтоисецъ, очевидно, держать сторону высшего класса народа.

⁽²⁾ Туска — на татарск. яз. значить дѣвать. Откупщики даней отдавали Хану 9 частей, а десятую брали себѣ.

И нача оканьныи болтиса смерти, рече Олександрю: «даи намъ сторожи, ать (да) неязбыють насъ»; — и повелѣ князь стеречи ихъ сыну посадничю и всеи дѣтемъ боярскимъ по ночемъ. И рѣша Татарове: «дайте намъ число (1), или бѣжимъ проче»; — и черни не хотѣша дати числа, но реша: «умремъ честно за св. Софью и за домы ангелскыя». Тогда издвоишася люди, кто добрыхъ, тогѣе св. Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супоръ; вѣдѣши велять ся яти меншимъ по число. И хотѣ оканьныи побѣжати, гонимъ св. Духомъ, и умыслиша съѣсть золь, како ударити на гороль на ону сторону; а друзи озеромъ на сю сторону, и възбрани имъ не видимо сила христова — и не смѣша. И убоявшеся почашася возити на одну сторону къ св. Софьи, рекуще: «положимъ главы свои у св. Софьи». И бысть заутра съѣха князь съ Городища, и оканьныи Татарове съ нимъ, и злыхъ съѣздомъ яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ заю; и почаша ѣздити оканьныи по улицамъ, пишюче домы христьянскыя, зане навелъ Богъ, за грѣхы ваша, нѣзъпустыня зѣтри днѣи ясти сыныхъ плѣти и шти кровь боярскую. И отѣхаша оканьныи, вземше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрія на столѣ.

(1 *Новг.* 56—57).

149. Договорная Новгородца съ в. кн. Ярославомъ тверскимъ 1265 г.

Благословенне отъ владыки, покланяюне отъ Посадника Митанла, и отъ ты-

(2) Дѣло шло о поголовной переписи или исчислении народа

сячскаго Кондрата, и отъ всего Новгорода, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всехъ меньшихъ, къ князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всеиу Новгороду; на цѣмъ-то цѣловали дѣди и отци, и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостей всехъ новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, нѣ держати мужи новгородскими; а даръ имати тобѣ отъ техъ волостей. А бесъ посадивка тобѣ волостей не раздавати; а кому раздавалъ волости братъ твой Александръ, или Дмитрій съ Новгорода, тобе техъ волостей безъ вины не липати. А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волокъ тивунъ свой держати; а Новгородъ на своей чести держати. А въ Бежичахъ, княже, тебе, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати, ни купети, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородской. А се, княже, волости новгородскыя: Волокъ съ всеи волостыи, Тѣржъкъ, Бежичъ, городъ Паличъ, а то есмя дади Иванкова; потомъ Мелѣчя, Шпино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемъ, Печера, Югра. А въ Русу ти, княже, ездити на Озвядо зѣтри гонити. А въ Ладугу ти, княже, слати осетръ-някъ и медовара, по грамотѣ отца своего Ярослава. А судъ, княже, отдалъ Дмитрій съ Новгорода Бежичавомъ и Обоничавомъ на 3 лѣта, судѣе не слати. А изъ Бежичъ, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости новгородской; ни грамотъ имъ дати ни закладниковъ приимати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купчины. А безъ вины ти мужа повести не лишити; а грамотъ ти, княже, не посуживать. А позже, княже, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ позже, а то ти, княже, не надобѣ. А что, княже, братъ

твой Александръ дѣлалъ насилье на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступя. Дворяномъ твоимъ и тивунамъ погонѣ (*прогони*) имати, какъ то пошло. А на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ пѣловати, бѣеъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. *А что, княже, мытъ (торговал пошлина) по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, княже, имати по 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной весты.* Тако, княже господине, пошло отъ дѣла и отъ отецъ, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отця Ярослава.

(Сбор. грам. I, № 1).

См. также Ист. гос. рос. IV, пр. 414. (Собр. важнѣйш. памятн. по исторіи древ. рус. права Спб. 1859. 124.

150. Изгнаніе князя изъ Новгорода.

Того же лѣта (1270) бысть мятежъ въ Новѣгородѣ, начаша изгонити князя Ярослава изъ города, и съзвоняша вѣче на Ярославля дворѣ, и убиша Иванка, а инии вбѣгоша въ Николу святыхъ; а завтра побѣгоша къ князю на Городище тысячьскыи Ратиборъ, Гаврило Княгининъ и инии пріятели его, и взяша дома ихъ на разграбленіе и хоромы разнесоша, а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: «*чему (зачѣмъ) еси отъялъ Волховъ гоголчыми ловци, а поле отъялъ еси заячыми ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткиничъ? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Мавускиничъ, и на Романѣ Болдыжевичъ, и на Вареломѣ? а иное чему выводилъ отъ насъ иноземца, кото-*

рын у насъ живутъ? (а того много вини его); а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ». Князь же присла на вѣче Святъслава и Андрея Воретиславича съ поклономъ: того всего лишуся, а крестъ цѣлую на всея воли вашей. Новгородци же отвѣчаша: «княже, поѣди проче, не хотимъ тебя; ая идѣмъ въ Новѣгородъ прогонити тебе». Князь же поиде изъ города поневоли; Новгородци же послаша по Дмитрія Александровича; Дмитрію же отречеся тако река: «нехочу взяти стола передъ стрѣлемъ своимъ» — и быша Новгородци печалини; а Ярославъ нача полки конити на Новѣгородъ, и бѣ послалъ къ царю татарскому Ратибору, помочи прося на Новѣгородъ. И се учювъ (*узнавъ*) князь Василии Ярославичъ, присла послы въ Новѣгородъ, река тако: «кланяюся св. Софьи и мужемъ Новгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идеть на Новѣгородъ, со всею силою своею, Дмитрія съ Переяславци и Глѣбъ съ Смоленыи; жалъ ми своя отчины». а самъ поѣха въ Татары, похва съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинециничъ, и възврати татарскую рать, тако рекъ цареви: «Новгородци правы, а Ярославъ виноватъ», — уже бо бѣше царь отпустилъ рать на Новѣгородъ, по Ратиборову лживому слову; рече по Ратибору царю: «Новгородци тебе не слушаютъ, мы дапи прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а ихъ избѣли, а дома наша разграбили, а Ярослава безчѣстовали». Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ въвозиша въ городъ; и пригониша сторожи Ярославля мало не до Городища, и выидоша въ градъ въ оружьи отъ мала и до велика къ Городищу, и стояша два дни пѣши за Жилотугомъ (*название ручья*), а конепяици за Городищемъ. То увѣдавъ Ярославъ, поиде съ ону сторону къ Русѣ, и сѣде въ Русѣ, а въ Новѣгородѣ

присла Творимира: «всего что взятого не любил до мене, того лишаюся; а князи вси за мене поручатся». Новгородци же послаша къ нему Лазаря Моисеевича: «княже, сдумалъ еси на ев. Софью; побѣдя, ать изътремъ честно за св. Софью; у насъ князя итгуть, но Богъ и правда и ев. Софья, а тебе не хотимъ». И совкудися въ Новгородъ вся волость новгородская — Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожаие, — и вѣдоша въ Голино отъ мала и до велика, истояша недѣлю на Бродѣ, а Ярославъ полкъ обѣ оную сторону и присла митрополитъ грамоту въ Новгородъ, река тако: «иже поручилъ Богъ архіепископю въ Русьской земли, вамъ слухати Бога и мене, крѣви не проливайте, а Ярославъ всеи злобы лишнется, а за то лѣзъ поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, изъ за то прииму опитеню и отвѣчаю за то предъ Богомъ». И не да Богъ кровопролитія хрестіаномъ, и присла Ярославъ съ поклономъ въ новгородскыи полкъ; и вѣзаша ниръ на всеи воли новгородской, и посадиша Ярослава и вѣдипа ѿ къ кресту.

(1 Новгород. 61—62)

151. Барьба Новгорода съ тверскимъ княземъ.

Въ лѣто 6824 (1316). Выидоша на-мѣстници Михайловы изъ Новгорода, и поиде князь Михайло къ Новгороду, со всею Низовскою землею, а Новгородци учинили острогъ около города по обѣ сторонѣ, и соидеся вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корѣла, Ижера, Вожаие; князь же Михайло, не дошедъ города, ста въ Устьянѣхъ, и тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но большю рану въспринъ: възвративше бо ся

въспинъ, заблудиша въ озерѣхъ и въ болотѣхъ, и начаша мерети голодомъ, ядоху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, и придоня пѣши въ домы свои, примше рану немалу. Того же лѣта, еще недошедши князю Михайлу до города, яша Игната Бѣска, и биша ѿ ша вѣчи, и свергоша ѿ съ моста въ Волховъ; творяхуть бо его пере-итъ держаша къ Михайлу, а Богъ то вѣсть. Тогда же и Данилко Писцевъ убиенъ бысть, на рѣи (на луку), отъ своего холопа, обидѣлъ бо его бѣше къ горожаномъ, тако река: «посылалъ мя съ грамотами къ Михайлу князю».

(1 Новгород. 71).

152. Духовная грамота в. к. Ивана Даниловича Калиты 1328 г.

Въ имя Отца и Сына и св. Духа. Се изъ грѣшныи худыи рабъ божий Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимъ не нужеъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадетъ о моемъ животѣ, даю рѣдъ сыномъ своимъ и книжкамъ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большему Семену: Можескъ, Коломну со всеими коломенскими волостями, Горюденку, Мѣзыню, Пѣсочну, Похране, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иванны деревни, Маковецъ, Азвичицъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, с. на Сѣверьскѣ въ Похраньскомъ у., с. Костантиновское, с. Орижнѣйское, с. Островское, с. Ковошеское, селце Миккульское, с. Малаховское, с. Напрудскоу у города. А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчуги, блюдо

золото съ женчугомъ съ каменьемъ, а къ тому еще далъ есмь ему 2 чума ⁽¹⁾ золота больша; а изъ судовъ изъ серебряныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебряна. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходолъ, Великую свободу, Замошвскую свободу, Угожь, Ростовца, Окатьева свобода, Смиринское, Троства, Нѣгуча; а села: Рюховское, Каменичское, Рузское, Бѣляпское, Максимовское, Андрѣевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, с. Семчинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ большии съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ капторгамп, поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебряно ѣднннское, 2 блюда меншии. А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверску, Нарунжское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичини, Щотовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ, а се села: Талжское, Серпоховское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговское, Труфановское, Ясиновское, Коломинское, Ногатинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золотъ фрязскій съ женчугомъ, съ каменьемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ на гервчатѣ шолку, поясъ золотъ Царевскій, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая; а изъ блюдъ: блюдо серебряно, а два малаа. А се даю княгини своей съ меншими дѣтми: Сурожикъ, Мушкину Гору, Радонѣжское, Бѣли, Воря, Черноголовъ, на Воро свобода Сафровьевская, Вохна, Дѣйково Раменье, Данилищова свобода, Машевъ, Сѣлна, Гуслиця, Раменье, что было за княгиню; а села: Михайловское, Лу-

пинское, село у озера, Радонѣжское, Дѣйгуинское, Тыловское, Ратожъ, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на Яузѣ, 2 селъ Коломенскихъ. А изъ городскихъ волостей даю Княгини своей осмннчее; а тамгоу и инымъ волостямъ городскими подѣлятся сынове мои: также и мыты, которые въ томъ уѣздѣ, то тому: а оброкомъ медовымъ городскимъ Василцева вѣданья подѣлятся сынове мои. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которые въ которой рописи, то того. А по моимъ грѣхомъ ни имуть некатъ Татарове которыхъ волостей, а отоймутся, вамъ сыномъ моимъ и княгини моеи подѣляти вы си опять тими волостями на то мѣсто. А чисельныи люди, а гѣ вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного: а что мои люди куплении въ великомъ свершцѣ, а тими ся подѣлять сынове мои. А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дочерп своей Фетяньи 14 обручи (колець) и ожерелье, матери ее мноисто новое, что есмь сковалъ; а чело (головную повязку) и гривну, что есмь далъ при собоѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми. А изъ портъ (платья) изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обиръ съ женчугомъ, коць великий зъ бармами; Андрѣю сыну моему бугай соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ, скорлатное портище сажено зъ бармами. А что есть пынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомъ, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марыи же Фодоси ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то роздаять по понымъ. А что мое 100 рубли у Ески, а то роздаять по церквамъ. А что ся остало изъ моихъ сосудовъ изъ серебряныхъ, а

(1) Чумъ, чумичка—большая разливная лопка или ковшъ малый съ длинной ручкой.

тымъ подѣлятся сынове мои и киягини мои. А что ся останеть моихъ портъ, а го роздаты по всемъ пономъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное о 4 козца, а то есмь дати св. Богородици володимерской. А приказываю тобѣ сыну своему Семену братю твою молодшую и киягиню свою съ мениши дѣти, по Безѣ ты имъ будешь почальникъ. А что есмь дати сыну своему Семену стаде, а другое Ивану; а иными стады моими подѣлятся сынове мои и киягини мои. А на се посажу отецъ мой душевный Ефремъ, отецъ мой душевный Федосій, отецъ мой душевный поппъ Давыдъ. А грамоту писалъ дякъ князя в. Кострома. А кто сю грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ.

(Грамота писана на пергаментѣ, къ ней была приложена печать—серебряная—вызолоченная).

(Собр. грам. I, № 22. стр. 33—5)

153. Возстаніе въ Торжкѣ.

Въ то же лѣто (1340) приде князь Семень изъ орды и наса на Торжекѣ дани брати, и почала сильно дѣяти, Новотръжци же прислаша съ поклономъ въ Новгородъ; и послаша Матвея Варооломѣевича, и Төрентѣя Даниловича съ братомъ, и Ворооломея посадича сына Остафѣйна, и Теодора Аврамова, съ полки, и шедши изгониша Торжекѣ безъ вѣсти, изымаша намѣстниковъ князя Михаила Давыдовича, Ивана Рыбкина сына, и Борцен Бориса Семенова сына, и жены ихъ и дѣти нековаша; и сѣдѣша мѣсяць въ Торжку, городъ утвердивше, а ко князю послаша, прежде того, Кузю Твердиславля, изъ Новгорода, съ жалобою, а сиде ему ркуще: «еще у насъ не у сѣде на княженіи, а уже бояре твои

дѣють сяно». И посылахуть въ Новгородъ изъ Торжку, что была Новгородца всели на коня въ Торжекѣ, и не въскотѣша чернь; но семъ же видѣше Новоторжци, оже вендетъ изъ Новгорода рать, вѣсташа чернь ва бояръ и покы рекуще: «почто есте Новгородцевъ призвали, и они князи изымали? намъ въ томъ погыбнути». — И скрутившися въ броне, нашедше силою на дворы, вынимаша у воеводъ намѣстники княжи и борца, и жены ихъ, и Новгородцевъ выпроводивша изъ града; а бояре новоторжскіи прибыгоша въ Новгородъ толко душею, кто успѣлъ, а домы ихъ разграбивша и хоромы ихъ развозивша, а Семена внучка убиша на вѣтъ, потому и села ихъ пусто положиша. Той же зимы, м. декабря въ 6, на Николинъ день, убиша Брянци князя Глѣба Святославича; и въ то время и митрополитъ ту быше и не възможе уяти ихъ, въ вышедше изъ церкви св. Николы и убиша. Той же зимы приде князь Семень, съ полки, въ Торжекѣ съ всею землею Низовьскую; Новгородци же почаша копяти волость всю въ городъ, а къ князю послаша владыку Василия и Авраама тысяцкаго, съ иными бояры, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородскыи, и крестъ цѣловаша, а князю даша боръ (сборъ) по волости 1000 рублей на Новотръжцѣхъ. Бяше же ту и митрополитъ, и присла князь намѣстникъ въ городъ.

(I Новг. 80).

154. Лука Ворооломѣевъ и сбѣгчатыи люди.

Того же лѣта (1342) Лука Варооломеевъ, не послушавъ Новгорода и митрополита благословенна и владычня, ско-

пивъ съ собою холоповъ сбоевъ, и поведе за Волокъ на Двину; и постави городокъ Орледъ, и скопивъ Емчанъ, и взя землю Завотскую по Двинѣ вся погости на щать. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву стѣ выѣха воевать, и убиша его Заволчане. И приде вѣсть въ Новъгородъ, Лука убиенъ бысть и всташа чръныи люди на Ондръшка, на Федора на посадника на Данилова, а тако ркуши: «яко тѣ заслаша на Луку убити—и пограбиша ихъ домы и села»; а Федоръ и Ондръшка побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великого готѣша. И въ то время приде Онцифоръ, и би челомъ Новугороду на Федора и на Ондръшка: «тѣ заслаша моего отпа убити»,—и владыка и Новъгородъ послаша архим. Евши, съ боары, въ Копорью, по Федора и по Ондръшка; и онѣ приѣхаша и рекоша: «не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни замышляли на него»,—и Онцифоръ съ Матвеемъ възвоняи вѣче у св. Софii, а Федоръ и Ондрышко другое възвоняша и вѣче на Ярославѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матвеемъ владыку на ябже, и недождавши владыки съ того вѣча и удариша на Ярославѣ дворѣ; и яша ту Матвея Коску и сына его Испата, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убиже съ своими пособники. Тоже бысть въ угрѣ, а по обѣдѣ досѣла вся градъ, ся сториша себѣ, а она себѣ; и владыка Василія, съ намѣстникомъ Борисомъ, докончаша яврѣ мжи имъ. И възвелеченъ бысть крестъ, а диаволъ постраненъ бысть.

(1 Новг. 81—2).

Когда в. князь московскій бѣжалъ при нашествiи Тохтмышы, всталъ изродное вѣче въ Москвѣ и распорядилось самовольно, не слушая ни митрополита, ни бояръ. Московскiй летописецъ горько жалуется на это, см. *Повѣсть о нашествiи Тохт*

155. Слово о князѣхъ до 1400 г.

Князю земля вашае покарайтеса; не рцѣте ему зла въ сердци своемъ и прiяйте ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслю своею, и не възмогутъ противитися мнѣ князю вашему. Аще добръ прiдете князю вашему, и обогатѣте земля ваша и плодъ добръ обѣмлете... Аще кто отъ своего князя ко иному князю отѣдетъ, а достоину чѣмъ прiемая отъ него, то подобенъ естъ Иудѣ, иже любящъ Господомъ ти умысли продати е ко княземъ жидовскимъ. И купиша имъ сего крова и гроба с прочими дарми, и отекъ отъ великы печали, сунся сѣмо и овано, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ люди проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, и тугы и великы печали прiя болѣзъ и отекъ с того я яко все злы расѣдеша на доли. И сплсакство его приметъ и дѣти его въ пагубу впадоша. Да и вы, сынове мои милыи, не мозжете прiяти чужою князю, да не в тоже зло впадете.

(Христом. Булаева 477—504).

Изъ слова видно, что оно относится къ эпохѣ удѣльныхъ князей, хотя взято изъ рукоп. «Златая Четь» XIV в.

156. Договорная грамота в. кн. Василія Дмитріевича съ в. кн. Володимиромъ Андреевичемъ 1405 г.

По благословенію Отца нашего Кириана м-та Кіевскаго и всея Руси. Ся азъ князь в. Василій Дмитріевичъ, что ся есмь былъ отступилъ брату своему молодшему кн. Володимеру Андрѣевичу Волока съ волостни, Ржевы съ волостни въ вудѣль, и братъ мой кн. Володимеръ отступися мнѣ в. князю Волока съ волостни и Ржевы съ волостни, и азъ бра-

ту своему молодшему кн. Володимеру Андр. и его дѣтемъ противу того отступился въ удѣлѣ и въ вотчину, противу Волока, Городца съ волостми; а волости городецкіи: Бѣлогороды, Юрьевецъ, Корякова слобода и Чернякова, и Ужинская тамга, и что въ Городцѣ и въ тѣхъ волостехъ пути и пошлыны, то все брату моему кн. Володимеру, и его дѣтемъ. А чѣмъ есмь пожаловалъ кн. Ивана Борисовича, а въ то ся кн. Володимеру и его дѣтемъ не вступати. А противу Ржевы, отступился есмь кн. Володимеру и его дѣтемъ въ вудѣлѣ и въ вотчину Углича съ пути и съ пошлынами и съ селомъ съ Золоторусскимъ; а кому пожаловалъ есмь брата своего молодшего кн. Володимера и его дѣтей, въ вудѣлѣ и въ вотчину далъ есмь имъ Козлескъ, какъ было за мною за в. Княземъ, да Гоголь, да Олексинъ, да куплю Пересвѣтову, да Лесинъ, какъ было за мною за в. Княземъ. А что есмь пожаловалъ кн. Ивана Людимьскомъ, какъ есмь ему далъ, и что къ нему потягло, въ то ся кн. Володимеру и его дѣтемъ не вступати. А трети ми Московскіи удѣла и вотчины брата своего кн. Володимера и дѣтей его, и всеѣ ихъ вотчины, и тѣхъ мѣстъ, которыхъ ся есмь отступилъ въ вудѣлѣ и въ вотчину, того мнѣ и моимъ дѣтемъ подѣ своимъ братомъ и подѣ его дѣтми блюсти и боронити, а не обидѣти, ни вступатися. А отойметъ Богъ брата моего кн. Володимера, и мнѣ князю и моимъ дѣтемъ подѣ его княгиней и подѣ его дѣтми трети ихъ московскіи, и ихъ вотчины, и тѣхъ мѣстъ, которыхъ ся есмь отступилъ въ вудѣлѣ и въ вотчину, того ми и моимъ дѣтемъ подѣ ни ми блюсти и боронити и печаловатися, а не обидѣти, ни вступатися; а быти ми вездѣ за одинъ. А какими дѣлаи отыметъ отъ брата моего кн. Володимера или отъ его дѣтей Городецъ или Козлескъ, и мнѣ имъ дати въ Городцѣ мѣста Тешну,

а въ Козельска мѣста Рожалово да Боженку; а искати ны Городца и Козельска съ одного; а Богъ дастъ найдемъ, мои мѣста мнѣ в. князю и моимъ дѣтемъ, а брату моему и его дѣтемъ ихъ мѣста имъ. А мнѣ, господине князе в., брату моему молодшему кн. Володимеру А. и моимъ дѣтемъ подѣ тобою и подѣ твоими дѣтми твоего удѣла Москвы и Коломны съ волостми, и всего твоего вел. княженя, да Волока и Ржевы съ волостми, и Новагорода Нижнего съ волостми и что къ нему потягло, и Муромъ съ волостми и что къ нему потягло, и Мещеры съ волостми и что къ ней потягло, и въ тѣхъ мѣстахъ татарская и въ мордовская, какъ было, господине, за твоимъ отцомъ за в. кн. Дмитриемъ Костянтиновичемъ, и за тобою за в. княземъ, того ми и моимъ дѣтемъ подѣ тобою в. княземъ и подѣ твоими дѣтми блюсти и боронити, а не обидѣти, ни вступатися; а быти ми, господине, и моимъ дѣтемъ съ тобою и съ твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А отыметъ Богъ тебе в. князя и мнѣ, господине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто; а того мнѣ всего и моимъ дѣтемъ удѣла твоего Москвы и Коломны съ волостми, и всего твоего вел. княженя, и Волока съ волостми, и Ржевы съ волостми, и Новагорода Нижнего съ волостми и что къ нему потягло, и Муромъ съ волостми и что къ нему потягло, и Мещеры съ волостми и что къ ней потягло, и тѣхъ мѣстъ татарскихъ и мордовскихъ, какъ было за твоимъ отцомъ за в. княземъ, и за твоимъ дѣдомъ за в. княземъ Дмитриемъ Костянт., и за тобою за в. княземъ, того, господине, мнѣ и моимъ дѣтемъ подѣ твоею княгиней и подѣ твоими дѣтми блюсти, а не обидѣти, ни вступатися, печаловатися и боронити; а быти ми и моимъ дѣтемъ съ твоею княгиней и твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А дати ми, господине, тебе съ Углича поля въ 7000 рублей 100 руб. и 3 р.,

а съ Городця и съ тѣхъ волостей, которые ми еси волости къ Городцю придалъ, дати ми тебѣ въ 1500 р. 100 и 60 р.; а что къ тому прибудеть или убудеть, ино ми дати по розочту. А что ся остало въ Новгородѣ на Нижнемъ долгу старого полчетверты (3 $\frac{1}{2}$) тысячи рублевъ, а то ми, господине, тебѣ дати по выходу по розочту. А переимѣнить Богъ, господине, Орду, и миѣ имати дань съ своеѣ вотчины и съ своего удѣла собѣ; а тебѣ ми, в. князю не дати. А тебѣ, князь в., и твоимъ дѣтемъ въ мой удѣлъ и въ мою вотчину не всылати: а миѣ, кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ въ твое в. княженъе и въ твой удѣлъ, и что ни есть за тобою за в. княземъ, въ то намъ вовсе не всылати. А коли, господине, будеть сынъ твой въ твое мѣсто, и вьедеть сынъ твой на конь, ино и миѣ съ нимъ вѣсти на конь: а коли сынъ твой не вьедеть на конь, ино и миѣ не вѣсти на конь; а куды сынъ твой пошлетъ моихъ дѣтей, и имъ вѣсти на конь безъ ослушанья. А кто господине князь в., имется держати бояръ твоѣ княгини и твоихъ дѣтей, и миѣ кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ блюсти тѣхъ бояръ, какъ и своихъ: такъ же кто имется держати бояръ моеѣ княгини и моихъ дѣтей, и тебѣ в. князю и твоимъ дѣтемъ блюсти

тѣхъ бояръ, какъ и своихъ. А жити намъ по первой грамотѣ по докончальной, и по сей грамотѣ и нашимъ дѣтемъ; а съ братьею съ моею съ молодшею жити то по первой грамотѣ по докончальной. А на сей грамотѣ язъ кн. в. Василии Дмитр. целовалъ есмь крестъ, и за своего сына за Ивана, и за свои дѣти, кого ми Богъ дастъ, къ своему брату къ молодшему ко князю къ Володимеру А. и къ его дѣтемъ, по любви въ правду, безъ хитрости. А на сей грамотѣ язъ кн. Володимеръ А. съ своими дѣтми со княземъ съ Иваномъ и Семеномъ и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меншии за Одрѣя и за Василья, целовали есмы крестъ къ своему господину къ брату старѣйшему къ в. кн. Василью Дмитр., и къ его сыну ко кн. Ивану, и къ его дѣтемъ, кого ему Богъ дастъ, по любви въ правду, безъ хитрости.

(Грамота писана на пергаминахъ, къ ней привѣшены на голубомъ толковомъ снуркѣ двѣ восковыя печати).

(Собр. Грам. I, № 38, стр. 69—71).

Обратить внимание, какъ представлены отношенія муромскаго князя и его супруги къ боярамъ въ житіи Петра и Евпронія. См. ниже Очерки Буслаева I, 269—300.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

157. Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу.

Участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось при избраніи епископовъ. Если въ какой-ли-

бо епархіи умиралъ епископъ или оставлялъ кафедру: мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ князю киевскому и митрополиту и просилъ о рукоположеніи новоизбраннаго во епископа:

такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстными княземъ, поставлялъ куда-либо епископа: избраніе признавалось незаконнымъ. Въ 1183 г., когда скончался ростовскій епископъ Леонъ, м-тъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ Николая—грека «на издѣ»: но великій князь владимірскій и суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ его, говоря: «не избрала сего людѣ земли нашей», и послалъ въ Кіевъ просить князя Святослава и м-та, чтобы въ Ростовъ поставленъ былъ епископомъ смиренный игуменъ Спаскаго монастыря на Берестовѣ Лука. Митрополитъ, съ своей стороны, не хотѣлъ уступить; но «неволею великою Всеволода и Святославою» поставилъ Луку епископомъ въ землю суздальскую, назначивъ Николаю другую епархію, полоцкую: Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: «нѣсть бо достойно паскавати на святительскій чинъ на мѣдѣ, но егоже Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхочетъ и людѣ», указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда у насъ при избраніи епископовъ. По смерти епископа Луки, тотъ же вел. кн. Всеволодъ послалъ (1190) въ Кіевъ къ князю Святославу и митрополиту, для рукоположенія во епископа, отца своего духовнаго Іоанна, который и былъ рукоположенъ. Когда этотъ епископъ отказался отъ епархіи и отошелъ въ Боголюбовъ монастырь: сынъ князя Всеволода Константинъ отправилъ (1215) къ киевскому м-ту Матвѣю игумена Петровскаго монастыря Пачомія, для поставленія его епископомъ Ростову, а другой сынъ Всеволода—Юрій, отправилъ туда же игумена Рождественскаго монастыря Синона для поставленія его епископомъ Суздаля и Володимѣру. Въ 1231 году ростовскій князь Василько Константиновичъ послалъ въ Кіевъ къ князю Владимиру Рюриковичу и м-ту от-

ца своего духовнаго Кирилла для рукоположенія во епископа Ростову. Вслѣдствіе того близкаго участія князей въ избраніи епископовъ, и говорится въ лѣтописяхъ, что, напримѣръ, киевскій князь Рюрикъ «постави епископомъ въ Бѣлгородъ отца своего духовнаго, выдубицаго игумена Адріана» (1190), а суздальскій князь Всеволодъ посла на епископство въ русскія Переяславль Павла (1198).

Въ Новгородѣ, гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшалъ народное вѣче, и избраніе епископа совершалось вѣчемъ. Въ 1156 году, когда скончался новгородскій епископъ Никонъ, «собрались, говорятъ мѣстная лѣтопись, жители всего города и изволиа поставити (т. е. избрать) себѣ епископомъ мужа, богоубранныа Аркадіа и вошли всѣмъ народомъ и взяли его изъ монастыря отъ св. Богородицы, и Князь Мстиславъ Юрьевичъ, и весь Кларъ св. Софії, и всѣ городскіе священники, игумены и чернецы, а взяли его во дворъ св. Софії, и поручили ему епископію». Точно также, по смерти архіепископа Иліи (1186), Новгородцы, сдумавъ съ княземъ своимъ Мстиславомъ и съ игуменами и съ священниками, позволили поставить себѣ епископомъ брата Иліи Гавриила. Но изъ этихъ случаевъ еще не видно, какъ происходило самое избраніе, хотя одна изъ мѣстныхъ лѣтописей замѣчаетъ, что Аркадіа Новгородцы поставили по жребію. Слѣдующіе примѣры объясняютъ дѣло подробнѣе. Въ 1199 году, по смерти архіепа Гавриила, Новгородцы вмѣстѣ со княземъ Ярославомъ, игуменами, софійскими духовенствомъ и всеми священниками, гадали между собою, п одни желали избрать на епископію Митрофана, другіе Мартирія, третьи какого-то Гричиина (вѣроятно, или мірекое имя, или передѣланное изъ Григорія), и была между ними распря. Тогда положили на св. трапезѣ (въ Софійскомъ соборѣ) 3 жребія и послали съ вѣча сѣвца, чтобы онъ

взялъ жребій того, кого Богъ дастъ, и выпулся божіею милостію жребіи Мартірія. Немедленно послали за нимъ и привели его изъ Руси и посадили во дворе св. Софіи. Въ 1229 году, при избраніи новаго владыки, опять произошло на вѣтъ разногласіе: одни хотѣли Спиридона, іеродіакона Юрьевского монастыря, другіе Іоасафа, епископа владимиро-волинскаго, третья Грьцьила или Савву, юрьевского архимандрита. Для успокоенія умовъ князь Михаилъ сказалъ: положимъ 3 жребія на св. трапезѣ, написавъ на нихъ имена избираемыхъ. И дѣйствительно, положили жребія и послали изъ владычныхъ палатъ княжича Ростислава взять одинъ жребій, и, по волѣ божіей, выпулся жребіи Спиридона, котораго немедленно вывели изъ монастыря и посадили во дворе владычномъ.

Кромѣ того, въ дѣлѣ избраній епископовъ у Новгородцевъ замѣчаемъ и другія особенности. Тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ во епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, Новгородцы часто избирали себѣ владыкъ изъ простыхъ иноковъ, даже изъ бѣлаго духовенства. Такъ Ілія и братъ его Григорій избраны были изъ священниковъ приходскихъ новгородскихъ церквей, а Спиридонъ изъ іеродіаконовъ Юрьевского монастыря, а Антонія и Арсенія изъ простыхъ черноризцевъ Хутыня монастыря. И князь Михаилъ, предлагая Новгородцамъ въ 1229 г. избрать новаго владыку, съотвѣтственно ихъ обычаю, выразился: «ищите себѣ такого мужа, въ поитѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ червцѣхъ ли». Вдругъ, по избраніи новаго епископа, Новгородцы вводили его во дворе св. Софіи и предоставляли ему управлять епархіею, а сами отправляли пословъ къ митрополиту съ просьбою поставить имъ избраннаго владыку. Когда митрополитъ изъявлялъ свое согласіе и присылалъ за новозбраннымъ съ великою честью: зготъ

последній торжественно вѣлз въ Кіевъ со святою и принималъ тамъ рукоположеніе. Случалось, что избранный во епископа управлялъ новгородскою епархію до своего посвященія довольно долго, дожидаясь, пока «будетъ отъ митрополита позваніе»: напримѣръ Аркадій управлялъ около двухъ лѣтъ, Ілія и Митрофанъ постольку же, а Арсеній, возведенный на владычній «сѣки» изъ чернцевъ Хутыня монастыря, хотя правилъ епархіею два года, но посвященія вовсе не дождался: потому что, по прошествіи двухъ лѣтъ, былъ изгнанъ Новгородцами въ ту же обитель.

Принимая такое полное участіе въ избраніи для себя архипастырей, князья, а по мѣстамъ и народъ, иногда присвоили себѣ право удалять ихъ съ кафедръ прежде суда надъ ними церковнаго или даже вовсе безъ этого суда. Въ 1157 г. изгнанъ былъ изъ своей епархіи Ростовской епископъ Несторъ за то, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятнокъ для праздниковъ господскихъ, кромѣ Рождества христева и Богоявленія, и еще за нѣкія-то другія вины, которыя возводилъ на его князь Андрей Боголюбскій. Кіевскій м-тъ Феодоръ разсмотрѣлъ дѣло Нестора соборно и совершенно оправдалъ его: но Боголюбскій не хотѣлъ принять изгнаннаго епископа, и Несторъ долженъ былъ искать себѣ защиты у цареградекаго патриарха. Патриархъ также нашелъ его невиновнымъ и неоднократно просилъ Боголюбскаго о принятіи его: но не видно и послѣ этого, чтобы Несторъ былъ принятъ. Въ 1159 г. Ростовцы и Суздальцы, съ согласія князя своего Андрея Боголюбскаго, изгнали отъ себя епископа Леона за то, что онъ, будучи поставленъ въ Ростовъ незаконно, еще при жизни Нестора, безъ нужды умножалъ число церквей и грабилъ духовныхъ. Черезъ нѣсколько времени Боголюбскій принялъ Леона, но въ 1164 г. изгналъ опять. Вскорѣ возвратилъ его снова, впрочемъ только въ Ро-

стовъ, а не въ Суздаль; но чрезъ 4 мѣсяца изгналъ въ 3-й разъ: п. ч. Леонъ не соглашался разрѣшать постъ въ среду и пяткъ ни для какихъ господскихъ празниковъ. Въ 1168 г. черниговскій князь Святославъ изгналъ изъ епархіи епископа своего Антонія, будучи недоволенъ тѣмъ, что Антоній строго возбранялъ ему разрѣшать постъ среды и пятка для праздниковъ господскихъ кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Не упоминаемъ уже о томъ, что пѣ дѣлали собственно гражданскіе епископы завистли отъ князей. Такъ, когда въ 1208 г. в. кн. Всеволодъ владимірскій, огорченный непокорностію Рязанцевъ, повелѣлъ ихъ городъ сжечь, а самихъ всѣхъ отвезти въ свою столицу, онъ пѣлялъ и епископа ихъ Арсенія, который и содержался во Владимірѣ 4 года, пока не былъ отпущенъ со всѣми Рязанцами. Въ 1229 г. ростовскій епископъ Кириллъ имѣлъ съ кѣмъ то тяжбу предъ княземъ Ярославомъ и вѣдѣстие княжескаго суда, проехавшаго «на соимѣ», у епископа отнято было все его богатство; а онъ, по словамъ летописи, былъ такъ богатъ кузанами и сѣзанами и книгами, и вообще всякимъ добромъ, какъ ни оданъ изъ его предшественниковъ. Кириллъ, страдавшій тогда тяжкою болѣзнію, переице судебный приговоръ съ благодарностію Богу и, оставивъ каведру, принялъ схиму въ Дмитріевской суздальской обители.

Но болѣе всѣхъ позволяли себѣ власти по отношенію къ своимъ владыкамъ Новгородцы. Въ 1212 г. они прогнѣвались за что-то на архіеп. Митрофана и, не давъ ему оправдаться, удалили его въ Торонецъ, а себѣ избрали новаго владыку, хутынскаго чернеца Антонія. Черезъ 6 лѣтъ Митрофанъ возвратился въ Новгородъ, и Новгородцы проводили его въ Благовѣщенскій монастырь, а въ слѣдующемъ (1219 году), когда Антоній поѣхалъ въ Торжокъ, веля Митрофана во

дворѣ владычній и посадили снова на каведру, пославъ сказать Антонію: «иди себѣ, куда хочешь». Антоній однакожъ пришелъ въ Новгородъ и остановился въ Спаскомъ Передичкомъ монастырѣ. Не зная, что дѣлать, Новгородцы отравили обояхъ архіепископовъ на судъ къ митрополиту. М-тъ порѣшилъ тѣмъ, что Митрофана возвратилъ въ Новгородъ, а Антонію далъ перемышльскую епархію. По смерти Митрофана (1223), Новгородцы избрали себѣ владыкою Хутынскаго чернеца Арсенія, но чрезъ два года съ радостію приняли прежняго своего архіеп. Антонія, пришедшаго изъ Перемышля, и Арсеній долженъ былъ оставить свое мѣсто⁽¹⁾. Когда Антоній, лишившись употребленія языка, добровольно отказался отъ каведры (1228) и заключился въ Хутынскомъ мон.. Арсенію снова предложено было управление епархіею. Но вскорѣ, по случаю безпрестанныхъ дождей, опустошившихъ поля, народъ возсталъ на Арсенія и составилъ противъ него вѣче, говоря: это за то мы страждемъ, что онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынь, а самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкупивъ князя. Съ шумомъ ворвались безрасудные въ архіерейскій домъ, выгнали изъ него Арсенія и едоа не умертвили, такъ что онъ съ трудомъ спасся въ Софійскомъ соборѣ. На другой день извели архіеп. Антонія, большаго и пѣмаго, изъ Хутыня мон. и посадили на святительской каведрѣ, давъ ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Уже князь Михаилъ черниговскій, пріѣхавшій (1229) управлять Новгородцемъ, убѣдилъ ихъ избрать новаго владыку, вмѣсто больнаго и изнемогшаго старца.

(Ист. Рус. Цер. пр. Макарія.
III, 203—209).

(1) См. выше въ Хрестом. № 56.

Подробное обозрѣніе хозяйств. управленія духовенства въ Россіи Соч. Вл. Милютина. «О извѣщавшихъ пкушествахъ духовенства въ Рос.» Чт. общ. Ист. 1861, I. 273—334. См. также Ист. Рус. Ц. Филарета II, 97. Ист. Рус. Монаш. Казанскаго. М. 1855. Очеркъ церков. администраціи. А. В. Догенукаго. Рус. Вѣстн. 1857. 2. Приходское духовенство на Руси. П. В. Знаменскаго. Прав. Обзор. 1867 г. в отдѣльно.

158. Зашли паны.

Печально, тяжело было время Монголовъ для Россіи. Западъ прибавлялъ намъ скорбей къ скорбямъ. Испушенія для православія съ запада были теперь такъ сильны, какъ не были прежде. Нельзя не удивляться твердостью, съ какою Русскіе выдержали нападенія паны въ самое несчастное время. Богъ—хранитель вѣры чистой.

Дѣло запада начато было съ новгородскихъ и полоцкихъ приморскихъ владѣній въ Лифляндіи.—Съ начала XIII в., по волю паны, толпы бродягъ, которымъ не было мѣста на западѣ, шли одна за другою въ Лифляндію грабить другихъ, или, какъ называли это на западѣ, проповѣдывать Христа. Бѣдныхъ Ливовъ, Латышей и Чудь крестили огнемъ и мечемъ въ продолженіе 40 лѣтъ. Грабежъ отнялъ у Россіи все поморье; и восточное христіанство исчезло тамъ.

Папа не довольствовался тѣмъ. Онъ поднималъ крестовые походы на Россію то изъ Лифляндіи, то изъ Швеции; Русскихъ не стыдился онъ называть язычниками. Въ 1240 г. шведскій король, въ сѣдствіе папской буллы, отправилъ войско съ епископами крестить русскихъ. Благотворный князь Александръ вышелъ съ небольшою дружиною, но съ твердою надеждою на Бога... И славная некая битва оставила за Александромъ громкое имя *Невскаго*. Кончивъ дѣло съ Шведами, Александръ долженъ былъ сѣсть

на помощь Пскову и Изборску противъ пришлецовъ ливонскихъ; защитникъ православія заставлялъ трепетать орденъ за собственное существованіе. Тогда папа переѣхалъ тою. Онъ отправилъ легатовъ къ Александру, изъявляя скромное желаніе, чтобы узнали лучшее отъ его учителей. Папѣ сказали: «мы знаемъ исторію вѣры и церкви съ самаго начала міра; къ чему жъ намъ новые учителя?»—Не такъ казалось папѣ Ливонскіе поселенцы ручьями лили кровь русскую, и изъ своей корысти и для корысти паны. Мечъ благотворнаго князя Довмонта усмиралъ искателей приключеній⁽¹⁾.

Въ 1347 г. Магнусъ, король шведскій, въ намѣреніи загладить грѣхи распутной жизни своей въ глазахъ паны, вызвался обратить Россію къ папѣ; онъ явился съ сильнымъ войскомъ въ предѣлахъ новгородскихъ и послалъ сказать: „пршлите умныхъ людей для пренія о вѣрѣ; узнаемъ, чья вѣра лучше, и лучшая принята будетъ всеми; иначе—мой мечъ научитъ всему“. Новгородцы отвѣчали: „мы приняли вѣру отъ Грековъ; а потому если король хочетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ патріарху; если же онъ имѣетъ другое дѣло до насъ—обиду; пусть объяснитъ ее посланъ“. Отвѣтъ достойный истинной, чистой вѣры! Онъ говорилъ, что дѣла вѣры не должно смѣшивать съ дѣломъ меча. Но Магнусъ остался при своемъ, и сказалъ, что желаетъ одного—обратить Русскихъ къ своей вѣрѣ волею или неволею. Орѣшекъ сдаденъ королю, и онъ поспѣшилъ перекрестить половину жителей. Но скоро Магнусъ разбитъ былъ на голову. Невольные крестники его стали опять тѣмъ,

(1) Подробнѣе объ этомъ можно читать въ Ист. княж. псковс. м. Еленія I, 692. Москвит. 1843 г. Финск. Вѣст. 1845 г. 4—8

чѣмъ были по волѣ, и въ добавокъ били Шведовъ. Тѣмъ кончились пока миссіи папы на сѣверѣ.

На юго-западѣ Россіи дѣла папы были странны до крайности. Онъ предложилъ князю галицкому королевскій вѣнецъ за покорность ему. Сокрушаясь о бѣдной отчизнѣ и думая, не поможетъ ли владыка запада свергнуть его Монголовъ съ Россіи, Данилъ показалъ папѣ, что хочетъ съ нимъ сблизиться. Едва только это узнано, буллы посыпались въ Россію одна за другой. Въ 1246 г. Иннокентій IV писалъ къ Данилу, что по его мольбѣ принимаетъ его и его царство подъ покровительство ап. Петра и свое; въ тотъ же день другою буллою назначилъ ему Доминиканцевъ проповѣдниковъ; третьею буллою повелѣвалъ послѣднимъ посѣщать въ Россію. Въ томъ же году послалъ буллу къ „русскому королю Юанну, (хотя сынъ Василько не былъ и владѣтельнымъ княземъ) и отправилъ къ нему прусскаго архіепископа съ правомъ „разрушать и разсѣвать, насаждать и создавать“. Спустя три мѣсяца, папа объявилъ Данилу свое дозволеніе отнимать земли у королей, не исповѣдающихъ римской вѣры. Въ тотъ же день онъ буллою на имя Данила разрѣшалъ совершать литургію на кзасномъ хлѣбѣ и наблюдать обычай, не принятыя латинскою церковію. Уступка необыкновенная, но на дѣлѣ она могла быть шагомъ впередъ. Новою буллою папа уполномочивалъ прусскаго архіепископа привезти въ соединеніе съ римскою церковію *возлюбленнаго сына русскаго короля*. Но папа въ той же буллѣ къ архіепископу прусскому давалъ знать, что онъ не вѣрнѣ искренности возлюбленнаго сына; онъ наказывалъ бискупу, чтобы король Данилъ со всѣми вельможами далъ присягу на вѣрность. Въ 1249 г. терпѣніе Данила истощилось. Онъ выгналъ папскаго архіепископа съ его патерни. Черезъ три

года Бала венгерскій помирилъ Данила съ папою, и папа, приславъ вѣнецъ и скипетръ, обѣщалъ помощь отечеству Данила. Данилъ снова сталъ ждать помощи, но помощи не было, и онъ оставилъ папу.

Только тогда, какъ преемскъ родъ князей галицкихъ, и жители Черной Руси и Волыни, угнетаемые Литвою, Польшею, Татарами, передали себя власти Казимира польскаго, папа могъ радоваться иъ некоторому успѣху трудовъ своихъ въ Россію. Власть Казимира признана была съ тѣмъ, чтобы не стѣснялъ онъ совѣсти Русскихъ. Латинскій король скоро забылъ обѣщаніе. На Волыни Ляхи „много зла христіаномъ сотвориша, церкви святыя претвориша въ латинское богомерзкое служеніе“. Но это было не надолго. Въ слѣд. же году (1350) кн. Любаръ выгналъ всю Латынь изъ Волыни и оставилъ въ рукахъ Казимира одинъ Львовъ⁽¹⁾. При преемникѣ Казимира насилие умножилось. На югѣ Россіи съ 1375 г. явились латинскіе епископы, но за исключеніемъ галицкаго, эти епископы долго были только титулярные, пастыри безъ паствы. Если послѣ сего нужно сказать, какъ Русскіе вѣрны были здѣсь православію: то инквизиція, основанная ок. 1380 г. въ Галичѣ, безъ словъ громко говоритъ о славѣ православія.

При дочери Людовика, Ядвигѣ, польскіе епископы простерли власть папы какъ на Червоную Русь, такъ и на Литовско-русское княжество. Юной королевѣ обѣщали они царство небесное, если отдастъ руку безобразному Ягайлѣ, — и Ягайло промѣнялъ православіе на руку Ядвиги и вѣнецъ польскій; онъ далъ клятву бискупамъ волею или неволею вводить римскую вѣру въ Литовско-русское княжество. И клятву выполнялъ онъ надъ

(1) Заблудцаго Ист. Червои. Руси, Hist. Polon. Другаго,

самыми Русскими, умертвивъ двухъ вельможъ, не хотѣвшихъ оставить православіе. Православный или православная. вступая въ бракъ съ извѣстомъ, силою принуждаемы были къ римской вѣрѣ. Только оружіе Ватюта (1388—1390) и Свиригайда (1394) не давало фанатику Пгайлѣ свободы выполнить клятву его въ полной силѣ.

(Ист. Рус. Ц. пр. Филарета. II, 47—51).

159. Отверженіе придѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ до 1171.

...Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что сильнѣйшіе и богатѣйшіе города Придѣпровья не были завоеваны варяжскими князьями, а сами приняли ихъ по взаимному согласію... Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и Переяславъ, видимо покорные князьямъ при началѣ, удерживаютъ свою самостоятельность и политическое значеніе до позднѣйшаго времени, и не рѣдко являлись строптивыми и самовластными вѣчниками противъ князей. Чисто же завоеванные или покоренные силою племена: Древляне, Радимичи, Вятичи и другіе, показавшіе сильное сопротивленіе при началѣ, почти въ слѣдъ за покореніемъ теряютъ всякое политическое значеніе, дѣлаются безмолвными данниками князей и болѣе уже не показываются на поприщѣ исторической дѣятельности. И такъ отношеніе варяжскихъ князей къ главнымъ придѣпровскимъ городамъ не было отношеніемъ побѣдителей къ побѣжденнымъ; даже послѣ завоеванные города и покоренные силою племена не были завоеваніемъ однихъ варяжскихъ князей и ихъ дружины; въ немъ уже сильно участвовали города, принявшие князей по взаимно-

му согласію; сія, будучи одинаковаго общинаго свойства съ городами, покоряемыми вновь, препятствовала въ этихъ новыхъ завоеваніяхъ развиваться чужеземному элементу, принесенному князьями и ихъ пришлою дружиною (въ Европѣ же почти все государство основаны завоевателями)... Въ Россіи народъ не ленивъ былъ своего политическаго значенія и не отказывался отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ... Города управлялись своими общинными начальниками, старѣйшинами, мужами, держащими землю, князья же пользовались доходами, которые первоначально условлено было собирать князю на содержаніе войска (кроме того, собирали *полюдье*)... Привыкнувъ къ самовластію въ завоеванныхъ земляхъ, Святославъ престо скучалъ въ Кіевѣ, гдѣ нѣкоторымъ образомъ ограничивалось его властью... Кіевляне явно не принимаютъ участія въ княжескихъ усобицахъ; для нихъ все равно, кто бы ни былъ княземъ (*не впрямь!*), лишь бы не нарушалъ ихъ правъ; Скандинавы еще не умѣли сродниться съ ними, и рѣжуся только княжескія дружины... (Владиміръ св. не самовольно принявъ вѣру христіанскую и въ другихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта старѣйшинъ).

Раздробленіе княжеской власти по смерти Ярослава и междоусобіе дѣтей его развязали руки вѣчникамъ старыхъ самостоятельныхъ городовъ Придѣпровья. Отдѣльные владыки, преемники могущественнаго Ярослава, большею частію, не умѣли привязать къ себѣ народа, еще не забывшаго своей прежней независимости. (Такъ Кіевляне выгнали Изяслава въ 1067 г. и разграбили его домъ). Сами князья явно признаютъ посредничество городскихъ жителей въ дѣлѣ государственнаго устройства и защиты. Святославъ и Владиміръ Мономахъ, пригласивъ Олега, говорятъ: «посиди Кіеву, да поряда положимъ о Русьскій земли, предъ епископы и предъ

лугумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскимъ, да быхотъ оборонили русьскую землю отъ поганыхъ» (*Лавр. 98*)... Въ это время не одни Кіевляне, но и жители другихъ старыхъ городовъ выказывали свою самостоятельность и свободу относительно къ князьямъ. Такъ Муромцы въ 1093 г. добровольно приняли Изяслава Владиміровича и выдали ему Олегова посадника; въ 1096 г. Смоленяне не приняли Олега (*Лавр. 98*). А въ слѣдъ за старыми городами, пользуясь обстоятельствами, и младше стали сбирать вѣча и свободно говорить князьямъ, чтобы они сообразовались съ волею народа...

Привязанность городовъ къ своимъ княжескимъ родамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то свобода, — отдѣльность народа отъ князей, особенно рѣзко стали проявляться по смерти Мстислава Владиміровича, когда возобновились княжескія усобицы, на время затихшія при Мономахъ и Мстиславѣ. (Черниговцы принудили князя Всеволода просить мира у Ярополка. *Ип. 15*)... Похоронивъ Всеволода, Игорь созвалъ Кіевлянъ на Ярославъ дворъ и привелъ ко вторичной присягѣ, но народъ, возвращаясь съ Ярославова двора, тутъ же собралъ вѣче у Туровой божницы и послалъ звать къ себѣ Игоря. Игорь отправилъ на вѣче своего брата, Святослава, которому граждане стали жаловаться на кіевского и вышгородскаго тиуновъ; требовали ихъ смѣны и клятвы отъ князей самимъ разбирать обиды: «А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и съ братьемъ своимъ: аще кому вась будетъ облада, то ты прави». Ясное свидѣтельство, что главною обязанностью и правомъ князя было держать судъ и правду. Святославъ обещалъ дать тиуна по волѣ народа: «И съѣздъ съ коня, и на томъ цѣлова крестъ къ намъ у вѣча», потомъ съ выборными отъ народа отправился къ Игорю привести его къ присягѣ: «Игорь же

съѣздъ съ коня, и цѣлова къ намъ крестъ на всей ихъ волѣ и на братьяхъ». Прямое доказательство, что граждане были свободны и принимали князей по взаимному согласію; и ежели когда на время держался у нихъ князь, негодный народу, то его поддерживала только его собственная дружина, какъ было и въ настоящее время. Игорь, въ продолженіи вѣча, стоялъ среди своей дружины, готовой къ бою на коняхъ; Кіевляне же отдѣльвались разными предложеніями и требованіями и не изгоняли негоднаго князя, выжидая и выигрывая время, пока подойдетъ Изяславъ, которому уже послали сказать: «пойди, княже, къ намъ, хошемъ тебе». (Народъ отказалъ въ помощи даже любимому князю Изяславу, когда видѣлъ несоразмѣрность силъ съ силами противниковъ въ 1147 и въ 1149 г. *Ипат. 31. 62*)... Въ это время придѣловские города, хотя по привязанности къ родовымъ князьямъ, втянувшись въ колдоворотъ княжескихъ усобицъ, но тѣмъ не менѣе еще удерживали свою самостоятельность, и всегда напередъ соразмѣряли свои силы съ силами противниковъ, а потомъ уже свободно объявляли своимъ князьямъ о готовности, или невозможности вспомошествовать имъ... Кіевляне, возводя Ростислава на кіевскій престолъ, говорили: «Якоже братъ твой, Изяславъ, чистилъ Вячеслава, тако же и ты чисти; а до твоего живота Кіевъ твой». Очевидно, что граждане сами возводили своихъ князей на престолъ, и отдаваясь имъ только по жизни: а до твоего живота Кіевъ твой. Посему владѣнія отсюда не были наследственными; слѣдов. преемство княжеской власти зависѣло отъ народа, который, впрочемъ, всегда старался ограничивать свой выборъ своими родовыми князьями, и только въ крайности, застигнутый обстоятельствами, иногда принималъ князей изъ другаго рода... Безъ утвержденія отъ народа на

княжескомъ престола, князь не могъ ни заключать мира, ни вести войну, хотя бы имѣлъ при себѣ городскую рать...

Юрій, хотя не любимый Кіевлянами, а какъ родовой князь, былъ принятъ народомъ съ радостію и владѣлъ спокойно до своей кончины (т. е. три года); но конечно, онъ болѣе держался своею дружиною, пришедшею изъ Суздаля; и граждане, освобожденные его смертію, въ самый день похоронъ произвели свою управу съ княжею дружиною; лѣтописи описываютъ это слѣд. обр.: «Разграбита дворъ его Красный, и другой дворъ его за Дитпромъ разграбиша въ городъ; избивахуть Суждальцы по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабаче». (*Ипат. 81*)... По смерти Ростислава, Кіевляне и Черныи Клобуки послали во Владиміръ волыцкій просить Мстислава Изяславича въ Кіевъ; съ тѣмъ же послали къ нему и его братья. Мстиславъ, хотя съ радостію былъ встрѣченъ въ Кіевѣ, какъ сынъ любимого Изяслава, вызванный самими народомъ; но тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ вступить въ договоръ съ гражданами въ самый же день вступленія въ Кіевъ, точно такъ же, какъ онъ въ тоже время договаривался съ князьями—братьями и съ дружиною Ростислава. Вотъ слова лѣтописи: «А въ Кіевѣ вииде, ту виидомъ Кіице вси. Възма рядъ съ братією, и съ дружиною, п съ Кіианы въ тѣ день» (*Ипат. 96*)... Это одно изъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о самостоятельности старыхъ придѣлпроисныхъ городовъ, которые если иногда и уступали обстоятельствамъ, но тѣмъ не менѣе всегда сознавали свои права и значеніе. Здѣсь мы видимъ ясно, что Кіевляне на одинаковыхъ правахъ съ князьями договариваются съ великимъ княземъ...

Со взятіемъ Кіева въ 1171 г. (¹),

(¹) Самовластный Андрей суздальскій князь, желая смирить Мстислава Изяславича, а можетъ быть,

кончилась исторія самостоятельности этого города, Кіевъ болѣе уже не воскресалъ, а въ слѣдъ за нимъ мало по малу покорились князьямъ и прочіе города Придѣлпроисны; долѣе всѣхъ держались Черниговъ и Смоленскъ; ихъ самостоятельность совершенно уничтожили уже Монголы и литовскіе князья... Мстиславъ Андреевичъ, предводитель войскъ Боголюбскаго, посадилъ тамъ княземъ Глебъ Юрьевича, не справляясь съ волею гражданъ. Во время отсутствія Глебъ въ Суздаль, Кіевляне опять было пригласили Мстислава Изяславича, который, вошедши въ Кіевъ, по прежнему заключилъ договоръ съ гражданами: «вземъ ряды съ братією и съ Кіианы»; но Мстиславъ не могъ уже удержаться въ Кіевѣ. А возвратившійся Глебъ не думалъ спрашивать о желаніи гражданъ, а всего ждалъ только отъ своей дружины и отъ распоряженій суздальскаго князя Андрея.

(Изъ статьи И. Бѣляева. *Чт. общ. ист.* 1848 г. № 7. отд. I, стр. 1—32).

160. Дружина княжеская.

Вліяніе (на образованіе юного общества) сильно обнаружилось посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ

подчинить Кіевъ, пошелъ вмѣстѣ съ другими князьями, взяли приступомъ городъ и произвели ужасное опустошеніе. Союзныя войска два дня грабили городъ, разорали церкви, монастыри и дома гражданъ; лѣтописецъ повѣствуетъ: «не бысть помилванія никому же, церквѣи горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другимъ вѣжымъ, жены вѣдомы были въ полѣхъ, разлучены нужею отъ мужей своихъ, изданы рыцарю. зрацо матерій своихъ» (*Ипат. 100*).

около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его советъ, исполняют его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вносятъ въ среду его новое начало, социальное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовой связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумеется, по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родового быта въ бытъ основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства, получать возможность личною доблестью приобретать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось известною степенью на родовой лѣстницѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлялись изъ толпы людей темныхъ, невѣстныхъ, черныхъ; появилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу изъ; темный безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ кня-

зю и къ землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлю завоеванія какой-нибудь страны, приобретенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина несколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: «Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда поидемъ и мы за тобою; но что будетъ приобретено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всеми нами, смотря по достоинству каждого», и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладевала какою-нибудь страной, то каждый членъ варварскаго ополченія приобреталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. По подобнымъ отношеніямъ могла ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; въ значеніи князя известной страны онъ расширялъ свои владѣнія; съ нимъ приходила дружина, которая постоянно пополняется новыми членами, пришельцами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ; они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю известныхъ племенъ, известной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получать города и села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ—Смолен-

скѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственной отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ постоянно видимъ вездѣ княжихъ посадниковъ, паштунниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсыяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; волею или неволею соглашались они платить дань—и только пѣть нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена; одинъ добровольно соглашался платить ему дань, какую прежде платили они Коварамъ, на другихъ наклаивалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ привучивалъ, то есть силою заставлялъ платить себѣ дань, но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построишь отрожекъ, и станешь ходить изъ него къ племенамъ за мѣхами. Земля было много у русскаго князя, онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія, имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ—получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послани Игоря мы встрѣчаемъ Ятвѣга; Святославъ отовсюду собираетъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ

выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о значительныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ ватазей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!

Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:

А по имени вамъ мочно мѣсто дать,

По изотчеству можно пожаловать.

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княжилъ, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтверженіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, усилая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!

Возьмь ты у меня, Князя, сто человекъ Русскихъ могучихъ богатырей,

У Княгини ты бери другое сто.

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе была его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина; дружина Игоря говорила: «Кто съ моремъ совѣтенъ?» и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и все мы головы свои сложимъ», говорили они ему, п. ч. оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника. И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысячник Вышата сошелъ на берегъ къ выброшен-

ныиъ бурею воинамъ и сказалъ: «Если буду живъ, то съ нима; если погибну, то съ дружиною». Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: «отроки Святъ-нелдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдѣмъ съ нами въ дань. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсти богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружине; такъ о сыиъ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣиъ не щадѣлъ, въ нитѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о стрѣбъ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, и ч. дружина станеть смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городекими старцами рѣшаютъ, что должно принести чезовѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтываться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя; два послѣдніе извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина, какъ назывались младшіе ея члены, по бояре?—Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово *мужъ*. Мужъ, мужи значило человекъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника; мужъ свой, мужъ его. Но,

какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ второго разряда, нязшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени. Князь Игорь Сѣверскій, поцѣпившій въ плѣтъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: «Гдѣ бояре думаютъ, гдѣ мужи храбрѣе ствующіе, гдѣ рядъ полчый?» И такъ, бояре были лучше, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе определенное названіе для этого разряда дружинниковъ было *гриди*, *гридь* *гридьба*, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась *гридницею*: такъ говорится о Владимірѣ: «Онъ учредилъ на дворѣ съ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцы и десятицы, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя». Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшие тамъ разныя должности, въ отлѣче отъ бояръ жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ *боярцы*. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе *огнищанина*, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому (позднѣе: *дворянинъ*)...

Ист. Росси, Соловьева. I,
242—8).

161. Вѣча и Князь.

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князь составляетъ тотъ же народъ. — Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подѣ формою—*вѣча* ⁽¹⁾. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники рассказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика (*Лавр.* 7). Призваніе Рюрика было также дѣломъ народного постановленія.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всемъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, — есть разница количественная, а не качественная. Богатѣйшій и населеннѣйшій изъ всехъ городовъ русскихъ, Новгородъ распадался на многочисленныя и сильныя партіи, которыя имѣли не одинъ поводъ къ враждебному между собой столкновению. Существованіе сильныхъ партій и легкая возможность столкновенія между ними, условливаемая вѣчевымъ бытомъ, и была причиной, что новгородская вѣчевая жизнь текла шумливѣе, чѣмъ жизнь другихъ городовъ, менѣе населенныхъ и менѣе богатыхъ, и вслѣдствіе того представлявшихъ большее однообразіе и спокойствіе жизни. Кроме того Новгородъ имѣлъ еще и то великое преимущество передъ

другими городами, что татарскій разгромъ вовсе его не коснулся. Благодаря этому обстоятельству, вѣчевая жизнь сохранилась въ его стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не смотря на неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всехъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія... Помимо отдѣльныхъ указаній на существованіе вѣчеваго быта въ томъ или другомъ городѣ, мы можемъ привести и прямое свидѣтельство современника въ пользу его всеобщности. Суздальскій лѣтописецъ, размышляя по поводу знаменитой въ его время борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, говорить: «Новгородцы бо изначала, и Смоленяне, и Кіеве, и Полочане, и *вся власти* (волости) якоже на думу на вѣча сходятся». И такъ по свидѣтельству лѣтописца (1176 г.), во всехъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай—сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всехъ другихъ волостей, сколько бы ихъ ни было. Отсутствіе прямого свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ въ известномъ городѣ и въ известное время никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ иного порядка вещей. Въ только что приведенномъ мѣстѣ лѣтописи Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ лѣтописи ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Ростовскую волость въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ причисляетъ къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII в.; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ 2-й половины XIII ст., цѣлымъ вѣкомъ позднѣе.

⁽¹⁾ Вѣче происходитъ отъ одного корня съ сл. *вѣщать*, говорить, отсюда сл. *отвѣчать*.

Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ *необходимымъ* въ древней Россіи, а потому и *всеобщимъ*. Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ, достаточно развитыхъ орудій управления. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова. Между княземъ и исполнителями его воли не было даже той земельной связи, которая даетъ такую прочность отношеній феодальнымъ и помѣстнымъ. Отношенія служилыхъ людей къ князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежешутно и по односторонней волѣ служилаго человека. Эта слабость собственныхъ силъ князя естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему. — Так. обр. вѣче не есть явленіе одностороннее, стоящее внѣ прямой связи съ другими учрежденіями княжеской Россіи; оно составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе.

Какъ по возникновенію своему вѣче было безыскусственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отмена его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отменѣ вѣчевыхъ учрежденій, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало по малу вышли изъ употребленія; только подъ конецъ княжескаго періода встречаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отменѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства. —

Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ. Хотя Татары не остались въ Россіи и не подѣлили между собой завоеванныхъ земель,

тѣмъ не менѣе Русская земля сдѣлалась «улусомъ» ордынскаго царя. вмѣстѣ съ этимъ центръ Русской политической жизни перемѣстился за предѣлы Россіи — въ Орду. Князья нисходятъ на степень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли Хана составляетъ безусловную обязанность. Народъ, также какъ и князья, не имѣя возможности сопротивляться преобладающей силѣ Татаръ, находится въ необходимости подчиняться всѣмъ требованіямъ Орды, для удовлетворенія которой возникаютъ новые и обременительные налоги. Занятіе столбовъ перестаетъ зависѣть отъ воли народа: ханы жалуяютъ ихъ, кому хотятъ. Так. обр. самостоятельное рѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ въ силу взаимодѣйствія народа и князя смѣняется молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя. — Татары не отменили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, исчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями Татаръ была доведена до крайняго опустошенія, уровень общественнаго благосостоянія сильно понизился, и городамъ, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, было не до разсужденій объ общественныхъ дѣлахъ. Право сходиться на вѣча существовало по прежнему, но къ его осуществленію или вовсе не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Так. обр. вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отменѣ ихъ еще никто и не думалъ.

Дѣло, начатое Татарами, завершилось окончательно: во 1-хъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ объединеніемъ Россіи. Установленіе помѣстной

связь между служилыми людьми и князем положило начало самостоятельной военной силе последнего и его независимости от силы и воли народа. Объединение же России в одно государство с центром в Москве сделало не возможным прежнее участие народа в общественных делах под формою веча, а новой формы, болѣе соответствующей изменившимся потребностямъ времени, не было, да и исторія княжескаго періода вовсе не къ тому шла, чтобы ее развить.

Конецъ XV и начало XIV в. можно считать тѣмъ временемъ, когда новыя условія общественнаго строя достигли значительной зрѣлости и перешли въ общественное сознание. По мѣрѣ приближенія къ этому времени старый порядокъ вещей все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои силы. Вѣчевыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV в., составляютъ исключеніе, а не правило; это—последніе отголоски древняго быта. Къ концу XV в. Россія представляется раздѣленной на двѣ мало похожихъ одна на другую части: Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва—новаго. Вѣчевое устройство, сохранившееся въ северо-западномъ углу Русской земли, мало вяжется съ устройствомъ остальной России; послѣдніе Московскіе князья вступаютъ въ прямую борьбу съ нимъ и выходятъ побѣдителями: въ 1478 г. Ивану Васильевичу удается отменить вѣчевой бытъ Новгорода, а въ 1510 г. сынъ его, Василій, уничтожаетъ и Псковское вѣче.

Волость, составлявшая народное собраніе, есть не что иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило, обыкновенно, нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія. Болѣе значительные изъ нихъ обращались въ города, которые въ свою очередь подраздѣлялись на главные, или города про-

сто и на *пригороды*. Земля, часто на очень значительномъ протяженіи отъ города, составляла собственность его жителей. Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другаго города, можетъ быть прямо считаемо мѣрою ихъ политическаго значенія. Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ. Небольшіе укрепленные пункты, расположенные по окраинамъ волости, могли быть очень полезны во время хищническихъ вторженій, столь обыкновенныхъ въ древнее время. Пригороды, слѣдовательно, составляли ихъ насущную потребность. Пригородъ, благодаря счастливому стеченію выгодныхъ условій положенія и историческаго развитія, могъ не только сравняться, но и превзойти главный городъ, какъ поселеніемъ, такъ и богатствомъ. Въѣсть съ этимъ онъ долженъ былъ все менѣе и менѣе чувствовать необходимость въ покровительствѣ своей метрополіи; болѣе же сложные в развитіе интересы жизни могли даже повести его и прямо къ враждебнымъ столкновеніямъ съ ней. Результатомъ такого новаго положенія дѣла является обособленіе пригорода въ особую самостоятельную волость, въ предѣлахъ которой въ свою очередь возникаютъ пригороды.

Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древней Россіи какъ *право*; право это принадлежало всѣмъ свободнымъ. Принимающие участіе на дѣлѣ обыкновенно обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами: это *люди* безъ всякихъ ограниченій. На вѣчѣ участвуютъ все слою населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ: лучшіе люди, средніе и меншіе, черные, купцы, смерды даже худые мужики «и все люди». Дѣти, хо-

тя бы и взрослые, при жизни отца, устранились от личного участия въ народных собранияхъ, по общепринятому взгляду. Но въ источникахъ нѣтъ указанія относительно вліянія, которое оказывало на право участія въ вѣчевыхъ собранияхъ состояніе наймитовъ и закуповъ. Вѣчная жизнь пригородовъ проявляется двоякимъ путемъ: они или участвуютъ непосредственно въ собранияхъ главныхъ городовъ, или составляютъ свои особые собрания въ предѣлахъ пригорода.

Русское вѣче не имѣетъ ничего общаго съ тою формою народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которую представляетъ Англіійскій парламентъ и подражанія этому учрежденію на европейскомъ континентѣ. Участіе народа въ палатѣ общинъ сложилось подъ вліяніемъ сильной королевской власти. Представители городовъ и графствъ не сами сходившись, они *призывались* королями и только для обсужденія и рѣшенія тѣхъ вопросовъ, по которымъ были призваны; по всѣмъ же другимъ—ихъ дѣятельность ограничивалась почтительными прошеніями. Въ древнѣйшее время это участіе въ королевской думѣ разсматривалось болѣе съ точки зрѣнія *обязанности*, чѣмъ права. Представители *обязаны были* являться. Члены палаты общинъ говорили не во имя *личныхъ* своихъ интересовъ; они были представителями тѣхъ общинъ, которыя ихъ посылали, и голосъ ихъ былъ голосомъ цѣлой общины.

Совсѣмъ иной характеръ нашего вѣча. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ *не по призванію* князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устроить свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ

не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говорить только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаѣ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. У насъ требовалось или единогласное мнѣніе всѣхъ, или такое подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшенію простымъ большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, не смотря на противорѣчіе многочисленнаго меньшинства. Так. обр. характеръ нашего вѣча определяется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и *всемогуществомъ* личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ. Всего ближе къ нашему вѣчевому быту подходитъ бытъ древнихъ Германцевъ. При неограниченной свободѣ отдѣльной личности и при слабости исполнительной власти, не было иного исхода — какъ соглашеніе всѣхъ, или война всѣхъ. Если соглашеніе послѣдовало, волесть находилась въ состояніи *мира*, если нѣтъ—въ состояніи *размирья*. И такъ начало представительства не входило въ систему нашей вѣчевой жизни: мы не встрѣчаемъ на него никакихъ указаній. Вѣче—есть форма *непосредственнаго* участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей. Участіе на вѣчѣ повмалось въ древней Россіи, какъ *право*, а не *обязанность*. Изъ имѣющихъ право — никто не былъ *обязанъ* посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ.

Что касается до времени созванія вѣча, должно замѣтить, что наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря по потребности. Так обр. въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и на оборотъ—въ цѣлый годъ—ни одного. *Порядокъ созванія* вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче *можетъ* быть созвано—какъ самими народомъ, такъ и княземъ, если онъ находилъ это нужнымъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя или его посадника. Но такъ какъ не было обязанности являться на вѣче, то понятно, что для того, чтобы вѣче действительно состоялось, еще мало одного призыва; надо, чтобы народъ *желалъ* совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ народнаго желанія вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самаго князя. Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ. Необходимаго *мѣста* для вѣчевыхъ собраній не было. Вѣче могло собраться вездѣ—какъ въ городѣ, такъ и внѣ города, и «на поляхъ». Въ случаѣ раздѣленія мѣтній, сторонники разныхъ партій сходились обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ; так. обр. въ одно и тоже время было нѣсколько вѣчевыхъ собраній, которыя или вступали въ бой одно съ другимъ, или напали на какомъ нибудь общемъ мѣтніи. *Продолжительность* вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а для рѣшенія извѣстнаго вопроса и продолжалось до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не былъ улаженъ.

Что же касается до самаго порядка совѣщаній, онъ былъ словесный и совершенно безформенный. Мы не встречаемъ

никакихъ указаній на предсѣдателя или руководителя прѣвій. Первый вопросъ вѣчу предлагался, обыкновенно, тѣмъ, кто его созвалъ, — княземъ, или кѣмъ-либо изъ народа; за тѣмъ начиналось совѣщаніе самаго народа. При этомъ случалось, что говорили лучшіе люди, бояре и старцы, а остальные—слушали въ молчаніи и только подъ конецъ выражали свое одобреніе. Всѣ люди имѣли одинаковое право слова, и говорить самими или слушать другихъ—зависѣло исключительно отъ ихъ личнаго такта. Мы имѣемъ указанія, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ—смердоу, худыхъ мужиковъ—для того, чтобы они своимъ говоромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи лучшихъ людей, ихъ противниковъ, и тѣмъ способствовали проведенію ихъ собственныхъ мѣтній. Когда этого требовало дѣло, рѣшеніе вѣча записывалось.

Такъ какъ рѣшеніе вѣча было выраженіемъ воли народной, не подчиненной никакимъ высшимъ формамъ, — то эта безформенность не могла не отразиться ослабляющимъ образомъ на окончательной силѣ самаго рѣшенія. При вѣчевыхъ собраніяхъ не требовалось присутствія *извѣстныхъ* лицъ и въ *извѣстномъ* числѣ. По этому составъ вѣча могъ быть очень не постоянный: сего дня могли собраться такіе лица, большинство которыхъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, вовсе не принимало участія во вчерашнемъ рѣшеніи. Но даже и въ случаѣ разнаго самому себѣ личнаго состава вѣча, твердость его рѣшеній, при отсутствіи формъ, зависѣла исключительно отъ настроенія духа всегда подвижной массы народа. Если это настроеніе мѣнялось, довольно было двухъ-трехъ часовъ, чтобы оно перешло въ новое рѣшеніе, совершенно противоположное старому. Такой порядокъ вещей, естественно, давалъ полную свободу образованію политическихъ партій и полный просторъ ихъ взаим-

ной борьбѣ. Наши партіи группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столѣ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли, что вело: 1, къ господству самой партіи, ибо князь раздавалъ мѣста и, конечно, прежде всего отдѣлялъ своихъ *пріятелей*; и 2, къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которыми могла подвергаться эта партія во время господства противной. Лѣтописи даютъ многочисленныя примѣры раздѣленія родовъ на княжескія партіи. Удаленіе вмѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ пораженіе на вѣчѣ, довольно обыкновенное явленіе.

Вѣче, какъ основная форма быта, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія; но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права призванія доказывается: 1, народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и 2, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столѣмъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе. Хотя на практикѣ переходъ столѣмъ совершался подъ вліяніемъ весьма разнообразной борьбы, хотя столы не рѣдко занимали князя безъ предварительнаго призванія и даже

прямо противъ воли народа въ силу военнаго превосходства князя; но право призванія жило не въ одномъ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, а только въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны. При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся родовъ изъ общаго уровня, у насъ не представлялось возможности изъ своихъ собственныхъ элементовъ создать главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе князей *изъ* *вѣчи* являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій. Призваніе Рюрика 862 г. имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени призванія дѣлаются изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, *замкнутое* и *потомственное сословіе* князей. Призваніе, обыкновенно, было *временное*, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. Оно простиралось на *неопредѣленное* время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія или пока господствуетъ *единеніе* между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и *пожизненное* призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Призваніе того или другого князя *наслѣдственнымъ* неизвѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой-либо отраслью по-

томковъ Рюрика. *Соглашение* народа съ княземъ о его преемникѣ, есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю. Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія, слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе—смѣны или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ. Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Так. обр. по отношенію къ призванію, вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе.

Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя, не мыслимо. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столмомъ въ силу военной удачи. Это и понятно. Княжескія войны изъ—за обладанія волостями велись не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ не рѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно, или, по крайній мѣрѣ, безъ прямаго сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія, народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше—къ неудоволь-

ствію, къ образованію партіи враждебной князю, а наконецъ, и къ призванію новаго князя, болѣе удовлетворяющаго народнымъ желаніямъ. Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было весьма употребительно названіе—*ряда* или *поряда*. *Рядъ* съ княземъ есть отдѣльный *отъ призванія* актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ.

Третью отрасль дѣятельности вѣча составляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: 1, что народъ самъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ того или другаго отъ князя; 2, что князь, для того, чтобы вести войну силами дѣловой волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ, ему предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ, съ помощью однихъ охотниковъ.

Этими тремя предметами—призваніемъ князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя, вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ заботы объ управленіи, ему принадлежало право предводительствовать на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ, тысяцкихъ, тиуновъ и пр. Только въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча—назначать помимо князя еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первоначальныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII в. и составляетъ особенность новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ Новгородцы

сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія. Народъ не только рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, но онъ не рѣдко участвуетъ и въ самыхъ распоряженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій, опредѣляетъ напр. мѣсто битвы, моментъ нападенія и под. Это вѣдательство народа въ военное управление не могло, конечно, способствовать успешному веденію войны; но, при слабости чисто правительственныхъ органовъ того времени, оно было совершенно естественно. — Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляционнымъ судилищемъ. Но какъ высшая власть волости, вѣче давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались не достаточными. Но и въ вопросѣ о судѣ позднѣйшая исторія Новгорода и Пскова представляетъ также особенность, какъ и въ вопросѣ объ управленіи. Право назначать посадниковъ и тысяцкихъ принадлежало въ этихъ городахъ вѣчу; ему же принадлежало и право политическаго суда надъ этими сановниками. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Всеволода, сказанныя имъ Новгородцамъ въ 1209 г. въ Коломнѣ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните».

Князь и вѣче стояли другъ подле друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе; иначе безъ этого, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранимо только судомъ божіимъ (*войной*). Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя по большинству его партіи, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній

липался стола. Изгнанные князья не рѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мести свои обиды. Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила разнь между нимъ и вѣчемъ. Самые крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ *временному* заключенію въ видахъ безопасности до призванія новаго князя. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Потерпѣвъ поражение, князь могъ войти въ новое соглашеніе съ вѣчемъ. Какъ князья нерѣдко находили опору въ одной изъ народныхъ партій, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ опиралось иногда на помощь другихъ князей. Война ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода; а самый принципъ княжескаго правленія остается неизмѣнимымъ. Князь есть въ высшей степени народная власть, и въ отношеніяхъ къ нему народа преобладаетъ характеръ *добраго довѣрія*. Князь, пользующійся популярностью, можетъ выступать на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча, хотя бы война задумана была исключительно въ личныхъ интересахъ князя. Также призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и устанавливалъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и вѣрь. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ напр., чрезмѣрная высота продажъ и вѣрь возбуждала протесты вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя (*Воскр. лѣт. 1146 г. Ипат. 1175*).

Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непре-

мѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Хотя для волости князь и составляетъ необходимость, но власть поддержаніе своего князя противъ противника должна была считать не необходимыми во что бы то ни стало. Кромѣ того, князь могъ совершать преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя, значить дѣлаться его сообщникомъ. Хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ, чуждымъ интересамъ волости, и требуютъ строгаго невмѣшательства, но народъ иногда участие въ войнѣ вмѣняетъ себѣ въ обязанность. Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Но это были исключительно частныя мѣры отдельныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть действительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ.

Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются *договорами*. Право вступать въ договоры принадлежать каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости. Княжескіе *сѣзды* служили самымъ обыкновеннымъ средствомъ для всякихъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью какое-либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей. На устройствѣ этихъ сѣздовъ, или *думъ* князей, и на порядкѣ самыхъ переговоровъ отражается характеръ полной свободы и независимости. Князья имѣли право сѣзжаться для достиженія общихъ цѣлей, но не были къ тому *обязаны*; ихъ сѣзды не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни

опредѣленнаго времени собранія: князья сѣзжались, когда хотѣли, и въ такомъ составѣ, въ какомъ хотѣли. И мы не встречаемъ ни одного сѣзда, на которомъ участвовали бы всѣ князья Русской земли. При заключеніи княжескихъ договоровъ иногда принимали на себя посредничество между князьями *третьи лица*, которыя сводили ихъ въ любовь. Въ качествѣ такихъ посредниковъ могли выступить не только князья, но и духовенство. Участіе третьихъ совершенно добровольное и необязательное: враждующія стороны свободны принять или не принять ихъ посредничество. Договоры устанавливали не *подчиненіе* князя князю, а *единеніе* князей, въ силу котораго воля одного князя имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и воля другого, не смотря ни на степень родства, ни на старшинство лѣтъ князей, ни на относительное значеніе управляемыхъ волостей. И притомъ условія эти касаются одной вѣтви полноты, а не внутренняго управленія князя: каждый князь вѣдалъ судъ, финансы и военное управленіе своей волости внѣ всякой зависимости отъ какого-либо другаго князя. Обезпеченіемъ силы княжескихъ договоровъ были слѣд. средства: крестное цѣлованіе обѣихъ договаривающихся сторонъ, обязательство подчиниться извѣстному наказанію въ случаѣ неисполненія условій договора и установленіе особаго блюстителя точнаго исполненія договора. Какъ скоро одинъ князь начиналъ дѣйствовать несогласно съ договоромъ, договоръ терялъ свою обязательную силу и для другой стороны. Состояніе противоположное соглашенію и любви есть состояніе розни и войны. Такъ было въ отношеніяхъ князей, какъ вообще во всѣхъ явленіяхъ древней русской общественной жизни.

Какъ *люди* вообще, при равенствѣ правъ, рознятся достоинствомъ, такъ точно и князья, при полномъ равенствѣ съ точки

арѣвн принадлежавшей имъ власти, не были совершенно равны по достоинству. Такимъ князьямъ усваивались наименованія—старѣйшихъ, отцевъ, господъ, великихъ князей. 1, Прежде всего старшинство представляется какъ естественное преимущество лѣтъ: всякій старшій лѣтъ есть уже по одному этому старѣйшина по отношенію ко всѣмъ «молодымъ князьямъ». Преимущества старшихъ лѣтъ не принадлежали къ области права. Имъ усваивается только тотъ особый почетъ, съ которымъ обыкновенно дѣти относятся къ своимъ родителямъ. Помимо прямого значенія, слово—старѣйшина употребляется еще и въ переносномъ: отъ старшинства и преобладанія города надъ другими и князь вазывался старшимъ. Обладаніе старшимъ городомъ, какъ лучшимъ,—есть предметъ особаго честолюбія князей. 2, Другое почетное наименование князя есть слово—отецъ. Оно вытекаетъ изъ чувства уваженія младшаго къ старшему и по обязанности изъ договора и изъ завѣщанія. 3, Наименованіе великимъ княземъ совпадаетъ съ названіемъ старѣйшиной по городу и усваивается обыкновенно князьямъ лучшимъ волостей. Великие князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. 4, Наименованіе господиномъ имѣетъ тоже значеніе почтенія, какъ и наименованіе старѣйшиной и отцомъ, только выражаетъ еще въ некоторую приниженность того лица, которымъ употребляется. Такъ обр. въ отношеніяхъ князей Рюрикова дома не было родового быта, какъ утверждали Эверсъ, Рейцъ, Соловьевъ и другіе.

Обладаніе властью составляетъ доходную статью для князя: онъ пользуется пошлинами съ суда, торговли и проч. А потому ближайшее побужденіе къ добыванію заключается въ желаніи получить доходъ, съ котораго можно было бы

быть сыту. Дѣйствіями добыванія были: занятіе волости, которая имѣетъ свободный столъ; захватъ чужой власти посредствомъ завоеванія или только устраненія личности ея князя; пріобрѣтеніе въ силу добровольной уступки; наконецъ, съ Татаръ, явился новый способъ пріобрѣтенія посредствомъ ханскихъ ярлыковъ. Добывать волости могли не только Рюриковичи, но и князья чужихъ родовъ, наприм. Болеславъ Польскій, Андрей Венгерскій, Литовскіе князья и проч. Способы добыванія были такое же мѣсто между дядями и племянниками, какъ и между родными братьями и двоюродными. Но понятно, что зрѣлость лѣтъ и личныя преимущества давали фактическое преимущество предъ молодыми князьями. Назначеніе преемника обыкновенно совершалось посредствомъ завѣщанія, которое впрочемъ не ограничивало право добыванія: оно могло только облегчить занятіе стола, когда завѣщатель еще при жизни передавалъ преемнику обладаніе важнѣйшими пунктами завѣщаемой волости. Согласно естественной обязанности родителей—обеспечить участь дѣтей, преемниками обыкновенно назначаются сыновья. Когда сыновей не бывало, преемникомъ назначался тотъ изъ князей, кто былъ ближе къ завѣщателю по чувствамъ любви, въ всякой зависимости отъ степени родства. И такъ въ завѣщаніяхъ проявляется тоже начало свободной воли князя, управляемое одними только соображеніями о томъ, что желательно и возможно, какъ и въ добываніи. Отчина есть нечто иное, какъ столъ отца известнаго князя. Согласно стремленію князей удерживать за собою отчины, стремленію, находившему признаніе и въ самыхъ договорахъ, волости действительно переходили по отчинѣ къ сыновьямъ, хотя и далеко не всегда.

Правительственное дѣленіе Русской земли представляетъ три степени округовъ

и каждому изъ нихъ соответствовали особые органы управления. Высшую степень составляетъ княжение, волость (область) *удель* или *уездъ*; за тѣмъ слѣдуетъ подраздѣленіе княжений на города, волости въ тѣсномъ смыслѣ, *станы* или *уезды*; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на *сотни*, *потуги* и *погосты*. Самъ князь, вѣдавшій все дѣла волости, назывался *волостелемъ* и отправлялъ правосудіе, почему и самая правда носила наименование «княжьей правды». Соединяя все вѣтви управления въ рукахъ, князь не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указание на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управления и суда. Князь не былъ исключительно центральной властью: онъ имѣлъ на ряду съ мѣстными правителями извѣстный округъ и вѣдалъ его, какъ всякая мѣстная власть.

Между служилыми людьми князя должно различать два разряда лицъ — высшій и низшій; на долю перваго доставались дѣла меньшей важности, на долю втораго большей. Первый разрядъ слугъ составляли *отроки* князя или *дѣтские*; послѣднее впрочемъ не означаетъ для названія рабовъ. Ихъ должностію было находиться при особѣ князя въ качествѣ ключниковъ, тиуновъ, конюховъ, воиновъ и т. п. Одно изъ древнѣйшихъ названій *гриди* въ болѣе позднее время извѣстно стало подъ именемъ *дворовыхъ людей*, *дворныхъ слугъ* и *дворянъ*. Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особымъ придворнымъ должностямъ — постельниковъ, столыпковъ, скопичихъ и проч. Въ составъ высшаго разряда слугъ входили не одни рабы и дѣти бояръ, пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ ме-

нѣ аристократовъ, усвоилось названіе *дѣтей боярскихъ*.

Высшій разрядъ княжескихъ слугъ составляютъ *мужичи* и *бояре*; состоявшие изъ нихъ на службѣ князя назывались *княжими*. Княжіе бояре и мужичи, по скольку послѣдніе принадлежали къ лучшимъ людямъ, пользовались независимымъ отъ княжеской службы положеніемъ, въ чемъ и заключается ихъ существенное различіе отъ слугъ низшаго разряда. Къ концу княжескаго періода къ послѣднимъ много присоединилось князей и ихъ называли *боярами*. Мужичи и въ высшемъ разрядѣ обладали не равнымъ значеніемъ: были мужичи «передние», «лѣвые», т. е. лучшие, вліятельные, «великіе», «обольные», «сильные». И высшіе и низшіе разряды слугъ носили названіе *дружинны*: большая или старшая дружина означала мужей и бояръ, молодшая отроковъ. Люди пользовавшіеся особымъ положеніемъ князя, назывались *милостниками*.

Обязанности служить въ древней Россіи не было; служилые свободнаго состоянія вольны были оставить службу, когда хотѣли. Отдѣльными органами управления были: 1), *Княжеская дума*, составъ и предметы зачатіи которой исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя; онъ призывалъ для совѣщаній, кого хотѣлъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ. Особого званія «совѣтниковъ князя», въ которое возводились бы служилые, входившіе въ составъ думы, не было. Дума составлялась всякій разъ вновь, по особому приглашенію служилыхъ. Княжескимъ совѣтянамъ принадлежалъ совѣщательный голосъ. 2), Мѣстные правители, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались *посадниками*. Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управления, а управленіе военное отъ гражданскаго; также точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ

мѣстныхъ представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ вѣренною ему волостью. Для защиты ея онъ ставилъ «Города» и, въ случаѣ нападенія, отражалъ непріятеля силой; кромѣ того, отправлялъ судъ. Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ, равно какъ и увольненіе и судъ надъ ними; исключеніе было только въ Новгородѣ и Псковѣ съ XIII в., когда выборъ посадниковъ и судъ надъ ними зависѣлъ отъ воли вѣча. Храбрость и знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности не рѣдко замѣщались *воеводами*. 3), Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а *наместниками* князя и *волостельми*. Намѣстники вѣдаютъ обыкновенно города, а волостели—волости. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ наместника и на ряду съ нимъ стоялъ въ непосредственномъ подчиненіи князю. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ, и иногда назывались воеводами. Волостели, также какъ и наместники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный; но иногда высшій уголовный судъ въ душегубствѣ, разбоѣ и пр. вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся наместнику. Впрочемъ это не устанавливало подчиненія волостеля наместнику, а только ограничивало объемъ дѣятельности перваго. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ наместниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Кромѣ того, на наместниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность «блюсти» людей и нѣкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр. наблюденіе за исполненіемъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ

перехода отъ одного владѣльца къ другому и пр. Намѣстники и волостели назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось. 4), при князьяхъ, какъ мѣстныхъ представителей, посадникахъ, наместникахъ и волостеляхъ состояли помощники. Въ древнѣйшее время они назывались *тиunami*; позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно *зведеннымъ боярамъ*. О военномъ управленіи тиуновъ нѣтъ указаній; надо думать, что на нихъ переносилась только одна судебная власть. О пространствѣ ихъ власти нельзя составить точнаго представленія; тиуны назначались изъ низшаго разряда княжескихъ слугъ и даже рабовъ. Намѣстники и волостели были свободны въ выборѣ своихъ тиуновъ и только по отношенію къ увольненію подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тиуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія. Тиуны вѣдали судъ *амьсто* наместниковъ и волостелей; они замѣняли ихъ, но не составляли съ ними одной коллегии. 5), Въ мелкихъ сотняхъ, погостахъ или потугахъ завѣдывали *сотские* и *старосты*. Сначала они, какъ и тысяцкіе, стояли на мѣстницѣ военной администраціи; но, по мѣрѣ усиленія въ войскѣ служилого элемента, военная дѣятельность ихъ должна была значительно сократиться. Область ихъ гражданскаго вѣдѣнія составляли: а), надзоръ за исполненіемъ разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, напр. сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, наместника и волостеля, нарядъ для косябы сѣна княжескаго, въ помощь ловчимъ, сборъ и взносъ кормовъ правителямъ, оброка, помянъ и т. п. б), мѣстная полиція и в), присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Сотские и старосты были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновни-

камн. *Десятские*, какъ показывается ихъ имя, относятся къ одному роду властей съ сотскими; они были ихъ помощниками. 6), Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ особыхъ *приставовъ*, назначавшихся для восполненія мало развитыхъ органовъ мѣстнаго полицейскаго управленія. Эти приставы получали разныя спеціальныя назначенія, какъ напр.: оберегать извѣстныя селенія отъ воровъ и разбойниковъ, леса отъ порубокъ, наблюдать за ненарушеніемъ жалованныхъ грамотъ и проч. Назначались они самими князьями и по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ. 7), Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ заведываніи самаго князя. Для сбора пошлинъ и дани назначались или особые чиновники—*мытники таможенники, данщики, платенщики* и другіе пошлинники, которые стояли въ всякой зависимости отъ наместниковъ и волостелей. Намѣстники и волостели иногда занимались сборами пошлинъ, но не какъ финансовыя чиновники, а какъ правители, которымъ жаловалась та или другая пошлина для увеличенія ихъ содержанія. 8), Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и дани и выдачею ихъ занимались особые чиновники, которые одинаково вѣдали имущества князя, какъ правителя, и его имущества, какъ частнаго человѣка. Это были: *дворскіе* (дворецкіе), которые вѣдали недвижимыя имущества князя и повинности, соединенныя съ ними, напр. постройки, работы; *казначей*, заведывавшіе денежною казною князя и получениемъ доходовъ въ мѣстахъ ихъ сбора; *дѣяки* и *подѣячье*, которые заведывали движимымъ имуществомъ князя и сборами доходовъ съ таможенниковъ; *ключники* или *тѣуны*, храняшіе у себя ключи зданій, въ которыхъ складывались дворцовыя запасы. Ключники и домашніе тѣуны назначались по большой части изъ рабовъ князя. Последнее мѣсто на лѣстницѣ властей занимаютъ кня-

жескіе *посельскіе*, которые управляютъ деревнями князя, уборкой хлѣба, выдачей хозяйственныхъ запасовъ. Назначаются изъ рабовъ. Въ заключеніе необходимо остановиться на особенностяхъ управленія гми княжескими имуществами, которыя носили названіе путей. Князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ, чтобы разводили княжескихъ лошадей, пчелъ, занимались царкой поска, ловлей бобровъ, рыбы, содержаніемъ собакъ и ловчихъ птицъ. Соединяемыя въ разныя группы съ цѣлями управленія, они носили наименованіе путей: путь ловчий, путь сокольниковъ, путь конюшій, путь бобровничій и т. п. под. Бояре, вѣдѣнію которыхъ поручались эти *пути*, воспл. названіе въ XIV в. *путныхъ бояръ*, а въ болѣе раннее время заведывались дворскими, тѣунами, ключниками и посельскими.

Всѣ эти служилые люди, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе, поручаемое княземъ, получали вознагражденіе изъ судебныхъ пошлинъ и за выдачу правой грамоты, пошлины съ браковъ, извѣстной подъ именемъ вышодной куницы и новоженаго убруса, пошлины съ некоторыхъ частей торговли и кормы, т. е. извѣстное количество ежедневныхъ запасовъ натурой. Всѣ вообще доходы служилыхъ назывались *кормленіемъ*. Бояре, которымъ жаловались кормленія, бояре и слуги подъ дворскимъ, не входили въ составъ *вольныхъ бояръ и слугъ* и не могли отѣхать до срока службы.

Княжеское войско составлялось изъ народа, служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ. Въ составъ наряднаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивая—худшими или смердами. Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣча, или личнымъ желаніемъ охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его со-

ставъ нередко обращалось въ войско. Вѣче определяло и размѣры военной повинности, смотря по надобности. Отказъ вѣча—принять участіе въ предполагаемой княземъ войнѣ не лишалъ еще послѣднего всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ нѣмъ помощью. *Охочихъ людей*, желавшихъ пограбить, было всегда много. По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ, призваніе народа къ войнѣ было дѣломъ исключительно князя. Народное ополченіе созывалось только на случай войны и роспускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена. Второй видъ княжескихъ войскъ составляють служилые люди князя: въ раннее время—*отроки, дѣтскіе, гриди*, въ болѣе позднее—*дворяне и дѣти боярскіе*; но *мужичи и бояре* выходили на войну въ сопровожденіи собственныхъ слугъ. Служилый человекъ могъ отѣхать отъ князя, когда хотѣлъ: «а бояромъ я дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ—*вольнымъ воля*», договариваются князья. Отѣхавшій слуга не терпѣлъ ни умаленія своихъ правъ, ни имущества, хотя бы оно находилось въ области князя, службу котораго онъ оставилъ. Служилые люди, находясь неотлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—Варяги, Половцы, Татары и проч. Въ древнѣйшее время всѣ виды войскъ княжескихъ назывались *дружиной*. Кромѣ того, для обозначенія войска употребительны были слова: *полкъ, рать*. Военное управленіе находилось въ завѣдываніи посадниковъ и лѣтислалковъ, а центральное военное управленіе—въ рукахъ князя, *воєводъ и тысяцкихъ*. Должность тысяцкаго была постоянной; назначеніе и увольненіе зависѣло отъ князя. Тысяцкій назывался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое

собиралось по опредѣленію вѣча, и не слѣдовалъ за княземъ, если онъ выступалъ на войну противъ воли вѣча. Должность *ратныхъ воєводъ* не была постоянной: они назначались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ. На подчиненіе однихъ воєводъ другимъ не находили указанія.

Въ союзномъ войскѣ каждый князь былъ пачальникомъ своего отряда и не приходило въ голову никогда учреждать главнаго предводителя; князья дѣйствовали каждый за себя порознь.—Постояннымъ содержаніемъ пользовалась небольшая часть воиновъ—отроки, гриди, дворяне, словомъ только тѣ, кто жилъ въ домѣ князя и на его счетъ. Остальное войско не получало содержанія; но вознаграждало себя добычею изъ плѣнныхъ, скота и всякаго рода движимостей. Возможность легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участію въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Онь начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всю собою массою переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отлѣчать мирныхъ жителей отъ немирныхъ и шадить жизни и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ; кромѣ собственности непріятеля каждый воинъ имѣлъ право завладѣть тѣмъ изъ непріятельскаго имущества, что попадалось въ руки. Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князья, занимали не столько стратегичес-

кия соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность способную и прокормить ихъ воинновъ и обогатить планоми. Второю видъ вознагражденія воинновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя, или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира. Награды выдавались всѣмъ воиннамъ; во дружина въ тѣсномъ смыслѣ получала ихъ чаще и скорѣе обогащалась. Для продовольствія войска, во время его переходовъ, волостные и городскіе люди отбывали натуральную повинность кормить, подводами, квартирой.

Въ началѣ XIV в. князья стали раздавать недвижимыя имущества служилымъ съ обязанностію нести службу. Пожалованье оставалось въ пользу князя при отѣздѣ служилыхъ и шло въ роздачу другимъ. Так. обр. власть князя становилась вѣ въ зависимости отъ доброй воли его слугъ. Въ помѣстьяхъ князья назначали свои села, деревни и дворы съ угодьями; но иногда служилые князья, бояре, дѣти боярскіе, житеи и пр., чтобы снискать расположеніе князя, поспешали къ нему на службу съ своими отчинами, т. е. обязывались служить и отдавая въ его распоряженіе свою поземельную собственность.

(Извлечено изъ сочин. «Въче и Князь Русское госуд. устройство

и управленіе во времена князей Рюриковичей». В. И. Сергѣича. М. 1867).

Указатель сочиненій и статей: О сельской общинѣ, Н. Д. Бѣллева. Рус. Бес. 1856, кн. 1, II, 1—36, кн. 2, III, 114—142, кн. 4, III, 115—124. Обзоръ историч. развитія сельской общины. Чичерина. Рус. Вѣстн. 1856, № 12 и 13. Споръ о сельс. общ. С. Соловьева. Тамъ же № 22 и 24. О древн. сельс. общинахъ въ югозапад. Рос. Н. Д. Иваницева. Рус. Бес. 1857 г. кн. 3, III, 1—63. О сельскихъ и волостныхъ сходахъ и городскомъ управленіи А. Шахова. Вѣкъ 1862 г. Газета «Очерки» № 2 и 3. О посадникахъ, тысяцкихъ, воеводахъ и тысяцкѣ, Попова. Времен. 1, 31—38. Служилые люди въ Москов. Госуд. Бѣллева. Московск. Сборн. 1852, 1, 356—382. Его же. «О дружинѣ и земщинѣ». Времен. 1, 1—22. Опытъ о посадникахъ Новгор. М. 1821. Крестьяне на Руси. Его же. Рус. Бес. 1859, I—VI кн. О службѣ въ Россіи до Петра I. А. Лагера. Ж. М. П. Пр. 1850 г. LXV и LXVI. отд. 2. Исслѣд. и замѣч. Попова, т. VII, М. 1854. Краткій очеркъ управленія. А. Вишнина. Казань. 1855. Вѣст. И. М. Снегирева. Энцикл. лекс. т. XII, 339. О звачкахъ отлучія въ др. Россіи. А. Лагера. Зап. Арх. Общ. вып. VIII. О смердахъ. Каченовская Вѣстн. Евр. 1829 г. августъ. Исслѣд. о древн. Рус. аристократіи Попова. Москвит. 1847. Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи. Михайлова. М. 1849. Городское или среднее состояніе Рус. народа. Д. О. Плюшескаго. Спб. 1852. Права новгород. князей. Костомарова. Северо-рус. народоп. II, 150—57. Огнечанины и князь мужъ. В. Мстиславскаго. Чт. общ. вст. 1860, IV, 1—39. О значеніи изгоевъ Архивъ Казанова I, отд. 1, 55—72. О наследственности дравинъ савонъ. Попова. Тамъ же 73—95. О монгольск. чиновникахъ на Руси. Бѣллева. Тамъ же. 97—110. Обществ. жизнь и земскія отнош. въ древн. Русіи. А. Тюркина. Спб. 1850. Разборъ въ II. Собр. сочин. Кавелина III, 164. О состояніи крестьянъ въ Россіи. Грибовскаго. Харьковъ.

У. ЗАКОНЫ И СУДЫ.

1), ПО ДѢЛАМЪ ДУХОВНЫМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

162. Церковный уставъ св. Владимира до 1011.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ князь вел. Василей, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославъ, внукъ Игоревъ, блаженный Ольги, усприалъ есмь крещеніе святое отъ греческихъ царей Константина и Василья и Фотѣя патриарха, узилъ первого митрополита Михаила на Киевъ и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую. И по томъ лѣтомъ мнѣушимъ ѣздахъ церковь св. Богородицу, и дахъ десятину (10-ю часть) къ ней по всей земли Руской княженіа отъ всего суда 10-ый грошъ и на торгу 10-ую недѣлю. Изъ домовъ на всякое лѣто 10-ое всякаго стада і всякаго живота чюдной Матери божіи и чюдному Спасу. І по томъ возарѣхъ въ греческій Номоканонъ и обрѣтохъ въ немъ, яже не подобаетъ мнѣ тяжъ (тѣжебѣ) и судовъ судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ его, и згадавъ азъ с своею княгиною Анною и с своимъ дѣтямъ, далъ есмь св. Богородицы

и м-ту и вѣмъ епископомъ, а ты не вступаютъ ни дѣти мои, ни уиуци мои, ни родъ мой въ люди церковныя і во вѣ суды, і по вѣмъ городомъ далъ есмь і по погостомъ и по свободамъ, гдѣ крестьяне суть, а кто уступитъ на мое даше судъ мнѣ съ тѣмъ передъ Богомъ; далъ есмь распуты, смѣльное заставаніе, умыканіе, пошибаніе (1) промежи мужемъ и женою о живеть (пожиткахъ) или о пленени или о сватовствѣ поимутся (жениатся), вѣдство (возмозованіе) урѣканіе, узлы (навязки, паузы), зелье, еретичество, зубовѣдѣніе (драка), иже отца и матеръ бьютъ, или сынъ и дочи бьются, иже истажуются о задницы (о наслѣдствѣ). Митрополича люди церковны: игумень, игумена, поповичеве, чернець, черница, дьяконъ, дьяконовая, проскуриница, пономарь, вдовица, калика (путешественникъ ко св. лѣстамъ), сторон-

(1) Распуты — разводъ самовольный, умыканіе — ухищаніе, увозъ женщины, пошибаніе — побой, драка.

никъ, заданный человекъ (*отказанный по душе, ради спасения*), прикладникъ, хромецъ, слѣпецъ, дьякъ, и вси причетники церковныи; аще кто ихъ увидѣтъ въ вину, судити гѣхъ митрополиту и епископомъ, опрочивши (*кромя*) мрявъ.

(Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215, пр. 445).

См. Древ. Рос. Вѣд. VI, 1. Продолж. Вѣдѣи III, 1. Днев. Зап. Делегата. Спб. 1780. 351. Ист. Гос. Рос. Карамзина I, пр. 506. Опис. Кіевсоф. собора. М. Евгенія. Кіевъ. 1825. Опытъ истор. рос. гражд. законовъ. Рейца. М. 1836. Допол. къ А. Ист. I, № 1. Исслѣд. и записк. Полюдина I, 263. О простр. церк. суда. Неволіна. Ж. М. Нар. Пр. 1847, № 8. 79. Ист. Рус. Ц. Макарія. I, 118, пр. 236 — 7. 240. Объ-основаніи рус. церк. права. Христ. Чт. 1846, IV, 2, 302. Лѣтописецъ Переясл. Сузд. М. 1851, 34. П. С. Лѣт. VI, 82. Тамъ же описокъ устава пространной редакціи.

163. Церковный уставъ Ярослава 1051—1054.

Се азъ, великий князь Ярославъ, сынъ Володымеровъ, по данію отца своего, съглаголъ всемъ съ митропол. Ларіономъ, сложивъ есмь греческый Номоканонъ, нже не подобаетъ сихъ тяжъ судити князю и бояромъ, даждь есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣхъ, по веѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ христіанство.

1, Аще кто умчитъ дѣвку или наслѣдитъ: аще боярская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту 5 гривенъ золота, а митрополиту гривна золота: а добрыхъ людей—за соромъ (*безчестья*) ей 5 гривенъ серебра, а м-ту 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ—по гривнѣ серебра м-ту, а князь казнитъ (*накажетъ*). 2, Аще кто пошибаетъ боярскую дочку или боярскую жону: за

соромъ ей 5 гр. золота, а меньшихъ бояръ—гривна зол., а варочитыхъ людей 3 рубля; а простой чадъ—15 гр., а м-ту 15 гр., а князь казнитъ. 3, Аще пуститъ боярдинъ великъ жену безъ вины: за соромъ ей 5 гр. злата, а м-ту 5 гр. злата, а варочитыхъ людей—3 рубль, а м-ту 3 р., а простой чадъ 15 гр., а м-ту 15 гривенъ. 4, Аще въ отца и в матери дочка дѣвкою дитяти добудеть: обличитъ ю, повати (*взять*) въ домъ церковный; также и жонка; а чмѣ ю родъ окупитъ. 5, Аще дѣвку умлѣвитъ кто къ себѣ и дастъ втолѣку: на умлѣвничи м-ту 3 гр. сер., а дѣвѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ (¹) по рублю; а князь казнитъ. 6, Аще мужъ отъ жены блудитъ, м-ту у винѣ. 7, Аще мужъ сженится иною женою, съ старою не распустится, мужъ той м-ту у винѣ, а молодую в домъ церковный, а съ старою жити. Аще же не лихъ недугъ болѣтъ—или слѣпота, или долгая болѣзнь: про то не пуустити; также и женѣ неждъ пустити мужа. 8, Аще жена у мужа крадетъ, а обличитъ ю: м-ту 3 гривны, а мужъ казнитъ; про то не разлучити. 9, Аще клѣтъ покрадетъ, также творятъ надъ нею. 10, Аще дѣвка засадеть: великихъ бояръ—м-ту 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ—м-ту гривна зол., а варочитыхъ людей—12 гр. сер., а м-ту 12 гр.; а простой чадъ гривна серебра, а м-ту гривна сер. 11, Аще поведетъ жона отъ своего мужа за вынъ мужъ: тую жону повати въ домъ церковный, а новожена м-ту у продажи. 12, Аще кумъ съ кумою блудъ сътворитъ: митрополиту гривна золота и въ опитемъ. 13, Аще кто зажжеть дворъ, или гумно, или что иное: м-ту 100 гр., а князь казнитъ. 14, Аще кто съ се-

(¹) Вѣроятно, пособникахъ, помощникахъ.

строю согрѣшити: м-ту 100 гр., а у вопытѣмъ и в казни по закону. 16, Аще ближній родъ поимется: м-ту 8 грив., а пѣть разлучити, а опитѣмъ да примутъ. 17, Аще двѣ жены кто водить: м-ту 40 гривень; а котораа подылегла, тую поняти в домъ церковный, а первую дрѣжати по закону; а иметъ лажо водяти, казнию казнить его. 18, Аще мужъ и съ женою по своей волѣ распустиатся (*разойдутся*): митрополиту 12 гривень, а будутъ не вѣнчальни — митрополиту 6 гривень. 19, Аще жидовинъ или бесереченинъ с рускою будетъ поязычивши: м-ту 8 гривень, а руска поняти в домъ церковный. 20, Аще кто съблудитъ съ чрѣноризцею: м-ту 100 гривень, а опитѣмъ по закону. 21, Аще кто съ двѣма сестрами падется: м-ту 30 гр. 22, Аще и с мачехою кто съблудитъ: м-ту 40 гр. 23, Аще два брата будутъ съ одною жонкою: м-ту 100 гр. а жонка в домъ. 24, Аще дѣвка не восхоцетъ замужъ, а отецъ и мать сию (*ея*) дадутъ, а что сътворитъ надъ собою: отецъ и мать митрополиту у винѣ, а исторъ лма платити; такожъ и отрочѣ (¹). 25, Аще кто зоветъ чужую жону блядою: великихъ бояръ — за соромъ ей 5 гривень золота, а м-ту 5 гривень, а князь казнить; а будетъ меньшихъ бояръ — за соромъ ей 3 гр. зол., а м-ту 3 гр. зол., а будетъ городскихъ людей — за соромъ ей 3 гр. сер., а м-ту 3 гр. сер., а сельскихъ людей — за соромъ ей гривна сер., а м-ту гривна серебра. 26, Аще кто пострижетъ голову или бороду: м-ту 12 гривень, а князь казнить. 27, Аще мужъ иметъ красти конопля, или ленъ, или всякое жито: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы; такожъ и жонка, аще иметъ то красти. 28, Аще мужъ крадетъ

бѣлыя порты (*бѣлье*), или полотно, или портшца поевы, такожъ и жонка: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы. 29, Аще иметъ красти свадебное и огородное, бои и убійства, а что учинятся душегубство: платять винну, князю съ митрополитомъ на полы. 30, Аще про дѣвку сыръ будетъ кразанъ (¹): за сыръ гривна; а што стера заплатять, а м-ту 6 гривень, а князь казнить. 31, Аще мужа два быются жевскы или в(у)кусить, или одереть: м-ту 3 гр. 32, Аще мужъ бьетъ чужую жону: за соромъ ей по закону, а м-ту 6 гр., а князь казнить. 33, Аще сынъ бьетъ отца или мать, казнить его волостельскою казнию, а м-ту у винѣ. 34, Аще дѣвка вѣсхоцетъ за мужъ, а отецъ и мать не дадутъ, а что сътворитъ: м-ту у винѣ отецъ и мать; такожъ и отрочѣ (*отреченье, отказ*). 35, Аще чрѣнецъ или чрѣница, подѣ или попадіа, или проскуриница свадутъ во блудъ: тѣхъ судитъ митрополиту опричь мирянъ, во что ихъ осудитъ воленъ. 36, Аще попъ или чрѣнецъ улюются безъ времени: м-ту у винѣ. 37, Аще чрѣнецъ или чрѣница ро-стрижется: м-ту у винѣ, во что ихъ обрядитъ (*сколько присудитъ*). 38, А что дѣется съ домовныхъ (*епископскихъ*) людехъ и въ церквонныхъ, и в самѣхъ монастырѣхъ, а не у(а)ступаются княжѣмъ волостели в то: да вѣдаютъ ихъ митрополичьы волостели, а безатшина (²) ихъ м-ту помедеть. 39, Аще двѣ женѣ бытятся: м-ту 6 рѣзанъ на виноватой. 40, Аще безъ вѣны свекоръ бьетъ сноху или деверъ ятровъ (³): то платять ей по закону, а м-ту 6 гр. 41, Аще кто поганое ясть у своей воли, или медвѣдицу или иное что поганое: митрополиту у винѣ и в казни. 42, Аще повѣ дитя кре-

(¹) *Исторы* — протары, убійцы, а *отрочѣ* — отрочакино, отказанье.

(¹) Языческій обрядъ — кроить снѣръ роу и рожаицѣ. См. Вопросы Кирика.

(²) Наследство безроднаго.

(³) Жену своего брата.

стити у чужемъ языкѣ или иное что священническое, развѣ и мужа и боляща: м-ту у вѣнѣ. Съ покрещенымъ, а ино-язычникомъ отъ нашего языка, съ некрещеными ни пити, ни ѣсти: доколѣ же креститься, аще кто вѣдаа ясть и пити, да будетъ м-ту у вѣнѣ. 43. Аще кто съ оглученнымъ ясть и пити, самъ оглученъ будетъ. 44. Аще кто съ бесерменкою или съ жидовскою блудъ сътворитъ, а не лишится: отъ церкви да отлучится и отъ христианъ, а м-ту 12 гривенъ.

А тѣмъ винами разлучитъ мужа съ женою: 1 вина. Аще услышитъ жена отъ иныхъ людей, что думаютъ на царя или князя, а она мужу своему не скажетъ, а опослѣ объяснитъ: разлучити. 2 вина. Аще застанетъ мужъ свою жену съ прелюбодѣемъ, или како учинитъ на нее исправу съ добрыми послухами: разлучити. Аще думаетъ жена на своего мужа или земель, или ными людьми, или пакъ иметъ вѣдать, что хотять мужа ея убити, а она мужу своему не скажетъ, а опослѣ объяснитъ: разлучити. 3 вина. Аще жена безъ своего мужа иметъ ходити или пити, или ясти, а опрочъ своему дому иметъ спати, а потомъ объяснитъ: разлучити. 4 вина. Аще иметъ жена ходити по игроушамъ или во дни, или в нощи, а мужъ иметъ ушювати, (ушюцевать), а она не послушаетъ: разлучити. 5 вина. Аще ведетъ жена мужа своего покрасти клѣтъ, или товаръ, или сама покрадетъ, да нымиъ подастъ, или имѣтъ вѣдати, што хотять церковь покрасти, а она мужу своему не скажетъ: разлучити.

(Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215—221. прим. 455).

См. еще Архангелогор. законопс. М. 1781. 47. Указатель рос. закон. Максимовича. М. 1803. I, 4. Опыт Ист. Рус. Ц. въ периодъ до Татарс. Макарія. Спб. 1847, 129. О способахъ содерж.

рус. духов. Любимови. Спб. 1851, 177. Прав. Собес. 1861. III, 86. Стжъ Ярославъ западно-русской редакци. А. Зап. Р. I, № 166. Ж. М. Н. Пр. 1847, № 8. 144.

Изъ отсутствія положительныхъ доказательствъ въ пользу какого-нибудь историческаго памятника не слѣдуетъ еще подложность его. Преданіе, приписавшее извѣстный уставъ о церковныхъ судахъ Владимиру Равноапостольному, не смотря на то, что оно не восходитъ до временъ Владимира, а начинается только съ XIII вѣка, можетъ быть совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ, при этомъ предположеніи справедливости преданія, спрашивается: изъ двухъ главныхъ извѣстныхъ редакцій устава, т. е. короткой и пространной, какую должно считать за древнѣйшую и наиболее приближающуюся къ первоначальному подлиннику? Бѣтъ сомнѣній, такого редакцію должно признать редакцію кратчайшую. Въ ней нѣтъ толпы листвъ, гдѣ отъ имени Владимира говорится, будто онъ принялъ крещение и митрополита отъ патриарха Фотія, нѣтъ этихъ словъ, которыхъ не могъ писать Владимиръ. Кроме того, если короткая редакція произошла посредствомъ сокращенія пространной, то не понятно, почему при этомъ сокращеніи вынуждены были некоторые важныя и существенныя слова. Непонятно, почему въ короткой редакціи между предметами церковнаго суда не поименованы: умышка, потворъ, чародѣнія, волхвованія, или снѣха бѣгъ свекрови, или два друга иматася бити и проч... Между тѣмъ все становится понятнымъ, какъ скоро мы принимаемъ, что пространная редакція принадлежитъ позднѣйшему времени и произошла посредствомъ распространенія короткой редакціи. При этомъ распространеніи короткая редакція была наполнена въ различныхъ мѣстахъ постановленіями совершенно новыми или пополнена другими, которыхъ хотѣя по смыслу ихъ уже заключались въ короткой редакціи, но теперь прямо были выражены для предупрежденія возникшихъ, можетъ быть, сомнѣній.

Легко можетъ быть, что и въ дошедшихъ до нашего времени спискахъ короткой редакціи находятся уже дополненія и измѣненія противъ первоначальнаго подлинника; но теперь нѣтъ средствъ отличить ихъ отъ первоначальной основы.

Въ этой множественности редакцій или видоизмѣненій двухъ главныхъ редакцій устава Владимірова не надобно видѣть непременно какую-нибудь умышленную поддѣлку или подлогъ. Уставъ былъ переписываемъ и являлся въ Коричней книгѣ для практическаго употребленія. Неудивительно, напротивъ весьма естественно было, что при этомъ

онъ былъ переписываемъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя ввело и которыя требовало практическое его употребленіе.

Такимъ образомъ для познанія юридическаго быта древней Россіи всѣ редакціи устава Владимірова имѣютъ свою, большую или меньшую, важность. Онѣ указываютъ намъ на временныя и мѣстныя видоизмѣненія начала, содержащагося въ первоначальной его основѣ.

При такомъ взглядѣ на происхожденіе и юридическое значеніе редакцій устава Владимірова о церковныхъ судахъ самый вопросъ о подлинности его болѣею частью теряетъ свою важность. Какая бы ни была коренная основа устава, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ изданъ первоначально, онъ получилъ практическую силу только постепенно, и съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія представляются намъ въ разнообразныхъ его редакціяхъ. Если, полагая, что и самая короткая редакція его, можетъ быть, не представляетъ намъ еще первоначальнаго подлинника во всей безприимчивой чистотѣ, мы, по видимому, отнимаемъ у себя возможность слѣдить происхожденіе церковнаго суда въ Россіи отъ самаго перваго его начала; то несомнѣно, которой мы себя подвергаемъ, мало важна. Первое начало суда церковнаго въ Россіи, основаніе оныхъ постановленій объ этомъ предметѣ содержатся не въ какомъ нибудь уставѣ русскаго князя, но съ одной стороны въ законахъ, которыми руководствовалась церковь греческая, включивъ сюда какъ постановленія и законы Гречко-Римскихъ Императоровъ, такъ и законы Моисеевы; съ другой стороны въ тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, при какихъ основалась и образовалась русская церковь. (Пол. собр. сочин. К. Неволіна. 1859. VI, 293—299).

Объ-уставѣ Ярослава см. тѣмъ же стр. 309.

164. Уставъ новгородск. кн. Всеволода Мстиславича о церковныхъ судахъ до 1136.

Се азъ князь в. Всеволодъ, нареченный въ св. крещеніи Огаѣтъ (*Гавриилъ*), правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Ольги, нареченныя во св. крещеніи Елены, и бабы Володиміровы, нареченнаго во св. крещеніи Василія; и тыя бо пріили св. крещеніе отъ греческихъ царей, и отъ Фотія патріарха цареградскаго взяша пер-

ваго митрополита Михайла Кіева, иже крестѣ всю Рускую землю. Потомъ же лѣтомъ многымъ минувшимъ, молися Спасу и пречистѣй Его Матери, св. Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи, устроивша церковь св. Богородицы десятинную и даша ей десятину во всей Руской земли и со всѣхъ княжений, въ соборную церковь св. Богородицы, иже въ Кіевѣ и св. Софіи киевской и св. Софіи новгородской, и митрополитомъ киевскимъ и архиепископомъ новгородскимъ отъ всякаго князя суда десятую векшу, а изъ торгоу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита десятое св. Спасу и пречистой Его Матери и премудрости божіи св. Софіи.

А се избрѣтохомъ въ греческомъ Номоканонѣ, что сяхъ судовъ и тяжъ не судити князю, ни его дѣтемъ, ни его наместникомъ, ни его бояромъ, ни его тиуномъ, ни десятника не держати. И созвалъ есмы десять сощыхъ и старосту Болеслава и бича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту и погадалъ есмы со владыкою и съ своею княгинею, и съ своими бояры и съ десятию сощими и съ старостами; далъ есмы судъ и мѣрила, якоже на торгу св. Богородицы въ Кіевѣ м-ту, тако въ Новгородѣ св. Софіи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скальны воцанія, цуды медовыя и гряненку рублевою и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ черпичамъ; а попу Иванскому Русая пень съ Борисоглѣбскимъ на полѣ, а сторожу Иванскому Руской порочицы пятаю⁽¹⁾, да десять конюховъ сохъ. А не вступатися въ тыя оброки моимъ дѣтямъ, ни моимъ наместникамъ, ни моимъ бояромъ на домъ св. Софіи и св. Ивана; а домъ св. Со-

⁽¹⁾ Скалы воцанья — чашки, на которыя вѣсятъ воскъ, нуоъ — таря, гряненка — сунтъ, ло кожь — древній аршинъ, тавро — клеймо для лошадей при продажѣ и сборѣ пошлыны.

ѡи владыкамъ строити съ соцкими. А старостамъ и торгашамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. А се приказываю своимъ намѣстникомъ и тиуномъ: суда церковного не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника. А се дахъ во олтарь св. Софіи и причету церковному вседенникъ синодикъ и вѣнцы, что суды церковныи, то св. Софіи; а кто нашего роду пограбить или отъиметь, того повелѣхомъ владыцѣ соборомъ въ синаницѣ проклинати. А се суды церковныя: роспуски, смилное заставаніе, умычка, пошибальное промежъ мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ въ племени или въ сватовствѣ поимутся, потворы, чародѣіи, волхвованіе, бѣдство, зелейничество, отца или мать бьети сынъ или дщи, или сноха свекровь: брати или дѣти тжуются о задницѣ, церковная татбы, мертвецы совлачаютъ (*выкапываютъ*), крестъ посякутъ или на стѣнахъ рѣжутъ или два мужа имутся бляти и единого жена иметь за дово другого и разданытъ, или кого застанутъ съ четвероногою, или кто молится подъ овномъ, или у рощени или у воды или дѣвка дѣвку повержетъ или ино что неподобно церквѣ подѣютъ: а чымъ суды всѣ церкви даны суть и епископу; а князю и бояромъ и судіямъ въ тия суды не вступатися. А то далъ есми по перыхъ царей уряженію и вселенскихъ св. Отецъ седми Соборовъ великихъ Святитель; а по семъ не вступатися дѣломъ моимъ, ни вичатомъ моимъ, ни всему роду моему до вѣка пѣ люди церковныя, ни во вси суды ихъ. Аже кто преобидать нашъ уставъ, таковымъ непростенымъ быти отъ закона божія и горе себѣ наслѣдуютъ, и вѣчная мука ждетъ ихъ.

А о вѣсѣхъ, что предписано, держахъ за своихъ бояры, аже они обидать гостей, а гдѣ живутъ тымъ наравятъ, и княжу душу топать. И азъ всмотрѣхъ въ Фотія па-

тріарха цареградскаго грамоты, что принесъ на Русь князь в. Владимиръ, нареченный въ св. крещеніи Василій, сынъ Святославль, а внукъ Игоревъ и преблаженныя княгини и прабабы Ольги, аже стоитъ въ грамотѣ: торговая всѣ вѣсы, мѣра и скалвы воцаныя, и пудъ медовый и гривенка рублевая и всякая извѣсть, иже на торгу промежъ людьми, отъ Бога тако вкона установлено есть—епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣшивати. А скривителю, а кому приказано, того блюсти близко смерти; а животъ его на трое: треть живота св. Софіи, а другая треть св. Иоанну, а третья треть сотскимъ и Новуграду. А епископу не управитъ того за все дати ему слово пѣ девъ великаго суда. А печаловатися же ему о томъ управленіи, якоже и о дунахъ человеческихъ. Аще же управитъ епископъ сія управленія наша, блаженъ будетъ и небесному царствію наслѣдникъ, а не урядитъ—мы то съ своей души сводимъ.

А се церковныя люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылостъ: поддѣя, чернецъ, черница, пришлецъ, свѣшегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задупный человекъ, изгой трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одождаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ; монастыреве, больницы, гостиницы, странноприимныя, то люди церковныя, богатыи, или митрополитъ, или епископъ: тѣ вѣдають между ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница, или будетъ иному человеку съ тѣми людьми рѣчь или общій судъ,—своимъ тиуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти; а съ суда давати 9 частей князю, а 10-ю св. Софіи за княжу душу. А кто преобидать суды церковныя платити ему собою: а предъ Богомъ тому же отвѣдати на еяраниомъ

судѣ предѣ тмами ангелѣ, и дѣже кождо дѣла не скрываются, блага же и зла, и дѣже не поможетъ никтоже никомуже; но токмо правда избавить отъ вторыя смерти, и отъ вѣчныя муки, и отъ огня негасимаго,—и коже есмь управилъ по святымъ отецъ правиломъ и по первыхъ царей и князей урещенію. А кто иметъ преступати сіе правило—или дѣти мои, или внушата, или правнучата, или въ коемъ городѣ наместникъ, или пунъ, или судіи, или кто инъ, а побидитъ суды церковныя: да будутъ прокляты въ сій вѣкъ и въ будущій седмю Соборы св. Отецъ вселенскихъ. А та вся дѣла приказавъ св. Софій и всему Новуграду моимъ мужемъ десяти сотскимъ: вы соблюдаете; а не соблюдете, и вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предѣ лицомъ Царя славы. Аминь.

А се изыскахомъ: у третьей жены и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнѣ животомъ, ино дасть дѣтемъ третей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. А человеку ся получаетъ по грѣху занеже прелюбодѣйнію не благословеніи Богомъ. И азъ самъ видѣхъ тяжку прошежу первю женою и дѣтей съ третью женою, и съ дѣтми и съ четвертою женою, и съ дѣтми. Изъ велика живота дати урочная часть по оскуду (по малу), а изъ мала живота, како рабочичицу часть, конь да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота: а тое все приказавъ епископу управлять, смотря въ Номоканонъ. А мы съ своей души сводимъ.

(Ист. рус. ц. Макарія II, пр. 467.)

См. Прѣв. Собес. 1864. III. 205 460. Повѣсти о вѣч. и оснѣв. Печерск. мон. Искровъ. 1849. 98. Вѣстн. Евр. 1818. № 15 в 16. Труды общ. вѣст. III, кн. 1.

165. Уставная новгородс. кн. Всеволода Мстиславича, данная первымъ св. Иваномъ Предтечи на Опокахъ до 1136.

Се азъ князь в. Гаврилъ, пореченный Всеволодъ, самодръжець Мстиславичъ, внуку Володимиръ, владычествующю мнъ всею Рускою землею и всею областію новгородскою, божіимъ благоволеніемъ поставилъ есмь церковь святыи великыи Иванъ на Петратинѣ дворищѣ, и устроилъ есмь ю иконами многоцѣнными, и евангеліемъ многоцѣннымъ, и всѣми книгами исполнь, устроилъ есмь попы и дьяконы въ сборнои великой церкви. И даю великому св. Ивану, отъ своего великоимѣнія, на строение церкви и въ вѣкъ, пѣтъ вошанной, а въ Торжку пудъ вошаной, половища св. Спасу, а половина св. вел. Ивану на Петратино дворище; а оброка попомъ, и дьякону, и дьяку, и сторожамъ изъ вѣсу вошаного имати: попомъ по 8 гр. сер., а дьякону 4 гр. сер., а дьяку 3 гр. сер.; а сторожамъ 3 гр. сер.; а имати имъ той оброкъ и въ вѣкъ, на всякій годъ, по моему данью в. князя Всеволода. А попомъ пѣти у св. Ивана всенедвенная, у св. Захарьи на полатѣхъ пѣти по недѣлямъ, и въ вѣкъ; а дьякону пѣти у св. Ивана субота да недѣля, изъ того оброка, и въ вѣкъ. И азъ князь в. Всеволодъ поставилъ есмь св. Ивану 3 старосты отъ житыхъ людей и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцовъ 2 старосты, управлвати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не встушати, и инымъ посадникомъ въ Иванское ни въ чтожо, ни бояромъ новгородскимъ. А кто хощетъ въ купечество вложиться въ Иванское, дасть купецемъ пошлымъ вкладу 50 гр. сер., а тысяцкому сукно Ильское, ино купцамъ положить въ святыи Иванъ полътретьядцать гр. сер., а не вложится кто въ купечество, не дасть 5 гр. сер., ино то не по

пшый купецъ, а пошлымъ купцемъ ити имъ отчиною и вкладомъ. А вѣсити имъ въ притворѣ св. Ивана, гдѣ дано, ту его и дрѣжати; а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ пошлымъ, добрымъ людямъ, а не пошлымъ купцемъ старостеніа не дрѣжати, ни вѣсу имъ не вѣсити Иваньского. А у гостя имъ имати: у низовьского отъ дву берковеска вошанныхъ полъгривнѣ сер. да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьскаго по двѣ гривны кунъ отъ берковьска вошаного, у Новгородца 6 мордокъ отъ берковеска вошаного. А куны имъ класти св. вел. Ивана въ домъ, что вывѣсать, по правому слову; а Новгородцю не вѣсити ни на котораго гостя. А по моемъ живетѣ в. ки. Всеволода, стояти за домъ св. вел. Ивана брату моему в. князю всея Руси и владыцѣ новгородскому, и старостамъ купецкимъ и купцамъ, и за вся церковники св. Ивана; а взяти князю вел. изъ вѣсу вошаного полътретьяцать гр. сер. черезъ годъ. А праздникъ Рождество св. вел. Ивана почестъ створити и праздновати старостамъ купецкимъ и купцамъ; а имати старостамъ купецкимъ и купцамъ изъ вѣсу изъ вошаного на полъ третьяцать гривенъ серебра, на всякій праздникъ св. Ивана и въ вѣкъ; а старостамъ купецкимъ св. вел. Ивана ставити на праздникъ св. Ивана 70 свѣчъ, и темъянъ и ладанъ. А ити въ праздникъ владыцѣ, а старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыцѣ гривна серебра да сукно Ильское; а на заутрѣ ити анхимандри-ту св. Егоріа, а взяти ему полгривнѣ серебра; а на третей день ити игумену св. Богородици изъ Олѣтнова монастыря, взяти ему полгривнѣ серебра. И изъ князь в. Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ св. вел. Ивана Петратино дворще съ купецъ въ Русь, на память княземъ великимъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купецъ тая старина и въ вѣкъ: съ тверскаго гостя, и съ новго-

родскаго, и съ бѣжицкаго, и съ деревьскаго, и съ всего поюстья. А бueвище Петратино дворще отъ прежнихъ дверей св. в. Ивана до погреба, отъ погреба до Концаньскаго мосту; а того бueвища имати куны старостамъ Иваньскимъ и старостамъ Поберескимъ, а класти куны въ домъ св. в. Ивана. А поповъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ при-зирати старостамъ Иваньскимъ, и купцамъ и старостамъ Поберескимъ и Побережаномъ. А въ дому св. Ивана не дрѣжати никому ничего же, но развѣ свѣчи и темъяна. А городу, ни владыцѣ, ни бояромъ вѣсу не огъивати у св. в. Ивана, ни продавати моего данья в. князя Всеволода; а кто почнетъ вѣсѣ огъивати, или продавати, или домъ обидѣти св. в. Ивана и св. Захарьи, на того Снасъ и Пречистая и св. великий Иванъ, будетъ имъ тма, и съблзнь, и казнь божія.

(Доп. къ А. Истор. I, № 3. Рус. Достоян. 1815 г. 1, 76).

166. Уставаа грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископѣ Смоленской 1150.

1. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Богъ и св. Богородица и отца моего молтва, приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людьми своимъ, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ створити; но есть здѣ первѣ сего не бывало епископы, да изъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископомъ, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и во свое княжене, еже ми Богъ далъ и и отца молтва. А се даю св. Богородици и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунамъ, и съ виною и съ продажамъ, и не надобѣ ихъ судити никакому же человеку. И се даю св. Богородици

и епископу десятину отъ всѣхъ дани смоленскихъ, что ся въ нихъ сходятъ истыхъ купъ, кромѣ продажи, и кромѣ вары, и кромѣ полюдья: у Вержавлянѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ кто жъ свою дань и передѣлѣштужины, по снѣзъ, кто что мога, а въ гѣхъ погостехъ, а нѣкоторый погибнетъ, то ти и десятины убудеть, и въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходятся дани осемьсотъ гривенъ, а передѣла сто гривенъ, а на шужиныхъ сто гр., то ти изъ того взяти епископу въ св. Богородици сто гр.; а во Врочанихъ 200 гр., то ти изъ того взяти епископу 20 гр.; а въ Торончи дани четьреста гр., а епископу съ того взяти 40 гр.; а въ Жижици дани 130 гр., а съ того епископу взяти 13 гр.; а въ Касили 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Хотиниѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Жабачевѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Воговяти дани 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Шуйсѣи дани 80 гр.; а изъ того епископу 8 гр.; а въ Дешняныхъ 30 гр.; а изъ того епископу 3 гр.; а въ Вельскѣи дани 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а на Былевѣ, дани 20 гр., а и епископу изъ того 2 гр.; а въ Бортинѣхъ на одной сторонѣ 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а въ Битринѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны; въ Жидячичихъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; въ Басѣи 15 гр., а епископу изъ того полторы гривны; въ Мирятичехъ дани 10 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Добрятинѣ дани 30 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Доброчковѣ дани 20 гр., а изъ того епископу 2 гр.; въ Бобровицѣхъ дани 10 гр., а изъ того епископу гривна; на Дѣдогостичехъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; а въ Зарубѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гр.; а въ Жени дани 200 гр. у Велицкѣи, изъ того

св. Богородици и епископу 20 гр.; въ Паницы дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны, а въ гостинѣи дани невѣдомо, а что ся соидеть, изъ того св. Богородици и епископу десятина; въ Солодовницѣхъ 20 гр., изъ того св. Богородици и епископу 2 гр.; въ Путинѣи приено платятъ 4 гр.; Въници 2 гр., корчмыти полпаты ($4\frac{1}{2}$) гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гр., гость 7 гр., а изъ того св. Богородици и епископу 3 гривны безъ 7 ногатъ; на Коньскѣ полюдья 4 гр., а перевоза 4 гр., а торгового 4 гр., а корчмыти невѣдомо, но что ся соидеть, изъ того десятина св. Богородицы; у Кречета дани 10 гр., а св. Богородици и епископу гривна; въ Лучинѣ полюдья... гривны, а мыта и корчмыти невѣдомо, но что ся соидеть, изъ того епископу десятина; во Обольи гостинная дань, и что ся въ ней соидется, изъ того св. Богородици и епископу десятина; во Искоуѣ дани 40 гр., а изъ того св. Богородицы и епископу 4 гр.; Суждали Залѣская дань, аже воротитъ Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того св. Богородицы десятина; у Вержавску въ городѣ 3 гр. десятины св. Богородицы; въ Лодѣицѣхъ 10 гр. дани, а изъ того гривна св. Богородицы. И се дань изъ Торонча отъ всѣхъ рыбѣ, иже идеть ко мѣзъ, десятину св. Богородицы и епископу;... что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, либо княжа, либо княгиница, или чѣи ся хотя, правити десятину св. Богородицы, безъ всякаго отпущу дѣяти. Село Дросенское, со изгон и съ землею, св. Богородицы и епископу, и село Ясенское, и съ бортинкомъ и съ землею и съ изгон, св. Богородицы; и се есмь далъ землю въ Погомовичехъ Мойминскую св. Богородицы и епископу, и озера Нимикорская и съ сѣножатми, и уѣздъ княжъ, и на Сверковскѣ лукахъ, сѣножати, и уѣздъ княжъ озеро Колодарское, св. Богородицы. И се

даю на посвѣтъ св. Богородици, изъ дво-
ра своего, осмь каинъ воску и на горѣ
огорѣдъ, съ канустипкомъ и съ женою и
съ дѣтми, за рѣкою, тетеревику съ же-
ною и съ дѣтми, св. Богородици и епи-
скопу. Бысть мое сотщаніе къ св. Бо-
городици, по повелѣнію сятаго отца мо-
его, чтожъ мога, тожъ даю. А тяжъ
епископихъ не судити ни комуже, су-
дитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа
роспустъ; другая тяжа, сажъ водитъ кто
двѣ жонѣ; третья тяжа аще кто пойметъ
ся чрезъ законъ; а четвертая уволочкал,
ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возиетъ
князь, съ епископомъ наполю, или по-
садникъ чтъ взметъ свои тяжи, то съ
епископомъ наполю; а пятое ажъ ту же-
ну, то епископу; шестая вопросъ, а то
епископу зелья и душегубства тяжа епи-
скопа; есмая ажъ бѣтася двѣ женѣ, то
епископа тяжа; ажъ церковный человекъ
дойдетъ чего, то своему епископу; девя-
тая ажъ кого Богъ отвѣдетъ церковныхъ
людей, а не будетъ заа илчегу церкви.
Да язъ молюся и уставилъ есмь епи-
скопу, порученъ Смоленскъ Богомъ и
дѣднею и отцовою молитвою, да се язъ
князь Ростиславъ, съ первымъ еписко-
помъ своимъ Маноиломъ, да се уставлю
язъ. Ажъ будетъ или тяжа, или прода-
жа епископа, да не надобѣ ни князю,
ни посаднику, ни тивуну, ни иному ни-
комуже отъ мала и до велика, и по всей
волоости смоленской. Се же нынѣ, съ
божьею помощію и со св. Богородицею,
въ сн днш поимъ дани, а по семъ, что
Богъ устроитъ: по божью строю чи кото-
ра дашъ оскулѣть, или ратью, или коня
образомъ, по силѣ, что почнетъ давати ты
дани, а язъ того десятина св. Богородици.
Да сего не послуживай никто же по мо-
ихъ днѣхъ, ни князь, ни людіе; аще ли
кто посудитъ сіа грамоты, что есмь далъ
къ св. Богородици, да той отвѣчаетъ въ
страшный день св. Богородици, и сіа
клятва будетъ на немъ, а язъ буду безъ

грѣха. Паки ли приложитъ кто сію
епископью опять къ Переяславскій епи-
скопъ завѣстию, переступая слово св.
митрополита русскаго Михаила, а разру-
шить сію епископью смоленскую: то князь
отымѣтъ свое опять, еже былъ уставилъ
епископу простроивати св. Богородици,
дажъ кто разрушитъ сей замыселъ сятаго
отца моего Мстислава и м-та русскаго
Михаила. Се язъ грѣшныи сынъ Мсти-
славъ, надбѣся на Матерь божью, на св.
Богородицу, уставлю сію епископью;
дажъ кто разрушитъ ю, да самъ отвѣ-
чаетъ св. Богородици и сіа клятва св.
Отецъ буди на немъ, а язъ буду безъ
грѣха.

II. Се язъ худый и грѣшныи и не-
достойныи епископъ Маноилъ, съ благо-
роднымъ и христіюбнымъ княземъ мо-
нимъ Михайломъ, утверждаетъ еже написа-
на, утвержена и сотворена, о благодати
и благословеніемъ св. Духа поставленни-
комъ моимъ м-томъ русскимъ кяръ Ми-
хиломъ, при благовернѣмъ и христію-
бнымъ князю моимъ кяръ Михайлѣ, и
утверждалъ уставъ церковный, именемъ
Ростиславъ, по отца своего сятаго мол-
твы и повелѣнію его, уставилъ естъ
епископью смоленскую. Дажъ кто по
моемъ князи или по мнѣ, переступитъ
или посудитъ сію грамоту и уставъ ось,
или князь или инъ кто, да будетъ
ему Богъ противенъ, въ день су-
дныи, и въ святая Богородица,
да будетъ проклятъ отъ св. апостолъ и
св. Отецъ 300 и 18, иже повелѣша: въ
какій градъ достоинъ епископу быти, да
поставитъ и отъ всѣхъ святыхъ, аще кто
разрушитъ се, да будетъ прѣклятъ. Или
епископъ который начнетъ, несытствомъ,
хоть ита въ Переяславъ и сію еписко-
пью приложити къ Переяславу, да буди
ему клятва, яже се прежде писана и св.
м-та русскаго Михаила, иже составилъ
сію епископью; или отдастъ что и не
правити вмѣстѣ св. Богородици, еже естъ

написано здѣ буди ему тая же клевета
я буди ему анаѣма. И се, и еще, и
Холмъ даю св. Богородици и епископу,
лко же дано дѣдомъ моимъ Володимѣромъ
Семеоновичю преже епископу, строить на-
рядъ церковный и утверженіе. Въ лѣто
6659, пидикта 14, м. септѣбря 30.

III. А се погородіе отъ Мѣстислава
6 гривенъ урока, а почестья гривна и 3
лишца; а се отъ Крупля гривна урока,
а 5 ногать за лисицу; а се отъ Вер-
жавска 2 гривнѣ урока, а 5 ногать за
лишца; а се отъ Вержавска 2 гривнѣ
урока, а за 3 лишца 40 кунъ безъ на-
гаты; а се отъ Копосы 6 гр. урока и
2 лишца, а почестья 35 кунъ; а се
отъ Подина урока полторы гр., а за двѣ
лишца 22 кунъ; а отъ Лучина 3 гр.
урока и 2 лишца, и осетръ; а се отъ
Ростислава 3 грив., а отъ Почестья
гривна и 4 лишца; отъ Вланы урока 3
гр. и лишца; а Изяславле... се у То-
ропчи урока 40 гр. и 15 лишца и 10
черныхъ кунъ, неводъ, тре...ца, бред-
никъ, свои сани рыбы, половочникъ, 2
скатерти, 3 убрусы, берковескъ меду;
а се въ Жижичи 5 гривенъ, а почестья
гривна и лишца; а у Дорогобужа 3 го-
ны короткия, а почестья гривна, 5 ли-
шца.

(Доп. къ А. Ист. I, № 4).

См. также церковныя правила митрополитовъ
Іоанна, Кирилла II, (выше № 120), Максима, Пе-
тра и Кипріяна. Рус. Догр. I, 86. Ист. Рус. Ц.
Макарія, II, пр. 430, стр. 345 — 352. Прап.
Собес. 1865. — № 1, 5. Вопросы каноническія и
отвѣты см. ниже.

167. Ярлыкъ ханши Тайдулы Алексѣю м-гу 1353—7.

По Занебекову ярлыку, Тайдулы сло-
во, Къ темнымъ и къ тысячнымъ кня-

земь, и сотникомъ, и десятникомъ, и во-
лостелемъ, и городнымъ дорогамъ и кня-
земъ, и мимохожимъ посломъ, и ко мно-
гимъ людямъ, и всемъ приказникомъ.
Сей Алексѣй м-тъ, коли поидеть ко Ца-
рю-граду, и здѣ кто не будетъ, чтобъ
его не замалп, ни силы бѣ надъ нимъ
не учинили ни какіе, или гдѣ ему лу-
чшея постанти, чтобъ его никто не дви-
нулъ, ни коней его не имали, заеже за
Занебеска царя, и за дѣтей его и за
насъ молитву творить, такъ ося моли-
ли. А кто паки силу учинитъ и отъ на-
великой пошлѣи перемолитъ самъ, такъ
молва, пишениую грамоту дали есмя. Естя
году, Арама мѣсяца, во 2 ветка. Орда
кочевала на Гулястанѣ. Написано. Семиръ
Хадча жалобу положилъ.

(Собр. госуд. грам. II, № 10).

168. Ярлыкъ хана Атыяка Михаилу м-гу вѣвскому ок. 1379.

Безсмертнаго Бога силою и величест-
вомъ. Изъ дѣдъ и изъ прадыдъ, отъ пер-
выхъ царей и отъ отецъ нашихъ, Аты-
лякъ царь слово рекъ Мамаевою мыслію
ладивою. Орднскимъ и улуснымъ вѣбъ
и ратнымъ княземъ, и волостнымъ доро-
гамъ и кишемъ, и писцамъ, и таможи-
комъ, и побережникамъ, и мимохожимъ
посломъ, и сокольникомъ, и ордуеникомъ,
уралоеникомъ, и этникомъ, и заставщи-
комъ, и лодейникомъ, или кто на каково
дѣло не поидеть, и многимъ людямъ.
Отъ первыхъ царей, при Чаггисъ царь,
и во немъ иные цари, Азизъ и Берде-
бекъ, и тѣмъ жаловали церковныхъ людей,
а они за нихъ молились. И весь чптъ
пошовскій, и вси церковныя люди, не
только жаловали ихъ, какова дань ни бу-
ди, или какап пошлѣна или которые до-

ходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы, или тѣмъ церковнымъ людямъ не видѣти, ни слышити того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, все тѣ, обмыскавъ ярлыки подавали. И были мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши, и думавши, и думавъ, не изыскаваемъ первыхъ ярлыковъ, потомужъ сего м-та Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздастъ. И тако есмя его пожаловали, что не надобь ему, ни его людей, ни всемъ церковнымъ богомольцамъ, попомъ, и чернцомъ, и бѣльцомъ, и ихъ людямъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни коритъ, ни питье, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ ни какова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣзное, ни ставовое, ни въѣздное, ни мнѣходное на дорожѣ послу, ни боемаку, или которому моему пошлянику; и что церковные дома, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, стада конскіе, скотъ и овчье, или что не буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаютъ никто, ни пасыла да не творять имъ никакова, а кто будетъ взялъ не вѣдая и онъ отдастъ безпосудно. А въ церковныхъ домѣхъ не стави никому, не рушити ихъ; а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ, а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ отъ насъ не животною казнию казненъ будетъ; а кого мылахъ пословъ или пошлянниковъ убьютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телегатиѣ; а кого намъ убьютъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты, Михаила м-тъ, возмолви, что такъ есмя пожаловалъ, да тѣмъ

домовъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и виноградѣхъ, или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошляну, или то на тебѣ. Или кто учинитъ татибу, или ложь, или иное, какое злое дѣло, а не не имешь того смотрити, или слуги твои почвуть какову нужу церковнымъ людямъ твоимъ творити, или то на тебѣ; и ты самъ вѣдаешь, каковы отвѣтъ Богу за то воздати, а тотъ грѣхъ на тебѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ, но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молялися, поспеже ты преже, а они потомъ; а мы о томъ ничего не моляемъ. Такъ рѣкши утвердихомъ со алою лентою ярлыкъ. Дали есмя овечья лѣта, дарыка въ 708-е лѣто, соугато мѣсяца, въ 10 день нова. На великомъ лузѣ на рѣчюмъ Орда кочевала. На писано.

(О достовѣрн. ярлыковъ. Григорьева. М. 1842).

169. Грамота митроп. Кипріяна Псковичамъ, 1395 г. мая 12.

Се язъ Кипріянь митрополитъ кіевскій и всія Русь. Что есмь слышалъ, ажъ въ Псковѣ міране судятъ поповъ и казнятъ (наказываютъ) ихъ въ церьковныхъ пещѣхъ, или то есть кромѣ хрестіянскаго закона: негодится мірлякомъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто ихъ ставитъ святителемъ, но тѣ ихъ я судятъ и казнятъ и учить. А вы бы есте, дѣти моя, Псковичи отъ велика и до мала, чтобы есте не судили поповъ, ни казнили ихъ, грѣха бы есте на свою душу не имали, ни зарока бы есте на всѣ Псковичи чинили. Слышалъ есмь и то, что попы и некоторые молодцы да оздо-

вѣли, а ни поповство оставили да поженилися; и того вамъ также не годится судить, чтобы есте ихъ не занимая (не трогали) ничья; вѣдаеть то Святитель, кто ихъ ставить, тотъ и поставить и извержеть (лишитъ сана), и судить и казнить и учить; а вамъ негодится оъ та дѣла вступатися. А кого церкви Божья и Святитель огласить, и вамъ по тому оглашенію годится такъ же держати его. *А что земли церковныи или села, купили ли будутъ, или кто будетъ далъ, умирая, которой церкви; а въ тѣ бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церкви Божьей не изобиужена была, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога.* Сего ради и азъ, по сану и по области (власти), юже ми далъ Богъ, учю васъ своихъ дѣтей, а вы моего слова слушайте; а кто сея грамоты не послушаетъ, не буди божья мняости на немъ, ни моего благословенія; или кто послушаетъ, а мнѣость божья на васъ. А дана грамота въ В. Новгородѣ, м. мая въ 12 день мѣдвѣкта 3, въ лѣто 6903.

(А. Ист. I, № 9).

170. Уставная в. к. Василія Димитріевича и митр. Киярина 1390—1402.

Се азъ князь великій, сѣдъ съ своимъ отцемъ митрополитомъ кievскимъ и всеа Руси, управивъ есмь о до-мѣхъ о церьковныхъ и о волостехъ, и о земляхъ, и о водахъ, и о всѣхъ помѣ-нахъ о церковныхъ. Судити м-ту Луховца съ волостелемъ или съ доводишникомъ, а судитъ моему вел. князю не быти; а боярамъ и слугамъ князя в. и митрополитамъ земли луховскихъ не купити, а ко-

торымъ будутъ покупая, а тѣмъ лѣзти (идти) конѣ, а серебро свое взяти. А имати мнѣ князю в. дани съ Луху въ выходъ по своей грамотѣ по оброчной, а лише того оброка не имати; а бѣлки, ни рѣзанки, не имати князю в., но м-ту. А что Луховци ставливали хоромы на князя в. дворѣ въ Володимирѣ, яно то обыскано, что то было учинялося ново, не по помянѣ, а вышѣча неподобъ Луховцемъ ставити хоромовъ на князя в. дворѣ. А Сенегъ его по тому, какъ обыскано и управлено по старинѣ: кое князя в., то князя в.; а кое церковное митрополичъ, а то митрополиче; а данъ имати съ Сенгу въ выходъ по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати. А что села отца нашего митрополича церковныи, которыхъ даваны издавна и до Олекса м-та и тѣ села потянутъ къ митрополиту, какъ и при Олексѣ м-тѣ тягли; а на тѣхъ селѣхъ данищю и бѣлицю моему князю в. не быти, а данъ имати съ тѣхъ селъ въ выходъ по оброку по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати; а ямъ по старинѣ 6-й день, а коли мои села князя в. дадутъ тогда и митрополича дадутъ. А что люди митрополича живутъ въ городѣ, а тянутъ къ дворцу, а тѣхъ описавъ да положить на ихъ оброкъ, какъ и на моихъ князя в. дворянъ. А Костянтинѣовскій монастырь извѣстный митрополичъ и съ селы; также и Борисоглѣбскій монастырь и съ селы, какъ тягли издавна и при Олексѣ м-тѣ пономужъ и вышѣча потянутъ. А что села помяне (даване) монастырскія, въ тѣ села мнѣ князю в. не всылати, ни судити: вѣдають ихъ и судятъ игумены; а будетъ судъ смѣсной ⁽¹⁾, яно прибытокъ

(1) Смѣсной судъ, въ которомъ тяжущіеся будутъ и княжескіе и церковные люди.

въ колы. А который человекъ мой князя в. ударитъ челомъ на игумена, или на попа, или на черныца, ино судъ вобчой; а не пригодится митрополита въ вел. княжеви, коля будѣ отъѣдетъ въ свою митрополию даѣѣ, а ударитъ кто челомъ мнѣ князю в. на митрополича, и мнѣ князю в. судити; а будетъ судъ свѣсноу, ино прибытокъ на полы; а будетъ митрополичъ судъ, ино судитъ митрополичъ *намыстники*. А также будетъ кто ударитъ челомъ мнѣ в. князю на митрополича *намыстника*, или на десятичника, или на волостеля, и мнѣ князю в. судити самому. А митрополичимъ людямъ церковнымъ тамги не давати, какъ было и при Алексѣи м-тѣ; кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не дастъ; а который имеетъ прикупить которыми торговати, а тотъ тому дастъ. А коли данъ дати въ Татары, тогда и оборокъ дати церковнымъ людямъ: а коли данъ не дати въ Татары, тогда и оборокъ не дати церковнымъ людямъ; а съ Луху потому же отца нашего м-та киевского в всеа Руси. А про войну, коли язъ самъ князь в. сяду на конь, тогда и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводоу, а подъ стягомъ (*знаменемъ*) моимъ и. Князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю м-ту, а приказался ново митрополиту, а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводоу в. князя, гдѣ который живетъ, и въ подъ тѣмъ воеводоу и есть. А сборного м-ту имати съ церкви 6 алтынъ, а заѣзда 3 денги, а болши того не надобѣ ничто; а десятинику на десятину насѣдъ имати за въздное, и за божественное, и за петровское, пошланы 6 алтынъ, а болѣ того не надобѣ ничто; а имати сборное о Рождествѣ Христовѣ, а десятинику имати своя пошланы о Петровѣ дни; а которые съборные церкви во городѣхъ не давалили сборного при Θεогности м-тѣ и при Алексѣи м-тѣ, тѣмъ и нынѣча не

давати. А слугъ моихъ князя в. и моихъ давныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити; а который поповичъ хотя будетъ писанъ съ мою службу, а всхочетъ стати въ попы или въ діаконы, ино ему волно стати; а поповичъ, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣсть отцовъ, ино той митрополичъ: а который поповичъ отдѣленъ и живетъ отчуждъ, а хлѣбъ ѣсть свой, а то мой князя в. А писана грамота на Москвѣ, м. июня въ 28 день, индикта въ 12, въ лѣто 6900.

(А. Арх. Эксп. I, № 9).

См. Ист. гос. рас. V, пр. 233. Опис. Киево-роскош. соб. пр. № 3.

171. Грамота архіеп. новгородс. Іоны 1458—1471.

По благословенію преосв. господина и осподаря архіеп. В. Новгорода и Пскова владыки Іоны, се урядишася христіане Робииччане ⁽¹⁾ съ архиман. Григоріемъ и съ попы и съ черенци Юрьева мон. Феодоре, Смене Онукиянове, Овидоте Максимове, Софонтеи Васильеве, Петре Сидорове и вси христіане Робииччане: давати имъ успы (*отсыпного хлѣба*) въ жатняцю 30 коробей ржа, 30 овса, в правую мѣру в Новгородскую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ въ монастырь св. Спаса и св. Георгия. А поселицамъ поселѣ по старинѣ. А коли архимандритъ пріѣде на подѣздъ: стояти ему на стану двѣ ночи. А пива положить христіаномъ довольно. А хлѣба и вологи рыбное и мясное довольно. А конемъ овса и

⁽¹⁾ Робиичинский волос, крестьяне въ Старорус. у.

стѣи доволно. А дару архимандриту на томъ стану 2 гривень. Столику полкоробья ржи; Чашику полкоробья ржи; полу съ чернцомъ коробья ржи; дякошу четвертка; повару съ конюхомъ коробья ржи; молодцамъ коробья ржи; козначю съ повозникомъ четвертка ржи; приста- вомъ новгородскимъ полкоробья ржи. А коли архимандритъ на подѣздъ не поѣде: ино тогда пошлиникомъ поплыны вси не вадобѣ. А архимандритъ даръ 5 гривень

иостанити хрестьяномъ в монастыри. А не почнуть хрестьяне управиватися в тѣхъ уснахъ и въ тѣхъ пошлинахъ, ино увѣдается съ илии архимандритъ и поны и черяцы по старымъ по книжымъ гра мотамъ и по новгородскимъ.

Подлинныя писана на пергаментъ.

(Чт общ. 1861, 2, III).

Б. П Р Е Д А Н І Е.

172 Видѣніе Спасова образа

Во св. Софѣи премудрости божіи, въ В. Новѣградѣ, во время божественныя службы, стоялъ Дмитрей Ласкиревъ, и призва софѣйскихъ священниковъ Проконія съ товарищи, и возвратъ на образъ милосерднаго Спаса, яже и донныя стоятъ на правомъ клиросѣ, на столѣ, протаво мѣста владычня, и вопрошавъ ихъ Дмитрей: вѣдомо ли вамъ про ту икону каковъ слухъ? Они же ему отвѣщали: слухъ, господине, таковъ, что не одна та икона изъ Корсуля привезена греческаго писма. И Дмитрей отвѣща: у насъ де въ мудрыхъ людей слухъ идетъ, да и писаніе въ нашей греческой земли есть, что та икона прежде Владимірова крещенія бѣ въ Царѣградѣ, а писмо Мануила царя греческаго: некогда, убо, бѣхъ царь Мануилъ на свою потребу, и узрѣ священника неподобно дѣлающа, и повелѣ на него возложить раны нещадно; и въ ту ночь явился Мануилу царю Спасъ тѣмъ образомъ, яко же на иконѣ написалъ Мануилъ царь, и рече ему царю: почто восхощаеши святитель-

скій судъ, егже ти непродахъ? тебѣ предано начальство въ челоуѣчѣхъ и отъ сущиестъ обороняти, святителемъ же повелѣно духовнѣхъ лаяати и рѣшати; и повелѣ Спасъ пришедшимъ, указываючи протистымъ своимъ перстомъ, яко же нынѣ видимъ на иконѣ написано, ангеломъ, возложить раны на царя Мануила Греческаго; и возбнувъ царь услышалъ раны тяжки на тѣлѣ своемъ, и возставъ притече ко иконѣ Спасовѣ, и узрѣ руку Спасову указующиу низу, а не такъ, яко же онъ написалъ прежде, и восплакася горѣцъ царь, и оттогъ неучалъ святительскаго суда восхощати. Та же и нынѣ чудотворная икона у Богородицы Успения въ соборной церкви стоитъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ; а здѣсь у Софѣи премудрости божіи, въ Новѣградѣ, списокъ съ того чудотворнаго образа Спасова стоитъ и донныя въ церкви на правой странѣ, протавъ владычня мѣста, приходящимъ православнымъ христіаномъ по поклоненію, еже и донныя арима есть.

(III Нов. 241—242 подъ 1045 г.)

2. ПО ДѢЛАМЪ СВѢТСКИМЪ.

А. НАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

173. Правда Росьская.

1) Оубьеть моужь моужа, то мьстятъ братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоу челоу, либо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьста, то 40 гривенъ за голову: аще боудеть роусиъ, либо грядиъ, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изъгон боудеть, либо словениаъ, то 40 гривенъ положить заць. 2) Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока челоу томоу; аще не боудеть на немъ знамениа никотораго же, толи привдеъ видокъ; аще ли не можетъ, тоу томоу конецъ. Оже ли себѣ не можетъ мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю пѣзда. 3) Аще ли кто кого оударитъ батогомъ, либо жердью, либо плетью, или чашею, или рогомъ, или тылесною: то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити емоу: то ту кошець. 4) Аще оутнеть мечемъ, а не вынемъ его, либо роукою: то 12 гривнѣ за обиду. 5) Оже ли оутнеть роукою, и отпадетъ роука, либо оусохнеть: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начынетъ хромати, тогда чада смярять. 6) Аще ли переть оутнеть который либо: 3 гривны за обиду. 7) А во оуеъ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ. 8) Оже ли кто вынезъ мечъ, а не тнеть: то тѣмъ гривною положить. 9) Аще

ли ринеть моужь моужа, либо отъ себе, либо къ собѣ: 3 гривнѣ; а видока два выведеть, или боудеть варягъ или колаблягъ, то на рогу. 10) Аще ли челяднѣ съкрыется, либо оу варяга, либо оу колабляга, а его за три дни не выведеуть, а познають и въ третин день: то изымати емоу свои челядинѣ, а 3 гривнѣ за обиду. 11) Аще кто поидеть на чужемъ конѣ, не прошаъ его, то положи ти 3 гривнѣ. 12) Аще поймаеть кто чужь коня, либо оружье, либо портъ, а не познаеть въ своемъ миреу: то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обиду. 13) Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; иъ рци емоу тако: поиди на своѣхъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять днѣй. 14) Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ся заширати почнетъ: то ити ему на изводъ предъ 12 челоука, да аще боудеть обида не вдалъ боудеть достонно емоу свои скать, а за обиду 3 гривнѣ. 15) Аще кто челядинѣ пояти хошетъ, познавъ свои, то къ ономуу вести, оу кого то боудеть коупца, а тои ся ведеть о другомоу, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдай ты мнѣ свои челядинѣ, а ты своего скота ницъ при видоцѣ. 16) Или холопъ оударитъ свободна моужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинѣ начнетъ не дати его: то холопа поити, да платитъ господинѣ заць 12 гривнѣ; а за тымъ где его

палѣоути оудареннѣ тои моужь, да бьютъ его. 17) А иже изломитъ копьѣ, любо щитъ, любо портъ, а начнетъ хотѣти его держати оу себе, то приати скота оу него; а иже естъ изломалъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ емоу заплатити сколько далъ боудеть на пенѣ.

Правда оуставлена Роусьскыи земли, егда сѣ съзкоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыиникъ, Чюдишъ, Микудъ:

18) Аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити за нѣ 80 гривенъ оубици, а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ. 19) А иже оубьютъ огнищанина въ разбои, или оубица не ищоутъ: то впрное платити въ немъ же ви. р. в голова начнетъ лежати. 20) Аже оубиютъ огнищанина оу клѣти, или оу копя, или оу говада, или оу коровѣ: татбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ в тивоуицоу. 21) А въ княжи тивоуицѣ 80 гривенъ; а конюхъ старыи оустада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюшѣ, его же оубилъ Дорогобоудыи. 22) А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаниицѣ 12 гривенъ; а въ рядовниці княжѣ 5 гривенъ. 23) А въ смердѣ и въ хопѣ 3 гривенъ. 24) Аще роба кормилица, любо кормилячицѣ, 12. 25) А за княжѣ конь, иже тои сѣ пятномъ, 3 гривенъ; а за смердѣи 2 гривенъ. 26) За кобылоу 60 рѣзанъ; а за волю гривноу; а за коровоу 40 рѣзанъ: а третьякъ 15 коунъ; а за лоньщиноу полъгривнѣ; а за тели 5 рѣзанъ; за яра ногота; за боранъ ногата. 27) А оже оупедеть чюжъ холопъ любо робоу, платити емоу за обиду 12 гривенъ. 28) Аще же приидеть крававъ моужь любо синь, то не некати емоу послуха. 29) А иже крадетъ любо конь, любо волю, или клѣтъ, да аще боудеть единъ крадъ, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу; или ихъ будеть 18, то по трі гривенъ и по 30 рѣзанъ платити моужеву. 30) А въ

княже борти 3. гривенъ любо пожгутъ, любо изоудроутъ ⁽¹⁾. 31) Или смердъ оумочать, а безъ княжа слова, за обиду 3. гривны. 32) А въ глищанинѣ и въ тивоуицѣ и въ мечици 12 гривенъ. 33) А иже межоу переоретъ любо перетесъ, то за обиду 12 гривенъ. 34) А оже лодью оукрадетъ, то за лодью платити 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 35) А въ голоубѣ и въ коурати 9 коунъ. 36) А въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жаравѣ, и въ лебеди 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 37) А оже оукрадоутъ чюжъ песь, любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3. гривны. 38) Аще оубьютъ тата на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тѣи оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжѣ дворъ; а оже ли оубьютъ, а люда боудоутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ ⁽²⁾. 39) Оже сѣио крадоутъ, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ. 40) Аже оукрадоутъ овъцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одноу овъцоу оукралѣ, да положить по 60 рѣзанъ продажи. 41) А хто изымалъ, тому 10 рѣзанъ; а отъ грине мечликоу коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривноу емъцо 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривенъ, а князю 10 гривенъ.

42) А се поклонъ вирници: вирникоу взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тѣже овеиъ, любо полоть, или двѣ ногатѣ; а въ средѣ рѣзаноу, въ три же сыры, въ пятицоу такоже; а хлѣба по колькоу моугоутъ ясти и ошена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и соутти имъ на

⁽¹⁾ Къ этой статьѣ въ список Ростовскаго прибавлено: а въ смердѣ 2 гривенъ (чит. гривенъ).

⁽²⁾ За этой статьѣй въ список Ростовскаго слѣдуетъ непосредственно слѣдующая статья, которой недостаетъ въ список Академическомъ: Оже убьютъ тата, а подымутъ ноги во дворѣ, или убьютъ, или подымутъ ноги за вороты, тогда платити въ немъ.

ротъ только могутъ зобати; а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣзерки; а передъ гривна: или ся пригоди въ говѣніе рѣбамъ, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ: тѣ вѣхъ коупъ 15 коунъ на недѣлю; а боротна только могутъ изъести. До недѣли же виро зберуть вирниці. То ти оурукъ Ярославъ.

43) А се оурукъ мостъниковъ: аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, а отъ городниці ногата; аще же боудеть ветхаго моста подтвердити нѣколько доскъ, или 3, или 4, или 5, то тоже. —

(Текстъ Рус. Правды. Изд. Н. Калачова. М. 1847).

Здѣсь напечатана Рус. Правда по Академич. сп. XV в. Объ источн. Рус. Пр. у Калачова Предварит. юрид. свѣд. для объясн. Рус. Пр. М. 1846, 1—43.

Русская Правда не есть только документъ, но преимущественно источникъ и выраженіе права, господствовавшего въ древнѣйшей Руси. Ярославъ, какъ и послѣдующіе князья-законодатели не были сочинителями, авторами Правды, а только собирателями и редакторами юридическихъ убѣжденій, господствовавшихъ въ ихъ время въ народѣ. Эти убѣжденія приобретаются медленно, мѣняются еще медленнѣе, и служатъ почвою для сборниковъ цѣлыя вѣки. Чего не подмѣтитъ и не соберетъ одинъ изъ законодателей, остается въ народныхъ обычаяхъ до слѣдующаго дѣлателя, который вноситъ въ акты свой личный сборъ, и вызываетъ наследниковъ къ той же дѣятельности. И только всѣ редакціи вмѣстѣ могутъ послужить зеркаломъ всей суммы юридическихъ понятій и установленій извѣстнаго народа, въ извѣстную эпоху... (Рус. Нар. и Госуд. Дѣшкова. М. 1852 147. 208).

174. Князь Володимеръ рукописание 1287.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Приснодѣви-

ца Марья и святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и города, по своему животу, брату своему Мсти-славу, и столный свой городъ Володимиръ; другую же грамоту напсалъ брату своему такую же; хочю и еще и княгиню своей псати грамоту такую же.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Приснодѣвица Марья, святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту: далъ есмь княгиню своей, по животу своему, городъ свой Кобрынъ, и съ людьми и съ данью, како при мѣ даяли, тако и по шѣ ять (пусть) дають княгинѣ моей. Аже далъ есмь ей село свое Бородѣль, и съ мытомъ, а людѣе како то на мя страдалъ (работали), тако и на княгиню мою по моему животу; аже будеть князю городъ рубля, и ни къ городу, а побороу и Тогарьщанюу къ князю. А Саловое и Сомно же далъ есмь княгинѣ своей, и на настырѣ свой Апостолю же, создахъ и своею силою. А село есмь купилъ Березовицѣ Урьевича у Давыдовича Оодораа, а далъ есмь на немъ 30 гривенъ кунъ, 5 локоть скормата да бронѣ дощатые: а то е далъ есмь къ Апостолю же. А княгиня моя, по моему животу, оже восхочеть въ черницѣ пойти, поидеть; аже не восхочеть ити, а како ей любо, мѣ не воставишъ смотрѣть, что кто иметъ чинити по моему животу.

(Ипат. 215).

175. Духовная Новгородца Климента XIII в.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божий Климентъ даю св. Гер-

гью и игумену Варламу и всей братьѣ, что възялъ есмь 20 гривнъ серебра на свои руки св. Гургья, было жъ бы ничимъ заплатить. Даю за все за то два села съ обильемъ и съ лошадыми и съ бортью и съ малыми селящи, и пью и колода одерень св. Гургью, а заводникъ еусѣдъ мой Опаль. А Казисту есмь далъ Микшинское село съ огородемъ и съ бортью; а Воннови сыновя Андѣрѣю даю Самуиловское село и пью и колоду и съ бортью тоже есмь не даромъ далъ платилъ за мене Данило и Воянъ испкупъ. Литовскыи Володиславу Даниловичю даю сивыи жеребцы, а Василю брату даю щить Вѣиновскыи оже Вельянино вьскыи жеребцы. А свою жену приказываю игумену Варламу и всей братьѣ а изъ свиней изъ моихъ Самуилъ дайте боронъ лутьшии, а въ скотѣ—въ овцяхъ и въ свиньяхъ разделить съ женою моею на полы, а жена моя пострижется въ чернице, есть ей чимъ ся пострица, и дворъ городскыи ей же даю, а проче кланяюся игумену и всей братьѣ, а жена моя пострижется въ чернице, то вы дайте ей четверть, стъ не будетъ голодна или того не вьслушаетъ, а ничто мѣшае дадите ей. Хотя подо мною что оставѣтся или лошаки или оружье то все даю св. Гургью, а про купы чимъ то ся ми было вамъ платити въ кушѣрскомъ сѣтъ у Фомы 8 гривнъ възяте, а у Борьны 4 гривне, у Фомы у Морштыи особыи 2 гривне безъ 2-ю ногату, а на поральское серебро наклада възяти Климате на Борьке 13 ногате и гривна, а у Савиница съимати Климате съ Боркою пять гривнъ, а въ томъ Борьке третица, а у Козѣ—въгъши 2 гривне Климате възяти, а у Микшорца 40 резанъ, а Жихневѣ даи... у Хотѣвита възяти Климате гривна солоныхъ кушъ у... чьня полъ гривны у Къзя... а полъ гривны на Дуранѣ 7 гривнъ у Михальца полъ гривно у Еремѣя безъ 10 резанъ 2 гри-

вне, у Гургья 13 ногате, у Климае гривна у... тѣше гривна. И ли кто почнетъ ся заирати того, тѣ станеть со мною передъ Богомъ; а ты, Варламе, несправи. Того дѣля нависахъ за нѣ да не было у мене брата, ни сыну; аже кто вѣстунитъ на сю грамоту да не со мною съ однимъ ставеть прѣ Богомъ, съ всияхъ моихъ племенехъ (родствонъ).

(Свид. и Зам. о малозв. и неизв. памятн. Срезневскаго Спб. 1867. IV, 38—42).

Эта замѣчательнѣйшая грамота, касающаяся юридическаго быта Русскаго народа, объяснена дѣльбо.

176. Радная Тѣшата до 1299.

Се порядкъ Тѣшата съ Якимомъ про складство про первое и про заднее. И на дѣвѣ Якимъ серебро възлѣ. А мнѣста Тѣшатица у Якимовы жены свободна Тѣшата възяти. И рошеть учинила прѣжежи себе; а болѣ не надобѣ Якиму Тѣшата, ни Тѣшати Якимъ. А на томъ по слуси: Довыдъ пошъ, Дорожка Домославъ, Вѣкошкинъ Боянъ, Кузма Лойковичъ, Жидило Жихновичъ, Иванъ Смоляничъ. А кто сии рядъ переступитъ, Якимъ ли, Тѣшата ли, тотъ дастъ 100 гривъ серебра. А псалъ Довмоновъ псець.

(Зам. Археол. общ. III).

См. Радную XIV в. О малозвѣстн. памятн. III. 79—81.

177. Жалованная в. к. Иоанна Даниловича людям новгородского Юрьева монастыря, живущим на Волокѣ 1338—1340.

Се язъ князь в. Иванъ Даниловичъ псеа Руси, пожаловалъ есмь, Бога дѣла и св. дѣла Юрья, архимандрита Есифа и всей братии: что земля св. Юрья на Волоцѣ, кто сядеть на земли св. Юрья, далъ есмь имъ волю, ненадобѣ имъ потягнута къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни въ который проторъ; а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочъ татбы, и разбоя и душегубства, а то судитъ ихъ человекъ св. Юрья промежи собою; а по в. князя слову волостелемъ ихъ волоцкимъ блюсти, а не обидѣти, Бога дѣла и св. дѣла Юрья; а коли розниръе князю в. съ Новымгородомъ, а тогда ихъ въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живуть оцрясь въ брезъ (беревенья) князя в.; а архимандриту тяглыхъ людей волоцкихъ не примати, также и изъ очины Князя в. изъ Москвы людей не примати; а кто дѣтій моихъ, или братьи моее, мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богъ и св. Геворгіи въ страшное свое пришествіе, а князю в. дать сто рубля; далъ есмь сю грамоту я въ вѣки.

(А. Арх. Эксп. I, № 4).

178. Изъ Вислицкаго Статута, даннаго Польскиишъ королемъ Казиміромъ III въ 1347.

Статья 2. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частыхъ споры. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частые споры межъ нашими подданными бывали, и зъ того бывали великии наклады и шкоды и хлопоты: про то, гдѣ

рѣкы текутъ межъ имѣніи, а каждый имаетъ свой берегъ; а колижъ та рѣка учинитъ собѣ кнулы берегъ, а не человеческимъ чиненіемъ, але своею силою, тогда первѣйшая тутъ имаетъ быти правая граница... езерѣхъ, колижъ обоколъ езера люди живутъ, ижъ волю имъ рыба ловитъ; а такожъ берегъ рѣкы коли будетъ человеческимъ чиненіемъ оборочень, завжды первѣйшій берегъ—граница.

— 11. *О судьбахъ, сколько каждая земля имѣетъ имѣть, и судъ имѣть.* Ижъ изъ многихъ судовъ одна жалоба была розно сужена, про то мы хотячи имѣти вѣдомыи судьи, устанляемъ: одинъ у Краковской земли, а другой у Судомерской нашъ судья имѣетъ быти; а коли ся намъ пригодѣ прѣхатъ до котороѣ земли, тогда судья тоѣ земля имѣетъ судити, при нашемъ дворѣ, о которыхъ коли жалобазъ великихъ или малыхъ, а либо тежъ дѣячыхъ; а року отъ трехъ недѣль дальша не имаютъ откладать; какъ борзѣдо жалоба станется дѣтинна, тогда судья, а либо подсудокъ мають намъ сказать тую жалобу, а мы съ нашими паны, зъ нашего радоу, маемъ досмотрѣти; и если уже не будемъ тамъ, тогда, шесть, а либо чотыри... , прилучаемъ судья или подсудку, што имаютъ тую рѣчь осудитъ нашего мощью.

— 19. *Которыи приходятъ квалитомъ къ суду за племенемъ, а либо за слугами.* Частокротъ прихожается, ижъ въ некоторыи за своимъ племенемъ, а либо за слугами приходятъ мощью на судъ и силою права отводить: про то приказуемъ мы, а бы того дадѣи небыло; а которыи будутъ у томъ знайдены, тогда вина на нихъ у нашей коморѣ пять надцать.

— 25. *Судья не имѣетъ дѣлковать слатъ, одно два слуги.* Чересъ великии заклады частокротъ убогыи люди бывають утиснены, а то тымъ, ижъ

ихъ много у-купѣ ѣздило, а много людемъ зло чинили, и кѣвалемъ брали (а на то нидѣ призволяли судьи): про то хотимъ, абы судья, а любо подсудокъ къ дѣшко-ванію большъ не слали, одно двухъ слугъ съ служебникомъ. А который будетъ судомъ осуженъ, а любо виноватъ изнай-денъ, абы такихъ не граблено. А также уставляемъ: гдѣ коли воли, а любо ии-шны реча у закладъ берутъ, а панъ ре-четъ того села, а любо кмети, ижъ безъ вины берутъ; тогда мають тую животину, или тыя речи на поруку дати, а ижъ имѣють рокъ дати, абы ся исправили: бу-дутъ ли правы, тогда судья и подсудокъ и тыи слугы имѣють паномъ тымъ и кметемъ кажды платити вику. 15.

— 30. *Хто коли бываетъ ожа-лованъ о злодѣйствѣ.* Хто коли бу-детъ о злодѣйство ожалованъ, уставляемъ, изъ поводъ того ожалованного въ годъ маеть мець къ праву позвать: ачь годъ минеть, а хочеть тую речъ обновить, тогда имѣеть добрыми, почесными людь-ми досвѣтчить, ижъ правдиво тую речъ ведеть.

— 31. *Которые торговли, а лю-бо пьнези даютъ въ позычь земля-номъ.* Хотячесь хлопотомъ конецъ учи-нить, уставляемъ: коли жъ который мѣ-щанинъ а любо сукна, а любо иишн тор-говли которому земленину безъ запису повѣрнуть, а у право съ нимъ пойдетъ; тогда имѣеть тотъ мѣщанинъ добрыми людьми на него досвѣтчить, а запретца-ль, тогда имѣеть самъ своею рукою от-присячь.

— 36. *Хто будетъ раненъ у сва-дѣ, а любо кромѣ свады.* Жалобу чинилъ Петръ на Яна, ижъ его ранилъ; Янъ отповѣдалъ же самъ его ранилъ, а на то хотѣлъ свѣдѣчество указать ему. Мы скажемъ: если жъ у свады ихъ ра-нилъ ся, тогда Яново свѣдѣчество маеть быти припущено; если же кромѣ свады

будетъ раненъ, тогда Петръ маеть пря-сичъ свои раны.

— 53. *О братьи, што едины млыны мають.* Францкъ, а Фалко, а Индрихъ, три братенники держали одного млынаря; Индрихъ, третій братъ о нѣко-торыи проступки выдалъ млынаря во пра-во; пришедши другый братъ Фалко, жа-ловалъ на Индриха, ижъ бы его млынаря несправедливе выдалъ. Мы узнаваемъ, ижъ годится каждому о свою кривду жаловать и скажемъ Индриха правого.

— 54. *О пустошцины сельской, а любо мѣстской.* Коли жъ нѣкого-рый людъ, а любо кметъ умретъ безъ дѣтей, тогда панъ его увязуется въ пу-стовщину. Прото мы нынѣ укладываемъ тотъ обычай: съ того имѣня, будетъ ли, абы келихъ учиненъ былъ за полторы гривны къ церкви, гдѣ прибѣгалъ; а остатокъ, и то ближнимъ и пріателямъ штобы дано.

— 55. *О позыченю коня.* Миколай жаловалъ на Матѣя, ижъ ему, яко пріа-телю, коня позычалъ здороваго на дорогу, а коли жъ ему за ся вернулъ и тотъ конь хромалъ; а рекъ тотъ Матѣй, ижъ ховалъ его, якъ же и своего влостного, а не вѣдалъ тоѣ ему хромоты. Тогда мы скажемъ: Матѣви того коня 2 пе-дѣли ховать; а будетъ здоровъ за тыи 2 недѣли, иио добро, а не будетъ здо-ровъ, иметь ся пріятельски расправить.

— 68. *Хто у правѣ Нѣмецкомъ, а поживаетъ Польскаго.* Подлугъ устав-ления святыхъ Отцовъ, законъ есть: то-му право стратить, хто своего права не поживаетъ..... есть много пановъ, штожъ имѣють права Нѣмецкая у своихъ се-лѣхъ, отъ насъ позычены, а любо отъ нашихъ предковъ; а они опускають Нѣ-мецкое право, а ведутъ ся подлугъ Поль-скаго права..... Уставляемъ: ачь бу-детъ не гдѣ жалоба на нихъ у Нѣмец-комъ правѣ, а они недержать, тогда они стратили свое право, не могутъ ся иро-

тивъ..... боронити; про то мы хотимъ. гдѣ жъ будетъ проступокъ, подъ которымъ правомъ..... тымъ жъ правомъ будетъ осуженъ.

— 75. *О загашенъ огню и о раненіи человека.* Жаловаль Идикъ на Фалка, ижъ ему у его дому, у вечеръ, сталася свада: пришедши Фалко и загасилъ свѣчу, а въ томъ-то загашеню Идика невѣдомо кто уранилъ; Фалко по зналъ, ижъ свѣчу погасилъ, а ураженъ зарелъ, штобы его уразилъ. Мы подлугъ присяги Идиковы, присужаемъ Фалка виноватаго на ту рану.

— 76. *О пастушь овечьемъ.* Идикъ жаловаль на пастуха, ижъ далъ ему овцю во статокъ его пасъвити, а опять овцы не мѣлъ за ся отъ пастуха; а пастухъ рекъ, ижъ тую овцю пригонилъ до села. Мы скажемъ: пастухови прасячь, ижъ тую овцю пригонилъ до села.

— 82. *О лихвъ жидовской.* Лихва жидовская не имѣетъ нигды насыщения: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидове..... непріятельствъ вѣры христованскѣ, и на ляху пѣнези дають, не вмають большъ брать на недѣлю только 10 пѣнезъ..... пѣнези давають на записы, а лихвы не дають два годы, штобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упоминаются, а ни на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣють номинать..... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не имѣетъ имъ запису..... полнить.

— 87. *О раненю кметя судъ.* Коли кметъ будетъ раненъ до крови, а либо ураженъ еромотиѣ, тогда ему прийдеть двѣ части за раны, а третья часть судѣ.

— 89. *О битии рыцерскомъ, а либо шляхтича и кметя.* Ачъ рыцерь, а либо шляхта шляхтичу рану учинитъ до крови, имѣетъ ему платити за рану

15; а будетъ ли не рыцерскій человекъ, ино гривна грошей; а будетъ ли кметъ, ино шесть шкотъ.

— 94. *Хто кому што сильно возметъ.* Такожъ, который мантиль, а либо иншую вещь возметъ у кого волею своею, рукою маєтъ ему за ся вернуть подл виною 6 гривенъ.

— 92. *О орань чужого поля.* Ачъ хто чужую роль оретъ, а либо сѣетъ, своего насѣнья истратитъ, а вину заплатитъ 15.

— 93. *Хто кому силою волю возметъ.* Коли хто кому четыре воли возметъ силою, а будетъ на то досвѣтченъ: зазашемъканье тыхъ половъ и работы, за каждую недѣлю имѣетъ платити 4 скотца, зъ виною 15, а судови другая 15.

— 94. *Хто спно силою беретъ.* А такожъ, хто кому силою возметъ возсѣна квалтомъ, имѣетъ платити 3 гроши, а вины 15 гроши, а судови другая 15.

— 106. *О сильнику на дорожъ.* Мартинъ жаловаль на Микулъ, ижъ вынялъ вѣзъ колиты осемъ копъ грошей, квалтомъ, на добровольной дорожъ, у торговую динуу, Микулка отповѣдалъ, ижъ бы не по правлѣ на него жаловаль, а ни тежъ бы тыи пѣнези истрачены, л хотѣлъ ся оцветити..... 6 свѣтковъ. А мы скажемъ: штобы было очищеніе 12 свѣтками добрыми, а не мѣй.

— 108. *Хто порубитъ древо овощное.* Уставляемъ: ижъ за каждое древо, овощъ имающее, будетъ ли зрубано, 12 грошей заплатитъ за щкоду, а вины 15.

— 129. *О усильствъ дѣвокъ, а либо жонковъ, а либо вдовъ.* Гдѣ коли дѣвка, а либо жонка, а либо вдова будетъ на поля, а либо въ селѣ усилвана, и она крикомъ и плачемъ освѣтитъ свое усилваніе, а..... изнамена изнайдены бузуть, а люди то предъ судомъ визнають, которыми она свѣтила: тогда

тотъ имѣть (быти) казенъ, подлугъ вѣны писаное о успѣствѣ. А будетъ ли тал дѣлка, а любо жонка неправлѣ жаловала, извѣмени ей не будетъ: тогда тотъ, на кого она жаловала, имѣть ся очастить самъ-семь, такъ добрыми людьми какъ и самъ.

— 130. *Который будетъ тройчи обажень о злодѣйство, а любо о разбой.* Уставляемъ и сказуемъ: коли хто будетъ трійчи обажень предъ судомъ о злодѣйствѣ, а любо о разбой, и переможевъ, а любо нѣкоторую речъ злодѣйскую людомъ выймутъ, а любо вериеть, навѣки жалвоѣ чти не имѣть имѣти (не будетъ); а будетъ ли ему присужено свѣдѣцствомъ ся очистить, а одинъ свѣтокъ будетъ згодный: для того не будетъ у соромотѣ, але шкодинкою, кому злшкодѣлъ, имѣть до сытъ учинить.

— 137. *Коли кметъ утечетъ отъ своего пана.* Колижъ отъ насъ, а любо отъ нашего пана, намъ послушного, кметъ утечетъ, для гнѣва пана своего, а пани правомъ добудеть, а онъ ся нехочеть вернуть за ся: тогда, мы сказуемъ, ижъ тотъ кметъ имать платъ пану своему вину 3 гривны; ачъ платъ рочный имѣть платитъ ему, какъ и дотолъ ему платилъ, а тымъ будетъ правъ тотъ кметъ, отъ своего пана..... А коли у Нѣмецкомъ правѣ кметъ о сядеть, тогда не можетъ отъйти отъ пана, одно дѣдичство продавши, а умѣсто себе, кмется, такъ богатаго какъ самъ, осадить, а любо поля ему изореть и справить, и гораздо оселеть озняного и яринога и отдасть пану своему: тогда можетъ пойти, гдѣ хочеть.

— 138. *О жидѣяхъ, штобы не давали християномъ пѣнези.* Колижъ жидовскій умыселъ и власть ихъ есть на то, какъ бы християново убожело, еще ся намъ заподобно видѣло....., штобы ни одинъ жидъ, у нашей земли, нашему християну пѣнезей не давалъ на запасы,

а ни на лѣсты, одно на закладъ, подлугъ старого обычая.

(А. Западн. Рос. I, № 2).

См. о Литовскомъ Статутѣ. В. Верещинского. Еженед. прибавл. къ Рус. Извѣстиямъ 1864 г. № 27. Русская Правда и Литовскій Статутъ. Леонтовича. Уч. Зап. Киев. Универс.

179. Новгородскія и двавскія купчія ок. 1350.

а. Се купи Кондрать у Степана у Проклѣина землю, отпѣву его, дворъ и дворяще, горней земли, 4-ры поляны и притеребъ за уллицю, 4 лоскуты на Юрмоли земли, и у черевѣсляхъ, и въ топахъ, и въ ручьѣхъ отчины его, чимъ владѣлъ Степанъ. И далъ Степану Кондратъ на всемъ томъ 3 рубль, овѣцю пошолонка; а купи себѣ одернъ и своимъ дѣтемъ. А на то послуши (*свидѣтели*) Ив. Капустинъ, Фед. Павловъ, Ив. Костковъ, Сем. Микфоровъ, Сидоръ Борисовъ.

(А. Юрид. № 71, XVIII).

Притеребы—распаханная вновь земля. *Перевѣсица*—жѣста и снасти для ловли птицъ. *Пошолонка*—въ придачу; *одернъ*—вѣчно. Прежде въ лѣшчествѣ была дерновая прасага, отъ которой произошло самое сл. одернъ. См. выше № 14.

б. Се купи Михайло Офромѣевичъ, у попа у Ортемья, село въ Кехтѣ въ Малой, дворъ и дворяще, на горѣ орамы земля и притеребы, и въ островѣ орамы земли, и пожнѣ, и рѣвѣща, и притеребы, и токи, и прикупныи земли, и ловаща всякіи того села, чѣмъ владѣлъ отецъ его Есифъ и братъ его Демехъ; и да на томъ Михайло попу Ортемью Есипову девять сороковъ бѣлѣкъ, а телп-

чу пополонка; а купи себѣ одерень и своимъ дѣтемъ. А на то послухи: Степанъ Васильевичъ, братъ его Лутьянъ, Григорей сочкой, Василей Сасинъ, Якимъ Остафьевичъ. А у печати стоялъ попче Ортемей.

(А. Юрид. № 71, IX).

**180. Духовная в. кн. Іоанна Іоанновича
1356.**

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божій Иванъ Ивановичъ пишу грамоту душевную, ничимже не нуженъ (*не вынужденъ*), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Аже что Богъ размыслить о моемъ животѣ, даю рядъ своимъ сыномъ князю Дмитрию и кн. Ивану и своему братаничу кн. Володимеру, и своей княгинѣ. Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрию и кн. Ивану; а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что потягло къ городу; и ято медъ оброчный Васильцева стапу, и что отца моего купленыѣ бортники подъ вѣчныѣ варяхъ, и кони ставити по ставомъ и по варямъ, и конюшій путь, то имъ все на трое. А численыѣ люди все три князя блюдути сопча съ одного. А се даю сыну своему кн. Дмитрию: Можаяскъ со всеми волостми и съ селы и зъ бортью съ оброчники и съ пошлинами. А что изъ тыхъ волостей за княгиню за Марью, тѣ волости до ее живота и села; а по еѣ животъ, тѣ волости и села сыну моему кн. Дмитрию, Городна, Мѣзына, Пѣсочна, Середокорошна, Цохряне, Устьмерьска, Брашевая, Гвоздна, селце Иванъ, деревня Маковецъ, Лѣвчинъ, Скулневъ, Каневъ, Кошира, Гжеля, Горѣтова, Гор-

ки, село на Сѣверцѣ, с. Малино, с. Холмы, с. Костянтиновское, с. Орипинское, с. Островское, с. Копотенское, с. Миккульское, с. Малаховское, с. Напрудское, с. Имповское, с. Новое, Мещера у Коломны. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ со всеми волостми и съ мытомъ и съ селы и зъ бортью и съ оброчники и съ пошлинами, Кремишна, Руза, Фоминоское, Суходоль, Истерна свобода, свободу Замошскую, Ростовца, Кремишчу, Тростну, Нѣгучу, село Рюховское, с. Михалевское, с. Каменское, с. на Рѣшнѣ въ Баровецѣ, селце Милцинское, с. Максимовское, с. въ Замошской свободѣ, с. Выславское, с. Кузминское, с. Домонтовское, с. Андѣевское, с. Каринское, с. Козловское. А братаничъ мой кн. Володимеръ вѣдаетъ уѣздъ отца своего. А что ся мѣста достали мѣста рязанская на сей сторонѣ Оки, неъ тыхъ мѣстъ далъ есмь кн. Володимеру въ Лопастны мѣста, Новый Городокъ на усть Поротли; а иная мѣста рязанская отъѣмныя сыномъ моимъ кн. Дмитрию и кн. Ивану, подѣлятся на полы безъ обиды. А княгиня Ульяна, по отца моего князя в. по грамотѣ по душевной, вѣдаетъ волости и осминыѣ и села до своего живота; а по ее животъ, дѣти мои кн. Дмитрій и кн. Иванъ, и братаничъ кн. Володимеръ и моя княгиня подѣлятся на четверо безъ обиды. А си (*если*) по грѣхомъ имуть искати изъ Орды Коломны, или лопастеньскихъ мѣстъ, или отъѣмныхъ мѣстъ рязанскихъ, а по грѣхомъ си отъѣмется которое мѣсто, дѣти мои кн. Дмитрій, кн. Иванъ, кн. Володимеръ и княгиня въ то мѣсто подѣлятся безъпенными мѣсты. А се далъ есмь княгинѣ своей Александрѣ изъ коломенскихъ волостей: Похряне, Пѣсочну, Середокорошну, село Лыцевское, на Москвѣ селце Семичинское; а изъ звенигородскихъ волостей далъ есмь своей княгинѣ: Угожъ, великую свободу

Юрьему, с. Клязьмовское, с. Бѣлдонское съ Новымъ селѣмъ; а и съ тамги и съ московское княгини моей у моего сына у кн. у Дмитрия, и у кн. у Ивана въ двѣ жеребьевѣ треть. А по животоу моему княгини, тѣ волости в сѣла и треть тамги дается сыну моему кн. Дмитрию и кн. Ивану, въ которого уѣздѣ, то того и есть. А се даю сыну своему кн. Дмитрию: икону святый Олександръ, чепъ золоту врану (вороненую) съ крестомъ золотымъ, чепъ золоту колату, икона золотомъ кована Парамышна дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великий золотъ съ камнемъ съ женчуги, что мя благословилъ отецъ мой князь в., поясъ золотъ съ крюкомъ, сабля золота, обязъ золота, и серга съ женчугомъ, чечакъ (шашакъ) золотъ съ камнемъ съ женчуги, 2 овкача золота, ковшъ великий золотъ гладкий, коропка сердоничья золотомъ кована, бадья серебряна съ наливкою серебряною ца золота съ камнемъ, опашень скорлагень сажень. А се далъ есмь сыну своему кн. Ивану: чепъ великую золоту съ крестомъ, чепъ золоту врану, а другая огнивача съ кресты, икону Благотѣшенъ, в сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ камнемъ съ женчуги, что ми далъ братъ мой кн. в. Семень, поясъ золотъ сточный, аламъ сженчужный, наплечки золоты съ круги съ камнемъ съ женчуги, аламъ малый съ женчуги, что ми даде княгиня Марья, ковшъ великий золотъ гладкий, овкачакъ золотъ, чашка золота, да стаканъ царьгородский золотомъ копанъ, чечакъ золотъ съ камнемъ съ женчуги, сабля золота, обязъ золота. А кого ми дастъ Богъ зятю, по чепъ имъ по золотѣ, по поясу по золоту. А что за княгинью за Марью Заячкову, Заберега съ мѣсты, то до ее живота; а по ее животоу моей княгини. А что волости за княгинью за Ульяною, я съ тыхъ волостей по ее животоу дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ, кн.

Володимерь дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучинское. А изъ моихъ судовъ и серебряныхъ дадутъ блюдо серебряно великое съ колци къ святей Богородици Володимерь; а иными суды серебряными дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ своею матерью подѣлятся на трое. А село я Рокшѣ Романовское кн. Дмитрию; а с. Афиньевское, да селце у Павловскаго села кн. Ивану; а с. Павловское далъ есмь св. Олександру въ прокъ, собѣ въ память. А что моихъ стадъ коневыхъ и жеребцевъ и кобылицъ, а то сыну моему кн. Дмитрию и сыну моему кн. Ивану, то имъ на помы. А и съ тамги пѣс Коломенское далъ есмь 4-ю часть къ св. Богородици на Крушиню, собѣ въ память. А костки московский далъ есмь на Москвѣ къ св. Богородици и къ св. Михаилу, въ память по своему отцу и по своей брати и по собѣ, то имъ руга. А хто будетъ моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобны моимъ дѣтемъ, не моей княгини, далъ есмь имъ волю. Такъ же хто будетъ моихъ людей полныхъ, купленныхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу, купды имъ любо; а дѣтемъ моимъ не надобны, ни моей княгини. А на сю грамоту послуши: отецъ мой владыка ростовский Игнатий, отци мои душевныи плумень Иванъ, попъ Акинѣй, попъ Патрекий. А хто сю грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ, а моего благословенья не буди на немъ, ни въ сий вѣкъ, ни въ будущай. А грамоту писалъ Нестерко.

(Къ сей грамотѣ приложена печать серебряная позолоченная).

(Собр. грам. I, № 26).

181. Договорная в. кн. Дмитрія Іованновича и брата его кн. Володимира Андреевича съ в. кн. тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ 1368.

По благословенію отца нашего Алексія м-та всея Руси. На семь, брате молодой кн. вел. Михаилъ Александровичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ брату старѣйшему кн. вел. Дмитрію Ивановичу, я къ моему брату кн. Володимеру Андреевичю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новгороду, и за своя дѣти и за свои братанчи. Имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а кн. Володимера брата моего — братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемъ вездѣ безъ хитрости; а што ти слыша отъ крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лихѣ (*о худѣ, о лихотѣ*), а то ти намъ повѣдати въ правду, по (*крестному*) целованію, безъ хитрости. А князи велиции крестьянети и ярославнети съ нами однимъ человекъ, а ихъ ти не обидяти: а иметъ ихъ обидети, намъ дозря ихъ правды, боронитися съ ними отъ тебе съ одного; а имутъ тебе обидѣти, намъ дозря твои правды, боронитися съ тобою отъ нихъ съ одного. А гдѣ ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату кн. Володимеру Андреевичю, вѣсти ти съ нами самому на конь безъ хитрости; а поплемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати. А вотчины ти нашия Москвы и всего вел. княженя в Новгорода В. блюсти, а не обидѣти; а вотчины ти нашия Москвы и всего вел. княженя и Новгорода В. подъ нами не вскати и до живота, и твоимъ дѣтемъ и твоимъ братаничемъ. А людей ти нашихъ московскихъ и всего в. княженя и Новгорода В. и новоторжскихъ блюсти, а не обидети, какъ и своихъ. А закладчей ти въ нашей вотчинѣ въ в. княженя не держати, ни грамотъ не давати. А имутъ насъ, сважинати Та-

тарове, и имутъ давати тобѣ нашу вотчину вел. княженя, и тобѣ ся не имати до живота: а имутъ намъ давати твою вотчину Тѣрь, и намъ ся такоже не имати и до живота. А въ Кашинѣ ти ся не вѣступати, и что потягло хъ Кашину, вѣдѣть то вотчинъ князь Василей; ни выходомъ тобѣ не надо ко Тѣри Кашину, глнуги, а сего ти не обидѣти, мнѣ его отъ тебе боронити. А что еси изымалъ Бояръ или слугъ и людей нашихъ, да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти порука свести, а ихъ отпустити; а кому чего на нихъ искати, ино тому судъ. А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары, оже будетъ намъ миръ, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а будетъ не дати, по думѣ же. А пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одного всѣмъ противу ихъ; или мы поидемъ на нихъ, и тобѣ съ нами съ одного пойти на нихъ. А къ Ольгерду ти и къ его братьи, и къ его дѣтемъ и къ его братаничемъ целованье сложити. А пойдутъ на насъ Литва, или на смоленского на князя на вел., или на кого на нашу братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами всѣмъ съ одного: или пойдутъ на тебе, и намъ такоже по тобѣ помогати, и боронитися всѣмъ съ одного. А въ Рокитну ти ся не вѣступати, что потягло ко княженю къ вел. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будетъ на конь не взято на нѣцѣхъ или на ихъ поручницѣхъ княженя в., или нѣци не поупущены, или порука не сведена; а что ся будетъ не управило по тому целованію, что же будетъ взято опосле того на нѣцѣхъ или на поручницѣхъ, или порука не сведена, взятое все отъдати по тому целованію, а съ поручниковъ порука свести, а нѣци поупущати. А что еси буда съ нами въ целованіи, или сложя целованье, а кого будетъ бояръ нашихъ и слугъ и людей московскихъ и княже-

пья в., или что еси пограбилъ, или что у людей поймаю, ты или твои бояръ или людей пограбили и повозки, бояръ ти и людей и слугъ попускати: а что грабежъ, или что съ людей поймаю, и въз людей и съ павозковъ товаръ поймаю, то ти все отъдати и твоимъ бояромъ по исправѣ; а не будетъ исправы, или возмуть по целованью, а отъдати ти все по Сементъ дни за недѣлю. А хто будетъ со мною не былъ на рати, а у кого будетъ что взято, а придетъ къ тебѣ, а тымъ ти также отдати по исправѣ. А какъ еси сталъ подъ городомъ подъ Тѣрью до Семена дни за мѣсяць, что будетъ у мене взялъ войной въ тотъ мѣсяць, тому всему межи насъ погребѣ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у тебе поймаю и повоевали, а тому всему межи насъ погребѣ. А съ Новымъ ти городомъ и съ Торжкомъ жити въ старинѣ и въ миру; а рубжъ ти держати съ В. Новымъ городомъ и съ Торжкомъ и съ пригороды земли и воды по старинѣ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ. А закладней ти въ Новгородѣ В. и въ Торжку и въ пригородахъ не держати, ни грамотъ не давати. А хто иметъ бояръ или слугъ Новгорода В. и Торжку и съ пригородей служити тебѣ, а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ В. Новгородъ, а ты бояромъ и слугамъ не надобѣ: или потому кто придетъ къ тебѣ служити изъ Новгорода В. и съ Торжку и съ пригородей, а тымъ также не надобѣ села ихъ в земли и воды, то вѣдаетъ Новгородъ В. А что еси поймаю въ Торжку церковное, колоколы, книги, кузпъ что будетъ у тебе или у твоихъ бояръ или въ твоей вотчинѣ, то ти все подавати по целованью: а что еси поймаю въ Торжку войною или грабежемъ, или что съ людей еси поймаю и по волостемъ опосле нашего целованья св. апостола Петра, то ти дати и твоимъ бояромъ по

исправѣ; а не будетъ исправы, или возмуть по целованью. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будетъ на комъ не взято на нятцѣхъ или на поручицѣхъ, или нятца не попусканы или порука свести съ Новгородцевъ и съ Новоторжанъ и съ пригородей; а что еси будетъ не управило по тому целованью, а что будетъ взято на нятцѣхъ опосле того и на поручицѣхъ, или порука не сведена, или взятое отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ поруки свести, а нятца ти попускати, которые у тебе и у твоихъ бояръ и слугъ, или у людей въ твоей вотчинѣ. А какъ еси взялъ Торжекъ, а кто ти еси будетъ продалъ по словицею Новоторжанъ одернъ, или будетъ серебро на комъ далъ по словицею, тѣхъ ти отпустили по целованью, а грамоты дерноватыи подрати. А что еси привелъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье доловъ. А имуть чего искати Тѣричи на Новгородци и на Новоторжци, судъ ему въ Новгородѣ съ В., или въ Торжку; а имуть чего искати Новгородци на Тѣричахъ, судъ имъ во Тѣри; а судитъ съ обѣ половины по целованью, а грамотъ суженыхъ не посужити. А гостемъ и торговцемъ Новгорода В. и Торжку и съ пригородей дати ти путь чистъ безъ рубежа сквозѣ Тѣрь и тѣрьския волости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти, а мыта ти имати и поимати по старинѣ у Новгородцевъ и у Новоторжцевъ. А буда съ Новымъ городомъ въ миру, за холопа, за поручника, за робу, за татя, за розбойника, за должника не стояти съ обѣ половины. А кто бояръ и слугъ отъхалъ отъ насъ къ тебѣ, или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженѣ, или въ твоей вотчинѣ по Тѣри, въ ты села намъ и тебѣ не вступатися: а что Ивановы села Васильевича и Никоматовы, а въ ты села тебѣ еси не вступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ, а

бояромъ и слугамъ волнымъ воля. А кто будетъ служи намъ княземъ, а втолъ въ каково дѣло, а того поспѣвъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити. А кто служить намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Фе-ри, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости; а на полныхъ холопехъ не взяти, на которыхъ ключники целуютъ. А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ. А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на рубежъ, да межи насъ поговорятъ: а не утворятся, ини ѣдутъ на третій на князя на в. на Ольга; на кого помолвить, виноватый предъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ. А чьи судьи на третій не поѣдутъ, или на кого третій помолвить, анъ взятого не отъдастъ; то правому отняти, а то ему не въ измѣну. А целованья не сложити и до живота; а всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчий отъ перваго нашего целованья, отъ положенья веригъ св. ап. Петра. А о чемъ судья наши вопчи сопрутся, ини ѣдутъ на третій на кн. в. на Ольга; а намъ княземъ въ судъ въ вопчий не вступатися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есме положили. А вывода и рубежа межи себе не замышляти: а хто замыслить рубежъ, рубежника по исправѣ выдати. А суженого не посужати; суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка; холопа, робу, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ. А жыта ти держати и пошлыны имати по старой пошлынѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чистъ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ, и при нашемъ дяди при в. кн. при Сементѣ, и при моемъ отця при в. кн. при Иванѣ; *а жытовъ ти новыхъ и пошлынъ не замышляти.* А почнуть твои искати передъ насъ, или наши передъ тебе, или

передъ наши намѣстники, или передъ волостели; хоженного въ городѣ алтынъ, а на правду два; а дальний ѣздъ верста по рѣзанѣ, а на правду въ двое. А хто отъ насъ пригонитъся въ твою вотчину за холопомъ, или за должникомъ, а изымаетъ самъ, а безъ пристава, да поставитъ передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ вины имѣтъ: а иметъ съ кимъ холопъ его тягаться, а не будетъ по немъ поруки; ино холопа обвинити да выдати осподарю, а зъ головы дати пошлыны гривна, а съ семьи четверть. А на семь на всемъ, брате младший кн. в. Михаилу Олександровичъ, целуй ко мнѣ крестъ къ брату къ старѣйшему кн. в. къ Дмитрию Ивановичу, къ моему брату кн. Володимеру Одрѣвечю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новгороду, и за свои дѣти и за свои братаничи, по любви въ правду, безо всякие хитрости. А сий списокъ съ грамоты съ крестной съ тѣбрьской.

(Собр. г. грам. I, № 28).

См. также Договорн. грам. съ Новгор. А. Эксп. 4, № 8. Ист. Гос. Рос. V, пр. 26.

182. Кабальная грамота 1389.

Мы, митрополитъ кievскій и всея Руси Киприянъ и архіепископъ ростовскій Феодоръ, Господа нашего І. Христа посреди себе предложимъ въ утверженіе и укрѣпленіе ниже объявленнымъ, исповѣдуемъ настоящую нашу тавуларскую грамотою, свидѣтельствующую, не лукавитъ другъ за друга, и укрѣпленную сею грамотою, яко должни есмы тебѣ, близкому державного и св. нашего господина и царя, о св. Душѣ възлюбленному сыну нашего смиренія, Николаву Нотарѣ Дюрминецку, безъ бѣды и всякаго прилучая кромѣ, рублевъ старыхъ новгородскихъ

тысячу; о них же съглашаемъ и обѣчиваемся подати, тѣмъ же то прикажетъ на руку дати, безъ одержанія, прежде всякаго дому нашего, преждебывшаго и послѣдшаго, отъ нихъ же имамы двигомы и не двигомы приходы монастыревъ, и всяческымъ образомъ случиться, и прійдетъ приходъ княжъ, или церковный или дарованный, или про какий. Отдамы же, божьею благодатию, таковыхъ рублевъ тысячу, по преждеписаннымъ, имъ же прилежать, чисто, а не товаромъ, благословитъ, съ благодареніемъ многымъ и любовію, съ дары достойными къ тебѣ, къ сыму нашему и тѣмъ, имъ же прикажешь: занеже и ты самъ, не словомъ токмо, потрудишься о насъ и пособишь намъ, яко слышъ божій ближній и яко Богу любю; еще же и своимъ проторомъ, его же ради обѣчиваемся чти ти и кормити и прилежати твоимъ, имъ же то прикажешь, потому, яко же и ты о насъ прилежалъ и печаловалъ, и никакъ же отъ подобающаго слова оставимъ. Когда же были еже и къ нимъ, и о всей торговли ихъ, и аще еяною страну рускою възвратится, имаемся проводить ихъ и всю торговлю ихъ, своими проторы и наймомъ, и промытъ, и прокормъ, да же до рѣкы Богу; аще ли же иною которую страну възвратится, должны есмы, якоже речеся, доколѣ изыдутъ конечное отъ всякия Руськия земли. Еще же обѣчиваемся, аще пригодится и не отдамы весь долгъ, всѣхъ рублевъ, къ тѣмъ предиреченнымъ тебѣ мѣсто указать, елико достоятъ останеть, или часть, или все должны есмы отдавати, по числу недосталя, бѣлки добрыя тысячу по 5 рублевъ, якоже уставлено и съглашено бысть со промежи насъ. Еще же съглашаемъ, яко да не токмо другъ за друга и единъ по другомъ должны будемъ мы, еже есть богатый о не имущемъ, и мощный о немощнымъ, и живой о мертвомъ, и пришедый о непріишедемъ, но и сами на-

ши церкви и еже то подъ ними и подъ ними суть обители, аще въ животѣ есмы; аще же смерть пригодится намъ, аще что отъ яныхъ человекъ должны будутъ, каждаи церкви и аже то къ нимъ тянутъ, и въ исполненіе долга, якоже и быхомъ и сами были, занеже о тѣхъ церквахъ испроторенъ бысть сій долгъ, и нами самими утверждена была и укрѣплена. Сего же ради, аще створимъ и вся, яже по части предписанная, еже есть весь долгъ нашъ, тысячу рублевъ, впадеши исполненіе, и еже то къ тѣмъ, имъ же то приказано, любовь и помочъ и вся иная, елико възгласихомъ и въскогѣхомъ, Богу благодать; аще ли же объявленіемъ и крѣпостию настоящая наша грамоты и аже то отъ князя в. Дмитрія, а грамота должникомъ въры дѣля, юже въ заклады положихомъ, имѣешь волю ты самъ, и вся твоя страна, имати весь свой долгъ отъ нихъ же обрѣтаешь Руськаго, и въ Каѣ, и во Оцѣ, и во Грецькой земли и въ поганьскыи, ни единая же имущимъ намъ свободы съпротивъ глаголати или съпротивитись, откудно наче должны есмы доволѣть же и безъ убытка творити всякому и явшемусь о семъ долгу нашемъ. Еще же глаголю, аще чрезъ обѣтѣхъ сихъ створимъ инако, не къ тому судимъ будемъ въ всякомъ мѣстѣ предъ написаны, обрящемся и отвѣщающе о такомъ долгу; но еще должны будемъ, яко приступающе своихъ подписаній и обѣтомъ примѣнія, ихъ же своею волею и своимъ хотѣніемъ яко же видно створихомъ, занеже и предписаннымъ всѣмъ явленіе и крѣпость бысть настоящи сін наша грамота, и утверждена и укрѣплена, нашими пропеніемъ и моленіемъ, божественнымъ честнымъ повелѣніемъ державного и св. нашего Господина и Царя, и честною и св. патриаршескою грамотою, яже дана была тебѣ, ближнему державного и св. нашего Господина и Царя, Николаву Нотарѣ Діерманефту, на всяко утвер-

жете и безпене, подписа нашою рукою подписы, за безпѣніе, мѣсяца сентявріе 8, индикта 13.

(А. Истор. I, № 252).

183. Уставная двинская грамота в. нв. Василия Дмитріевича 1397.

Се язъ князь в. Василей Дмитріевичъ всей Руси, пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ, также сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинские земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ двинскихъ бояръ, и мои намѣстники ходятъ по сей по моей грамотѣ в. князя. Оже учинится вира, гдѣ кого утевуть (убьютъ), и не душегубца пзынутъ: а не найдутъ душегубца, и не дадутъ намѣстникомъ 10 рублевъ, а за кровавую рану 30 бѣлъ, а за сплюную рану 15 бѣлъ, а вина противу того. А кто кого излаещъ боярина, или до крови ударить, или на немъ синевы будутъ, и намѣстники судятъ ему по его отечеству безщестіе, такожь и служатъ. А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощенье не выйдя изъ пиру, и намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а вышедъ изъ пиру возмутъ прощенье, и не намѣстникомъ дадутъ по купецъ шерстью. А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одномъ полѣ, вины боравъ, а межу сель межа 30 бѣлъ, а княжа межа три сороки бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ, пошлы до чеклого татя, и отъ того намѣстникомъ и дворяномъ не взятъ ничего; а татя впервые продати протраву поличного, а въдругіе уличать, продадутъ его не жалую, а улпчатъ вътретіе, ино повѣспити, а татя всякого пятинти (клей-

митъ). А самосуа 4 рубли: а самосуа то, кто изымать татя съ поличнымъ да отпуститъ, а себѣ посулъ позметъ, а намѣстники доведаются по заповѣди, ино то самосулъ, а опрочъ того самосула нѣтъ. А кого утяжутъ въ рубль, и намѣстникомъ вины полтина; а того бо- лѣ или менши, ино по тому жѣ. А на Орлецѣ дворяномъ хоженного бѣлка; а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ 2 бѣлки, ѣзду до Колмогоръ 2 бѣлки, до Курьострова 2 бѣлки, до Чюхчелема 2 бѣлки, до Ухтьострова 2 бѣлки, до Кургін 2 бѣлки, до Княжа острова 4 бѣлки, до Лисича острова 7 бѣлъ, а до Конечныхъ дворовъ 10 бѣлъ, до Нонаксы 20 бѣлъ, до Уны 30 бѣлъ; а съ Орлеца вверхъ до Двинѣ до Кривого бѣлка, до Ракулы 2 бѣлки, до Новолока 3 бѣлки, до Челмахты 4 бѣлки, до Емчи 5 бѣлъ, до Калей 10 бѣлъ, до Кн- риегоръ 17 бѣлъ, до Тоймы до Нижніе 30 бѣлъ; а на правду вдвое. А желѣзного 4 бѣлки, только человекъ скуютъ, а не будетъ по немъ порука, а болѣ того дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити, а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойские позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстники дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ нетутошней человекъ, и не его дадутъ на поруцѣ. А отъ печати намѣстникомъ по 3 бѣлки; а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты 2 бѣлки; а сотскому и подвойскому поплинка съ лоды по полу ржи у гостя. А кто осподарь огрѣшится, ударить своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, вины не емлютъ. А приставомъ мови в. Князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстники: а надъ кѣмъ учинятъ продажу сильно, а ударить ми на нихъ челомъ, и миѣ кня-

зю в. велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станеть, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправить. А гостю двинскому гостити въ лодяхъ или на возѣхъ: съ лодіи на Устюжѣ намѣстникомъ 2 пуза соли, а съ воза 2 бѣлки, а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники, ничего; а на Вологдѣ дадутъ съ лодіи 2 пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ лодяхъ, или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстники устюжские и вологодские ихъ не уимають. А на Устюжѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ: а учинится татба отъ двинскихъ людое съ поличнымъ, и нѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ в. княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу; а чего кто иметь искати на нихъ, и нѣ учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ двинскихъ, и нѣ учинятъ исправу имъ на Двинѣ. А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ ненадобѣ во всей моей отчинѣ въ в. княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостинное, ни язка, ни иные некоторые пошлыны. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметь ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ в. князя въ казни.

(А. Арх. Эксп. I, № 13).

Обратить вниманіе, какъ сильно измѣнились прежніе законы: вмѣсто пѣтрафовъ введены висѣлки, клеймени и г. под.

184. Жалованная Новгородская ок. 1411.

Господину посаднику новгородскому Василью Микитичу, тысяцкому новгородскому Овраму Степановичу и всему господину Новгороду, на вѣдѣ на Ярославлѣ дворѣ, се били челомъ Степанъ Есипо-

вичъ и его братья, Ондреянъ Олександровичъ и Ермола Левонтьевичъ и Остафей Васильевичъ, что они емлютъ у нашихъ сиротъ, на Терпиловѣ погостѣ по моралье посаднице и тысяцкого не по старинѣ. И посадникъ, и тысяцкой и весь господние В. Новгородѣ даша грамоту жалованную, на вѣдѣ на Ярославлѣ дворѣ, сиротамъ Терпилова погоста: давати имъ моралье посаднице и тысяцкого по старымъ грамотамъ, по 40 бѣлъ, да по 4 сѣва мучи, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мирянину тянутъ въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а той потинетъ потугомъ въ Терпиловѣ погостѣ. А дѣмъ владѣлъ Савелій Григорьевичъ и его братья, землею и водою и лѣсы, и полѣшными мѣсты содоными въ Упской губѣ, и всякими ловищами, и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ. А кто сю грамоту переступитъ, и дасть Новгороду сго рублевъ.

(А. Истор. I, № 17).

185. Изъ Исковской Судной грамоты до 1467.

Се судъ княжей Ожъ клѣтъ покрадутъ за зомкомъ, или сани подъ полестью, или возъ подъ титягою (роюжа?), или лодью подъ полубы, или въ яме, или екота украдутъ или сѣно сверху стога, имать то все судъ княжей, а продажи 9 денегъ. А разбой, находъ (нападеніе), грабежъ 70 гривень; а княжая продажа 19 ден. да 4 ден. князю и посаднику. И владычию намѣстнику судъ и на судъ не судить; ни судіамъ, ни намѣстнику княжа суда не судите.

А которому посаднику съети на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судить право,

по крестному целованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не метитися ни накогожъ, а судомъ не отчитися, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а безъ исправы чело-вѣка не погубити, ни на суду, ни вѣчи.

А князь и посадникъ на вѣчи суду не судитъ; судити имъ у князя на сѣнехъ, взявша на правду, по крестному цѣлованію. А не въсудятъ въ правду, ино Богъ буди имъ судіа, на второмъ пришествіи Христовѣ. А тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику.

А которому князю челоуку вхати на приго(ро)дѣ намѣстникомъ, ино целоваши ему на томъ крестѣ, что ему хотѣти Пскову добра; а судити прямо по крестному целованію....

А которой посадникъ слѣзетъ степени своей, орудіа и судове самому управливати, а иному наездъ (другой слодетъ), его судове не пересужати.

А крамскому (храмъскому, домовому) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигальнику, тѣмъ живота не дати. Чтобы и на посадѣ поврадется, ино двояжды ѣ пожаловати, а изличивъ, казнити по его винѣ; и въ 3-й рядъ изличивъ, живота не дати, какъ крамъскому татю.

А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли оной (полевой) или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ или нивы розстрадни (распаханы), а стражетъ и владѣть тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, ино тому ищю съслася на сосѣдѣ, челоукъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на копѣхъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ; и той челоукъ, которой послазся, стражетъ и владѣть тою землею или водою лѣтъ 4 или 5; а супротивенъ въ тѣ лѣта, ни его судилъ, ни на землю наступался или на воду; ино земля его чиста или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ. А тако не допскался, кто не судилъ, ни наступался

въ ты лѣта, о лѣшей (лѣсной) земли будетъ судъ.

А положить грамоты и двои на одну землю, а зайдуть грамоты за грамоты, а ища оба возмуть межниковъ, да оба изведутца по своимъ грамотамъ; да предъ господю ставши, межникомъ межничество съимуть; ино имъ присужати поле (поединокъ)....

А кто у кого иметь землю отымати выкуномъ, а старые грамоты у того челоука. у кого землю отымають, ино воля того челоука, у кого старые грамоты: хочеть на поле лѣзеть, или своего ища къ правдѣ ведеть, на его выкупке, покуда отнимаетъ.

А кто положить доску (записи) на мрътваго о блюденіи, а иметь искати на приказниковъ того соблюденіа, сребра, или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ умръшей съ подрядною, и рукописаніе у него написано и въ ларь положено; ино на тѣхъ приказниковъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказниковъ не искати ничего. А толко будетъ закладъ или записъ, волно искати по записи, и кто животомъ владѣть по записи, или по закладу.

А у приказниковъ умръшаго, а не будетъ закладу, ни записи умръшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съсудіа, ни торговли, ни зблюденіа, —ничегожъ.

А у котораго умръшаго, а будетъ отецъ, или мать, или сынъ, или братъ или сестра, или кто близкаго племени, а а животомъ владѣть, а толко не сторонніи людие, ино имъ волно искати безъ закладу и безъ записи умръшаго, а на нихъ волно жъ искати....

А кто иметь искати зблюденіа по доскамъ, безимено, старицы; ино тотъ не допскался.

А кто на кого иметь сачить (искать) бою, или грабежу, по позовици; и князь

и посадникомъ, и сотникомъ обыскати какъ послухъ, гдѣ будетъ обѣдалъ, і гдѣ на-
чалъ; и послухъ изведется иночаемъ его,
или гдѣ обѣдалъ; также и битого опро-
сить: гдѣ осѣгъ били і грабили? Явили
кому? и на тѣхъ ему слатся. А на ко-
го сошлются, а тотъ ставъ скажетъ,
какъ право предъ Богомъ, што битый
являлъ бой свой, и грабежъ; а послухъ
на судѣ ставъ, а послухуетъ (*засвидѣ-
тельствуется*) въ тыже рѣчи, ино тотъ
судъ судитъ на того волю, на комъ со-
чатъ. Хочетъ съ послухомъ на поле лѣ-
зеть, или послухъ у креста положить,
чего искалъ.

...А гдѣ учинится бой, у торгу или
на улицы во Псковѣ, или на пригородѣ
или въ селѣ на волость въ пиру, а гра-
бежу не будетъ; а тотъ бой многы лю-
ди видѣли въ торгу, или на улицы, или
въ пиру, а ставши передъ нами, человекъ
ни 4 или 5, аркучи слово: *того бить*;
ино кто бѣлся, того человека ихъ душа
выдати... битому человеку; а княжая иро
той же битъ учить клѣпать грабежомъ,
ино ему ходитъ ища послухомъ однимъ
человѣкомъ, того дѣла, завежъ и поле
присужать.

А кто на комъ иметъ сочить съсуд-
наго серебра по доскамъ, а сверхъ того
и закладъ положить; ино воля того че-
ловѣка, кто иметъ серебра сочить по за-
кладу; хочеть самъ поцелуетъ, да свое
серебро возметъ, а хочеть закладъ ему
у креста положить; и онъ поцѣловавъ,
да свой закладъ возметъ. А поле черезъ
закладъ не присужати; а закладныхъ
доскъ не посужати...

А кто иметъ давать серебро въ заимъ,
ино дать до рубля безъ заклада и безъ
записи; а болши рубль не давати безъ
заклада и безъ записи...

А на которомъ человекѣ имутъ соचितъ
долгу по доскамъ, или жонка, или дети-
на, или стара, или немощна, или чемъ
безвѣченъ, или чернець, или черница,

ино имъ наймита волю наняти, а исцомъ
цѣловати, а наймитомъ битись; а противъ
наймита ищю своего наймита волю, или
самъ лѣзеть.

А которому человеку поле будетъ съ
суда, а ставъ на полѣ истецъ поможетъ
(*пересилитъ*) своего пса; ино ему взять
чего сачилъ на ищю, а на тругъ у
кукъ неимати; только ему доспѣхъ сняти
или иное што, въ чемъ на полѣ лѣзеть.
А иноватому платити и княжа продажа
и приставное, двѣма приставамъ, толка
побьются, по 6 денегъ; а толко проще-
ніе возмуть, ино приставамъ по 3 ден.,
а князю продажи нѣтъ, ожъ истецъ чего
не возможеть.

А кто иметъ на комъ сочить торго-
выхъ денегъ по доскамъ, тотъ человекъ
протнвоположитъ рядницу, а въ рядницы
будетъ нависано о торговли же, а прога-
ву той рядницы не будетъ во святей
церкви въ лари, въ тѣжъ рѣчи другой;
ино тая рядница повинити...

А которой наймать дворной, поидетъ
прочъ отъ государя, не достоявъ своего
урока; ино ему найму взяти по счету, а
сочить ему найма своего за годъ, чтобы
5 годовъ или 10 годъ стоявши, и всѣхъ
тѣхъ ему годъ найма сочить какъ отиде
за годъ сочить, толко будетъ найма не
ималъ у государя; а толко поидетъ бол-
ши года, ино имъ не сочяти на госуда-
рехъ...

А которой государь (*хозяинъ*) захо-
четъ отрокъ (*помощника*) дати своему
изорнику (*пахарю*), или огородникъ, или
кочетнику (*рыболову?*), ино отрокъ бы-
ти о Филипове Заговѣнии; такожъ захо-
четъ изорникъ отречися съ села, или
огороднику, или четникъ, ино тому жъ
отроку быти; а иному отроку не быти,
ни отъ государя, ни отъ изорника, ни
отъ кочетника, ни отъ огородника. А за-
прется изорникъ, или огородникъ или
кочетникъ отрока государева, ино ему
правда дати; а государь не доискала

чевверти, или огородной части, или съ ысады (*рыболовнаго затона, уцуга*) рыбной части.

А которой кочетникъ заложитъ веслу, или исполовникъ у государя; ино ему заплатити весна своему государю, какъ у другой чать (*чети?*) доставался на томъ же садѣ. А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волю и въ закладъ своей покруты и сочить серебра, и всякой верши (*жльба*), по имени или пшеница ярой или озимой, и по отроку государеву или самъ отречется. А кто иметъ сочлтъ торговли или поруки, или зблуденіа или ссудна, или выморщины безимянно; ино той не доискался.

А который человекъ у человека знаетъ свое што изгнбшее; а тому молвить то слово: «кушилъ еси на торгу, а тогожъ еси не знаю у кого купилъ». Ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а татемъ не подѣлился, а не поставитъ его, а самъ не украсть, ни пословицы не было будетъ, ино тотъ не доискался.

А кто што купилъ на чужей земли, или на городѣ, или найдеть гдѣ, а а кто иномается толко, ино тотъ судить какъ въ торгу.

А кто поиметь на волохотеляхъ посула (*взятки*) сачить, да и портище (*плате*) сойметъ, или конь сведеть, а молвить такъ: «въ посулѣ еси снялъ, или конь свелъ»;—ино быти ему въ грабежи, хто въ посул снялъ, или коня свелъ.

А княжимъ людемъ, или подвоскимъ ѣздитъ дворитъ, а ѣздъ имати на 10 верстѣ деуга; а штобы двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой человекъ не поѣдетъ нѣхъ тово, или подвоской, ино Псковитину послать нѣхъ того волю, и съ тѣхъ же ѣздовъ.

А княжей писецъ изъметъ по силѣ, пегъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной; а за-

хотеть не по силѣ, ино волю имѣть написать, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у святѣй Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.

А коли и орникъ иметъ заирагся у государя покруты, а молвить такъ: «у тебе еси на селѣ живалъ, а тебѣ еси не виноватъ»; ино на то государю тому поставитъ люди сторонние, человекъ А і 5, а тымъ людемъ сказати какъ прямо предъ Богомъ, какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ; ино государю приода даими, взять свое, или изорнику вѣрптъ, то воля государева. А только государь не поставитъ людей на то, что изорникъ на селѣ сѣдѣлъ; ино тотъ человекъ покруты своей не доискался.

А на тати и на разбойники же, чего иседецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти.

А же сынъ отца или мать не скормить до смерти, а поидеть изъ дому; части ему не взять (*изъ наследства*)...

А кто купилъ на торгу, а у кого купилъ не знаетъ его, а людемъ будетъ добрымъ ѣздою, а у него имаются человекъ А или 5, скажутъ како право предъ Богомъ: «предъ нами въ торгу купилъ»; ино той правъ у кого имаются, и целованья ему нѣтъ. А не будетъ у коего свидѣтелей, ино ему правда дати, а то не доискался...

А татю вѣры не вять; а на кого во-скленелъ, ино домъ его обыскать, и знайдутъ въ дому его что похищенное, и онъ тотъ же татъ; а не найдутъ въ дому его, и онъ свободенъ.

А князю и посаднику грамотъ правыхъ не посужати, а живыхъ грамотъ и доски обыскавши, правда судомъ посудити...

А посаднику всякому, за друга ему не тигатся, опрочъ своего орудка (*дѣла*), или гдѣ церковное старостеніе аржать (*гдѣ старостой*), ино имъ волю тя-

гаться. И всякому властелю за друга не тягаться оврочь своего орудія.

А за церковною землею, и на судъ пошочью сусѣди не ходять; итти на судъ старостахъ за церковную землю.

А одному пособику (*ходатаю*) одного дни за 2 орудія не тягаться.

А которому человеку будетъ кормля написана пѣ рукописани, и да грамотами владѣть земельными начнетъ или исадскимъ, а продасть тую землю или садъ, или иное что, а доличать того человека; ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою кормлю покралъ...

А которому княжому человеку ѣздити на лежу съ сотскими, ино ему такоже пѣловати крестъ. А коли имутъ тягаться о земли или о водѣ, а положить двоимъ грамоты: или одны грамоты чести дьяку княжому, а другіе грамоты чести дьяку городскому. А коли придетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

А кто съ кимъ побьется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на шире, или гдѣ инѣ; а только приставамъ не позовутся, а пронежь себе прощение возмуть; ино ту князю продажи нѣтъ.

А на приставае и на ссылку княжымъ людямъ ѣздитъ со псковскими подвояскими по половинамъ.

А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имъ имати по денги. А толко княжей писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у св. Троицы запечатать; а въ томъ измѣны нѣтъ...

А которой изорникъ поухреть у государя на селѣ, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племянника; ино государю такоже животъ (пожитки) изорникъ, съ приставами и сторонними

людьми попродавать, да за свою покруту (*порядъ?*) поплати, а потому племени изорника, ни брату не сочнѣ живота изорника...

А у котораго человека помретъ жена безъ рукописани, а у ней останется отчина или животъ, ино жеиъ его кормится до своего живота, толко не поидетъ за мужъ; ино ей нѣтъ...

А у кого помретъ сынъ, а невестка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати, или платя своего; ино свекру или дѣверю отдать платя или крута. А чѣмъ невестка клевететь, ино свекру или дѣверю воля чимъ хочетъ; хочетъ самъ поцелуетъ крестъ, или у креста невестка положить, чимъ учнетъ клеветати.

А кто на кожь учнетъ искать *сябре-наго* (¹) серебра или иного чего, опрочь кушетскаго дѣла и гостебнаго, да и доску положить на то; ино то судитъ на того волю, на комъ ишуть, хочетъ самъ поцелуетъ, или своему испу у креста положить, или съ нимъ на поле лѣзетъ...

А гдѣ учинится (*у*) головниа, а доличать коего головника; ино князю на головникохъ взять рубль продажи. А штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, ино князю продажа.

А который человекъ съ приставамъ придетъ на дворъ татя имать и татбы искать, или дѣлжника имать, а жонка отъ то время дети вывержетъ, да пристава учнетъ головниной окладати или вса; ино въ томъ головнины нѣтъ.

А которой истецъ на судный ротѣ не станетъ, ино ему заплатить безъ целованья; а цѣна ему, что искала на немъ.

А которой человекъ при своемъ животѣ или предъ смертію, а что дастъ своему

(¹) Т. е. общаго, компанейскаго *Шабры* — со-
сѣди, *сябро* — общество, которое дѣлаетъ одно ка-
кое-либо дѣло.

рукою племяннику своему платно, или иное что животное, или отчину, да и грамоты дать предъ попомъ, или предъ сторонними людьми, ино тому тѣмъ даньемъ владѣть, чтобы и рукописаніа не было.

А кто иметъ на комъ торговля искать или поруки, или именного чего, ино того судити на того волю, на комъ сочатъ; хочеть на поле лѣзеть, или у креста положить.

А которой мастеръ иметъ сочить на ученики учебнаго, а ученикъ запрется, ино воля государева, хочеть самъ поцелуетъ на своемъ учебномъ, или ученику вѣрить.

А подсудьяникъ на государи ссуды или иного чего волю искати, а которому съ кимъ суплетка была записью или закладомъ, і потомъ тотъ человекъ, которой въ записи былъ, или закладъ закладывалъ кому, да учнетъ на томже чего искать—ссуды или зблуденья, или иного чего, по до-скамъ или по торговли; ино то судити судомъ по исковой потягивъ.

А которыхъ исцы вымутъ на умершаго закладъ, грамоты двои или трои, или пяттеры на одну землю, или на воду, или на одинъ дворъ, на одну клѣтъ, а у тѣхъ исцовъ у кого закладъ, грамоты сверхъ того и записи, і на того умершаго и на его закладъ, и у иныхъ исцовъ не будетъ записи, толко закладъ грамотъ; ино имъ правда давши, да делать по дѣломъ і по серебру, колко серебра, ино коля ему по тому числу. Ожъ ближнее племя во-схошеть закладъ выкупить, а у коего исца закладъ і записи на умершаго; ино ему целовалъ итъ на его дѣло.

А которой чужейземецъ на чюжей земле иметъ искать бою и грабежу, ино воля того на комъ ищутъ; хочеть самъ поцелуетъ, какъ будетъ его ни билъ, ни грабилъ, или ему у креста положить, чего на немъ ищутъ.

А кто съ кимъ ротяжуются о земле или о борти, да положить грамоты ста-

рые и купляющую свою грамоту,—и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли, и борти и сябры вси стануть на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи. Ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господю покладутъ, да и межниковъ позмутъ, и той отведутъ у стариковъ, по своей кунной грамотѣ, свою часть; ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному. А поцелуетъ во всѣхъ сябровъ,—ино ему и судища дати на часть, на которой поцелуетъ.

А кто воля закладъ положить въ пѣнезехъ что-либо, а потомъ времяне иметъ пѣнязи отдавати, а своего заклада проситъ, і онъ запрется его закладу, а молвить такъ: «тебѣ есмь пѣнязь не давалъ, а у тебѣ есмь закладъ не взялъ»; ино той судъ какъ зблуденію, на три воли тому человеку, на комъ сочатъ: захочеть самъ поцелуетъ какъ заимъ закладъ не будетъ; или ему закладную цѣву, цѣвою положить у креста; или съ нимъ на поле лѣзеть.

А которой строкъ посланной грамоты имѣть, и посадникомъ доложить господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не любба будетъ господину Пскову, ино та строка волю выписать вонъ изъ грамотъ.

А попы и діаконъ и проскурница, и черныча и черница судитъ намѣстнику владычню. Аже попъ или діаконъ, или противу черныча или черницы жъ, а будетъ обая не простые люди церковные, ино не судитъ князю, ни посаднику, ни судіамъ не судитъ, занежъ судъ владычня намѣстника. А будетъ одинъ человекъ простой истецъ маряинъ, аже церковный человекъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнымъ намѣстникомъ вопчи; такожъ и судіимъ.

У котораго человека имутся за конь или за корову, или за явную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ молвить: «то у

мене свое рошеное; ино ему правда дати, какъ чисто рошеное (*доморощенное*).

А кто предъ господою (*властями, судьями*) ударить на судъ своего ищца, ино его въ рубли выдать тому человѣку; а князю продажа.

А боранъ присужать 6 денегъ, а за овцу 10 ден. государю; а судья 3 ден., старая правда. А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 ден. государю, на суде 3 ден. А за утицу и за селезня, и за куръ, і за кокошь присужать по 2 ден.

А братьщина судить какъ судья. А кто съ кимъ на пѣни менится чимъ, іли что купить, а потомъ проснятся, п одному ищю не любо-будеть, ино имъ размѣнятся; а въ томъ целованіа нѣтъ, ни присужати.

А княжимъ людемъ по дворамъ корѣмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати.

А кто загоя на комъ учнетъ сочить, а долики ни каковы не будетъ, ино на волюю рету (*клятву*) позвать вольно.

А кто у кого бороду вырветъ, а послухъ опослушествуетъ; ино ему крестъ целовати, и битися на поли, а послухъ изможеть, ино за бороду присудити два рубля и за бой. А послуху быти одному.

А корову купить за слюбено, а по торговли телять не сочить; а толка корова кровью помачиватся иметь; ино тая корова назадъ воротити, чтобы (*если*) і денги заплачены были.

А жовки зъ жонкою присужать поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону.

А кто учнетъ на комъ сочить бою 5 человѣкъ іли 10, іли сколько ни буди, на 5, іли на одномъ боевъ своихъ да уга-

жуть; ино имъ присужать всемъ, за вси боеви одинъ рубль, и княжая продажа одна.

(*Пск. Судн. Грам., изд. Н. Мурзакевичемъ, Одесса, 1847*).

Псковская Судная грамота представляетъ драгоцѣнный образецъ нашего стариннаго вѣчеваго законодательства. она указываетъ на основныя постановленія, судебную форму, должностныя лица, ходъ дѣла, вознагражденіе тягущихся и судебъ законными пошлинами и пр. Все это рисуетъ предъ нами въ живыхъ образахъ картину гражданскаго быта псковской области въ XIV и въ XV в. Псковская Судная грамота составлена изъ грамотъ, данныхъ оренными князьями и составленными псковскими вѣчеми; полное оглавление говоритъ объ этомъ ясно: «Ся грамота выписана изъ вел. кн. Александровы грамоты, і изъ князевъ Константиновыхъ грам., і изъ вѣствъ приписковъ псковскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ попоятъ вѣствъ 5 съборовъ, и священноинокъ, і дьяконовъ и всего божія священства, вѣствъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6975 (1467)». Въ этомъ году присланъ былъ изъ Москвы наместникомъ во Псковъ в. кн. Федоръ Юрьевичъ Шуйскій, и псковичи, для огражденія своей самостоятельности, составили грамоту на основаніи старинныхъ правилъ судовъ судити, и ч. «изъ вѣсковъ князевъ наместники не бывали». Обезпечивая свой самосудъ на вѣствъ своихъ пригородахъ, они заставили Шуйскаго крестъ целовати и сдѣлали на вѣчь выписки изъ старыхъ грамотъ Александра Мих. Тверскаго, который былъ у нихъ 1527—1529 и 1531—1536 г. и кн. Константина Дим. Бѣлозерскаго, роднаго брата Вас. Димитріевича, в. кн. московскаго, правившаго Псковомъ въ 1407 г. Изъ этого «Самосуда господина Пскова» заимствовано много полезныхъ правилъ въ Сборникъ московскаго законодательства 1497 г.

См. ист. княз. пск. М. Евгенія. Певъ 1831, ч. II, 16 и 22. Законы в. кн. Ювина Васил. и Судебникъ царя Ювина Васил., изд. К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1849. Истор. госуд. рос. Карамзина V, пр. 404. Изслѣд. Псковской Судной Грам. Устрляова. Сиб. 1885. Гражданскіе законы пск. Судной Грам. Энгельмана. О псковс. Судной Грам. К. М-го Свѣ. обзор. 1850, № 2 и 3.

3. НЕДОСТАТКИ ДРЕВНЯГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

186. Изъ посланія Никифора м-та киевскаго къ в. кн. Володиміру до 1121.

Благословенъ Богъ, и благословено св. имя славы его, благословене и прославленіе мой княже! Иже многы ради своеа благодати и челоуколюбіа, сподобивъ нѣ дѣти въ пречестныя дѣни сіа св. поста, пѣже яко строитель нашего спасенія, въ душевное очищеніе душъ нашихъ възаконилъ есть, постяся и самъ, на извѣщеніе своего въчеловѣченія 40 дѣни; не постъ трѣбуя, но намъ образъ показуя постъ....

Многа ина ииѣлъ быхъ изрещи на похвалене поста, аще иному бы было писаніе се; а понеже к тобѣ, добляя глава наша и вси христіанской земли, слово се есть: его же Богъ издалеча проразумѣи въ прѣдповѣстѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, от царское и княжеское крови смѣшивъ, его же благочестіе въспита и постъ въздоз, и святаа Христова купель из младѣ ногтей очисти; то не потрѣбно есть о постѣ бесѣдовать ти, и паче же о непитіи вина или пива въ врѣмя поста. Кто бо не въсть твоего несправленія сего? На томъ, иже отгннудъ нечѣстїа, или не чювственныи, не разумѣеть ихъ. И видѣть вси и чюдаться. Въ образъ же наказанія, по церковному уставу, ина нѣкая изложимъ твоему благовѣрію, и добрыхъ ти источникъ скажемъ от нихже наводниютца благаа, истѣкають въ челоуѣцѣ по правдѣ творящимъ благаа, и истѣкають якоже благыи; ащели противѣи о нихъ, и по криву приложатся; то

и путь злобы и в ровъ и въ пропасти уклонится...

Вѣда буди, благородныя княже! божественнымъ вдохновеніемъ сѣтворена бысть душа, иже и по образу божію сѣздана быти глаголетъ. Та душа от трѣхъ части есть, рекше силы пмать 3: *Словесное* и *яростное* и *желданное* (1).

«Словесное» (*т. е. умственное — логикос*) убо старѣе есть, и выше всѣхъ; посему бо кромѣ есмъ всѣхъ животныхъ, тѣмъ бо небо и прочаа вся сѣтворешаа разумѣхомъ и к разуму божію взидохомъ, елико насъ добръ словесное съблюдохомъ. И вижъ Авраама, како мужъ сынъ нечѣстїа и звѣздословна придръжася, и от звѣзданаго хоженія и от стоянія ихъ позна Творца, и вѣрова въ Бога... Прежде же Денница ангелъ, нинѣ темный діаволъ, словесенъ сына, и не по правдѣ приимъ словесное, но равнѣ быти Богу пыщевовъ, за гордость его спадѣ съ небесъ с чюномъ своимъ...

Второе же «яростное» (*т. е. страстное или чувство — эмикос*), иже пмать еже къ Богу ревность, и еже на божіа врагы мечь; есть же и съ нимъ и злоба и зависть, якоже и въ словеснѣхъ, благогѣрство и злогѣрство. И вижъ, что съключися от злаго: оставивъ Кавиъ добродѣтель яростнаго, иже къ Богу ревность, а злобу избра и зависть, и уби брата сво-

(1) Здѣсь разумѣются трѣ силы души: умъ, сердце и воля. Это психологическое ученіе взято изъ византийскихъ источниковъ.

его Авелл, и въ землю осуженъ бысть мшени отъ Бога. Но Моисей не тако съхрани гнѣвнаго, и въ видѣ мужа Египтянина, бѣща Жидовина, и уби его, ревности ради божіа...

Третіе же «желанное» (*т. е. волл—символическое*), иже добродѣтель убо имѣеть, еже къ Богу волну нѣтъ желаніе, и забывати нѣтъ и о ономъ промышляти просвѣщеніи, от него же сізніе бываеъ божіе и раздраеъ вретіще, по пророку Давидови, глаголющю: обратилъ еси плачь мой на радость мѣя, растрѣже вретіще мое, и препояса мѣя въ веселіе. Веселіе же то раждаетъ отъ зла и страданія Бога ради; отъ веселія же того роетъ стѣня животное, отъ того чудотворенія, отъ того прориченія будущаго, отъ того человекъ Богу по силѣ приближается, и по образу и по подобію бываеъ, и на земли силъ, по образу сздаваго и Бога.

Увѣдаъ еси, княже человекѣлюбивыи и кроткыи! сими словомъ тричаеъ душа. Увѣлъ же слугы ея, и ея воеводы, и сиомивателъ; или же служива бываеъ, бесплотна сущи, и принимаетъ въспоминанія. Та убо душа сѣдитъ въ главѣ, умъ имущи, якоже свѣтлое око въ себѣ, и исполняющи все тѣло силою своею, якоже бо ты, княже, сѣди здѣ в семъ своемъ землі, воеводами и слугами своими дѣствуеши по всемъ землі, и самъ ты еси господицъ и князь; тако и душа по всему тѣлу дѣствуетъ пѣтью слугъ своихъ, рекше пѣтью чювствій: очима, слухомъ, обоняніемъ, еже есть ноздрима, вкушеніемъ и осазаніемъ, еже еста рупѣ. И *видѣніе* убо естъ чювственное вѣрно, и его же видѣть, аще не безъ ума, то вѣрно видѣмъ; *слухъ* же въ другая мѣста истинна, а въ другая мѣста лжа. И почто вѣсть, княже мой, яко же и видѣніе, такоже и слухъ? недоумію убо о семъ азъ; но пакы тѣлкують, яко видѣніе предвѣда убо видѣть, задѣ же тѣла не видѣть; слухъ же и преди глаголющому

слышитъ, и задѣ вѣдѣющему разумѣть; и подобаеъ яко единому видѣщу очима вѣровати, слуху же не вѣровати, ни не вѣровати, по испытаніемъ и судомъ многымъ творити слышима: ти тако изнести отвѣтъ. О *обоняніи* же, иже гонять благоуханіе, что подобаеъ глаголати к такому князю, иже боле на земли синтъ и дому ѡбгаеъ, и свѣтлое поменіе поргъ отгонитъ, и по дѣломъ ходя сиротину носить одежду, и по пужи въ градъ въходя, власти дѣла, въ властельскую ризу облачитъ? И о *вкушеніи* такоже, иже въ брашнѣ и пѣти бываеъ. И вѣмы, яко же нѣтъ на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши, и бываеши вѣмъ всяческая, да вѣхъ прибрѣеши, и законныя и беззаконныя, величства ради княжескаго; и самъ убо служива, и стражеши руками своими... Рука твоя по божіемъ благодати къ вѣмъ простираеъ, и выколюже ти сѣкровище положено бысть, ля злато, ли сребро ишътено бысть, но вся раздаван, и обѣма руками истощаеъ даже доселѣ. По скотница (*казна, кладовая*) по божіи благодати не скудна естъ и неистощаема, раздаваема и не оскудѣваема; и не ищѣли ти Христосъ руку по възмужаніи, но якоже родися здравую нѣтъ еси, и имѣти имѣши издѣся на Христа.

Почтоже словеса ея прострохъ и долго рековахъ? Да разумѣеши, княже мой, яко болю о тебѣ; и якоже тѣлесни врачеве, еже любять болящаго, то бѣды и первую вину недуга пытають: ти тако творятъ извѣстно разумъ недуга. Такоже и азъ сътвориохъ, в первую вину испытатъ, в по душевныи жламъ испытатъ, обрѣтохъ...

Пѣть же чювствіи испытатъ: по видѣнію непретковена тя обрѣтаю, и по второму, и по третіемъ же такоже, еже естъ вкушъ, и уне руки такоже. О вторѣмъ же чювствіи и о слухѣ не имамъ поетяженія, княже мой, изрещи что извѣстно; мнитъ же ми ся, яко не мога самъ вся

творити очима своима, отъ служащихъ орудіемъ твоимъ и приносящихъ ти вспоможенія, то отъ гѣхъ нѣкако приходитъ ти пакость душевная, и отвѣсту сущу слуху, тѣмъ едваиѣмъ стрѣла входитъ ти; того ради Соломонъ повелѣваетъ намъ глаголю: «блудѣте, да не смерть выидеть оконцѣ вапшии». О семъ испытаи, княже мой, о томъ помисли: о изгнанныхъ отъ тебе, о осуженныхъ отъ тебе наказанія ради, о прѣзрѣнныхъ; вспомани о всѣхъ, кто на кого изрекъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ суди разсуди таковыя, и якоже отъ Бога поставляемъ, всѣхъ помани, и тако сътвори и отпусти; да ти ся отпуститъ, и отгаждъ, да ти ся отласть.

Аще бо не отдамы, якоже Христосъ глаголетъ, грѣхъпадевіа челоукомъ, ни отецъ небесный оставитъ намъ прегрѣшенный нашихъ. Но и всеу нарицаемъ отца Бога, и глаголемъ къ Нему лжуще: «остави долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». Не опечали же ся, княже мой, о семъ словеси; или мниши, яко кто приде къ мнѣ печаленъ⁽¹⁾, и того дѣла написахъ ти се? ни; тако ли благовѣрія твоего, но просто тако написахъ на воспоминаніе тебѣ, яко великія власти и великомъ воспоминаемъ гребують и многъ, яко и вельми пользуютъ, и велику пакость имѣють. И сего ради дерзнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и правило, во время се и ко княземъ глаголати что полезное. Не вѣдаемъ бо сего, яко грѣшници острізани суще, и гноемъ истекающе нѣхъ цѣлѣти начинаемъ; но во всемъ семъ ни една же пакость. Аще бо и мы тащи, но слово божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло...

.....Тако Бога поминая блаженъ буде-

(1) Митрополитъ указываетъ на обычай печалования или заступничества духовенства предъ княземъ за виновныхъ.

ши, храняи судьбу и творяи правду во всяко время. Аще тако творяши, то созиждети домъ душевнаго спасенія, и не въ пустошь созиждеши; а тако сохраниши градъ, еже есть душа твоя, и не всеу будещи бдѣль; и тако потребиши изъ нея злыя совѣтники, рекше лукавыя помыслы. Сія ти совершенному, яко совершеннѣйшу тѣхъ; помняи о осуженныхъ отъ тебе, и исправи кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди; и простимъ, да прощени будемъ. Яко свѣтло въ міръ, животное слово имѣя, а дѣла твоя: благовѣріе, правду, судьбу нелицемѣрну, и милость, и отпущеніе, а еже выну взирати къ церкви царствующей и князю княземъ, и предъ очима имѣти его, якоже имѣеши... И едино ти реку на конци, христоролюбивый Княже мой, мало; воспоминаніе имѣи третьяго исавла, перваго часа, иже есть 100, и съ внимаемъ его дои: милость и судъ пою Тебе, Господи, и прочая его, и той есть истинный икуникъ царское и княжеское икуны (когда съ подлинника).

(Рус. Дост. I, 71—75).

Митроп. Никифоръ (1104—1121) родомъ Грекъ и высказалъ въ посланіи византизмъ воззрѣнія. Какъ челоукъ благородный, онъ считалъ нужнымъ замѣтить всл. князю, что не слѣдуетъ внимать всякимъ слухамъ и доверять окружающимъ; но онъ высказалъ это съ удивительной осторожностью, мало по малу, при помощи многихъ изворотовъ и оборотовъ ораторскихъ. Посланіе какъ будто писано по слуху поэта—и отозвечено отъ жизни; но по всему видно, что главной цѣлью его было—дать знать Мономаху, чтобы онъ самъ судилъ и не доверялся другимъ, по милости которыхъ многие невинно илчаны и осуждены княземъ. Кроме посланія къ Владимиру Мономаху о латынѣ и по случаю наступленія поэта, митр. Никифоръ написалъ: 1, поученіе въ исидію сыропустную и 2, написаніе на Латынку ко князю Ярославу.

Ист. рус. цер. Макаріа II, 320—327. Памят. XII в. 157—163. Рус. Дост. I, 71—75.

187. Беседа тверского епископа Симеона с полотским князем Константином послѣ 1289.

Князь Константинъ полотскій въспроси владыку Симеона тверскаго, гдѣ быти тиуломъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече владыка: «гдѣ и князь». Князь же о томъ не полюбил на владыку, глаголя: тиуи не право судити, възду емлетъ, зло дѣлаетъ: азъ что дѣю? И рече ему владыка: «аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избяраетъ властели мужа добра, страха божіа полна, разумна и праведна. Князь будетъ въ рай, а тиунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха божіа, и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуша, толико бы ему кунъ (денегъ) добывалъ; наустялъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити; и князь его будетъ въ адъ, а тиунъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, царемъ и княземъ и намѣстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, из-

бавляйте убогихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ богатыхъ обидѣны суть и притекають къ вамъ, яко затишникомъ благимъ; но вы, цари и князи и намѣстники, подобни есте тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ во время ведре, а не падъ землю жаждущую воды: вы тѣмъ болѣе даете и помогаете, у нихъ же много золота и серебра, а не тѣмъ, иже не вьмутъ ни пѣнязя (мелкой монеты) бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете». —

(Ист. Гос. рос. IV, пр 178).

Въ Поученіи Мономаха есть намекъ на недостатокъ суда приближенныхъ къ князю, а также въ словѣ Даниила Заточника, въ 1-мъ словѣ Серапіона и въ поученіи до 1350 г.

Въ Мѣриль Проведеніи XIV—XV в. помѣщены: 1. Слово на немилостивые князѣ 2. Слово о горюсти властителей 3. Слово о судѣхъ и властелехъ, епископъ издѣ 4. Слово о судѣхъ и клеветѣхъ (Архипъ Калачова 1. 30—38; Рус. Дост. ч. 11). Въ послѣднемъ словѣ читаемъ: «Иже бо безъ правды тивуа, кождо осудитъ, продастъ и тѣмъ кунями купитъ собѣ ясти и пити и одѣяне собѣ, и вьмъ тѣмъ кунями купитъ обѣды и пиры творятъ: се же, якоже рекохомъ, стадо Христова во вѣдѣхъ есте татемъ и разбойникомъ». (Обзоръ Филарета 59).

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

188. Повѣсть о Шаманномъ судѣ.

Въ кѣмъ мѣстехъ живяше два пустынника: одинъ богатъ, а други убогъ. Богатый же, осуждая многогѣта убогого и невозможное его скудности исполнити. И по неколику времени приде убогій къ богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привести. Братъ же богатый пехотя убогому брату лошади дати, и рече ему: брате,

осужаю тебя много, а наполюти тебя не могу. И даде ему лошади. І нача у него просити. Хомута ивѣтъ. І оскорбился на него богатый братъ, и нача ему поносити, і рече ему: «како брате, что у тебя и хомута пѣтъ?» И не даде ему хомута. Убогий же поведе къ свѣбѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привязавъ дровни къ лошади за хвостъ, і поведе въ лѣсъ, і насклада дровъ і пакладчи надровни вѣлко лошади возможно везтъ, і повезе ко двору своему, і привезши дро-

ва, і отворивъ ворота, а подѣ воротни забывъ выставлятъ, ударивъ лошадь кнутомъ, лошадь же нво всей мочи бросаясь а возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себѣ оторвала. Убоги же вземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому; братъ же рассмотря, что лошадь его безъ хвоста, і являвъ у него лошеди, і поиде на него битъ челомъ во градъ в лошеди; (убогій) за нимъ же, ѣздаи, что будетъ по него из города присылка, чтобъ ему ѣзду пристовомъ не платити. І придоша до нѣкоего села недоклада города. Богаты поиде ночевать к попу того села по знакомству; убоги же братъ приде к тому же попу. і приде ляжа на позати, а богаты братъ нача попу сказывати про лошадь свою, чего ради ідетъ в городъ попу познать, (потомъ?) нача попу з богатымъ ужипать, і пити, і ясти, убоги же нача с полатей смотрити, что з братомъ его плетъ и ѣсть, а ево не позволуть. І незапу убоги урвался с полатей на зыбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же, видя сына своего смерти, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ битъ челомъ на убогого же въ убийствѣ сына своего. І придоша ко граду, гдѣ живяше судия Шемяка. Убоги же иде з ними; и видоша все во градѣ, и какъ убоги поиде мостомъ, мостъ же задѣлавъ надъ глубокимъ ровомъ; и ѣхъи человекъ, житель того града, разомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги же размысливъ в себѣ, что ему от брата и от попе будетъ погибель, и умысли в себѣ, и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися с мосту в ровъ и уладе на старого человека... везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогого поймавъ все, и привиде пред судию Шемяку. Убоги же мысляше, какъ бы ему были избытки, и умысли, взя камень, і заверте в платъ, і положи в шапку, и ста пред судиею, и принесе братъ его исквою челобитную в лошеди і подаде судѣ. Судия жъ выслушавъ челобитную в лошеди, і рече судия убогому: *отвѣдай*: Убоги же невѣды, что отвѣдати, и вынявъ из шапки в платѣ заверченый камень, и покажа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сузилъ, и рече судия истцу богатому брату: когда братъ твой у лошеди оторвалъ хвостъ, и ты у него лошеди не елми, до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошеди хвостъ вырастетъ: в то время у него лошадь і возми. І потомъ нача другіи судъ бити, і подаде попу исквою челобитну а мертвомъ сынѣ своемъ: той же убоги также выня платъ с каменемъ в такожъ судѣ показалъ. Судия же видѣ и помысли, что ему от друга суда сузилъ убоги же,—рече судия попу: когда той убоги ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою покладю (т. е.

нока она родитъ сына). По томъ нача третій судъ бити, что билъ челомъ сынъ во отцевой смерти, что той убоги же бросился с мосту ушибъ у него отца. Убоги же выпивъ из шапки той же заверченый камень в платѣ, покажа судѣ, судя же чая, что ему трети узолъ сузилъ, и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты, убоги же, стань под мостомъ; і с мосту бросися на того убогого, якоже бросился онъ на отца твоего. Убоги же нача Бога хвалити, что судия до немъ судъ судилъ. Пескъ судя изыде истцы со отвѣчникомъ ис приказу, і нача богаты просити убогого лошеди своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошеди твоей хвостъ вырастетъ, в ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублей денегъ, чтобъ онъ лошадь ему отдасть. Потомъ же убоги нача поपालи просити по судейскому указу, чтобъ ему взяли попадаю ребенка у ней добытъ и с ребенкомъ бы попу попадаю отдать: попъ же нача убогому бити челомъ, чтобъ у него полади не пжалъ; а убоги же нача проситися и попадаю хотя у попа ваяти, і даде попъ убогому за попадаю 50 рублей денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убоги третьему истцу по судейскому указу говорить: я де стану под мостомъ, а ты взыди на мостъ, и ты с мосту бросися на меня также, яко же азъ на отца твоего. Онъ же размысливъ в себѣ: аше мѣъ броситися, ево будетъ неубити, а себя буде убити. І нача истецъ миритися и даде ему 30 рублей денегъ, да лошадь с коровою. Судия же высла человека своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанныя три узла взяти. Человекъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити, опъ же, вынявъ из шапки заверченый камень в платѣ, показуя тому человекъ, и человекъ нача его вопрошати: что то за камень кажешь? Онъ же рече: я—де того ради сей камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ не по мѣъ судилъ, і я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибити. І пришедъ человекъ и сказа судѣ. Судия же, слышавъ человека своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ, а въ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убоги отиде в домъ свой, радуясь и хваля Бога.

(Пам. стар. Литер. II, 405—406).

О Шемякинѣмъ судѣ. Мѣт. Рус. Литер V, 34. Я позволилъ себѣ этотъ поздній памятникъ отнести сюда потому, что преданіе о Шемякинѣмъ судѣ, послужившее для него основой, относится къ древнему до-московскому періоду нашей исторіи.

4. СНОШЕНИЯ РУСИ СЪ ИНОСТРАНЦАМИ.

189. Договоръ Игоря съ Греками 945.

Мы отъ рода Русьскаго послы и гостіе в. кн. Игоря, (главный?) посолъ именемъ Игорьъ, и гостіе и общи послы: Вуетасгъ, (слуга?) Святослава, сына Игорева, Искусеы, Олги княгини слуги, Игоревъ иетій Ульбъ Володиславъ, Каницаръ Передславъ, Шахберъ, (нетій?) Свандры, жены Ульбовы, Прастъ Турдубъ и Лабаръ Фастовъ, Гримъ Свирковъ, Прастенъ Якутъ, нетій Игоревъ, Кары, Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егриѣ Власковъ, Войсгъ Войковъ Истръ Амвандовъ, Прастъ Берновъ, Ятвигъ Гуваревъ, Шибринъ, Алданъ Коноклековъ, Стеггетонозъ, Сбирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Тулдовъ, Мутуръ Утинъ купецъ, — Адунъ Адудовъ, Иггивладъ, Ульбъ, Фрустанъ Гомолъ, купцы, Емогъ, Туробридъ, Фуретъ Брунвалдъ, Гунастръ, Фрастъ, Ингеладъ, Турибенъ, Мошъ, Руалдъ, Свѣтъ Стяръ, Олланъ, Телна, Путаръ, Савъ Вузелъ и Сняко Боричъ, посланія отъ в. кн. русьскаго Игоря, и отъ всѣхъ князей русьскихъ и отъ всѣхъ людей земли Русьскія. И отъ тѣхъ всѣхъ заповѣдано, обновити ветхій миръ, и незавидшаго добра и враждолюбца дивода лукавая плетения разорити, отъ многихъ лѣтъ утвердити миръ и любовь между Греки и Русію.

Великій князь Игорь и князи и бояре его и люди вси русьскіе, послаша къ Роману и Константину и Стефану, къ вел. царемъ греческимъ сотворити миръ и

любовь съ самыми царями и со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми греческими, на вся лѣта, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ. Иже помышляютъ отъ страны Русьскія разрушити такую любовь, елико ихъ крещение пріяли суть, да приимутъ месть отъ Бога вседержителя, осужение на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій; а елико ихъ некрещены суть, да не лнутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да пощечены будутъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего и да будутъ рабы и въ сій вѣкъ и въ будущій.

1) Великій князь русьскій и бояре его, да посылаютъ на то въ Греки къ в. царемъ греческимъ корабль, елико хотять, съ послы своими и съ гостями, якоже имъ уставлено есть посяху послы печати златы, а гостіе серебряны; вынѣ же увидѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему, вже посылаемы бывають отъ вѣхъ же послы и гостіе, да приносятъ грамоту, пишущи суще: яко поседахъ корабль се елико, и отъ тѣхъ, да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ. 2) Аще ли безъ грамоты придутъ и предапы (и) будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадутъ и протлвятся, да убіены будутъ, да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего; аще ли убѣжавше, придутъ въ Русь, и мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако сотворять. 3) Аще придутъ Русь

безъ купли, да не взимають мѣсячины. 4) И да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси зѣдъ, да не творятъ безчинія въ селехъ, ни въ странѣ нашей ничтоже зла. 5) И приходящимъ имъ, да витають у св. Мамы, да послѣтъ царство наше, да неvyšутъ имена ихъ, и тогда возиутъ мѣсячное свое, первое отъ града Кіева, и цѣки отъ Чернигова, и отъ Переяслава, и изъ прочихъ городовъ. 6) И да входятъ въ градъ едиными вратами, со царевымъ мужемъ, безъ оружія мужъ 50, и да творятъ куплю, якоже имъ надобѣ. (Срав. П. Собр. Лит. I, 13.) 7) И пакы да исходятъ, и мужъ царства нашего, да хранить я; да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ сотворитъ криво, да оправляетъ то. 8) Входящии же Русь въ градъ, да не имѣють власти купити паволокъ, лише по 50 златвникъ, и отъ тѣхъ паволокъ, аще кто купитъ, да показываетъ цареву мужу, и той запечатаетъ, и дасть имъ. 9) И отходящии Руси отсюду взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодіямъ, якоже уставлено есть первое, и да возвращаются со спасеніемъ въ страну свою, и да не имѣють власти зимовати у св. Мамы. 10) Аще ли ключится проказа нѣкая отъ Грекъ, сущихъ подъ властію царства нашего, да не имать власти казнити я; но повелѣнемъ царства нашего, да приметъ, яко же будетъ сотворилъ. 11) Аще убіятъ Христіанъ Русина, или Русина Христіанина: да держемъ будетъ сотворившій убійство, отъ ближнихъ убіеннаго, да убьютъ и. 12) Аще ли убѣжитъ сотворившій убійство, и аще будетъ имовитъ: да возмутъ имѣніе его ближнии убіеннаго. 13) Аще ли есть неимовитъ, сотворившій убійство, и ускокытъ: да ищутъ его, доведе обрящется, аще ли обрящется, да убіеиъ будетъ. 14) Аще ударитъ мечемъ, или копьемъ или катѣмъ любо оружіемъ, Гречинъ Русина, или Русина Гречина да

того дѣла грѣха заплатить сребра злѣтъ 10; по закону русьскому. 15) Аще ли есть неимовитъ, да (вдѣсть?) како можетъ, въ толико же и проданъ будетъ, да и порты, въ нихъ же ходитъ, и то съ него сняти, а опрощъ да на роту ходитъ по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничто же, и такоже пущенъ будетъ. 16) Аще ли кто покусится отъ Руси узяти что отъ людей царства нашего, яже то сотворитъ покаженъ будетъ велими и аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубъ, и аще сотворитъ тоже Гречинъ Русину, да приметъ ту же казнь, якоже пріялъ есть и онъ. 17) Аще ли ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть да возратить е, не точно едино, но и цѣну его. 18) Аще обратится украденное продаемо, да вдѣсть цѣну его сугубу и то показиенъ будетъ по закону грецкому и по уставу русьскому. 19) А о Корсуветѣй странѣ: колѣкожъ есть градъ на томъ странѣ, да не имать власти князь рускій воевати на тѣхъ странахъ, — да воюетъ на всѣхъ сторонахъ, — а та страна не покоряется вамъ, и тогда, аще проситъ вои отъ насъ князь рускій, да дамы ему, елико будетъ ему требе, да воюетъ. 20) И о томъ, аще обратитъ Русь кубару греческую вывержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидать ея. 21) Аще ли отъ нея возмеиъ кто что, или человека поработать или убіеиъ: да будетъ повиненъ закону русьскому и греческому. 22) Аще обратитъ Русь Корсуянны, рыбы ловящи, въ устьѣ Днѣпра, да не творятъ имъ зла никоего же, и да неимѣють Русь власти зимовати въ устьѣ Днѣпра, (въ?) Бѣлоберезѣ, ни у св. Елдерія, но егда придетъ осень, да плутъ въ дома своя въ Русь. 23) А о сихъ: яже то приходятъ Червѣи Болгаре и воюють въ странѣ Корсуветѣй и велими в. князю русьскому да ихъ не пушаетъ да не напакостятъ странѣ той. 24) И елико Христіанъ отъ вла-

сти вашае плѣнныхъ приведуть Русь, ту аще будетъ юноша или дѣвица добра, да вдадутъ златникъ 10 и помнутъ и; аще ли есть средовѣкъ, да вдадутъ златникъ 8 и помнутъ и; аще ли будетъ старъ или дѣтище, да вдадутъ златникъ 5. 25) Аще ли обрящутся Русь работающа у Грекъ, аще ли суть плѣнники, да искупають Русь по 10 златникъ; аще купилъ будетъ Греции подъ хрестомъ, достоятъ ему да возметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на цѣнь. 26) Аще ли хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вой на противящаяся намъ, — да ищутъ въ в. князю вашему и (онъ?) послать къ вамъ елико хошетъ, и оттолъ увѣдать и инья страны, какую любовь имѣють Греци съ Русію. 27) Аще ускочитъ челядинъ отъ Руси, пожеже придетъ въ страну свою отъ царства вашего и отъ св. Мамы, и аще будетъ обращенъ, да помнутъ и; аще ли не обращенъ, да на рогу идуть ваши Христиане Руси по вѣрѣ ихъ, а не Христиане по закону своему. 28) Тогда изимають отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть прежде, (или?) до в. паволоде за челядина. 29) Аще ли кто отъ людей царства нашего, или отъ града нашего, или отъ нѣкихъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ что: да возвратитъ опять; и еже что принесетъ будетъ (а) все цѣло, и да возметъ отъ него златника два.

Мы же совѣщаніе все написавъ на двою хартію; и единая хартія есть царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, — а на другой послы ваши и гости ваша; а отходяще съ пословъ царства нашего, да проводятъ къ в. кн. русьскому Игорю, и къ людямъ его; и ти признають хартію (и?) на роту идуть: хранити истину, якоже мы совѣщахомъ и написавъ на хартію сію, на ней же суть имена наша написана. Мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомся цер-

ковію св. Илиіи въ соборной церкви и прележащимъ крестомъ честнымъ и харатию сею, хранити же все, еже есть написано въ ней, и не преступати отъ того ничтоже, или преступити се отъ страны нашей, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или некрещенъ, да не имать помощи отъ Бога, да будутъ рабы въ си вѣкъ и въ будущій и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ. А на ротѣ некрещеніи Русь полагають щиты свои и мечи свои наги, и обручи свои и прочіе оружіе и да клянутся о всемъ, аже суть написана на харати сей, и хранити отъ Игоря, и отъ всѣхъ бояръ, и отъ всѣхъ людей отъ страны русьскія, отъ прочая лѣта и всегда. Аще ли кто отъ князя, или отъ людей русьскихъ, или христіановъ, или нехристіанинъ преступитъ се, еже есть написано на харати сей, и будетъ достоинъ своимъ оружіемъ упрети, и да будетъ проклятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будетъ добръ Игорь, и князь, да хранити любовь всю свою и правду, (и) клятву, да не разрушится дондеже соизиде сяетъ и весь маръ стоятъ въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій. Въ лѣто 6453, индикта 4, апрѣля 20, въ третію седмицу по пасхѣ.

[Тобина „Sammlung Kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechts.“ Лепиш 1844, 6—14).

См. Вѣст. Евр. 1844, III. № 57. 1829, М. М. 13—15. Труды общ. ист. и древн. 1. 3. Рус. архив. А. Шацера въ перев. Д. Языкова. Спб. 1846, II. 632. 693. Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bizantischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf frühere Geschichte Russlands. М. М. Спб. 1810, 108. Древн. Рус. Право. Даверса. Спб. 1835, 138. Песторъ. Нюмодина М. 1839. Русь до прибытія Гюрика. Бюлева. Временн. кн. 15. Историч. Чт. о языкѣ и словен. II отъ Акад. II. Спб. 1854, 6—32. Изв. Акад. III, 256—95. Учен. Зап. Моск. Универс. 1835. Ист. гражд. Закон.

Новоулиа. 1851. III. 233. О визант. элементѣ въ языкъ договоровъ Рус. съ Грек. Слб. 1853. О договорахъ Олега и Игоря. *Погодина.* Рус. Ист. сборн. I. 3, 4, 28. Москов. Телавр. 1825, ч. XX, 340—2.

190 Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1199.

Се азъ князь, Ярославъ Володимѣричъ, сгадавъ съ посадникомъ съ Ярошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и съ всеми Новгородцами, подтвердихомъ мира старому съ посломъ Арбудомъ и съ всеми нѣмецкими сыны и съ Готы и съ всеми латвийскими языкомъ. Послааъ есмь посла своего Григу на сепъ правдѣ: 1-е: ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю въ миръ въ Нѣмецкую землю и на Гъцихъ берегъ (*Gotland*); тако же ходити Нѣмчмъ и Гтыномъ въ Новгородъ безъ пакости не обидимъ никимъ же. Аче будетъ судъ князю новгородцкму Новгородѣ или нѣмецкму въ Нѣмчхъ, а въ томъ миру ити гостю домовъ бесъ пакости; а кого Богъ поставитъ князя, а съ тѣмъ мира подтвердить, либо аи земля безъ миру стаетъ. А оже убьютъ Новгородца посла за моремъ или нѣмцкми посолъ Новгородѣ, то за ту голову 20 гривель серебра. А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина—купчину Новгородѣ, то за ту голову 10 гр. сер. А оже мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гр. за соромъ старыхъ кунъ. Оже ударятъ мужа оруженъ, либо коломъ,—то 6 гр. за рану старые. Оже ущипнуть, либо матель раздрѣть, то 3 гр. старые. Оже пощипають мужеску жену, либо дѣрь,—то князю 40 гр. ветхыми кунами, а жонъ или мужское дѣри 40 гр. ветхыми кунами, а женъ или мужское дѣри 40 гр. ветхыми кунами. Оже съгренеть (*сорветъ*) чужее женъ повон (*позлзку*) съ головой или дѣри, явится просто во-

лоса,—6 гр. старые за соромъ. Оже тяжа родатся безъ крови, сядутся послуш, и Русь и Нѣмци,—то вергуть жеребее, кому са выиметь, ротѣшь свою правду възмутъ. Оже емати скоть (*оеньги, долги*) Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его запрятъ (*запрется*); то 12 мужъ послушны, идеть ротѣ (*къ присиль*), възмемъ свое. Оже родатся тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, либо Нѣмчмю Новгородѣ; то рубежа нетворити, на другое лѣто жаловати; оже веправятъ, то, князю ява и людемъ, възати свое у гости, оже тяжа родатся въ Новгородѣ; оже тяжа родитъ къ иное земля въ рускыхъ городѣхъ, то у гѣхъ свое тяже прашати. искати Новгороду не надобе. А тяжа на города, а Нѣмчинъ свободъ и Новогороди. Оже придетъ въ свои лоды въ нѣмецкой домовъ, аче самъ не поидеть въ ней спять мужъ, дасть кѣрныяку. Нѣмчина не сожати въ погребъ Новгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмчхъ; нѣ емати свое у виновата. Оже кто рабу повержеть насильемъ, а не соромитъ; то за обиду гривна, пакы ли соромитъ, собъ свободна. Оже убьютъ таль (*заложника*) или поизъ новгородское или нѣмецкое Новгородѣ, то 20 гр. сер. за голову.

(Изв. Акад. VI, 155—166).

См. грам. касавщ. отношеній съ Ганз. гор. № 2.

191. Договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229.

Что ся дѣетъ по вѣрмънемъ, то огиде то по вѣрмънемъ; приязана бодѣте добрымъ людѣмъ, а либо грамотою оутвѣр-

дать, како то боудѣте всемъ вѣдомъ, или кто послѣ живыи останѣтся. Того лѣта, коли Альбрахтъ, владыка ризкии оумрѣлъ, оуздоумалъ князѣ смольнескыи Мѣстиславъ, Давыдовъ сынъ, прислалъ въ Ригу своего лучшѣго попа Ерьмея и съ нимъ оумна мѹжа Пантеля ис своего города Смольнеска: та два была послѣмъ оу Ризѣ, из Ригы ехали а Гочкыи берѣго, тамо твердили миръ. Оутвердили миръ, что былъ немирию промѣжю Смольнеска и Ригы, и Готскыи берѣгомъ всемъ коупчемъ. Пре сев миръ троудилися дѣбрии людие: Ролфо ис Капеля (*касселя*), Божи дворянинъ, Тоумаше Смольнинъ, ажбы миро былъ и дѣ вѣка; оурадили пакъ миръ, како было любо Роуси и вѣмоу Латинескому языкоу, кто то оу Роусе гостит. На томъ мироу, ажбы миръ твердъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанъмъ всемъ и всемоу Латинескому языкоу и всемъ темъ, кто то на Оустоко моря ⁽¹⁾ ходитъ, ажбы нальзлъ ⁽²⁾ (*нашелъ*) правдоу то написати, како то держати Роуси съ Латинескыи языкомъ, и Латинескому языкоу съ Роусиоу то дѣржати аж быхъмъ что тако оучинили; того Богъ не даи, ажбы промѣжю нами бои былъ, а любо члвка оубиють до смрти, како члвка, то отплатити, ажбы миръ не рѣздроушенъ былъ: такъ платити, како то бы обоимъ было были.

Здѣ починается правда: 1. Аже боудѣтъ свободныи члвкъ оубитъ, 10 гривенъ серебра за голвоу. 2. Аже боудѣте холщъ оубитъ, 1 гривна серебра заплатити: оу Смольнѣскъ, тако платити и оу Ризе и на Готскомъ берѣзѣ. 3. Око, роука, нѣга, или инъ что любо. по пяти

гривнъ серебра отъ всякаго платити: за окъ 5 серебра, за рукоу 5 серебра, за вѣгоу 5 серебра, и за всякыи соуставъ пять гривнъ серебра; за зубъ 3 гривнъ серебра: и Смольнѣскъ и оу Ризѣ и на Готскомъ берѣзѣ. 4) Кто бѣять друуга дѣревѣмъ, а боудѣте синъ, любо кровавъ, полоугоры гривны серебра платити емоу. 5) По оуху оударите, 3 четвѣрти серебра. 6) Послоу и попу что оучинять, за двою того оузати, два платѣя. 7) Аже кого оурянять, полоугоры гривны серебра, аже боудѣте лѣвѣтка: тако платити оу Смольнѣске и оу Ризѣ и на Готскомъ берѣзѣ. 8) Аже извинитъся Роусинъ оу Ризе, или на Готскомъ берѣзе, оу дыбоу его не сажати. 9) Аже извинитъся Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мытати его оу погрѣбѣ, аже не боудѣтъ пороуки, то оу желѣза оусадитъ. 10) Аже латининъ дастъ Роусиноу товаръ свои оу дѣлго оу Смольнѣске, заплатити Немциноу пѣрвѣе, хотя бы инѣмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу. Тако оузати Роусиноу оу Ризѣ и на Готскомъ берѣзѣ. 11) Аже розгнѣвается князѣ на своего члвчка, а боудѣте винѣвать Немчицю Роусянь, а отимѣтъ князѣ все, женоу и дѣти оу холщство, пѣрвое платити емоу Латинину, а потомъ князю какъ любо съ своимъ члвкмъ. Такую правдоу вѣзати Роусиноу оу Ризѣ и на Готскомъ берѣзѣ. 12) Аже Латининъ дастъ князю хѣлопоу въ заемъ, или инѣму доброу члвкоу, а оумрете не заплатитъ, а кто емлѣтъ его остатѣкъ, тому платити Немциноу. Такова правда оузате Роусину оу Ризѣ и на Готскомъ берѣзѣ. 13) Роусиноу не оупирати Латинина однемъ послухомъ, аже не боудѣтъ двою послухоу, оидного Немчина, а друугого Роусина, добрыхъ люди. Тако Латининоу не пѣрѣпрети Роусина, аже не боудѣтъ послуха Роусина, а друугого Немчина оу Ризѣ и на Готскомъ берѣзѣ. 14) Роусиноу не вѣсти Латинина ко желѣ-

(1) Ostsee—Балтійское море.

зоу горячемоу ⁽¹⁾, аже самъ въсхочетъ. А Латининоу тако Роусиноу не вести, аже самъ въсхочете. 15) Роусиноу не звати Латина на полъ ⁽²⁾ битися оу Роуской земли; а Латининоу не звати Роусина на полъ битися оу Ризъ и на Готскомъ березѣ. 16) Аже Латинеский гость биеться мѣжю събою оу Роуской земли любо мѣчемъ, а любо дѣревѣмъ, князю то не надобе, мѣжю събою соудити. Тако, аже Роуский гость биеться оу Ризъ или на Готскомъ березе, Латине то не надѣбѣ, а те промѣжю събою оурядатся. 17) Аже застанете Роусинъ Латинеского чловека своего женю, за то платити гривнъ 10 серебра. Тако оучинити Роусиноу оу Ризъ и на Готскомъ березѣ платити. 18) Аже Латинеский чловекъ оучинит насилье свободнѣ жене, а боудѣтъ прѣже на неѣ не былъ сорома, за то платити гривень 5 серебра. Тая правда оузати Роусиноу оу Ризъ и на Готскомъ березе. Аже боудѣте прѣвѣ на нѣи сѣрѣмъ былъ, взати еѣ гривна серебра за насилье. 19) Аже наслоуетъ робѣ, а боудутъ на него послосѣ, дати емоу гривна серебра. Такова правда оузати Роусиноу оу Ризъ и на Готскомъ березѣ. 20) Аже мѣжю Роусиномъ и Латинескимъ свяжетъ другъ друга безъ вини, за то платити 3 гривны серебра. 21) Аже боудѣте Роусиноу платити Латинескому, а не въсхъчеть платити, то тѣ Латинескому просити дѣтскаго оу тиоуна. Аже дасть воемъ дѣтскому, а не исправитъ за 8 днии товара оу Роусина, то тѣ дати емоу на сѣбѣ пороука. 22) Аже Смолняне не дадутъ емоу вѣль, Смолнянѣмъ платити самымъ, дѣлгъ платити. Тая правда оузати Роусиноу оу Ризъ и на Готскомъ березе. 23) Аще Тиоунъ оуслышитъ, Латинеский гость пришелъ,

послати емоу люди съ колы прѣвѣсти товаръ, а не оудѣржати емоу; аже оудѣржитъ, оу томъ ся можете оучинити пагоуба. 24) Аже Латинеский гость Смолняны прѣдѣтъ на Вѣлькѣ, то тѣ мѣтати жеребѣи, како напѣрѣдъ вѣстико Смольнескоу. Аже боудутъ людие изъ—ыное земль, тѣхъ послѣ вѣсти. Тая правда оузати Роуси оу Ризъ и на Готскомъ березѣ. 25) Коко тако боудѣте, како придоутъ Латинеский гость оу городъ, с Волока дати имъ кпаягнѣ поставъ частини, тиоуноу на Вѣльцѣ дати роукавицѣ, ажбы товаръ прѣвѣзълъ безъ дѣржания. 26) Которыѣ Вѣльчанинъ възмѣтъ Латинеский товаръ чересъ Вѣлькѣ вѣсти, а что погынетъ отъ того товара, что емоу приказано, то платити всемъ Вѣльчанѣмъ. Тая правда Роуси оузати оу Ризъ и на Готскомъ березѣ. 27) Аже Латинеский прѣдѣтъ къ городу, свободно емоу продавати, а противоу того не молвити никоу же. Тако дѣлати Роуси оу Ризъ и на Готскомъ березе. 28) Аже Латинеский оуехочетъ ехати и Смольнеска своимъ товаромъ въ иноу етороноу, про то его князю не дѣржати, ни иноу никоу же. Тако Роусиноу ехати изъ Готского бѣрѣга дѣ Травны ⁽¹⁾. 29) Аже Роусинъ коупитъ оу Латинескаго чловека товаръ, а възмѣтъ к себѣ, то тѣ Латинескому не взати товара наоуспѣтъ, Роусиноу томоу платити. Тако Роусиноу не оузати оу Латинескаго товара своего опятъ, платити емоу. 30) Роусиноу не звати Латинескаго на иного князя соудѣ. лише прѣдъ смольнескаго князя, аже самъ въсхочете, тѣ тѣ идѣтъ. Тако Латинескому не звати Роусина на ниинѣ соудѣ, лише оу Ригоу и на Готскимъ берегу. 31) Роусиноу не ставити на Латинескаго дѣтскаго не явивше старость Латинескому; аже не слоушаетъ старосты.

⁽¹⁾ Судебный обрядъ испытанія жѣлѣзомъ.

⁽²⁾ На полѣ—судебный поединокъ.

⁽¹⁾ Trawemünde, близъ Любека, на взморѣ.

Латинескому; аже не слоушають старосты, то ть можеть на него дѣт(с)кого приставити. Тако Латинескому на Роусина не ставити бприца оу Ризѣ, ни на Гочкомъ березѣ. 32) Латинескому дати отъ двою капию вѣску вѣскоу коуна смолянская. 33) Коупитъ Латинескимъ гривноу золота, дастъ вѣсиги, дати емоу вѣсцѣ погата смолянская. Аже продасть, не дати ничево же. 34) Аже Латинескии коупитъ соуды серебряные, дати емоу вѣскоу отъ гривны серебра по погата смолянской. Аже продасть, не дати ничево же. 35) Аже Латинескии коупитъ гривноу серебра, дати емоу вѣскоу двѣ векши. Аже продасть, не дати ничево же. 36) Аже Латинескии дастъ серебро пожгати, дати емоу, отъ гривны серебра коуна смолянская. 37) Аже капь, чимъ то весятъ, излѣмьля боудѣте, а любольче боудѣтъ, то ть спосукати обѣ вѣднѣ мѣсто, что лѣжатъ оу св. Богородице на горе, а другая оу Латинеской церкви, обѣ ровнати. 38) Латинескому есть вѣлно оу Смольнеске, который товаръ хѣчьтъ коупити, бес пакости. Тако дѣланти Роусъ оу Ризѣ и на Гочкомъ березѣ. 39) Всякому Латинескому члвкоу свободѣнъ путе изъ Гочкого берега до Смольнеска безъ мыта. Тая правда есть Роусъ пѣзъ Смольнеска до Гочкого берега. 40) Латинескому не ехати на вѣиноу съ княземъ, ни съ Роусию, аже самъ хѣчьтъ, тотъ ѣдетъ. Тако Роусиноу не ехати съ Латинескимъ на вѣиноу, ни оу Ризѣ, ни на Гочкомъ березѣ; аже хочеть самъ, тѣ тѣ ѣдетъ. 41) Которыи Роусинъ, или Латинескии, имѣтъ тати, надѣ тѣмъ емоу своя вѣля, камъ его хочеть, тамъ дѣжеть. 42) Ни одному же Роусиноу не дати перессуда оу Ризѣ ни на Гочкомъ березѣ; тако Латинескому оу Роуской зѣмли не дати перессуда никому же. Которое орудие докончано боудѣтъ оу Смольнескѣ мѣжю Роусию и мѣжю Латинескимъ языкомъ, пѣредъ соу-

дьями и пѣредъ добрыми людьми; болѣ того не починати оу Ризѣ и на Гочкомъ березѣ; а что боудѣтъ дѣкончано оу Ризѣ и на Гочкомъ березѣ, пѣредъ соудьями и пѣредъ добрыми людьми, того оу Смольнескѣ не починати. 43) Пискоупъ ризскии, Мастѣрь божихъ дворянъ, и вси земледѣрщи, ти дають Двиноу свободноу, отъ вѣрхоу и до низоу въ мѣре и по вѣдѣ и по бѣрегоу всемоу Латинескому языкоу и Роуси, кто правыи коупѣчь есть, отъ моря даемо свободна, кто хочете по Двинѣ ехати оу вѣрхъ или оу низъ. 44) Оу кого ся избѣеть оучанъ, а любольчелъ, Богъ того не даи, или оу Роусина, или оу Латинеского, оу тѣхъ вѣлѣсти, кто сю свободу далъ, товаръ его свободъ, на водѣ и на березѣ бес пакости всякому; товаръ ижъ то нѣтоплъ, брати оу мѣсто своею дружиною изъ воды на берего. Аже надобѣ емоу болше помѣчи, то тѣ навмоуи при послоуѣхъ, кто былъ тоу, то боудѣте послоухъ, что имъ послоуишь, то даи, а болѣ не даи. Тая правда Латинескому вѣзати оу Роуской земли оу вѣлѣсти князя смолянского и оу полотьского князя вѣлѣсти и оу вѣтѣбескаго князя вѣлѣсти.

Коли ся грамота псава, иплъ былъ отъ Рож. Гесноднѣ до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подѣ пискоупомъ ризскимъ, провѣтъ Яганъ, Мастѣрь Вѣлкѣнъ, божии дворянии, и подѣ горожанъ ризскими, ирѣдъ всеми Латинескими коупци. Ся грамота оутвѣржена всехо коупѣче пѣчатию. Се орудѣ неправии оумини коупчи: Регнѣбодѣ, Дѣтартъ, Адамъ, то были горожанѣ на Гочкомъ березѣ. Мѣмѣберъ, Вредрикъ, Доумбѣ, ти были изъ Любка: Гиндрикъ Готъ, Илдинъ; то два была пѣзъ Нѣтата; Конратъ Шхель, одѣ Яганъ Кинтъ, та два была изъ Мѣнѣстѣря; Бернѣрь, одѣ Вѣлкѣрь, та два была изъ Грюнигъ; Ермѣбрѣхъ, одѣ Албрахтъ, та два была изъ Дортмѣля: Гиндрикъ Цижики изъ

Бремьнь, Албрахтъ Слоукъ, Бернартъ, одъ Валтеръ, одъ Албрахтъ Фоготъ, то были горожане оу Ризѣ, а инехъ много оумныхъ добрыхъ людей. Которымъ Роусинъ, или Латинеския противу сею правды мълвить, того почести за яхли моужь. Ся грамота естъ выдана на Гочкомъ берзѣ пердъ Роускимъ посломъ и пердъ всеми Латинескими коупци.

(Собр. грам. II. № 1).

См. Рус. Лавонс. акты, 1866. Сиб. 419. Ист. гос. рос. III. пр. 273. Рус. Дост. II. 243—73. Sammlung Kritisch—bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. Тобина. II, 49.

192. Грамота смоленского князя Федора Ростиславича къ рижскому епископу. 1284.

Поклонъ отъ князя отъ Федора къ инскоупоу и къ Мастеру и къ ратманомъ. Што боудеть намъ речь съ инскоупомъ, или съ Мастеромъ, то ведаемъся мы сами; а ваиному гостеву сѣмо буди поути чистъ, а нашему гостеву буди къ вамъ поути чистъ; а роубѣжа не дѣяти, не намъ в себе в Ризѣ и на Гоцкомъ березѣ коупцомъ. Си же грамота писана бысть, ящѣю было отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣсти лѣтъ и осмьдесѣтъ лѣтъ и три лѣта, въ четвертое лѣто, на Възнесенье господне; а тоу былъ въ Смолѣнскѣ на мѣсто на княжи на Федорово, Андрѣи Михайловичъ Князь, Артеми Намѣстникъ, Остаѣи Дядко, Микоула Дидковичъ, Лаврѣнтии Намѣстникъ владыченъ, Мѣрославъ, Олекса Черныи, Тереньтею таможникъ Ветхыи, Андрѣи попъ. А тоу былъ при докончани грамоты сев, Любрахтъ, посолъ отъ Мастера, а отъ горожанъ Петръ Бартыль, а въ торговляхъ Федоръ Волковичъ изъ Брюнъжвинна, Гемлякъ изъ

Мягистеря; а Мошен, печатникъ князь Федоровъ, печаталъ, а Федорко, писецъ князь Федоровъ, писалъ.

(Собр. грам. I. № 3).

193. Договоръ смоленского князя Ивана Александровича съ рижскимъ Гермейстеромъ 1330—1359

Се язъ князь великий смоленский Иванъ Александровичъ, оунукъ Глѣбовъ докончалъ есмь съ братомъ своимъ с Мѣстерѣмъ с Ризьскимъ и съ Цѣмъ и с рыдѣлю и с ратманъ и со веими Рижаны, што подъ него рукою, докончалъ есмь по дѣла своего докончанью, и по старымъ грамотамъ, докончалъ есмь по тому докончанью, како то братъ мой старѣйшии Редимень докончалъ и него дѣти Глѣбъ и Алкердъ: Бѣдяти Немцемъ въ домъ святѣи Богородице и ко мѣ, а мнѣ блюстя, какъ и своего Смолнянина, а номъ Бѣдяти в Ригу, а Мѣстерю и ратманомъ блюстя моего Смолнянина, какъ своего Немчина. А приѣздили ко мнѣ на докончанье изъ Ризи отъ Мѣстеря Псковъ Божии дворянникъ, а отъ ратманъ Иванъ Панъ; на томъ на веимъ цѣловаль ясмь крестъ къ своему къ Мѣстерю; а они цѣловали ко мнѣ крестъ Мѣстревою душою и дискупаю.

(Собр. грам. II, № 8).

194. Договорная Полодка съ Ливонскимъ орденомъ 1405.

А се мы Полочане вси, добрыи люди и малыи, надѣючесъ на Богъ святого, Софея япюсть и князя великого Витовта здоровье, хочемъ тобою князь мѣстерю

любовь держати и с твоимъ братъею, со всеми ридели (*рыцари*). Такожъ хотимъ с вами ризкии ратманы и со всеми ризкими купцы межн себѣ приязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣпко. Вамъ нашего Полочанина стережи, какъ своего брата Немчина у Ризе; а намъ Полочаномъ нашего Немчина также потомужъ стережи у Полоцкѣ. А торговати по старому закону всякую торговлю, купити, продати. Купити вамъ Немцемъ у насъ, у Полоцкѣ, немецкому купцу подберковска воску, погатынскихъ белки. А торговати немецкому купцу с гостемъ Литовское земли добровольно. А с Новогородни немецкому купцу торговати, а промежн има ходити нашему Полочанину: зажеже насъ Новогородни не пустятъ у немецки дворъ торговати безъ своего Новогорода. А съ—с Москвичи торговати вашимъ Немцемъ; также нашему Полочанину межн има ходити, торговати: зажеже на насъ Москвичи тамгу смяютъ. А восковыи весь держати по старому закону, штоже нашъ берковескъ восковыи болши вшего берковеска полуудомъ ризкого весу, а серебряныи весы ризкии держати болши полоцкихъ весовъ серебряныхъ полузолотникомъ. А соль весити цулымъ ремнемъ; а берковескъ солонны учинити у восковыи берковескъ; а белка купити, а намѣть давати, а у дворъ не имати. А мимо города Полоцкѣ немецкому купцу не ходити, торговати Немцемъ у Полоцкѣ. А малое вамъ торговли не купити у Полоцкѣ по розниці; а корѣмъ вамъ у насъ у Полоцкѣ не держати. А весемъ нашимъ и вашимъ кресты деловати, што же пмъ право весити на обѣ стороне. А коня нашъ у васъ у Ризе купити, на челя у верхъ ехати, а отъ ногъ не имати. А извинитъся нашъ Полочанинъ у Ризе, ино его Немцемъ у Ризе не казнити, отпустити его у верхъ; ино его тамъ свои Полочане казнитъ.

А извинитъся Немчинъ у Полоцкѣ, ино его Полочаномъ не казнити у Полоцкѣ, пустити его у Ригу; ино его свои тамъ судятъ по своему праву. А рубежа не чинити, знати истью истца; а торговлю приехати, отъехати чисто на обѣ стороне. А тамъ есмы къ вамъ послали свои добрыи люди честныи, к тебе, князь мостерю, и къ всемъ риделемъ и къ всемъ ратникомъ и къ всемъ купцамъ ризкимъ, што вамъ дати правда нашему послу чисто, безъ всякой хитрости; а нашъ посолъ вамъ дастъ чисто правду, безъ всякой хитрости, нашимъ правомъ. А старому делу, што ся учинило межн себѣ, того не поминати и вамъ и ни намъ, на обѣ стороне. А писана бысть грамота сия в лѣто 6913-е мѣсяца Юля, въ день недѣльный, 21 день на память св. мученика Ульяна.

(Русско—Ливонские акты, 1868, 120).

195. Полоцкая грамота Ливонскому ордену 1409

Ото князя Павла Семеновича, полоцкого наместника, и ото всехъ мужъ Полочанъ князю мещерюли ризкому и всемъ ратманомъ ризкимъ поклонъ. Што есте прислали к намъ ратмана Оодора и онъ с нами окончалъ: отъ васъ, што вамъ нашихъ людей велѣхъ отпустити к намъ и со всемъ ихъ товаромъ, в того чюдства, што есте казнили, а и тотъ стругъ съ товаромъ, што есте поимали, и тую нашу челядь, што ваши торговци безкувъ ихъ поимали. И ино которые наши торговци восхотѣли на конехъ ехати, и колъ к намъ възвѣдуть, тогда мы вашъ товаръ отпустимъ к вамъ на пѣзъ, который потергавши воскъ а белку. А колъ пакъ будутъ наши люди в насъ и все с товаромъ, што на стругѣхъ идуть, мы пакъ тогда весь вашъ товаръ отпустимъ.

Хто паки хочеть торговати, торгуи, а хто хочеть поехати, поедь добровольно. А на томъ есмо и руки дали Федору, и печати свои приклали и с тою грамотою послали есмо доброго чловѣка Клименту. А писана бысть еия грамота въ Полоцку, въ понедѣльникъ передъ святого Семивона диемъ лѣтопроводца по божью нарождѣнью 1000 лѣтъ и чотыри сотъ и 9 лѣтъ.

(Русско-ливонск. акты, стр. 138—139).

См. еще договорная грамоты въ отдѣлѣ „Промышленность и торговля“.

196 Договорная литовскаго в. кн. Казимира со Псковомъ 1440

Се язъ в. кн. Казимиръ, королевичъ, и зъ своєю братьею коньчали есмо миръ со Псковомъ. А прѣѣхали къ намъ со Пскова Ларыонъ Селивестеровъ, сынъ посадничъ, Стефанъ Арыстовичъ, а Лука Михайловичъ, да били намъ чоломъ ото Пскова и съ тыми есмо миръ коньчали, а коньчали есмо такъ: што жъ послу изъ нашея земли изъ Литовскоѣ, и гостю—или Ляхъ, или Русинъ, или Полочанинъ, или Витблянинъ, или Смоленнинъ,—тымъ путь чысть изо всея моея отчины въ Псковскую землю; а гостю торговати во Псковѣ, безъ накости, по старой пошлнѣ, со всякимъ гостемъ. Такожъ и Псковичемъ, послу и гостю, изо всея отчины Псковскоѣ тымъ всеимъ путь чысть во всю мою отчину, въ Литовскую землю; и гостю торговати по всей Литовской земли по старынѣ, безъ накости по старой пошлнѣ, со всякимъ гостемъ. Такожъ и послу псковьскому, кого коли пошлютъ ко князю в. московьскому, на Москву, путь чысть черезъ нашу отчину, на Смоленскъ, тамъ ѣха-

ти и назадъ отѣхати, коли мы в. кн. Казимиръ будемъ съ княземъ в. московьскимъ въ любви. А мы в. кн. Казимиру блюсти Псковитина, какъ и своего Литвина; такожъ и Псковичомъ блюсти Литвина, какъ и Псковитина. А межы собою будучи въ любви, за халопы, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за таты и за разбойника не стоять, ни мы, ни вамъ, а выдати по исправѣ. А обиднымъ дѣломъ уложили есмо рокъ: которыи будутъ вчинились отъ в. князя Витовтovy смерти до сихъ мѣстъ, тымъ дѣломъ на обѣ стороны судъ и справу учинити; а которыи будутъ пени вчинились перьво в. князя Витовтovy смерти, или похищено, или силой пограблено, или голы побиты, а кныи какъ дѣла: то есмо такъ все на обѣ стороны вчинили, отложили, того не надобѣ искати ни нашимъ на Псковичахъ, ни Псковичомъ на нашихъ. Аже вчиниться пени гостю въ Литвѣ псковьскому, коньчати по в. князя правдѣ и по цѣлованію; аже вчиниться пени нашимъ, или Литвину, или Полочанину, или Витбляниномъ, или Смоленномъ во Псковѣ, коньчати по псковьской, правдѣ и по цѣлованію. А рубежъ водѣ и земли со Псковомъ мы в. князю, а то намъ старый рубежъ. А скончавъ в. к. Казимиръ со всеимъ Псковомъ и со всеми пригородами псковьскими и со всею волостью псковьскою, по сей грамотѣ. Аже вчиниться нелюбовъ мы в. князю тую грамоту крестную не слагти, ни на Москву ко кн. в. Василью, ни къ Новгороду, но положить мы тую грамоту крестную во Псковѣ; а отъ того дни, какъ грамота положена, оложъ мѣсяцъ проидеть, 4 недѣли, тогдыжъ воевати. Такожъ аже вчиниться Псковичомъ не любовь со мною зъ в. кн. Казимиромъ, и Псковичомъ грамота хрестная положити у Вилни; а отъ того дни, какъ грамота положена, оложъ мѣсяцъ проидеть, 4 недѣли, тогдыжъ воевати. А на

всемъ на семь я в. кн. Казимиръ крестъ цѣловалъ, такъ же и послове псковскіе крестъ цѣловали отъ всего Пскова, по правдѣ, безъ всякаго извѣста. А писанъ у Вилии, мѣсяца Декабря въ 30 дошъ, подъ лѣты Рождества Господа нашего І. Христа 1440 лѣтъ, индиктъ 4.

(А. Запад. Рос. I, № 38).

197. Договорная московс. в. князя Василия Васильевича и удѣльных князей съ Казимиромъ, королемъ польскимъ и в. княземъ литовскимъ.

По божьей воли и по нашей любви, божьею милостью, се азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій и повгородскій и ростовскій и пермскій и иныхъ, а братья моя молодшая, князь Иванъ Андреевичъ, и кн. Михаилъ Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, чинимы знаменито каждому, кто на сию нашу грамоту узритъ, или чтучи услышитъ, кому жъ будетъ того потребно вѣдати. Я кн. в. Василей, и моя братья молодшая, даемъ весь записъ брату нашему Казимиру, королю полскому и в. князю литовскому и рускому и жемайтскому и иныхъ, што сего взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви, по сей грамотѣ, а быти намъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотѣти и его земли, вездѣ гдѣ-бы было; а ему намъ добра хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы то было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему не другъ, то и мнѣ недругъ. А недруга ти, брате моего, князя Дмитрея Шемяки, не пріймати, а быти, брате, на него со мною за одинъ; а также ти и на всякого моего недруга быти со мною вездѣ за одинъ.

А мнѣ, брате, твоего недруга, князя Михаила, не пріймати, а быти мнѣ, брате, съ тобою на него за одинъ; такъ же мнѣ брате, и на всякого твоего недруга быти съ тобою вездѣ за одинъ. А пойдуть, брате, Татарове на наше украинныя мѣста, и княземъ нашимъ и воеводамъ нашимъ, украиннымъ людямъ, со славься, да боронитися имъ обонимъ съ одного. А въ воичину, брате, утвою, мнѣ и моеи братья молодшей,—у во все твое великое княжение, ни у Смоленскъ, ни во вси смоленскіе мѣста, што изъ давня къ Смоленску потагло, ни въ Лютуцкскъ, ни во Мценскъ, ни во вси твои украинныя мѣста, што издавна къ тымъ городомъ потагло, не вступатися; а тобѣ Казимиру, королю полскому и в. князю литовскому, не вступатися въ мою отчину, ни во все мое великое княжение, ни въ моеи братья молодшее отчины, и во Ржеву зъ волостьми: по озеро по Орлице на—поны, по озеро по Плотницѣ, по Красный Борокъ, по Варанью рѣчку на верхъ Бѣлейки, на Бѣлейскъ на Поникль, съ Поникля на верхъ Сижьки, зъ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи, тыхъ ти, брате, мѣстъ всякъ подо мною блюсти; и не обидѣти и не вступатися въ тые мѣста. А которые мѣста твои волостели вѣдали по Осуху при в. кн. Кестуты, и твоимъ волостелемъ потому жъ вѣдати, а мнѣ в. кн. Василею не вступатися. А Серенескъ вѣдати по тому, какъ было при дѣдѣ твоемъ при Олгирдѣ и при твоемъ отцѣ королѣ. А потомъ, какъ Богъ дастъ, ижъ божья воля приидеть къ тому, дастъ ли тобѣ Богъ дѣти, а тебѣ отійметъ отъ всего свѣта, а я, брате, остану живъ; и мнѣ, брате, твоими дѣтьми печаловатися, какъ и своимъ дѣтьми, а отына мнѣ твоя блюсти, и не обидѣти и не вступатися и во все твое великое княжение, а учинитъ ли Богъ такъ, мене возметъ съ сего свѣта напередъ, и ты останешъ живъ; и тобѣ

моимъ сыномъ, княземъ Иваномъ, печаловаться, какъ и своимъ дѣтьми, то мои дѣтьми меншими; а княженя ти не дѣти ни не подыскивати, ни вступатися, по сей по твоей грамотѣ. А судъ о земли и о водѣ о смоленской, и о всѣхъ обидныхъ дѣлѣхъ о смоленскихъ, отъ того времени, какъ дядя твой, в. кн. Витовтъ, князя Глѣба на Смоленску посадилъ. А гдѣ, брате, тобѣ будетъ моя помощь надобѣ, на всякого твоего недруга и на Татаръ и тобѣ, брате, ко мнѣ послати, и мнѣ тобѣ помочь дати; а такожъ, коли, брате, мнѣ будетъ твоя помощь надобѣ, и мнѣ тебе обещати: и тобѣ ко мнѣ помочь, а моею землею въ тотъ часъ будетъ некоторая налога, не мочно ми будетъ къ тобѣ помощи послати: ино то тебѣ отъ мене не въ измѣну. А такожъ, брате, коли я къ тебѣ пошлю про помощь, а прійдетъ въ тотъ часъ твоей земли отуга, не лѣтъ ти будетъ ко мнѣ помощи послати: ино то, брате, мнѣ отъ тебе не въ измѣну. А Орда, брате, мнѣ знати по старынѣ; а къ Орлѣ ми, брате, черезъ твою землю нуть чѣсть и моимъ послонѣ. А князь в. Борисъ Олександровичъ тѣерскій и со своею братьею и съ братаньчи своими въ твоей сторонѣ, а со мною съ в. кн. Васильемъ въ зюбѣ и въ докончаньѣ; а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ ними держати во всѣхъ обидныхъ дѣлѣхъ по старынѣ; а чѣмъ ся судѣи наши сокрутъ, и они положить на третей, кто будетъ обѣмъ сторонамъ любѣ. А съ Новгородцы в. кн. Борисъ жити по старынѣ, а всѣмъ обиднымъ дѣломъ давати имъ между собою судъ и расправа, на обѣ стороны, безъ перевода; а о чѣмъ ся судѣи ихъ сокрутъ, и они сложать на митрополита, кто будетъ обѣмъ наша любѣ: и митрополитъ на кого помолвити, помолвити ли на Новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мнѣ, къ в. кн. Василью, и мнѣ то оправити; но помолвити ли на Тѣерити-

на, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. кн. Казимира и тебе до оправити. А которыхъ князи служатъ тобѣ Казимиру королю изъ своихъ отчинъ и мнѣ в. кн. Василью и моею братѣи молодшей ихъ блюсти и не обидѣти, а которыхъ князи служатъ мнѣ в. кн. Василью и моею братѣи молодшей изъ своихъ отчинъ, и тобѣ королю и в. кн. ихъ блюсти и не обидѣти. А который имѣтъ обидѣти князей служебныхъ своего брата, и намъ о томъ слати судей: и они тому вычинитъ исправу, безъ перевода. А князь Василь Исаковичъ Торускій и съ братьею и съ братаньчи служатъ мнѣ в. кн. Василью, а тобѣ королю и в. кн. Казимиру въ нихъ не вступатися; а Федора Блудова, и Александра Борысова сына Хлещенскаго, и князя Романова Ооминскаго, и ихъ братья и братаньчовъ отчины, — земли и воды, всѣ мѣ в. кн. Васильевы; такожъ Юрьева доля Ромейковича и князя Федоровы мѣста Святославича, всѣ за мною за в. кн. Васильемъ, и тобѣ, брате, всѣхъ тыхъ мѣстъ блюсти, и не обидѣти и не вступатися, такожъ и у вотчинну мою въ Мещеру не вступатися, не пріймати ихъ. Такожъ въ Новгородъ В. и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ королю и в. кн. не вступатися, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти си Новгородцы и Псковичи давати, и тобѣ королю ихъ не пріймати. А въ чѣмъ тобѣ королю и в. кн. Казимиру Новгородцы и Псковичи зъгубятъ, и тобѣ мене в. кн. Василья обещавъ да съ ними ся вѣдати, и мнѣ в. кн. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе; а въ земли и въ воды Новгородскіе и во псковскіе тобѣ королю и в. кн. Казимиру не вступатися. А съ Пѣицы ти, брате, держати вѣчный миръ; а съ Новгородцы опрышпый (особый) миръ, а со Псковичи опрышпый миръ; а некоторымъ дѣлы имутъ нежа собою воеватися, и тобѣ королю и в. кн. межи

ими не вступатися. А коли мнѣ в. кн. Василью Новгородцы и Псковичи зъгробятъ, а всхоу ихъ показати: и тобѣ королю Казимиру за нихъ не вступатися. А которыхъ волости, или оброки потягуля новгородскіе къ Лѣтоу зъдаваца, и мнѣ п. кн. Василью въ то не вступатися, по давному. А братъ мой молодшій, князь в. Иванъ Ѡдоровичъ рязанскій со мною съ в. кн. Васильевъ въ любви, и тобѣ королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, королю и в. кн. Казимиру князь в. Иванъ Ѡ. рязанскій зъгробитъ, и тобѣ королю и в. кн. мене обослати о томъ; и мнѣ его въсечюнути, (*поруцати*), и ему ся ко тобѣ исправить, а не исправитъ ся къ тобѣ, моему брату, рязанскій: и тобѣ королю рязанскаго показати, а мнѣ ся въ него не вступати. А всхоу ли мой братъ молодшій, кн. в. Иванъ Ѡ. служити тобѣ, моему брату, королю и в. князю и мнѣ в. кн. Василью про то на него не гнѣваться, ни мстити ему. А Верховъскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и пымча давати, а большаго того не примышляти. А што ся вчинитъ межѣ вашими людьми и нашими, и волостели наши, зъбався, вчинитъ тому праву безъ перевода; и про то намъ не любя не держати. А о земляхъ и о водахъ и о всихъ обидныхъ дѣлахъ, на обѣ стороны, межъ нами судъ обѣчый, отъ того времени, какъ дядя твоего, в. кн. Витов-

та, въ животѣ не стало. А которыхъ люди съ которыхъ мѣсть вышли добровольно: мно тымъ людямъ волнымъ воля, гдѣ хотятъ тутъ жити; а которыхъ люди выведены отъ насъ невольны, или къ цѣлованью приведены, или за поруки подаваны по ихъ отпустити добровольно, съ ихъ статки, къ ихъ мѣстамъ, а цѣлованье и поруки съ ихъ доловъ, на обѣ стороны, по се наше докопчанье. А што ся вчинитъ въ нашей любви, и тому всему судъ и исправа безъ перевода. А судьямъ нашимъ судити, цѣловать крестъ; а суженого не посуживати; а суженое, заемное, полаженое, поручное дати; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежника, по праву выдати. А посломъ нашимъ ѣздити безъ опасы. А гостемъ нашимъ ѣздити безъ рубежа и безъ пакости. А на томъ на всемъ азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій, я новгородскій, и ростовскій, и пермскій и иныхъ, и моя братья молодшая, кн. Иванъ Андреевичъ, и князь Михайло Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, цѣловали есмо крестъ ко своему брату, Казимиру королю полскому и в. князю литовскому и рускому, жемайтскому и иныхъ, по любви, въ правду, безъ хитрости, и по сей нашей грамотѣ намъ правити. А писана въ лѣто 6957, индикта 12, августа въ 31 день.

(А. Запад. Рос. I, № 60).

В. СТАТЬИ ИЗ НОВЫХ СОЧИНЕНИЙ

198. Значеніе божьих судовъ по Русско- му праву

...Главная задача науки — объяснить прошлое, найти ему разумное оправдание, найти ему теорию въ немъ самомъ. Протекшее не встанетъ изъ гроба, не будетъ себя защищать; является наука во имя интересовъ настоящаго, какъ наследника пропалаго, п. ч. прошедшее не потому для насъ важно, что оно прошло, а потому, что оно живетъ въ настоящемъ. Учрежденія настоящаго часто связаны съ явлениями прошлаго такими тонкими нитями, что наука только послѣ долгихъ усилій успѣваетъ разглядѣть ихъ. Какая, кажется, связь между нынѣшними нашими судебными учрежденіями и божьими судами, а между тѣмъ, связь существуетъ, что мы и покажемъ въ настоящей статьѣ.

Измѣненія въ формѣ суда не суть явленія случайныя; эти измѣненія происходятъ въслѣдствіе движенія народнаго сознанія, его убѣжденія о правдѣ и не правдѣ. Съ этой точки зрѣнія мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ двѣ великія эпохи суда, — судъ Божій и судъ человѣческій.

Изъ самаго слова «судъ», понятно, что божьи суды не были явленіемъ первоначальнымъ; имъ предшествуетъ состояніе личнаго самоуправства, кровной мести. Какъ явленіе, въ которомъ индивидуальная воля подчиняется высшему началу,

божьи суды обозначаютъ эпоху прочнаго сложенія общественной жизни.

Подъ именемъ *Божьихъ судовъ* разумѣются испытанія желѣзомъ, огнемъ, водою и поединки. Это названіе вполне справедливо, п. ч. здѣсь судъ производится какъ бы само божество, а люди только свидѣтельствуютъ его приговоры. Первоначальная форма Божьихъ судовъ — *ордалин* или испытанія огнемъ и водою. Ордалинъ существовали у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ жизни: у Индійцевъ, Евреевъ, Грековъ, Германцевъ, Скандинавовъ и у Русскихъ. Въ «Русской Правдѣ» въ первой разѣ встрѣчаются постановленія о нихъ: «Искаше ли послуха не налѣзуть, а истца начнетъ головою клепати, тогда дати имъ правду желѣзо, такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татѣбѣ, въ покленѣ, оже не будетъ лица, то югда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривцы золота; аже ли мѣтъ, то на воду, али то до дву гривень; аже мѣне, то ротѣ ему по своѣ кунѣ». Въ другой разѣ о нихъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами (1223): «Русину же не лѣтъ имати Нѣмчина на желѣзо, такоже и Нѣмчину Русина; аже возлюбятъ самъ своею волею, то его воля».

Что жъ это былъ за судъ? на какой идеѣ онъ основывался, какъ достигалась здѣсь правда? Почти всеобщее мнѣніе, что это было парламентство жрецовъ, п. ч. кипятки и огонь вредятъ равно и правому и виноватому. Но съ такимъ положеніемъ не можетъ согласиться юристъ.

Если ордалии существовали в течение нескольких веков, если от них отвыкли люди только вследствие совершенного изменения в религиозном сознании, значит, они удовлетворяли времени и посредством них достигалась правда, торжествовал правый, наказывался виновный. Постараемся доказать это, сколько возможно проще и короче.

Первобытный человек жил единою жизнью с природою; того антагонизма, который теперь существует между духом и материей и который развит христианством, еще не существовало. Природа не была для него безчувственным предметом; она одухотворялась им; он хранил с нею какое-то братское дружество: и ветер, и лес, и огонь, и солнце, и река — все это было для первобытного человека живым существом, и притом высшим его божеством; мало того — каждое животное, каждая былина представлялись ему живущими с ним единою жизнью, разделяющими его радости и горе. Такое единство его с жизнью природы усматривается отчасти и теперь в том слое общества, до которого не проникла наука и не разрушила еще этой гармонии...

Эта гармония, будучи уделом младенческого состояния народа, есть влечение к тьме, но уже как сознательная, результат самого высшего духовного развития. Русский поэт, сказавший про Гете: «с ним говорила морская волна», сказал ему высшую похвалу. Для того, кто хотя несколько знает народную поэзию, ясно, что языческий Славянин точно так же (?) одухотворял, олицетворял и обоготворял природу, как Индус и как Грек: это общечеловеческий процесс.

При таком воззрении язычника на природу и ее силы, понятно, что когда спор был запутан, т. е. не было налицо материальных доказательств, сви-

детелей и т. п., призывались в помощь вездесущие свидетели — воздух, огонь, вода: они все видят, все знают, поэтому должны доказать, кто прав, кто виноват. В одной индийской поэме героиня Дамаянти призывает в доказательство своей невинности ветер, и тот человеческим голосом подтверждает ее правоту. Мы не имеем изобретения развивать это положение: его основание общеизвестно, а подробности принадлежат истории литературы. Отсюда совершенно понятно, почему силы природы призывались к свидетельству, когда дело было темное. А много ли дел было ясных? Очень не много. В настоящее время мы доказываем невинность в уголовном процессе как то математически: взвешиваем и измеряем обстоятельства pro и contra, и на какой чашке весов перевесит этой тяжести, там и истина. Но к такому анализу не был способен первобытный человек; оттого суд, судебный процесс, изречение решения — все это носило характер божественный, сверхъестественный. Так было, напр., у Евреев, так было и у Греков и Римлян в первый период их жизни. У Римлян самые уголовные наказания носили характер умиловительной жертвы божеству. У древних Германцев судья сходился у священного дуба; выражение лица и поза должны были быть необыкновенны; судья должен был сидеть, по выражению *Саксонского зеркала*, «как грозно рыкающий лев»; все атрибуты суда указывают на его языческо-религиозное значение. Для такого суда лучшим доказательством должно было быть свидетельство божества, т. е. стихий, п. ч. стихии были божествами.

Каким образом при испытаниях желемом и водою достигалась правда? Было вороване, что раскаленное железо не обожжет правого — прекрасно! Но слушался ли огонь этой вбры? Действительно

такъ... По современнымъ физическимъ исследованиямъ положительно доказано, что человекъ можетъ опустить голую руку въ кипящую массу и держать ее тамъ безвредно нѣсколько секундъ, т. е. столько времени, сколько вполне достаточно для того, чтобы со дна котла вынуть кольцо, какъ это обыкновенно употреблялось при ордалияхъ; онъ можетъ пройти босыми ногами по раскаленному желѣзу и т. п. Отчего же происходить, что одни могутъ безвредно, напр., ходить по раскаленному желѣзу, а другіе нѣтъ? Физика объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: на части человеческого тѣла, напр., на рукѣ, при соприкосновеніи съ раскаленнымъ желѣзомъ, или кипящей массой, образуется особеннаго рода испарина, которая, по упругости своей, препятствуетъ на нѣсколько секундъ непосредственному соприкосновению кожи съ раскаленнымъ предметомъ; но обыкновенно человекъ, зная губительную силу огня, дрожитъ при этомъ опытѣ, и тогда образуется на его тѣлѣ холодный потъ, который не можетъ служить предохраненіемъ. Если же у подвергающагося опыту есть твердое убѣжденіе въ этой научной истинѣ, онъ всегда выйдетъ изъ него побѣдителемъ... Первообытнѣйшій языческій человекъ вѣровалъ въ въ природу, обоготворялъ ее; онъ былъ убѣжденъ, что божество, пребывающее въ раскаленномъ желѣзѣ, заступится за него, если онъ правъ. И такъ, когда онъ былъ вполне убѣжденъ въ своей правотѣ, напр., что онъ не совершилъ убійства, въ которомъ его обвиняютъ, то смѣло и твердо опускалъ руку въ кипятокъ, или бралъ полоску раскаленного желѣза и торжественно вѣшалъ; напротивъ, неправый дрожалъ и, естественно, погибалъ отъ испытанія... Но не съ однимъ только индивидуальнымъ вѣрованіемъ приступалъ къ ордаліямъ древній язычникъ: религиозные обряды ободряли его. Ордаліи находились подъ завідываніемъ жрецовъ; у насъ до сихъ поръ со-

хранились остатки этихъ языческихъ заклинаній въ заговорахъ противъ желѣза, пуля, стрѣла. На Западѣ католическая церковь, послѣ безплодной борьбы противъ ордалій, приняла ихъ подъ свое покровительство, и въ церквахъ находились священныя орудія испытанія; такъ обр. убѣжденіе въ ордалии получило тамъ на нѣкоторое время христіанское освященіе; духовенство сдѣлалось смотрителемъ за ордаліями, чѣмъ прежде были языческіе жрецы.

Понятно, по чему ордаліи употреблялись въ уголовномъ процессѣ; но чѣмъ объяснить ихъ употребленіе въ гражданскомъ? А между тѣмъ «Русская Правда» прямо опредѣляетъ испытаніе водою и желѣзомъ, въ случаѣ спора о долговыхъ обязательствахъ. Для насъ это странно. Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть внутреннее убѣжденіе въ большей части гражданскихъ исковъ? У насъ это дѣло не совѣсти, а чисто матеріальное. Ни истецъ, ни отвѣтчикъ не знаютъ основательно, кто правъ изъ нихъ; можно вносить добросовѣстно начать тяжбу и проиграть ее, и ч. у противника окажутся лучшіе документы; словомъ, гражданскій процессъ есть холодное, искусственное дѣло; въ немъ ищется не абсолютная истина, а только формальная (*eritas juridica*). Но не то въ младенческомъ быту. Здѣсь и гражданскій искъ непосредственно дѣло совѣсти, точно такъ же, какъ и уголовный. Между ними нѣтъ той пропасти, которая теперь существуетъ. Актовая сторона гражданскаго права была неизвѣстна, слѣдов. всѣ обязательства были основаны на вѣрѣ и совѣсти. Въ древнихъ нашихъ запискахъ мы часто встречаемъ выраженія, указывающія на такое пониманіе долговыхъ обязательствъ. Одна княгиня, изчисляя свои долги, проситъ наследниковъ, чтобы «свели ихъ съ ея души»; одинъ Новгородецъ XIV в., послѣ изчисленія своихъ долговъ, прибавляетъ: «а больше

ничего никому не долженъ, только Богу душою». И теперь мы видимъ, что законъ и общественная нравственность расходятся въ своемъ возрѣнн на силы должовыхъ обязательствъ: законъ даетъ полное значеніе крѣпостнымъ актамъ, гораздо меньше другимъ племеннымъ и почти никакому — словеснымъ; а общественная нравственность, напротивъ, считаетъ самымъ сильнымъ словесный долгъ, взымаетъ его «долгомъ чести»... Но мы удалились отъ нашего предмета. Мы желали показать основаніе примѣненія ордалий и въ гражданскихъ искахъ. Не будемъ представлять здѣсь воспроизведенія цѣлой картины Божьяго суда: для этого русскіе источники слишкомъ недостаточны; цель наша — уяснить его идею и показать процессъ человѣческой логики въ постепенномъ переходѣ отъ суда Божьяго къ человѣческому.

Ордалии (въ смыслѣ испытаній) могли существовать до тѣхъ поръ, пока жило вѣрованіе въ божественность стихій въ матеріальное присутствіе божества. Но извѣстно, что такое вѣрованіе — первая ступень въ развитіи религіознаго сознанія. По этому вѣдѣ за ордалиями появляется второй видъ Божьихъ судовъ — *поединки*. Здѣсь тоже вѣрованіе, что и въ ордаліяхъ, т. е. что божество укрѣпитъ руку праваго, и онъ побѣдитъ виновнаго, хотя бы силы ихъ были равны или даже виновный былъ сильнѣе; но это вѣрованіе здѣсь не въ той безграничной степени, какъ въ ордаліяхъ. Въ ордаліяхъ человѣкъ не играетъ никакой роли, дѣйствуетъ одно божество; человѣкъ чисто въ пассивномъ состояніи; а въ поединкахъ божество всходитъ на 2-й планъ: человѣкъ дѣйствуетъ, божество ему помогаетъ. По этому и въ логическомъ и въ историческомъ процессѣ поединки стоятъ послѣ ордалий. Поединки, впрочемъ, не оставался въ одномъ видѣ; онъ измѣнялся по мѣрѣ развитія религіознаго сознанія: это мы докажемъ памятниками рус-

скаго права. Теперь остановимся нѣсколько на самомъ понятіи поединка. Торжествовала ли въ немъ правда? Конечно. По общему понятію нашего времени, на поединкахъ торжествовалъ сильный и искусный, хотя бы онъ былъ не правъ. Но такъ можно думать безъ живаго пониманія той среды, гдѣ онъ жаль, какъ органъ правды. При убѣжденіи, что божество само присутствуетъ на поединкѣ и укрѣпляетъ праваго, виновный былъ побѣжденъ еще до начала боя: ему казалось, что земля подъ нимъ дрожитъ, народъ ему угрожаетъ; онъ терялся, дрожалъ, а этого одного достаточно, чтобы быть побѣжденнымъ даже слабѣйшимъ. Вспомнимъ поэтический рассказъ о томъ, какъ собака побѣдила на поединкѣ рысая, убійцу своего господина. Этимъ сюжетомъ, т. е. побѣдою слабого, но праваго, надъ сильнымъ, пользовалась романсы нашего времени, напр. Вальтеръ-Скоттъ, или нашъ Лажечниковъ (въ романѣ «Бусурманъ»).

Мы видѣли, что языческій религія укрѣпляла шедшихъ на ордаліи; то же самое имѣло мѣсто и относительно поединковъ, какъ языческо-религіознаго дѣйствія. Въ актѣ Стоглаваго Собора (1551 г.) сказано: «Нѣцны не прямо тяжутся... на полѣ бьются и кровь проливають, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ гадаютъ, и смотря дией и часовъ..., и на тѣ чарованія надѣясь, поклевца и ябедникъ не мирятся». Эти чародѣи — остатки жрецовъ; Аристотелевы Враты и Рафли — проклятыя церковью книги языческой мудрости.

Переходимъ къ исторіи поединка. Будемъ опять слѣдить только самое развитіе той идеи, которая лежала въ ихъ основѣ. Нельзя отрицать существованія пое-

динокъ у русскихъ Славянъ въ древнѣйшее время, т. е. въ IX и X вѣкахъ. Есть много причинъ думать, что тѣ разбои, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ во время св. Владиміра и о которыхъ говоритъ Русская Правда, отличая ихъ отъ обыкновеннаго разбоя («разбой безъ всякія свады»), были поединки. Даже о поединкахъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами: «Русину же велѣтъ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, или Нѣмцичу въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, или (но если) нѣмечкій гость битися на Русѣ межю собою жеци или сулицами, князю то не надобѣ». Положительныя постановленія о поединкахъ, или какъ ихъ называли въ древней Россіи «поле», встрѣчаемъ въ 1-й разъ въ псковской Судной грамотѣ, за тѣмъ въ обихъ Судебникахъ (Ивана III и Ивана IV) находится самое подробное постановленіе о вѣншей сторонѣ «поля». Для нашей цѣли всего важнѣе постановленія Псковской Судной Грамоты; ихъ не много, но по нимъ можемъ возсоздать процессъ движенія идеи поединка, чего нельзя сдѣлать по Судебникамъ. — Вотъ эти мѣста: «А жонка съ жонкою присуждаты поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону». — «А противъ послуха иетець старъ, или младъ, или чѣмъ безвѣченъ, или попъ, или чернецъ, ино противъ послуха нанять вольно наймита, а послуху наймита нѣтъ». Эти мѣста псковской Судной грамоты показываютъ уже поединокъ во второобразной его формѣ; но по нимъ легко возсоздать первообразную. Мы видѣли основаніе поединка. По первоначальной его идѣ было рѣшительно все-равно, битъ ли равную или не равную силу противника: божество было достаточно сильнымъ, чтобъ укрѣпить слабого и доставить ему побѣду надъ сильнѣйшимъ: здѣсь-то и проявлялась во всемъ блескѣ сила божества (или, по нашему понятію, сила убѣжденія). По

этому вначалѣ поединокъ былъ исполнѣнъ возмозженъ между увѣчнымъ и здоровымъ, старикомъ и юношей, опытнымъ бойцомъ и духовнымъ лицомъ. Но когда мало по малу начала слабѣть эта вѣра, божество стало терять свою непосредственность; оно получало силу, т. е. давало побѣду правому только тогда, когда силы противниковъ не были слишкомъ — неравномѣрны. Отсюда является учрежденіе подставни, или «наймитовъ». Тамъ, гдѣ силы были слишкомъ — неравномѣрны, дозволяется слабѣйшей сторонѣ ставить наймита, именно: женщины противъ мужчины, ребенокъ противъ взрослого, увѣчному противъ здороваго, монаху противъ мірянина. За этими исключеніями болѣе нѣтъ наймитовъ, хотя, конечно, и тутъ могло быть еще значительное неравенство силъ, но божество уравнивало. Поэтому и женщины противъ женщины должна была лично битися. Мало по малу учрежденіе наймитовъ съ паденіемъ вѣры въ поединокъ расширяется, и по Судебнику Ивана III общее правило: бойцу битися съ бойцомъ, т. е. если одна сторона, вслѣдствіе своей слабости, напр., женщина противъ мужчины, ставитъ наймита, то и противникъ имѣетъ право сдѣлать тоже. Впослѣдствіи наймиты дозволены неограниченно, такъ что въ половинѣ XVI ст. бьются только они, а не сами тяжущіеся: «Готовъ битися на полѣ, и наймита ставлю» — обыкновенный отвѣтъ подсудимаго. Такъ обр. идея божества постепенно слабѣла въ поединкѣ, видоизмѣняла его и наконецъ вовсе уничтожила его стискательную разумность. Коль скоро бьются наймиты, то не можетъ быть и рѣчи о силѣ внутренняго убѣжденія, слѣдов. является одна дикая форма безъ того содержанія, которое давало ей жизнь и смыслъ. И — фактъ чрезвычайно поучительный — чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Судебника Грознаго, въ которомъ весьма подробно опредѣлена форма пое-

динка съ наймитами, онъ исчезаетъ изъ законодательства, а къ концу XVI в. даже и изъ народного обычая. Форма безъ содержания ничего не значить, и у русскаго народа было столько здраваго смысла, что онъ поимля ея безразличность и бросилъ ее. Отсюда прямой переходъ къ суду человѣческому—по словамъ, но доказательствомъ актовымъ.

Но не вдругъ окончилась языческо-религиозная идея суда. Между судомъ божьимъ и судомъ человѣческимъ есть посредствующее звено: это та форма словеснаго процесса, на которой еще лежитъ религиозное воззрѣнiе. Мы обладаемъ въ исторiи нашего права памятникомъ, въ которомъ находится классическое мѣсто для сознанiя этого перехода, именно: въ Псковской Судной Грамотѣ мы читаемъ о словесномъ процессѣ: «А на судъ помощю не ходити; лѣсти въ судебнику двѣма сутяжникомъ. А пособниковъ не было ни съ одной стороны, оиричъ жонки, или за дѣтину, или за черьца, или за черлишу, или который человекъ старъ вельмя, или глухъ, или за тѣхъ пособику быти». Разбирая это мѣсто, ясно видимъ въ немъ переходъ отъ божьяго суда къ человѣческому; судотворенiе это тотъ же бой, но бой словами. Слово судебное представляется не только какъ дѣло человѣческаго умѣнья, но и какъ вдохновенiе божества, которое даетъ силу и некуство мѣше-смысленному, но правому. Поэтому «пособники», т. е. адвокаты, допускались только въ томъ случаѣ, когда было слишкомъ большое неравенство въ нравственныхъ силахъ тяжущихся, именно: когда одинъ изъ нихъ былъ увѣчный, старикъ или женщина. Слѣдов. здѣсь повторялось тоже движенiе идеи, которое было въ поединкахъ: адвокатъ соответствуетъ наймиту. Слѣдъ далѣе эту аналогiю между поединкомъ и словеснымъ процессомъ, видимъ, что результатъ послѣдняго былъ тотъ же, что и

перваго, т. е. съ окончательнымъ паденiемъ языческо-религиознаго убѣжденiя обѣ стороны получили право ставить нѣсто себя адвокатовъ. Но наше пытливейшее право до сихъ поръ сохранило яркіе слѣды прежлаго религіознаго понятiя о словесномъ судѣ: адвокатура не признается въ уголовномъ процессѣ. Любопытно и поучительно, что простонародное убѣжденiе не въ одной Россiи идетъ противъ адвокатуры въ уголовномъ судопроизводствѣ. Для него представляется болѣе нравственнымъ, когда обвиняемый самъ себя защищаетъ; адвокатъ—иземное лицо; у него нѣтъ живаго, непосредственнаго сознанiя правоты. Мы сказали, что судотворенiе имѣло отчасти религіозный характеръ. Если это такъ, то слѣдовательно и здѣсь должно быть участiе языческой религii въ укрѣпленii идущаго на словесный судъ, подобно тому, какъ это она дѣлала при ордаляхъ и поединкахъ. Дѣйствительно во 2 т. «Архива» г. Калачова мы находимъ заговоръ идущему на судъ: «Госиудя отче, благослови! Вѣтахомъ завтра и помолихся Господу Богу и дѣннице, сосходить и зло на вранъ скоуиѣмъ 327 железнехъ ключей, оловянехъ и мѣднехъ. Заклучи ямъ, Господи, моемъ супротивникомъ, умъ, и языкъ, и сердце, отъ нихъ же зломыслеть не ми да сугъ. А мене да полетить языкъ всемъ властителомъ и судиямъ помне ея яко дядро-словеснику поцу евангелiе. Заклучаи, Господи, моимъ супротивникомъ языки, яко пресоптеръ св. евангелiе, и азъ рабъ божий имр въ красоту изидохъ и у зависть осемъ, всегда, нынѣ и присно и вѣкы вѣкомъ, аминъ».

Такъ совершился процессъ перехода Божьяго суда въ человѣческій. Но что же двигало и видоизмѣняло этотъ процессъ? Естественная ли сила развитiя, или какая-нибудь другая? Для новыхъ народовъ это была другая сила—христіанство. Оно было принято тогда, когда процессъ языче-

скаго сознания далеко еще не кончилось своего разлития, и мало по малу разрушило въ течение нѣсколькихъ вѣковъ языческо-религиозный характеръ суда. Эта борьба христіанскихъ началъ съ языческими происходила во всѣхъ сферахъ человеческой, общественной и частной жизни; она отразилась въ измѣненіи понятія о судѣ. Но нигдѣ, м. б., побѣда христіанства надъ языческими началами не была такъ трудна, какъ въ этой сфере, п. ч. характеръ суда—коренное произведение народнаго духа. На Западѣ усиленіе церкви противъ ордалий долгое время были безплодны, тоже самое было и относительно поединковъ, которые подъ влияніемъ рыцарства приняли новый видъ дуэли, и въ этомъ видѣ перешли въ XVIII в. и къ намъ, и до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія законодательства, не перестали существовать.

Обращаясь къ нашему праву, видимъ, что съ самаго принятія христіанства церковью выступила противъ судовъ божьихъ. У Нестора есть классическое мѣсто о началѣ этой борьбы: «И умножишеся разбоевъ, и рѣша епископи Володиміру: умножишися разбойницы, и почто не казниши ихъ?—Онъ же рече: боюся грѣха.—Они же рѣша ему паки: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ и на милованіе добрыхъ: достоинъ ти казнити разбойники, но съ испытаніемъ.—Володиміръ же отвергъ виры, аще нача казнити разбойники. И рѣша старцы и епископы. рать многа, а ежъ вира, то на оружьи и на конехъ буди.—И рече Володиміръ: ла тако буди.—И живяше Володиміръ по устроению дѣдану и отпю». Это мѣсто объясняли наши исследователи по крайней—мѣрѣ на 10 лѣтовъ, и всякій разъ сознавались, что выходятъ противорѣчіе, а м. тѣмъ смыслъ его ясенъ. Баронъ Розенкампъ и г. Калачовъ положительно доказали, что съ *разбой* означало также и поединковъ, и кровную

мечь, и вообще самоуправство. Церковь, въ лицѣ епископовъ, просить Владимира казнить разбойниковъ. *Казнить*—въ древ. Руси употреблялось въ смыслѣ *наказывать*, слѣд. «казнить со испытаніемъ» на языкѣ епископовъ означало: подвергать, послѣ правильного суда, уголовному наказанію поединщиковъ, и вообще всѣхъ виновныхъ въ языческомъ самоуправствѣ, тогда какъ тогдашніе земскіе законы не знали вообще другаго наказанія за преступленіе кромѣ *виры*, т. е. денежной пени. Владимиръ, какъ человѣкъ, выросшій среди языческихъ понятій, отвѣчалъ: «боюся грѣха», т. е. его смущала мысль разрушить вѣковой обычай народа. Въ такомъ положеніи былъ не одинъ Владимиръ, а и всѣ новообращенные въ христіанство германскіе князья: Альфонсъ II желалъ уничтожить поединки, но бол. часть народа стояла за нихъ, и король положилъ рѣшить споръ, быть или не быть поединкамъ—поединками! Съ одной стороны вышелъ защитникъ народнаго обычая, съ другой—правильнаго суда, они сразились; первый побѣдилъ, и поединки были сохранены. Но Владимиръ уступилъ: уничтожилъ виры. Отчего же, вѣдѣтъ за этимъ уничтоженіемъ, не только старцы, какъ блюстителя народнаго обычая, но и сами епископы просятъ князя возстановить старый порядокъ? Дѣло оч. понятно: виры были главнымъ доходомъ князя; вспомнимъ—при этомъ, что князь во 1-хъ, до окончательнаго утвержденія христіанства, содержалъ духовенство десятинами изъ своихъ доходовъ, во 2-хъ, князь давалъ оружіе и коней не только дружинѣ, но и земскому («княже! выдай намъ оружіе и коней», говорили Кіевляне Изяславу): по этому внезапное уничтоженіе виры имѣло не выгодныя послѣдствія для духовенства и особенно для государства, п. ч. Владимиръ велъ безпрестанныя войны. Поэтому вполне понятны слова епископовъ и

старцевъ: «князь! тебѣ надобно постоянно держать войско въ полѣ; возстанови вѣры, тогда будешь имѣть средство на оружіе и коней». Владимиръ согласился и сталъ снова жить по уставу отцовъ и дѣдовъ.

И такъ, у насъ была фиванеовая причина побѣды на 1-й разъ языческаго процесса. Онъ является воплоти—горже-ствующимъ въ Рус. Правдѣ, въ значительной частн въ Пск. Судн. Грамотѣ и въ обоихъ Судебникахъ. Но рядомъ съ гражданскимъ обществомъ существовало другое, церковное, въ которомъ господствовала другія начала права. Надобно, впрочемъ, удивляться силѣ языческаго суда: не смотря на проклятіе церкви, поединки существуютъ до конца XV в. Мало того: они признаны законодателемъ такимъ, каковъ былъ царь Ив. Вас. Грозный. Соборы едва успѣваютъ оградить духовенство отъ поединковъ. Мы упоминали, что поединки, какъ актъ языческо-религознаго сознанія, были связаны съ заклятіями, которыя вначалѣ, конечно, происходились жрецами и послѣ введенія христіанства—чародѣями и волхвами, т. е. тѣми лицами, которыя наслѣдовали мистическую часть древней религіи. Противъ этихъ лицъ, которыя поддерживали въ народѣ языческія вѣрованія, и вооружился Стоглавый Соборъ и проклялъ книги, въ которыхъ заключалась ихъ мудрость, какъ бы оставляя въ покоѣ самые поединки. Но ясно, что когда усилями церкви были истреблены эти лица и книги, то поединки, будучи лишены своей мистической опоры, не могли болѣе существовать.

Безъ сомнѣнія, весьма поучительно прослѣдить подробно побѣду христіанскаго суда надъ язычествомъ; но, по скудости извѣстій, это невозможно. И не мудрено: это была внутренняя, глухая борьба, борьба въ сознаніи, не выказывавшаяся ни въ чемъ осязательно, а поэтому она и прошла какъ-бы незамѣтно. А м. — тѣмъ,

здѣсь совершался величайшій актъ въ процессѣ развитія духа рус. народа.

Замѣчательно, что когда формы христіанскаго процесса одолевали языческія, то и на нихъ оказывалось влияние языческаго воззрѣнія, наприм., на присягѣ. Начиная съ Пск. Суд. Грамоты и оканчивая Уложениемъ (1649 г.), встрѣчаемъ слѣд. постановленія относительно присяги: за родителей въ некоторыхъ случаяхъ должны присягать дѣтя, за помѣщиковъ—крестьяне, за гостей—ихъ прикащики, наконецъ, смѣсто царя, при заключеніи трактатовъ, иногда присягали бояре. Такое явленіе съ перваго раза озадачиваетъ: христіанская присяга и обязанность другаго лица приносить ее за того, кто долженъ—это два понятія несовмѣстимыя. Допуская второе положеніе, уничтожается сила и смыслъ присяги; а, м. — тѣмъ, такое явленіе въ нашемъ правѣ объясняется оч. просто: перенесеніемъ на христіанскую присягу учрежденія наипитства и замѣны, употреблявшихся при Божьихъ судахъ.

Разсматривая значеніе Божьихъ судовъ, сравнительно съ смѣнившимъ ихъ судомъ человѣческимъ, мы должны сказать, что въ нихъ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ первобытной жизни, есть та непосредственность, то наивное вѣрованіе въ правду, котораго недостаетъ послѣдующему быту. Въ человѣческомъ судѣ идея правды является для массы закрытою сложными и медленными формами; мало того, казуистика лишаетъ ее той святости (опять въ глазахъ массы), безъ которой невозможно ея нравственное существованіе. Нужно долгое развитіе для народа, чтобы идея правды, со всѣми этими сложными и отвлеченными формами, получила въ его глазахъ нравственное значеніе, какъ, напр., въ настоящее время во Франціи. Тяжко бываетъ для народа то переходное состояніе, которое лежитъ между паденіемъ Божьихъ судовъ

и нравственнымъ сознаниемъ святости человеческаго суда. Отсюда такое страшное состояніе правосудія у насъ въ XVI и XVII в..... Чернымъ покрываломъ поддерживалась правда въ сознаниі нашего народа. Это покрывало снимется тогда, когда, вѣдствие нравственнаго развитія, чувство долга укоренится въ сердцахъ и все будутъ преклоняться передъ закономъ.

(Изъ статьи А. В. Дохвицкаго, *Отеч. Зап.* 1857 г. кн. VI, 1, 509—520).

199. О юридическомъ значеніи духовенства.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ отсюда же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ уже предѣлахъ тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри греческой церкви, вмѣстѣ съ своими учениками изъ Болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе резко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ византійской церкви, утвержденныя неподвижно канонами св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское, подробно развитое, право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской вла-

сти, оно, естественно, должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно византійскому праву, которымъ оно было напитаю. Но при этомъ возрѣвша, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самыя сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной—верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узамъ подчиненія, за исключеніемъ дружины и городовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной—быть родовой, въ которой еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной—кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать вел. князьямъ, которые старались—объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный;—самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было, конечно, признать то, чтобъ познакомить ихъ съ постановленіями и городскимъ бытомъ своего прежняго отечества—Византійской имперіи.... Известно, какое глубокое, живое и теплое сочувствіе возбуждаетъ христіанская вѣра въ душахъ новообращенныхъ язычниковъ, съ какими пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвятить себя и свое имущество на служеніе одному Богу, съ какою охотою все свои

предпріятія и дѣйствія подчиняють высокому духу смиренія и благодати, оживотворяющему истинную религію. Св. Владимиръ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, «ибо, говорить онъ, боюсь грѣха». Но еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярослава Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ всѣ члены рода удерживаютъ большія или меньшія права на достоинство своего общаго предка.... Каждый отдѣльный князь, какъ скоро онъ истинно проникнуть всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣльно къ осуществленію великой цѣли—вполнѣ утвердить ее въ своей области, а вълѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глебъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владимиръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро на всемъ ея пространствѣ осуществляются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени....

Глубокое сочувствіе нашихъ первыхъ князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ ссорахъ и распряхъ, участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устроеніи государства и его управленіи, словомъ,—обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять князя за его добродѣтели, но также порицать за пороки и даже силою духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ церкви. Но важѣйшимъ правомъ въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостію, не только десятинами отъ княжескихъ доходовъ, но и не движимою собственностію, населенными и не населенными землями, со всѣми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи отчипниковъ, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ..... Нельзя вполнѣ изчислить, какимъ именно количествомъ недвижимыхъ имѣній владѣло издревле русское духовенство; но довольно извѣстно, что такихъ имѣній было несравненно болѣе, нежели земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, ибо не только князья, но и подданные ихъ, увлекаемая религіознымъ настроеніемъ духа, въ особенности при концѣ жизни, обыкновенно давали въ монастыри и церкви богатѣйшіе вклады населенныхъ и не населенныхъ имѣній для вѣчнаго поминанія души своей и своихъ родителей. Въ этихъ отчинахъ духовенство имѣло всѣ права привилегированныхъ владѣльцевъ: оно ими заведывало и управляло, собирало съ нихъ

оброки и поземельные доходы, а въ случаѣ возникшихъ между жителями ссоръ и преступлений, имѣло право суда, которое, на основаніи большей части жалованныхъ грамотъ, давалось ему въполнѣ, за исключеніемъ душегубства, татьбы и разбоя, предоставлявшихся только весьма немногимъ изъ привилегированныхъ лицъ и чрезвычайно рѣдко. До насъ дошло значительное число наказовъ, данныхъ монастырями и духовными властями припачикамъ, которые управляли ихъ отчинами; дошло нѣсколько уставныхъ и правныхъ грамотъ, объясняющихъ намъ порядокъ и правила, на основаніи коихъ духовенство производило въ этомъ случаѣ свой судъ и расправу, дошла, наконецъ, многие акты съ опредѣленіемъ судебныхъ пошлинъ, какія взиала церковные десятинники съ истца и отвѣтника. Изъ этихъ документовъ видно, что духовенство дѣйствовало здѣсь точно такъ же, какъ и свѣтская власть, подчиняясь въполнѣ издаваемымъ его постановленіямъ. У него, какъ и у верховной власти, есть свои бояре и бояреки дѣти, свои волостели и тиуны.. Духовенству необходимо знать всѣ уставы, относящіеся до поземельныхъ повинностей и до разныхъ сборовъ, ибо, въ противномъ случаѣ, оно легко можетъ подвергнуться притѣсненіямъ, съ одной стороны отъ воеводъ и намѣстниковъ, а съ другой—отъ мытщиковъ и таможенниковъ княжескихъ. Далѣе оно должно знать подробно гражданскіе судебные законы, ибо, въ противномъ случаѣ, въ тяжбахъ, возникающихъ между подчиненными духовенству и сторонними лицами, гдѣ судъ смѣсанный производится органами тѣхъ и другихъ, оно не будетъ умѣть охранить интересовъ своей партіи. Наконецъ, оно должно знать и уголовные законы, ибо иначе ему не будутъ известны предѣлы, до которыхъ въ данныхъ случаяхъ можетъ простираться его юрисдикція, такъ какъ оно не имѣетъ права судить дѣла, каса-

ющіяся до душегубства, татьбы и разбоя. Но съ другой стороны не менѣе было важно для духовенства поминать свѣтскія узаконенія, когда верховная власть стала ограничивать его отчинныя права, издавая съ этою цѣлью отдѣльныя постановленія, или общія грамоты, которыя тѣмъ самымъ исключали предоставленные духовенству льготы... Такимъ образомъ духовенство, рядомъ съ постановленіями каноническаго права, иногда вноситъ въ свои сборники также свѣтскіе законы. Конечно, нельзя не согласиться, что часто такіе статьи имѣютъ въ себѣ характеръ и значеніе памятниконъ по преимуществу литературныхъ; но на основаніи сказаннаго выше, безъ сомнѣнія, никто не будетъ отрицать, что на свѣтскія узаконенія, имѣющія практическое значеніе въ нашемъ древнемъ правѣ, должно съ этой самой точки смотрѣть и въ томъ случаѣ, если они включены въ какой—нибудь сборникъ, предназначенный для канонической практики.. И такъ, заключаю: изученіе сборниковъ каноническихъ не только полезно, но и необходимо для того, чтобы въполнѣ узнать и исчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства.

Кромѣ этой, столь обширной сферы юридической дѣятельности, духовенство имѣло, по собственному своему значенію, еще другую съ одной стороны, по числу подчиненныхъ ей лицъ, еще болѣе обширную, но за то болѣе тѣсную и опредѣленную, по предметамъ юрисдикціи. Я говорю о судахъ духовныхъ. Главныя начала для утвержденія своего права въ этой сферѣ оно принесло уже съ собою изъ Византіи вмѣстѣ съ Номоканономъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ перечислены какъ предметы духовнаго вѣдомства, такъ и права и обязанности въ отношеніи къ нимъ духовенства. Но въ Россіи тѣ и другія получили необходимое приращеніе вслѣдствіе мѣстнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при грубомъ чувственномъ бытѣ язычника, кото-

рый духовенство застало у наших предковъ, невозможно было во многихъ случаяхъ примѣнить къ нимъ постановленія византийской церкви и императоровъ, если эти постановленія не должны были оставаться совершенно безплодными. Въ то же самое время, — такъ какъ отношенія государственныя и гражданскія почти вовсе не были еще сознаваемы при такомъ бытѣ — духовенство не могло бы исполнять и тѣхъ обязанностей, которые на немъ лежали на основаніи Помоканова, еслибъ не позаботилось о расширеніи круга своей дѣятельности для включенія въ него нѣкоторыхъ правъ, какихъ не имѣло въ первобытномъ своемъ отечествѣ. Такими образомъ, утвержденіе со стороны верховной власти церковной деятельности, введеніе денежныхъ пеней въ пользу духовенства за преступленія духовныя, участіе въ раздѣлѣ имущества послѣ умершаго между его родственниками, — все было такія права, которыми духовенство получило въ Россіи влѣдствіе мѣтнаго развитія своихъ основныхъ правъ и преимуществъ. Однако, только рядомъ долговременныхъ усилій удалось ему достигнуть своей трудной задачи — поставить народъ, подчиненный ему въ духовномъ отношеніи, въ уровень источниковъ, на основаніи которыхъ оно должно было дѣйствовать. Выше я уже замѣтилъ, что, для лучшаго достиженія своей цѣли, духовенству было всего выгоднѣе ознакомиться вел. князей съ самымъ законодательствомъ Византийской имперіи и убѣждать ихъ объ утвержденіи тѣхъ или другихъ необходимыхъ постановленій въ Россіи. Такъ и дѣйствовало оно въ нѣкоторыхъ, именно названныхъ нами, случаяхъ. По возможно ли было такъ круто измѣнить родовой, неустроенный бытъ на государственный, уничтожить вѣковыя понятія, которыя развились сами собою, путемъ естественнымъ, и слѣд могли также воплотить искорениться не иначе, какъ путемъ народного сознанія и убѣжденія. Мы зна-

емъ дѣйствительно, что нѣкоторыя попытки были предприняты съ цѣлю ввести вдругъ новый порядокъ вещей и что они не удались, но крайней мѣрѣ правилось не скоро, и, напротивъ, еще долго жили на ряду со старымъ бытомъ. Такъ обр., въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, съ одной стороны, — вслѣдствіе установленія въ теоріи узаконеній византийскихъ, а съ другой, — послѣдствіе удержанія на практикѣ прежнихъ народныхъ обычаевъ, является замѣчательная двойственность, которая невольно проглядываетъ во всѣхъ источникахъ до самаго «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и тѣ узаконенія, которыя издавались при содѣйствіи духовенства, ибо, повторяю, оно было не въ силахъ сломить вдругъ всѣ обычаи, глубоко укорененные въ насъ, а, напротивъ, только постепенно достигало своей цѣли. Такъ, напримеръ, кровная месть, многоженство, брачныя союзы въ близкихъ степеняхъ родства, судебныя поединки (*поле*), мѣстничество, — все это было строго запрещалось, преслѣдуемо или, по крайней мѣрѣ, порицаемо духовенствомъ, но удерживалось упорно вѣстѣ съ тѣмъ духомъ язычества, который еще доселѣ носится надъ нами, заставляя простодушновъ вѣрять въ различныхъ духовъ и волшебниковъ, или въ зачѣтные дни совершать обряды, освященные незапамятною древностью. Поэтому въ вышней степени трудно рѣшить, какое значеніе на практикѣ и съ какого именно времени получали и у насъ тотъ или другой источникъ византийскаго права; но что, наконецъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ нашей древней письменности, въ большей или меньшей степени, имѣли такое значеніе, видно изъ того, что мѣстами или измѣнены противъ подлинниковъ, часто дополнены цѣлыми статьями, очевидно, русскими, что на основаніи ихъ дѣйствительно рѣшены нѣкоторыя практи-

ческие случаи и что, наконец, они перешли въ полномъ своемъ составѣ, или въ отрывкахъ, сначала въ рукописныя, а потомъ и въ печатныя, собранія, составленныя официально, подъ поліаніемъ правительства. Таковы въ особенности Кормчія книги. Слѣд., въ послѣднемъ случаѣ источника византійскаго права могутъ быть несомнѣнно названы также источниками и въ примѣненіи къ древнему законодательству нашего отечества, а съ другой стороны памятниками юридическими относительно настоящаго времени. Но для того, чтобъ ихъ вполне понять и оцѣнить, необходимо подвергнуть ихъ самому тщательному слѣденію съ памятниками туземнаго права. Тогда только будемъ мы въ состояніи говорить объ ихъ подробнѣе и опредѣленнѣе.

Останавливаясь на источникахъ духовнаго судопроизводства, мы замѣчаемъ, что въ этой сферѣ духовенство дѣйствовало прежде всего на основаніи Номоканона. Здѣсь Правила апостольскія, опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и постановленія Отцевъ церкви, которыя оно признаетъ неизмѣнными для себя догмами и которымъ подчиняетъ все свои дѣйствія. Но здѣсь же встрѣчаются и постановленія византійскихъ императоровъ, подъ влияніемъ коихъ церковь получала мѣстное развитіе и утвердилась на почвѣ древней Греціи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ каноны недостаточны, духовенство руководствуется этими узаконеніями; но также не рѣдко оно подкрѣпляетъ ими и первые. Въ древней Россіи тотъ в другой источникъ, принесенный извнѣ, восполняется еще мѣстными. Такихъ источниковъ также два главныхъ рода: соборы съ правилами Отцевъ церкви и уставы или узаконенія великихъ князей. Первые раздѣляются опять на соборы общіе и слѣд. обязательные для всей Россіи, и на соборы мѣстные. Если соборъ созываетъ митрополитъ кievскій, владимірскій, московскій; еще бо-

лѣе, если въ немъ принимаетъ участие самъ в. князь, то онъ, конечно, если только касается до устройства и управления церковнаго вообще, обязательнъ для всѣхъ областей, подчиненныхъ вѣдѣнію м-та. Напротивъ, соборъ должно назвать мѣстнымъ, когда его держитъ архіепископъ, или епископъ, находящійся въ зависимости отъ м-та, при томъ держитъ его въ своей области, хотя бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святыми изъ ближайшихъ епархій. Очевидно, однако, что по мѣрѣ своей важности, постановленія такихъ мѣстныхъ соборовъ могутъ также получить значеніе общихъ источниковъ. Что касается до правилъ Отцевъ церкви, то они заключаются преимущественно, съ одной стороны, въ отвѣтахъ, какіе давали одни изъ пастырей на вопросы другихъ о предметахъ церковнаго устройства, или управления, о богослуженіи и т. п., а съ другой стороны въ посланіяхъ и поученіяхъ м-товъ и другихъ духовныхъ властей къ князьямъ и прочимъ возлюбимымъ лицамъ, духовнымъ или свѣтскимъ. Наконецъ, узаконенія в. князей заключаются въ уставахъ, имѣющихъ форму грамотъ, данныхъ на имя того или другаго лица. Во всѣхъ изъ нихъ, сколько они извѣстны, сказано, что они даны на основаніи Номоканона, въ связи съ чѣмъ находится исчисленіе предметовъ, подлежащихъ суду церковному, в тѣхъ правъ, которыя предоставляются въ этомъ отношеніи духовенству, или же вмѣсто того подтвержденіе какаго либо изъ прежнихъ уставовъ. Таковы уставы о церковныхъ судахъ в. князей Владимира и Ярослава, князей Всеволода—Гавріила новгородскаго и Ростислава смоленскаго, в. кн. Василія Дмитріевича... Кромѣ этихъ источниковъ, на основаніи дошедшихъ до насъ матеріаловъ, мы знаемъ, что духовенство руководствовалось еще отдѣльными выписками, или росписями, въ коихъ изчислялись подлежащіе его вѣдомству предметы судопро-

производства, равно какъ денежныя пошлины, какія слѣдовало взимать въ этомъ случаѣ, и другіе церковныя доходы. На основаніи ихъ митрополиты давали иногда грамоты новопоставляемымъ епископамъ съ обозначеніемъ въ нихъ правъ, принадлежащихъ послѣднимъ въ отношеніи церковнаго суда. Сами по себѣ такіа выписки не имѣли, конечно, юридической обязательной силы, но на практикѣ духовенство руководствовалось ими, п. ч. онѣ были составлены на основаніи официальныхъ документовъ и обычаевъ, имѣвшихъ значеніе законовъ.

Не изчисляя въ подробности всѣхъ предметовъ, подлежащихъ въ древней Россіи духовному суду, равно какъ и правилъ самого судопроизводства, мы замѣтимъ, относительно первыхъ, что къ нимъ принадлежали преимущественно слѣдующія дѣла: 1) искъ родителей на дѣтей, мужей на женъ и женъ на мужей, рабовъ на господъ и, наконецъ, всѣхъ вообще лицъ женскаго пола и дѣтей, когда эти искъ относились, въ первомъ случаѣ, къ непослушанію, а во всѣхъ другихъ—къ насилію, незаконной жизни и явнымъ подобнымъ преступленіямъ; 2) искъ отцевъ духовныхъ на духовныхъ дѣтей своихъ «въ непослушаніи и во всякомъ безчестіи», какъ сказано въ источникахъ; также искъ священнослужителей на своихъ прихожанъ, хотя бы они не были духовными дѣтьми, въ томъ, что они не ходятъ въ церковь, не постятся и не имѣютъ у себя отцевъ духовныхъ; 3) искъ на безчестіе особенно зазорное; 4) искъ о запрещенныхъ бракахъ и незаконно привитыхъ дѣтяхъ; 5) искъ о сыновотореніи, т. е. усыновленіи пріемыша, и о братотвореніи, и объ учиненіи такихъ пріемышей послѣдниками; 6) искъ господъ на рабовъ, которые жеплг-сл, постригутся ялл живутъ въ бѣгахъ незаконно; 7) дѣла по духовнымъ заѣщаніямъ и раздѣламъ имущества послѣ умершихъ между ихъ родственниками; 8)

чародѣйства, волхвованія, расколы и вообще дѣла, противныя православію, равно какъ искъ, относящіеся до святотатства и оскорбленіе церковной святости; 9) всякаго рода искъ, если истецъ предпочтетъ требовать суда у духовной власти. Всѣ эти предметы подлежали во всей обширности вѣдомству духовенства до самыхъ временъ Петра В., какъ можно убѣдиться на основаніи одной росписи, включенной въ грамоту, данную патр. Адрианомъ, архіепископу козмогородскому и важскому, Азасію, объ епархіальномъ управленіи 1694 г. и нѣкоторыхъ другихъ, еще позднѣйшихъ документовъ. Относительно же правилъ судопроизводства въ этой сферѣ, духовенство, какъ видно изъ множества указаній, руководствовалось Номоканономъ, именно: сначала Номоканономъ, привезеннымъ изъ Византии или Болгаріи, но впоследствии, несомнѣнно, Коричинны, писанными и составленными въ Россіи по образцу греческихъ и болгарскихъ. Вотъ почему составители ихъ включали сюда, кромѣ общихъ неизмѣнныхъ канонѣвъ церкви, какъ постановленія византийскихъ императоровъ, такъ и дѣянія русскихъ соборовъ съ отвѣтами и поученіями Отцевъ церкви, а съ другой стороны узаконенія вел. князей, опредѣляющія предметы духовнаго суда. Так. обр., Кормчая, вмѣстѣ съ сборниками, составленными духовенствомъ, содержитъ въ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобъ достоверно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи, или тѣхъ основаній, которыми руководствовалось духовенство, въ отношеніи своихъ правъ и судопроизводства по предметамъ духовнаго вѣдомства.

Въ ближайшей связи съ дѣятельностію духовенства въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами значеніяхъ, т. е., съ одной стороны, въ сферѣ церковнаго, а съ другой—свѣтскаго судопроизводства, при томъ въ отношеніи къ каждой изъ нихъ подъ вліяніемъ почти тѣхъ же самыхъ источни-

ковъ, находится также дѣятельность его въ примененіи къ собственному его составу, иначе кругу лицъ, образующихъ духовную іерархію, или, лучше сказать, какъ къ лицамъ духовнымъ, такъ и приписаннымъ къ церкви. Число принадлежащихъ сюда весьма обширно, ибо кромѣ духовенства въ собственномъ смыслѣ, бѣлаго и чернаго и церковно-служителей, къ церкви въ древней Россіи причислялись всѣ лица, одержимыя природными недостатками, умственными или физическими (*строи*), которыхъ питаются отъ церкви, какъ замѣчено въ источникахъ; всѣ жившіе въ богадельняхъ и больницахъ; далѣе, лица, получившія чудесное изцѣленіе отъ болѣзней (*прощенники*), странствующие по святымъ мѣстамъ (*паломники*), и изгонъ или выходцы изъ духовнаго сословія. Въ этой сферѣ высшее духовенство должно было заботиться не только объ исполненіи подписанными ему лицами обязанностей ихъ званія, но также объ ихъ житейскихъ отношеніяхъ, словомъ, — исполнѣ ими заботиться, чинить имъ судъ и расправу, какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Источниками для своей дѣятельности, въ первомъ отношеніи, оно принимаетъ оцѣтку правила апостольскія и постановленія соборовъ, именно, какъ тѣхъ, которые признаны были въ Византии, такъ и соборовъ отечественныхъ. Равнымъ образомъ и правила Отцевъ церквей удерживаютъ здѣсь свою силу. Источниками во второмъ отношеніи служатъ, напротивъ, источники свѣтскаго законодательства. Что касается въ особенности до органовъ судопроизводства издѣ церковными лицами, то въ дѣлахъ свѣтскихъ они подчинены судьямъ, которые избираются изъ ихъ среды, а въ дѣлахъ духовныхъ — высшимъ духовнымъ властямъ, т. е., епископамъ, или самимъ митрополитамъ. Если по суду окажется, что лицо духовное подлежитъ свѣтской казни, то оно является

своего сана и отсылается для наказанія къ властямъ свѣтскимъ. Но какъ въ древнѣйшія времена, такъ и впоследствии, право суда надъ самими митрополитами и епископами верховная власть предоставила самой себѣ: въ этомъ отношеніи въ дѣлахъ свѣтскихъ они подлежали ей исключительно въ ведомству, а въ дѣлахъ духовныхъ она судила съ помощію лицъ изъ духовнаго сословія. Случалось также, что высшимъ духовнымъ властямъ (архимадритамъ, игуменамъ и епископамъ) в. князь давалъ привилегіи зависѣть непосредственно отъ нихъ самихъ по дѣламъ судебнымъ духовнаго ведомства, а еще чаще подчиняли ихъ себѣ въ отношеніи къ гражданскимъ искамъ; но высшее духовенство всячески старалось этому противодѣйствовать, и уже въ Стоглавѣ такія привилегіи признаны недействительными.

Наконецъ, послѣдняя сфера юридической дѣятельности духовенства въ древней Россіи ограничивается тѣмъ участіемъ, какое оно имѣло на дѣла государственныя и на свѣтское законодательство, вѣдѣствіе весьма близкаго отношенія его къ первымъ князьямъ, вѣдѣствіе общаго участія въ совѣщаніяхъ государей съ представителями сословія отъ всей земли и вѣдѣствіе особеннаго голоса, какъ коротко знакомое съ государственными и уголовными законами Византийской имперіи, служившими, безспорно, во многихъ случаяхъ образцомъ для в. князей, когда они, въ одно время съ утвержденіемъ въ Россіи новыхъ, самодержавныхъ отношеній вмѣсто родовыхъ, вводили при своемъ дворѣ церемоніи и обычаи греческихъ императоровъ. Что дѣйствительно духовенство имѣло такое влияніе на древнее свѣтское законодательство, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Достаточно для этого указать на совѣщанія св. Владиміра съ епископами и старцами касательно разбоевъ и казни за нихъ съ ярою, на

многя средства наказаній, и даже на смертную казнь, которая, очевидно, заимствована изъ византійскаго права; дѣла, на нѣкоторые случаи, гдѣ уголовныя дѣла отдаваемы были самою верховною властью на обсужденіе и рѣшеніе духовенства; наконецъ на положительныя и псныя подтвержденія въ самыхъ узаконеніяхъ, что оны основаны на правилахъ или постановленіяхъ царскихъ, т. е. византійскихъ императоровъ. Даже самое названіе свѣтской казни—граждскою указываетъ на переводъ съ греческаго. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ нашей юридической литературѣ, что, напримѣръ, къ Судебнику царя Юлія Васильевича приписывались законы Юстиніана. Припомнимъ кстати, что, какъ намъ уже извѣстно, нѣкоторые предметы, принадлежавшіе прежде вѣдомству духовной власти, впоследствии отнесены къ суду свѣтскому; не смотря на то, какъ видно изъ нѣкоторыхъ случаевъ, эти предметы удерживаютъ долго свой прежній характеръ и часто обсуждаются на основаніи тѣхъ-же законовъ, какими были подчинены подъ вліяніемъ духовной юрисдикціи. Все это вынуждаетъ насъ поводить заключать, что для насъго уразумѣнія источниковъ, на основаніи коихъ вполнѣ, или только отчасти, составлены наши древне юридическіе памятники, намъ слѣдуетъ, между прочимъ, короче познакомиться съ одной стороны съ источниками нашего церковнаго законодательства, при томъ принимая его въ томъ самомъ обширномъ значеніи, какое оно имѣло въ древнемъ періодѣ нашей исторіи, съ другой—съ памятниками свѣтскаго византійскаго права, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые внесены въ наши сборники и Кормчіи.....

Соединивъ въ одно мѣсто относящіяся сюда выводы, предложенные выше, мы получимъ слѣдующія данныя: 1) въ Кормчей встрѣчаются нѣкоторыя статьи, имѣвшія значеніе юридическихъ источни-

ковъ въ нашемъ древнемъ свѣтскомъ законодательствѣ; статьи, дѣйствительно употреблявшіяся въ этомъ значеніи на практикѣ; 2) въ судахъ церковныхъ, т. е. относительно предметовъ, принадлежавшихъ исключительно къ духовному вѣдомству, и самого судопроизводства въ этой сферѣ, Кормчая была несомнѣнно сборникомъ полнѣ практическимъ, какъ для духовенства, производившаго судъ, такъ и для всѣхъ лицъ свѣтскихъ, какъ членовъ одной и той-же церкви; слѣдоват., для насъ, какъ памятникъ права, она содержитъ въ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобы основательно опредѣлить значенію церковной юрисдикціи въ нашемъ древнемъ правѣ; 3) извѣстные намъ источники свѣтскаго законодательства до Петра В., равно какъ судебныя рѣшенія, во многихъ случаяхъ составлены подъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ источниковъ, съ одной стороны, церковнаго законодательства, а съ другой—византійскаго права вообще, причемъ именно тѣхъ самыхъ источниковъ, которые болѣею частью включены въ Кормчую; слѣдоват., какъ памятникъ юридическій, она въ этомъ отношеніи удерживаетъ свою силу.....

(О знач. Кормчей въ системѣ древн. рус. права Н. В. Калачова. М. 1850 г. 2—16. Также въ Чтен. общ. ист. 1847).

200 В магдебургскомъ правѣ.

.. У береговъ Балтійскаго моря, въ незапамятныхъ временахъ, процвѣтали своею торговлею многіе славянскіе города, соединенные между собою торговыми узлами и носившіе названіе *Ганзейскаго союза* (отъ hanza, вѣм. Wanza, узелъ, союзъ, связь, польск. Wezel). По мѣрѣ того, какъ одинъ изъ нихъ падалъ, погребенный въ собственныхъ развалинахъ, Нѣм-

цы вновь отстропвали его и съ этихъ поръ считали его своимъ городомъ. Такая участь постигла *Любеку* (Любекъ), которая, возродившись изъ пепла и получивши привилегію (1158) отъ государя этой страны, саксонскаго князя, Генриха Льва, вскоре пріобрѣла такую извѣстность своими учрежденіями, (дошедшими до насъ въ трехъ различныхъ изводахъ), что Пруссакіи охотно усваивали ихъ себѣ, и просили ее снабдить своей свободой и правомъ (*jus et libertas*) нѣмецкіе и славянскіе города, лежащіе у Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ 1190 г. Адольфъ, князь Гольштиніи, ввелъ Любекское право въ Гамбургъ. Въ 1224 г. Виславъ I далъ позволеніе имъ пользоваться Любечанамъ, жившимъ на островѣ Рюгенъ; въ 1242 году одинъ изъ мелкихъ славянскихъ князьковъ ввелъ его въ своемъ городѣ Деминъ (на Поморьѣ), а преемникъ его, Вратиславъ въ Грешвальдѣ, 1250; въ 1255 Яроміръ, князь Рюгена, утвердилъ его въ городѣ Баргъ (Barth), а, наконецъ, Янгъ голштинскій дозволилъ пользоваться имъ одному изъ своихъ владѣтій.

На Лабѣ лежалъ славянскій городъ *Дьвинъ*, который, онемечившись, сталъ называться Магдебургомъ, названіе, цѣлкомъ переведенное съ славянскаго (*Magd*, дѣва, и *Burg*, городъ). Тамашній архіепископъ, которому, еще при Мечиславѣ I, принадлежала польская или познанская епископія, имѣя въ своемъ подданствѣ Славянъ и Нѣмцевъ, старался слить ихъ въ одинъ народъ посредствомъ равноправныхъ привилегій. Каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе долженъ былъ уважать народность другаго, что и другіе полабскіе, полуславянскіе и полунѣмецкіе города, такъ, напр., Штендаль и Ютербогъ (*Jüterbock*), съ радостью приняли составленное для нихъ *Магдебургское право*, первый въ 1145, а послѣдній 1174 г. Наибольшимъ значеніемъ пользовался привилегіи, данныя Магдебургу 1188 г.

архіепископомъ Вихманомъ; списокъ съ нихъ въ послѣдствіи 1204 года граждане Магдебурга подарили жителямъ г. Вратислави, по усиленной просьбѣ этихъ послѣднихъ. Изъ этого-то мы убѣждаемся, что въ Магдебургѣ были въ ходу и славянскіе обычаи, ибо въ § 8 упомянутой привилегіи читаемъ: «Если случится надобность издать новое постановленіе, а судьи въ это время будутъ отсутствовать, то Бургграфъ или Войтъ (*Scultelus*) имѣетъ право передать полномочіе изданія закона Думѣ, составленной изъ гражданъ (*cives*)». Но такъ поступать Бургграфъ или Каштелянъ могъ только по общезвѣстному славянскому обычаю, передавшему ему право надзора надъ городами, лежащими въ его округѣ.

Изъ привилегій этихъ, умноженныхъ статьями Саксонскаго зеркала, а также мѣстными судейскими рѣшеніями, образовалось въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. то славное Магдебургское право, судьбы котораго такъ сильно занимаютъ насъ въ настоящее время. Можно допустить, что въ Магдебургскомъ правѣ, до появленія привилегій, городское и земское право мало чѣмъ, а можетъ быть и совершенно не различалось между собою. Они находились другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, въ какомъ и въ другихъ славянскихъ городахъ, прежде нежели они раздѣлялись у западныхъ Славянъ на земское и городское. Но вскоре Магдебургское право начало принимать все болѣе и болѣе исключительный характеръ: счастливый случай привелъ его къ соединенію съ Саксонскимъ зеркаломъ, которое снова, такъ сказать, оземщило его. Это продолжалось до XV в., когда, вслѣдствіе различнаго обряда жизни горожанъ и земскихъ людей, снова порвалась связь между полемъ и городомъ. Впрочемъ, это обособленіе должно было непременно послѣдовать, п. ч. никто не зналъ, какъ предупредить его. Если бы тогда же бы-

ла произведена регулировка городовъ, т. е. если бы были даны особые постановленія о заработной платѣ, а во всемъ остальномъ уравнины съ селами, какъ это мы видимъ въ настоящее время во Франціи, то, нѣтъ сомнѣнія, что мѣра пополнила бы потребностямъ тогдашняго общества.

Магдебургское право распространилось у насъ въ двухъ изводахъ. Иной видъ имѣло оно до соединенія своего съ саксонскимъ правомъ, а иной видъ послѣ него..... Назовемъ тѣ польскіе города, которые, получивъ его уже во второмъ изводѣ, передали его въ такомъ видѣ и городамъ русскимъ, лежащимъ по сю сторону Днѣпра. Еще до 1244 г. Болеславъ Стыдливый пожаловалъ Магдебургское право Кракову и Савломиру. Немного спустя, 1237 г., онъ даровалъ Кракову еще лучшее право, объявляя, что хотя онъ вводитъ сюда то самое право, которымъ уже пользовалась Вратиславль (съ 1241, или 1242), но съ большими привилегіями. Немцы, проживавшіе на Русѣ во Львовѣ, Владимирѣ (на Волынѣ) и Луцкѣ въ 1287 г. имѣли своего войта. Возвращая отъ Польши русскія земли, Москва нашла здѣсь Магдебургское право и подтвердила его въ Киевѣ, Каневѣ, Переяславѣ и Стародубѣ, а также въ округахъ нѣжинскомъ, черниговскомъ, козелецкомъ и остерскомъ..... Теперь остановлюсь я на томъ, что у насъ собственно разумѣли подъ именемъ Магдебургскаго права, каково было его значеніе, направленіе и цѣль.

Такъ какъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы городу, имѣющему получить иностранное право, пожаловать привилегію, то въ 1231 г. крестоносцы и дали ее Хельму, стольному городу Хельминской области, крѣпко наказавъ называть ее не Магдебургскимъ, но Хельминскимъ правомъ; въ этомъ случаѣ они руководствовались той политикой, чтобы принадле-

жащій имъ городъ не думалъ, что можно быть подданнымъ своего отечества, а между тѣмъ пользоваться иностраннымъ правомъ. Эта мѣра крестоносцевъ, имѣя важныя послѣдствія, могла бы произвести еще важнѣйшія, если бы они умѣли взяться за дѣло. Въ послѣдствія, сохраняя старое названіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ примиря прошедшее съ настоящимъ, это право стали называть не Хельминскимъ, но уже «Магдебургскимъ», обязательнымъ для Хельминской области, выражалъ тѣмъ неуверенность, что такое было въ самомъ дѣлѣ это право—Магдебургское лѣ, или какое нибудь другое, составленное по образцу его. Короче: всякое исключительное право называлось у насъ вообще нѣмецкимъ или получало свое прозвище отъ города, гдѣ оно наиболѣе дѣйствовало. Случалось даже и то, что помѣщикъ, заключая условіе съ своимъ поселенцемъ, указывалъ ему на какой-нибудь заграничный городъ, или лежащій въ его странѣ, и дозволялъ ему, въ видѣ исключенія, управляться правомъ этого города; при семъ онъ объявлялъ, что если оно окажется почему бы то ни было стѣснительнымъ для поселенца, то онъ готовъ замѣнить его другимъ.

Видя, какъ свои и чужіе хлопочутъ о томъ, чтобы какъ нибудь уклониться отъ земскаго права, всякій мыслящій законодатель, сознавая, что это право имѣетъ свои недостатки, долженъ бы былъ съ одной стороны дополнить его этими статьями, а съ другой—успокоить всѣхъ равнителей иностранныхъ учреждений, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы они не пытались отложиться отъ роднаго права. Такой законодатель явился въ лицѣ Казимира В.. Разсуждая о томъ, онъ отмѣтилъ два пути: одинъ велъ къ признанію необходимости польско-нѣмецкаго, такъ сказать, Статута, другой наводилъ его на мысль о соединеніи нѣмецкаго права съ отечественнымъ. Обдумавши хо-

рошо, куда приведетъ каждый изъ нихъ, онъ тотчасъ понялъ, что было бы бесполезно избрать первый, п. ч. тогда Статутъ составили бы одни лишь изъятия изъ земскаго права, къ которому не слѣдовало бы прибавлять ничего новаго. А потому онъ обратился въ противную сторону, и устремилъ свои старанія къ тому, чтобы безъ всякихъ потрясеній нѣмецкое право приноровить къ польскому. Обративши вниманіе на судопроизводство и на уголовное право, онъ такъ преобразовалъ ихъ, что сами нѣмцы оправдывали его реформу или, по крайней мѣрѣ, не порицали ее, особенно когда Казимиръ (въ пяти извѣстныхъ артикулахъ) согласилъ его съ духомъ старинныхъ нѣмецкихъ учреждений. Во всякомъ случаѣ, онъ не поднималъ руки на нѣмецкое право. напротивъ того приказалъ ни въ чемъ не нарушать его, въ надеждѣ, что преемники, улучивъ удобное время, поведутъ его преобразование далѣе, къ полному удовольствію Нѣмцевъ.

Будучи само по себѣ исключеніемъ изъ мѣстнаго законодательства, нѣмецкое право, конечно, сохраняется путемъ обычая и требовало письменнаго выраженія. Иначе польскій судья, разбирая какую-нибудь тяжбу, не зналъ бы, что это въ самомъ дѣлѣ за право, особенно когда оно на каждую минуту принимало иную форму отъ безпрерывныхъ отступленій и привилегій. При томъ же и судебное устройство его было совершенно самобытно. Право судебного рѣшенія какого-нибудь дѣла оно передавало Магдебургу, или искало судебной правды тамъ, гдѣ повелѣлъ основатель поселенія. Желая помочь этому неудобству, Казимиръ В., слѣдуя примѣру крестоносцевъ, которые, посредствомъ Хельмской привилегіи, добились того, что всѣ дѣла между ихъ подданными рѣшались окончательно не въ Магдебургѣ, но въ Хельмѣ, постановилъ 1356 г., чтобы высшее судебное мѣсто для Малой

Польши съ этихъ поръ находилось въ Краковѣ, остальные же области—познанская, сандомирская и львовская, чтобы имѣли тоже такой высшій судъ у себя. Но такъ какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что еще въ 1459 г. нѣкоторые обращались въ Магдебургъ за рѣшеніемъ дѣлъ, то постановление Казимира В. должно имѣть слѣдующій смыслъ: онъ далъ право истцу принудить отвѣтника разсудиться съ нимъ окончательно въ мѣстномъ судѣ, и хотя тяжущимся позволено было, по взаимному согласію, отправиться за границу за послѣднимъ рѣшеніемъ, но рѣшеніе это не имѣло обязательной силы въ ихъ странѣ, потому и всякій судья, рѣшившійся привести въ исполненіе, рисковалъ всемъ своимъ имуществомъ, которое въ такомъ случаѣ отбиралось въ казну. Отсюда видно, какъ осторожно дѣйствовалъ вѣслицкій законодатель въ дѣлѣ преобразованія польскаго права, остерегаясь, чтобы чѣмъ нибудь не оскорбить Нѣмцевъ.

Всѣ, принимавшіе участіе въ преобразованіи этого исключительнаго права, ничего не могли сказать противъ этой мѣры. При томъ же она была направлена къ ихъ пользѣ, п. ч. она избавляла ихъ отъ необходимости скитаться по иностраннымъ судамъ. Равно также нѣмецкое уголовное право легко, безъ всякихъ потрясеній, замѣнено было польскимъ, п. ч. послѣднее было несравненно мягче перваго. Зная все это, Казимиръ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія нѣмецкое право замѣнить польскимъ, напротивъ того желаетъ, чтобы оно дѣйствовало и въ послѣдствіи, но только въ первобытномъ своемъ видѣ, по смыслу котораго защитникъ долженъ быть судимъ по законамъ обиженной стороны, какъ то было установлено Лонгобардами еще въ 785 г. (о чемъ, однакожь, вѣслицкій законодатель умалчиваетъ). Слѣдствіемъ этого измѣненія въ уголовномъ искѣ бы-

ло то, что всякій Нѣмецъ, позволившии себѣ насиліе надъ польскою женщиною, получалъ наказаніе не по своимъ, но по польскимъ законамъ.

Преемники Казимира В. дѣйствовали въ его духѣ и уважали нѣмецкіе законы и не только не позволяли себѣ измѣнять въ нихъ мѣръ, упомянутыхъ выше, но строго запрещали вносить въ него статьи польскаго права: однако жъ всѣ здравомыслящіе горячо желали, чтобы нѣмецкое и польское право слились въ одно и чтобы между ними не было больше никакой разницы...

Лелепель ошибается, думая, что и такъ какъ польскіе горожане были нѣмецкаго происхожденія, и такъ какъ они отдѣльно отъ народа были награждаемы королевскими привилегіями, то народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужестранцевъ и, вслѣдствіе этого, они могли слиться съ ними въ одно государственное тѣло: когда же (продолжаетъ онъ) это отношеніе воздѣйствовало на законодательство, то это послѣднее тщетно прилагало старанія сблизить дворянъ съ горожанамъ, тѣмъ менѣе изъ нихъ составить одинъ народъ, равно какъ и изъ двухъ уложить одно. Мнѣніе это не основательно; напротивъ того, шляхта имѣла много общаго съ горожанами, заимствовала у нихъ нѣкоторыя постановленія, или же по ихъ образцу перенѣзывала свои. Мало того: шляхта, преимущественно мазовецкая, владѣла землею по нѣмецкому праву, и тѣмъ показывала готовность отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ. Однакожъ въ послѣдствіи дѣйствуя болѣе и болѣе противъ воли своихъ государей, шляхта разорвала связь съ горожанами и неоднократно устранила ихъ изъ публичныхъ совѣщаній. Другая причина вражды шляхты къ горожанамъ заключалась въ томъ, что горожане, строго сохраняя свои права, запрещали шляхтѣ производить въ городѣ какого бы то ни было рода без-

порядка; всякій въ нихъ, уличенный судимымъ порядкомъ, подвергался строгому взысканію, иногда даже смертной казни. И потому шляхта всячески старалась ограничить права горожанъ, налегая преимущественно на заработную плату, ремесла и торговлю, и на получаемые ими отсюда выгоды и т. д. Пока король сохранялъ свою силу, онъ защищалъ угнетенныхъ отъ обидъ и не позволялъ нарушать права ихъ; потому горожане крѣпко держались короля и были заклятые враги для Речи Посполитой. Когда же королевская власть сама подвергалась различнаго рода стѣсненіямъ, то и города лишились своей защиты, сперва польскіе, потомъ и рускіе, а за тѣмъ потеряли свои права и имущество. Кроме того, много дурнаго произошло и отъ того, что города были разъединены между собою: многочисленные и богатые не помогали малымъ, а всѣ вмѣстѣ не пытались защищаться отъ нападений шляхты. Въ этомъ положеніи сердце горожанъ перестало лежать къ Польшѣ, обратилось къ Нѣмцамъ, что продолжалось до самаго раздѣла Польши, когда они упали безвозвратно, а вмѣстѣ, съ ними погибла и шляхта.

Точъ въ точъ тоже самое было и въ Чехахъ; въ 1066 г. дана привилегія нѣмецкомъ жителямъ Праги; въ послѣдствіи начала вѣдѣвать Магдебургскимъ правомъ селенія и также духовенство. (Въ настоящее время Магдебургское право издается въ свѣтъ Реслеромъ по рукописямъ XIII и XIV вѣковъ). Эти права, такъ какъ и у насъ, были заимствованы другими; иногда же нѣкоторые города къ даннымъ имъ правамъ самовольно присоединяли новыя. Только смѣшеніемъ чешской и нѣмецкой стихій въ правѣ можно объяснить то явленіе, что чешскія горожанка находились подъ такою же опекой своихъ родныхъ, какъ и нѣмецкія (in mundio), что супруги имѣли общую собственность, и что селяне по нѣмецко-

му обычаю платили оброкъ и т. п. Хотя еще между 1282 и 1314 г. Чехи весьма неблагопріятствовали Нѣмцамъ, (судя по словамъ Далемилла) презирали ихъ, какъ чужестранцевъ, вторгавшихся къ нимъ для высасыванія богатствъ страны, и вслѣдствіе того искоса поглядывали и на города, хотя неизвѣстный писатель, жившій около 1437 или 1439 г., опиравсь на исторію, всё бѣдствія, постигшія Славянъ, приписывалъ пропсамъ Нѣмцевъ. — Однако чешскіе короли славянского происхожденія не думали преобразовывать городскіе суды и не предпринимали никакихъ мѣръ не только къ исправленію, но даже къ изданію Героладова права и Фердинандъ II, эрцгерцогъ австрійскій, вступившій на чешскій престолъ, запретилъ въ 1548 г. городамъ сноситься по судебнымъ дѣламъ съ Магдебургомъ.

И угорскіе города тоже управлялись нѣмецкимъ правомъ, съ тою только разницею, что имъ разъ навсегда было запрещено вершить дѣла въ Магдебургѣ.

(В. А. Мацлевскаго; *Ист. славян. законодат.*, чт. Общ. 1860, 3. III, 96—132).

Указатель статей и изслѣдованій по Исторіи Русскаго права: — Указаніемъ Кон-стантинъ и взгляды на нихъ. Рус. Дост. 1843 г. ч. 2, 138—220. О вѣзности Юстинианова права: Ж. М. Н. Пр. III, 279. Дѣйствіе Греч. Номоканона въ древ. Россіи. Прав. Собес. 1860 г. I, 253, 259. О древ. церков. правѣ. Тамъ же. 1860, I, 3. 121. 1862, I, 177; II, 139. 260. III, 3. 128. 1863 II, 41; III, 78. 262. 329. О переводѣ Кормчей на славянск. языкъ. Калайдовича Вѣстн. Евр. 1820, ч. 110, № 5, 22. О церков. судоустройствѣ въ древ. Россіи. Н. С. Чт. общ. вст. 1865, I, 1—101. О церков. судѣ въ Россіи. Неводина. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. Опытъ историч. изслѣдованія и описанія старин. судебныхъ Рос. Государ. Т. Мальмина. Сиб. 1803 г. О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи. Ф. Делла. Сиб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Архивъ Казачова 2, IV, 5—35. Москвит. 1850 г. II 37. —36, III. 62—84. О круговой поруки на Руси.

И. Д. Бяляева. Рус. Бес. 1860, II, 2, 1—100. Краткое обзоріе исторіи судоустройства и судопроизводства въ Россіи. С. Н. Шникова. Времен. XXII, 1—36. О поклоной вѣрѣ, т. е. обвинительномъ процессѣ по Рус. Правдѣ. В. В. Мстиславскаго. Рус. Бес. 1858. 3. Сиб. 113—128. О судебныхъ поединкахъ. М. Т. Каченовскаго. Зап. и Труды общ. вст. 1815, ч. 1, 29—43. О разныхъ родахъ присяги у Славяно-руссовъ. М. Есенинъ. Тамъ же 1826, ч. III, кн. 1, 77—88. Вѣстн. Евр. 1843, ч. 70, № 43, 28. Древняя и новая божья, клятва и присяга рус. М. Н. Макарова. Зап. и Труды общ. вст. 1828, ч. 4, кн. 1, 184—248. О формѣ присяги въ Россіи. Б. Федорова. От. Зап. Славянъ. ч. XVII, № 43. 3—7. Судъ-Нѣрабій. Вѣстн. Евр. 1826, ч. 146, № 6. 81. Историч. взглядъ на правяща въ Россіи. И. В. Васильева. Зап. и Труды общ. вст. 1826, III, 101—109. Третейскій судъ по Рус. праву. А. Вишнина. Сиб. 1856. Развитие понятій о преступленіи и наказаніи въ рус. правѣ. В. А. Богдановскаго. 1857. Критич. разборъ въ Отеч. Зап. 1858, CXVII, II. 1—20. Обь отношеніи супруговъ по изустному по древ. Польскому праву. В. Спасовича. Сиб. 1857. О мѣрихъ Праведномъ. Архивъ Казачова I, 3, 28—40. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства до Уложенія. Сиб. 1848 г. О вліяніи обществ. состоянія частныхъ лицъ на право поземельной или собственности. Гладкова. Разборъ въ Рус. Бес. 1856, II, 3. 91. О преступномъ дѣйствіи по Рус. донетровскому праву. А. Чебышева. Дмитріева. Уч. Зап. Казанс. Универс. 1862, № 1, 1—242. Изслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды. Н. Н. Ланге. Архивъ Казачова 1859, № 1, 3, 5 и 6. О жупныхъ судахъ. Нречка. Порев. съ Чешскаго. Тамъ же 1859, № 6, 22—62. Историч. очеркъ законовъ Польши и Литвы до 1520 г. О Чацкаго. Вѣстн. Евр. 1824, ч. 135, № 10, 120. № 11 199; № 12, 272, ч. 136; № 13, 24; № 12, 137; № 16, 261, ч. 137; № 18, 110. О разныхъ родахъ грамотъ. Самурска. Тамъ же. 1819, ч. 103, № 4, 272, ч. 104, № 5, 25, 80. Историч. изображеніе древ. судопроизводства въ Рос. Кунцины. Сиб. 1843. Законы о рабахъ до Судебника. Грибовскаго. Изъ его книги: «О сост. крестьянъ въ Россіи». Хар. Вѣст. Евр. 1846, ч. 88, № 16, 275. О правахъ иностранцевъ въ Рос. до Іоанна III. Нв. Андреевскаго. Сиб. 1854. Дипломат. обычай древ. Россіи. А. Свѣтлова. Сиб. От. 52, 9—12. Взглядъ на Ист. права и перечень юрид. трудовъ по ист. рус. законодательства. С. З—на. Юрид. Журн. 1860. № 1, 1—10. См. еще: Ж. М. Нар. Пр. ч. 73. VI, 137. ч. 74, VI, 229. ч. 80, II, 1. 37. О познѣ въ правѣ. Градма. От. Зап. 1831, т. XXIII. Древнее право Чеховъ. Неводина. Ж. М. Н. Пр. 1844, т. XXX. О поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ. Калайдовича. Рус. Истор. Сборн. 1, кн. 4. О славянск. права. Калмыкова. Сиб. 1848. Предварит. юридич. свѣдѣнія для полнаго объясн. Рус. Правды. Н. В. Колачева. М. 1847. О началахъ наслѣдованія по древн. Рус. Праву. В.

Никольского. М. 1839. Обь устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московск. царствѣ. **А. Попова.** Ж. М. Н. Пр. ч. 60, II, 77—136. О платѣ за убійство. **Иванищева.** Киевъ, 1840. О вѣнчанинѣ по началамъ теоріи и исторіи древ. рус. уголов. права. **Власьева.** М. 1860. Исторія судебныхъ инстанцій. **Дмитріева.** М. 1859. *Jus Polonicum.* **Бандке.** Варшава. 1831. *Slovanské právo v Čechách a na Moravě.* **Иречка.** 1863 — 64. Опытъ истор. государства. и граждане. законовъ. **Рейца** въ переводѣ Морозкина. М. 1836. Указатель Рос. Законовъ. **Максимовича.** М. 1803. Рус. народъ и госуд. **Лешкова.** М. 1858. Древнѣйшее Рус. право. **Девьера** въ перев. Платонова. 1835. Очеръ историч. развитія преступленій противъ жизни и здоровья. **Колодоскаго.** М. 1857. О законахъ Стефана Душана. *Чт. общ. ист. 1856 г. 1-й, № 2.* **20.** Первоначальный Славяно-русскій Номоканонъ. **А. Павлова.** Казань, 1868. Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. **С. Шиндлевскаго.** Каз., 1866. О судебныхъ доказательствахъ по древне-рус. праву. **С. Палкина.** М. 1851. Семейныя власти у Славянъ и Германцевъ. **Шиндлевскаго.** Каз., 1869. О свѣдѣтельскихъ показаніяхъ. **Дежнеко.** Киевъ, 1859. Обь историч. значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ. **П. Крылова.** М. 1838. Опытъ возстановленія текста и объясненія Рус. Проводы. **Фогель.** Уч. Зап. Каз. Универс. 1848, кн. 2, 126. Намысканія о Рус. Правдѣ. **Каченовскаго.** Вѣст. Кр. 1829, СЛХVI, № 13—15. Сынъ Отец. 1830, СХХХVII, 224—244. Рус. Правда въ отношеніи къ уголовн. праву. **А. Попова.** М. 1841. Учасіе общины въ судѣ по Рус. Правдѣ. **Грицко.** Архивъ Колочова. 1860—81, кн. 6, 97. О судьбѣ науки церков. права. **Н. Соколова.** Московск. Универс. Изв. 1868 г. № 2. О спорѣ Новгородцевъ съ московск. митроп. изъ за пѣсчаного суда. **Н. З-ва.** Правосл. Обзор. 1863, № 3, 223. Древнее Хорватско-Далматское законодательство. *Зап. Новорос. Универс. годъ II, т. 1, в. 3 и 4.* Политическое устройство и права прибреж. острововъ и городовъ Далмацин. **Рейца.** Сбор. историч. свѣд. Валуева, 1845. *Lex Stephani Dusani* изд. Миллюшича. Литовскіе Статуты. Временн. № 18, 19 и 23. Обь опеку и наслѣдствѣ во время Рус. Правды. **А. Попова.** Сборн. Валуева и Юрид. Зап. Рѣдкина, т. 1. *Prawo prywatne Polskie.* **Бандке-Стендзискаго.** 1851. Отношенія супруговъ по вѣнчанію въ Россіи и Познаніи. *Чт. общ. ист.* 1868, кн. II, 81—84. *Polska wieków srednich.* **Лелевель.** 1851. О Litewskich i Polskich prawach. Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву. **А. Павлова.** Уч. Зап. Казанск. Универс. 1865, I. О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. **Блассеа.** Церковное право въ Россіи при Монголахъ. *Духов. Вѣстн.* 1863, № 2. Рус. Правда и Литовскіи Статуты. Киевск. Универс. Изв. 1865. Рус. юридич. пословицы. **Смирнова.** Москвит., 1849, I, № 7 и 8. Купчая грамоты. **Киндякова.** Юрид. Сборн. Мейера. Каз. 1855. Начерт. рос. гражд.

права въ историч. его разв. **А. Крамхфельда.** Спб. 1843. Опытъ историч. розыск. о сѣдствен. уголовн. судопр. въ Рос. **В. Линовскаго.** Одес. 1849. Источники права и судъ въ древ. Рос. **Дювернуа.** М. 1809. Обь идеѣ личности въ правахъ богемск. и скандинавск. **Н. Носимисова.** Ж. М. Н. Пр. 1842, № 10. *Právo dědicke.* **Гронвальда.** Прага, 1853. *O staročeském dědicím právu.* **Воцелл.** Прага, 1861. *Codex juris bohémici.* Прага, 1867. Институты илльер. Юстиниана. Перев. **Проскурнякова.** Спб. 1859. Исторія Римск. права. **Пужы.** Перев. Анцкой. М. 1863—4. Обь устройствѣ судебн.-уголовн. власти въ Греціи и Римѣ. **Калашикова.** Спб. 1830 г. О пространствѣ церков. суда въ Рос. **Павлова.** Спб. 1847. Уставы и управленіе Новгорода въ ересь вѣка. **Порошина.** Ж. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVII. Обзоръ юрисп. быта. **И. Смирнова.** Юрид. Зап., изд. Рѣдкиныхъ, т. 2, М. 1842, с. 263. Появленіе о церковномъ правѣ и его исторія. **Гаврила.** Казань, 1844. Обь основаніяхъ Рус. церков. права. *Христ. Чт.* 1848, ч. IV, ноябрь и декабрь. Обзоръ греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви. **Ж. М. Н. Пр. 1850, № 4 и 3. О соборахъ бывшихъ въ Россіи до Іоанна IV. **Турчаникова.** Спб. 1829. Опытъ курса церков. законодѣнія. *Архив.* **Іоанна.** 1831 и 1852. (Продолженіе въ Прав. Собѣдан. Казанск. Духовн. Акад.). Значеніе восточнаго церков. законодѣнія въ исторіи Рус. Ц. *Христ. Чт.* 1852, годъ 1. О вліаніи греко-римскаго права на Рос. зак. **Н. Рождественскаго.** Спб. 1843. Исторія рос. гражданскихъ законовъ. **Неволина.** Спб. 1851. О семейныхъ правахъ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ. **Лешкова.** 1838. Обь опекѣ. *Юрид. Зап.* Рѣдкина, т. 2, 1842. **Сборн. Валуева.** М. 1845, I, 96. Систематич. обзоръ римскихъ правъ и обязанностей. **П. Павлова.** М. 1836. Историч. излож. Рус. законовъ о наслѣдствѣ. **Н. Рождественскаго.** Спб. 1839. Исторія древ. наслѣдств. права у Славянъ. **І. Губе.** Сборн. Валуева I, М. 1845. О владѣніи по началамъ Рос. законодательства. **О. Морозкина.** М. 1847. Обь обществен. призрѣніи въ Россіи. Спб. 1818. Взглядъ на основныя начала Рус. Законод. и науки. **Тобина.** Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. LIV, отд. 2. Опытъ историч. розысканій о тиранномъ заключеніи. **Н. О. Соблицанскаго.** Ж. М. Н. Пр. 1849, № 2. Опытъ повѣствованія о древн. Рус. **Успенскаго.** Кр. 1848. О «оритѣ» присяги въ Россіи. **Б. Федорова.** Спб. 1824. Судъ Божій. **Н. Л. Малъ.** 1840. О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германск. права, сравнительно съ Рус. Правдою. **Павломбечкаго.** Киевъ, 1844. Ж. М. Н. Пр. 1848, ч. 49. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства. **М. Михайлова.** Спб. 1848. Обь устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Моск. госуд. **А. П. Попова.** Ж. М. Н. Пр. 1848, № 11, ч. LX. Исторія судебн. учрежд. въ Рос. **К. Троцкины.** Спб. 1851. Обь органахъ судебной власти въ Рос. **П. Чолокова.** 1855. Юрид. Сборн. Мейера. Казань, 1855. Полю. **Н. Блассеа.** Москвит.**

1835, № 13 и 14. О древней Рус. дипломатии. Речь *Лешкова* на актѣ спб. Унив. 1847. О международных и обществен. отношениях. *И. Дашкова*. Речь въ Лицеѣ кн. Безбородко. Киев. 1856. Обь ученыхъ трудахъ по части исторіи Рус. законодат. *Морошкина*. Уч. Зап. Москвос. Унив. 1835, окт. Указатель историч. статей, помѣщен. въ Губерн. Вѣдом. 1835. *А. Геннаон*. Время, кн. 25. Указат. матеріаловъ и изсѣдов. по исторіи Рус. права, составл. *И. А. Мухомовымъ*. Архивъ Калайова. 1852 г. № 6. Пособіи

и правила изученія Рос. законовъ. *Дегал*. М. 1821. О ходѣ законодѣнія въ Рос. *А. Станиславскаго*. Каз. 1853. Обь ученой обработкѣ греко-римскаго права. *А. Энгельмана*. Спб. 1858. Перечень юр. трудовъ по ист. Рус. законодательства. *Юр. Журналъ* 1860, № 1 и 4. Юридич. Зап. Рѣдника т. 9 и 4. Систематич. каталогъ книгъ импер. публич. библ. по части правовѣдѣнія. *В. Ифабфа*. Спб. 1863. Библиографич. указ. книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ 1839—1864 г. *И. Мажова*.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

201. Извѣстіе о Русскихъ 922 г.

Я видѣлъ ⁽¹⁾ русскихъ купцевъ въ пристани рѣки Италья (*Волги*). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя сбоку грубую одежду (*Gewand*), такъ что одна рука остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и мечъ. Никогда не ходятъ они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и работы европейской. У всякой женщины привязана къ груди маленькая коробочка, желѣзная, мѣдная, серебряная или золотая, соразмѣрно съ достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ большой ножъ. На шеѣ цѣпь золотая и серебряная. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, даетъ ей другую и т. д. Богатые жены носятъ по нѣскольку цѣпей.

Главнымъ ихъ украшеніемъ счѣтается земный бисеръ (*Falschen Perlen*). Мужья платятъ драхму за бисеринку для женскаго ожерелья.

Они самые не чистоплотные люди; никогда не умываются послѣ естественнаго испражненія, ни послѣ ночныхъ грезъ — Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на широкой р. Италья; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные дома на обѣихъ сторонахъ рѣки. Въ каждомъ живетъ человекъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на которой онъ сидитъ съ своею женою и невольницами... Всякое утро женщина приноситъ чашу съ подю своему господину; онъ моетъ себѣ лице, руки, волосы, и она чешетъ ему голову гребнемъ, а вся нечистота остается въ чашѣ. Не смотря на то, господинъ полощетъ въ ней ротъ; а за нимъ и другіе съ нимъ живущіе въ той же чашѣ, не пережѣвая воды. Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ (*cider*) къ высокому деревянному столбу, окруженному маленькими; — падаетъ ницъ и гово-

⁽¹⁾ Такъ пишетъ арабскій посолъ Ахметъ сынъ Фоцлана, котораго въ 922 г., въ княженіе Игоря, отправлялъ изъ Багдада къ Болгарамъ Калѣфъ Муктедиръ.

рить: «О, владыко! Я прѣхалъ изда-
лека съ такимъ-то числомъ невольницъ,
соболей, шкуръ... вотъ тебѣ мой даръ!»!
Кладетъ все передъ болваномъ, говоря:
«пошли мнѣ добраго купца съ серебря-
ными и золотыми деньгами!» За тѣмъ
уходить, но въ случаѣ худаго торго,
опять идетъ къ болвану съ дарами; при-
носятъ ихъ и малымъ болванамъ, моля
ихъ о заступленіи и кланаясь имъ сми-
ренно. Когда выгодно сбывается все съ
рукъ, тогда говорятъ: «владыка помогъ
мнѣ; теперь я долженъ заплатить ему».
Убиваетъ нѣсколько быковъ, овецъ,—мя-
со раздаетъ бѣднымъ, кладетъ остатки
передъ большимъ и малыми истуканами,
вѣшаетъ на первомъ головы убитой ско-
тины,—и когда собаки съѣдятъ все мя-
со, всѣ головы, купецъ говоритъ: «вла-
дыка благоволилъ ко мнѣ; онъ скушалъ
даръ мой».

Кто изъ нихъ занеможетъ, для того
разбиваютъ вдали шатеръ, переносятъ его
въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ
водою, не подходятъ къ больному близко
и не говорятъ съ нимъ, но ежедневно
посѣщаютъ его, особенно бѣднаго или ра-
ба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ
своимъ; если же умереть, то свободнаго
предаютъ огню, а раба оставляютъ на
съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ.
На вора или разбойника надѣваютъ пе-
тлю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и
такъ оставляютъ, пока отъ вѣтра и дожда
не истлѣетъ.—Слыша, что они сожигаютъ
своихъ умершихъ начальниковъ съ обря-
дами весьма странными, я ждалъ случая
видѣть оныя—и видѣлъ собственными гла-
зами. Умершаго опустили въ могилу и
10 дней надъ нимъ сѣтовали, пока скро-
пили и сшили ему одежду. Бѣднаго
обыкновенно кладутъ въ новую малень-
кую ладью и сожигаютъ въ ней; имѣн-
іе богатаго собравъ, дѣлятъ на три ча-
сти: одну даютъ родственникамъ, на дру-
гую—шьютъ ему платье; на 3-ю поку-

паютъ медъ(?), чтобы пить его въ тотъ
день, въ который жена покойника убива-
етъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ сво-
имъ сожигается. (Вино пьютъ они день
и ночь, такъ что нѣкоторые умираютъ,
держа стаканъ въ рукѣ). Когда насталъ
день сожженія, я пошелъ на рѣку къ
ладѣ умершаго; но ладья уже стояла на
4-хъ столбахъ, окруженныхъ большими
деревянными челоукообразными фигурами
(болванами). Люди ходили взадъ и впе-
редъ, произнося слова для меня не вразу-
мительныя. Мертвый лежалъ вдали въ
своей могилѣ. Принесли скамью на ла-
дью съ стегаными покрывалами, грече-
скою парчею и подушками изъ такой же
парчи.... Вынули мертваго изъ могилы:
онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей
умеръ. Отъ жестокаго холода сей зимы
трупъ весь почернѣлъ. Въ могилѣ съ
мертвымъ стоялъ медъ, лежали плоды и
лутня; ихъ также вынули. Умершій, кро-
мѣ цѣнта, не измѣнился ни въ чемъ.
Надѣли на него исподнее платье, сапоги,
поясъ, камзолъ, кафтанъ парчевой съ зо-
лотыми пуговицами и соболѣю шапку; от-
несли его въ ладью, положили на стеган-
ное покрывало, обклали подушками; при-
несли медъ, плоды, благоухающія травы,
хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили пе-
редъ нимъ или возлѣ; положили съ бо-
ку оружіе умершаго. Привели собаку,
разрѣзали ее на двѣ части и бросили
ихъ въ ладью; привели и двухъ коней,
двухъ коровъ, изрубили ихъ мечами и
бросили мясо въ ладью; принесли еще
пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили
туда же... (затѣмъ *разсказывается о*
сожженіи жены покойника)... На
берегу, гдѣ стояла ладья, они сѣдали
нѣчто подобное круглому холму, постави-
ли въ срединѣ его столпъ и написали
на немъ имя умершаго и короля (князя)
русскаго. Послѣ этого разошлись по до-
мамъ. Короли русскіе обыкновенно дер-
жать при себѣ въ своемъ замкѣ или го-

родѣ 400 храбрыхъ воиновъ (*дружинниковъ*). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ нами или жертвуютъ пѣе своею жизнью. Каждый (*воинъ*) имѣетъ дѣвцу, которая служить ему, моетъ голову, готовитъ пищу, а другая служить ему наложницею. Сіи 400 сидятъ вѣзду на большомъ диванѣ королевскомъ, украшенномъ драгоценными камнями. Съ королемъ сидятъ 40 дѣвицъ или наложницъ. Онъ же не стыдится ласкать ихъ въ присутствіи своей дружины на диванѣ. Когда ему надобно ѣхать верхомъ, то подводятъ лошадь ему къ дивану, съ котораго онъ на нее садится, а съ лошади сходять также прямо на диванъ. У него (*князя*) есть наѣстники, который предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ неприятелями и заступаетъ его мѣсто для поданныхъ.

(Ист. юс. рос. I, пр. 364).

Итѣицкій переводъ Френа въ сочиненіи его Ibn-Fozzlans und anderer Araber. . Berichte. въ Христомъ. № 2. Дѣльное разсужденіе объ извѣстѣхъ арабскихъ писателей о Россіи можно найти въ сочиненіи Котляревскаго; погребалъ. обичаяхъ язычес. Славянъ⁶⁴.

202. Поученіе архіепа. Луки къ братіи 1036.

Се, братіе, первѣе всего сію заповѣдь извѣстную (*идеомини*) должны всмы вси христіане держати: вѣровати въ единого Бога, въ Троицу славимъ, въ Отца и Сына и сѧ. Духа, якоже научили св. апостоли, св. отцы утвердиша. Вѣрую въ единого Бога... до конца. Вѣруйте же ми крещенію (*воскресенію*) и жизни вѣчнѣй и мудрѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не ленитесь къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдню и на вечерню; и въ своей кѣлѣи

хотѣ спати, Богу поклонився, толи (*или*) на постели ляжи. Въ церкви предстоите со страхомъ божіимъ, не молви рѣчи, но не мысли (*не думай о мірскомъ*), но мори Бога всею мыслию, да отдастъ ти Богъ грѣхъ. Любовь имѣйте со всѣми челоѣкомъ, а болѣе съ братіею, и не буди яно на сердца, а яно въ устѣхъ; но подѣ братомъ ямы не рой, да тебѣ Богъ въ горшая той не вринетъ. Но буди правдивъ тако, яко не каися правды дѣла и зпкона божіа и приложя главы, да сочтеть ти Богъ съ святымъ⁽¹⁾. Претерпите братъ брату и всякому челоѣку, а не воздайте зла за зло; другъ друга похваля да и Богъ вы и похвалитъ. Не мори свадити (*ссорити*), да не паречется сынъ діаволу, но смирай, да будеша сынъ Богу. Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслию, поминая свои грѣхъ, да тебѣ Богъ не осудитъ. Помните и милуйте страшныя, и убогія и темничныя, и словныя сиротамъ (*рабамъ*) милостивы будете⁽²⁾. Москоудство вамъ, братіе, не лѣно имѣти, ни молвити срамна слова, ни лѣтѣа на всякъ день имѣти, ни похри-тайся (*не сердись*), ни поемѣйся никакому же, въ напасти же терпи, на Бога упованіе имѣя. Буести (*буйства*) не имѣйте, ни гордости, ни прилѣплися ниѣхъ творити, помни, яко утро будетъ смрадъ и гнои и чернѣ. Будете смиренни и кротки, да и послуживши будете, и творци божіимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердце діаволъ сѣдѣтъ, и божіе слово не хошетъ прозвнѣти ему. Чтѣте стара челоѣка и родителя своя, не кланѣтѣся божіимъ именемъ, но инаго заклинайте, ни проклинаяте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не дайте, Бога сѧ

(1) Т. е. за правду и законъ божій не отрекайся и голову сложитъ.

(2) Въ друг. спискѣ: -Той бо велико милостивъ есть, иже домашнія своя безъ скорби створитъ.

бойте, князя чтите, раба первое Бога, таже господу (*господина*), чтите отъ всего сердца іерейя божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ (*ложный свидѣтель*) не буди, не ненавиди, не завиди, не клеветчи, блядни не твори ни съ рабою, ни съ кимъ же не пій безъ гола (*безъ времени и мѣры*), но здоволь, (*умиренно, едоволь*) а не до пьянства. Не буди гнѣвнивъ, ни напраснивъ буди, съ раду ющимися радуйся, съ печальными печаленъ, не ядите скверна, святые дни чтите, Богъ же мира со всеми вами. Аминь.

(Рус. Дост. I, 1—16).

См. Ист. Рус. Ц. Макарія I, 262—265 (прим. 221).

203. Поученіе преп. Феодосія о тропаряхъ и пьянствѣ.

Се вѣдуще, братія, обѣднѣ и трапезѣ двѣ молитвѣ суть: одна в починкѣ, а другая в конци обѣда, уставлена самѣмъ Господомъ, потомъ апостолы, таже св. отци. Уставлена же есть кутья въ по хвалу святымъ крестити в честь, а не во оставленіе грѣхомъ: ни каѣмъ бо приношеніемъ очищаются грѣси, токмо тѣломъ Христовымъ и кровію. Уставлено же за упокой крестити усопшимъ; обѣда же и ужина за упокой крестити усопшимъ; обѣда же и ужина за упокой крестити не уставлено; воды же не повелѣно при ставляти кутіи, ни явца класти на кутью. Въ олтарь же не достойно пяточке нести свѣдно, ни патія, но токмо проскуру и темьянъ и свѣцю, иже на службу есть. Трепаревъ же не молвити чашамъ в па ру, лише три: поставивше обѣдъ славит ся Христосъ Богъ нашъ, и съестя пити дѣло есть и честно; егда же кончается

обѣдъ, прославится дѣвица Марія, третье осподарю, а лише не велимъ. Али кто смыслъ имать, да понытай, како рекла св. Богородица къ св. Василию. Тако ему рече: «аще хоцеша мя заступницю имѣти въ вѣсѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отверзися питіа всякаго и не молитвуй шаянъ: не токмо бо не услышанъ будѣши, но и Бога безъгнѣвнаго разгнѣвши, осуженъ будѣши въ муку». (¹). А се указаніе вѣдати в заповѣди св. отецъ: аще уопитъ другъ друга за любовь, или святыми заклиная, да постится 7 дни; или блюеть, то 40 о хлѣбѣ и водѣ. И многожъ о томъ молвити во оческихъ указахъ. Но уинимъ се доволѣть указаніе, а немисленнымъ; аще бы имъ открылъ вѣсѣхъ книгъ указъ, ни ту быша разумѣли, ни вѣры яли. Да аще писанію вѣры не имѣте, да своимъ дѣломъ вѣру имѣ. Иже бо кто много пѣть съ трепари: како ти начнетъ поюзати на колѣну, а на ногахъ своихъ не мога отыти; а другой валяется в калу (*въ грязи*) блюа, въ ругани, въ посмѣсѣхъ дааъ себѣ пѣсмъ людѣмъ, а хранителя душа споел, аггела господня, отогнавъ отъ себе. Гдѣ суть мнози трепари притворени къ чашамъ, да быша изобавили ихъ отъ бѣды тол, бѣсящихся волею своею. Бѣсны стражеть неволею, и добудеть вѣчныа жызни, а пѣанный полею стражеть, добудеть вѣчныа муки: прашедъ бо ерей к бѣсному, створить молитву, проженеть бѣса, а надъ шянымъ, аще бы всеа земли сошлися попове и молитву бы сотворили, пѣанства самовольнаго бѣса. (*т. е. не изгнали бы*).

(Чт. Зап. 2 отд. Акад. В. II, в. 2).

(¹) Это мѣсто, вѣроятно, взято изъ апокрифической книги.

204. Изъ посланія митроп. Іоанна II до
1089 (').

Правило 3 е., А еже емлемыя (пойманныя) животны, отъ вса ли, отъ звѣри ли, ялп отъ орла, или отъ лвоа ирпгча и птича, а умираеть, аше не зарѣзано будетъ челоуѣкомъ, лкоже божественныи отцы повелѣша,—не подобаеть ясти. Прилѣжиши нѣщо законѣ, неже обычаю землѣ; тоже бо зблюдещи звѣроуподобнымъ. 4, И си, иже опрѣснокомъ служить, и въ сырнью нелѣю мяса ядуще, и кровъ и давленіюну, есообщагися съ ними или служить не подобаеть; ясти же съ ними нужно сущю Христовы любви ради не отъинудъ їсть возбранію. Аще кто хошетъ сего убѣгатп, извѣтъ (предлогъ) имѣл чистоты ради, или немощи отбѣгнеть; блюдетъ же ся да не соблазнѣтъ отъ сего, или нно вражда велика и злоопомнѣніе родиться, и подобаеть отъ большаго зла изволити меншее. 5, Иже непривчаются крапцѣхъ (окрайныхъ жителей) и Русьстѣй земли, лкоже еси реклъ, и въ великое говеніе мяса ядять и скверное,—подобаеть всякимъ образомъ направлѣти и возбранѣти ту злобу, наказаніемъ и ученіемъ возвращати на правотѣрное ученіе, и погруженіемъ (непрѣжсненіемъ) яко не крестьянну сущю, да тѣмъ со страхомъ останутся тоя злобы и на пѣрѣ благообразную приложатся. Пребывающю же тако и не приложашуся, не далъ (ти) имъ св. причащанія, но якого (какаго) иноплеменика во истину и вѣрѣ нашей противника, пооставити ѡ въ свою волю ходити. 6, Тоже сотвори, иже безъ студа и безъ страха и безъ срама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сѣя вѣры нашея и греческое благоуѣрство житія. 7, Иже волхвованіе и чародѣяніе творяще, аше мужу и женѣ,

(') Заглавіе этого посланія слѣд. «Правило церковное отъ св. кнѣзя вкратцѣ Іакоу черноризцу.» Копіе. 1180.

сзловесы наказаніемъ показати и обратити отъ злыхъ... 13, Иже дочь благоуѣрнаго князя далти за мужъ въ ину страну, иде служить опрѣсноки и сквернояденіемъ (не) отметаються,—недостойно и зѣло неподобно; правотѣрнымъ ее створити своимъ дѣтемъ сочтаніемъ, божественный уставъ и мірскіи уставъ тояже вѣры благоуѣрство повелѣваетъ поимати. 14, Служебникомъ іереемъ, иже облачаться въ шорты (платье) исподни отъ кожъ животныхъ, ихъ же ядять и не сѣдрыхъ, великіа ради вины не возбраняемъ, ни въ Грецихъ, ни въ Русѣ, студеныя ради. 15, И еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колдяземъ, и иже поймаются безъ благословленія сочтаніе и жены отыѣтаются, и своя жены пуцають и прилѣпляются имъ,—не примать святыхъ таинъ ни одною лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго звязани будутъ, не причащатися.—И ты всѣхъ, яви тѣмъ всѣмъ чужемъ быти нашея вѣры... 16, Иже сходяше къ мірскимъ и ають,—іерейску чину повелѣвають святіи отцы благообразно и съ благословленіемъ пріимати предлагащя; играніе и плясаніе и гуденіе, входящемъ востати всѣмъ, да не оскверняютъ имъ чувства видѣніемъ и слышаніемъ... 19, Иже ядять съ погаными не вѣдая,—молитву творити на оскверненіе токмо, пріимати достоятъ. 20, Матерь же христімыхъ дѣтій аще балыи будутъ и поститися не могутъ,—отдавають отцы, да не изнемогутъ постомъ и свой погубять животъ. 21, Иже свое подружіе оставять, и поймають янѣхъ, тако же и жены, въ которыя опитимьяхъ влагати?... Не пріимаемъ въ причащеніе, доидеже престанутъ отъ грѣхъ, такоже жену не дѣяицу имѣюще свори... 22, Прашають о нѣкыхъ еси, иже купятъ челядь, створившимъ обещныхъ молитвъ, ядшихъ съ ними, послѣдѣ же продавшѣ въ поганія,—которую снѣхъ пріяти епитимью? И речемъ, лкоже речено есть въ законѣ:

крестьяна человека или Жидовину, или еретику продать; иже продасть Жидомъ, — есть беззаконникъ. а не токмо законодатель, но и Богу претыкается. И се внимай о Самоврѣ и о Ананіи образа разумѣй; они бо цѣну своего обща Петромъ верховнымъ апостоломъ принести Богу, дажъ малу часть удержавше, смерти осужени бывше, украдше часть, иже общашася Богови принести. Купца же, иже знаменавше знаменіе божіе и молитву, иже отъ нихъ купленіе нелицы, аже вси псалъ, знаменавше и молитву давшие, такоже и поганымъ продавшие: не тайное согрѣшеніе, но явлено къ Богу отлученіе. Крадше и чюже собѣ творятъ, и тако ны ся мнѣть, ладно съ оубѣи согрѣшати, иже гонивше нашу вѣру, и мнози отъ вѣры въ неувѣрство приведше, иже достовѣтъ отрешити секо злаго наказанія и начинанія наученіемъ и наказаніемъ; аще не послушають, пно яко язычники мытара имѣти. 25, И оже въ пирѣхъ пити, цѣлующеся съ женами безъ смотрѣнія мнѣхомъ и бѣльдемъ, въ 22 главѣ, иже въ Никіи 2-го збора, иже божественнымъ отцемъ повелѣвшимъ мнѣхомъ и іереемъ съ вѣтми; богобоязливими и честными мужами, аще и съ женами общаются, да и то совокупленіе на совершеніе духовное будуть. Такоже и съ ближними и на путь шествующе требованіе нудить, и невозбранно вкушѣ и въ гостиницы яли въ домъ нѣкоего видють невозбранно, и бѣльцемъ же жены имѣюще и дѣти вкушѣ, обща же невозбранно, кромѣ начинанія, игранія и бесовскаго пѣнія и блуднаго глумленія: сѣя убо во опитемъ возведуть; иже по смотренію творемъ и по образу комуждо и по лицу и по житію наведи... 29, Иже своею волею ходять къ поганымъ купля ради, и скверное ядять, сѣхъ отвѣщаваемъ восхищеники, и лжеимаревики, и несправедлики, и мездники, и сребролюбца; нѣсть правило улучая (*отлучая*), аще и велика суть согрѣшенія, оже имѣ-

нія ради или скоталюбства (*сребролюбія*) ради съ погаными оскверняются, иже съ ними пребываніемъ недѣяніемъ отъ церкви не возбраняются, но токмо молитвою и моленіемъ очистятся грѣси, и тако причащавіа блага примуть, подобаетъ воину (*всегда*) наказание имъ дати и учити ѿ, евангельское слово внушати: «о, горе вамъ, яко имя мое въ васъ ради хулу принимаетъ въ языцѣхъ!» 30, Иже въ монастырехъ часто пиры творять, сзываетъ мужа вкушѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу пріисѣвають, кто лучіи творить пирѣ. Ся ревность не о Бозѣ, но отъ лукаваго бываетъ ся, и лесною (*кудесною*) лестью приходщее, и образъ милости и духовное утѣшеніе приводящимъ и творящимъ пагубу. И оже сѣхъ творять и собѣ иже съ ними пьютъ черенци и съ чернѣцъ погубляютъ, и мнѣть, что добро творять нищелюбія, иже къ мнѣхамъ любви и не примати мзды.

31, Якоже еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются, простымъ же людямъ якоже именемъ и плесканіемъ. Разумѣ даемъ всякъ и речемъ: иже простіи законъ простѣмъ и невѣжамъ си творять совокупленіе. Иже кромѣ божественныя церкви, кромѣ благословленія, творяще свадьбу, тайно поиманіе наречетъ, иже тако понимаютъ, якоже блуднымъ опитемъ даютъ...

(Рус. Дост. I, 88—103).

См. Ист. Р. Цер. Макарія. II, 345—352.

Кромѣ этого правила, Іоан. II написалъ 1, посланіе къ папѣ Клименту (Пам. XII стол. изд. Калабродичемъ, стр. 239—243, Учен. Зап. Акад. № 1, 2, стр. 1—20. Изв. Акад. 11, 95—101) 2, службу Борису и Глѣбу (Изв. Акад. VII, 372).

205. Страницы Даниила игумена до 1115

Вступленіе. — Се азъ недостойный Данилъ, Руская земля, хужій въ вѣхъ минѣхъ, сипревъ сый многими грѣхы и невѣжествомъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и негертѣишемъ своимъ, въскотѣхъ видѣти св. градъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Аврааму. Волю же божію хранимъ, доходимъ св. града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галицкую и сватаа мѣста, и вся обыдохъ всю ту землю, удуже Христосъ Богъ намъ походи своимъ ногама и много чудесъ показа преславно святымъ своимъ апостоломъ ученикомъ, да то все видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ, и все ми Богъ показа видѣти, егже желалъ азъ по многы див мыслію своею мучимъ. Но, братіе и отци, господіе мои, простите мя, и не зарите моему худоумно и крубости моеи, еже спсасхъ о Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семъ свѣтлѣмъ; иже бо кто путемъ симъ ходитъ съ страхомъ и съ смирениемъ, то не погрѣшитъ милости божіа никоджне. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, въ всякой слабости и лѣннсти, нѣа и ядл и вся неподобная творяхъ, но обаче надѣюся на милость божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ проститъ мя грѣховъ моихъ бѣднсленныхъ, да се и списахъ путь сей и мѣста си святая, не възнамаяся, ни величаяся путемъ симъ: не буди то, ничтоже бо не сътвори хъ добра на пути семъ, но любви ради св. мѣстъ написахъ все, ежо видѣхъ очима грѣшнымъ, дабы не въ забытїи то было, еже ми показа Богъ недостойному, и убоихся осуженїа оного раба лѣниваго, скрипшиаго талашъ господина своего и прикупя не сътвори нмъ; да и се написахъ вѣрныхъ — ради человекъ, дабы кто слышалъ о мѣстехъ святыхъ и потщался душею и мыслію къ святымъ

святъ мѣстомъ и равну мѣду приимуъ съ ходившимъ до св. сихъ мѣстъ. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добрии челоуѣци милостынями къ убогимъ и добрыми дѣлы своими достигають сихъ мѣстъ святыхъ, иже болшою мѣду приимуъ отъ Бога; мнози же и ходивше св. сихъ мѣстъ и видѣвше св. градъ Іерусалимъ, и възнесшеса уномъ, яко ничто добро сътворше, и намы погубляють мѣду труда своего, отъ нихъ же первый еемъ азъ. Мнози же и дозодивше до Іерусалима паутъ назадъ, многа добра не видѣше, тщашея вбратъ ити; а сего пути вбортъ нехъ ходити, но потиху, не тоскомъ, тоже мочи видѣти вся та мѣста святая въ самомъ градѣ Іерусалимѣ и въ градѣ. Азъ бо недостойный игуменъ Данилъ пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяцевъ въ мегухѣ (¹) св. Савы, и оттолѣ походивъ иъпытавъ вся та мѣста святая и видѣхъ добръ; невозможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добръ испытати и видѣти вѣхъ тѣхъ св. мѣстъ. И что у себе имѣя въ руку моею худого моего добытка, и отъ того вѣмъ подавахъ, вѣдущимъ добръ вся св. мѣста въ гради и въ града, да быша мѣ указали все добръ, якоже я бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти (*найти*) въ лавръ св. Савы (²) ту мужа съята и стара денми и кинжъна велми, и тому св. мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велии худаго, и той ми указа добръ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей земли той поводи ми добръ, и до Тиверїадскаго моря и до Фавора и

(¹) *Метохіон* — подворье монастыря. Здѣсь разумѣется подворье монастыря св. Саввы, которое находится, какъ говоритъ далѣ Данилъ, въ самомъ городѣ Іерусалимѣ, близъ водоема, называемаго иже пещъ Вирсавы, и принадлежащее до сихъ поръ греческимъ монахамъ, оно называется теперь *монастыремъ св. Димитрія*.

(²) Здѣсь говорится уже о знаменитой лаврѣ св. Саввы, близъ Мертваго моря.

до Назарефа, и до Хеврона и до Ердана, и до Виселеона, по всѣмъ тымъ мѣстамъ поводи ми и трудися съ мною любне ради и ннѣ святая мѣста многа видѣхъ, яже о томъ послѣди скажу.

(Самое описаніе путешествія Даниила раздѣляется на XXII отдѣла).

1. О пути иже въ Іерусалимъ. — Путь иже есть въ Іерусалимъ: отъ Цариграда по лукоморію или 300 верстъ ⁽¹⁾ до великаго моря, до Петаля острова ⁽²⁾ 100 верстъ: а то есть первый островъ на ускомъ моріи, и есть ту ламень добръ, и ту есть градъ великій Ираклій ⁽³⁾, и противу тому граду святое мѣро выходитъ изъ глубины морекыя ⁽⁴⁾; ту бо снѣгъ мученици погружены суть отъ мучитель. А отъ Петаля острова до Калиноля (Галиноля) 100 верстъ, а отъ Калиноля 50 верстъ до Авяда града; и противу тому граду лежитъ св. Еуфимей новый. А отгуду до Криты ⁽⁵⁾ 20 верстъ, и ту есть на великое море выйти, на лѣво пѣ Іерусалимъ, а на десно ко Святѣй горѣ (Аѳонской), и къ Селуню и

⁽¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ нашихъ лѣтописей мы находимъ, для измѣренія одного и того же пространства, *версты*, а въ другихъ *поприща*. Въ древнихъ спискахъ поприще (или верста) полагалось въ 750 сажень, но эти сажени были двухъ-аршинныя; оно дѣлалось: на *стоны*, *коны* и *стади*. Нога въ поприщѣ считалась 6000, стога 3000, стадій 7½. Изъ этого видно, что древняя русскія поприща или версты были совершенно равны нашимъ верстамъ.

⁽²⁾ *Петала*—вѣроятно, Кутала или Кутала, островокъ, находящійся близъ острова *Мармара*, и который есть, дѣйствительно, первый островъ при входѣ въ Дарданеллы, или въ узкое море Даниила.

⁽³⁾ *Ираклея*, здѣсь упоминаемая, находилась тамъ, гдѣ нынѣ мѣстечко *Врангиста*, противъ острова Кутала, или Петаля Даниила.

⁽⁴⁾ *Страбонъ* (VII, 55) говорить, что между островомъ *Проконнезусомъ* новымъ и твердою землею Фракіи море извергаетъ иногда асфальтъ.

⁽⁵⁾ *Криты* (*Kriti*) селеніе на Херсонесѣ Фракіискомъ, при выходѣ изъ Дарданеллы въ Эгейское море.

Риму. А отъ Криты до Тенедоса острова 30 верстъ, то есть первый островъ на величїемъ моріи, и ту лежитъ Анекодимъ (память 15 июля), мученикъ Христовъ; и ту есть противу тому острову городъ великъ былъ, а имя ему Трояда: ту бо св. апостолъ Паулъ приходилъ и научилъ страну ту вѣровати въ Христа и крестилъ ихъ. А отъ Тенедоса острова до Металина острова 100 верстъ; ту бо лежитъ св. Георгій, Металинскій митрополитъ; а отгуду до Хіа острова 100 верстъ, и ту лежитъ св. мученикъ Сидоръ; въ томъ бо островѣ рабаеца мастика и вина добрая и овишь всякъ. А отъ Хіа острова до Ефеса града 60 верстъ; ту бо есть гробъ св. Іоанна Богослова, исходить бо черствъ святая изъ гроба его, на память его, и взимають черствъ ту на исцѣленіе всякаго недуга; и свита (*платье*) Іоаннова ту лежитъ, въ ней же самъ ходилъ. И ту есть близъ пѣчера седми отроковъ, одеже лежать тѣлеса ихъ, иже спали 300 и 70 и 2 лѣта: при Декии цари уснуша, а при Феодосіи цари вѣяшася. Въ той же пещерѣ 300 св. Отецъ лежать, гробъ Маріи Магдаляны, ту же и глава ея, а св. Тимофей, ученикъ св. апостола Паула, въ ветсѣхъ градѣ лежить. И ту же есть въ ветсѣй церкви икона святая Богородица; сею же иконою св. отци препрѣли Несторъ еретика. И ту есть баня, идѣже работалъ Іоанъ Богословъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ, у Романиды; и видѣхомъ пристанище то, идѣже Іоанна Богослова море выверже; ту бо стояхомъ 3 дни, зовется пристанище то муроморяное. Ефесъ же градъ есть на сушѣ, отъ моря вдаль 4 верстъ, въ горахъ, обилень же всѣмъ; и ту поклонихомся гробу тому святому. Благодатию же божіею храними и молитвами св. Іоанна Богослова, идехомъ радушеся. А отъ Ефеса до Сама острова 40 верстъ, и въ томъ островѣ рыбы многи бывають, и обилень же всѣмъ островъ той. А отъ

Сама острова до Карія острова 20 верстъ, а отъ Карія ^(*) острова до Патма острова верстъ 60 въ сторону далече въ морѣ Патма островъ; въ томъ островѣ Іоанъ Богословъ евангеліе написалъ, егда бѣ заточенъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ. Оттуда есть Деросъ островъ, таже Калипнаосъ островъ, таже Нисера островъ, таже и Косъ островъ великъ вели, богатъ всемъ, людьми и скотомъ; таже и Тилосъ островъ; и въ семь островѣ есть мука изъ рва кипитъ сѣрою горячею, и ту сѣру варячи продаютъ купцемъ, ею же мы огнь выгинаемъ ⁽¹⁾; таже Харкія островъ. И вси тѣ острова обилны вели, съ людьми и съ скотомъ, близъ себе яко 10 верстъ имутъ между собою. Таже Родъ островъ великъ вели и богатъ всемъ; въ томъ бо островѣ былъ Олегъ, князь рускій, 2 лѣта и 2 зимы. А отъ Рода острова до Сама острова 5 верстъ, а отъ Сама острова до Макрии града 60 верстъ: и ту есть градъ Макрія ⁽²⁾.

О теміанѣ гонфитѣ. — Въ томъ градѣ Макрія, по земли той по всей, ольно *(даже)* и до Муръ, ту ся ражаетъ теміанъ гонфитъ черній, и тако ся ражаетъ: исходитъ изъ древа яко мѣза, и снимаютъ желѣзомъ острымъ; а имя древу тому зигія *(грабина)*; есть образомъ аки ольха древо то. И другое древо мало, образомъ аки сосна, есть тонко, имя ему стурика *(росной ладанъ)*, а въ болѣ яко поноровъ есть; и въ деревцѣ томъ за корою червь, и точить деревцо то червь тый, исходитъ червоточина та аки отруби пшеничные, и падаетъ отъ древа того аки клей вишневый: то собираютъ тѣ людѣ и смѣшиваютъ съ червоточеннымъ

древомъ, и вложивше въ котелъ варятъ теміанъ гонфитъ, и кидаютъ въ мѣхи и продаютъ купцемъ. А отъ Макрии до Патера города 40 верстъ; ту есть рождество св. Николы, то есть вотчина его. А отъ Патера града до Миръ 40 верстъ, идѣже есть гробъ св. Николы, а отъ Миръ до Хилидонія *(мысъ)* 60 верстъ, а отъ Хилидонія до Кюпра острова великаго 200 верстъ.

II. О Кипрскомъ островѣ. — Кюпръ же островъ великъ вели и много въ немъ людей, и обиленъ же есть всемъ добромъ, и суть бо епископъ въ немъ 24, а все митрополія едина. И святыхъ ту много безъ числа лежить: ту бо лежить св. Епифаней, и апостолъ Варнава, и св. Зѣнонъ, и св. Филагрисъ епископъ, его же крестилъ Паулъ апостолъ христовъ. И ту же есть гора высока зѣдо, и на той горѣ св. Елена царица поставила крестъ кинарпенъ на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на изцѣленіе, и вложила въ оны честный гвоздь Христовъ; и бываетъ на мѣстѣ томъ знаменіе и чудеса многа, и донинѣ стоятъ крестъ той на въздушѣ, ничимъ же не ирдержатся къ земли, по тако носимъ на въздушѣ ⁽¹⁾ и ту азъ недостойный поклонихся святыни той чудной. И благодатию же Божіею хранима, сущею на мѣстѣ томъ, и ту проходимомъ островъ тотъ добръ.

(О ладанѣ и теміанѣ, о церкви св. Георгия, о горѣ Армиоетѣ)

О Іерусалимѣ. — И есть же святыи той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же великы его горы каменны и высокы, олно *(даже)* пришедъ близъ къ граду тоже

(*) Никарія (Nikaria), и Плевніи Nicasia

(1) Плевній говоритъ, что островъ Тилосъ славился своими мастями. Добываніе сѣры производится въ немъ доселѣ.

(2) Мѣстечко Макрия на берегу Ликии.

(1) Это же самое преданіе у Вилленбранда, который путешествовалъ ѣкомъ позже Даннла. Мы принимаемъ это мѣсто за вставку позднѣйшаго переписчика

видѣти св. градъ Іерусалимъ: первое видѣти домъ Давидовъ, а потомъ мало пошедъ, видѣти Елеонская гора и Святая Святыхъ (*мечеть Омара*), а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равниа у пути близъ Іерусалима, яко версты одной вдале, и на той горѣ асѣдають люди съ коней, и пѣши ходять вси люди и поклоняются хрістіане ов. Воскресенію; и бываетъ радость велика всякому хрістіанину, увидѣвшему св. градъ Іерусалимъ: никто же бо не можетъ проследитися, видѣвши землю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенія, походи; и плути вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму.

О церкви св. Стефана. — И ту есть церковь св. первоученика Стефана, у пути близъ, на лѣвой странѣ тамо идучи: на томъ мѣстѣ побіенъ бысть каменемъ св. Стефанъ и архидиаконъ отъ Іудей, ту же и гробъ есть его. И ту же гора каменная, плоска, простѣлая въ распятіе Христово, а то мѣсто зовется адъ ⁽¹⁾; и то есть близъ стѣны городныя, яко довержеть мужъ каменемъ.

III. О градѣ Іерусалимѣ. — И потомъ входить въ св. градъ Іерусалимъ всякъ человекъ съ радостію великою враты, сущиши близъ дому Давидова: и та сугъ врата отъ Вифлеома лицемъ; та бо сугъ врата зовутся Вениаминова (*Яфскія*); якоже идучи въ градъ, путь есть сквозѣ врата: направо же къ Святой Святыхъ, а на лѣво къ Воскресенію, идѣже есть гробъ господень.

⁽³⁾ Это такъ называемая долина сыновъ Гиномаевыхъ, или долина Гинома, заключенная между Силономъ и мрачною горой *Злато Сокращенія*, мѣсто ужасныхъ жертвоприношеній Молоху. Блаженный Іеронимъ говоритъ, что адскій огонь, о которомъ упоминается въ евангелии, сравнивается съ огнемъ нечестивыхъ жертвъ Молоху, и что поэтому адскій огонь называется *геена*, отъ имени *геонъ* или *инома*.

О церкви воскресенія господня. — И есть же церковь та Воскресеніе Господне сика образомъ: кругло създана; столповъ же имать 12 облыхъ, а 6 зданныхъ, и помощена есть досками муроморяными красною волни; двери же имать шестеры, а на полатяхъ столповъ 16, а надъ полатми подъ верхомъ исповсани сугъ святіи пророци вси мусією, яко живи стоятъ, а надъ олтаремъ написанъ Христосъ мусією, а въ олтари же великомъ написано Адамово воздвиженіе; въ самомъ же верху написано есть Вознесеніе господне, обополъ же написано олтаря Благовѣщеніе; а все то подписано есть мусією. Верхъ же церковный не до конца сведенъ каменемъ, но тако спертъ досками и дрѣвиемъ тесанымъ, плотнымъ образомъ ⁽¹⁾, и тако есть безъ верха не покрыто ничяя же.

О гробѣ господни. — Подъ тѣмъ же самымъ верхомъ непокритымъ есть гробъ господень сикъ образомъ, яко печерка мала избѣчена въ камені, двери имуща малы, якоже можетъ человекъ влѣзти, на колѣну поклонися, влѣзшише есть малаго мужа и всямо вкати (*круглоидная*) 4 локоть въ длину и въ широту. Влѣзши же въ печерку ту дверцями тѣми малыми, на десной странѣ есть мѣсто, яко лавица (*лавочка*) застѣчена въ томъ же камені печерномъ; и на той лавици лежало тѣло Господа нашего І. Христа, и есть и нынѣ лавица та святая покрыта досками муроморяными (*мраморными*), и сугъ на сторонѣ продѣлана 3 оконца круга, и тѣми оконци видѣть святой тѣй камень: и ту цѣлуютъ вси хрістіане. И висятъ въ гробѣ господни 5 кандиль великихъ съ масломъ съ дрѣвянымъ и горять беспрестанно кандила

⁽¹⁾ Куполь храма гроба Господня видѣлъ тогда видѣ убѣщеннаго конуса.

та святая, не угасаютъ ихъ никѣже, ни въ день ни въ ночь. Лавица же та святая, идѣже лежало тѣло христово, есть въ длину 4 локотъ, а въ ширину два локтя, а възвыше пѣтора локти. Предъ дверми же пещерными лежитъ камень, 3-ю стопъ издае отъ дверей тѣхъ пещерныхъ: на томъ камени ангелъ сѣдѣлъ, а на немъ мѣсто мѣсто и благовѣстиши христово воскресение; и есть пещерка та одѣлана яко амбонъ краснымъ мѣроморомъ и столпи мѣроморомъ жъ около стоять, числомъ ихъ 12. Вверху же надъ пещеркою тою сздавъ яко теремецъ красно на столпцѣхъ, и вершкѣ ему смертъ кругло, и сребряными чешуйками позолочеными покованъ; и на верху же того теремца стоятъ Христосъ сребрянъ сѣдѣлъ, яко въ мужа побѣди есть, и то сущи Фряжи (франки) сѣдѣлаи и поставили, и нынѣ есть подъ самымъ верхомъ тымъ непокрытымъ. Суть же дверци трои у теремца того учинены хитро, яко крестцы: тѣмъ бо дверцами влзати люди къ гробу господню ⁽¹⁾. Да то есть гробъ господень былъ пещерка та, якоже то написашъ, добре испытавъ отъ сущихъ ту издавна вѣдущимъ святая си мѣста.

О путѣ замковомъ и о цркви. И есть црква та Въскресеиe господне круга образомъ, всямо оканъна, въ длину и въ ширину 30 сажень. Суть же у нея полаты просторны, и въ тѣхъ полатахъ горѣ патриархъ живетъ. И есть отъ дверей гроба господня до стѣны великаго алтаря 12 сажень; и ту есть, аиъ стѣны за алтаремъ, путь земленый ⁽²⁾ сзда-

⁽¹⁾ Теремецъ, который находится надъ самою пещерою гроба господня, накрывается круглою отверстіемъ, приоткрываемое на верху святой пещеры для сѣдѣния патриарха и для очищенія воздуха отъ испареній непрестанно горящихъ замиа.

Таковъ вазваніе дано на основаніи псалма LXXIII, стиха 2-го: «Богъ же царь нашъ прежде вѣка сздавъ спасенію посреда земли» и ст. 5 гл. V.

на же надъ нимъ комара, и горѣ написанъ Христосъ мусією (мозаикой), и глаголетъ грамота (подпись): «се шадю измѣрихъ небо, а длавию землю».

IV. О столпѣ Давидовѣ.—А отгулу до столпа Давидова и до дому его ⁽¹⁾ 200 сажень. Столпъ же есть святаго пророка Давида, на немъ же и псалтырь ссзавилъ, дивенъ вельми столпъ той, краснымъ каменемъ сдѣланъ, высокъ же вельми, на 4 углы, весь есть черствъ (твердъ), дверодны(и) камень уроднен посреда его ⁽²⁾, и воды многи въ немъ; двери же имать ватеры желѣзны, стешней же имать 200, по нимъ же възти горѣ; и жита въ немъ тогда много безъ числа лежить; и есть твердь ко възти: то есть голова всему граду тому. Блюдути же его вельми, не давати никому же влзти въ оны; но имѣ худому пригоди Богъ влзти въ столпъ той святой, и ода възмогахъ съ собою ввести единого отъ людей мовъ именемъ Сабсзана Иоанковича, а иныхъ не впустиша никогже.

(Дѣла о притворѣ Соломона и о купели. О святыхъ святыхъ; о дому Соломона царя; о Вифаніи и о Лазаря. V. О Гепсиманіи и о гробѣ св. Богородицы; о пещерѣ, идѣже преданъ бысть Христосъ; о вѣнчаніи горѣ, по възнесеніи господни.

О градѣ Іерусалимѣ, иже в окрестіи Іерусалима. Іерусалимъ же градъ есть великъ вельми и твердъ, стѣнами всямо оканънъ, на 4 углы крестнымъ образомъ сздавъ; дебри суть мнози и горы каменны около града; безводно же есть мѣсто то велико, ни рѣки, ни источника,

Прор. Іезекіила: «сѣи глаголетъ Адонай Господь: сѣи Іерусалимъ, посреда языковъ положиши его, и страши аже окрестъ его».

⁽¹⁾ Подъ словами столпъ и домъ Давидъ разумѣть всю цитадель вообще.

⁽²⁾ Здѣсь текстъ темень во всѣхъ рукописяхъ.

на колодези близъ Иерусалима, но токмо одна Силуамля купель ⁽¹⁾; но дождевою водою живутъ все люди и скоти въ градѣ томъ. И жита много и добра ражаются граду тому и окрестъ Иерусалима безъ дождя; но божимъ благословениемъ родятся пшеница и ячмень изрядно: одну кадь съявше и пакы взяти кадей 90 или 100 ⁽²⁾. Есть ли то благословение Божіе на земли той святой? Ту же и виноградъ мнози около Иерусалима и овощная древеся смокви, и масличіе, и рожки (*стручки*), и яблони и ивал же всякая овощная древеся различная безчисленная. А на горѣ Елеовѣстѣй есть пещера глубока вельми близъ Възнесенія господня на полдень лицемъ: и въ той пещерѣ гробъ св. Пелагіа блудница. И ту же близъ есть столпникъ, мужъ двенъ и страшенъ видомъ и старъ днѣми ⁽³⁾.

(VI. О пути еще къ Иердаану).

О Ирданѣстѣй рѣдѣ. Ирданъ же рѣка течетъ быстро, береги же внятъ обонъ полъ Ирдана прикруты (*крутые*), отсека пологы; вода же его мутна и сладка вельми и нѣсть сыти пощипитъ воду ту святую, и здравъ быетъ вода та пощипитъ ю, ни съ нею болить, ни пакости въ чрепѣ нѣсть; всѣмъ есть подобенъ Ирданъ рѣдѣ Сновѣстѣй, въ шире и глубле, лукаво же вельми и быстро течетъ; балонна же (*низменность*) внятъ якоже и Сновъ ⁽⁴⁾ рѣка; глубле же есть четы-

рей сажень среди самой купели, якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и поборонихъ на оную страну Ирдана, и много походихъ по берегу тому Ирданову любовно; вшире же Ирданъ рѣка якоже на устьи Сновъ рѣка есть. И есть же по сей страдѣ рѣдѣ купели тоя яко лѣсокъ малъ, древие много по берегу Ирданову превысоко, яко вербѣе есть, и подобно, но нѣсть верба; выше купели яко лозе много по берегу Ирдана, но нѣсть наша лоза, но иная, яко келяжи ⁽¹⁾ подобно есть. И есть бо ту тростіе много и звѣрие мнози ту живутъ, и савини дикіи безъ числа много ту, и подруси (*леопарды*) мнози ту суть; ту же суть и лове обонъ полъ (*на той странѣ*) Ирдана въ горахъ каменныхъ, ту си и ражаютъ ⁽²⁾. Други же горы суть подъ тѣми горами, бѣлы ⁽³⁾ суть вельми, а ти суть близъ Ирдана, да та зовется земля Заулоня и Невталиша обонъ полъ Ирдана. И ту же есть мѣсто близъ яко двою дострѣлу вдале отъ рѣкы Ирдановы, къ возводу

она вытекаетъ изъ окрестностей Стародѣба и впадаетъ въ Десну. Другая рѣка этого имени, въ Орловской губерніи, не можетъ быть признана къ описанію Давида, тогда какъ первая подходит къ нему довольно близко.

⁽¹⁾ *Келяжи* въ некоторыхъ рукописяхъ *сильзъ* и даже *кисляжъ*. Вѣроятно *кисляжъ*, питающій сходство съ кустами *arbutus andrachnae*, растущими въ изобиліи на берегахъ Ирдана, и о которыхъ говорить въ своемъ путешествіи Ирбъ и Мангасъ.

⁽²⁾ *Иермилъ* (XVIII. 49) в *Захаріа* (XI. 3) говорятъ объ ирданскихъ львахъ. Въ жизни св. Герасима, который обиталъ въ ирданской пустынѣ, около половины V-го вѣка, мы читаемъ, что зовъ, страдающій отъ занозы въ ногѣ, пришелъ къ нему и, будучи излеченъ св. отшельникомъ, подчинился совершенно его власти (Чети-минеи, 4 марта). Византизмъ 722 г. говоритъ о встрѣтѣ со львомъ въ горахъ самарійскихъ. Если львы не встрѣчаются уже болѣе собственно въ Палестинѣ, то ихъ находятъ еще за Иорданомъ.

⁽³⁾ Второе указаніе на бѣдность; подходящую къ Иордану, по ту сторону, холмы составлены изъ бѣловатаго известковаго крижа.

⁽¹⁾ Давидъ забвѣлъ, кажется, о колодезѣ Невталиши.

⁽²⁾ Урожай въ самъ-двадцать, пять бызаетъ не рѣдкомъ въ Палестинѣ.

⁽³⁾ Забъ Давидъ говорить о томъ самомъ пустыникѣ, съ которымъ крестоносцы, по совету духовенства, сѣщались во время осады Иерусалима передъ приступомъ. Его называли *человѣкомъ божіимъ*.

⁽⁴⁾ Это мѣсто есть единственное, которое служить вѣроятнымъ указаніемъ на родину Давида. Рѣка Сновъ протекаетъ въ Черниговской губерніи,

лицомъ, ядѣже Иліа пророкъ въсхищенъ бысть на колесници огнѣи на небо. И ту же есть близъ потокъ Иліинъ воды исполненъ; вода же въ немъ течеть быстро и красно по камени въ Іерданъ; вода же та студена и сладка. И ту же есть пещера св. Іоанна Предотечи надъ потокомъ тѣмъ; и ту воду пилъ Іоаннъ Предотеча Христовъ, егда ту жилъ въ той пещерѣ святой. И ту же есть близъ другая пещера, ядѣже жилъ Иліа пророкъ съ ученикомъ своимъ Іеисиемъ. И то все видѣхъ очима своимъ грѣшными...

(О горѣ, на ней же Моисей пророкъ преставился и о монастырѣхъ. VII. О ерихонскомъ градѣ; а се о мѣсто архангела Михаила, гдѣ ависа Іисусъ Навинъ; VIII. О Лаврѣ Ѣвдоіеѣ и Савинѣ; IX. О Сіонѣ святѣмъ, и о асѣскомъ градѣ Іерусалимѣ, и о дому Іоанна Богослова; о Петровѣ отверженіи; X. О Внодеомъ, оудѣ Христовѣ родиса, о дому Есѣвъ, Отца Давидова XI. О пути въ Хекрону; о дубѣ Мамаріеѣ. XII. О Ховроѣ горѣ; о пещерѣ сугубѣй; о жертвѣ Авраамовѣ; XIII. О монастырѣ св. Харитона. XIV. О пути, яже въ Галилею; о кладби и о Самаріи градѣ. XV. О Васаніѣ градѣ. XVI. О вертохъ Іердановѣ; О мытницѣ Маттеѣ, апостола Христова. XVII. О градѣ Тиверіадѣ, и о морѣ, и о чудесѣхъ христовыхъ; о озерѣ Генсаридскомъ и о градѣ; о горѣ Ливаніѣ. XVIII. О горѣ Фаворскій; о пещерѣ Мелхиседекѣ. XIX. О градѣ Назаретѣ; о благовѣщеніи св. Богородици).

XX. О Кана Галилея. ... Не видѣхомъ бо зла ничтоже на пути, ни отъ поганыхъ, ни отъ звѣри лютаго, ни болѣзни въ тѣлѣ своемъ не чюхомъ ни мало, но всегда яко орелъ облегчаемъ и божіею благодатію укрѣпляемъ яко елень крѣпко ходимъ, безъ всякаго труда и безъ лѣности. Аще и похвалити ми ся подобаетъ, но славою Христа моего похваляюся; якоже бо Апостолъ Павелъ глаголетъ: сила бо моя въ немощи свершается. Да что въздамъ Господеву моему о всѣхъ, яже въздасть мнѣ худому рабу своему, яко сподоби мя толнику благодать видѣти и походить по святѣмъ симъ мѣстамъ и исполнити желаніе сердца моего; его же не надѣяся есмь видѣти, и то нынѣ показа Богъ видѣти рабу своему. Да

простѣте мя, отцы и братіе и господіе мои, и не зазрите худому моему и грубости моей, еже азъ написахъ не хитро, но просто написахъ о мѣстѣхъ свѣхъ святыхъ и о св. градѣ Іерусалимѣ и о всей землѣ обѣтованнѣй древле Богомъ Аврааму; обаче аще не мудростію, но безъ лжи, якоже видѣхъ очима своимъ грѣшными, такоже и написахъ.

XXI. О свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу господню.—И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку, видѣхъ бо очима своимъ грѣшными по истинѣ, како сходитъ свѣтъ святой къ гробу живо-творящему Господа Спасе нашего І. Христа. Мнози бо нынѣ странники неправо глаголють о схоженіи свѣта святаго: нѣки убо глаголють, яко голубемъ сходитъ Духъ св. къ гробу господню, а друзи глаголють яко молнія сходитъ и вжигаетъ кандила надъ гробомъ господнимъ: то есть лжа, ничтоже бо тогда видѣти, ни голубя, ни молніи, но тако невидимо сходитъ благодать божія, и вжигаются кандила надъ гробомъ господнимъ. Да о томъ скажу еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятницю по вечерни потирають гробъ господень и помывають кандила сушная надъ гробомъ господнимъ, и наливають кандила та масла древняго чиста безъ воды, одного, и вложать свѣтила и не вжигаютъ свѣтилецъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтила та не въжжены и запечатываютъ гробъ господень въ 2 часъ ночи⁽¹⁾; тогда же изгасятъ вся кандила не токмо ту сушная, но и по всѣмъ церквамъ иже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту же пятницю ве-

(1) Не должно забывать, что часы дня и ночи считались въ Палестинѣ отъ восхода и захода солнца, такъ что первый часъ дня въ Іерусалимѣ, по нашему счету, есть седьмой часъ утра, а первый часъ ночи въ Іерусалимѣ есть седьмой часъ вечера у насъ.

ликую въ 1 часъ дни къ князю Балдвину, и поклонихомся ему до земли; онъ же видѣвъ насъ поклонившася, и призва насъ къ себѣ съ любовію, и рече намъ: что хо щени, игумене рускій?—познавъ бо насъ добры и любяще насъ велики, якоже бѣше мужъ благъ и смиренъ и не гордѣти на насъ. Азъ же речехъ ему: господние княже, поюся тебѣ Бога ради и кня жей дѣла (ради) русскихъ, хотѣлъ былъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христiane Руския земли. И тогда же князь пове лѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла съ мною мужа своего луч шаго къ иконому св. Вскресеніа и къ тому, иже держитъ гробъ господень. По велѣнству ми оба, икономъ и ключарь гроба господня, принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стеклянное велико и надѣлахъ масла древняго чистаго безъ воли, и принесохъ къ гробу господню, уже вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единого и вѣрѣстѣхъ ему; онъ же отверзе двери господня гроба и повелѣ ми выступити изъ камигъ и введе насъ босого въ гробъ господень съ кандиломъ еже ношахъ азъ руками своими грѣшными, и повелѣ ми поставити кандило на гробѣ господни, и поставихъ своими руками грѣшными въ ногахъ, идѣже лежаша пречистѣи нози Господа нашего І. Христа, въ главахъ стоаше кандило греческое, на персехъ поставлено бѣше кандило св. Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обычей имутъ, по вся лѣта поставляютъ кандило греческое и св. Савы. Благодатію же божіею та три кандила възглася долина, а фряжская кандила повѣшена суть горѣ, и отъ тѣхъ кандилъ по единого же не возгорѣся тогда, только тѣ 3 едины възглася. Азъ же поставихъ кандило свое на св. гробѣ Господа нашего І. Христа и по

клонихся честному гробу господню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами мѣста то св. и честное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего І. Христа; и пзыдохомъ изъ гроба того святаго съ радостію великою и идехомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую субботу въ 6-й часъ дни събираются люди предъ церквію Вскресенія христова безчисленно много множество людей отъ всѣхъ странъ пришелци и тоземци отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антиохіа и отъ всѣхъ странъ ту сѣ събирають въ тотъ днь несказанно много людей и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распята господня; велика же тѣснота бываеъ тогда въ церкви и около церкви, мнози бо тогда задыхаются отъ тѣсноты людей тѣхъ; и тѣ всѣ людие съ сѣщами стоятъ невѣжжевами и ждутъ отверженія дверей церковныхъ. Внутрь же церкви попове ждутъ съ людьми, долдеже приидеть князь Балдаппъ съ дружиною своею, и бываеъ тогда отверженіе дверей церковныхъ, и входятъ тогда вси людие въ церковь въ тѣснотѣхъ велицѣхъ, исполняютъ церковь ту и полату, и всюлѣ полно будеть въ церкви и около Голгофы и около Кривлена мѣста и дотолѣ, идѣже надѣзаетъ крестъ господень все полно будеть людей, много не глаголютъ ничтоже, но только Господа помилуй зовутъ не ослабляючи и вопіють сядно, яко тутѣшати и и възрѣмѣти всему мѣсту тому отъ полая людей тѣхъ; неточници ту слезамъ проливаются отъ вѣрныхъ челоѣкъ; аще бо кто окаменѣетъ сердцемъ своимъ, да и той тогда можетъ прослезитися, всякъ бо челоѣкъ тогда зазрѣтъ себе и поминаетъ грѣхы своя и глаголетъ въ себѣ: егда моихъ ради грѣховъ не спадеть Духъ Святый! И тако стоять вси вѣрнии, слезно и съкрушено сердце имуще; и той самъ князь Балдаппъ стоять съ страхомъ и смиреніемъ великимъ, источникъ слезъ проливаются отъ очю его; также и дру

жина его стоит около его прямо гробу близъ олтаря великаго (1). Яко бысть 7 часъ субботнаго дня, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ гробу господню и съ дружиною своею и вси бои и пѣшій идуť съ нимъ. И присла князь въ мѣстѣ св. Савы, и позва игумена съ черноризцы его; и поиде игуменъ съ братією къ гробу господню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братією, и придохомъ къ князю тому, и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонихся игумену св. Савы. И повелѣ князь игумену св. Савы и мѣхъ худому съ нимъ прійти близъ себе, а мѣхъ повелѣ предъ собою ити, а дружины повелѣ по собѣ ити. И придохомъ въ церковь Вскресенія Христова къ западнымъ дверемъ, и се множество люди заступила двери церковныя, и не могахъ вйти къ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ во всемъ своимъ разгнати люди насильствомъ; и сѣворяща яко улицу сквозѣ люди полно (даже) и до гроба господня и тако възмогахомъ проити. И придохомъ къ восточнымъ дверемъ господнимъ гробнымъ, а князь по насъ приде и ста на мѣстѣ своемъ на десной странѣ у перегороды великаго олтаря прогину вѣсточнымъ дверемъ гробнымъ: ту бо есть мѣсто княже создано высоко; повелѣ же игумену св. Савы стати надъ гробомъ съ всѣми чернцы и съ правотѣрными попы, мѣхъ же худому повелѣ стати высоко надъ самими дверьми гробными противу великаго олтаря, яко зрѣти мѣ бѣше въ гробныя двери; двери же гробныя вси три замчены и запечатаны царскою печатію. Латыньскыи же попове въ велицѣмъ олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дни, начаша пѣти вечернюю правотѣрній попове на гробѣ горѣ, и вси мужи духовніи чернориз-

цы же и пустынники мнози бѣху пришли; а Латыня же въ велицѣмъ олтари начаша верещати съвойскы, и тако поющымъ имъ. Азъ же ту стояхъ и прилѣжно зрахъ къ дверемъ гробнымъ. И яко начаша пареминъ чести субботы великия, и изыде епискупъ съ диакономъ своимъ изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣвъ гробъ господень сквозѣ хрестыцы дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ гробѣ и възвратися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ съ диакономъ приде пакы къ дверемъ гробнымъ, и не увиде ничтоже въ гробѣ господня, тогда же вси людие възвнѣша съ слезами *киръ елейсонъ* (Господи, помилуй!). Якоже бысть девятый часъ дни мимоходящу, и начаша пѣти пѣснь переходную «Господевіи поемъ», и тогда внезапно приде туча отъ вѣстока мала и ста надъ вѣрхомъ непокрытымъ тоя церкви и о дожди надъ гробомъ святымъ, и смоча насъ добръ столпихъ надъ гробомъ господнимъ; и тогда внезапно обнѣста свѣтъ свѣтый въ гробѣ господня, и изыде блыстапіе свѣта того страшно и свѣтло зело въ гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырьми диаконы отверзеша двери господня гроба и ввѣмъ свѣщу у князи, и ввѣде епископъ въ гробъ господень и възже первое ту свѣщу отъ свѣта того святаго, и извѣснѣша изъ гроба свѣщу ту, и ввѣдъша ю саму въ руцѣ; и ста князь на мѣстѣ своемъ држа свѣщу ту съ радостію великою зѣло; и тоя свѣща мы възгохомъ вси свои свѣща, а отъ нашихъ свѣщъ вси споя възгоша свѣща. Свѣтъ же свѣтый нѣсть яко огнь земный, но инако, свѣтитъся лярдно пламень той его яко киноварь. И тако вси людие стоятъ съ свѣщами горящими и вопіють же вси непрестанно съ радостію великою зело и съ веселіемъ, видѣвше свѣтъ свѣтый божій. Иже бо кто не видѣлъ тоя радости въ той день, то не чмѣтъ вѣры сказавшему о всемъ томъ видѣни; обаче вѣрній добрый человекъ весьма вѣру-

(1) Главный престолъ стоялъ передъ аркадою, образующею входъ въ большую церковь гробовъ.

ють и въ сласть послушаютъ сказаніа сего о святости сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрный бо въ малѣ и въ мнозѣ есть вѣренъ, а злу челоуѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послушъ есть и св. гробъ господень и вса дружина моя рускыи сынове, и приключишася тогда Ноугородци и Кіане: Стѣславъ Ивановичъ, Горославъ Михалковичъ, Кашкыча два и инѣи мнози, иже свидѣють о мнѣ и о сказаніи. Но възвратимся на прѣжечереченное. И егда же свѣтъ вѣсія въ гробъ господня, тогда пѣніе преста и вса възпиша киріелейсовъ; потомъ поидоша изъ церкви съ радостію великою и съ свѣщами горящими и съблюдающе кѣждо свѣща своя отъ угашенія вѣтреняго, и поидоша кождо въ дома своя, и отъ того свѣта святаго възжигаютъ свѣща въ своихъ церквахъ кѣждо ихъ и кончаютъ пѣніе въ своихъ церквахъ кождо ихъ; въ велицѣй же церкви у гроба господня сами попове безъ людѣи кончаютъ пѣніе вечернее. Тогда же мы съ игуменомъ и съ братією идохомъ въ свой монастырь несуща свѣща своя горящая, а ту кончахомъ пѣніе вечернее и идохомъ въ келія своя хваляще Бога, показавшего намъ ту благодать видѣти. Въ утрій же день Вскресенія Христова, въ недѣлю св. Пасхы на заутреніи отпѣвши како подобаетъ, и бывшу цѣлованію съ игуменомъ и съ братією и отпушенію бывшу въ 1 часъ дня, и вземъ игумень крестъ съ братією и идохомъ къ гробу господню, поюще кондакъ: »Аще и въ гробъ снѣде бесмертвене«,—и вшедъ въ гробъ животворящій, и облобызавше съ любовію и слезами теплыми, насладившеся ту воня тоя блауханныя св. Духа прішествіемъ, и кандиломъ тѣмъ еще горящимъ дивно же и чудно и изрядно вельми; та бо кандила три възжглася сама тогда, егда свидѣтъ свѣтъ святой, якоже ны повѣда икономъ и ключарь господня гроба; а инѣихъ висѣти пять кандилъ надъ гробомъ господнимъ и

горяху тогда же, но свѣтъ ихъ инакъ бѣаше не якоже онѣхъ трехъ кандилъ изрядно и чудно свѣтятся. И потомъ изыдохомъ изъ гроба господня въ вѣсточныи дверми, и вшедше въ олтарь а створихомъ цѣлованіе съ правотѣрными попы христіаньскыи и сурьянскими (*сирійскими*), изыдохомъ изъ церкви и идохомъ въ свой монастырь и ту опочивше до литургіи.

И по трехъ днехъ и по литургіи идохъ азъ ко ключарю гроба господня и рекохъ ему: хотѣлъ быхъ взяти кандило свое. Онъ же поимъ мене съ любовію, единого токмо введе мя съ собою въ гробъ, и вшедъ въ гробъ обрѣтохъ кандило свое надъ гробомъ господнимъ еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ. И поклонихся гробу тому святому и облобызавъ мѣсто то честное, идѣже лежало тѣло пречистое господа нашего І. Христа. Тогда бо измѣрихъ гробъ святой въ длину и въ ширину и въ высоту: при мѣрѣхъ бо невозможно измѣрити никомуже; и почтихъ гроба господня како мого, по силѣ, и потому ключареви подахъ пѣчто мало а худо благословеніе. Онъ же видѣвъ любовь мою къ гробу господню и къ тому самому, удвигнувъ же дѣсны сущая въ головахъ св. гроба, а уломи ми тако камени того святаго пѣчто мало на благословеніе, и запрети ми съ клятвою не повѣдати никому же въ Іерусалимѣ. Азъ же поклонихся гробу господню и тому ключареви, и вземъ кандило свое съ масломъ еще горящимъ и изыдохъ съ радостію великою зѣло, обогатѣвся благодатію Божією, нося въ руцѣ моею даръ св. мѣста и знаменія св. гроба господня, и идохъ радуясь яко нѣкако съкровище богатства обрѣтохъ, и идохъ въ келію свою съ радостію великою.

(XXII О мѣстѣ Голіадовѣ и о мученицѣхъ; о дому Захаріинѣ, отца Іоанна Крестителя; о Рамѣ и о Еммаусѣ; о горѣ Кармилѣтѣй.

Послѣсловіе.— Ходилъ есмь тамо во княжестѣ руское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Володимировича кievскаго. Богъ тому послухъ и св. гробъ господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей рускихъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, по вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. О семъ похвало преблагото Бога моего, яко сподоби мѧ написати имена рускихъ князей въ лавръ у св. Савы, и нынѣ поминаются въ октенихъ. Се же суть имена ихъ: Михайло Святополкъ, Василей Владимерь, Давыдъ Святославичъ, Михайло-Олеъ, Панкратей-Ярославъ Святославичъ, Олдрей-Мстиславъ Всеволодовичъ, Ѳеодоръ Мстиславъ Володимировичъ, Борисъ Все-славичъ, Глебъ Минскій, Давыдъ Все-славичъ; — толико бо есмь поминалъ именъ ихъ, да гѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о всѣхъ русскихъ князехъ и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Руския земли, и отпѣхомъ же литургій всѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовныя и за правѣвныя христіане, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ти у гроба господня и въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Будя же всѣмъ почитающимъ писаніе се, благословеніе отъ Бога и отъ св. гроба господня и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ: прииметъ бо мзду равну съ ходившими до св. града Іерусалима и видѣвши(ми) мѣста си святая вся. Блажени бо видѣвше и вѣроваша; треблажени не видѣвше вѣроваша. Вѣрую бо прииде Авраамъ въ землю обѣтованную. По истанѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. По Бога дѣла, отцы и братія, гое подіе мои, не зазрите худомію моему и грубости моеи! да не будетъ въ похуленіе написаніе сіе мене дѣла худого; Бога дѣла и святыхъ дѣла мѣстъ почитете его съ любовію, да мзду примете равну отъ

Бога Спаса Господа нашего І. Христа: да Богъ мира будетъ съ всѣми вами въ вся вѣкы. Аминь.

(Изд. Археогр. ком. «Путеш. Игул. Даниила». Спб. 1868).

См. также путешествие Добрыни въ Царыградъ и хожденіе Пимена. (Изв. рус. нар. Сазарова. VIII.

Этотъ важный памятникъ русской письменности, начала XII в., заключаетъ описаніе паломничества въ св. землю русскаго игумена Даниила, современника летописца Нестора. Можно предположить, что онъ былъ уроженцемъ черниговской губ., суол по дѣлаемому имъ сравненію Іордана съ р. Сновъ, протекающею чрезъ черниговскую губернію. Благочестивый паломникъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи: «Ходилъ есмь тамо во княжестѣ руское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича кievскаго» (1093—1115). Мы находимъ также имена некоторыхъ русскихъ князей, жившихъ въ концѣ XI или въ началѣ XII в., которыхъ онъ поминалъ на экзетелѣхъ. Ему сопутствовали или одновременно съ нимъ были въ Іерусалимѣ некоторые его соотечественники изъ Новгорода и Кіева. Карамзинъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что Алексѣй Комненъ обращался съ воззваніемъ къ Русскимъ для войны противъ общихъ враговъ христіанства. Норвежецъ Сигурдъ былъ не многими раньше Даниила въ Палестинѣ. Даниилъ былъ хорошо извѣстенъ королю Балдуину I, мѣстопробываніе котораго было тогда въ Іерусалимѣ. Онъ говоритъ о благосклонномъ расположеніи его къ нему и отзывается съ благодарностію о дозволѣніи, данномъ ему королемъ, воспользоваться его походомъ въ Дамаскъ (1115 г.) для обозрѣнія святыхъ мѣстъ Галилеи.

Это путешествіе тѣмъ любопытнѣе, что оно представляетъ болѣе обширное поле для изслѣдованія Святыхъ мѣстъ, чѣмъ описанія Даниловыхъ предшественниковъ: Ариульфа, Виллибальда, Бернарда ле-Сажжа, Емифанія, Везигина, и его современника Зевульфа, также и писавшихъ уже въ концѣ XII-го вѣка, Веньмина Тудельскаго и Фоки. Даниилъ говоритъ, что онъ ничего не жалѣлъ для того, чтобы имѣть лучшихъ проводниковъ; и дѣйствительно, мы находимъ у него гораздо менѣе неточностей, чѣмъ у его предшественниковъ и современниковъ; эти неточности можно даже отнести къ переписчикамъ, которые искажали часто текстъ и дѣлали въ немъ вставки въ теченіе болѣе семи вѣковъ.

Описание Даниилово обнимает всю Святую землю; оно драгоценно по многим подробностям о святыхъ этой земли, также и въ отношеніи къ топографіи святыхъ мѣстъ. Его рассказъ о провалѣи святаго огня въ Великую Субботу, въ присутствіи короля Балдуина, весьма любопытенъ. Легко можно убедиться, что Даниилъ писалъ свое путешествіе отрывками, послѣ каждой поездки, давалъ особое заглавіе каждому изъ этихъ отрывковъ, которые равнолагались переписчиками въ произвольномъ порядкѣ: по этой-то причинѣ, путешествіе въ Газилу составляетъ, въ рукописяхъ, отдѣльный рассказъ, который былъ ошибочно помѣщенъ послѣ описанія ея обратнаго путешествія въ Константинополь.

Путешествіе игумена Даниила нельзя отстранить позднѣе начала 1113 г., который былъ послѣднимъ владычествомъ Святотополкова, умершаго 16 апрѣля, и о концѣ котораго Даниилъ во время своего странствованія не зналъ. Возвратъ же Даниила должно полагать въ половинѣ 1113 года, послѣ похода Балдуина на Дамаскъ, въ княженіе Владиміра Мономаха. Поэтому, нельзя принять мнѣнія Карамзина, который полагалъ, что наоминикъ Даниилъ могъ быть тотъ самый Даниилъ, который былъ поставленъ юрьевскимъ епископомъ въ 1113 г.

Первымъ изданіемъ Даниила мы обязаны г. Сазарову, который напечаталъ его путешествіе въ 1-й части «Путешествій русскихъ людей по Святой землѣ» (Спб. 1839), а послѣ 2-мъ изданіемъ въ своемъ сборникѣ: «Сказанія русскаго народа» (Т. II, кн. 8. Спб. 1849).

206. Поученіе Владиміра Мономаха до 1125.

Азъ худый—сѣди на санехъ (на смертномъ одрѣ), помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю гражотницю, не посмѣются, но ому же любо дѣлѣи моихъ, а приметь е въ сердце свое и не лѣнѣтся начинѣть, такоже и тружатся.

Первое, Бога дѣлая и душа своя: страхъ имѣйте божія въ сердцахъ своихъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Ащю ли кому

не любя грамотица си, а не поохрищаются (пусть не сердатся), но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санѣхъ сѣди безлѣпцю (нелѣпное) си молвилъ. Усерѣгоша бо мя слы (послы) отъ братьи моея на Волзѣ, рѣша: «потѣшися (поспѣши) къ намъ, да выженемъ (выгонимъ) Ростиславича и возость ихъ отнимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ», и рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы и ити, ни креста переступити». И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, въ печалю разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя, и проч.

Якоже бо Василій (Кесарійскій) учаше, собравъ ту юноша, душа чисты, нескверны... при старыхъ молчати, премудрыхъ слутати, старѣйшимъ покарятися, съ точвыми и меньшими любовь имѣти; безлукы бѣсѣдующе, а много разумѣти; не сверѣшовати словомъ, ни хулити бѣсѣдою, необязно снѣтатися, срамлятися старѣйшихъ, къ женомъ вѣтвымъ не бѣсѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ... О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и бѣсть, да не взношуся суетою міра сего въ пустошнемъ семъ жити. Научися, вѣрный человекъ, быти благочестно дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла Господа ради: лишаемъ не мсты, ненавидимъ, любо гонимъ, терпимъ, хулимъ, молимъ, умертви грѣхъ, забывите обидѣма, судите сврѣтѣ, оправдайте вдовицю: придѣте, да сождемъся, глаголетъ Господь: аще будутъ грѣся ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіаетъ весна постналъ, и цвѣтъ покаянныя. очистишь собѣ, братья, отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, Свѣтодавицю вопиюще, рцемъ: слава тобѣ, человекѣлюбче.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ты есть человеколюбедь Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человеци грѣшны суще и смертны, кто оже (*если кто*) пы зло створить, то хощемъ и (*его*) пожрети, и кровь его полъяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣяй животомъ и смертию, согрѣшныя язва пыше главы нашея терпѣть, и пацы и до живота нашего, яко отецъ чадо своея любя, бя, и пацы привлечитъ е къ собѣ, такоже и Господь нашъ: показавъ ны есть на врагы побѣду 3-ми дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, поканяемъ, слезамъ и милостынею; да то вы, дѣти моя, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣмъ дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣла не лѣнѣтесе, молю вы ся, не забывайте 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночество, ни черство, ни голодъ, яко ниш добрихъ терпѣть, но малымъ дѣломъ уллучити исполст божью...

Послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы Богъ умякчѣть сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуше: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитесе до земли, ала вы ся начать не ночи, а тряжды, а того не забывайте, не лѣнѣтесе, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человекъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче, не будетъ въ сѣ кымъ орудья (*дѣла*), аще вѣхъ молитвъ не уиѣете молвити, а «Господи помилуй», зовѣте безпрестани втайнѣ, та бо есть молитва вѣхъ лѣпши (*лучше*), нежели мыслати безлѣпнцю (*глупости*).

Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и предавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите

самя, а не вдавайте слѣпымъ погубити человекъ. Ни права, ни крива (*виноградю*) не убивайте, ни поспѣвайте убить его: аще будете повинны смерти, а душа не погубяете ни какою же хрестяни. Рѣчь молвѣте, и лхо и добро, не кленѣтесе Богомъ, ни хреститесе, вѣту бо ти нужа никою же, аще ли вы будете крестъ цѣловати къ братья, или къ кому, али управлѣше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдете, да не преступни погубите душъ своихъ. Епископы и попы, и пугменн (*читите*), съ любовью взимаите отъ нихъ благословенье; и не устраиваете отъ нихъ, и по силѣ любите и наидите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не пиѣйте въ сердци я пѣ уиѣ, но рѣмъ: смертны есмы, днесъ живи, а завтра въ гробъ: се все, что ны еси пдалъ, не наше, но твоё: шоручилъ ны еси на мало днѣй; и въ землю не хороните,—то ны есть великъ грѣхъ (*т. е. не зарывайте кладъ въ землю*).

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братию. Въ дому своемъ не лѣпѣтесе, во все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящия къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышетъ не лѣнѣтесе, не зрите на воеводы, ни пѣтѣю, ни ѣденью не лагодите (*не лѣстѣтесе*), ни спяню: и сторожѣ сами нарядивайте и ночь отовсюду нарядивше около вой, то же ляжете; а рано вставѣте, а оружья не спѣмаите съ себе: въ борѣ не розглядавши, лѣнощами ввсапу бо человекъ погубяетъ. Лѣжѣ блюди, и пьянства, въ томъ бо душа погубяетъ п тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости лѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ. Кудаже поидете, вѣдѣже станете, напойте

накормите унеина ⁽¹⁾, и болѣ же чтите гостѣ, откуда же къ вамъ придетъ, или простѣ, или добръ, или солѣ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ты бо мимоходячи прославяѣ челоуѣка по всемъ землямъ, любю добрымъ, любю злымъ. Болнаго приѣхите; надъ мертвецѣ идѣте, яко вси мертвени есмы: и челоуѣка не мняѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы *(вамъ)* конецъ всему, страхъ божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будетъ безъ сорама и вамъ будетъ добро. Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣаше 5 языкъ ⁽²⁾, въ томъ бо честь есть отъ пишѣхъ земль. Лѣность бо всему маги, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отецъ мой дѣяше блаженный и вси добріи мужи свершени, заутренюю отдавше Божови хвалу, и потомъ солнцю веходящу, и узрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ *(остальное)* грѣховъ своихъ покаявша, оправдавъ животь, тако похваляю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спавье есть отъ Бога

⁽¹⁾ Унеина—по объясненію г. Вуслаева, можетъ быть, *уне ина*, т. е. лучше накормить инаго, кого нибудь. Истор. христ., стр. 4759, Шевыревъ унеина переводитъ *хозяина*. Ист. Р. Слов., т. II, стр. 195. Лучше объяснять такъ: *юнеина*, малюго, слабюго, бѣднаго.

⁽²⁾ Выучился пяти языкамъ.

присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птицы, и челоуѣца.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквѣзъ Вятичѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску. И пакы 2-е къ Смоленьску, и т. д. *(слѣдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха)*. А всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока *(прочихъ)* не испомню меньшихъ. И мировъ есмь створилъ съ половеческими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ *(безъ)* отца. А дая скота много, и многы порты свои, и пустилъ есмь Половеческихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ 100... по чердамъ избѣено не съ 200 въ то время и лѣпшихъ. А се тружахся, ловы дѣя... конь дикихъ своими руками связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Роси ѣзда имахъ есмь своими руками тѣ же кони дикиѣ.

Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болѣ, а 2 лося, одинъ ногама топталъ, а другій рогома болѣ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подыклада укусилъ, лютый звѣрь *(волкъ)* скочилъ ко мнѣ на бедра, и копь со мною поверже: и Богъ неврежена мя съблюде, и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ унести своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая собѣ ушюкоя, напосадники не зря, ни на биричи *(позовищики)* самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ, то же и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есть сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ.

Да не зазрите мя, дѣти моя, ни инъ кто прочеть: не хвазю бо ся ни дерзості своею, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селяко (столько) лѣтъ соблюде отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣзнава мя быль створилъ худаго на вся дѣла человѣчская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, ѹтѣшѣтесе на вси дѣла добран, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасте, оже бо язъ (азъ, я) отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня сядався, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отънати, но отче добро есть блюсти. Божіе блюденіе лѣпше есть человѣческаго...

(Лавр. 100—107).

Сравни «Поученіе отца къ сыну» изъ Аныри. Отвѣд. Зап. 1835, № 2. Изв. Акад. 1835, 151—153. Послание ильковъ отца къ духовному сыну. Ист. Рус. Ц. Н., пр. 254.

Обратить вниманіе на княжескій бытъ.

207. Кавовическіе вопросы и отвѣты.

а) Вопросы Каврика до 1456. ⁽¹⁾. Оже будетъ кый (какой) человекъ и крещенъ въ латыньскую вѣру, и въсхождеть приступити къ намъ. Атъ (пусть) ходять въ церковь по 7 дній, а ты первѣе нарекъ ему имя, таже (потомъ) 4 молитвы стварай ему на день, иже то по

⁽¹⁾ Заглавіе въ руко: «Впрашаніе Кюрпково, оже впраша епископа мургородскаго Нлевнта и пнѣхъ».

10-жды молвяться; а мяса не дай, ни молока, и отъ оглашенныхъ. И тако осмый день измыется и придетъ къ тобѣ, и створи ему молитвы по обычаю и облечеши ѥ въ порты чисты, или сам ся, и надежши (надѣвши) ризы крестныя, и вѣнецъ, и тако помажеша ѥ святымъ мѣромъ, и дай ему свѣщо. А на литургіи даси ему причастіе, и тако держи ѥ, яко и новокрещенаго, Аще мощно и до осмага дне...

И се ми повѣдалъ чернецъ пискупль (епископскій) Лука Овдокимъ. Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину, преди крещеніи 40 дній поста, неъ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словѣнину за 8 дній; молуду лѣтяти все (в)другъ. А оже бы предъ за колко дній, а то то лучше вельми...

Достоннъ ли, рече, глиньву съсуду молитву даяти, оскверняю ся, ция (или) толико древяну, а виѣхъ избывати? — Якоже древяну, такоже глиньву, тако мѣди, и стьклу и серебру, и всему творится молитва.

А за упокой сице веляше служити: сорокоусте на гривну илтью служити, а на 6 кунъ одиноу, а на 12 кунчю, или како мога; но все за того единого и пѣніе и служба: того вино, темьянъ (емиалъ, ладанъ), и свѣщи. Проскуры всегдаже служи 3-ми проскурами: одину великую преже доры выити, идѣже мертвый не вмѣняется, а свѣтъ дѣтъ за упокой; а вино свое держа, куши въ корчагу, такоже темьянъ; а на томъ емли собѣ. А впрашай, рече, или самъ разумѣй: коли ты дати вѣверицѣ ⁽¹⁾, а на томъ елико службѣе, разложи свѣчи и все, рече ему: а еже бы елико субогъ вынимати за того и до сорочинъ (сорока дней); обаче много бываетъ свѣчь и

⁽¹⁾ Кунъ, паварицы, грипы — древнія монетныя единицы.

вѣриць. А нашь дѣла, рекше лихвы, тако веляше учить. Аже поща, то рци ему: недостойтъ ти служити, аще того не оставиши. А еже простѣца, то рци ему: недостойтъ ти имати и намъ. Мнѣ, рци, грѣхъ не молвише. Дажь (если же) не могутъ ся хабѣть (отстать), то рци ямъ: будите милосерди, възмете легко; аще по 5 куны далъ еси, а 3 куны вѣзми или 4.

И се Владыко, еже жены наиболѣ кланяются въ субботу до земля, тако молва: за упокой кланяемя? Бороши, рече, велими того: въ пятокъ по вечерни не дай, а въ недѣлю по вечерни достойтъ. Достойтъ ли рѣзати въ недѣлю, (въ воскресенье) скотъ, еже ся пригодить, или птица? Недѣля честнѣй день есть в пражьѣ, иже ити въ церковь и молитися, да того дѣла ать не тому стануть. Аже рѣзати въ недѣлю что хотяче, иѣту бѣды, ни грѣхъ, спроста, еже ся пригодить или пражьѣ или гостѣ, или что отпипудъ, невозбранно есть.

А иже се, рѣхъ: идуть въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другимъ азъ боропю (возбраняю), не вѣлю ити: сдѣлаю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ? Велими, рече, добро творяши: да того дѣла идеть, абы порозну (праздно) ходяче ясти и пити; а то ино зло, бороши, рече.

Аже се Родун Рожаницѣ кроють, хлѣбы и сиры и медъ? Бороныше велими, иѣгдѣ, рече, молвишь: горе пьющимъ рожаницѣ! Въ чистую недѣлю достойтъ медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣние близцемъ.

Прашахъ его: гдѣ есть крестъ честный? Тако повѣдають, рече, намъ: яко не доплеле Царяграда, егда обрѣтене възнеслься на небеса, тако зовуть мѣсто то: божие Вознесение, а на земли осталось подножие.

Кануть пѣти на заутрени праздникомъ и бесъ куги, а за упокой въ субботу. А крестити на блядѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, бобъ, соцевница, равифъ, на 4 части всоипше (всыпавъ) со шпенницею и съ коноплями, а олово который имѣюче.

Замедшу солнцю, недостойтъ мертвеца хороити, не рци тако: борзо дѣломъ, вѣли (авось, развѣ не) како успѣмъ до захода; не тако погрѣсти, яко и еще высоко, како и вѣнецъ ещѣ на сыйметъся съ него: то бо послѣднее видѣти солнце до общаго воскресения.

Еже кости мертвыхъ валяются кдѣ, то велика челоувѣку тому мзда, еже погребуть яхъ.

Икону погребли бяху съ мертвецемъ святаго Михаила, и не повелѣ възгребати (отрывать): Крестиль, рече, есть.

Прашахъ причащаніе дѣтемъ на Великѣй день. Остави, рече, въ великую субботу служивъ, причащаніе и дору (просфору), и дай по заутреней въ недѣлю; таже сыръ, яйца; любо си и не было на заутрени, часовъ не шой имѣ, и молитву творивъ имѣ, и тако дай причащаніе. Сеже написахъ тѣхъ дѣла, иже не могутъ до обѣда блюстися не ядуче; а съ осушими, коли хотяче причащатися, съсавше иѣту бѣды.

А еже то, рѣхъ: Яницею толчете въ зубы до обѣда, аще и велици? Еже малымъ, рече, то иѣту бѣды, причащаются; а иже съвершену, аще поше единоу потолчетъ, то иѣсть бѣды причащаются; а иже многажды а помил, а то акы обидно, того възбраняй. То кто, рече, кормить дѣтя, или роднал мати, или кормилица, да не ясть до обѣда; ащели ясть, то не дай дѣтяти причащаніа; а на обѣдѣ не ясти ей мяса, ни молока до осмаго дни, иѣдннѣй.

Иѣсть ли въ томъ грѣхъ, еже по грамагамъ ходити ногами, еже кто изрѣзавъ помечетъ, а слова будутъ знати? Рѣхъ ему: а еже, Владыко, се друзи

наложница водить ятъ и дѣтя родать, яко съ своею, и друзи съ многими зтай рабами, которое лучше? Се недобро, рече, ни се, ни оно.

Рѣхъ: владыко! аже пустити свободна? Сдѣ, рече, обычай мѣстъ таковъ; а лѣше много челоуѣка въкупити, абы ся и другая на томъ казнила (*наказывались, научались*). Протѣхъ же ему назъ нѣ-которой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятюкъ лежить челоуѣкъ, а зачѣтъ дѣтя, будетъ любо тать, любо разбойникъ, любо блудникъ, любо трепетивъ; а родителю опителю двѣ дѣтя. А ты книгъ годитесь съжечи.

А се прочтѣхъ ему, како опителю избавляеть 10 литургій за 4 мѣсяцы, а 20 за 8, а 30 за лѣто. Что, рече, что ся написано: Царь бы, али инни богати съгрѣшающе, а давали за ся службу, а сами ся не отречени мало. Неудобно. (¹)— Прашахъ брашна (*пищи*) дѣла, что-то ѣмы, егоже недостойтъ, али мы али бѣльци? Всѣ, рече, ѣсти, и въ рыбахъ и въ мясѣхъ, аще и самъ ся не зазрѣтъ, ни гнушается; ащели зазрѣтся, а ѣсть, грѣхъ есть ему.

А еже, рѣхъ, кровь рыбю ѣмы? Нѣту бѣды, рече, развѣ (*кромя*) животныя крѣве и плѣда.

Рѣхъ ему: творятъ инш, слышавше отъ инѣхъ Епископъ, яко застанешъ въ силѣхъ (*во силѣхъ*) уже удавивъшеся, ту зарѣжи, не вынимая, а сильцѣ того дѣла есть поставилъ. Лѣжють, рече, не молвѣнъ (*не говорилъ*) того викоторый же Епископъ. И прятчю рече такову. Тако глаголетъ Господь: азъ рѣхъ вамъ, ѣсти мяса, еже есть отъ земли, а кровъ всякого живота пролей на землю; ащели ѣси ю, противникъ еси Богу, тогда крѣвь въидѣтъ. Велии бороняшеть.

(¹) Эти книги, очевидно, относились къ числу апокрифическихъ, отреченныхъ.

А тетеревицу принесла ему блуху на ииръ, и повелѣ ему преметати чресъ тынъ (*заборъ*); я причащатися недостойтъ, рече, ѣдѣше. Яковъ братъ господинъ: ничего не възбравъ, рече, развѣ блуда, и доложертвенна, давленны, крове, звѣроядны, мертвечины. А смрадъ (*простонародье*) дѣла помолвѣхъ, нже по селомъ живутъ, а покаются у насъ, оже то друзи ядять вѣверчину (*бѣлку*) и вино. Злѣ, рече, въ злѣ ясти давленна; аще быша и вѣверчину али, али ино не давлено, вѣту бѣды,—вельми лѣжае (*Это весьма живо*) А молозница (¹), рече, лихо (*жудо*), негодно бы ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни тѣлѣти да али, а потомъ члѣстое самъ ѣли. И повѣда ему понинъ (*попъ*) его: ядять, рече, въ городѣ семь мнози. И онъ помѣльче (*сморчалъ*). А пѣрътъ дѣла (*о платѣхъ*), въ чемъ хотяче ходити? Нѣтутъ бѣды, хотя и въ медвѣднѣхъ.

Рѣхъ: аже мужъ будетъ грѣшенъ челоуѣкъ, яко связати (*опителю*) я на 10 лѣтъ, злѣ ли первая заповѣдь дати ему съ лѣто, али съ 2 или съ 3; еже отивудъ (*отпущѣ*) ему не ясти мяса, не меду шти и на великъ день (*на пасху*).

(Пам. XII в. 173—195).

б) Савины Главы: Въ кѣти иконы дѣржати али честный крестъ, достовѣ ли быти съ женою своею? Ни въ грѣхъ, рече, положена своя жена. Аще и что будетъ и вкусялъ али пилъ, толико честный крестъ цѣловаше, али ту пошь съблѣсти, чисто омышеша; цѣловаше, не ясти сѣла и мяса томъ дни. И Климентъ (*епископъ Климентъ*) баше повелѣлъ. А достойно есть кромѣ Въздвиженія цѣ-

(¹) Молозница—молоко съ кровью, когда только стелется корова.

ловати, ясти все и мясо, или гладати, или надѣти на кого,—цѣловати яльше все.

Аше случитъся платъ (*лоскутъ*) женьскый въ портъ (*въ платье*) вышити попу, достойтъ ли въ томъ служити портъ? И рече: достойтъ, ци (*чѣмъ*) погана есть жена?

Аще грѣхомъ упуститъ проскуру на землю, достойтъ ли проскурисати (*служить*)? И рече: достойтъ, како си падеть, отерше добръ.

Достойтъ ли, рече, другое говѣніе молду дѣтяти обаче молоко ѣсти, аже будетъ болю, ци лучше уморити, аще ли матеръ одну, то хотяче 3 лѣта, или 4 или 5, аже не будетъ другаго дѣтяти по немъ.

(Пам. XII в. 195—200).

в] Илїины правила до 1186. А сего прашахъ: аже въ работѣ (*въ рабствѣ*) суть душегубци? И повелѣ ми на полы (*на двое*) дати, и лъжае: неволяи бо, рече, суть. А сего прашахъ: аже у себѣ кладутъ дѣти спяче, и угвѣтають (*задавливаютъ*), убійство ли есть? Онъ же рече: аже терезви, то легчае; ала пьяни, то убійство есть.

А сего прашахъ: аже жены дѣлающе, что-либо страду, и вережаются, и изме-тають⁽¹⁾? Онъ же рече ми: аже не зельемъ (*травой*) вережаются, нѣту за то опитемя.

А се есть у жеи: аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омывають тѣло свое водою, и ту воду даютъ мужемъ. Повелѣ ми дати опитемя 6 недѣль, в-оже лѣто отъ причащенья (*отлучать*). А ожи се носили къ варяжьскому попу дѣти на молитву? 6 недѣль опитемя, рече, зане-

(¹) Отъ трудной работы повреждаютъ себя и выкидываютъ ребенка.

же аки двовѣрци суть. А еже дѣти дѣла жены творять что либо; а еже възболать, или къ възхвамъ несуть, а не къ попови на молитву? То 6 недѣль или 3, оже (*если*) будутъ молоди.

(Пам. XII в. 200).

Всѣ эти вопросы Кирика и другихъ и ответы на нихъ имѣютъ для насъ довольно важное значеніе и историческое, и каноническое. Историческое: потому что они живо отображаютъ духъ того времени, когда жизнь Кирика, и показываютъ много обычай, тогда у насъ существовавшихъ, остатки языческихъ суевѣрій, состояніе нравственности въ нашемъ народѣ и духовенствѣ, какія предметы наиболѣе занимали нашихъ пастырей и какъ смотрѣли они на эти предметы. Каноническое: потому что одни изъ обычаевъ, записанныхъ Кирикомъ, (большая часть) суть не что иное, какъ приложение древнихъ церковныхъ каноновъ къ частнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ церкви русской, а другие, не многіе, представляютъ собою личныя мнѣнія нашихъ отечественныхъ пастырей; во всякомъ же случаѣ тѣ и другіе равно служатъ памятникомъ собственно русскаго церковнаго законодательства. (Ист. Рус. Ц. III, 197).

Свѣдѣнія о Кирикѣ м. Евгеніа. Зап. и Труды общ. Ист. 1828 г. IV, 1, 122.

Для истории пѣнія въ Рос. Москвит. 1841. IX, 191—207. 1846 VI, 173—174. Замѣч. для истории церковн. пѣнія въ Рос. В. М. Ундольскаго. Чт. общ. ист. 1846, № 3, стр. 1—16. О пѣніи въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1849. № 7 и 8. О древнерус. пѣніи. День 1864, № 17. Рус. елѣна. 1864, № 9. Изв. Археол. общ. 1864. V, вып. 4. Чт. въ москов. общ. любителей просвѣщ. М. 1863. 55—64. Древнее Русское пѣніе Рязумовскаго.

208. Споръ о постѣ.

Въ 1164 г. Леонъ епискупъ не по правдѣ поставился, перехвативъ Нестерова столъ, и еще Нестеру сущю живу; и введе ересь, почя учити въ Суздагѣ не ясти мяса въ Господьскыя праздники, въ среду и пятны, на Рождество Христово и на Крещеніе. И бысть тяжа (*споръ*) велика про то, и уиръ (*оспорилъ*) его

владыка Феодоръ предъ княземъ Андрѣемъ; онъ же иде ко Царюграду, и тамо упрѣ его предъ царемъ Мануиломъ Андрѣанъ архіепискупъ Болгарскій. Оному же молвишу и на цара, и удариша ѿ слугы царевы, сущимъ ту посломъ всемъ, Кіевскимъ и Черниговскимъ и Суздальскимъ.

(I Софійс. 162).

209. Расканіе Игоря въ плѣну 1185.

Рече Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитіе створи хъ въ землѣ крестьянскій, яко же бо азъ не пощадѣ хрестіанъ, но взяхъ на шить г. Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало яло подъяша безвинныи хрестіанъ, отлучаема отецъ отъ роженій своихъ, брать отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своей. И все смѣтено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живѣи мертвымъ заидати, а мертвыи радовахуся, аки мученица святѣхъ, огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахутся, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же прѣстѣаеи и разсѣкаеи бывають. И та вся створи хъ азъ, рече Игорь, не достойно ми башеть жити; и се нынѣ явлю отместье отъ Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожденія моего? гдѣ бояре думаютъ? гдѣ мужи храбрѣеующи? гдѣ рядъ полчннъ? гдѣ кони и оружья многоцѣнная? Не отъ всего ли того облажился, и связавъ преда мя въ руки незаконнымъ тѣмъ (Половцамъ)? Се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на

на мя, и сядоша днесь грѣси мои на главу мою: истиненъ Господь и правъ суди Его зѣло,—азъ же убо не имамъ со живыми части; се же нынѣ виждо, другая мученія вѣмца пріемлюще; почто азъ единъ повинный не пріяхъ страсти за вся си? Но, владыкѣ Господи, Боже мой, не отрини мене до конца; но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ Твоимъ.

Замѣчательно, что князья сознавали зло, какое наносили хрестіанамъ въ войнѣ, и не мирились съ нимъ равнодушно; а при первой невзгодѣ раскаивались въ немъ и несчастье считали Божиимъ наказаніемъ за жестокости противъ своихъ соотечественниковъ. И жестокости однако, во время войны, бывали страшныя, какъ видно изъ этого исповѣданія Игоря.

(Ипат. 131)

Обратить вниманіе на жестокость неренія войны въ древнее время.

210. Изъ слова о богатомъ и убогомъ до 1200.

...Безвѣстно бо есть наше житіе: не оставаяй богатства своего имѣти, не тружымъся о немъ; яко бо тать въ нощи, тако находить съмъртъ; ты тамо отыидети, а имѣніе твоѣ сѣе оставеть; ты желашъ тамо капля вѣдныя, а сѣе имѣніе богатство твоѣ дѣлать. Также възхотѣ богатый онъ, емъ въ огни капля вѣдныя, и Моляше Авраама, глаголя: «пошлюу мя и послѣ Лазоря, да малымъ црѣстѣмъ съвларжитъ ми устыѣ, яко болю въ пламени семь лютѣ. Тѣ (тоѣ) богато на земли живяше: въ багрѣ и пѣ паволоцѣ хожаше; кони его тучьны, иноходи, а ... ликовствующе, златыя тварьны (збруей) украшени, сѣдла его позлащена; раби его предите-

куще мнози въ брачанѣ и въ гривнахъ златахъ, а друзи позади въ мовистѣхъ и въ обручнхъ, и отълннуть рещи—въ велицѣ слави изаази. На обѣдѣ же служба бѣ многа; съсуди златѣмъ съковани и сребрѣмъ; брашно много и различно—тетеря, гуси, жеравле, рябі, голуби, кури, зайци, елени, вепрева (кабаны), дичина, чашѣря, търгове, печени, крыпаная, шемь-лвзи, цпро(го)ве, пѣтъкы (птицы); множество сакачип (поваровъ) работающе и дѣлающе съ потѣмъ, и мнози текуще, и на прѣгѣхъ блюда нослще, ини же махающе съ боязливю; чашѣ ерѣбрыны великыя позлащены, кубыци и котлы; пѣтне же многое—медъ и квасъ, вино, медъ чистыи пѣльряны; иития обшошная съ гусльми и свирѣльми; веселіе многое—ласкавыци, шыишеле, празднословыци, смѣхословыци, плясанин, мързостн, въплеве, пѣсни. Готовитъ же ему и одръ настланъ перныи поволочитыхъ; възлежасму щю же ему и не могуциу уснути, друзи ему нозѣ гладятъ, ини по лядвѣмъ тѣшатъ его, ини по плечема чолпють, ини гудуть, ини бажуть ему п кощюиать. Така бѣ слава и богатаго! Бѣ же единъ пищъ, именьмъ Лазоръ, и лежаше прѣдъ враты богатаго, и желаше насытитися отъ крупицъ ладающихъ съ тропезы богатаго; видя же его богатыи откращаше лице свое, гиушався его... Бысть умрети богатому, и донесену быти въ муку вѣчнѣю; умре же и иншии Лазоръ, и донесенъ бысть ангелы на лоно Авраамле. И сый въ огни, богатыи, видя Лазора на лонѣ почивающа Авраамли, и позия его и възъпн, глаголя: «помянуи мѧ, отче Авраме, і послѣ Лазора, да съмочитъ мѧ водою устѣвѣ прѣстѣмъ своимъ, яко горю въ пламени еемъ. О, богатыи! кде ти богатство? кде ти злато? кдѣ гърдѣиные множествѣмъ рабѣ? кде медъ проливаемый? А нынѣ капля водныя желеши. Кде трапеза великая и обильная? Кдѣ суть, иже ти цотакowy

творяху, иже ты ласкаху? Не все ли бѣ стѣнныи и мномо иде и хуже паучины!...

(Иза. Акад. X, 548—549).

На это слово походить слово Исихія, напримъ: «Ты аси тетеря, гуси, ряби, куры, голуби и прочее брашно различно а убогыи хлѣба не имать чимъ чрѣво насытити; ты же облачшиися и ходиши въ паволоцѣхъ и въ кунахъ, а убогыи руба (рубашики) не имать на телеси; ты же жи въ дому повалуишь иеньсавъ, а убогыи не имать кдѣ главы подѣклонити. Но и ты, богатыи, умрешн, и останеи домъ твои, присно обличая твоя дѣяния; каждо отъ мноходящихъ глаголетъ: «съ (аотъ) домъ оного есть хищника (иже?)... сироты облупи; осе дворъ его тѣшь (пустъ)»... Не рѣца ми, яко бояряиъ есмь, ли посадникъ,—азъ волоста (властей) не хую, нъ хую строящихъ доброе злѣт.

(Тамъ же 550).

Оба эти слова переводныя, но приспособлены къ быту древнерусскаго богача.

211 Похвалы княгинямъ.

1. Благовѣрная княгиня Всеволожая (ум. 1206) изъ дѣтека въ страсть Божью любяше правду, въздаючи честь епископомъ и игуменомъ и черницемъ и презвитеромъ, и любяше черноризецъ и подаваше требованіе нѣтъ; бышеть бо нищелюбца и страннолюбца, печалима и нужныи (бѣдныи) и болныи тѣхъ вѣстѣхъ утѣшаше, и подаваше имъ требованіе.

(Н. С. Лст. I, 178)

2. Въ 6883 (1375 г.) преставися въ Нижнемъ Поѣтгородѣ в. кн. Андреа Константиновича супруга, в. княгиня

Васса, во иноцѣхъ Феодора, и положена въ соборной церкви благолѣпнаго Преображенія. Ся блаженная, памяти достойная в. кн-ня Васса, въ супружество съ благолѣпн. кн. Андреемъ Константиновичемъ вступила съ 6839 (1331 г.) родомъ града Твери, отца Іоанна славнаго дщи и матери Анны. Бысть во дни державы в. кн. Іоанна Данил. Калиты и м-та Феогноста, съ младенчества научиса божеств. писанию, и восхотѣ во иноческій облечися образъ; но родители ея нуждею иробицши законному браку за помилутаго князя, двюнадесяти лѣтомъ сущю; въ супружествѣ жила 13 лѣтъ во всякомъ цѣломудрїи и воздержанїи, умышлѣнной молитвѣ и нескудной милостынѣ, пасушая глѣбо своею постомъ и чистотою, а нощь свѣтлымъ одѣянемъ власиницу ишаще. По преставленїи же супруга своего, злато серебро, жемчугъ и одержды многоцѣнныя раздала, — ово нищымъ, ово церквямъ божїимъ и монастырямъ, — и всѣхъ свободи (рабоет). Внуде сама въ монастырь, его же созда во имя пресв. Богородицы честнаго Ея Зачатїя, и пострижена во иноческій образъ, и наречена бысть Феодора, — и пребываше въ богоугодномъ постническомъ житїи безмолвно въ непрестанныхъ молитвахъ, и во чтенїи книжномъ, и питашеся рукодѣлїемъ. Таковому богоудному Ея житїю ревнующи княжскаго дому и боярыни, вдовы и дѣвицы, мнози созволиша въ томъ же монастырѣ постричься, ихъ же бѣ числомъ 110 старїцъ, — и всѣ обще жестокомъ и трудолюбивымъ житїемъ живяху. Блаженная же княгиня инокиня Феодора, аще и къ старости достиже, но добраго начатаго того подвига не остави, но ище жестокомъ и дивнымъ подвигомъ препроводи дни своя.

Нижнегор. Лѣт. Византика Н. Ив. Новикова. ч. XVIII, стр. 79—80 изд. 2-е м. 1791 г.)

212. Похвалы князямъ

1, Въ лѣто 6720 (1212) илїкта, м. априля въ 14 день, на память св. Мартина папы римскаго, преставися в. князь Всеволодъ, именовавый въ св. крещенїи Дмитрій, сынъ Гюргевъ благочестиваго князя всея Руси, внукъ Володимера Мономаха, княживъ въ суждальстѣи земли лѣтъ 30 и 7. Много мужествовалъ и дерзость имѣвъ, на брапехъ показивъ, украсивъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленныя милуя: «князь бо не туге мечъ носить въ мечь злодѣемъ, а въ похвалу добро творящимъ». Сего имени токмо трепетаху вся страны, и по всей земли изиде слухъ (слава) его, и и вся злосмыслы (враги) его вда Богъ нощь рудѣ его: понеже не възвѣшашеся, ни величашеся о собѣ, но на Бога все възлагаше всю свою надежу, и Богъ покараше подъ нозѣ его вся враги его. Многы же церкви созда по власти (воло-сти, земля) своей, ибо созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ св. мученика Дмитрія, и украси ю дивно иконами и писанїемъ, и принесъ доску гробную изъ Селуня св. мученика Дмитрія, юро не-престанно точащу на здравье немощнымъ, въ той церкви постави, и сорочку того же мученика ту же положи; и монастырь созда, въ немъ церковь камену Рождество св. Богородица, и ту также исполни всѣмъ исполненїемъ, имѣя присно страхъ божїй въ сердци своемъ, подавая требующимъ милостыню, судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обидѣя лица сильныхъ своихъ бояръ, обидѣвшихъ меньшихъ и роботящихъ сироты и насилье творящимъ; любяше же по многу черноризецскій и поповскій чины. Тѣмъ и дарова ему Богъ чада добросмыслена, иже и вспята въ наказаньи, въ разумѣ свершенъ, доже и до мужества.

(П. С. Лѣт. I, 184—185).

Еще о Васильѣ св. тамъ же стр. 199.

2. Бѣ Юрьи сынъ благоутраго отца Всеволода украсенъ добрыми нравы⁽¹⁾, иже имена вмаѣ повѣмы: се бо чюдный князь Юрьи потщася божья заповѣди храни, и божій страхъ присно имѣя въ сердци, поминая слово господне, еже рече: «о семъ познають вы вси чловѣци, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга»; не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добротворите ненавидящимъ васъ. Всякъ зломысль его, безбожныя Татары отпущаше одарены, бяхуть бо прежде прислали послы свои зли ти кровопийци, рекуще: мирися съ нами; онъ же того не хоташе, якоже Пророкъ глаголетъ: «брань славна лучше есть мира студна», си бо безбожныи со живымъ миромъ живуше, велику пакость землямъ творять, еже и здѣ многа зла створиша. Богъ бо казнить напасти различными, да явятся яко злато искушено въ горнилѣ, хрестьяномъ бо многими напастми внити въ царство небесное; самъ бо Христосъ Богъ рече: «нужно есть царство небесное, и нужници възсхытають е⁽²⁾». Георгіе, мужество тезоимените! Кровью омывъся страданья твѣ; аще бо не напасть, то не вѣнецъ, аще не мука, ни дарове; всякій бо держася добродѣтели, не можетъ безъ многихъ врагъ быти. Милостивъ же бѣше паче мѣры, поминая слово господне: «блаженни милостиви, яко ти помиловани будутъ»; тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зина (*созидалъ*) и украсяя иконами безцѣнными и книгами, и грады многи постави, паче же Новъгородъ второй (*Нижний*) постави на Волзѣ усть Оки, и церкви многи

⁽¹⁾ Георгій убитъ Татарами въ 1237.

⁽²⁾ Возсхытають его *Матв. XI, 12* Далѣе сочинителю сказанія о убійствѣ Андрея Андрей—мужество, но Георгій—земле-чка.

созда и манастирь св. Богородица Новъгородѣ; чтяше же излиха чернеческыи чинъ и поповскыи, подая имъ еже на потребу, тѣмъ и Богъ прошенья его свершаше, исполни лѣта его въ добродѣствѣхъ. И посѣде (*сидѣлъ*) въ Володимирѣ па отни столѣ лѣтъ 20 и 4, а на 5 убои въ бысть отъ безбожныхъ и поганыхъ Татаръ.

(П. С. Лпт. I, 200).

213. Похвалы епископамъ

4. Въ лѣто 6724 (1212). Преставися епископъ Ростовскыи Пахомій, и положенъ бысть въ церкви св. Богородица, въ своей епископѣ. Съ (*сей*) бѣ блаженный епископъ избраникъ божій, и истинный бѣ пастырь, а не наймникъ; съ бѣ агня (*ягненокъ*), а не волкъ, не бѣ бо хитая (*похищала*) отъ чюжихъ домовъ богатства, ни собирая его, ни тѣмъ хваляся, но паче обличаше грабителя и мздоимца, поревновавъ праву Златоустаго и переходя отъ дѣла въ дѣло уншее (*меньшее*), сиротами добръ пекылся, милости въ зѣло къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому, не согбенъ руцъ имѣя на вданье ихъ, но отверженъ отиудъ, смѣренъ, кротокъ, исполнивъ книжнаго ученья, вѣтми дѣлы утѣшая печальныя, не хваляся ни о чемъ же суетствомъ (*ничтожествомъ*) пустыннаго свѣта сего, еже скоро мимоидеть и хуже паучины, но паче хваляся глаголаше, Павлово слово поминая: «мнѣ ни о чемъ же буди хвалити ся, токмо о крестѣ Христовѣ, имъ же маѣ мѣръ распяты, и азъ мірови»; обычныя молбы къ Богу въздая, побѣдивъ мръскую похоть, червьчествовавъ иже добръ исправлено лѣтъ 5 въ Печерскомъ манастирѣ, и пакы свое стадо

духовно въ монастыри св. Петра лѣтъ 13, а епископью державъ 2 лѣта, отъиде къ Богу. Костянтиѣ же, христіолобивый Князь, съ епископомъ Симеономъ и со всеми черноризцы спрятавше тѣло его честно, вложиша ѣ въ гробъ у св. Богородица Ростовъ.

(П. С. Лѣт. I, 185—186).

Эта похвала слишкомъ общая и фразистая: она весьма хорошо характеризуетъ суздальскаго лѣтописца.

2, Въведоша (1231) свяшеннаго епископа Кирила въ св. сборную церковь св. Богородица, м. мая 18, въ недѣлю всехъ святыхъ: и сѣде на столѣ своемъ, на столыицѣхъ сыи и наместыицѣхъ св. епископы прежебывши Ростовъ, Леонтья св. и священнаго епископа Исаѣи и Нестера, и всехъ, яже почиша, паше св. церковь; сего же произведе Богъ въ двѣ сія, яже не оставимъ же прежихъ епископъ, вѣдѣдунъ враномъ ихъ и ученью, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа (показываю). И вся приходящая удивлесея, князя же и вельможъ, всякъ позрастъ града Ростова, не токмо же простыя, но и попы и игумены и весь черноризьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ св. сборную церковь св. Богородица, ово послушающе ученья его еже отъ св. книгъ, ова же хотяще видѣти украшенъ св. церкви пречистыя владычца нашея Богородица. Бысть убо украшенъ ея чудно зѣло, якоже не бысть о прежебывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ въ (звѣсть) или будетъ. Леонтьи убо св. священный епископъ, то просвѣти се. крещеньемъ градъ Ростовъ, се же священный епископъ Кирилъ украси св. церковь св. Богородица иконами многоцѣнными, иже несть мощи и сказати, и съ предолы, рекше пелены; причины же и кивота 2

многоцѣнна, и ивдѣють многоцѣнну доспѣ на св. трипезѣ, ссуди же и рипиды, иво много множество всякихъ узорочей; причли же двери церковныя прекрасны, яже наричются (называются) златыя, сущая на полуденной страпѣ; паче же наипаче внесе въ св. церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленъе и покровъ и утверженье граду Ростову, и христіолобцу князю Василкоу, и княгинѣ его и сынови его Борису, и всемъ вѣроу приходящимъ въ св. церковь. Любобному ученью же и тицанью двелся сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узѣхъ нѣстѣхъ нѣномъ и во входѣхъ написанъя собѣхъ вдахъ⁽¹⁾, сего первого словесе дѣтеля написати..... Кирилъ священный епископъ въ 1-е лѣто, въ оны же поставленъ бысть епископомъ богохраняемому граду Ростову, многы добродѣтели показа, якоже истинный святитель, а не наиникъ; якоже самъ истинна Христосъ рече въ св. Евангеліи: «отдадите убо Кесарева Кесареви». Се наполняя (исполняя) писанъя, княземъ бо и бояромъ и всемъ вельможамъ бысть на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помагая, печальныя утѣшая, ницая милуя, наполняя слово ап. Павла: «всѣмъ всяко быхъ, да вся приобрящу»... Много бо попеченье створи о церкви св. Богородица, еже преже сказаномъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне пачаая и переходя отъ дѣла въ дѣло.

(П. С. Лѣт. I, 195).

(1) Лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что оны гдѣ-то въ пѣни церкви записывалъ поученія Кирилла.

214. Изъ Слова Серапіона о кончинѣ міра до 1275

Богтесея, братіе, грозы и страха суда божіа, внезапно бо день той найдетъ страшный, аще не уготовимся добродѣтели, то назіи страннии в негасимый огнь осудимся. О братіе, живите во страхѣ божіи. время бо житіа сего мало есть, яко дымъ исчезаетъ, и много намъ бѣды за грѣхи прилучается и скорбь не мала: поганьская нашествіа, людѣмъ движеніе, переквамъ нестроеніе, княземъ неуцравленіе, безчиніе священникомъ, токмо плотскимъ угажати начнутъ, а духовныхъ не пытаются, и игумены такожъ. А черницы будутъ на пиръ тѣловъ и тяжелии будутъ и гнѣвливи, неподобная (не похожая на) отецъ святыхъ житіа имущихъ. Владыки будутъ стыдящися лицъ сильныхъ, судяще по мздѣ, обидяще сироты, не заступающе вдовицъ и убогихъ. Внидетъ же въ люди невѣріе и блудъ, и оставя челоуѣцы правду, а не правду творити начнутъ. И в таковыхъ днѣхъ, аще кто хочеть, той спасетсѣ, и великъ наречетсѣ въ царствіи небеснемъ. Тако бо и въ дни быша Ноевы, аяху и шяху, желяхуся, прійде же потопъ, и вся погуби за беззаконіе... Тѣмже хотай спастисѣ, нынѣ подишѣ смиреніемъ, алканіемъ и милостивіемъ. Аще бо кто любимъ, и в разбойники впадетъ, како то умилено молится, да быша дали животъ, а имѣніе взяли быша. Да како, братіе, се не зло, худаго дѣла живота всего лишаемся, а душевнаго участія почто щадимъ неимущимъ давати, почто сѣ не прѣмѣнимъ от злѣ, и не хошемъ сердца на покаяніе приклонити. И земля убо от лица господня трясетсѣ намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша божіимъ гнѣвомъ. Ни тако не убояхомся, но не престаемъ зло творяще, и поганяи Богъ попусти на ны. Сынове и дщери наша в поруганіе быша, и в полонъ, да быхомъ убоялися, но мы

единако (одинаково) неправды дѣемъ, гнѣва и зависти не останемъ, блуда и пьянства и грабленія не лишимся, и прочяхъ злѣ, яже в ненависть Богу. О братіе, доколѣ есть время покаянію, потщимся в добродѣтели быти, и будемъ милостивы, да милостивъ Господь будетъ намъ.

215. Кто же о шатежи житіа сего.

Уже ваводит ны время на дѣло вѣчнаго живота и неразримыи славы. Сію бо жизнь примлетъ смерть, а славу постигаютъ студи мнози⁽¹⁾. Прже бо года от велможъ в пес мѣста (какъ собакъ) во ад сведени быша, а богати послѣди обнищаша. И судья охужени осуженны бысть радуютсѣ, и восплакшѣ дряжаву погуби⁽²⁾ и ничтоже нѣсть извѣсто (не твердо) в челоуѣцѣхъ, но вся сѣ стропотна сѣуть. Не иному землю изхвати, а нынѣ имѣніе отыат, и того село слышавше (слыло), а домъ иного нынѣ есть. Друзіи же имѣніа не насыщешасѣ, и свободныа сирота порабощают и продают, нини крадут, и разбиваютъ, а имѣніе хошют собрати. И сии вся огнь на своя главы берутъ: ничто правды нѣст в миру. Чада бесчествуют родителя своя, а отцы своихъ дѣтей отмещаются. Нѣст другу вѣры имѣти и не надѣя бо сѣ на брата. Мирная бо благодать⁽³⁾, а в себѣ злая мыслит и усты токмо любятея, и леств и зависть токмо жирует (живетъ) в васъ, и не сытоестъ дряжите. А никто Бога не поминетъ, но яко безсмертнии творятсѣ, и никто осужденіа

(1) Славу міра постигаютъ поспрашениа, стыдъ.

(2) Судья радуется, осуждая подсудимыхъ, а потопъ восплакать, когда потеряетъ власть.

(3) Т. е. на словахъ обѣщаетъ миръ.

часть умерших пріяти. Сего дѣла казни отъ Бога приходятъ на вы, заже злая творимъ. Сплу намъ даль ест, да правду и немъ содѣемъ, мы же безаконна в немъ содѣваемъ. Богатство намъ даль ест, да отъ него немущимъ подамы и убогимъ. Мы же обидимъ еще сирот, и вдовамъ населяемъ, и убогихъ отънимаемъ. Области намъ поручилъ ест, да быхомъ обидныя избавляли. Мы же обидимъ, а праваго по мзѣ винимъ. Нѣтъ праваго пути, ни суда права: погыбе любви, ненависть умножится, добродѣтели уничижена быст, изволено цѣломудріе, почтено быст возвышеніе и гордость, погыбе истина, и лжа покрыи землю. Области в глубина божіа долготрѣвія! Яко немощетъ о всѣхъ нашихъ злобахъ, не яко не могли насъ мучити, но отъ кождо насъ покояши ждетъ и обращеніа чааетъ, а не пріимлетъ гнѣва, но милосердуетъ о насъ, яко чадолюбивый отецъ.

(Павосл. Собесѣдн. 1858, II, 475—484).

216. Поученіе митроп. Патра послѣ 1308, къ епископомъ, и кономъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и дьякономъ и ко всѣмъ православнымъ крестьяномъ, какъ ходити по закону крестьянскому.

Пльства лишайтесь и лишнихъ прворъ; коли бываетъ говѣйно (постъ), тогда бы лишнихъ прворъ не было, а вы, священныи чинъ вѣка сего, лишайтесь пльства въ говѣйно; а который священникъ учнетъ пль до обѣда, ино быти ему безъ ризъ да предетовтъ въ церкви ко всякому правду церковному. А дѣти своя духовныя учите къ церкви приходати, велите плакаться о своихъ грѣсѣхъ къ Богу, а постъ честно держащи, ни козлю-

гласованіемъ, ни обѣденіемъ ни пьянствомъ, но св. дары имати съ году на годъ (ежегодно); а кто не емлетъ св. даровъ, попове тѣхъ людей не благословяйте, а проскуръ отъ нихъ не пріимайте и въ домъ ихъ не входите. А гдѣ будетъ не дароимецъ (непричащающійся св. таинъ) на пиру, или въ братчану пріедетъ, и вы, попове, плите ихъ вонъ, а съ ними не пейте, ни яжьше, ни хлѣба имъ Богородицына не давайте⁽¹⁾: то есть не крестьянны, не дароимецъ, дара христовъ не пріимлетъ: лучше бы не родитися тѣмъ. Блудникъ человекъ ходитъ основою супротивякъ вѣрѣ Христовѣ; а который поплъ не учитъ ихъ, а имъ (тогда) вѣтаковникъ; а проскуръ отъ нихъ не пріимайте, а въ церковь ихъ не вущайте; а который поплъ хлѣбецъ Богородицынъ даваетъ, быти тому попу безъ ризъ, заже поручаякъ стаду; воленъ отецъ духовный сына вязати и разрѣшити. Св. отцы глаголютъ 318⁽²⁾: его же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ и на нбеси. Таковы, человекъ, хулиши служи божіа, отцу своему духовному ласти или бьеша, то есть дьяволъ; а по правилу св. отецъ Василія В., Григорія Б. и Іоанна З. и всѣхъ св. отецъ по уставу, таковыхъ руки отсѣчь, а въ винѣ воленъ господинъ таковыхъ. И дѣти родимаго отца и матери чтѣте, и вы долголѣтны будете; а лая отцу или матери или бьетъ, той умретъ злою, лютою смертію. Смерть грѣшнику люта, Давидъ глаголетъ. А который у васъ похочетъ имати съ году на годъ св. дары, то давалъ бы по себѣ порукъ, что имъ васъ слушать. А въ

(1) Т. е. просфоры, изъ которой вынимается во время проскомидіи частица во славу Богородицы.

(2) Т. е. 318 св. отецъ, бывшихъ на 1 вселенс. соборѣ.

пиру случится до обѣда ялъ, Богородицына хлѣбца не давай. А который мужъ женится тремя женами, или женѣ три мужъ, тѣхъ по божеству. правялу св. отецъ великаго Василья, не давати имъ причастья святаго; а отъ правила церковнаго отлучити, а съ женою третьею разлучити; аще кто будетъ добръ (*слишкомъ*) младъ, а дѣтей не будетъ отъ нихъ отъ перваго или втораго, тому надобѣ разсуженье съ великою епитимьею понати третью жену.

Аще учите дѣтей духовныхъ отъ сквернословья, не подобно что заютъ отцемъ или матери; занеже того въ крестьянѣхъ вѣтъ; тако учите родители своихъ дѣтей измлада, чтобы не навывали говорити лихихъ словъ; а который не учитъ васъ слушати, тѣхъ отъ церкви отлучити, а св. причащенья не давати имъ, ни даровъ ни Богородицына хлѣбца. И пакы учите ихъ, чтобы басней не баяли, ни лихихъ бабъ не принимали, ни узовъ, ни приношений, ни зелье, ни вороженье, занеже божье того дѣла приходитъ разгнѣваніе; а гдѣ таковыи лихія бабы приходятъ, учите ихъ отъ такового обычая престати, да покаяли бы ся. А имутъ васъ попове не слушати, и вы ихъ не благословляйте; а крестьяномъ заказывайте, чтобы бабъ межи собою не держали, но гоняйте ихъ отъ себе, и сами бы отъ нихъ бѣгали; а кто не иметъ васъ слушати, и вы бы тѣхъ такоже отъ церквей отгнали. Яко а творите вѣщаніе, по обѣди, а въ полднѣ не вѣщайте. Крещенье творите по преданію св. апостолъ: не обливайте водою, но погружайте въ воду трижды, глаголя на первое погруженіе: *во имя Отца*, на второе: *и Сына*, на третье: *и св. Духа*; да потомъ мажете масломъ; а кумъ одинъ, или кума одна: мужескъ полъ, ино—(такъ) кумъ, а женскъ полъ, ино кума. А который игуменъ или попъ, или чернецъ торговалъ прежде сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ

сѣхъ имѣть не было, занеже вамъ казненнымъ быти за то отъ Бога—отцы святыми и апостолы святыми; не благословляютъ ихъ, и азъ не благословлю. А еще бы дѣвцы не вѣщали меньше 12 лѣтъ, но вѣщайте 13 лѣтъ. А въ единомъ бо монастыри черницы съ черницами не жили, но собѣ (*особо*) въ опришнемъ (*въ другомъ*) монастыри; смотрите того, гдѣ черницы, тутъ бы и игуменъ; а гдѣ черницы, тутъ бы попы бѣльцы съ попадьями, а вдовца бы поца тутъ не было. А еще о семъ я молю и пишу вамъ: аще который человекъ позовется на поже (*на судебный поединокъ*), приндетъ ко-ему попу да восхошетъ причастствися, и вы ему причастья святаго не давайте; а который попъ дастъ ему причастье святое, аще убьютъ на поли того, ино тотъ попъ поповства лишень будетъ чрезъ сію заповѣдь. А кто лѣвши на поли убьютъ, ино душегубецъ именуется: по В. Василья слову, въ церковь ему не входитьи 20 лѣтъ, а св. причастія не примать даровъ, ни Богородицына хлѣбца; а будетъ убитъ на поли, ино его псомъ поврещи (*броситъ собакомъ*), а не проводить его; а который попъ проводить (*на похоронѣ*), тотъ попъ поповства лишень. А се о семъ пишу по правилу св. отецъ: отца духовнаго чтите, печатъ есть твоего тѣла. А вшедши въ церковь, стой честно, со страхомъ слушайте чтенія апостола, и евангелія и всего пѣнія; а кто говоритъ въ церкви, то шепчетъ дьяволъ въ уши наши и серапа разжизаетъ на многое глаголаніе; вельми грѣшно есть въ церкви говорити; то бо есть домъ божій. Приходитъ къ церкви милостиву приносяще о своемъ согрѣшеніи, плакатиися, смертныи чашъ поимати на всяко время, молитися Господеву, да и на страшномъ судѣ твоемъ отвѣтъ добрый в гласъ твой слышати: приидте, благословенія отца моего, наследуйте царство небесное отъ сложенія міра всего; се убо

тованное вамъ царство небесное отца моего; праведницы яко съѣдоша сѣютъ; а грѣшнымъ Господь рече: отыдите отъ мене, проклятія, не знаю васъ, во огнь вѣчный и мѹку вѣчную: тогда будетъ плачь и скрежетъ зубомъ; но нынѣ пе- щитесь къ покаянію, скорданныя муки избавитесь. Горе не даровицу! На что ей надѣть? Творится человѣкъ божій, и тѣла христова не признаетъ. Но вы, по- поне, не благословляйте ихъ, а въ цер- ковь ихъ не пушайте; то ходятъ пси; но пещь господина своего стережетъ. И сія заповѣдь Спасовы не признаетъ, се есть дьяволъ, а не человѣкъ.

Аще бы ты на земли, ерей, сильный человѣкъ, не бойся никого; се есть слу- га божій, еси учитель стаду своему: ов- цы пастуха своего слушаютъ, а по чу- жему не ходятъ; аще же увидеть волкъ въ стадо и распулять овцы, о горе па- стуху, иже овецъ своихъ не блюдетъ! руно съ нихъ съемлетъ пастухъ; се овецъ своихъ не блюдетъ, да останется, отходить, въ грѣхъ не упадетъ⁽¹⁾.

Но слышите слово божіе: да кто цер- ковь божію, или слугу церковнаго прио- бидитъ, а того Богъ приобидитъ. А ко- торый іерей св. литургію священствовалъ, тогда царя честнѣй: никто бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человѣкъ есть отъ небес- ныхъ силъ. А кто се правилъ св. отецъ не слушаетъ Васильевыхъ, Григорьевыхъ, Залагоусовыхъ и всѣхъ святыхъ, и апо-

столяскія заповѣди и моя святительскія митрополичьи заповѣди, и худятъ ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ цер- кви божіи пѣти на оба лѣка, скажемъ вкратцѣ: Игнатій Богоносецъ, иже третій по апостолѣ Петрѣ епископъ былъ Антіохій Сирійскій, тотъ убо видѣ лѣкъ ан- гельскій на оба лѣка поюще хвалу три- святій Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антіохійскій церкви предаде, и отгуду преданіе ово во вся церкви распро- стреся.

(Памятн. старин. р. литер.
в. 4, стр. 186—188).

Петръ поставленъ былъ митрополитомъ въ Киевъ въ 1308 и умеръ 21 дек. 1325 г. Житіе его помѣщено въ Стенев. кн. 1, 410—424. О митроп. Петрѣ см. Г. Карпова статью въ Гл. общ. ист. 1864, кн. 3, 1—101.

217. Грабежи во время пожаровъ.

1. Тотъ же десны (1311 г.) мѣсяца 19, въ ночь, загорѣся на Яковѣ улицѣ, и сгорѣ дворовъ безъ 3 и 40, а головъ сгорѣ 7-ро, и потомъ, Іюня 28 въ ночь, загорѣся на Розважи улицѣ Глѣбовъ дворъ, и погорѣ конецъ Черевьскын сѣмо до гре- бли, а сѣмо и за Борькову улицю; и сгорѣ церкви св. Козмы и Демьяна, и другая св. Сауы, и сорокъ и сорокъ (40 мучен.) церковь сгорѣ, и домове добріи. О горе, братіе, люте бѣже пожаръ, съ вѣтромъ и вихромъ! а зли человѣцы и не добріи, Бога не боячеся, видяще лю- демъ погыбель, пограбиша чужая имѣнія. Потомъ Іюля 16, въ ночь, загорѣся на Ильинѣ улицѣ, и ту также бысть люте пожаръ, вихромъ, наборѣ, трескомъ; и погорѣ торгъ и домове по Рогатицѣ (а сѣмо въ Славно), а церкви сгорѣ: дере- вянныхъ 7, св. Дмитрія, и св. Георгія, и св. Бориса и Глѣба, и св. Івана Иш- кова, и св. Катерины, и св. Прокошья,

(1) Въ другомъ поученіи святаго Петра сильнѣе выражается эта мысль, онъ пишетъ *иже- номъ, попомъ, и діаконъ*: «Будите же, дѣти, истинныи пастуси, а не яко извѣнници, млеко съ- лакоше и вѣду объемлюще, а о овцахъ не пекуще- ся. И на входяще доверни во дворъ овецъ, таковои не суть пастуси, но тати суть и разбойници. Да- леѣ увѣщеваетъ отбѣшати сердца отъ всякой душе- пагубной прости, зависти, ненависти, пѣлства, еже есть корни всякому злу». (Прибав. къ твор. св. О. 1844 г., кн. 1, стр. 85—89).

и Христова, а каменныхъ 6 огорѣ, 7 а Варяжскан. А окаянии челоуѣця, такоже Бога не боящеса, ни суда божия помнище, ни жалующе своя братья, пограбиша чужая имѣнія; въздать имѣ, Господи, по дѣломъ ихъ.

(I. Новг. 70).

2. Того же лѣта (1340), м. июня въ 7, на память св. муч. Θεодота, въ вторникъ на троецкомъ недѣли, загорѣся на Розважѣ улицѣ, въ полѣ, за св. Θεодоромъ, и погорѣ Неревскыи конецъ до св. Іакова, а сѣмо и до Чюдинцевѣ улицѣ, и церкви вси и дворове; оттогда врьжеса въ городъ, и погорѣ дворъ владычель и церкви святыа Софіа, и что дворовъ въ городѣ и церкви, и Людинъ конецъ и до св. Алексѣя, такоже и церкви и домове, а сѣлю и до Прусской улицы, тако бо бѣше великъ пожаръ и лють, съ бурей и съ вихремъ, яко мѣста уже кончина: по водѣ огонь горя хождаше, и много людиа истопе на Волховѣ. И перевържеса огонь чрезъ Волхово на ону сторону, и тамо въскорѣ до вечерни погорѣ вся сторона, отъ Θεодорова ручья въ Славно и до поля, и церкви камены и древяны и домове; изъ многихъ церквей неуспѣша вынести, ни иконъ, ни книгъ, тако же на изъ домовъ; а кто что вынеслъ, или на поле, или на огороды, или въ греблю, или въ лоды, или въ учаны, то все поломянемъ взялося, а иное вынеслъ кто что, а то зли челоуѣци разграбиша, вже Бога не боятсѣ, ни чаюгъ въскресенія мертвымъ, ни суда божія, ни въздаанія по дѣломъ. Не токмо же что у челоуѣкъ у своихъ братіа у Христіанъ, пограбиша, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побыша, а товаръ себѣ повмаша, нѣ и въ св. церквахъ, идѣже бы великому христіанину, хотя бы и свои домъ повръга, а церкви постережи. Нѣ мы

пакы въ покаанія мѣсто горшее зло творимъ, а видяще казнъ божію надъ нами: церковь св. 40 мученикъ, яже бѣ устроена и украшена иконами, и писменемъ, и коушнемъ, и крутою; запершися въ церкви товаръ весь, чи бы ни былъ, то все разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, да якоже сами избѣгоша изъ церкви, все поломянемъ взяся, и сторожа два убиша; а у св. Богородица въ торгу понѣ сгорѣ, а ниш глаголють убиша его надъ товаромъ, понеже церковь вся погорѣ и иконы и книги, сего же ни властъ огнь прикоснуся, а товаръ весь разграбиша; а въ св. Пятницѣ сторожъ съгорѣ съ сыномъ, по томъ же пожару и церковь та издеса, другая святуу мученику Бориса и Глѣба на Подолѣ. Много людей погорѣ въ домѣхъ, въ борзѣхъ бо огонь заалъ, а великіа мостъ съгорѣ весь по воду, а изъ св. Софіи не успѣша иконъ встѣхъ вынести, и много бысть павости. Того же лѣта и Смоленскъ погорѣ весь, въ ночь на Спасовъ день.

(I. Новг. 79).

218. Изъ поученія до 1350.

Отвързися пьянства, а не пития; отвързися объяденія, а не яствы; отвързися блуда, а не законныя женитвы; отвързися неправеднаго имѣнія, а праведнаго не храни, ни щадя убогимъ даяти; отвързися корчмы варити и пати въ корчмѣхъ; отвързися кунѣ даяти въ лихву, рекше—въ накладъ, а Бога ради дай; яже еси пилъ переже сего въ лихву или иного коего неправедно, или клеветою, или мздою неправедною, или грабленемъ, или ротою, или поклепомъ, или заплѣнемъ чужаго имѣнія,—ино всякое неправедное иманье отмени отъ себе крадено, или разбоемъ добыто, или въ

пожарѣ граблено, то все несправедно имѣ-
ние, то все възврати, чье то было. Аще
ли не тѣмъ, то убогимъ (сторицею от-
дали). Краденое десятиницею отдавати, а
грабленое и рѣзанинѣ сторицею; тако
же и всяко насилное вмаще, а правед-
нымъ имѣнѣемъ богатитися и отъ него
давати милостыня убогимъ и милос-
ть божію обрѣсти, яко же и Соломонъ глаго-
летъ: чти Бога отъ праведныхъ трудовъ
своихъ. А еще пакы съ горни всего—
изгонство емлюще на искупящихся отъ
работы (отъ рабства). Такии не имутъ
милости божіе, вѣдѣти, непомыловавше
равна себе чловѣка богомъ създана, и
венасылъшеся цѣною уреченою: не ток-
мо своя души губящи, но и зло помина-
ючи,—и тоже не отъ закона божіа, но
еще прилагающе горе на горе своей души
губяще; но и послухы вѣстающа по
нимъ и помогающа злобѣ ихъ, иже при-
владающе къ своимъ злымъ судіамъ,
многими мздами и дарыми. Аще ли кто
въ невѣдѣние ималъ будетъ изгонство, то
хочетъ изыти вѣчныя муки; то вороти
тѣмъ же опять—и не поидеши въ муку,
нѣ въ жизнь вѣчную съ всеми святыми.
Тако же и челядина (раба) кто про-
дасть, да елико же на немъ вѣдающе,
толико же възяти; аще лише, то горе
того, иже вклады емлетъ и прасолить
(торгуетъ) живыми душами, съ ними
же и на судищи стати предъ Богомъ.
Такоже иже кто выкушается на свободу,
да власть цѣну, юже вдали на немъ; по-
томъ же свободенъ, то добудетъ дѣти
(прижизнетъ), то аще начнутъ имати
изгонство на нихъ, то обращаться пра-
дающе крѣвь неповинну (яко дшегубецъ
есть) и възыщется предъ Богомъ на
страшномъ судищи крѣвь та: то лучше бы
имъ не родитися, еже полѣсти имъ въ
непроеходимыя муки. Сему же свидѣтель
и послухъ самъ богъ Исусъ Христосъ,
искупивый насъ отъ работы вражьи сво-
ею кровію. Отъ неправды и злѣди

(=злабы). Достатно есть сътворити волю
Бога и правду, и тако приобрести ми-
лость его. Самъ бо Господь рече: Нѣсть
гнѣлости несповѣдному милости; милости-
ви же на судѣ помыловани будутъ. Та-
ко же и вси вѣрнии и смышленни, аще
творять несправедное имѣнѣе и възпять
тѣмъ же отдавати, грѣха избудутъ, въ и
жизни вѣчныя сподобятъ ся. Да и ты,
сынне, слыша что имѣеши отъ несправедна-
го имѣнѣя и злаго събранныя, то дай
опять, имъ же еси кого приобидѣлъ и
отмещи отъ себе всяко несправедное имѣ-
нѣе, и потомъ приидеши на покаянне: то
и Богъ проститъ тя отъ всехъ грѣховъ
твоихъ и спасетъ тя

(Изв. Акад. Н. X, 645—647).

См. также Слѣва древня въ Москвит. 1851.
VI. 119—138. 1845, XII. 140. Посл. м. Алек-
санд. Душеполезн. Чт. 1861, ч. 1, 449.

219. Моръ въ Новгородѣ.

1, Того же лѣта 6860 (1354 г.)
бысть моръ золь въ градѣ Псковѣ и по
селамъ, смерти належаша мвозѣ; мроша
бо люди, мужи и жены старыи и мла-
дыи, и дѣти, и попове, и чернци и чер-
вици. Беше бо тогда знаменіе смертное
сице: хракнетъ чловѣкъ кровію, и до 3
дній бытъ да умереть. То вскорѣ про-
мышляху о своемъ животѣ (жизни),
или о души, да сего ради мнози идаху
въ монастыря, мужи и жены, и постри-
гахуся въ монашескій чинъ и ангельскому
чину сподоблахуся, тѣла и крови Христо-
вы причастившеся; и тако въ добромъ
исповѣданіи преставляхуся отъ сего вре-
мянныя жизни на онъ вѣчный свѣтъ къ
Богу, и душа своя предаша пришедшимъ
по нимъ ангеломъ, а тѣлеса своя преда-
ша гробу. Друзи же въ міру въ домѣхъ
своихъ такожде готовляхуся на душевный

исходъ о душахъ своихъ печалующеся, и иѣны свое отдающе въ милостыню церквямъ и монастыремъ, и попомъ душевнымъ отцемъ и нищимъ, маломощныя и убогія кормяще и напаяюще и милостынею учрежающе; слѣпецъ помилованъ, тыи вождъ бываетъ въ царствіе божіе аще нынѣ о стѣны разбивается и въ ямы впадаетъ; овинъ бо отъ богатства села давають церквамъ святымъ и монастыремъ, друзи въ озерѣ ловища и исады (*рыболовныя пристани*), или ино что отъ иѣтѣи своихъ дающе, да тѣмъ хотяще себя иѣти память възвучу, по писаному—милостынями и вѣрою очищаются грѣси; и тако очищающе душа своя отъ грѣхъ покаяніемъ и слезами, преставляхуся отъ сего свѣта на овъ покой. И се бѣше тогда: попове бо не можаху проводить по единому изъ дворовъ за множество умирающихъ, не успѣвающимъ бо имъ во веляху комуждо мертвыя своя на церковный дворъ приваживать; обѣи воцѣ бо умершимъ утрѣ обрѣташеся до 30, или и болѣе скончися у единой церкви, а веѣмъ тѣмъ единѣ проводѣ, отпѣваху надгробную пѣснь, токмо душевную молитву раздѣшеную комуждо особѣ измолвляваху, или мужу, или женѣ, или дѣтемъ, и тако полагаху ѣ по 3 или по 5 головъ въ единѣ гробѣ; тако же бѣше по веѣмъ церквамъ, и негда уже бѣше погребати умершихъ, все бо могилы въскопано бѣше, ни въ подаль отъ церкви и опрочъ церкви могилы на цѣлыхъ мѣстѣхъ въскопавше погребяху. Тогда бѣше много плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакашеся своихъ мертвецѣ, родители по чадахъ своихъ, а чада по родителямъ своимъ и братья по своей братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ, и сердобода (*пріатели*) вся по сродницехъ своихъ, прочіи бо вси плакахуся о душахъ своихъ. Кто бо тогда каменосердъ человекъ и безъ слезъ можетъ быти,

видяще сѣю великую бѣду, яко мнози вскорѣ и напрасно умираху, и отъ себе вскорѣ отлучаеми, и сами на себе того же пожимающе? мнѣху (*думали*) бо тогда мнози, яко уже веѣмъ помереть; егда бо видяше. гдѣ въ которой родѣ, или въ осподу, или въ богатыя, или простыя люди, сирѣчь и до убогихъ, болѣзнь лютая и смертное то жало, мнѣху бо сполу (*вполнѣ*). А наборозѣ (*быстро*) и рѣдко кто отъ нихъ оставшеся въ живыхъ, а нынѣ ся не осталось. А кто нѣтъ тогда послужилъ, въ часѣ исхода душъ ихъ отъ жизни сѣя приглядѣлъ и пошексѣ имъ, якоже ся подобаетъ здравымъ промышляти о болящихъ и мертвыхъ, сродници же и друзи, или нѣтъ кто, тако Бога ради послуживъ; а богатымъ бо всякъ тщится (*старается*) послужити, при животѣ и при смерти, да наслѣдуетъ что отъ иѣтѣи ихъ; но кто аще кому отдаваху остатокъ живота своего, или дѣтей, то и тѣ такоже мнози наборозѣ разболѣвшися умираху. Си же видяще инии бояхуся пріимати отъ умершихъ тѣхъ животозъ, страхомъ смертнымъ омрачавшеся безуміемъ, свояхъ сродницѣхъ оглашахуся тогда; а инии же велелушныи весь страхъ смертный отъ сердець своихъ отринувше, тѣ безъ сумѣнья и чужая мертвеца, или свроты или убогія небрегоми, тѣхъ спрятывающе и вносяще погребяху, и память по нихъ творяще проскурою и службами, спасени дѣла себѣ и своимъ душамъ. Сана свѣтлостью не умолена бываетъ смерть, на веѣхъ бо вынизаеъ многоядныя своя зубы. Нѣтъ же рѣша: той моръ пошелъ изъ Индѣйскія страны, отъ Салица—града. Се же ми о томъ написавшу отъ многа мало, еже ми худый умъ постиже и се память принесе; аще кому се непотребно будетъ, да сущимъ по насѣ оставимъ, да не до конца забвено будетъ.

(IV Новгор. 60—2).

Въ «Сказ. о пѣниномъ Половинѣ» весьма хорошо изображается, какъ люди въ болѣзни и бѣдствіяхъ религіозны, а потомъ въ счастьѣ и при спокойной жизни все забываютъ. См. послѣдній отдѣлъ Христом.

2, Въ тоже лѣто (1417) бысть моръ страшный на людехъ въ Новгородѣ, и въ Ладозѣ, и въ Русѣ, и въ Порховѣ, и во Псковѣ, и въ Торжку, и въ Дмитровѣ, и во Твери, и по волостемъ и по погостомъ и по монастыремъ. И како могу сказати бѣду грозную и тугу страшную, бывшую во весь міръ, какова туга живымъ по мертвымъ? Понеже умножися умершихъ во градѣхъ и въ селѣхъ, тамъ не успѣваху живыи мертвыхъ опривовати, ниже довольни бываху здравіи болящими послужити, но единъ здравый десятерымъ бодемъ на потребу да послужитъ; на всякъ же день умираху толико, яко не успѣваху погребати ихъ въ день до захожденія солнечнаго, и во дворѣ иномъ единъ человекъ остался, а во иномъ два, а видѣ единъ дѣтище, а мнози дворы пусты быша. А болѣзень бысть такова: прежде же яко рогатиною ударить за лопатку, или противу сердца, подъ груди и промежду крыль, и разболится, который начнетъ кровью хракати, и огонь ражжетъ, посемъ потъ, потомъ дрожъ иметь и по вѣсьмъ суставамъ походить въ человекѣ недугъ той естественный; железа же неединаче: иному на шею, другому на стегнѣ, овому подъ пахую и подъ скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ мѣstechъ тѣлесныхъ, и въ болѣзни полежахъ и попроша. Мнозѣхъ же крестьянъ Богъ помялова своею милостию, отыдоша житія сего въ ангельскомъ мнишескомъ чину, отъ ерѣй масломъ мазавшеся; и два посадика престаившася въ томъ же чину, Іоаннъ Александровичъ, Борисъ Васильевичъ. Владыка же Семѣонъ съ вѣсьмъ священнымъ съборомъ и съ крестьяныи, съ кресты, обходи около всего Новгорода и по

многимъ церквамъ и по монастыремъ, моляся Богу и преч. его Матери и вѣсьмъ святымъ о преставіи гнѣва Божія. Крестьяне, ови на конехъ, ови пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь св. мученици Анастасіи, въ память ея, мѣс. окт. 29, и свяща ю архіеп. Семѣонъ, того же дни и св. литургію сверши; а во остаточныхъ бревнахъ поставиша церковь св. Іллію, конецъ Прусской улицы. И Новоторжане такоже у себѣ въ городѣ, единого утра, поставиша церковь св. Аванасія; и попове свашама ю съборомъ.

(П. С. лѣт. IV, 115).

На построение обиденныхъ церквей смотрѣли, какъ на средство умилостивленія разгнѣваннаго Бога.

220. Ушкунники (1).

а. 1366 г. Пришли Новгородци въ ушкунѣхъ, а воеводы Осяѣ Валфромеевичъ, Василій Федоровичъ, Олександръ Обакуновичъ, на Нижній Новгородъ, и много бесерменъ избѣиша подъ Нижнимъ Новымъ городомъ; а нашихъ пострѣлили Филиппа Утреткова и Бориса Квашенкина да 2 человекъ.

1367 г. Князь Дмитрей присла въ Новгородъ, сиче рекъ: «за что есте ходили на Волгу и гостей нашихъ пограбили много?» — И Новгородци рѣша князю: «ходили люди молоды на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, только были бесерменъ; а ты нелюбіе отложи отъ насъ».

(IV Новг. 65—66).

(1) Ушкунъ — лодка особой формы, ушкунники — разбойники, удачей малой.

б. Коли князь Дмитрий былъ подъ Тѣрью (1375), а въ то время пришедше Новгородци В. Новагорода ушкунници, 70 ушкучевъ, и старѣйшина бѣше у нихъ Прокопъ, а другіи Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Взятъ же ихъ таково: прежде выидоша рѣкою Костромою на Волгу, и стаща ополчившися на брань, граждане же изидоша изъ града противу, събрашася на бой, а воевода бѣше у нихъ, то же и намѣстникъ, Плещеевъ. Новгородци же видѣвше гражданъ Костромичъ много, болѣ 5000, а самыхъ мало съ полторы тысячи, и раздѣлишася Новгородци на 2 части: одну половину отпустиша втай въ лѣсъ, они же обоидоша около по можжеельнику и ударишася на Костромичъ въ тылъ, а другая половина въ лице удари. Воевода же видѣвъ бывшее и убояся, нача бѣжати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелѣлъ, но выдавъ рать свою и покинувъ градъ свой, подавъ плещи, побѣже къ Костроми; Костромичи же видѣвше то, и не бившися и побѣгоша, и мнози ту на побоищи побѣени быша и падоша, а друзи по лѣсомъ разбѣгошася, а иныхъ живыхъ поймали и повязали. Новгородци же видѣвше оставленъ градъ и небрегомъ, и нѣсть ему забороны нвоткуда же, и взяша градъ, и пограбѣша его до конца, и стоявше въ градѣ недѣлю цѣлу и всякого сокровища изыскавше изнесоша, и всякій товаръ изобрѣтше и поимаша; не все же товарное съ собою попроводиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее мложайшее въ Волгу меташа и глубинѣ предаша, а явное огнемъ пожгоша, и множество народа крестьянскаго половиша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попроводиша, и отъидоша отъ Костромы. И шедше на низъ по Волзѣ, пограбѣша Новгородъ Нижній, и много всякого полова взяша и градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму, и тамо помедлиша нѣколко время, и по-

томъ выидоша Камою въ Волгу. И дошедше на низъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамо полоиъ весь крестьянскій попродаша бесерменомъ, или костромскій или Нижнего Новагорода, жены и дѣвицы; и сами поидоша въ Насадѣхъ по Волзѣ на низъ къ Сарая, гости крестьянскіе грабѣще, а бесермены бующе. И доидоша на усть Волги близъ моря града нѣкоего Хазыторокана, и тамо избѣ ихъ лествю Хазытороканскій князь, именемъ Салчій. И тако все безъ милости побѣени быша, и ни едины отъ нихъ не остана, а имѣніе ихъ все взяша бесерменове,—и тако ва бысть кончина Прокопу и дружины его.

(П. С. Л. IV, 71—72).

221. Поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ до 1383 (1).

Првѣе имѣйте братѣ страхъ божій въ срдци своемъ, тѣмъ бо можете встѣгнутися отъ всякого зла. Къ церкви будете нелѣнни, та бо есть оцщенье грѣхъ нашихъ; въ церковь же вшедше стойте съ страхомъ, не бесѣдуя ни с кимъ же, и да и молчащимъ не будещи на пакость, но съ смиреніемъ стойте слушая цѣна, и взираа образъ божій и на св. иконы, поминаа грѣхы свои, аще бы умягчить Богъ сердце. А и слезы испустите о грѣсехъ своихъ, и да уподобитесь мытарю, а не фарисею. Болѣе всего покааальнаго (духовнаго) отца слушавте, каитеся ему по вся дни, исповѣдающе свои грѣхы, аще бо человекъ показался будеть грѣхъ своихъ, ти единого не по-

(1) Поученіе это приписываютъ Павлу Высокому.

вѣсть грѣха, мня малу вину, то я за то осужденіе прииметь, якоже птица оуяззветъ въ силѣ, аще не за голову, ни за ногу, а любо си за нготъ, да иже ся трещеть, да иже оумреть, такожъ и тѣ человекъ, иже оутанъ отъ отца духовнаго грѣхъ еданъ. То тотъ будетъ тяжце всѣхъ. На попа хулы не приеми на зари его ни въ чемъ же... Но лучше аще кто хощетъ нѣ къ нимъ и побесѣдовати о духовныхъ и о мечалѣ свѣта сего. То бо, сынове, бес печали суть, могутъ ны оутѣшити. Или что имаете потребно несити къ нимъ, то бо все въ руцѣ божіи влагаете. Но и паче князю своему приайте всѣмъ сердцемъ своимъ и мечемъ своимъ и главою своею и не рци ему зла въ сердца своемъ, глаголетъ бо апостолъ Павелъ: вся владычества отъ Бога оучинена суть, и да аще кто противится властелѣмъ, то божію повелѣнію противится; а родителя же аще кто имѣетъ, да чтить яки Бога,—тѣми познахомъ бо свѣтъ сей; покланяйтесь имъ заутра и вечеръ и на ложе идя, аще бо человекъ чтитъ родителя своего, то весь законъ есть, и тогда сынъ свободенъ есть, егда спрячетъ кости родителю своему. Братію такоже любите въ весь родъ свой; потщивайся по силѣ, бо святой Іоаннъ Богословъ глаголетъ: своемъ, ти дасть имъ еже требуетъ, болѣе ишехъ милостыня вышнѣется предъ Богомъ. Рабы такоже водите въ наказаніи съ тихостію оучае добрымъ безъ порченія и чти ихъ, да негдѣ ти иѣстятъ оу притчи (т. е. при случаѣ) аще ль не послушаютъ, то раны разумѣютъ что дати; яко божіи създаніе, но вамъ даны суть Богомъ на службу. На расхищеніе чужаго вышнѣе не буди готовъ, и отрокъ паучай, да възмеша огне ния в ркутьи человекъ: отъ благаго корене благій произде плодъ. Рече бо Господь: въ нюже мѣру мѣрите, възмѣрится вамъ. А что суть оу васъ рабы и рабыни Богомъ даны вамъ на службу, тѣмъжъ па-

кы достойно пешися душами ихъ, отъ зла възбраняя имъ и на показаніе приводя, и къ церкви понужати; вы бо есте игуменни домовъ своихъ. Аще ли кто безъ покаянія оумреть оу васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣдати за душу ту предъ Богомъ. Другы же оубо какы имѣете соборъ и свѣтѣнны, иже не вся глаголемаа вами хвалати, но судомъ божіимъ тщаетъ отвѣдати; то бо суть не друзи, иже аще вы душевредное слово рчете и они похвалятъ, но то суть ласкавцы свѣта сего, а душамъ губители. Почтите же ся на то, еже желати имени нашему на святыхъ трапезахъ поминаемы іереи къ Богу, велико бо есть о семъ разумѣти. Аще человекъ который имѣетъ тяжку съ кымъ, якоже поити ему къ князю на прю, колма молится вамъ близъ князя будущимъ и мздать вы, да бы оправдалъ отъ тяжи; кольми паче князь іерѣй молится къ небесному царю, къ немуже имѣетъ бесчисленныя грѣхы. Всего же паче гордости не имѣйте въ сердца, вы въ оумѣ... Всего же алѣе, еже преступите крестное цѣлованіе, или ино реченіе, се бо видѣ Захаріа пророкъ сериъ огненъ летяще съ небесъ по тѣхъ, иже ходять по краву ротъ, да пожнетъ я в племя ихъ, а душа ихъ огню предастся вѣчному. Наипаче оубогыхъ не забывайте, но по силѣ колько мога корми и одѣвай. И творя же милостыню, егда како будеша неправдою ся приобрьлѣ, неправедная милостыня подобна есть сему: яко бы отецъ зрѣлъ, егда сына зарѣзываютъ, коль ему зло,—также и Богови на неправедную милостыню зряще. Да лучше бы отъ праведнаго, аще в мало. Якоже она вдовца двѣ медвѣди въвергыши, болѣе всѣхъ похвалена бысть. Человекъ же не нѣни неправѣчати. Не стыдися честнѣйшимъ себѣ главы своея преклонити. Не лишися съ вѣтшимъ стояти, то бо вся въ честь Богу творима... Наипаче больнаго посѣщай, не брани емоу ничтоже отъ дому твоего, аще что въспро-

сятъ пятія или яденія. И къ темниці дойди, виждь бѣдоу ихъ и стонаніе ихъ. О колико си стражуютъ отъ земныхъ влестелей за единъ спудъ, а друзіи оболгани, а мы что створимъ егда предстанемъ предъ царемъ небеснымъ, имоуще тѣмъ грѣховъ? Всегоже паче имѣйте любовь къ великимъ и къ малымъ, рекше съ богатымъ и съ оубогымъ, лицемѣрна бо есть любовь, оже богатаго любите. Егда твоориши пиръ и зовещи князя и вельможа и ближніи, то добро; но зови и оубогыя колико мога силѣ, да обою мзду не лихъ будеша..... А раннего питія и яденія бѣгаи: аще человекъ рано оупивается, то весь день емоу ношью. Блюди же ся душегубства, иже есть тяжко вельми. Аще человекъ оу человека погубить злато, то ино въ то мѣсто обрящетъ, то за то ему пойти въ муку;—а оже человекъ погубить душу, то гдѣ иноу въ того мѣсто обрящетъ? ащель хотите искати ея, то чѣмъ ю можете обрѣсти? или покааніемъ крѣпкимъ и слезами и алканіемъ и поклоны и милостынею? душегубства жъ разни суть: не то едино еже оубити человека, или раба, или оубога, и они отъ нужа погубить ся или бѣжать въ поганыя... На наймы жъ коудъ не дай отълиудъ св. бо апостоль Павелъ лихомца съ блудники выѣняеть. Зависти жъ и ревности бѣгаи. Не мози порадоватися, егда найдетъ на друга печаль, но больма поскорби съ нимъ и оутѣши его, св. бо писаніе глаголетъ: съ веселящимися весели, и съ плачущимися плачи. А молчаніе любя, глаголетъ бо премудрость Соломона: въздержая языкъ свой испустить жестоку разумъ. А лжи блюдитесь, и самъ бо вѣся, яко исперва сатана солга Евгѣ и весь родъ человекъ смерти предастъ.

(Журн. Мин. Нар. Просв., 1854
г. 12. стр. 184—190).

222. Слово старца о пьянствѣ XIV в.

«Какую муку мы приемъ, живя во льютъ и дѣлаясь въ церкви, и пропивая вечерню и заутреню и часъ молитвы! Что дѣлаешь, человекъ, безчинно и скаредно живя, я любя нравы язычниковъ, а христіанамъ когда отобѣдать, тогда и *отпить*. А ты сидишь весь день забавляешься питьемъ, ничего не дѣлая въ пользу ни душѣ, ни тѣлу, но все продавая за питье, и тома душу и тѣло. По истинѣ удивительно: одинъ часъ употребить на пищу, а весь день погубить на пьянство! Мнится мнѣ, что и безсловесныя звѣри и скоты, не вѣдающіе Бога, не чающіе суда, не имѣющіе житейскихъ дѣлъ и во всемъ праздные, и тѣ смѣются надъ нами, и если не говорятъ словомъ, то мыслями: мы безсмысленны, а бдимъ и пьемъ въ мѣру; а люди все не сыты; точно у нихъ одна утроба на питье, а другая на пищу! И какъ они не устанутъ *пьючи*! И людемъ вино, будто въ утлую сосудину, покаместъ взбѣсится отъ пьянства. Двоющее бываетъ пьянство. Одно пьянство даже хвалять многіе, говоря: то не пьяница, коли упьется да ляжетъ спать; а то пьяница, когда толчется и бьетъ, и ссорится, и ругается. Я же покушаюсь указать, что и кроткій, когда упивается, согрѣшаеть, хотя бы и спать легъ; и недоумѣваю, къ чему его прировнять! Скотиной ли его назову, но и того онъ *скотиле*, звѣремъ ли его назову, но и того онъ *звѣрле* и неразумнѣе. Ибо кроткій пьяница, какъ болванъ, и какъ мертвецъ, валается, и много разъ осквернившись, смердять. И когда кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ безъ движенія, разслабивъ свое тѣло и налившись по горло; люди богобоязливые услаждаютъ тогда въ Церкви свои сердца божественнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, и будто на небеси предстоятъ передъ самимъ Господомъ.

домъ Богомъ: а тотъ и головы своей не можетъ возвеста, отыгая отъ многого пята, ни чѣмъ не отлпчался отъ поганого язычника. — И такъ да умолкнетъ говорящій: хоть и упоюсь, но не сотворю лиха. — Видишь, сколько ты творишь зла, проповная праздники.

(Рус. Вѣсти. 1856 г. № 13, стр. 15).

Переводъ Буслася, см. тамъ же и подлинникъ.

223. Слово о Челади до 1400.

Чада моя милая, еще вы глаголю: челади свою корянти, якоже досыти имъ, одѣвайте, обувайте; аще ли не кормите, ни обуваете, а холода твоего убьютъ у татбы или робу, то за кровь его гоѣ отвѣщати. Тѣмъ же паздите сироты своя во всемъ и учите я на крещение и на показанье и на весь законъ божий; ты бо еси яко и апостолъ дому своему, кажи (учи) грозю и ласкою; аще не учиши, то отвѣтъ въздаши за то предъ Богомъ. И Авраамъ бо научи своихъ домохазецъ 318 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо божий приимше не опечалять на старость тебе; аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нанъ не щадя, якоже Премудрость божья глаголетъ до 4 или 6 разъ или за 12 разъ. Аще ли рабъ и рабыня не слушаетъ и по твоей воли не ходити, то за годъ (заблаговременно) лозы нанъ нещадити до 6 разъ и до 12; аще ли велика вина, то 30 разъ лозою, а болѣе 30 разъ не ведать. Да аще тако кажеша я и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ приимеши отъ Бога...

(Ист. Христ. Буслася, 480).

Тамъ же (480) см. объ отношеніи главы семейства къ челадицамъ.

224. Нравственный идеалъ князя

Посла царь (Азмекъ) во Тверь, призва (князя) Александра къ себѣ, и убилъ бысть во Орѣ и з сыномъ своимъ Феодоромъ; другому же сыну его кн. Михаилу младу зело 9 лѣтъ сущу, и иде в Новгородъ ко отцу своему крестному Василию архиепископу Новгородскому грамоте учити. Онъ же даде его протодьякону своему, мужу богобоязливу и христолюбиву грамоте учити, и всему духовному наказанию и закону христіанскому; и вскоре отрокъ грамоте изучи, и духовному любомудрію и закону, и в перкви всегда обреташеся, дѣтскихъ же играни и глумленіи отлучашеся, но всегда божеств. писанию прилежае, и мужей мудрыхъ и благихъ бесѣдаше внимаше, паче же отца своего крестнаго и духовного Василия владыку поучае и наказание приемляше, и сими наслажашеся и питаеша. Егда же сяде на отчину и на дѣяне своей на в. князени Тверскомъ, тогда божиею благодатию сынове тверетии многа благая восприяша: бѣ бо мужъ боголюбивъ и челоуколюбивъ. Во дни убо княжения его разбоиницы и тати и ябедники изчезоша, и корчемники, и мытари, и торчовыи злыи тамги изстребишася, и насиливанье и грабленье нагдѣже обрѣташася, но вси бяху в тихости, в кротости и в смиреніи, и любви. Понеже убо сей князь всегда имя божие во устѣхъ выѣяше, и славу Богу возсылаше, святыхъ почиташе, и ерен и еноды любляше и чташе, церкви созидаше и украшаше и удоволяше, вся печалыи утешаше, люди отъсюду собираше, грады тверскіи утверди, враги молитвою и милостынею обзе утеша и оружіемъ побѣди, его же именемъ сынове Тверскіи

хлался; нищихъ милуаше и питаше, обидимыя избавляше, больныя посещаше, алчущая кормяше, жаждущаго напоаше, нагихъ одеваше, к злымъ страшенъ и яръ бываше, к добрымъ же милостивъ и тихъ бываше, духовныя бесѣды любяше, сквернословия и ерамословия ненавидяше, божественныя писанія прочиташе и сими наслаждашеся и внимаше и послушаше чтущихъ прилѣжно со вниманиемъ, ратное художество отсюду навѣщае и в сихъ искусенъ бываше, и мужественъ и крѣпокъ и страшенъ супостатомъ; отчину свою крѣпко соблюдая отсюду, и всѣмъ яко отецъ чадолюбивыи бывааше, ноипаче же святителя яко самаго Христа почиташе; толикожѣ милостивъ бѣ на инокескии чинъ, якоже многажды любезие со слезами лобызаше ихъ, и крѣпкимъ желаниемъ сердца зело радуяся предстояше яко ангеломъ божимъ; сице же и священники, зоваше ихъ княземъ царевыхъ, яко тѣ глаголаше великия слуги божия и честнѣ насъ суть; обаче же много неизреченно благоуравне показа, и к Богу велию вѣру в дѣлахъ стяжа, образъ добръ оставль всѣмъ княземъ хотящимъ властвовать на земли. Тѣмъ же и Господь Богъ возлюбилъ его и многа благая дарова ему, и славою и честію венча его, и в странахъ прослави. (Ум. 1399 г.).

(Никон. Лѣт. IV. 287—288).

См. о преставленіи в. кн. тверскаго Михаила (П. С. Лѣт. IV. 559). Тамъ разсказывается, какъ князь постригся передъ смертію, что считалось большою нравственною заслугою и залогомъ спасенія

вагорода на Москву, и би челоломъ вел. кн. Василью Дмитреевичю въ службу, и князь велики дасть ему половину Торжку (наместничество въ Торжку), а другую половину князю Семену Вяземскому. И узави въ сердце діаволъ Юрья плотнымъ похотѣніемъ на княгиню на Семенову (на подружіе служащаго ему Симеона Мѣстиславича); взять бо на ложе ту княгиню его Ульяну, хотя быти (жити) съ нею; (она же предобранъ мужелюбца мужески воспротивилася ему); онъ же ляже съ нею, она же взявши ножъ удари его въ мышку (на ложѣ его). Онъ же возъярися (вскорь самъ) уби князя ея, а ей (самой) повелѣ отсѣсти руки и ноги и вверещи въ рѣку. (И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того) сбѣжа самъ къ ордѣ, не могій трѣпѣти срама и горькаго безвереманья и безчестія и студа.

Сентября 14 (1407) преставился кн. Юрій Святославичъ Смоленскій, не въ своей отчинѣ, но на чужей странѣ въ изгнаніи, а своего княженія лишень я своей княгини и своихъ дѣтей, но въ Рязаньской Земли въ пустыни въ монастыри у нѣкоего Христолюбца игумена Петра; и ту нѣколько днѣй поболѣ и скончася, (и проводилъ его честно), и погребенъ бысть ту.

(П. С. Лѣт. IV. 109 — 110, VI. 133—134, VIII. 81).

Сказаніе о Юліаніи Вяземской см. Житія св. Рос. Церкви., Декабрь 161—164. Идеальный типъ древне-русской женщины см. въ Сказаніи о Петрѣ и Евроніи Муромскихъ,

225. Убіеніе Юліаніи Вяземской

Той же осени (1406) князь Юрій Святославичъ Смоленскій прииде въ Но-

226. О началѣ Колоцкого монастыря.

Въ лѣто 6921 (1413) правящу тогда скипетромъ царствія Рускаго, благочестія держателю, христороубовому в. кн. Васи-

лю Димитріевичу, бысть во области брата его кн. Андрея Димитріевича въ предѣлахъ града Можайска, яко 15 поприщъ, есть мѣсто Колоча зовомо, идѣже жилаше имый и тайнъ человекъ прость, поселяннъ земледѣлецъ убогъ, именемъ Лука; и той нѣкогда хождаше въ лѣсѣ близъ жилища своего; и видѣ на нѣкоемъ древѣ Икону со двѣма затворы стоящу, на ней же написанъ образъ пречистыя Богородицы, держащи на рукахъ пречистаго младенца Господа нашего І. Христа, на единомъ же затворѣ баше образъ божія рещителя и великаго пророка Іліа, и на друзѣмъ затворѣ также образъ великаго чудотворца и святителя Николы. Лука же пришесть дерзну взяти съ поклономъ св. ту икону, юже вѣрою мною любезно цѣловалъ, и постави ю у своея вѣны на древѣ, на мѣстѣ прости и небрегомъ. И приде нѣтъ и тайнъ человекъ также убогъ, и взяти ю отгуду. Лука же шедъ умоли его, и давъ ему хлѣбъ осяяти, и пакы взяти къ себѣ св. ту икону и принесе въ домъ свой. Въ дому же его баше человекъ расслабленъ, лежаше многа дѣла, ему же Лука сказа подробну вся, како обрѣте св. ту икону. Онъ же удивися, и молаше его, яко до принесетъ къ нему икону тую. Лука же принесъ къ нему. Расслабленный же вѣрою утвердися, и знаменася по челу и по очима и по устнама образомъ божія Матере, и въ той часъ здравъ бысть, яко николиже болѣвъ. И сіе слышаво бысть отъ всѣхъ, иже тамо живущихъ людей, и стекошася мнози, и принесоша болящія различными недузи, и вси здрави быша. И тако начаша отъсуду приносити множество недужныхъ и расслабленныхъ, и пещѣвахуся. И оттогда многа чудеса безчислена бываху въ дому Лукинѣ отъ образа пречистыя Богородицы. И того ради вси людѣ начаша Луку чтити яко пророка, или яко апостола. И тогда Лука вземъ чудотворную ту икону Бого-

матери, и повесе ю преже ко граду Можайску. И изыде во срѣтеніе самъ благовѣрный кн. Андрей Димитріевичъ и съ бояры своими, и со всѣмъ пародомъ града отъ мала и до велика. И быша чудеса многа отъ иконы Богородицы. Таже отгуду приде Лука со иконою къ Москвѣ, и срѣтоша ея самъ пресвѣщенный Фотій м-тъ всея Руси и со епископы и со всѣмъ священнымъ соборомъ и со кресты, такоже и князи и княгини и чада ихъ, и бояре и воеводы и вси вельможи, и все народное безчисленное множество. И быша чудеса безчисленна, слѣдѣи прозираху, хромѣи хождаху, расслабленіи востаху, нѣмѣи глаголаху, глушіи слышаху, и всякимъ недугомъ одержимѣи здрави бываху, и толика безсчисленная и непречеченна тѣмъ безпрестави тогда чудеса быша, яко ни умъ человѣческій не можетъ изрещи. И хожаше Лука отъ града во градъ со иконою божія Матере, отъ нея же вездѣ неизчетная чудеса содѣвахуся, и вси даху многу милостивую Луцѣ. Онъ же аще и прость человекъ баше и послѣдній поселянинъ, по обаче добродѣтель законную имѣаше въ себѣ, и возвратися въ Колочию въ свое пребываніе, имѣя съ собою чудотворной образъ Богородицы, ея же милосердіемъ много и безсчисленно богатства собра, и церковь постави во имя пречистыя Богородицы, въ ней же и чудесную ту Икону Богородицы постави, идѣже нынѣ есть монастырь Колочскій. И себѣ же домъ созда убогъ якоже княжескій, въ немъ же храмы свѣтлы и велицы, и мнози рабы и рабыни прѣтяжа, и отрока предстоищая ему, и прѣтекущая свѣтлыми одежани оболчени, и трапеза его многа драгата брашна отъ тѣла (жира) и мѣсти (мѣсла) исполнена, и многа пѣтія благовоинаго, и всегда въ пища и въ пѣтія веселятеся со служащими своими, и лозы дѣюще со птицами и псы, и медвѣди ухажая, таковыми пѣзорными лозгивани

утѣху немалу себѣ притворяя. И тако Лука отъ препростія въ суровство премѣнился, и не токмо вельможамъ и властѣлымъ и савошникомъ сопротивенъ являлся, но и самому кн. Андрею Дмитріевичу жестоко и непокоренъ бывающе, еще же и ловы дѣющихъ на князя, бывше ихъ и грабляще, соколы же и ястребы княжии къ себѣ взимающе. Князь же вся сія терпѣше пречистыя ради Богородицы. Человѣколюбивый же Богъ, иже судьбами своими вѣсть хотя спастися и въ разумъ истинный прійти, тако и сего Луку не прзрѣ, въ нечувствіи пребывающа; но прежде конца на покаяніе обрати его ещевымъ образомъ: Нѣкогда бо ловчій князь Авдеевъ улови медвѣдя люта, и везаху его въ ларѣ мимо дворъ Лукинъ, ео же узрѣ Лука, и повелѣ медвѣдя того пусготити изъ лара на своемъ дворѣ; медвѣдь же выпущенъ, и самого Луку достигши съяте, и еле жива отысла его. Князю же увѣдавшу сія, и въ той часъ самъ потщася скоро прійти отъ града, и поспѣти его, и видѣ его едва дышуща, и глагола ему: «О како неразумѣлъ еси себѣ челоуѣче! видя, како ти прославил Богъ чудотвореніемъ отъ божественныя иконы пречистыя Его Матери, и пошто о суетныхъ потщася еси, и вдался еси на мвренія позоры и глумленія и оианства, и къ бесполезному житію шелъ еси; и того ради сие тебѣ и случися таково искушеніе, да неуповавши на множество богатствъ, но Бога помощника имѣя взыщши и нехотя пути спасеннаго». Лука же яко отъ сна возбнувъ и въ чувствіе прииде, раскаяся о непотребномъ житіи, и плачася со слезами горѣхъ рыдая, и моляше князя, «да сотворишь съ нимъ милость, и богатствомъ его промыслѣтъ, яко богоугодно и пречистой Богородицы, и еже на пользу души его тако да устроитъ». Князь же Андрей Дмитріевичъ боголюбивъ сый, на мало не закоснѣ, но вскорѣ таковыя его безчисленныя бо-

гатствомъ монастырь постави пречистой Богородицы, глаголемый Колочскій, видѣ же церковь прежде поставлена бысть, въ ней же и чудотворная баша икона божія Матери, отъ нея же многая чудеса содѣяхуся и до сего дни. Тогда же въ томъ монастырѣ Лука пострижеся по иноческій образъ и проживе въ немъ нѣсколько лѣтъ во умиленіи и въ слезахъ и въ покаяніи, дондеже и преставился о Господя. Въ монастырѣ же томъ и донынѣ сотворяется празднество Явленіе честнаго того и чудотворнаго Богоматери образа м. поля въ 9 день. Молитвами пречистыя Твоея Матери и св. святителя Николы Мирликинскихъ чудотворца, и св. и славнаго Пророка Ісїи и вѣсѣхъ святыхъ твоихъ, Христе Боже помози, помилуй насъ, аминь.

(Степен. кн. изд. Миллеромъ 1775 г. I, 566—568).

Степенная книга составляетъ лѣтописный сборникъ, расположенный по степенямъ или родамъ князей. Отъ св. Владимира до Ивана Вас. IV считается 17 степеней, да упоминается о трехъ степеняхъ отъ Рюрика до Владимира. Степени идутъ отъ отца къ сыну, правнуку и т. дал. по нисходящей линіи. Миллеръ начало составленія «Степенной книги» приписалъ м-ту Кипріяну, но неизвѣстно на какомъ основаніи: оной она составлена при м-тѣ Макаріи (ум. 1564 г.), какъ и Четь-Миней; потомъ послѣ него была дополнена. Взглядъ на собитія въ этомъ сборникѣ религиозный и на первомъ планѣ изображаются лица и событія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ церкви.

227. Исповѣданіе ростовс. архіепископа Феодосія 1455.

Язь смиренный Феодосій, архіепископъ ростовскій и ярославскій, поданною исповѣнію, а по своему скудоумству, яли истинныя рещи, по невнимательству, поче же и по мнѣтельству, дерзнухъ сотвори-

ти новоначальство въ церкви божіей и безчинство, сопротивно божественнаго и священнаго правила, преданнаго божіимъ церквамъ св. апостолы и богоносными св. Отцы, и чрезъ установленное законоположеніе въ св. уставѣхъ, Іерусалимскихъ же и въ Святыя Горы, а въ Студитовѣхъ и въ прочихъ иныхъ уставѣхъ, писаннаго и сего речепаго: «Яко аще прилучится, рече, на вечеріе Рождества христова или Богоявленія господня въ субботу или въ недѣлю, то не повелѣно вамъ инокомъ разрѣшати на сырѣ и рыбу, а мірскимъ на мясо, но повелѣно, по отпущеніи литургіи, вѣчто мало причаститесь, скудно отъ пищи; по вечернѣхъ же отпущения, ясти совершенно, но постное яденіе, яко же тамо пишеть, а не сырѣ, ни рыбу, ни мірскіи челоѣци мясо.» По прилучаго же, яко же ширѣ прилучился седмыя тысяща послѣднѣго ста 63 го лѣта, индикта третьяго, на вечерію Богоявленія господня быти въ день недѣльный; азъ же сѣтѣнный и худый, грѣшный, повелѣннаа по уставу церковному о пѣніихъ литургіиныхъ и вечернихъ свершилъ и сѣдохъ за трапезою, и не вѣмъ, какъ по искушенію діаволю, или по своему грѣху, явни ми ся тако, яко да и самъ ямы сырѣ и илеко и рыбу, и прочимъ инокомъ повелѣлъ тожъ яденія ясти, и мірскимъ челоѣкомъ мясо. Моези же прилучившася тогда ту, отъ священниковъ и иноковъ, и отъ мірскихъ благоразумныхъ челоѣкъ, много возбраняху ми таковыхъ не творити; азъ же, объять диаволскимъ ускушеніемъ, а своимъ грѣхомъ, непослушахъ ихъ, ни вымахъ глаголахъ ихъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью, недѣльный двещъ, не ставя собѣ грѣха. И тако сотворися мною грѣшнымъ таковоа новоначальственное въ церкви божіей злое безчинство. Господня же нашъ и осподарь, и общій отецъ и пастырь и учитель нашъ Іона м-тъ кіевскій и всеа Руси, по своему святитель-

скому долгу, попечение имѣя о многотѣшной моей души, что быхъ въ вѣки душею не погибѣть, ни въ безконечныхъ бытчныхъ мучкахъ въ адовѣ пропасти не быхъ, да собравъ о собѣ божественный и священныи съборъ, о св. Душѣ своихъ сыновъ и сослужебниковъ, рускіа митрополи епископовъ, суздальскаго епископа Филиппа, рязанскаго Евросима, коломненскаго Геронтія, и архимандритовъ, и прочее священство, (собѣдоваше же тогда съ ними, на томъ священномъ Соборѣ, и в. государь земскій, в. кн. Василей Васильевичъ всеа Руси съ своимъ синьклитомъ), да и по меня по грѣшнаго и по грубаго послали; и возря въ божественная и священная правила и во уставленна отъ закона положенная писанія, да мене сѣтѣннаго отъ святыхъ своихъ учений духовныхъ много наказали. Азъ же грѣшный Θεодосіе, пришедъ въ чювьство и поуразумѣвъ свой злый грѣхъ и свое преступленіе, и отъ усердства всею душею со многими слезами покаюся, и каюся, и до конечнаго издыханія имѣю кааюся о томъ о своемъ сотвореномъ злѣхъ новоначальствѣ, и прокляхъ его и проклиаю, и имамъ проклинати его и до своего исхода; а вѣрую въ Троицу, въ Отца и Сына и св. Духа, въ не же и крещеніе пріяхъ, потомъ же иночскій образъ, и священническій чинъ, и святительскій великій санъ пріяхъ, и о томъ преданными церква божіей божественными и священными правилами и св. законоположенными писанными укрѣпляюся, и почитаю о пеемъ и облобызаю ихъ, и въ томъ пребываю и до скончанія своего живота. А черезъ то преступлю ли что или словомъ, или учении, или дѣломъ, или въ смущеніе кому буду чинъ, отъ сего времени, въ вѣръ черезъ божественная и священная правила и черезъ уставное законоположеніе; и та святая правила меня грѣшнаго и осудятъ, по моимъ дѣломъ, въ страшный и грозный и судный

день второго Христова пришествія. А сію грамоту азъ смиренный Θεодосіе, архіепископъ ростовскіи и ярославскіи, самъ на себе написахъ.

(А. Истор. I, № 57.).

О почитаніи среды и пятницы въ древ. рус. народѣ. Прав. Собес. 1859, I, 181.

Указанія на черты нравовъ и обычаевъ древнихъ можно найти еще въ слѣдующихъ отрывкахъ

этой христоматіи: Объ-Андрѣй Первозванномъ, о набѣгѣ Печенѣговъ (ниже); О милостивѣ и пирахъ св. Владиміра см. слово Иларіона п № 138 выше. Въ церкви. Уставахъ говорится о господствующихъ порокахъ того времени; въ словѣ о мытарствахъ и въ поученіяхъ Серапіона указано на жестокость противъ рабовъ. Быть княжескій отъчасти изобразяется въ Посланіи Іакифора до 1121. (1) недостаткахъ нравственной жизни можно читать въ Словѣ Θεодосія о казняхъ, въ Словѣ Христолюбца, въ Словѣ М. Кирилла 1274 и въ поученіи 1280 г. О жестокостяхъ во время войны см. *Борьба съ Тверью 1372 и 1375 г. и проч*

Б. ПРЕДАНИЯ И ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

228. Объ образѣ Спаса.

Въ лѣто 6553 (1045). Заложилъ в. кн. Владиміръ Ярославичъ, а внукъ в. кн. Владиміра Кіевского и всея Росіи, крестившаго Рускую землю, въ В. Новѣградѣ церковь каменную св. Софіи, при второмъ епископѣ Луки; а дѣлали ю 7 лѣтъ, и устроиша вельми прекрасну и превелику; а въ то время служили во храмѣ св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. И устроиша церковь приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ, и написаша образъ Г. Бога и Спаса нашего І. Христа со благословяшею рукою. Воутри же день видѣ еп. Лука образъ господень написанъ не благословяшею рукою, иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа господня иконнымъ писцемъ, глаголюще: «Писари, писари, о писари! не пишете мя благословляющею рукою, напишите мя сжатою рукою, азъ бо въ сей рудѣ моеи сей В. Новградъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе.» Мѣра тому спасову образу: отъ вѣнца до пояса полъ—4 сажени, а около вѣнца 43 пяди, носу длина полъ—4 пяди, устѣмъ

полторы пяди, устѣмъ полторы пяди, очи полъ—2 пяди, рука сжатая длань 6 пядей, а простертая длань 8 пядей, подпись — «Исусъ Христосъ» по 14 пядей: архангелы и херувимы наль окны написаны стоящи по 16 пядей, а пророцы написаны промежъ оконъ стоящи по 18 пядей мѣрныхъ; а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 сажень; отъ Спасова образа ото лбу до мосту церковнаго 15 сажень мѣрныхъ. А писали Спасова образа годищное время и болѣ.

(П. С. Лѣт. III, 244).

Другой списокъ см. «О мѣлѣнз. и пенз. памяти». IV, 98.

229. О Михаилицкомъ монастырѣ.

Повѣдаше нѣкто отъ честныхъ отецъ о простѣртѣ, и о церкви пресв. владычицы нашей Богородицы, яже есть на Молотковѣ въ монастырѣ, въ В. Новѣградѣ, на Торговой Сторонѣ. Свце убо бысть: Мужъ нѣкто отъ благочестивыхъ обычай имѣише отъ дѣтства, по вся дни, приходить въ церковь ко всякому пѣвию церковному, таже по отпѣтіи прима-

ше дору (просиру) и хлѣбъ пречистыя, по обычаю, отъ священника; тоже творяше дору и хлѣбъ Пречистыя по обычаю по отъядени обѣда; аще ли прилучится гдѣ священникъ, вѣщаетъ отъ него часть Пречистыя хлѣба. Званъ же бысть нѣкогда той благочестивый мужъ отъ нѣкихъ знаемыхъ ему на пирѣ, и яко же по обѣдѣ раздаване священникъ Пречистыя хлѣбъ взять же и онъ благовѣрный мужъ часть Пречистыя хлѣба: и яко восхотѣ съѣсти, помяну нѣчто печальное сотворившееся ему въ дому, и того ради не яде хлѣба онаго, но связа въ платъ, хотя съѣсти завтра. Также съѣлъ ясти и пилъ съ людьми на пиру ономъ, и якоже бысть веселье, поведе въ домъ свой; далече же блже, и не дошедшу ему двора своего, рознялъ хмѣль его на пути и сонъ, и ляже на пуге мѣстѣ. Спяще же ему, людѣ же бяху назыраху его изъ домовъ своихъ, когда возстанетъ; оному же снѣшу крѣпко. Случися же плату оному въ руцѣ его быти, въ немъ же хлѣбъ Пречистыя; приступиша къ нему пси дѣволимъ понаждемъ, ощутивше хлѣбъ той, и яко хотяху исторгнути отъ руки мужа онаго хлѣбъ онъ, и абие палаше ихъ онъ, и многаяжды покусишеся пси приступити къ хлѣбу Пречистыя, огнь палаше ихъ. Видѣвше же мужи мѣста онаго, притекше отгнаша псовъ, и мужа онаго возбудиша отъ сна; онъ же повѣдаше всѣмъ сіе бывшее чюдо. Она же слышавше удивишася велии, и повѣдоша архіепископу. Онъ же повелѣ поставити церковь пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества, таже и монастырь составиша на томъ мѣстѣ, яже и донынѣ стоитъ божіею милостию и молитвами пречистыя его Богоматери; а на томъ мѣстѣ, идѣже огнь сжодаше, поставиша св. траву, въ славу и честь св. Живоначальныя Троицы и пречистыя его Богоматери.

(III Новг. 218, поск 1198 г.).

230. Стихъ о страшномъ судѣ

«Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія Богородица!
Ты велишь намъ, матушка, въ рай взойти,
Намъ въ рай взойти, во царство небесное?
Речетъ имъ матушка владычица
Своимъ громкимъ голосомъ:
—Подите вы, души праведныя,
Подите вы, души спасеныя!
У меня про васъ растворенный рай стоитъ,
Изготовлены про васъ ризы неизносимыя,
(Пища райская не тлѣнная);
Буде мало вамъ покажется,
Возложу я на васъ золотыя вѣнцы;
(Буде мало вамъ покажется,
Свѣтлы ризы вамъ сошлю
И со ангелами сошлю;

Буде мало вамъ покажется,
Золоты нарушны сошлю
И со ангелами сошлю);
Буде мало вамъ покажется,
Поставлю я вамъ въ рай престолъ;
Буде мало вамъ покажется,
Ужъ я дамъ вамъ въ рай свою волю,
Ужъ вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы охочи были ходить въ божіи церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обѣди въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигрывали,
Вы на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ хаживали,

Вы грѣховъ своихъ не утаивали,
Святыхъ тѣмъ вы примывали.
Восплакнутъ же души грѣшныя:
—Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія, Богородица!
Не можно ли насъ простить грѣшныхъ?
—Отойдите отъ меня прочь, души грѣшныя,
Души грѣшныя, проклятыя,
Проклятыя, беззаконныя!
Ужъ вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы не охочи были ходить въ божіи церкви (!)
Вы воли господней не творили:
За крестъ, за молитву не стояли,
Вы другъ друга не любили,
Отца съ матерью не почитали;
Спѣсивые были, гордые, немилостивые,
До нищихъ, до убогихъ не подоплывали;
Были у васъ суды неправедныя,—
Виноватаго—ставили правымъ его,
А праваго—ставили виноватымъ его,
Брали они съ васъ алато и серебро,
Больше того—чѣстаго земчуга,
Копили себѣ казну неисчислимую,
Клади казну во сыру землю;
Не имѣли вы ни середа, ни пятницу,
Ни св. трехдневнаго воскресенія,
Святыхъ годовыхъ честныхъ праздникоу,
Вы постовъ, вы молитвъ не знавали,
Пововъ и дѣяковъ ни вочто чли,
Земляныхъ поклоновъ не клдали;
Заблудшимъ дороги не показывали
И вы мертвыхъ во гробахъ не проваживали;
Колокольнаго звону вы не слыхали,
Пѣтя церковнаго вы не понимали,
Читанья господня не перенимали,
На божій престолъ свѣчей не принашивали;
Дѣвольскія помышления
Вы всегда помышляли;
Вы въ гусли во свирѣли играли,
Скакали, плясали,

(!) Далѣе говорится тоже въ противоположность, что было сказано праведникамъ. За гѣмъ мы представляемъ пороки, за которые осуждалась душа въ адъ, по народнымъ понятіямъ, изъ другихъ вариантовъ. Почти всѣ они оказываются преступленіями противъ дѣла вѣшнаго благочестія и милосердія.

Все ради его, ради лъавола! —
Прогоняю я вась, проклятыи хъ,
За три горы за Сюдскыи:
Тамъ огни горять негасимые;
Пропущу я вась съвозъ матушки сырой земли,
Засыплю я вась матушкой—землей,
Закладу я вась каишныи горючыми,
Завалю я вась плитами желѣзными,
Чтобы крику и зыку отъ вась не слышати.

(Калыки. 3, 159—161)

231. О муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Оввареніи.

Въ убо в Роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, а неижѣ бѣ самодержавствувый благовѣрпый князь, повѣдаху, именемъ Панагъ. Искони же ненавидѣли добра роду человеческому дьяволъ и всели неприязнена летяща змѣя к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей якоже же бѣше естествомъ, приходящимъ же людямъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдаше с женою своею; тѣмъ же мечты мнози времена приидоша; жена же сего не таяше, но повѣдаше князю своему вся приключившаяся ей; змѣй же неприязненный осилѣ наднею Князь же мысляше что змѣеви сотворити, но не доумѣшеся; и рече женѣ своей: мысля, жено и не доумѣюши что сотворити неприязни тому: смерть убо не вѣмъ какъ напесу нанъ; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестию о семъ. Вѣсть сей неприязненный духомъ своимъ отъ чего ему смерть хочеть быти; аще ли то утѣши и намъ повѣдавши, сама свободишися не токио в вѣнѣшнемъ вѣде злаго дыханія, и сепения, і всего скаредия, его же сырѣть естъ и глаголати, но и въ будущий вѣкъ не лицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголь въ сердца си твердо приимиши умысли во умѣ своемъ добро тако быти.....

Во единъ же отъ дни неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же добру память при сердца имѣя, глаголь сълестію прилагаетъ к неприязни той глаголы мнози і явныи речи и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хвала; рече: яко много вѣси и весе ли конячину си какова будетъ и отъ чего? Онъ же неприязнивыми прелестяи и прельщенъ добрымъ прельщеніемъ отъ вѣрныи жены, яко ношцева таишу си, нарече к ней, глаголя: «смерть моя естъ отъ Петрова плеча, отъ Агрикова же меча». Жена же слышавъ такую речъ, во сердца твердо сохрани, и, по отшествіи неприязниваго того, повѣда князю мужеву своему, якоже рекъ ей змѣй. Князь же, послышавъ, недоумѣшеся, что естъ смерть отъ Петрова плеча и отъ Агрикова меча. Истѣ-

ше же оу себѣ присваго брата именемъ князя Петра; въ единъ же отъ дни приѣхавъ его к себѣ и нача повѣдати змѣеви речи, якоже рекъ естъ женѣ его. Князь же Петръ слышавъ отъ брата своего, якоже змѣй нарече тебѣ о немъ истинному исходатаю смерти своей, нача мыслити, недоумѣлся в мужество, како оубити змѣя и вѣще бѣше въ немъ мысль, яко не вѣдаше Агрикова меча. Истѣмъ обычай ходити по церквамъ оудинися, бе же вне града церковь въ женѣстемъ монастыри Воздвиженію честнаго и животворящаго креста, и приде к неведицѣ помолитися, явнѣшеся ему отъ рече, глаголя: княже, хошеши ли да покажу ти Агриковъ мечъ. Онъ же хотѣ желаніе свое исполнити, рече: «да вижду гдѣ естъ?» Рече же отъ рече: иди а слѣдъ мене,—и показавъ ему во олтарьной стѣнѣ, межю каменія, средами склѣпю въ ней же лежаше мечъ. Благовѣрпый же князь Петръ, взявъ мечъ той приде повѣда брату своему, и отъ того дни искаша подобна времени да оубиетъ змѣя, по вся же дни ходя ко брату своему и къ снохѣ своей на поклоненія. Приключася же ему приити въ хранину к брату своему, и о томъ же часу шедъ къ своєю своимъ во ину хранину, и видѣ оу зми брата своего сядяща, и, пакы отшедъ отъ нея, въстрѣте отъ предстоющаго нѣкого братау его и рече ему: «изыдохъ оубо отъ брата своего къ снохѣ, братъ же мой оста въ своемъ храни, нѣ же некоему никоже, но воскорѣ пришедшоу въ хранину къ снохѣ моей, не сѣмъ и чюжоуся, яко братъ мой напередъ менѣ обрѣтѣся въ хранинѣ оу снохи моея». Той же человекъ рече ему: «никакоже, господи, по твоємъ отшествіи не изыде братъ твой ис своєю хранины. — Онъ же разумѣвъ быти пронырству лукаваго змѣя, приде къ брату и рече ему: «когда оубо сѣмо приде, азъ бо отъ тебѣ и съ хранины изыдохъ, и негде ли ничеже пошедъ, придохъ к женѣ твоей во хранину, и видѣхъ тя съ нею сядяща и чюдяхся како предъ мене обрѣтѣся; придохъ же пакы сѣмо, нигдѣ же пошедъ, ты же не вѣмъ како предъ мене и нареди мене здѣ обрѣтѣся». Онъ же рече: «никакоже бѣхъ». Князь же Петръ рече: «се естъ, брате, пронырство лукаваго змѣя, да тобою ми ся вѣжетъ, аще не быхъ хотѣлъ оубити его, яко нещитоуя своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате, отсюду никоже вди: азъ же тамо иду братися со змѣемъ, да не ли же божию помощію оубиетъ да будетъ лукавый змѣй». И змѣй мечъ, нарицаемый Агриковъ и приде въ хранину къ снохѣ своей, и видѣ змѣя вѣкомъ акы брата, снитъ и твердо оуверивъся, яко нѣтъ братъ его, но прелестныи змѣя, і оударя его мечемъ, змѣй же явнѣ яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и окропи блаженнаго князя Петра кровію своею. Онъ же отъ неприязниваго той крови і острупи і азъмъ быша, и

приде нань болѣзнь тяжка зѣло; искаше въ своен державѣ отъ многихъ врачъ исцеление, ни отъ единого получи, и слышашъ же яко мнози соуть врачевѣ въ пределехъ Рязанскихъ земель, повеле себе тамо повести; не бѣ бо самъ мощенъ на конѣ сидѣти отъ великия болѣзни, привезенъ же бѣше въ прѣделы рязанскихъ земель и посла сунути свой *(считу свою)* възыскати врачевѣ. Единъ же отъ предстоящихъ емоу юноша оубоулся въ вѣсь нарицающую *Ласково*, приде къ некоему врачу, и не видѣ никогоже, и вѣиде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его члѣдъ, и вѣидѣ въ храмъ и зра видѣние чюдно: сидѣше бо дѣвица, тѣмъ красна, предъ нею же скача заедъ, и глагола дѣвица: «не лѣно естъ быти дому безъ оушнѣи и храму безъ очю:» юноша же то не вѣяше въ оумѣ глагола... рече къ дѣвицы: гдѣ естъ человекъ мужеска полу вже здѣ живеть? онаже рече: «отецъ мой и мати моя поидоша въ заемъ плакати, братъ же мой идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти:» юноша жетой по разоумѣ глагола ея, дивляшеся зра, и слыша вѣщъ подобну чюдеси, и глагола дѣвицы: вѣидохъ къ тебѣ зра тѣ дѣвицы, и виде же заедъ предъ тобою скача и слышу отъ оустъ твоихъ глаголы странны, никакъ сего не вѣишъ что глаголаеши, и ни единого слово отъ тебѣ разоумѣхъ. Она же глагола емоу: «сего же ли не разоумѣши? приде въ домъ мой сѣи, въ храмъ мой вѣиде, и видѣхъ мѣ сидѣщу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу наю пѣсть и чювъ тѣ къ дому приходяща, давалъ бы на тѣ, се бо естъ домоу оущи; аще бы было въ храмѣхъ моихъ отрочи и видѣхъ тѣ въ храминѣхъ приходяща, сказала (о) бы ми: се бо естъ храму очю; а еже сказахъ ти про отца и матери, и про брата, яко отецъ мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: поиди бо соуть на погребѣние мертвого и тамо плачутъ: егда же по нихъ смерть придетъ, то инѣи по нихъ вѣцнущъ плакати: се же естъ замурованный плачъ; про брата же тѣ глаголахъ: яко отецъ мой и братъ дѣволѣицы соуть, въ лѣсе бо медъ отъ дровъ всякъ вѣзвляють; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, іакоже лѣсти на дѣво въ высоту чрезъ ноги въ навѣ зрѣти, мысля абы не оубравъ сѣ высоты; аще ли кто оубрѣветъ, сѣи живота гонзеть; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрезъ ноги въ навѣ зрѣти». Глагола же онъ юноша: вѣию тѣ дѣвицу мудроу сущоу: повѣжъ мѣ яма свое. Она же рече: «имѣи естъ Февронія». Той же юноша рече къ ней: азъ есмь муромскаго князя Петра служакъ емоу; князь же мой нѣтъ болѣзнь тяжкоу я зѣву оступленю, бо бывшоу отъ крови летящаго змѣя, егоже естъ оубиѣтъ своими роувами, и во своемъ одержаніи исцеленіа отъ много врачевѣ, и ни отъ единого получи; сего ради сею повелѣхъ себѣ привести, яко слышахъ мнози врачевѣ, но мы не вѣишъ како имѣиоушеся, ни жилище ихъ вѣишъ, да того ради въ про-

шаемъ отъ нею. Она же рече: «аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ и могъ бы оубравъ еати». Юноша же рече: что оубо глаголаеши еже ктомуу требовати князя моего себѣ? аще кто оубравъ етъ и князь мой дастъ емоу имѣніа много; но скажи ми врача того, кто естъ и како естъ живеть? Она же рече: «да приведеша князя моего сѣмо; аще будетъ махгосердѣи и смиренъ во отвѣтахъ, да боудетъ здравъ». Юноша жъ скоро возвратися ко князю своему и повѣда емоу все порядоу, еже видѣ и еже слыша. Благоуверенъ же князь Петръ рече: да везете мѣ, гдѣ естъ дѣвица, и приведоша въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И посла къ ней отъ отрочъ своихъ глагола: повѣжъ мѣ, дѣвице, кто естъ хотя мѣ оубравъ еати, да оубравъ етъ мѣ и возметъ имѣніа много? Она не обинуяся рече жо: «азъ есмь хотя изврачевати, но имѣніа не требую отъ него прѣяти, имамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не тебе мѣ естъ врачевати его». Пришедъ человекъ той и повѣда князю своему, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не брети словеса ея, и помысли: како князю соущу древоласца дщи пояти себѣ женоу и послать къ ней, рече: рѣците ей, что естъ врачество ея, да врачуетъ. Аще ли уврачуетъ, имамъ пояти ю женоу себѣ. Пришедши же юноша, рѣши ей слово то. Она же, вѣемъ сосудъ малъ, почерпе киследи *(кваса)* своей и доуину на нѣи и рече: «да оучредитъ князю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же естъ струпы и язвы, и единъ струпъ да оставитъ не помазанъ и боудетъ здравъ». Іако приносима къ нему таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хотя искоусити во отвѣтахъ, аще мудра естъ, яко слыша глаголы ея отъ юноши своего, посла къ ней съ единымъ отъ слоугъ единого повѣсма льноу, рече: яко сѣи дѣвица хочеть мѣ соупруга быти мудрости ради; аще мудра естъ, да вѣемъ льноу оучинитъ мѣ срачицу, и перты и полотеньцо в ту годину, и яже в банѣ пребоуду. Слоуга же принесъ къ ней льноу повѣсма и князь же слово сказа. Она же рече слоугу: «взиди на пѣщъ нашу и снемъ зъ грядъ поленьца, сѣи мѣ сѣмо». Онъ же, послушавъ ея, сѣи сѣи поленьца: она же отхѣрихъ пѣдию и рече: «отсѣи сѣи отъ поленьца сего:» онъ же отсѣи. Она же глагола: «посѣи оутинокъ поленьца сего и идеъ дай же князю своему и отъ мене рѣчи емоу: въ кѣи часъ сѣи полѣсма азъ очешу, а князь твой да приготовитъ мѣ в сѣи оутинокъ станокъ и всѣ строеніе кѣи съотчетъся полотно». Слоуга же принесъ ко князю оутинокъ поленьца и рече дѣвицы сказа. Князь рече: шедъ, рѣчи дѣвицы, яко невозможно естъ въ таково дѣвицы въ мѣи и въ таково малу годину сѣи строеніа сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа ея князю же рече; дѣвица же отрече князю: «а се ли возъ-

можно есть челоуѣкоу пужеска полу возраста во единомъ повѣсѣтѣ мноу въ малу годину. въ многе пребудеть въ банѣ, сотворити срачницу и поргы и оубрусецъ? Слота отъиде и сказа князю. Князь же дѣялся отвѣту ея. И по времени князь Петръ идѣ въ баню мытися и повелѣниемъ дѣвица показа язвы и строуны своя и единъ строунъ остави непомазанъ, по повѣленію дѣвицы. Изыде же изъ бани ничтоже болѣзны чюяше; на утрѣ же оуэрѣ и все тѣла здрава и гладка, ризѣхъ едины, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвицы; ни струи, и дѣвляныя скорому исцѣлю; но не восхоте поимѣти ю себя женою отчества ради. И послѣ к ней дары. Она же не пріяла.

Князь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здравствую. На немъ же бо единъ струнъ, еже бѣ не помазанъ повелѣниемъ дѣвицы, и от того строуна, начаша мнози струны расходиться на тѣло его от первого дни, а нѣ же поеха во отчину свою, и бысть весь остроумленъ.

И пакы възвратися на готовое исцѣление къ дѣвицѣ; якоже прише въ домъ ея і со студомъ посла къ ней просѣ врачеванія. Она же, ни мала гнѣва подержавъ, рече: «аще боудеть мѣ супружникомъ, да боудеть оуврачеванъ;» онъ же с твердостію слово дасть ей, яко имать полти женоу себѣ. Ся же пакы, якоже и прежде, тожъ врачеваніе дасть емоу, се же прежде писашъ. Онъ же аскорѣ исцѣлѣныи получилъ, і поя женоу себѣ. Такою же видю бысть Февронія княгинѣ. Приидоша во отчину свою градъ Муромъ и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже от божія заповѣди оставляюще.

По малеже дни предреченныи князь Павѣлъ отходитъ житія своего; благоутробный же князь Петръ по брате своемъ единъ самодержавецъ бываеъ граду своему. Княгини же Февронии бояре же его не любяху жонъ своихъ ради ея, і яко бысть княгини, отчества ради ея, Богу прославляюще ю добраго ради житія ея. Никогда (никогда) же бѣ некто от предстоящихъ ей приидѣ къ благоутробному князю Петру навадити на ню: яко от коегож... своего безчину исходитъ вьнегда бо во... ея и взимаеъ въ руку свою крохти. Благоутробный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдаеъ с нимъ за единымъ столомъ. Яко оубо скончавшюся столу, она же яко обычаи княже въземъ со стола а руку свою крохти, и князь Петръ приимъ ю за руку и развѣде и видѣ ладонь добровольной и чымъ, и от того дни оста ю ктому не искушати.

По мноземъ же врѣмени приидоша к нему съ яростію бояре рѣкуще: хоцѣмъ, княже, вси праведно слоужити тебѣ и самодержавцемъ имѣти тебѣ, но княгини Февронии не хоцѣмъ, да господствуетъ жонѣми нашими, а хоцѣмъ самодержавцемъ быти, да боудетъ

ти иная княгиня, Февронія же възмѣтъ богатства довольно себѣ, и отидетъ, а може хоцѣтъ. Блаженный же князь Петръ, яко ему обычаи, ни о часомъ прости имѣя, смиреніемъ отвѣщая яко же речете, и тогда слышимъ. Они же, невѣжства напослѣпавшися бѣстоудил, оумыслиша да оучредятъ пиръ. И сотвори имѣ. Якоже быша весели, начаша простирати бѣстоудныи своя глаголы аки пси лающа отѣмлюще оу святыхъ Божіихъ даръ, онъ еже Богъ и по смерти перазлучиа обещахъ есть, и глаголаху: Февронія! Весь градъ и бояре глаголютъ тобѣ: даждь его же мы просимъ оу тебѣ? И она рече: «да възмѣта его же просита.» Она же едиными оусты разошамы оубо, госпоже, вси князи Петра хоцѣмъ, да самодержавствуетъ надъ нами. А тебѣ жонѣ наша не хотѣтъ яко господствующи надъ нами; въземъ богатства довольно себѣ, отидоши а може хоцѣши.—Она же рече: «обещахъ вамъ яко елико аще просите а прѣмета. Азъ же възмѣ глаголю дайте мнѣ егоже аще азъ попрошу васъ.» Они же зле ради быше и (не) свѣдоуще будуще его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши единого, бѣсъ прекословія въземши.—Она же рече: «нико прошу токмо соупруга моего князя Петра.» Они же рѣша: аще самъ восхоцѣтъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо наполиши имѣ мысли, яко аще не боудетъ князь Петръ, да поставимъ себѣ иного самодержавцемъ. Нѣкии же от бояръ во оумъ своимъ держаше, яко самъ хоцѣтъ самодержавцемъ быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюбилъ временнаго самодержавства, кромѣ божіихъ заповѣди, но по заповѣдемъ его шествоуя, дѣржаеа сихъ заповѣди. Яко богоглаголанная Матѣеи по своемъ благоутробіи вѣшаеъ, рече бо: «яко аще пострижете (мужчины) женоу свою развѣзъ словѣси прелюбодѣйнаго и оженитися иноу, прелюбы творите;» сей же блаженный князь по евангелію сотвори, да заповѣди божіи не разрушитъ. Они же злочестивии бояре дающе имѣ соуды на реце; бѣ быше под городомъ рѣка, глаголемая Ока; онъ же пловоуще по рекѣ в соудѣхъ, и кто же бѣ челоуѣкъ оу блаженныи княгини Февронии а соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же челоуѣкъ, оубо приимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възвѣръ на салтуу с помысломъ; она же разоучѣтъ злои его помыслъ, и искорѣ обличи и рече ему: «почерпи воды из реки сѣя сию страну соудна сего.» Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити. Онъ же пивъ. И рече же пакы она: «почерпи оубо воды з другой страны соудна сего.» Онъ же почерпе. И повелѣ ему пакы испити. Онъ же пивъ. Она же рече: «равныа ли оубо си вода естъ или едина сладши?» Онъ же рече: «едина естъ, госпожа, вода. Пакы же она рече: «сиде единое оустество женское естъ; нычю оубо свою женоу оставляя и чюжия мыслиши?» Той же челоуѣкъ оумидѣ, яко въ ней

есть прозрѣние дартъ, бояся к тому тово помышления.

Иѣчеру же бывшоу, начаша ставитися на березѣ, блаженный же князь Петръ яко помышляти начать како боудеть, понеже волею самодержавство возвуся. И прѣдвѣна же княгиня Февронія глагола емуоу: «не скорби, княже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насъ въ нищетѣ быти». На брѣзе же томъ блаженному князю Петру на вѣтерю его асть готовляхоу, и потошъ поворъ его дрѣвце малы, на нихъ же котлы итяхоу; по вѣчери же святая княгиня Февронія ходящи по брѣгоу и видѣвши дрѣвца тыи, благослови рекше: «да боудутъ си на оу... дрѣва велицыи имущи листыи». И бысть такоже. Вставши въ оутрѣ, обрѣтоша тыи дрѣвца велико дрѣвие, имущие вѣтви и листыи.

Якоже хотяхоу людѣ ихъ роухлетъ вѣтати въ соуды со брѣга, придоша же иже вельможа отъ града Муромъ, рекоуще: Господи княже! отъ всѣхъ вельможъ и отъ всего града придохъ к тебѣ да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратиши на свое отечество, мнози бо вельможи въ граде погибоша отъ меча, книждо ихъ хотя державствовати, сами изгубиша, а оставшии вси с народомъ молятъ, глаголюще господи княже! аще прогнѣвахъ ты и раздразихъ ты, не хотащии княгиня Февронія господствуетъ женами нашими, и нынѣ же со всѣми дома своими раби ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгиня Февронія возвратишася во градъ свой, и быхоу державствующи въ граде томъ, ходяца во всѣхъ заповѣдехъ и оправданихъ господнихъ бес порока, въ молебнахъ непрестанныхъ, и молитвахъ, и въ милостыняхъ ко всѣмъ людѣмъ, подъ ихъ властію соущимъ, аки чадолюбиви отецъ и мати имѣста ко всѣмъ любовь равну имущи, не любяста гордыни ни грабленія, ни богатства тѣлеснаго щадяше, но въ Бога богатюще. Бысто бо своему граду истинная пастыри, а не яко наемники. Градъ бо своимъ истинною кротостию, а не яростию правяще, и странныи приѣмлюще, алычны насыщающе, нагіи одѣвающи, бѣдныи отъ напасти избавляющи.

Егда же приспѣ благочестно преставлению, і оумолиша Бога да во единъ часъ боудутъ преставление ею (изъ), и съзвѣтъ сотворяша да боудутъ положены оба въ единомъ гробѣ, и повелѣша оутредити собѣ во единомъ камени два гроба, едину томыю предградоу имущи межоу собою. Сами же во едино время облекошася во мѣшишескіи ризы, и наречанъ бысту блаженный князь Петръ, во иноческомъ ино Давидъ, преподобная же Февронія наречена бысть во иноческомъ чину Еуѣросинія.

В то же время преподобная Февронія, нареченная Еуѣросинія, въ храмъ пречистыя соборныя церкви своими роуками шияше воздухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ къ ней, глаголя: о сестро Еуѣросинія! хочу оуже отвѣти от тѣла, но жду тебя, да купно отойдемъ. Она же рече пожди, господине, да яко дошью воздухъ во святоу церковь. Онъ же вторичею послалъ къ ней, глаголя: оуже бо мало пожду тебѣ. І яко же третичею глаголя, приславъ к ней: оуже бо хочу преставитися, не жду тебѣ; она же оставошное дѣло въздоху святого шияше, оуже бо единого святого ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и вотькыне ягоу, и приверте ягю, аюже шияше, и посла въ блаженному нареченному в Давидоу о прѣставлении коурытъ, и дошолъ предъ святоу святая своя душа в руцѣ Божіи мѣсяца ноя въ 25 день.

По прѣставлении ея, хотѣста людѣ, яко да положитъ блаженный князь Петръ боудеть внутри града оу соборныя церкви пречистыя Богородицы, Февронія же аже града в женскомъ монастыри оу церкви Воздвиженія честнаго креста, рекоуще: яко в мѣшишескомъ образѣ не оудочно естъ положити святыхъ въ единомъ гробѣ. Оутредяша имъ гробы особыи и обложиша телеса ихъ вѣны: святого Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во особыи гробъ, и поставиша въ оутрѣ града въ церкви пречистыя Богородицы доутри, святая же Февронія тѣло вложиша въне града оу церкви Воздвиженія честнаго креста; общій же гробъ, аюже сами повѣлѣша истесати собѣ во единомъ камени, оста тощъ въ томъ же храмѣ пречистыя соборныя церкви, иже въ оутрѣ града. На оутри же воставша людѣ, обрѣтоша гробы ихъ особыи тощи и въ ня же в нихъ вложистася, святая же тѣла ихъ обрѣтоша въ оутрѣ града въ соборныя церкви пречистыя Богородицы во единомъ гробѣ, аюже сами собѣ повелѣша сотворити. Людѣ же неразумни, якоже въ животѣ о нихъ ятушася, тако и по честнемъ ея прѣставленіи, паки разнесоша; и паки же обрѣтоша на оутри святѣи во единомъ гробѣ; и къ тому не смѣяху прикоснутися святыхъ ихъ телесемъ, и положиша во единомъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборныя церкви Рождества пречистыя Богородицы въ оутрѣ града, аюже естъ далъ Богъ на просвѣщеніи и на спасеніи граду томоу. иже бо с вѣроу прирышущихъ и мощемъ ихъ неоскудею исцѣленіи приѣмлютъ.

(Памл. Стар. рус. литер. I, 30—34).

232. Василиса Микулишна.

У князя было у Владимира
У киевского солнышка Сеславича
Было пировавище почестное...
Въ полсыта бояре наѣдались,
Въ полсыта бояре напивались:
Промежъ себя бояре похвалялись:
Сильнай-тъ хвалится силою,
Богатыи хвалится богатствомъ;
Купцы-тъ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояре-та хвалятся помѣстьями,
Они хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.

Тутъ возговорить самъ Володимиръ князь:
«Охъ ты гой еси Данилушка Денисьевичъ!
Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
Али не чѣмъ тебѣ похвалиться?
Али нѣтъ у тебя золотой казны?
Али нѣтъ у тебя молодой жены?
Али нѣтъ у тебя платья свѣтлаго?»
Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
«Ужъ ты батюшка нашъ, Володимиръ князь!
Есть у меня золота казна,
Еще есть у меня и молодая жена,
Еще есть у меня и платье свѣтлое;
Нешто такъ я это придумаюся.»
Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговорилъ Володимиръ князь:
«Охъ вы гой есте, мои князья—бояре!
Ужъ вы все у меня переженены,
Только я одинъ холостъ хожу;
Вы ищите мнѣ невестушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтобъ лицомъ красна и умомъ сверстна,
Чтобъ умѣла русскую граноту
И четью-дѣтью церковному,
Чтобы было кого назвать замъ матушкой,
Величать бы государыней.»
Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
Тутъ возговорить Мишатычка Путятинъ сынъ:
«Много я ѣзжалъ по разнымъ землямъ,
Много видалъ я королевичей...
Не нахаживалъ я такой красавицы,
Не выдывалъ я эдакой пригожицы,—
У того ли у Давыла у Денисьича,
Еще та ли Василиса Никулишна;
И лицомъ она красна и умомъ сверстна, и т. д.
Еще было бы кого назвать замъ матушкой,
Величать замъ государыней.»
Это слово больно князю не показалося,
Володимиръ словечко не полюбилоса.
«Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано
Отъ живаго мужа жену отнять.»
Приказалъ Мишатычку казнить вѣшати.
А Мишатычка Путятинъ переметливъ былъ,
На иную сторонушку перекинулся:
«Ужъ ты батюшка Володимиръ князь!
Погоди меня скоро казнить вѣшати,
Прикажи, государь, слово молвити.»

Приказалъ ему Володимиръ слово молвити:
«Мы Данилушку пошлемъ во чистое поле.
Во тѣ ли луга леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремачему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
Привести ее къ обѣду княженецкому,
Что еще убить ему льва лютаго,
Принести его къ обѣду княженецкому.»
Это слово князю больно показалося,
Володимиръ словечко полюбилоса.
Тутъ возговорить старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты батюшка Володимиръ князь!
Изведешь ты яснаго сокола:
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.»
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садясь самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.

Мишата ѣдетъ въ Черниговъ прямо ко двору
Данилину, и безъ доклада входитъ въ палату. Василиса Микулишна называетъ его за это нечестно; онъ отвѣчаетъ, что присланъ не по своей волѣ, кланяется на столъ ярлыки Володимировы. Василиса читаетъ ярлыки и замечаетъ сдѣланы, догадываясь, что Володимиръ посылаетъ Данилу въ луга леванидовы съ цѣлю погубить его. Она надѣваетъ молодецкое платье, и ѣдетъ верхомъ отыскивать мужа: «Не долго намъ съ тобой видѣться, поѣдемъ доной». Данила ничего не подозревалъ, хотѣлъ еще отдохнуть и поспать; ее за небольшой промежутокъ времени стрѣла. Василиса привозитъ ему большой колчанъ; онъ сердится за обманку, но она говоритъ ему: «вѣшная стрѣлочка тебѣ пригодится».

Потѣхалъ Данила по луга леванидовы
И къ колодезю прѣхалъ ко студеному.
Не были свѣги забѣлелися,
Не черныя грязи зачернелися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючими слезами,
Возговорить онъ таково слово:
«Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
Знать, Володимиръ не слуга я былъ!—
Беретъ Данила саблю боевую,
Прирубилъ Денисьичъ силу русскую,
Погода того времячко малюшенько
По два слопа въ чистомъ полѣ слоняются,
Не два сыры дуба шатаются:
Слоняются, шатаются два богатыря
На того ли на Данилу на Денисьича,
Бго родной братъ Никита Денисьевичъ,
И названой братъ Добрыня Никитовичъ.
Тутъ заплакалъ Данила горючими слезами:
«Ужъ и вправду, знать, на меня Господь прогнѣвался,
Володимиръ князь на удалого осердился!—
Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,—
Брать на брата со боемъ ѣдешь».

Братъ Данила свое востро-копье,
Тупымъ концомъ втыкать въ сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрывъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему богатыря,
Заплакали объ немъ горючими слезами!
Поплакавши, назадъ воротилися,
Сказали князю Володиміру: «не стало Данилы
Что того ли удалого Денисьича.»
Тутъ собираетъ Володиміръ поѣздъ-отъ,
Поѣхали ко городу Чернигову,
Прѣхали ко двору Данилину;
Восходить во теремъ Василисинъ-отъ,
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста,
Возговорилъ Василина Микулишна:
«Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня во уста во кровавыя,
Безъ ново друга Данилы Денисьича.»
Тутъ возговорилъ Володиміръ князь:
«Охъ ты гой еси Василиса Микулишна!
Наряжайся ты въ платье свѣтлое,
Въ платье свѣтлое, подвѣшенное.—
Наряжалась она въ платье свѣтлое,
Вязла съ собой булатный ножъ.
Поѣхали ко городу ко Киеву.
Поверстались супротивъ луговъ Леонидовыхъ.
Тутъ возговорилъ Василиса Микулишна:
«Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Пусти меня простаться съ милымъ дружкоймъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей.
Подходила Василиса ко милому дружку,
Поклопилась она Данилѣ Денисьичу;
Возговорилъ она двумъ богатырямъ:
«Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ ваяться по чисту полю,
По чисту полю, со милымъ дружкоймъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Споролъ себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрываетъ себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакала по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володиміру:
«Ужъ ты, батюшка, Володиміръ князь!
Не стало нашей матушки Василисы Микулишны,
Передъ смертию она намъ промовила:
Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ ваяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкоймъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Прѣхалъ Володиміръ во Киевъ градъ,
Выпускалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его во голову по темечку:
«Правду сказали ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!»
Жаловалъ его шубой собориную,
А Мишаткѣ жаловалъ смолой котель.

(Писки Киртеевск. 3, 32—38)

Подобное содержание имеетъ былина «Старъ

Годиновъ», въ которой жена Стара народилась грознымъ посломъ изъ Орды, чтобы выручить мужа изъ глубокихъ погребовъ, куда засадили его Владимиръ князь. Прислалъ посолъ во грядни во свѣтлыя, а княгиня отвѣчаетъ Владимиру и тихонько шепчетъ ему:

«Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василью
Ивановичу,
Быть Старовой молодой жепѣ Васильсѣ Мякулишнѣ;

Знаю я прийѣты всѣ по женскому
Она по двору идетъ, будто уточка,
А по горенкѣ частенко переступываетъ,
А на лавицу садится, коленца жметъ,
А и ручки бѣлы, пальчики тоненьки,
Дужіе изъ перстовъ не вышли всѣ.
А и тутъ Владимиръ столбной киевскій
Ну же онъ посла сталъ потчивать.
Всяко вино по таковкамъ пьютъ—
Ужъ тутъ ли посолъ напивается,
А Владимиръ князь сталъ провѣдывать:
«Коли посолъ буде женщина,
Не станетъ-де онъ бороться
Со моими богатыря могучими» ...
Выводилъ тутъ князь семь борцовъ,
И того *Василия* не пачитаетъ,
Вышелъ на дворъ бороться...
Первому борцу изъ плеча руку выдерветъ,
А другому борцу ноги выломитъ,
Третьева *жавити*ла поперекъ хребта,
Ушибла его среди двора.
А плонулъ князь, да и прочь пошелъ.
«Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Начиваешь ты богатыря женщиной,—
Такова посла у насъ еще не было.»

Поднялся споръ между Владимиромъ и его женой: князь заставлялъ мнимого посла изъ лука стрѣлять: Василиса беретъ свой лукъ, который несла 10 человекъ, и для потѣхи махнула стрѣлой въ иржавистый дубъ, изломала его въ черенъя ножовые, богатыря стали всѣ словно угорѣлые. Владимиръ плюнулъ и сталъ испытывать посла игрой изъ шахматы *золотыми тавлеями*.—и три раза проигралъ:

Шахъ да и матъ, да и подъ доску.

Тутъ посолъ спросилъ данъ и выходы въ орду за 12 лѣтъ, князь говоритъ, что только и возьметъ онъ его *головой* съ супругою. Посолъ спросилъ веселыхъ молодецвъ, и привелъ Стара:

Сыграешь сыгралъ онъ Царяграда,
Танцы навелъ ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгинейю,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ.

Посолъ задремалъ, отказался отъ даней и выходовъ и выпросилъ себѣ веселаго молодца Стара Годиновича, у Дмитрия посолъ перерядился въ женское

платье и тутъ Сатеръ узнавъ свою жену и убѣхалъ съ ней въ землю дальнюю. (Сборн. древн. стихота. Кирилъ Данилова. 123—134).

См. еще былинну о Настасьѣ Королевишнѣ и Дунаѣ. Пѣсни Кирѣевс. в. 3, 58—69.

233. Добрыня Никитичъ.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
У славнаго сѣдаря князя у Владимира
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ 9 лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каменныхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушкамъ ⁽¹⁾ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей,

Зайдетъ въ улицу Игнатьевску
И во тотъ переулокъ Марининъ,
Вглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея ли высоки терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему
Сидятъ тутъ два сизые голубя
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;
Цѣлуются они, милуются
Желты носами обнимаются;
Тутъ Добрыня за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ онъ въ сизыхъ голубей,—
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Завыл да пошла казена стрѣла,
По грѣхамъ надъ Добрынюшкою учинилося:
Левая нога его поскользнулась,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя ⁽²⁾,
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое;
Бѣлодубовы столы пошатились,
Что пята медвяныя восплеснулися,
А втапору Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, спаряжалася
И бросалася на свой широкій дворъ

«А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?»

И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муровленную
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгораются
Съ тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Какъ у молодца Добрыни Никитевича!»
А и божье крѣпко, вражье-то лѣпо;
Взяло Добрыню пуше острога ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснетъся,
Онъ бѣлаго снѣгу дожидается
По его ли щаски великія ⁽¹⁾
Рано зазвонили къ заутренямъ;
Встаетъ Добрыня рачешенько,
Подпоясалъ себѣ сабелку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени.
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были дупечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молодежки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ;
Которыя дѣвицы приговариваютъ ⁽²⁾
Одна Марина отказывается и прибраниваетъ:
Втапору добрыня ни во, что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ;
А стала его Марина въ окошко бранить,
Въ окошко бранить ему больно пенять...
Завидѣлъ добрыня змыя Горыначата,
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалось,—
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,—
Заперлася Марина Игнатьевна,—
А молодой Добрыня Никитевичъ
Ухватилъ бревно въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Неодоламо ⁽³⁾ изъ пята онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты:
Бросилася Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, дѣтина, засельщина!»

⁽¹⁾ Горница, устроенная вверху жилья.

⁽²⁾ Причалины — все, что служит оправою стекла: рама, петли, задвижка и т. под.

⁽¹⁾ На его великое счастье.

⁽²⁾ Т. е. чтобы Добрыня остался въ ихъ компании.

⁽³⁾ Неладно, неловко.

Вчера съ ты, Добрыня, водворъ заходилъ.
Проломилъ мою коняицу стеклычатую.
Ты разбишь у меня зеркало стеклычатое.
А бросишь змѣица Горыныча.
Чуть его Добрыню огнень не спалишь,
А я чуть молодца хоботомъ не ушиблю,
А в самъ тутъ змѣй почалъ бранити его...
(За то, что онъ разбилъ стекло и зеркало.)

Ему тутъ-то Добрыня за бѣду стало
И за великую досаду показавлося;
Вынималъ онъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей;
-А и хочешь ли тебя, змѣя, изрублю я
Во медки части пирожныя,
Разбросаю дазече по чисту полю?—
А и тутъ змѣй Горынычъ, хвостъ поджавъ,
Да и вонъ побѣжалъ.
Бѣгучи онъ змѣй заклинается;
«Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
Есть у нея не одинъ я другъ,
Есть лучше меня и повѣливе (!)»
А молодца Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
А сама она змѣя уговариваетъ.
-Воротись, милъ надежа, воротись другъ!
Хощь,—я Добрыню оберну клячею водовозною.
Станетъ-де Добрыня на меня и на тебя возить?
А еще хощь,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ!»

Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ то ходятъ 9 туровъ,
А 9 туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
Безвѣстно не стало богатыря
Молода Добрыни Никитича
Во стольномъ во городѣ во Киевѣ.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни 6 мѣсяцевъ,
По нашему-то по сибирскому слову пол-
года.

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другалъ едова молодца Анна Ивановна.
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорить,
Всѣ были рѣчи прохладныя.
Не отколы взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилась съ дѣтьми княженецкими,
Она больно Марина увивалась,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княжны, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Киевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,

А и я-де обернула 9 молодцовъ.
Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми ту-
рами»;

А и нынѣ я-де отпустила десятого—
Молодца Добрыню Никитича,—
Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
Називала она чару зеленого вина,
Подносила своей любимой кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
-Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выше чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молодца Добрыню Никитича,
Извела его Марина Игнатьевна,
А и нынѣ на пиру похваляется.
Проговорить Анна Ивановна:
-Я-де сама эти рѣчи слышала,
А слышала рѣчи ея похваленныя.
А и молодца Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она сѣрѣбрыхъ ногъ,
А и топчетъ ее...

Сама она Марину больно бразитъ.
А и женсков дѣло прелестное.
Прелестное перепадное
Обернулась Марина Косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ,
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
-Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило
И зыбучія болота напрокучили.
А и хощь-ли, Добрыня, жениться?
Возьметь-ли, Никитичъ, меня за себя?
—А право возьму, ей Богъ возьму!
А и дамъ те Марина поученьице,
Какъ мужья женѣ своихъ учать.—
Тому она Марина повѣряла,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому по прежнему,
Какъ бы сильныхъ могучихъ богатыремъ.
Сама она обернулась дѣвицею:
Онъ въ чистомъ полѣ женился,
Кругъ ракитова куста вѣнчались.
Попелъ онъ ко граду ко Киеву.
А идетъ за нямъ Марина
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
-А и гой еси ты, моя молодая жена.
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
Нѣту Спасова образа,
Некому у те помолитися,
Не зачѣто стѣнамъ поклонитися.
А и чай моя острая сабля заржавѣла?
А и сталъ Добрыня жену свою учить,

(!) Разумѣется, здѣсь змѣй говоритъ съ про-
шней о Добрыни.

(Древн. рос. стих. 61—71).

Неню зла, у нас только знакомо со к нимъ. Заочники, читавшиеся всего, въ особенности „Пчелы“, набравши изъ ней и нападокъ на женщинъ (въ „Пчелѣ“ попадаются поучения „о злыхъ женахъ“); можетъ быть они особенно понравились ему, потому что онъ, какъ надобно полагать, действительно имѣлъ причину жаловаться на женщинъ. Впрочемъ Данилъ, особенно распространенъ о злыхъ женахъ, говоритъ еще нѣсколько словъ и о хорошихъ. Впоследствии времени въ нашихъ благочестивыхъ книгахъ ограничивались однимъ злымъ женамъ, только и знали, что предостерегали отъ нихъ мужички. Не смотря на эти предостереженія, люди, конечно, ждали, но смотрѣли на жену, какъ на что то враждебное; болѣе поддаться женѣ, унизиться ей и презрительно съ ней обращались. Такими образомъ, по милости переходившихъ къ намъ поучений, все болѣе и болѣе нарушалась святость и тишина супружеской жизни. Съ униженіемъ жены не могло не унизиться и значеніе матери. Благочестивый отецъ считалъ долгомъ передать своему юному сыну, что женщина есть „мирской лѣтвѣкъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобы, во черемъ блудская мытница, поборница христу, засада спасенію.“ Выслушавъ и перечитывая все это, а видѣть съ тѣмъ видъ на каждое слово презрительное обращеніе отца съ матерью, и сынъ могъ легко потерпѣть — по крайней мѣрѣ большую часть прежняго уваженія. И слыше опять, что, какъ холостые взылаю, такъ и это, въ равной степени противная нашей народности, отрада семейныхъ помысловъ, разилась преимущественно по верхнему, книжному слою народа, тогда какъ въ массѣ уцѣлѣла селѣцкая пошла старина, а съ нею и прежнее уваженіе къ государынь матушкѣ. Между тѣмъ какъ книжники упрямись въ томъ, будто бы все, что есть или было злою не свято, происходить отъ женщины, что ради ея не только Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, но и прекрасный Іосифъ заточенъ въ темницу, и пророкъ Данилъ въ ровъ ко льванъ. — Между тѣмъ какъ они указывали только на эти ветхозавѣтные примѣры женщинъ, народъ, къ счастью, имѣя возможность слышать съ вѣрахо на языкѣ понятномъ высоко чловѣческому, новозавѣтное слово, слышать его, какъ оно есть, безъ всякихъ растолковывающихъ припѣсковъ, съ любовью останавливаясь на новозавѣтномъ идеалѣ женщины Богородицы, покая въ ней болѣе всего мать и стала восхвалять ее смѣлѣе съ почтительными ей сыномъ Христомъ. И такъ противобѣстие византизскому аліанію проявлялось не только въ устной словесности, а не тамъ, откуда извѣржало на Русь это во многихъ отношеніяхъ развращающее аліаніе, — не въ литературу, тогда

впоследствии, мы увидим и въ ней слабые проблески такого противодѣйствія. Западу въ томъ отношеніи надо отдать преимущество: и тамъ со стороны благочестивой литературы были пополновенія оуишить страсти и презрѣніе къ женщинамъ, но народный духъ умилялся яено и побѣдоносно противодѣйствовать этимъ пополновеньямъ;

на Западѣ не только много писалось въ защиту женщины, но и развилось рыцарство, по крайней мѣрѣ на половину служившее ей. (Опытъ историч. обзор. Рус. Словес. О. Мп. лера 384—386).

Памяти. старин. воспитанія. Лавровскаго. Чт. общ. 1861. 3, III.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

234. Характеръ Балтійскихъ Славянъ.

Всегда бываетъ особенно трудно обрисовать общими чертами характеръ того безчисленнаго множества лицъ, имѣющихъ всякое свою особенность, изъ коего составляется народъ; но еще труднѣе становится опредѣлить характеръ народа угасшаго, когда онъ себя не высказалъ въ памятникахъ мысли и слова, и когда все, что о немъ извѣстно, хранится въ скудныхъ показаніяхъ его же враговъ и губителей. А по такимъ только показаніямъ мы судимъ о Балтійскихъ Славянахъ. По нимъ, съ трудомъ только и отрывочно, можно составить себѣ кое-какую картину ихъ народнаго характера, и то болѣе его наружныхъ свойствъ, нежели внутренней сущности.

Зная о враждебномъ положеніи Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами, мы заключаемъ, что главною чертою въ ихъ характерѣ была воинственность. Дѣйствительно, все писавшіе объ нихъ

иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, не рѣдко изображая ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи все, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество Лютичамъ (Велетамъ). Все Балтійскіе Славяне признавали ихъ между собою сильнѣйшимъ племенемъ; своимъ мужествомъ они были извѣстны Чехамъ и Полякамъ; въ IX в. Эйнгратъ пишетъ: «на южномъ берегу Балтійскаго моря живутъ Славяне и Эсты (т. е. Прусы и Литва) и разные другіе народы, и между ними первое мѣсто принадлежитъ Велетамъ.» Постоянно называютъ ихъ ѳѣмекіе лѣтописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ. Въ XI в. Англичанинъ упоминаетъ объ нихъ, какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ, а Итальянецъ говорить, что они изъ всѣхъ народовъ Германіи самый жестокій. «свирѣпѣе всякой свирѣпости.» И долго послѣ ихъ истребленія, преданіе о Лютичахъ, какъ о народѣ свирѣпѣйшемъ и о

этихъ людѣдахъ, жило въ нѣмецкихъ сказкахъ и пугало воображеніе народа.

Другіе Балтійскіе Славяне, впрочемъ немногіе, кажется, уступали Лютичамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости. Земля Вагорская, по свидѣтельству Гельмольда, была старину населена народомъ храбрѣйшимъ, воспитаннымъ въ борьбѣ съ Саксами и Датчанами. Бодричи въ своемъ четырехлѣтнемъ бою съ Германією и Дачіей показали себя не хуже Вагровъ. Ранѣ называютъ народомъ жестокихъ и кровожадныхъ. Наконецъ Поморяне, по словамъ нѣмецкаго писателя, были люди «опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежомъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости». Почти тѣми же словами описывалъ Гельмольдъ всѣхъ вообще Балтійскихъ Славянъ, но въ особенности, разумеется, Вагровъ и Бодричей, съ которыми онъ былъ наиболѣе знакомъ. «Славянамъ, онъ говоритъ, была врождена свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая носила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ».

Вотъ какое дѣйствіе могутъ на народъ имѣть обстоятельства! Славянское племя вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на Балтійское поморье, между враждебныхъ ему воинственныхъ Нѣмцевъ и Датчанъ, сдѣлалось само чуть ли не воинственнымъ и свирѣпымъ своихъ противниковъ.

Принявшись къ славянскому характеру, который терпѣливъ и сносливъ, этотъ воинственный бытъ Балтійскихъ Славянъ придавъ имъ, кажется, нѣчто изъ тѣхъ свойствъ, которыя и на нашихъ глазахъ получаютъ старые войны, ходившіе съ оружіемъ по разнымъ землямъ, выдавшие всякихъ бѣдъ и опасностей. То были люди крѣпкіе, упорные, честные. Въ отношеніи къ тѣлу, славянская сносливость устоялась въ нихъ до высшей степеніи. Саксы, которые между всѣми германски-

ми племенами признавались самыми крѣпкими и храбрыми, и тѣ дичались Балтійскимъ Славянамъ. Вотъ слова саксонскаго монаха X в., который писалъ исторію своей родины: «Эти Славяне — народъ крѣпкій и сносливый на трудъ, привыкшій къ самому скудному образу жизни, и что намъ приходится въ тягость, то Славянамъ кажется еще роскошью». Простота славянскаго быта у Нѣмцевъ даже вошла въ поговорку, хотя живъ, которую вели въ средніе вѣка сами Нѣмцы, была какъ нельзя болѣе проста.

Какъ люди, натерпѣвшіеся на своемъ вѣку всякихъ лишеній и бѣдъ и закалявшіеся въ борьбѣ, дѣлаются склонны къ упорству, такъ и Балтійскіе Славяне едва ли были на свѣтѣ народъ упорнѣе. Изъ всѣхъ народовъ Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческій бытъ: упорная защита старины, вотъ первое свойство всѣхъ этихъ передовыхъ племенъ славянскихъ—Вагровъ, Бодричей, Лютичей, выросшихъ въ бою съ Германцами. Правда, въ непреклонномъ упорствѣ Балтійскихъ Славянъ, которое ихъ и погубило, много виновна, даже виновнѣе ихъ самихъ, была корыстолюбивая исключительность враждебныхъ имъ сосѣдей; но и природный ихъ характеръ былъ сему не послѣднею причиною, и не разъ случалось, что просвѣщенная ревность ихъ брата Славянина предлагала имъ отказаться отъ языческой старины свободною волею и вступить въ семью европейскихъ народовъ, а они упорствовали въ старинѣ и убивали своего благодѣтеля.

Крѣпкіе, закаленные бойцы, Славяне Балтійскіе отличались честностью и вѣрностью. Нѣмецкіе летописцы, часто, правда, жалуются на то, что принужденные неудачею на войнѣ обидать покорность Нѣмцамъ, они, при первомъ удобномъ случаѣ, преступали свою клятву, и за это называютъ ихъ вѣроломными и непосто-

явными; но, по тогдашнимъ понятіямъ, возобновить войну съ непрітелемъ, которому поддались на время послѣ какого-нибудь пораженія, не считалось безчестнымъ, и сами Нѣмцы не разъ, собравшись съ силами, нарушали миръ, который прежде должны были просить у Славянъ, и не видѣли въ томъ позора. Но тѣ же самые Нѣмцы, которые укоряютъ Балтійскихъ Славянъ въ несоблюденіи политическихъ договоровъ, громко свидѣтельствуя, не смотря на взаимную вражду, о превосходной ихъ честности, даже во время крайняго ихъ упадка. Особенно замѣчательнъ разсказъ одного монаха, жившаго въ концѣ XII в., (когда Вагры начали уже совершенно изчезать), о какомъ то Славянинѣ изъ племени Вагровъ, Трибутъ Бакароничъ съ пятью сыновьями, который, провинившись въ разбоѣ и боясь смертной казни, скрылся и сталъ грабить страну, и даже ограбилъ самый монастырь, гдѣ жилъ повѣствователь (такъ называемый новый монастырь въ землѣ Вагорской): тамошній поселенникъ Годескалкъ, сынъ Дазоновъ, уже прежде, чтобы ограбить себя, заключилъ съ нимъ дружеское условіе, и тѣ Славяне — разбойники, такъ говорятъ пострадавшіе отъ нихъ монахи, все время хранили это условіе вѣрно, какъ обычно Славянамъ. « Не менѣе выразителенъ разсказъ другого писателя о честности Славянъ Поморскихъ: «Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обманъ, не запираютъ своихъ сундуковъ и ящиковъ. Не впасть у нихъ нигдѣ замка или ключа, и они весьма удивлялись, что вычисти ящики и сундуки епископа (Оттона Бамберка, который къ нимъ прѣѣхалъ) запирались на замокъ. Платье, деньги и всякія драгоценности они прячутъ въ короба и сундуки, просто накрывая ихъ крышкою, и не боятся воровства, и ч. его не испытывали.»

Замѣчательно, что при этой честности и вѣрности, Балтійскіе Славяне не любили произносить клятвы; только договоры съ другими народами они утверждали (да всегда напрасно) подъ присягою, слѣдуя въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно рѣдко и неохотно, считая ее для боговъ не менѣе оскорбительною, чѣмъ самое клятвенное преступленіе. Въ особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями.

Съ вѣрностью данному слову и честностью соединялось крѣпкое супружескаго союза и семейнаго быта. Вотъ свидѣтельство древнее (VIII вѣка) и непреложное знаменитаго Бонифация, великаго крестителя Германии; слышавъ въ немъ голосъ, преданный Нѣмцамъ, по вѣротъ голосъ долженъ былъ отдать справедливость славянской вѣрности: «Винеды (т. е. Славяне), такъ пишетъ Бонифаций, народъ мерзѣйшій и самый дурной, хранитъ однако же съ такою вѣрностію въ супружескомъ союзѣ взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ.»

Правда, въ позднѣйшее время этотъ обычай вывелся, по крайней мѣрѣ не упоминается, и у Славянъ допускалось даже многоженство, но они всегда признавали только одну жену законною, и по всему видно, болѣе допускали многоженство *de jure*, нежели пользовались имъ *de facto*. Достоверные примѣры многоженства у нихъ чрезвычайно рѣдки, и то встрѣчаются только между Поморянами: поморскій князь Вратиславъ (въ началѣ XII в.) держалъ нѣсколько женъ, и при этомъ случаѣ повѣствователь говоритъ, что мно-

гѣ Поморяне дѣлали также; но почти всегда въ домѣ у Балтійскаго Славянина, не только бѣднаго, но и самаго знатнаго и богатаго, даже у первыхъ людей на Поморѣ, во время Вратислава княженія, являлся одна жена, съ высокими значеніемъ въ семьѣ и въ обществѣ. Она велѣтъ хозяйство, принимала гостей, воспитывала дѣтей, вдовую по смерти мужа управляла всѣмъ домомъ, нѣтъеми и челядью; вообще супруга Балтійскаго Славянина была не раба, а равноправная мужу госпожа въ домѣ. Въ противоположность многоженству Вратислава можно привести въ примѣръ сильнаго князя Бодричей, Крука, родомъ изъ Рамы (XI в.): у него, перваго между Славянами ревнителя ихъ старины и языческаго быта, могущественнаго государя всѣхъ почти Балтійскихъ племенъ, была одна жена, которую нѣмецкій лѣтописецъ, какъ бы изъ уваженія, называетъ госпожею Славиною (*domina Slavina, uxor Cruconis*).

Совершенно непохожее въ этомъ отношеніи на большую часть языческихъ народовъ, Балтійскіе Славяне считали цѣломудріе угодыми богамъ, и кто его нарушалъ въ мѣстѣ, посвященномъ божеству, тотъ, они твердо вѣрили, подвергался мгновенной и ужаснѣйшей карѣ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ были также суровы, даже жестоки; родители у Балтійскихъ Славянъ полною властью распоряжались жизнью своихъ дѣтей, и могли, если не захотятъ воспитывать, убить младенца, особливо дочь; что и случалось весьма часто. Обязанности дѣтей къ родителямъ кончались только съ жизнью; Балтійскій Славянинъ считалъ первымъ и главнымъ долгомъ челоуѣка заботиться о своихъ родителяхъ, кормить и почитать ихъ на старости. Семейный союзъ былъ для него важнѣйшимъ; тотъ и пользовался наибольшимъ уваженіемъ, кто имѣлъ наибольшую семью и родню.

Съ рабами было обращеніе жестокое:

природныхъ рабовъ у Балтійскихъ Славянъ не было, какъ вообще у всѣхъ древнихъ Славянъ, но рабами становились военнопленные, и такихъ было множество. При всякомъ удачномъ походѣ, при всякомъ ловко исполненномъ набѣгѣ, Балтійскіе Славяне приводили къ себѣ въ рабство большее или меньшее число захваченныхъ въ плѣнъ неприятелей: они ихъ дѣлили между ратниками, или продавали на рынкѣ. Кромѣ того были еще по всему славянскому Поморью, у Вагровъ, у Бодричей, у Лютичей, у Ранъ и Поморцевъ, удалыцы—разбойники, для которыхъ уводъ невольниковъ составлялъ настоящій промыселъ. Отъ нихъ страдала Нордалбингія, но еще болѣе Данія, куда были всѣмъ, даже отдаленнѣйшимъ Поморянамъ, открытый доступъ съ моря. Отъ того-то и было у Балтійскихъ Славянъ всего болѣе рабовъ изъ Датчанъ: часто удавалось христіанамъ, при взятіи какого нибудь славянскаго города, освобождать цѣлыя толпы ихъ. Покоренные въ концѣ XII вѣка, Вагры и Бодричи не могли уже грабить Данію; но однажды случилось ихъ повелителю, саксонскому Герцогу Генриху Льву, рассориться съ датскимъ королемъ, и онъ далъ имъ волю: въ словахъ лѣтописца слышится, съ какою свирѣпою жадностію эти Славяне бросились на прежнюю свою добычу.

«Кликнули князѣи славянскихъ, и тѣ сказали: »мы здѣсь, готовы,« и съ радостію послушались. Пустилъ онъ ихъ, (т. е. Генрихъ), и пали плотины, сдерживавшія море, и прорвалась волна, поднялась и разливаясь и нанесла гибель многимъ датскимъ островамъ и прибрежнымъ землямъ. Исправлены были вновь корабли разбойниковъ, и они заняли у Датчанъ богатые острова; пресытились Славяне, послѣ долгаго лишенія, богатствами Датчанъ, ушатались ими, говоря, утучнились, разжирѣли. Я слышалъ по рассказамъ, что въ Макленбургѣ, въ день

торга, считалось до 700 дупъ плѣнныхъ Датчанъ, выставленныхъ на продажу, только бы нашлись покупатели.»

Но не однихъ чужеземныхъ плѣнниковъ обращали Славяне въ рабство: въ непрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ своихъ, Лютичи уводили въ неволю Бодричей, Поморяне Лютичей, и т. д.; забирали цѣлыя семьи, и располагали ими, какъ добычею, разлучая немилосердо жену отъ мужа, дитя отъ родителей, не принимая никакихъ жалобъ и воплей. Вообще тутъ бывали случаи ужасной жестокости, когда Бодричи, которыхъ Нѣмцы систематически истребляли и выжидали изъ ихъ земли, доведенные до отчаянія всемъ этимъ гонимъ и посягнутою страну ихъ голодомъ, бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, но и свои братья — Поморяне, безъ пощады стали ихъ продавать Полякамъ, Лужицкимъ Сербамъ и Чехамъ, какъ невольниковъ.

Однаковая съ военнопленными была участь неоплатныхъ должниковъ: они становились рабами заимодавца. Иногда у богатого человека было множество такихъ рабовъ. Замѣчательно, что, судя по рассказу жизнеописателя св. Оттола (въ началѣ XII в.), существовало въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ международнаго права между Поморьемъ и Даніею: у одного знатнаго Поморянина, Моислава, было въ рабствѣ нѣсколько Датчанъ, должниковъ его, и въ томъ числѣ знатный юноша, сынъ датскаго вельможи, котораго отецъ, будучи долженъ Моиславу 500 фунтовъ (серебра), далъ въ заложники; его держали въ погребѣ, въ колодежѣ и цѣпахъ, чтобы принудить отца къ уплатѣ.

Ужъ изъ этого видно, что обращеніе съ невольниками было не мягкое. Однихъ употребляли въ работу, другихъ держали для выкупа, и этихъ страшно мучили. »Священники христовы въ вагскомъ го-

родѣ Люблицѣ (въ началѣ XII в.) были, говорить Гельмольдъ, въ ужасномъ бѣдствіи: кромѣ ильцеты и ежедневной опасности смерти, имъ приходилось еще смотрѣть на цѣли и разнаго рода муки, которые были удѣломъ христіанъ, приводимыхъ въ плѣнъ разбойниками.» Вотъ что рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, какъ очевидецъ: »Мы (съ епископомъ) остановились въ гостяхъ у Тѣшимира (знатнаго Славянина—Вагра), который принялъ насъ съ большою пышностью. Но не показали намъ сладкихъ и пріятныхъ славянскихъ пиръ, и ч. мы видѣли кандалы и разнообразныя мученія, которыми подвергались привозимые изъ Даніи христіане. Мы нашли тамъ священниковъ господнихъ, изнеможенныхъ долгимъ заключеніемъ, и епископъ ничѣмъ не могъ имъ помочь, ни силою, ни просьбами.»

У передовыхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ, особливо въ послѣдній вѣкъ ихъ существованія, когда они со всѣхъ сторонъ только и видѣли бѣду и погибель, жестокость съ непріятелями, которые попадались имъ въ руки, доходила до изступленія: неистово вымещали они на христіанахъ гнѣвъ, который сами такъ долго отъ нихъ терпѣли, насильственное обращеніе въ христіанство, истребленіе, и мы поймемъ возможность и правдивость слѣдующей картины, нарисованной тѣмъ же Гельмольдомъ: »Народу славянскому врождена была неасытная свирѣость... Какими многообразными родами смерти Славяне губили христіанъ, рассказывать трудно: однихъ они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ, другихъ распинали на крестѣ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія... а кого они сажали подъ стражу ради денежнаго выкупа, тѣхъ мучать столькими пытками и сковываютъ столькими цѣпами, что незнающему и не пофрить.»

Все это показываетъ Балтійскихъ Сла-

ванъ народомъ, воспитаннымъ въ воинственной жизни, суровымъ съ чужими, строгимъ у себя, въ своей семьѣ. Но у нихъ сохранилась и черта мягкаго нрава, остатки быта кроткаго и мирнаго. Только иностранные писатели меньше говорятъ объ этой сторонѣ ихъ характера, за тѣмъ что она не такъ бросалась имъ въ глаза, какъ ихъ военная доблесть и жестокость ихъ къ несчастнымъ невольникамъ. Можно однакоже по немногимъ ихъ указаніямъ угадать, что и въ груди Балтійскаго Славянина, упорнаго воителя, билось сердце доброе, и что все же въ основаніи его нрава, хоть и ожесточеннаго, оставалась славянская общительность, славянское добродушіе. Доброта души ставила его, конечно, выше въ нравственномъ отношеніи средневѣковаго Нѣмца или Датчанина; разумеется, мы говоримъ о пріродномъ характерѣ Балтійскихъ Славянъ и ихъ соперниковъ, независимо отъ вліянія религіи, и не сравниваемъ, напр., язычника, князя поморскаго, который считалъ извѣстными кромѣ жены 24 наложницы, съ Германцемъ, которому христіанская заповѣдь повелѣла хранить вѣрность своей законной супругѣ: но въ этихъ вліяніяхъ, мы найдемъ въ тогдашнихъ Нѣмцахъ и Датчанахъ менѣе общительности и добродушія и, безспорно, столько же, если не больше, свирѣости и безчеловѣчія, какъ въ Балтійскихъ Славянахъ. Въ особенности ихъ поведеніе съ Славянами превосходило въ жестокости все то, чѣмъ Славяне старались имъ отплатить. Что значить захватъ нѣмецкихъ и датскихъ невольниковъ Славянами, что значить все ихъ грабежи, правда ужасные, противъ многовѣковаго порабощенія плѣныхъ племенъ, такъ что для Нѣмцевъ и Датчанъ *Славининъ* стало синонимомъ раба, и несчастная участь Славянъ, подпавшихъ ихъ власти, у самихъ Нѣмцевъ служила поговоркою (все, что прежде принадлежало нашей Мерзебургской церкви, го-

ворить Титмаръ, было тогда распродано, подобно славянской семьѣ, которая, подвергшись обвиненію, распродается и разсѣвается). Что значить ненависть Славянъ къ своимъ германскимъ соседямъ, противъ многовѣковой кровавой обиды, которую они отъ этихъ соседей терпѣли? И Саксы называли, по словамъ нѣмецкаго историка, Славянъ собаками, и не признавали ихъ, даже когда они исповѣдались христіанскую вѣру, равноправнымъ съ собою людьми! Что значить тѣ, правда, страшныя мученія, коимъ Славяне подвергали нѣкоторыхъ плѣнныхъ (особенно нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали), противъ систематическаго погребенія всего народа славянскаго на Балтійскомъ Поморьѣ?—А съ другой стороны въ Балтійскихъ Славянахъ выказываются черты такого высokaго добродушія и человеколюбія, какихъ напрасно бы стали искать въ средневѣковыхъ Нѣмцахъ и Датчанахъ; и черты эти тѣмъ драгоценнѣе и достоимѣннѣе, что ихъ сохранило свидѣтельство враждебныхъ писателей.

Адамъ Бременскій громко пыхпаллетъ привѣтливую кротость и общительность Волинцевъ (жителей славянскаго Поморья острова и города Волина, противъ устья Оды): они принимали къ себѣ всякаго пріѣзжаго иностранца и безъ ограниченія давали ему все права туземныхъ жителей: «до нынѣ, говорятъ онъ, Волинцы преданы заблужденію языческихъ обрядовъ, но впрочемъ не найдется относительно нравовъ и гостеприимства народа честнѣе и добродушнѣе». Какъ хорошо подтверждается это свидѣтельство разсказомъ другаго нѣмецкаго писателя о поступкѣ Волинцевъ съ католическимъ монахомъ, который пришелъ склонить ихъ къ принятію христіанства! Испанецъ родомъ, долго жившій въ Римѣ и назначенный епископомъ какой-то епархіи на мѣсто другаго епископа, отста-

явленнаго, Бернгардъ, выжитый проясками своего совѣтника, рѣшился идти обра- щать язычниковъ и, не зная ни слова по- славянски, отправился на Поморье. Въ нищенскомъ рубищѣ явился онъ къ Во- линѣ и черезъ переводчика началъ про- поповѣдывать народу. Жрецы и старшины волынскіе, долго толковавъ объ этомъ странномъ для нихъ человѣкѣ и о неслы- ханныхъ словахъ его, рѣшили, что онъ сумашедшій и опредѣлили дать ему ко- рабль и выслать его изъ своей земли. Но Бернгардъ и слушать не хотѣлъ, и, къ пылу восторженной ревности, съ топо- ромъ въ рукѣ принялся рубить священ- ный столбъ, принадлежавшій божеству Волинцевъ и съ которымъ сопряжено было, по ихъ вѣрованію, благосостояніе города и побѣда надъ врагами. Народъ бросился на него, поваливъ на земь и, сильно избивъ его, отошелъ; жрецы вы- ручили несчастнаго изъ толпы, посадили на корабль и отправили обратно, по Од- рѣ, къ Польшѣ, провозжая насмѣшливыми словами: «если такая у тебя охота про- поповѣдывать, то ступай, проповѣдывайъ рыбакамъ и птицамъ, а насъ оставь въ покоѣ.» — Можесть ли быть больше до- бродушія? человѣкъ, котораго ни кто не понимаетъ, приходитъ къ язычникамъ, оскорбляетъ ихъ величайшую святыню, и его берутъ и выпроваживаютъ съ ми- ромъ.

О свирѣпыхъ морскихъ разбойникахъ, закоренѣлыхъ язычникахъ, Рапахъ, лѣто- писецъ Гельмольдъ сознается, что имъ были врождены многія добрыя качества, въ особенности почитаніе родителей и го- степримство. Въ этомъ последнемъ ка- чествѣ самымъ виднымъ образомъ проя- влялась для иностранца славянская общи- тельность, и, дѣйствительно, иѣмецкіе пи- сатели не надвѣются гостепримству Бал- тическихъ Славянъ. Послушаемъ разсказа двухъ свидѣтелей, какъ они изображаютъ, на противоположныхъ концахъ Балтиска-

го поморья, одинъ у Вагровъ, другой у Поморянъ, гостепримство славянскаго на- рода. Гельмольдъ, повѣствуя о своемъ путешествіи съ однимъ иѣмецкимъ епи- скопомъ по землѣ Вагрокской (около 1155 г.), говоритъ слѣдующее: «Прибыславъ (князь Бодричей и Вагровъ, котораго Иѣмцы ужасно прятѣняли) попросилъ насъ завернуть къ себѣ къ домъ, иѣ- сколько къ сторонѣ отъ дороги, по кото- рой мы ѣхали; онъ принялъ насъ съ ве- ликой заботливостью и радушемъ и при- готовилъ богатое угощеніе. Передъ нами помѣстили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытъ, о чемъ прежде слышалъ по разсказамъ, что иѣтъ народа пріятливѣе Славянъ своимъ гостепримствомъ. Въ приглашеніи гостя они всѣ какъ бы нарочно сорев- нуютъ другъ другу, такъ что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема. Что ни приобретаетъ Сла- вичи своимъ трудомъ, хлѣбъ ли, рыбу ли, дичь ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе и считаетъ того лучшимъ че- ловѣкомъ, кто щедрѣе. Случается даже, что эта страсть—показаться пышнымъ и расточительнымъ—ведетъ къ воровству и грабежамъ. На эти вѣны смотрятъ снис- ходительно, извиняя ихъ долгомъ госте- примства; у Славянъ есть поговорка: «что ночью украдешь, завтра раздавайъ гостямъ». Если же случится (впрочемъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко), что бы кто нибудь отвергъ странника и не при- нялъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ ежечь его домъ и имущество, и всѣ еди- ногласно называютъ такого человѣка без- честнымъ, подлымъ и стоящимъ всякаго поруганія, который бы отказался удѣлить гостю часть своего достатка.»

А вотъ что говорится о Поморянахъ: «Удивительное дѣло, у Поморянъ не спи- мается никогда со стола кушанье; у каж- дого хозяина есть отдѣльный изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для

стола и угощения: въ ней стоятъ столы со всякою едою и питьемъ, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несутъ другое; отъ мышей покрываютъ блюда скатертью самою чистою, и такъ кушанье всегда готово и ждетъ гостей, и во всякій часъ, когда захоить поветъ, гости ли придутъ, или одни домашние, то, вошедши въ столовую избу, найдутъ все готовымъ.»

Съ такою общительностью и такимъ гостеприимствомъ соединилась у Балтійскихъ Славянъ большая сострадательность къ ближнему. Они не допускали, чтобы кто-нибудь у нихъ впалъ въ нищету или пресель милостыню; если кто отъ болѣзни или старости становился немоощенъ, то отдавали его на руки роднымъ, и тѣ ходили за нимъ весьма заботливо. Так. обр. не было у Ранъ и Поморцевъ, о которыхъ Нѣмецкіе писатели рассказываютъ эти подробности, людей бѣдныхъ и нищихъ, и если приходилъ къ нимъ пришлецъ изъ чужой земли, то они его глази съ презрѣніемъ, какъ бродягу, который за что-то недоброе оставилъ свою родину.

Были ли Балтійскіе Славяне, подобно своимъ соплеменникамъ, склонны къ пѣснямъ и веселію, объ этомъ нѣтъ извѣстна; но оно вѣроятно, при всей ихъ воинственной суровости. По крайней мѣрѣ, когда было гдѣ-нибудь празднество въ честь боговъ, то собиралось изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ множество народа, часто нѣсколько тысячъ, и тутъ вѣли пѣсни, играли игры, плясали, кричали.

Таковъ былъ характеръ этихъ людей: основаніе доброе, общительность и любовь къ ближнему; но на этомъ основаніи вызванная обстоятельствами воднищенность, породившая быть строгій и суровый, воинственность, часто переходившая въ склонность къ разбою, въ жестокость и свирѣцтво,—однимъ словомъ, народъ въ

сущности добрый и не жестокий, но ожесточенный.

Въ исторіи же, Балтійскіе Славяне выступаютъ не въ полнотѣ своей природы, вмѣстѣ добродушной и суровой: о кротости, объ общительности нѣтъ и помину, и являея только война за войною, жестокость за жестокостью. Такъ ихъ постигла судьба: окруженные постоянной опасностью, тѣшныя отовсюду врагами, разединенныя между собою, они не могли не жить одностороннею жизнью народа, который только и думалъ о войнѣ и защитѣ, который нѣчно былъ въ бою.

(Ист. Балтійс. Славянъ А. О. Гильфердинга. Т. I, 37—51. М. 1855).

235. Религіозныя вѣрованія.

Христіанство—вѣра чистая, небесная, вступивъ въ общество русскихъ, нашло сильныя безпорядки въ семейномъ быту русскаго народа, безпорядки пагубныя и для гражданскаго быта; надобно было много бороться съ язычествомъ.

Прекрасно обыкновеніе русскаго христіанства стараго времени—причащаться св. таинъ брачущимся; Пифонтъ говорилъ, что надобно удостаивать животворящей таинны и тогда, когда на комъ-либо изъ нихъ лежитъ злѣяніе. Святое само по себѣ правило сіе спасительно было тогда и въ томъ отношеніи, что учило грубый народъ святости брака. Простой народъ не относилъ къ обязанности испрашивать благословенія церкви, союзу брачному: думалъ, что это благословеніе—преимущество князей и бояръ. Такая вольность была собственно плодъ дикой языческой грубости, предоставлявшей брачный союзъ безусловному произволу, о чемъ писалъ

преп. Несторъ (*Ист. Рос. Арцыбашева. I, 11*). У Сербовъ, даже во время перваго сербскаго архіепископа св. Савы, простой народъ бралъ женъ безъ благословенія въ храмѣ, и точно такъ же, какъ и въ Россіи, считалъ вѣнчаніе отличіемъ людей высшаго класса. Христіанство не могло терпѣть такихъ обычаевъ. Людямъ простымъ по имени и общему мнѣнію—говорить митрополитъ,—даемъ вразумленіе и говоримъ: только одни невѣжи въ законѣ допускаютъ для простыхъ и невѣждъ такое совокупленіе; безъ церкви божіей, безъ благословенія творятъ свадьбу, называя это тайнымъ вѣнчаніемъ; тѣмъ, которые такъ берутъ женъ, налагать эпитимію, какъ блудникамъ. Въ другомъ правилѣ, ясно поставляя такой обычай простолюдинъ, въ связи съ язычествомъ, пастырь повелѣваетъ употреблять все стараніе, чтобы вразумить невѣжество, наставлять, увѣщевать, поражать страхомъ отлученія отъ церкви.

Языческая жизнь Русскихъ дозволяла многоженство. Ярославъ уставъ о церковныхъ судахъ на мужа, держащаго двухъ женъ, налагалъ пеню; а вторую жену его приказывалъ отводить въ домъ церковный, чтобы родные внесли за нее выкупъ. Митр. Іоаннъ писалъ о безстыдныхъ: «Это противно вѣрѣ и греческому благовѣрному житію», и повелѣвалъ не считать непокорныхъ христіанами. Противъ того же говорилъ и Нифонтъ.

Та же языческая жизнь предоставляла право перемѣнять женъ по произволу страстей; но христіанство не дѣйствуетъ за одно съ страстями. Ярославъ опредѣлилъ мужу сверхъ денежнаго штрафа гражданскую казнь, а въ случаѣ обоюднаго согласія чегы на разводъ назначалъ только денежное взысканіе; послѣднее было снисхожденіе къ укоренившемуся обычаю, если только не относилось къ случаямъ законнаго развода. М. Іоаннъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать ближе къ духу хри-

стіанства: онъ отлучалъ виновныхъ отъ причащенія св. тѣлѣ и повелѣвалъ дѣлать увѣщанія простому народу, мало знакомому съ духомъ христіанства. Но тотъ же митрополитъ, въ томъ случаѣ, если кто подъ видомъ благочестія оставлялъ жену, дозволялъ таковаго удостоивать и сана священства, женѣ вступать въ новый бракъ: это было только въ духѣ тогдашняго греческаго благочестія.

М. Іоаннъ своими правилами указывалъ и на тѣ предѣлы, которые полагаетъ природа заключенію браковъ въ степеняхъ родства, повторая мысли, оправданныя въ греческой церкви. Впрочемъ князья не всегда слѣдовали сиихъ правиламъ, такъ же какъ и запрещенію того же митрополита заключать бракъ съ иноувѣрными.

Священникъ подвергался лишенію сана, когда, зная или не зная, освятилъ бы таинствомъ троюженца; снисхожденіе къ немощи дозволяло только читать молитву...

Торгъ рабами во время язычества былъ дѣломъ обыкновеннымъ на Руси: прибыль оправдывала его для язычника. Страсть къ корысти побуждала нѣкоторыхъ дѣлать то же и въ христіанствѣ; покупали невольниковъ, обращали ихъ въ христіанство, и потомъ продавали ихъ въ *поганые*—язычникамъ, жидамъ, магометанамъ. На вопросъ о таковыхъ м. Іоаннъ писалъ: «Христіанина не продавать ни жидамъ, ни еретикамъ; иначе грѣшатъ не только противъ христіанскаго правителя, но и противъ Бога. Подумай о примѣрахъ Анаши и Сафкры, и разсуди: они, принеся цѣлу обѣта своего Богу чрезъ верховнаго апостола Петра, удержали только малую часть, и однако осуждены были на смерть, какъ хищники части, обѣщанной Богу. А купцы, которые назnamenали знаменіе божіе на купленныхъ ими рабахъ, освятили молитвою, знаменавъ и молитву давъ, потомъ продаютъ поганымъ. Это уже не тайное согрѣшеніе, но открытое; отдѣ-

зекное для Бога крадутъ и чужое присваиваютъ. Намъ такъ кажется, что они сорбѣшаютъ наравнѣ съ тѣми, которые гонятъ кѣру нашу, обращаютъ отъ вѣры въ неистіе. Надобно отолекать ихъ отъ сего злаго дѣла вразумленіемъ и наставленіемъ, если не послушаютъ,—считать ихъ наравнѣ съ язычниками и мѣгарями». Когда язычество оставалось по мѣстамъ и между русскими, а еще болѣе у Печенѣговъ, Половцевъ,—неудивительно, что въ невѣдѣніи иные русскіе христіане раздѣляли трапезу языческую. Для такихъ только творить молитвы на оскверненіе,—говоритъ митрополитъ. Но языческая страсть къ корысти вовлекала и волю христіанина въ общеніе съ язычниками,—«своею волею ходятъ къ поганымъ купли ради и скверно ядятъ». Мы причисляемъ ихъ,—говоритъ митрополитъ Россіи,—къ хищникамъ, лихоимцамъ, неправедникамъ, издоимцамъ, сребролюбцамъ. Они не подлежатъ правилу (т. е. нѣтъ на то особаго правила), но не изъяты отъ осужденія. Надобно преподавать имъ наставленіе, учить ихъ, внушать имъ евангельское слово: *о, горе вамъ яко имя Мое вы ради хулу пріемлете въ языцехъ...*

Съ привычками языческими заодно дѣйствовалъ во вредъ христіанской жизни духъ времени, невѣжественный и дышавшій кровію во всей Европѣ, довольно враждебный и между Греками. Въкѣ извиняетъ человека: тѣмъ не менѣе христіане страдаютъ отъ страстей вѣка, и страдали въ древней Россіи. Исторія древней Россіи представляетъ печальную картину дикихъ раздоровъ. Князья удѣльные дрались другъ съ другомъ за участки, и при первомъ удобномъ случаѣ бросались на вѣд. князя за его престолъ; брать возставали на брата; не рѣдко дѣти поднимали оружіе на отца, и отецъ на дѣтей. И такъ было не годы, а два столѣтія; и такъ было не по временамъ, а рѣдко проходилъ

годъ, о которомъ бы не сказала лѣтопись: *бысть съча зла*, а иногда и рядъ годовъ былъ рядомъ опустошеній, убійствъ, грабежа. Чѣмъ ближе къ времени Монголовъ, тѣмъ больше крови; когда умножилось число князей, съ 1133 г. цѣлые 30 лѣтъ сряду дрались то тамъ, то здѣсь, то по всей Россіи: тогда уже не было пощады и священному;—грабили храмы и монастыри. Самое страшное бѣдствіе бывало тогда, какъ брала народъ на цѣпъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если среди всеобщихъ грабежей и убійствъ русскій народъ не сдѣлался повсе дикимъ; то это было дѣло христіанства, и это означало, что христіанство было въ душѣ его. Лучшее питомице любви христовой выходила изъ борьбы съ злымъ духомъ времени побѣдителями высокими, мучениками...

При всей непріязненности духа времени, при всемъ влияніи остававшагося язычества на нравы, искренность и простота нравовъ были украшеніемъ первыхъ христіанъ русскихъ. Эта простота много значила и въ томъ отношеніи, что не давала злу времени—духу вражды, глубоко нисходя въ сердца многихъ; оттого такъ скоро забывались многія обиды, иногда кровавыя. Съ другой стороны, такъ какъ духовное образованіе души совѣтъ не то, что эстетическое образованіе вкуса, не то, что и образованіе ума познаниями: то недостатки образованія вкуса и ума—не указатели на недостатокъ духовнаго образованія предковъ нашихъ. Напротивъ сердечная простота предковъ нашихъ спасала ихъ отъ толпы мелочей, блестящихъ по виду и весьма вредныхъ по дѣйствию на душу. Она же не допускала ихъ отыскивать тысячи извиненій грѣхамъ, какъ это бываетъ при ея недостаткѣ. Отъ того-то и лѣтописи и жизни говорятъ такъ часто о простодушномъ и тѣмъ болѣе пылкомъ покаяніи князей. Впрочемъ несправедливо было бы говорить, что все, что дѣлалось простотою, хотя и благочестивою,

было хорошо (напр. крещение мертвых братьев св. Владимира при Ярославе I — Ярослава и Олега)...

Естественно, что, по введении христианства в Россию, взоры всех обратились на восток, откуда озарил Россию свет вѣры. Отсюда естественно было желание путешествовать на восток. Первымъ благочестивымъ путешественникомъ вѣ Афонъ былъ пр. *Антоний*. Пр. *Варлаамъ* ок. 1060 г. путешествовалъ въ Иерусалимъ на поклонение св. мѣстамъ его: это былъ, сколько извѣстно, первый русскій поклонникъ гроба господня, и онъ же, по возвращении изъ Палестины, путешествовалъ въ Царьградъ... Въ половинѣ XII стол. столько являлось желавшихъ идти на востокъ, что пастырямъ церкви надлежало многихъ останавливать. Хотя и не было у насъ того, что въ тоже время было на западѣ — не шла толпа праздныхъ людей съ мечемъ въ рукахъ для защиты памятниковъ вѣчной любви, но и игумень *Даниилъ* замѣчалъ: «мнози ходяще, св. тѣхъ мѣстъ и видѣше градъ Иерусалимъ и вознесшеся умоу, яко ничто доброе сотворше, погубяють изду свою». Инокъ, новгород. епископ, не позволяя разрѣшать каждому идти на востокъ, говорилъ: «иные идуть съ тѣмъ, чтобы тамъ и здѣсь скитаясь жѣть и питъ, — это худо, надобно запрещать». А св. *Іоаннъ* на вопросъ *Киприяна*: что дѣлать съ тѣми, которые связали себя обѣтомъ — идти во Иерусалимъ, отвѣчалъ: «благать зплтѣмю, ибо эти обѣты губятъ землю». Сія запрещенія, какъ очевидно, не унижаютъ, а возвышаютъ достоинство путешественника, какія дозволяла древняя русская церковь (1)...

Его же любитъ Господь, наказуетъ. Въ его премудромъ планѣ, кто Монголовъ

было мѣрою любя, врачующей нравственные болѣзни русскаго народа. Чѣмъ же былъ народъ подъ этимъ игомъ? Прежде всего общее бѣдствіе пробудило въ народѣ чувство покаянія. Такъ показываютъ памятники. Волею и неволею Русскіе приводили на память примѣръ Иппевитянъ и калялись, вспоминали объ Израилѣ — невольникѣ Египта и обращались отъ земли къ Богу. Вѣсть съ тѣмъ постоянною мыслию народа было, что онъ — народъ христіанскій, а жестокие владыки его — не вѣрные, ненавидимые Богомъ; такимъ образомъ основою жизни была мысль высокая, — вѣра въ превосходство христіанской вѣры. Эта мысль ободряла народъ, когда скорбь доходила до глубины души его, и она же заставляла дорожить тѣмъ, что внушало ему христіанство; она внушала любить то, что любили не читавшіе имени Христова. — Оттого, въ два столѣтія рабства, Русскіе остались съ прежнею любовью къ родитѣ, не принявъ отъ Татаръ изъ дѣлности хищной. Среди бѣдъ тяжкихъ эта мысль образовала твердость въ характерѣ народа, стойкость въ своихъ правилахъ; тамъ, гдѣ духъ христіанскій благодатью проникалъ въ душу и давалъ высшее направление силамъ души, любовь къ Богу не боялась подвиговъ самыхъ суровыхъ, — трудовъ самыхъ тяжкихъ. Благоговѣніе къ вѣрѣ, къ имени Христову было общимъ для всехъ состояній. Духъ вражды, властолюбивой въ первые годы ига, волновалъ сердца князей по прежнему; но потомъ мало помалу становился тише, болѣе и болѣе уступалъ мѣсто духу кротости. Волею и неволею князья стали ожидать славы не отъ меча своего, а отъ воли божіей и отъ того, кому покорились они; волею и неволею стали называться братьями.

Странно, но вѣрно: Новгородцы, которые не видали у себя Батю, которые, по отдаленности отъ орды Кинчакекой, рѣдко терпѣли грабежи и насилие Татаръ,

(1) Пам. XII в., 176, 203. См. о важности христ. путеш. къ св. мѣст. А. Зерценикова, М. 1840.

Новгородцы въ монгольскій періодъ пята-ли себя зѣвскою необузданностію и зло-дѣйствами, какихъ не видно было въ дру-гихъ краяхъ Россіи; это всего яснѣе по-казываетъ, какъ нужно было это, кото-рое надолго промыслъ божій на Россію. Сколько посадниковъ Новгородцы бросили въ Волговъ! Сколько разъ грабили и убивали невинныхъ! Сколько разъ поднимали мятежъ междоусобицъ, мятежъ противъ в. князя! Не разъ Новгородская вольница толпами ходила жечь города, грабить народъ и убивать собратіи по вѣрѣ и крови. Самыя забавы новгородцевъ отличались буйствомъ неистовымъ: такъ въ 1358 г. они обязались клятвою не бити въ бѣсовскихъ забавахъ бочекъ.

Неудивительно, что подъ ягомъ тяжкаго рабства, подъ властію дикаго своеволія, для котораго утѣха—мечъ и опусто-шеніе, бѣдные христіане восточной и сре-дней Россіи не имѣли мягкости въ нра-вахъ. Отсюда нужда заставила добросер-дечнаго князя Дмитрія ввести смертную казнь, тогда какъ Мономахъ говорилъ: «не убивайте винопнаго, — жизнь христіа-нина священна». Прежде денежная пе-ня удерживала отъ воровства, а въ XIV стол. воровъ вѣшали, за другія же пре-ступленія были кнуты. Естественно бы-ло и то, что Русскіе въ періодъ монголь-скихъ нашествій утратили часть доверчиваго простодушія; — горькая нужда заставляла ограждать себя хитростію, когда не въ силахъ были противопоставить насилию от-поръ мужества. Это была дакъ тяжко-му времени со стороны слабыхъ.

(Ист. рус. цер. архіеп. Фила-рета. М. 1857, I, 84—87. 132—134. 137. 140—141, II, 105—107).

136. Несвободныя состоянія въ древней Россіи.

Въ государственномъ быту встрѣчают-ся учрежденія, которыхъ корни глубоко загнаны въ жизнь народной. Они не про-изведевіе вчерашняго дня; ихъ не уста-новило законодательство, имѣющее въ ви-ду потребности времени и пѣвняющееся съ ходомъ обстоятельствъ. Они соста-вляютъ наслѣдіе давнихъ временъ, и до-стаются отъ предковъ отдаленному потом-ству. Иногда они живутъ, единственно благодаря этой древности. Жизнь ушла впередъ, а учрежденія остаются тѣже. Первоначальный смыслъ ихъ затеняется и забывается; они приравливаются къ потребностямъ новаго быта, совершенно отличнаго отъ того, который ихъ произ-велъ, и представляютъ остатокъ старины, не всегда понятный для современниковъ. Люди, получившіе это наслѣдіе, живу-ще подъ влияніемъ этихъ стародавнихъ учреждений, стараются однакоже уяснить себѣ ихъ значеніе. Для этого придумы-ваются обыкновенно разныя государствен-ныя соображенія, разныя причины бытія, почерпнутыя изъ настоящей жизни, и да-ющія имъ смыслъ въ настоящее время. Но такія объясненія могутъ только зате-мнить истинное дѣло; каждое учрежденіе имѣетъ смыслъ и значеніе единственно на той почвѣ, на которой оно возникло. Чтобы понять его, нужно перенестись мы-сленнымъ взоромъ къ тому порядку вещей, который присутствовалъ при его зарожде-ніи, нужно прослѣдить постепенный про-цессъ его образованія и послѣдующихъ его измѣненій, устранивши современные софистическія выдумки. Однимъ словомъ — каждое учрежденіе объясняется только своею исторіей; исторія одна даетъ намъ его смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣша-етъ, имѣетъ ли оно право на дальнѣйшее существованіе или нѣтъ. Историческая ра-бота должна по этому служить краеуголь-

нымъ камнемъ для пониманія современнаго состоянiя общества и народовъ; безъ нея всѣ государственныя соображенiя имѣютъ слишкомъ шаткую основу. Отправляясь отъ одного настоящаго, они не могутъ отдѣлится временныхъ стихiй отъ постоянныхъ, не могутъ уразумѣть внутренняго смысла жизни, глубоко затаеннаго въ недрахъ исторiи, не могутъ наконецъ и создать вѣчнаго порядка вещей, ибо ничего не видятъ далѣе минутныхъ потребностей современности, далѣе рутины привычнаго порядка. Но, разумеется, изучая исторiю, мы не должны приступать къ ней съ заранѣе приготовленными убѣжденiями, вносить въ нея современныя требованiя, современные интересы; ибо тогда она теряетъ истинное свое значенiе, я сдѣлается орудiемъ для доказательства той или другой мысли. Поэтому, когда мы изучаемъ исторiю какого бы то ни было учрежденiя, мы должны прежде всего отдѣлится отъ настоящаго и разсмотрѣть, при какихъ оно возникло условiяхъ, кака была причина существованiя такого порядка вещей?

Изъ числа учреждений, составляющихъ завѣщанное вѣками наследiе, у всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ эпохи ихъ жизни, принадлежатъ состоянiя несвободныя. Рабство мы видимъ уже въ глубочайшей древности; явѣтъ народа, у котораго бы оно не проявилось въ той или другой формѣ. Начало его теряется во мракѣ; впоследствии оно продолжаетъ существовать, памятаясь съ теченiемъ времени, принимая въ себя новыя стихiи, но вообще смягчаясь по мѣрѣ развитiя началъ человеколюбiя и нравственности. У каждаго народа оно получаетъ свой отбѣнокъ, зависящiй отъ народныхъ свойствъ и отъ характера общественнаго развитiя. У одного оно принимаетъ черты болѣе суровыя, у другого болѣе мягкiя; у одного развивается преимущественно юридическая сторона, у другаго юридическiя опре-

дѣленiя касаются только самыхъ яркихъ проявленiй жизни; у одного мы видимъ строгую послѣдовательность выводовъ, у другаго, напротивъ, неопредѣленность отношенiй рождастъ противорѣчiя, которыя разрѣшаются только жизнью. Въ какой же формѣ являются несвободныя состоянiя у нашихъ предковъ? Откуда они возникли и какими подверглись измѣненiямъ? Вопросъ чрезвычайно важный, можно сказать одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей исторiи, если мы взглянемъ на долговѣчность этихъ отношенiй и на значенiе, которое они имѣютъ даже въ настоящее время.

У всѣхъ народовъ первоначальнымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ. Племена первобытныя лишены сознанiя объ общенiи народовъ; у нихъ нѣтъ понятiю о человѣкѣ, ибо это понятiе постепенно вырабатывается путемъ историческаго развитiя. Для нихъ право и законъ не выходятъ изъ тѣснаго круга національной исключительности, и все, что внѣ этой сферы, попадаетъ подъ ихъ власть, становится законнымъ ихъ достоянiемъ. Такимъ образомъ плѣнникъ, взятый на войнѣ, вмѣстѣ съ добычею дѣлается собственностью побѣдителя, и превращается въ раба, находящагося въ полномъ распоряженiи господина. Это явленiе всеобщее. Но отъ племеннаго характера зависитъ состоянiе, въ которомъ содержатся племенные невольники. Чѣмъ мягче нравы народа, чѣмъ меньше онъ склоненъ къ воинственной жизни, тѣмъ отношенiя къ плѣннымъ отзываются болѣею кротостью. У Славянъ, по свидѣтельству Макарiя (*Карам. т. I, прим. 132*), плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ извѣстнаго срока имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину, или остаться у хозяевъ на свободѣ и жить какъ друзьями.

Этимъ скуднымъ извѣстiемъ ограничивается то, что мы знаемъ о рабствѣ, существовавшемъ у нашихъ предковъ. Но

его достаточно для убѣжденія, что не у нихъ мы должны искать начала тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, какія развились впоследствии. Настоящее рабство является у насъ вмѣстѣ съ варяжскою дружиной, и, вѣроятно, было принесено ею. Уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками встрѣчаются условія о рабахъ, требуется выдача бѣжавшаго раба и устанавливается ему цѣна. Изъ этихъ и другихъ источниковъ (тамъ же пр. 329) мы знаемъ, что варяжскіе купцы въ Константинополѣ торговали рабами, плѣнными или купленными. Воинственный характеръ дружины долженъ былъ значительно способствовать умноженію рабовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать положеніе ихъ гораздо худшимъ, нежели какимъ оно было у древнихъ Славянъ. Плѣнные по прежнему считались военною добычею, и князья въ своихъ походахъ выводили ихъ во множествѣ изъ опустошаемыхъ земель. Такъ Ольга, взявши Коростень, многихъ Древлянъ избила, а другихъ отдала въ рабство своему войску. Такъ Ярославъ и Мстиславъ воевали Лашекую землю и многихъ Ляховъ вывели и раздѣлили между собою (*Рейцъ, изданіе Морошкина, стр. 67*).

Въ Русской Правдѣ рабство является, какъ вполне развитое учрежденіе. Здѣсь исчисляются три источника холопства обильнаго, т. е. полнаго: 1) Купля передъ свидѣтелями, при чемъ покупатель долженъ былъ дать продавцу по крайней мѣрѣ вогагу (мелкую монету) въ присутствіи холопа, а не безъ него. 2) Женильба на рабѣ безъ рѣды; но если женихъ заключалъ особенный договоръ съ хозяиномъ, то условія получали законную силу. Впоследствии всегда существовало правило: по рабѣ холопъ, а по холопѣ раба. Оно возникло не изъ понятія о неразрѣдѣнности семейства; — оно имѣло основаніемъ то, что свободный человѣкъ связывалъ себя съ лицомъ, составляв-

шимъ собственность другого, чѣмъ и самъ онъ становился собственностью. Личная зависимость дѣлала человѣка крѣпостнымъ, какъ видно и изъ слѣдующаго источника обильнаго холопства. Это 3) принятіе должностей пѣна или ключника безъ рѣды; если же это совершилось на основаніи договора, то како ся будетъ срядилъ, на томъ же и стоитъ. (*Рус. Правда изд. Коллчова, ст. IV, V, VI*). Здѣсь опять личная зависимость дѣлаетъ человѣка холопомъ, если онъ особеннымъ условіемъ не выговорилъ себѣ право свободы.

Кромѣ того въ Рус. Правдѣ упоминаются и другіе источники рабства. Сюда относятся: 1) *Рожденіе отъ рабыни*. Плодъ отъ челяди, такъ же и плодъ отъ скота, составляетъ собственность хозяина (ст. 68). 2) *Неоплаченный долгъ*. Если купецъ, взявшій въ долгъ деньги или товаръ, пропьетъ ихъ, или вообще испортитъ и утерять ихъ по своей винѣ, то заимодавцу предоставлялось право либо ждать своего долга, либо продать своего должника (ст. 12). Въ другой статьѣ (55) предписано, всякаго человѣка, кто задолжаетъ многимъ, и не въ состояніи уплатить, вести на торгъ и продать. 3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *закупъ*, т. е. человѣкъ, временно отдавшій себя въ работу на долгъ, дѣлался рабомъ хозяина, именно если онъ бѣжалъ отъ хозяина, или совершалъ преступленіе, за которое хозяинъ обязанъ былъ вознаграждать истца.

Ко всѣмъ этимъ способамъ укрѣпленія надобно прибавить еще плѣнъ и добровольную продажу себя въ рабство, которая безъ сомнѣнія существовала и въ то время, такъ же какъ и въ послѣдствіи, хотя въ Рус. Правдѣ объ ней не упоминается иначе, какъ въ формѣ добровольнаго вступленія въ должностіи ключника и пѣна. Въ договорѣ смоленскаго кн. Мстислава Давидовича съ Рюгою и

готскимъ берегомъ 1229 г. говорится и о томъ, что если князь разбивается на подвластнаго ему человека, онъ можетъ обратить его въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ другомъ спискѣ того же договора, вмѣсто обращенія въ холопство, сказано: повелѣть его разграбить съ женою и дѣтьми (*Рус. Пр. стр. 158*).

Изъ этого видно, какъ многочисленны и разнообразны были способы личнаго укрѣпленія. Каждое зависимое отношеніе могло быть источникомъ рабства: плѣнь, женитьба, заемъ, наемъ, преступленіе, добровольное подданство—все могло свободнаго человека сдѣлать рабомъ, не говоря уже о способахъ производныхъ, какъ-то куплѣ и рожденіи въ холопскомъ состояніи. Во времена насилия и неустойчивости каждое лице стремилось расширить свою власть, укрѣпить за собою все, что примыкало къ нему какимъ бы то ни было образомъ, и тѣмъ увеличить свое значеніе въ обществѣ. Это стремленіе было даже до такой степени сильно, что законодательство принуждено было поставить ему нѣкоторыя ограниченія: по законамъ Рус. Правды, человекъ получившій ссуду (дachu) или хлѣбъ или подарокъ, черезъ это не дѣлался холопомъ, но сохранялъ право возратить данное (милость) и отойти отъ хозяина (ст. 7). Но самая необходимость такого ограниченія показываетъ, до какой степени каждое лице старалось установить полное свое господство надъ всѣмъ окружающимъ.

Какое же было юридическое положеніе холопа? На это мы найдемъ отвѣтъ въ постановленіяхъ Рус. Правды.

Холопъ считался не лицомъ, а вещью, частною собственностью хозяина, которая подвергалась тѣмъ же юридическимъ послѣдствіямъ, какъ и всякое другое имущество. Плодъ отъ челяди наравнѣ съ плодомъ отъ скота, съ товаромъ

и съ деньгами высчитывается въ числѣ движимаго имущества хозяина (ст. 68). Собственности у холопа нѣтъ; все, что бѣглый холопъ приобрѣлъ, все то, вмѣстѣ съ его лицомъ, поступаетъ къ влзѣльцу (ст. 58). Кто даетъ холопу денегъ въ займы, зная, что онъ холопъ, тотъ лишается своихъ денегъ; но если онъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію, то хозяинъ обязанъ заплатить за холопа. Въ договорѣ Мстислава Давидъ съ Ригю допускается впрочемъ долгъ, сдѣланный холопомъ княжескимъ: если латвискій гость даетъ ссуду княжескому холопу или другому доброму человеку, а тотъ умретъ, не заплативъ долга, то наследникъ его обязанъ вознаградить Нѣмца; тѣмъ же правомъ пользуются и Русскіе въ Ригѣ и на Готскомъ берегу (*Собр. госуд. грам. II, № 1*). Но въ Рус. Правдѣ объ этомъ исключенія нѣтъ ни слова. Хозяинъ же платитъ долги холопа, котораго онъ отпустилъ торговать (ст. 57); онъ же вознаграждаетъ истца, если холопъ совершилъ преступленіе, за которое долженъ платить. Такимъ образомъ, если холопъ укралъ что-нибудь, господинъ его платитъ вдвое противъ цѣны вещи, но на холопа пеня не налагается, потому что онъ несвободный (ст. 46). Господинъ воленъ однакоже, вмѣсто уплаты, выдать его истцу съ женою и дѣтьми, если они участвовали въ покражѣ или въ утайкѣ украденной вещи, или безъ нихъ, если они ни въ чемъ невиновны (ст. 49). Было одно только преступленіе, которое имѣло послѣдствія и для самого холопа. Это личная обида, нанесенная свободному человеку. Если холопъ ударитъ свободнаго мужа и убьетъ къ хозяину, а послѣдній не захочетъ его выдать, то онъ обязанъ заплатить истцу 12 гривенъ, но обиженный могъ за тѣмъ убить холопа, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ. Такъ установилъ Ярославъ Владиміровичъ, но сыновья его

смагчали этотъ законъ; они предоставляли на выборъ обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кунъ за посягательство (ст. 60).

Такимъ образомъ собственность холопа есть собственность господина; за дѣйствія холопа отвѣчаетъ господинъ. Какъ псевдобольной, холопъ не можетъ быть и свидѣлемъ въ судѣ; только въ крайней нуждѣ допускается свидѣтельство дворскаго тиуна боярскаго (ст. 117). Но во всякомъ случаѣ по свидѣтельству холопа судья не могъ подвергнуть отвѣтника испытанію желѣзомъ и водою, развѣ этого потребуетъ истецъ, сказавши, что испытанію подвергается отвѣтникъ самъ онъ, а не холопъ. Однакожъ если отвѣтникъ не могъ быть уличенъ, истецъ обязанъ былъ заплатить ему гривну за муку, потому что онъ основался на рѣчахъ холопа (ст. 119).

Какъ вещь, холопъ могъ быть уничтоженъ, украденъ, утаенъ. Поэтому въ Рус. Правдѣ постановляются правила для всѣхъ этихъ случаевъ. За убійство свободнаго человѣка платится вира; но за холопа и за рабу виры нѣтъ, а въ случаѣ убійства безъ вины, убійца платитъ урокъ господину, да князю 12 гривенъ пени (ст. 84). Количество этого урока определено въ другой статьѣ (82): за холопа платится 5 гривенъ, за рабу 6. Только за кормильца или кормилицу 12 гривенъ, даже если они холопы (83). Изъ этого послѣдняго выраженія можно заключить, что княжескіе и боярскіе тиуны, также княжескіе конюхи, отроки, старосты, за убійство которыхъ полагаются разныя виры и платы, не принадлежали къ числу холоповъ. Впрочемъ не мудрено, что за холопа княжескаго платилось болѣе, нежели за холопа, принадлежавшаго другимъ лицамъ, точно также, какъ за уничтоженіе борти княжеской платилось 3 гривны, а за борть, при-

надлежавшую простому человѣку (смерду), 2 гривны. Цѣна, постановленная за убійство холопа (5 гр.) и рабы (6 гр.), равняется цѣнѣ, назначенной и за убійство свободнаго смерда (ст. 82) и воеводы (рядовича, ст. 80), что показываетъ низкое состояніе, въ которомъ находился простой народъ. Замѣчательно при этомъ, что убійство лошади или скота, также какъ и за холопа, постановлено 12 гривенъ пени, а господину гривну за пагубу, да урокъ (ст. 101). Въ договорѣ Новгородъ съ Готландцами положено за убійство простаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа же 2 гривны, за рану, нанесенную свободному человѣку, 2 гривны, холопу полгривны. Въ договорѣ Мстислава Давидъ съ Рюгомъ положено за убійство свободнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа гривну. За рану и побои, нанесенныя холопу, въ первомъ договорѣ положено платить гривну кунъ. Въ Рус. Правдѣ о послѣдствіяхъ нѣтъ ни слова; вѣроятно эти постановленія развились въ послѣдствіи. Не говорится въ ней и о томъ случаѣ, если самъ господинъ убьетъ своего раба, но это молчаніе должно приписывать единственно тому, что онъ за это не подвергался никакой отвѣтственности. «Въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтъ», а есть только пени за уничтоженіе чужой собственности, также какъ и за убійство лошади. Поэтому, какъ скотину хозяинъ властенъ былъ убить или оставить въ живыхъ, точно также и надъ рабомъ имѣлъ онъ полное право жизни и смерти. Подобное постановленіе встрѣчается даже въ исходѣ XIV вѣка. Въ двипекой грамотѣ, данной великимъ княземъ Василемъ Дмитріевичемъ въ 1399 г., читается: «а кто осподарь огрѣшитъ ударить холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намететница не судитъ, ни вины не емлютъ.» (Акты Арх. Эксп. I, № 13).

Холопъ могъ быть не только убитъ, но и украденъ. Въ древнѣйшемъ спискѣ Правды положено за уводъ чужаго холопа или рабы платить хозяину 12 гривенъ за обиду; въ позднѣйшихъ спискахъ установлено 12 гривенъ продажи въ пользу князя (ст. 107). Купившій чужаго холопа по невѣдѣнію во всякомъ случаѣ получалъ обратно данную цѣну; но тотъ, кто покупалъ его, зная, что онъ чужой, въ изказаніе лишался своихъ денегъ (ст. 9). Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ и объясненіе, для чего нужно было продажу совершать въ присутствіи холопа: его показаніа — могли облегчать отысканіе настоящаго вѣра, или улюговѣрять въ томъ, зная ли покупщикъ о его принадлежности другому хозяину, или нѣтъ.

Рус. Правда устанавливаетъ пеню и за помощь, оказанную бѣжавшему рабу. Если кто дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, зная, что онъ холопъ, тотъ обязанъ заплатить хозяину за холопа 5 гривенъ, за рабу 6. Цѣна установлена также, что и при убійствѣ — ясное доказательство того, что здѣсь главное вниманіе обращено было на лишеніе собственности. Въ обоихъ случаяхъ хозяинъ терпѣлъ одинаково, почему и получалъ одинаковое вознагражденіе. Но если оказавшій помощь или передержатель бѣглаго холопа давалъ присягу, что онъ не знаетъ его за холопа, то онъ избавлялся отъ великаго взысканія (ст. 52, 53). Перехватившій чужаго бѣглаго холопа и извѣстившій о томъ хозяина, получалъ за это отъ послѣдняго гривну купъ за переѣздъ; но если онъ его упускалъ, то обязанъ былъ заплатить 4 гривны за холопа и 5 за рабу, ибо гривна оставалась въ его пользу за поимку (ст. 54). Если же хозяинъ самъ отыщетъ холопа въ какомъ либо городѣ, то онъ обязанъ объявить о томъ посаднику, и, взявъ у него отрока, пойдти съ нимъ связать холопа. Но если

при этомъ онъ его упуститъ, и, погнавшись за нимъ, убьетъ его, то убытокъ остается на немъ, и никто ничего не платитъ (ст. 142).

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ; изъ нихъ видно, что рабство принималось въ самомъ строгомъ смыслѣ. Рабъ считался полною собственностью хозяина, вещь, лишенная всякихъ правъ. Одно только и встрѣчается законоположеніе въ пользу холоповъ: это то, что дѣти, привитые хозяиномъ отъ рабыни, посятъ его смерти дѣлаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Здѣсь нравственное начало восторжествовало, и ослабило юридическую строгость учреждений.

Рядомъ съ рабствомъ является въ Рус. Правдѣ другое зависимое состояніе: это состояніе закупа. Закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу до уплаты. Въ одной статьѣ Рус. Правды (ст. 20) онъ называется также найматомъ, и дѣйствительно это былъ родъ явнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы). Поэтому такое состояніе скорѣе можно назвать личнымъ залогомъ, на что указываетъ и слово: закупъ, тождественное съ залогомъ (*). Въ послѣдствіи самое это слово исчезаетъ, и вмѣсто его является названіе: закладня, которое, къ своей очередь, превращается въ названіе кабальнаго холопа. Впрочемъ и договоръ найма близко подходилъ къ этому, ибо наемный работникъ часто получая отъ хозяина ссуду, которую обязанъ былъ возвратить, когда отходилъ отъ него. (Въ то время ничего не могло быть естественнѣе, какъ такой личный залогъ за недостаткомъ правильнаго общественнаго устройства и законовъ, охраняющихъ

(*) См. объ этомъ Невольникъ Ист. гражд. закон. 1, 346, стр. 123; Доп. къ А. Н. II, 136; Акты Юриск. № 417. Акты Эксп. I, № 160.

искъ, трудно было найти другое обезпеченіе для заимодавца. Если у должника было недвижимое имущество, тогда оно могло поступать въ залогъ, и въ такомъ случаѣ оно обыкновенно отдавалось въ распоряженіе заимодавца). Но если такого имущества не было, нужно было искать обезпеченія личнаго, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что свобода человѣческая мало цѣнилась, и стремленіе къ личному порабощенію и безъ того сильно проявлялось въ общественномъ быту. Поэтому закупъ становился въ состояніе близкое къ холопству, но тѣмъ не менѣе существенно отъ него различное (*Русская Правда, ст. 17—21 и 117*). Зависимость была только временная, и онъ долженъ былъ сохранить возможность освободиться отъ нея уплатою долга. У него была своя собственность, своя лошадь; онъ работалъ и на себя, хотя обязанъ былъ также работать и на господина. И то и другое именно говорится о закупѣ ролейномъ, то есть земледѣльческомъ, который вѣроятно снѣдалъ на землѣ своего хозяина. Не обязанъ онъ платить хозяину, если скотину выведутъ изъ хлѣва или забоя безъ его вины; но если это сдѣлается по его оплошности, или если онъ загубитъ ихъ на своей работѣ, то онъ обязанъ вознаградить хозяина. Съ своей стороны и хозяинъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ. Онъ могъ бить закупа, но не иначе какъ за дѣло; если же онъ билъ его безъ вины, будучи пьянъ, то долженъ былъ платить ему за оскорбленіе, наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ. Точно также и неправильно удержавши или отнятыя у закупа деньги хозяинъ долженъ былъ возвратить, да кромѣ того заплатить ему за обиду. Наконецъ, если хозяинъ продавалъ закупа въ полное холопство, то онъ обязанъ былъ въ наказаніе заплатить пеню въ 12 гривенъ, и кромѣ того лишался отданныхъ за купу денегъ. Вообще за купу предоставлено было

правъ жаловаться на господина, но не смотря на это постановленіе, положеніе его было весьма зависящее; ибо законныя ограниченія были слишкомъ недостаточны для обезпеченія его свободы. Ими не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность, разумѣется, всегда обращается въ пользу сильнаго (*). Эту зависимость понимало и само законодательство, которое заирещало принимать свидѣтельство закупа иначе, какъ въ самыхъ незначительныхъ тяжбахъ. Оно возлагало на господина и отвѣтственность за преступленія закупа, также какъ за преступленія холопа: если закупъ укралъ что нибудь, то господинъ обязанъ былъ вознаградить истца, а закупъ становился его холопомъ; если же хозяинъ не хотѣлъ платить, то онъ могъ закупа продать, и заплатить украденное изъ вырученной цѣны, а остальное взять себѣ. Совершивши преступленіе, за которое онъ долженъ былъ дать вознагражденіе, закупъ какъ бы принималъ на себя новое обязательство, не исполнивъ прежняго, и тѣмъ самымъ дѣлался какъ бы несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего и поступалъ въ холопство къ своему заимодавцу. Точно также закупъ дѣлался рабомъ вслѣдствіе бѣгства: если онъ бѣжалъ отъ господина для того, чтобы жаловаться князю или судьямъ изъ обиду, то онъ не подвергался изысканію; иначе онъ дѣлался холопомъ своего господина. Бѣгствомъ онъ какъ бы разрушалъ заемное обязательство, и черезъ это закладъ поступалъ въ полную собственность заимодавца. Переходъ въ рабство былъ слѣдственнымъ чрезвычайно легкомъ, ибо закупивше-

(*) См. статью г. Павлова о кабальныхъ людяхъ. Моск. Вѣдом. 1856 г. №№ 24 и 25. Впрочемъ съ нѣкоторыми выводами автора нельзя согласиться.

ство составляло нечто среднее между свободою и холопствомъ, а въ то время между тѣмъ и другимъ состояніемъ не было такого рѣзкаго разграниченія, какое дѣлается впоследствии, когда человѣческая свобода получаетъ большую цѣну.

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ и закупяхъ. Относительно первыхъ мы видимъ въ ней довольно строгое развитіе принятыхъ законодательствомъ началъ; относительно послѣднихъ напротивъ является неопредѣленность, состоящая какъ бы въ принадлежности тогдашняго времени.

Изъ памятниковъ мы видимъ, что холопы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ (*Собр. госуд. грамотъ, т. I, № 83*); первые были приказные люди, ключники, посельскіе, старосты, тѣны, дѣяки, казначеи (*Тамъ же №№ 25, 30, 86, 96 и др.*). Это были княжескіе дворовые люди, управлявшие дѣлами князя, который, впрочемъ, не отличался отъ дѣла общественнаго. Между этими приказными людьми могли быть и не холопы, но во всякомъ случаѣ они состояли въ тѣсной зависимости отъ господина, и не пользовались правами свободныхъ людей. Такъ въ духовной грамотѣ князя Владимира Андреевича (*Тамъ же № 40*), мы читаемъ: «а что мои ключники некупленные, а покупали деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чѣмъ будутъ у дѣле.» — Здѣсь не сказано, что они отпущаются на волю, слѣдственно они не были холопы; но мы знаемъ, что должность сельского ключника была одна изъ тѣхъ, которыя свободного человѣка дѣлали холопомъ, если онъ принималъ ее безъ особеннаго уговора. Въ числѣ обыкновенныхъ холоповъ вычисляются люди полные, купленные, грамотные (подъ которыми разумѣлись подаренные), приданные, доставшіеся за долгъ (въ винѣ), наконецъ кабальные (*Собр.*

госуд. грам. т. I, №№ 25, 39, 41, 82, 112, 121 и 147). Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ были посажены на оброкъ, и назывались оброчниками (*Тамъ же № 21*), другіе работали на господина и назывались дѣловыми людьми (*Тамъ же № 25. Дѣловыя деревни № 121 и 144*). Холопы сажались и на земли; встрѣчаются цѣлыя села, заселенныя ими (¹). Были также крѣпостные вчеловоды (бортники) (*Тамъ же № 21*); но вообще сельское народонаселеніе состояло изъ свободныхъ крестьянъ, между которыми, только какъ исключеніе, сажались холопы. Послѣдніе большею частью принадлежали къ личной прислугѣ князей и другихъ лицъ, къ ихъ дворовымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ высказывается множество дворовыхъ должностей, занятыхъ холопами. Изъ этого видно, что бояре наши окружены были многочисленною дворною, которая слѣдовала за ними въ ихъ переездахъ и придавала имъ могущество и значеніе. Такъ князь Родіонъ Несторовичъ, переѣхавши въ Москву при Каалѣ, привелъ съ собою 1700 человекъ дворни. Не все впрочемъ были крѣпостные, ибо въ числѣ ихъ изодѣвались князья и дѣти боярскіе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно стремленіе образовать себѣ многочисленную дворню изъ холоповъ. Они, кромѣ личнаго услуженія, дѣлали все нужное для господина; они же слѣдовали за нимъ и въ войнѣ. «Кто кому служить, тотъ съ своимъ осподаремъ и идеть», это выраженіе встрѣчается во многихъ договорныхъ грамотахъ между князьями. (*Собр. госуд. грам. I, № 54, 56, 60*). Эти обязанности, эта личная принадлежность были вѣроятно причиною, что съ

(¹) «А что мое село Переславичи въ твоихъ у дѣле, а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы.» *Собр. госуд. грам. I, № 127.*

нихъ не брадось дани, которой подлежали все свободные слуги, переходившие съ мѣста на мѣсто. Въ договорахъ, заключаемыхъ между князьями относительно платежа дани, говорится: «а на холопѣхъ (иногда: на полныхъ холопѣхъ) дани не вяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ» (*Тамъ же*, № 28, 76, 88, 119). Ключники были слѣдственно главными начальниками холоповъ. Любопытно впрочемъ, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими; въ другихъ этого нѣтъ. Какая этому причина, за недостаткомъ извѣстій невозможно сказать.

Это стремленіе къ частному укрѣпленію было не только въ боярахъ и слугахъ, но еще въ большей степени въ князьяхъ. Главный интерес послѣднихъ состоялъ въ промыслѣ, въ покункѣ селъ, въ приобрѣтеніи подвластныхъ людей; будущее государственное могущество создавалось на основаніи частнаго приобрѣтенія. Но понятно, что другіе князья старались противодѣйствовать этому стремленію: имъ непріятно было видѣть укрѣпленіе за другимъ княземъ людей, живущихъ въ ихъ удѣлѣ. Отсюда постоянное условіе, встрѣчающееся въ княжескихъ договорахъ: «а селъ ти въ моей отчинѣ не купити и закладней ти въ моей отчинѣ не пержати». Иногда запрещается держать и оброчниковъ, а въ нѣкоторыхъ договорахъ все эти условія распространяются и на бояръ другого князя (*тамъ же* № 27, 35, 45, 52, 56, 62, 70, 71, 73, 78, 92). Тѣ же условія встрѣчаются и во всехъ договорахъ Новгорода съ князьями (*тамъ же* № 1—20). Князья, владѣвшие Москвою сообщая, обязывались кромѣ того не держать заложниковъ въ городѣ (*Собр. гос. грам. I, № 35, 45, 71, 78*). Но какъ скоро между князьями вспыхивала война, такъ эти условія тотчасъ нарушались; каждаго князя, вступившаго въ чужую область, старался захватить какъ можно болѣе лю-

дей въ свою власть. Не только плѣнные обращались въ холопство, но и самые жители занятой области укрѣплялись за княземъ и его боярами. Они приводились къ присягѣ, отдавались на поруки, укрѣплялись грамотами и заемными обязательствами, покупались; однимъ словомъ — всякими средствами обращались въ холопство или по крайней мѣрѣ въ кабальную зависимость. Однакоже, какъ скоро возстановлялся миръ, такъ объ договаривающіяся стороны обязывались уничтожить эти насильственные акты укрѣпленія. Такъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями читаемъ: «а что селъ или людей во время распри зазочилось за князя, за княгвию, за дѣтей нхъ и бояръ, или если кто въз нихъ села купилъ, то деньги свои взять имъ назадъ, а села Новгороду» (*тамъ же* № 12). Такія же условія находимъ и въ договорахъ между князьями. Плѣнниковъ обыкновенно князья обязывались отпустить безъ окупа; тѣхъ же, которые уже проданы за границу или гдѣ бы то ни было, выкупать и возвратить (*тамъ же* № 47, также № 35, 48, 49, 52, 54, 60, 66, 67). За тѣмъ слѣдовали условія о княжескихъ людяхъ, или нятцахъ (т. е. людяхъ, которыхъ они за себя взяли, укрѣпили); они освобождались отъ всякой зависимости въ отношеніи къ чужому князю: «а хто будетъ нятцевъ изиманъ, или на поруцѣ данъ, или къ цѣлованію приведенъ, а тѣхъ пустити безъ окупа, и порука и цѣлованіе свести на обѣ стороны». Или: «а хто будетъ, брате, въ нашемъ нелюби твоихъ людей на поруцѣ данъ, или кабалы на нихъ, или серебра переведено, и нитъ съ тѣхъ поруки свести и кабалы отдати и переведенное серебро (¹)». Нѣкоторыя

(¹) Собр. госуд. грамот. т. I. № 43, 52, 54, 60, 66, 67, 69. Что нятцы не значило: плѣнные, какъ принимаетъ г. Лохвицкий въ своей диссертации «О плѣнныхъ по древнему русскому праву», стр. 2,

же лица иногда исключались за новым хозяином (*Собр. госуд. грам. I, № 60: «вопроче Василья Вепрева»*). Князь требовал следовательно только уличения крѣпостныхъ актовъ, взятыхъ на нихъ собственныхъ людей или слугъ, тогда какъ въ договорахъ съ Новгородцами это условие распространилось на всехъ жителей города. Оно подтверждалось и въ тѣхъ между-княжескихъ договорахъ, которые касались Новгорода и его области. Такъ напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ тверскимъ княземъ читаемъ: «а какъ еси взялъ Торжокъ, и кто ти ся будетъ продавъ пословидею Новгородчанъ одернь, или будетъ серебро изъ комъ дати пословидею, тѣхъ ти отустати по плъованью, а грамоты дерноватия подрати (*тамъ же № 28*). Одерноватый холопъ значить холопъ полный, также какъ и обѣльный.

Изложенныя условия княжескихъ договоровъ показываютъ, что плѣны не могли уже служить такимъ обильнымъ источникомъ рабства, какъ прежде. До этого времени плѣнники постоянно обращались въ рабство, и притомъ не только съ войнами съ иноплемениками, но и въ междоусобицахъ внутреннихъ. Такъ напримѣръ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г., опустошивши съ Новгородцами Ростовскую землю, вывелъ оттуда 7000 плѣнныхъ Новгородцевъ, отразивши войска Боголюбскаго, набрали столько плѣнныхъ, что продавали десять Суздальцевъ за гривну. Нѣкоторые, какъ сказано выше, продавались и

за границу. Вообще непрерывныя войны и междоусобия должны были страшно умножить количество рабовъ, и хотя договорныя грамоты полагали этому нѣкоторый предѣлъ, но плѣнные иностранцы по прежнему продолжали обращаться въ рабство. Съ Литвою до позднѣйшихъ временъ не было полного обмена плѣнныхъ по прекращеніи войны, некрещенные же инородцы всегда считались законною добычею (*см. Лохвицкаго «О плѣнныхъ по древнему русскому праву»*).

Въ договорахъ между князьями постановлялось условие и о выдачѣ бѣглыхъ холоповъ. «Холопа, робу, должника, поручника, бѣглеца, татя, разбойника по исправѣ выдати» (*собр. госуд. грам. I, № 43, 49 и множество другихъ*). Въ договорахъ Москвы съ Тверью предписывается хозяину, отыскавшему холопа или должника, поставить его передъ княземъ, передъ наместникомъ или волостелемъ. Если холопъ захочетъ тягаться съ господиномъ за свободу, а поручъ по немъ не будетъ, то обвинить его и выдать господину. Если же господинъ уведетъ холопа самовольно, не поставивъ его передъ волостелемъ, «въ томъ ему вина» (*тамъ же № 28, 76, 88, 119*). Впрочемъ не определено, какому онъ за это подвергался наказанію. Вообще для отысканія раба не принималось давности: «Суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка» (*тамъ же № 28, 61, 62, 69*). Въ новгородскихъ грамотахъ постановлялось кромѣ того, чтобы судьи холопа безъ господина не судили; князь же обязывался не вѣрить холопу, который начнетъ доносить на хозяина.

Вотъ что мы знаемъ о холопахъ до второй половины XV вѣка, т. е. до того времени, какъ образуется московское государство. Варяжская дружина принесла къ намъ рабство со всеми его юридическими послѣдствіями. Дружина основана была на началѣ личности и свободаго до-

примѣч. 2-е, это ясно изъ того, что нятцы всегда отличались отъ холопа, а также изъ разныхъ выраженій, напр.: «а что мои люди грабили бояръ твоихъ или нятцевъ или людей» № 49. Названія твои люди и твои нятцы, принимаются, какъ однозначащими, хотя первое могло быть шире послѣдняго. Одни и тѣ же условия постановляются то о тѣхъ, то о другихъ. Ср. напр. № 43, 49, 52, 54, 60. Нятцы могли быть князья, княгини, бояре и боярыня. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.

говора. Каждое лице имело только тѣ обязанности, которыя оно добровольно принимало на себя по взаимному условію съ другими, но каждое вмѣстѣ съ тѣмъ имело цѣлью изжить себѣ какъ можно болѣе добычи, приобрести собственность, расширить свою власть, и тѣмъ приобрести въ обществѣ значеніе и могущество. Этотъ характеръ сообщался и всему гражданскому быту того времени. Другой общественной связи не было, кромѣ той, которая основывалась на договорѣ свободныхъ лицъ или на личной зависимости отъ того или другого лица. Чѣмъ больше у отдѣльнаго свободнаго человѣка было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе. Отсюда стремленіе богатыхъ приобрести какъ можно болѣе крупнѣйшихъ насильемъ, обязательствами, наконецъ обѣщаніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ служеніемъ богатому и сильному лицу. Отсюда съ другой стороны стремленіе бѣдныхъ укрѣпиться или заложиться за богатыхъ, которые могли доставить имъ и средства къ жизни и защитѣ, необходимую во времена буйства и междоусобій. Препятствій къ этому стремленію не было никакихъ; не было общественной власти, которая принимала бы свободу каждаго подданнаго подъ свою защиту и покровительство, которая требовала бы отъ него обязанностей не частныхъ, а общественныхъ. Въ послѣдствіи, когда возникло государство, явились ограниченія этого выхода изъ подданства въ частную зависимость, сначала для людей служилыхъ, а потомъ для тяглыхъ ⁽¹⁾. Личность и вытекающее изъ нея частное право, служили кореннымъ началомъ всего общественнаго быта, а господство частнаго права влекло за собою установленіе частной власти, частна-

(1) Въ послѣдствіи укрѣпленіе установлено государствомъ, но уже совершенно на другихъ началахъ; это не частное укрѣпленіе лица за лицомъ, а власть, вручаемая правительствомъ одному сословію, и обязанности, наложенныя на другое.

го подданства. Самые князья смотрѣли на себя, какъ на частныхъ собственниковъ, и старались увеличить свое значеніе погубками, промыслами, личнымъ укрѣпленіемъ людей за собою. То же самое дѣлали и бояре, то же дѣлали и всякій человѣкъ, ибо не существовало никакихъ ограниченій относительно владѣнія рабами; ихъ могъ имѣть и купецъ и крестьянинъ и всякій свободный человѣкъ. На это было, какъ мы видѣли, множество средствъ; всякое обязательство могло вести къ укрѣпленію, что опять вытекало изъ коренныхъ основъ тогдашняго быта. При развѣтлѣ началъ общественнаго, власть сосредоточивается въ рукахъ государства или тѣхъ лицъ и сословій, которымъ она вручается государствомъ. Подданные же во взаимныхъ обязательствахъ между собою сопрягаются только отдѣльными сторонами своей жизни, сохраняя независимость лица. При такихъ условіяхъ переходъ отъ частнаго обязательства къ господству не возможенъ, ибо между тѣмъ и другимъ лежитъ все различіе начала частнаго и начала общественнаго. Этотъ переходъ возможенъ только тамъ, гдѣ самое господство считается дѣломъ не общественнымъ, а частнымъ. Тамъ каждое лицо стремится наложить свою власть на окружающую его сферу, и все, что приходится съ нимъ въ соприкосновеніи, все, что вступаетъ въ нѣкоторую отъ него зависимость, чрезъ это самое получаетъ уже возможность слѣлаться полною его собственностью. Изъ лица зависимый человѣкъ дѣлается вещью, ибо по частному праву между лицомъ и вещью нѣтъ такого неизмѣримаго разстоянія: все различіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ подчиненіи. Только въ государствѣ лицо получаетъ полное свое значеніе, ибо тогда оно становится членомъ общественнаго союза. Самыя яркія выраженія этой частной власти, этого господства лица надъ окружающею сферою было то, что нѣкоторыя зависимыя

должности сами собою дѣлали человека рабомъ; вступивши въ эту сферу личнаго права, онъ не могъ уже оставаться свободнымъ. Такъ сильно было значеніе частнаго лица въ гражданскомъ быту, такъ самое общество признавало законность этого господства...

Рядомъ съ гражданскимъ обществомъ, въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволъ личности, стремящейся къ преобладанію, стояла церковь, которая говорила, что человекъ есть лицо, а не вещь, и стремленію къ паробощенію противопоставляла стремленіе къ освобожденію. Наставленія пастырей смягчали суровое нравы воиновъ и дѣлали болѣе сноснымъ положеніе рабовъ, предоставленныхъ законодательствомъ въ полное распоряженіе господина. Такъ въ одномъ памятникѣ XII вѣка мы находимъ слѣдующее поученіе: «Сиротъ домашнихъ не обидите, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготю, потому что это домашніе твои нищие. Нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ, и учите ихъ на спасеніе и доканіе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтши. Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозю и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати, а если велика вина, то до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозю, а больше 30 ранъ не ведимъ.... Рабовъ, которыхъ возмешь съ собою въ походъ, нести и люби, чтобы они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками» (*Соловьева рус. ист. III, 101*). Въ другомъ памятникѣ читаемъ слѣдующее: «Слухъ ми, господине, приходитъ», пишетъ св. Іосифъ Волоцкий одному вельможѣ, «что будто деи

немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не только довольни, но и голодомъ таятъ и наготю стражутъ, и сего ради азъ грѣшныи дерзнулъ тебѣ воспоминати, моему господину, поманувъ твою вѣру къ пречистой Богородици и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ... При освобожденіи рабовъ, равно какъ и при продажѣ ихъ, требовалось, чтобы господинъ не бралъ за нихъ болѣе, нежели сколько они стоили ему самому; ибо берущи лишекъ торгуетъ живыми душами, «съ яныи же предъ Богомъ стати есть». Кто съ отпускаемаго на свободу раба, сверхъ цѣны, которую онъ за него далъ, беретъ изгойство (то есть выходъ), тотъ «обрѣтается продая кровь неповинную и выщется милостынни. Милостыни бо помилваны будутъ. Аще кто хети спасенія кается, да опять дасть тѣмъ ихъ же обидѣль, а не тако—не быти прощену» (*Архивъ Колачова, кн. 2, отдѣл. 6-го стр. 42*). Такой поступокъ считался въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ: «всего же есть горѣ изгойство вимати» (*тамъ же кн. 1, статья Колачова объ изгояхъ, стр. 63*). Самыхъ вольноотпущенныхъ, изгоевъ, церковь принимала подъ свое покровительство, какъ людей безпомощныхъ, не примкнувшихъ ни къ одному изъ тѣхъ мелкихъ свободныхъ и крѣпостныхъ союзовъ, на которые разбивалось гражданское общество. «То люди церковныи, богадѣльни».

Безъ сомнѣнія эти правила, эти наставленія не оставались безъ послѣдствій. Должно однакоже сознаться, что на жизнь они дѣйствовали мало, какъ видно изъ другихъ примѣровъ. Кириллъ Блужерскій въ началѣ XV вѣка пишетъ къ князю Андрею Можайскому, чтобы у него не было корчемъ, ни мыта: «понеже, господине, куны неправедныя» (*акты истор.*

I. № 16). А между тѣмъ само законодательство устанавливало 20 процентовъ, какъ законный ростъ, и мы знаемъ, что корчмы, мыты, перевозки и мостовщина въ древней Россіи встрѣчались на каждомъ шагу. Жизнь такъ противорѣчила этимъ нравственнымъ требованіямъ, что они не могли получить въ ней большую силу. Человѣкъ въ окружающей его средѣ не находилъ въ себѣ нравственной опоры; все кругомъ него предавалось разгулу, все стремилось къ приобретению, къ порабощенію, и самъ онъ невольно увлекался этими страстями и старался увеличить свою силу и значеніе расширеніемъ своей власти, порабощеніемъ окружающихъ его лицъ. Но послѣ буйной жизни наступала минута, когда утихали въ немъ движенія страсти, и всѣ обуревавшія его своекорыстныя и честолюбивыя цѣли блѣднѣли передъ открывающеюся перспективою вѣчности и загробной жизни. Передъ смертію человѣкъ приходилъ въ себя, и тогда слышнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій житейскія его стремленія. Тогда онъ прощался съ міромъ, надѣвалъ на себя монашескую схиму, прашалъ долги, отпускалъ своихъ рабовъ. За стремленіемъ къ порабощенію слѣдовало противоположное стремленіе къ освобожденію. Во всякомъ почти духовномъ завѣщаніи того времени встрѣчаются распоряженія относительно отпущенія на волю рабовъ. Люди бездѣтныя обыкновенно освобождали ихъ всѣхъ безъ исключенія, другіе оставляли часть своимъ дѣтямъ, а остальныхъ отпускали на волю, нѣкоторые же, хотя рѣдко, и при смерти не думали разкрѣпить то, что укрѣпили при жизни (см. *духовныя князей въ I т. Собр. г. грам. и духовныя частныяхъ лицъ въ Акт. Юр.*). Преимущественно передъ другими отпускались люди приказные, тѣ, которые пользовались наибольшою довѣренностью и оказали наиболѣе услугъ. Нѣкоторые отпускались

на волю и съ землею (*Собр. г. грам. т. I, № 130*), но разумѣется это было исключеніе, ибо холопы принадлежали больше къ личной прислугѣ хозяина. Иногда отпускаемымъ рабамъ давались нѣкоторые пожитки (*Акты Юрид. № 417, 419, 420, 421, 425*). Встрѣчаются и условныя отпускныя, напримѣръ въ случаѣ смерти дѣтей, или если дѣтей не будетъ (*А. Юр. № 409, I, 413*), или послѣ известнаго числа лѣтъ службы у вассалниковъ, иногда же до ихъ смерти (*Тамъ же № 420*), или послѣ смерти хозяина, если при жизни еще дана была рабу отдѣльная отпускная (*А. Юр. № 409, X, № 406*), или за деньги (*Тамъ же № 414*). Иногда же передаваемому въ наслѣдство холопу предоставлялось на волю остаться въ холопствѣ или заплатить опредѣленное количество денегъ и получить свободу (*Тамъ же № 410*). Обыкновенно мужья, отпуская людей своихъ на волю, оставляли женамъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ брачномъ союзѣ (смѣшались) съ ея рабами (*Акты Юрид., № 418, 420*). Но не рѣдко освобождался мужъ, а жена оставалась крѣпостною, и наоборотъ освобождались жена и дѣти, а мужъ оставался рабомъ, или же освобождались дѣти безъ родителей или родители безъ дѣтей (*А. Юр. № 409, I, 410, 420*). Это показываетъ, что въ то время не слишкомъ смотрѣли на святость семейныхъ узъ. Вообще духовная пажать была устроениемъ души умирающаго (*Тамъ же № 421*). Эти распоряженія — отпущеніе долговъ, освобожденіе крѣпостныхъ, были послѣднимъ долгомъ, который исполнялъ христіанинъ при прощаніи съ міромъ.

Такимъ образомъ стремленіе каждого лица къ порабощенію другихъ встрѣчало себѣ противодѣйствіе въ нравственно-религіозномъ началѣ. То, чего человѣкъ старался достигнуть въ продолженіи всей

жизни, въ чемъ онъ полагалъ свою силу и свое значеніе, то отрицалось при смерти. А дѣтя, получивши уменьшенное наслѣдіе, снова стремились къ стяжанію и порабощенію, снова пополняли приобретенными рабами мѣста тѣхъ, которые были отпущены на волю отцомъ, и сами въ свою очередь, прощаясь съ жизнью, отпустили ихъ на волю, и отрицали свою прошедшую дѣятельность. Это было вѣчное движеніе отъ одной противоположности къ другой, отъ корыстнаго житейскаго стяжанія, посягающаго на человѣческую свободу, къ высоконравственной цѣли, отрицающей всякіе личные интересы. Эти рѣзкіе скачки отъ одной крайности въ другую, это вѣчное колебаніе между двумя противоположными стремленіями составляютъ характеристическую черту средневѣковой жизни, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ.

Такова была эта средневѣковая жизнь, вся слагавшаяся изъ крайностей и противорѣчій!

Это стремленіе личности къ расширенію своей власти, къ порабощенію окружающей среды, встрѣчало себѣ препятствіе и въ другомъ явленіи. На Западѣ народонаселеніе было осѣдлое; дружинники устали въ своихъ замкахъ, вступили съ левыми владѣльцами и королями въ договоры наследственные, и приобрѣли, такимъ образомъ, значеніе поземельное. Вслѣдствіе этого личная зависимость распространилась тамъ и на жителей земли. Виланы также, какъ и рыцари, заключали съ землевладѣльцами договоры прочные и постоянные; вступая къ нимъ въ наследственную зависимость, они сами собою укрѣпились къ землѣ. На Западѣ вліяніе лица на поземельное его владѣніе было такъ сильно, что во многихъ средневѣковыхъ законодательствахъ существовало правило: воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ (*Luft macht eigen*). Проживши годъ со днемъ на владѣніяхъ павшаго лица, по-

дышавши принадлежавшимъ ему воздухомъ, поселеникъ черезъ это уже вступалъ къ нему въ крѣпостную зависимость, точно также, какъ проживши годъ со днемъ въ стѣнахъ города, онъ дѣлался горожаниномъ и приобреталъ городскія права. У насъ не было ничего подобнаго: дружина была кочевая; князья поздно получали осѣдлость, а бояре и слуги постоянно перетѣкали съ мѣста на мѣсто, заключая съ князьями договоры временныя, а не наследственные, такъ что поземельнаго значенія они приобрести не могли. Этотъ же кочевой характеръ сообщился и всему народонаселенію; крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто, изъ одного селенія въ другое, изъ одного княжества въ другое, а заключаемые ими договоры никогда не имѣли наследственного характера. Потому власть лица распространялась только на среду, окружающую его лично, а не на жителей земли: стремленіе къ порабощенію находило себѣ предѣлы и противоѣдствіе въ стремленіи къ кочеванію. Поэтому служебныя должности, личная зависимость могли дѣлать челоѣка холопомъ, но поземельныя отношенія оставляли его свободнымъ.

Свободный переходъ крестьянъ—повсемѣстное явленіе въ древней Россіи. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ, встрѣчаются выраженія: «Кого перезоветь къ себѣ жить». Иногда и въ княжескихъ договорахъ постановлялось: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіаномъ межъ насъ волнымъ воля» (*Собр. г. грам. I № 127*). Вообще свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Только въ Новгородѣ, вѣроятно вслѣдствіе болѣе осѣдлости народонаселенія, являются и болѣе зависимыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Половинки въ некоторыхъ случаяхъ сравниваются съ холопомъ. Такъ въ договорахъ съ князьями постановляется: «а хо-

лопа и позовника безъ оскодаря не судятъ» (Собр. г. грам. I, № 6, 7, 8, 10). Еще важнѣе то, что въ договорѣ съ Тверью 1307 года положено былыхъ холоповъ и позовниковъ выдавать обратно (Тамъ же № 10). Въ Новгородѣ слѣдственно, въ вольной общинѣ, крестьяне не пользовались такою свободою, какъ въ остальныхъ русскихъ областяхъ; поземельныя отношенія ближе подходили къ отношеніямъ крѣпостнымъ. Въ Псковѣ же, какъ видно изъ псковской судной грамоты, этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками.

Ограниченія перехода выражены въ духовной грамотѣ Владимира Андреевича, и повторяются во множествѣ договорныхъ и жалованныхъ грамотъ того времени; они возникли изъ поземельнаго значенія князей. Дружина, какъ сказано, была кочевая; бояре и слуги перѣзжали съ мѣста на мѣсто. Тоже самое дѣлали и крестьяне; это было всеобщее броженіе по всей Русской землѣ. Князья первые сдѣлались осѣдлыми, и они-то стали собирателями земли, и въ послѣдствіи создателями государства. Понятно, что вочужичи, имѣвшіе значеніе поземельное, старался удержать у себя поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ, и не резать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, общая имъ всевозможныя льготы (Доп. къ А. Истор. I, № 8). Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владѣніе землею, а въ этомъ состояла его сила. Но при бродячемъ духѣ народонаселенія удержать ихъ было невозможно. Земля по своей обширности имѣла для нихъ слишкомъ мало значенія, и не могла служить крѣпкимъ звеномъ между хозяиномъ и поселенцемъ. Холопство было личное, а не поземельное; личныя отношенія могли установить прочную зависимость, поземельныя же всегда имѣли характеръ временный. Съ другой стороны

не возможно было въ то время и запретить переходъ. Такая мѣра могла быть только дѣйствіемъ государственной власти, а государство еще не возникало. Князья были собственныя владѣльцы земли, а поданныхъ у нихъ не было, ибо каждый свободно покидалъ одно княжество и переходилъ въ другое, вступая въ договорныя сдѣлки съ хозяевами тѣхъ земель, на которыхъ онъ поселялся. Поэтому прямыми мѣрами не возможно было дѣйствовать; оставалось употребить мѣры косвенныя, и дѣйствительно князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ. Это относилось въ особенности къ людямъ тяглымъ, то есть тѣмъ, которые поселены были на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несли разныя подати и повинности къ его пользу. Крестьяне же, поселенные на земляхъ духовенства и служилыхъ людей, имѣли непосредственныя обязанности къ своимъ землевладѣльцамъ; они менѣе первыхъ платили податей князю, а иногда и вовсе освобождались отъ княжескихъ повинностей, почему естественно князья менѣе дорожили ими, нежели первыми.

Князья впрочемъ рѣдко договаривались между собою не принимать крестьянъ изъ чужаго княжества. Это условіе встрѣчается только между князьями московскими, которые вѣдѣли владѣли Москвою и вѣдѣли блуждали живущихъ въ ея уѣздѣ черныхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Въ этихъ договорахъ встрѣчается постоянное условіе: «а которыхъ слуги потягли къ дворянскому, а черныя люди къ сотничьему, тѣхъ нынѣ въ службу не принимать» (Собр. г. грам. I, № 27, 33). или, какъ обыкновенно говорится въ позднѣйшихъ договорахъ, просто: «тѣхъ нынѣ не принимать» (Тамъ же № 35, 45, 71, 78, 84, 95). Иногда къ этому присоединяется запрещеніе покушать ихъ

всеобщаго разъединенія и кочеванія, этотъ порядокъ никогда не могъ получить такой определенности, какъ тамъ. Изъ этого очевидно, что всѣ эти ограниченія перехода были дѣломъ совершенно частнымъ; это было условіе, заключаемое между некоторыми землевладельцами, и свобода крестьянина черезъ это не нарушалась.

Съ образованіемъ Московскаго государства исчезли, разумеется, всѣ ограниченія перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Въ большей части жалованныхъ грамотъ позднѣйшаго періода употребляется выраженіе: «кто учить жити людей» (*Акты Ист. I, № 163, 188, 217, 226. Акты Эксп. I, № 300, 329, 386. Дополн. къ Акт. Юрид. I, № 130*), безъ другихъ условий; только относительно тяглыхъ людей встрѣчаются постановленія. Но съ половины XV вѣка являются ограниченія иного рода, — именно опредѣленіе срока, въ который крестьяне могутъ переходить отъ землевладельца къ другому.

Послѣ этого мы можемъ понять все различіе между укрѣпленіемъ холоповъ и укрѣпленіемъ крестьянъ. Первое возникло изъ частнаго права, составлявшаго основаніе общественной жизни въ средніе вѣка, изъ господства личности, не знавшей надъ собою общественной власти, изъ стремленія каждаго человѣка увеличить свое могущество порабощеніемъ окружающей его среды. Второе вышло изъ потребности государства устроиться и укрѣпиться. Образовавъ изъ средневѣковой неурядицы, лишенное всякихъ средствъ, и денежныхъ и административныхъ, оно должно было требовать отъ подданныхъ по-сильной службы для того, чтобы учредить правильное управленіе, водворить благоустройство, создать силу и могущество Россіи. Укрѣпленіе крестьянъ было не частнымъ правомъ, приобретеннымъ однимъ лицомъ надъ другимъ, а послѣдствіемъ общихъ обязанностей, наложенныхъ на всѣ

сословія. Но, при соединеніи крестьянъ и холоповъ подъ рукою одного владѣльца, одно учрежденіе воздѣйствовало на другое, одно сословіе сообщало другому нѣкоторыя черты своего характера.

И такъ, этотъ переворотъ въ судьбѣ крестьянскаго сословія былъ необходимымъ послѣдствіемъ условий тогдашняго быта. Но какимъ же образомъ могъ онъ совершиться безъ сильныхъ потрясеній? Только въ пословицѣ: «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!» сохранилось объ немъ воспоминаніе въ народѣ. Мы найдемъ этому объясненіе, если взглянемъ на способъ укрѣпленія бояръ и служилыхъ людей. Послѣдніе также пользовались правомъ перехода: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Но когда уничтожилась удѣльная система, московскіе государи стали требовать, чтобы они перестали отъѣзжать. И вотъ безъ переворота, даже безъ указа, бояре и служилые люди изъ вольныхъ слугъ сдѣлались крѣпостными и стали писаться холопами. Дѣло въ томъ, что требованіямъ государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого дѣятельнаго сопротивленія, какъ наирямырь феодальные владѣльцы на западѣ. Они были для этого слишкомъ разрознены. Бояре и слуги могли протестовать только бѣгствомъ, да крамолами; ихъ сдѣлали холопами, а они все таки продолжали отъѣзжать. Точно также и крестьяне, не смотря на укрѣпленіе, продолжали уходить тайкомъ.

(Изъ статьи Б. Чичерина. *Рус. Вѣст.* 1858).

Указатель статей: О частной жизни князей до нашествія Татаръ. *М. Погодина*. Москвит. 1853. II. О скудельникахъ или убогихъ домахъ въ Россіи. *И. М. Снегирева*. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, ч. II, 1. 235—263. Пирмъ в братчань. *А. Попова*. Архивъ ист. Колачова, II, 2. отд. VI, 19. Замѣтки о братчаняхъ. *Рус. Бес.* 1838, I, отд. 3. 1—12. Борцы въ древ. Руса.

Бялкова. Тамъ же 1856, III. Свѣсь 87. О братствѣ *С. Соловьева*. Тамъ же IV, свѣсь 108—118. Кабальные люди. *А. Панова*. Моск. Вѣд. 1856, № 24 и 26. О древ. бытъ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности. *К. С. Аксакова*. Пол. собр. Сочин. 1861, 1—341—349. О состояніи крестьянъ въ древ. Рос. Тамъ же 415—494. Взоръ на бытъ древ. Руссовъ. *Н. Арцыбашевъ*. Зап. и Труды общ. Ист. 1824, ч. 2. кн. 2. 90—115. О состояніи женщинъ въ Россіи. *В. Шумкина*. Киевъ 1850. Историч. судьба женщины въ Россіи. *А. Строева*. Моск. Вѣд. 1856 № 145 и 147. О нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ можно почерпнуть свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей. *Memoriae populorum. Шпрингера*. Спб. 1771—1779 г. 4 тома 16 п. *Foszians und anderer Araber Berichte über Russen alterer Zeit*. Спб. 1823. *Memoires de*

l'Academie Imper. des Sciens de St.-Peterb. 1834 VI, 317. *Шармиза*. Записки Археол. общ. VI, 46. *Марко-Пола*. Чт. общ. Ист. 1864. 3. Собр. къ путеш. къ Татаромъ. Изд. *Языкова*. Спб. 1825. Жизнеопис. древнихъ и среднев. путеш. Чт. общ. 1854. кн. 2, 3 и 4. 1865. кн. 1 и 2. Библиотека иностран. путеш. *Семенова*. Спб. 1836. Сказаніе иностр. писат. о Рос. изд. Археол. ком. Спб. 1854. Путешествіе Ниль-Батуты. Рус. Вѣст. 1841 № 2, стр. 462. Жизнь древ. Славянъ по Хроникѣ Дитмара. Спб. 1857. Извѣстія о Хозарахъ, Бургасахъ, Славянахъ и Руссахъ. Ибнъ-Дастъ *Д. А. Хадальска*. Спб. 1869. О нравахъ и обычаяхъ др. Руси. *С. Соловьева*. Чт. общ. Ист. № 1. Взглядъ на Юридич. бытъ др. Руси. *К. Кавелина*. Современ. 1847. № 1. Древн. рус. проповѣди противъ пьянства. Прав. Собес. 1862, I. 263. 369.

земли (*Там же* № 33, 95). Кажется, что условия о принятии в службу и покупке земель были место при нераздельности владения; когда же участки в Москве разделились между князьями, тогда последние уговаривались не принимать крестьян из одного участка в другой. В первом случае постановление распространялось и на купечество (*Собр. грам. I, № 33, 95*). Эти условия не уничтожали однако свободы крестьян; соседний землевладелец мог не принимать их на свою землю, но они всегда имели право уйти в другое княжество. Это очевидно из приведенной выше духовной грамоты Владимира Андреевича, в которой он запрещает сыновьям своим принимать крестьян из одного удела в другой, а между тем говорить, что крестьянин волен уйти, куда хочет, но под условием потери земли. Владимир Андреевич был также участником в Московском уделе; в других княжествах таких условий не встречается. В договоры рязанских князей прямо сказано: «в христианомъ межъ насъ волинымъ воля». В договорах между князьями различных уделов в замѣну этого ограничения перехода всегда включалось условие о выдаче холоповъ, рабовъ, разбойниковъ и проч., чего, наоборотъ, нѣтъ в договорах между московскими князьями. Власть великаго князя усилилась и участки удѣльных князей в Москвѣ и въ окрестных городах отошли къ нему; Андрей Васильевичъ сохранилъ только право известное время держать в Москвѣ своего наместника для суда. В договорѣ великаго князя Василья Васильевича съ Шемякою встречается также постановление, чтобы послѣдній данныхъ людей съ Бѣжецкаго-Верха не принималъ (¹). По Бѣжецкій-Верхъ была областю новгородскою, Новгородцы же постоянно договаривались съ князьями,

чтобы послѣдние не выводили людей въ свое княжение, ни изъ Бѣжецкаго-Верха, ни изъ другихъ волостей новгородскихъ (*Собр. грам. I, № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9*). В договорах между Москвою и Тверью или Рязанью также включалось условие: «а вывода и рубежа межъ себя не замышляти» (*Там же I, № 28, 32, 36, 48, 76, 88. Сраз. № 14; «а силою ти постя въ Тѣпръ не принимати»*). Но выводъ означалъ насильственное завладѣние людьми, также какъ рубежъ значилъ насильственное завладѣние имуществомъ, за что виновные выдавались по розыску.

Такия же ограничения встрѣчаются и въ жалованныхъ грамотахъ духовенству и служилымъ людямъ. Движимые духомъ благочестія, князья одарили церковь многочисленными землями, и жаловали монастырямъ и духовенству разныя льготы и привилегіи, какъ для нихъ самихъ, такъ и для крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ. Но понятно, что при такихъ значительныхъ преимуществахъ соседніе крестьяне должны были массами переселяться въ церковныя имѣнія, а необходимымъ слѣдствиемъ такого переселенія было уменьшеніе княжескихъ доходовъ. Для избѣженія этого князья давали льготы грамоты условно; обыкновенно льготы распространялись только на три разряда крестьянъ: 1) на старожильцевъ, либо уже сядшихъ на землѣ, либо ушедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся вновь; 2) на людей купленныхъ (или оккупленныхъ), и посаженныхъ на земли; 3) на людей пережванныхъ изъ другихъ

(¹) Собр. гос. грам. I, № 60. Что касается до упрека, который духовенство дѣлаетъ Шемякѣ въ своемъ посланіи (*Акты Ист. I, № 40*) въ томъ, что онъ пересылаетъ къ себѣ людей великаго князя, то это относится къ Москвѣ, которую оба князя обязывались держать по старинѣ.

княжествъ, а не изъ вотчины того князя или той княгини, которые давали грамоту. При всемъ томъ общаго правила не было: иногда льготы даровались однимъ старожильцамъ (А. Арх. Эксп. I, № 38, 131), или однимъ людямъ купленнымъ (Тамъ же № 52), или однимъ переселеннымъ изъ другихъ княжествъ (А. Ист. I, № 36, 88, 108. Акты Эксп., № 17, 19, 28, 41. Доп. къ Акт. Ист. I, № 208), иногда же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ—старожильцамъ и переселеннымъ (А. Ист. I, № 25, 73. А. Арх. Эксп. I, № 23, 31, 39, 51, 56, 60. Доп. къ А. Ист. I, № 17), купленнымъ и переселеннымъ (А. Ист. I, № 28. А. Арх. Эксп. I, № 31), или старожильцамъ, купленнымъ и переселеннымъ (А. Арх. Эксп. I, № 53. Доп. къ А. Ист. I, № 193). На это закона не было, ибо все зависѣло отъ благорасположенія князя; это былъ частный порядокъ, при которомъ можно было давать болѣе или менѣе льготы. Нѣтъ ли одинъ и тотъ же князь одному и тому же монастырю на разные деревни давалъ льготныя грамоты совершенно различнаго содержанія (А. Ист. I, № 83, 87, 88). Поэтому и права были чрезвычайно разнообразны: одни получали освобожденіе отъ нѣкоторыхъ податей, другіе отъ всѣхъ, одни на одинъ срокъ, другіе на другой, а третьи на безсрочное время. Во множествѣ жалованныхъ грамотъ нѣтъ рѣшительно никакихъ ограниченій; льготы даруются людямъ, «кто имеетъ или учнетъ жити на тѣхъ земляхъ», или «кого къ себѣ именуемъ зоветь», или «кого посадитъ на той землѣ» (А. Ист. I, № 13, 15, 83, 106, 131. А. Эксп. I, № 75, 88, 122, 136, 158, 164, 171, 208. Доп. къ А. Ист. I, № 27). Это было дѣло совершенно случайное, въ которомъ правительственныхъ видовъ и распоряженій никакихъ не было. Встрѣчается

даже условіе, чтобы не только на церковной землѣ не принимать людей изъ великаго княжества, но и въ удѣлъ великаго князя не принимать людей съ церковной землѣ (Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 213).

Такія же льготныя грамоты, съ столь же различнымъ содержаніемъ, давались и частнымъ людямъ; здѣсь также освобождалось отъ податей и повинностей или просто люди «кто учнетъ жити» на ихъ землѣ, или купленные, старожильцы и призванные изъ другихъ княжествъ, или наконецъ «кто переселитъ непорочныхъ людей» (Акты Ист. I, № 115. Дополн. къ Акт. Ист. I, № 36. Акты Эксп. I, № 111, 120, 132, 163, 371, 374, 379). Не только князья, но и духовныя власти и даже частныя лица давали подобныя грамоты съ ограниченіемъ перехода крестьянъ. Въ 1450 году митр. Іона далъ грамоту Андрею Афанасьеву, «что сѣлъ на своей куплѣ, на Голыжовской пустоши, въ волость пречистые Богородицы и въ моею въ Романовскомъ: и како Андрей на ту пустошь къ себѣ переселитъ людей изъ иныхъ княжествъ, а не изъ волости ни изъ сѣли пречистыхъ Богородицы, и тѣмъ людямъ пришедшимъ не надобѣ съ помыа христіяны съ волостнымъ тягнѣти ни въ какое дѣло... а которой христіянинъ волостной Романовецъ, или изъ села изъ церковного, выйдетъ за рубежъ, а хотя ити къ Андрею на ту пустошь, и Андрею тѣхъ христіянъ волостныхъ ни сельчанъ церковныхъ не принимать» (Акты Юрид. I, № 110, VII). Здѣсь видно стремленіе къ образованію такого же іерархическаго порядка землевладѣльцевъ, какъ въ феодальной мѣрѣ на Западѣ. Духовное лицо, монастырь получаютъ отъ князя землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соединенныя съ ними права и льготы людямъ, которые поселились на ихъ землѣ и черезъ это дѣлаются отъ нихъ зависимыми. Но у насъ, вслѣдствіе

церкви св. Спаса, чьстное дѣло безцѣно
есть, а кованне его, зото и серебро
и камѣнь, и живнющъ изъ 100 гривнъ,
а да 40., гривнъ, да нѣ изнесѣтся изъ
манастиря никогдаже, яко ни продати, ни
отдати, аще ее кто прѣслоупаетъ, изне-
сѣтъ ѿ оу манастиря, да не буди ему
помощникъ чьстныи крестъ ни въ сѣ-
вѣхъ, ни въ боудущи, и да боудетъ про-
клятъ св. животворящю троицею и св.
отца 300 и 18, семю съборъ святыхъ
отецъ и боуди емоу часть съ Иудею, иже
прѣда Христа. Кто же дръзнетъ сътвори-
ти се... властелю, или князь, или пи-
скоупъ, или проумеръ, или инъ который
любо челоуѣкъ, а боуди емоу клятвѣ еи;
Офросинѣ же раба Христова, сътяжавъ-
ши крестъ еси, приплетъ вѣчную жизнь
съ всѣми святыми.

Господи, помози рабу своему Лазарю,
нареченному Богъши, съдѣлавшему крѣ-
сть еси цркви св. Спаса и Офросинѣ.

О крестъ Евфросини см. Журн. Мин. Н. Пр.
1846. Объ-англицей 1149 г. Христ. Древн. и Ар-
хеологія изд. Прохорова. 1888. № 4. Окладъ Мстис-
лавова евангелія. Флпммонова. Чт. Общ. ист. 1860.
IV, 1, 40—115.

240 Защита торговцевъ.

Въ лѣто 6678 (1170). Вложи Богъ
въ сердце Мстиславу Изяславичю мысль
блугу о Руской земли, занеже ей хоташе
добра всѣмъ сердцемъ: и съзва братью
свою и нача думати съ ними, река имъ
такъ: «братве! пожалѣтеся о Руской зе-
мли и о своей отцѣи и дѣдѣи, оже не
суть хрестіанъ на всяко лѣто у вѣжѣ

спои, а съ ними роту взимающе, всегда
переступающе; а уже у насъ и *Гречь-
скій путь* изъ отнимають, и *Соланный*,
и *Залозный*; а лѣпо ны было, братве,
пѣрляче на божію помощь и на молитву
св. Богородици, поискати отецъ своихъ и
дѣдъ своихъ пути и своей чести.» И угод-
на бысть рѣчь его драже Богу, и всеѣ
братѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему
братѣ всѣ: «Богъ ти, брате, помози въ
томъ, оже ти Богъ вложи гаку мысль въ
сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и
за Рускую землю головы свои сложити и
къ мученикомъ прятеномъ быти. По-
сла же Чернигову къ Ольговичемъ всимъ
и къ Всеволодичема, веля имъ быти
всимъ у себе: бѣху бо тогда Ольговичи
въ Мстиславѣ воли; и всимъ угодна
бысть дума Мстиславля. И съвкупив-
шесѣ всѣ братѣ и поидоша изъ Кіева м.
марта въ 2 день, въ день суботный се-
редохрестной недѣли..

Идоша князи 9 дновъ изъ Кіева, и
бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ
Гаврилкова отъ Иславича, оже идуть на
нѣ князи рускіи, и побѣгоша липившесѣ
женъ и дѣтій: князи же утѣдаше, оже
Половци побѣгли, и липившесѣ женъ сво-
ихъ и возъ. И взяша вѣжѣ ихъ на Уг-
лѣ рѣцѣ, а другыѣ по Снопороду, а са-
мѣхъ постигоша въ Черного лѣса, и ту
притиснувшѣ къ лѣсу избѣша ѣ, а ины
руками извомаша; Бастѣи же и ины мно-
зи гонѣша по нихъ и за Вѣсколь, бѣюче
и; и толико взяша полону множество, яко
же всимъ рускимъ воємъ наполнитися до
изобилія, и колодники, и чагамы, и дѣ-
тми ихъ, и челядью, и скоты и конны,
хрестіанъ же отполонизше пустиша на
свободу вси...

И похвалившѣ князи всемоштваго
Бога и силу чьстнаго креста, възврати-
шасѣ въ свояси, съ радостью великою, и
быша въ домѣхъ своихъ на самое въскре-
сеніе; и бысть людемъ двоѣ радостъ, и
въскресеніе господне и князь своихъ

(1) О раннихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Гре-
ціей см. Договоры Олега и Игоря.

възвращеніе съ побѣдою и съ радостію... И потомъ помялъ поела Мстиславъ по братью свою, и съвнувшись вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручю, Давидъ изъ Вышегорода, а Гюргевичъ Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мстиславъ братья своей: «се, братье, Половцыи есмы много зла створили, вѣжъ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, а стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостяти Гречинку нашему и Залознику; а быхомъ вышли противу Гречинку.» И любя бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: «такъ буди, то есть намъ на часть и нестѣ Рускѣй земля» — и тѣмъ стала у Кіева.

(Ипат. 97—98, 93—94).

241. Владимірскія перази до 1175.

.....Князь благовѣрный Андрей (ум. 1175 г.) створи церковь (въ Боголюбѣ) св. Рождества) въ память собѣ, и украси ю (ее) иконами многоцѣнными, златомъ и каменемъ драгымъ и жемчугомъ великимъ безцѣннымъ, и устрои ѣ различныя цѣтаи и аспидныя цѣтаи⁽¹⁾ украси, и всякими узорочьи (узорами, украшеніями) удиви ю, свѣтлостію же не како зрѣти, зане ося церква бже золота; и украсивъ ю и уди-

(1) Цѣтаи или цѣты — малія бляшки. Икогда слово — цѣта замѣняется сл. златница, пенязь, серебряникъ. Тѣперь въ Тамбовс. губ. цѣтами называються узоры на плечахъ и полахъ рубаши, вышиные шнѣкомъ и унизанные бѣстнами. Что же касаетсѣ до названія аспидный, то это означаетъ цѣты изъ темносиняго камня въ родѣ яшмы.

визъ ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всякъ приходящій дивитсѣ, и вси бо видивше ю не могутъ сказати пярдыя (изящныя) красоты ея: златомъ и финифтомъ (финифтью) и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ (дарохранительница) златъ, съ каменны драгыми, и рѣпиди многоцѣнными, кандѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу (до низу) и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье (притолки) церкви златомъ же ковано, бжеть же и сѣнь златомъ же украшена отъ верха и до Дѣисуса и всею добродѣтелью церковною исполнена, измѣчавъ всю хытростію

Князь же Андрей бѣ городъ Володимѣрь сально устроить, къ тому же ворота златая доспѣ (сдѣлалъ, пристѣлъ), а другая серебромъ учини. И доспѣ перковъ камену сборную св. Богородица, пречюдву велики, и всеми различными виды украси ю отъ злата и серебра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменемъ дорогымъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многыма паникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь; а оцѣбонъ (амвонъ) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ и рѣпиди и всего строенія церковнаго, златомъ и каменемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, велики много, а тріе ерусалими велики великии, иже отъ злата чиста отъ каменя многоцѣнна устрои, и всеми виды и строеніемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ; и въ Боголюбѣ и въ Володимѣрь городѣ верхъ бо златомъ устрои, каменемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (птицы) золоты и кубкы и

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

237. Грамота Мстислава, данная Юрьеву монастырю 1130.

Се азъ Мстиславъ Володимерь сынъ държа Русьску землю въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати (Бунцѣ) св. Георгиеви съ дацію и и съ вирами и съ продажами и вено вотское, да же который князь по моему княжению почынетъ хотѣти отъяти у св. Георгия, а Богъ буди за тѣмъ и св. Богородица и тѣ (тогъ) св. Георгий у негого отпмаеть. И ты, игумене (Исана) и вы братиѣ, допелѣже (пока) ся яврѣ състоятъ, моляте Бога за мя и за моѣ дѣти кто ся изростаетъ въ монастыри, то вы тѣмъ дѣлѣши есте молити за ны Бога и при житиѣ и въ сьмьрти, а язъ далъ рукою своею и осеньюе полюдие дарованое полѣтретьдесате (25) гривняъ святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно въ 30 гривняъ серебра святому же Георгиеви, велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ

обѣдаеть; да же кто запъртитъ или ту дань и се блюдо,—да судитъ ему (Богъ въ) день пришествія своего и тѣ св. Георгии.

(Изв. Акад. VIII, 339).

Бунцѣ—село Бунца около Новгорода. *Вено вотское*—приданое, собираемое въ Вотской пятинѣ, или въ одномъ изъ пяти округовъ, на которыхъ раздѣлялась область новгородская. *Вири*—судебный штрафъ съ преступниковъ. По замѣчанію проф. Бузаева, выраженіе *своею рукою* указываетъ на юридическій обычай касаться рукой грамоты, если кто не подписывалъ ее или не клялъ на ней собственноручно крестомъ. *Бить въ блюдо*. Обычай этотъ сохранился доселѣ въ монастыряхъ за общимъ трапезомъ. настоятель стучитъ о блюдо, когда нужно перемѣнять кушанье. Вѣсти. Европы 1818 г. ч. 100. МХ 45, 46, 20. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, III, 1. 65—76. Чт. общ. Ист. 1864, 2, III, 8—10).

238. Уставъ новгор. князя Святослава 1137.

Уставъ, бывший прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ; имати пискупомъ десятину отъ даней, и отъ вирь и продажъ, что входить въ княжъ дворъ всего.

А здѣ въ Новгородѣ что есть десятина отъ даней, обрѣтохомъ уряжено прежде мене бывшими князи; толико отъ вирь и продажъ десятины зръѣлъ, аликъ даней въ рудѣ княжий въ клѣтъ его ⁽¹⁾. Нужа же бѣше пискупу, нужа же князю въ томъ, въ 10-й части божій. Того дѣля уставилъ есть св. Софѣи, ать *(пустъ)* емлетъ пискуиъ за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривенъ, новыхъ кунъ, иже выдаетъ Домажиричъ изъ Олѣга, аче *(если)* не будетъ полна ста у Домажирича, 80 выдать, а дополнокъ возметь 20 гр. у князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ св. Софѣи и написалъ Никола ки. новгородскій Святославъ; въ Олегѣ на Волдуговѣ погостѣ 2 сорочки ⁽²⁾, на Тудоворѣ погостѣ 2 сорочка, на Ивани погости съ даромъ сорочка, на Ракулѣ 3, на Спирковѣ 2, у Вихтѣ сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, устье Емцѣ 2, устье Вагъ 2, у Пуяте сорочекъ, у Чюдина полсорочка, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдита съ даромъ 2, у Велѣ 2, у Векшенѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тимѣ сорочекъ, у Помѣ полсорочка, у Тотыѣ сорочекъ, у Пененича сорочекъ, у Порокомустѣ полсорочка, у Ваядита 2 сорочка, на Волоцѣ въ Моти 2, у Емискора, а на мори

отъ чрена и отъ салгы по пузу ⁽¹⁾, у Тудора сорочекъ.

Въ лѣто (6645) индикта 15. Ожели кто въ которое время а то рюшить, или отпмѣть, что я урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ; князь ли, или ииъ кто сильныхъ Новогородець, а будетъ Богу противень и св. Софѣи.

А се *объ-оньзскій* ⁽²⁾ рѣдѣ. во Олонци 3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гр., у Выюницѣ гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривна, на Кукуевѣ горѣ гривна, у Пермимина гривна, у Кокорка полгривны, на Маснегѣ, низъ Сяси, полгривны, въ поѣздѣ отъ всея земли Владыцѣ 10 гр., а попу 2 гр. у Липсуевичъ полгривны, у Тивота гривна, въ Липшѣ полгривны. А се *блѣжичскій* рѣдѣ: Въ Блѣжичѣхъ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецкѣ полпяти $(4\frac{1}{2})$ гривенъ, въ Змени 5 гр. Езъскѣ 4 гр. и 8 кунъ, Рыбаньскѣ гривна воджская, въ Изьскѣ полгривны волжская.

(Рус. Дост. I, 82—85).

См. въ отаѣлѣ юридическомъ церковные уставы и другія грамоты. Сборъ десятины во владимірской области существовалъ въ XIII в. См. Посл. Симона къ Поливарпу.

239. Надпись на крестѣ княгини Кафросины Полоцкой 1161 г.

Въ лѣто 6669 покладесть Одросинѣ чьстѣнныи крестъ въ монастыри своеѣ, въ

⁽¹⁾ Т. е. сколько приходить на долю князя въ кладовую.

⁽²⁾ *Сороки, сорокы*—древній счетъ мѣховъ. Собственныя имена здѣсь означаютъ волости новгородскія. См. Матер. для ист.—геогр. Слов. Барсова. 1865.

⁽¹⁾ *Чренъ, чрѣнь*—желѣзная большая сковорода, въ которой вываривается соль; *салга*—большой котелъ, употребляемый для той же цѣли, *пузъ*—мѣшокъ въ два четверика.

⁽²⁾ Оболенская патина лежала около Опежскаго озера и по р. Онегѣ.

вѣтрица золотомъ устроена поставя, по всей церкви и по конаромъ около.

(Ипат. Л. 111—112).

См. также Освященіе Василька и Сказаніе о Довмонти.

При чтеніи подобныхъ отрывковъ, обращать вниманіе на состояніе ремеселъ и художествъ древняго времени.

242. Вкладная преп. Варлаама Хутиискаго п. 1192.

Се въдале Варлаамъ св. Спасоу. Землю и огородъ и ловища рыбная и гоголинаа и пожни (слынокъ): 1) рѣль (лука?) противу села за Волховомъ, 2) на Волховецѣ коле (1), 3) корь, 4) лозы, 5) воинова, 6) на островѣ и съ ниваши, всю же тоу землю Хоутыньскоую въдале св. Спасоу, и съ челядню, и съ скотиною, а се брат(и) далъ?: 1) отрокъ съ женою, 2) волос (Власъ?), 3) дѣвѣнъ Феверонія съ дѣтми сыновыи(?). 4) недачь, а конь шестеро, и корова. Се другое село на Своудини за.... биею въдале св. Спасоу и божница (церковь) въ немъ, св. Георгия, и нивы и пожни, и ловища и еже въ немъ, — се же все далъ Варлаамъ Михалевъ, сынъ св. Спасоу. Аще кто диаволѣмъ наоученъ и злыми челоуѣки наваженъ цѣто хочеть отѣяти отъ нивъ ли отъ пожнъ ли или отъ ловищъ, — а боуду емоу противенъ св. Спасъ я въ съ вѣкъ боудоущи.

(Доп. къ Акт. Ист. I, № 5).

(1) Коле, также лѣзь — заколъ или запрудъ рыбы, гдѣ производится рыбная ловля посредствомъ бѣлѣнаго коня, сплетеннаго изъ хворосту.

См. Изв. Акад. Н. X, 540, Ист. Рос. тор. VI, 617. Эта вкладная съ обыкновенными пошенина въ Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 14—5.

243. Давная суздальскому Васильевскому монастырю 1253.

..... и по благословенію государя своего кн. Дмитрея Константиновича, во мнишескомъ чину Дюнисья, се азъ раба божія Марина черница управила есмь душу господина своего Деонисьева, да есмь по его постриженію ко св. Василью въ монастырь на поминки душѣ его село Мининское со всѣмъ, что къ нему потягу, и съ прикупными землями въ семь въ Мининскомъ, дала есмь съ еребромъ и съ животомъ (1), да село Романовское ко св. же Василью, да въ Романовскомъ же дала есмь прикупной лугъ Любому подлѣ рѣки Нерли отъ Васильевскаго мочвища доломъ (отъ болота низомъ) да по два озерца, да на възѣ, да на яву, да поперегъ болотца къ Романовской рощѣ на валовую межу (2); а дала есмь тѣ села и съ животомъ св. Василью по его душѣ игумену съ братьею, покормѣть и св. обитель сѣи стоять, лѣта 6761.

(Опис. Рум. Муз. 99).

См. Акты юрид. б. I, 439.

Данныхъ и жалованныхъ грамотъ монастырямъ сохранилось весьма много съ древняго времени; изъ нихъ видно, какія льготы даны были монахамъ въ древнее время и какъ много находилось монастырскихъ имуществъ.

(1) Со сборомъ дани и съ пожертвками.

(2) Такими естественными предметами означались грани поземельныхъ владѣній въ древнее время; часто они уничтожались и происходили постоянныя споры между владѣльцами.

244. Убранство войска Давида галицкаго.

Въ лето 6760 (1252). Пришла король угорскы къ Давиду, прося его на помощь: бѣ бо имѣя рать на бои съ Нѣмци; иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришли бо бяху послы нѣмецкыи къ нему, бѣ бо царь одинъ одержа землю Ракушску и Штирьску: герцогъ бо уже убитъ бысть. Бѣ бо ямена посланы: воевода царевъ и пискутъ Жаломъ Пурьскый, рекомый Сольскый, и Гарихъ Порувскый, и Ота Гаретеньникъ Пѣтольскый. Возвѣха же король съ ними противу же Давиду князю; Давидъ же приде къ нему, исполни все люди свои. Нѣмцы же дивляшеся оружью татарскому: бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающа. Самъ же бѣхъ подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо ковы подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, явими хитростями, якоже дивитися, кожихъ же оловира грецкого и кружвы златыи полоскыи ошитъ, и сапози зеленого хѣза (сафьяна) шити золотомъ. Нѣмцемъ же зрящимъ, много дивящимся, рече ему король: «не взялъ быхъ тысячъ серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ;» и просия у него въ станъ, зане зной бѣ великъ того дне. Онъ же я ъ за руку и веде его въ податю свою, и самъ соволочашеть его и оболочашеть ѡ вопорты свои; и таку честь творяшеть ему, и приде въ домъ свой.

(Ипат. II 187).

245. Украшеніе города Холма.

Видишь князь Данило (1259), яко Богу поситвающу мѣсту тому (г. Холму), нача призывати прихожаѣ Нѣмцы и Русь, и поязычники и Ляхы; идяху день и нощь, и уюты и мастера: всяцы бѣжаху изъ Татаръ, съдѣлники, и лучинцы, и тулинцы, и кузницѣ: желѣзу и мѣди и серебру, и бѣ живны, и наполниша дворы окрестъ града поле и села. Созда же и церкви св. Ивана, красну и лѣну; здания же еѣ сще бысть: комары 4, съ каждаго угла переводъ, и стояныи ихъ на 4 головахъ челоуѣцкихъ изваяно отъ нѣкоего хитреца; окна 3 украшена стеклы рамяскими; входящи во олтарь стояста два столба отъ цѣла камени, и на немъ комаръ, и выспрь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутрній же еи помостъ бѣ едитъ отъ мѣди и отъ олова чвста, яко блещатся яко зерцалу; двери же еи двоя украшены камнемъ разнымъ бѣлымъ и зеленымъ хитрымъ, тесавымъ, узоры тѣ нѣкимъ хитрецемъ Авдемъ, притѣпы отъ всихъ шаровъ (красокъ) и злата, напередъ ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полуочныхъ св. Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ; украси же иконы, оже принесе изъ Кыева, камнемъ драгимъ и бисеромъ златымъ: Спаса и преч. Богородицѣ, иже ему сестра Федора вѣла, изъ монастыря Федора иконы же принесе, изъ Уручяго Усрътенье отъ отца его, диву подобны, яже погорѣша во церкви св. Ивана, одинъ Михаилъ остаеся чудныхъ тѣхъ иконъ; и колоколы принесе изъ Кыева, другія ту соль: то все огнь попали (1259). Вѣжа (башня) же средѣ города высока, якоже бѣши съ нею окрестъ града, подызана камнемъ въ высоту 15 лакотъ, создана же сама древомъ тесавымъ и убѣлена яко сыръ, свѣтящися на вѣси стороны; стѣпеней; рекомый кладлаъ, близъ ея бѣ, саженей имущи 35;

храмъ прекраснѣи и мѣдѣ отъ огня яко смола ползущѣ; посади же сѣдѣ красенѣ, и созда церковь свѣтѣма безмездникома во честь, имати 4 столпы отъ цѣла каменю истесаного, держаща верхѣ, съ тѣхъ же другыи, и въ олтарь пресе. Дмитрея стоить же ти предѣ бочныи дверли красенѣ, принесенѣ издалеча; стоить же столпъ поприще отъ города камень, а на немъ орелъ камень изваянѣ, высота же каменю десѣти лакотѣ, съ головами же и съ подножьями 12 лакотѣ. Увидивъ же сяко пагубу граду, ешедѣ въ церковь и видѣ пагубу и сжалевъ велимъ, помолився Богу пакы обнови и церковь освяти, пи-скупомъ Иваномъ, и пакы помолився Богу и созда и твержыи и высеи; вежѣ же такое не возмозже создати: ѡбъ бо грады нынѣ зиждай, протѣлу безбожнѣмъ Татаромъ, за то не созда ея.

Въ лѣто 6768 (1260). Созда же церковь превелику во градѣ Холмѣ, во имя пресе, приснодѣвѣ Маріа, величествомъ и красотою не менѣ еущѣхъ древнихъ, и украси ю пречюдными иконами; пренесе же чашю отъ земли Угорьскыи мрамора багрина, изваяну мудростю чюдну, и зыцѣи главы бѣиа округъ ея, и постави ю предѣ дверни церковныи, нарѣцаемыи царскыи, створи же въ ней крестилиицю крестити воду на св. Богоявлене; створи же въ ней блаженный пискупъ Паавъ отъ древа красна точевъ и позлащенъ дѣи и вѣи, двелению подобенъ.

(Ипат. 196—197).

246. Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами 1262—1263.

Се азъ князь Александръ и сынъ мой Дмитрии съ посадникомъ Михайломъ и съ

тысяцкыи Жирославомъ и съ всеми Новгородци докончахомъ миръ съ посломъ Нѣмцкыи Шивордомъ и съ Любыцкыи посломъ Тидрикомъ и съ Гѣцкыи посломъ Ольстенѣмъ и съ всеми Латиньскыи языкомъ. Чтѣ ея учинило тяжѣ межѣ Новгородци и межю Нѣмци и Готы⁽¹⁾ и со всеми Латиньскыи языкомъ, то все отложихомъ, а миръ докончашъ на сей правдѣ: Новгородцѣмъ гостити на Готьскыи берегъ безъ пакости, а Нѣмцѣмъ и Гтѣмъ гостити въ Новгородѣ безъ пакости (безъ обиды) в всему Латиньскому языку на старыи мирѣ. Пулъ отложихомъ, а скалы (въсовыи чашки) поставихомъ по своей воли и по любви. А въ Ратшану тяжю платили есмы 20 гривенъ серебра за две голове, а третью выдахомъ. А Нѣмцѣмъ и Гтѣмъ в всему Латиньскому языку платити по двѣ кунѣ отъ каши и отъ великаго вѣснаго товара, что кладутъ на скалы, и продающе и купивше. А старыи мирѣ до Котлинѣ (до *Кронштадта*): А Новгородцѣмъ въ становици (въ пристани) на Готскомъ березѣ безъ пакости въ старыи мирѣ. А зимиши гостѣ, оже не поймѣтъ нашего посла ни новгородцкыи кушечъ изъ Новгорода или съ Гѣцкаго берега, а что еи учинитъ изъ Котлинѣ до Новгорода или изъ Новгорода до Котлинѣ Немецкѣмъ гостѣ, оже безъ посла поидутъ: то Новгороду тяжа не надобе, въ старыи мирѣ⁽²⁾. Оже кто гоститъ въ Корѣлу или Нѣмци или Гтѣи, а что ея учинитъ, а то Новгороду тяжа не надобе. А которыхъ трѣе дворцѣ⁽³⁾ въпросиши ваша

⁽¹⁾ Готы — Готландцы, Готскій берегъ — островъ Готландъ въ Балтійскомъ морѣ.

⁽²⁾ Т. е. если учинится обидѣ торговцамъ, идущимъ безъ новгородскаго провожатого, то Новгородъ не отвѣчаетъ за это.

⁽³⁾ Три торговые иностранныя двора въ Новгородѣ.

братья посла, а тѣхъ ся есмы отступили по своей воли. А се старая наша правда и грамота: на чемъ цѣловали отцы ваши и наши крестъ. А гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати. А иное грамоты у насъ нѣтуть, ни потавли есмы, ни вѣдаемъ. На томъ крестъ цѣлуемъ.

(Изв. Акад. Н. VI, 166).

См. еще Грам. кас. сношен. съ Гаяз. гор. 2.

247. Грамота в. кн. Андрея Александровича на Двину 1294—1304

Отъ в. князя отъ Ондreja къ посадникомъ, и къ скотникомъ, (сотникамъ) и къ старостамъ. Како есмь докончалъ (сдѣлалъ договоръ) съ Новымгородомъ ходити тремъ патагамъ моимъ на морс (съзерное), а ватаманъ Ондрей Критцкій, отъдають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма како поидеть съ моря съ потками (птицами) съ данными по данничу пути, дадять ему корму и подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и моемъ братѣ, не ходити на Терскую егорину Новгородцемъ, и нынѣ не ходять.

(А. Экспед. I, № 1).

См. Истор. Госуд. Рос. IV, стр. 206.

248. Грамота Рижанъ витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300.

Поклонъ отъ ратмановъ рижныхъ и отъ всѣхъ горожанъ ко князю витебскому

Михаилу. И ныне пришли предъ насъ наши горожане, и то намъ поведали съ великою жалобою: который были зимусъ съ тобою у Витебце, какъ то еси товаръ у нихъ отъялъ силою и неправдою. То было и первое. Былъ у тебе одинъ дѣтина, нашъ горожанинъ, а иногда не бывалъ у васъ, тогда рать была литовская подъ городомъ; онъ же хотель у рать ити дѣвки купити и взять мець со собою по нашей пошлине; тогда вдя путемъ заблудилъ къ монастыреви,—и выскочивше 3 чернычи, 4-й же человекъ инши съ ними ту его емъшо, били и рвали, и мець выстали силою у него. И потомъ, княже, ты на другой день емъ его оковалъ еси и дѣржилъ его еси до того же дне, а товара еси отъялъ на 3 берковьскы воску. Княже, то еси неправду дѣялъ; забылъ еси. княжо, своего крестнаго чelованья, зане же самъ вѣдаешь, княжо, како нѣтако естъ миръ доконцанъ на старши миръ, и на томъ крестъ чelованъ, какъ то намъ вашей брати правда дати, а обиды не створити ни малу, ни велику. Тако было и вамъ по крестному чelованью обиды не створити ни малу, ни велику, нашей брати правда дати, товара силою не грабити, чelовѣка не мучити безъ вины. Княжо, слышашъ самъ отъ своея братѣе, какъ то мы ваше братие не обидѣли, ни грабили товара силою безъ правды, какъ то ты, княжо, дѣешь.—А се тебѣ поведываемъ 2-ю обиду. За грѣхы пригодилося такъ, какъ то сѣдѣла дружина у пирю пиячи, другъ друга заразилъ до смерти,—и какъ то тыи бои и удѣялся, тогда онъ убоаясь живота, утеклъ къ тебе, княжо. Немчи же уведавше, ажъ къ тебе, утеклъ разбойникъ, и пришли предъ (тебе), княжо, Немчи и молили ся тебе: выдай намъ разбойника,—и ты имъ выдавъ разбойника, потомъ, княжо, шолъ еси у разбойникову клетъ, товаръ еси разбойниковъ взять; иныхъ людий товаръ былъ ту, то

ть и то понималъ еси, княжо, то ты еси неправду дѣлалъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не тако есть миръ доконцанъ межи земле; аже другъ друга убивать до смерти, а мнѣть ты того человѣка, кто разбой учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени, — и ныне мы моляшся тебе, а бы ты товаръ отдалъ его племени. — А се тебе 3-ю обиду повѣдываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ со разбойникомъ товаромъ у клети. Какъ то поехалъ изъ Витебска у Смоленскъ потуступилъ же у разбойникове клети волны же овчины на 5 серебра; онъ же у Смоленщѣ услышалъ, аже ты его товаръ со разбойниковымъ товаромъ узялъ, и онъ убора въ конь вѣсѣлъ поехалъ у Витебскъ и моляшся тебе, княжо, абы ты его товаръ отдалъ, что еси узялъ съ разбойниковымъ товаромъ изъ клети, то ты ему не дашь. То еси, княжо, не правду дѣлалъ, — и нынѣ, княжо, мы ея тебе молимъ, какъ то ты товаръ, отдалъ, что еси узялъ безъ лавного вина. — Се и еще, княжо, мы тебе повѣдываемъ 4-ю обиду, у томъ то еси не правду дѣлалъ; какъ то нынѣ новую правду ставишь, какъ то есмы не чинали отъ отчествъ, ни отъ дѣдовъ, ни пращѣдовъ нашихъ, аже ты велишь кликаши съвозъ торгъ: гости съ гостемъ не торгунъ, — княжо, а у томъ еси не правду дѣлалъ. Княжо, аже еси тако у своемъ сердучи, то ты то еси неправдою думалъ; будутъ тебе, княжо, лиши люди тую думу повѣдали, то ты не у честь то ведали тую думу: то есть тебе, княжо, достойно, аже бы тые люди казнилъ, какъ то бышь иныи люди боялися, кто лихую думу поддаваетъ. Княжо, яашъ горожанинъ Фредрикъ продалъ человѣку мехъ соли, и онъ услышалъ, аже ты не велелъ гостени со гостемъ торговати и обещался тебе, княжо, и ты ему велелъ пролати, и онъ шолъ съ

темъ человѣкомъ соли вѣситъ; какъ то еще соли не вѣсели, таяи дворяне стояли ту у дворе, у Фредрика ключъ взяли силою клетнымъ и вонли прочь. Потомъ твои дѣтскыи Плосъ приходъ рекъ Фредерику: поиди ко князю, — и онъ пошолъ къ тебе, по твоему слову; и какъ то пришелъ къ мостови, рекъ Плосъ: поиди съмо, сдѣ князь. Не веда его къ тебе, княжо, жо къ себе въ истобѣку, и ту порты съ него снялъ, за шлю окладилъ въ рѣны и ноги, и жучилъ его такъ, какъ то буди Богу жаль; и потомъ ты дѣтскыи свое послалъ на его подворье и велелъ еси товаръ его разграбити на 4 капи оскы. И ныне мы ея тебе молимъ, абы ты ты товаръ отдалъ; княжо, и самъ вѣдаешь, аже неправдою еси своею крестное челоуаніе забывалъ. — И се нынѣ 5-ю обиду повѣдываемъ. Какъ то Немця послали свое коне изъ Смоленска у Витебскъ, то ты, княжо, тые коне обизрелъ и улюбилъ еси одного коня, — ты конь былъ Герлаховъ, — то ты тые его хотель безъ измѣны; тыи людье рекли: княжо, мы коня не дамы, ни продамы его, не сѣтемъ — конь Герлаховъ. И ты, княжо, давалъ еси на коня 10 изроевъ, и они не взяли; то ты ты рекъ, княжо: дайте вы мне конь, я васъ провожу изъ Смоленска и съвозъ Касилу Лучаки, хочу проводить съ коньши и до Полотына; то ты дали тебе конь по твоему слову. Княжо, дажъ жо аси прѣставъ своего человѣка Проконію, и прѣхалъ Проконію къ Смоленску, тои первое и дали ему скорлата портъ жо чаторъ; Проконіево слово такъ: у которыхъ день вы будѣте готови, я съ нами готовъ буду. Въ тыя жо день по его слову приготавлился есмы были и рекли есмы Проконію: се мы готови, поедимъ; Проконіево такъ: по могу я изъ сѣлта во тму ехати. Проконію на конь свой усесть поехалъ у Витебскъ, а яашю братью по-

пустилъ. Княжо, тѣмъ словомъ не дослу-
жился еси того коня, аже бы ты у
своемъ слове стоялъ, а нашу братию
проводилъ бы, мы быхомъ не поминали
того ковл. И ныне мы ся тебе молимъ;
какъ то отдай Герлаху конь, а любю 10
изроевъ, что еси самъ первое давалъ на
кони;—и да того не даси ни коня, ни
серебра, Герлахъ хочетъ своего коня пе-
кати, како мога.—А се еще 6-ю обиду
повѣдываемъ про Ильбранта, что твои
братъ торговалъ съ нимъ на 30 изроевъ,
17 изроевъ заплатилъ, а 13 не запла-
тилъ. И ныне, княжо, мы ся тебе мо-
лимъ: отдай Ильбранту товаръ своего
брата, душе постерега.—И ныне 7-ю
обиду повѣдываемъ: какъ то было на-
шей братии поехать изъ Витобеска у
Смоленскъ, тогда Литва изымала ихъ
на пути у твоемъ городѣ, княже, вязали
ихъ и мучали и товаръ отимали изъ нихъ,
а утвоея волости ся то дѣлало; товара
взяли ту на 70 гривенъ серебра корного
и на 3 серебра. Княжо, тебе было
тоя обиды постеречи; аже бы ся то дѣ-
лало при твоемъ отчѣ Константине, тая
бы обида на колиже была нашей братии,
какъ ся тогда удѣлало. И ныне, княжо,
мы ся тебе молимъ, какъ то темъ лю-
демъ отплати тыи товаръ, которымъ то
дѣлался у твоея волости и у твоемъ горо-
дѣ. И ныне, княжо, пришло предъ насъ
Шахматъ жо Фредрикъ и то намъ пове-
дала ея жялобою, какъ то еси торговалъ
съ нимъ и не заплатилъ. Княже, то бы-
ло тебе достоинно, у кого купитъ, тому
заплати, то они бышъ на ти не жялова-
ли.—И ныне 8-ю обиду повѣдываемъ
про весы, какъ то слышимъ отъ свое
братя, ажо ты, княжо, ланнее емлешь,
какъ то есе не чювали ни изъ отчины,
ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ. И ны-
нѣ мы ся вамъ молимъ всемъ сердцемъ,
княжо, какъ то естъ миръ докованъ и
крестъ чюванъ на старши миръ, тако

и ныне, княжо, отложи ипнее и всяку
неправду, ать стоимъ старши миръ твер-
до, како доковано.—И ныне, княжо, то
буди тебе ведомо, аже не отложить лиш-
него дѣла и всякое неправды,—мы хо-
чемъ Богу жаловатися и темъ, кто прав-
ду любить, а неправду ненавидитъ. Мы
свое обиды неподложимъ, а боле не мо-
жемъ терпеть.

(Изв. Акад. Н. X, 633—636).

249. Грамота новгородс. архіепа Ва- ктиста къ Рижанамъ послѣ 1300.

Благословеніе отъ владыки Феклиста
и отъ посадника, и отъ тысящскаго, и
отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ купць,
къ попу к Рижскому, и Гьрлаку, и к
Ламбрату и къ всѣмъ ратманомъ, и къ
всѣмъ Рижаномъ. Что избилъ братию
нашу у васъ и товаръ поималъ, за то
вамъ Богъ помози, аже есте разбойни-
ковъ разыскали по хрьстьянскому чюва-
нью; правду держите, братей нашей то-
варъ дайте и разбойники, ать не будетъ.
промежи насъ рѣчи; а кто привезлъ.
грамоту сию, тому вѣры имите.

(Изв. Акад. X, 637).

250. Грамота в. к. Андрея Александр., данная въ Новгородѣ Ганзейскому союзу 1301.

Отъ в. к. Андрея, отъ посадника
Смена, отъ тысячкого Машка, отъ всего
Новгорода. Се приеха Иванъ Бѣлый изъ
Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инча

Олчать изъ Риги ⁽¹⁾ отъ своей братии отъ всѣхъ купчѣхъ своихъ Латинского языка. И дахомъ имъ 3 пути горния по своей волости, а четвертый в рѣчкахъ гости ехати безъ пакости на божий ручъ и на княжи и на всего Новгорода. Оже будетъ не чисто путь в рѣчкахъ, князь велитъ своимъ мужемъ проводить сии гости, а вѣсть имъ издати.

(Доп. къ А. Истор. I, № 8).

См. также Вѣсти Европы 1811 г. № 23 и 24; 1812 г. № 3 и 13. Грем. наводящ. сношеній Руси съ ганзейск. гор. № IX.

251. Договорная Новгорода съ в. к. Михаилкомъ Ярославичемъ до 1307 г.

Благословенне отъ владыки, поклонъ отъ посадника Гюрга, и отъ тысяцкого, и отъ всѣхъ старейшихъ, и отъ всѣхъ мѣшшихъ, и отъ всего Новгорода, господину князю Михаилу. На семь, княже, пѣлуй хрѣстъ къ всему Новгороду; на чемъ пѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти держати въ старинѣ, по попланѣ. Что волостей новгородскихъ, тѣхъ волостей, княже, не держати ти своими мужи, держати мужи новгородскими; а даръ, княже, тобѣ имати отъ всѣхъ волостей. А бесъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ дати; а безъ вѣны мужа волости не дати ти. А что ти, княже, пошло на Тържку и на Волость, тѣхъ свой держати на своей насти; а Новгорода на своей части. А въ Бѣжичахъ тобѣ, княже, ни твоей кня-

гынѣ, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородской. А се, княже, волости новгородскыя: Волокъ съ всѣми волостями, Тържкъ, Бѣжичъ, городъ Палыцъ, Мелеча, Шапино, Егна, Заволочье, Търъ, Пърмъ, Печери, Югра, Волъгла. А свивье бити за 60 верстъ отъ города. А въ Русути, княже, ездити на 3-ю зиму; а лѣтъ ездити на Озвѣдъ звѣри гонити. А въ Ладугу ти, княже, слати осетрѣнѣка и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава; а ездити тобѣ, княже, въ Ладугу на 3-е лѣто. А въ Бѣжичъ, княже, людей не выводити въ свою волость, ни въ иную волость новгородскую; ни грамотъ имъ дати, ни закладниковъ приимати, ни твоей княгини, ни бояремъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни сирѣда, ни купчаны; а грамотъ ти не посужати. А пожитъ что твое и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ; а новгородское Новгороду. А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тиуна по 2 кунъ. А что, княже, мытъ то Суждальской земли и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 вѣшѣ, и отъ лодѣ, и отъ хмелѣна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купчѣхъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти; а свободѣ ти не мытъ на новгородской волости не ставити. А холопъ или раба почнетъ вадити на господу, кому ти вѣры не яти. А на Изву ¹³⁰⁴, княже, Новгородна не судити, ни волостей раздавати; а кто почнетъ вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не яти. А въ вѣмѣчкѣхъ дворѣ тобѣ, княже, торговати нашею братьею; а двора не затваряти, а приставовъ не приставляти. А гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по царевѣ (жанской) грамотѣ. А судѣ слати тобѣ свое на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, княже, межо Суждальскою землею и Новгородскою не чини-

(1) T. e. Iohannes Albus de Lubeke, Adam de Gotlandia, Hinricus Holste или Hinze Holtzatus de Riga.

ти. А что закладилковъ въ Тържъку или вѣде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купецъ, поидеть въ свое сто, а сѣрдъ поидеть въ свой погостъ: тако поидо въ Новѣгородъ; отпущѣ ихъ прочь. А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; а тебѣ серебро емати. А гнѣва ти, княже, до Новгорода не държати, ни до одного человека. А ряду въ новгородской волости тебѣ, княже, и твоихъ судимъ не посягати, а самосуда не замышляти; а старостѣ ни холопы, ни рабы, безъ господаря твоимъ судимъ не судити. А за рубежъ изъ новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити и не судити; а свободѣ ти в селѣ състудитися. А про землю и про села, кто у кого будетъ купити, знаетъ своего истѣда про куны; а земля къ св. Софии.

(Собр. грам. I, № 9).

(Изъ этой грамоты приобщена печать самозванца).

См. также № 4, 8 и 10.

Обратить вниманіе на владѣльческія права новгородскихъ князей).

252. Торговый договоръ между Полоцкомъ и Рязанью ок. 1330.

Тако хотимъ мы горожане съ мещеремъ (магистромъ ордена): переже, како вѣсити воскъ на скалвахъ, а вамъ чинити такоже, нѣ тяжелѣй нашего полупуда тотъ товаръ, который вѣситъ на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ; а коло товаръ на стаяхъ станеть, отступити прочь, а рукою не приймай; а вѣспѣти крестъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какій ни товаръ будетъ. А Немцѣмъ да-

ти вѣсего отъ берковьска заушны отъ воску, отъ мѣди, отъ олова; а селѣ вѣсити ушудный рѣмѣнь, у берковьска узати ему долгая, отъ рубля дати ему долгая. А въ Рязѣ рускому купцу отъ вѣса дати ему отъ бѣрковьска польволя, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю; а селѣ вѣсити пуднымъ рѣмѣнемъ, отъ бѣрковьска дати ему отъ вѣса любецьскій и отъ гривны серебра любецьскій. А вѣсти чистый воскъ безъ подсады (безъ примѣси), безъ смолы, безъ сала, какъ вѣрхъ, тако исподъ. А же привѣзетъ нечистый товаръ, а не любъ будетъ, поехати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнитъ (накажетъ) его. Аже найдутъ у Немцѣ нечистый товаръ у (въ) Руской земли, пойти ему назадъ съ товаромъ у Рязю, тамо его свой князь судати.

(Грам., касающ. отнош. съ ганз. гор. № 7).

См. также договорныя грамоты въ отдѣлѣ юридическомъ.

253. Грамота Двинянамъ до 1340.

Отъ в. князя отъ Ивана, отъ посадника Давида, отъ тысяцкого Аврама и отъ Новгорода къ двинскому посаднику на Коломогоры, и къ бояромъ двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человекъ: а вы, бояре двинские, не вступайте въ гнѣздные потѣки, ни въ мѣста; а погостъ Кегролскій Волокъ вѣдаеть Михайло по пошлени, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Михайлору не надобѣ

вступатись нивсечоужь, ать ходитъ Мияи-
форъ въ Михайловѣ ватазѣ.

(А. Арх. эксп. I, № 2).

**254. Жалованная грамота в. кн. Іоанна
Даниловича 1328—1340.**

Се язъ князь в. Иванъ Даниловичъ
всѣя Руси, пожаловалъ есмь сокольниковъ
печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жи-
лу съ други, а се ихъ имена: Жила,
Олюша, Василко, Степанъ, Карпъ, Фе-
дещъ, Острога, Бориско, Кузми, Дми-
трокъ, Власій, Микитица Ивановъ сынъ,
Семенецъ, Кондратъ, Чешко, Семелецъ,
Григоръ, Степанецъ, Савица: ненадобѣ имъ
никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не
тывуги; и что у нихъ третника и найми-
ты, кто стражетъ на готовыхъ конѣхъ,
а въ кунахъ, и тѣмъ ненадобѣ никоторая
дань, ни ко старостѣ имъ не тивуги, ни
биричь имъ не поторгывать, ненадобѣ ни
кормъ ни подвода; кто ли, черезъ мою
грамоту, что у нихъ возметъ, и язъ князь
в. кажию, занеже ни люди тѣ надобны.
А приказалъ есмь ихъ блюсти Меркурю:
и ты, Меркурей, по моей грамотѣ, блю-
ди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай ни-
кому.

(Акты Арх. Эксп. I, № 3).

**255. Грамота Кестути и Либарта То-
рунскихъ гражданъ послѣ 1341.**

Отъ князя отъ Кестута и отъ князя
отъ Либарта у Торунъ к мѣстичемъ, што
есте просили насъ, а быхомъ васъ пусти-

ли до Лучька торговать через Берестие,
абы вамъ не заказали. Мы хочемъ ради
то учинити вамъ, не блюдитесь ничего,
пойдите. А коли которыхъ торговецъ по-
идеть торговать ис Торуня через Берестие
до Лучьска, без печали будте; а кто по-
идеть съ сею грамотою через Дорогы-
чинъ чesъ Мелникъ и через Берестие до
Лучьска торговать ис Торуня, язъ князь
Кестути не велю ихъ занимати.

(Изв. Акад. Н. Х. в. 7).

**256. Грамота зрелавс. князя Василия Да-
видовича Чернигаго Спасскому монаху до
1345.**

Се язъ князь Василий Давидовичъ до-
кончалъ есмь съ архимандритомъ съ Па-
минемъ при домъ св. Спаса по дѣла сво-
его грамотѣ пожаловалъ есмь, что людей
у св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ урекль
имъ есмь на годъ 2 рубля давати, а не-
надобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни
подвода, ни тамга, ни восмичее, ни бо-
бровое⁽¹⁾, ни стану ни чинять въ се-
лѣхъ спасскихъ ни дворскаго не емлютъ,
ни становщикъ не вѣздитъ ни очемъ же,
ни бѣгоуди мой не имаютъ людей спасскихъ
въ сторожу, ни въ корму; а суди мои
вси намѣстници и тиунъ не шлютъ дворянъ
своихъ по люди св. Спаса, но шлютъ къ
игумену и игуменъ шлетъ по нихъ сво-
ихъ людей. А что будетъ судъ спасскимъ
людемъ съ моими людьми, прѣхавъ мое-
му судья въ монастырь судяти ему въ

⁽¹⁾ Тамга (по татарск. — редовой знакъ) — пошлина, которая собиралась съ цѣны провозимаго товара и введена Татарами; обыкновенно брала съ рубля по алтыну. Восмичее — пошлина, собираемая тоже при сбытѣ товаровъ. См. Ист. Рос. С. Соловьева, III, пр. 88, IV, стр. 164.

правдѣ по цѣлованію. А вина (*штрафъ*) посулъ я пересудѣ на полы, (*пополамъ*), до моего ли дойдетъ, до спасского ли. А что учинится между спасскими людьми бѣи или татѣба или душегубство, или самосудъ⁽¹⁾ то все судить игуменъ и вину емлетъ въ домъ Спаса; а пашинъ судьямъ ненадобѣ, ни дворяномъ. А кого перезоветь игуменъ изъ пныя волости, то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати, а кто будетъ людей моихъ св. Спаса въ половиныцы⁽²⁾, а тѣ потянутъ ко мнѣ данью и виною, до кого что доидетъ; а игумену ся не вступати. А что торгованіе на домъ св. Спаса крылошаномъ и черицеи тамга, не возмичее ненадобѣ. А перевозъ⁽³⁾ и рѣки бобровые, а то по давной вошлннѣ. А дому св. Спаса благовѣсти, не пустити ми самому не обидѣти, и въ обиду не давати. А далъ есмь домъ св. Спаса на рудъ отцу своему примыслить ли, умыслить ли. А чрезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ св. Спаса, я милости св. Спаса не буди на немъ.

Подлинная грамота писана на бумагахъ съ висюлою печатью чернаго воску.

(Ист. Рос. Іер. VI, 229—231).

См. Ист. Г. Рос. IV, пр. 328.

257. Закладная Двинявина 1349.

Се заложилъ Уласей Степановичъ св. Николи въ Чюхченешу, и игумену Василью, и старости Юрью, и всемъ черицамъ ии-

(1) Собственная расправа или судъ, помимо законной власти.

(2) *Половинники* назывались крестьяне, обрабатывающие землю изъ половины пробы.

(3) *Перевозъ*—пошлина, собираемая съ приставляемыхъ въ берсугъ судовъ съ товаромъ.

кольскимъ, полсала на Косткови гори, въ десяти рубльхъ да въ трехъ сорокъхъ бѣлки, на 5 лѣтъ; и старую грамоту той земли Уласей выдалъ св. Николи; а изойде та 5 лѣтъ, ино дати Уласью 10 рубльхъ да 3 сорока бѣлки своихъ кунъ св. Николи, ино земля его ему; а у людей Уласью кунъ не ввати на тую землю, ино та земля св. Николи и въ вѣки въ тихъ куняхъ; а болии того Уласью кунъ не примати на той земли у св. Николи; а очисдивати та земля Уласью; а игумену в черенцамъ по Степану память творити пивомъ по силе. А на то послухи: Михайла Олоромбелвичъ, Кузма Тимофеевичъ, Иванъ Семеновичъ, Яковъ Селютинъ, Игнатей Матвеевичъ, Юрь дьякъ св. Николи, въ лѣта 6857-е тое звыи, коли Корѣла за моромъ Двиняинъ грабили. А въ печати стоялъ Уласей Степановичъ.

(А. Юридич. № 234).

258. Духовная игумена Чюхченешского Василія пр. 1350.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божій игуменъ Василей далъ есмь въ домъ св. Николи въ Чюхченешу Урвановскую землю, чинъ есмь володѣль, дворъ и дворицо, ораму (пахатную) землю: на гори Кругляци 3 участки, подли улицу полосу земли Кузнечовская, возлѣ кривую полосу земли Урвановская, и гумнище Урвановское; на Шапачини полосу земли, промежу Никольскими землями, Ларивонковская; за рѣкою, на Носу на Великои острови, полосу земли Гавриловская и Кузнечовская Игнатова; у Осмини наволоки горы⁽¹⁾ зе-

(1) *Наволоки* называется мысъ или полуостровъ, поросшій густыми кустарниками и богатымъ озерамъ. *Горы*—загонъ, участокъ.

или, урѣчище (*урочище*) Сокѣрка, двои-
гоны земли Урсановской, путь посередки,
за овномъ гоны земли, а овинъ стоитъ в
гумнищѣ, а то Николи же, гоны земли подѣ
Ивкою; а иная земля къ Кутцю идучи, в
Кутецѣ, в притеребы⁽¹⁾, на рѣвнищѣ, гоны
земли и притеребѣ, в вобчехи (*общихъ*
съ другими) треть, в у дву мѣстѣ къ
переложки⁽²⁾ съ Калыгиною надѣю (*по*
поламъ) въ межахъ. А ти земли Урса-
новскіи и Игнатовскіи далъ есмь св.
Николѣ отъ домъ я въ звѣкъ, по отца сво-
его души и по своей. А благословляю
игумена, кто буде игуменомъ у св. Ни-
колы, и старцовъ черенцовъ свою братью:
по мнѣ паметь дѣйте по силѣ. А на то
Богъ послушъ и отецъ мой духовный, игу-
менъ Григорей св. Богородицы. А кто се
мое слово переступитъ, сужуся съ нимъ
предъ Богомъ.

(А. Юрид. № 409, V).

259. Новгородскія купчіи XIV—XV в.

1. Се купи Павле Труфановичъ, у Гри-
горья у Ивановича, землю, полъполча Вы-
сокого, съ березы на камень да до ру-
чей, Юромъльской землицы, Мянничкарда,
да Мечъкиску, дартънища коньцѣ, Дуръно-
вской земли крайной наволокъ, отъ ру-
чей на яву, съ нив на березовой пень,
по болоту, да на врагъ, по врагу къ (о)-
зеру. А дана на той земли 3 сороки
бѣлъ и 10 бѣлъ; а купи себѣ и своимъ
дѣтамъ одерънь (*навсегда*) и съ притеребы,
а куря попольяка. А на то послушъ: Ти-
мофей Оселоровъ, Іо. Матеевъ, Евимей По-

(¹) Притеребы—земли, расчищенные отъ лѣса.
(²) Переложки, передѣлы—перепаканная земля.

повичъ. На заводѣ (*разводѣ*) былъ Ер-
мола Тинюсеевъ; а у печати стоялъ Гри-
горья Іоновъ.

(А. Юрид. № 71, XX).

2. Се купи Тирунъ у Нестера у Па-
влова сына пожню, на Налѣ строви, на
Батьюрмоли, въ Угли, подлѣ Лыву; а ме-
жа до Степановской пожни, а другая до
Карпа пола пожни межа, а третья межа
до Нестерови пожни Острокова, прямо на
Шипицю, а Шипици на черыховъ и кусть
къ лѣсу. А да на той пожни 5 сѣроковъ
бѣлъ безъ 5 бѣлъ, а куря попольяка; а
купи одерънь себѣ и своимъ дѣтемъ. А
буде Тируну не до земли, ино мимо зем-
ца⁽¹⁾ не предати. А на то послушъ: Фе-
досъ Исаковъ, Власть Одроновъ, Демен-
тъи дякъ св. Боговлявля.

(А. Юрид. № 71, XXIII).

3. Послѣ 1389 г. Се купили игуменъ
Лука св. Михайла, и староста, и вся
братья, землю по Левколѣ курьѣ, у Га-
врилка у Носова, по отца своего купли,
усть курьѣ островъ да наволокъ, а то
сверхъ по кунамъ. А дали на той поло-
винѣ села 7 рублей, а по сту бѣлки за
рубль; а опричь того 70 бѣлки на хлѣ-
бѣ, а купца съ шерстью пополюшка за
овцу. А межа той земли по Верхней ру-
чей, по поскотяву общую (*выгонъ для*
скота) да дворыше (*усадыбу*) посторожъ
улицы. А на то послушъ: Ильяхъ Нела-
динъ, Аятина, Иванъ Мининъ.

(А. Юрид. № 71, XXVII)

(¹) Туземца, тамошняго жителя, принадлежаща-
щаго къ обществу.

260. Жалованная кашинского в кн. Василія Михайловича и удѣльныхъ тверскихъ князей, людямъ тверскаго Отроча монас. до 1365.

Се милостыя Князя в. Васильева Михайловича и его братаньевъ, княжа Всеволожа, кн. Михайлова, Володымерова, Андреева Александровичевъ, Еремеева, Семёнова Костантиновичевъ, Михайлова Васильевича церкви св. Богородици Отрочью монастырю. Во имя св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, се мы рабы св. Троица, кн. в. Василей Михайловичъ и его братанья, князя Всеволодъ, Михайло, Володымеръ, Андрей Александровичи, Еремій, Семёнъ Костантиновичи, Михайло Васильевичъ, по отца моего и нашего дѣда кн. в. Михайловымъ грамотамъ, Бога дѣла и своего дѣла спасенья, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будетъ у св. Богородици, дали есмы его милостыню церкви св. Богородици Отрочью монастырю, на память преставльшихся отъ сего жьтъя роду нашему, а намъ пребывающимъ въ жьтъя семъ за въздоровіе. Архимандриту св. Богородици и игумену тѣхъ монастыревъ, что тягнутъ къ св. Богородици Отрочью монастырю, Въскресенья за Волгою, Богородица на Бору, Спасъ во Зьзехъ, Въскресенье и Богородица на Шени, Богородица на Гостомлѣ, и попомъ и дьякономъ, и дьякомъ, и конархистомъ, и чернцемъ, и сторожникомъ, и всему церковному и спомяню, и слугамъ монастырскимъ, и ключникомъ и волнымъ людемъ, нечадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмынчье, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волостемъ. Такоже и сиротамъ, кто имѣетъ сѣдѣти на земли св. Богородици Отрочья монастыря и тѣхъ монастыревъ, въ нашей отчинѣ, въ Тѣврьскихъ волостехъ и въ Кашинскихъ, по одному слову со отци своимъ съ владыкою Феодромъ и съ влады-

кою Васильемъ, пожаловали есмы тѣхъ сиротъ, нечадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмынчье, ни сторожевое, ни писчее, ни кормъ, ни медовое, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскія ни старосты атъ ихъ не занимаютъ ни прочто. Такоже и намѣстники наши и волостели атъ не въздаты и не судаты тѣхъ людей и не вьсылаютъ къ намъ ни почто; и данияци наши, и ямьлицы, и плесцы, и пошьянники, кто илбуды, атъ не въздаты, ни вьсылаютъ къ монастырскимъ людемъ ни почто. Про все тѣ люди знаютъ архимандрита службою и подможеньемъ дому церковному св. Богородици. А архимандриту монастырскимъ хлѣбомъ кормити ялрошанъ и чернцевъ, а преставльшихся архимандритовъ память ихъ правити. А къ тому кого еще людей перезоветь архимандритъ изъ зарубежья (*другой области*) въ отчину нашу, на землю св. Богородици, или кого въ городѣ посадятъ во Тѣври и Кашинѣ, а тѣмъ по тому же не емлютъ на нихъ ничеже. А что ся учинеть, или розбой, или душегубство, или татба, который судъ иво будутъ межи монастырскихъ людей, судить ихъ и дворянъ дастъ монастырскіи тивунъ одвинъ; а нашимъ судьямъ нечадобѣ ничто, а смѣшаются судить монастырскіи люди съ волостными людьми, судить монастырскіи тивунъ съ посельскимъ вьвѣстъ съ нашими судьями, а прибытокъ имъ на полы, а дворянъ дастъ тотъ, на чьемъ ищють и судъ тутъ же, а на правду вьзять обои. А хотя коли повелѣмъ пиати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наша жалованыи, на монастырскихъ людехъ ни тогда ни кто не емли ничего, по сей нашей грамотѣ.

(А. Арх. Эксп. I, № 5).

Обратить внимание на разные сборы и повинности крестьянъ.

**261. Жалованная в. кн. Дмитрія Ив.
Новоторжцу Евсавку до 1374.**

Се язъ князь в. Дмитрія Ивановичъ полагивахъ есмь Евсѣека Новоторжца, что видеть изъ Торжку въ мою вотчину на Кострому: не подобѣ ему ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмичее, ни вѣсее, ни мытъ, ни кости, ни побержное, ни гостиное, никоторая пошлина, а дасть мнѣ оброка на годъ 5 купницъ; а приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью тысяцкому; а чрезъ сю грамоту кто что на немъ возьметъ, быти ему въ казнь.

(Доп. къ А. Ист. I, № 8).

262. Духовная Остаѣя послѣ 1386.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божій Остаѣй списахъ рукописанье при своемъ животѣ. А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Онтонѣ и сыновѣ своему Ѳеодору, отчину свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по володѣнью. А что отчина моя и дѣдина на Волоти, земля, и вода, и вожи, и лѣсы, въ Холми, и въ Дроздинѣ, и въ Селской Лукѣ, по володѣнью отца моего, и дяди моего, и по нашему володѣнью, мнѣ съ братомъ своимъ съ Григорьемъ на полъ; а моя половина сыну моему чиста. А что отчина моя и дѣдина моя, земля и вода за Волокомъ, въ Шенкурѣ, а въ той землѣ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, и въ лѣсѣ, и въ озеряхъ, и въ рѣчкахъ, и въ ловищахъ, по володѣнью отца моего и дяди моего: что закупилъ отца моего, а то сыну моему чиста, по купнымъ грамотамъ и по володѣнью отца моего; а съ братомъ своимъ съ Григорьемъ моя половина сына моему

чиста, по роздѣльной грамотѣ; а Ѳеодору посаднику и его братаномъ другая половина. А что отчина наша на Кокшевскомъ погостѣ, земля и вода и лѣсъ, а въ томъ мнѣ съ своимъ братомъ съ Григорьемъ и съ дядею съ Семеномъ половина; а посаднику Ѳеодору и его братаномъ другая половина; а въ нашей половинѣ Кокшевскаго погоста Семену половина, а мнѣ и брату моему Григорью другая половина; а въ нашей половинѣ съ Григорьемъ мнѣ доѣ части, а брату моему Григорью треть. А что отчина моя и дѣдина моя въ Ясеничахъ и въ Лопичахъ земля, а въ томъ мнѣ половина съ братомъ съ Григорьемъ; а дядѣ Семену половина. А что земля и вода въ Летмѣ, а въ томъ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина; а дядѣ Семену половина; а старая грамота Ясенической земли у Семена. А что купля отца моего Онаньина и Семенова въ Ясеничахъ земля, а то мнѣ съ дядею Семеномъ, по купнымъ грамотамъ, и по серебру и по отца моего рукописанью; а купныя грамоты той землѣ у Семена все, а невинноваты Семену ничимъ же. А что есмы утагали съ дядею своимъ съ Семеномъ Онисима земли въ той Ясенической землѣ, а та грамота утагальная у Семена. А что въ Шенкурѣ вода и земля Яропуйская недѣльна, и въ той мнѣ половина, а брату моему Григорью половина. А что земля, наша отчина, на Сѣи и въ Рокитнѣ, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А что бабѣ нашей Ѳедосѣ купля въ Подберезѣ и Киселево село, а то мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ наполь, а Семену ту нечадобѣ. И дворъ мой горочкѣ, а то мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ наполь. А что лавка наша на холмскомъ ряду и голбецъ во сѣ. Михайлѣ, а въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А пожня на Быстрой, а въ томъ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ поло-

вина; а Семену другая половина. А въ Машковѣ болотѣ, въ пожняхъ, и въ колу и въ маломъ колу, нѣтъ съ братомъ съ Григорьемъ 8-я часть. А что Новгородъ пожаловалъ отца моего и меня и далъ грамоту на Волжане, и въ томъ у отца моего у мене купилъ Александръ посадникъ 4-ю часть, а далъ на ней 20 рублей и 100; и послалъ Александръ въ свое мѣсто, на свою часть, Тимофея Прокопьевна, и Тимофеемъ измалъ Александрову часть, въ Александрово мѣсто, а чѣмъ будетъ вписалъ Александръ въ свое рукописанье на отца на моего и на мнѣ ту 20 рублей и 100, а тымъ отецъ мой, и азъ, не виновать Александру, ни вписалъ ничѣмъ же, по отца моего рукописанью и по моему рукописанью. И была отцу моему говорка съ Александромъ предъ владыкою Олексѣемъ, о томъ серебрѣ, и отомолылся Александра отецъ мой, а взяли мы сѣбѣ что, по жеребьямъ и по грамотамъ, а то все мое чисто возметъ сынъ мой Федоръ у Матосевыхъ, у Болесина у Семена и у Гордѣя 5 рублей, за Мароу за Охромѣеву тещу, у Голузи у Чемеркова и у его дѣтей 5 р., у Филипа Ясковинова 3 р.; а грамота въ закладѣ; у Оксестейки въ Ясенячахъ полчетверта рубля ($3\frac{1}{2}$), у Пышкова сына у Степанова 3 р., у Захара съ братомъ у Олферовыхъ дѣтей 6 р. и портище овчинъ, у Устица полтина, у Демида полтина, у Кондратка съ братьею у Терентьевыхъ дѣтей 3 четверти, у того жъ Кондратка полтина, опришь (кромя) братья, у Семенца у Максимцова пасынка полтина, а Максимке въ порукѣ. А что моей челяди дерноватой (крѣпостныхъ людей), что досталось отцу моему у дяди у Бериса въ отдѣлѣ, Степанко Гавриладовъ съ женою и съ дѣтми, зять его Яковке съ братомъ, съ женою и съ дѣтми, Иванко Долгой съ сыны, а жена его и дщери свободны, Олекса съ женою и съ дѣтми, Карпъ съ

женою и съ дѣтми, Свохъ съ сыномъ и съ снохою, а жена его и дщери свободны, Озарка и Демидець съ женою и съ дѣтми, Денесья съ женою, Данилка съ женою и съ дѣтми, Ермакъ съ сыны, а жена и дщери свободны, Обросимецъ съ сыны, а жена и дщери свободны, Павлечъ братъ его съ сыны, а жена и дщери свободны, Якмяецъ Сушко съ сыны, а жена и дщери свободны, и сестра Якимцева съ дѣтми, Савица съ женою и съ дѣтми, Савостьянецъ Минюковъ и сестра его Киликтя и дщери, Данилецъ Петеримовъ, моя; а Миню съ женою и съ дѣтми мать моя и азъ отпустили еси на свободу, и Оленицу съ матерью и съ сестрою. А жена моя оже всѣдѣтъ въ животъ мой, ино оскодарыня животу моему, или поидетъ замужъ ино ей надѣла 10 р.; а что приехала порты и кругу и челядь, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино мой дѣтехъ животъ мой и села моя и челядь моя наполю; или будетъ дѣнь, ино выдастъ ю братъ Федоръ по силѣ; а доколя сынъ мой Федоръ подростетъ, а дотолѣ ѣздитъ по моимъ селамъ братъ мой Григорей, въ мое мѣсто, а люди мои володѣтъ: а хлѣбъ и куны, и даръ, а то идетъ матери моей и сыну моему Федору. Или Богъ умыслитъ о дѣтѣхъ моихъ, ино брату Григорью половина въ животъ мой, въ землѣ и въ водѣ; а другую половину въ живота моего, въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да вниша во всеневни службы отца моего и мать мою и мене, а остаткомъ и ты по насъ помани; а челядь мою дерноватую, а то всю братъ мой Григорей отпусти на свободу. А въ приказъ приказываю господину посаднику Федору Тимофеевичу, господину посаднику Олексѣю Юрью Дмитриевичу, и господину Олексѣю, и шурыя своей Ивану и Василью, и дядѣ своему Юрью Федорову, и брату своему Ермолѣ Микифорову: а Бога для,

господа, постерегите матери моей и дѣтокъ моихъ, вы кто имѣть обидити; а возвиновать есмь никому ничѣмъ, развѣ Богу душею.—А на то Богъ послушъ и отецъ мой духовной попъ Амосъ св. Михайла. А писалъ рукописанье дѣакъ Еремѣй св. Михайла. А кто сіе рукописаніе преступитъ, судитея со мною предъ Богомъ въ день страшнаго суда.

(*Акты Юридичес. № 409.*)

263. Грамота в кн. Дмитрія Ив. Андреевича Фрязину (¹) 1363—1389.

Се язъ кн. в. Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ есмь Андрея Фрязина Печорою, какъ было за его дядею за Матоемъ за Фрязиномъ; а въ Пермь емяеть подводы, такъ было и доселѣ: а вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдегъ, а ходитъ по пошлинамъ, какъ было при моемъ дѣдѣ при кн. в. при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при кн. в. при Семенѣ, и при моемъ отцѣ при кн. в. при Иванѣ, такъ и при мнѣ.

(*А. Эксп. I, № 6.*)

264. Духовная в. кн. Дмитрія Ив. 1389.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшныи худый рабъ божий Дмитрий Ивановичъ пишу грамогу душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; приказываю дѣти свод своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, живите за одинъ, а матери своею слушайте во всемъ. А приазываю отчину

свою Москву дѣтемъ своимъ кн. Василью, Юрью, Андрейю, Петру; а братъ мой кн. Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Андрей. А сына своего кн. Василья благословляю на старший путь въ городѣ и въ стѣнахъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ поплинахъ въ городскихъ половина. А тамга изъ двою моимъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина; а восьмичею мои два жеребья княгинѣ моей. А на старший путь сыну моему кн. Василью Васильцево сто и Добрытинская борть зъ селомъ зъ Добрытинскимъ; а бортьянци въ станѣхъ въ городскихъ, и конюший путь и соколничей, и ловчий, тѣмъ сынове мои подѣлятся ровно. А численыхъ людей моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдутъ съ одного. А се даю сыну своему кн. Василью: Коломну со всѣми водостми и съ тамгою и съ мыты, и съ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости коломенскихъ: Мещерка, Раменка, Писочна, Бранина съ селцемъ зъ Гвоздиною и съ Иванемъ, Гжела, деревни Лѣвчинъ, Скуленъ, Маковецъ, Каневъ, Кочема, Комарева зъ берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерьско. А изъ московскихъ сель даю сыну моему кн. Василью: Митинъ почянокъ, Малаховское, Костянтиновское, Жироткины деревни, Островское, Орининское, Копотевское, Хвостовское, у города лугъ великий за рѣкою; а изъ юрьевскихъ сель даю сыну своему кн. Василью: своего прикуша Красное село съ Елезаровскимъ, съ Проватолымъ, да с. Василевское азъ Ростовъ. А се даю сыну своему кн. Юрью: Звенигородъ со всѣми водостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости звенигородскихъ: Скрименово зъ Бѣлыми, Тростна, Нѣгуча, Сурожькѣ, Замошская слобода, Юрьева

(¹) Фрязи—Франки, Французы и Итальянцы.

слобода, Руза городокъ, Ростови, Кремича, Фоминское, Угожь, Суходолъ съ Истею съ Истервою, Вышегородъ, Плѣсь, Дмитриева слободка. А изъ московскихъ селъ даю сыну своему кн. Юрью: село Михалевское, да Домантовское, да лугъ Ходыньский; а изъ юрьевскихъ селъ ему: прикупа моего с. Кузмыдемьянское, да Краснаго села починокъ за Везкою придалъ есмь къ Кузмыдемьянскому, да с. Богородицкое въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Аньдрѣю: Можаетскъ со всеми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всеми пошлыми, и съ отъѣздными волостми; а волости можайскыи: Исмен, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тупковъ, вышнее Глянско, Шевичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржанъ да Мошлянъ холмъ придалъ есмь къ Можайску; а се волости отъѣздныи: Верей, Рудъ, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да с. Репьянское, да Ивановское Васильевича въ Гремичахъ. А Колуга и Роща сыну же моему кн. Аньдрѣю; и что вытягалъ боярныи мой Федоръ Аньдрѣевичъ на обчемъ рѣтѣ Товъ и Медынь у Смоленянь, а то сыну же моему кн. Аньдрѣю. А изъ московскихъ селъ ему: Напрудское село, да Луцанское на Яузѣ съ мельницею, Дтунинское, Хвостовское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровский, а другой противу Воскресенья; а изъ юрьевскихъ селъ ему Олексинское село на Пѣкшѣ. А се даю сыну своему кн. Петру: Дмитровъ со всеми волостми и съ селы и со всеми пошлыми, и съ тамгою, и съ мыты и зъ бортью, а се дмитровскыи волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лугосна съ отъѣздомъ, Ипобать. А изъ московскихъ волостей кн. Петру: Муткова гора, Ижво, Раменка, слободка князя Иванова, Вари, Корзенцо, Рогожь, Загорье, Вохна, Селна, Гуслаца, Шерна городокъ; а изъ московскихъ селъ кн.

Петру Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ юрьевскихъ селъ ему прикупа моего село Богородицкое на Богонѣ. А се даю сыну своему кн. Ивану: Рамеппе съ бортьпика, и что къ нему потягло, да Заѣрковское село съ Соханьскимъ починомъ, что отошло ото князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему кн. Ивану; а въ томъ удѣлѣ волень сынъ мой кн. Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ. А се благословляю сына своего кн. Василья своею отчиною великимъ княжевымъ. А сына своего благословляю кн. Юрья, своего дѣда куплею, Галичемъ со всеми волостми и съ селы и со всеми пошлыми, и съ тѣми селы, которыи тягла къ Костромѣ, Миккульское и Борисовское. А сына своего кн. Аньдрѣя благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ озеромъ со всеми волостми, и Вольскимъ съ Шаготью, и Миллолюбский ѣзъ и съ слободами, что были дѣтий моихъ. А сына своего кн. Петра благословляю куплею же своего дѣда, Угличимъ полемъ, и что къ нему потягло, да Топчию и Сямою. А се даю своей княгинѣ: изъ великого княженья у сына у своего у кн. у Василья изъ Переяслава Юлку, а изъ Костромы Иледамъ съ Комелюю; а у кн. у Юрья изъ Галича Соль; а у кн. у Аньдрѣя изъ Бѣла озера Вольское съ Шаготью, и Миллолюбский ѣзъ; а изъ володимирскихъ селъ княгинѣ моей Аньдрѣевское село, а изъ переяславскихъ селъ Доброе село, и что къ нимъ потягло; а изъ удѣла сына своего князя Васильева Каневъ, Пѣсочну, а изъ селъ, Малинское село, Лысцово; а изъ удѣла изъ Юрьева, Юрьева слобода, Суходолъ съ Истею съ Истервою, да села Аньдрѣевское, да Каменское; а изъ удѣла изъ Аньдрѣева Верей, да Числовъ, да село Луцанское на Яузѣ съ мельницею; а изъ удѣла изъ Петрови Ижво, да Сяма. А что есмь далъ своей княгинѣ изъ удѣла

княжа Васильева, и изъ Юрьева, изъ Оньдрѣва, изъ Петрова волости и села; а что Богъ размыслитъ о моей княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть. А се даю своей княгинѣ: свой примысль Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смолянѣ съ Митяевскимъ починомъ и зъ бортью, съ вышгородскими бортьвики, Кропизну зъ бортики съ кропавеньскими и съ исменъскими и зъ гордосевъскими и съ рудскими, Желѣскова слободка зъ бортью съ Ивановымъ селомъ съ Хороброва, Исконская слободка, Кузовская слободка, и что княгини моее прикупъ, и что къ ней потянуло, то моей княгинѣ. А по которой мѣста слободский волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и княгини моее волостели судятъ по таже мѣста, како было при мнѣ. А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мой примысль Самойленевъ починокъ зъ деревнями, Савельевский починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебатовское, а то княгини моей. А что ее село Рѣпенское и прикупъ, то ее и есть. А изъ московскихъ селъ даю своей княгинѣ: Семидицкое село съ Ходыньскою мельницею, да Остафьевское село, да Илмовское; а изъ юрьевскихъ селъ даю ей куплю свою Петровское село, да Фроловское, да Блохъ; а Холхель и Заячковъ, то моей княгинѣ. А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего живота; а по ее животу, то княгинѣ моей. А тѣми своими примыслами всеми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслахъ воля моя княгини, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не вѣступаются. А который деревни отоймалъ былъ кн. Володимеръ отъ Лыткынского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а

тѣ деревни потавутъ къ Лыткыньскому селу моее княгини.

А по грѣхомъ которого сына моего Богъ отыметъ, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ, которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ. А дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмѣя по части у большаго его брата. А у которого сына моего убудеть отчизны, чѣмъ есмь его благословилъ, и княгини моя подѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы, дѣти мои, матери слушайте. А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего кн. Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгини; а вы, дѣти мои, слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть. А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей вотчинѣ, чѣмъ есмь ихъ благословилъ, и сынъ мой кн. Василей возмѣтъ съ своего удѣла съ Коломны и съ коломенскихъ волостей 300 рублевъ и 40 и 2 рубли, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Писочны 8 р. безъ 3-хъ, а съ Канева 25 и 2 р., и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы 50 р. съ Смолянѣхъ 9 р., а съ Скирменовскими слободы 9 р. А кн. Оньдрѣй возьметъ съ Можайска и со всихъ волостей можайскихъ 100 р. и 70 р. безъ 3-хъ, а съ отъздныхъ мѣстъ 70 р. безъ дву, и княгини моя дастъ ему въ то серебро 25 р. и полътретья ($2\frac{1}{2}$) р. съ Верей, а съ Числова полъосма ($7\frac{1}{2}$) р., а съ Заячкова 20 р. и 2, съ Холхла 10 р., съ Желѣсковы 9 р., съ Исконскими слободки полъсема ($6\frac{1}{2}$) р., съ Кропизны полъсема р. А кн. Петръ возьметъ съ своего удѣла 100 р. и 11, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва 30 р. А кн. Иванъ дастъ кн. Василью съ Сохны 5 р., а съ Раменейца дастъ кн. Петру 5 р., а то

возмутъ въ тысячу рублевъ; а будетъ боѣе или менши, ино по тому розочту.

А перемѣнить Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть. А что есмь подавалъ своей княгинѣ волости и села изъ удѣловъ дѣтей своихъ, и свой примыселъ и слободы и села, и Холхолъ и Залчковъ, а съ тѣхъ волостей, и съ слободъ и съ селъ, что возметъ княгиня моя, то ей и есть; и дѣти мои въ то не вѣстуются. А псы тѣхъ волостей и слободъ и селъ, что есмь вымалъ у дѣтей своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ княгинѣ своей, а кому будетъ жалоба сиротамъ на волостеля, и тѣмъ людямъ учинить исправу княгини моя; а дѣти мои въ то не вѣстуются. А что есмь далъ сыну своему кн. Аньдрѣю Заберегу, за то дѣти мои вси дають оброкъ св. Спасу 15 р. на годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтей своихъ: сыну моему старшему кн. Василью вкона Парамыина дѣла, чепъ золота, что ми дала княгиня Василиса, поясъ золотъ великий съ камнемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ремнемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота; а сыну моему кн. Юрью поясъ золотъ повый съ камнемъ, съ жемчюгомъ безъ ремени, поясъ золотъ Шыпкына дѣла, вотола сажена; а сыну моему кн. Ондарѣю свастъ золота, поясъ золотъ старый новгородский; а сыну моему кн. Петру поясъ золотъ съ камнемъ цѣгнй, поясъ золотъ съ калытою да съ тузлуки, да наплечка, да аманъ; а сыну моему кн. Ивану поясъ золотъ татауръ, да два коша золоты по двѣ гривени. А что ея останется золото или серебро, ая иное что не есть, то все моей княгинѣ. А что ея останется стадъ моихъ, тѣмъ моя княгиня подѣлится съ моими дѣтии по частемъ. А кто будетъ моихъ казначевъ, или кто будетъ моихъ дяковъ прибытокъ

мой отъ мене вѣдалъ, или посельскихъ, или тиуновъ, или хто жевился у тѣхъ, тѣ вси не надобѣ моей княгинѣ, и моимъ дѣтемъ. А приказалъ есмь своей дѣти своей княгинѣ: а вы, дѣти моя, слушайте свое матери, а будетъ не въ ее волю, на томъ не будетъ моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшаго кн. Василья въ мое мѣсто своего отця; а сыны мои кн. Василий держите своего брата Юрья и свою братью молодшую въ братствѣ, безъ обиды. А хто моихъ бояръ имеетъ служити моей княгинѣ, тѣхъ бояръ дѣти мои блюдете съ одного. А хто сю грамоту мою порушитъ, судитъ ему Богъ, а не будетъ на немъ милости божии, ни моего благословенья ни въ сей вѣкъ, ни въ будущий. А писалъ есмь сю грамоту передъ своимъ отцемъ, передъ дугменомъ передъ Сергиемъ, передъ дугменомъ передъ Савастьяномъ; а туго были бояре наши Дмитрій Михайловичъ, Тимофѣй Васильевичъ, Иванъ Родивовичъ, Семенъ Васильевичъ, Иванъ Федоровичъ, Олександръ Аньдрѣевичъ, Федоръ Аньдрѣевичъ, Иванъ Федоровичъ, Иванъ Аньдрѣевичъ; а писалъ Влукъ.

(Собр. грам. I, 54).

(Грамота писана на пергаинѣ, къ ней приложена серебряная позолоченая печать.)

См. Ист. Гос. Рос. V, стр. 116. В кн. Димитрій Ивановичъ Донской скончался въ Москвѣ 19 Мая, 1389.

Обратить вниманіе на послѣднюю вѣдѣль и домашнее имущество Московскихъ князей.

265. Уставная м-та Кипріяна Константиновскому монаст. 1392.

Се азъ Кипріанъ, митрополитъ всеа Руси, далъ есмь сѣю грамоту монастырю своему св. Костянтину и игумену. Что мы были челомъ сироты монастырскіе на игумена на Ефрема, такъ ркучи: «наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по поплинѣ, чего при первыхъ игуменѣхъ не бывало; поплины у насъ емлетъ, чего иные игумены не имали.» И игумень м-ту такъ рекъ: азъ, господине, хожу по старой поплинѣ, какъ было при первыхъ игуменѣхъ; а здѣсь, господине, на Москвѣ игумень Царко, тотъ игуменилъ у св. Костянтина передъ мене, того, господине, и въспроси. — И м-тъ послалъ Окинфа къ Царку къ игумену, зажеже тогда Царко не издоравлилъ, и велѣлъ въспросити: какова пошлина въ св. Костянтинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлать? И Царко игумень такъ отвѣчалъ Окинфу: «при моемъ игуменствѣ такъ было въ св. Костянтинѣ: большимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игуменовъ жеребей весь ролъи орать възгономъ (*всѣмъ вдругъ*), и сѣяти и пожати и сѣзати, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетать на неводъ ходити, пруды прудить, на бобы имъ въ осеннѣ поити, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ; а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожъ молоти и хлѣбы печи, солодъ молотъ, пива варить, на сѣмя рожъ молотить; а денгъ дасть игумень въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ всѣ люди изъ селъ на праздникъ яловицу (по одинова ми, господине, добили челомъ, а

не въ пошлину, тремъ бараны, пязъ ихъ пожаловалъ за яловицу, зажеже мы ненадоѣ была яловица, а по поплинѣ по старой всегда ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село прѣдетъ игумень къ братшину и сыпци (*осыпщики, складчики*) даютъ по зобнѣ (*сезалкѣ*) овся копей игуменовымъ.» И Окинфъ тѣ рѣчи игуменовы Царковы сказалъ всѣ м-ту; и потомъ игумень Царко омогъся (*выздоровѣлъ*) и пришедъ самому м-ту тѣ всѣ рѣчи сказалъ, что приказалъ съ Окинфомъ къ м-ту. И потомъ азъ Кипріанъ м-тъ всеа Руси въспросилъ есмь въ Володимери, своихъ бояръ того монастыря поплинѣ и о яловницѣ о праздничной, Миханла Брѣва, Юрья Протопопина, Ивана своего повара, — и нѣ мѣжъ рѣчи сказали, и о озерѣхъ и о востокѣхъ и о бобровой ловлѣ. И Кипріанъ м-тъ всеа Руси такъ рекъ игумену и христіанамъ монастырскимъ: «ходите жъ всѣ по моей грамотѣ; игумень сироты держи а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игумень по семъ игуменѣ, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ.» А сѣю грамоту велѣлъ есмь положить въ церкви игумену и людемъ, а некоторый игумень сѣе грамоты изъ монастыря да не вынесетъ: аще ли вынесетъ, не буди на немъ милости божіа и моего благословленія. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6900, м. Октября въ 21 день, индикта 15.

Назади подпись: «сѣе грамоты кн. в. рушити не велѣлъ, а пожаловалъ игумена по сей грамотѣ, что въ пей инсано.» А подписалъ в. князя діакъ Иванъ. «Рыболове мои в. князя не вѣзжаютъ въ монастырскіе озера.»

(А. Арх. Эксп. I, № 11).

266. Жалованная нижегородскаго в. кн. Бориса Спасскому и Благовѣщенскому монаху. 1393.

Се язь князь в. Борисъ Костянтиновичъ пожаловалъ есмь Спасского и Благовѣщенскаго архимандрита Юну съ братьями: далъ въ домъ св. Спаса и св. Благовѣщеня свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ, озера—Патково съ истокомъ, Саларево, Плоское, Сосновское, Долгое, роздѣртъ съ истокомъ, озеро Мякое, и всѣ озера отъ рѣчки Курьяшка князь Сурою, источныи и глухѣ, и роздѣртъ, и заводи, и пески, и съ падучими рѣками, и бобровые гоны, и стрѣжень ⁽¹⁾ по Волгу; и архимандриту Юнѣ съ братьями въ тѣхъ водахъ рыба ловити и всякимъ угоды владѣти къ себѣ на монастыри, а оуришныи (посторонние) люди у нихъ въ тѣ рыбные ловли, и въ бобровые гоны, и во всякіи угоды, не вступаются никто ничѣмъ. Дана грамота въ Нижнемъ Новѣгородѣ, лѣта 6902, декабря въ 8 день.

(А. Арх. Эксп. I, № 12).

См. Сборн. Мухомова. № 117, стр. 195.

267. Жалованная яросл. кн. Федора Толгскому монаху. ок. 1400.

Пречистые ради Богоматери, се язь, князь Федоръ Федоровичъ, пожаловалъ есмь игумена съ братьями Толгскаго монастыря Куколцнымъ, и съ лѣсомъ и съ пожеями, куды тоноръ ходилъ, куды коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней

изстаринны тянуло: и кто въ ней иметъ жити крестіанъ и тѣмъ крестіаномъ не надобѣ имъ моя дань, ни тамга, ни повожженная кунница, ни кормъ данной, ни таможенной кормъ, ни волостельный кормъ, ни доводщачъ кормъ ⁽¹⁾, ни иные мое некоторые пошлины; ни волостельной, ни доводщачъ къ нимъ не вѣзжаетъ, ни приставовъ своихъ къ нимъ ни всылаетъ ни въ чемъ; а что купать, или что продадутъ, и въ таможенника мои не являютъ; а свяжется тѣмъ крестіаномъ судъ съ моими крестіанъ съ волостельными, ино ихъ сужу язь самъ князь Федоръ Фед. а будетъ виноватъ пречистые Богоматери крестіанникъ, и онъ Пречистой; а кто будетъ мой волостель, или доводщачъ, или таможенникъ, и нѣ имъ грамоту являть, а не дадутъ имъ поминка ничего, ни гостя передъ ними не ставятъ. А грамоту писалъ Игнаша Пантелеевъ.

(А. Арх. Эксп. I, № 15).

268. Обводная запись до 1400.

Се азъ князь в. Анофрей положилъ есмь сие евангеліе у нашего монастыря въ церкви у св. Іоанна Предтечи на Острове, а придалъ есмь св. Іоанну из Соминца землю з бортью, борть по великую дорогу по Соменьцо озеро, на Уле на рече землю з бортью, на Наче на рече землю з бортью, на Ляспе въ и устье; а въ церковь св. Іоанна и въ нашъ монастырь, и въ села и въ люди св. Іоанна не вступатися никому; а владыцѣ съ игу-

⁽¹⁾ *Заводи*—тихія мѣста въ рѣкѣ и заливы; *стрѣжень*—глубокое мѣсто въ рѣкѣ, фарватеръ.

⁽¹⁾ *Новоженная кунница*—сборъ съ вѣнчанъ или съ молодыхъ. Всѣ эти нормы назначены были разнымъ служебнымъ лицамъ, посылаемымъ отъ князя.

мена Іоанскаго и с нашего монастыря Остърговскаго купца не брати а ня какихъ пошлянъ. А отъ кого будетъ какая обѣда нашему монастырю, ино досмотрять и боронять намъ самимъ, а по насъ роду нашему, а старци и люди которые живутъ на св. Іоанна земли и судати и рядити игумену Іоанскому самому братице, а иному никому не вступатися, а владицѣ не вступатися в нашъ монастырь.

(Изм. Акад. Н. Х, 369—370).

269. Купчая на имѣніе въ Черновой Руси 1400.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. А се я панъ Мацина, воевода Илзовскій, освѣдчаю тѣ тымъ листомъ каждому доброму, передъ кымъ каля буде тѣтъ ластъ чютьъ: аже пришедъ предъ наше обличье, на имя Ходоръ Шидловскій, своею доброю волею, здоровымъ животомъ, ничимъ не принуженъ, продалъ пану Ключеву свою дѣдицу, на имя Шидловъ, а къ тому дворяще Жаворонковича, то естъ, продалъ за 30 копъ русскихъ безо дву купу и за купъ, пану Ключеву на вѣки, и дѣти его, его прирочнымъ послѣдкомъ; а тако продалъ, яко самъ держалъ, и съ нивами, и съ сѣножатия, и со лѣсы, съ дубровани и съ пасиками, со веѣми граицами, и влоложъ и уперекъ, того исного села и дворища того Жаворонковича; а панъ Ключевъ вмаеть того исного села Шидлова уживати и дворища того Жаворонковича на вѣки и дѣты его. А на то свѣдца: паво Яшко Мазовшанинъ, паво Мичко Куликовскій, Михаилъ Яхльховскій, войтъ Илзовскій Кундрать, Миколать Михала Чабанеского сынъ, Багражъ сопкій. А на подтвержанье приложилъ къ тому листу свою печать паво Маци-

на. А писанъ листъ во Львовѣ, по божымъ нароженіи 1000 лѣтъ 4 ста лѣтъ.

(А. Юж. и Зап. Рос. I, № 6).

270. Жалованная разанскаго в. к. Олега На Солотчинскому монах 1402.

Язъ кн. в. Олегъ Ив. придалъ есмь св. Богородици, на Солоту, Савидкой островъ съ Холковскою лукою; перекопью, съ бортными ухажь, и съ бобровыми ловля и съ рыбною ловлею, съ озеромъ Тимью, и съ поземомъ и съ рѣзаною, и съ шестдесать, съ виною и съ подличнымъ и съ безатшинами; покомъ Савидкой островъ съ Халковскою лукою, перекопью, съ бортными ухажь и съ бобровыми ловля, потомъ волостели мои не въѣзжаютъ, ни чашницы мои, ни ключицы, ни поѣздове, ни ямники, ни боровники; а ловчане ⁽¹⁾ мои въ Тимь не въѣзжаютъ рыбы ловити некоторыми дѣлы. (А у подлинной грамоты печать в. князя, вислая чернаго воску).

(А. Ист. I, № 14).

271. Жалованная звенигородскаго кн. Юрія Саво-стороженскому монах 1404.

Пречистым ради милости и честнаго ея Рождества, се язъ, князь Юрь Дми-

⁽¹⁾ Все эти лица развѣзжали пиз для разныхъ сборовъ съѣстными припасами, или для ловли рыбы, птицъ и звѣрей, или для производства суда.

треевичъ, что язь далъ Пречистой въ домъ, на Сторожъ, отцу своему игумену Савѣ съ братьею, или кто по немъ иный игуменъ будетъ, села свои въ звенигородскомъ уѣзду, село Бѣлгина и съ деревнями, деревни Тимоина. д. Павликова, д. Козинская, да Клодубацынское, да деревню Глѣденовскую, да д. Еремѣеву, да село Усть Развадни, да къ тому селу придалъ еси Патрекѣвской земли, далъ еси въ рузскомъ уѣзду въ Замошнѣ село свое у Василья святаго и съ деревнями и съ прудомъ и со всѣмъ съ имѣмъ, что къ тому селу изстари пошелъ (*тмнуло*), а что собѣ отецъ мой игуменъ Сава съ братьею прикупятъ земель, или что имъ дадутъ земель по думи въ моей вотчинѣ: и которыхъ люди имутъ жити на тѣхъ земляхъ монастырскихъ. и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчая бѣлка, ни осѣмничи, ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, такожь ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ десятскому, съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныи въ которые пошлины. А намѣстницы мои звенигородскіи и волостели звенигородскіи, и рузскіи мои намѣстники и волостели мои рузскіи, и ихъ тиуни, на тѣхъ хрестыанѣхъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветишки и доводишки поборовъ не берутъ, ни вѣжщаютъ; а вѣдаетъ игуменъ Сава самъ свои люди во всѣхъ дѣлѣхъ и судитъ самъ во всемъ, или кому игуменъ прикажетъ, оприче душегубства. А случитца судъ смѣсной городскимъ людямъ или волостнымъ съ монастырскими людьми, и намѣстницы мои Звенигородскіи и Рузскіи и ихъ тиуни тѣхъ людей судятъ, а игуменъ съ ними судить, или кому

прикажетъ въ свое мѣсто. А правъ ли будетъ или виноватъ монастырской чело-вѣкъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игумену съ братьею, а намѣстники мои и волостели и ихъ тиуни въ монастырского чело-вѣка не вступаютца, ни въ праваго, ни въ виноватаго; а вѣдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ своего чело-вѣка самъ, а истцево заплатятъ на обѣ стороны. А правъ ли, и виноватъ ли городскій или волостный чело-вѣкъ будетъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелемъ и ихъ тиуномъ, и имъ истцево заплатятъ, а игуменъ съ братьею или ихъ приказщикъ въ городного и волостного чело-вѣка не вступаютца. А пяташки мои, звенигородскіи и рузскіи у монастырскихъ людей коней не петятъ, а таможенники мои тамги не емлютъ на монастырскихъ людехъ: язь кн. Юрьи Дмитреевичъ Пречистой далъ пятно и тамгу, на теміанѣ далъ игумену Савѣ съ братьею: держать игуменъ въ манастирѣ свое пятно. Которой хрестыанинъ манастирской купить или мѣнаетъ, и онъ пятнать въ манастирѣ; а которой хрестыанинъ манастирской продасть въ торгу или въ селѣ, и они тамгу платятъ игумену Савѣ въ манастирѣ, а которой пропятиница или протамжитца манастирскій, игуменъ Сава вину возметъ на манастирь, а таможенники мои, звенигородскіи и рузскіи въ манастирскаго чело-вѣка не вступаютца. Да далъ язь кн. Юрьи Дмитреевичъ отцу своему игумену Савѣ борть свою, по рѣчки по Ишевѣ и отъ суходола по Покровъ св. Богородицы, отъ Покрова по Нару вверхъ до Вашнева, до рѣки Москвы, а по другую сторону по правую по Олександрова село по Шубина, да по слободы по Дмитреевой, да по Нахабну къ рѣцѣ Москвѣ; далъ язь князь Юрьи Дмитреевичъ отцу своему игумену Савѣ бортника Ондрейка Тельцына съ деревнею, въ которой живетъ на Рѣпщи, и онъ тѣ борты монастыр-

скии дѣлаеть. А черезъ сию мою грамоту кто ихъ чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни. А грамота писана въ лѣта 6912, м. мая 10 день.

(А. Истор. I, № 15)

272 Договорная между Полоцкомъ и Рязанью 1407.

Мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сию грамоту узритъ или услышитъ чту-чи. Князь в. Витовтъ литовскій, нашъ осподарь, докончалъ промѣжи насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцкого города и Рязанского города: чтобы Полочаномъ добровольно ѣхать къ Рязѣ, также Рязяномъ къ Полоцку, безъ всякия завады, ни одного не выемши добровольно ему купить и продать; также Полочаномъ у Рязѣ, а Рязяномъ у Полоцку, никакоѣ малое торговѣ не торговати, что розницею зовутъ, а то мы какъ у Полоцку, а Рязяне у Рязѣ, учинивъ и поставимъ, а любо какъ можемъ межи себе уравниать; также могутъ Полочане мимо Рязи у землю, а Рязяне мимо Полоцкѣ у землю, куда хочють, то на обѣ стороны межи насъ волю водою и землею. Ныны жъ бы ки. в. Витовтъ, осподарь нашъ, а любо его послѣдковѣ, кто коли будетъ осподарь полоцки у Полоцку, искладъ учинили, а любо мештеръ Задвинскій въ Рязѣ, а тотъ искладъ держати на обѣ стороны, у Полоцку и въ Рязѣ, такъ какъ уставишь будетъ. А Полочаномъ блюсти Рязянина у Полоцку какъ себе, а Рязяномъ блюсти Полочанина у Рязѣ себе оборонять: аже Полочанинъ что проступитъ у Рязѣ, ино имъ того до Полоцка послати, ино его тамъ Полочане осудятъ по своему праву, также рязянский купецъ что проступитъ у Полоцку, ино его послати къ Рязѣ, ино его тамъ осудятъ по рязьскому

праву. Также у Полоцку соль вѣсити на скалвѣ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣситъ, тымъ же колокола: вѣсу полоцкому быти рязького полупудомъ болше: про то же сперва Рязяномъ послати свои колоколы и скалвы къ Полоцку на свою истраву, потомъ же сотрутся тымъ колокола или изломится или погибнуть, ино намъ Полочяномъ послати къ Рязѣ на свою истраву на свои пѣнизи, да учинитъ тымъ колокола по старому праву и полѣшитъ; также серебряныи вѣсы у Рязѣ держать полузлотниковъ болши во одного рубля; также вѣсцемъ крестъ цѣловать нынѣ и потомъ, коли надобѣ что имъ право вѣсити на обѣ стороны одному какъ и другому, а вѣсцю отступитъ прочь отъ скалвѣ, а рукою не примать, а вѣсбное имати вѣсцю, какъ у Полоцку на Рязянехъ смяють, такъ имати у Рязѣ на Полочянехъ вѣсбное. Аже будетъ которая обидѣ, или завадѣ, межи кимъ на обѣ стороны, ино знати истцю истѣда, а никому иному въ тое ся не вступати, ни томъ рубежѣ держати на обѣ стороны; аже будетъ межи мештеремъ Задвинскимъ, или который оносѣ будетъ межи земли и людѣи, ино купцови чистъ путь его товару на обѣ стороны и его животу, узати ему свой товаръ куда хочеть ѣхать, и поняти коли ему надобѣ или по водѣ, или по суку, или у городъ, или на пути. Про тожъ бы тое смиренѣе вѣчно стало непоручено со обою сторону межи нами Полочяны и Рязяны, а печати есмо свои привѣсили къ себѣ грамотѣ. А писана бысть грамота ся у Могилевѣ, по божьему роженѣи 1000 лѣта и 400 и 7 дѣта, а печатана у Рязѣ, у сему субботу м. мая 14 день.

(А. Арх. Эксп. I, № 16).

См. также договорныя грам. Новгорода съ Рязанью 1392 (Русско-ливонск. акты, Сиб. 1868, 88—89).

273. Уставная таможенная грамота Молдавского господаря, воеводы Александра, Львовскимъ и Подольскимъ купцамъ 1407 г.

Милостию божьею, мы Александръ воевода, господарь земли Молдавской, чинимъ знаменито и симъ нашимъ листомъ усѣмъ, кто на нь узрѣтъ, или его услышитъ, оже есмы доконали съ радцами и съ мѣстчаны Илзовского мѣста и съ усѣмъ посольствомъ ихъ, и учинили есмы уставыпытаво о мытахъ у нашея земли; и доконали есмы съ ними, штобы ходили у нашея земли, и съ своими торговыми. А мыта есмы имъ такъ поставили и улегчили, штобы давали у нашея земли мыто такъ: Наипервое головное мыто Сочавское, на искладѣ отъ сукна отъ гривну 3 гроши; а коли имуть купити татарскый товаръ у Сочавѣ, или шолкъ, или перецъ, или камки, или тебенки, или темьянъ, или грецкый квасъ, отъ гривну у Сочавѣ по 3 гр.; а коли имуть купити татарскый товаръ у иныхъ торгахъ нашихъ, тамъ имуть дати, гдѣ его купятъ, отъ гривну 2 гр., а на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гр., та смѣетъ его продати, кому любить. А кто идетъ до Илзова, на головное мыто у Сочавѣ: отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиней 1 гр., отъ 10 скота овецъ 1 гр., а отъ кобылы по 6 гроши, а отъ каждого коня по 6 гроши, отъ сто бѣлицъ 1 гр., отъ сто лисицъ 10 гроши, отъ сто овчины сураны 4 гр., отъ сто кожи лгнячихъ 2 гр., отъ сто кожи скотныхъ 15 гр.; то мыто Сочавское. А кто идетъ до татарской сторонѣ отъ 12 кантарі у Сочавѣ 1 рубель серебра, у Ясы тридесате грошъ, а у Бѣлый-городъ полърубель серебра, а кто не идетъ на Бѣлый-городъ толко иметь дати Тягнякячу колко у Бѣломъ-городѣ, опроче перевозовъ, а на сторожу отъ каждого воза по 12 грошъ. А кто иметь погнати скотъ до Татаръ, на головное мыто у Сочавѣ отъ

скота 4 гроши, а у Ясы 2 гр., а на Тягнякячу 2 гр.; а отъ 100 овецъ у Сочавѣ 60 гроши, а у Ясы 30 гроши: то мыто тѣмъ што идутъ до Татаръ. А поставы сукна имають ихъ продати на складъ у Сочавѣ, а у нашихъ торгахъ не имають волю продати ихъ. А съ тѣми гроши волно имъ ходети и торговати соби по усѣхъ торгахъ нашихъ, што коли изнайдутъ. А до Угоръ и до Бесарабъ свободно имъ вывозити сукна.....; а кто повезетъ сукно до Бесарабъ, дати иметь на головное мыты у Сочавѣ отъ гривну по 3 гроши, а на край у Баконѣ отъ гривну 2 гр., а што привезетъ изъ Бесарабъ, или перецъ или баволну или будъ што: отъ 12 кантарі у Баконѣ полърубель, а на головное мыто у Сочавѣ отъ 12 кантарі 1 рубель серебра. А кто иметь повезти сукно до Быстрины до Угоръ, у Сочавѣ отъ гривну по 3 гр., а у Бани отъ гривну полътора гроша, а у Молдавици отъ гривну полътора гроша. А коли ся воротятъ изъ Угоръ, отъ каждого терху у Молдавицы, по 2 гр., а у Бани отъ каждого терху по 2 гр. А кто иметь повезти сукно до Брашова, на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гр., а у Баконѣ отъ гривну полътора гроша; а у Тотруши отъ гривну полътора гроши; а коли-ся имуть воротити, отъ каждого терху на Тотруши по 2 гр., а у Баконѣ отъ каждого терху по 2 гр. А кони, изъ нашея земли, што по 3 гривны, слободни имъ еуть, и угорьстни кони слобдни имъ; а у которомъ торгу имуть ихъ купити, тамъ имуть дати отъ каждого коня по 4 гроши, а на складъ у Сочавѣ отъ каждого коня по 6 гр., а на Сирять отъ каждого коня по 2 гр., а у Черновци по 2 гр.; а кто иметь повести кони или кобылы до Камянци, што было дати ему у Сирять, то иметь дати въ Дорошницъ, а што было дати ему у Черновци то иметь дати у Хотини; тако же есть мыто и отъ кобылы, яко и отъ кони. А кто иметь ку-

пяти скотъ или бараны у Баковѣ, либо у Романовѣ у торгу, либо на Нѣмци, либо у иныхъ торгохъ нашихъ: ненадобѣ ни-гдаѣ мыто дати. вижъ тамъ гдѣ купилъ, и возметь печать отъ мытника; а у ко-торомъ торгу имѣть купети, тамъ имѣть дати отъ скота 1 грошъ, отъ 10 овецъ 1 гр., отъ 10 свиней 1 гр., отъ 100 кожи воловыхъ 10 гр., отъ 100 кожи ягнячихъ 1 гр., отъ 100 кожи сурян-ныхъ 2 гр.: тѣ вдутъ на головномъ мы-тѣ Сочавѣскомъ. А у Сирятскомъ—отъ крашнихъ рѣчей, отъ шапокъ, отъ нога-вишъ, отъ корды, отъ меча, отъ гривны по 3 гроши; а што копъ ладеть изъ зе-мля чересь Сочавы на Сирять, колко да-вали на Сочавѣ, половина отъ того мы-та имутъ дати на Сирять отъ усево, и отъ кожи и отъ волны и отъ овчины: то мыто Сирятское. А у Черновца отъ нѣ-мецкого воза мыто 4 гр., а отъ ор-мѣнского воза 6 гр.; отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиней 1 гр., отъ 10 овецъ 1 гр., а отъ коня и отъ кобылы по 2 гро-ши; а на перевозъ и отъ нѣмецкихъ возъ пѣлыхъ и отъ орменскихъ по 4 гроши: то мыто Черновское. А у Черновци во-зы не страсти, але кувецъ дастъ свою вѣру, аже не имаетъ заповѣданный то-варъ на свой возъ: куница, серебро, воскъ и копъ добрии земѣстїи; а имаетъся по-ставить пѣву сукиѣ у Сочавѣ, яко во Львовѣ. А львовчане што имутъ поити до Бранлово по рыбы на крайнее мыто, или у Баковѣ, или у Берладѣ: тамъ имутъ дати отъ гривну по полътора гроша, а воза и рыбы не занимати; а тамъ возметь печать, та придетъ слободно до Сочавѣ, та имѣть дати на головномъ мытѣ у Со-чавѣ отъ гривны по 3 гроши, а воза и рыбы не занимати. А на Сирять имутъ дати отъ гривну по полътора гроша, а рыбы и воза не занимати. А на Черво-вци мыто отъ воза. А львовчане што имутъ привести сами изъ Угорь серебро жѣженое: отъ того серебра што быхомъ

мы купили себѣ, колко будетъ намъ на-добно, а иже серебро, што останется, то ити слободно. А мунтяньскій воскъ и браневскій слободно имъ есть; а мыто имутъ дати отъ камене у Баковѣ одинъ грошъ, а на искладѣ у Сочавѣ отъ каме-не 4 грошъ, а у Сирятѣ отъ камене 1 гр. А угорьстїи куницы слободни имъ; а мыто имутъ дати у Бани полътора гро-ша отъ гривну; а на искладѣ у Со-чавѣ отъ гривну 3 гроши, а у Си-рятѣ полътора гроша отъ гривну; а отъ тѣхъ куницъ колко будетъ намъ надобно, а мы имамъ соби купити, а пни имъ сло-бодни. А еще есмы пмъ дали волю, штобы себѣ держали у Сочавѣ одинъ домъ, а у томъ дому корчму не держати, ни пива варити, ни меду, ни месни клѣтки держати, ни хлѣба продавати: пакъ ли тотъ, кто имѣть жити у томъ домѣ, бы хотѣлъ нѣшто отъ тѣхъ держати, тогды мусить съ мѣстомъ терпѣти. А то есмы учинили купцемъ господаря нашего, ко-роля полскаго изъ усеи Рускои земли съ Подолекои. А то мы, иже есмы выше писали, слобудемъ имъ вѣчно уздержати, безо лети и безъ хитрости, на вѣки вѣ-чныя, мы и наши намѣсткы; николи то не порушено, при нашей чти и при нашей вѣрѣ, подлугъ крестьяньскаго права. А на то свѣдкове: панъ Жюржъ, староста; панъ Михайло Дорогунскій, панъ Владъ Се-ретскій; панъ Оана (sic), дворникъ Са-човскій; панъ Яцко, и панъ Иліяшъ ча-шникъ. А еще при томъ были послы съ Львова, што съ нами сесе дѣло доконали: Мышко Куликовскій, и Зимпрѣстанъ Ха-нысь, и Ханьсь Верзьсь, и Русъ Ни-клаусъ, и писаръ львовскій Ханьсь. А на потверженіе тѣмъ усеъмъ, вельцп есмы напему вѣрному братню Логовету пи-сати и правѣсити печать наша великая къ сему листу напему. У Сочавѣ, у лѣ-то шестотысячное дѣять сотъ и шестна-дѣсѣтое лѣто, Октября 8.

(А. Западн. Рос. I, № 21).

274. Неурожай.

Въ лѣто 6930 (1422). За умноженіе грѣхъ нашихъ, Богу поустыившю, на всю Рускую землю бысть гладъ великъ по 3 годы: и прже въ Новгородѣ и по всѣмъ ихъ волостемъ и на Москвѣ, и по всей московской и по всей тѣерской землѣ; и толпи бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковризѣ дати полтына, али какова портище, а ржи ваша (псковская) четверетка, чего кто запросилъ, а нини съ усердіемъ даваху, а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковыхъ мало обрѣтаху, и мнози съ глаза шряху. А въ Псковѣ тогда бѣше старыхъ лѣтъ клѣти всякого обилиа изпасыпани на Кромѣ: и поидоша ко Пскову Новгородци, Корела, Чюдъ, Вожани и Тѣеречи и Москвичи, и просто рещи съ всей Руской земли, и бысть нахождение ихъ во Псковѣ много множество; и начаша по волостемъ и по пригородомъ и въ Псковѣ купяще рожь возити за рубежъ, и въ Псковѣ тогда бѣше зобница ржи по 70 ногать, а жита зобница по 50 ногать, а овса по 30 ногать, а на полтыну ржи полътрети (2¼) зобница; и отголя Псковичи заповѣдана не продавати за рубежъ ржи и никакаго обилиа (хлѣба). А нахожихъ людей начаша изъ Пскова проводить и изъ всѣхъ волостей, и тако мнози разыдошася; а которіи остались во Псковѣ и по волости, мужи и жены и малѣ дѣти, тѣхъ множество взмошра, и накладоша тѣхъ пустотныхъ въ Псковѣ 4 скуделницы, а по пригородомъ и по волостемъ или по могылемъ въ гробѣхъ похоронено, то тѣмъ и числа нѣтъ. И бѣ тотъ гладъ по три года.

(П. Собр. Лѣт. V, 23—24).

275. Жалованная Троиц. Сергіеву мон. на рыбну и боброву ловлю 1423.

Се азъ князь Петръ Дмитріевичъ пожаловалъ есмь игумена Никона съ Троицы Сергіева монастыря, или... или игумен по немъ, и его братью, далъ есмь имъ в моемъ отчинѣ въ Ворѣ, а на рѣцѣ на Ворѣ же ому въ Терьмевьской рыбы ловити да и бобры ловити; также далъ есмь имъ по рѣцѣ по Ворѣ по ихъ землямъ отъ рѣчки отъ Талицы до Лепетинъ рыбы ловити да и бобры ловити; а мои рыболове и мои бобровьники тудѣ на меня рыбъ не ловятъ, ни бобровъ. А чересъ сию мою грамоту кто иметъ тудѣ рыбы ловити или бобры в ому въ Терьменевскомъ да и по рѣцѣ по Ворѣ, куды есмь ихъ пожаловалъ, или заповѣды 2 рубля; а отъ меня быти ему в казни. А дана грамота в лѣт 6931-е августа въ 4 день.

(А. Юрид. б. I, № 41).

276. Жалованная льготная Троиц. Сергіеву мон. на соляныя варницы 1432—1443

Святѣя дѣля Троицы, по отца своего грамотѣ великого князя Василья Дмитріевича, се азъ князь великий Василей Васильевичъ пожаловалъ есмь Сергіева монастыря игумена Зиновія съ братею, или кто будетъ по немъ или игумен: что ихъ 4 варницы оу Перелазьскыи Соля и волостели мои оусольскыи и ихъ тивуни и ихъ доводчики с тѣхъ варницъ пошлимъ или которыхъ не емят, ни поборовъ не берутъ, ни явлено съ водоливовъ. Да что ихъ дворъ тутож оу Соляхъ деревня ихъ изъ Хуванѣ горѣ да починокъ, и кто оу нихъ иметъ жити людей в томъ дворѣ и в де-

ревнѣ и тѣмъ людямъ монастырскимъ не-
надобѣ ни ни мытъ, ни тамга, ни восме-
нничее, ни вѣсчее, ни двора моего ставити,
ни коня кормити, ни закосъ имѣть не надобѣ,
ни портѣе, ни подводы, ни къ
дворьскому, ни къ еотнику не надобѣ ни
тянути некоторыми поплинами и намѣст-
ники мои переяславьскыя и волостели
оусольскыя и ихъ тиунни дворян своихъ не
всылають къ тѣмъ людямъ монастырскимъ
къ хуцнскимъ и къ оусольскимъ ни по
что, ни судятъ ихъ, оироче душегубства;
ни доводники оу нихъ побора не берутъ; а
пятенищакъ мои къ нимъ не пѣздитъ, ни
коневъ оу нихъ не пѣтнитъ, а держитъ игу-
мен свое питно оу своихъ людей оу мана-
стырскихъ или кому прикажетъ. А въ
даст и суавт свои люди игумен самъ или
кому прикажетъ; а смѣшается суд мана-
стырскимъ людямъ съ городскими людьми или
съ волостными, и намѣстники мои перея-
славьскыя и волостели оусольскыя и ихъ
тиунни судятъ, а игумен съ ними или
кому прикажетъ; а будетъ правъ или вино-
ватъ монастырскыя челоувѣкъ, в оуъ игу-
мен и в правѣ и въ винѣ, а намѣстни-
ки мои и волостели не вступаются в
монастырскогъ челоувѣка ни въ правагъ,
ни в виноватагъ, а игумен или кому при-
кажетъ не вступается въ ихъ челоувѣка въ
переяславьскогъ, и в оусольскогъ, ни в
правогъ, ни в виноватогъ. А чересъ сю
мою грамоту кто на нихъ что возметъ или
чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни...
рую грамоту дамъ грамоту, а на сюю
гра... грамоты нѣтъ.

(А. Юрид. 6. I, стр. 91—92).

**277. Возвныя послушныя отчинники
Протасевичи 1425 и 1426.**

а. Се язъ князь в. Василей Василь-
евичъ всеа Руси пожаловалъ еси Ивана

Григорьевича Расла, прозвище Иваты Про-
тасьева, и сына его Ковона Ивановича,
волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ,
въ кормленья. И вы все люди тое воло-
сти, чтите ихъ и слушайте, а они васъ
вѣдаютъ, и судити и ходити велеть у
васъ тиунамъ своимъ, а доходъ имать по
наказному списку. Писанъ на Москвѣ,
лѣта 6933 августа въ 28 день.

А у подлинныя грамоты назади
пишетъ: «князь в. Василей Василь-
евичъ всеа Руси». Печать вислая на
красномъ воску—орелъ.

б. Се язъ князь в. Василей Васи-
льевичъ всеа Руси пожаловалъ еси Ива-
на Григорьевича Расла, прозвища Иваты
Протасьева, и сына его Ковона Иванова-
ча, въ кормленье въ Мещерѣ городомъ
Елатною и Кадовою, съ мыты и съ пе-
ревозы, и со всеми намѣстничьими доходы,
и съ поплиною, что было дано за вы-
ѣздъ отцу его Ивану. И вы все люди
тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите
ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ;
а судити и ходити велеть у васъ тиунамъ
своимъ, а доходъ имать по наказному
списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6934
году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади
пишетъ: «князь в. Василей Васи-
льевичъ всеа Руси». Печать на кра-
сномъ воску вислая.

(А. Юрид. № 161, стр. 177).

**278. Зашенная и закладная Ивана Каба-
чина 1428—1434.**

Се язъ Иванъ Кабачинъ занялъ еси
у игумена Христофора полтину да трид-
цать бѣлъ, а въ томъ семи игумену

Христову заложилъ пожню изъ Намчеровъ наволодь свой жеребей; а внизъ по рѣкѣ съ Васильемъ межа по большой кустъ на березѣ, а съ болшого куста прямо на малыи кустецъ къ лѣсу, а съ Мачею межа верхъ рѣки по колюю и по ямамъ наполю; а занялъ есми полтину и бѣлки до Юрѣва дни; а не уплачу на срокъ кувъ, ино моя пожня съ томъ. А на то послуши: Тилоя чернецъ да Микита Одревъ. А янысаль сию кабалу Семень поповъ Окуловъ. А кабалу есми далъ безъ печати.

(А. Юрид. № 232, стр. 260).

279. Данная на с Оксниньское Московскому Успенс. собору 1433—1437 или 1440—1448.

Милостию божіею и пречистыа его Матере и молатвою св. чудотворца Петра, м-та всея Руси, се язъ Игнатій Васильевичъ далъ есмь св. Богородици съ борной на Москвѣ въ домъ и св. чудотворцу Петру, м-ту всея Руси, село свое Оксниньское, свою отчину, съ церковію съ св. Николою, въ звенигородкомъ уѣздѣ, и господину своему Іовѣ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополью русьскую, или кто по немъ будетъ ликій митрополитъ, и съ деревнями, что къ нему напередъ того потягивали, куды мов соха ходила, куды коса ходила, куды и топоръ ходилъ и съ луги, и съ пожнями, и съ лѣсомъ, и съ всемъ съ тѣмъ, что къ нему издавна потягло; а господинъ мой держитъ то село въ дѣмъ пречистыа Богородици, а не продасть его, ни дастъ никому, ни мѣнять ни съ кѣмъ; а далъ есмь то село напоминокъ своимъ родителямъ и себѣ и всему своему роду. А на то послуши: Иванъ Ильичъ, Алаша

діакъ митрополичъ, Иванъ Истѣвье. А грамоту ясаль Семень чернецъ; а запечаталъ есмь хрестцемъ (*крестомъ*).

(А. Юрид. б. I, стр. 445).

280. Показаніе Василія Микулиничъ королю Казиміру в 1444 г.

Господину господарю в. королю слуга твой Василей Микулиничъ твоее милости господарю своему, низко челомъ бьетъ. Што твоя милость пишетъ, господарь мой, до мене о тыхъ людехъ о Брушаныхъ, о поплинахъ, ино я, господарю, Олькирла (*Ольгерда*) не помню, помню князя в. Витовта, дядю твоего; и то, господарю, помню: даывали 50 кунницъ княгини в. Витовтовой, съ лыма по кунницы, а по три гроши жгидяны, а въ кухню по курети и по десети яецъ и по полгроша; а бобровникъ одинъ съ конемъ и со псомъ, а дохода ему грошъ; а къ живу 3 дни, и на яръ 3 жъ дни, а съна 4 стырты ставить, и на Усоячи бѣзъ забивають—старына жъ, а Варейникахъ не бывало. то имъ, господарю, новина жъ,—а подъ намѣстники у подводахъ не хоживали; хоживали подъ княземъ в. Витовтомъ дяди твоего отъ Вытебска до Смоленска, а отъ Смоленска до Полоцка; а о суды межа, головщина, о сокольее гнѣздо, о бобры, зъ еремя; а то суживали па городъ намѣстники твои.

(А. Южн. и Запад. Рос. I, № 23).

281. Дороговизна и денежная дѣло въ Новгородѣ.

Въ 1446 г. въ Новгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть, не токмо сего единого году,

во всю 10 лѣтъ, по двѣ коровы на полтиву, иногда болѣ, иногда менши, иногда негдѣ купить; и бысть скорбь и туга крестьяномъ велика, только слышати плачь и рыданіе по уляцамъ и по торгѣ, и мнози отъ глѣда падающе умираху, дѣти предъ родители своими, и отцы и матери предъ дѣти своими; и мнози разидошася, ииже въ Лѣтву, ииже въ Латынѣство, ииже же бесермевѣству и Жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ. А въ то время не бѣ въ Новгородѣ правды и праваго суда, и возстаа ябедники, изнарядиша чѣты и обѣты и цѣлованіи на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика я боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всеми людьми на старѣишыны наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права.

Въ 4447 г. начаша люди деньги хулити серебряныя, даже и все Новгородичи другъ на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и недлюбовь; и посадникъ и тысяцкий, и весь Новгородъ уставивша ѣ денежниковъ и начаша перелязати старыи деньги, а новыя ковати въ ту же мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденгѣ; и бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ...

Того же лѣта Новгородичи охулиша сребро, рубли старыи и новыи; бѣ денежникамъ прибытокъ, а сребро передѣлаша на деньги, а у денежниковъ поимаа посулы... Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебряного Федора Жеребца на вѣче, наполнивъ его нача *сочити (хитро розыскивать)*: «на кого еси лавъ рубли?» онъ же оговори 18 человекъ, и по его рѣченъ нынѣ съ мосту снѣгаша, а вывѣзъ домы разграбаша и изъ церквей вывозиша животы (*пожитки*) ихъ, а прежде того по цер-

квямъ не исквозили. И еще того же Федора начаша беззиривдыи бояре научати говорить на многыи людей, претяще ему смертию; онъ же протрезвивася рече: «на всѣхъ осемъ лавъ, и на всю земаю, и вѣсиль съ своею братьею ливца.» Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи многѣ, а голодники и ябедники и посулиши радоваться, только бы на кого выговорилъ; и того самаго смерти предаша, а живость его въ церковь раздѣли и разграбаша. И бысть во градѣ мятежь великъ, и оттолѣ и самъ Сѣкира разбѣзася и умре.

(П. С. Лѣт. IV, 124. 125 126).

282. Жалованная вел. кн. Марія Ярославни Чухломскому монаху. 1450.

По исподари своего грамотѣ в. кн. Василія Васильевича, се изъ книги в. Марія пожаловала есмь дому пречистые Богородицы честнаго ея Покрова, на Чухломѣ на городѣ, игумена Александра съ братьею, аи кто иной игумень будетъ во немъ у Покрова преч. Богородицы въ монастырѣ: что ихъ монастырской починокъ въ Верховѣ, въ Усольской волости, и кто людей у нихъ монастырскихъ въ томъ починкѣ живеть, и тѣмъ ихъ людемъ пенадобѣ ии тамга, ии осеминьче, ии явка, ии мыть, ии косты, ии иные выкаторые пошлыны, аи каковыи проторъ; да что ихъ варница монастырская у Соли съ Суплепскою варницею, и кто у нихъ будетъ закашикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варить на монастырѣ, какъ и на меча на в. княгиню варить въ моей варницѣ, безъ череду и безъ столаниць. А волостели мои усольскіе и ихъ тѣмъ того монастырскаго закашика не судятъ ни въ чемъ, ни доволшыны въ ту варницу не вхождатъ. Да что тутъ жъ у нихъ у Соли монастырская же ихъ поварницы, на великомъ колодязѣ, да и

въ шнхъ варвицахъ три четвертины, нво ненадобѣ съ шхъ ни протявень, ни площькы, ни тамга, ни домытницы, ни чные ихъ цыкаторыѣ пошлны не надобѣ, ни явленное; а волостели мои усольскіе, и ихъ тѣны и доводчики, у игуменовыхъ Александровыхъ варвищъ дровъ не емлютъ. А коли у игумена Александра бываетъ его сущевье, и тѣны и доводчики тогда въ варвищу не влзати, а къ коробу не приступаютца. А волостели мои усольскіе и ихъ тѣны въ монастырской починокъ въ Верховье къ его людямъ къ монастырскимъ, и къ пришлымъ, и къ старожилцамъ, не высылаютъ къ нимъ ни по что доводчиковъ своихъ ни поборовъ у нихъ не берутъ, ни кормовъ волостели мои на нихъ не емлютъ и не судятъ ихъ; а вѣдаютъ и судятъ тѣ свои люди игуменъ Александръ, самъ или его братья, или кому прикажутъ; а смещетца судъ съ моими людьми съ волостными тѣмъ ихъ людямъ монастырскимъ, и волостели мои усольскіе или ихъ тѣны судятъ, а игуменъ Александръ съ ними судитъ, или кому прикажетъ. А правъ ли будетъ, виноватъ ли волостной человекъ, и онъ волостелю въ правдѣ и въ вѣнѣ; а игуменовъ человекъ правъ ли, виноватъ ли, и онъ потомужъ въ правдѣ и въ вѣнѣ игумену; а волостели мои въ игуменова человекъ не вступаютца, ни съ праваго ни въ виноватаго. А черезъ сю мою гра-

моту кто на нихъ что возметъ, или чѣмъ изобидѣтъ, быти отъ меня въ казни. А дана грамота въ лѣто 6959-е, октяб-
ря въ 4 день.

(А. Истор. I, № 49).

283. Купчая Кириллова мон. 1448—1468.

Се азъ Касинъ игуменъ Кириллова монастыря, Пречистой въ дошъ купилъ есмь въ Островскомъ ѣзу полночь (рыбу лочить), у Ондreja у Борисова; а далъ есмь полтора рубля новгородскіе. — А на то посласи: старецъ Илья, старецъ казначей Сергѣй, старецъ Тимошен, Гряди поповъ, Василь поповъ, Сахойло. А грамоту писалъ чернець Митрофанъ; а грамота безъ печати.

(А. Юрид. № 73, стр. 120).

О древнѣмъ промысловомъ состояніи Россіи можно читать въ Рус. Правдѣ и грамотахъ въ откъ-
дѣ Администраціи и Юридическомъ. См. также статьи: о Святославѣ, о Юрьѣ, Поуч. Мономаха, Житіе Антонія Римлянина, Слово о богатствѣ до 1200 г., Дух Забвѣнія Московск. князей, Лопиц-
кая битва, Ханство Ярыки, Намѣстникъ Тохтамышъ, Хождение въ Царьградъ дѣла Александра и др.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

284. Сказаніе о Щилѣвъ монастырѣ.

Бысть въ В. Новѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Бѣ въкѣй посадникъ, именемъ Щилъ, имѣя оу себѣ сына единого,

бѣ бо богатъ зѣло, и многымъ даше серебро свое въ лихву; возмаше на годъ по денгѣ, на новгородской рубль новгородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то серебро церковь поставити, и монастырь создати. И обрѣте мѣсто отъ града два

поприща и приде ко Іоанну архієпископу, проси благословенія отъ него на основаніе церкви пресв Богородицы честнаго ея Иокрова. Архієпископъ же даде ему благословеніе на такое великое дѣло божіе и отъиде. Циль же примѣ благословеніе отъ архієпископа, и посла сына своего няти дѣлателя и готовити вся потребная на созданіе церкви; сынъ же сотвори вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Циль же моля архієпископа, дабы ѣхалъ на основаніе церкви оцоя, начало положилъ; архієпископъ же моленія его не презрѣ, и иде на основаніе церковное со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ. Циль же, по совершеніи церковномъ и основаніи, постави трапезу велику и добръ оутрелвалъ архієпископа, дарми одарилъ, и отоустилъ во градъ съ великою честью, а самъ въ домъ свой и отъиде, слава Бога. Архієпископъ же, прѣхавъ въ домъ св. Софіи, и прятъ книги и чтяше правила св. отецъ, и нача разсуждати въ собѣ, а дасть благословеніе Цилу, а вѣдая его богата суща и мздомца, понеже не вопросы его отъ коего собранія такое великое дѣло замысли, я о томъ архієпископъ въ великомъ педоумѣніи бысть и въ скорби. Циль же нача созидати церкви; по совершеніи же церковнемъ, приде ко архієп. Іоанну, и моли его, дабы освятилъ храмъ той. Архієпископъ же повелѣ ему съ собою няти въ тайную хранилищу. Циль же вшедъ въ тайную хранилищу, и рече ему св. Іоаннъ архієпископъ: повѣжда ми, чюдо, не скрый Господа ради: отъ коего собранія своего сидевое дѣло начинаеши? Циль же отъ страха и оужаса оде къ ногамъ святителя, и глагола: согрѣшихъ отче, прости мѣ, мнози же людѣ приходящу ко мѣ, взимаху сребро и даяхъ имъ въ миху, на 14 гривенъ, и на 4 денги, на годъ по деугъ. И на то сребро создахъ церковь, и монастырь оградихъ, и циль, пладыко, что ми повелѣваеши? Архієпископъ же глагола ему: я нѣтъ ти повелеваю, оустрою себѣ вся погребальная, срачицу, и саванъ, и вся, яже суть на погребеніе мертвымъ; и повѣждахъ отцу своему духовному вся согрѣшенія своя, я въ погребальныхъ ляги въ соуданномъ своемъ гробѣ, и надгробная повези надъ собою пѣти, всемогъ же Богъ открытъ елвоко хощетъ, а мы, чюдо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Циль же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и скорѣ оустроитъ гробъ и погребальная, а исповѣдася согрѣшенія отцу своему духовному: я скривися во гробѣ, и соборѣ надъ нимъ пѣвше надгробная пѣнія, и выезавшу Циль во гробѣ оумре, и разсѣдася мостъ церковный, и необрѣгася гробъ предъ ними. И бысть ту пропасть велика; святитель же приде на освященіе церковное, и видѣтъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изуграфомъ выпы на стѣ-

нахъ писати церковныя надъ пропастью въ подобіе образъ Цилова. Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ св. Софіи, и неосвящену церковь повелѣ запечатати, даждеже позволѣ Богъ: той и сотворитъ.

Сынъ же Цилова, плача и рыдая, и пріиде, и приаде къ ногамъ святителя, и рече: святитель великій, помози мѣ лишениа ради отца моего! что ми повелѣши да сотворю? Архієпископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чюдо, 40 дней да лютургисаюгъ оу 40 церквей. Дажде священникомъ доволно, и причетникомъ, и ницямъ и темничникомъ, и въ тѣхъ 40 днѣхъ на всякъ день повахиды поютъ и литургия служатъ неизмѣнно, а на распутіяхъ никого не минуй, ни ачюпа, ни жадна, ни нага, да и монастырь препитай елико возможно, и тако сотвори, и пріиди къ нашему смиренію, и возвести мѣ о семъ. Сынъ же Цилова повелѣ лютургии служити 40 дней, лишениа ради отца своего, и милостыню нищимъ доволно давати, и сотворивъ всю чотыредесятициу елика заповѣда ему святитель. Сынъ же Цилова приде по архієпископу и возвести ему: что сотворихъ лишениа ради отца своего; вторичею повелѣ ему творити яко же прежде сотворилъ 40 дней. Архієпископъ же посла архієдіакона досмотрити въ церкви Цилова пропасти, архієдіаконъ же видѣ Цилова гроба наруже не много и отъиде запечатати церковь, и возвести архієпископу чюдо сіе о немъ. Архієдіаконъ же приде, и возвести великому святителю, что Цилова гроба наруже не много видѣтъ. Архієпископъ же повелѣ Цилову сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую чотыредесятициу, такожде сотворивъ, и пріиди къ нашему смиренію, и возвести о семъ. Архієпископъ же посла того же архієдіакона досмотрити Цилова пропасти, архієдіаконъ же приде и видѣтъ того гробъ половица наруже, и приде и возвести архієпископу чюдо сіе. Сынъ же рекомаго Цила приде ко архієпископу и возвести ему: еже сотворихъ лишениа ради отца своего, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архієпископъ же призва Цилова сына, и повелѣ ему въ тѣ дни пребывати въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту чотыредесятициу, давое того больша давати божимъ церквамъ, и ницямъ, и страннымъ. Сынъ же Цилова чотыредесяти дней подалъ (лъ) божимъ церквамъ, священникомъ, и пріятю, и ницямъ, и темничникомъ, и страннымъ, болюи пражваго вѣае. Архієпископъ же посла того же архієдіакона, въ третіе досмотрити того великаго чюдеса. Архієдіаконъ приде въ церковь, и видѣтъ той гробъ наруже весь, и возвести святителю чюдо сіе.—Цилова же сынъ повелѣ служити лютургии 40 дней лишениа ради отца своего, и милостыню доволну дающе до всю чотыредесятициу, елика заповѣда ему святитель то

и сотвори. Сынъ же Шиловъ приде ко святителю и повести ему: что сотворишь лишения ради отца своего всю 40 дней. Архиепископъ же повелъ надъ нимъ соборныя пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребъ его самъ съ освещеннымъ соборомъ съ великою честию, а храмъ той освяти самъ съ освещен. соборомъ, во славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

(П. стар. рус. лѣт. I, 24—26).

О Цмѣ разъясненіе въ очеркахъ Буслаева. II, 58—61.

285. Егорій Храбрый.

Во святой землѣ, православной,
Нарождается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софія;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгій,
По прозваніицу—храбрый.
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ.
Отъ добра дѣла не отходячи,
Святимъ словомъ огрожаючи.
Міру крещеному утѣшаячи,
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Во матеръ возрастъ приходячи.
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу вѣрную оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
«Созаволь, родимая матушка,
«Осударина премудрая Софія
«Вхати мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
«Утвержать вѣры христіанскія.»
И дасть ему родимая матушка,
Она ли, осударина премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Вхати ко той землѣ свѣтло-русской,
Утвержать вѣры христіанскія.
Бдетъ онъ, Георгій храброй,
Ко той землѣ свѣтло-русской,
Отъ востока до запада побѣждаячи,
Святую вѣру утверждаячи,
Бесерменскую вѣру побѣждаячи.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, лѣа темныя.
На тѣ лѣса, лѣа дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголетъ:
«Ой вы, лѣса, лѣса, темныя!
«Ой вы, лѣса, лѣса, дремучіе!
«Зароститесь лѣса темныя
«По всей землѣ свѣтло-Русской,
«Рассянитесь лѣса дремучіе

«По крутымъ горамъ по высокимъ,
«По Божьему все велѣнью,
«По георгиеву все моленью!
По его, слову, георгиеву,
По его ли, храбраго, моленью,
Заросли лѣса темныя
По святой землѣ свѣтло-русской,
Раскиданы лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокимъ.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголетъ:
«Ой вы, горы, горы высокія!
«Ой вы, холмы, холмы широкіе!
«Рассянитесь горы высокія
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Становитесь холмы широкіе
«По степямъ, полямъ зеленымъ,
«По Божьему все велѣнью,
«По георгиеву все моленью!»
По его ли, слову георгиеву,
По его ли, храбраго, моленью,
Рассыпались горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становились холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленымъ.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголетъ:
«Ой вы моря, моря глубокія!
«Ой вы рѣки, рѣки широкія!
«Потеките моря глубокія
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Побѣгите рѣки широкія
«Отъ востока да и до запада,
«По Божьему все велѣнью,
«По георгиеву все моленью!»
По его слову ли, георгиеву,
По его ли, храбраго, моленью,
Протекали моря глубокія,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогастихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголетъ:
«Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
«Ой вы, звѣри, звѣри рогасти!»

«Заселятся звѣри могучіе
 По всей землѣ свѣтло-русской,
 «Плодятся звѣри рогатые
 По степямъ, полямъ безъ числа,
 По Божьему все велѣнію,
 По Георгиеву все моленію!»
 И онь, Георгій храбрый, заповѣдуетъ
 Всѣмъ звѣрямъ могучимъ,
 Всѣмъ звѣрямъ рогатымъ:
 «А и есть про васъ на сѣдомое
 Во поляхъ трава муравчатая,
 «А и есть про васъ на пойлицю
 Во рѣкахъ вода студеная.»
 По его ли, слову георгиеву,
 По его ли, храбраго, моленію,
 Заселялися звѣри могучіе
 По всей землѣ свѣтло-русской;
 Плодилися звѣри могучіе
 По степямъ, полямъ безъ числа;
 Они пьютъ, бѣдятъ повелѣнное,
 Повелѣнное, заповѣданное
 Отъ его, Георгия храбраго.
 Назъжаетъ онь, Георгій храбрый,
 На то стадо, на змѣнное,
 На то стадо на лютые;
 Хочетъ онь, Георгій, туто пробхати,
 Хочетъ онь, храбрый, туто проторити;
 И стадо змѣнное возговоритъ
 Ко тому ли Георгию храброму:
 «Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
 «Али ты, храбрый, не знаешь:
 «Что та земля словомъ заказана,
 «Словомъ заказана, заповѣдана.
 «По той землѣ заповѣданной
 «Пѣтъ человѣкъ не прохаживалъ,
 «На коню никто не пробѣживалъ.
 «Уймѣ ты, Георгій, своего коня ретиваго,
 «Воротися ты, храбрый, самъ назадъ.»
 Вынималъ Георгій саблю острую,
 Нападалъ храбрый на стадо змѣнное.
 Ровно три дѣя и три ночи
 Рубить, колетъ стадо змѣнное;
 А на третій день ко вечеру
 Посѣкъ, порубилъ стадо лютыхъ.
 Назъжаетъ онь, Георгій храбрый,
 На ту землю свѣтло-русскую,
 На тѣ поля, рѣки широкия,
 На тѣ высоки терема, златоверхіе,
 Хочетъ онь, Георгій, туто пробхати,
 Хочетъ онь, храбрый, туто проторити.
 Какъ и тутъ ли ему, Георгию,
 Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
 Какъ и тутъ ли ему, храброму, прилаго-
 лѣютъ:
 «А и тебя ли мы, Георгій, дожидаячись,
 «Тридцать три года не вступаячи
 «Съ висока терема, златоверхаго,
 «А и тебя ли мы, храбраго, дожидаячись,
 «Держимъ на роду великъ обѣтъ:
 «Отдать землю свѣтло-русскую,
 «Принять отъ тебя вѣру крещеную.»
 Принимаетъ онь, Георгій храбрый,
 Ту землю свѣтло-русскую

Подъ свой великъ покровъ,
 Утверждаетъ вѣру крещеную
 По всей землѣ свѣтло-русской.

(Сказ. Сахарова П. 24—26).

См. Калѣни Безсонова. 2, 440.

Стихъ о «Егоріи Храбромъ» предлага-
 етъ грубую смѣсь церковныхъ сказаній съ
 поэтическими вымыслами, отзвѣчающимися
 мифическою стариною. Устройство Русской
 земли Егоріемъ Храбрымъ—будто бы какой
 нибудь эпизодъ изъ космогонической поэмы о
 сотвореніи міра. Сестры Егоріа въ еловой
 корѣ, вѣсто тѣла, и обросшия ковыль-
 травою, вѣсто волосъ, къ тому же пасу-
 щая волковъ—ни что иное, какъ мифическія
 чудовища, перешедшія въ легенду изъ дре-
 внѣйшихъ этическихъ преданій. Самъ басур-
 манскій царь представляется въ образѣ мифическаго
 чудовища, которое кричитъ по
 зѣриному, шипитъ по змѣиному. По одно-
 му варианту, это чудовище, убитое Егоріемъ,
 своего кровью производитъ потомъ,
 согласно съ скандинавскими мифами о пото-
 нѣ, происшедшемъ отъ крови убитыхъ ве-
 ликановъ.

Одолѣла кровь Георгіа бусурманскія, онак-
 ная;
 Стоялъ онь въ крови не по колѣнъ, не по
 поляхъ,
 А стоялъ онь въ крови по бѣлыя тудѣ.

Потомъ, по моленію Егоріеву, расту-
 нилась мать-сыра-земля и пожрала эту бу-
 сурманскую кровь.

Въ иныхъ вариантахъ смѣшеніе эпохъ и
 именъ доходитъ до того, что Егоріа пред-
 ставляется русскимъ княземъ, сыномъ ка-
 кого-то Черниговскаго князя, взятымъ въ
 плѣнъ и мучимымъ отъ татарскаго хана.
 (Историч. Христ. Буссова, стр. 1622).

Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь мифиче-
 скій мѣлъ св. Георгия Храбраго, сквозь мифическія
 черты его богатырскаго, героическо-
 полубожескаго дѣятели, проглядываютъ
 некоторые слитные отъ историческихъ.
 Егоріи Храбрыи является назв., въ народ-
 номъ воображеніи, героемъ-полубогомъ, мо-
 гучимъ воздѣлывателемъ русской земли, на-
 чинаемъ, основателемъ ея физическаго

культуры, земского устройства⁽¹⁾. Для такого объяснения считал мы излишней некоторую историческую основу. Из истории колонизации видели, что на обоих путях персонального движения и расселения славянского племени по финскому северо-востоку, на систему волжской каинской или росто-вско-суздальской и на систему полярно-балтийской или новгородской цивилизации, — Егорий Храбрый был признаваем русскими колонистами сугубником и помощником в борьбе с суровой северной восточной природой, с Чудью, с финскими язычествами, а потому с XIII в. и с бусурманством. Поблудновский Юрий Долгорукий, недаром носивший имя Храброго поблудновца, первым неутомимый устроитель северо-восточной, волжской страны Великой Руси, — Юрий Долгорукий, именно, как изобразимый народными эпосами Егорий Храбрый, героически носился по русской земле, вдоль и поперек исходил ее, в течение своих 22 летних потопов, от приречья Волги до Новгорода, от верховьев и до низовьев Волги, вдоль и поперек издал всю деспотическую и польскую землю. Раздвигая ее нейлись и поле, он рубил леса, средоточил запови и заповоков Чудь-Мери, и строил в полх свои знаменитые подлики и за-деспотические города — начатки гражданственной культуры — Москву, Юрьев Польский, Юрьев Повольский, Дмитров, Переславль Залесский, Кослимин, Кострому, Галич Морский, а по Татищевой летописи, и Ярославль, и еще некоторые другие города. Строил города и ставал от уездных их села, заботился о распространении и утверждении шриет. впри на финском севере, Юрий Долгорукий признавал своим сподвижником в борьбе с дикой, непочтой почти природой и с кеприными финскими и другими племенами северной Руси, св. Георгия Храброго. Потому он любил в городах и селлах, где устроивал, ставил первый церковь во имя Георгия Храброго. По свидетельству Никоновской летописи, он не только в городах, но и в нискольких селлах построил церкви во имя Георгия поблудновца. (Папок II, 135 в д.). Только также новгородцы, колонизуя северо-восточную финскую страну русской земли за уе-лами, в другой полярно-балтийской ричной системе, также большую часть потопов назвала георгиевскими или церквей во имя св. Георгия Храброго. В этом всяким может устриться из Писцовых книг пятни и потопов новгородских. Мало того: путь новгородской колонизации среди дремучих

льсовые являлись восточными землями. «Белоглазый Чудь» по рекам Сухоня и ея притокам ознаменован в летописях копорцами, которые даже особыми легендами о Георгии поблдоносце (!). На основании таких исторических фактов, мы позволяем себе догадку, что во время о Георгии Храбром народный эпос выразил идею первоначального зюского строения, физической культуры русской земли, идею могучей богатейшей силы славянского племени в борьбе с лесами непроходимыми, дремучими, с шильми стадами зверей рыскающих и розатых, да с Чудью ливической, а с XIII века и с Татарями—бесерменами. Какъ Георгий Храбрый проторилъ себя пути до первого жилья, поселил человека, через темные дремучие леса, через широкия реки, через болота топицы, через стада лютых зверей и волков рыскающих, через лютых стада зминых; такъ и славянорусское племя проторило себя пути колонизации на финские сѣверо-востоки, сквозь темные дремучие леса, через зыбучи болота и топкие болы, по широкимъ рекамъ пробиралось, с одной стороны въ слѣдъ за удаляющимися копорцами поодольцами, ушуквичами и гостями—строителями сѣверо-полярской земли, с другой—по слѣдамъ Храброго Юрия Долгорукаго, неутомимаго строителя волжской земли. И когда народъ русский, призывая на помощь Георгия Храброго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектурическую обстройку и пограничную территориальную установку русской земли путемъ покорения и соборанія всей земли, путемъ волно-народнаго перевода и колонизаціоннаго самоустройства среди льсовъ непроходимыхъ, среди финскихъ и частью бесерменскихъ племенъ—тогда для него наступилъ колоссальнозначительный въ историческомъ юридическомъ актахъ Юрьевъ день, — памятный досель и въ народной земледельческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ—день Георгия Храброго⁴. (А. П. Шаповалъ: „Истор. очерки народн. міровоззрѣн. и суевѣрій.“ Журн. Мин. Народ. Просв. 1865 г. кн. 1, отд. IV, стр. 26—30).

(¹) По переводу Азбучниковъ XVII вѣка, Георгій—значить *воодушанный*.

286. Олегъ Святославичъ.

Закатилось красное солнышко
За горы высокия, за моря широкия,
Разсаядalisя лѣтѣды частыя по свѣтлу небу:
Порождаеся Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Ростъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой

земли.
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжались,
И птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались.
И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ различныхъ.
Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ
Прибираетъ дружинку хоробрую:
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ Вольга былъ во тридцатыхъ.
«Дружина, скаже, моя добрая, храбрая!
«Слушайте большого братца, атамана-то:
«Вейте веревочки шелковыя,
«Становите веревочки во темну лѣсу,
«Стапуйте веревочки по сырой земли,
«И ловите вы кунницъ и лисицъ,
«Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
«И ловите по три дня и по три ночи.»
Слушали большого братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повеленое, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣря.

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ левымъ
звѣремъ (львомъ),
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ кунницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакущихъ зайчешъ,
Малыхъ горностаяшекъ.

И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ
«Дружинишка ты моя добрая, хоробрая!
«Слушайте большого братца, атамана-то:
«Вейте слышишка шелковыя,
«Становите слышишка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ, на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
«И малую птицу пташницу.
«И ловите по три дня и по три ночи.»
И слушали большого брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленое,
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ Науй-
птицей, (*)

Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,

(*) Науй, иначе мѣстн. изъ мѣст. является и въ другихъ произведеніяхъ: въ стихѣ о Егоріи Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

И малую птицу пташницу.

И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
«Возьмите топоры дроворубныя,
«Стройте суденышко дубовое,
«Вѣшайте путевья шелковыя,
«Выѣжайте вы на синю море,
«Ловите рыбу семужинку и бѣлужинку,
«Щученьку и плотиченьку,
«И дорогую рыбку осетринку,
«И ловите по три дня, и по три ночи.»
И слушали большого братца, атамана-то,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ рыбой
щучиной

И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семужинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
Дорогую рыбку осетринку.
И будутъ во градѣ, во Кіевѣ,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ,
«Дружина моя добрая, хоробрая,
«Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
«Провѣдати про думу, про царскую.
«Что царь думы думаетъ,
«Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
«Старого послать,—будетъ долго ждать;
«А середняго послать-то,—винонь запоятъ,
«А малого послать,—заиграется;
«Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малую птичку, пташницей,
Полетѣлъ онъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говорить царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталоповна!
«Я знаю про то, вѣдаю:
«На Руси-то трава растетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
«А видно, Вольги-тѣ живого нѣтъ.»
Гогорять царица Панталоповна:
«Ай же ты, царь, Турецъ-Сантаалъ!
«На Руси трава все растетъ по старому,
«А ночесъ спалось,—во снахъ видѣлось:
«Быль (будто) сподъ восточныхъ, сподъ сто-
ронюшки

Налетѣла птица, малая пташница,
А сподъ западной сподъ сторонюшки
«Налетѣла птица черныи воронъ;
«Слетались они во тѣломъ полѣ,
«Промежду собой подиралися;
«Малая-то птица пташница
«Чернаго ворона повыклевала,
«По перушку она повыщипала
«И на вѣтеръ все повынускала.»
Проговорить царь Турецъ-Сантаалъ:
«Ай же ты, царица Панталоповна!
«А я думаю скоро ѣхать на Святую Русь,
«Возьму я девять городовъ,
«И подарю своихъ девять сыновей,

«Привезу себѣ шубоньку дорогую».
Говорить царица Панталоновна:
«А не взять тебѣ девяти городонъ»,
Проговорить царь Турецъ-Сандаля:
«Ахъ ты старый зортъ!»
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударить онъ по бѣлу лицу,
И повернется.—по другому, (по другой щекѣ)
И кинетъ царицу о кирпичень полѣ,
И кинетъ ю во второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь», и т. д.
Повернулся Вольга сударь Буславичъ
Малымъ горюстаюшкѣмъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добромъ молодцемъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каменныя стрѣлы всѣ повывернулъ,
И у оружей замочки повывернулъ,
Въ бочечкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буславичъ сѣрымъ
волкомъ:

Поскочилъ онъ на конюшенъ-дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга сударь Буславичъ
Малую птичку пташидей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!»
«Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю»
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
«Дружина моя добрая, хоробрая!»
«Станемъ-те теперь полною подъяты!»
Что было надѣлу дорого?
Вострая сабля по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей....

(Пьесы Рыбникова, I, 1—6).

287. Микла Селяниковичъ.

Молодой Вольга Святославовичъ
Со своею дружинишкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (да-
ню).
Выѣхалъ въ раздольище чисто-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратай:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратай поскрипываетъ,
Онѣшники по камешкамъ потчеркиваютъ. (').
Ѣхалъ Вольга до ратай,
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинишкой хороброю,

(') Эта былина записана со словъ крестьян-
на Олонцкой губернии, гдѣ почва, особенно въ вѣ-
которыя времена, совершенно каменистая.

А не могъ онъ до ратай доѣхать.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратай доѣхать.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до набѣда,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратай
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коронья, каменья вывертываетъ,
А великия-то всѣ каменья въ борозду валить;
Кобыла у ратай соловая,
Сошка у ратай кленовая,
Гужики у ратай шелковые,
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помощь, оратаюшко!»
«Орать, да пахать, да крестьянствовать»,
«Съ края въ край бороздки пометывать»,
«Коронья, каменья вывертывать!»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Подитко, Вольга Святославовичъ
«Со своею со дружинишкой хороброю,
«Мнѣ-на надобна Божья помощь крестьянство-
вати»
«Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь дер-
жишь
«Со своею со дружинишкой хороброю?»
—«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
«Ѣду къ городамъ за получкою
«Ко первому городу ко Гурчевцу,
«Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
«Ко третьему городу ко Крестьяновцу.» (').
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославовичъ!
«А недавно я былъ въ городни, третьего дни,
«На своей кобылкѣ соловой,
«Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
«Два мѣха соли, по сороку пудъ.
«И живутъ-то мужики все разбойники,
«Они просятъ грошевъ подорожныхъ;
«А былъ я съ шалыгой (²) подорожною,
«Платилъ имъ гроши подорожные:
«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа ле-
житъ».

Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же оратай, оратаюшко,
«Пойдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повывернулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,

(²) Этими тремя городами пожелавъ. Олега
Владиміръ стольно-княжескій, безъ котораго дѣло не
обходится ни въ одной былинѣ (крѣмъ новгородскихъ)
народная фантазія сдѣлала Олега племянникомъ Вла-
диміра.

(³) Шалыга — то же, что шелепуха: пастырь
съ обязанности пулей, кистень.

Съли на добрыхъ коней, побѣхали.
 Говорить оратай таковы слова:
 «Ай же Вольга Святославовичь!
 «Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 «И не дѣлать—ради прохожаго, проѣзжаго,
 «А дѣлать—ради мужики деревенщины.
 «Какъ бы сошка съ земельки повыдернута,
 «Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнута
 «И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?»
 Молодой Вольга Святославовичь
 Посылаетъ онъ съ дружинишки хорообръ
 Пять молодецъ могучихъ,
 Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
 Пять молодецъ могучихъ
 Прѣхали къ сошкѣ кленовой.
 Они сошку за обжи вокругъ вертять,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
 Молодой Вольга Святославовичь
 Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ;
 Они сошку за обжи вокругъ вертять
 Сошки отъ земли поднять нельзя,
 Посылаетъ онъ всю дружинишку хорообру,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдер-
 нуть.

Подѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Съли на добрыхъ коней, побѣхали.
 Оратай кобылка то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
 У оратай кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрикивать,
 Колпакомъ Волга сталъ помакивать.
 «Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
 «Этая кобылка конькомъ бы была,—
 «За эту кобылку пятьсотъ бы далъ.»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 «Глушый Вольга Святославовичь!
 «Взялъ я кобылку жеребичкомъ сподъ ма-
 тушки

«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей
 «Этая кобылка конькомъ бы была,—
 «За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
 Говорилъ Вольга Святославовичь:
 «Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
 «Какъ то тебя шепомъ зовутъ,
 «Какъ звеличаютъ по отчеству?»
 Говорилъ оратай таковы слова.
 «Ай же, Вольга Святославовичь!
 «А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 «Во скирды складу, домой выволочу,
 «Домой выволочу, я дома выволочу,
 «Драни надеру, да и пива наварю,
 «Пива наварю, да и мужиковъ навою.
 «Станутъ мужички меня покликывать:
 «Молодой Микулушка Сезяниновичь!»

(Писки Рыбников. I, 18—22).

288. Садко богатый

Сначала Садко былъ бѣденъ, да ушелъ онъ иг-
 рать на гуселкахъ яровчатыхъ. Но зотъ три дня
 сразу не зовутъ его съ гуслями на пиръ; Садко
 идетъ къ Ильмень-озеру и начиняетъ играть на бе-
 регу. Изъ воды показывается царь морской, и въ
 награду за удовольствие, доставленное ему игрою
 Садко, предлагаетъ ему биться съ купцами новгород-
 скими о великѣмъ закладѣ, что въ Ильмень водится
 рыба-золотыя перья.

Идетъ Садко отъ озера, зовутъ его съ гуслями
 на пиръ, начиняетъ онъ играть, да хвастаетъ, что
 есть рыба-золотыя перья въ Ильмень-озерѣ. Бьются
 съ нимъ объ закладъ: онъ закладываетъ буйну голо-
 ву, трое купцовъ—каждый по три лавки товара кра-
 сиваго. Закладываетъ Садко лешковъ неводъ, добыва-
 етъ три рыба-золотыя перья, и выпрываетъ де-
 лать завокъ съ товаромъ краснымъ. Начиняетъ Сад-
 ко торговать и плѣтъ къ нему барыши волакъ.

Тогда онъ зоветъ къ себѣ на пиръ Новгород-
 цевъ.

Говорятъ настоятели новгородскіе
 «Что же у насъ Садко ничѣмъ не похваста-
 етъ,

«Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?»

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость

«А чѣмъ нибѣ Садку хвастаться.

«Чѣмъ нибѣ, Садку, похваляться?

«У меня-ль золота казна не тощется,

«Цѣбно платьяце не носятъ,

«Дружина хоробрая не избѣняется,

«А похвастать не похвастать безцѣной зо-
 лотой казною:

«На свою безсметну золоту казну

«Повыкупаю товары новгородскіе,

«Худые товары и добрые.»

Не усаѣлъ онъ слова вымолвить,

Какъ настоятели новгородскіе

Ударилъ о великѣ закладъ,

О денежкахъ тридцати тысячахъ

Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,

Что-бъ въ Новгородѣ товаровъ въ продажѣ
 болѣе было.

Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,

Будилъ свою дружину хорообру,

Безъ счета давалъ золотой казны,

И распущалъ дружану по улицамъ торго-
 вымъ,

А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,

Какъ повыкупилъ товары новгородскіе

На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
 и т. д.

Вдвойнѣ товаровъ привавезено,

На тую на славу на великую Новгородскую.

Опять выкупалъ товары Новгородскіе.

На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
 и т. д.

Втройнѣ товаровъ привавезено,

Подоспѣли товары московскіе

На тую на великую на славу новгородскую.
 Какъ тутъ Садко пораздумался
 «Не выкупить товара со всего бѣда свѣта.
 «Еще повыкуплю товары московскіе,—
 «Подоспѣютъ товары заморскіе.
 «Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,
 «Побогаче меня славный Новгородъ.»
 Провитравъ свой закладъ Садко, да не по чѣмъ
 ему!

На свою безсчетную казну выстроилъ Садко
 тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами, по-
 шлилъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладож-
 ского озера Невомъ въ синее море, продавалъ товары
 новгородскіе и получалъ огромные барыши. На воз-
 вратномъ пути поднимается страшная буря: «мы еще
 никогда не платили дани морскому царю, говорятъ
 Садко, и спускаетъ въ море бочку серебра. Но буря
 не унимается. Тогда бросаютъ жребій, кому быть
 выброшену въ море—явкою данью морскому царю;
 жребій выпадаетъ самому Садко. Онъ ищетъ на ко-
 раблѣ духовную—часть шитья женъ, часть церквей
 Господнимъ, часть вищей братіи. Его сажаетъ на
 доску и спускаютъ съ доски на воду; Садко беретъ
 гусля съ собою. Онъ засматываетъ на доскѣ,

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
 Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
 Сквозь воду увидѣлъ пекучисъ красное сол-
 нышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
 Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ
 Стоитъ палата бѣлокаменная,
 Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменную:
 Сидитъ въ палатѣ царь морской,
 Голоса у царя какъ куча сѣнная.
 «Ай же ты, Садко купецъ, богатый гостя!
 «Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣздивалъ,
 «Мнѣ царю дани не плачивалъ,
 «А нынѣ весь пришелъ ко мнѣ во позароч-
 нахъ.

«Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яров-
 чаты,
 «Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты!»
 Какъ началъ играть Садко въ гусельки яров-
 чаты,
 Какъ началъ плясать царь морской въ синемъ
 морѣ,

Какъ расплясався царь морской.
 Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
 Да игралъ еще Садко и третью,
 А все пляшетъ царь морской въ синемъ
 морѣ,
 Во синемъ морѣ вода восколыбалася,
 Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
 Стало разбивать много кораблей на синемъ
 морѣ,

Стало много гинуть имѣльницѣ,
 Стало много тонуть людей праведныхъ;
 Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можай-
 скому,

Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
 «Ай же ты Садко новгородскій!
 «Волно играть въ гусельники яровчаты!»
 Обернуся—глядитъ Садко Новгородскій:
 Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
 Говорилъ Садко Новгородскій:
 «У меня воля не своя во синемъ морѣ,
 «Приказано играть въ гусельки яровчаты.»
 Говорить старикъ таковы слова:
 «А ты струночки повырывай,
 «А ты шпенечки повыволомай.
 «Скажи—у меня струночекъ не случилось,
 «А шпенечковъ не пригодилось,
 «Не во что больше играть:
 «Приломался гусельки яровчаты.»

Садко исполняетъ приказаніе Николы Можайска-
 го. Тогда царь морской предлагаетъ ему жениться
 въ синемъ морѣ, онъ также, по совету Николы, пе-
 ресматриваетъ въ три пріема до 900 красавицъ и
 выбираетъ въ невесты девятьсотъ-первую. Садко
 празднуетъ свадьбу на днѣ морскомъ, а за ночь Ми-
 кола Можайскій переноситъ его съ женой въ Нов-
 городъ, и онъ изъ благодарности строитъ церковь
 Миколѣ.

(Пѣсни Рыбник. I, 370—380)

О Садкѣ можно читать въ Сѣвернорус. Наро-
 допр. Костомарова.

В. СТАТЬИ ИЗ НОВЫХ СОЧИНЕНИЙ.

289. Торговля въ древней Руси.

Народы, изъ коихъ составлялось государство российское, и до пришествія Варяговъ были уже въ некоторую степень образованы: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, Варяги по описаніи Нестору, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Впрочемъ, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внешней, но мы не имѣемъ никакого историческаго объ этомъ свидѣнія. Первые извѣстія о нашемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ варяжскихъ князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ медовъ и покупали всякія ткани. Звѣрѣяная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоценныхъ мѣховъ, бившихъ, вмѣстѣ съ медовыми, главными предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарию и въ Россію шло тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатая одежда, сукна, сафьяны, переди: къ этимъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествіе российскихъ купцовъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: «Суда ихъ приходятъ въ Царѣградъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кри-

вичи, Лучане и другіе, зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя монокиля (однодеревки), ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ овцы Россіянамъ, которые дѣлаютъ уключины изъ старыхъ лодокъ и веселья. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь российский флотъ въ городѣ Витичевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго и самаго опаснаго, то есть, Неясыти, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скотовъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами, близъ такъ называемаго Крарійскаго перевоза (гдѣ Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, переправляются чрезъ Днѣпръ). Отразивъ силъ разбойниковъ, и доплывъ до острова св. Григорія, Россіане приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности, и до самой рѣки Селпы, которая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ прибить суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Конопъ, Константию, также устье болгарскихъ рѣкъ, Варны и Двианы, достигаютъ Месимвіи, перваго греческаго города.» Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда она для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ имперіею. Они ходили на

судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію. Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ*. Но цареградскіе купцы едва ли ѣздили черезъ пороги днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ. Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, шлѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынешнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество азиатскихъ коней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. Волжскіе Болгары, по сказанію Эвнѣ-Гаукаля, арабскаго географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куніцъ или скинскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ. О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ лѣтописяхъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со времени Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабѣжѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственнымъ руководіемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сія богатая одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ балтійскихъ городахъ находились купцы русскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многоядныя ярмонки, собирались весною моржежскіе и другіе купцы, покупала не-

вольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію странною, изобильною всеми благами, *omnibus bonis affluentem*. Вѣроятно, что великіе князья, слѣдуя примѣру скандинавскихъ владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ вещахъ, нежели въ деньгахъ. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ—что называлось: возить повозъ. Слѣдственно казна изобиловала товарами и могла отпускать ихъ въ чужія земли. Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славилась морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли удерживать. Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы русскіе предъавляли отъ своего князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: тутъ, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море; а послѣ, вмѣстѣ съ другими, приходили свободно грабить въ Царѣградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцовъ отъ разбойниковъ.

(Ист. госуд. рос. Н. М. Карамзина I, стр. 244—49).

290. Объ имуществѣ духовенства.

Значительность владѣній духовенства не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; она

должна была поразить всякого, кому только удавалось прочитывать, или перелистывать наши собранія юридических и исторических актов. Эти владѣнія были чрезвычайно разнообразны и въ рукахъ, нашего духовенства сосредоточивались въ прежнее время, недвижимыя имущества всякаго рода. Въ числѣ этихъ разнообразныхъ имуществъ особаго вниманія, часто по своей многочисленности, частью по прибыльности ихъ для духовенства, заслуживаютъ слѣдующія: 1, *дома, дворы и подворья*, которыми многіе монастыри владѣли въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ торговыхъ пунктахъ. 2, *разныя хозяйственныя строенія и заведенія*: амбары и житницы для хранения монастырскихъ припасовъ и товаровъ, гостинныя дворы, лавки, харчевни и бани, которыми въ прежнія времена, когда духовенству еще дозволялось заниматься торговлей, владѣли въ городахъ и посадахъ духовныя заведенія и лица, мельницы, соляныя варницы и другія сельско-хозяйственныя заведенія. 3, *земли населенныя съ ихъ принадлежностями*, пустоши и перозжия мѣста, лѣса, пожни и сѣнокосы, луга и пастбища, бобровыя и бортныя угодья, озера, рѣки и болота. Для многихъ обителей рыбная ловля составляла исключительное средство содержанія. Кромѣ того изъ духовныхъ заведеній пользовались правомъ производить рыбную ловлю въ чужихъ водахъ и въѣзжать въ княжескіе и частныя лѣса для рубки дровъ. 4, *земли населенныя, села, деревни, почины, слободы, посады и даже города*.

Имущества находились главнымъ образомъ во владѣніи высшихъ сановниковъ духовныхъ и знаменитыхъ монастырей; были также имущества у церквей и у отдельныхъ лицъ бѣлаго и чернаго духовенства. Уваженіе нашихъ предковъ къ плоческой жизни, постриженіе князей и и князя и другихъ богатыхъ лицъ, а равно и построеніе ими монастырей,—

влекло за собою матеріальное обезпеченіе ихъ. Желаніе быть погребеннымъ въ монастырь не оставалось безъ вліянія на его обогащеніе; а уваженіе и довѣренность, которыми пользовались многіе члены монашескаго сословія у князей и частныхъ лицъ, давали первымъ возможность заботиться съ успѣхомъ объ увеличеніи богатства тѣхъ обителей, къ которымъ они принадлежали. Надо замѣтить и то, что для людей, старавшихся обезпечить поминаніе, а сѣбѣ спасеніе своей души, монастыри имѣли особенную важность, п. ч. всего болѣе дѣятельности и силы можно было ожидать отъ такихъ молитвъ, которыя возносились цѣлымъ собраніемъ людей, отказывавшихся отъ міра и часто прославившихся святостью своей жизни. Понятно, что какъ правительство, такъ и частныя лица были гораздо щедрѣе къ обителямъ, прославившимся подвигами своихъ основателей, чистотою жизни ихъ преемниковъ, самою древностію своей,—чѣмъ къ монастырямъ, недавно возникшимъ и малознавшимъ. Нѣкоторые изъ обителей различными услугами, оказанными правительству, приобрѣли себѣ право на особенную благосклонность и щедрость. Наконецъ, къ пожалованію вѣнчанъ извѣстнымъ монастырямъ преимущественно предъ другими, содѣйствовало иногда и то обстоятельство, что монастыри эти основаны были въ честь тѣхъ святыхъ, къ которымъ дарители чувствовали особенное уваженіе и довѣренность.

По вѣнчанъ этимъ причинамъ, въ то самое время, какъ нѣкоторые монастыри владѣли многочисленными вотчинами въ различныхъ областяхъ,—многіе монастыри имѣли едва по сотни крестьянъ, а нѣкоторые, вовсе не получивъ населенныхъ вотчинъ, разрабатывали сами принадлежавшія имъ пустоши, состояли на ругѣ или же содержались добровольными приношеніями мѣстныхъ жителей, находясь въ весь-

ма незавидномъ и крайне бѣдномъ положеніи.

Кромѣ монастырей и домовъ архіерейскихъ, участіе въ поземельномъ владѣніи принимали еще церкви *соборныя и приходскія*. Первые владѣли богатыми вотчинами съ самыхъ древнихъ временъ; а послѣднія рѣдко владѣли землями и еще рѣже населенными. Содержаніе приходскихъ церквей, въ большей части случаевъ, было не обезпечено, и бѣлое духовенство было очень бѣдно. Всѣ виды церковнаго имущества составляли не частную, но общественную собственность духовенства; они принадлежали не лицамъ, но архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ. На ряду съ ними существовали, однакоже, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ, такого рода имущества, которыми владѣли, какъ собственностью отдѣльною, лица бѣлаго и чернаго духовенства. — Недвижимыя имущества духовенства состояли иногда *въ оброчномъ*, а частью *въ помѣстномъ* владѣніи; но бол. частью *въ пожизненномъ* и составляли его *вотчину*, т. е. принадлежали ему на правахъ полной собственности, и ч. жертвователи посвящали свои дары Богу на вѣчныя времена.

Разнообразныя и значительныя привилегіи, которыми пользовалось наше духовенство въ древнее время, не похожи на тѣ преимущества, какія существовали въ Греціи, хотя обычай жертвовать духовенству привлеченъ и перешелъ въ Россію изъ Греціи. Въ Греціи они основывались, по бол. части, на общихъ узаконеніяхъ и распространялись одинаково на все духовенство. Въ Россіи, совершенно напротивъ, основаніемъ имъ служили не обще законы (за исключеніемъ устава о церковныхъ судахъ и ханскихъ ярлыкахъ), а частныя грамоты; сила же ихъ распространялась не на все духовенство, а только на тѣ монастыри и церкви, которымъ они именно были предоставлены.

Самыя права духовенства, по владѣнію недвижимыми имуществами, были весьма разнообразны: часто одинъ монастырь въ одной вотчинѣ пользовался обширными привилегіями, а въ другой не имѣлъ никакихъ. Объемъ правъ зависѣлъ отъ содержанія *жалованныхъ* грамотъ, которыя назывались и *тарханами* ⁽¹⁾; онѣ опредѣляли подробно и точно эти права.

Жалованныя грамоты монгольскихъ хановъ или *ярлыки*, по большей части, заключали въ себѣ слѣдующія привилегіи и льготы: 1, Призваніе свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности всѣхъ зданій и вещей, служившихъ для богослуженія. 2, Общее признаніе неприкосновенности церковныхъ имуществъ и запрещеніе всѣмъ лицамъ, подчиненнымъ ханамъ Золотой орды, нарушать вещественныя права церкви, какимъ бы то ни было образомъ. 3, Освобожденіе духовенства отъ всѣхъ податей и повинностей. 4, Призваніе за митрополитомъ права судить все духовенство и управлять безотчетно церковнымъ имуществомъ. 5, Льгота отъ податей, которая распространяема была въ ярлыкахъ не только на лицъ духовнаго званія, но и на членовъ ихъ семейства, жившихъ съ ними въ одномъ домѣ.

Жалованныя грамоты князей, княгинь и другихъ лицъ давали духовенству слѣдующія права и преимущества: 1, Право призывать на свои земли людей для заселенія. 2, Освобожденіе духовенства и крестьянъ его отъ податей и повинностей. 3, Право вѣщать, вмѣсто правительствъ, извѣстныя подати съ извѣстныхъ лицъ. 4, Особые преимущества относительно порядка взноса податей. 5, Освобожденіе владѣльцевъ духовнаго званія и ихъ приказчиковъ отъ подсудимо-

(1) У Татаръ *тарханами* назывались освобожденные отъ всѣхъ повинностей, жалованные даромъ, и необязанный дѣлиться съ ними полученною на войнѣ добычею.

сти и епископских властей, свѣтскими и духовными. 6, Предоставление владѣльцамъ права суда и расправы надъ людьми, поселенными на ихъ земляхъ. 7, Право имѣть особыхъ приставовъ по суднымъ дѣламъ. 8, Назначение особыхъ сроковъ, въ которые только можно было ихъ призывать къ суду. 9, Освобождение крестьянъ духовнаго вѣдомства отъ законной ответственности за смертные случаи, происшедшіе въ ихъ селахъ. 10, Право монастырей держать собственное пятно для покупки и продажи лошадей и брать за это пошлины. 11, Запрещеніе княжескими чиновниками вѣзжать въ села духовнаго вѣдомства, ставиться въ нихъ и брать насильственно кормы, подводы и проводниковъ. 12, Запрещеніе незваннымъ вѣзжать въ монастырскія села на ширь и братчины. 13, Запрещеніе попрошатамъ и скomorохамъ вѣзжать въ монастырскія села. Кромѣ этихъ существенныхъ привилегій, въ грамотахъ находились и въкоторыя частныя преимущества, которыя предоставлялись монастырямъ по поводу случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Жалованныя грамоты духовныхъ властей, митрополитовъ и архіепископовъ, давались монастырямъ и церквамъ: власти освобождали ихъ отъ податей и повинностей, которыя шли въ пользу епархіальнаго начальства, или освобождали отъ подсудности духовныхъ властей.

Доходы, которые получались духовными властями и монастырями съ ихъ населенныхъ имѣній, съ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, одни имѣли частный характеръ и состояли изъ *оброковъ* и *личныхъ повинностей*, опредѣлявшихся обычаями и договорами, другіе уступлены были государствомъ, а именно: *пошлины судебныя, пятенныя, таможенныя, помѣрные* и проч. Крестьяне обязаны были исполнять всѣ монастырскія издѣлія въ хозяйственномъ и промышленномъ от-

ношеніяхъ. *Расходы* духовенства были двоякаго рода: предметомъ однихъ были частныя пужды временныхъ владѣльцевъ церковнаго имущества; предметомъ другихъ—постоянныя общественныя нужды церкви и государства. Всѣ расходы перваго рода шли на одинъ предметъ, на обезпеченіе содержанія самихъ служителей церкви и ихъ штата и прислуги. Во второмъ случаѣ издержки шли на богослуженіе, сооруженіе, сохраненіе, украшеніе зданій церковныхъ и монастырскихъ, на благотвореніе бѣднымъ нищимъ и на другія пособія народу. Духовенство обязано было доставлять подати и исправлять повинности въ пользу государства, которыя были весьма многочисленны и разнообразны. Такъ оно уплачивало подати, какъ и всѣ владѣльцы имѣній, иногда вносило особый оброкъ въ заштѣ повинностей, отъ которыхъ освобождено было тарханскими грамотами; архіереи и монастыри дѣлали добровольныя приношенія въ пользу правительства; духовенство обязано было ставить даточныхъ людей въ случаѣ войны, доставлять пошлины въ пользу епархіальнаго начальства и т. под. При богатствѣ въ которыхъ духовныхъ заштѣпаніи и при той благоразумной распорядительности, которою отличались въ некоторые изъ архіереевъ и игуменовъ, весьма понятно, что въ монастырской казнѣ оставалась часто, за покрытіемъ всѣхъ пужныхъ издержекъ, лишняя сумма. Суммы эти употреблялись иногда для расходовъ, которые можно назвать производительными и которые имѣли дѣйствительно увеличеніе богатства и доходовъ монастыря или церкви. Сюда могутъ быть отнесены расходы на покупку новыхъ вотчинъ, на содержаніе разныхъ хозяйственныхъ зданій и вообще на поддержаніе и улучшеніе монастырскаго, или церковнаго хозяйства. Вообще доходы превосходили нѣсколько разъ пожертвованія, которыя требовались отъ духовенства въ древнее время.

Въ прохожденіи и быстромъ увеличеніи церковныхъ имуществъ надо видѣть не случайное, но исторически необходимое явление, происшедшее изъ дѣйствительныхъ *потребностей* прежняго общества и вполне соответствовавшее тѣмъ особымъ религиознымъ идеямъ, которыя господствовали въ жизни нашихъ предковъ. Одно объясненіе причинъ, побуждавшихъ князей и народъ древней Руси къ одаренію вотчинами монастырей и церквей, уже достаточно для того, чтобъ оправдать существованіе церковныхъ имуществъ и раскрыть историческую необходимость, а слѣдовательно и разумность этого явленія. Къ тому же самому заключенію приводятъ насъ и разсмотрѣніе тѣхъ особенностей, религиозныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось скопленіе недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и присвоеніе этому сословію обширныхъ вотчинныхъ правъ. Изученіе этихъ послѣдствій показываетъ намъ, что имущества церковныя имѣли свое историческое значеніе, что они въ свое время принесли значительную пользу какъ церкви, такъ и государству, и что въ ихъ существованіи заключалось единственное средство достигнуть многихъ важныхъ и необходимыхъ для тогдашняго общества цѣлей. Во всемъ этомъ мы легко убѣдимся, если только взглянемъ ближе на важнѣйшія изъ послѣдствій, которыми сопровождалось существованіе этихъ имуществъ.

Первое и, безъ сомнѣнія, самое важное, самое благотворное изъ этихъ послѣдствій состояло въ томъ, что церковныя имущества, обезпечивъ содержаніе духовенства, упрочили тѣмъ самымъ существованіе церкви, а слѣдовательно утвердили и самое господство христіанства въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ томъ, что церковныя имущества дѣйствительно содѣйствовали во многомъ достиженію этого важнаго итога:

стоитъ только вспомнить, что распространеніе христіанства въ Россіи было бы не возможно безъ существованія особаго духовнаго сословія, что существованіе этого сословія было бы не возможно, въ свою очередь, безъ назначенія ему особыхъ и достаточныхъ средствъ содержанія, и что, наконецъ, никакихъ другихъ средствъ содержанія, кромѣ недвижимыхъ имуществъ, назначить въ тѣ времена было нельзя, по самому существу первоначальныхъ хозяйственныхъ и финансовыхъ отношеній. Надо вспомнить еще, что доходы съ вѣчинъ, предоставленныхъ во владѣніе служителямъ церкви, доставало не только для безбѣднаго ихъ состоянія, но и для множества другихъ расходовъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ мы уже замѣтили, принадлежало расходамъ на построеніе или украшеніе монастырей, церквей и другихъ богослужебныхъ зданій. Такимъ образомъ недвижимыя имущества, предоставленныя духовенству, обезпечивая его содержаніе и освобождая отъ необходимости списывать себя пропитанію тяжкими трудами, доставляли ему возможность, съ одной стороны, посвящать себя исключительно прямымъ своимъ обязанностямъ, съ другой — распространять постоянно число своихъ членовъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ и господство христовой вѣры. Притомъ назначеніе духовному сословію такого прочнаго и самостоятельнаго источника дохода, каковы были недвижимыя имущества, было важно и въ томъ отношеніи, что ставило служителей церкви въ совершенно независимое положеніе относительно ихъ пастыря, а тѣмъ значительно возвышало въ глазахъ народа ихъ значеніе и вѣсъ. Таковы были прямыя послѣдствія существованія церковныхъ имуществъ! Но косвенныя его послѣдствія были еще значительнѣе, и. ч. они состояли во всѣхъ тѣхъ религиозныхъ и гражданскихъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось въ

Россия, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, утверждение христіанской вѣры. Распространяться о важности этихъ повѣдствій мы считаемъ совершенно безполезнымъ; замѣтимъ только, что церковныя имуществъ непосредственнымъ образомъ содѣйствовали ихъ осуществленію, ибо безъ нихъ, въ первыя времена, и самое существованіе духовнаго сословія было бы невозможно. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что еслибъ не имущества эти, поставившія духовенство съ самаго начала въ безбѣдное и неизмѣнное положеніе, то, безъ сомнѣнія, церковь русская не могла бы ни выполнить съ такимъ успѣхомъ своего религіознаго призванія, ни произвести на смягченіе нравовъ, развитіе просвѣщенія и успѣха гражданственности того благотѣльнаго вліянія, которое производило оно всегда и вездѣ.

Но этого мало. Въ послѣдствіяхъ, нами указанныхъ, заключалось главное, но не единственное назначеніе церковныхъ имуществъ. Существованіе ихъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ принесло несомнѣнную пользу. Такъ, напримеръ, на развитіе и улучшеніе *народнаго хозяйства* эти имуществъ имѣли вліяніе самое благотѣльное, которое можетъ быть отнесено къ числу полезнѣйшихъ послѣдствій ихъ существованія. Духовенству доставляясь по большей части земли пустыя, сѣвранныя тотъ самый видъ, въ которомъ она вышла изъ рукъ природы. При первоначальной неустроенности экономическихъ отношеній, при воцѣвленности на направленіи тогдашняго общества, при отсутствіи личной и вещественной безопасности, — слѣдствіи гражданского нестройства и безпрестанныхъ войнъ, внутреннихъ и внешнихъ, земли эти, по всей вѣроятности, никогда бы не вышли изъ своего первобытнаго состоянія, если бы она не попала въ руки духовенства, которое усердно занялось ихъ заселеніемъ и разработкою. Чѣмъ этому побуждала его

собственная выгода и необходимость извлечь какую—нибудь пользу изъ имущества, которыя сами по себѣ составляли только мертвый, безплодный капиталъ. При томъ владѣльцы духовнаго званія скорѣе всѣхъ другихъ могли взяться за подобное предпріятіе и совершить его съ успѣхомъ: они находились въ этомъ отношеніи въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія сословія. Съ одной стороны, они имѣли несравненно болѣе образованія и были гораздо менѣе отвлекаемы посторонними занятіями, нежели другіе классы народа; съ другой — они спокойнѣе и безопаснѣе другихъ владѣли своими вотчинами, и менѣе всѣхъ терпѣли отъ главнаго бѣдствія тѣхъ временъ, отсутствія личной и вещественной безопасности. Князья, въ своихъ непрерывныхъ раздорахъ, оказывали болѣе пощадъ церковному имуществу, чѣмъ свѣтскому; самые Монголы щадили вотчины духовенства, а отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ и сильныхъ людей монастыри и церкви, вслѣдствіе принадлежащихъ имъ привилегій, скорѣе могли защищаться, нежели частныя люди свѣтскаго званія. Данное духовенству право призывать крестьянъ въ свои вотчины облегчало ему возможность заселенія принадлежавшихъ ему пустошей, а многочисленныя привилегіи, которыя предоставлены были крестьянамъ духовнаго вѣдомства, привлекали къ духовенству множество людей и содѣйствовали къ прочному и постоянному водворенію ихъ на церковныхъ земляхъ. Духовенство вполне понимало выгоды своего положенія и постоянно дѣятельно заботилось о заселеніи и хозяйственной разработкѣ принадлежавшихъ ему пустошей. Невозможно опредѣлять съ точностью количества земель, такимъ образомъ заселенныхъ и разработанныхъ духовенствомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что у насъ точно такъ же, какъ и на западѣ Европы, количество это было весьма значительно, и что

подъ покровомъ монастырей возникло множество богатыхъ селеній и городовъ, на мѣстахъ совершенно пустынныхъ. По словамъ автора «Исторіи рос. іерархіи», монастыри, безирестанно распространяя хозяйство посредствомъ своихъ подданныхъ, обдѣляли и удобряли многія дикія, вустѣ лежавшія, земли и населили оныя людьми; осушали великія болота, прокапывали многія каналы, и, чрезъ сообщеніе оныхъ съ рѣками, прежде другихъ въ Россіи открыли хозяйственное судоходство; лѣса лишніе вычищали, а берегали лучше; пролагали дороги по мѣстамъ непроходимымъ, построили вездѣ на удобнѣйшихъ мѣстахъ мельницы и другіе заводы; выучивали подданныхъ всѣмъ нужнымъ для общежитія мастерствамъ, и имѣли самыхъ лучшихъ во всемъ мастеровъ; раснуждали въ вотчинахъ своихъ наилучшія породы домашнего скота; заводили при своихъ мѣстахъ знатныя торговые сѣзды и ярмарки, отъ чего вкругъ ихъ населялись потомъ цѣлыя посады и города, и обогатились оными» (*). Такая оцѣнка экономическихъ заслугъ монастырей, м. б., нѣсколько преувеличена, но вѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть этого отзыва совершенно справедлива. Исторія сохранила намъ память о многихъ игуменахъ, отличавшихся особою хозяйственною распорядительностію и сдѣлавшихъ чрезвычайно много для развитія народнаго богатства...

Но если на умноженіе народнаго богатства существованіе церковныхъ вотчинъ имѣло вліяніе чрезвычайно благотворное, то, съ другой стороны, вліяніе его на предотвращеніе золь, производимыхъ *народною бѣдностью*, было не менѣе ощутительно. Одна изъ причинъ прежней щедрости къ духовенству заключалась въ

убѣжденіи, что имущество церковное составляетъ собственность бѣдныхъ, и что важнѣйшее назначеніе его заключается въ доставленіи церкви нужныхъ средствъ для дѣйствительнаго благотворенія. Въ большой части случаевъ, духовенство дѣйствительно такимъ образомъ смотрѣло на свои вотчины, и значительную часть доходовъ, съ нихъ получавшихся, употребляло на вспоможеніе бѣднымъ, на учрежденіе челобитколюбивыхъ заведеній. Такимъ образомъ не одно духовенство извлекало пользу изъ своихъ вотчинъ: ими пользовались и бѣдные, участь которыхъ была тѣмъ сноснѣе, чѣмъ богаче надѣляема была вотчинами церковь. Кромѣ духовенства, въ тѣ времена и при тогдашнемъ состояніи общества, никто не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ на поприщѣ общественнаго призванія. Государство первоначально не было въ состояніи заботиться само объ этой важной вѣтви общественнаго благоустройства, и потому даже тѣ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, которыя дѣлаемы были непосредственно правительствомъ, сосредоточивались, обыкновенно, въ рукахъ церкви и находились въ ея завѣдываніи. Самое понятіе о необходимости помогать бѣднымъ и облегчать ихъ участь принесено было къ намъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, духовнымъ сословіемъ, которое постоянно увѣщивало и подвигало, какъ князей, такъ и народъ къ подаянью благотворенія. Надо замѣтить, что духовенство наше помогало не только тѣмъ бѣднымъ, которые были въ совершенной невозможности удовлетворять своимъ нуждамъ и составляли особое сословіе, находившееся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ церкви, «пятавшіеся отъ церкви божіей», но кромѣ того имѣло еще возможность оказывать вспоможенія людямъ всякаго званія, случайно впадавшимъ въ несчастіе. Богатства духовнаго сословія оказывались особенно полезными для всѣхъ разрядовъ народа въ неурожайные годы,

(*) Ист. рос. іерарх. т. II, ст. XVII—XVIII.

при дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ. Полиція народнаго продовольствія въ прежнее время не существовала; средства правительства были слишкомъ ничтожны, чтобы пособить злу; и только одно духовенство, получавшее огромное количество хлѣбныхъ запасовъ съ своихъ вотчинъ и хранившее ихъ въ своихъ житницахъ, могло въ этихъ случаяхъ оказывать нужную помощь. Оно действительно оказывало ее, продавая свой избытокъ за дешевую цѣну, или даже раздѣляя его безденежно между всѣми нуждающимися.

Кромѣ религіознаго и хозяйственнаго назначенія церковныхъ имуществъ, они имѣли еще назначеніе *политическое*, которому также вполне удовлетворяли. Другими словами, кромѣ церкви и народа, государство, или выражаясь точнѣе—правительство извлекало также изъ ихъ существованія многоразличную пользу. Во 1, существованіе этихъ имуществъ значительно облегчало финансовое положеніе правительства, освобождая его отъ обязанности жертвовать свои доходы на поддержаніе духовенства, на пріобрѣтеніе бѣдныхъ, на прокормленіе народа во время голода. Въ особенности необходимость поддерживать духовенство на счетъ казны, необходимость тяжкая и для современныхъ благоустроенныхъ правительствъ, въ тѣ времена, при младенческомъ неустроенномъ состояніи государственнаго хозяйства, могла бы совершенно подавить средства князей и разстроить всю экономію тогдашняго финансоваго быта. Во 2, правительство выигрывало в. много отъ заселенія и разработки монастырями земель пустыхъ, которыя, въ первоначальномъ ихъ видѣ, не приносили и не могли приносить казны никакого дохода, никакой выгоды. Въ 3, не смотря на освобожденіе крестьянъ, большой части духовныхъ заведеній отъ податей и повинностей, — правительство извлекало положительную финансовую вы-

году изъ существованія обширныхъ церковныхъ имуществъ, п. ч. во всѣхъ особенныхъ случаяхъ, и преимущественно въ военное время, получало нужныя ему пособія отъ монастырей, которые имѣли всегда значительные и свободные капиталы и употребляли ихъ часто добровольно, или по необходимости для содѣйствія государственными цѣлями. Наконецъ въ 4-хъ, князья извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ и чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать,—держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и *влиятельныхъ* сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе, составлявшее въ прежнія времена главную ихъ опору, присоединяло къ своему нравственному могуществу материальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и съ вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, вел. князья московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства; и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ искренно и въ тоже время такъ могущественно, если бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами московскихъ князей, а съ другой—не увеличивало бы вліянія его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ, вел. князьямъ московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единодержавія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ князей мо-

сковскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было приобрести отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно при существованіи удѣловъ, съ одной стороны духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а съ другой — удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ вел. князья, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстныхъ владѣльцевъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе вел. князей московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаци, — именно потому, что тамъ покровительство моск. князей и м-та имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разбѣяность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княжествамъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалось не только неудобствами въ управленіи, но и болѣею трудностью въ сохраненіи приобретенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находявшихся въ другомъ удѣлѣ, и т. е. въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. Но всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревниво желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая оттого многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впоследствии для него возникли именно изъ этого сосредоточенія.

Исчисляя разнаго рода выгоды, полученные государствомъ, церковью и народомъ отъ существованія церковныхъ имуществъ, мы имѣли въ виду доказать, что имущества эти имѣли свое историческое назначеніе, котораго онѣ вполнѣ достигли. Но, съ теченіемъ времени, вотчины духовенства постигла та же самая участь, какая, по общему историческому закону, постигаетъ всякое учрежденіе, теряющее свою необходимость и переставшее находить оправданіе своего бытія въ дѣйствительныхъ потребностяхъ народа или государства. Чѣмъ болѣе устроивалось русское общество, чѣмъ болѣе приобретало силы и вліянія правительство, тѣмъ слабѣе становилась та польза, которую приносили земельныя богатства церкви, тѣмъ менѣе чувствовали необходимость въ ихъ существованіи. Правительство сдѣлалось мало по малу способнымъ къ удовлетворенію многимъ нуждамъ, поочередно о которыхъ возлагалось прежде на самое духовенство. Така, напр., съ теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія и лучшаго устройства финансовъ отношеній, исчезла прежняя невозможность казны обезпечивать собственными средствами издержки содержанія духовенства и вспоможенія бѣднымъ. Съ другой стороны, политическія соображенія требовали сосредоточенія той и другой вѣсти администраціи въ рукахъ самаго правительства. Польза, которую оказывала обширность церковныхъ владѣній, связывая интересы духовенства съ интересами моск. князей и побуждая первое стоять на сторонѣ послѣднихъ, въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями, также уничтожилась съ той минутой, какъ уничтожались самые удѣлы, и вел. князь московскій сдѣлался единственнымъ и полнымъ владѣтелемъ всей Россіи. Так. обр. прежнее историческое значеніе церков. имуществъ стало уменьшаться мало по малу

по мѣрѣ измѣненій, происходившихъ въ обстоятельствахъ, правахъ и учрежденіяхъ. Съ теченіемъ времени они перестали доставлять тѣ выгоды, какия доставляли прежде, и въ тоже время стали вести къ очевиднымъ и значительнымъ неудобствамъ; существовавшее ихъ стало оказываться не только бесполезнымъ, но и положительно вреднымъ, — вреднымъ и для самого духовенства, и для всѣхъ другихъ сословій, и наконецъ для правительства, какъ представителя общаго государственнаго интереса. Сознаніе этихъ вредныхъ послѣдствій и желаніе пресѣчь ихъ въ самомъ корнѣ и послужило главною причиною появленія мысли *секуляризации* и происшедшей, вследствие того, перемѣны въ отношеніяхъ нашего правительства къ имѣніямъ и правамъ духовнаго сословія.

Мы сказали, что скопленіе значительнаго количества недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей и церквей стало съ теченіемъ времени оказываться вреднымъ для самаго духовенства. Оправдать это замѣчаніе не трудно. Во 1-хъ, надѣлы церкви недвижимыми имуществами, если разсматривать его какъ особую систему содержанія духовенства, вмѣстѣ со многими выгодами, представлялъ и многія неудобства. Главное изъ этихъ неудобствъ заключалось въ томъ, что при такой системѣ не все духовенство было обезпечено относительно хозяйственнаго своего быта. Недвижимыя имущества распределялись между различными сословіями духовенства вѣсно, церковно; иначе и быть не могло, п. ч. распределение дѣлалось не на основаніи какихъ-либо правилъ, а совершенно случайнымъ обр.: оно зависѣло отъ произвола и наклонностей владѣльцевъ, которые одаряли однихъ духовныхъ заведенія, а не другихъ, единственно по своимъ личнымъ соображеніямъ. Притомъ, вследствие общаго и вѣснаго, естественнаго стремленія къ одаренію наиболѣе знаме-

нитыхъ обителей, — послѣдніе, и безъ того уже богатые, обогащались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, тогда какъ другіе монастыри, не успѣвши приобрести себѣ особенной извѣстности, оставались постоянно въ бѣдности и вѣсколько не улучшали своего положенія. Другое, не менѣе важное, неудобство этой системы заключалось въ томъ, что владѣнія недвижимыми имуществами, налагая на духовенство множество разнаго рода обязанностей по управленію, хозяйству и суду, заставляло его пренебрегать своимъ высшимъ религіозно-нравственнымъ призваніемъ и вовлекало его не только въ многосложный міръ житейскихъ заботъ, но и въ безчисленныя распри и тяжбы съ нарушителями его правъ. Въ особенности затруднительна была для монастырей обязанность содержать въ постоянномъ повиновеніи крестьянъ своихъ, которые, вследствие самой слабости монастырскаго управленія, прибѣгали в. часто къ насилию, буйствамъ и даже совершеннымъ возстаніямъ. Этому рода неудобства признаетъ и авторъ «Исторіи Рос. Іер.», по словамъ котораго «монастырскія владѣнія приносили особенную пользу государству, но самимъ монастырямъ всѣ ихъ имѣнія и вотчины гораздо меньше были полезны по всѣмъ отношеніямъ. Попеченіе объ имѣніяхъ естественно должно было отвлекать отъ существенныхъ ихъ обязанностей и удалять отъ самыхъ монастырей иногда на долгое время, чрезъ что нерѣдко и въ самыхъ начальныхъ случаяхъ ослабѣвало попеченіе о монастыряхъ. Вотчинныя права неминуемо вовлекали ихъ въ тяжбы съ соседними владѣльцами, часто съ насильемъ оторвавшись въ монастырскія владѣнія... Самые успѣхи ихъ въ хозяйствѣ и тицаніемъ приобретаемое изобиліе возбуждали въ прочихъ зависть и алчность, такъ что на послѣдокъ вотчиннымъ монастырямъ надлежало кормить и довольствовать не одну

уже свою братію, нищих и сиротъ, но всѣхъ прѣзжихъ, а особливо властей духовныхъ, земскихъ и областныхъ, которые не отрицаемо требовали кормовъ, подводъ, даровъ, посуловъ и другихъ многихъ поборовъ, коихъ одно исчисленіе можетъ составить длинную роспись» (т. II, ст. XXII—XXIII). Къ этому надо прибавить, что недвижимыя имущества могла обезпечивать содержаніе духовенства и вообще удовлетворять своему назначенію только въ томъ случаѣ, когда управленіе ими совершалось по всѣмъ правиламъ бдительнаго и благоразумнаго хозяйства. Мы уже замѣтили, что этому условію удовлетворяли многие игумены, отличавшіеся своей хозяйственной распорядительностью; но правило это не было общимъ, и во многихъ монастыряхъ, особенно въ позднѣйшее время, въ управленіи вотчинными допускаемы были не только небрежность и нерадѣе, но даже многочисленныя и весьма важныя злоупотребленія. Нѣкоторые игумены все мало заботились о поддержаніи и улучшеніи монастырскаго хозяйства; другіе употребляли въ-речное паче имущество для своей личной пользы, часто даже разоряли и расхищали его.

Но изъ всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія имѣла для духовенства обширность его земельныхъ владѣній, самымъ невыгоднымъ было, безъ сомнѣнія, то вредное вліяніе, которое произвели, съ теченіемъ времени, богатства духовенства на нравственность этого сословія. Развивая въ людяхъ духовнаго званія многочисленныя потребности и привязанность къ житейскимъ благамъ, приучая ихъ къ матеріальному благосостоянію и даже къ роскоши, возбуждая въ нихъ духъ корыстолюбія и страсть къ приобрѣтенію, богатства эти принесли духовенству болѣе вреда въ нравств. отношеніи, чѣмъ пользы въ матеріальномъ. Само собою разумѣется, что не все ду-

ховное сословіе подверглось въ одинаковой степени вліяніямъ этого рода; можно сказать даже, что наибольшая часть его умѣла, не смотря на всѣ искушенія, сохранить въ неизмѣненности и усердіе свое къ вѣрѣ, в духъ строгаго подвижничества, и безукорызненную святость жизни. Тѣмъ не менѣе справедливо, что во многихъ монастыряхъ, и преимущественно въ монастыряхъ богатыхъ, съ теченіемъ времени, начали обнаруживаться явныя уклоненія отъ первоначальной строгости и чистоты нравовъ. Такого рода уклоненія стали появляться даже довр. рано. «Долгъ справедливости требуетъ сознаться, говорить арх. Макарій, что и тогда (т. е. въ періодъ до монгольскій), какъ во всякое другое время, на грѣшной землѣ между пшеницей божіей росли и плевелы». Подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить, между прочимъ, свидѣтельство и та Іоанна, пророка Христова, о нравахъ духовенства въ XII стол. (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что чрезмѣрное обогащеніе многихъ духовныхъ заведеній было одною изъ важнѣйшихъ причинъ нравственнаго ихъ упадка; сами современники приписывали именно этой причинѣ печальныя явленія, которыя они описывали. Несторъ уже въ XI ст., говоря о монастырѣ св. Димитрія, построенномъ и обогащенномъ в. кн. Изяславомъ, прибавлялъ: «мнози мнастыри отъ князь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть таци (такіе), каки суть поставлены слезами, пошеніемъ, молитвою, бдѣніемъ». Позднѣйшіе писатели, какъ, напр., Максимъ Грекъ, Вассіанъ, Курбскій и самъ Іоаннъ IV, также смотрѣли на излишнее богатство монастырей, какъ на главный источникъ постепенной нравственной ихъ

(1) Рус. Дост. I, 100—101. Ср. тамъ же стр. 95, 98, 102, 103, 116, 117. См. №

порчи. Само духовенство жаловалось на нравственный вред, приносимый излиянием богатствомъ, и не благопріятно смотрѣло на постоянное накопленіе недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно посланіе м-та Кипріяна игумену Аѳанасію (1390—1405), въ отвѣтъ на предложенные послѣднимъ вопросы. Въ посланіи этомъ сказано, между прочимъ: А еже села и люди держати якокомъ, не предано есть св. отци; како можно, иже единого міра и мірскихъ отрешемусь, пакы мірскими дѣлы обязоватися, и аже разора, пакы съзидовати, по апостолу, и преступника себе съставляти? И древніи отци ниже селъ стяжали, ниже богатства и стяжанія, якоже св. Пахомій и св. Феодосій общежителі, и св. Герасимъ, и мнози мнози святіи въ Палестинѣ и въ той самой Синайской горѣ, и въ Раифу, и въ Святой горѣ, юже и самъ азъ видѣхъ; но еже послѣдѣ по малу въ расслабленіе приде вещь, и начашѣ монастырь тѣ и скиты держати села и стяжанія. Должно есть велико соблюденіе и опасеніе держати. Ты жъ вопрошаеши мене о селѣ, еже ти князь въ монастырь далъ есть, о немъ же како или что сътворити? Слыши же отъ меня отвѣтъ и пріими мой совѣтъ: аще убо уповаеши на Бога съ своею братією, и даже донынѣ Богъ препитаеъ есть васъ и кроми селъ, и напередъ препитаеъ, —почто обязоватися попеченіемъ мірскимъ. И внигда бы Бога поманути, тому единому послужити, тогда о селѣхъ поминати и о мірскихъ попеченіяхъ. Смотри же и се, яко внигда же черпецъ кромѣ есть всякаго попеченія мірскаго, тогда есть съ всеми міряны, и вси чловѣцы любятъ и честь дають ему; егда же обяжется селы и мірскими попеченіями, тогда потреба и къ княземъ ходити, и къ властелямъ, и судилища искати, и стояти за обидимыхъ, и сваритись, и смиритись, и нехотя къ

всякому чловѣчку, еже не вдатъ въ обиду своихъ людей, трудъ великъ поднимати и правила своего оставлятися. А еже сего страшайши, яко повнегда чернцемъ начаты селы властвовать, и мужамъ и женамъ судити, часто хожденія въ нихъ творити и о нихъ печаловатися: чимъ мірянина различни сѣтъ? Чернцемъ же съ женами общатись и бесѣды съ ними творити, бѣдно есть. Но аще бы можно, сяде быти селу подъ монастыремъ, еже николи же чернцу не быти въ немъ, но мірянину нѣкому богобоязливому приказати, и тому печаловатися бы о псякихъ дѣлахъ; въ монастырь же бы готовое провозилъ житиѣ и нынѣ потребамъ: зане же пагуба чернцемъ селы владѣти и тамо частая происхожденія творити. (А. Истор. I, № 253, стр. 480).

Сдѣлавшись, съ теченіемъ времени, невыгоднымъ для самаго духовенства, существованіе церквей, имуществъ было еще невыгоднѣе для всѣхъ прочихъ состояній. Неотчуждаемость всѣхъ вотчинъ, доставшихся церкви, была важнымъ препятствіемъ для лицъ другихъ сословій къ приобрѣтенію земельной собственности и къ свободному переходу ея изъ однихъ рукъ въ другія. Въ этомъ отношеніи существованіе церк. имуществъ оказывалось невыгоднымъ не только для тѣхъ, которымъ оно затрудняло приобрѣтеніе земель, но и для всего народнаго хозяйства; для разряда служилаго, для котораго главнымъ средствомъ содержанія служили помѣстья, постоянное пожалованіе казенныхъ земель духовенству было также чрезвычайно невыгодно: оно уменьшало число земель, которыя могли быть отданы въ помѣстья, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшало и самое число лицъ, которыя могли быть обезпечены этимъ способомъ. Дареніе вотчинъ духовенству частными людьми возбуждало обыкновенно неудовольствіе въ родственникахъ дарителей, ибо соединилось всегда съ большимъ или меньшимъ нарушеніемъ

ихъ наследственныхъ притязаній; предоставленное же имъ право выкупать имущество, отданное въ монастыри *по души*, не совсемъ удовлетворяло ихъ желаніямъ и не вполне вознаграждало за вредъ, который приносили имъ подобныя отдачи. Въ особенности существованіе обширныхъ привилегій, соединявшихся для духовенства съ владѣніемъ недвижимыми имуществами, казалось тягостнымъ для всѣхъ прочихъ состояній. Вслѣдствіе освобожденія бол. части монастырскихъ вотчинъ отъ податей и повинностей, вся тяжесть послѣднихъ обрушивалась на другіе классы народа. Наконецъ для низшаго дворянства существованіе обширныхъ церк. имуществъ было особенно невыгодно потому, что при множествѣ привилегій, которыми пользовались люди, поселенные на земляхъ духовенства, крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ часто переходили, или перебѣгали въ вотчины монастырскія. По всѣмъ этимъ причинамъ, уничтоженіе или ограниченіе вотчинныхъ правъ духовенства находило сильное сочувствіе во всѣхъ другихъ состояніяхъ, а особенно въ нашемъ дворянствѣ и въ городскихъ обывателяхъ.

Можно было бы подумать, что распространеніе вотчинныхъ правъ духовенства, вредное для всѣхъ почти народныхъ состояній, было по крайней-мѣрѣ выгодно для одного изъ нихъ, именно—для крестьянъ, подвѣдомственныхъ духовенству и жившихъ на его земляхъ. Дѣйствительно, многочисленныя привилегіи, которыми пользовались эти крестьяне, побуждали многихъ людей, жившихъ на земляхъ людей свѣтскаго званія, переходить или перебѣгать въ вотчины монастырскія. Въ особенности освобожденіе бол. части крестьянъ духов. вѣдомства отъ податей и повинностей государств. составляло такую значительную выгоду, которая повидимому могла одна противодѣйствовать всѣмъ другимъ возможнымъ неудобствамъ. Но вгля-

дываясь пристальнѣе въ бытъ монастырскихъ крестьянъ, мы легко убѣдимся, что участь ихъ, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, была вовсе не такъ блистательна, какъ представляется съ перваго взгляда. Освобожденіе ихъ отъ государственныхъ податей не всегда обращалось въ ихъ пользу: по бол. части пользу изъ этого извлекали сами монастыри, которымъ такое освобожденіе давало возможность увеличивать тѣ оброки и повинности, которые вносили они съ своихъ крестьянъ. Оброки эти были многоразличны и значительны; сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, которые получались монастырями, также какъ и остальныя земельными владѣльцами, первые вносили еще съ своихъ крестьянъ такія пощлины, которыя въ обыкновенномъ порядкѣ вносились были въ пользу самаго государства. Так. обр. крестьяне монастырскіе почти ничего не выигрывали отъ предоставленныхъ имъ льготъ: подати, которыя уплачивались другими въ пользу государства, вносились ими въ пользу монастыря. Съ теченіемъ времени участь ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалась еще невыгоднѣе: государство мало по малу стало уничтожать предоставленные имъ прежде привилегіи, тогда какъ монастыри не только не уменьшали, вслѣдствіе этого, оброковъ и повинностей, которыя вносили въ свою пользу. Количество послѣднихъ даже постоянно возрастало, вѣдѣсь съ постояннымъ увеличеніемъ состава монастырей, нужды духовенства и привязанности его къ мірскимъ благамъ. Судебныя привилегіи, которыми пользовались крестьяне духов. вѣдомства, представляли также, вѣдѣсь съ значительными выгодами, и столь же значительныя неудобства. Освобождая крестьянъ отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ, они въ тоже время ставили ихъ въ полную, безусловную зависимость отъ монастырей, противъ которыхъ они

уже не могли найти ни суда, ни защиты. Многосложная система управления монастырей, вотчинная представлялась также тягостною для крестьянъ: она налагала на нихъ обязанность содержать значительное число управителей, которые, вслѣдствіе господствовавшей системы кормления, думали только о томъ, чтобы извлечь изъ своего управления какъ можно болѣе личной выгоды, а для достиженія этой цѣли не колебались прибѣгать ко всякаго рода притѣсненіямъ и несправедливостямъ.

Если какъ духовенство, такъ и всѣ прочія народныя состоянія терпѣли значительный вредъ отъ излишняго распространения вотчинныхъ правъ церкви, то понятно, что и для самаго правительственна существовавшій порядокъ вещей не могъ оказываться выгоднымъ. Правительство не могло равнодушно смотрѣть на крайне-неравномерное распределение богатствъ между отдѣльными разрядами духовнаго сословія, на злоупотребленія, происходившія въ управленіи монастырей, вогнпшамъ, и на уклоненіе значительной части духовенства отъ первоначальной чистоты его правотъ. Съ другой стороны, будучи представителемъ и высшимъ выраженіемъ всѣхъ народныхъ интересовъ, правительство не могло оставлять безъ вниманія жалобы всѣхъ другихъ состояній народа, и вредъ для нихъ происходившій отъ чрезвычайнаго обогащенія духовенства. Въ особенности недостатокъ земель для раздачи въ помѣстья служилымъ людямъ былъ невыгоденъ не только для послѣднихъ, но и для всего государства, для котораго обезпеченіе служилого сословія было однимъ изъ первостепенныхъ и важнѣйшихъ интересовъ. Попеченіе церкви о прирѣткѣ общественномъ не могло уже имѣть ни большаго значенія, ни успѣха: существованіе прислуги приносило казны очевидный и значительный убытокъ. Все это объясняетъ и оправды-

ваетъ возникшее при Іоаннѣ III стремленіе къ уничтоженію вотчинныхъ правъ духовенства и къ обращенію въ казну многочисленныхъ его владѣній.

(Изъ соч. Вл. Милютина Чт. общ. ист. 1860 и 1861).

291. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ.

Вся земля, какъ городская такъ и уѣздная, въ Московской сторонѣ (какъ и въ другихъ краяхъ Руси) не составляло собственности князя, но или принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ, или была въ отчужденіи владѣній частныхъ лицъ, которыя могли ее дарить, продавать, завѣщавать и закладывать. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты московскихъ князей: такъ въ первой же грамотѣ Івана Даниловича Калиты мы находимъ рѣзкое отлчіе земель, принадлежащихъ Москвѣ, т. е. московской общинѣ или государству, отъ поземельной собственности князя; первая онъ называетъ *волостями*, а княжью поземельную собственность отлчаетъ названіемъ *селъ*. Въ волостяхъ князь имѣлъ только право суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ ихъ продавать и мѣнять на села другихъ собственниковъ, закладывать и жаловать ими своихъ бояръ, населять ихъ своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами и дѣлать отъ нихъ различныя хозяйственныя распоряженія. Села, составляющія собственность князя, частію можетъ быть были уступлены ему при первоначальномъ условіи съ городскою общиною, по которому по-

свѣдѣнія признала его власть надъ собою, а частію пріобрѣтены покупкою и мѣною у частныхъ собственниковъ, или достались за вику отъ княжескихъ слугъ, на что прямо указываютъ всѣ княжескія грамоты. Такъ Калита въ своей духовной говоритъ: «что если купилъ село Петровское, и Олексинское, и Павловское на Масѣ, а половину есмь сѣнилъ съ митрополитомъ, а селѣца на Масѣ, что есмь купилъ у Аѳинѣя, то даю сыну моему Ивану»; или въ духовной грамотѣ в. кн. Василья Васильевича Темнаго сказано: «Да что ми дала Настасья Федорова Андреевича село Мячково съ деревнями въ куплю, а держати ей за собою до своего живота; да что ми дало дочь ел Орика Олексѣева жена Игнатѣвича свои села на рѣцѣ на Москвѣ въ куплю до своего живота, и тѣ села Настасьяны и Оринины опослѣ ихъ живота моей княгини; а княгиня моя по моимъ купчимъ грамотамъ отдалъ имъ пѣну за тѣ села по ихъ душѣ, кому они признають опослѣ своего живота». Это стараніе князей, пріобрѣтать поземельную собственность покупкою, прямо показываетъ, что земля вообще принадлежала государству и не составляла собственности княжеской власти. И не только въ уѣздахъ, но и въ самыхъ городахъ князья владѣли опредѣленными участками земли и, желая увеличить свою поземельную собственность, должны были пріобрѣтать или покупкою, или другими какими сдѣлками съ частными землевладѣльцами; на это указываетъ та же грамота Василья Вас. Темнаго, въ ней сказано: «да даю сыну моему Юрью, чѣмъ его благословила моя мати... Семчинскимъ селомъ у Москвы и съ двора городскими и Самсоновымъ лугомъ, и своимъ прикупомъ селцомъ Воробьевымъ и съ Семеновскимъ въ деревнямъ»; или далѣе говоря о князѣ Борисѣ Васильевичѣ: «Да у Москвы село Шерапово съ деревнями, да лугъ на рѣцѣ на Москвѣ подъ Крутицею, да что ему

дала Марья Федорова Голтаева дворъ свой внутри города на Москвѣ, ино то его и есть». Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ князь, какъ собственникъ, владелъ только нѣкоторыми частями земли, которыя или были ему уступлены народомъ при первоначальномъ съ нимъ условіи, или пріобрѣтены покупкою у частныхъ лицъ, или другими какими сдѣлками, въ которыя по сему назывались собственно *княжими селами* или *подклещными*, а погомъ *дворцовыми*. Но кромѣ того были земли собственно государственныя, извѣстныя подъ названіемъ *черныхъ волостей*; потомъ земли вотчинныя, составлявшія частную собственность или бояръ, или епископа, или монастырей и церквей; и наконецъ *помѣстныя*, которыя давались князьями служилымъ людямъ вмѣсто жалованья на время службы; эта дача помѣстій сперва производилась только изъ дворцовыхъ или княжихъ селъ и деревень, но потомъ, при болѣе развитіи княжеской власти и при слятій княжеской дружинной службы съ службою земскою или государственною, въ помѣстья не рѣдко назначались, въ черныя земли, особенно изъ вновь завоеванныхъ или изъ дикихъ полей.

Различныя основанія владѣнія поземельною собственностію влекли за собою различныя отношенія владѣльцевъ и разныя права и обязанности, сопряженныя съ тѣмъ или другимъ владѣніемъ; а это различіе отношеній правъ и обязанностей имѣло если не исключительное, то по крайней мѣрѣ преимущественное и сильнѣйшее влияние на все послѣдующее развитіе государственнаго устройства въ московскихъ владѣніяхъ и характеризовало всю внутреннюю исторію московскаго государства, а по сему служить единственнымъ объясненіемъ для многихъ явленій въ нашей исторіи, которыя съ перваго взгляда кажутся непонятными и безпричинными.

Черныя земли, какъ въ Москвѣ, такъ

и во многих других городах Руси, составляли ту неизбежную постоянную основу, ту точку опоры, на которой создавалось и утверждалось государство; въ нихъ заключалось зерно государственной самостоятельности и благодѣтельнаго ограждения противъ конечнаго раздробленія владѣній, котораго не могла даже подавить удѣльная система, грозившая Руси соперничаніемъ раздѣленіемъ. Владѣніе черными землями, сообщившее имъ такой важный государственный характеръ, какъ въ началѣ, такъ и во все продолженіе московской исторіи, было чисто общинное; черныя земли въ полномъ смыслѣ слова были землями государственными, и частныя лица ни подъ какими видомъ не могли приобретать ихъ въ свою полную собственность; одни только общины могли располагать ими, но и то безъ права отчужденія; даже сами князья или государи московскіе не посягали на ихъ неприкосновенность и во всѣхъ доходахъ съ другими князьями исключали всякое посягательство на эту неотъемлемую собственность государства. Такъ въ договорной грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича Донскаго со к. Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 году, сказано: «А сель ти не купиши въ шось удѣль, яя въ великомъ княжествѣ, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ боярамъ. А хто будетъ покупалъ земли даиные служники или черныхъ людей, по отца моего животи по князи Великаго Ивановъ; а тѣ хто возможитъ выкупити, ино выкупитъ; а не возмогутъ выкупити, ино потянутъ къ чернымъ людямъ; а хто невсхоцетъ тпнути, ино ся земля съступятъ, а земля чернымъ людямъ даромъ. (См. *Духовн. грам. з. кн. Ивана Даниловича 1328, и договорную Вас. Темнаго 1435*). Таковая неприкосновенность черныхъ земель исключала ихъ отъ всякаго произвола, такъ что государь первоначально не имѣлъ права назначать ихъ даже въ пожизненное

владѣніе своимъ боярамъ. Такимъ образомъ черныя земли рѣшительно зависѣли отъ однихъ общинъ, князь же на нихъ имѣлъ только право суда и дани. Даже и на судѣ наместникъ княжескій или волостель, или присланный княземъ судья не внаѣ могъ производить судъ, какъ при посредствѣ судныхъ мужей, которые избирались общиною изъ лучшихъ людей волости, и отвѣтствовали въ правдѣ и неправдѣ не передъ княземъ, а передъ общиною, которая ихъ избрала. Отвѣстельно дани въ черныхъ волостяхъ князь только пользовался судными пошлинами, извѣстными подъ названіями *присуда, головищины, праваго десятка и присуда*, волостелевымъ или наместничьимъ и его служебныхъ людей кормомъ, и наконецъ собственно данью, которая собиралась княжскими данщиками весной и осенью и потому называлась *яничною и осенною*, также оброками съ разныхъ угодій, съ мельницъ, рыбныхъ ловель, саловарень, бобровыхъ гоней и проч., и наконецъ ямскими деньгами, выходомъ или татарщиною, запросомъ и прижѣтомъ, собственно податями, собираемыми первоначально въ пользу Татаръ, а по уничтоженіи татарскаго ига, перешедшими въ казну княжескую; всѣ уже прочіе доходы, поборы и повинности, взимаемые съ черныхъ волостей, принадлежали государству, а не князю: таковы были посошнина, городовое дѣло, мостовщина и многія другія, которыя раскладывались на выти и тягла по мірскимъ разрубамъ и разметамъ, по разсужденію всѣхъ волостныхъ или общинныхъ людей сообща, безъ вмѣшательства со стороны князя или его наместниковъ и волостелей.

Такой характеръ черныхъ земель государя московскіе старались поддерживать до совершеннаго соединенія съ Москвою всѣхъ русскихъ владѣній.

Вотчинныя земли составляли частную собственность своихъ владѣльцевъ;

хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію; а по смерти его она переходила къ законнымъ его наследникамъ, изъ рода въ родъ, если онъ, при жизни, не сдѣлалъ особеннаго на счетъ ея распоряженія. Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, были неприкосновенны со стороны государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ расчетовъ вотчинника, изъ чего вытекали слѣдующіи ограниченія правъ собственника: 1. Владѣлецъ вотчины не могъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какими бы то ни было образомъ въ пользу лица проживающаго, или состоящаго на службѣ въ другомъ княжествѣ, а не въ московскомъ; это право московскаго государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждалось всѣми договорами, грамотами московскихъ государей съ другими князьями. Такъ въ договорѣ в. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года сказано: «а селѣти не купиши въ моемъ удѣлѣ, ни въ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. ... Впрочемъ такое право государства на вотчины смягчалось властію князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ, не состоящимъ на службѣ въ Московскомъ государствѣ..... 2. Владѣлецъ вотчины, переходя въ службу другаго князя, не могъ переносить права на эту вотчину къ своему новому государю... 3. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непремѣнно былъ въ вѣдѣніи того государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: «а судомъ и данью по-тянуты и по землѣ и по водѣ», какъ вы-

ражались древніе московскіе официальные памятники.... 4. Въѣстъ съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ государь территоріи могъ требовать отъ вотчинниковъ военной службы въ пользу территоріи; это право сначала простиралось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ... Но, вносльдствіи времени, это право ограничивалось только требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ, служащій другому князю, во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался сочувствовать тому князю, которому служилъ, а не тому, въ чьемъ владѣніи его вотчина. «А хто которому князю, служить, гдѣ бы ни былъ полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туго съестъ», какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей съ 1403 г.

Какъ между землями, принадлежащими нераздѣльно цѣлой общинѣ, первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы не знаемъ, да и не можетъ знать, ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни официальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ; всѣ же догадки и умозаключенія а priori ни къ чему не поведутъ, и только запугаютъ дѣло; а посему этотъ вопросъ, при всей его важности, невольно должно оставить безъ рѣшенія. И только можно сказать одно, что вотчинная земля въ Московскомъ краѣ были еще до водворенія тамъ князей Всеволодова дома, ибо первые московскіе князья не только не давали вотчинъ своимъ боярамъ, но даже сами старались, сколько можно болѣе, скушать и приобрѣтать ихъ у племенныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей, чему служатъ свидѣтельствомъ

всѣ почти духовныя грамоты московскихъ князей... Князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того не были ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и конечно поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть, хотя не ясныя, намеки во многихъ древнихъ княжескихъ грамотахъ. Такъ на примѣръ въ духовной грамотѣ князя Владимира Андреевича, писанной въ 1410 году.

Боярскія вотчины не исключали и не ограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерями въ приданое и завѣщавать; но это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію, или по праву наслѣдства, или по рядной къ его родственникамъ, то въ вѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностью цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель, и этимъ хотя не исключалось прямое право его наслѣдниковъ, къ которому вотчина поступала во владѣніе, но тѣмъ не менѣе родичи всегда могли удѣрживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ примаго наслѣдника, т. е. они могли выкупать вотчину, проданную наслѣдникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей вѣроятно было съ первыхъ временъ московскаго государства, ибо еще в. кн. Васильемъ Дмитріевичемъ, сыномъ Донскаго, закономъ назначался пятнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами по всему московскому государству, какъ прямо и опредѣленно говоритъ одна грамота в. кн. Ивана Васильевича III.

Земли княжескія, или подклѣтныя, впоследствии дворцовыя. Земли сіи очевидно должны были моложе черныхъ водостей и вотчинъ, ибо могли

произойти только со времени водворенія князей Всеволодова дома въ Московскихъ владѣніяхъ. Мы не имѣемъ официальныхъ актовъ объ уступкѣ земщиною нѣкоторыхъ земель въ поземельную собственность князя, но что таковая уступка точно была, въ этомъ не можемъ сомнѣваться: на нее довольно ясно намѣкаютъ всѣ грамоты первыхъ московскихъ князей; въ нихъ купленные князьями села вездѣ прямо отличаются отъ уступленныхъ народомъ, первыя называются: *а се моя купля се купля моя бабы, купленыя села и проч.*, вторыя же вездѣ носятъ названія по территоріи: *московскія, коломенскія, села дмитровскія* и под... Если бы всѣ княжескія села были купленными, то конечно князьямъ не нужно бы было нѣкоторыя изъ нихъ отличать именемъ купленныхъ; здѣсь нѣтъ причины думать, что купленными селами каждый князь называлъ только свою покупку, ибо во второй духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты это ясно опровергается словами: «а что село Павловское бабы наша купля». Здѣсь князь прямо говоритъ о старинной покупкѣ, едва ли не современной Александру Невскому..... Подклѣтныя, или дворцовыя села, составляли полную собственность князя; онъ могъ ихъ продать, промѣнять, подарить и отдавать въ помѣстное владѣніе своимъ боярамъ и слугамъ рѣшительно по своему произволу; всѣ доходы съ этихъ селъ шли не въ государственную, а въ дворцовую или княжескую казну; самое назначеніе доходовъ зависѣло не отъ земщины, а отъ самого князя, который могъ ихъ уменьшать и увеличивать, когда угодно, во все безъ отношеній къ народу и не по извѣстному установленному закону, а рѣшительно по произволу. Дворцовыя земли, какъ чистая собственность князя, не входили въ составъ другихъ земель государства и имѣли свое управленіе, а по сему и не зависѣли ни отъ общихъ во-

достелей, не отъ чамѣстниковъ, но управлѣлись своими волостельми, или поселскими, или приказчиками, или иногда отдавались княземъ въ кормленіе дворцовымъ чиновникамъ, столыникамъ, лопчимъ селамъ столынича пути, ловчаго пути и подоб.; все отношеніе дворцовыхъ земель къ намѣстникамъ состояло въ одномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ и въ дѣлахъ общихъ между волостными и дворцовыми крестьянами. Московскіе великіе князья, не смотря на постепенное развитіе своей власти, постоянно находили нужнымъ увеличивать свою поземельную собственность покупкою вотчинныхъ земель у частныхъ лицъ и другими средствами. Формы пріобрѣтенія дворцовыхъ земель были слѣдующія: 1, уступка общинныхъ черныхъ земель, слѣлнная при самомъ водвореніи княжескаго рода въ Москвѣ, это была самая первая форма пріобрѣтенія, а 2-ю, почти современною ей, должно считать покупку вотчинныхъ земель у частныхъ собственниковъ, которая, по свидѣтельству второй духовной грамоты Каяты, началась чуть ли не при Александрѣ Невскомъ и продолжалась до позднѣйшаго времени, можетъ до Феодора Ивановича, или Бориса О. Годунова.

Помѣстные земли. Помѣстными землями назывались вообще всѣ земли, которыя государи давали на содержаніе бояръ и другихъ людей, состоящихъ въ ихъ службѣ; они не составляли собственности своихъ владѣльцевъ; ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ только имѣлъ право пользованія, да и то на время, пока онъ служилъ. Такое отношеніе помѣстныхъ земель къ своимъ временнымъ владѣльцамъ определенно и ясно изображаетъ вторая духовная грамота Ивана Даниловича Калиты; въ ней сказано: А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородицское, а далъ есмь Борису Ворькову, аже имѣть сыну моему, которому служить, село будетъ за

нимъ; не имѣть ли служить дѣтемъ моимъ, село отомнуть». Таковыя же права въ отношеніи къ помѣстнымъ землямъ были и въ юго-западной Руси; такъ въ духовной грамотѣ князя Андрея Владимировича, Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «что есмь подавалъ имѣнія боярамъ своимъ, а хто захочетъ же нѣ мой и дѣтемъ моимъ служить и они служить съ тыхъ имѣній жемъ мой и дѣтемъ моимъ: а хто незахочетъ жемъ мой и дѣтемъ моимъ служить, я азъ тыя имѣнія далъ жемъ мой и дѣтемъ моимъ». Сія послѣдняя грамота прямо говоритъ, что владѣльцы помѣстьей, за пользованіе помѣстною землею, должны были нести службу, смотря по помѣстью: «и они служить съ тыхъ имѣній», слѣдовательно, служба опредѣлялась помѣстною дачею, или иначе помѣстная дача соразмѣрялась съ службою. Впрочемъ такое положеніе помѣстныхъ земель не препятствовало имъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ и потомъ къ внукамъ; ежели отецъ, по старости или болѣзни, не годился въ службу, то его мѣсто занималъ сынъ и помѣстье оставалось въ ихъ родѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ были люди, состоящіе на службѣ государя; даже не только сыновья, но и племянники и другіе родственники, могли получать помѣстье ихъ родичей, занималъ ихъ мѣста по службѣ. Такъ жалованною грамотою я. к. Дмитрія Ив. Донскаго Андрей Фрязинъ былъ утвержденъ во владѣніи Печорою, бывшею прежде въ помѣстьѣ за его дядею Матвеемъ Фрязинымъ. Впрочемъ опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ и службѣ мы не имѣемъ до самого царя Ивана Васильевича IV-го и кажется здѣсь рѣшительно дѣйствовалъ произволъ государей московскихъ, которые распоряжались помѣстными землями, какъ дѣятельною своею собственностію и не слѣдовало никакимъ установленнымъ зако-

намъ; кому давалъ больше, кому меньше, смотря потому, каковою казалось имъ служба помѣщиковъ... Частныя отношенія помѣстій къ своимъ владѣльцамъ опредѣляютъ характеръ помѣстныхъ земель слѣдующими общими чертами: помѣстные земли составляли собственность государя; они могъ ихъ раздавать и отнимать рѣшительно по своему разсмотрѣнію такъ, что помѣщики, чтобы удержать за собою владѣніе этими землями, неурочитно должны были нести государеву службу, съ усердіемъ подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства; всякое отступленіе отъ правительственныхъ распоряженій подвергало ихъ опасности лишиться помѣстья, такимъ образомъ помѣстье, въ сущности своей, было даже менѣе, нежели пожизненнымъ владѣніемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ оно носило даже нѣкоторый характеръ наследственности. Государя московскіе преимущественно хотѣли, чтобы помѣстье оставалось въ одномъ родѣ и съ этою цѣлю не только позволялось одворлцамъ просить, чтобы ихъ верстали помѣстьями ихъ умершихъ родственниковъ, но даже положено было правиломъ: оставить помѣстные земли отцовъ дѣтямъ во владѣніе до ихъ возраста и поступленія на службу только съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ таковыхъ помѣстій, за исключеніемъ прожиточныхъ вытей, сбиралъ въ казну съими же помѣщиками... По первоначальному своему пріобрѣтенію помѣстные земли принадлежали къ дворцовымъ владѣніямъ, ибо московскіе государи, въ первыя времена своего владычества, могли произвольно распоряжаться только своими собственными землями, вотчинныя же зависѣли отъ частныхъ собственниковъ, а черныя отъ общины; ни община, ни собственники не имѣли нужды раздавать помѣстій, ибо помѣщики служили не имъ, а князю. По иъ послѣдствія времени, когда власть московскихъ государей успѣ-

лалась и границы владѣній распростра- нились завоеваніями, которыя уже зависѣли отъ князя, а не отъ общины, въ надѣль помѣстныхъ земель стали поступать и такія, которыя не принадлежали къ дворцовому вѣдомству.

Виды земель по различію населенія.—Земли Московскаго государства, по различію населенія, раздѣлялись на городскія и не городскія, или уѣздныя; первыя составляли собственность города, а вторыя принадлежали сельскимъ общинамъ, и только признавали свою подчиненность и независимость отъ города, какъ представителя цѣлой территории.

Городскія земли по владѣнію были черныя, принадлежащія собственно городской общинѣ, вотчинныя, бывшія во владѣніи частныхъ собственниковъ и наконецъ помѣстные, даванныя для жительства служилымъ людямъ. Это дѣленіе городскихъ земель по владѣнію влекло за собою другое дѣленіе на тяглыя и бѣломѣстныя или не тяглыя земли; владѣльцы первыхъ земель несли въ нихъ всѣ городскія повинности; а эти земли нельзя было ни продать, ни заложить бѣломѣсту, или въ противномъ случаѣ бѣломѣстецъ, принявши такую землю во владѣніе, долженъ былъ нести съ нею всѣ повинности и городскіе расходы наравнѣ съ тяглыми людьми; бѣломѣстныя же, или не тяглыя земли, освобождались отъ многихъ городскихъ повинностей, и несли ихъ только въ крайнихъ случаяхъ государственной нужды. Но замѣчательнѣйшее отличіе городскихъ земель отъ не городскихъ состояло въ томъ, что они раздѣлялись не на обжи, или четверти, а десятины, а на дворы: дворъ былъ единственно закономъ, утвержденною единицею городскихъ земель при соразмѣреніи ихъ въ раскладкѣ податей и повинностей. А посему дворъ, какъ общія единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство земли для

всего города, и нельзя было не увеличить, ни уменьшить своего двора при посредствѣ частной сдѣлки; всякое уменьшение или увеличение двора могло быть сдѣлано не иначе, какъ съ разрѣшенія городской общины, и непременно влекло за собою увеличение и уменьшение податей и повинностей съ домохозяина увеличеннаго или уменьшеннаго двора, а отъ этого въ древнихъ административныхъ городскихъ книгахъ городскіе домохозяева раздѣлялись на владѣльцевъ двухъ, трехъ или болѣе дворовъ, на владѣльцевъ цѣлаго двора, или полдвора, или трети, четверти двора и писались обыкновенно такъ: такой-то живетъ на трети двора, на полдворѣ, на дву дворахъ, на одномъ дворѣ и пр. Увеличѣніе или уменьшеніе городскихъ дворовъ могло быть сдѣлано или принятіемъ отъ общины пустопороженныхъ земель на оброкъ, или при помощи частной сдѣлки съ соседомъ - домохозяиномъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія общины, которая отмѣчала такую сдѣлку въ своихъ мѣрныхъ и платежныхъ книгахъ, и зачисляла одного изъ участниковъ сдѣлки владѣльцемъ увеличеннаго двора, а другого уменьшеннаго, и соответственно съ таковою сдѣлкою соразмѣрляла раскладку податей и повинностей... Кроме дворовыхъ земель, отдававшихся городскимъ людямъ въ потомственное владѣніе съ правомъ передачи на извѣстныхъ условіяхъ, городская община владѣла какъ бы угодьями и сѣми торговыми и ремесленными мѣстами, и огромною выгонною землею за городомъ, а также иногда мельницами рыбными и звѣриными ловлями въ уѣздѣ; все сія угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣніи, и отдавались самою общиною въ наемъ или въ оброчное содержаніе по условіямъ съ частными лицами на извѣстное опредѣленное время, по истеченіи котораго назначался новый торгъ, и, смотря

по цѣнамъ, состоявшимся на торгу, оброчная земля или отдавалась новому наемщику или оставалась за прежнимъ. Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, шалашей, стуловъ, амбаровъ, прилавковъ, кузницъ... Городскія угодья первоначально, кажется, составляли частную собственность города, и получаемыми съ нихъ доходами покрывались различныя общественныя издержки, по крайней мѣрѣ до в. кн. Ивана Васильевича III мы не имѣемъ никакихъ, ни официальныхъ, ни лѣтописныхъ, свидѣтельств о вмѣшательствѣ московскихъ государей въ это обширное дѣло. Относительно же Новгорода есть даже прямые свидѣтельства, что городская община, въ самыхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями, опредѣленно требовала, чтобы князья не вступались въ городскія торговыя мѣста; такъ напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. кн. Александромъ Мих. Тверскимъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: «А въ немецкомъ дворѣ тебѣ, княже, торговати нашею братьею, а двора не затворяти, а приставовъ не приставляти...» Угодья и оброчныя статьи, принадлежавшія городу, но находившіяся въ уѣздѣ, также составляли собственность общины, на которую частныя лица имѣли только право пользованія, и, кажется, община, въ отношеніи къ нимъ, умѣла удерживать свои исключительныя права до позднѣйшаго времени и государи московскіе постоянно старались защищать эти права отъ населенія частныхъ собственниковъ... Собственно городская земля въ каждомъ городѣ московскаго государства, по населенію своему, состояла изъ трехъ частей: собственно города или *крѣпости*, *посада* и *слободы*. Въ крѣпости или собственно городѣ жили князь или его наместникъ и воевода со служилыми людьми; тутъ же находились правительственными или казенными мѣста, осадные дворы посадскихъ уѣздныхъ жителей для защиты,

въ случаѣ нападенія непріятелей, и даже въ нѣкоторыхъ городахъ разныя торговыя заведенія; на посади жили собственнo граждане, посадскіе люди; у нихъ тамъ обыкновенно устраивались рынки, торговые ряды и гостинные дворы; между посадскими людьми здѣсь жили также разныя помѣщики и вотчинники, служилые люди на отбыхъ земляхъ; жители слободъ исключительно состояли изъ ремесленниковъ и разныхъ служилыхъ людей: няжнихъ чиновъ, напр. воротниковъ, пушкарей, затинщиковъ и подоб. Уѣздныя, или не городскія земли, по заселенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починокъ; или, какъ и городскія земли, по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя и помѣстныя; къ каждой слободѣ, селу и деревнѣ приписаны были пахотныя земли, лѣса, рыбныя, звѣринныя ловли и другія угодья.

Слободы преимущественно населялись ремесленниками и разными промышленными людьми, напр. рыболовами, бобровниками, бортниками и другими подобными, а также ямщиками и разными служилыми людьми, стрѣльцами, казаками, пушкарями; были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями. Къ слободамъ причислялось по нѣскольку деревень и починокъ, вѣроятно населенныхъ людьми одного вѣдомства; они обыкновенно управлялись слободчиками, старостами и сотскими, и судомъ в данью тянули къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находились; по владѣнію слободы бывали дворцовыя, вотчинныя, монастырскія, владычьи, черныя и служилыя. Свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано: они упоминаются еще въ духовной Калиты 1328 г. Слѣды слободъ и теперь еще остались въ разныхъ уѣздахъ около Москвы и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣтно, что они заселялись ремесленни-

ками... Жители слободъ хотя и тянули судомъ и данью къ городамъ, наравнѣ съ волостными людьми, но такъ какъ они не были часто земледѣльцами, то разрубамъ и размегамъ своими не вкладывались въ одну кость съ селчанамъ, но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами собою... Села были заселены преимущественно землевладѣльцами; къ каждому селу было приписано по нѣскольку деревень и починокъ, жители которыхъ, также землевладѣльцы, складывались во всѣхъ размегахъ въ одну кость съ своими селчанамъ, и потому составляли съ ними одно утѣе, имѣли свою управу, которая всегда находилась въ селѣ и состояла изъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, выбираемыхъ крестьянами изъ своей среды; въ селѣ и деревняхъ земля была общая, и крестьяне владѣли своими участками, или вытами не иначе, какъ по приговору всей своей общины. Всѣ выты были равны между собою, и по нимъ раскладывались подати и повинности, но какъ средства в силы не у каждого крестьянина были одинаковы, то посему болѣе зажиточный крестьянинъ могъ жить на двухъ, на трехъ вытахъ, бѣднѣй же на одной выти, на полвыти и на четвертивыти. Крестьянинъ, съ согласія общины, могъ мѣнять свою выть на другую, конечно незанятую другими, или идти на порожнюю, которыхъ всегда было много, ибо крестьяне, не прикрѣпленные къ землѣ, свободно переходили изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ волости въ волость; община, владѣя землею, не имѣла ни какого права на своихъ сочленовъ, какъ скоро они оставляли землю, лишь бы за ними не было недвижимокъ по мѣрскимъ разрубамъ и размегамъ...

Уѣздныя, т. е. не городскія земли, раздѣлялись на волости и станы; нѣтъ такого дѣленія была чисто административная, и нельзя отыскать слѣдовъ никакого либо территориальнаго или родового нача-

ла, послужившаго ему основаніемъ: волости или станы никогда не составляли самостоятельнаго, отдѣльнаго цѣлаго: они всегда были въ зависимости отъ своихъ городовъ; слѣдовательно, ихъ раздѣленіе было произведено городами же, которые сдѣлали это для большей удобности въ управленіи. Когда и кѣмъ были учреждены волости и станы въ московской землѣ — мы незнаемъ; но то несомнѣнно, что они были уже при в. кн. Иванѣ Давыловичѣ Калитѣ; въ его духовной грамотѣ сказано: «Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можаяскъ, Коломну со всѣми коломенскими волостями, Городевку Мезыню, Писочну, Похряне, Бромевую, Гвоздну», и проч... По инымъ же свидѣтельствамъ волости поставлены въ одинаковомъ разрядѣ съ станами; такъ въ духовной грамотѣ князя Юрія Дмитриевича 1434 года сказано: «азъ благословляю сына своего Дмитрія меньшаго городомъ Галичемъ и съ станы городскими и со всѣми волостями». Волость, или въ послѣдствіи станъ, составляла отдѣльную часть уѣзда, и состояла изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ, деревень, приселковъ и починковъ, которые управлялись однимъ волостелемъ или становщикомъ, имѣли общую раскладку податей и повинностей; подлежали одному суду, такъ что, въ случаѣ суда между двумя лицами разныхъ волостей или становъ, волостели должны были судиться съ общаго согласія другъ съ другомъ и дѣлиться доходами отъ суда пополамъ; даже въ случаѣ выдачи въ замужество дѣвицы изъ одной волости въ другую полагалась особая пошлина, известная подъ именемъ выводной кунницы; при не отысканіи убійцы дикая вира раскладывалась на всю волость, гдѣ найденъ былъ убитый; все это можно найти въ любой уставной грамотѣ.

(Изъ статьи *И. Д. Бѣльева*.
Москвит. 1848. № № 1. 2. 5. 7.
Отд. IV).

О пользѣ Археологіи. *А. А. Писарева*. Зап. и труды общ. Ист. 1828. ч. IV. кн. I. 1—20. Значеніе и успѣхи Археологіи въ наше время. *А. Киркоръ*. Зап. Вилевс. Археолог. Ком. 1856. ч. I. 25—39. Русская старина въ памяти. зодчества. *А. Мартынова*. М. 1846—1857 г. Памятники зодчества Владимір. губ. XII в. *К. Тихонравова*. Труды статист. ком. 1864. Памяти. древн. во Владимірѣ Клязм. М. 1849. Моск. Оруж. Палата М. 1844. Изд. 2, 1860 г. Владимірскій Дмитріевскій Соборъ. Изд. *Гр. Строганова*. Древности, изд. Кіевс. комисіи для разбора актовъ. Кіев. 1846 г. Опис. Кіева въ отношеніи къ древнос. Кіевъ 1847. Древности Босфора Киммерійскаго, хранящ. въ Эрмитажѣ. Спб. 1854—1855. Древности рос. гос. *Солнцева*. Изд. по Высоч. повел. М. 1849. 1851. 1853 (500 рисунковъ. Цѣна 205 р.). Зап. Археол. Нумизм. общ. Спб. съ 1847 г. 8 томовъ. Зап. отдѣл. Рус. и Славянс. Археол. Спб. 1851 и 1861. Памяти. Моск. древн. *И. Снегирева*. М. 1842—1845. Опис. памяти. древн. церкв. и гражд. быта изъ музея Коробанова, М. 1849. Роспись древн. Рус. утвари. *Д. Солнцева*. М. 1857. Зап. для обзор. рус. древ. Спб. 1851. Зап. Археолог. общ. Спб. съ 1853 г. 14 томовъ. Церк. древности и Археологія. Изд. *Прозорова*. Собр. рус. медалей. Изд. Археогр. Ком. Спб. 1840—1846. Деньги и пузы. *Солнцева* М. 1862. Опис. древн. рус. монетъ. *Черткова*. М. 1837—42. Обзор. рус. денегъ и иностр. монетъ, употребл. въ Рос. *Барона Шодуара*. Спб. 1837—41. Опис. рус. монетъ и медалей. *Шуберта*. М. 1843. Монеты хановъ Золотой Орды. *Френа*. Талерграфъ. 1833. VII. 413—419. Обзор. валютъ и городищъ кіевс. губ. изд. *Фундуклея*. О Каменецкой вѣжѣ. О малолѣт. памяти. *Срезневскаго*. Спб. 1867. I. 7—40. Записки Спб. Московс. Археологич. общ. О поземел. собств. въ древ. Руси. Розысканія о финансахъ др. Руси. *Гагемейстера*. Спб. 1833. Статист. и финанс. свѣдѣнія о др. Россіи. Рус. Вѣстн. 1841 № 9 и 10. Начало и постепенное преобразованіе системы поземельныхъ налоговъ. *К. С. Весоловскаго*. Ж. Мип. Гос. вѣщ. 1841. ч. I, ст. VIII. Очеркъ Ист. др. монетной системы на Руси. *Бѣльева*. Чт. общ. Ист. 1846 № 3. О расходахъ на государс. заштиту въ Россіи *Н. Янишевскаго*, Чт. Зап. Казанс. Унив. 1850. I. 73—222. изслѣд. о др. рус. монетной системѣ въ XI, XII и XIII в. *П. С. Казанскаго*. Зап. Археол. общ. III, Спб. 1851 г. Ист. обзор. импейныхъ сборовъ въ Россіи. *Н. Розенталя*. Сыны отеч. 1852 № 10. Были ли монеты на Руси до XIV ст? *Бѣльева*. Зап. Арх. общ. 1853. т. V. вып. 2 и 3. О примыхъ налогахъ въ др. Руси. *В. Кури*. Юрид. сборн. изд. Мейеромъ. Казань 1855, 105 и д. Деньги в. Новгород. *Осьленскаго*. М. 1834. Опытъ о кожаныхъ деньгахъ. *Руссова*. Спб. 1835. О кожаныхъ деньгахъ. *Каченовскаго*. Уч. Зап. Моск. Универс. ч. VII. 1835. О торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ съ Россіею. Ж. М. Н. Пр. 1839. Іюль. ч. XXII. О древнихъ иностран. портахъ въ Россіи. *Аделуна*. Ж. М. Н. Пр. 1840. Монеты Джигуловъ, Генуезцевъ и Гиреевъ. *В. Григорьева*. Одесса. 1843.

Объясненія рус. старин. мѣръ, лннейной и путевой. *Буткова*. Ж. М. Внутр. Д. 1844. Др. рус. торговля. *М. П. Погодина*. Ж. М. Н. Пр. 1845. Очерк. др. Рус. законовъ о торговлѣ *В. Лешкова*. Москвит. 1852. № 17 и 23. О городахъ русскитъ. Тамъ же 1844. № 8 и 9. О Янахъ. Тамъ же 1844. № 8 ч. XXXI. 1853. Дек. о народномъ продовольствіи въ др. Россіи. *Лешкова*. Москвит. 1853. № 5. О позем. собств. в постепенномъ ея измѣненіи. *А. Гирса*. Библ. для чт. 1835. т. XII. № 21. О поземельномъ влад. въ Москов. государ. Времен. XI, 1—82. О земледѣліи въ др. Рос. *Блѣлова*. Тамъ же XXII, 37—50. О древнѣйшихъ торгов. связяхъ рос. Славянъ съ другими народами. Зап. и труды общ. Ист. ч. II. кн. 2. 67—89. О торговлѣ древ. Русъ съ Азіей. Маякъ. 1842. 12. Торговля Волжскихъ бовръ. Ж. Млн Н. Пр. ч. 49 II. 31. Торговля Новгорода. Тамъ же ч. XVII 564. XXII. II. 1. Голзейская контора въ Новгородѣ. Тамъ же XXVII, 100. О торговлѣ изъ Сарторін. М. Телеграфъ 1825. III. 360—378. Скандинавскій корабль на Руси. *А. Котляревскаго*. Моск. Древ. вып. I. 39. О понятіи промысловаго налога и объ исторіи. его развитіи въ Россіи. *Е. Г. Осокина*. Казань. 1856. О цѣнностяхъ въ древ. Руси. *М. Забѣлскаго*. Спб. 1854. О цѣности денегъ в книгѣ. О малоязв. пзм. *Срезневскаго*. II. 92—96. III. 61—64. Мѣра, вѣсъ и монета. *Прозоровскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1835. Май. Зап. Археол. общ. XII. О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи. *Н. Лебедева*. Новгородъ 1855. О важности изученія восточ. нумизматики и археоло-

гій. *П. С. Савельева* Спб. 1847. Мухамед. Нумизматика. *П. С. Савельева*. 1847. Пути сообщенія въ др. Рос. *Ходаковскаго*. Рус. Ист. Сборн. 1838. I. 1—50. О торговлѣ Хозаръ. Чт. общ. Ист. 1846. № 3. III. 47. Восточн. извѣстія о Руссахъ изъ соч. Френа *Ibn-Foszlans...* *Be-richte*. Сѣверн. Архивъ ч. 22, № 46. 281. ч. 23, № 17 и 18. 109. № 19 и 20. 289. О сношеніяхъ русскихъ съ Востокомъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1854. I. 52. О Волжскихъ Булгарахъ. Ж. Млн Н. Проя. 1836. 97. О сѣверо-восточ. Руссахъ. Тамъ же XII, 459. О чудскихъ князяхъ *Эйхвальда*. Зап. Археол. общ. IX. 2. 270. Металлы и ихъ обработка въ доисторич. пору у племенъ Индоевроп. *А. Котляревскаго*. Моск. Древности. 1866. О финнахъ. *Шерена*. *Gesammelte Schriften*. Спб. 1861. Историч. опис. одежа и вооруженій русскихъ войскъ. Ганза, ея законы и факторія. Библ. для чт. 1834. IV. 3. Ист. финан. учрежд. въ Рос. *Графа Д. Толстаго* 1848. Внутр. та может. пошлины въ Рос. *Е. Г. Осокина*. Казань 1850 г. О договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. *Андреевскаго*. Спб. 1855 г. Историч. обзор. торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. *М. И. Славянскаго*. Спб. 1847. Древние договоры Руссовъ съ Норвежцами и Шведами. *Буткова*. Ж. М. Ва. Дѣль. 1837. ч. 23. Хозяйств. дѣятельн. Соловец. мона. въ Бѣломорскомъ краѣ. *В. О. Ключевскаго*. Моск. Универс. Язв. 1866—67 г. № 7.

VIII. ОБЛАСТНАЯ БОРЬБА И ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

292. О племенах славянских.

Се повѣсте временныхъ лѣтъ (черно-рица Феодосѣева монастыря Печерскаго), откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣ княжити и откуда Руская земля стала есть. Се начнемъ по-вѣсть сію. По потоцѣ первіе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся востокъ Симови..... Хамови же яся полуевная страна..... до Повѣтскаго (Чернаго) моря на полънощныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавкаискія горы, рекѣ Угорьскѣ, и оттудѣ даже и до Днѣпра; и прочая рѣки: Десна, Припѣть, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ въ часть Симову. Въ Афетовѣ же части сѣдѣтъ Русь, Чюдь и вси языци, Меря, Муромъ, Вєсь, Морѣдѣ, Заволочская Чюдь, Пермь, Печера, Янь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдѣтъ къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдѣтъ Варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдѣтъ къ западу до землѣ Агнянскѣ и до

Волошскѣ. Афетово бо и то колено: Варязи, Свєи, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волхѣи, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Венѣдичи, Фрягове и прочіи; даже присѣдѣтъ отъ запада къ полуденю и сѣдѣдѣтъ съ племенемъ Хамовымъ... По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася ямени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ иянемѣ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чєси нарекошася; а се ти же Словѣни Хрватѣ Бѣлѣ, и Серебѣ и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ вмѣ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове, друзіи Лутичи, ияни Мазовшане, ияни Поморяне. Также и тіа Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межѣ Припѣтью и Двиною, и нарекошася Древлячѣ-

чи; вни сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, и именемъ Полота, отъ сего прозвася Полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша ѿ Новѣгородъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь. Тако разидеся Словѣнскій языкъ; тѣмъ же и грамота прозвася Словѣнская. Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ сямъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра Волокъ до Ловоти, по Ловоти вникти въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера видѣть устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюгороду, а отъ Царюгорода прити въ Понтъ море, въ не же втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Окоськаго лѣса, и потечетъ на полудне; а Двина изъ того же лѣса потечетъ, а идеть на полунощье, и выидетъ въ море Варяжское (*Валтійское*); изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское (*Каспійское*). Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвались, на вѣстокъ доити въ жребій Спмовъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ въ Попетьское море жереломъ, еже море словесъ Руское, по нему же училъ святой Овѣдрѣй братъ Петровъ..... Поляномъ же живущемъ особѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сее братья бяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. Быша 3 брата, единому имя Кіа, а другому Щекъ, а третьему Хоризъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣше Кіа на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Ще-

ковица, а Хоризъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревиза; и створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловаща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне... И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, яже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, яже сѣдѣхъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдѣхъ Кривичи, также Сѣверъ отъ нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдѣхъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромъ языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Поугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне. А се суть ины языци, яже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Муромъ, Черемисъ, Морьдва, Пермь, Печера, Ямъ, Литва, Зимягола, Корсь, Норова, Лябь; си суть свой языкъ плушце, отъ колѣна Абетова, яже живутъ въ странахъ полуночныхъ....

Поляномъ же живущемъ особѣ, суще отъ рода Словѣнска, и нарекошася Поляне, а Древля же отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лястѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедъша сѣдоша, Радимъ на Съжю, прозвасяся Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвасяся Вятчи. И живяху въ мѣрѣ Поляне, и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичъ, и Вятичи и Хрвати. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне, а Улучи, Тиверѣца сѣдаху къ Дунаеву; бѣ мнѡжъ-

ство ихъ, сѣдаху бо по Диѣстру оля до моря, суть гради ихъ и до сего дне, а то ся зваху отъ Грекъ Великая Скувь.

(Лавр. 3. 5).

293. Выдержка изъ Синодуса 1674 г.

О народъ Русскою, или своиственнѣе российскою, и о нарѣчи, или названнѣи его. Русскіи или паче российскіи народы тыжде суть Славяне. Единнаго бо естества, отца своего Аѳета и тогожде языка ибо, яко Славяне отъ славныхъ дѣлесе своихъ искони славянское имя себѣ прибрѣтоша, тако по времени отъ росѣянна по многимъ странамъ племеннѣи своего, *Росѣяны*, а потомъ *Россы* прозвашася. Нѣци близъ мимошедшихъ время сказоваху Россю отъ городка *Русы*, недалеко в. Новгорода лежаща; нынѣ отъ рѣки Роси; друзи отъ русскихъ волостъ, съ яковыми и нынѣ вездѣ много суть Руски. Но паче вѣхъ тѣхъ подобіи достовѣрнѣе и приличнѣе отъ росѣянна своего Россы имя то отъ древнихъ времени себѣ стлжаша. Ибо на широкой части свѣта по многимъ различнымъ странамъ, нынѣ надъ моремъ Чернымъ, Понтскимъ Евксиномъ, нынѣ надъ Танаисъ или Дономъ и Волгою рѣками, нынѣ надъ Дунайскими, Диѣстровыми, Двѣровыми, Десновыми берегами, широко и различно селеньями своимъ росѣяшася. Тако вѣ древніи лѣтописцы греческіи, российскіи, римскіи и польскіи свидѣлствуютъ; наипаче и божественное писаніе отъ пророчества Іезекилева въ главѣ 39 имя тое Россю приличнѣе изъясляеъ, нарицающе князя, Росъ, Мосохъ и прочая. И тако *Россы отъ росѣянна* своего прозвашася, а отъ Славяновъ именемъ точію разисвуютъ; по роду же своему едино суть, и яко единыи и тойжде народъ Славенскіи, на-

рицаются славеноросскіи или славноросскіи.

О народъ Сарматскою и о нарѣчи его. Савромацин, или Сармацин страна есть въ той же Европѣ, 3-й части свѣта, жребіи Аѳетова, обаче сугуба есть: едина Скивска, идѣже нынѣ сядятъ Скивы или Татары; втораи, идѣже Москва, Русь, Поляки, Литва, Прусы и прочая обитаютъ. Савромацин прозвася гречески отъ народа имуща подобіе ехидныхъ или ящурныхъ очесъ. Ибо ехидна гречески *савросъ*, а око очина нарицается. Обаче толикимъ страннѣишъ нарѣчїемъ неконечнѣе естество очесъ, но паче страхъ и мужество онаго народа Сарматскаго изобразуется; за не прежде вся земля отъ сихъ людей грепеташе. Нынѣи лѣтописцы родъ Сарматовъ производятъ отъ Асармова, или отъ Сармова, праправнука Арфаксадова, сына Симова. Иныи отъ Рифада, внука Аѳетова, того радо, яко Асармова и Рифада племя совокупившеся купно обитали, откуда подѣлѣ сарматскимъ именемъ вѣхъ прародители наши славенаросскіи, Москва, Россы, Поляки, Литва, Поморане, Волицы и прочая заключаются. Понеже и Сарматовъ такожде, яко и Россю отъ мѣста на мѣсто ореносишася и роспрошенными и росѣянными греческии древніи лѣтописцы съ российскими и съ прочіими согласно нарицаютъ.

О народъ Роксолантскою, и о нарѣчи его. О тѣхъ же сарматскихъ и славяно-росскихъ осадѣ той же народъ Росскій изыде, отъ него же нѣци нарицахуся Россы, а нынѣ Аланы, а потомъ прозвашася *Роксоланы*, аки бы *Россы и Аланы*. Понеже вѣхъ лѣтописцы вѣхъ тѣхъ народовъ предреченныхъ нарѣчїемъ паче, нежели естествомъ раздѣляютъ, Аѳетово вѣхше племя быти повѣдающе, и Сармова праотца Мосоха сына его нарицающе; ибо тыжде народы славеноросскіи, по времени умнающася, и по различнымъ мѣстѣхъ вселяющася, еще и

ными различными именъ отъ рѣкъ, лѣсовъ, примѣтовъ, полей, отъ дѣлъ, и отъ князей своихъ именъ и нарѣй, прозванья быша, якоже Болгары и Волонцы отъ рѣки Волги; Муромляне отъ рѣки Муравы, или отъ князя Мората; Полочане отъ рѣки Полоты; Донцы отъ Дона; Запорожцы отъ Запорожья; козаки отъ славнаго своего древняго нѣкоего вождя прозвѣшемъ Козака, побѣдивше съ нимъ Татаровъ, прозвашася; Древляне или Полѣсьяне отъ древесъ, или отъ лѣсовъ густыхъ; Полане, или Поляки отъ полей; Половцы отъ лова звѣрина и отъ плѣну людей; Печѣнези отъ жестокости и мучительства своего; Татары отъ рѣки Тартаръ. А тыяжъ народы татарскіе, егда посѣдоша страну Оракійскую, идѣже Константинополь и прочіи грады, прозваны бяху отъ Ораковъ, то есть отъ жителей страны, нарицаемой Оракія, Труки, а потомъ предложениемъ двоихъ словесъ азбучныхъ Турки прозвашася. Скиены, тыяжъ Татары отъ горы Скаен наречены суть; зане подъ тою горою яко и Кавказскою сначала обиташу; Стверяне отъ страны Стверекіи надъ Дееною и Сеймомъ рѣками сѣдѣли; Литва отъ Литвоса сына царя Вейдевута Прускаго; Чехи отъ Чеха князя; Ляхи или Лехи отъ Леха црваго короля польскаго; Москва народъ отъ Мосоха праотца своего и всѣхъ Славенороссовъ, сына Афетова: а царствующій градъ Москва отъ рѣки Москвы, и прочая снмъ подобная.

О Мосохѣ—прародителѣ славенороссійскомъ и о племени его. Мосохъ, 6-й сынъ Афетовъ, внукъ Ноевъ, толкуеть же ся отъ еврейскаго славенски вытягающій и растагающій, отъ вытѣганія лука и отъ разширенія великихъ и множественныхъ народовъ московскихъ, славенороссійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска языка природѣ употреблю-

щихъ. Той бо Мосхъ по потопѣ лѣта 131 шедши отъ Вавилона съ племенемъ своимъ абіе въ Азію и Европѣ надъ берегами Понтскаго или Чернаго моря народы *Мосховитовъ* отъ своего племени осадил и оттуду умножившися народу, поступая день отъ дня въ полунощныя страны за Черное море, надъ Дономъ и Волгою рѣками, и надъ озеромъ или отногою морскою Меотисъ, идѣже Донъ впадаетъ, въ поляхъ широко селеньми своими распространяшася, по свойству и встолкованію племени отца своего *Мосоха*. Ибо яко Афетъ толкуется разширеніе, или разширителевъ; тако подобно сказуется и Мосохъ растагающій и дадече вытягающій. И тако отъ Мосоха, праотца славенороссійскаго, по наслѣдію его, не токмо Москвитинъ народъ великій, но и вся Русь или Россія вышереченная прозвѣде, аще въ нѣкихъ странахъ мало что въ словесѣхъ и пренѣхъ обаче единымъ Славенскимъ языкомъ глаголютъ.

О нарѣчїи Москвы народа и царственнаго града. Нарѣчїе то Москва отъ имени праотца Мосоха изшедше, аще оно искони вѣстно древнимъ лѣтописцемъ бѣ, обаче на мнозѣ и въ молчавіи пребываше. Ибо егда тріе братіи князіе варягскіи, о нихъ же будетъ ниже, и я. княгиня Ольга, или Елена, и всея Россіи первый самодержецъ Владиміръ, и второй Мономахъ, Россією обладаша, тогда Россіями или Русаками звахуся; а въ россійскихъ земляхъ точию кіевскій, владимірскій, великоновгородскій, черниговскій, галицкій, славенскій и прочіи князи именити бяху. Москва бо городъ надъ рѣкою Москвою отъ имени ея нареченный, наипервѣ изъ древа созданъ бысть и назначенъ даже до в. кн. Іоана Даниловича, яже престолъ княженія отъ Владиміра града въ Москву градъ пренесе.

И тако величествомъ славы Престола княженія отъ Владиміра града пренесеннаго, богоспасаемый градъ Москва про-

славился, и прородительное въ немъ имя Мосоха въ народѣ россійскомъ обновися, еже неувидомою въ вѣки памятию пѣтуши, изрядѣе же благодатию божію отъ силы въ силу отъ славы въ славу простиавая, на высочайшій степень самодержавнаго царства востече и благочестіемъ, силою и мужествомъ православныхъ царей, наипаче великими чудесы святыхъ россійскихъ московскихъ чудотворцевъ на высоту добродѣтелей возвысившися, яко солище по вселеннѣй просвѣтится и паче иныхъ сіяетъ.

(Кіевс. Синописецъ 1836 г. Кіевъ, стр. 8—16).

Синописецъ или сокращеніе русской исторіи—былъ первой попыткой систематическаго ея изложенія и эта книга въ свое время была единственнымъ учебникомъ. Составителемъ ея былъ Кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель и въ первый разъ напечаталъ ее въ 1674 г. До XIX в. онъ сократилъ хроникѣ Феодосія Софоновича, именуема Кіево-михайловскаго Златоверхаго монастыря, изданную въ 1672 г. Нѣкоторые изъ ея заимствованы изъ польскихъ хроникъ и преимущественно изъ исторіи Стрыйковскаго, который пользовался такими источниками, которые или пропали, или переименованы польскими писателями. Поэтому Синописецъ относится къ источникамъ Русской Исторіи, и Академія Наукъ съ 1736 г., въ продолженіе столѣтій, издавала его 18 разъ. Эта книга, по всей вѣроятности, была поводомъ къ сочиненію „Сокращенія Рос. Ист.“ въ 36 главахъ въ концѣ Феодоромъ Грибодовымъ 1676 г.; книги эта, написанная для царя Феодора Алексѣевича, не была издана. Точно также не издано сочиненіе по Русской Исторіи справщика типографіи Феодора Поликарпова въ 1708 г. Петръ В. поручилъ ему написать обзоръ событій Рус. Исторіи отъ Василия Іо. до своего времени въ сокращеніи и пространномъ видѣ. Въ 1746 г. Поликарповъ исполнилъ свой трудъ, но онъ не понравился Петру и не извѣстно, куда дѣвался. Синописецомъ пользовался А. Маниковъ при составленіи извѣстной книги „Ядро Рос. Исторіи“, которая несправедливо приписывалась кн. Хилкову Миллеру, изданная въ 1770 г. Какъ Гизель, такъ и Маниковъ, держались показаній Стрыйковскаго и внесли въ свои исторіи много баснословныхъ повѣстей, нелѣпыхъ соображеній и разсказовъ, образ-

чикъ которыхъ мы представили. Оба они согласны, что в. кн. Ольга была правнучкой Гостомысла, — Радимъ, Вятко и Дульбѣ состояли полководцами Кн. Щена и Хорива, — Славяне помогали Александру Македонскому; но только Маниковъ прибавляетъ, что грамота, написанная Славянами золотыми буквами Александромъ, хранится въ архивѣ Турецкаго султана. „Но какъ ни странно, говоритъ С. М. Соловьевъ, иногда отступленіи автора Ядра, какъ ни ошибочны бывають иногда его показанія, все онъ несравненно выше автора Синописца, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, преимущественно Стрыйковскому, перемѣшиваетъ князей и событій, опускаетъ главное, выставилъ незначущее, сопоставляя разнорѣчины свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же событіи; такъ, напр., говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, полсъ и шансу княжскую отъ старосты каинскаго, которая поборола на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что все эти вещи присланы были Мономаху изъ Византіи; Романъ Ростисл. смоленскій смѣшиваетъ съ Романомъ Мстисл. волынскимъ и т. под. Напротивъ труду Маникова мы не усумнились дать почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ немъ беззастѣно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части Русской Исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалась относительно самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію Русской Исторіи; этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій (1770, 1784, 1791, 1799)“. Арх. Калачова. кн. 2 полов. I. отд. III, стр. 3—15.

294 Смерть Игоря и мѣсть Ольги.

Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекопа дружина Игоревъ: отроци Свѣнльжъ изодѣлися сѹть оружьемъ и порты, а мы назн; поидя, княже, съ нами въ дань, да и ты добудешъ и мыѣ. Послуша ихъ Игорьъ, иде въ Дѣрева въ дань, и примышляше къ первой дани, насилеше ямѣ, и мужи его; възъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспясть, размысливъ рече дружинѣ своей: „вѣдѣте съ данью домови,

а я возвращуюся, похожу в еще». Пусти дружинну свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желзя больша имѣня. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ: «аще ся възводитъ (повадится) волкъ въ овцѣ, то выносите все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ», послаша къ нему глаголюще: «почто идещи оиятъ? поималъ еси всю давь». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкорьстѣня Деревляне убиша Игоря и дружинну его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искорьстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, боевода бѣ Святодѣль, то же отецъ Мистинилъ. Рѣша же Деревляне: «се князя убихомъ рускаго; поимемъ жону его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створиамъ ему якоже хощемъ». И послаша Деревляне лучшиѣ мужи, числомъ 20, въ лодыи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолъ горы киевскія, и на Подольи не сѣдаху людье, во на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжъ быше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чюдинъ, а перевѣсище (¹) бѣ алѣ града, и бѣ виѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за снатою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бѣ ту теремъ камень. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга къ собѣ: «добри госте придоша» и рѣша Деревляне: «придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте

сѣмо?» Рѣша же Деревляне: «посла ны Деревьска земля, рѣкуще елце: мужъ твоего убихомъ, бѣше бо мужъ твой яки волкъ восхизая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть (управили) Деревьску землю; да поиди за князь нашъ Малъ»; бѣ бо иня ему Малъ, князю Деревьску. Рѣче же имъ Ольга: «любѣ ми есть рѣчь ваша, уже имѣ мужа своего не (вос)кресити; но хочю вы почтити наутрѣ предъ людьми своимъ, а нынѣ идѣте въ лодыи свою и ляжете въ лодыи величающеся, азъ утро пошлю по вы, вы же рѣдѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодѣ; и възнесутъ вы въ лодыи», и отпусти я въ лодыи. Ольга же повелѣ ископати яму велику и гаубоку на дворѣ теремьстѣмъ, виѣ града. И заутра Волга, сѣдючи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: «заветъ вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «не ѣдемъ на конѣхъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодыи». Рѣша же Кіевѣ: «знамъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгини наша хоще на вашъ князь» и понесоша я въ лодыи. Они же сѣдаху въ перегѣбѣхъ въ великыхъ суетугахъ горлящеся (¹); и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несѣше привуша е въ яму и съ лодьею. Приикъти Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь?» они же рѣша: «лучи ны (хуже намъ) Игоревы смерти» и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревлянѣмъ рече имъ: «да аще мя просите право, то приплите мужа нарочиты, да въ пелницѣ чти приду за вашъ князь, еда (иначе) не пустятъ мене людье Кіевскыи». Съ слытавше Деревляне, избраша лучшиѣ мужи, иже дерьжаху Деревьску

(¹) Вѣроятно, перегибаясь, важничая и кричась. Суетуга—на простонародномъ языкѣ—арпизина, яриланье.

(¹) Перевѣсище—сѣть для ловли птицъ.

землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедшимъ, повелъ Ольга мовъ створити, рѣкуше сие: «измызвесея приидите ко мнѣ». Она же пережгоша истопку (*избу*), и вѣзюша Деревляне, начата ея мыти; и запроша о нихъ истопку, и повелъ зажечи и отъ дверей, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рѣкуши сие: «се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градъ, и дѣже убьете мужа своего, да поидеюся нааъ гробомъ его, и створю грызну мужю своему». Она же то слышавше, съвезюша меды многи зѣло, възариша. Ольга же, поимше мало дружины, легко идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своему; и повелъ людемъ своимъ съсуги погилу велику, яко сосиоша (*насыпали*), и повелъ грызну творити. Посемъ съдоша Деревляне пити, и повелъ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ нами; рѣша Деревляне къ Ользѣ: «кдѣ суть дружина ваша, ихъ же послахомъ по тя»? она же рече: «идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего». Яко ушлишася Деревляне, повелъ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ (*крокъ*), и повелъ дружинѣ съчи Деревляне. И иѣкоша ихъ 5000; а Ольга позвратися Кіеву, и пристрои вои на прокъ ихъ (*на остальныхъ*).

Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвску землю. Изидоша Деревляне противу; сънемътежъся обѣма полкома ва скупъ (*вѣсть*), суну копьемъ Святославъ Деревляны, и копье летѣ сквозъ уши коневя, удари въ ноги коневя, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «князь уже почалъ; потягните, дружина, по князю». И побѣдиша Деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своимъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣвъ градъ, яко тѣ баху убили мужа ея, и ста около града

съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градъ и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаще взяти града, и умысли сие: посла ко граду глаголющи: «что хотите достѣтѣ? (*отсидѣться*)», а вси гради нами предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають пшвы своя я землѣ своя; а вы хотите изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «ради ся быхомъ яли по дань, но хоцещи мышати мужа своего». Рече же имъ Ольга: «яко азъ мѣстила уже обиду мужа своего, когда придоша Кіеву, второе, и третье, когда творихъ грызну мужевя своему; а уже не хоцю мѣщати, но хоцю дань имати помалу, смирившися съ вами понду оиать». Рекоша же Деревляне: «што хоцещи у насъ? ради даемъ медомъ и скорою». Она же рече имъ: «нынѣ у насъ нѣсть меду, ви скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи: азъ бо не хоцю тяжски дани възложити, якоже и мужъ мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ; да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробья, и послаша къ Ользѣ съ покловомъ. Волга же рече имъ: «се уже есть покорился мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я завтра отступлю отъ града и поиду въ свой градъ». Деревляне же ради бывше видоша въ градъ, и поидоша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелъ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь⁽¹⁾, обертывающе въ платки малы, иптѣкою поверзывающе къ комуждо ихъ; и повелъ Ольга, яко смерчеся, пустити голубя и воробья воемъ своимъ.

(1) Цѣрь—горючее вещество.

Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзда свои, ови въ голубини, врабѣ-тѣ же подѣ стрѣхи; и тако възгарахуся голубини ово кѣтъ, ово вежѣ⁽¹⁾, ово ли одрины⁽²⁾, и не бѣ двора идѣже не гораше, и не бѣ лѣзѣ гасити, вся бо дворя възгорѣшася. И побѣгоша людѣ изъ града, и повелѣ Ольга всемъ своимъ имати ѣ; ико въз градъ и пожже и, старѣйшины же града изъидиша, и прочая людѣ овыхъ изби; а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на нѣ дань тяжку, 2 части дани идеша Киеву, а третьяя Вышегороду къ Олѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Волыицѣ. И иде Волга по Дерѣвѣтѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; сущѣ становяща еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши дѣто едино.

(Лавр. I, 23—25).

295. Убіеніе Бориса и Гліба до 1093.

Святополкъ же сѣде Киевѣ по отци своемъ, и съзва Кияны, и нача даяти имъ имѣнне; они же принимашу, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. И Борису же възвратившюся съ вой, не обрѣтши Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: отецъ ти оумерелъ. И плакася по отци вели, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Лѣтъ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: се дружина оу тебе отня и вой, поиди, сяди Киевѣ на столѣ отця; онъ же рече: не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми оумре, то съ ми буди въ отца мѣсто. И се слышавше вой, разидошася отъ него, Борисъ

же стояше съ отроки своими. Святополкъ же вспомянувся безаконья, Кайновѣ емысли приимъ, посылая к Борису, глаголаша: яко с тобою хочю любовь имѣти, и къ отцю придамъ ти, а лѣтя подѣ нимъ, како бы ѣ погубити. Святополкъ же прѣде ночью Вышегороду отак, призва Путю и вышегородскыѣ боярыцѣ, и рече имъ: прѣяете ли ми вѣстѣ сердце? рече же Путѣ с Вышегородѣ: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше оубѣните брата моего Бориса, ови же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяконыхъ бо Соломонъ рече: скорѣ сущѣ пролити кровь бѣе правды; ти бо общаются крови, сбирають себѣ злая; си путѣ сущѣ скончавающихъ безаконья, нечестивымъ бо свою душу емлютъ. Послания же придоша на Лѣто ночью, и подѣстунша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть оуже, яко хотять погубити ѣ. И вставъ нача пѣти, глаголя: Господи, что ся оумножиша стужающіи мнѣ? мнѣзи вѣстають на мя, и проч.... И кончавъ оксапсалма (*шестопсалмѣ*), оувидѣвъ, яко послани сущѣ губятъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя: яко обидоша мя оуици тучни, и сборъ злобывыхъ осѣде мя; Господи Боже мои, на ти оуповахъ, и спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя. Посемъ же нача канути пѣти; таче кончавъ заутреню, помолѣся глаголя, зря на икону на образъ Владычнѣ, глаголя сице: Господи Іисусе Христе, иже симъ образомъ явился на земли спасеня ради нашего, изволивъ своею полею пригвоздити на крестѣ рудѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради насѣхъ, тако и мене сподоби прѣяти страсть; се же не отъ противныхъ принимаю, но отъ брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха. И помолвившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивни около шатра, и насунуша ѣ копы, и прободоша Бориса, и слугу его, падша

(1) Вежа — шалапѣ.

(2) Одрина — кѣтъ, гдѣ спать.

на немъ, прободоша с нимъ; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Быва отрѣкъ съ родомъ сынъ Оугърскъ, имевемъ Георгии, егоже любяше повелику Борясъ, бѣ бо възложидъ на нѣ гривну злату велику, въ немже предѣстояше предъ нимъ: и възбѣша же и ны отрѣкы Борисовы многы. Георгеви же сему не могуще вборзѣ сняти гриваны съ шѣи, оуѣкнуша главу его, и тако сныша; и тѣмъ же послѣже не обрѣтома тѣла сего въ трупы. Бориса же убивше оканьныи, оувертѣше въ шатеръ, вложили на кола, повезоша ѣ, и еще дышущю ему. Оувѣдѣше же се оканьныи Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга приковати его: оубѣма же пришедшема, и видѣша, яко и еще живъ есть; единъ ею извелъ мечъ, провѣзе и къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнецъ приеъмъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророцы и апостолы, с лѣкы мученичьскими водворяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неизреченную радость, въспѣвая съ ангелы, и веселяся в лѣку святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отаи Вышегороду, оу церькви св. Василѣа. Оканьныи же си оубишѣ придоша къ Святополку, акы хулу имущи, безаконьныи. Суть же именѣ симъ законпреступникомъ: Путыша, и Талець, Еловить, Ляшко; отецъ же ихъ естоша. Сиди бо слугы бѣси бывають; бѣси бо на злое посылаеми бывзють, ангелы на благое посылаеми. Ангель бо челоуѣку зло не створиетъ, но благое мыслитъ ему всегда, паче же хрестыаномъ помогаютъ, и заступаютъ отъ супротиваго дѣвола: а бѣси на злое всегда ловять, завидяше ему; понеже видѣтъ челоуѣка Богомъ почыщенъ и завидяше ему, на зло елѣи скоры суть. Золъ бо челоуѣкъ, тѣся на злое, не хужи есть бѣси; бѣси бо Бога боятея, а золъ челоуѣкъ ни Бога боится, ни челоуѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо креста ся боятъ господня, а челоуѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьныи помысли въ собѣ, рекъ: се оубихъ Бориса, како бы оубити Глѣба? I приеъмъ помысль Каяновъ, с лѣстью посла къ Глѣбу, глаголя сщце: поиди вборзѣ, отецъ тя зоветъ, не ядравитъ бо велии. Глѣбъ же, вборзѣ встѣ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеса конь въ рѣкъ, и валомъ ему ногу мало; и приде Смоленскую, и поиде отъ Смоленска яко зрѣмо, и ета на Смядѣ въ насадѣ. В сеже время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передѣславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отецъ ти оумерлъ, а братъ ти оубьенъ отъ Святополка. Се слышавъ Глѣбъ, възни велии съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: оувы мнѣ, Господи! лучше бы ми оумрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семъ; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, оумерлъ быхъ с тобою: нѣтъ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, лже глагола къ мнѣ, брате мой любимыи? нѣтъ оуже не оуслышю тихаго твоего наказанья: да аще еси получалъ дерзновенье оу Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ туже страсть приять; лучше бо ми было с тобою жити, неже въ свѣтѣ семъ прелѣстѣмъ. И сщце ему молищюся съ слезами, се внезапно придоша посланни отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абѣ посланни яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Оутоци Глѣбови оувыша; оканьныи же посланни Горастѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынесъ ножъ, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесся на жертву Богови, в пою благоуханья, жертва словесная, и приа вѣнецъ; вшедъ въ небесныи обители, и оуаръ желаемого брата своего, и радовашеся съ нимъ неизреченною радостью, юже оулучиста братолюбьемъ своимъ. Се козѣ

добро и коль красно, еже жити братома
якупѣ! Оканьнии же възвратиша въспать,
якоже рече Давидъ: да възвратятся грѣ-
шници въ адъ. Овѣм же пришедшимъ,
и повѣдаша Святополку: яко створихомъ
повелѣнная тобою. Овѣ же се слышавъ,
възнесе сердце его болма, невѣдый
Давыда глаголюща: что ся хвалиши о
злѣбѣ, силный? безаконне весь день оу-
мысли азыкъ твои. Глѣбу же оубѣну
бывшю и повержену на брезѣ межи двѣ
ма колодама, посемъ же вземше везомъ
и, и положиша ѿ оу брата своего Бори-
са оу церкве св. Василья.

И стѣкуплена тѣломъ, паче же душама
оу вѣладыи Всецаря, пребывающа в ра-
дости бесконечныи, во свѣтѣ неиздречен-
ныи, подающа и пѣлебныя дары Русьстѣи
земля, и инѣмъ приходящимъ страннымъ
с вѣрою даеа ицѣленье: хромымъ ходяти,
слѣпымъ прозрѣныи, болящимъ пѣлбы, око-
ванымъ разрѣшенье, темницамъ отвер-
женье, печальнымъ оугѣха, напастнымъ из-
бавленье, и еста заступника Русьстѣи зе-
мли, и свѣтилиника сляюща и моляща
къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмже
и мы должны есмы хвалити достойно стра-
стотерпца христовъ, молящася прилѣжно
к нима, рекуще: радуйтася, страстотерп-
ца христовъ Русьская земля, яже ицѣ-
ленье подаеа приходящимъ к вамъ вѣ-
рою и любовью. Радуйтася, небесная жи-
теля, въ плоти ангела быста, единомы-
сленная служителя, верста единообразная,
святые единомышленныи; тѣмъ страждущимъ
всѣмъ ицѣленье подаеа. Радуйтася, Бо-
рису и Глѣбе богомудрая, яко потока то-
чиста отъ кладязя воды живоносныи; ицѣ-
ленья истѣкають вѣрнымъ людемъ на
ицѣленье.

(По изд. Тимокос. 92—99. Лазр.
35—56).

Кромѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, Черноризецъ Іаковъ написалъ 1. житіе и похвалу св. Вла-
димиру (Христ. чт. 1849 г. II, 347) и 2. слово
к. я. Дмитрію не позже 1078 г. (Ист. рус. цер.

Макарія II, 303—306). Объ этомъ писателѣ см.
замѣчанія Погодина и другихъ. Изв. Акад. I, 226.
II, 81. 113. 157. 209. 145. Чт. общ. Ист. 1859.
Матер. 1.

296. Ослѣпленіе Василья.

Въ лѣто 6605 (1097). Придоша Свя-
тополкъ, Володимерь, Давыдъ Игоревичъ,
и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Свя-
тославичъ, и братъ его Олегъ, и сляша-
ся Любичи на устроенье мира, и глагола-
ша къ собѣ, рекуще: «почто губимъ Русь-
скую землю, сами на ся котору (раз-
доръ) дѣюще? а Половци землю нашу
несутъ розно, и ради суть, оже межу
нами рати; да новѣ отселяи пшемъся въ
едино сердце и блюдемъ Русьскыи земли,
каждо да держитъ отчину свою: Свято-
полкъ Кыевъ Изяславию, Володимерь Все-
воложию, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Свя-
тославию; а ямъ же роздаятъ Всеволодъ
города, Давыду Володимерь, Ростислави-
чю Перемышль Володаревъ, Теревовль
Василкови». И на томъ пѣловаша крестъ,
«да аще кто отселяи на кого будетъ, то
на того будемъ вси и крестъ честный»;
рекоша вси: «да будетъ на нь крестъ че-
стный и вся земля Русьская», и пѣло-
вавшиеся поплдоша всеояси. И приде Свя-
тополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради бы-
ша людеи вси, но токмо дьяволъ печа-
ленъ быше о любви сей, и влѣзе сотова
въ сердце пѣкоторымъ мужемъ, и поча-
ша глаголати къ Давыдови Игоревичю, ре-
куще елце: «яко Володимерь сложиа
есть съ Василкомъ на Святополка и на
тя». Давыдъ же емъ вѣру (повѣрилъ)
живымъ словомъ, нача молвити на Ва-
силка, глагола: «кто естъ убилъ брата
твоего Ярополка? а нынѣ мыслитъ на мя
и на тя, и сложиа естъ съ Володимеремъ;
да промышлай о своей головѣ». Свято-
полкъ же смятася умомъ, река: «еда се
право будетъ, илп лжа», не вѣдѣ; и ре-
че Святополкъ къ Давыдови: «да аще

право глаголеши, Богъ ти бувъ послухъ (*свидѣтель*); да аще ли завистью молвилъ, Богъ будетъ за тѣмъ». Святѣполкъ же сжался по братѣ своему и о собѣ, нача помышляти, еда се право будетъ? и я (*изъясъ*) вѣру Давыдову, и предѣсти Давыдъ Святѣполка, и начаста думати о Василкѣ, а Василко сего не вѣдаше и Володимиръ. И нача Давыдъ глаголати: «аще не имевъ (*не поймаемъ*) Василка, то ни тобѣ княженя Кыевъ, ни мнѣ въ Володимирѣ». И послуша его Святѣполкъ. И приде Василко въ 4 ноямбрю, и перевезеся на выдобиць, и иде поклонити къ св. Митизу въ монастырь, и ужина ту (*тутъ*), а товары (*обозъ, запасы*) своя постави на Рудици, вечеру же бывшу приде въ товаръ свои. И наутрѣ же бывшу, присла Святѣполкъ, река (*рекѣ*): «не ходи отъ именииъ моихъ». Василко же отпорѣся, река: «не могу ждати; еда будетъ рать дома». И присла къ нему Давыдъ: «не ходи, брате, ве ослушайся брата старѣйшаго», и не вехотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святѣполку: «видиши ли, не помини тебе, ходя съ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, да узрѣшь, аще ти не заметъ градъ твоихъ Турова и Пивьска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешъ мене; но призванъ Кіевы и емъ, и дажѣ мнѣ». И послуша его Святѣполкъ, и посла по Василка, глаголя: «да аще не хочешь остати до именииъ моихъ, да приди нынѣ цѣлуеша я, и поспѣямъ вси съ Давыдомъ». Василко же общася приги, не вѣдый лѣсти, юже имаше на нь Давыдъ. Василко же вѣдъ ва конь потѣхъ, и устрѣтъ ѿ дѣтскыиъ его и повѣда ему, глаголя: «не ходи, княже, хотѣть ты яти», и не послуша его, помышляя, «како ма хотѣть яти? и оно мнѣ цѣловавшѣ крестъ, рекуще: аще кто на кого будетъ, то на того будетъ крестъ и ны аси», и помысливъ си прекрестися, рекъ: «воля господня да будетъ». И прѣѣха въ маѣ

дружнѣ на княжѣ дворѣ; и вылѣзе (*вышелъ*) прѣгву его Святѣполкъ, и ядоша къ вѣстѣку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святѣполкъ: «останися на *святѣполкъ*». И рече Василко: «не могу остати, брате; уже емъ повелѣлъ товаромъ повѣти переди». Давыдъ же сѣдѣше аны вѣти, и рече Святѣполкъ: «да заутрожай, брате!» и общася Василко заутрапати. И рече Святѣполкъ: «посѣдита вы сѣдѣ, а язъ лѣзу, наярѣю», и лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдѣста. И нача Василко глаголати къ Давыдову, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаселъся, и лѣсть нѣтъ въ сердци. И посѣ(и)дѣвъ Давыдъ мало, рече: «кдѣ есть братъ»? Они же реша ему: «стоить на сѣнѣхъ». И вставъ Давыдъ, рече: азъ иду по нь; а ты брате, посѣди. И вставъ иде вонъ. И яко выстѣпи Давыдъ, и заурѣша Василка въ 5 ноямбрю, и сковаша ѿ въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрѣ же Святѣполкъ созва боляръ в Кіевъ, и повѣда пѣтъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: «яко брата ти убилъ, а на ты свѣчалъ (*совѣщавъ*) съ Володимиромъ, и хотѣть ты убити и грады твои зятѣ». И рѣша боляре и людѣе: «тобѣ, княже, достойтъ блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнѣ; аще ли неправѣ глагола Давыдъ, да прииметь мѣсть отъ Бога и отаѣчаетъ предъ Богомъ». И увѣдѣша вѣгушени, и начаша молатися о Василкѣ Святѣполку; и рече вѣмъ Святѣполкъ: «ото Давыдъ». Увѣдѣвъ же Давыдъ, нача поумати (*научать*) на ослѣпленѣе: «аще ли сего не створишь а отпустиши ѿ, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святѣполкъ же хотѣше пушити ѿ, но Давыдъ не хотѣше, блюдеся его. И на ту ночь велоша ѿ Бѣлугороду, иже градъ маъ у Кіева яко 10 верстѣ въ далѣ, и привезоша ѿ на колѣхъ (*на колесахъ, на телегахъ*), окована суца, ссадиша ѿ съ колѣ, и вело-

ша ѿ въ ястобку малу. И сѣдѣху ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножъ, и разумѣ, яко хотѣтъ ѿ сѣлѣнѣи, възопи къ Богу плачемъ великимъ в стѣнахъ. И се вѣзшоа послании Святѣполкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ конюхъ Святѣполчъ, и Дѣмитръ конюхъ Давыдовъ, и почаства простирати коверъ, и простерша лета Василка и хотѣща ѿ поврещи; и бо-размется съ ними крѣпко, и не можаста его поврещи и се вѣзаше друзи повергоша ѿ, и связаша и, и снемше доску съ печи, и вѣложиша на перся его; и сѣдѣста обаполю Сновидъ Изечевичъ и Дѣмитръ, и не можаста удержати; и пристуишаста лѣва два, и сняста другую доску съ печи и сѣдѣста, и удариха ѿ равнѣи (сильно), яко пересѣтъ троскотати (трещати). И пристуи Торчинъ, шемемъ Берейди, овчюхъ (настухо) Святѣполчъ держа ножъ и хотѣ ударити въ око, и грѣбшася (не попалъ) ока и перерѣза ему лице, и естъ рана та Василкъ и нытъ; и посемъ ударѣ ѿ въ око, и взяша зѣвницю, и посемъ въ другое око, и взя другую зѣвницю, и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше ѿ на коврѣ, вѣложиша на кола яко мертвъ, повезоша ѿ Володимерю. И бысть везома ему, стама съ нимъ перешедше мѣстѣ Звѣженскый, на торгоуши (рынокъ), и svolокоша съ него сорочку кроваву сущю, и влада поцадѣя опрати (вымыть); поцадѣя же оправши вѣложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися на-ча поцадѣя, яко жертву сущю оному. И очюхъ плачъ и рече: «кдѣ се есмь»? Они же рекоша ему: «въ Звѣженнѣ городѣ». И вирося воды, они же даша ему, и выпѣ воды, и вступѣ въ онѣ душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: «чему есте сняли съ мене? да быхъ въ той сорочкѣ кровавъ смерть прѣялъ и сталъ предъ Богомъ». Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колахъ, а по грудну пути; бѣ то тогда мѣсяцъ

грудень, рекше (то естъ) ноябрь (1). И придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ (какъ будто какой) уловъ уловивъ, и посадиша ѿ въ дворѣ Вакбевѣ, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и сѣлѣнѣи, ужасеся, и всплакавъ и рече: «сега не бывало естъ въ Русскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сѣкаго зла». И ту абѣ посла къ Давыду и къ Олгови Святѣславичема, глаголя: «поидѣта къ Городицю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русскѣй земли и въ насъ и братьи, еже вверже въ ны ножъ; да аще сего не правимъ, то большее зло истанеть въ насъ, и начветъ братъ брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмуть землю Русскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста ведши и плакастася, рекуща: «яко сего не было въ родѣ нашемъ». и ту абѣ собравъша воѣ, придоша къ Володимерю. Володимерю же съ вои столицю въ бору, Володимеръ же,

(1) Славянскія названія мѣсяцевъ сохранились въ церковномъ обиходѣ XIII в. Мѣсяцъ Сентябрь, римскыи Рюикъ, Октябрь—Листопадъ, Ноябрь—Грудень, Декабрь—Студень, Январь—Просинечъ, Февраль—Сѣчень, Мартъ—Сухиль, Апрель—Бѣлѣозоръ, Май—Травень, Июнь—Изокъ, Июль—Червень, Августъ—Заревъ. (Опис. Рум. Муз. стр. 405. Ист. рус. д. III, пр. 179).

Карамзинъ объясняетъ названія мѣсяцевъ слѣд. обр.: Рюикъ—рѣвникъ, отъ рѣва зайцевъ; Грудень—отъ груди снѣга или мерзлой грязи; Просинечъ—отъ синеты неба; Березозолъ—отъ золы березовой; Изокъ—отъ какой то пѣвчей птицы (изокъ—кузнечикъ); Червень—отъ красныхъ ягодъ или яблокъ; Заревъ—отъ Зари или Зарницы. (Ист. рос. Рос. I, пр. 159 и текстъ).

О славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ см. Вѣст. Евр. 1818, ч. 97, № 4. 283 Рус. Бес. 1857, II. 88, 1858, I, II. 116. Ж. М. Н. Пр. 1863, Июль I. V, 9—10.

и Давыдъ, и Олегъ послаша мужъ свои, глаголюще къ Святополку: «что се зло створилъ еси въ Русьскѣй земли, и звергдъ есе ножъ въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нашъ, обличилъ бы ѿ предъ нами, и упрѣвъ (доказавъ) бы ѿ створялъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». И рече Святополкъ: яко повѣда ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко брата твоего убилъ Ярополка, и тебе хочеть убить и звать волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Бересте, и Погоричу а заходилъ ротъ (принималъ присягу) съ Володимеромъ, яко събѣга Володимеру Кыевъ, а Василкови Володимера; а неволя ми своею головы блюсти, а не язъ яго (его) слѣпилъ, но Давыдъ и велъ ѿ кѣ собѣ. И рѣша мужи Володимера, и Давыдова, и Ольгови: «извѣста о семъ не имѣй, яко Давыдъ естъ слѣпилъ ѿ: не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣплень, но въ твоємъ градѣ ятъ и слѣплень». И се имъ глаголющимъ разидошася разное. Наутрѣ же хотящимъ чрезъ Дятвръ на Святополкъ, Святополкъ же хотѣ побѣгнута изъ Кіева; не даша ему Кыпне, но послаша Всеволожою (княгиню) и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мѣстѣ погубити Русьскыя земли; аще бо възмете рать (будете воевать) межю собою, поганѣ имуть радоватися и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбростомъ побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискиваху; а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожа же и митрополитъ прѣдоста къ Володимеру, и молилася ему, и повѣдаста молбу Кыпанъ, яко творити миръ и блюсти землѣ Русьскѣй, и брань имѣти съ погаными (Половцами). Се слышавъ Володимеръ, расплакався и рече: «по истаи отци наши и дѣди наши соблю-

ли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити». И преклонися на молбу княгини, чтишь ю аки мать, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелѣку (сильно), и въ жывотѣ и по смерти не ослушася его ни въ чемъ же; тѣмъ же и послуша ея, аки матери, и митрополита, такоже чтишь сая святительскыи, не преслуша молбы его. Володимеръ бо такъ быше любезнымъ: любовь имѣа къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ имуе-номъ, паче же и черпечскыи чинъ любя, и черпичи любя, прыходящая къ нему напаста и напаше, аки мати дѣти своя; аще кого видяше лѣ шюмна, лѣ въ коемъ зазорѣ⁽¹⁾, не осудилъ, но вся на любовь прекладаше. Но мы на свое възвратимся. Княгиня же бывши у Володимера, приде Кыпну и повѣда вси рѣчи Святополку и Кыпаномъ, яко миръ будеть. И начаша межю собою мужъ сая, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку: «яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любими (возьми), любю прожени (прогони) ѿ»; Святополкъ же емься по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створише. Василкови же сущю Володимеру, на прѣжертвеннѣмъ мѣстѣ, и яко прѣблжися постъ великыи, и имѣ ту сущю Володимера, въ едину ношь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдаху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «се молилъ Василко ся нощи къ Уланови и Колчи, реклъ тако: се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послудалъ, да быхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвѣвъ, и не паидеть; да се, Василю, шлю ты, иди къ Василю-

(1) Шумна—зазорна, буйна, или въ какомъ либо проступкѣ,

кови, тезу своему (¹), съ сима отрокома, и молив ему тако: оже хоцещи послати мужь свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любь (*нравится*), любь (*или*) Всеволожъ, любь Шеполь, любь Перемиль. Азъ же идохъ къ Василкови, и повѣдахъ ему всл рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: «сега есмь не молилъ; но надѣюся на Богъ, поплю, да быша не прольляи мене ради крови; но сему ми дивно, дасть ми городъ свой, а мой Теребовля, моя власть» (*воласть*). пождавши и нынѣ якоже и бысть; аскорѣ бо прія власть свою. Мнѣ же рече: «иди къ Давыдови и рци ему: приими ми Кульмѣя, то пошлю къ Володимеру». И не послуша его Давыдъ, и посла ми пакы река: «нѣгу Кульмѣя», И рече ми Василко: «поеди мало», и повелѣ слугѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: «се слышу, оже мя хочеть дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть болѣ насытитися, оже мя вдасть яхъ, азъ бо Ляхомъ много зла творихъ, и хотѣлъ есмь створити и мстити Русскѣй земли; и аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти: по истинѣ яно на мя Богъ наведе за мое възвышеніе (*самонадѣянность*), яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзъ, и Торци, и рекохъ оъ умѣ своемъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзъ и Торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайга ми яружину свою молодшюю, а сама пѣта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядскую (*польскую*) настулю на зяму, и на лѣто и возму землю Лядскую, и мщю Русскую землю; и посемъ хотѣтъ есмь переяти (*взять*) Болгары Дунайскѣхъ, и посади ти я у себе; и посемъ хотяхъ

проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любь имѣзу собѣ славу, а любь голову свою сложи за Русскую землю. Ино помышленіе въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, а се кленуся Богомъ и его пришеетніемъ, яко не помыслилъ есмь зла братѣи своей ни въ чемъ жѣ, но за мое възнесеніе (*гордость*) низложи мя Богъ и смири». Посемъ же приходящую велѣху днѣ, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову власть; и устрѣте и Володарь, братъ Василковъ, у Божьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, и Володарь оступи ѥ въ городѣ. И нача Володарь молвити: «почто зло створивъ и не каенися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти (*сваливать вину*), глаголя: «ѡ я се створилъ, ли въ моемъ городѣ? а ся самъ боля, аще быша и мене яли и створилъ такоже; неволи ми было пристати въ съѣтъ, холяче въ руку». И рече Володарь: «Богъ свѣдѣтель тому; а нынѣ цуети братъ мой, и створю съ тобою миръ». И радъ быхъ Давыдъ, посла по Василка, и приведе и дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребовля, а Давыдъ приде Володимеру и наставши весиѣ, приде Володарь и Василко на Давыда, и привоста ко Всеволожу, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшиа около Всеволожа, и ваяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людѣ огня и повелѣ Василко иѣти вся, и створи мщеніе на людехъ неповинныхъ, и прольа кровь нещавиниу. Посемъ же придоша къ Володимеру, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступиша градъ. И послаша къ Володимерцемъ, глаголя: «хѣ не придохомъ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Турыка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили (*подучили*)

(¹) Теза—теска: писатель сказанія былъ Василь и Василько также Василь.

Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ зло; да еще хотите за сихъ битися, да се мы готовы; а любю дайте врагы наша». Гражане же се слышахъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: «выдай мужи сія, не бьемся за сихъ, а за ты битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышлай о собѣ», — я неволи бысть выдати я. И рече Давыдъ: «иѣту ихъ здѣ», — бѣ бо и *(схвативъ)* послазъ Лучьску; онѣмъ же помедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турьску. И слышаша людье, яко Турьскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: «выдай кого ти хотить; аще ли то предаемыся». Давыдъ же послазъ приведе Василя и Лазаря, и дасть я; и створиша миръ въ недѣлю, а завтра по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Васильковичи, и идоша отъ града. Се же 2-е мщеніе створи, его же не быше лѣно створити, дабы Богъ отмстити быль, и възложити было на Бога мщеніе свое, якоже рече пророкъ: и вздамъ месть врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ ищаетъ и мститъ, и вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его. Сынъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемше погребоша я. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестю къ Ляхомъ *(Полякомъ)*; се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помогати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: «пойди съ нами Берестю, яко се вѣбитъ *(манишь)* ны Святополкъ на снемъ; и ту умирямъ ты съ Святополкомъ»; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестю съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу, и сослалъ рѣчьми Святополкъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: «не послушаетъ мене Святополкъ; да иди опять». И приде Давыдъ

Володимерю, и Святополкъ съѣтъ створи съ Ляхы, поиде къ Пиньску, послазъ повоѣ; и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися въ градѣ, чая *(ожидая)* помощи въ Ляхѣхъ, бѣша бо ему рекли: «яко аще придуть на ты русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощници», — и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи градъ, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: «пусти мя изъ града»; Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде изъ града, и приде въ Червенъ, а Святополкъ вниде въ градъ въ великую субботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. Святополкъ же прогнавъ Давыда, ища дунати на Володаря и на Василка, глаголя: «яко се естъ волость отца моего и брата», — и поиде на ня. Се слышавъ Володаръ и Василко, повдоста протяву, вземше крестъ, его же бѣ цѣловалъ къ нима на сепъ, яко «на Давыда пришелъ есмь, а съ вама хочю имѣти миръ и любовь». И преступи святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ, и Василко възвыси крестъ, глаголя: «яко сего еси цѣловалъ, се перьѣе взялъ еси зракъ очю моею, а се пынь хочещи взяти душу мою; да буди межъ нами крестъ съ *(сей)*», — и поидоша къ собѣ къ боеви, и сступашася полци, и мнози челоуѣци благоуѣрнии видѣша крестъ надъ Василкови вои, възвышѣся велими. Брани же велицѣ бывши и мнозиѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и побѣже Володимерю; Володаръ же и Василко побѣдивша, стаща ту, рекуща: «довѣте *(слѣдуетъ)* нама на межи своей стати», и не идоста никакоже. Святополкъ же побѣже Володимерю, и съ нимъ сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружи-

на. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ, а Ярославъ посла въ Угры (къ Венграмъ), вабя Угры на Володаря, а самъ иде Киеву. Ярославъ же, сынъ Святополкъ, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 епископа, и сташа около Перемышля по Вѣгру, а Володаръ затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чинѣ (часѣ) пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте ѿ Боянкъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идущема же има, сташа ночлегъ, и яко бысть полунощи, и вставъ Боянкъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Боянкъ же приѣхавъ повѣда Давыдовъ, яко «побѣда ны естъ на Угры завтра⁽¹⁾». И наугрѣи Боянкъ исполчи вой свои, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣля на 3 полки, и поиде къ Угromъ, и пусти на ворогъ (набѣгомъ) Алтунапу въ 50 чадъ (человѣкъ), а Давыда постави полъ стягомъ (подъ знаменемъ), а самъ раздѣля на 2 части, по 50 на еторонѣ. Угры же исполчипася на заступы (застава), бѣ бо Угрѣ числомъ 100 тысящъ. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угры же погнаша по нихъ; яко бѣжаще минуша Боянка, и Боянкъ погнаше съка въ тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять (назадъ), и не допустяху Угрѣ опять, и тако множицею убавая сбиша ѣ въ мячъ; Боянкъ же раздѣля на 3 полки, и сбиша Угры акы въ мячъ, яко се соколъ сбиаетъ галцѣ (галокъ). И побѣгоста Угра, и мнози истопоса въ Вѣгру, а друзи въ Сану, а бѣжаще возлѣ Санѣ у гору, и спихаху другъ друга,

и гнаша по нихъ 2 дни, съкуше. Туже убиша и епископа ихъ Кунава, и отъ бояляръ многи; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящъ. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску. Червень, приде внезапно и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже бѣша у него Берестьяне, Поняне, Выговевцы, и ста Давыдъ, оступивъ градъ, и часто приступаше. Единою поступиша къ граду подъ вежами, овѣмъ (индымъ) же быущимъ съ града, и стрѣляющимъ межи собою, наяху стрѣлы акы дождъ; Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборольтѣ, сквозѣ деку скважнею, и сведоша ѿ, и на ту вошь умре, и тама ѿ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчѣ. И рѣша людѣ: «се князь убьенъ; да аще ся влады, Святополкъ погубитъ ны всея», и послаша къ Святополку, глаголя: «се сынъ твой убьенъ, а мы взве могаемъ гладомъ; да аще не придеши, хотять ся людѣ предати, не могуше глада терпѣти». Святополкъ посла Путята, воеводу своего; Путята же съ вой пришедъ къ Лучьску къ Святошѣ, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходящѣ бо бѣ ротѣ Святоша къ Давыдовъ: «аще оподеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти», и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята авг. въ 5 день, Давыдовымъ воємъ облежащимъ градъ, въ полуденѣ Давыдови спящю, и нападоша на нь и почаша съчи; и горожане скочивша съ града, и почаша съчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновецъ его. Святоша же и Путята прияста градъ, и посадиста посадника Святополча Василя; и приде Святоша Лучьску, а Путята Киеву. Давыдъ побѣже въ Половцѣ, и устрѣте ѿ Боянкъ; и поиде Давыдъ и Боянкъ на Святошу къ Лучьску, и от-

(1) Суевѣрное понятіе о признакахъ побѣды. Сличя съ Сл. о пол. Игор. и сказан. о Куляковс. битвѣ.

ступивша Святошу въ градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града и приде къ отцю своему Чернигову; а Давыдъ перее Лучьскъ, и отуду приде Володимирю, посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перее (занялъ) Володимеръ и сѣде въ немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, въ немъ же и умре; а Святополкъ перее Володимеръ, и посади въ немъ сына своего Ярослава.

(Лавр. I, 109—116).

297. Борьба между князьями.

Бысть вѣсть (1146) къ Косняткови мужю Святославу, оже Давыдовича думаста яти брата своего Святослава; и приѣда Коснятко ко князю своему, река: «княже! думаютъ о тобѣ, хотять яти, аче по ты прислѣга братья, не ѣздѣ къ нима». Лукавый бо пронырливый дьяволъ, не хотай добра межи братьею, хотай предложити зло ко злу, и вложи има мысль не вискати брата Игоря, ни помянути отечества и о хрестѣ утверждения, ни божественныя любви, якоже бѣ лѣпо жити брати единомысленно укупѣ, блюдучи отечества своего; но преступивша крестное утверждение и забывша страха божия, и посластася къ Изяславу: «Игорь како то тобѣ золь былъ, тако и нама, а держи твердо» — а къ Святославу посласта, рекоста: «пойди изъ Новгорода Путивлю, а брата ся Игоря липи». Святославъ же рече: «ни волости хочу, ни иного чего, развѣ только пустите ми брата» — она же рекоста: «цѣлуй къ нама крестъ, яко не просити брата, ни его взищеши, а волость держи». Святославъ же, прослезився, рече, пославъ къ Юргеву у Суждалъ: «брата ми Всеволода Богъ поялъ, а Иго-

ря Изяславъ ялъ, а пойди въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ ми налѣзи брата; а язъ ти сдѣ, надѣся Божѣ и силѣ животворящаго хреста, буду ти помощникъ». Въ тоже веремея, божьемъ милосердьемъ, прибѣже отъ строп Святославичъ Володимиръ, Ярославъ внукъ, къ Святославу, Новгороду, и тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ. Въ тоже веремея посла Святославъ въ Половцѣ къ уемъ своимъ, и приде ихъ къ нему въ борзѣ 300. Изяславъ же водивъ Всеволодовича Святослава хресту, и да ему Бужьскый и Межибожье, 5 городовъ, а изъ Володимиря выведе. Вячеславъ же, се слышавъ, надѣся на старинство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя города опять, иже быше отъ него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но Володимиръ зая и посади въ немъ Андреевича. Изяславъ же се слышавъ, посла брата своего Ростислава и Всеволодовича Святослава на строп своего Вячеслава, и отъя отъ него Туровъ, и епископа туровскаго Анима, и посадника его Жирослава Яванковича, и посади сына своего Ярослава въ Туровѣ. Давыдовича же рекоста: «се есѣвъ зачала дѣло зло, а свершивъ до конца братоубиство; пойдивъ, искоренивъ Святослава и переплмевъ волость его»; сгадаша же то въспросиша Изяслава ити на Святослава Новгороду. Того же лѣтъ (1146) ходи Изяславъ къ Давыдовичема на снемъ, и рече има: «пойди на Ольговича на Святослава»; и посла съ нима сына своего Мстислава, съ Переяславчи и съ Берендѣи, рекъ имъ: «идите нанъ, оже передъ вами не выбѣгнеть, станьте же около его; аче вы ся сътрудите, а я пакъ чѣлъ приду къ вамъ и стану около его, а вы домовъ поидете» и повидомъ Новгороду. И пришедше сташа у пересны, оттуда идомъ стрѣльци изъ товаръ къ граду къ вратомъ Черниговскимъ, и ту бишуся много; утрѣи же

день испоячишася и поидоша къ вратомъ Курскимъ. И посла Мъстиславъ Изяславичъ ко Володимиру и къ Изяславу Давыдовичеа, и реша има: «братъ ваю, а мой отецъ, тако рекъ: къ городу же не приступайте, доколь же приду азъ, а како же угадаетъ, тако створимъ;» она же рекоста тако: «аже тако братъ вельбъ, а тако и учинимъ», и не доидуча пакы града, стаща блвзъ. И съѣхавшася Володимиръ, Изяславъ Давыдовича, и Мъстиславъ Изяславичъ, вси на мѣсто, и пустиша стрѣльцъ къ граду, хрестъяны и Берендѣя, а сами стаща полкы и начаша ся бити, и бысть налога велика гражданомъ, и вбодоша я въ врата острожная, и много бѣ у нихъ убитыхъ и ураненыхъ; въ той же свадѣ убиша Дмитра Ярославича и Андрея Лазоревича. Бывшимъ же ся нѣ и до вечера, и оттуда шедше стаща у Мелтековъ селѣ, и оттуда пославше и заграбиха Игореву и Святославлю стада въ лѣсѣ по Рахви, кобыль етадныхъ 3000, а конь 1000; пославше же по селомъ, пожгоша жита и дворы. Въ тоже веремѣ послася Святославъ къ Гюргеви, и чѣлова къ нему крестъ Гюргя, яко испати ему Игоря; и поиде Гюргя въ помощь ему. Услышавшю же Изяславу, яко Гюргя идеть въ помощь къ Святославу, и послася Изяславъ Мъстиславичъ полемъ къ Ростиславу Ярославичу у Рязань, а самъ Изяславъ вѣде на конь, на Святослава къ Новугороду иде, идѣже бѣ Володимиръ и Изяславъ Давыдовича и сынъ его Мъстиславъ; послушавъ же Изяслава Мъстиславляча Ростиславъ воюеть волость его, и поча стеречи волости его. Гюргеви же бысть вѣсть, оже Ростиславъ воюеть волость его, и пусти Гюргя сына своего Иванка къ Святославу, а самъ узвратися изъ Козельска. Иванкови же Гюргевичу пришедшю въ Новъгородъ Святославу, и да ему Курскъ и съ Посемьемъ, а съ мужикъи спопи сгадавъ, попина своего по-

сла къ Давыдовичеа, рекъ има: «братъ мой! се еста землю мою повоевали, и стада моя и братъ моего заили, жита пожгли и всю жизнь погубила есте.... По дьяволу наученю, не бѣ то и еще до сыти, но идоста на Игореву сельце, идѣже баше устроилъ дворъ добръ; бѣ же ту готована много въ бретьяницахъ (*медушахъ*), и въ погребѣхъ вина и меда, и что тяжкаго товара всякаго, до желѣза и до мѣди, не тягли бяху отъ множества всего того вывозити. Давыдовича же повѣлѣста имати на нозы собѣ и воємъ, и потомъ повѣлѣста зажечи дворъ в церковь св. Георгія и гунио его, въ немъ же бѣ стоговъ 9 сотъ И съѣхавшеся Изяславъ, Володимиръ Давыдовича съ Мъстиславомъ Изяславичемъ, слышавше послася противу Изяславу Мъстиславичю, а сами поидоша къ Путивлю, на Рождество христово, и тако приступиша къ граду; и не вдашася имъ Путивлячи, доидеже приде Изяславъ съ силою кievскою. Охѣмъ же крѣпко быюшимъ съ града, побѣхаста Давыдовича и рекоста имъ: «не бейтеся, чѣломъи на тоиъ святою Богородицю, оже не дати васъ на половъ» — они же не дашася имъ. И приде Изяславъ Мъстиславичъ съ полкы своими къ нимъ; они же выслася къ Изяславу Мъстиславичю и поклономъ ему и тако рекоста: «тебе есмы ждали, княже, а чѣлуй къ намъ хрестъ». Изяславъ же чѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а своего у нихъ посади. И ту дворъ Святославъ раздѣли на 4 части, и стѣтнницъ, бретьяницъ, и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, я въ погребѣхъ было 500 берковцовъ меду, а вина 80 корчагъ; и церковь св. Възнесенія всю облупиша (*ободрали*), съсуды серебряныя, и индѣльбѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадѣльничъ двѣ, и кацы (¹),

(¹) *Кацы*—главныя кадѣльницы съ ручками.

и евангеліе ковано, и кнѣгы, и колоколы; и не оставиша ничто же княжа, но все раздѣлиша, и челяди (людей) 7 соть. И приде Святославу вѣсть, оже Изяславъ Мстиславичъ пришелъ и городъ его взялъ, и вся яже въ немъ Святославле, и повѣда ему отца его мужъ, идѣ же бѣ у Володимира, оже Изяславъ идетъ на нь и хочеть оступити Новгородъ; Святославъ же повѣда Иванкови Гюргевичу, Иванови Ростиславичу Берладнику, и дружинѣ своей, и Половцемъ дикымъ уемъ (дядьламъ) своимъ, Тюпракови Осуловичу и брату его Камосъ: «се на мя идетъ Изяславъ Мстиславичъ, а промышлямы о собѣ» — они же рекоша: «княже! не стрѣлая поѣди, зѣти не о чемъ быти, нѣтъ уи жита, ни что, поѣди въ лѣсую землю и отудѣти ся близъ слати къ отцу своему Гюргевичю». И тако побѣже Святославъ изъ Новгорода Корачеву; дружина же его, ѡни по немъ идоша, а друзиѣи осташа его, и жена и дѣти съ нимъ, и ятровъ свою Игоревую поя съ собою.

(Ипат. II, 25—27).

298. Переговоры съ Володимиромъ.

Изяславъ посла къ Володимиру галицскому (1152) Петра Бориславича, съ крестыными грамотами, заше тѣмъ же бѣшеть и въ Перемышляхъ съ королевы мужи водитъ къ хресту; и рече ему Изяславъ: «крестъ еси къ нама съ королемъ цѣловалъ на томъ, яко что Руской волости, то ти все воротити, и того еси всего не управилъ; нынѣ же азъ того не поминую всего, во оже хочещи крестному цѣлованію управити и съ нама быти, то узвортѣи мол города, на нихъ же еси къ нама съ королемъ крестъ цѣловалъ, не хочещи ли дати, то съступилъ

еси крестного цѣлованія; а се твоѣ грамоты крестыныя, а нама королемъ съ тобою како Богъ дастъ». И рече Володимиръ: «рци, брате, на веремныя еси на мя и короля еси на мя възвелъ; но оже буду живъ, то любо свою голову слою, любо себе мышо». И рече ему Петръ: «Княже! крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеву цѣловалъ, яко ти все управити и съ нима быти; то ти еси уже съступилъ крестного цѣлованія». И рече Володимиръ: «сїи ли крестецъ малый?» (1) И рече Володимиру Петръ: «Княже! аче крестъ малъ, но сила велика есть его на небеси и на земли; а тобѣ есть, княже, король являлъ того честнаго хреста, оже Богъ своею волею на томъ руки свои простерлъ есть, и првель и Богъ по своей милости къ сѣ. Стефану, и то ти явилъ, оже цѣловалъ всечестнаго хреста, а съступивши, то не будещи живъ»; и рече ему Петръ: «а у королева еси мужа слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?» И рече Володимиръ: «вы того до сыти (толпи) есте молвили; а нынѣ подѣзи (ступай) вонъ, поѣди же къ своему князю». Петръ же положи ему грамоты крестыныя, лѣзе вонъ, и не даша Петрови ни полова, ни корма; Петръ же поѣха на своихъ конихъ. И якоже съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ поиде къ божици къ св. Спасу на вечернюю; и якоже бѣ на переходѣхъ до божици, и ту видѣ Петра їдуща и поругася ему: «поѣха мужъ Рускій обѣмивъ вся волости»; и то рекъ нас на полати (на хоры). И отидѣто вечернюю, Володимиръ же поиде отъ божици, якоже бы на томъ мѣстѣ, на степени, идѣже поругася Петрови, и рече: «годе тѣ нѣкто удари мя за плече», — и не може съ того мѣста ни мало посту-

(1) Т. е., — что имѣ сдѣлать этотъ маленький крестикъ?

ниги, и хотѣ легѣти (*слетѣль—было*); и ту подхытиша ѿ подъ рудѣ, и несеша ѿ въ горенку, и вложиша ѿ въ укропѣ (*въ теплую воду*), и моваху, яко даа естъ подѣстунца, ины же друго яко моваху, и много приказываху. И бысть велии вечеръ, Володимиръ же нача изнемогати велии; и якоже бы влягомо⁽¹⁾, и тако Володимиръ галичскій князь преставися. Петрови же выѣхавши изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и лѣже у Болшеви; и якоже бысть убо къ нуромъ⁽²⁾, и прыгна дѣтскій изъ Галича къ Петрови, река: «князь ти молвить: неѣзди ни камо же, но жди ту, доколѣ по ти высю». Петрови же не вѣдающе княжѣ смерти, ни тѣмъ ему дѣтскій не повѣдѣ, Петръ же тѣмъ печаленъ бляе велии, оже ему бляе оны въ городъ похати, творяшеться ирѣти муку пуще того; Петръ же тужашеть. Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града прыгнаша по Петра, рекуще: «князь ти зоветь». Петръ же поѣха въ градъ, и ирѣха на княжѣ дворъ, и ту сядоша противу ему съ сѣней службы княжи вси въ чернихъ мятлахъ (*верхнихъ одеждахъ*), и видѣвъ се Петръ и подивися, что се естъ; и яже вьиде въ сѣни, и видѣ Ярославъ сѣдѣща на отни мѣстѣ въ черни мятлѣ и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его; и поставивша Петрови столецъ (*стулъ*) и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася, Петръ не вѣдая сѣдѣше, и нача ирамати: «что се естъ?» И повѣлаша ему: «Богъ сы нощи князя похлъ»; и рече Петръ: «а сы нощи емь похлъ, а онъ добръ здоровъ»; они же рекоша: «что си уснуулъ за плече, и съ того нача велии изнемогати; и тако Богъ похлъ»; и рече Петръ: «воля божия, а веши

тако быти». Ярославъ же рече Петрови: «мы есмы тебе того дѣла позвали: се Богъ волю свою, како ему угодно, тако створи естъ; а нынѣ поѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего похлъ, а ты ми буди въ отца мѣсто, а ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдае, что межѣ вами было, а то уже Богъ осудилъ; аче Богъ отца моего похлъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одно копѣе поставлено у гроба его, а и то въ руку мою естъ; нынѣ, отце, кланяются, приими мя яко сына своего Мстислава, такоже и мене, атъ вѣдѣти Мстиславъ подѣ твоѣй стрѣмень по одной сторонѣ тебе, а азъ по другой сторонѣ подѣ твоѣй стрѣмень вѣжду всеми своими полкы». И тако отпустиша Петра.

(Ипат. II, стр. 71—73).

299. Бирьба Новгородчанъ съ Суздальчани.

а. Ходи изъ Новгорода Давыдъ Лазутиничъ на Давиду (1169)-дани имать, въ 500 мужъ, и ерѣтоша Суздальчѣ на Бѣлѣзерѣ въ 7000 мужъ, и бишася, и паде Суздалецъ 1000 и 300, а Новгородецъ 15 мужъ⁽¹⁾; и взяша на Заполчанскѣхъ дань, а другую на Суздальскѣхъ смердохъ. На зину придоша Суздальчѣ ратью къ Новгороду, на сборъ (*въ воскресенье 1-й недѣли поста*), князь Романъ Андрѣевичъ, а съ нимъ князь Мстиславъ съ Смоленцы, съ Рязанцы, съ Муромцы, съ Торочаны, съ Полчаны, вся земля просто Руская, и бысть всѣхъ

(1) Когда ложатся спать.

(2) Когда пѣтухи поютъ, т. е. среди ночи.

(1) Разумѣется, это не вѣрно, но выражаетъ взглядъ современниковъ на силу Новгородцевъ.

князей 72, а въ Новгородѣ бѣше князь Романъ молодѣ; владыка Іоанъ, посадникъ Якуиъ вынесоша икону изъ св. Сваса, съ Ильины улицы, св. Богородицю, на острогъ на Десятинѣ; и съѣздѣшася по 3 дни, въ 4 же день, въ среду, м. февраля 23, на память св. отца Тарася, попустиша стрѣлы аки дождь умноженъ на острогъ, и обратися икона лицомъ на градъ, и паде ва нихъ тма на полѣ, и ослѣпоша вси, и вышедше Новгородци овыхъ избѣиша, а илѣхъ изимаши, а прокъ (проше) злѣ отбѣгоша, а предаваху Суздальца по двѣ ногати. Устаивши праздновати праздникъ Знаменію (чуду) святѣй Богородици, м. ноября 27, на память св. мученика Іакова Церскаго.

(IV, Новгород. 12).

Это сказаніе выражаетъ народный взглядъ на борьбу съ Суздальцами; изъ него видно, какъ побѣда Новгородцами враговъ возвышала чувство патристическое и сознание собственной силы и правоты. Мысль о томъ, что чудодѣйственная сила божія защищаетъ Новгородъ, давала новымъ надежды на помощь и укрѣпляла на новую борьбу. Новгородъ прежде соединенъ былъ съ Ростовско-суздальской землей, какъ своей областью; но потомъ эта область не только отпала отъ связи съ Новгородомъ, но замышляла подчинить его своему вліянію. Андрей Боголюбскій началъ съ подчиненіемъ Двинской области, но не удалось; Новгородъ поминалъ старину и желалъ покорить прежнюю свою Ростовско-суздальскую владость, но проигралъ битву на Ждановой горѣ 1134 г. Эта областная вражда выразилась и въ сказаніи летописцевъ о битвѣ 1169 г.: у новгородскаго летописца представлено полное и чудесное поражение Суздальцевъ, а у суздальскаго говорится о бѣдствіяхъ новгородскаго края, хотя ясно видно, что тутъ говорить областная гордость. Вотъ какъ описываетъ ту же битву суздальскій летописецъ.

б. Тое же зимы князь Андрѣй посла сына своего Мстислава, съ всею дружиною, на В. Новгородъ, и Романъ смоленскій князь съ братомъ Мстиславомъ, и разанскій князь сына посла, и муромскій сына же посла: и пришедше въ землю ихъ, много зла створиша, села вся взяли и пожгоша, и люди по селомъ истрекоша, а жены и дѣти, имѣиши и

скотъ поимаша. Придоша же къ городу, Новгородци же затворишася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бѣлахуться крѣпко съ города, и мнози избѣиша отъ нашихъ; и не успѣвши ничтоже городу ихъ, възвратѣшася оныи, и одва дѣшмы своя яша пѣши оныи, а друзи люди помроша съ голода; не бысть бо николеже толь тяжка пути людемъ симъ, друзи бо отъ нихъ и конину ѣша въ великое говѣнье. Се же бысть за наши грѣхы: слышахомъ бо прежде трии лѣтъ бывшее знаменье Новгородѣ, веиши людемъ видящимъ: въ трехъ бо церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица, провидѣвши бо Мати божія пагубу, хотящую быти надъ Новымъ городомъ и надъ его полостью, моляше сына своего съ слезами, дабы ихъ отинуудъ не искоренилъ, якоже прежде Содома и Гомора, но яко Ниневитяны помилуетъ; якоже и бысть: очисти бо Богъ и Мати божія избави я милостью своею, заше хрестыиане суть. Наказая накази ма, рече, Господи, а смерти не предаждь мене, глаголя Давыдъ. Тако и сіи люди новгородскыи наказа Богъ и смѣри я до зѣла, за преступленье крестное и за гордость ихъ наведе на ны, я милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свободени Новгородци правды князь нашихъ; но аще бо тако было, то велѣли ли имъ предати князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромляти, а крестъ честный цѣловавшие ко внукомъ ихъ и къ правнукомъ, то преступати? То доколѣ Богови терпѣти надъ нами? за грѣхы нашихъ и наказалъ по достоинству, рукою благочестнаго князя Андрѣя.

(И. С. Лѣт. I, 154).

См. мѣстныя сказанія изданіи рус. моск. и новгор. О. Н. Буслаева. Лѣт. литер. (Н. Тв. хонр. IV, 3—24.

в. Въ лѣто 6686 (1178). Новгородци цѣловаше ко Всеволоду Юргевичу крестъ, и не управиша; онъ же иде къ Торжюку, въ волость ихъ, и не хотяше взяти города, бѣша бо общалися дань дати ему Новоторжци, и не управиша. Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: «мы не цѣловать ихъ прѣзали, они, княже, Богови лжють и тобѣ». И се рекше, ударивша въ конѣ, и взявша городъ, мужи повлазаша, а жены и дѣти пащити и товаръ взявша, а городъ пожгоша весь за новгородскую неправду, оже на дни цѣлуютъ крестъ честный, и переступаютъ. Тѣмже пророкомъ глаголетъ намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоко еси и шипа желѣзна о выѣ твоей, того ради удержихъ отъ васъ дождь, предѣлъ единаго одождихъ, а другаго не одождихъ, исше, и поразихъ вы зноемъ и различными казньми: то и ту не обратистеся ко мнѣ; сего ради винограда ваша и нивы ваша и дубравы истрохъ, а алобъ вашъ не многохъ истерти. Захаря бо пророкъ серпъ видѣ огненъ съ небесе грядущъ, и рече: на кого, Господи, послашь еси серпъ сій? рече ему Господь: на кленущаяся именемъ моимъ и преступающе, клятвеннобоже бо мужъ всякъ потребится. Князь же Всеволодъ зал городъ Торжюкъ м. декабря въ 8 день, на память св. Потапья, полонъ пусти въ Володимерь, а самъ перебралъ дружины иѣколько, ѣха къ Ламьскому Волоку и пусти на воронъ; и пригнавше дружина, яша князя Мстиславича Ярослава, сыповца ему, а городъ пожже, а людье бяху выбѣгли, а жита пожгоша и до всего. Князь же Всеволодъ възвратися въ Володимерь.

(П. С. Лѣт. I. 163).

300. Междоусобіа въ Рязани.

Того же лѣта (1186) встали дьяволъ вражду, искони ненавидай добра роду человѣческому, и боряся съ хотящими ся спасти, якоже въ прежняя дни Каина на Авеля брата своего, а потомъ Святополка на Бориса и Глѣба власти ради, абы единому власть прияти, а братью избити. Тако и сихъ подоостри Романа, Игоря, Володимера на Всеволода и Святослава, на меньшую брату; и бысть крамола зла велики въ Рязани, братъ брата искаше убити, пославше къ нима, звахуть ею къ собѣ на совѣтъ дестью, абы како яти ею (мѣ). Она же увѣдѣста, почаща городъ твердити; и они слышаше, оже городъ твердятъ, идоша къ Приньску, собраше вой множество; она же затвористася въ градъ, и почаща воевати градъ ею и села. Услышавъ же Всеволодъ в. князь Юргевичъ, призванъ рень сый, бояся Бога и не хогя видѣти кровопролитья въ нихъ, посла къ нимъ изъ Володимера слы своя въ Рязань, къ Глѣбовичемъ къ Роману и къ Игорю и Володимеру, глаголя имъ: «братья! что тако дѣлаете? не дивно, оже ны быша погави воевали, а се нонѣ хочете брату свою убити»; они же слышавше се, воспринимше буй помысль, начаша си гнѣвати на нь и болющу вражду въздвигати. Якоже Соломонъ глаголетъ: кажа злыя приѣмлетъ собѣ досаженье, обличитъ безумнаго, поречеть ти; не обличай злыхъ, да не възненавидятъ тебе, обличай премудра, възлюбитъ тя, а безумнаго обличитъ, възненавидятъ тя. Тако и си възревноваша и не послушаша его, но замышляя почаша на нь рать. Всеволодъ же съ братомъ своимъ Святосланомъ посласта изъ Приньска къ Володимеръ къ в. кн. Всеволоду Юргевичю, помочи просяще; онъ же посла къ нимъ володимерское дружины 300, и рала быста, слышавше ихъ пришедшихъ. Идоша къ граду

и обисѣдоша градъ, и бѣшася крѣпко, Всеволодъ же Гюргевичъ посла къ нимъ въ помощь Ярослава ВолодимERICHA, свояка своего, а изъ Муромъ Володимера и Давыда, и быша у Коломны; слышаша идуща изъ Володимеря, бѣжаша отъ града. И видѣ Всеволодъ бѣжаша ихъ отъ града, выѣха изъ града, оставивъ брата Святослава въ градѣ, а самъ ѣха къ Коломнѣ противу Ярославу, Воломеру и Давыдову, и повѣда имъ, како бѣжаша отъ града; и они услышавше, възвратившася Володимерю, Всеволодъ же иде съ ними на совѣтъ ко Всеволоду великому Юргевичю. Услышавъ же Романъ, Игорь и Володимеръ, оже воротилися оиѣ, и братъ ихъ шель Володимерю на совѣтъ ко Всеволоду Юргевичю, идоша ко граду; и Святославъ затворися въ градѣ, и бѣшася крѣпко, и перелта воду у нихъ, изменагау же людѣ въ градѣ безводьемъ. И послаша въ градъ къ брату Святославу, глаголюще: «не морися голодомъ съ дружиною, и людѣи не помори, но лѣзи сѣмо къ намъ; ты намъ братъ свой, цы сѣмны ты? толико не приставай къ брату Всеволоду». Онъ же послушавъ бояръ своихъ, оже молвахуть ему: «братъ твой шель Володимерю, а тебе выдавъ, и отвора градъ. Они же въѣхавше даша ему городъ, а крестъ пѣлова къ нимъ, и посадиша ѣ въ томъ же градѣ, а что дружины Всеволожа, повязаша всѣхъ, жену же его и съ дѣтми, а свою ятвори (свекровь), ведоша въ Рязань, и бояръ его, и имѣнне ихъ розняша; и Володимерци много повязаша яже блху послани въ засаду къ нимъ. Услышавъ же Всеволодъ положивъ жену и съ дѣтми, и до бояръ, и имѣнне взято, печалень бысть велик, и братъ ся передалъ, прїеде изъ Володимеря и сѣде въ Коломнѣ; и почашася воевати, и бысть ненависть межю ими люта, Всеволодъ же Гюргевичъ слышавъ то, оже передался Святославъ на лѣсти, а

дружину его выдалъ, нача собрате вон, река: «дай мою дружину добромъ, како то еси у мене повалъ; аще ся миришь съ братьемъ своею, а мои люди чему выдаешь? азъ къ тобѣ послалъ, а ты у мене выбилъ челоуѣ, приславъ; аще ты ратенъ, си ратил же, аще ты миренъ, а си мирин же». Они же слышавше, оже хочеть ити на нь Всеволодъ, послаша къ нему глаголюще: «ты одеъ, ты господишь, ты братъ; гдѣ твоѣ обидѣ будеть, мы переже тобѣ главы свое сложимъ за ты, а нонѣ не имѣй на насъ гнѣва; аще есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаетъ, а тобѣ ся кланяемъ, а мужъ твой пуцаемъ». Всеволодъ же не всхотѣ мира ихъ, якоже пророкъ глаголетъ: брань славна лучше есть мира студна (аудасю), съ живымъ же миромъ живуще, велику пакость землямъ творять.

(И. С. Лѣт. I, 169—170).

301. Борьба г. Владимира съ Рязанью 1207.

Всеволодъ в. князь рече слово Давыдово: ядый хлѣбъ мой възвеличивъ естъ на мя лѣсть; и паки рече: не убоюся зла, яко ты еси со мною, Господи, и поиде съ Москвы, совкупяся съ сынами сполми, съ Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и съ Володимеромъ, и придоша до Оки, и стаща възлѣ рѣку шатры, на березѣ на пологомъ. Того дне придоша къ нему и Рязанскыи князи, Романъ, Святославъ братъ его съ дѣтми сынома, а Игоревича 2 братья съ Иньгварь и Юрги, и Володимерича 2 Глѣбъ и Олегъ, а Всеволодъ бѣше умерлъ въ Пронскѣ братъ ихъ, и изъ Муромъ Давыдъ; и пѣзовавъ ихъ повелъ имъ сѣсти въ шатры, а самъ князь в. сѣде въ по-

лѣстияца (*постельномъ шатръ*), и ча-
ча къ нимъ слати князя Давыда муро-
скаго и Михаила Борисовича, мужа свое-
го, на обвиненье ихъ; и ходящимъ имъ
долго время межъ нами, ошѣмъ же кле-
нушимся и рогачимъ, яко вѣсть то та-
ко, Глѣбъ же и Олегъ ВолодимERICHA,
братичица имъ свои, пришедше обвиниша
ихъ; князь же вел. слышавъ, яко вѣоб-
ражена (¹) бысть истина, повелѣ изъ-
пнати ихъ съ своими думцами (*совѣтчи-
ками*) и вести ихъ въ Володимиръ, м.
сентября въ 22 день св. Фоки, въ день
суботный. И сбысться на нихъ Давыдово
слово, глаголющее: се боля неправдою,
зачать болѣзнь, и роди безаконье; ровъ
изры и ископа, и впадеша въ яму, юже
створи; и обратися болѣзнь, его на гла-
ву ему, и на верхъ его неправда его
сидеть. А самъ князь в. наутрѣи день
переводился черезъ Оку, въ день недѣл-
ный, и поведе къ Проньску; слышавъ же
кюръ (*господина*) Михаилъ, оже ему
стрыеве изымаша, и отецъ ему мертвъ, а
се на нь рать идеть, онъ же убоявся
бѣжа ко тѣси своему Чернигову. Про-
няне же пояша къ собѣ Ияслава Воло-
димERICHA, и затворишася съ нимъ въ
градѣ, князь же в. припедъ ста у горо-
да Проньска въ день суботный, и не хо-
тя видѣти кровипролитыя, и посла къ
нимъ мужа своего Михаила Борисовича
омирить ихъ; они же не винушиша гла-
голь его, издѣющеся на градию твер-
дость, не вѣдуще реченаго пророкомъ
Давыдомъ: аще не Господь снзидеть дому,
всѣе труднѣеся живущемъ, аще не Гос-
подь стрежетъ града, и прочая. Слышавъ
же князь в. рѣчь ихъ буюю (*грубую*)
и повелѣ приступити ко граду со всѣхъ
страны, они же приступише отъяша отъ
нихъ воду, они же бяхуся крѣпко изъ
града, и мнози огъ обожьхъ уязвлены бя-

ху, и выходяща ночью крадаку воду. То
слышавъ князь Всеволодъ, повелѣ стрещи
(*стеречь*) въ оружьи день и ночь около
града, и роставля шолки по вратамъ: Ко-
стянтину, сыпозу своему, съ Новгородци
и Бѣлозерци одна врата на горѣ, а
Ярославу съ Череласавци 2-я врата, Да-
виду съ Муромци третья врата, а самъ
князь в. ста за рѣкою съ поли Половецъ-
скаго, съ сыниа своими Юргемъ и Воло-
димERICHA. Они же бяхуся, излазящи
изъ града по брани дѣла, по жажы
(*жажды*) ради водныа, измираху бо
мнози людье въ градѣ. Тогда же посла
в. князь полкъ свой къ людьямъ по корнѣ
на Оку, и пристави къ нимъ Ольга Во-
лодимERICHA; и бывшимъ имъ въ Ужеска
(*Ожьска*), бысть имъ вѣсть, оже вы-
шелъ изъ Рязани Романъ Игоревичъ съ
полкомъ и бѣтсся съ лодейники у Ол-
гова. Они же гнѣша изаскорѣ къ лодьямъ,
со же видѣше полкъ нашъ, отступивша
отъ лодыи и поставивша полкъ, наши же
поставивша противу имъ, а по единой
странѣ лодейники; и побѣди Олегъ Ро-
мана, и възвратишася наши оплѣть къ
Проньску съ побѣдою ко князю всеволоду.
И столша около города 3 недѣли, и пе-
редашася людье въ четвертъ 3-ѣхъ недѣли
м. октября въ 18 день, на память св.
апостола Лукы еузвгелеста; князь же в.
омирить ихъ, и посади у нихъ Ольга Во-
лодимERICHA, а самъ поведе къ Рязани,
посадники посажавъ свои по вѣмъ го-
родомъ ихъ. И бывшио ему у Доброго,
вѣста и хотѣше наутрѣи бродитися черезъ
Проню рѣку и поити къ городу; Рязанци
же прислашася къ нему съ поклономъ,
молящеся, дабы не приходилъ къ городу;
и епископъ ихъ Арсений молися, часто
шля и глаголя: «князь великий! не опу-
сти (*не опустоши*) вѣсть честныхъ, не
пожжи церквей святыхъ, въ нихъ же
жертва Богу и молба стваряется за тя;
а нонѣ всю волю твою стваряють, чего

(¹) Изображена, открыта, видима.

то хошеши». Князь же в милосердѣ сы, послуша молбы ихъ и поиде отъ нихъ къ Коломнѣ. То же слышавъ Рюрикъ князь, оже Всеволодъ в. князь стоить у Рязаня, и князи ихъ изимавъ, онъ же совокуяся и гна изѣздомъ къ Києву, и выгва Всеволода Чермнаго изъ Києва, а самъ сѣде въ немъ. И мы та оставльше, на предняя вѣзвратимся. Князь же в. праде отъ Коломны на усть Мерьскы, и поставже и епископъ ихъ съ молобою и съ поклономъ отъ всѣхъ людѣй, князь же в. оттолѣ поиде въ Вологерь, а вниде въ градъ м. ноября въ 21 день въ среду, на Введенье св. Богородица, и бысть радость велья въ градъ Володимери.

(П. С. Лѣт. I, 181—183).

302. Липицкая битва.

Въ лѣто 6724 (1216). Князь в. Мстиславъ поиде съ Новгородци на зяги своего кн. Ярослава, м. марта въ 1 день, въ вторникъ; а въ четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопреступници Володиславъ Завидовичъ, Гаврило Игоревичъ, Юрьи Олексиничъ, Гаврило Милатиничъ, и съ женами и съ дѣтми. Князь же съ Новгородци быша верху Волги, а кн. Святославъ обшедь городецъ Ржевку Мстиславъ съ полкы ят 10,000, Мстиславъ же съ Владимиромъ съ псковскими, поиде вбортъ въ 500, толко бо всѣхъ вой бѣше, а пригониша, а они бяху побѣгли прочь; Ярунъ затворися въ градъ въ 100, и отбѣся ихъ, и Мстиславъ взя Зубцевъ. И быша на Волзѣ, привде Володимеръ Рюриковичъ съ Смоленяны, а послаша на Торжекъ къ Ярославу о миру, а сама сташа на Холоднѣ. Ярославъ же отвѣтъ да(а): «миру не хошу, пошла есте, поидите же, но яи ступи васъ достанется одинъ васъ».

И ркоша промежу себе князи: «ты, Ярославе, съ плотью, а мы съ крестомъ честнымъ». Ярославъ же мужи учиниша твердь (крѣпость) а пути отъ Новгорода застѣкоша в рѣку Тѣрцу. И ркоша Новгородци княземъ: «поидемъ мы къ Торжку»; и князи ркоша: «аще поидемъ къ Торжку, попустошимъ новгородскую волость». И поидоша къ Тѣри, и начаша вмаги села и жечи, а на Ярослава не бѣ вѣсти, въ Торжку ли, или въ Тѣри. И Ярославъ слышавъ, оже (что) емлютъ села, ихъ изъ Торжку въ Тѣрь, поймавъ (азавъ) съ собою старѣйши бояре и Новгородци и молодыхъ пиборомъ (по выбору), а Новоторжци вси, и послаша 100 мужъ избранныхъ въ сторожу; они же выѣхавше, за 15 верстъ отъ града явѣшася, ту бо стали бяху князи наши, поставльше полкы творяху рать велику. И посласта Яруна съ молодыми людми, и наѣхавше на Новоторжци Ярославля, и пособи Богъ Яруну, изымаша сторожевы Ярославыихъ 30 и 3, а 77 ихъ убиша, а нныя убѣжа въ Тѣрь; то же бысть первая побѣда на нихъ, на Благовѣщеніе. И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Тѣри и тако ѣздоху въ зажитѣе⁽¹⁾ не боащеся. И оттолѣ послаша Яволода, боярина Володимера, ко кн. Ковстантину Всеволодичю въ Ростовъ, а Володимера псковьского со Псковичи и Смоленяны на рубежъ послаша проводить, а сами съ Новгородци поидоша по Волзѣ ноюючи; а пожгоша Шешу и Дубну, а Володимеръ со Псковичи и со Смоленяны взяша г. Коснатиинъ, а пожгоша и, и все Поволжье. И срѣте воевода Еремѣй отъ кн. Костянтина изъ Ростова нашихъ князей, и рече: «кн. Костянтинъ кланяется вамъ, и азъ радъ слышавъ

(1) *Вжитъ въ зажитѣе*—отыскивать по волостямъ припасы для войска; такими сборами князья часто опустошали собственныя земли, отнимая у жителей насильно и притѣсняя ихъ.

пріѣздъ вамъ, се вамъ отъ мене въ помочь 500 мужъ; да пришлетъ ко мнѣ со всѣми рѣчьми Всеволода, шуринъ моего». И ту отрядиста Всеволода съ вои многими, и послаша къ кн. Константину, а сами поидоша по Волзѣ въ низъ, и ту пометаша везы, на кони полѣзоша, и поидоша къ Черяславлю воюючи. И была на Городищѣ на рѣцѣ Саррѣ у св. Маринъ, аврѣля 9, на великъ левъ; и ту пріѣха Константинъ съ Ростовци, и возрадовашася видѣвшеся и крестъ цѣловаша. И отрядиша кн. Владимира псковскаго съ дружиною въ Ростовъ, а сами пришедше съ полки, стама противу Черяславлю, въ Ошину ведѣлю. И ѣхавше изъ полковъ подѣ городъ, аша челоуѣка и испыташа, оже кн. Ярослава въ городѣ нѣту, пошлѣтъ бо блше къ кн. Юрю съ полки, съ Новогородци и съ Новоторжци, а кн. Юрьи Всеволодичъ съ Святославомъ и съ Володимеромъ вышелъ бже изъ Володимера съ всею братьею. И бяху полци силни велии, Муромци, и Бродичи, и Городчане, и вся сила Суздальской земли; бжеть бо погнане и изъ поселен (изъ поселенъ) и до пѣшца. Оже страшно чюдо и дивно, братье! поидоша сынове на отца, и отца на дѣти, братъ на брата, рабы на господяну, а господинъ на рабы. И ста кн. Ярославъ и Юрьи съ братьею на рѣцѣ Кзѣ, а кн. Мстиславъ и Володимеръ съ Новогородци поставиша свои полки близъ Юрьева, и ту стояста; а кн. Константинъ далече стояше съ своими полки, на рѣцѣ Липицѣ. И узрѣша полки стояща Ярославли и Юревы, и послаша Ларіона сотьегого ко кн. Юрю: «кланяемся, нѣту намъ съ тобою обиды, обидѣ намъ съ Ярославомъ». Отвѣщавъ же кн. Юрьи: «одинъ есмь братья съ Ярославомъ». И посласта къ Ярославу, глаголюща: «пусти мужи Новогородци и Новоторжци; что еси зашелъ (занялъ) волости Новогородскія, Волокъ въспасти (возврати), а миръ съ нами

взми, а крестъ къ намъ цѣлуй, а крови не проливай». Отвѣщавъ же Ярославъ: «мира не хочу, а мужи у мене; а далече есто шли, и вышли есте, акы (какъ) рыба на сухо». И сказа Ларьанъ ту рѣчь княземъ. И пакы посласта къ обѣма княземъ послѣднюю рѣчь: «мы пришли есмь, брате кн. Юрьи и Ярославе, не на кровопродитіе, крови не дай Богъ створити, да до того уравнимся; мы есмь племенници себѣ, а дадимъ старѣйшинство кн. Константину, а посадите ѣ въ Володимеръ, а вамъ земля Суздальская вся». Кн. Юрьи же рече: «рци братьи мосѣ, кн. Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъйти; а брату кн. Константину молви: «перемога пасть, тобѣ вся земля». Тако князи възнеслися славою Юрьи и Ярослава: видѣше у себѣ силу великую, не пріѣста мира, и начаста пирити (пировать) въ шатрѣ съ своими бояры. Бояринъ молви: «твори миръ, кн. Юрьи и Ярославе, меншаа братья въ вашей волѣ; оже бы по моему гаданію (милію), лучше бы миръ створити и дати старѣйшинство кн. Константину; цѣ зримъ, оже (1) при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и радни (урядливы, ловки) и хоробри, а мужи нхъ Новогородци и Смоленци дерзи (храбры) къ бою, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаста въ томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изъ всѣхъ; а господяна, гадайтъ». И не любѣ бысть рѣчь си кн. Юрю и Ярославу. Нѣкто же бояръ князь Юревыхъ рече: «княже Юрьи и Ярославе! не было того ни при орадѣхъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ нашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ сильную землю въ Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская земля, и галичская и киевская и смо-

(1) Чего смотрѣть что...

левская и черниговская и новгородская и рязанская, никакъ противу сѣи силѣ успѣють; аже вынѣшніи полци, право наверхемъ ихъ сѣдлы (¹). И любя бысть рѣчь кн. Ярославу; а созваша боляры и первыя свои люди, начаста глаголати: «се пришелъ вы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, порты (²); а челоуѣка, оже кто иметь живаго, то самъ будетъ убитъ; аще и золотомъ шито обмѣче будетъ (³), убій, да не оставишь ни единого же живаго; аще кто изъ полку утечетъ (*убѣжитъ*), не убитъ, и не мѣтъ, а тѣхъ вѣшати или раскияти; а о князыхъ, оже будутъ у насъ въ рукахъ, то сгадаемъ». И отпустиша люди, вядоста въ шатеръ съ братьемъ, и начаста дѣлати города, и рече кн. Юрьи: «мнѣ, брате княже Ярославе, Володимирская земля и Ростовская, а тебѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дай черниговскимъ княземъ, а Галичъ намъ же»; и цѣловаша крестъ межю собою, и писаша грамоты того не преступати, тыя же грамоты взяша Смоленяне по побѣдѣ въ станѣхъ Ярославыхъ, и даша своимъ княземъ. Князь же Юрьи и Ярославъ, раздѣливше всѣ города русскыя, надбюшеся снѣгъ своей великой, почаста (*начали*) позывать къ Лициамъ на бой. Князи Мстиславъ и Володимѣръ призваша кн. Костянтина, а гадаша съ нимъ много и цѣловаша крестъ, яко не быти въ немъ перекуту (*измѣны*), и подошша той ноци. Поподошися стояща за щиты всю ночь, кланаша бо во всѣхъ полцѣхъ, и вѣструбиша въ княжихъ Костянтиновыхъ полцѣхъ; слышаста кн. Юрьи и Ярославъ, хотѣста побѣгнуги, и уяшася (*остановились*) за малымъ. За-

утра же придоша князи къ Лициамъ, гдѣ ихъ позывали, а они тою ночью прескочили на бѣху за дѣбрь; и естъ гора словѣть Авдова, ту поставиша князи Юрьи и Ярославъ свои полки, а сѣи князи, Мстиславъ, и Володимѣръ, и Костянтинъ, и Всеволодъ, поставиша полки своя на другой горѣ, еже словѣть Юрѣва гора, а ручай посреди той горы, имя Тунегъ. И посласта князи къ кн. Юрию 3 мужи, мира просаще: «или не даси мира, да отступите далѣ на ровню мѣсто, а мы на ваши стороны поидемъ; или мы отступимъ на Лицию, а вы на наши ставы». Князь же Юрьи рече: «ни мира емлю, ни отступаю; пошли чрезъ землю, то ни сее дѣбри не превидете? надѣяше бо ся на твердь, бѣаше бо плетеномъ оплетено то мѣсто и насовано колыя, ту бо стояху глаголюще: «егда ударить на насъ въ ночь». То слышавъ князи, и посласта противу Ярославыхъ людей молодыи битися и бѣшася ти день и до ночи; но бѣхутся же присердию (*неусердно*), бѣаше бо того дни буря и студено велико. Заутра же хотѣша поити къ Володимѣру, не занимаючи полковъ, почаша дослѣвати въ станѣхъ (*въ обозахъ*); они же вядѣшше, съ горы начаша сходити, глаголюще: «отбѣжати имъ»; си же текше (*бѣжаши*) вѣспятиша ихъ назадъ, а ту пристиже кн. Володимѣръ плесковскый изъ Ростова. И начаша думати князи; Костянтинъ моливъ: «брате кн. Мстиславе и Володимѣре! оже поидемъ мимо ихъ, и вѣзмутъ ны въ тылъ (*сзади*), а другое мов люди къ боеви не дерзѣ, тамо и разидутся въ города»; кн. Мстиславъ же рече: «княже Владимире и Костянтинъ! гора намъ не поможетъ, ни гора насъ побѣдитъ; но зряще на креста честнаго и на правду, поидемъ къ нимъ». И почаша ставити полки: Володимѣръ же Смоленскый постави полки своя съ краемъ, а отъ него ста Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородца, и Володимѣръ

(¹) Занимаемъ ихъ седлами.

(²) Брони — панцирь, кольчуга; порты — платье.

(³) Т. е. хоть богато одѣтый, знатный будетъ.

плесковскы съ Плесковичи, а отъ него ста кн. Костянтинъ съ Ростовци; Ярославъ же ста съ своимъ полкомъ съ муромскими и съ Городчанъ и съ Бронники противу Володимеру и Смоленкомъ, а Юрьи ста противу Мстиславу и Новгородцемъ со всею землею Суздальскою, а меньшаа братья его противу кн. Костянтину. Нача же Мстиславъ съ Володимеромъ укрѣпляти Новгородци и Смоленны: «*братіе! се вошла есмя въ землю сядую, а позря въ Бога (взирая на Бога), станемъ крѣпко, не озвираліся назадъ, побѣдше не уйти; а забудемъ братье, домова (дома), женъ и дѣти; а кому не умирати? а хто хоцетъ пѣшь, а хто хоцетъ из конехъ*». Новгородци же рекоша: «*а мы не хоцемъ изымрети на конехъ, но яко отци наши билися на Коласѣхъ пѣши*». Князь же Мстиславъ радъ бысть тому. Новгородци же сѣдше съ конь, и порты (*платье*) и сапая съметавше, боси поскочиша, а Смоленяне такоже поскочиша пѣши, а по нихъ отряди кн. Володимеръ Ивора Михайловича съ полкомъ (*коннымъ*), а сами князи и вси воеводы поидоша по нихъ на конехъ. И егда бѣ полкъ Иворъ въ дебри ⁽¹⁾ подчеся подъ Иворомъ конь, пѣшци же не ожидаючи Ивора, удариша на Ярославляхъ пѣшцевъ и кликуша, бип вергше кн ⁽²⁾ а они топоръ, отбѣжати пмъ; они же побѣгоша, и начаша ѣ бити, подтяша стягъ Ярославль, и пристиже Иворъ съ Смоленны же, и достѣкопаса другаго стига Ярославля, а князи еще не доѣхали. Видѣвъ же кн. Мстиславъ я рече: «*не дай Богъ выдата, брате княже Владимире, добрыхъ людей*», и удариша на нихъ сквозъ своимъ пѣшци Мстиславъ съ своимъ полкомъ, а Володимеръ съ своимъ, а Всеволодъ

Мстиславичъ съ дружиною, а Володимеръ съ Плесковичи пристиже (*прибѣжали*), и кн. Костянтинъ съ Ростовци. Кн. Мстиславъ, прѣхавъ 3-жды сквозъ полки княжи Юрьевы и Ярославли, свкучи люда, бѣ бо у него топоръ съ паворозоу на рудѣ ⁽¹⁾, и тѣхъ сѣчааше, такоже и кн. Володимеръ; и створиша брань велику, и достѣкопаса и до товаровъ. Князь же Юрьи и Ярославъ, видѣше аки на нивѣ класы пожинаху, побѣгоста съ меншею братьею и съ муромскими князи. Князь же Мстиславъ рече: «*братья Новгородци! не стойте къ товару* ⁽²⁾, прележите боеви; възвернуть ли ся (*оборотится*) на насъ, изымутъ ны (*изымутъ насъ*)»; Новгородци же не радя товаровъ ⁽³⁾ бляхуться, а Смоленяне нападоша на товаръ и одираху мертвыя, а о бои не праваху (*не радѣли*). Побѣженн же бывше полки сядныи суздальские и. апрѣля въ 21, въ четвертокъ 2 недѣля по пасцѣ. О великъ, братіе, промыслъ божій! на томъ бо побойщѣ только паде Новгородцевъ 5 человекъ да одинъ Смоленянинъ, а силою честнаго креста вси сохранени быша и правдоу. О многы побѣды, братіе! бесчисленное множество, яко не можетъ умъ человѣчскій достигнути, княжихъ Юрьевыхъ и Ярославляхъ избивныхъ, а изыманныхъ баше въ стаяхъ въ всѣхъ 60 мужъ; аше быста вѣдали се князь Юрьи и Ярославъ, то мвиралася быста, се бо слава ея и хвада погыбе, и полци сядныи ни во что же быша. Бяше бо у князя у Юрья стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60; молвахуть бо и про Ярослава, стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40. И ркоша (*рекоша*) люди о Ярославѣ: яко тобою ся намъ много зла створи,

(1) Чаша, трудно проходимое мѣсто отъ болотъ и хвороста.

(2) Падка, валица, дубина.

(1) Со шнуркомъ, съ наручникомъ.

(2) Изъ пожиткамъ, изъ не користуется.

(3) Бросали товары.

про твою бо преступленіе крестное рече-
но бысть: приидѣте, птица небесная, на-
патайтесь крови чловѣчскія; звѣрие,
наѣдѣтеся мѣся чловѣчскихъ. Не 10 бо
убито, ни 100, но тысяща тысящами,
а всѣхъ избитыхъ 9000 и 200 и 30
и 3 мужи, бѣше бо слышати крикъ жи-
выхъ, иже не до смерти убитыхъ, и
вытѣ (вой) прободенныхъ въ Юрьевѣ
городѣ и около Юрьева, не бѣ кто по-
гребалъ; а мнози истопаша бѣжачи къ
рѣцѣ, а инѣ равны зашедъ изомроша,
а живыи побѣгоша ови къ Володимерю,
а ови къ Переяславу, а ови въ
Юрьевѣ. Князь же Юрью стоялъ проти-
ву Костянтину, и узрѣ Ярославъ полкъ
побѣгше, и той прибѣже въ Володимеръ
о полудни на 4-мъ кони, а трехъ оду-
шнѣхъ, въ первой сорокицѣ, подъякладъ
и тыи вывергъ⁽¹⁾; а съступъ былъ во
обѣдъ годъ⁽²⁾. Въ Володимери же оста-
ся не противный народъ, попове, чернѣ-
ци, жены и дѣти, видѣвше радоваахуся,
творяаху посла отъ князя, и ти бо гла-
голаху: «ваша одолѣвають»; и се кн.
Юрью прибѣгъ одинъ, нача ѣздити около
града, глаголя: «твердите городъ»; они
же слышавше смятошася, бысть въ ве-
селя мѣсто плачь; къ вечеру же при-
бѣгоша людѣ, инѣ раненѣ, инѣ нагѣ,
также ноши тоя. И заутра кн. Юрью
созва людѣ: «братья Володимерци! за-
творимся въ градѣ, негли (авось) от-
бѣенся яхъ»; повѣять людѣ: «княже Юрью!
съ кимъ ся затворимъ? братья наша избѣ-
та а инѣ изимави, а прокъ (остатокъ)
нашъ прибѣгли безъ оружія, то съ кимъ
станемъ? князь же Юрью рече: «то
азъ все вѣдаю, а не выдайте яа ни
брату кн. Костянтину, ни Володимеру,
ни Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей

воли изъ града»; они же тако общаша-
ся ему. Ярославъ же также прибѣгъ
одинъ въ Переяславъ на 5-мъ кони, а
4 одушнѣхъ, и затворися; и не довѣ ему
о первомъ зѣ, не насытася крови чело-
вѣчскыя, избѣ въ Новгородѣ людей мно-
го, и въ Торжну и на Волоцѣ, но и
ту вѣсѣхъ изыма Новгорода и Смоленя,
иже бяху зашли гостѣбою (для торгу)
въ землю его, повелѣ въ погребѣ вме-
тати ихъ, что есть Новгородцевъ, а
ивыхъ въ градницу⁽¹⁾, и ту ся изод-
хоша, а иныхъ повелѣ затворити въ
тѣснѣ избѣ, а издуши ихъ полгорода, а
Смолянъ 15 мужъ затворима кромѣ
(особо), тѣже быша все живи. Князи
же милостиви племя - Ростиславле, и до
христіанъ добри, тѣй день стояша на по-
бойщѣ, и аще быша гонялися по нихъ,
то было кн. Юрью и Ярославу не унѣти,
а градъ бы Володимеръ изгоняя (завое-
вали); но тако привдоша къ Володимерю,
и объѣхавше его, става въ недѣлю по-
раву и думаху, откуда взяти. И тою но-
чи загорѣся въ городѣ княжъ дворъ, и
хотѣша Новгородци полѣзти (присту-
пить) къ городу, и не да имъ кн. Мсти-
славъ; во вторникъ на ночь, въ 2 часъ
нощи, загорѣся городъ и горѣ до свѣта,
Смоляне же пропашаху отъ чинъ⁽²⁾
взяти градъ, и кн. Володимеръ не пу-
сти ихъ. И выслѣ кн. Юрью съ чело-
бѣхъ къ княземъ: «не идѣте мене днесь,
а заутра поиду изъ града». И заутра жо-
рано выѣха кн. Юрью съ двѣма браты,
и поклонися княземъ Мстиславу и Воло-
димеру, и рече: «братья! вамъ чело-
мѣбю, вамъ животъ дати и хлѣба накорми-
ти; а братъ мой Костянтинъ въ вашей
воли»; и да имъ дары многы, и аша
ему миръ. Князь же Мстиславъ и Воло-

⁽¹⁾ Подкладъ у селѣ, поймавъ.

⁽²⁾ Срѣжю, вступленіе въ бой было въ обѣ-
денное время.

⁽¹⁾ Въ комнату назначенную для войска.

⁽²⁾ Отъ чинъ значить: въ то время изъ въ-
сѣхъ.

димеръ управиста ихъ, кн. Костянтину Володимеръ, а кн. Юрью Радимовъ городецъ. И тако наборзѣ въспиратавшееся (*посажались*) на лоды, въ насады (*болышия суда*), владыка, и княгиня, и люди его вси поидоша внизъ; самъ же кн. Юрьи вшедъ въ церковь въ св. Богородицу удари челомъ у отечья (*у отцовскаго*) гроба и плакася глаголюще: «суди Богъ брату моему кн. Ярославъ, еже мя сего доведе»,—и тако поиде въ Володимеръ въ малѣ въ Городецъ. И поѣде кн. Костянтинъ къ Володимерю, и срѣтоша за городомъ князя весь священскій чинъ и люди вси, и сѣде въ Володимерѣ на столѣ оти; кн. же в. Костянтинъ въ тый день одари князи и бояре многими дары, а Володимерци вводи къ кресту. Князь же Ярославъ еще пребывая въ злѣбѣ и дыша гнѣвомъ не покаяшася, затворися въ Переяславѣ и творяшася тамо избыти; князи же сдумавше поидоша къ Переяславу, въ пятюкъ 3 недѣли по пасхѣ. И се слышавъ кн. Ярославъ, смятася, нача высылати люди, моляся о миру, и бысть въ вторникъ заутра выѣха кн. Ярославъ, и удари челомъ кн. Костянтину, и рече: «господине! азъ есмь въ твоей воли, не выдайте мя тцю (*тестю*) моему кн. Мстиславу, ни Володимеру, а самъ, брате, накорми мя хлѣбомъ»; князь же Костянтинъ управи Мстислава съ Ярославомъ со зятемъ, и умиришася не доидучи Переяславля, а въ среду на Преполовенье приидоша къ Переяславу, и ту кн. Ярославъ одари князи и воеводы дары многими. А кн. Мстиславъ, не идя къ городу, поймавъ дары, и посла въ городъ и поя дщерь свою, а княгиню Ярославлю, и что живыхъ Новогородецъ, и что было съ Ярославомъ полку, и выѣха въ станы за городъ. Князь же Ярославъ многыжды сесылая молбою къ кн. Мстиславу, прося княгини своея къ собѣ, глагола: «чи не бываетъ

вражда княземъ, то ни сяка ⁽¹⁾; по правдѣ мя крестъ убилъ»; князь же Мстиславъ не пусти дщери своея къ нему. И тую нощъ стоявшие князи поидоша разнѣ (*порознь*), князь в. Костянтинъ къ Володимерю, а Мстиславъ къ Новугороду, Володимеръ ко Смоленску, а другый Володимеръ Плескову, побѣдивше сильныя полки, взявше свою честь и славу.

(П. С. Лѣт. I, 211—215).

303. Междоусобіа во Владимірі.

Въ лѣто 6725 (1217). Искони злый врагъ дьяволъ, ненавидяй всегда добра роду человѣчю, паче же хрестіаномъ не хотя, дабы не одинъ въ вѣчнѣй муцѣ былъ, яже есть уготована ему и сущимъ съ нимъ; съ (*сей*) оканый дьяволъ въздвиге нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи, Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и бишася у Юрьева, и одолѣ Костянтинъ; но пакы Богъ и крестъ чествыи и молитва отца ихъ и дѣдня введе я въ великую любовь, и сѣде Костянтинъ въ Володимери на столѣ, а Юрги Суждали. И бысть радость велика въ земли Суждальстѣй, а дьяволъ единъ плакаше своея погыбели. Того же лѣта Глѣбъ кн. разанскій Володимеричъ, наущенъ сотоною на братоубійство, сдумавъ въ своемъ оканьѣмъ помыслъ, имѣя поспѣшника брата своего Костянтина и съ нимъ дьявола, яже ею прельсти своимъ злокозньствомъ, въ помыслѣ имѣя вложъ, рекшема яма: «яко избѣвѣ сихъ, а сами приимевѣ едина всю власть». А не вѣси ли, оканье, божья строенье, даетъ бо власть, ему же хочеть, постав-

⁽¹⁾ Мало ли бываетъ вражды между князьями, но все таки не такой.

лясть царя и князя Вышній? Что бо прія Каннъ отъ Бога, убивъ Авеля брата своего? не проклятье ли и осуженье и трясенье? или Ламехъ? не казнь ли злобы? или вашъ сродникъ Святполкъ, избивъ братью, оубиѣ вѣнецъ исходатайствована, а собѣ вѣчную муку? Съ бо Глѣбъ ту же мысль Святполкъ примѣ и скрыю въ сердца своемъ съ братомъ своимъ. Снемѣмся нѣтъ всѣмъ на Исидѣхъ на порядъ, Иаиславъ, кюръ Михѣихъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Ромѣхъ, Инъгваръ же не успѣ прѣхати къ нимъ, не бѣ бо пришло еще время его, Глѣбъ же Володимиръ съ братомъ позва я къ собѣ, яко на честь пиренья (пированья) въ свой шатеръ. Они же не вѣдуще злыя его мысли и прелести, вси 6 князій кождо съ своими бояры и слугы придоша въ шатеръ ею. Съ же Глѣбъ, прежде прихода ихъ изиради свои слугы и братни, и поганыхъ Половецъ множество въ оружьи, и скры я въ полѣстницѣ⁽¹⁾ близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ пяти, не вѣдущю ихъ никому же, развѣ тою зломыслиною князю и ихъ вроклятыхъ думецъ; и яко начаша пити и веселитися и ту абѣ проклятый Глѣбъ съ братомъ иземъша мечѣ своя, начаша сѣчи прежде князи, таже бояры и слугы ихъ, много множество, одинѣхъ князій 6, а прочихъ бояръ и слугъ безъ числа взбѣ съ своими слугы и съ Половци. Си же злоба скончися м. іула въ 20 день, на память св. пророка Ильи огниаго възхоженъа.

(Н. С. Лип I, 186).

(¹) *Полѣстница* — постельный шатеръ для спящихъ князя, отъ слова *полѣсть*, кошма, войлокъ,

304. Договорная Новгородъ съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.

Благословенне отъ владыкъ Моисѣя, поклонѣ отъ посадника Данила, отъ тысяцкого Аврама, и отъ всего Новгорода къ господину в. кн. Александру. На семъ, княже, цѣлуи хрестъ къ всему Новгороду; на чель цѣловалъ дѣдъ твой Ярославъ. Новгородъ держати ти въ старой пошани. Что волости новгородскихъ, тѣхъ ти волостей, княже, тобѣ своимъ мужи не держати, държати мужи новгородскими; а даръ тобѣ, княже, ямати отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни грамотъ давати, ни волостей раздавати; а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати. А что ти, княже, пошло на Торжкѣ и на Волоцѣ, твуйъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части. А въ Бѣжищахъ тобѣ, княже, и твоимъ бояромъ, и твоей княгини, и твоимъ слугамъ селѣ не держати, ни купити, ни даромъ принимати, и по всей волости новгородской. А что Александровыхъ княжихъ селѣ купленыхъ, или его мужъ, а то поидетъ къ Александру князю по неправѣ, по хрестному цѣлованю, по заведѣ; а всѣ тыхъ селѣ суда имъ не судити, ни дворяномъ ѣздити, ни людемъ новгородскихъ принимати, ни земли. А се, княже, волости новгородскыя: Волокъ со всѣми волостями, Торжекъ, Бѣжица, Городецъ, Палець, Мелеча, Шипицъ, Егна, Заволочье, Тртѣ, Пермь, Печора, Югра, Вологда. А кто будетъ купилъ села въ всей волости въ новгородской при дѣдѣ моемъ Ярославѣ и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при отци моемъ Михайлѣ, и при князи Юрьи, при Дмитрии, кто будетъ даромъ отъять, или силою; а то поидетъ безъ кунъ къ Новгороду: а кто купилъ будетъ въ ново-

родбской волости, знати имъ своего исть-
ца; или не будетъ истьца, како не въ-
дасть истьца своего, цѣловавъ ему крестъ,
куны (деньги) ему взяти у Новгорода,
колько будетъ далъ, а земля поведеть къ
Новугороду; или не окупать, сѣдѣти ему
доколѣ окупать. А нелюбѣ (вражды) ти,
княже, не держати къ Новугороду до по-
садника, и до тысяцкаго, и до всего Но-
вагорода отъ мала и до велика, ни мѣ-
тисѣ ни судомъ, ни чѣмъ же. А што сѣ-
дѣло до твоего княжеве, и въ твое
княжеве, того ти не поминати; што про-
дано княжихъ волостей до велика дѣла, а
што будетъ не продано по велицѣ дѣлу, то
по цѣлованью повѣдати. А въ Русу ти,
княже, ѣздити на третью зиму, по гра-
мотѣ дѣда своего Ярослава; а лѣтъ на
Озвядѣ звѣрий гонити. А въ Ладогу ти,
княже, ѣздити на третье лѣто. А изъ
Бежичѣ ти людей не выводити въ свою
волости, ни изъ иной волости новгород-
ской, ни грамотъ давати ни закладниковъ
принимати, ни твоей княгыни, ни твоимъ
бояромъ, ни твоимъ слугамъ, ни смерда,
ни купчины. А безъ вины ти мужа во-
лости не лишати; а грамотъ ти не по-
сужати. А пожви, княже, что твои и
твоихъ мужъ, то твое, что пошло. А
што будетъ дѣлъ твой сильно дѣлать или
явный князь на Новгородѣ, того ти не
дѣлати. А рубежъ ти, княже, дати пра-
вый бесъ перевода межю отчиною своею
и новгородскою всею волостью. А Нов-
городцемъ волости и оброковъ княжихъ
не тавити. А дворяномъ твоимъ, какъ по-
шло отъ князя по 5 кунъ погонѣ имати,
а отъ твоя по 2 кунѣ. А что, княже,
мытъ по суждальской землѣ и въ твоей
волости, отъ воза имати по 2 вѣкшѣ, и
отъ лошади, и отъ хмельва короба, и отъ
льняна. А дворяномъ твоимъ у купцевъ
повоза не имати, развѣ ратной вѣсти: а
свободѣ и мытъ на новгородской волости
не ставити. Холопъ или роба почать вѣ-
дѣти на господаря, тому ти вѣры не

яти. А на Низу, княже, Новгородца не
судити, ни даный роздавати; а кто поч-
нетъ къ тобѣ вѣдати, тому ти вѣры не
яти. А гости гостити по суждальской
земли новгородскому бесъ пакости, безъ
рубежа, по царевѣ (ханской) грамотѣ.
А въ немецкомъ дворѣ, княже, торгова-
ти тобѣ нашею братьею; а двора ти не
затворяти, а приставовъ не приставляти.
А села св. Софии исправи св. Софии.
А судьи слати на Петровъ день, какъ
пошло: кто купецъ, тѣмъ поведеть въ сто,
а смердъ въ свой погостъ. А ряду волъ-
наго не посужати, а самосуда въ новго-
родской волости не замышляти по пошли-
нѣ. А суждальскому гостю гостити въ
Новгородъ безъ рубежа, безъ пакости.
А сплнѣ ти, княже, гонити за 60
верстѣ около города; а въ той штиде-
сятъ Новгородцю гонити, князя докладая,
а далѣ куды кому годно. А за Волокъ
ѣздити судьи, какъ пошло; по новгород-
ской пошанинѣ. На семь на всемъ князѣ
в. цѣловалъ крестъ къ всему Новугоро-
ду; также посадникъ и тысяцкий и весь
Новугородъ цѣловали къ в. князю, по
любви въ правду, безъ всякого извѣта.

(Къ сей грамотѣ прилѣпшена пе-
чатъ свѣцовая).

(Собр. грам. I, № 15, стр.
19—20).

305. Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ.

Въ тоже время (1331 г.) приидоша
послове изъ Плескова отъ кн. Алексан-
дра, и отъ Гидимона послове, и отъ
всѣхъ князей литовскихъ, къ митропо-
литу, а приидоша съ собою Арсенія, хо-
таще его поставити на владычество въ

Плесковъ, а Новгорода не творя ничимъ: възнесъ бо ся високоуміемъ своимъ, иъ Богъ и св. Сочіа низлагаетъ всегда высокоумящихъ; зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новгороду, посадили себѣ князя Александра изъ литовскія руки. Арсеніи съ Плесковичи спирамленъ бысть, и прочь поиде отъ митрополита изъ волынскія земля на Кіевъ, на память св. отца Симеона столпника; а Василии владыка Новгородскіи, въ тоже время, отъ митрополита поиде, съ своими бояры. Яко приидешу ему къ городу Чернигову, и ту, наученіемъ діаволя, пригнася кн. Феодоръ кыевскы, съ баскакомъ, въ 50 человекъ разбоемъ; и Новгородци остерегашися и еста доидѣвъ противу себе, мало ся зло не учини промежу ими, а князь въспріемъ спамъ побѣже прочь, а отъ Бога казни неубѣжа, помроша бо у него коли. И отголѣ пакы поиде владыка на Брянскъ, и прииде въ Торжокъ, на память св. священномуч. Алевсимы; и ради быша Новгородци своему владыцѣ, а въ Новгородѣ печални быша, зане же вѣсти не баше, нъ вѣсть баше сипе, яко владыку Литва изымали, а дѣти его избиша. Того же лѣта поиде кн. в. Иванъ въ Орду, съ кн. Костантиномъ. Того же лѣта прииде архіеп. новгородскіи Василии владыка въ Новгородъ, м. декабря, на память св. отца Патапія, въ день недѣльныи, изъ волынскои земли, приимши саяъ святительства отъ митроп. Феогноста, и ради быша Новгородци своему владыцѣ, а при кн. Иванѣ, при посадницѣ Варооломен, при тысячкомъ Остаѣи.

(I. Новг. 75—6).

306. Борьба Москвы съ Рязанью 1371.

Въ Филиппово говѣнье м. декабря предъ Рождествомъ христовымъ, бысть побойще,

Москвичемъ съ Рязанци; кн. в. Дмитрей Ивановичъ посла рать на Рязань на кн. Олга рязаньскаго, а поеводу отпусти кн. Дмитрия Михайловича Волынскаго; князь же Олегъ събра вои многы, иде ратью противу ихъ. Тогда Рязанци, суровыи челоуѣци и свѣрѣпы людие, високоумныи суще, възнесеша мыслью и възгорѣшася величаніемъ, и помыслиша високоуміемъ своимъ, и рѣша другъ къ другу: «не емяте съ собою ни щита, ни копья, ни много ни коего же оружья, но токмо съ собою емяте еяныи ужища (*веревки*), коегождо изимавшо Москвичъ, да естъ мы чѣмъ вязати, понеже суть слаби, страшныи и некрѣпыи»; напѣи же съ смиреніемъ к съ въздыханіемъ уповаша на Бога, крѣпльшаго въ бранехъ, и мы не въ силѣ, но въ правдѣ, даеъ побѣду и одолѣніе Богъ же, видя сихъ смиреніе и свѣхъ гордость. Якоже рече Соломонъ: Господь гордымъ супротивится, смиреннымъ же даеъ благодать; и въ евангелии речется: всякъ возносяйся смирится, а смиряющийся възнесется, и пророкъ Давидъ рече: не спасется царь многую силою, ни исполнитъ, ни храборъ не спасется множествомъ крѣпости своея. И срѣтошася обои на Скорнящевѣ, и бысть имъ брань люта и еѣча зла, и поможе Богъ кн. Дмитрею и его воемъ, и одолѣша Рязанцевъ, а кн. Олегъ одва убѣжа въ малѣ дружинѣ; князь же Дмитрей посади на княженіи рязаньскомъ кн. Володимера провѣскаго.

(П. С. Лѣт. IV, 67).

307. Борьба Новгорода съ Тѣрѣмъ 1372 г.

Того же лѣта 6880 (1372 г.) о Петровѣ заговѣнии, Новгородци В. Нового-

рода бояре прѣѣхаша въ Торжекъ стави-
ти городъ, съѣхушишася и единишася съ
Новоторжцѣ, и укрѣпишася крестнымъ
цѣлованіемъ, и едумаша думу, еже быти
и стати за единъ; и заратишася съ кн.
Михайломъ тѣерскимъ, и съслагиз на-
мѣстники его съ города съ Торжку, а
что гостей Тѣеричъ торговцевъ, тѣхъ по-
ймаша и пограбиха, а лодыи (лодки)
ихъ съ товаромъ, а то взяша. Слышавъ
же се князь Михайло, съѣхушивъ съ со-
бой токмо тѣерскую силу, и пришедъ
ратую ега у города у Торжку, м. мая 31
день, на память св. мученика Ерemia, въ
пониѣдальникъ порану по заутреніи; и
начать съ смиреніемъ посылати послы
къ Новгородцѣмъ и къ Новоторжцѣмъ,
глаголя: «выдайте ми тѣхъ, кто моихъ
Тѣеричъ поималъ и билъ и грабилъ, и
намѣстника моего оцѣть посадите, и азъ
у васъ много не хощу ничево же», и
ждале отъ нихъ мира и чистосердечнаго
покаяніи отъ утра и до полудни. И бысть
въ нихъ милость и раздора, и смятеся
весь градъ, они же нимаю не хотяху
покоритися, и послы послаху отвѣтъ съ
высокоуміемъ, и устремившася на бой, и
сами бояре новгородскіи, похвалившеся
слою и мужествомъ своимъ, въоружив-
шеся выѣхаша изъ города, кучно (вмѣ-
стѣ) же съ ними гражане Новоторжца,
битися съ Тѣеричи, и бысть сѣча на по-
лѣ, и одолѣ кн. Михайло, и побѣженъ
быша Новгородци. И ту же и первое
(прежде) всего срѣте воевода ихъ Але-
ксандръ Обакуновичъ, и убитъ бысть на
первомъ суймѣ (стычѣ), и костью па-
де за святой Спасъ и за обиду новго-
родскую, и съ нимъ убиша Ивана Шако-
вича, Ивана Тимоѣевича, Григорья Ще-
белкова, и иныхъ прочихъ нѣсколько мужъ
паде; и то видѣвши Новгородци, смятоша-
ся зѣло, ови побѣгоша на поле, еже
есть къ Новгороду В., но и тамо не
убѣгоша, а друзи назадь побѣгоша, а
множайшии на побѣдѣ избѣени быша, а

иныхъ бояръ новгородскихъ и новоторж-
скихъ, и людей полена и жекъ безъ ча-
сла множество изнѣмаше, приведоша на
Тѣерь яко изѣнники. И тогда Тѣеричи
зажгоша съ полн посадъ (предмѣстѣ
города) съ конца града съ повѣтрѣи, и
удари съ огнемъ вѣтръ сиклѣтъ на весь
градъ, вкупѣ и буря велика, и поиде
огнь пламенный и пожаръ по всему гра-
ду, и тако вборзѣ погорѣ весь градъ, и
церкви 3 каменныя и деревянныя вся и
монастырече; а что людей, которые бы-
ли въ городѣ, или на площади, или по
улицамъ, мужи и жены и дѣти многое
множество, ти вси погорѣли, и товаръ
ихъ, и скоты ихъ, и все имѣніе ихъ, то
все съ ними вкупѣ погорѣло. И бысть
пагуба велика крестьяномъ: ови огнемъ
погорѣша въ дворѣхъ и надъ животы
(пожитки), а друзи вбѣжали въ цер-
ковъ въ св. Спасъ и ту задѣхася и
огнемъ изгорѣша, и ни же отъ огня бѣ-
жаше въ рѣцѣ въ Тѣерди вѣстопоша; а
добрыя жены и дѣвѣи видяще надъ со-
бою дѣленіе ⁽¹⁾ отъ Тѣеричъ, а они
одираху до послѣдней наготѣ, его же и
погани не творять тако, тыи же отъ
срамоты и бѣды въ подѣ истопишася,
чернѣи и чернѣи вси до наготы излуп-
лены; а и товара что ся осталось отъ
огня, иконной круты, сребра много поима-
ша. И кто, братіе, о семъ не заплачетъ-
ся кого ся осталось живыхъ, видѣвъ како
они нужную и горкую смерть подѣлаша, а
св. церква пожжена суть и городъ весь
отъшнудъ пустъ, еже ни отъ поганыхъ не
было таково зло? И наметаша избѣенныхъ
людей, и ижженныхъ и истопленныхъ въ ску-
дельницѣ (кладбищѣ), и ни же погорѣли
безъ остатка, а ни и истопленъ безъ вѣ-
сти, поплыли выплѣ по Тѣеричи.

(И. С. лѣт. IV, 68—69).

(1) Дѣленіе—обдирать, снимать платье.

308. Борьба Москвы съ Тверью 1375.

Мѣсяца іюля 27 на Тѣри, въ перкви въ Покровѣ предѣ иконою свѣча сама ся загорѣла, а въ 29 бысть въ солнци знаменіе. Того же лѣта князь Дмитрій поведе ратию къ Тѣри, на ки. Михайла Александровича, а съ нимъ (князь): тесть его Дмитрій Костянтиновичъ суздальскій, Володимеръ Андрѣевичъ, Борисъ Костянтиновичъ, Семень Дмитріевичъ, Андрій Ѡдоровичъ ростовскій, Василей Костянтиновичъ, братъ его Александръ, Иванъ Васильевичъ смоленскій, Василей Васильевичъ ярославскій, Романъ Васильевичъ, Ѡдоль Романовичъ бѣлозерскій, Василей Михайловичъ капинскій, Ѡдоль Михайловичъ молодежскій, Андрій Ѡдоровичъ стародубскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Романъ Семеновичъ новосильскій, Семень Костянтиновичъ обольевскій, братъ его Іоаннъ торужскій, а вся князи рустіи, койждо отъ своихъ градовъ со своими полки, служаще князю великому ⁽¹⁾. И бысть іюля въ 29 поведе ки. п. Дмитрій съ Волока, съ всеми речеными князи рускими съвокупая и съ всею силою рускою, въ той же день нача воевати волости тѣрьскія; такоже и съ всехъ порубежныхъ мѣстъ съ вся стороны, кто же отъ себе, Капничи и Новоторжцы яко и пѣшіи ополчаша на грабежъ, и окружая мѣста съ всехъ порубежей тяжко плѣниша. Мѣсяца же августа 1 взяша городъ Микулинъ, а людей изъ города въ полонъ поведоша, а въ 5 день, въ недѣлю порану, въ канунъ (наканунъ) Спасова дни, приде вся сила къ Тѣри, и еша вси порану рати около всего города вкругъ, аки расхитити хоташе, а посадъ и церкви и монастыри пожгоша, а около всего города ос-

трегомъ (стѣною) огородиша. А прежде того по Новгородцевъ князь в. послалъ въ В. Новгородъ, и Новгородцы же своего князя честь наводяще, паче же свою отмоцающе обиду, бывшую у Торжку, въскорѣ пріидоша ратью великою и предсташа добе подъ Тверью, скрегчюще зубы своими на Тѣрвичъ; и на Волзѣ два моста великая досѣпа чрезъ Волгу. А князь Михайло бѣше затворился въ своемъ градѣ Тѣри; стоящимъ же ратемъ 3 дни у города, а 4 день, еже есть м. августа въ 8 день, въ среду порану, приступиша всею силою къ городу, и туры (стѣнобитнымъ орудіемъ) прикатиша, и приметы приметаша ⁽¹⁾ около всего града, и тако пошли бѣючися къ Тмаческимъ воротамъ, мостъ и стрѣльницу (башню) зажгоша. И бысть тогда скорбь велика гражданомъ въ осадѣ, и вси людие сущіи въ градѣ створиша молитву, постъ съ слезами въ церкви св. Спаса; молитвами св. Богородица пожалована святыи Спасъ послалъ свою помощь: отбѣлися граждане отъ ратныхъ, а князь Михайло съ Тѣричи выѣхалъ, и туры пестькоша и огнь погасиша, а Семена Ивановича Добрыньского убиша, а ратныхъ отгнаша; они же бѣвшеся весь день, едва въ вечернюю годину отступиша отъ города, а на 2 день паки обступили градъ со всехъ стороны и по заволожью, и тако по многу дни бѣюцеся борахуся. Князь же Дмитрій стоялъ у Тѣри мѣсяцъ съ всеми ратями, и учинилъ пусто тѣрьское княженіе, волости и села пожгоша, а городки поймаша: Зубцовъ, Бѣлгородъ, Городокъ; а людей въ полонъ разведоша, а имѣніа ихъ пограбиша, а скоты ихъ пестькоша, а жита ихъ потравлиша, мнози Тѣричи язвени быша отъ нахоженія ратныхъ, мнози оружіемъ падоша, мнози

(1) Замѣчательно, что всѣ князья областныи были уже въ подчиненіи москов. князю.

(1) Примеч.—солома, дрова и всякій горючий матеріалъ, чтобы зажечь крѣпость.

отъ острія меча умроша. Князь Михайло, видѣвъ изнеможеніе граду своему, видѣвъ озлобленіе людемъ своимъ, видѣвъ трудъ и погибель челоѡкомъ и скотомъ, отъ глада бывающій, всирія смиреніе и выслалъ изнутри града послы свои, владыку тѣерскаго Евимья да бояръ своихъ нарочитыхъ (*знатныхъ*), къ кн. Дмитрію съ покореніемъ и съ поклономъ, прося мира, а даясь во всю волю его. Князь Дмитрій съ Новгородци, не хотя видѣти разоренія града, ни погибели людіи своихъ, и не хотя видѣти кровопролитія крестьянскаго, взя миръ съ кн. Михайломъ на всей своей воли и новгородской, и тако докончаша и грамоты написаша, отступиша отъ града отъ Тѣери м. сентябрю 3; а Новгородци стояли подъ Тѣерью 4 дни, и възвратисѣя кнѣздо въ своя, и поидоша прочь. А въ градѣ въ Тѣери бѣше тогда скорбь немала, такова же не бывала въ минувшая лѣта: бысть моръ на люди и на скотъ; а надѣялися помочи отъ Литвы и отъ Татаръ, и не улучиша, а ждучи той помощи много лиха доспѣлося. Добро бы намъ надѣялися на Бога, якоже пророкъ Давыдъ глаголетъ: «добро есть на Бога уповати, нежели на челоѡка.»

(Н. С. Лит. IV, 70—71).

309. Договорная в. кн. рязанскаго Олега
Ив. съ в. кн. Дмитріемъ Ив. и братомъ
его кн. Владимѣромъ Андреевичемъ 1381.

По благословленію отца нашего Кипріяна м-та всея Руси. На семь, братъ старѣйши кн. в. Дмитрей Ивановичъ и братъ твой кн. Володимѣръ Андрѣевичъ, целуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодшему ко кн. къ в. къ Олгу Ивановичю. Имѣти ти мене собѣ братомъ молодшимъ, а брату твоему имѣти мене

собѣ кн. Володимѣру братомъ; а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ въ Орѣ и на Руси отъ чистосередья; а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о мнѣ отъ хрестьянина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А вотчины вы моеѣ блюсти, а не обидѣти; а мнѣ вашиѣ вотчины блюсти, а не обидѣти, Москвы и Коломны и всѣхъ московскихъ волостей и коломенскихъ, что ся потягло въ Москвѣ и къ Коломнѣ по реку по Оку, и всего великаго княженья подъ вами ми блюсти, а не обидѣти. А межи насъ роздѣлъ земли по реку Оку, отъ Коломны верхъ по Оцѣ, на московскіи стороны Почевъ, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная мѣста рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцѣ отъ усть Тцѣны въ верхъ по Тцѣнѣ, что на московской сторонѣ Тцѣны, то къ Москвѣ; а что на рязанской сторонѣ, а то къ Рязани. А володимѣрское по рубежъ, по тому, какъ то было при нашемъ дѣдѣ, при в. кн. при Иванѣ Даниловичѣ, и при нашемъ дѣдѣ, при в. кн. при Сементѣ, и при твоемъ отцѣ, при в. кн. при Иванѣ. А что на рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Почевъ, Лопастна, уѣздъ Мѣстиславль, Жадѣе городище, Жадѣль, Дубокъ, Бродничъ съ мѣсты, какъ ся отступили князи Торускіе Оѣдору Святославичю, та мѣста къ Рязани. А что мѣсто кн. в. Дмитрія Ивановича на рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Тандулѣ, и коли ее баскаци вѣдали, въ то ся кн. в. Олгу ее вступати, и кн. в. Дмитрію. А что мѣста Талица, Вышолъзовъ, Такасовъ, та мѣста кн. в. Дмитрію, кн. в. Олегъ ступился тѣхъ мѣстъ кн. в. Дмитрію Ивановичю. А что купля князя в. Метѣра, какъ было при Александрѣ Уколичѣ, то к. в. Дмитрію; а к. в. Олгу не вступатися по тотъ розѣздъ. А что татарская

мѣста отопмалъ к. в. Дмитрий Ивановичъ за себя отъ Татаръ до сего до нашего докопчання, та мѣста кн. в. Дмитрию; а что кн. в. Олегъ отопмалъ татарская отъ Татаръ дотолѣ же, а то кн. в. Олгу та мѣста. А къ Литѣ кн. в. Олгу пѣловадѣ сложити. А будетъ кн. в. Дмитрий Ивановичъ и братъ князь Володимѣрь съ Лявою въ любви, ино и князь в. Олегъ съ Лявою въ любви: а будетъ кн. в. Дмитрий и князь Володимѣрь съ Лявою не въ любви, и кн. в. Олгу быти со княземъ съ в. съ Дмитремъ и со княземъ съ Володимѣромъ на нихъ съ одного. А съ Татары аже будетъ кн. в. Дмитрию миръ и его брату князю Володимѣру или данью, ино и князю в. Олгу миръ или дань съ одного со княземъ п. съ Дмитремъ: а будетъ не миръ кн. в. Дмитрию и брату его кн. Володимѣру съ Татары, кн. в. Олгу быти со княземъ в. съ Дмитремъ и съ его братомъ съ одного на Татаръ, и битися съ ними. А съ русскихъ князей, кто князю в. Дмитрию другъ и князю Володимѣру, то и князю в. Олгу другъ: а кто не другъ князю в. Дмитрию и князю Володимѣру, а то и князю в. Олгу не другъ, ятти пашъ съ одного. А что князь в. Дмитрий и братъ кн. Володимѣръ билися на Доу съ Татары, отъ того времени что грабежъ, или что поиманы у князя в. людия у Дмитрия и у его брата кн. Володимѣра, тому межъ насъ судъ волчий, отдати то по исправе. А что ся ни дѣла дотолѣ, какъ семя целовали крестъ, тому всему погребъ, до Спасова прѣображенья дни за 4 дни: а судъ волчий межъ насъ отъ того праздника всему; а о чемъ судъ пали сопрутся, ѣдутъ на третей, кого себѣ изберутъ. А судомъ волчьимъ не переводити; а кто иметъ переводити, правый у того возметъ, а то ему не ить измѣну. Суженаго не по-сужати, а положеное дати: холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника,

душегубца ны выдати по исправе. А пошлѣны съ семью 6 денегъ, съ пшоходовъ 2 алтына; а съ одного не имати. А мыты пашъ держати дивныи пошлы, а непошлыхъ митовъ и пошлы не замышляти; а мыта съ воза по денге, а съ пшехода мыта нѣтъ. А вывода ны и рубежа межъ себе не замышляти; а кто замыслитъ, того выдати по исправе. А бояромъ и слугамъ межъ насъ пашъ пашъ воля. На семь на всемъ, брате старѣйший кн. в. Дмитрий Ивановичъ и братъ твой кн. Володимѣръ Андреевичъ, целуйте ко мѣ крестъ къ брату своему молодшему ко кн. в. къ Олгу Ивановичу, по любви въ правду, безъ хитрости.

(Собр. гос. грам. и догов. I, № 32).

См. духовн. и договор. грам. рус. князей. Чичерина Рус. Вѣст. 1857. № 4 и 5.

310. Подчинение Нижнего Новгорода Москвѣ.

Того же лѣта (1364) князь Дмитрей Костянтиновичъ суздальскій, внукъ Васильевъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Андрѣевъ, прапраправнукъ Александра Ярославича приде въ Новгородъ Нижний на вел. княжение с матерію с Еленою и со владыкою соимъ Алексѣемъ суздальскимъ и новгородскимъ и городецкимъ,—и не еступися ему княжения новгородскаго братъ его меньшій кн. Борисъ Константиновичъ внукъ Васильевъ.

Того же лѣта прииде посолъ отъ царя изъ Орды Борамхоза, а царицы—Асанъ, и посадиша на новгородскомъ княжении кн. Бориса Конст., внука Васильева, правнука Михайлова, праправнука Андрѣева Александровича.

Того же лѣта прииде изъ Орды отъ царя Озиза кн. Василий Кирдяга суздальскій, сынъ Дмитреевъ, внукъ Костянтиновъ,

правнукъ Васильевъ, а е имъ царевъ посолъ, яия ему Урусмады, і вынесе ярыки на княженіе великое владимерское князю Дмитрею Коститиновичю суздальскому; онъ же не восхотѣ, и сеступилъ вел. княжения володимерского в. к. Дмитрею Ив. московскому, а невросилъ у него силу к Новугороду к Нижнему на своего меньшаго брата на князя Бориса Костянтиновича. Князь же вел. Дмитрей Ив. посла к нимъ послы своя, чтобы ся помирили и поделилися вотчиною своею, князь же Борисъ не послуша.

Того же лѣта Алексѣй м-тъ отня епискупию новгородскую и городецкую отъ владыки суздальского Алексѣя.

В тожъ время отъ в. кн. Дмитрея Ив. прииде съ Москвы посолъ, препод. Сергій игумень Радонежский в Новугородъ в Нижиліи ко кн. Борису Костянтиновичу, зовя его на Москву; онъ же не послуша его, и на Москву не поиде. Препод. же Сергій игумень по митрополичью слову Алексѣева и в. кн. Дмитрея Ив. перкви вся затвори и даде силу к. в. Дмитрей Ив. старѣйшему брату Дмитрею Коститиновичю на меньшаго его брата Бориса Костянтиновича. Князь же Дмитрей Костянт. еще к тому в своей отчанинъ в Суздале собра силу многу, и поиде ратью к Новугороду Нижнему; и егда доиде до Бережин, и тамо срете его брать его меньшіи князь Борисъ Костянт. з бояры своими кланяися и покаяся и прося мира, а княжения сеступаяся. Кн. же Дмитрей Кост. не остави челобитія и моления брата своего, и взя с нимъ мѣръ, и поделишася княженіемъ суздальскимъ, и Нижнего Новогорода и городецкимъ. И сяде самъ кн. Дмитрей Костянтиновичъ на вел. княжении в Нижнемъ Новѣгородѣ, а брату своему меньшему кн. Борису Кост. даде Городецъ.

Тогожъ лѣта (1391) сложи кн. п. Василей Дмитревичъ крестное целование к в. кн. Борису Кост., Васильеву онуку,

Михайлову правнуку, Андреѣу праправнуку, и поиде во Орду ко царю Тахтамышу со мноюю честию и дары; и нача просити в. княжения Нижнего Новогорода подъ в. кн. Борисомъ Кост., к своему в. княжению к Москвѣ, и умъзди (одарилъ) князей царевыхъ, чтобы печаловались о немъ царю Тахтамышу. Она же взяша многое злато и серебро и великии дары, и даде царь Тахтамышъ подъ в. кн. Борисомъ Кост. великое ево княжение Новгородское к Москве в. кн. Василью Дмитр. И поиде кн. в. Василей Дмитревичъ изъ Орды отъ царя Тахтамыша с радостию с посломъ царевымъ на Русь, и пришедъ на Коломну и оттуду самъ поиде к Москве, а посла царева Тахтамышева отпусти в Новѣгородъ Нижний з бояры своими.

Слышавъ же сия, кн. в. Борисъ Кост. Нижн. Новогорода, тогда ему сущу в своей отчине въ Нижн. Новѣградѣ, и созва бояре свои и начагъ имъ молитися с плачемъ и со слезами, гаголя сиче: «го-спода моя, и братія, бояре и друзи, попомните господне крестное целование, какъ есте целовали ко мнѣ и любовь нашу и усвоение к вамъ». Бѣше же тогда у него старѣйшии бояринъ его, ему же пмя Василей Румянецъ, и рече ко господину своему кн. Борису К.:—ни скорби, ни печалуй, господине княже, вси есмы единомыслени к тебѣ, и готови за тя главы своя сложити и кровъ излѣяти. —Се же глаголаше лѣтя господина своего и изсылзшеся съ в. кн. Васильемъ Ди. и хотяше господина своего выдати ему. Приближающимъ же ко граду Татаромъ Тахтамышевымъ и московскимъ бояромъ и не восхотѣ кн. в. Борисъ Кост. поустѣять ѿ во градъ к себѣ. И рече ему старѣйшии его бояринъ Василей Румянецъ:—Господине княже, се царевъ посолъ Тахтамышевъ, а се в. кн. Василей Ди. московскаго бояре хотяше мѣръ подкрепитьи и любовь утвердити вѣчную, а ты самъ

бранъ и рать воздвизаеши; пусти убо ихъ во градъ, а мы вси съ тобою, и что могутъ снѣ сотворити? — И тако Татарове внидоша во градъ и бояре московити, и начаша въ колоколы звонити, и стекошася людие. Ки. в. Борисъ К. послаше къ своимъ бояромъ, глаголя: «господина моя и братня и милая дружина! попомните крестное целование, ежъ есте целоваяи ко мнѣ, и не выдайте мене врагомъ моимъ». И отвещеваше отъ нихъ единъ старѣйшии его бояринъ Василей Румянецъ:—господине княже, не падѣси на васъ, уже убо есми мы отныне не твои, и нѣсть съ тобою есмя, но на ти есмы; и тако поимають бысть ки. в. Борисъ К. Нижнего Новгорода. И по мале времени прииде ки. в. Василей Дм. я Новгородъ Нижний, и посади в немъ своя наѣстники, а ки. Бориса К. и з женою его и з детьми его, и елико еще быша доброхотовъ его, всѣхъ повелѣ по градомъ развести, и вериги желѣзныя связати, и в велицей крѣпости держати ихъ. И се прииде посолъ изъ Орды отъ царя Тахтamyша и позва в ки. Василья Дмитреевича во Орду ко царю, такоже и посла своего. Князь великий жъ поиде ко царю во Орду и многу честь приа отъ царя Тахтamyша, яко ни единъ отъ прежнихъ князей; и предаде ему царь Тахтamyшъ Новгородъ Нижний и Городецъ со всѣмъ, и Мещеру и Торусу,—и много любезно его жаловаше и отпусти его на Русь.

(Никоновс. лст. 1788 г. Спб. ч. IV, 9—10; 239—241).

311. Борьба Москвы съ В. Новгородомъ.

а. Въ лѣто 6901 (1393). Въя розмиріе ки. вел. Василия Дмитреевича съ В. Новымъградомъ, про грамоту, что записалъ В. Новгородъ грамоту къ ми-

трополиту не зватися на Москву, а повьствуи тако: чтобы есте къ м-ту грамоту отелали; а что есте цѣловали, а тои грѣхъ м-тъ съ васъ снимаетъ,—и В. Новгородъ того не похотѣлъ, и князь вел. взя у Новгорода пригородъ Тръжекъ съ волостями, и Волокъ Ламскій и Вологду, и волости много повоева, а Новгородъ взяша у князя вел. Устюгъ г., Устюжю и много волости поиманы; и въ то время много кровопролитіи учинилося, и Новгородци, не хотя видѣти большаго кровопролитія въ крестіанѣхъ, послаша нослы къ в. князю съ челобітїемъ о старинѣ, а къ м-ту послаша грамоту цѣловальную; и м-тъ словомъ повѣстоваше: язъ у васъ грамоту цѣловальную есмю, а грѣхъ съ васъ снимаю, а васъ благославляю,—а князь в. новгородское челобітіе прїялъ, и взя миръ по старинѣ.

(I, Новг. 96).

б. Того же году (1397) наслѣ князь в. Василей Дмитреевичъ, за Волокъ на Двину, боярь своихъ Андреа Албертова съ други, ко всея двинской свободѣ, а повьствуа имъ тако: чтобы есте задалися за князь великий, а отъ Новгорода бы есте отнялися; а князь в. хочетъ васъ отъ Новгорода боронити, а за васъ хочетъ стояти и Двиняне Иванъ Никитинъ и бояре двинскіи, и все Двиняне, за великий князь задалися, а къ князю в. цѣловаша крестъ. И князь в. на крестномъ цѣлованіи, у Новгорода отъялъ Волокъ Ламскій съ волостями, Тръжекъ съ волостями, и Вологду, и Бѣжскіи Връхъ; и потомъ къ Новгороду съ себе цѣлованіе сложилъ и крестную грамоту скинулъ, а Новгородци съ себе цѣлованіе сложили и грамоту крестную князю в. скинули. И по семъ присла Кипріянь м-тъ въ В. Новгородъ столника своего,

Климентіа, къ сыну своему къ владыцѣ Іоанну, и повѣствуа тако: поиди на Москву, зоветь тя отецъ твой митрополитъ о святительскихъ дѣлѣхъ; и владыка митрополита боярина отпусти на Москву, а самъ вѣсхотѣ поити къ отцу своему къ м-ту и посадникъ и тысяцкой, и бояре, и весь В. Новгородъ, бѣша челомъ господяну своему отцу владыцѣ Іоанну: что-бы еси, господине, князю в. слово добро и благословеніе бы еси подалъ, за свои дѣти за в. Новгородъ,—а Новгородци съ своимъ отцомъ съ владыкою послаша послове, посадника Боглаша Обакумовича, Кирилу Дмитріевича и житѣихъ людей, къ князю в. И владыка Іоаннъ князю в. благословеніе и слово добро подалъ, а послове отъ Новгорода челобитѣе; рекъ тако: чтобы еси, господине сыну князь великѣи мое благословеніе и слово добро пріялъ а Новгородское челобитіе, а отъ Новгорода отъ своихъ мужіа отъ волныхъ нелюбѣа бы еси отложилъ, а пріялъ бы еси вѣстарину; а при твоємъ бы, сыну, княженю прошежи христіанъ другое бы кровопролитіе не у чинилося; а что еси сыну князь великѣи, на крестномъ цѣлованіи у Новгорода стѣнялъ еси Заволочье, Тръжекъ, Волокъ, Володу, Бѣжитскіи Връхъ, а того бы еси, князь в. сѣгупил-ся, а пошло бы то къ Новгороду въ старину; а про волчѣи судъ на порубежѣхъ, а то, сыну, отложилъ бы еси, за-неже, господине князь в., то не старина.—И князь в. владычюи благословеніа и слова добра не пріялъ, а отъ пословъ Новгородскихъ челобитѣа не пріялъ, а отъ Новгорода не любѣа не отложилъ, а миру не взялъ. А м-тъ Кипріавъ своего сына владыку Іоанна и пословъ новгородскихъ отпустилъ въ Новгородъ, съ честію и съ благословеніемъ.

(I, *Новг.* 98)

Подробнѣе см. въ Никои. л. IV, 272—277.

п. Въ лѣто 6906 (1398). По велицѣи днѣ, на веснѣ, Новгородци рекоша своему господину владыцѣ отцу Іоанну: не можемъ, господине отче, сего изсилѣа трѣбѣти отъ своего князь в. Василіа Дмитріевича, что у насъ стѣнялъ у св. Софіи и у В. Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдну; нѣ хотимъ поискати св. Софіи пригородовъ и волостей, свои отчины и дѣдны—и цѣловаша крестъ за единъ братъ, како имъ св. Софіи и В. Новгорода пригородовъ и волостей поискати и бѣша челомъ посадникъ Тимофей Юрьевичъ, посадникъ Юрьи Дмитріевичъ, Василіи Борисовичъ, и бояре, и дѣти боярскіа, и житѣи люди, и купецкѣи дѣти, и вси ихъ воп: благослови, господине отче владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей; или пакы изнавдемъ свою отчину къ св. Софіи и къ В. Новгороду, пакы ли свои годовыи положимъ за св. Софію и за своего господина за В. Новгородъ. И владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, и воеводъ новгородскихъ, и всѣхъ вой; а Новгородци отпустиша свою братію, и рекъ имъ тако: поидѣте, святѣи Софіи пригородовъ и волостей пошпите, а свои отчины. Воеводы же Новгородскіи, посадникъ Тимофей, посадникъ Юрьи и Василіи, и вси вой, поидоша за Волокъ на Двину къ городку къ Орлецу; и срѣте ихъ съ Вели владычюи волостель Исаіа, рекъ имъ тако: господо воеводы Новгородскіи! поухаѣ, господо, князя в. боярнѣ Андрей, съ Іоанномъ съ Микитинымъ и съ Двиняны на св. Софіи волость на Волѣ, въ самъ великѣи депѣ, св. Софіи волость повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ ки. в. прѣхалъ въ засаду, на Двину, ки. Федоръ ростовскіи, городки блюсти и судити и пошлѣны имати съ новгородскихъ волостей; а двинскіи воеводы Иванъ и Ковонъ, съ своимъ другы, волости новгородскіи и бояръ новгородскихъ пошлѣша себѣ на части. Се

же слышавше воеводы новгородскыи, речекоша своимъ братіи воеводамъ: «братіе! аще тако съдумалъ господишъ нашъ князь в., съ крестопреступнишы съ двинскимъ воеводами,—сиде ркоша: братіе! лучши нашъ есть уирети за св. Союю, нежели въ обидѣ быти отъ своего в. князя». И пакы поидоша на в. князя волости, на Бѣлоозеро, и взяша бѣлозерскіи волости на щигъ, повоевавъ и пожгоша; а язь Новогородка вышедши князи бѣлозерскіи и воеводы князя в., и добша челоу воеводамъ новгородскимъ и всемъ воємъ—и изаша у нихъ окуна 60 рублевъ, и холода поимаша безъ числа, и животевъ много поимаша; и Кубеньскіи волости поимаша, и около Вологды воеваша, и Устюгъ городъ повоевавъ и пожгоша, и стояша на Устюгѣ 4 недѣли. И въ то время воеводы послаша Дмитрея Ивановича, Ивана Богдановича, а съ ними дѣти боярскіи, воеваша волости князя в., только за днѣще Галича не доходяща, а волости повоевавъ и пожгоша и холода (плѣнныхъ) поимаша безъ числа, а на холоду окунъ поимаша, понеже бо суды не подынуть, а звыи холоду шометаша; и оттолъ поидоша по Двинѣ къ городку къ Орлецу, воюя волости князя в. И пріидоша къ Орлецу городку и стояша подъ городкомъ 4 недѣли, поставиша пороки и оступиша городокъ, и начаша бити пороки; и вышедши Двиняне изъ городка, и начаша бити челоу, съ плачемъ воеводамъ и всемъ воємъ новгородскимъ; и воеводы новгородскыи и вси вои, по своего господина по новгородскому слову, челобитіе пріима Двиняны, а нелюбви отдаша; а воеводъ заводотскыиъ Ивана и Конона съ други изымаша, овыи смертію казаша, а Ивана и брати его Алѣксандра и Герасіи и Родиона изковаша, кто водилъ двинскую землю на зло; а у ки. Феодора ростовскаго взяша присудъ и пошлвыи, что поималъ, а самому съ други животъ даша; а у гостей князя в.

взята съ головъ окуна 300 р.; а у Двиняны, за нхъ преступленіе и за нхъ вину, воеводы и вси вои Новогородцы, взяша 2000 рублевъ, а 3000 кошевъ; бѣше бо всехъ Новогородцевъ 3000. Сиде бысть божіе милосердіе, только протѣдъ Руской земли и у столь твердаго городка не бысть пакости въ людехъ, только у городка единого челоука убивша дѣтскаго Левутку Феодорова посадника, а городокъ разгребоша (разрушили).

(I Новг. 98—100).

312 Подчиненіе Суздаля Москвѣ.

Въ тоже лѣто (1402) слышавъ князь Семень Дмитреевичъ суздальскій, что княгини его и зѣ дѣти изымана, и казна его взята, самъ бо бѣше тогда отъгаа по татарскимъ вѣстоу, и послаа къ в. князю (московскому) съ челобитіемъ и съ покореніемъ; князь же вел. опасъ⁽¹⁾ дасть ему, онъ же пріиде на Москву изъ Орды, и взя миръ съ в. княземъ, и иде съ Москвы на Вятку съ княгинею и зѣ дѣти, болень бо баше уже, и пребысть въ Вяткѣ 5 мѣслць, и впаде въ болшии недугъ, преставися дек. 21, на память Петра чудотворца. Сей же князь въ животъ своемъ много напастей подытъ, и многы истомы претерпѣ въ Ордѣ и на Русѣ, добиваяся своей отчины, осмь лѣтъ порядку въ Ордѣ служи четьремъ царемъ: прьвому Тахтмышу, другому Аксакъ-Темірю, третьему Темірь-Кутлаю, четвертому Шадъбѣку, а все то поднимая рать на в. ки. московскаго, како бы найти свою отчину, новгородское (нижегородское) княженіе, и того ради много труда поды, не обрѣтая покоа ногамъ своимъ, и не успѣ ничтоже, но аки всеу тружаса...

(П. С. Лѣт. VIII, 75—76).

(1) Опасную гримоту, чтобы пріѣхать безболѣнно.

313. О изымаши вел. князя въ Сергіевъ монастырь.

Въ лѣто 6954 (1446). Князю Дмитрею Шемякѣ вложи дѣволъ мысль хотѣти великаго княженя, и начать посылати къ князю Ивану Можайскому съ тѣмъ, что, рекши царь на томъ отпустилъ в. князя, а онъ къ царю цѣловалъ, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градахъ русскихъ и на нашихъ вѣстичахъ, а самъ хочетъ сѣсти на Твери. И тако по дѣволу наученію обьсылающися и заумавшеся съ своими свѣтниками злыми, иже нехоташа добра своимъ государемъ и всему христіанству, и посылають съ предреченными рѣчми къ в. кн. Борису тверскому; онъ же слышавъ то убояся, и бысть единомысленикъ съ ними. Мнози же и отъ Москвичъ въ думѣ съ ними бяху, бояре же и гости; бѣ же и отъ черниговъ въ той думѣ съ ними. И тако начаша князи и съ своими свѣтниками безвѣстно въоружатися и искати подобна времени, како бы изгояти в. князя. Усмотривъ же сіи таковыя получей, побѣдѣ ихъ злому свѣту, въскотѣвшу в. князю итти поклонитися Живоначалной Троици и мощемъ чудотворца Сергія: пошедшу ему и съ своими благородными чады, съ кн. Иваномъ и съ кн. Юрьемъ, и съ малыми зѣло людьми, ничтоже яного чаа, но токмо закорюпти сущую тако братью великіа тоя лазры; а къ кн. Дмитрею Шемякѣ и Ивану можайскому вѣсти по вся дни посылаема бяху съ Москвы отъ пѣтѣвниковъ, а они съвокупившеся стояша въ Рузѣ, готови суще, яко пси на ловъ или яко дивніи звѣріе, хотяще насытитися кроуе человѣча. Бывъ же къ нимъ вѣсти той, что князь в. пѣзде изъ града, они же часа того поидоша изгояти къ Москвѣ и приидоша февралѣ м. въ 12. въ 9 часъ нощи, противу недѣли иже о блудномъ сыну, и взяша градъ: не баше бо въ немъ про-

тивящагося имъ и никому вѣдущу сего, токмо единомысленикомъ ихъ, иже и градъ отвориша имъ; они же вшедше въ градъ великихъ княгинъ изымаша, Софью и Марью и казну в. князя и матери его разграбиша, а бояръ сущихъ ту изымавше и пограбиша, и иныхъ многихъ и горожанъ. И тоя же нощи паки отпускаетъ князь Дмитрей Шемяка кн. Ивана можайскаго на в. князя Василья къ Троицкѣ изгояти съ многими людьми своими и съ сего. Въ самую же литургію пригонялъ къ в. князю, въ недѣлю о блудномъ, Бункомъ зовутъ, повѣдая ему, что идутъ на него кн. Дмитрей Шемяка, да кн. Иванъ можайской ратью, и не ятъ ему вѣры, понеже бо тогъ Бунко за мало преже сего отѣхалъ къ кн. Дмитрию, и рече: «сіи смущаютъ насъ, а изъ съ своею братьею въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быти такъ? И повелѣ того ясъ монастырь збити и назавѣдъ воротити его, како бывшу тому на Вори, яла его ратнии сторожи и билиа его. А князь в. хотя ему не имѣ вѣры, а одинако посла сторожи къ Радонежу. Они же пришедше стаща на горѣ надъ Радонежемъ стеречи, и познаша ихъ ратнии сторожи издалеча, а си тѣхъ ратныхъ не усмотрѣша, и не имѣху вѣры тѣмъ вѣстемъ; а тѣ сторожи и сказаху князю Ивану, что есть сторожи за Радонежемъ на горѣ, онъ же повелѣ сани мнози изрядити какъ возы съ рогами, а илии съ тѣстми, а въ нихъ по два человека въ досѣбѣ, а третій послѣ идетъ какъ бы за возомъ; и какъ предніе уже минуша ихъ и тако выскакала вси изъ саней и изымаша ихъ, а убѣжати имъ нѣтъ како баше, понеже бо тогда свѣтъ былъ девяти падей. И тако вскорѣ поидоша къ монастырю, и какъ явишася скачюще на конехъ зъ горы тоя къ селу Климентьевскому, якоже на лояхъ сладокъ, и ако увидѣвъ вхъ князь п., потече самъ на ковшенной дворецъ, и не бѣ ему коня

уготована; самъ бо се яко ложъ вѣнни, надѣся на крестное цѣлованіе, и не поведѣ себѣ ничего уготовати, а люди вся въ уныніи быша и въ торопѣ везащѣ яко изумлени. Видѣвъ же князь в. яко нѣсть ему никакіе помощи, скоро поведе на монастырь къ церкви св. Троица каменный; пономарь же вѣннень Никифоръ, янокъ притекъ и отиче церковь, князь же в. вѣнде въ церковь, и онъ замкнулъ его отшедъ скоронися. А они убійци, яко же сверѣвши плъпп, възговниша на монастырь на конехъ, прже всѣхъ Никита Костантиновичъ, и на лѣсницю на ковъ къ преднимъ дверемъ церковнымъ, и ту пошедшу съ кови ему и заразися о камень, яже предъ дверми церковными вѣздѣланъ на примостѣ, и пришедше прочія взнаша его; онъ же едва отдохнувъ, и бысть яко оіанъ, а лице его яко мертвецу бѣ. Потомъ же и самъ князь Иванъ възговни на монастырь и все войнство ихъ, и начати въпрошати князь Иванъ: «гдѣ князь великий?» Князь же великій внутри церкви услыша князя Ивана глаголюща и вѣсн глаголя: «брате! помилуйте мя, не лѣшайте на зрѣти образа божіа и пречистыя матере его и всѣхъ святыхъ его; а не изыду изъ монастыря и власы главы своей урѣжу здѣ». И шедъ къ дверемъ южнымъ отпре ихъ самъ, и взявъ икону яже надъ гробомъ св. Сергіа, Явленіе св. Богородица съ лѣзма апостолама св. Сергію, и срѣте въ тѣхъ дверехъ церковныхъ князя Ивана, глаголя: «брате! цѣловали еси животворящій крестъ и сію икону въ церкви сей живоначална Троица, у сего же чудотворцова гроба Сергіева, яко не мыслити намъ, ни хотѣти на которому же отъ братіи между себе нпкогого лпха; а се нынѣ не вѣмъ, что есть на мнѣ». Князь же Иванъ рече къ нему: «господине государь! аще ли ты въсхоощемъ коего лпха, буди то надъ нами лпхо; но се творихомъ христіанства ради и твоего окупа: видѣвше

бо се Татари пришедши съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати». Князь же в. поставъ икону на мѣстѣ своемъ и паде ницъ у гроба чудотворцова Сергіева, слезами обливаа себе и велми въздыхаа кричаніемъ моляся заливался, яко удивитися всѣмъ сущимъ ту и слезы испустити и тѣмъ злодѣемъ противнымъ; а князь Іоанъ мало поклонися въ церкви изыде, рече Микитѣ: «възми его». И князь в. много молився вѣставъ отъ неччяніа своего и възрѣвъ рече велми: «гдѣ братъ князь Иванъ? Приступилъ же злый рабъ гордыхъ и немилосердыхъ мучитель Никита, ятъ (възъмъ) за плечи в. князя, глаголя: «поиманъ еси в. княземъ Дмитреемъ Юрьвичемъ». Оному же речу: «воля божіа да будетъ», — онъ же злодѣй выведе его изъ церкви и съ монастыря следе, и посадиша его въ голыи сани, а противу его чръница, и тако отидоша съ нимъ къ Москвѣ; а бояръ его всѣхъ поимаша, а прочихъ всѣхъ пограбивше нагихъ попущаа. А сынове князя в. князь Іоанъ да кн. Юрій, ухоронилися въ томъ же монастыри; а оня кровопійци, яко же нѣкоторый сладкій ловъ уловивше, отидоша, а о свѣхъ небрегоша, ниже пытаху о нихъ. Ся же в. князя сынове, Иванъ и Юрій, въ ту же ночь побѣгоша, изъ монастыря съ оставшимъ съ ними людьми, кои ухоронилися, и приѣзгоша къ кн. Ивану Раполовскому въ Юрьевъ, въ село его Боярово; князь же Іоанъ съ всею братьею, съ Семеномъ и зъ Дмитріемъ, и съ всѣми людьми своими бѣжаша съ ними къ Мурому и тамо заворачаша съ многими людьми. А князя в. Василіа въ понедѣльникъ на ночь на Масопусной недѣли, февраля 14 привелоша его на Москву и посадиша на дворѣ Шемякинѣ, а самъ князь Дмитрей стоялъ на дворѣ Поповкинѣ; въ среду на той же недѣли на ночь ослѣпивша князя в. и отошлаша его на Угличе Поле и съ его княгинею, а матере его, в. княгиню Софью

послала на Чюхлomu... (Ослѣпша его про сію вину: «чему еси Татаръ привелъ на Рускую землю, и города далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а Татаръ любишь и рѣчь ихъ паче вѣры безъ милости, а злато и серебро и имѣніе даешь Татаромъ»; а я за тотъ гнѣвъ, ослѣпилъ бѣ брата Дмитріева Юрьевича кн. Василя (Косаго). И съѣде на вел. княженіи кн. Дмитрій Юрьевичъ на Москвѣ).

(Н. С. Лѣт. VIII, 115—117; IV, 125—126).

314. Посланіе м-та Іоны Вятчанамъ ок. 1452 г.

Отъ Іоны, м-та кievскаго и всея Руси, на Вятку и въ всю вятскую землю воеводамъ земьскимъ Якову Пугвину и Оникю и Юрью Алексѣевымъ Мышкву, и всѣмъ ватаманомъ, и подвойскимъ, и бояромъ, и купцемъ, и житейнымъ людешъ и всему нарицающемуся именемъ христіанству тамошняя земля. Невѣды убо, како васъ нареци: зовегесь именемъ христіане, а живете дѣлающе злая горше нечестивыхъ, ни по христіанству, ни по крестному цѣлованью, ни по божественному писанію православныя петивныя христіанскыя вѣры; св. сборную и апостольскую церковь рускыя митрополія обидите и законы церковныя старыя разоряете, а за вся споему господарю в. князю грубите и приставаете къ его недругу, и издавна, и съ поганьствомъ съединяющеся, и съ отлученнымъ отъ божья церкви съ кн. Дмитріемъ съ Шемякою приходилъ есте многаяжды на в. князя воччину, на Устюгъ, на Вологду, на Галичъ, а черезъ крестное цѣлованье, цѣловавъ животворящей крестъ у кн. Дмитрія Ивановича у Ряполовскаго, у Глѣба у Семено-

ва трижды крестъ цѣловавъ, у Олександра у Мякинина двояжды крестъ цѣловавъ, на в. князя добро, да то крестное цѣлованье забывъ, да зався измѣняюще, и христіанство губите, и съ тѣми христіанскими любители и сами собою воччину его воюете безпрестанно, христіанство губите убійствомъ и холономъ и грабленіемъ, и церкви божьей разоряете и грабите вся церковная священная приходя, кузнь и книги и колоколы, и вся творите злая и богомерзская дѣла, якоже поганія. И мынѣ ново, снми часы, воевали есте в. князя воччину, Сысолу и Вымъ и Вычегоду, да людей есте православнаго христіанства много перемучили, переморили, а иныхъ въ воду пометали, а иныхъ въ избы и въ хоромы насаживая, мужей, старцевъ и малыхъ дѣтокъ, безчислено пожигали, а инымъ очи выжигали, а иныхъ младенцовъ на колѣ сажая умертвляли, подобая злочестивому губителю и христіаномъ убійцѣ Ироду; а холону есте взяли болѣ полугоры тысячи дуть, да который нынѣ себѣ держите, а иныхъ въ поганьство предаете и въ дары даете; да отъ того своего злаго дѣла не престанете, а своему господарю и. князю зався грубите, а челомъ ему за свою грубость не бьете. Но какъ Богъ своимъ милосердіемъ положилъ на сердцѣ и. господарю, в. князю, васъ еще жаловалъ, а и нашего смиренія послушалъ, какъ есмь его богомолецъ о васъ молилъ его съ многими слезами, и съ молбою, и съ благословеніемъ, по своему святительскому долгу: и в. господарь, в. князь и до сѣхъ мѣстъ вамъ терпѣлъ, васъ не казнялъ, ожидая отъ васъ вашего челобитія и покаянія, отъ злаго вашего дѣла престать; ино отъ васъ такы итѣ управленія. И язъ, его богомолецъ, уже то конечное, послалъ есмь къ вамъ сего своего старца, кыяшемскаго игумена Нафона, съ сею своею управою и кроткою грамотою и съ своими рѣчами, васъ жа-

тун, чтобы есте отъ своего злаго дѣла престали, а своими бы есте душами непогыбли и нынѣ временно, а въ будущемъ ономъ вѣцѣ не были есте въ безконечной оной муцѣ: церковь бы есте божию держали по христіанству по старинѣ честно, а господарю бы есте своему, а нашему сыну в. князю, за свою злую створенную къ нему грубость, челомъ додали; а грабежи бы есте церковные отдавали, и полонъ бы есте весь отгушали безхитростно, а по сы бы есте часы отъ своего злаго дѣла престали. И послушанте, иво еще на васъ будетъ милость божія и нашего смиренія благословеніе, а в. господаря в. князя жалованье, по вашему къ нему исправленію; а не послушаете насъ? а своему господарю в. князю челомъ не побѣте и къ нему не исправитесь въ всемъ безъ хитрости, иво небудетъ на васъ милость божія и пречистыя ея Богоматере и всѣхъ святыхъ молитвы, и нашего благословія, и выити въ вся безконечныя вѣки; а та кровь христіанская вамъ отомлется, го вамъ все отъ себя привдетъ. А рѣчи своими, съ сямъ своимъ старцемъ, то же есмь къ вамъ приказать...

(А. Истор. I, № 261.

315. Усмиреніе Новгорода Московскимъ княземъ.

Тое же зимы (1456) м. генваря 19 въ понедѣльникъ, князь в. Василей Васильевичъ за неисправленіе Новгородецъ поиде на Новгородъ В. и бывшу ему на Волоцѣ, и ту приидоша къ нему братія его, и вси князи его и воеводы съ многожестовъ войнства, а изъ Новгорода на Волокъ же прииде къ нему посадникъ Василей Степановъ съ челобитьемъ, чтобы князь в. пожаловалъ на Новгородъ не

шелъ, а гнѣвъ свой отложилъ; и неприять князь в. челобитія ихъ, но поиде на нихъ. Пришедъ же нъ землю новгородскую и отпусти князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Феодора Басеика на Русу; они же тамо пришедше многое множество богатства взяли, понеже бо неуспѣша выбѣжати люди сущія тамо, ниже товара вывести ни похоронити гдѣ и съ тою многою корыстію вся люди своя впередъ себе отпустиша, а сами главами своими воеводы и дѣти боярскіе съ малыми людьми, безъ коихъ не лѣтъ быти имъ, по оставшася, выпустивъ своихъ подалѣ, за ними же поитти назадъ къ в. князю. И тогда бысть вѣсть имъ, а и сами видяху, что идеть на нихъ отъ Новгорода рать велика, 5 тыс. ихъ бяху, а сихъ до дву сотъ не оставшася; видѣше же устрашишася, потому же начаша глаголати межъ собою: «что створимъ? аще не поидемъ противу ихъ битися, то погибнемъ отъ своего государя в. князя, понеже корысть взяхомъ и воа съ тѣмъ отпустихомъ; но лучши помремъ съ ними заправду своего государя, а за ихъ измѣну», и поидоша противу ихъ; бысть же плетель межъ ихъ и суметы свѣжныя велики, и не бѣ имъ лѣтъ вмѣсто сятися. Вои же в. князя видѣше крѣпкіи доспѣхи Новгородцевъ и начаша стрѣлами бити по конемъ ихъ, кони же ихъ яко възбѣсѣша и начаша метатися подъ ними и съ себе сбивати ихъ; они же не знаяще того бою яко омертаѣша и руки имъ ослобѣша, кони же вмаху дълга и неможаху и възнимати ихъ тако, яко же обычай есть ратнымъ, но на землю испущающе ихъ, а конемъ блющемся подъ ними, и тако валяхуся подъ кони свои, немогуще сдържати ихъ; и сбытсѣя реченное пророческое слово надъ ними, глаголющее: «ложь конь въ спасеніе, въ множество силы своея не спасетси!» И тако въскорѣ побѣдоша гопими гнѣвомъ божиимъ, и множество же ихъ избіено бысть,

а ины поимани; тогда поиманъ бысть посадникъ ихъ боляшой Михайло Туча, а убьенъ Есинъ Носовъ и ины мнози, а поиманныхъ не много бысть того ради, нѣкому было ихъ имати, повеже бысть мало воинства в. князя; гонима же ся воеводы в. князя и воинство, иже съ ними, бѣюще и грабяще и въ плѣнь ведуще, и тако възвратившися и приидоша къ своему государю в. князю здрави вси. А Новгородцы прибѣгоша въ Новгородъ, похваща бывшее надъ собою, и бысть въ Новгородѣ скорѣе и туга и плачь многъ о избѣженныхъ, и плѣненныхъ и о своей памѣти къ в. князю. По обычаю же своему начаша звонити въ вѣчный колоколъ, и сядеся весь градъ на вѣче то, посадники и тысяцкіе и прочіе вся людие, и невѣдуще, что мѣлвати, но смутившися и въсколебашася яко шаны и иная глаголаше, такоже вси умысливше начаша бити челомъ архіепископу своему Евфимію, чтобы шедъ молилъ в. князя, да помиловалъ бы отчину свою и отвратилъ бы ся отъ гнѣва ярости своеа чтобы до конца не погибли есмы за свою измѣну къ нему, господину своему в. князю. Архіепископъ же, видя людие въ бѣдѣ сущихъ, и рече къ нимъ: «дѣти мои! за ваше неисправление не можно ми есть ни на очи прияти господина моего в. князя за ваше

преступленіе, а за свое стѣгрѣшеніе; но милостивъ есть, иду молити его, да отдастъ намъ зло сіе, еже не токмо измѣна наша къ нему, но и руку вашу подияете противу его». И тако поиде къ в. князю, а съ нимъ посадники, и тысяцкіе и люди жити, по своему имъ обычаю; архіепископъ же Евфимій приде къ в. князю, и начатъ челомъ бити и молити его за его отчину за Новгородъ, а преже бивъ челомъ и брати его и бояромъ. Князь же великій послуша моления богомолца своего архіепа. Евфиміа, и брати своеа и бояръ своихъ, и тѣхъ Новгородцевъ, которые пришли съ архіепископомъ, пожалова ихъ, а за свою негому взл у нихъ князь в. 10,000 р. новгородскимъ серебромъ, опричь брати бояръ своихъ, и посла бояръ своихъ въ Новгородъ и приведоша весь Новгородъ къ дѣлованію, что имъ быти у него въ послушаніи, а его лиходѣевъ, измѣнниковъ, у себе не дрѣжати; и тако възвратися князь в. на Москву.

(Н. С. Лѣт. VIII, 145—147).

О внутреннихъ раздорахъ въ Новгородѣ см. статью. «Вліяніе владыки 1418 г.» О борьбѣ областей, см. договорныя грамоты въ отдѣлѣ администраціи и въ отдѣлѣ юридическомъ.

Б. П Р Е Д А Н І Я И Б Ы Л И И А.

316. Сказаніе о началѣ Москвы.

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти; были на семъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучка Сте-

пана Ивановича, боярина же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Данила Александровичъ Невскаго, и нача просити у Кучка боярина дву сыновъ его къ себѣ во дворъ съ великимъ преніемъ, и глагола ему: «аще не даси сыновъ своихъ мнѣ

во дворъ и азъ на тя войною прииду и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу». И бояринъ Кучко убояся страха князя Даниила суждальскаго; и отдадѣ сыновъ своихъ обоихъ князю Данилу суждальскому. И князю Данилу полюбишася оба Кучкова сына; и нача ихъ князь Данилъ любить и жаловати, и пожаловалъ единого въ столбники, а другого въ чашники. И полюбишася тѣ два юноша Даниловѣ княгини Улиты Юрьевны, и узави ю врагъ на тѣхъ юношѣ блудною яростію, возлюбилъ бо красоту лица ихъ, и лаволимиъ разженіемъ смѣсися любовно, и умыслиша они со княгинею, како бы имъ предати князя Даниила смерти и начаша звати князя Даниила въ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрска уловленія зацеви.

И бысть ему на поли, и егда поѣхаша въ дебри, и начаша они Кучковы предавати его злой смерти; князь же Данилъ ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса; и бѣжа отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же злии человѣцы и убицы, аки волцы лютіи напрасно хотяху похитити его, и сами быша во ужасѣ мнозѣ, искавши его и не обрѣтоша, но токмо нашедше коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевозу, и не имѣя что дати перевознику за перевозъ, но токмо бѣ у него на рукѣ перстень златый, и той перстень дая перевознику; перевозникъ же глаголаше: «лихи дѣ вы люди, омащивы, какъ дѣ васъ перевозу рѣку, и вы не давъ ничего, такъ и уходите»; а не познавъ его, что онъ князь Данилъ Александровичъ; онъ же обѣщавъ ему той златый перстень дати. Первозникъ же прѣѣхавъ близъ брега з другой страны Оки рѣки, и бывъ противъ князя и протяжѣ весло князю и рече: «подай перстень на весло, и азъ тя перевозу»; князь же Данилъ, мнявъ его яко правдива челоуѣка, и мня яко не солжетъ, и возложи ему на весло перстень свой златый. Первозникъ же той взявъ на веслѣ отъ князя перстень къ себѣ и отгоржеса отъ брега. Князь же Данилъ побѣже подлѣ Оки рѣки, бояся за собою гонимыхъ людей, и прейде день той къ вечеру, и не имѣя гдѣ прикритися,—пусто бо мѣсто бѣ въ дебри,—и по прилучаю найдя той дебри струбець малъ столицъ, подъ нимъ же погребень бысть ту нѣкоторый мертвый челоуѣкъ, князь же влѣзъ въ струбець той, закрыся въ немъ, забывъ страхъ отъ мертвыхъ, и почи тою ночью гениую до утрян.

Сынове же боярина Степана Ив. Кучка быша въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби велицей, что упустиша князя Даниила жива отъ рукъ своихъ ранена: и придоша въ раскаяніе и рѣшавъ себѣ: «лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ такового дѣла смертнаго; понеже убѣжа отъ насъ раненъ во градъ Владиміръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и будетъ намъ отъ

нихъ принять злая казни и смерть различная и лютая, такожде княгини Улиты повѣшеной быти».

И злая княгиня Улита, наполни ю діаволъ сердце злыя мысли на мужа своего князя Даниила Алекс. аки лютую змію, и распалися сотанинымъ навожденіемъ блудныя похоти. Возлюбивъ бо окаянная мало добрыхъ паложниковъ Кучковыхъ дѣтей любовниковъ своихъ, и повѣда имъ вся тайны мужа своего, глаголя: «есть де у мужа моего песь выжлецъ, и какъ де онъ князь Данилъ ѣздитъ противъ враговъ своихъ на побовиша на Татаръ или на крымскихъ людей, и приказывають мнѣ поѣзжая: егда де я отъ Татаръ убѣитъ буду, или инымъ какимъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупахъ челоуѣческихъ сыскати и познати мнѣ не можно; и ты пошли на разысканіе дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити того пса передъ собою проста, а самимъ ѣхати за псомъ; и той песь разыщетъ мя неложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно».—И наутри княгиня Улита, давъ того пса любовникамъ своимъ и приказываетъ: «гдѣ князя Даниила обращаете, тамо его смерти предайте». Они же злии убицы, злаго тоя злоядицы княгини Улиты наполнишася, и вземше пса поѣхаша на то мѣсто, гдѣ хотѣша князя смерти предати; и съ того мѣста пса пустиша напредъ себя, той же песь бѣжа предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. И бѣжавъ песь по берегу Оки рѣки, и набѣжавъ оный струбець, гдѣ хоронился князь Данилъ, увѣдавъ песь князя Даниила, и нача шиею вертѣти и махати радуясь ему: тѣмъже искомии его увидѣаше пса радующася и хвостомъ машуща; и скоро скочивше скрывають струбець, и обрѣтъ ту князя Даниила Александровича, и скоро смерти предають, мечи и копьи прободоша ребра ему и главу отѣкоша его, и наки въ той струбець покрыша тѣло его.

Благоуѣравый князь Данилъ бысть 4-й мученикъ, пріять мученическую смерть отъ прелюбодѣвъ и жены своея. Въ первыхъ мученики Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убиены быша отъ брата своего окаяннаго Святополка, рекомаго Поганополка; тако и сии Кучковы дѣти прѣѣхаша во градъ Суждаль и привезоша ризу кроваву князя Даниила и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею въ томъ же прелюбодѣяннѣ беззаконномъ попрежнему. Не скоро же убо ходитъ вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрѣю Александровичу, что сотворся такое убійство надъ братомъ княземъ Даниломъ Александровичемъ.

Сыну же князю Ивану Даниловичу, внуку Александру, оставшуся младу сущу, токмо яръ и лютъ бысть, и пріяхъ отъ рожденія его, именемъ Давыдъ Тудермивъ. По смерти же Даниловъ, пришедше уже два (мѣ-

случа?), и скалися той вѣрной слуга Давыдъ о сынѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ, и взять его отай ночью, и паде на коня и гнавъ съ нѣмъ скоро ко граду Владиміру ко князю Андрѣю Александровичу къ дядѣ его, и сказа вся слуга той по ряду, что сотворися во градѣ такое злое убійство надъ братомъ княземъ Данииломъ.

Князь же Андрѣй скалися по братѣ своему, яко же князь Ярославъ Владиміровичъ по братіи своей Борису и Глебѣ, и собравъ на окаяннаго злаго убійцу своя войска, и Бога себѣ въ помощь призавъ, ратно отыстивъ кровь братню праведныхъ своихъ Бориса и Глеба и Святослава и побѣди окаяннаго Святополка. Тако же и сей новый Ярославъ князь Андрѣй Ал. прослезился горѣ по братѣ своему, князю Даниилу суждальскомъ, и воздвѣвъ ружь свое на небо, и рече со слезами: «Господи владыко, творче всѣхъ и содѣтелю, отми кровь праведнаго Бориса и Глеба, князю Ярославу на окаяннаго Святополка, тако Господи владыко, отми кровь сію неповинную мнѣ, грѣшному, брата моего князя Данила сихъ злыхъ блудниковъ и нелюбимыхъ тѣхъ блудницъ... Святополкъ бо окаяннымъ братоубійствомъ сотвори, очи его зли прельстишася, несѣти сребра и злата и имѣнія многого, власти и царствія его восхотѣ на единъ часъ насладитися, а небеснаго царствія во вѣки отпавъ и во днѣ адѣвъ во вѣки мученіе воспріять. Тако и сія скверная и несъятая блудница, княгиня Улита блуднаго сквернѣя, похоти несътства на единъ часъ насладися, и не токмо небеснаго царствія лишился, но сего свѣта власть отринувъ, и возлюбилъ скверну злую, блудную похоть, и уготовился диволу нечѣста и (окаянному Святополку) во днѣ адѣвъ отъ сатаны законъ воспріять и вѣчно мученіе наслѣдовать».

Собра князь Андрѣй во градѣ Владиміръ войска своего 3,000, и поиде во градъ Суждаль, и слышаху во градѣ Суждальцы и боярина Степана Ив. Кучка дѣти, что идетъ на нихъ изъ Владиміра града князь Андрѣй съ войскою, и обѣять ихъ страхъ и трепетъ, что напрасно пролиаша кровь неповинную; и не возмогоша они стати противъ князя Андрѣя ратоватися, и бѣжаша ко отцу своему, боярину Степану Ив. Кучку. Князь же Андрѣй съ воинствомъ пришелъ въ Суждаль градъ; суждальцы же не противишася ему, глаголюще: «мы бо не совѣтницы на смерть государя своего, и не приложихомся убить брата твоего князя Данила; но вѣмы яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучкоулича, и мы можемъ тебѣ пособствовать на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ. Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Улиту поимать и казнить всякими мучками, и преда ю лютѣй смерті, понеже она злая таковая безсудна дѣла содѣла, и не устранила Бога содѣтеля, и вельможъ и великихъ

людей не устранила, и отъ добрыхъ женъ укорины и посмѣху не постыдѣся, своего мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть прияла. И собравши суждальцы 3,000 войска князю Андрѣю Ал. въ помощъ, и поиде князь со всѣмъ воинствомъ на боярина Степана Ив. Кучка, и не бысть у Боярина Кучки кругъ красивыхъ его селъ оградъ каменныхъ и острога деревяннаго и не возмоще Кучко боирить противъ князя Андрѣя боемъ битися, и вскоре князь Андрѣй всею силою на приступъ ѣмлетъ села и слободы красныя и самаго Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣтъ и повелѣ ихъ оковать желѣзы вѣшными, и потомъ казни боярина Кучка и зъ дѣтьми его всякими казнями различными, въ лѣто 6797 (1289), марта въ 17 день. И князь Андрѣй Ал. отми кровь брата своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, иже убили князя Данила, и все имѣніе ихъ и богатство разграбилъ, а селъ и слободъ красныхъ не пожегъ, а препочи ту. Наутри же встанъ и посмотрѣвъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ, и вложи Богъ въ сердце князю Андрѣю на томъ мѣстѣ градъ поставити, видѣ бо мѣсто прилично, еже граду быти, и воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и воздвѣвъ ружь на небо, и рече молитву со слезами: «Боже вседержителю, творче всѣхъ и создателю! Прослави мѣсто сіе и подажди помощъ желанію моему устроити градъ и создати св. церковь».

И оттогда князь Андрѣй сядетъ въ красныхъ тѣхъ селахъ и слободахъ нача жителствовати; а во градѣ Суждали и во Владиміръ посаждая державствовати сына своего Георгія, а племянника своего брата сына Іоанна Донцовича къ себѣ взять, и воспитавъ его до возраста въ добромъ наказаніи.

Той же благовѣрный князь Андрѣй Ал. воздвѣже церковь древяну преса. Богородицы честнаго ея благовѣщенія пчелнику сущу, и Бога въ помощь себе призывая и пречистую его Богоматерь, такожде повелѣ и градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ и именование граду тому положи *Москва*; пособствоваша Суждальцы и Владимірцы и Ростовцы и вся окрестныя.

И тако сотвориша и состроиша градъ въ лѣто 6799 (1291) июля мѣсяца въ 17 день, на память св. мученика Пантелеймона, и оттогда нача именоватися градъ Москва. Пожиже же той благовѣрный князь Андрѣй во градѣ Москвѣ, и устроилъ божія церкви многи, и преставися въ лѣто 6813 (1305); оставляетъ градъ Москву и приказываетъ державствовати племяннику своему князю Іоанну Даниловичу. Сину же Андрееву Георгію, нарицаемому Юрью суждальскому и Владимірскому, преставьшуся прежде смерти отца своего Андрея московскаго единымъ лѣтомъ. Но токмо у него наслѣдникъ по немъ

сыпь его Дмитрій, еще бо ему младу сущу, яко 4 лѣта и двю мѣсяць.

(Ниски Рыбникова IV, LIX. Временникъ 1855 г., кн. XL).

При всей неясности главнаго содержания, это сказаніе представляет много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо рисуютъ бытъ древней сѣверо-восточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные наметки обо этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ. (См. Убиеніе Андрея Боголюбскаго). Этихъ подробностей въ отношеніи къ древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажалъ иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку, событія и особенно дорожитъ ими.

317. Пророчество о Москвѣ святителя Петра.

Божій человекъ пресвященный м-т. великій чудотворецъ Петръ, прохожаще многи грады и веси, якоже обычай имяше поучати Богомъ порученное ему стадо, въ преславномъ же градѣ Москвѣ начатъ пребывать болши илѣтъ градовъ. Видяше бо въ немъ благочестія держателя сего благолюбиваго в. кн. Ивана Даниловича, православіемъ сіяюща, и богоугодно живуща, и всякими добрыми дѣлами украшена, и милостива до иншихъ, и честь велию подающа служителямъ св. божіихъ церквей и тѣхъ учению внимающа, его же аѣло отъ душа возлюби великій чудотворецъ Петръ, съ нимъ же часто бесѣдуя, и мудрствуя о всѣхъ благихъ и полезныхъ душевныхъ же и тѣлесныхъ, еще же совѣтъ благопотребенъ предлагая ему, и пророчествуя глаголаше: «О боголюбивѣйшій и в. княже! аще совѣта моего, сыну! послушаеши, и во градѣ своемъ Москвѣ соборную церковь каменную поставиши во имя пречистыя Богоматери, и тебѣ самаго имать Богъ благословити и прославити наче инѣхъ князей, и разпространити градъ сей паче инѣхъ градовъ, и имя Его святое сугубо прославится въ немъ, и не оскудѣютъ Державніи отъ сѣмьи твоего, обладаи и царствуя мѣстомъ сѣмъ въ роды и роды и во вѣки, изыдутъ руки ихъ на плещу врагъ ихъ, еще же и святители поживутъ въ немъ, паче же и моя кости здѣ имутъ положени быти». — Ся убо словеса в. князь отъ учителя съ радостію великою приѣмъ, и честь велию воздавая отцу своему, и блже всегда посредѣ обоеихъ веселіе духовное, и вся потребная ко церковному зданію готовляху. Къ симъ же еще чудно сказаніе мнози въ повѣстѣхъ обносятъ, сице глаголюще:

яко бысть гдѣкогда сему христіановому в. кн. Ивану Даниловичу по нѣкоему прилученію ѣдящу ему на конѣхъ близъ рѣки Пегамны, идѣже нынѣ есть монастырь, именуемый Высокій, въ немъ же церковь во имя чудотворца Петра, и вnezапу зрѣть в. кн. на томъ мѣстѣ гору высокую и превелику, и верхъ горы тоя блже великии снѣжень. Сіе видѣніе зря и дивися и сущимъ съ нимъ вельможамъ своимъ рукою показуя, и вси недоумѣвахуся о не обычной горѣ, и аѣне видяху снѣгъ, иже верху горы, вскорѣ невидимъ бысть, потомъ же надолѣ смотряющимъ имъ и гора высокая и превеликая невидима бысть. — Вся же сія возвѣщена бысть отъ в. князя божію святителю Петру; святый же пакы пророчествуя глаголаше: «Разумно да будетъ ти, о чадо! яко гора высокая и превеликая, юже видѣлъ еси, подобіе образуеъ твоего благородія высочайшихъ добродѣтелей исправленіе, и богомъ дарованнаго ти отеческаго скипетродержанія крестоносныя хоругви рускаго царства величества; горы же оныя снѣжный верхъ близъ являетъ моего житія скончаніе, яко же снѣгъ, иже на горѣ, скоро скрыся отъ очю твою, надолѣ же сихъ смотряющу ти и гора невидима бысть: таковымъ образованіемъ мѣъ преже тебѣ житія сего отъити есть, потому же и ты, яко гора высока превелика, богоудно и доволно царствовать, и яко добродѣтельная маслина благородная чада породивъ, и въ добръ наказаніи воспитавъ, и потомъ егда услышиши старца къ тебѣ пришедша, и тогда уразумѣши и ты добраго ти житія свершеніе теченія и къ Богу отшествіе». — Великій же князь Иванъ Даниловичъ внимаше умомъ словеса сія, сугубо умлаженіе стяжа, и всегда необычна старца пришествія ожидаше, вся бо, яже глагола святый, Богъ же дѣломъ исполняя, и донынѣ пророченія его сбывахуся...

(Степ. кн. издан. Миллеромъ 1775 г. ч. I, стр. 404—405).

318. Василій Буславичъ

Во славномъ великомъ Новгородѣ
А и жилъ Буслай до девяста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жить не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставался его житѣ бытѣ
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Мамелея Тимошеевна,

И остался чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло,
Отдавала пѣнью учить церковному,
Пѣнье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такого пѣвца
Во славномъ Новогородѣ
Супротивъ Василья Буслаева.
Повадилась видѣ Васюка Буслаевичъ
Со шляпницы, со безумницы,
Съ веселыми удазными добрыми молодцы,
До пѣвца ужъ сталъ напивотиса;
А и ходитъ въ городъ, уродуетъ.
Котораго возметь онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватить поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ—реветъ, окорачъ поззетъ.
Жалуются васенькиной матушкѣ.
Матушка журить молодца,
Журба Васюкъ не влюбилася.
Садился Васюка на ремечикъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты.
«Кто хочетъ пить и есть изъ готового,
Валися къ Васюкъ на широкій дворъ,
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное».
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частыя переулки.
Въ тоже время поставилъ Васюка чанъ середи
двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Ошущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли къ Васюкъ на широкій дворъ
Ко тому чану, зелену вину.
Въ началъ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ.
Василія тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червлеными вязомъ,—
Въ половникъ было назито
Тяжела свинца чебурачкаго,
Въсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ.
Стоитъ тутъ Костя, не шепельнется.
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названъ братъ,
И паче мнѣ брата родимаго.»

Такъ Василій набралъ себѣ дружину изъ 29
молодцовъ—самъ тридцать.

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси ты, мужики новгородские!

Бьюсь съ вами о великѣй закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, драться
Со всею дружиною храброю,
Тако вы меня съ дружиною побьете Новыиъ-
городемъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерти
свою,
На всякій годъ по три тысячи:
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритесь,
То вамъ платить мнѣ такову же дань.
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.

Начинается бой—Василій съ дружиною такъ и
пострѣляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять
Васильеву матушкѣ: Мамелта Тимофеевна сажаетъ
его въ глубокий погребъ. Тогда Васильеву дружину
начинаютъ одолевать Новгородцы. Видя это, дѣвушка
чернавуха выпускаетъ Василья изъ погреба;
схватила тележную ось, онъ бросается на помощь
своимъ,—мужики новгородские опять такъ и вьются.
Скорѣе проситъ она Васильеву матушку, чтобъ уняла
свое чадо милое.

Она посылаетъ идъ къ Васильеву крестовому
батюшкѣ—старцу пилгиримцу, живущему въ мона-
стырѣ Сергеевскомъ.

Старчище Пилгиримиче сокручается,
Сокручается онъ, саваряжается
Ко своему ко крестнику любимому
Одѣваетъ старчище кафтаны въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клику въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостыку ко Волховскому
Со тыми князьими новгородскими.
Приходить на мостыкъ на Волховскій,
Прямо ему во ясны очи,
Въ говорить ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское.
Оставь мужичковъ хоть на овмена».—
Богатырское сердце разъярилося:
«Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не даждь я ти личко о христовомъ дни,
Дамъ тебѣ личко о петровомъ дни!»
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною,—
Отъ единого удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ...
Тогда государыня его матушка
Отдавала платища черныя,
Отдавала шубу соболѣнную,
Полатала шоломъ на буйну голову,
И пошла Мамелта Тимофеевна
Унимать своего чада любимого.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на мочуны:
«Ай же ты, чадо мое милое,
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку.

Уброси свое смертное побище,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.
Тутъ Василюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матеръ на сыру землю:
«Ай ты, свѣтъ государыни матушки,
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежели бѣ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государини матушкѣ,
Убить бы за мѣсто мужика новгородскаго».
И тогда Василюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тѣхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

(Песни Рыбникова I, 348—351).

См. Сказ. рус. нар. I, 16—17.

Былина о Василѣ Буслаевѣ отлично характеризуетъ внутреннѣе смуты Новгорода и борьбы болѣе съ новгородскими мужиками. Старикъ Буслай прожилъ 90 лѣтъ и поперекъ словечка не говаривалъ мужикамъ; за то оставилъ большое имѣние дворянское. Но вотъ сынъ его Василій подобралъ себѣ компанію удалъцовъ и пильницъ и сталъ уродовать остръязыго и попеченнаго, а потомъ вступилъ въ открытый бой съ мужиками новгородскими. Былина какъ бы хочетъ объяснить, что болѣе въ старое время въ Новгородѣ не имѣли такой силы, какъ позже, и не старались забирать въ руки нисшее население, но вотъ въ развитіи дворянскаго элемента болѣе и болѣе возникали внутреннѣе смуты въ Новгородѣ и борьба окончивалась не въ пользу нисшаго класса народа. Эти то раздоры и положили конецъ вольности Новгорода.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

319. Взглядъ на древне русскую жизнь.

«Богъ, говоритъ одинъ великій востокъ, Богъ держитъ въ рукѣ своей бразды вѣхъ царствъ, и вѣхъ сердца въ десницѣ Его. Иногда Онъ воздерживаетъ страсти, послабляетъ имъ, и возмущаетъ родъ человѣческій. Угодны-ли воли Его завоевателя?—Онъ являосылаетъ имъ своего духа мудрости и предвѣдѣнія, воспевающего бѣдствію государствъ, и крѣпшаго основы общественнаго благотипія. Онъ вѣдаетъ мудрость человѣка, бланзурную во многомъ и просвѣщаетъ ее, дѣлаетъ дальновидною или предоставляетъ ее собственному ея невѣдѣнію, ослѣпляетъ, движетъ на гибель и губитъ ее ею самою: она запутывается, сбивается съ своихъ собственныхъ извѣстѣй, и удовлетворяется самою своею предосторожностью. Таковы средства, коими исполняются невѣдомыя судьбы Бога. Онъ готовитъ

дѣйствія въ причинять самыхъ отдаленныхъ; Онъ поражаетъ царства великими ударами, отраженіе коней разливаются столь обширно. Когда погибнуть царству, все дѣлается слабо и нестройно въ его совѣтахъ».

Посмотрите на начало Руси: какъ дивно понвы Скавдиави ведены были на югъ, черезъ моря и пустыни; какихъ смѣлыхъ дѣйствователей посылало имъ Провидѣніе; какъ оно давало имъ средства положить основаніе русскому народу; какъ внушило оно честолюбивому Владиміру желаніе просвѣтяться христіанскою вѣрою, послало посать него долгожданнаго Ярослава, и отдало миръ Востока въ зародышѣ маломъ отъ міра Запада, развивавшагося въ огромныхъ объемахъ!

Начало было положено. Самобытный Русскій потекъ поприщемъ общественной жизни. Онъ не могъ уклониться отъ основныхъ законовъ человѣчества. Когда

религія истребила язычество, и образовывала духъ народа, новый порядокъ правленія истребилъ феодализмъ, перенесенный изъ Скандинавіи, и сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ. Пройдите мыслію столѣтіе послѣ Ярослава. Какія малыя, но вѣрныя причины, и какіе разнообразные каждому времени дѣйствители! Когда, кажется, все вело къ спокойствію—являлось новое препятствіе; когда мудрость человѣческая думала, что создала твердое и неизбѣжное—одна ошибка, одинъ ничтожный дѣйствитель, и все разлеталось въ обломкахъ. Основаніе находилось въ самомъ образованіи русскихъ княжествъ, *стихія* въ политическомъ отношеніи одного княжества и другого рода князей къ другому княжеству, другому роду князей; *средства*, отъ конхъ кнѣжи сія стихія—характеры князей. Прежде всего явился 3 князя, 3 брата, 3 врага: Изяславъ, можетъ быть, добрый по душѣ, но вышедшій всею недостатками людей малодушныхъ; *Святославъ*, мужественный, но не знавшій союза союбственности съ честолюбіемъ; *Всеволодъ*, робкій угодникъ, то Святослава, то Изяслава. Смерть двухъ другихъ братьевъ, Вячеслава и Игоря, дала имъ поводъ къ несправедливости. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и Изяславъ заплатилъ за согласіе на обиду ближнихъ потерю престола. Смерть Святослава возвратила ему право его, но боязнь и мщеніе отразились въ бѣдствіяхъ и изгнаніи сыновъ Святослава. Надобно было, чтобы обдѣленные и оскорбленные пленники были люди, подобные Володарю и Васильку, Олегу и Роману, Борису и Давыду (хотя и злодѣю, но мужу съ крѣпкою душею). Борьба ихъ съ дядями была неудачна, но неудача только усилила взаимную ненависть. Изяславъ погибъ. Владимиръ Мономахъ, подъ щитомъ имени отцовскаго, умѣлъ стать противъ всѣхъ; но блестящія достоинства его помрачало холодное,

свокорыстное честолюбіе. Законностью избранія Святополка онъ хотѣлъ добыть себѣ новое орудіе на враговъ, и не зналъ, что возводить на престолъ челоѣка безъ души и безъ сердца. Затанувъ въ глубинѣ души сознаніе своей ошибки, когда смерть Святополка сняла позоръ съ трона велико-княжескаго, Мономахъ пожертвовалъ смиреніемъ властолюбію, сѣлъ на тронъ отцовъ, караль, ичтожилъ противниковъ—было поздно: самоубытность Новгородца, Галича, Чернигова, была уже неистребима! Едва умеръ Мономахъ, все созданное имъ ушло при слабыхъ сынахъ его, Мстиславѣ и Ярополкѣ. Руссы привыкли уже къ мысли, что только родъ Всеволода долженствовалъ быть на великомъ княжествѣ, потому 25 лѣтъ они видѣли великихъ князей изъ сего рода. Но Всеволодъ Олеговичъ разрушилъ сіе повѣріе, умѣлъ завладѣть великимъ княжествомъ; держался на престолѣ; переславалъ его братьямъ. Въ то же время родъ Мономаха раздѣлялся. Законный наследникъ, Вячеславъ, былъ добрый, но неспособный челоѣкъ, отверженный отъ престола, кажется, самою волею отца; другой, Георгій Долгорукий, губилъ свои права странною перфшательностью, робостью, безречностью. Третій представитель Мономаховичей, Изяславъ Мстиславичъ, былъ противоположенъ Вячеславу и Георгію, но не имѣлъ законнаго права. Дерзкою отвагою, ловкостью ума и слою руки, сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ погубилъ достоинства сана, въ то время дѣлами своими, показывая другимъ, что надобно было для успѣха въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Борьба Изяслава съ потомками Олега и съ Георгіемъ, странное лицо—Вячеславъ; безпрерывная мѣна удачъ и неудачъ между соперниками, сдѣлали наконецъ тронъ велико-княжескій игрушкою князей, дружатъ ихъ, и даже народа, который не ожидалъ, не узналъ блага законной свободы, но съ

клейномъ рабства буйствовалъ при каждой неудачѣ повелителей. Краткое княженіе Георгія было какъ-будто гранью, рѣзко отдѣлившею новый порядокъ политическаго быта Руси, изъ прежняго явившійся.

Совершенно отличенъ могъ-бы быть ходъ событий, если-бы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ мирно соблюли со-вѣтъ отца; или Святополкъ, сынъ Изя-слава, не былъ такъ нячужонъ и черенъ душою; или дѣти Мономаха: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, были подобны отцу своему; даже если бы Всеволодъ Олеговичъ не успѣлъ на время одолѣть Мономаховичей. По причинамъ маловажнымъ князья пятнали себя кровью ближнихъ, и въ то же время, въ минуты самыя рѣшительныя, важныя, мечъ убійцы какъ будто притушался.... Что ихъ удерживало?.... Есть Провидѣніе, есть судьбы Имъ предначертанныя! Кого въ семь не убѣждаетъ исторія, тотъ недостойнъ ея великихъ уроковъ.

Новый порядокъ дѣлъ произошелъ отъ того, что съ униженіемъ достоинства великаго князя, въ борьбѣ за мечту власти, за право обладать благословенными городами Кіева, явилась самобытная жизнь частей. Здѣсь видимъ предметъ для наблюденій. Непонятная вражда русскихъ князей съ Полоцкомъ ослабила сію естественную преграду между Югомъ и Сѣверомъ, положила пустыню на мѣстѣ жилищъ, и какъ будто очистила мѣсто для жизни новаго народа, новаго государства, тутъ увидимъ *Литовцевъ*. Съ другой стороны, серпъ судебъ пожиналъ дикихъ обитателей приволжскихъ и придонскихъ: въ собственнѣхъ междоусобицахъ, и въ войнахъ Руссовъ, гибли Половцы: отъ нихъ и отъ другихъ народовъ оставались только мелкія семени новыхъ поколѣній, очищалось обширное поприще чему-то грозному, чему-то страшному, темнѣвшему въ дали степей восточныхъ! Руссы безпрерывно ожидали представленія

свѣта: не ему долженствовало наступить, но слѣдовало быть послѣднему изверженію изъ Азіи. Отъ смерти Георгія Долгорукаго протекло *на болѣе вѣка человѣческаго до появленія Монголовъ*. Пережившаго сей вѣкъ ожидала *трудъ и бользнь*.

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паденіе, въ то время посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла, но жила. Волынь, и потомъ Галичь, долженствовавшие быть оплотомъ Руси отъ могущества Венгрии и Польши, были управляемы князьями могущественными, сильными; такъ княжилъ Володаръ, Василько, Владиміръ и, достойный сынъ его, Ярославъ — *Осломысли, подпиравшіе Угорскія горы желѣзными палками, заступавшіе путь королямъ, затворявшіе ворота отъ Дуная*. Если Черниговъ разрушался, будучи терзаемъ враждою съ Кіевомъ, въ то же время вражда сія возстановила Рязань, Муромъ, Курскъ, Новгородъ Сѣверскій, наконецъ Владиміръ Залѣскій, и отодвинула гнѣздо будущихъ событий на Сѣверъ, на крайней оконечности коего жизнью народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Повѣсть о второй половинѣ періода удѣловъ рѣшить намъ то, что кажется еще не яснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы тамъ видимъ неопроверженіе, уже не великаго княжества, — оно пало съ смертію Мономаха, — но даже самаго мѣста, гдѣ оно существовало — Кіева, дотолѣ только для Половцевъ не бывшаго предметомъ благоговѣнія; видимъ, какъ разгаръ страстей довелъ до рѣшительнаго раздѣленія сѣверъ, югъ, всѣ части Руси, унижалъ характеръ однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго времени Руссовъ, сдѣлалъ другихъ какими-то странствующими рыцарями удалства и чести, умалилъ души, истощилъ сердца, и довелъ всю Русь до кровавой бани очище-

нія... Если исторія есть бѣда ума съ памятью, на развалинахъ царствъ и гробахъ народовъ, то справедлива ли послѣ сего унылая дума, тревожащая душу, при созерцаніи того времени въ исторіи *русскаго народа*, которое мы предпринимаемъ описывать? — Ужасенъ былъ праязмъ нашихъ 1237-й годъ, превозвѣщенный, какъ оны думали, страшными небесными и земными чудесами и знаменіями; ужасы были и два столѣтія, за нимъ слѣдовавшія... *двѣсти лѣтъ* рабства, страха смертнаго, гибели въ прошедшемъ, безнадёжности въ будущемъ! Чей умъ не поколебался-бы, сердце не содрогнулось бы, созерцая въ XIII, XIV и даже въ половинѣ XV вѣка судьбу Руси! Дивиться ли, послѣ сего, что праязны наши, цѣлыми поколѣніями, отъ колыбели до гроба, неся тяжкія цѣпи рабства иноплемениковъ, чуждыхъ родовъ, нравовъ, обычаевъ, отвратительныхъ по религіи и ужасныхъ дѣлою грозою владычества, наполняя преданія своего времени какою-то грустью безнадёжности, какимъ-то отчаяніемъ, какимъ-то ужасомъ, выражающими состояние души, подобное тому, въ которомъ бываютъ обитатели города, пораженного тлетворною язвою? Иго, валоженное яноплеменникомъ, всегда тяжело; но живые завидуютъ мертвымъ, если повѣлятели—иноплеменики—варвары сирѣчные, чуждые самой начальной гражданской образованности, и въ дикой гордости почитающіе себя чѣмъ-то высшимъ противъ несчастнаго раба своего. Тогда ятъ мѣры скорби и позору, для людей повзвѣвшихъ имъ.

Но, мы потомъ отстрадавшихъ праязнецъ, съ безстрастіемъ разсматриваемъ прошедшіе вѣка ялъ, соболѣзнуя сердцемъ бѣдствіямъ отцовъ нашихъ, въ тоже время должны созерцать бытіе предковъ съ другой точки зрѣнія.

Та же *необходимость* событій, какая раскрывается передъ вами въ удѣльномъ

періодѣ, раскроется для насъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ періодѣ монгольскаго владычества надъ землями русскими. Онъ былъ необходимъ, сей періодъ, необходимъ по таинственнымъ судьбамъ Провидѣнія, для того, чтобы пережить оный, Русь явилась *самобытнымъ государствомъ* въ ряду другихъ государствъ. Изображал періодъ удѣловъ, и находил, что сущность его заключается въ развигіи обществѣности по дикимъ странамъ сѣвера, мы видѣли въ событіяхъ какое-то распаденіе цѣлосты народной, какое-то стремленіе частныхъ къ самобытному образованію. Въ періодѣ владычества монгольскаго найдемъ совсѣмъ другой порядокъ дѣйствій: мы увидимъ, какъ объятая внезапною бурей бѣдствій, и залитая потоками крови, самобытныя частности станутъ пачезать постепенно; какъ въ одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранится остатокъ древней Руси, какъ все будетъ потомъ стремиться къ сему остатку прежняго, или лучше сказать, къ сему зародышу новаго; какъ Провидѣніе явитъ тамъ людей сильныхъ духомъ, какъ всё прежнія частности Руси постепенно будутъ ими соединяемы, и, по глаголу Бога, раздѣляясь воды отъ суши и будетъ свѣтъ, возстанетъ изъ мелкихъ *русскихъ княжествъ* великое *Россійское государство*.

Не унывать, но поучаться должно человеку, созерцая такое дивное устройство судебъ божіихъ, и тѣмъ поучительнѣе подобное зрѣлище жизни человека, утучняющей яву жизни человечества, когда для сего соединяются дѣйствозателями Европа и Азія, народы ядутъ отъ песчаныхъ пустынь далеко Востока въ лѣса и дѣбри волжскіе и днѣпровскіе, и рука Провидѣнія являетъ исторію ихъ огромными, могучими чертами, являя потомъ совсѣмъ новый народъ, совсѣмъ новое образованіе. Мы видимъ судьбу такого новаго образованія, новаго народа въ Ру-

си—судьбу великую! Разматривая события отъ пришествія Норманновъ, или Варяговъ къ Славянамъ до нашествія Монголовъ на русскія земли, мы видимъ начало и жизнь *русскаго народа*. Со времени нашествия Монголовъ, до низверженія рабства, или наложеннаго, мы видимъ начало и жизнь *русскаго государства*.

Сей великій періодъ, заключающій въ себя болѣе 200 лѣтъ, подобно періоду удѣловъ, само собою, естественно, дѣлится на двѣ половинны: первую—до основанія самобытности *московскаго княжества*; вторую—до основанія самобытности *россійскаго государства*. Разница та, что въ періодъ *русскаго народа* мы видимъ сначала непрерывное возвышеніе, и дѣйствителей сильныхъ духовъ, подвизавшихся для возвышенія Руси, потомъ находимъ постепенный упадокъ, униженіе: мужи сильные умалались, исчезали, или бездѣйствовали и тѣ, которые еще не угасали духа, оказывались безсильны противъ потока событий, ихъ увлекавшаго. Противное увидимъ въ періодъ жизни *государства Россійскаго*. Первая половина его представить намъ еще болѣе глубокое паденіе духа, еще большее бездѣйствіе общественной силы; мужей крѣпкихъ духовъ не будетъ вовсе, или силу души будутъ они показывать только въ безстрашии мученичества, только въ самоотверженіи предъ гибельною кончиною. Но чудно все станетъ оживать предъ нами во второй половинѣ сего періода! Откуда явятся новые люди, и отколѣ новая сила! Какіе смѣлые подвигоположники возстанутъ на дѣло Провидѣнія! И что всего изумительнѣе: Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умуаряющее слѣпца, повелѣтъ и слабымъ, и безсильнымъ къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними ядутъ люди, далеко превышавшіе

ихъ умомъ и крѣпостию души, и—возвеличится *Россія*!..

Судьбы Провидѣнія соединяли здѣсь Европу съ Азією; ставили въ рядъ европейскихъ народовъ новый, сильный и могучій народъ; сливали Русь съ Европою, дотолъ отъ нея отдѣльною, и между тѣмъ достиженію совершенно новаго образованія. Такъ въ горнилахъ двухъѣвкова бѣдствія перегарала Русь—Европа кончала *періодъ среднихъ вѣковъ*, и вступила въ вѣкъ новаго бытія, до насъ продолжающійся...

Изумляясь исполненію началу Руси, дивному, безпримѣрному въ лѣтописяхъ другимъ странъ и народовъ; полагая, что Русь въ самомъ началѣ уже образовала собою обширное, могущественное и *единовластное государство*, представляя намъ донынѣ періодъ Удѣловъ волненіемъ бунтовщиковъ противъ великихъ князей, главнѣйшихъ повелителей и единовластителей русскіихъ странъ. Вопреки явному общеплю дѣланію, историки мечтали видѣть се основаніе въ жизни русскіихъ странъ, и думали, что оно ослабило наконецъ силы Руси, хотя и не разрушило системы единовластія. Несправедливость сихъ предположеній обнаруживается передъ нами, въ безпристрастномъ и вѣрномъ изложеніи событий. Нашествіе монгольскихъ ордъ, и нго рабства, наложенное ими на Русь, подавали поводъ къ новымъ заблужденіямъ историковъ. Не простирая взора за предѣлы Руси, какими-то *отвратимыми* зломъ почитали они сіе бѣдствіе и горевали о судьбѣ Руси, увѣренные, что *безъ междоусобій удѣльныхъ*, Руссы могли-бы разбить полчища Монголовъ, и отвратить грозу власти ихъ.

Сказать: что было, то должно-ствовало быть, значило-бы впредъ въ фатализмъ, не достойный исторіи. Мы не довольствуемся имъ—нѣтъ! Вопросая умъ нашъ, при повѣркѣ событий не одной Руси, но всей Европы и Азии въ XIII

вѣкъ, мы узнаемъ, какъ малъ и недостаточенъ обзоръ былъ тѣхъ людей, чье мнѣнiе о періодѣ монгольскаго владычества мы теперь изложили. Исторiя двухъ частей свѣта, Европы и Азіа, посредницею коихъ была Русь «въѣчное поприще перехода народовъ изъ Азіа въ Европу», представляетъ намъ совсѣмъ новый взглядъ на періодъ монгольской власти.

Въ сей періодъ всколебалась волна послѣдняго великаго движенія народовъ; онѣ обхватили пространство отъ острова Явы до Новгорода, отъ береговъ Корейскихъ до береговъ Адриатическаго моря, и отъ Индіи до Перми. Сіе движеніе человѣческихъ обществъ было ужасно, какъ ужасны бѣда, потопъ, землетрясеніе: крошъ и слезы обильно лились въ сей періодъ на берегахъ Инда, Гоангъ-го, Аракса, Волги, Одера и Дуная. Думать, что сила какого нибудь Юрія, или хитрость какого нибудь Данила, могли отпратить сію грозу отъ земель русскихъ, и при переворотѣ всемірномъ не стараться узнавать изъ прошедшаго тайны жизни челоуѣчества въ настоящемъ и будущемъ, скорбѣ только объ участи погибшихъ нашихъ праотцевъ—было-бы несообразно съ великимъ назначеніемъ исторiи.

(Ист. Рус. Нар. Н. К. Полевою. 1833—1834 г. III, 7—15; IV, 7—15).

Когда безмолвно принимали на вѣру положенія Карамзина, смѣло выступилъ на учено-литературное поприще Н. А. Полевой болѣе съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученіемъ познаний. Онъ началъ писать «Историю Рус. Народа» и этимъ названіемъ заявилъ, что «Исторiя Государства Рос.» недостаточна, необходимо изученіе жизни народной. Въ этомъ заслуга талантливаго писателя: онъ указалъ новое направленіе въ русской исторической наукѣ; но полемическій тонъ лишилъ ея взглянуть на дѣло безпристрастно и спокойно, а увлеченіе иностранными теорiями и недостатокъ матеріаловъ привели его къ ложнымъ воззрѣніямъ на русскую жизнь.

320. Областная раздробленность и единство русской земли.

Первые три брата князя, призванные славянами, пришедши съ дружиною, сейчасъ разсѣлились по городамъ, и съ перваго раза видимъ мы явленіе, совершенно противоположное единоводству: сейчасъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ по вѣчному возникаетъ единоводствіе, но совершенно случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размыжился, вся Россія управлялась всѣмъ этими княжичьимъ родомъ, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единого цѣльнаго государства, но съ другой стороны не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были цѣпными, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время почва была одна, что вся Россія была одна. И точно, Россія была одна, какъ одна Русская земля, соединенная вѣрою, языкомъ, жизнью и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой русской землѣ строились государственныя перегородки; князья вмѣстѣ со своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, есорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ землею. Но какъ же могла выносить русская земля такое безпокойное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы знаемъ притомъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялся князь, но отно-

шеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемены не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ,—для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣ же: какое тутъ дѣло до лица самаго князя? Всѣ эти ссоры и споры князей были дѣломъ промежду ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ прапѣ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родъ пришломъ, не забудьте), чуждое русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжью борьбу; это бывало: или когда эти безпреставныя ераженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же, имѣя князь лично былъ по душѣ,—и тогда народъ вооружался за него, какъ напр. Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и раззорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (напримъ тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь, не твое время.—Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья бывъ ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ посредомъ.—Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: вѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣть? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ,

чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ удалился; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства русская земля предоставляла премени и постепенному ходу жизни.—И такъ русскою землею владѣли князья. Правда, одинъ изъ нихъ, еще въ самыя первыя времена, назывался *великій*, но это не былъ титулъ, означающій особую власть. Это значило: *старшій*,—какъ и теперь *большой* значить *старшій* (большой сынъ, большой братъ, употребляется въ смыслѣ *старшій*). Уже самое множество князей, въ одной землѣ, уничтожало единодержавіе и лишало ихъ значенія самовластнаго государя.—Сверхъ того князь изначала являлся на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно; это былъ совѣтъ, общество князя, имѣиemy дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было прямого ограниченія власти князя, но, единственно въ силу обычая, дружина имѣла постоянный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ и являлась сама независимомъ: дружинники имѣли право переходить отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, хотя только въ силу обычая, какъ мы сказали, убѣждала самовластіе князя.—Такого было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шлп за Кіевъ. Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовскій; здѣсь была мысль о *чести* княжескаго стола, и споръ былъ за нее. Но время шло своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе государства выступало; междоусобіе князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе. Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей суздальскій, по словамъ летописи, хотѣлъ быть *самовластецъ* (единодержецъ) въ русской землѣ. Явилась мысль у князей, уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагрянули Татары и соединили Русь новымъ общимъ союзомъ, союзомъ

общей бѣды, общаго пѣна. — Русскіе князья давно знали, что есть иная власть государева, власть царская, власть еди-
нодержавная и нераздѣльная. Духовенство давно имъ говорило объ этой власти. Это классическое понятіе сообщено было имъ Византию; оно оствило Владимира Мономаха, но тогда это было преждевременно, больше какъ пророчество. Теперь явилась передъ Россією или, лучше, вознеслась надъ нею иная, пѣвая, страшная власть, власть татарскаго хана. Въ Россіи ему стали давать титулъ *царя*. Татары не властвовали Россією, но держали ее подъ игомъ, оставя ей прежнее устройство и лишь подчинивъ его своей верховной власти, и отъ времени до времени вторгались въ нее, все истребляя и разрушая. Князья, признавъ власть татарскаго хана, продолжали между собою тѣ же отношенія, но уже въ пѣвномъ видѣ. Посорившись, они принуждены были ѣздить въ Орду: тамъ выпрашивать себѣ права на великое княженіе, тамъ искать рѣшенія своего спора. Тамъ видѣли они передъ собою и чувствовали на себѣ страшную цѣльную, единую власть, въ лицѣ татарскаго хана; но между собою они не забывали при этомъ и другаго способа: своего стараго боеваго варяжскаго меча. Еще вѣсколько времени, — и подъ властію татаръ междоусобіе князей приняло предыдущій отпечатокъ: то есть стремленіе усилить свое княжество на счетъ другаго; къ усиленію своего могущества стремятся и Рязань, и Тверь, и Нижній Новгородъ. Наконецъ Москва поднимаетъ знамя *всей Руси*, не только въ земскомъ, но и въ государственномъ значеніи. Съ этой минуты, какъ поднято наконецъ это знамя, прекращеніе междоусобій становится необходимымъ. Передъ такимъ знаменемъ все было должно смириться! Единство русскаго государства и единство русской земли должны были наконецъ возникнуть рядомъ, ибо

доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинается собираться вся Россія. — Великій князь московскій именуется *великимъ княземъ всея Руси*, и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать все эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе великаго князя, уже не только московскаго, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ, — падаютъ въ это время: падаетъ Византия, разваливается Орда; но соблазнительная теорія византийскаго императора и соблазнительная практика татарскаго хана сильно дѣйствуютъ на великаго князя московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни Грекомъ, ни Татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти огъни, данные исторіей, и тѣмъ быстрее и рѣзче пошелъ къ своей самостоятельной предположенной цѣли. Изъ подъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ, царствъ, является новое, цѣльное, единое царство — *Царство Русское*; является новый самодержавный царь — царь русскій. Но не смотря на постороннія вліянія, новое русское царство и новый русскій царь были своеобразны, самобытны и представили міру новое еще не бывалое явленіе. Вліянія, отъѣнки могли быть постороннія; но царство русское, въ существѣ своемъ, было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи...

Чѣмъ же теперь могла быть при царѣ древняя княжая дружина? Времена пѣлились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми

переходила и дружина, не руская кор-
ней въ землю, составляя бродячій советъ
князя, — князя, который и самъ не имѣлъ
настоящей осѣдлости. Съ жизнью народ-
ной дружина была прежде мало связана
и не могла тяготѣть надъ нею, по край-
ней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣль-
ные князья стали оставаться долѣе, и
потомъ даже постоянно, на своихъ удѣ-
лахъ. Наконецъ и уѣзды исчезли, — и
явился уже одинъ царь и в. князь мо-
сковскій и всея Руси, единый царь и
единая цѣльная русская земля. Дружина
окружала престолъ царя. Дружина была
доблестна, прада, но, не смотря на всю
свою доблесть, дружина уже начала со-
ставлять теперь сословіе, болѣе или ме-
нѣе втягивающее въ себя благородныя
силы народа, себѣ предоставляющее подвиги,
себѣ присвоивающее исключительную славу,
мѣщающее дружиноу теченію всего наро-
да; а дружинаго теченія всего народа не
замѣнять никакія доблести известнаго со-
словія. Дружина, съ своимъ прежнимъ
значеніемъ, была необходима для князей,
перепоселившихся изъ города въ городъ;
она не нужна, она вредна для единого
царя и для всей земли. Становясь меж-
ду народомъ и царемъ, дружина стѣсняла
обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда госу-
дарственную власть, призывалъ князя, а
не дружину: народъ хотѣлъ знать его да
себя; повиноваться боярамъ русскій на-
родъ никогда не думалъ. Съ другой сто-
роны, новое самодержавіе не хотѣло дѣ-
литься властію съ дружиною. Мы сказа-
ли, что права дружины не были опредѣ-
лены, но, вслѣдствіе общаго, значенія ея
было велико. Теперь, когда идея само-
державія, идея власти государственной,
цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣж-
деніе правительства, правительство не за-
хотѣло быть обязаннымъ, хотя и по
обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ
дружиною.

Государство, какъ мы видѣли, было
въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ
надъ единою русскою землею. Земля рус-
ская, въ ту пору, являлась отдѣльными
общинами, имѣвшими отдѣльных князей,
не сознавала свою общую цѣлость. Жизнь
земская выражалась вѣчами, бывшими въ
этихъ отдѣльных общинахъ. Съ этими
вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вооб-
ще выражалось тогда отношеніе и сопря-
косновеніе власти государственной къ
мысли народной. Входить здѣсь въ по-
дробности, мы не имѣемъ нужды. — Мы
видѣли также, что земля была равнодуш-
на къ расирямъ князей, во сколько онѣ
не касались ея благосостоянія и быта.
Мы уже сказали, что это государствен-
ное дробленіе мѣшало цѣлости всей рус-
ской земли. Какъ скоро государство ста-
ло единымъ надъ единою русскою землею;
какъ скоро оно почувствовало свою цѣ-
лость, какъ скоро великій князь мо-
сковскій сталъ царемъ: тогда государ-
ство, единое, обращается къ единой рус-
ской землѣ и зоветъ ее всю на советъ.
Первый царь созываетъ первый земскій
соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются зе-
мля и государство, и между ними утвер-
ждается свободный союзъ. Отношенія ца-
ря и народа опредѣляются: правитель-
ству — сила власти, землѣ — сила мнѣнія.
На земскомъ соборѣ торжественно при-
знаются эти двѣ силы, согласно движу-
щая Россію: власть государственная и
мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала,
приобрѣтшая единство, государственная
власть къ землѣ. Древнія области вѣча,
нѣ всегда остававшіяся въ предѣлахъ одно-
го мнѣнія, но примѣшавшія не рѣдко
употребленіе грубой вѣншей силы, пре-
образовались, при единомъ державіи, въ зем-
скій соборъ всей Россіи, — явленіе, уже
имѣющее одну чисто правительственную
принудительность, — силу, къ которой об-

рашалось правительством, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на земскомъ соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: »Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь,—это твоя воля, а наша мысль такова».

(Изъ статьи *К. С. Аксакова*.
Рус. Бесѣда. 1856. кн. IV, отд.
3. 21—29).

Указатель статей: Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ. *А. О. Гильфердинга*. Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7 и 8. Славянскія племена кинѣиной Россіи. *Шафарика*, Рус. Ист. Сборн. I, кн. 4. 39—97. Краткій чертежъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи. *П. О. Калайдовича*. Зап. в Труды общ. Ист. 1815. ч. 1. 145—158. Дѣя русскія народности *Костомарова*. Основа 1864. 3. Лекціи по Исторіи Запад. Рос. *М. Колосова*. Дѣнь 1864. Ист. юговост. Рос. *А. Клеванова* 1850. Разборъ книги въ Отеч. Зап. 1830. LXXII, V. 1. Исторія Червонои Русі. *Смирнова*. Были ли Малороссы исконными обитателями Познянской земли или пришлцы-за Карпаты. *А. Котляревскаго*. Основа 1862. 10. Ист. Рязанс. Княжества. *Иловайскаго*. О постепенномъ образованіи Рязанс. губерніи. *М. Барановича*. Рязанс. Губ. Вѣдом. 1860.

№ 34—36. *Его же*: Статист. опис. Рязанс. губ. 1859. Объ основаніи Нижняго Волгорода. *Н. Овсянникова*. Нижегород. Губ. Вѣд. 1861. № 25. О древней области Вятчѣй. I. I. Чт. общ. Ист. 1862. кн. 2. I. 1—156. Опытъ историч. описанія о началѣ Москвы. *М. Ильинскаго*. п. 1795. Преданія объ-основаніи Москвы. *Н. Д. Булгакова*. Рус. Вѣст. 1868. № 3. Сказаніе о началѣ Москвы. Времен. XI. Свѣтъ 25. О началѣ града Москвы и о в. кн. Данилѣ Александровичѣ. Памяти. кн. Озонец. губ. 1864. 185—191. О преданіяхъ Новгородскихъ, Московскихъ и Владимірскихъ. Лѣтол. Рус. Лѣтол. т. IV. I. Еще VI т. Пророчественное благословеніе св. Петра, дающее Москѣ. Воскрес. Чт. 1859. № 5, 44. Г. Москва съ ея уѣздами. Москвит. 1844. I. 298—310, V. 177—185. О постепенномъ увеличеніи Москов. Госуд. Сѣверн. Архивъ ч. 2. № 8, 122. О причинахъ возвышенія Москов. Княжества. *Вл. Венникова*. Спб. 1861. Валикорус. области и смутное врѣмя. *А. Шапова*. От. Зап. 1861. Октабрь 579. О вліяніи природы Рус. Государст. области на ея исторію. От. Зап. 1850. LXIX, II. 229. 1853. LXXXVI, II. 87. LXXXVIII, II. 39. Исторія Княжества Псковскаго. Киевъ. 1831 г. Историко-статист. очерки Псковс. губ. *Бочкова*. Псковъ 1862. Исторія Галицкой Русі. *Зубрицкаго* въ перев. *Бодянскаго*. Ист. города Смоленска. *Никитина*. и. 1848. Начало Казанскаго царства. *В. И. Погодина*. Моск. Унив. вѣст. 1866—1867, № 12. См. Пермскій Сборникъ, Древности Владиміра и т. под. изданія областныя, Губернс. Вѣдом., Памятныя книжки и изданія этногр. общества.

IX. БОРЬБА РУСИ СЪ РАЗНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ И НАРОДАМИ.

1. СТЕПНЯКИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

321. Борьба съ степняками.

1. **Авары или Обры:** Придоша Угри Бѣли, наслѣдша землю словенскую; си бо Угри почата быти при Иракли цари, иже находилша на Хоздрю царя перскаго. Въ си же времена быша и Обри ходилша на Пракли цари и мало его пелаша, си же Обръ воеваху на Словѣнѣхъ и примучаша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху жегамъ дулѣбскимъ: аще побѣхати будяше Обрину, не дадяше въпречи коня, ни пола, но велеле въпречи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ вѣлныи и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остана ни едины Обърѣны; есть притѣча въ Руси и до сего днѣ: погибоща аки Обръ, ихъ же нѣсть племени, ни изслѣдка. По сихъ же придоша Печенѣзѣ; пакы идоша Угри Червѣ мимо Кіевъ, послѣ же при Олзѣ... (Лавр. 5).

2. **Хозары:** По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братѣ сѣя (Кіа, Щека и Хорива), быша обидимы Древляне, иныи околѣчими, и наидоша я Козарѣ сѣдящѣ на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите цзъь лашь». Съдумаше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несомѣ Коза-

ри ко князю своему и къ старійшинамъ, и рѣша имъ: «се налѣзохомъ лашь пову». Они же рѣша имъ: «откуда?» они же рѣша: «въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Дибровскою». Они же рѣша: «что сущь вдали?» Они же показаша мечь. Рѣша старци козарьстѣи: «не добра лашь княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одною стороною, рекше — саблѣи, а сѣихъ оружье обоюдо остро, рекше — мечь; си имуть пнати лашь на насъ и на нѣихъ странахъ... (Лавр. 7).

3. **Печенѣги:** а) Въ лѣто 6423 (915). Придоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и створише миръ съ Игоремъ, идоша къ Дукаю ..

б) Въ лѣто 6476 (968). Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ баше Переяславци; и затворися Волга въ градѣ со оукуя своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Кіевѣ. И оступилша градъ въ силѣ велицѣхъ, бещислено множество около града и не бѣ лѣзъ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣ голодомъ и водою. Собравшесѣ людѣ оной страны Днѣпра отъ лодяхъ об оную страну стояху, и не бѣ лѣзъ вяти в Кіевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онымъ. Вѣстужита людѣ въ градъ и рѣша: нели

кого, иже бы погяъ на оу страну дойти и рече нмѣ: аще кто не пристуитъ с утра, предатися имамы Печенѣгомъ. И рече единъ отрокъ: азъ прииду, и рѣша: иди. Он же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: не видѣли коня никтоже? бѣ бо оумѣи Печенѣжскыи, и мняхуть ѥ своего. Яко приблжися к рѣцѣ, сверга порты (платье), сунуся въ Дишрь и нобреде; видѣше же Печенѣзи, оустрѣмишася нанъ, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Она же видѣше ѥ с оной страны, и приѣхаша в лодыи противу ему, и взяша ѥ в лодью, и привезоша ѥ къ дружинѣ, и рече нмѣ: аще не подѣстувите заоутра къ городу, предатися хотятъ людѣе Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, имящемъ Прѣтвичю: подѣстувимъ заоутра в лодяхъ, и попадемъ княгину и княжичѣ, оумчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити вы имать Святославъ. Яко бысть, заоутра вѣдѣше в лодью прѣтнѣу свѣту и вѣтрубиша вельми, и людѣе въ градѣ клякнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разнѣ отъ града, и взиде Ольга со оукуи и с людими къ лодѣ. Видѣвъ же се князь Печенѣжскыи, вѣзратися единъ къ воеводѣ Прѣтвичю и рече: кто се приде? и рече ему: лодья оная страны. И рече князь печенежскыи: а ты князь ли еси? онъ же рече: азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бѣ-щисла множество, се же рече, грозя нмѣ. Рече же князь печенежскыи къ Прѣтвичю: буди ми другъ, онъ же рече: тако створю. И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенежскыи князь Прѣтвичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дастъ ему бронѣ, шпѣть, мечъ. Отступима Печенѣзи отъ града и не блжше мѣзѣ кони национти: на Лыбеди Печенѣзи. И послаша Кляне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чужей земли нищѣши и блюдеши, а своя ся озабивъ; ма-

зы бо насть, не взяши Печенѣзи, жатерь твою и дѣти твои: аще не поядеши, ни обратиши насть, да пакы ны возмуть, аще ти не жалѣ отчины своя, ни матери стары суца, и дѣти своихъ. То слышатъ Святославъ, вбѣрзѣ вѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матеръ свою и дѣти своя; и съжался о бывшемъ отъ Печенѣгъ, и собѣра нов, и прогна Печенѣги в поле, и бысть жиръ... (Лавр. 27).

е) Въ лѣто 6479 (971). Створив же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень (отцовъ) Свѣдѣль: поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо Печенѣзи в порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ в Русь, возьмъ имѣние много оу Грекъ и половъ бѣщисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же се Печенѣзи, заступима пороги, и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ мѣзѣ прѣйти порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережьи, и не бѣ оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривѣ глѣза коняча, и зимова Святославъ ту.

Въ лѣто 972 поиде Святославъ в пороги, и нападе нанъ Куря князь печенежскыи, и оубиша Святослава. Вѣлаша главу его и во лѣбъ его съдѣлаша чашю, оковавши лѣбъ его и пяху по немъ; Свѣдѣль же приде Киеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

(По изд. Тимковскаго, 39—40; съ П. С. Лѣт. I, 30).

322. Набѣгъ Печенѣгомъ.

Въ лѣто 6500 (992). Иде Владимѣръ на Хорваты. Пришедшю бо ему съ вой-

ны Хорватскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимѣрь же повѣде противу имъ, и сръте ѿ на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславъ. И ста Володимѣрь на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не слыху си на оу страну, ни они на сю страну. И прѣхаша князь печенѣжскый къ рѣкѣ, возва Володимѣра в рече ему: «выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета; да аще твой мужъ ударитъ моего, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужъ ударитъ, да воюемъ за три лѣта, и разидостася разо. Володимѣрь же приде въ товары, посла биричи (глашатая) по товарочѣ, глагола: «нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжникомъ»? и не обрѣтеся никдѣже. Заутра прѣхаша Печенѣзи я свой мужъ приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимѣрь, сля по всѣмъ воємъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: «княже! есть у мене одинъ сынъ меншей дома, а съ чотырьми есмь вышелъ, а оуъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто ниъ ударилъ: единою бо ми ѿ сварящю, и оному мьнущю уснѣе (коажу), разгнѣвався на мя, преторже череву рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть посла по нь, и приведоша ѿ ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: «княже! не вѣдѣ могу ли ся, и да пскуеть мя: нѣту ли быка велика и силна? И нагнѣзоша быкъ великъ и свденъ, и повелѣ раздражити быка; возложивша на нь желѣза горяча, и быка пусташа, и пообѣже быкъ мямо ѿ, и похвати быка рукою за бокъ, и выпя кожою съ мясы, елико ему рука зая; и рече ему Володимѣрь: «можеша ся съ нимъ бороти». И наутрѣ придоша Печенѣзи, почаша звать: нѣ ли мужа? се нашъ достигъ? Володимѣрь же повелѣ той ноци обещася въ оружье; и приступиша ту обои. Выпусташа Печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень; и выпусти

мужъ Володимѣрь, и узрѣ ѿ Печенѣзникъ и поемѣлся, бѣ бо середній тѣломъ. И разнѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ягася, почастася крѣпко держати, и удави Печенѣзника въ руку до смерти и удари имъ о землю; и клякнуша, и Печенѣзи побѣдоша, и Русь погнаша по нихъ стѣнуше, и прогнаша я. Володимѣрь же радъ бывъ, заложилъ городъ на бродѣ томъ и нарече ѿ Переяславъ, заве перея славу отрокъ-отъ...

(Лавр. 52—3).

323. Осада Бѣлгорода 997.

Володимѣру же шедшу Новгороду по верхопнѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безмерестави, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи яко князи нѣту, придоша я сташа около Бѣлгорода. И не даню выѣзти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ, и не бѣ лѣтъ Володимѣру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множество много. И уложися остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: «се уже хочемъ померети отъ глада; а отъ князи помочи нѣту; да лучше ли ны померети? владимыся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада», и тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ и впраша: «что ради вѣче было? и людѣ повѣдаша ему, яко утро хотять ся людѣ передати Печенѣгомъ. Се слышавъ посла по старѣйшины градскыя, и рече имъ: «слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ»; они же рѣша: «не стерпять людѣ глада». И рече имъ: «послушайте мене, не передайтеся за 3 дни и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщася послушати, и рече имъ: «сберѣте аче и по горости овса, или пшеницѣ, ли отрубѣ»; они же шедше ра-

ди снискаша И повелѣ женамъ створити цѣжъ, въ немъ же варятъ кисель, и повелѣ выкопати колодязь, и вставить тамо кадъ, и налить цѣжа кадъ, и повелѣ другой колодязь ископати, и вставить тамо кадъ. И повелѣ искати меду, они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медупи; и повелѣ розсытити велми, и влить въ кадъ въ друзѣмъ колодязи. Утро же велѣ послати по Печенѣгъ: и горожане же рѣша шедше къ Печенѣгомъ: поимѣте къ собѣ таль (заложники) нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ въ градъ, да видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ. Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, поаша у нихъ тали, а сами избраша лучшихъ мужи и послаша въ градъ, да разглядяють въ городѣ, что ся дѣеть. И придоша въ городъ, и рекоша имъ людье: «почто губите себе? коли можете престоити насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своиа очима». И привелоша я къ кладязю, вѣдѣже цѣжъ, и почерпоша ведромъ и аляша въ латки: и яко сваряша кисель, и поимше придоша съ ими къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. И удившася, и рекоша: «не имуть вѣры наши князи, аще не ядятъ сами». Людье же наляша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вѣдѣша Печенѣгомъ, они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзскія, и подвинушася, и поимше тали своя и онѣхъ пустивше. вѣсташа отъ града, въ свояси поидоша...

(Лавр. 54—5).

О Хозарахъ см. Сѣвер. Архивъ ч. 20, № 6, 107. Вѣстн. Евр. 1823, ч. 132, № 23, 161. Слѣдъ отеч. 1835, CLXX, 565. Чт. общ. ист. 1846, № 3, 1—68 Ж. М. Н. Пр. ч. 37, VI,

57, ч. 43, II, 1—67, ч. 80, VI, 170. Изсѣдов. Лерберга спб 1819, 321.

О Печенѣгахъ см. Чт. Общ. Ист. 1846 г. № 1, сѣбѣ, Ж. М. Н. Пров. ч. 79, VI 2. Москвит. 1853. III. 124.

324 Косогы.

Въ лѣто 6530 (1022). Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмутороканю, поиде на Косогы. Слышавъ же се князь косожскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «что ради губишь дружину межи собою? но свидѣсь сама бороть; да аще одолѣши ты, то возмемъ имѣніе мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все»;—и рече Мьстиславъ: «такъ буди». И Рече Редедя къ Мьстиславу: «не оружемъ ся бѣевъ, но бороубю». И ястася бороти крѣпко, и надолѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и спленъ Редедя; и рече Мьстиславъ: «о пречистая Богородице! помози ми; аще бо одолѣю сему, сзижю церковь по имя твое». И се рекъ, удари имъ о землю, и выпзе ножъ, зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, взя все имѣніе его, жену его и дѣти его, и данъ възложи на Косогы. И пришедъ Тмутороканю, заложилъ церковь святѣя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмуторокани...

(Лавр. 63).

325. Половцы.

а) Въ лѣто 6569 (1061). Придоша Половцы первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ,

м. Февраля во 2 день; и бывшимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавши отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ, бысть же князь ихъ Искалъ... (Лавр. 70).

б) Въ лѣто 6575 (1067). Придоша иноплеменици на Русьскую землю, Половци мнзи, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лѣто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганяя, и побѣдоша русьскими князи и побѣдиша Половци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю, и тако крушенымъ имъ въспонянутъся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблазна дьявола... Се бо не поганеки ли живемъ, аще усрѣтся (встрѣчи) върующе? Аще бо кто усражаетъ черноризца, то възражается, ли единецъ (боровъ), ли сонню, то не поганьскы ли се естъ? Се бо по дьяволу наученю кобы сію держать, друзи же и заковычнью върують, еже бываетъ на здравье главѣ. Но симъ дьяволъ лститъ, и другыи нравы, всячскими лестви превабляя ны отъ Бога, трубами и скомороды, гуслями и русалы. Видимъ бо игрища утолчена, и людей много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣсы замышленнаго дѣла, а церкви стоять, егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни приѣмлемъ отъ Бога всячскыя, и нахоженіе ратныхъ, по Божью повелѣнію приѣмлемъ казни грѣхъ ради нашихъ.

(Лавр. 72—73).

326. Борьба съ Половцами

Въ се время (1093 г.) подоша Половци на Русьскую землю; слышавше,

яко умерлъ естъ Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о марѣ. Святополкъ же не сдумавъ съ большою дружиною отню и строя своего, но съѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, изымавъ слы всажа и въ истобку (избу); слышавше же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнзи, и оступиша Торційскый градъ. Святополкъ же пусти слы половецкыя, хотя мира; и не вехотѣша Половци мира, и ступиша Половци воюючи, Святополкъ же поча сбирати воѣ, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смыслени: «не кушайся противу имъ, яко мало имаша вои». Онъ же рече: «имѣю отрокъ своихъ 800, яже могутъ противу имъ стати». Начаша же друзи несмысленни глаголати: «води княже», смыслени же глаголаху: «аще бы пристроилъ и 8 тысячъ, не лихо то естъ, наша земля оскудѣла естъ отъ рати и отъ продажъ; но посланъ къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ». Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы помоглъ ему; Володимеръ же собравъ свои вои, и посла по Ростислава брата своего Переяславлю, велѣ ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшу Кіеву, совокупистася у сѣ. Михаила, и взяста межю собою распри и которы (ссоры, брани), и уладившася, цѣловаста крестъ межю собою. Половцемъ воюющимъ на земли, и рѣша има мужи смыслени: «почто вы распри имате межю собою? а погани губятъ землю Русьскую; послѣдъ ся уладити, а нонѣ пондита противу поганымъ, либо съ мвровъ, либо ратью». Володимеръ хотѣше мира, Святополкъ же хотѣше рати; и понде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю. Придоша къ Стугнѣ, Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ созваха дружину свою на съѣтъ, хотѣше поступити черезъ рѣку, и начаша думати. Глаголаше Володимеръ: «яко съѣстоиче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, стѣб-

римъ миръ съ нами, и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янъ, и прочіи. Кіане же не вехотѣша, но рекоша: «хочемъ ся бити, поступимъ на ону сторону рѣки»; възлюбита съвѣтъ ось (сей), и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилася велии тогда. Святлополкъ же, и Володимѣрь, и Ростиславъ исполчише дружину, поидоша; и идяше на деснѣй сторону Святлополкъ, на шней Володимѣрь, посреде же бѣ Ростиславъ; минуше Треполь, приидоша валъ. И се Половци идяху противу, и стрѣлци предъ ними; напѣмъ же старшимъ межи валомъ, поставиша стѣги свои, и поидоша стрѣлци изъ валу; и Половци пришедше къ валови, поставиша стѣги свои, и залегша первое на Святлополка и валовиша полкъ его. Святлополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша люди, не стерпѣше ратныхъ противленія и побѣже Святлополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта, побѣже и Володимѣрь съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и обреде Володимѣрь съ Ростиславомъ, нача утапати Ростиславъ предъ очима Володимера; и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимѣрь перебрѣлъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и бояре его ту падоша; и перепелъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ по своему и по дружинѣ своей, пришелъ Черыгову печаленъ зѣло. Святлополкъ же вѣбже въ Треполь и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Кіеву. Половци же видѣвше, сдѣлавше, пустиша по земли воююще, а друзи пѣзвратишася къ Торцѣскому. Си же ся злоба склочи въ день възнесенія Господа нашего Иуса Христа, м. мая въ 26 день. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; взявше принесоша ѿ Кіеву, и плакася по немъ мати его, и вси людие пожалиша си по немъ по велику, уности его ради, и со-

брашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положивша ѿ церкви св. Софьи, у отца своего. Половцемъ же осѣдѣвшимъ Торцѣскый, противящымъ же си Торкомъ и крѣпко борющимся изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; Половци же начаша валагати, и отгнмаху воду, и изнемагати начаша люди въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислазша Торци къ Святлополку, глаголюще: «аще не приплемѣи брашна, предатися имамы»; Святлополкъ же посла имъ, и не бѣ лѣзъ вкрастися въ градъ, множествомъ вой ратныхъ. Стояше около града недѣль 9, и раздѣлишася на двое: однии стаха у града, рать борюще, а друзи поидоша Кіеву, пустиша на перепѣ межи Кіевъ и Вышгородъ. Святлополкъ же выде на Желаню, и поидоша противу совѣ обон; и съступишася, и укрѣпѣи брань, побѣгоша наши предъ иноплеменники, падаху азвєни предъ врагы нашими, и мнози погыбоша мертви, паче неже у Трьполя. Святлополкъ же приде Кіеву самъ третій, а Половци возиратишася къ Торцѣскому, быша же си злая м. іюля въ 23. Назавутріе, яже въ 24, въ святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь въ градѣ, а перадость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженіе беззаконій нашихъ... Ибо лукави сынове Имаилены пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ, да не чюдѣтся никтоже о семъ: пѣбже множество грѣховъ, ту видѣнъ великого показанье. Сего ради вселенная предасться, сего ради гнѣвъ прострєся, сего ради земля мучена бысть: ѿни ведутся полонени, друзи постѣкаеми бывають, горкую смерть приємлюще, друзи трепечють, зряще убиваемыхъ, друзи гладомъ умаряеми и водною жажею; едины прещєньє, едины казни, многовѣщныя имущє раны, разлїчыа печали и страшны муки, осы вїжемы и пятами пїаємы, и на звыѣ держа-

ми и уранями, и се пристранитѣ и страшиѣ, ако на хрестьянствѣ родѣ страхъ и колебанье, бѣда упространися... Половци воеваша много и възратихася къ Торцьскому, и изнемогоша людѣ въ градѣ голодомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, приимше градъ, запалиша ѣ огнемъ, людѣ раздѣлиша и ведоша въ вѣжѣ къ сердоболемъ своимъ и средникомъ своимъ. Много роду хрестьянська стражюще: печальни, мучими, зимою опѣляемъ, въ аличи и въ жажи и въ бѣдѣ опустѣвшѣ липи, почернѣвшѣ тѣлеса; незнаемою страню, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имущѣ ебодены терньемъ. Со слезами отвѣщаваху другъ къ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другіа: «азъ сея вси»; тако съзвѣраются со слезами, родъ свой повѣдающе, и вадѣлююще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайна...

(Лавр. 93—96).

327. Нашествіе хана Боняка

...Приде (1096 г.) второе Бонякъ безбожный, шелудивый отай⁽¹⁾, хыщникъ, къ Киеву везану, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье⁽²⁾ около града, и възратихася въ монастырь, и въжгоша Стефанечъ монастырь, и деревѣ, и Германечъ. И придоша въ монастырь Печерскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени⁽³⁾, и кликнуша около монастыря, и поставиша стѣга два предъ враты монастырскими,

(¹) Шелудивый, коростовый, шаршивый—ругательныя слова; отай—тайно.

(²) Пашенное мѣсто около Дѣвѣра.

(³) Изъ этого видно, что летописецъ былъ монахъ и свидѣтель происшествія.

намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати, безбожныѣ же сынове Измаилеви выскоча врата монастырю и поодоша по кельямъ, выскочающе двери, и вносяху аще что обрѣтаху въ кельи; по семъ въжгоша домъ св. Владычицы нашея Богородицы, и придоша къ церкви, и зажгоша двери еже къ угу устроены, и вторыя же къ сѣверу; влѣзше въ прятворъ у гроба Феодосіева, емлюще иконы, зажгаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ... Тогда же зажгоша дворъ красныи, его же поставилъ благородный кн. Всеволодъ изъ Холму, нарицаемъ Выдобычи: то все окаянии Половци запалиша огнемъ... Испыли бо сущи отъ пустыни Нитравьскыя, межю востокомъ и сѣверомъ; испыли ихъ сущи колѣны 4: Торкъмани и Печевѣзи, Торци, Половци. Месодій же свидѣтельствуєтъ о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣглы сущи, егда вѣще Гелесонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 вѣще. Други же глаголють: сыны Амоновы. Се же вѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацини отъ Измаила творятся Сарини, и прозвѣта имена собѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмъ же Хвалиси и Болгаре сущи отъ дочерю Лотову, иже зачастую отъ отца своего, тѣмъ же нечисто естъ племѣ ихъ; а Измаиль роди 12 сына, отъ нихъ же сущи Торкъмани и Печевѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходить отъ пустыни, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заклечени въ горѣ Александромъ Македонскимъ, нечестыя челоуѣкы...

(Лавр. 99—100).

328. Походъ на Половцевъ Игоря 1185

Святославичъ Игорь, внукъ Ольговъ, поѣха изъ Новгорода, м. апрѣля въ 23

день, во вторникъ, поймѣ (взялъ) съ собою брата Всеволода изъ Трубечка, и Святослава Ольговича сыновца своего изъ Рылска, и Володимера сына своего изъ Путивля, и у Ярослава испроси помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи (степные народы) черниговскихъ; и тако идяхуть тихо, собирающе дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велики. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ (во время) вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяцъ, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли что есть знаменіе се? Они же узрѣвше, и видѣша вси и поникша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знаменіе се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божія никто же не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что сотворить Богъ, или на добро или на наше зло, то же намъ видѣти». И то рекъ, перебрѣде Донецъ, и тако приде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тогъ бѣше шелъ нѣмъ путѣмъ изъ Курска; и оттуда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви прѣѣхаша, ихъ же блхуть послалъ языка ловить⁽¹⁾, и рекоша прѣѣхавше: «видѣхомся съ ратнымъ, ратники ваши со доспѣхомъ ѣздить; да или поѣдѣте борзо, или возвратитися до мовъ, яко не наше есть веремѣ». Игорь же рече съ братьею своею: «Оже ны будетъ не бывшии возвратитися, то соромъ (срамъ, стыдъ) ны будетъ пуще смерти; но како ны Богъ дастъ». И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятку настану, во обѣднее веремѣ усрѣтоша полки половецкіѣ: бяхуть бо до нихъ доспѣли (достигли), вежѣ (стаки, кибитки) свои пустиа

за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сіурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволожъ, а по лѣву Святославъ сыновца его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другіи полкъ Ярославъ, иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напередѣ же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князи выведени; и тако изрядиша полки своя. И рече Игорь ко братья своей: «братья! сего есмы искалъ, а потягнемъ»; и тако поидоша къ нимъ, положиша на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сіурлію, и выѣхаша изъ половецкихъ полковъ стрѣлци, и путивши по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкы Сіурлія; поскочиша же и ти Половци силы половецкіи, которіи же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Ольговичъ, и Володимеръ Игоревичъ, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идѣста, не роснуустѣста полку своего, передни же ти Русь бѣша ѣ, имаша; Половци же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжѣ и ополонишася, друзи же ночь прѣѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собравшася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видѣхомъ полки половецкіи, оже мвози суть, ту же ци вся си суть совокупили? нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдетъ заутра по насъ, то ци вси поѣдутъ, но лучшии коньници переберуться, а самѣи какъ ны Богъ дастъ». И рече Святославъ Ольговичъ строюма своимъ: «далече есть гонить по Половцехъ, а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то только ми будетъ на дорогѣ остати — и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да ведѣно есть разумѣюща, братья, умрети»

(1) Т. е. плѣнны Полочана, который бы разсказалъ о силахъ и мѣстѣ остановки своего народа.

и облегоша ту. Свѣтаючи же суботѣ, начаша выступати полци половецкѣ, акъ борове; изумѣшася князи рускѣ, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: »се вѣдающе собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Тоскобица, Колобича, и Етебича и Терьтробюга«. И тако угадавше вси съѣдоша съ коня, хотяхуть бо бышася дойти рѣкы Доня; молвахуть бо: »оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ, сихъ выдавше, пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ«. И та рекше вся съѣдоша съ коней, и поидоша бѣгуща; и тако, божимъ поущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шейцу его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напередѣ язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину (*тотъ день*) до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ рускѣхъ; наставши же нощи суботни, и поидоша бѣгуща; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку. побѣгоша. Игорь же бяшетъ въ то время на конѣ, зане раненъ бѣше, пойде къ полку ихъ, хотя возвратити къ полкомъ, того дѣла, что быша познали князя и возвратилися быша; и тако не возвратиша никтоже, но токмо Михалко Гюргевичъ познавъ князя и возвратиша; не бяхуть бо добръ смѣлися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бяхуться идущи—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужество показа. И яко приближиша Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, еднѣ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, ако да бы не видѣлъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружя въ руку его не доста, и бя-

ху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день св. Воскресенія, наведе нана Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю (*жalousть*), печаль на рѣцѣ Кааы.

...Тогда кончавшюся полку, розведени быша, и поиде каждо во своя рѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужъ именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его яля Романъ Кзычъ... Тогда же на полци Концакъ поручиша по свата Игоря, зане бяшетъ раненъ. Отъ толикихъ же людей мало ихъ избысть, иѣнакомъ полученіемъ, не бяшетъ бо лѣтъ ни бѣгающимъ утечи, зане яко стѣнами сильными огорожени бяху полки половецкѣми; но нашихъ Русъ съ 15 мужъ утекли, а Ковуемъ мие (*меньше*), а прочи въ морѣ истоноша. Въ то же время в. князь Всеволодичъ Святославъ шель бяшетъ въ Корачевъ, и сбирашетъ отъ верхнихъ земель вой, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возвратиша Святославъ и бысть у Новогорода Сѣверьскаго, и слыша о братѣ своей, оже шлѣ сѣтъ на Половци, уставившеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьныхъ и яко приде къ Чернигову, и во тѣ годъ прибѣже Бѣловлодъ Просовичъ, и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: »о любя моя братя и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ приютити поганья, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю, воля господня да будетъ о всемъ; да како жалъ ми бяшетъ на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ«. Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то бо слышавше возмятошася городи посемьскѣ, и бысть скорбь и туга люта, якоже колиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей

волости черниговской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятихуться аки въ мотви ⁽¹⁾, города воставахуть и не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекахуся думъ своихъ, жаляуще по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдову Смоленску, река: «рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; вынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его съ сыномъ; а побѣди, брате, постережя землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Дитѣру, придоша же ныи помочи я ста-ша у Трѣполя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вой свои стояшетъ. Поганый же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и съвокупивъ весь языкъ свой на рускую землю; и бысть у нихъ котора (есора) молвашеть бо Кончакъ: «пойдемъ на кievскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и в. князь нашъ Бонякъ»; а Кза молвашеть: «пойдемъ на Сень, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовѣ намъ полонѣ собранѣ, еимѣмъ же города безъ опасѣ»; и тако раздѣлишася надвое, Кончакъ поиде къ Переяславу и оступя городъ, и бившася ту весь день. Володимѣръ же Глѣбовичъ бѣше князь въ Переяславѣ, бѣше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерзавуъ дружинѣ, и бия съ ними крѣпко; и обступивша мнози Половцѣ, тогда прочи видивше князя своего крѣпко бьющеся, выплнушася изъ города, и тако отыаша князя своего, язве на сущи тремъ копы. Сий же добрый Володимѣръ лзевъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественнаго пота своего за отчину свою. Володимѣръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикову, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половци у мене, а помогите ми»; Святославъ же

слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшетъ у Трѣполя со Смоленяны. Смоленяне же почаша вѣче дѣяти, рекуще: «Мы дошли до Кіева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли ныѣ рати искати, то не можемъ, уже ся еси изымогѣ»; Святославъ же съ Рюрикомъ и со ныими помочими влегоша во Дитѣръ, прогнву Половцѣмъ, а Давыдъ возвратися опять со Смоленяны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяслава, идущи же мимо приступивша Рюмови; Рюмовичи же затворишася въ городѣ, и возлѣще на заборолѣ, и тако, божимъ судомъ, летѣста двѣ городищи съ людьми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражани выйдоша изъ града и бѣхуться ходяще по римскому болоту, то тѣ и възыша плѣны, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вся взяти быша. Володимѣръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ къ собѣ, да быша ему помогѣ; они же опоздишася сжидаяще Давыда Смоленяны, и тако князь рускѣи опоздишася и не захаша ихъ. Половци же взявше городъ Рюмовъ, и ополонившася полономъ и поидоша во свояси; князи же возвратишася въ дома своя, бяхуть бо печальни, и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшетъ раненъ велики язвами смертельными, и хрестыни плѣнныхъ отъ поганыхъ. И се Богъ казняя ны, грѣхъ ради нашихъ навеле на ны поганыи, не аки малюи ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востигнути отъ злыхъ своихъ дѣлъ; и симъ казнитъ ны нахождениемъ поганыхъ, да некии смирившеся воспомянемся отъ злаго пути. А друзи Половцѣи идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Кза у силахъ тяжкихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси. Игорь же Святославичъ тотъ годъ бѣшетъ въ Половцехъ,

(1) Какъ въ мотви явонъ рыба?

и глаголаше: «азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти вужная вся, ихъ же есмь пріаль азъ». Половци же аки стыдящееся воевѣдства его и не творихуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: по волю ему далхуть, гдѣ хочеть ту ѣздити и ястрябомъ ловящеть, а своихъ слугъ съ 6 и съ 6 съ нимъ ѣздити; сторожеве же тѣ слушахуть его и чыстяхуть его и гдѣ послащеть кого, безъ прѣя (*распри*) творихуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со св. службою: не вѣдашеть бо божія промысла, но творящеться тамо и долго быти. Но избави ѿ Господь за молитву хрестіянскую, имъ же мнози печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзъ мужъ, родомъ Половчанинъ, именемъ Лаворъ: и тогъ пріимъ мысль блага, и рече: «пойду съ тобою въ Русь». Игорь же испарва не вѣдашеть ему вѣры, но держаше мысль высоко своея уности, мысляшеть бо емше мужъ и бѣжати въ Русь, молвляшеть бо: «азъ славы дѣла не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не ямамъ повѣи». Съ нимъ бо бяшеть тысяцкого сынъ и конюшій его, и та нудяста ѿ, глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же прежде рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореву думци его: «мысль високу и неугодну Господеви имѣеть въ

собѣ, ты ищети няти (*взяти*) мужа и бѣжати съ нимъ, а о семъ чему не разгадаешъ, оже пріѣдутъ Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей насъ и всю Русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь пріимъ во сердце слытъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возыска бѣжати: не бяшеть бо ему лѣтъ бѣжати въ день и въ ночь, иже сторожеве стражахуть его, по токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: «перѣѣди на оу сторону Дона, съ конемъ поводиымъ»: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ тоже время Половци изплыха бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пріишедъ конюшій повѣда князю своему Игореву, яко ждесть его Лаворъ. Се же всташъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу божію и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевице! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго» — и возмъ на ся крестъ, икону и пойдомъ стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемы же его играющимъ и веселящимся, а князя творахуть спяща. Снъ же пріишедъ ко рѣцѣ и перебрѣдъ, и вѣде на вонъ: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ плоть, въ вечерѣ. И иде пѣшъ 14 день до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новгородъ — и обрадовашася ему; изъ Новгорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ в. к. Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ свать его.

(Ипат. 129—134).

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

329 Слово о пѣизу Игоревѣ, Игоря, сына Святослава, внука Олега.

Не лѣпо ли ны бѣшеть, братіе, вѣдати старыми словесы трудныхъ повѣстий ⁽¹⁾ о пѣизу Игоревѣ, Игоря Святъславича? Начяти же ся тѣмъ пѣснмъ по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню? Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо речъ шърыхъ временъ усобица: тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебеді; который дотечаше, та (лебедь) преди пѣснь поше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редю предъ пѣлкъ Касожьскими, красному Романови Святъславичю ⁽²⁾. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебеді пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсгы на живыя струны вѣскладаше; оны же самы княземъ славу рокоташу.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря ⁽³⁾; иже истагну умъ крѣпостію своею ⁽⁴⁾, и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнивша ратнаго духа, наведе

свою храбрую пѣлкъ на землю Половѣцкую за землю Русскую.

Тогда Игорь вѣзръ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тмюю вся своя войя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино! луцезъ бы потату (побиту) быти, пеже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои брѣзны кони (кони), да позримъ синего Дону». Спала князю умъ по хотя ⁽¹⁾ и жалость ему знаменіе заступи ⁽²⁾ вкисити Дону великаго. «Хощу бо, рече, копѣ преломити конецъ поля Половецкаго (т. е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой) съ вами, Русица; хощу главу свою приложити, а любю испити шелокомъ Дону!» О Бояне, словию стараго времени! абы ты сія пѣлкъ ущекоталъ (воспѣлъ), скача, славлю, по мыслену древу, летал умомъ подъ облакы, сливая славы оба полы сего времени ⁽³⁾. Рица въ тропу Трояню чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву, того (Ольга) внуку: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады (стаями) бѣжать къ Дону великому». Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: «Кони ржуть за Сулою; звенитъ слава въ Києвѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ (Сѣверскомъ)?»

(1) Трудными назывались повѣсти, въ которыхъ описывались важныя событія.

(2) Родной братъ Олегу, дѣду Игоря, героя слова.

(3) Удѣльный князь Новгородъ Сѣверскій, герой слова; внукъ Олега Гюмтараканскаго.

(4) Т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ.

(1) Т. е. пришла ему мысль поохотиться на хановъ (предлст. Дубенск.).

(2) Жалость къ роднѣ заступила, загородила знаменіе—затмѣние (Дуб.).

(3) Соединяя обѣ половины славы сего времени, (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) Буславъ.

Стоять стязи въ Путявлѣ, Игорь ждѣтъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ (арый, дикій волъ) Всеволодъ: »Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есва Святъславичи! Сѣдай, брате, своя брѣзья коноя, а моп ти готови, осылани у Курьска напередѣ. А моп ти Куряни свѣдоми кѣмети (наѣздники, воины служители): полѣ трубами повѣсти, подѣ шеломи въздѣяни, коонецъ копѣя въскрѣмлени. Пути имѣ вѣдоми, вруги (овраги) имѣ знаемы, луци у нихъ науряжены, тузи (колчаны) отворени, сабли изъострепы; сами скачють, аки стрѣи вѣщи въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы».

Тогда вѣступѣ Игорь князь въ златѣ стремени, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмоу путь заступааше; ношѣ стонуши ему грозою птичь убуди; свнѣтъ звѣрнѣ въ стабѣ (на пастбищѣ); днѣвъ (птица зловѣщая) клѣчетъ врѣху древа: велѣтъ послушати земли незнаемѣ—Вѣлѣ въ Поморю, и по Сулю, и Сурожу (Азовскому морю), и Корсуно, и тебѣ, тѣмугораканьскій блѣванъ! А Половци изготовили дорогами пообѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣгы полунощи, рѣи (словно, точно) лебедѣ роснушени. Игорь къ Дону волъ веведетъ; уже бо бѣды (бѣда) его пасетъ (кормитъ) птичь; (по)подобію вѣщи грозу въсрожатъ (1) по аругамъ; орлы клѣкомъ на кости звѣря зовуть; лисѣи брешуть на чрѣвении шты. О Руская земля! уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь мркнѣтъ; заря—свѣтъ запала; нѣгла поля покрыла; щекогъ славнѣ усе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрѣвении шты прегородиша, ищуче себѣ чти, а князю славы.

(1) Отъ рогъ (труба);—т. е. трубать, предѣшють

Съ зараня въ пятѣкъ потопташа поганыя плѣкы половецкыя; и рассушася (разсовашиася) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орѣтѣмани (наметами, шалашами) и япончицами (станчями) и кожухы начаша посты мостити по бологомъ и грязнымъ мѣстомъ, и всякими узорчѣи половецкими. Чрѣленъ стѣгъ, бѣла хорюговъ, чрѣленъ чолка (1), сребрено стружѣ (древко коня)—храброму Святъславичю! Дремлетъ въ поѣтъ Ольгово хороброе гнѣздо... Далече залѣтъло... Не было нѣ (оно) обдѣ порождено—ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрѣный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ стрѣпымъ вѣлкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому (2).

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чрѣвыи туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца (3); а въ нихъ трепѣшуть снѣга млѣнны; быти грому великому, ятти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся кошемъ приламатѣ, ту ся саблямъ потручатѣ (притупитѣся) о шеломи Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великааго. О, Русская земля! уже не шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрѣбожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тугнѣтъ (тремѣтъ, гудѣтъ), рѣкы мутно текутъ; пороси поля (тѣлѣманы) прикрывають, стязи глаголютъ; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ вѣсѣхъ странъ, Рускыя плѣкы остушиша. Дѣти бѣсови кѣикомъ поля прегородиша, а храбрѣи Русичи преградиша чрѣ-

(1) То, чѣмъ полотно знамени прикрѣплено къ древу.

(2) Гзакъ и Кончакъ—ханы половецкіе. (Бул.).

(3) Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ Игоря Владимѣръ Путявльскій и племянникъ Святославъ Олеговичъ Рязьскій.

леньими щита. Ярѣ туре Всеволоде! стоиши на борони (*въ передовомъ отрядѣ*), прищени на вой стрѣлами, гремѣши о шеломахъ мечи харалужными (*булатными*). Камо Турѣ поскачаше, своимъ златымъ шеломахъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепави (*по расколоты*) саблями калеными шеломи Оварьстѣи отъ тебе, Ярѣ Туре Всеволоде! Каа раны дорога, братіе, забывъ чти и живото, и града Чернигова, отня злата стола, и своя милая хоти красныя Глѣбовны, свѣчая и обычая? Были вѣщи (*вѣщи—вѣща*) Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъщи Олговы, Ольга Святъславляча. Тѣмъ бо Олегъ мечень кромоу ковааше, и стрѣлы по землѣ стѣаше, ступаешь въ златъ стремень въ Тьмуторокани. Тоже званъ слыша давный великій Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ; Бориса же Вячеславляча слава на судъ (*Божій, т. е. на смерть*), приведе и на канину зелену паполому (*покроу*) постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каалы Святоплѣкъ повелѣи я(*ти?*) (*т. е. тѣло*) отпа своего между Угорьскыи иноходцы къ Святѣи Софіи къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславлячи (¹) съшастся и расташеть усобицани; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжѣхъ крамолахъ вѣщи челоукомъ скратѣшася (²). Тогда по Русѣи земли рѣтко (*рѣдко*) ратаешъ кп-какутъ (*кричали, погоняя воловъ*); въ часто врани гравкутъ (*каркали*), трупѣи себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряху, хотѣхъ полѣтѣти на уѣдѣ (*на пѣду, на пирѣ*). То было въ ты рати и въ ты

плъкы; а свѣи рати не слышано: съ зраніа до вечера, съ вечера до свѣта летать стрѣлы каленыя, гримяють сабля о шеломахъ, трещать копья харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земля половецкыя. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровлю поल्याна; тугою въздыша (*горемъ, печалю въздыша онѣ, т. е. послѣдныя кости*) по Русѣи земли.

Что ми шумитъ, что ми свенитъ давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жалъ бо ему мила брата Всеволода. Бишася дѣви, бишася другыи: третяго дне къ полудню надомѣ стѣаша Игоревы. Ту ся брата разлучаста на брѣзѣ быстрыя Каалы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докочаша храбри Русичи: сваты пошовша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалошамъ, а древо стугою къ землѣ преклонилось.

Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ свѣлахъ (*т. е. ратяхъ*) Дажь Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедяныи крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи: убуди жирна времена. Усобица княземъ на поганыхъ погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же»; и начаши князи про малое «се великое» мѣлвити, а сами на себе крамоу ковати: а поганѣи съ вѣсѣхъ странъ прѣждѣаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ (*т. е. Игорь*), птиць бя, — къ морю!

А Игоревѣ храбраго плъку не крѣсити. За нпмъ кликну Кариа, и Жля (¹), посекочи по Русѣи земли, сизагу (*огонь*) людемъ мычючи въ пламяхъ розъ (²). Же-

(¹) Олегъ Святославичъ или—какъ пѣлѣ онъ называется—Гориславичъ (славный горѣтъ, какое онъ причиналъ), дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени (Бул.).

(²) Дажь Богъ—божество солнца. Жизнь Дажь Божа внука (потомка), т. е. жизнь русичей (Бул.).

(¹) Ханы половецкіе.

(²) Съ ханомъ Коцачкомъ былъ Бесариеннѣтъ, стрѣлявшій живыхъ огнемъ изъ наполненнаго пламенемъ рога.

ны Руския всплалашась, аркуча (говоря):
«уже памь своихъ милыхъ ладъ (мужей)
ни мыслию смыслити, ни думою сдумати,
ни очима съглядати, а злата и серебра ни
мало того потрепати».

А вѣстова бо, братіе, Кіевъ тугою, а
Черняговъ напастымъ; тоска разліяся по
Рускій земли; печаль жирна тече средь
земли Руския. А князи сами на себе
крамолу ковааху; а поганіи сами побѣда-
ми нарицающе (набѣгая) на Рускую зем-
лю, емяаху дѣнь по бѣлѣ (бѣлѣ) отъ
двора. Та бо два храбрая Святъславича,
Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуднети, ко-
торую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъ-
славъ грозный великій киевскій ⁽¹⁾. Гро-
зю бѣшетъ притрепеталъ своими сильными
плъки и харалужными мечи; вступивъ на-
землю половецкую, притопта хлѣби и дру-
гы, възмути рѣки и озера, иссуши по-
токи и болота, а поганяаго Кобыя изъ
луку моря, отъ желѣзавыхъ, великы-
ихъ плъковъ половецкихъ, яко вихрь,
выторже: и падеся Кобыя въ градѣ
Кіевѣ, въ грядици Святъславлю ⁽²⁾. Ту
Нѣмци и Веведци, ту Греци и Морава
поють славу Святъславлю, кають (жла-
нутъ) князя Игоря, вже погрузи жиръ
во даѣ Каялы рѣки половецкия, рускаго
злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ
изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошчево ⁽³⁾.
Увыша бо градомъ забрали (городскія стѣ-
ны) а веселіе повнече.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіе-
вѣ на горахъ си ночь: «сѣ вечера одѣ-
вахъте мя, рече, чрною паполомою, на
кровати тисовѣ; чрпахуть ми спнее ви-
но съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщи-

или тулы поганыхъ тѣлковивъ великій
жемчюгъ на доно, и пѣгують мя. Уже
дѣски безъ кѣса ⁽¹⁾ въ моемъ теремѣ зла-
товрѣсьемъ; всю ночь съ вечера босувъ
врани възграаху у Плѣсьска на болони
бѣла дѣбрь кѣсаню и песомлю къ сине-
му морю». И ркопа бояре князю «Уже,
княже, туга умъ полонила; се бо два со-
кола слѣтѣста съ отня стола злата, пои-
скати града Тьмуторокана, а любю испи-
ти шелоомъ Дову, уже соколома крыльца
притѣшали (подрѣзали) поганыхъ сабля-
ми, а самую опутапа въ путяны желѣз-
ны». Темно бо бѣ въ 3 дѣнь: два солнца
помиркоста (т. е. Игорь и Всеволодъ),
оба багряная стѣла погасоста, и съ нима
молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ (Олегъ-
сынъ; Святославъ племянникъ Игоря)
тѣмою ся поволокоста и въ морѣ погру-
зиста, и великое буйство подаста ханови.
На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыва;
по Рускій земля прострошася Половци,
аки пардуже гѣздо (плѣмя рысей).
Ихъ въ морѣ погрузиста и великое буй-
ство подасть ханови. Уже смесеса хула
на хвалу; уже тресну (разразилась) нуж-
да на волю; уже врѣжеса дѣвъ на землю.
Се бо готскыя красныя дѣвы ⁽²⁾ въспѣ-
ша на брезѣ синему морю; звоия рус-
кымъ златомъ, поють время Бусово, ле-
лѣють мечь Шароканю ⁽³⁾. А мы уже
дружина, жадны велелія.

Тогда великій Святъславъ изрони зла-
то слово слезами смѣшено, и рече: «О
моя сыновця, Игорю и Всеволоде! рано
еста начала половецкую землю мечи
пѣлѣти (мечами производить плачь),
а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одо-
лѣста: нечестно бо кровь поганую пролія-

⁽¹⁾ Святославъ Всеволодовичъ, в. кн. киевскій,
сынъ Всеволода Ольговича, былъ Всеволоду и Ольгу
двоюродный братъ, во, какъ старшій, въ отца мѣсто.

⁽²⁾ Кобыя, ханъ половецкій, взявъ въ плѣны
Святославомъ за годъ до похода Игоря.

⁽³⁾ Кошчево пазывалась пѣтишка, невольни-
ки половецкіе, печенежскіе, хозарскіе, литовскіе
и др., что свидѣтельствуется летописями. Кошчей
также значить—отрогъ княжеской дружины. (Дуб).

⁽¹⁾ Кѣса—перекладина, матица, на которой
утверждается потолокъ.

⁽²⁾ Готы—поселенцы, съ III в. Черноморскіе,
покорены были Половцами около 1050 г.

⁽³⁾ Шароканъ или Шаракунъ—извѣстный по-
ловецкій. Бусъ—тоже имя собственное.

ста. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалужѣ скована, а въ буести закалена: Се ли створиста моеи сребрѣнѣ сѣднѣ! А уже не вьжду власти сильнаго, и богатаго, и много вой брата моего Ярослава, съ Черниговскими былями⁽¹⁾, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбры, и съ Топчакы, и съ Ребугы, и съ Ольбры⁽²⁾. Тѣ бо безъ щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждаютъ, звоначе въ правдіяную славу (*Святосл. Ярослав.*). Нѣ рекосте: «мужаймѣся сами, предіюю славу сами похитимъ, а задіюю ся сами подѣлимъ».

А чѣ диво ся, братіе, стару помолодитъ? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птєрь вѣбизаетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло: книжеми не пособіе; нанче ся годины обрагша. Се у Римъ кривчатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Великий княже Всеволоде⁽³⁾! не мыслятъ ирелетѣти издавеча отня злата стола поблужити⁽⁴⁾. Ты бо можети Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага⁽⁵⁾ по ногатѣ (=50 к. с.), а кошей по резанѣ (=20 к. с.). Ты бо можети по суху живымъ шерешары (*мечъ, цина*) стрѣляти—удалыми сыны Глѣбовы⁽⁶⁾. Ты, буй Рюриче и Давыде⁽⁷⁾! не ваю ли злачевыми шеломы по крови плаваша? Не ваю

(1) *Были* можетъ быть отъ *былой*, т. е. бывалый въ походахъ.

(2) Здѣсь, вѣроятно, ищисляются отряды Ковуевъ, которыхъ Игорь пригласилъ къ себѣ на помощь.

(3) Всеволодъ Юрьевичъ—в. кн. Владимірскаго князѣмъ, по прозванію *Большое гнѣздо*.

(4) Т. е. Кіевского, стола Юрѣя Долгорукаго.

(5) Чага—жена, взятая въ плѣнъ у Половцовъ.

(6) Дѣти Глѣба Ростиславича, князѣя рязанскіе.

(7) Дѣти Ростислава, сына Мстислава Владимірскаго.

ли храбрая дружина рыкають, аky турѣ, равены саблями калечеными, на полѣ называемъ? Вступита, г—на, въ златъ стремень—за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславича! Галичкы Осмомысле Ярославу⁽¹⁾! высоко сѣдши на своемъ златокованіемъ столѣ. Подперъ горы Угорскыя своими желѣзными плѣкы, заступивъ королевѣ путь, затвори въ Дунаю ворота, меча бремены (*огромныя тяжести*) чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяещи Кіеву врата; стреляещи съ отня злата стола салтаны за землями. Стрѣлай, господине, Кончака, поганяго Кодеа—за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславича! А ты, буй Ромаше и Мстиславе⁽²⁾! храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваещи на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя итицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у васъ желѣзныя паворзы подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многы страны хановы. Литва, Ятвязи, Деремела и Половца сулиця своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тѣя меча харалужныя.

Нѣ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ лѣствіе срони: по Рѣн и по Сули грады подѣлшя, а Игореву храбраго плѣку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князя на побѣду.

Олговича, храбрыя князи⁽³⁾, доспѣли на брань, Ингваръ и Всеволодъ, и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрильця, не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте? Кое наши златыя шеломы и сулиця ляцкыя (*польскіе коня*) и щиты?

(1) Сынъ Владиміра Володарича, по прозванію Осмомыслъ.

(2) Ромашъ Владиміро—волынский, сынъ в. кн. Мстислава; Мстиславъ—двоюродный братъ Романа, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

(3) Черниговскіе князѣя.

Загородите полю (*стенникамъ*) ворота своими острыми стрѣлами—за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъ-славича!

Уже бо Сула не течетъ серебряными струями къ граду Перенеславию, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ, подъ клякомъ поганыихъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи в шеломи литовския, притрепа славу дѣду своему Все-славу, а самъ подъ чрълеными щаты на кровавъ травъ притрепанъ Литовскими мечи и схоти ю на кровать... И рекъ: «дружино твою, княже, птицъ крылы прѣ-дѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всево-лода; единъ же взъронъ жемчужну ду-шу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожере-ліе. Уныли голоса, повиче веселіе. Тру-бы трубятъ Городевыскія.

Ярославе, и вси внуци Всеслава! уже понизите стяги своя, возвите своя мечи вержены; уже бо выскочите изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начнете наводить поганья на землю рускую, на жизнь Всеславу, которою бо бѣате на-силіе отъ земля Половецкыя. На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Вселавъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣмъ клоками подоръ-ся о коня, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружемъ злата стола Киевска-го. Скочи отъ нихъ лютыми зверемъ къ пльночи изъ Бѣлаграда, обѣсил синѣ мѣлѣ, утрѣже возни стрікусы (*стѣнобитное орудіе*), отвори врата Новуграду, раз-шибе славу Ярославу, скочи вѣкомъ до Немингы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепы хара-лужышми, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезн не бологомъ бяхуть постави, по-сѣлая костями Рускыхъ сыновъ.

Вселавъ князь людемъ судяше, кня-земъ грады раяше, а самъ къ ночь вѣ-комъ рыскаше; изъ Киева дорыскаше до

куръ Тматороканя; великому Хрѣсови вѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ По-лотетѣ позвонша заутреню рано у свя-тыя Софія въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще в вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, къ часто бѣды страдаше. Тому вѣ-щій Боянъ в прѣвое прѣпѣвку смысле-вый рече: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути».

О! стонати Русятѣй земли, помянувъ прѣвую годину, и прѣвыихъ князей! Того старааго Владиміра вельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стазіи Рюриковы, а друзи Давыдо-вы; въ рози нося нмѣ хоботы пахнуть.

Коніа поють на Дунаи. Ярославичи⁽¹⁾ гласъ слышати: зегзицею незнаемъ, ра-но кычеть:

«Полею, рече, зегзицею по Дунаеву; омочю бебрыя рукавъ въ Каналѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жесто-пѣмъ (*твердомъ, мужественномъ*) его тѣлѣ». Ярославна рано плачетъ въ Пути-влѣ на забралѣ, аркучи: «О вѣтре, вѣ-тридо! чему, господине насильно вѣешь? Чему мычещи хановскія стрѣлки на своєю петрудною крыльцю на мою ладъ (*му-жа*) воя? Мало ли ты бѣшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣя корабля на синѣ мори? Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?» Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Дитѣпре словутицю! ты пробилъ еси ка-менныя горы сквозъ землю Половецкую. Ты лелѣя еси на себѣ Святослава по-сады (*суда, лады*) до пльку Кобакана⁽²⁾: възлелѣй, господине, мою ладъ къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на мо-ре рано.» Ярославна рано плачетъ въ Пу-тивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! вѣстѣ тепло и красно

(1) Ярославна—Евфросинья, дочь Ярослава Вла-диміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря. (Бул.).

(2) Кобакъ—Половецкій ханъ, разбитый Иго-ремъ въ 1171 г.

еси: чему, г-не, простре горячую свою лучю на лады вой? въ полѣ безводнѣ жажду имъ луки съоряже, тугою имъ тулы затче?»

Присну море полунощи; падутъ сморци (смерчи) мыслами; Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земля Половецкыя на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонъ въ полуночи. Овалуръ ⁽¹⁾ свисну за рѣкою; велитъ князю разуться: князю Игорю не быть. Клякну стукну земля; кнуи трава. Вежа ся Половецкыя подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлыми гоголемъ на воду; въяржеся на брѣзъ комонъ, и скочи съ него босыми вѣкомъ, и потече къ луку Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мыслами, лобивая гуса и лебеда завтраку, и обѣдѣ и ужину. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Валуръ вѣкомъ потече: труся собою студеную росу: претръгоста (надорвали) бо своя брѣзая комоня. Донецъ рече: «Княже Игорю, не мало ти величя, а Кончаку нелюбія, а Русскій земли веселія.» Игорь рече: «О, Донче! не мало ти величя, лелѣвшу князя на вѣнахъ, ставшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брѣзѣхъ, оцѣвавшу его теплыми мыслами подѣ сѣною зелену древу; стрѣжаше ѿ гололемъ на водѣ, чайдани на струяхъ, чрънядми на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужя ручья, и стругы ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу затвори Дибирь темны береги. Плачется мати Ростиславля по уноши князя Ростиславѣ. Уныша цѣлѣ жалобомъ, и древо стугою къ земли прѣклонило.»

А не сороки вѣтроскоташа: на слѣзу вгоревѣ жадятъ Гзакъ съ Кончакомъ. То-

гда врани не граахуть, галици помѣлкоша, сороки не трескоташа, по лозію ползюна только, дятловѣ тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи неселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Млѣвпть Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣду летитъ, сокозоча ро-стрѣлаевѣ своими злаными стрѣлами ⁽¹⁾. Рече Кончакъ ко Гзѣ: «аже соколъ къ гнѣду летитъ, а въ сокола опутаевѣ красною дѣвицею.» И рече Гзакъ къ Кончакови: «аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвицы. То почнутъ наюптици бити въ полѣ половецѣмъ.»

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени, Ярославля, Ольгова когана хоти: «Тяжко ти головъ, кромѣ плечю; ало ти тѣлу, кромѣ головы! Руекъ земли безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небеса: Игорь князь въ Русскій земли. Дѣвицы поютъ на Дунаи. Вьются голоса чрезъ море до Кыева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пироготей, страны ради, гради весели.»

Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава: Игорю Святъславляню, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу: «Здравн князи и дружины, побарая за христьяны на поганыхъ ильми! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!»

(Сказ. Р. Н. Сахар. т I).

330. Сказаніе оплѣнкомъ Половчанѣмъ.

Бѣ нѣкій челоувѣкъ цѣломудренъ и смысленъ въ славнемъ градѣ въ Киевѣ, быти вѣру велику и любовь ко св. Николѣ, и не вѣмъ, кою притчею сѣдаше у него Половчанѣ все лѣто желѣзы око

(1) Имя Половчанина, помогавша Игорю бѣжать.

(1) Соколъ—Игорь, Соколичъ—сынъ его Владимиръ.

ванъ; во единъ же отъ дней глагола ему крестьянинъ: «доколѣ хочешь сидѣти у мене? дай на себѣ искупъ и отпущю ты въ землю твою.» Онъ же рече ему: — аще мя отпустиши, привесу ти искупъ; аще ли мя держиши, не выѣху, что ти дати.—Христіанинъ же рече ему: «дай по себе поруку; отпущю тя.» Половчинъ же рече ему:—ты самъ вѣси, яко вѣсть кто въ Руси поручаяся по имѣ!—И глагола ему христіанинъ: «Хочешь ли дамъ ты на поруку св. Никола?» Онъ же рече:—не знаю его, ни онъ мене; то како поручиться по имѣ?—Христіанинъ же веде его въ церковь, и показа ему икону св. Николы, глаголя: «хочешь ли, сему ты дамъ на поруку?» Половчинъ же рече съ радостью:—хочю; аще мя пожалуете и все привезу, имъ же долженъ есмь тебѣ!—Мняше бо яко ничтоже въ Руси вѣра челоука того, еже ко св. Никола. Дивно бо есть, братіе, како не смятется, пущая сего пленника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесетъ ли ему искупъ или не принесетъ! Но едино во умѣ имѣ порученіе св. Никола — и не имать погинути. И си рекъ чюдный мужъ, отпусти плѣнника, давъ ему одѣніе и потребу на путь доволну, и на конь свои всади и обiazъ давъ, рече ему: «брате, не мози солгати, ему же ся еси обѣщашъ привеси искупъ или прислати; аще ли же солжеша, извѣсто ти буди: не имати убѣжати руки поручившагося по тебѣ.» Онъ же рече: — створю все, о немъ же глаголеши.—И си рекъ, поклонивъся поѣде. Едуще же путемъ, злу мысль во сердцѣ смысливъ, глаголаше: вѣсть смысла воистину въ Руснѣ семъ, еже мя предасть образу на поруку, на доскѣ написану, Никола нарицаему, что ми можетъ створити? нывѣ бо не влжю его, ни онъ мене! како бо можетъ доска ходити или ѣздити? аще бы в велику челоуку далъ мя на поруку, и того въ своей земли не боюся, ни искупа дамъ!

И ту мысль имѣя, пріѣхъ въ землю свою; домашніи же его мнѣша такоже, яко безъ ума отпущена; а не вѣдущи силы божіа и чудеси св. Николы; безумніи скотѣ гордящися суетнымъ богатствомъ, слышавши у него, не боялися ему веляху своего поручника, мняши яко игру суща бывши, самѣ безумни во игрѣ не радящи о семъ.

Мало же дний мину, явился ему истинный и неложный и незамедленный помощникъ и поборникъ христіаномъ св. вел. Никола, глаголя: «Знавши ли мя, друже?» Половчинъ же рече. — незнаю. Кто ты еси? И глагола ему св. Никола: «не азъ ли поручаюся по тебѣ, привести было ти искупъ христіанину оному, ты же что ради медлиши? Се глаголю ти: повези на себѣ искупъ, да бѣды ти не створю!» И си рекъ, невидимъ бысть. Половчинъ же дивяся явленію, мняши ничтоже сущъ—и скоро забы. Единою же вѣдѣ на конь поѣхъ на полѣ, явился ему св. Никола, и всторже съ коня, и потрясе имъ, глаголя: «не рехъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ христіанину оному, яко данъ ми еси имъ на поруку; и вскорѣ забылъ глаголанное мною, и се еще ти глаголю: пожалуй себе самъ: повези на себѣ искупъ; аще ли забудеши се, то узриши, что ти будетъ отъ мене».

И си рѣкъ св. Никола къ нему, невидимъ бысть. Половчинъ же той вѣдѣ на конь, поѣхъ въ домъ, на сердцѣ имѣя мысль повѣсти скоро искупъ, имъ бо некаку болезнь отъ втораго явленія св. Николы; и бывшу ему во мнозѣ пѣтїи и во скотскомъ житїи, забы и то, мня яко мимо шло и ничтожь ему будетъ, якоѣ и нынѣ мнозыхъ видимъ: аще и законъ божїй свѣдѣть, егда изидеть болѣзнь на нихъ или бѣда велика, молятся Божии со слезами и на помощь призываютъ поны, и мниси и нищїи, глаголющи: господіе, помолитесь о насъ, да помилуеши ны Богъ васъ ради; тацѣ уже не будемъ,

ацѣ (какѣ) же нынѣ, но инѣ обычаи приимемъ, иже богоугодно. Разумѣваемъ, яко всеу мятемся въ житиіи семѣ; егда же дастъ намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ нимъ же вѣру приложивша, тогда забудутъ, внигда полегчати имъ, еже ркоша въ бо-
лѣзни или въ бѣдѣ молщеся: и здрави бывше, тѣхъ озлобляютъ, паже призываѣша на молитву, не знающе ихъ творятся, а на явнѣхъ гнушаются и возрити, яко безсмертнѣ сотворшася. Такожъ и сей поганій Половчанинъ, егда потрясе имъ явившася св. Никола, тогда убояся его; егда же мину неколкоко дней не являяся ему, тогда онъ забы.

Некогда же потомъ за мало днѣи приключився сонму быти княземъ ихъ и вельможамъ, съѣхавшимся мнозѣмъ, и тому половчанину ту же прѣхавшю, и егда ставшю на кони въ совищии съ ними, сторже его съ коня сила Божія невидимая, вѣмъ зрящимъ и видящимъ, нача терзати и порѣзати его, глаголя: «ве рѣхъ ли тя, окаяще, повези на себѣ искупъ, да не горѣ ти сего будетъ; онъ бо хрѣстѣянинъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ, и возверже печаль свою на мя, то како могу зрѣти его въ печали той; ты же, безумный варваръ, гордый, не помяну моего порученія, ни убояся суда божія, иже приде ва ты скоро, яа моего перваго и втораго явленія! И се нынѣ уже въ третѣи явишъ ты ся, терпѣше (терпи же?) муку ся за преслушаніе!»—Страшно же баше, братіе, видѣти мученія его: овогда бо бѣ главою потченъ о землю, овогда же отъ земли восхыщенъ и о землю разраженъ, овогда же баше глава его между ногъ его, и ктому невидимо аки батоги баше его сила божія, единако глаголющи: «повези на себѣ искупъ христѣанину оному». Около же его стоящи вѣѣ разбѣгашася; онъ же лежаше аки мертвъ. Знающіи же повѣдаша, вѣхавши, роду его бывшее мученіе то надъ нимъ, онѣже, прѣхавша, взяша его ель жива. Мнози же днѣи

лежа не могли глаголати, но яко отъ сна возбуждъ въ бравѣа вкусивъ, укрѣпился, и повѣда роду своему вся бывшая: 1-е явленіе и 2-е св. Николы, и казни и глаголаніе. Онъ же, ничтоже вѣдуши бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватъся на нѣ, свѣѣ глаголющи: «кто тако безумецъ, якоже ты? Видѣвъ явленіе 1-е и 2-е поручника своего и не убояся, ни повѣда намъ; мнѣхомъ бо якоже прѣжъ глагола намъ: кому мя да на поруку? безъ ума данъ есмь Богови русскому!» Онъ же рече имъ:—ей не самому Богу, но саятцю его Николѣ!—Онъ же рѣша ему: «алце не Богу ихъ, но слуги его; не вѣся ли яко великъ есть Богъ русскій и лизна чюдеса творить; то великіи слуги его; не токмо самъ дѣѣѣ преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда каа—любо отъ насъ бываетъ имъ, то глаголютъ: за грѣхи наша Богъ не помогаетъ намъ; аще бы имъ помоглъ, то ни единъ бы насъ оставъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убояся Бога ихъ и святца того, виждь, что еси приобрѣлъ еси! Аще нынѣ не поѣдѣши со искупомъ въ Русь, то отъиди отъ насъ, и единъ погнѣи, да я мы съ тобою казни не приимемъ».

Половчанинъ же той убоявшеся, то слышавъ отъ нѣхъ, ни мало пождавъ, повелѣ работѣмъ своимъ нарядитися и стадо коней отлучити, имъ же баше дати искупъ, и малое стаде къ тому прилукити, еже дати отъ порученія св. Николѣ, дабы уже не мучилъ его; баше бо богатъ зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боде бояся поручика своего, нашего поборника вел. помощника св. Николы. Егда же прѣгнася ко граду Киеву, не вѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина ового, но вѣха прѣже ко церквѣ св. Николы, идѣже бѣ данъ на поруку ему, и слѣзъ съ коня, далече пѣшъ приде, ведый за собою малое оно стаде

коней, и вшедь въ притворъ, узрѣ икону оу св. Николы, снче со слезами падъ на землю рече:—Не мучи мене, господи мой, поручниче, святче божій Николо, се искупъ весь пригнавъ христіанину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученія, да не гнѣваешься на мя; понеже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть.—И се изрекъ и кони отдавъ іерѣю твоей церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его большее стадо коней, поклонився рече ему:—Се искупъ мой, господи, а у поручника быхъ уже!—И сказа ему все по ряду бывшее. Христіанинъ же той, се слышавъ, и видивъ, ужасеся сердцемъ и удивися о преславленемъ семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь св. Николы, и падъ предъ образомъ его, многи слезы пролія, хваля милосердіе его, глаголаше: «Что ти принесу, святче божій, за вся, яже ми воздалъ недостойному рабу твоему; твоихъ бо даровъ весь есмь обилень, имѣяй бо ты широту царства небеснаго, и намъ отуди даровая дары; мы жъ точію сія ти приносимъ, удивляемся твоей милости. Хвалимъ твоя щедроты, блажимъ твое заступленіе!»—И таку умножену створивъ молитву къ св. церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и племя и други, и сусѣды своя, глаголя: «срадуйте ми ся, яко удиви милость свою на мнѣ убожимъ святитель христовъ Николасе!»—И сказа имъ все по ряду, еже створи Половчанъ; онѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похваляша глаголюще: «дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяй чудеса святыми своими!» Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ св. Николѣ, яко же на память его творити чрезъ ночь стоянемъ в пѣ-

внемъ, поны же и мниетъ на обѣдъ созва и нищая милостынею учреди.

(Памятн. старин. рус. лит. I, 71—73).

Это сказаніе получило начало во времена дотатарскія и составляетъ драгоценный памятникъ для исторіи. Изъ этой легенды мы видимъ, что во время борьбы южно-русскаго населенія съ Половцами, Русскіе держали въ желѣзахъ попадавшіеся пленныя и отпускали ихъ за выкупъ. Кіевлянинъ смотрѣлъ на пойманнаго Половчанина какъ на доходную статью. Все богатство степныхъ народовъ состояло изъ стадъ и табунновъ. — Поручительство у Русскихъ издавна было юридическимъ обычаемъ и особенно клятва предъ иконою служила залогомъ вѣрности обещаній. За поручительство обычай требовалъ приносить материальную благодарность. Древній коренной обычай требовалъ всякаго человѣка, не исключая иноверца и должника, накормить, напоить и надѣлать всякихъ нужныхъ на дорогу. Такъ отпускалъ Владимиръ проповѣдника Бруно къ Печенегамъ. (Рус. Бес. 1856 г. кн. I, отд. 2, стр. 1—35).

Изъ этого сказанія видны интересныя черты внутренняго быта Половцевъ, какъ напр. ихъ свѣзды на совицанин; особенно важно то значеніе христіанской религіи и русскаго цивилизаціи, которое обнаружилось въ средѣ степныхъ варваровъ. Какъ все русскіе инородцы и доселѣ питаютъ особенное уваженіе къ святителю Николасу, такъ и Половчанъ и его семейство относились къ нему съ почитеніемъ.

Самое важное достоинство «Сказанія о Половчанѣ» заключается въ живомъ изображеніи крѣпкой простодушной вѣры русскаго человѣка.

О борьбѣ съ Половцами см. въ Поученіи Мономаха. Сначала Половцы свирѣпо нападали на Русскихъ, потомъ породнились князья половецкіе съ русскими и нерѣдко принимали православную вѣру.

Объ Уцахъ в Половцахъ. П. Фр. Сума. Чт. Общ. Ист. 1848 г. № 8, III, 15. О Половцахъ. Ж. М. Н. Пр. VI, 178. Торки, Берендѣи и Черныи Клобуки. Н. Самчевскаго. Архивъ Колочова кн. 2, I, отд. III. 83—106. Толкованіе языка Половецкаго. Москвит. 1850, V, 7—9. X. 31.

2. ВОЛЖСКІЕ БОЛГАРЫ.

331. Сношенія и борьба съ Болгарами.

а. 6514 (1006). Прислали Болгары (Волжскіе) пословъ съ дары многими, дабы Владимиръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что имъ Владимиръ охотно согласился, и далъ имъ во всѣ града печати, дабы они вездѣ и вѣсмы вольно торговали, и рускіе купцы съ печатями отъ наместниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія, а Болгарамъ всѣ ихъ товары продавать во градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить тукомъ вириномъ, огневитицъ и смердинъ продавать, а отъ нихъ не купить. (*Ист. российская В. Н. Татищева. Кн. II, 88—89. М. 1773*).

Син Болгары довольно видно, koliko о ремеслахъ и кунечествѣхъ прилежали, что въ Индію чрезъ Персію, чрезъ Россію на сѣверъ во Швецію и Данію, чрезъ Черное море до Крита, для торгу ѣздить не зѣмлились... Не трудно имъ было масовитанской заповѣ имѣть. (*Тамъ же примѣч. 173. 208*).

б) Въ тоже лѣто (1164) иде князь Андрей на Болгары, съ сыномъ своимъ Изяславомъ, и съ братомъ своимъ Ярославомъ, и съ муромскимъ кн. Гюргемъ; и поможе имъ Богъ и св. Богородица на Болгары, самѣхъ истрекоша множество, а стѣны ихъ подмаша, и ода съ малѣ дружинѣ утече князь болгарскій до великаго города; князь же Андрей воротися съ побѣдою, видѣвъ поганья Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву. Стоящу же цѣня съ св. Богородицею на полчищѣ, подъ стѣны: и прѣхавъ до св.

Богородицы кн. Андрей, съ Гюргемъ и со Изяславомъ и съ Ярославомъ, и со всею дружиною, удариша челомъ передъ св. Богородицею, съ радостью великою и слезами хвалы и пѣся въздающе ей, и шедше изыша градъ ихъ славный Брахимовъ, а переди 3 города ихъ пожгоша. Се же бысть чудо новое св. Богородицы Володимѣрское, юже взялъ баше съ собою благовѣрный кн. Андрей, и привесъ ю съ славою, постави ю въ св. Богородицѣ Володимери въ Золотоверстѣхъ, идѣже стоитъ и до сего днѣ. (*Лавр. 150—151*).

в) Тое же зимы (1172) посла князь Андрей сына своего Мстислава на Болгары, и муромскій князь сына своего, и рязаньскій князь сына своего; бысть не любъ путь ѣздить людемъ сямъ, зане негодье есть зимъ воевати Болгаръ, и помдуче не идяху. Бывлю же кн. Мстиславу на Городьци, совокуплюся со братомъ своимъ, съ муромскимъ и съ рязаньскимъ, на усть Оки, и ждаша дружины 2 недѣли, и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводѣ въ то время зарядъ всея державы и выѣхаша въ поганья безъ вѣсти, взяша селъ 6, самое городъ, мужи истрекоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же Болгаре въ малѣ дружинѣ кн. Мстислава пришедша, идуща опять съ полономъ, досиѣхъа вборцѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ, кн. Мстиславу на устьи съ малою дружиною, а всю дружину оставивъ отъ себе; и възврати отъ него Богъ поганья Болгары, хрестыяны покрывъ рукою своею. Слышавше бо наша се, прославиша Бога: заступи бо

очивѣсть (очевидно) отъ поганныхъ св. Богородица и хрестыянская молитва; погани бо възвратишася вспять, а хрестыяне хваляще Бога, взвратишася псовоя.

(И. С. Лѣт. I, 155).

332. Побѣды надъ Болгарами 1183.

Болгары Волекіе съ бѣлою Русью имѣя непрестанной торгъ, множество привозили, яко жить, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городахъ рускихъ по Волгѣ и Окѣ; но Рускіе многіе собрався тайно по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабиза, а потомъ по Волгѣ села ихъ и города разорали, о чемъ Болгары два раза присылали Всеволода о управѣ просить; но понеже люди тѣ были Рязанцы. Муромцы и другихъ городовъ не вѣдомые, не могъ Всеволодъ ни какой управы учинить, только во все свои области послалъ запрещеніе, чтобъ такихъ разбоянниковъ ловя приводили, а ловить ихъ по Волгѣ не послалъ, чемъ Болгары озлобясь, собравъ войска великія, пришли въ лодяхъ по Волгѣ къ берегамъ въ области бѣлорускія, которыя около Города, Муромъ и до Рязани великое разореніе учинили (1183), и войска посланныя противъ ихъ не могли для множества ихъ оборонить, даже сами, набравъ множество въ плѣнъ людей и скота, возвратились. Всеволодъ вельми оскорбясь симъ, и желая Болгарамъ отмстить; но единъ не надѣялся своими войсками достаточно учинить, послалъ въ Кіевъ ко Святославу, объявляя ему о томъ учиненномъ отъ Болгаръ разореніи, и просилъ его о помощи, написавъ ему тако: »Отче и брате! Се Болгары сосѣди наши, народъ безбожный, суть вельми богаты и сильны, нынѣ пришедъ по Волгѣ и Окѣ, якоже и коньми, съ великимъ войскомъ, многіе города разорили, людей безчисленно

плѣнили, которымъ единъ противиться не могу, наипаче, что рязанскіе князи между собою братья, имѣя вражду другъ друга векують свои области разорять, о Руской землѣ отечествѣ не радѣють, Половцовъ же призывать не хочу, ибо они съ Болгары языкъ и родъ единъ, опасаяся отъ нихъ измѣны, ниже хочу, чтобъ они за мое саблю плѣнниковъ набравъ ко вреду Русской земли усиливались; того ради прошу у тебя, да пришлешь ко мнѣ во помощь достаточное войско, сколько самъ заблагоразсудилъ, а когда тебѣ на иновѣрныхъ помощь потребна, я не облыжуся самъ идти, или все мои войска тебѣ послать».

Святославъ принявъ сіе за полезное, и отвѣчалъ посланъ: »Дай Боже! чтобъ намъ во дни наши въ братіи имѣть любовь и тишину, а на нечестивыхъ воевать обще«. И немедленно послалъ ко Всеволоду сына своего Владимира съ войскомъ, такожъ писалъ ко всеѣмъ братіямъ и сыновцамъ, которымъ Ярославъ черниговскій и Игорь съверскій присовокупили свои полки съ воеводами, а Изяславъ переяславскій самъ пошелъ, Давидъ смоленскій послалъ сына Мстислава.

Наступившей веснѣ пришли все князи рускіе къ Окѣ, а оставя войска въ Коломнѣ, Рагислави и Борисове велѣли насады (стрѣла) готовить, а князи поѣхали въ Владимиръ: Изяславъ Глѣбовичъ переяславскій, Владимиръ Святославичъ, Мстиславъ Давыдовичъ смоленскій, Романъ и Игорь Глѣбовичи рязанскіе, Владимиръ муромскій, которыхъ князь в. принявъ съ любовью и честію, и проводилъ съ ними 5 дней, доколѣ получалъ извѣстіе, что войска суда изготовля поплы по Окѣ къ устью Клязьмы, и въ 6-й день, мая 20, самъ Всеволодъ со всеѣми князи поѣхалъ въ Городецъ, гдѣ его войска были готовы: другіе поплы по Клязьмѣ, и все совокупясь на устьѣ Оки, войска конныя отправили полемъ съ вое-

водами, сами пошли вниз по Волгѣ. Напереди шли Изяславъ Глѣбовичъ и Владимиръ Святославичъ, позади рязанскіе, а муромскій и смоленскій съ в. княземъ въ срединѣ; и тако пришли къ острову, называемому Сады, на устьи рѣки Цевцы (уны 8 днѣ: тутъ вышли на берегъ, пошеже войска конныя тутъ ихъ дожидались, и оставили на томъ острову лодіи и насады, да при оныхъ воеводѣ Оому Назаріевича съ Бѣлозерскимъ полкомъ, да Дорожае, которой прежде служилъ князю Олгѣ гаицкой, и другихъ начальниковъ, сами пошли на конѣхъ въ землю Болгарскую; Мордаа же миръ со Всеволодомъ учинили, и привозили въ войско великіе запасы продавать. Всеволодъ пришелъ ко граду серебряныхъ Болгаръ, сталъ у Тухчина городка, и пробывъ тутъ два дни, послалъ напередъ разъѣздъ къ великому городу, а въ 3-й день самъ пошелъ. Разъѣздъ же узрѣлъ въ сторонѣ полкъ стоящей, думалъ, что Болгары идутъ, стали приуготовляться къ бою, но вскорѣ отъ онаго прѣехали 5 человекъ, и объявили о себѣ, что они присланы отъ князя половецкаго Ямака, которой увидалъ, что князь в. идетъ съ войскомъ на Болгары, обихъ неприятелей, пришедъ здѣсь, велѣлъ спросить, есть ли вамъ непротивно, то онъ съ вами обще поидеть? Князь в. созвавъ князей всѣхъ и вельможъ совѣтовалъ, какую имъ отвѣтъ дать, и положили на томъ, что взять отъ нихъ роту, велѣлъ идти близъ полковъ русскихъ, что они охотно учинили, и пошли вкупѣ къ великому городу. Перешедши же Черенисъ пришли къ великому городу, и въ первый день устроили полки, стали совѣтывать, что дѣлать; ибо чаяли Болгаръ встрѣтить въ полѣ, но оныя всѣ заперлися во градѣ, и предъ градомъ укрѣпили оплотомъ крѣпкимъ, стали со всѣмъ войскомъ своимъ.

Изяславъ Глѣбовичъ переяславскій, бу-

лучи въ передовомъ полку, хотѣлъ первый опытъ учинить, видя пѣхоту болгарскую предъ оплотомъ стоящую, вооружа полкъ свой, пошелъ прямо ко граду, и приближась напалъ на оныхъ такъ мужественно, что оныя потерявъ немало людей, принуждены были уйти въ оплотъ, и гнали ихъ до самыхъ вратъ рубя и плѣня. Тутъ ударенъ былъ Изяславъ стрѣлою сквозь броню полъ сердце такъ тяжело, что уже принуждены его на рукахъ въ станъ отнести. Сіе учинило великую печаль Всеволоду, и всѣмъ князьямъ, паче же всему войску, зане храбрости его ради и добраго въ войскѣ распорядка у всѣхъ любимъ и почитаемъ былъ.

Въ то время Болгары собравъ советъхъ окольныхъ градовъ и предѣлъ *Кусане, Себи, Елмата*, такожь называемые *Мстими дюдичи* болѣе 5000, пошли въ лодіяхъ къ острову, гдѣ стояли насады рускіе, и изъ Тордеса пришли ко оному жъ конницею, и пришедъ вышли на островъ прямо на Рускихъ вопиюще, яко пожрени хотя; воеводы же рускіе, устроив полки своя, не хотѣли ожидать во окопѣ едѣлашномъ, разсудя, естьли они въ одномъ мѣстѣ въ окопѣ прорвутся, то всѣ придутъ въ смятеніе, пошли прямо противъ ихъ брегу. Болгары увидя войско, чего не чаяли, съ великимъ смятеніемъ не учиня бою, побѣжали къ своимъ дощеникамъ оставленнымъ, а Рускіе за ними погнавши, рубили ихъ и кололи, мало живыхъ брали. Оныя приближавъ къ Волгѣ, метались въ ихъ дощаники, и тутъ многіе тонули; дощаники бо отъ множества сѣдшихъ людей топились и опрокидались, гдѣ ихъ болѣе 2000 потонуло, а едва половина отъ всѣхъ въ дома возвратилась.

Князь в. стоялъ около града серебряныхъ Болгаръ 10 дней, и высылалъ князь болгарскій вельможъ просить о мирѣ. Всеволодъ, видя сыновца Изяслава изне-

могуща, учинилъ съ Болгары мѣръ, взявъ отъ нихъ дары многіе, паче же Рускихъ, бывшихъ въ плѣнѣ, сколько они имѣли, всѣхъ освободилъ, а которые вдалѣ развезены, общали всѣхъ отпустить, и потомъ со всѣми войска пошелъ пакы ко острову, гдѣ стояли насады, не вѣдая, что Болгары на оныѣ приходили и погибали; но пришедъ уже о томъ увѣдавъ, и весьма радовался о сугубой неприятелей побѣдѣ, и воздала хвалу Господу Богу; но радость та на угрѣ премѣнилась въ тяжкую печаль. Ибо преставился Изяславъ Глѣбовичъ, котораго положи въ лодию отправили на скоро во Владимиръ, и самъ Всеволодъ возвратился въ васадахъ, а конницу отъ рѣки Суры (нынѣ Сура) отпустилъ берегомъ на Мордву, которые идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали, и людей побивали. Оныѣ военныи пришедъ въ Мордовскую область, много селъ ихъ до рѣки Цны разорили, и со многими полономъ возвратились. Всеволодъ пришедъ во Владимиръ, велѣлъ Изяслава погребсти у св. Богородицы.

(Ист. Рос. В. Н. Татищева 1774 г. III, 248—252).

О томъ же П. С. Лѣт. I, 164—165, подъ 1184 г. и 169.

333. Отношенія къ Болгарамъ.

а. Въ лѣто 6728 (1221). Георгій в. князь, сынъ Всеволожъ, посла брата своего Святослава съ полки и военными на безбожныя Болгары. И яко приде Святославъ подъ градъ ихъ Опель, и изидоша изъ лодыи вси полки иѣши, идѣвши же си безбожныи Болгаре, скоро досиѣвши, ови на конихъ, а друзи иѣши, устремившася на бой и изидоша изъ града протаву; паши же, силою креста честна-

го укрѣпленій, помдоша противу имъ стрѣляюще я, ови же забѣгли за плоть⁽¹⁾, бѣзутся крѣпко, наши же разсѣша плоть, вбиша я въ градъ и отаиша у нихъ врага, и зажгоша градъ ихъ, и взяша ѣ на щить. И поможе Богъ Святославу м. юня въ 13 день, на память св. Амоса. (П. С. Лѣт. I, 188).

б. Того же лѣта (1229) страсть новаго мученика Христова, его же убиша Болгаре въ Великомъ градѣ ихъ: съ бысть много языка не Рускаго, хрестіянъ же сы, имѣюще имѣние много, гостебѣ (торговлю) дѣла по градомъ, вниде въ Болгарскій градъ, они же емше нудима ѣ много дѣи, ласканьемъ и прещеньемъ (уговорамъ), отверщися Христа и вѣры хрестіянскыя, оны же не покориша, но вся оставивъ, позволи паче умерети за Христа; устѣченъ бысть м. апрѣля въ 1 день, его же русь хрестіяне вземше тѣло положиша въ гробъ, идѣ же вси хрестіяне лежать и створи Богъ милость вскорѣ, за кровь его, погаръ у него большая половина города Великаго, а потомъ оставшая часть загорашется днемъ дважды и трижды; такоже и бысть по много дни, мало остана города, а все погорѣ, и товара погорѣ множество безчислено, за кровь мученика Христова. Того же лѣта Саксинъ и Половци възбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве Болгарскыи прибѣгоша, бѣени отъ Татаръ близъ рѣкы, ей же имя Янкъ.

в. Въ лѣто 6738 (1230), м. марта въ 9 день, 40 св. Мученикъ, принесенъ бысть Христовъ мученикъ Аврамій новыи изъ Болгарской земли въ славный градъ Володимѣрь, его же Болгаре въ мнѣвшее лѣто, м. апрѣля въ 1 день, много мучивше нудяще старевшия

(1) Плоть, оллотъ, плотина, стѣна.

крещенья, онъ же не отвержеса, но все оставль крѣпче свое, устѣченъ бы, и взаты быша мощи св. страстотерпца Аврамя, и принесенъ бывъ въ Володимерь, и в. кн. благочестивый Георгій устрѣге ѿ передъ городомъ за версту, съ великою честью, съ свѣщами, и епископъ Митрофанъ со вѣмъ кляросомъ и со игумены, и князьни съ дѣтми, и вси люди; и положенъ бысть въ церковь св. Богородица, въ монастыри великыя Княгиня Всеволожиѣ. (П. С. Лѣт. I, 192—193).

г. Въ 1236 г. «примедше безбожнѣ Татарове, поплениша всю землю болгарскую и извѣкоша всѣхъ мужей, женъ и дѣтей, а прочихъ въ полонъ взяша».

(Никон. л. подъ 1236 г.).

334. Битва съ Болгарами и казанскими Татарами.

Тое же зимы (1376) посылалъ кн. в. Дмитрей Ив. кн. Дмитрея Мих. Волинскаго ратию на безбожныя Болгары, а кн. Дмитрей Конст. суздальскій посла сына своа кн. Василиа и кн. Ивана, съ ними же бояръ и вой много; и привдоша къ Болгаромъ въ вел. говѣне, марта 16,

въ понед. на Вербной недѣли. Поганѣ же изыдоша противу ихъ и стаха на бой, и начаша стрѣляти, а нѣи въ города громъ пушаху стратаще Рускіе полкы, а нѣи изъ самострѣловъ стрѣлаху, а друзи на вельбудехъ выѣзжаша, полатще кони Рускіе; оны же никако же сего страпахуся, но крѣпко стаха противу на бой, и устремншася единодушно на нихъ, оны же оказннѣ побѣгоша въ градъ свой, и погоняша Русь по нихъ, бьюще ихъ, и убиша ту бесерменъ 70. Кн. же Болгарскій Асанъ и Махметъ салтанъ добиша челомъ вел. князю и тестю его кн. Дмитрію Костянт. двѣма тысячами рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысячами рублевъ, а дарагу (пошлинника) и таможенника посадиша князя вел. въ Болгарехъ, и отгядоша прочъ, много зла створивше поганымъ, суды ихъ и села и зимниці пожгоша, а людей извѣкоша.

(П. С. Лѣт. VIII. 24—25).

Волжскіе Булгары В. В. Григорьева. Библ. для Чт. 1836, т. 49, 1—32. О Булгарахъ. М. Гастева. Вѣст. Евр. 1827, ч. 456. № 21. 40. № 22. 102. Кеплена. Ж. М. Н. Пр. ч. XII, 64. Стверн. Архивъ ч. 27, № 9, 47. № 10. 126. № 11. 210. Библ. для Чт. 1847. LXXXII, 41—66. Френа. Die ältesten Arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren. Mem. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersb. VI serie, t. I. Ж. М. Н. Пр. ч. 49. 1846 г.

3. ТАТАРЫ.

335. Битва при Калкѣ послѣ 1227 ⁽¹⁾.

По грѣхомъ нашимъ, приидоша языцы незнаемъ, при Мстиславѣ князѣ Романовичѣ, въ 40-е лѣто княженья его въ Кіевѣ. И приде неслыханныя рать, безбожныи Моавитяне, рекомѣ Татарове, ихже добръ никтоже вѣсть ясно, кто суть и откогда приидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовутъ ихъ Татары, а нѣки глаголютъ Таурмени, а друзи Печенѣзъ, нѣки же глаголютъ, яко же се суть, о нихъ же Меоводій епископъ Патаромскій свидѣтельствуе: яко сѣи суть вышли изъ пустыни Египетскія, сущи межа востокомъ и сѣверомъ, ко скончанію времени авитися имъ, яже загна Гедонъ, и поплѣнати всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигръ до Персидскаго моря, кромѣ Еоіоніа. Богъ же едина вѣсть ихъ; но мы здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князей и бѣды, яже бысть имъ отъ нихъ. Слышахомъ бо яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Косагы; и приидоша на землю Половетьскую, Половецемъ же ставшимъ, а Юрьи Кончаквичъ ~~бѣ~~ бо лже всехъ Половецъ, не може стати противу лицу имъ. Бѣгающе же ему, Половци же не могоша противити имъ, побѣгоша до рѣкы Дѣвпра безбожныи Половцы, а иныхъ загна по Дову и въ лукоморѣ (*излучина, галичъ моря*) и тамо изомроша, убиваемы гнѣбомъ божьимъ и пречистыя его Матере; много

бо тѣ Половци зла створиша Русей земли, того ради всемилостивый Богъ, хотѣя погубити безбожныя сыны Измаиловы, Куманы, яко да отмѣстятъ кровь крестьянскую и еже бысть надъ нами безбожныи, побѣдиша и Татары, нѣхъ языкъ 7. И приидоша всю страну Куманьскую, и приидоша близъ Руси, а Котанъ съ нѣкими князьми и со останкомъ Половецъ прибѣгоша, идѣже зовется валъ Половецкій, а Давидъ Кобяковичъ и Урій убоена быста, а нѣки Половци мнози разбѣгоша въ Русскую землю. Сей же Котанъ бѣ тесть Мстиславу Мстиславичю галичскому, и приде съ поклономъ съ князи половецкими въ Галич къ князю Мстиславу, къ зятю, и ко всѣмъ княземъ русскимъ, и дары принесе многы, кони, вельбулы, и буйволы и дѣвки и одари князей русскихъ, а ркучи тако: «вашу землю отъяли девесъ, а вашу заутра возмуть пришедъ, поборохте насъ; аще не поможете намъ, мы нынѣ иссѣчени будемъ, а вы наутри иссѣчени будете.» И помолися Котанъ зятю своему о пособьи, Мстиславъ же нача молитися княземъ русскимъ, брати своей, рече: «аже мы, братіе, симъ не поможемъ, то се имуть предатися имъ, то ихъ болши будетъ сила;» и тако думаше много, и ашася пособити Котаню, моленія слушая князь Половецкихъ. Бызшу съѣзду всехъ князей въ градъ въ Кіевъ, и створиша съѣтъ сие: «луче бы ны естъ прѣти љ на чужей земли, нежели на своей;» и начаша вои строити которыйждо свою власть. Тогда бо бѣ Мстиславъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ Козельскій въ Черниговѣ, а Мстиславъ въ

⁽¹⁾ О томъ же въ П. Собр. Лѣт. I, 189; II, 163—165, III, 39—41; VII, 129—132.

Галичѣ, то бо бѣаху старѣйшины въ Русской земли, князя же великаго Юрья суздальскаго нѣту въ совѣтѣ томъ; се же пакы млади князи: князь Давило Романовичъ, князь Михайло Всеволодичъ, князь Всеволодъ Мстиславичъ кievскій, и ини мнози князи, тогда же князь половецкій крестися Басты, Василка же не бѣ, въ Володимери младъ. И совокупивше землю Русскую всю противу Татаромъ, и приидоша къ рѣцѣ Днѣпру на Зарубъ къ острову Варезьскому. Тогда увидавше Татарове, что идуть князи русскіи противу имъ, и прислаша послы къ княземъ русскимъ: «се слышимъ, оже противу намъ идете, послушавше Половецъ, а мы вашей земли не захомъ, ни городовъ захпихъ, ни селъ, ни на васъ приходомъ; но приходомъ, Богомъ попушени, на холопы наши и на конюси свои, на поганыи Половци, а возьмете съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолѣ, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того же ради мы ихъ отселѣ бьемъ.» Князи же русскіи того не послушаша, и послы татарскыи избиша, а сами поидоша противу имъ, и не дошедше Олешья, и стаща на Днѣпръ; и прислаша Татарове второе послы, глаголюще: «аще есте послушали Половецъ, а послы наши есте избили, а идете противу намъ, то вы поидѣте; а мы васъ не замаемъ ничимъ, то всемъ намъ Богъ,» и отпустиша послы ихъ. И приде ту вся земля Половецкая и вси ихъ князи, а изъ Кіева князь Мстиславъ со всею силою, а изъ Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичъ съ Чернѣговци, и вси князи чернѣговскіи, а изъ Смоленска на Зарубъ 100 мужъ и инѣмъ странамъ. Тогда же князь Мстиславъ галицскій пребродися Днѣпръ въ 1000 мужъ на сторожи татарскыи, и побѣди я, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою съ Гемябѣкомъ,

и ту имъ не бѣ помощи; и погребоша воеводу своего Гемябѣка жива въ землю, хотяще жива ублюсти, и ту наидоша его, и испросиша его Половци, и убѣша его. Слышавше же се князи русскіи, поидоша вся за Днѣпръ на множество людей, а Галичане и Волыньци кыйждо съ своими князьми, а Куряне, и Трубчане и Путивльци кыйждо съ своими князи, и придоша конми; а выгонци галицскыи приѣхаша въ лодяхъ по Днѣпру, и поидоша въ море, бѣ бо лодій 1000, и поидоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша пороги, и стаща у рѣкы у Хортици на броди на протолчѣ; бѣ бо съ ними Домамеричъ Юрьи, Держикрай Володиславичъ. Пришедшѣ вѣсти въ станы, яко пришли суть предвидѣти олады русскыи, слышавъ же Данилъ Романовичъ, и гнавъ всѣдъ на кони и сущи съ нимъ коници, и ини мнози князи съ нимъ гнаша видѣти рати; онѣмъ же отшедшимъ, Юрьи же имъ сказахъ, яко стрѣлци суть, ини же молвяху, яко простіи людѣи суть пуще и Половецъ; Юрьи же Домамеричъ молвяхъ: «ратници суть и добраа вои.» Приѣхавше сказахъ Мстиславу, Юрьи же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземъ: «Мстиславе и другій Мстиславе! не стоита, поидемъ противу имъ.» Преидоша же вси люди, и князи вси, и Мстиславъ чернѣговскій рѣку Днѣпръ. и поидоша на конехъ въ поле половецкое, и устрѣтоша Татарове полкы русскыи побѣдиша ихъ и гнаша въ поле далече, съкущи я, и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша, яко вси мѣ всемъ наполнитися скотомъ. И оттуда же поидоша по нихъ 8 днѣй до рѣкы Калкы, и ту ерѣтоша сторожеве Татарове, и удариша на Половцы Русскыи, сторожемъ же бывшимъ съ полкы русскимъ, и убѣенъ бысть ту Іоанъ Дмитреевичъ и иная 2 съ нимъ; Татаромъ же отѣхавшимъ прочъ, на рѣцѣ Кальцѣ устрѣтоша Татарове половецскыи полкы и русскыи. Князь же Мстиславъ Мсти-

славичь повелѣ преди перейти рѣку Калку Данилови съ полкы и имѣмъ полкомъ съ нимъ, а самъ по нихъ переиде; и заидоша за рѣку за Калку, и послаша въ сторожѣхъ Яруна съ полкы съ Половци, а сами станомъ стага ту, а князь Мстиславъ самъ ѣха вборзѣ послѣ. Видѣвню же ему полкы татарскыя, прѣхавъ рече, вооружитися повелѣ вборзѣ; а князю Мстиславу и другому Мстиславу, съядицима яма въ стану, не вѣдуцима, Мстиславъ же не повѣда имъ зависти ради, бѣ бо котора (распрѣ) межи ихъ велика. Сразившияся полкомъ на мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ, и Семьющъ Олюевичъ и Василко Гавриловичъ, и разидошася въ полкы татарскыя. Василкови же свободену бывшу, а Данилу болену бывшу въ перси, младенчества ради и буети не чюаше раны, бывши на тѣлеси его; бѣ бо върастомъ 16 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Данилови же крѣпко избивающую Татары, видѣвъ то Мстиславъ Нѣмый, имѣвъ яко Данилъ свободенъ бысть, потече и самъ въ нѣ; бѣ бо мужъ той крѣпockъ, понеже ужика сы Роману, отъ племяви Володимеря, прирокомъ Манамаха: бѣ бо велику любовь имѣя къ отцу его, ему же поручивши по смерти свою волость, дая князю Данилови. Татаромъ же бѣгающимъ, Данилови же избивающую а своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крѣпко бьющюся, тогда же Ярунъ и инѣи полци Половецѣсти ступишася съ ними, хотѣще битися, и Половци побѣгоша; и потопташа бѣжаще станы князей русскыхъ, а князи не уцѣлѣши сполчитися противу имъ, и смятошася вси полци русети, и бысть съча зла и люта, грѣхъ ради нашихъ русскимъ полкомъ побѣжепымъ бывшимъ. Данилъ же видѣвъ, яко крѣпчае брань татарская належитъ, и обрати конь свой и бѣжа отъ устремленія противныхъ, и вжада воды и пи, и почюти рану на тѣлеси своемъ, въ брани не позна ея крѣпости ради мужества

възраста своего; бѣ бо дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока. И бысть побѣда на вси князи русети, ака же не бывала отъ начала Русской земли никогдаже. Самъ бо великий князь Мстиславъ Кіевскій, видя се зло, не движесе никакоже съ мѣста; сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою Калкою бѣ бо мѣсто каменисто, и туго учиниша городъ съ кольемъ, и бѣся съ нимъ изъ града по 3 дни. А инѣи же Татарове повидоша послѣ Русскыхъ князей, бьюще ихъ и до Дитѣра, а у города остались два воеводы, Чегирканъ а Тешуканъ, на князя Мстислава и на зятя его Андѣя и Александра Дубравьскаго; бѣста бо ту два князя со Мстиславомъ. Ту же и Бродници быша старые, и военода ихъ Плеския, и тѣи окаянный пѣловавъ крестъ ко князю Мстиславу и обѣма княземъ, яко ихъ не избити и пустити ихъ на искупъ, и сълагавъ окаянный яредастъ ихъ связавъ Татаромъ, а городъ взяша, а люди посѣкоша; а князей имаша, издавши а подкладше подъ доски, а сами верху сѣдоша обѣдати, и тако князи живогъ свой скончаша. И много убійство безчисленное створиша, а иныхъ князей гонячи до Дитѣра 6 убѣта: князя Святослава яневьскаго, Изислава Ингноровича, Святослава шумьскаго, Мстислава чернѣговьскаго съ сыномъ, Юрья несвѣжьскаго, много воя кождо десятый приде; и Александръ Поповичъ ту убивѣвъ бысть съ инѣми 70 храбровъ. И тогда же князь Мстиславъ Мстиславичъ преди перебѣже Дитѣръ, и приде къ лодьямъ, повелѣ жещя а, инѣи сѣчи и отринуты отъ брега, бояся по себѣ погови отъ Татаръ, а самъ една убѣжа въ Галичъ: а молодѣи князи прибѣжали въ малѣхъ людѣхъ, а князь Володимеръ Рюриковичъ прибѣже въ Кіевъ и сѣде на столѣ. Сѣи же злоба створиша отъ Татаръ м. іюня въ 16 деиъ. Татаромъ же побѣдившимъ русскыя князя, за прегрѣшеніе хрестыанское, а до-

шедшимъ Татаромъ до Новгорода свято-шолчскаго, не вѣдущимъ же Руси лѣсти татарскимъ, исходящу противу имъ со кресты, они же избиша вся; и ожидааше Богъ покаяніа хрестіанскаго и обрати Татаръ вепль отъ рѣки Днѣпра на землю вѣсточную, и повоеваша землю Тано-гольскую и ины страны; тогда же Чаго-нязъ каплъ ихъ убіелъ бысть. Се же бысть намъ за грѣхи наша, Богъ вложи недоумѣніе въ насъ, и погыбе безъ числа много людей, и бысть вопль и взыда-хавіе и печаль по всемъ градомъ и по волостемъ. Сихъ же злыхъ Татаръ Таур-менъ не сибдаемъ, откуда были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять; только Богъ вѣсть.

(Полн. собр. Лѣтоп. т. I, стр. 216—219).

336. Намѣстніе Батія.

Въ лѣто 6745 (1237). На зиму при-доша отъ восточныхъ страны на рязань-скую землю, лѣсомъ, безбожнии Татари, и почаша воевати рязаньскую землю, и плъноваху и до Проньска; полѣнявши Рязань весь и пожгоша, и князя ихъ убиша, иже емше овы растахууть, дру-гые же стрѣлами растрѣлаху въ нѣ, а ини опаки руцѣ связывахууть; много же святыхъ церквей огнени предаша, и ма-настырѣ и села пожгоша, имѣнья не ма-ло обою страну взяша, потомъ поводоша на Коломну. Тое же зимы поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожъ, проти-ву Татаромъ, и еступнишася у Коломны, и бысть сѣча велика, и убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича, а иныхъ мужій много убиша у Всеволода; и прибѣжа Всево-лодъ въ Володимеръ въ малѣ дружинѣ, а Та-тарове идоша къ Москвѣ. Тое же зимы взяша Москву Татарове, и воеводу убиша Фили-па Нанка за правовѣрную хрестіаньскую

вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша отъ старѣ-ца и до сеуща младенца; а градъ и цер-кви святыхъ огнени предаша, и монасты-ри вси и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша. Тое же зимы выѣха Юрьн пѣтъ Володимера въ малѣ дружинѣ, урядитъ сыны свои въ себе мѣсто Все-волода и Мстислава, и ѣха на Волгу съ сыновци своими, съ Васякомъ и со Все-володомъ и съ Володимеромъ и ста на Сити станомъ, а ждучи къ собѣ брата своего Ярославъ съ полки, и Святослава съ дружиною своею; и нача Юрьн князь великий совокупляти вое противу Тата-ромъ, а Ярославъ Михайловичю прика-за воеводство въ дружинѣ своей. Тое же зимы придоша Татарове къ Володимерю, м. февраля въ 3, на память св. Семео-на, во вторникъ преже мясопуста за не-дѣлю. Володимерци затворишася въ градъ, Всеволодъ же и Мстиславъ бѣста, а вое-вода Петръ Ослядюковичъ. Володимерцемъ не отворяшася, и прѣхаша Татари къ Зо-лотымъ воротомъ, воя съ собою Володи-мера Юрьевича, брата Всеволожа и Мсти-славля; и начаша просити Татарове кня-зя великаго Юрьн, есть ли въ градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ на Тата-ры и Татарове также пустиша по стрѣлѣ на Золотые ворота; и посемъ рекоша Та-тарове Володимерцемъ: «не стрѣляйте». Они же умолчаша. И прѣхаша близъ къ воротомъ и начаша Татарове молвити: «знаете ли княжича вашего Володимера»? бѣ бо уныль-лѣцѣмъ. Всеволодъ же и Мстиславъ сто-яста на Золотыхъ поротѣхъ, и познаста брата своего Володимера. О уныленое ви-дѣнье и слезъ достойное! Всеволодъ и Мсти-славъ съ дружиною своею, и вся гража-ле плакахуся, зряще Володимера. А Та-тарове отшедше отъ Золотыхъ поротѣ, и объѣхаша весь градъ, и стаща станомъ предъ Золотыми враты назрѣмъ (на ви-ду), множество вой безчислено около все-го града. Всеволодъ же и Мстиславъ сжа-

листая, брата своего дѣла Володимеря, и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «братя! лучше ны есть уирети передъ Золотыми враты за св. Богородицю и за правовѣрную вѣру хрестыаньскую»; и ве да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: «си вся наведе на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ»... Створися велико зло суждальской землѣ, якоже зло не было ни отъ крещенья, яко же бысть нынѣ. Но то оставимъ. Татарове станы свои урядивъ у города Володимеря, а сама идоша, взяша Суждаль и святую Богородицю разграбиша, и домъ княжъ огнемъ пожгоша, и монастырь святаго Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша; а черницы и черницы старыя и поцы, и слѣпыя и хромыя и елукыя (*разслабленныя*) и трудоватыя, и люди все изѣкоша, а что чернець, уныхъ и черницъ, и поповъ и попадѣи и дяконы и жены ихъ, и дщери и сыны ихъ, то все ведомо въ станы свои, а сами идоша къ Володимерю. Въ субботу мясопустную почаша наряжати лѣсы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря; въ недѣлю мясопустную по заутренѣ приступиша къ городу, и февраля въ 7, на память св. мученика *Теодора Стратилата*. И бысть плачь великъ въ градѣ, а не радости, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженіе беззаконій нашихъ попусти Богъ поганья, не аки милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ встѣгнулися отъ злыхъ дѣлъ... И взяша градъ до обѣда; отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса выидоша по примету черезъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Ориновымъ воротомъ и къ Мѣдянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы къ Волжскымъ воротомъ, и тако вскорѣ взяша Новый градъ. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаши въ Печерный городъ; а епископъ Митрофанъ, и княгиня Юрьева съ дщерью и съ свохами и со внучаты, и прочіи княгини, Во-

лодимеря съ дѣтми, и множество много бояръ и всего народа людей затворишася въ церкви св. Богородица, и тако огнемъ безъ милости запалени быша. И помоляся боголюбивый епископъ Митрофанъ глаголя: «Господи Боже силъ, свѣтодавецъ, сѣдай на херувимѣхъ, и научи Осифа, и окрѣпивъ пророка своего Давыда на Голыяда, и въздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ! простри руку свою невидимо, и приими въ миръ душа рабъ своихъ»; и тако скончашася. Татарове же сплюю отвориша двери церковныя, и видѣша оны огнемъ скопчашася, оны же оружіемъ до конца смерти предаша; св. Богородицю разграбиша, чудную икону одраша, украшену златомъ и серебромъ и каменьемъ драгимъ, и монастыри пѣтъ и иконы одраша, а иныя изѣкоша, а ины поимаши, и кресты честныя и сосуды священичныя и книги одраша, и порты блаженыхъ первыхъ князей, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ, то же все положиши собѣ въ полонѣ... И убиенъ бысть Пахомъ архимандритъ монастыря Рождества св. Богородица, да игуменъ Успенский, Феодосій Спасьскій, и прочіи игумены и черницы и черницы, и попы и дяконы, отъ уного и до старца и сущаго младенца; и та вси исекоша, оны же недуде босы и безъ покровень пѣтъ страши свои, издыхающа мразомъ. И бѣ влѣти страхъ и трепеть, яко на хрестыанскѣ родѣ страхъ и колебанье и бѣда упространися. Согрѣшихомъ, казнимъ есмы... Татарове поплѣниша Володимеръ, и поидоша на в. кн. Георгія оканѣи ти кроводѣици, и ови идоша къ Ростову, а иви къ Ярославу, а иви на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерьскаго; а иви идоша на Переяславль, и тѣ взята, и оттоявъ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, даже и до Торжку, и итѣтъ мѣста, ни вси, ни селѣ тацѣхъ рѣдко, итѣже не воеваша на суждальской

земли; и взяша городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяць февраль. Но мы на предняя звидѣмъ. Яко приде вѣсть къ в. кн. Юрю: «Володимеръ взять и церкви сборная, и епископъ и княгини съ дѣтьми и со снохами и со внуцаты огнемъ скончашася, а старѣшая сына Всеволодъ съ братомъ внѣ града убитъ, люди избиты, а къ тобѣ идуть»; онъ же се слышавъ възпи гласомъ великимъ, со слезами, плача по правотѣрнѣй вѣрѣ хрестыанствѣй преже, и наипаче о церкви и епископа ради и о людехъ, бѣше бо милостивъ, нежели собѣ и жены и дѣти; и въздохнувъ изъ глубины сердца, рекъ: «Господи! се ля бы годѣ твоему милосердью?» Новый Ювъ бысть терпѣливъ и вѣроу яже къ Богу. И нача молитися, глаголя: «увы мнѣ Господи! лучше бы ми умерети, нежели жити на свѣтѣ семъ; нынѣ же что ради остахъ азъ единъ?» И ещѣ ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша Татарове, онъ же отложивъ всю печаль, глаголя: «Господи Боже мой! на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя». И поидоша безбожнии Татарове на Сить противу в. к. Гюргю, слышавъ же князь Юрги, съ братомъ своимъ Святославомъ, и съ сыновци своими, Василкомъ и Всеволодомъ и Володимеромъ, и съ мужи своими, поидоша противу поганымъ. И сеступишася обон, и бысть съча зла: и побѣгоша наши предъ иноплеменины, и ту убьенъ бысть князь Юрь, а Василка яша руками безбожнихъ, и поведоша въ станы свѣтъ. Се же зло сдѣся м. марта въ 4 день, на память св. мученику Павла и и Ульяны. И ту убьенъ бысть князь в. Юрь на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша; блаженный же епископъ Киряль взя князя мертва, идый съ Бѣлаозера, и пренесе ѥ въ Ростовъ, и пѣвъ надъ нимъ обычныя пѣсни со игумены и съ клирошаны и съ поцы, со многими слезами, вложиша ѥ въ гробъ у святое

Богородици. А Василка Костантиновича ведоша со многою нужею до Шерньского лѣса, и яко сташа станомъ, нудиша ѥ много проклятиа Татарове обычаю поганьскому быти въ ихъ воли и воевати съ ними; но никакоже не покориша ихъ безаконью, и много сваряше я, глаголя: «О глухое царство скверное! никакоже мене не отведе хрестыанское вѣры, аще и велми въ велицѣ бѣдѣ есмь; Богу же какъ отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте безъ правды? ихъ ради мучити вы имать Богъ въ безконечныя вѣкы, истязеть бо Господъ дупѣ тѣ, ихже есте погубили». Они же възскрежаташа зубы на нь, желающе насытитися крове его. Блаженный же князь Василко помолися, глаголя: «Господи Иисусе Христе! помагавый ми многожды, избави мя отъ сихъ плотоядецъ». И пакы помолившись рече: «Господи Иисусе Христе Вседержителю! прими духъ мой, да и азъ почю въ славу твою». И се рекъ, абѣ безъ милости убьенъ бысть. И повержену на лѣсѣ, видѣ ѥ етера (ныкая) жена вѣрна, и повѣда мужю богобоязливу поновичу Андрияну, и взя тѣло князя Василка и понявицею обить, реку (т. е.) саваномъ, и положи его въ скровѣтъ (скрытомъ) мѣстѣ. Увѣдѣвъ же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгини Василкова, послаша по князя, принесоша ѥ въ Ростовъ; и яко понесоша ѥ въ градъ и множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающа, оставше такоу утѣшеня. Рыдаху же народа множество правотѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя отходяща, печальнымъ утѣшенье великое, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну зашедшую; на весь бо церковный чинъ отверзалъ башетъ ему Богъ отъ сердечнаго, и веѣмъ церковникомъ и нищимъ и печальнымъ яко възлюбленный бѣше отецъ, паче и на милостыню прилѣжа, поминая слово Господне, глаголющее: блаженъ милостивъ, яко ти помилуванъ будеть, и

Соломонъ глаголетъ: милостынями и вѣрою очищаются грѣси, тѣмъ же и не погрѣши надежи, его же просяще у Бога: Господи! спаси любящихъ тя. Сего бо блаженнаго князя Василка спрочте Богъ смерти подобна Андреѣвъ, кровью мученичскою омывся прегрѣшній своихъ, съ братомъ и отцемъ Георгіемъ съ великимъ княземъ. Се бо и чудно бысть, ибо и по смерти совокупи Богъ тѣлеси ею: принесоша Василка и положиша ѿ въ церкви святыя Богородица въ Ростовѣ, вѣже и мати его лежить, тогда же принесоша голову великаго князя Георгія, и вложиша ю въ гробъ къ своему тѣлу. Бѣ же Василко лицомъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ и чашю пилъ и дары вичалъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше. Мужество же и умъ пѣ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо всему хитръ и гораздо умѣя, в поствѣ въ добродѣствѣхъ на огни столѣ и дѣдѣхъ, и тако скончася, якоже слышасте.

(Пол. Собр. Лѣт. I, 196—199).

337. Побойща Батыя (1).

Въ лѣто 6745 (1237). На зиму придоша безбожци Измаляне, прежде бывшеса со князи рускими на Каякохъ. Бысть первое приходъ ихъ на землю рязанскую, и взяша градъ Рязань копьемъ, изведше на лѣсти князя Юрия и введоша Прыньску, бѣ бо въ то время княгиню его въ Пры-

ньскы; изведоша княгиню его на лѣсти, убиша Юрия князя и княгиню его, и всю землю избиша, и не пощадиша отрочать до ссушихъ млека. Киръ (господинъ) Михайловичъ же утече со своими людьми до Суждала, и повѣда в. кн. Юрьевъ безбожныхъ Агаряи нашествіе; то слышавъ в. князь Юрий, посла сына своего Всеволода со всеми людьми, и съ нимъ киръ Михайловичъ. Батыевъ же устремляюща на землю суждальскую, и срѣте ѿ Всеволода на Колоднѣ; и бившиса имъ и падшимъ многымъ отъ нихъ отъ обояхъ, побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленныхъ на землю и грады его. Юрий же князь, оставивъ сынь свой во Володимирѣ и княгиню, изыде изъ града, и совокупляющу ему около себе вой и не имѣющу сторожъ, изѣхашъ бысть незаконнымъ Бурундаемъ, весь городъ изогна и сажана князя Юрия убиша. Батыевъ же стоящу у града, борющуся крѣпко о градъ, молвлящимъ имъ лѣстью гражданомъ: «гдѣ суть князи рязанетѣхъ, вашъ градъ и князь вашъ великій Юрью? не рука ли наша емиши ѿ смерти предъ?» И услышавъ о семъ прендобный Митрофанъ епископъ, начатъ глаголати со слезами ко всемъ: «чада! не убоявша о прельщеніи отъ вѣстивыхъ, не прѣимемъ си во умъ тлѣннаго сего и скоромниющаго житія, по ономъ скоромниющемъ житіи пошечемъ, еже со ангелы жити; аще и градъ нашъ плѣните конемъ возмутъ и смерти ны предадутъ, азъ о томъ, чада, поручивъкъ есмь, яко вѣща не тлѣннаа отъ Христа Бога прѣимете»... О семъ же словеса, слышавше вси, начаша крѣпко боротися. Татаромъ же пороки (стѣнобитныя орудія) градъ бьющимъ, стрѣлами безъ числа стрѣляющимъ, се увидѣвъ князь Всеволодъ, яко крѣпче брань належитъ, убояся, бѣ бо и самъ младъ, самъ изъ града изыде съ маломъ дружины, несъ со собою дары многи: надѣяшеся отъ него животи

(1) Для сравненія изъ другаго списка лѣтописей.

пріяти; оу же, яко свѣрпый звѣрь, не пощади унести его, велѣ предъ собою зарѣзати и градъ весь избѣе. Епископу же преподобному во церковь убѣвшу, со киягинюю и съ дѣтми, и цевелѣ нечестивый огньмъ зажечи: ти тако душа своя предаша въ руцѣ Богу. Градъ ему избѣвшу Володимеръ, повлѣни грады суждальскіе и приде ко граду Козельску; будущу въ немъ князю младу, именемъ Василью, утѣдавши же нечестивия, яко умъ крѣпкодушный имѣють людье въ градѣ, словеса лестными не возможно бѣ градъ пріяти. Козляне же съвѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше: »яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ жрвотъ свой за нѣ; и едѣ славу сего свѣта примѣе, и тамъ небесныя вѣнцы отъ Христа Бога примѣе«. Татаромъ же быющимъ о градѣ, пріяти хотящимъ градъ, разбившимъ граду стѣну и вознѣдоша на валъ Татарѣ; Козляне же ножи рѣзахуся съ ними, съвѣтъ же створиша изыти на полькы татарскыя, и испедше изъ града пѣшкоша прѣща ихъ, внадаше на полькы ихъ и убиша отъ Татаръ 4 тысящи, и самъ же избѣени быша. Батый же взя городъ, избѣи все, и не пощаждѣ, отъ отгачать до сосущихъ млеко; о князи Васильи невѣдомо естъ, ниин глаголаху, яко во крови утонулъ естъ, понеже убо младъ баше. Оттуду же въ Татарѣхъ не смѣють его нареци градъ Козлескъ, но градъ злый, понеже бинася по семь недѣль; убиша бо отъ Татаръ сыны темничъ 3, Татарѣ же искавши и не могоша ихъ изыайти во множествѣ группъ мертвыхъ. Батыевѣ вземлю Козлескъ, и поиде въ землю воловецкую. Оттуду же поча посылати на грады рускыя: и взятъ градъ Переяславъ копеймъ, избѣи все, и церковь архангела Михаила скрутилъ и сосуды церковныя безчисленныя злагыя и драгатаго каменя взятъ, и епископа прѣпод. Семеона убиша. Въ то же время посла на Черняговъ: обступаша градъ въ

силѣ тяжцѣ, слышавъ же Мстиславъ Глѣбовичъ нападение на градъ кнѣпле-меньныхъ, приде на нѣ со всеми вой; бышмѣся имъ, побѣженъ бысть Мстиславъ и множество отъ вой его избѣенныхъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмъ, епископа оставиша жива и ведоша ѥ во Глуховъ. Меньгуканови же пришедшу сгладать града Кыева, ставшу же ему на оной странѣ Дѣтира во градка Песочного, видивъ градъ удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои къ Михаилу и ко гражаномъ, хотя ѣ прельстити; и не послушаша его...

Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города и отроки его обѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипачия телѣтъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рѣжанія отъ гласа стада конь его; и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ. Яша же въ нихъ Татарина, именемъ Товрулъ, и тѣ исповѣда имъ всю силу ихъ; се бяху братья его сильныи воеводы: Урлюй, Байдаръ, Барюй, Какдиль, Бечакъ и Меныгу и Кююкъ (иже вратися утѣдавъ смерть канову (канову) и бысть каномъ, не отъ роду же его, но бѣ воевода его перъвый), се Бѣяй Богатуръ и Борунъдой богатырь, иже взя болгарскую землю и суждальскую, нинѣхъ безъ числа воеводѣ, ихъ же не исписахомъ здѣ. Постави же Баты пороки городу, подѣвъ звать Лядскыи, ту бо бѣзху пришли дебри; порокомъ же беспрестани быющимъ день и ноцъ, выбиша стѣны, и вознѣдоша горожаны на избѣтъ (конецъ) стѣны, и ту бѣаше видѣти ломъ копейни и пить скелани, стрѣлы омрачаша свѣтъ побѣженнымъ; а Дмитрови ранену бывшу, взидаша Татарѣ на стѣны и сѣдоша того днѣ и ноци. Гражане же создаша пѣкы другія градъ, около слятое Богоро-

днѣ. Наутрѣ же придоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика, людемъ же убѣвшимъ на церковь и на комары церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя, и пріять бысть градъ сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его. Въ то же время ѣхалъ быше Данилъ во Угры королевѣ, и еще бо бѣлеть не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Киевъ, Батыю же взявшю градъ Киевъ и слышавшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимѣрю и приде къ городу Колодяжну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолвливати люди; они же, послухавше злого свѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславу, взять я; видивъ же Кремьянецъ градъ Даниловъ яко невозможно пріяти ему и отъиде отъ нихъ и приде къ Володимѣрю, и взя и копьемъ и изби и не щадя, тако же и градъ Галичъ, иныи грады многы, имъ же вѣсть числа. Дмитрова же, Киевскому тысяцкому Данилову, рекшу Батыевѣ: «не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже пойти; аще ли встряпаеши, земля ти есть сильна, сберутся на тя и не пустятъ тебе въ землю свою»; про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую отъ нечестивого. Батый же послуша свѣта Дмитрова, иде во Угры, Король же Бѣла и Коломанъ срѣте ѣ на рѣцѣ Солоной; бившимся имъ полкомъ, бѣжаша Угре, и гнаша ѣ Татарѣ до рѣкѣ Дуная; стояша по побѣдѣ три лѣта. Прже того ѣхалъ бѣ Данило князь къ королевѣ во Угры, хотя имѣти съ нимъ любовь сватства: и не бы любви межи ими и веротися отъ короля, и пріѣхавъ въ Синеволодьско во монастырь святыя Богородица, на утрѣ же возставъ видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ, и веротися назадъ въ Угры, не

може бо пройти Рускоѣ земли, зане мало бѣ съ нимъ дружины; и оставивъ сына своего во Угрѣхъ и не вѣдасть ѣ въ рудѣ Галичаномъ, вѣдаа невѣрствіе ихъ, про то его не поя съ собою, иде изе Угоръ во Ляхы, на Бардучевъ, и приде во Судожирь. Слыша о братѣ си и о дѣтѣхъ и о княгини своей, яко вынли суть изъ Рускоѣ земли въ Ляхы предъ безбожными Татары, и погоснуса (*по-старался*) вискати ихъ, и обрѣте ихъ на рѣцѣ, рекомѣй Полцѣ; и возрадонашася о совокупленіи своемъ, и жалишася о побѣдѣ землѣ Рускоѣ и о взятіи градъ отъ иноплеменикъ множества. Данилови же рекшу, яко «не добро намъ стояти сдѣ близъ воюющихъ насъ иноплемениковъ», иде въ землю во Мазовьскую ко Болеславу, Кондратову сынови; и вдасть ему князь Болеславъ градъ Вышегородъ, и бысть ту, дондеже вѣсть пріа, яко сошли суть изъ землѣ Рускоѣ безбожнии, и возвратися въ землю свою.

(*Inam. 175—178*).

338. Сказаніе о Татарѣхъ Плато Карпини 1245.

Татары имѣли широкое лицо съ большими скулами, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Они были не высокаго роста и сухи тѣломъ, а лицомъ смуглы и рябы. Они брили волосы отъ макушки къ ушамъ и спереди на збу на два пальца, отпускали усы и длинныя косы позади. Жили они въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ войлокомъ. посрединѣ юрты разводили огонь, и дымъ отъ него уходилъ въ отверстіе, бывшее на верху. Такія юрты Татары легко разбирали, когда нужно, или и не разобранныя возили за собою на гелѣгахъ. У нихъ было множество скота: верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей; ѣли они всякое мясо и жидкую кашу изъ проса, и не знали хлѣба, — ѣли все нечистыми руками, обтирая ихъ о сапоги или о траву, не мыли ни котловъ ни одежды, упивались до-пьяна кумысомъ (кобыльимъ мозокомъ). Мужчины ничего не дѣла-

ютъ, какъ только стрѣляютъ изъ луковъ, за-
немного присматриваютъ за стадами. Всѣ
они отличные стрѣлки: дѣти двухъ, трехъ
лѣтъ уже ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ въ
цѣль. Дѣвушки и женщины также ѣздятъ
верхомъ и хорошо плаваютъ лугами. Онѣ
однѣ занимаются хозяйствомъ и очень трудо-
любивы: стряпаютъ, шьютъ платье, сапоги,
чинятъ телеги, выючатъ верблюдовъ. Вообще
онѣ были въ уваженіи, и жена хана садилась
на тронѣ рядомъ со своимъ мужемъ. Татары
вѣрили въ одного Бога, но также дѣлали идо-
ловъ изъ войлока и шелковой матеріи на по-
добіе людей, ставили ихъ противъ дверей
юрты и молились имъ, какъ покровителямъ
скота. Они боготворили также своихъ умер-
шихъ хановъ и поклонялись солнцу, лунѣ,
водѣ и землѣ. Но вообще у нихъ было мно-
го терпимости въ вѣрѣ, и христіанскіе свя-
щенники исполняли свою службу въ ставкѣ
самаго хана. Татары держались разныхъ суе-
вѣрій: считали за грѣхъ дотронуться кожею
до огня, ловить и бить молодыхъ птицъ, пе-
реломить кость о кость, пролить на землю
молоко или другой напитокъ: но убивать лю-
дей было у нихъ ни по чему. Они сильно
вѣрили гаданьямъ и чарамъ, думали что огонь
все очищаетъ, и потому пословъ проводили
между двухъ огней, чтобы они не сдѣлали
вреда ихъ хану: волхвы и гадатели у нихъ
имѣли большую власть. Когда татаринъ за-
хвораетъ, то передъ шатромъ ставятъ коще,
обвитое чернымъ войлокомъ: это значило,
что посторонніе должны удалиться, отъ уми-
рающаго удалялись и родные. Кто былъ при
умершемъ, тотъ до новой луны не могъ ви-
дѣть ни хана, ни князей. Знатныхъ хороши-
ли тайно, и въ могилу ставили пищу, осѣ-
дланнаго коня, серебро и золото; телега и
ставка покойнаго сжигались, и имя его не
произносили даже до 3-го похоронія. У та-
таръ никто не могъ называть какой нибудь
вещи своею: скотъ и люди—все принадлежа-
ло хану. Воеводы имѣли подобную же власть
надъ своими подчиненными. Татары были не-
обыкновенно послушны своимъ начальникамъ,
рѣдко брались между собою и никогда не
дрались; воровъ у нихъ вовсе не было, и юр-
ты и кибитки ихъ никогда не запирались.
Они охотно помогали другъ другу, и терпѣливо
переносили невзгуду: дѣвъ, два не побѣдить
ничего незначило; поютъ и играютъ, какъ
будто сытно пообедали. Но за то, какъ были
они ласковы и обходительны между собою,
такъ жестоки къ другимъ народамъ. Жадные,
свирѣпые, лживые и коварные, они жили
грабежомъ и убійствомъ.

Въ войскѣ Татаръ были начальники надъ
десятками людей, надъ сотнями и надъ тыся-
чами: десятники, сотники, тысячники; надъ
десятью тысячами былъ особый начальникъ,
и такое число называлось «тымою», а сторо-
жевые отряды назывались караулами. Бѣжав-

шихъ съ поля битвы убивали; если изъ де-
сятки кто нибудь попадалъ въ плѣнъ и това-
рищи его не освобождали, то ихъ также уни-
жали.

Каждый татаринъ имѣлъ при себѣ лукъ,
кочанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобы
тащить осадныя машины. Кто побогаче, имѣлъ
кривую саблю, шлемъ, броню и лошадей; иног-
да дѣлали броню для себя и для лошади изъ
кожи, иногда вооружались копьями и щитами
изъ хвороста. Когда татары входили въ чу-
жую землю, то посылали передовые отряды,
которые ничего не грабили, а старались толь-
ко убивать какъ можно больше людей; по-
томъ слѣдовалъ войско, которое уже все жгло
и истребляло на пути. Черезъ болотныя рѣки
они переправлялись на кожаныхъ мѣшкахъ
съ пожитками: эти мѣшки они привязывали
къ хвостамъ лошадей, которыхъ пускали
вплавь. При встрѣчѣ съ неприятелемъ, пере-
довой отрядъ бросить 3—4 стрѣлы, и, если
видѣть, что не въ силахъ одолѣть, пускаются
бѣжать, чтобы заманить неприятеля въ засаду.
Болѣе 40 лѣтъ они вели войны, и были опыт-
ными и хитрыми народомъ въ битвѣ. Вожди
ихъ сами не сражались, а стояли вдали, окру-
женные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ;
иногда сажали на лошадей чучель, чтобы ка-
залось больше войска. Прямо противъ неприя-
телей высылали они отряды изъ покоренныхъ
народовъ, а самыхъ храбрыхъ людей посылали
толпами вправо и влѣво, чтобы потомъ вдругъ
обхватить противниковъ. Они были не охот-
ники до ручныхъ схватокъ, а не рѣдко спа-
чала бѣжали, стараясь, какъ можно больше
перебить людей и лошадей стрѣлами, а по-
томъ уже схватывались съ ослабленными не-
приятелями. Осаждая крѣпкіе города, они раз-
бивали стѣны машинами, бросая стрѣлы въ
осажденныхъ, бились днемъ и ночью, и одинъ
отрядъ безпрестанно замѣнялъ другимъ, не-
давая покою противнику. Они умѣли бросать
огонь изъ машинъ, отводили рѣки отъ горо-
довъ, или потопами города, дѣлали подкопы,
огораживали свой станъ, чтобы неприятель-
скія стрѣлы не вредили имъ. Но прежде,
чѣмъ начать долгую осаду, они старались
угговорить жителей сдаться, а, когда тѣ со-
гласялись, татары говорили: «Выходите, чтобы,
по своему обычаю, мы могли пересчитать
вашъ». Когда жители выйдутъ, они спраши-
вали: кто знаетъ какое нибудь искусство или
ремесло? Такихъ они сохраняли, и также
тѣхъ, кого выбиралъ въ рабы, а прочихъ из-
бивали; людей знатныхъ, вельможъ и бояръ
они никогда почти не оставляли въ живыхъ.
Назначенныхъ къ смерти распределяли по
сотникамъ, которые раздавали ихъ своимъ
людямъ, по 10 каждому, и эти рубили ихъ
топорами. Чингисъ-Ханъ завѣщалъ Монго-
ламъ завоевать всѣ народы. Когда какой ни-
будь народъ покарался, то они требовали, что-
бы всѣ жители шли съ ними на войну по

первому зову, и давали 10-ю часть всего: людей и вещей; они брали также 10-го отрока и дѣвицу и отводили ихъ въ рабство въ свои кочевья, а остальныхъ перечисляли для сбора подати. Князья завоеванныхъ земель также должны были ѣхать въ Орду и привозить богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ и сотникамъ; князья часто погибали въ Орду, или возвращались, оставляя заложниками сыновей своихъ и братьевъ; Татары посылали въ ихъ земли баскаковъ, которымъ въ должны были повиноваться; съ баскаками шла толпа Татаръ, которые грабили и убивали, кого угодно.

Батый жилъ на берегахъ Волги, имѣлъ около себя до 600,000 войска, 160,000 татаръ и 450,000 иноплемениковъ. Пословъ вели къ его ставкѣ между двумя огнями; они должны были нѣсколько разъ кланяться и войти въ шатеръ, не дотрогиваясь до порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи сидѣли на скамьяхъ, а другіе на землѣ: мужчины по правую сторону, а женщины по лѣвую. Принимая пословъ Батый и его вельможи пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ: при этомъ играла музыка и пѣли пѣсни. Ханъ имѣлъ лицо красноватое; онъ былъ ласковъ въ обращеніи, но всѣ его боялись. Отсюда Карпини отправился къ великому хану въ Монголію. Тогда Октай уже умеръ и готовились избрать сына его, Гаюка; до того времени управляла Монголами мать Гаюка. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣщать болѣе 2,000 человекъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Ихъ одежда на первый день была бѣлая, на другой—красная, на третій—синяя, на четвертый—алая. У воротъ стояли воины съ мечами наголо. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и угощали имъ пословъ. Такъ прошло съ мѣсяцъ; потомъ дворъ переехалъ въ другое мѣсто, и тутъ поставили шатеръ, подъ названіемъ: «Золотая Орда», украшенный богатыми тканями и золотомъ. Тутъ избрали Гаюка; вельможи долго молились, смотря на югъ, потомъ посадили Гаюка на тронъ и стали передъ нимъ на колѣни, а послѣ свели съ трона и посадили на войлокъ. Когда обѣ стороны дали клятву, то Гаюка подняли на рукахъ, провозгласили ханомъ и принесли къ нему множество серебра, золота и дорогихъ камней. Послѣ избранія, Гаюкъ принималъ разныхъ пословъ съ дарами, не вдалекѣ отъ шатровъ паходилось болѣе 500 телегъ съ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами: все это роздано чиновникамъ.

Карпини познакомился при дворѣ хана съ однимъ Русскимъ, который былъ любимцемъ Гаюка и сдѣлалъ для него печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и дорогими камнями, съ разными изображениями. Онъ видѣлъ здѣсь также рус-

скаго князя Ярослава, пріѣхавшаго изъ Владимира съ поклономъ. Вельможи хана обходились съ Ярославомъ довольно учтиво, но онъ никогда не садился выше своихъ приставовъ, онъ и умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. Въ этихъ дальнихъ странствіяхъ погибли многіе Русскіе; самъ Карпини видѣлъ въ степи кости бояръ Ярослава, умершихъ съ голоду. Русская земля тогда уже была обложена данью. Баскакъ, посланный отъ Батыя и Гаюка, навсхвалъ множество людей безъ разбора, переписавъ всѣхъ жителей Россіи какъ данниковъ, и обложилъ каждого шкурою бѣлого медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисью, а не платившіе дани сдѣлались рабами Монголовъ. Впрочемъ по закону Чингисъ-Хана, духовенство избавлялось отъ подати.

(Въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ записки Плано-Карпини напечатаны въ «Собрании путешествій къ Татарамъ». Изд. Азюкова, Спб. 1823).

Когда страшныя татарскія орды угрожали завоеваніемъ Европы, папа Иннокентій IV на соборѣ въ Лионѣ опредѣлилъ отправить посольство къ страшнымъ врагамъ христіанства. Въ числѣ пяти монаховъ посланъ былъ Іоаннъ де Плано-Карпини въ 1245 г. Послы получили наставленіе отращать Татаръ отъ Европы и побуждать къ войнѣ съ Сарацинами и Турками, пытаться склонить монголовъ къ христіанству и собрать свѣдѣнія объ-этомъ мало-известномъ народѣ. Плано-Карпини отправился черезъ Германію, Богемію, Силезію и Польшу въ Киевъ, бывшій тогда во власти Татаръ, оттуда черезъ Днѣпръ, Донъ и Волгу въ Килыкъ, который владѣлъ Батый. Отсюда поѣхалъ черезъ земли Кумановъ къ хану Гаюку, начальнику всѣхъ Монгольскихъ Орды, и возвратился въ Европу послѣ 16 мѣсячнаго странствованія. Лучшее изданіе, критически обработанное, Записокъ Плано-Карпини слѣд: „Relation des Mongols ou Tartares par le Frère Iean Du Plan de Carpin de l'ordre des Freres Mineurs, legat du Saint Siege Apostolique, Nonce en Tartarie pendant les années 1245. 1246, 1247. et Archeréque d'Antirari. Paris. 1838“.

339. О мученической кончинѣ черниговскаго князя Михаила и боярина Феодора п. 1246.

Сій блаженный в. кн. Михайло отъ уныя версты Бога възлюбѣ и пречистую

его Матерь, и умъ свой къ нему вперявъ кротостію и милостіею къ убогимъ и вся пустошная міра сего отвергъ, богатьство и славу суетную, иже есть хужше научины. Бысть нахождение безбожныхъ Татаръ на землю Русьскую, гнѣвомъ божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ; якоже при Нои и яко при Лотѣ казнь божія на землю нахождааше, такоже и въ послѣдняя времена сія наведе Богъ рукою своею на землю христіанскую. Се же грядущю гнѣву божію, бысть языкъ посланъ пезнаемъ отъ Бога, скруши грады, побѣжая брани, оуи убо затворишася въ градѣхъ, а же князю Михайлу держащю Кіевъ тогда, и пріѣхаша послы отъ царя Батыя, онъ же слышавъ словеса лести ихъ, и повелѣ ихъ избити, а самъ побѣжа въ Угры и съ домашними своими; инія же бѣжаша въ дальнія страны, инія же крѣхуся въ пещерахъ земныхъ, а инія затворишася въ градѣ: то тѣ со слѣзами и покаяніемъ Богу молящася, ти тако отъ поганыхъ немилостивно избіени быша, а иже крѣхуся въ горахъ, и въ пещерахъ и въ лѣсѣхъ, мало тѣхъ остана, тѣхъ же непоколицѣхъ временехъ оставиша въ градѣ, и сочтота въ число, и начата на нихъ данъ имати. Се же слышавъ в. кн. Михайло, възвратися къ Кіеву и вси люди съ нимъ, и аже бѣху разбѣглися на чужіе земли приидоша на свою землю. Татарове же начаша звати нужю къ канови и Батыеву, глаголюще имъ: «не подобаетъ вамъ жити на земли Батыевѣ и кановѣ не поклонившася имъ;» мнози же ѣхавше поклонилися ему. Обычай бо имѣя канъ и Батый, аще кто придегъ поклонитися имъ, не повелѣваша первіе привести предъ ся, но приказано бѣше волховъ вести я сквозь огонь и поклонитися кусту, и огневи, и идоломъ ихъ; а иже что приношаху съ собою дары царевн, и отъ всего того взимающе волсви, и меташу въ огонь, тоже предъ царя пушаютъ са-

мѣхъ съ дары. Мнози же князи съ бояры своими идаху сквозь огонь, и кланяхуся кусту и идоломъ, славы ради свѣта сего и прашаху койждо себѣ власти; они же безъ взбраненія азяхути лѣтъ, да прелестятъ я славою свѣта сего. Преподобному же в. кн. Михайлу пребывающу въ Черниговѣ, и видѣ мнози прелещащася славою свѣта сего, и посла Богъ благодать и даръ св. Духа на нь, и вложи ему въ сердце ѣхати предъ царя Батыя и обличити прелесть его, еюже лествятъ христіаны. И пріѣха къ отцю своему духовному и повѣда ему, глаголя: «хочю ѣхати предъ царя Батыя.» И отвѣща ему отецъ его Иванъ: «мнози ѣздивше створиша волю поганого, прелестишася славою свѣта сего, идоша сквозь огонь, и поклонилися кусту и солнцю, и погубиша души и тѣлеса своя; и ты сыну княже Михайле, аще хоцеша ѣхати, не створи тако якоже прочіи, не иди сквозь огонь, ни поклонися кусту ни идоломъ ихъ, ни брашна ихъ яжъ, ни пиія ихъ пій, и не приймай ничтоже скверна во уста своя; но исповѣжь вѣру христіанскую, яко не достоятъ христіаномъ ничему же кланятися твари, но токмо единому Господу нашему Іесу Христу.» Великій же князь Михайло и Феодоръ бояринъ его глаголаста ему: «молитвою твоею, отче, акоже Богъ въсхоцетъ, тако да будетъ; азъ бы того хотѣлъ, что за Христа моего кровь свою проліяти и за вѣру христіанскую;» такоже и бояринъ его Феодоръ глаголаше. И глагола имъ отецъ ихъ духовный: «вы будете въ нынѣшній вѣкъ новоявленіи мученика христова на утверженіе вѣрнымъ челоукомъ, аще тако створата челоуцьскы.» Великій же князь Михайло и бояринъ его Феодоръ обѣщаста тако створити, и благословишася у отца своего духовнаго; и тако отецъ ихъ духовный дасть имъ причастіе на путь, рекше прѣжесвященіе, и благослови я и отпустя, глаголя имъ: «Господь Богъ да

укрѣпить васъ и послать вамъ помощь
святаго Духа, за негоже тѣшится по-
страдати, за Христа кровь свою проліяти
и за правотѣрную вѣру.» Тогда же в.
кн. Михайлъ и бояринъ его Феодоръ ѣха-
ста въ домы свои, и взяша отъ имения
своего, еже есть имъ на потребу на путь;
ноги же земля прѣѣхавшими, и доѣхаша
до царя Батыя. И повѣдаша Батыевъ о
немъ: «кн. в. русскій Михайлъ прѣѣха
поклонитися тебѣ;» царь же повелѣ при-
вести волхвы свои, волхвомъ же пришед-
шимъ предъ царя Батыя и рече имъ
царь: «еже есть по обычаю вашему
сътворите Михайлу кн. в. русьскому, и
потомъ приведите его ко мнѣ. Волхвы же
пришедши ко кн. Михайлу, глаголаша ему:
«Батый царь зоветъ тя;» онъ же повѣ-
лъ съ собою Феодора боярина своего и идяше
съ ними. И дошедше мѣста, идѣше бяше
огнь накладынъ по обѣ стороны, и мнози
погани идяху сквозѣ огнь и покланяхуся
солнцу, и огню и кусту и идоломъ ихъ,
волхвы же хотѣша в. кн. Михаила и Фе-
одора боярина его вести сквозѣ огнь; в.
же князь Михайлъ глагола имъ: «не до-
стоитъ христіаньномъ ходити сквозѣ огнь,
ни кланятися имже си кланяются; така
есть вѣра христіанская, не кланятися
твари, ни идоломъ, но кланятися святей
Троици, Отцю и Сыну и св. Духу.» Ве-
ликий же князь Михайлъ глагола боя-
рину своему Феодору: «луче вы есть не
кланятися, емуже си сіи кланяются.» Они
же оставеше ихъ на мѣстѣ, идѣже бя-
ху приведени, идомъ же повѣдати царевъ:
«в. кн. Михайло русскій повелѣнія
твоего не послушаетъ, сквозѣ огнь не
идеть, а богомъ твоимъ не поклоняется,
а глаголетъ тако: не достоинъ христіа-
номъ ходити сквозѣ огнь, ни покланятися
твари, ни солнцу, ни идоломъ, но кланя-
тися створшему вся Отцю и Сыну и св.
Духу. Царь же възъяривъ велики, и по-
сла единого отъ великожъ своихъ, сто-
явша именемъ Елдегу, и рече: «почто

повелѣніе мое преобидялъ еси, богомъ
моимъ не поклонился еси? то отсель еди-
но отъ двою избири себѣ животъ или
смерть: аще повелѣніе мое створиши,
живъ будешь и великое княжение свое
все приимешь; аще ли не проидеши скво-
зѣ огнь и непоклонившись кусту, ни солн-
цу, ни идоломъ, то злою смертію умре-
ши.» Тогда отвѣща в. кн. Михайлъ: «те-
бѣ царю кланяюся, повеже ты поручилъ
Богъ царствіе и славу свѣта сего; а
емуже си кланяются, то азъ не кланяю-
ся.» И рече ему Елдега: «Михаиле! въ-
домо буля мертвъ еси.» Великий же
князь Михайло рече ему: «азъ того и
хощу еже за Христа пострадати, и за
правотѣрную вѣру кровь свою проліяти.»
Тогда же глагола ему князь Борисъ ро-
стовскій съ плачемъ: «господине отче!
поклонися, створи волю цареву», Бояре же
Борисовы глаголаша: «всѣ за тя опште-
мно приимемъ, княже, со всею областію
своею.» Рече же имъ в. кн. Михайлъ:
«не хощу азъ именемъ токмо зватися
христіанъ, а дѣла творити поганихъ.»
Егда же си глаголаше къ нимъ князь
Михайлъ, бояринъ же его Феодоръ помы-
шляше въ себѣ глагола: «егда како ос-
лабѣетъ в. кн. Михайлъ, молвиемъ сихъ,
помянувъ женскую любовь и дѣтей лас-
каніе, и послушаетъ сихъ молевій;» тог-
да помянувъ Феодоръ бояринъ его слово
отца своего духовнаго, и рече в. кн. Ми-
хайлу: «помяни ли, господине, слово
отца своего духовнаго, еже учаше насъ
отъ св. евангелія? рече бо Господь: иже
хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю,
а иже погубитъ душу свою мене ради и
евангелія, то спасетъ ю; аще ли мене
кто отвержется предъ челоукомъ, отвергу-
ся его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже
есть на небесѣхъ.» Сіа же глаголющу
Феодору къ в. кн. Михайлу, онъ же на-
чала молити, да послушаетъ ихъ; в. же
князь Михайло глаголаше къ нимъ: «не
послушаю васъ, ни душа моя погублю;»

тогда съима съ себе кочь свой и верже къ нимъ, глаголя: «примите славу свѣта сего, а азъ не хощю.» Слышавъ се Елдега, яко си не увѣдѣша его, тогда ѡзакъ царю повѣдѣти еже глаголаше ему великий князь Михаилъ. Стоящими же на иѣстѣ томъ, множество крестьянъ и поганыхъ слышаху словеса снѣ, аже отвѣща в. кн. Михаилъ царю. Тогда блаженный снѣ в. кн. Михаилъ и бояринъ его Феодоръ начаста пѣти себѣ; но отпѣти же взята себѣ причастіе, еже бѣ далъ имъ отецъ ихъ духовный, и благословивъ и на то иже пострадати за Христа. И глаголаху предстоящи: «княже Михаиле! идуть отъ царя убивать ваю: поклонитася, живъ будета.» Великий же князь Михаилъ и бояринъ его Феодоръ яко едиными усты отвѣдѣста: «не кланяемся ни слушаемъ насъ; славы свѣта сего не хощемъ.» И начаста себѣ пѣти: «мученицы твои, Господи, не отвергошася тебе, ни отступаша отъ заповѣдѣй твоихъ;» и пакы: «страдаше тебѣ ради, Христе, многы муки претерпѣша,» и прочая мученична. Снѣ же блаженная, уяръплълася надежою христовою и молитвами св. мученикъ, стага яко столца непоколеблема и неподвижна. Тогда же убійцы ти окопаны присѣвша, и скопчаша съ конь, и яша святаго в. кн. Михаила преподобнаго, растагоша за рудѣ и за нозѣ, и начаста его бити руками по сердцю, и посемъ повергоша его ницъ на земли, и бяхуть его пятами; и сему же бывшу надолзѣ, иѣкто же бывъ прежде христіанинъ, посѣди же бысть цогавъ и законопреступникъ, отвергся вѣры христіаньскыя, именемъ Доманъ, Стверянивъ родомъ, в огорчєси, отрѣза ножемъ главу св. мученику в. кн. Михаилу и отверже ю прочь. Потомъ же глаголаша боярину его Феодору: «ты поклонися богомъ нашимъ, живъ будети и примещи княженіе князя твоего.» Глагола же имъ Феодоръ: «не хощю княженія господина

своего в. кн. Михаила, а богомъ нашимъ не кланяюся; но хощю пострадати за Христа, якоже в князь мой.» Тогда же Феодора начаста мучити, якоже прежде в. кн. Михаила, посѣди же честную его главу отрѣзаша. Ти тако пострадѣша благодарще Христа, предаста святѣи свои души въ рудѣ Господевѣ, новосвятая мученика: святая же тѣлеса ихъ поверженѣ быста псомъ на снѣдѣніе. На многы же дни лежащими има, божією благодатію съхранены быста неврежены тѣлеса ею; но человеколюбецъ Богъ милосердый Господь нашъ, прославляя святѣи свои угодники, посрадавша его ради за правовѣрную вѣру христіаньскую, столпъ огненъ явися надъ тѣлесахъ ею сияющъ пресвѣтлыми зарями, и свѣща многы горяща, в пѣни ангельская слышаху на утверждение христіаномъ и на облачение тѣмъ, еже оставише Бога истиннаго и поклоняхуся твари, и на устрѣшеніе поганымъ. Святѣи же и честнѣи тѣлеса ею иѣкими христіяны богоблзными мужи сохранени быша. Бысть же убіеніе ею м. сентября въ 20 день; ею же молитвами и молвеніемъ достойни будемъ обрѣсти милость и отпущеніе грѣховъ отъ Господа нашего Ісуса Христа, въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій.

(Пол. Собр. Лѣт. V, 182—186).

Этѣ сказаніе составлено священникомъ Андрѣемъ, который, вѣроятно, былъ свидѣлемъ кончины Михаила въ Ордѣ.

340. Данилъ из Ордѣ 1250 г.

Приславшу Могучѣви посоль свой къ Данилову и Василкову, будущю има во Дороговьскы: «дай Галачъ». Бысть въ печали вельцѣ, зане не утвердилъ бѣ

земль своихъ города, и думавъ съ братомъ своимъ и поѣха ко Батыеву, река: «не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыеву самъ». Изиде же на праздникъ св. Дмитрія, помолился Богу, и приде Кыеву, обдержашу Кыевъ Ярославъ болярникомъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ; и пришехъ къ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичъ, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ ягужену и всей братьи, да створять молитву о немъ—и створиша,—да отъ Бога милость получить; и бысть тако, и паде предъ архистратигомъ Михаиломъ, изиде изъ манастиря въ лоды видя бѣду страшну и грозну. И приде Переяславу, и срътоша Татарове. Оттуда же ѣха къ Куремѣсь и видѣ, яко нѣсть въ нихъ добра, оттуда же нача болми скорѣти душею, видя бо обладаемы дьяволомъ: скверная ихъ Кудешская и Чигязаконова мечташня, скверная его кровопитья, многыя его вольшбы; приходящии цари, и князи и велможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водаше около куста поклоняться имъ. О скверная предѣсть ихъ! Се же слыша велии нача скорѣти. Оттуда же приде къ Батыеву на Волгу, хоташу ся ему поклонити. Пришедшу же Ярославлю челоуѣку Сынгуруви, рекшу ему: «братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тобѣ кланяется»; и рече ему: «дьяволъ глаголетъ изъ устъ вашихъ, Богъ загради уста твоя и не слышано будетъ слово твое». Во тѣ часъ позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ злого ихъ бѣшенія и кудешства, и поклонися по обычаю ихъ и вниде во вѣжю ихъ. Рекшу ему: «Данило! чему еси давво не пришелъ, а нынѣ оже еси пришелъ, а то добро же; пьеша ли черное молоко, наше пьѣе, кобылій кумузъ? Оному же рекшу: «доселѣ есмь не пилъ, нынѣ же ты велашъ, пью». Онъ же рече: «ты уже нашъ же Татаринъ, пий

наше пьѣе». Онъ же испусть поклонися по обычаю ихъ, пзымоуля слова своя, рече: «иду поклонитися великой княгини Баракъчиновѣ». Рече: «иди». Шедъ поклонися по обычаю; и приела вина чюмъ и рече: «не обыкли пияти молока, пий пиво». О злѣе зла честь татарская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу рускою землею, Кыевомъ и Володимиромъ и Галичемъ, со братомъ си (своимъ) ииѣши странами: нынѣ сѣдять на колѣну и холопомъ называется, и дани хотять, живота не часть и грозы приходить. О злая честь татарская! Его же отецъ бѣ царь въ русской земли, иже покори Половецкую землю и воева на нѣше страны всѣ, сынъ того не прія чести: то ииѣи кто можетъ пріяти? Злобѣ ихъ и льсти нѣсть конца: Ярослава великого князя суздадьского землемъ уморивша, Михаила князя Черниговскаго, не поклонившася кусту со своимъ бояриномъ Федоромъ, ножемъ заклана быста, еже вѣнецъ пріяета мученицкы; пѣи мнози князи избѣяи быша и бояре. Бывшу же князю у нихъ двѣи 20 и 5, отпушенъ бысть и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху съ нимъ; и приде въ землю свою, и сръто его братъ и сынове его, и бысть плачь обидѣ его, и большая бѣ радость о здравьи его.

(Ипат. 184—5)

340. Восстаніе противъ Татаръ.

Въ лѣто 6769. Въ лѣто 6770 (1262 г.) Избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго люди Ростовскія земля, молитвами св. Богородица, и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не терпящамъ насплія отъ поганыхъ; и созвоиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимера, изъ Суздаля, изъ Ярославля

и изъ Переяславля. Откупаху бо ти оканни бесермени дани у Татаръ, и отъ того велику пачубу людемъ творяху, работаша люди християнскыя въ рѣзѣхъ (*въ ростахъ, процентахъ*), и мнози души разведени быша; видѣвъ же се блжгый человекълюбѣцъ Богъ нашъ, и моленія Материя послушавъ, и избави люди своя отъ великия бѣды милосердіемъ своимъ. Того же лѣта убиша Зосима преступника; той бѣ мнихъ образомъ точно, сотонѣ же съсудъ, бѣ бо пьяница, и студословецъ, и празнословецъ, кощунникъ, конечнѣе же отвержеся Христа и бысть бесерменинъ, вѣступивъ въ прелесть лжяго пророка Махмета. Бѣ бо того лѣта прѣхалъ посломъ на Русь отъ царя татарскаго именемъ Кутлубѣя, золь сы бесерменинъ; того посѣхомъ окланый лшеникъ (*отступникъ*) вѣры творя християномъ велику досаду, и кресту и св. церквямъ ругаяся. И егда люде по градомъ на враги своя гнѣвахуся, и подвигаша на бесермень, и възгаша я повъ изъ градовъ, а иныхъ избѣша, тогда и того безаконнаго и сквернаго и законпреступника и еретика Зосиму убиша въ городѣ Ярославѣ. Бѣ бо тѣло его ядъ (*пища*) псомъ и враномъ, а ноги его на злое бѣху быстры, тѣ же влачними бѣху отъ псовъ по граду, всѣмъ людемъ на удивленіе.

(Н. С. Лѣт. V, 190).

У насъ мало обращаютъ вниманія на частную борьбу народа съ Татарами, а ограничиваются только одной борьбой княжеской съ ними: борьба народная въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно по украинамъ, велась постоянно и много содѣйствовала успѣху оружія князей противъ Татаръ.

342. Убіеніе князя Романа.

Въ 1270 г. убіенъ бысть князь Романъ Ольговичъ рязанскій отъ поганыхъ

Татаръ; и бысть спце убіеніе его: заткоша уста его убрусомъ, и пачаша рѣзати его по суставамъ и метати разю, и яко разоимаша, и остана трупъ единый, они же одраша главу его и на копіе взоткоша. Сей новый мученикъ есть полюбенъ страстію Якову Перьскому. О, возлюбленіи князи русьстїи! не прелщайтесь пустошиною славою свѣта сего, еже худыше паучины есть, яко сѣвъ мимоидеть; не принесете бо ничтоже на свѣтъ сей, ни отнестѣ что можете; да не обидите меньшихъ свхъ сродниковъ своихъ, ангелѣ бо вхъ воину видятъ лице Отца вашего, иже есть на небесехъ; възлюбите чистоту и правду, да радости святыхъ сподобитесь, якоже сїй блаженный Романъ купи страстію царство небесное и вѣнецъ прїять отъ руки господня, съ сродникомъ своимъ княземъ Михаиломъ черниговскимъ. Убіенъ же бысть м. іюля въ 19 день.

(I Софійск. 197).

343. Житіе Петра ордынскаго царевича (1).

Святому архіепископу ростовскому Кириллу ходящу (1262 г.) в Татары съ честію къ царю Берки (*ум. 1266 г.*) за домъ св. Богородица; царь же слышавъ отъ него, иже о св. Леонтіи, отъ Греческія земли родомъ, и како благословеніемъ патріарха прииде; како крестити градъ Ростовъ, и како увѣри люди и како честь прїя (отъ) рускихъ князей и отъ греческаго цара и отъ патріарха вселѣньскаго собора; како по преставленіи

(1) Петръ крестился и жилъ въ концѣ XIII стол., а житіе его составлено не ранее 1462—67 г. Кирилъ посвященъ въ епископа 1231 и ум. 1262 г.

его съ дѣлаются чудеса преславная отъ раки мощей его и до сего дня, и ина многа ученія отъ евангельскихъ указаній глагола. И слышавъ царь Берка отъ епископа, возрадовася, и почести возда ему, его же требуетъ, и отпусти ѿ сѣ мѣромъ царь Берка; но его животъ князи Ярославѣи годовниа оброки несутъ на гробъ. В тоже лѣто разболѣся сынъ его, одинъ бо бѣ у него; царь же отъ врачевъ не обрѣте никое пользы, и умысли сяце: посла в Ростовъ по святаго владыку—и обѣща ему дары многи, да исцѣлитъ сына его. Владыка же повелѣвъ пѣти молебны в Ростовъ по всему граду; *освятитъ воду и приидетъ ѿ Татары, и исцѣли сына царева*. Царь же возрадовася со всемъ домомъ и всею ордою своею, и повелѣ давати владыцѣ оброки годовниа в домъ св. Богородица. Некто же отрокъ брата царева, сынъ юнъ сый, предстоа предъ царемъ всегда, слыша поучение св. владыки, умился душею и прослезися, выходя на полѣ уединяся и размышляа, како си вѣрують царь нашъ солнцу сему и мѣсяцу и звѣздамъ и огнемъ? кто сей есть истинный Богъ? Размышляа, аки древній Авраамъ, отъ благаго корени и лѣторасъ блага, и умысли снѣтъ уйти съ святымъ видѣти божницу (церковь) Руския земли, чюдѣса бываема въ нашихъ божницахъ; отъ солнца сего и отъ мѣсяца и огня не бывають. Бѣ бо тогда отцу его брату цареву умершу, а матери его дръжашу многа пѣнія ему; онъ же вся та ви во что же мняше душею своею, развѣе единая вѣры. Мати же его слѣзлаши о размыслѣ отрока, и показа ему пѣнія многа отца его; онъ же вся та разда нищимъ татарскимъ требующимъ, и многа пѣнія владыцѣ давъ, и устанѣе всѣхъ...

Приде съ владыкою в Ростовъ и видѣ церковь украшенну златомъ и жемчужомъ, и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту украшенну, в ней пѣнія доброгоглас-

ная, якоже ангельская: бѣ бо въ церкви св. Богородица тогда лѣвый крилъ греческыи понху, а правый рускыи. Слышавъ же сѣя отрокъ сѣй, бысть и невѣри (ѿ недоумѣнїи), и огнь възгорѣся въ сердца его, и восія солнце въ души его. И припаде к цогама св. владыки и рече: «господи святе божїи, азъ размышляхъ о божѣхъ царевыхъ и о родительскихъ—о солнцѣ, и о лунѣ, и о огнѣ, яко тварь суть, а ваша вѣра права и добра, вашъ Богъ истиненъ; молю тя, да быхъ и азъ прїалъ св. крещеніе». И владыка почти ѿ, и повѣлю ждати: бѣ бо размышляа о исканїи отрока; и по малѣ времени царю Берки умершу, и Орды мѣтушися, и исканїя отроку не бѣ,—и крестити отрока сего св. Кириль, и нарече имя ему Петръ. И бѣ Петръ учение господне (слушалъ) по вся дни во святыхъ и у владыки; и преставися св. владыка Кириль, и погребъ боша его честно, сѣбѣшымъ вѣщая—ему память! И прїа престолъ св. владыка Игнатей (¹), и нача церковь крыти оловомъ и дно постити мраморомъ храмъ св. Богородицы ростовскыи, ѿ Орды холоще емля оброки царскыи. Петръ же, яко навывче у владыки, молитвы плачевныи дневныи и ночныи приносити къ Богу, непрестаннаго поста не оставяеа и царскїа своеа не преставаа утѣхы: бѣ выѣздыи при ездѣ Ростовѣмъ (Неро) птицами дова.

Единому же ему при ездѣи зовящу, по обыщитѣи молитвѣ, усну,—и вѣчору глабоку сущу, прїидоста к нему два мужа свѣтлаа суща, аки солнцѣ, и възбудоста и глаголюще: «друзе Петре, услышана бысть молитва твоя, и милостыня твоя прїидоша предъ Богомъ». Оле чудо братїе! како не удивимся милостыней снѣтъ

(¹) Игнатїй былъ епископомъ съ 1262 по 1288 г.

и в невѣрія раздаваній, а в вѣрї услышанно быти... Петръ же возблудъ (*проснулся*), и видѣ два сіа мужа, паче възраста челоуѣча, мнети ему отъ ужаси, аки до облакъ, а свѣтлостію аки весь миръ осіяючи, въ ужаси ставъ и ладе двашъ: вѣста и падеса, и трепѣе такоже. Сіа же свѣтлая мужа яста за руку его и глаголаста ему: «дружи Петре, не бойся; мы есмы посланна к тобѣ Богомъ, вънѣже вѣрова и крестися, укрѣпи(ти) родъ твой в племя и внуцы твои до скончавія міра, в въздати тобѣ мзду милостыня твоя, а противу трудомъ твоимъ вѣчная и благая прїимеша». И вѣда ему мѣшца (*мышка*), и глаголаста: «воами сіа мѣшца, въ единомъ ти злато, а въ друзѣмъ серебро; утро видѣши въ градъ, и вымениши 3 иконы, икону св. Богородица со младенцемъ, икону св. Дмитріа и св. Николы, и вдаси на нихъ еже просятъ мѣнящихъ». Петръ же възвѣвъ на ня и видѣвъ аки челоуѣка, и взя мѣшца, и мнѣвъ лко въ татарѣхъ племя его укрѣпляетъ, и не разумѣ глаголемаго имъ, и рече пмъ: «господѣ мои, аще въспросятъ менящїи мешцевъ отъ иконъ, что сѣтворю, а вы кто есте? И рѣста ему два свѣтлая мужа: «мѣшца сіа держи у себя в пазуѣхъ пѣтми невѣдоми, а просятъ менящїи 9 серебряныхъ и 10-й злата, и ты дайже по единому, и вземъ иконы да идеши къ владыцѣ и рци ему: Петра и Павла Христова апостола посласта мя к тобѣ, да устроиши церковь, идѣже спяхъ при ездѣ; а се знаменіе ею (*ихъ*): иконы сіа вымѣннихъ, а мѣшца сіа власта мя, да что имъ велиши сѣтворити, елико ти речетъ, сотвори; а мы есмы Христова апостолы Петръ и Павелъ», — и невидима быста... В той ноци явистася страшная святая апостола владыцѣ и рѣста ему: да устроиши церковь и епископью служѣ нашему Петру, много бо злата въ епископью вдавъ, освятиши ѣ (*ее*) в намене; аще ли сего не сѣтвориши, то смер-

тно уморивѣ тя» — а се рекше невидими быста. И св. Игнатей вѣта отъ сна, и размышляя о видѣніи злата и серебра въ епископы, и призва князя и рече ему, «что сѣтворю невѣде: явистамися Петръ и Павелъ, аки зракъ на лконѣ написанъ ею, устраши(ша) мя, а глаголы ею устроиши церковь ею, невѣмъ гдѣ, камо». Князь же рече ему: ввжду ты, господи, ужасна суша. Сіа же имъ бесѣдующа въ епископы, и узрѣ князь Петра идуща отъ церкви св. Богородица въ епископью, и свѣтъ сияющъ отъ иконъ его выше церкви паче огня. И ужасеси и рече: о владыко, что есть сїи огонь? — мнѣти имъ челоуѣка горяща, ииъ же никтоже не видяше огня. Петръ же утро иде въ градъ, вземъ иконы, по повелѣнію св. апостолъ, иде въ епископью и поставлей иконы предъ княземъ и владыкою и поклонися до земли и рече: «о владыко, Петръ и Павелъ Христова апостола посласта мя к тобѣ, да устроиши церковь, идѣже азъ спяхъ при ездѣ, а се ти есть зна(меніе) ею, а мѣшца сіа власта ми, да что ми велиши сѣтворити? Бѣже в то время предъ службою; князь же и владыка вѣста и поклонися св. иконамъ, и невѣдаху откуда: писца въ градехъ не бысть. Петра знааху суша отъ татаръ, и въпрашахути: кто суть менящїи иконы сіа? Петръ же рече: «на торгу вымѣннихъ я, господи». И размышляхъ о видѣніи, аще сему быти; свѣту же сушу въ храминѣ отъ иконъ, идѣже бѣаху, яко созицѣ. И вси предстоящїи ужасошася, и по службѣ пѣвъ молебны, и почти св. Игнатей Петра, и повелѣ възити на колесницу съ иконами, и повелѣ ити до мѣста, идѣже спа. Самъ же владыка и князь и весь градъ провождаша с пѣсньми иконы до мѣста Петрова, и на мѣстѣ спанія поiesta молебны св. апостоламъ. Князь же и владыка со слезами на молебнѣ и радостію призваста имя св. апостолъ Петра и Павла, и *обръкоста имъ домы и села*. Сіа молебны

пояху—я людѣ клѣтъ сѣградиша повелѣніемъ князя, и привезше изъ града, плотомъ оградивше и възвратившася. И ту Петръ иконы постави; князь же всеѣдъ на конь, и глаумяся изрече Петру: «Петре, владыко тобѣ церковь устроишь, а азъ мѣста не дамъ, что сътвориши?» Петръ же рече: «повелѣніемъ, княже, св. апостола, азъ куплю у тобѣ, елика отлучить благодать твоя, и земля сіа»... И рече играя Петру: «Петре, въпробу ты, якоже вда на иконахъ, еице по моей земли кладеша ли 9 литръ сребра, а 10-й злата? Сътвориши ли тако?» Петръ же рече: «святѣи апостоли рекоша ми, якоже владыка ми повелѣтъ створяти, створю да въпрашаю, господи». И въпраша владыки, владыка же вземъ крестъ благослови и рече: «чадо Петре, господь рече своими усты всякому просящему дай, ты убо не пощади родитель имениа»... Петръ же поклонися владыцѣ до земли, вѣруя въ глаголъ его; пришедъ ко князю и рече ему: «да будетъ, княже, воля св. апостола и твоя». И повелѣ князь извлечь вѣрвь отъ воротъ до воды, отъ воротъ до угла, отъ угла возвѣ езѣра: се мѣсто великое. Петръ же рече: «да повѣляши княже ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываетъ, да не будетъ погубѣніа мѣсту тому». И бысть тако: граждане же, иже провождаша иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мешецъ по едикному, 9 литръ сребра, а 10-й златъ и наполниша возила петровыхъ кулъ (*денегъ*), и тыя колѣсница, на нихъ же клѣтъ въздаху, едва можаху какъ подвизати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и сребра, еже бысть 10 выходъ дати (*т. е. за 10 лѣтъ, татарскиѣхъ податей*), а мешцы цѣлы,—и рекоста к собѣ: «что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сіа сотворишася! Велю бо благодать чловѣкъ сей обрѣте предъ Богомъ, по силѣ св.

апостола». И поставляша стражбы у двора у Петрова обѣщанныя людѣ, иже на молѣбѣ, и повелѣша Петру итти на конь; и бысть радость велиа во градѣ, почтивша Петра великою честію и многими дары и на многы дни поюще молебны, прославляху Бога и св. апостола о чудеси бывшемъ в наша дни; и многу дающе бывшу милостыня и кормленію нищихъ. Не вѣдаше же Петръ, что сіа сътворися о чудеси семъ и бѣ молча уединяся. Видѣвъ же князь и владыка Петра умоляюще и рекоша к собѣ: аще сей мужъ, царю племя, иле(тъ) въ орду,—и будетъ сына граду нашему: бѣ бо Петръ возрастомъ великъ и лицемъ красенъ. И рече ему: Петре, хоцеша ли поймавъ за ты неvěсту? Петръ же прослезився и отвѣщавъ: «азъ господи, възлюбихъ вапу вѣру, и оставь родительскую вѣру и придохъ к вамъ: воля господня в наша будетъ!» князь же поимъ ему отъ великихъ вельможъ неvěсту; бѣша бо тогда в Ростовѣ орданьстѣи вельможи. Владыка же вѣща Петра и устрои церковь ему и святѣи ю, по заповѣди св. апостола. Князь же поимаше Петра на царскую утѣху около езера съ ястребы, тѣшаше его, дабы се в нашей вѣрѣ удержалъ, и рече ему: «Петре, велю ты благодать обрѣте предъ Богомъ (себѣ) и граду нашему, писано бо есть: что въздамъ господеву о всѣхъ, яже въздастъ намъ? Привими, господине Петре, малое сіе, земля наша отчичи протяву дому св. апостола отъ езера сего; азъ тобѣ грамоты испишу». Отвѣщавъ же Петръ: азъ княже отъ отца и матери не знаю землю владѣти, а грамоты сіа чему суть? князь же рече: «азъ тебѣ все уряжу Петре, а грамоты суть на се, да не отынимаютъ тѣхъ земель мои дѣти и внуцы у твоихъ внуку по насѣ». Петръ же рече: воля господня да будетъ, княже! И повелѣ князь предъ владыкою грамоты писати множество земли отъ езера воды и ябсы,

яже суть и до нынѣ, и урядиша ему домы по его землямъ. Ора же тѣхъ (ти-ха) бѣ тогда на многа лѣта. Бяху бо Петрови сладцы отъѣти, добрыа обычал во всеи, и толыми любляше князь Петра, яко и хлѣба без него не ясти, яко владыцѣ братати Петра въ церкви съ княземъ (1), и прозваста Петра брата князю. И родиша(ся) Петру сыновѣ в него мѣсто, и по малѣхъ лѣтахъ св. Игнатей преставися, приять царство небесное—вѣчная ему память! Старый же князь повладыцѣ ве по мнозихъ днехъ преставися; сего же князя лѣта зваху Петра дядю до старости,—и (бысть) миръ на многа лѣта. Пожывъ же преставися Петръ въ глубоцѣ старости, въ мнѣшескомъ чину къ господу отъидѣ, егоже возлюбъ, и положивъ у св. Петра у его спалища, и отъ того дни уставися монастырь сій. Внуцы же старого князя забыша Петра и добродѣтель его, начаша отымати лузи и украины земель у Петровыхъ дѣтей; сынъ же Петровъ шедъ въ Орду, сказавъ брата царева внукъ,—и возрадовашася ему дяди его, и почтѣша его и многы дары даша ему и посолъ у царя исправивша ему. Пришедъ же посолъ царевъ в Ростовъ и возрѣвъ въ грамоты Петровы старого князя и суди его, и положи рубежъ землямъ по грамотамъ старого князя и оправн Петрова сына, и вда ему грамоту со златою печатью, еже у младыхъ князей, и внуцъ старого князя по цареву слову, отъидѣ. Младши же князи рѣша в себѣ и своимъ бояромъ: слышахомъ еже родители наши зваху дядю его отца Петра, дѣдъ бо нашъ много серебра у него взять и братася с нимъ въ церкви, а родъ татарской, кость не наша, что есть намъ за племя? Серебра намъ не остави ни сей ни

родители наши. Сичевыми бѣсѣдами глаголаху и не искаху чюдотворенъ св. апостола, а прародителю любовь забыша; и тако пожиша лѣта многа, зазирающе Петровымъ детемъ, еже въ ордѣ выше ихъ честь приимаху. Сыну же петрову родиша сыновѣ и дщери, въ глубоцѣ старости къ господу отъиде; впукъ же Петровъ именемъ Юрью, якоже навиче у родителей своихъ, честь творити св. Богородици въ Ростовѣ и гривны на ню возлагати, и пированъ владыкомъ и всему клиросу и собору церковному, и праздникомъ св. апостола Петра и Павла, и память творити родитель и прародитель—вѣчная ихъ память по вся лѣта! Ловцемъ же ихъ задѣвахутца рыбы паче градцкихъ ловцевъ: аще бо играя петровстѣи ловцы взѣрляхъ суть сеть, то множество рыбъ; а градстѣи ловцы тружajúщеся много, оскудѣваху. Рѣша же ловцы: «Господи князи, аще петровстѣи ловцы непрестануть ловити, то озеро наше будетъ пусто; они бо вся рыбы поймаху.» Правнуцы же старого князя глаголаша Юрью: «слышахомъ исперва, еже лѣтъ лѣтъ грамоты взъ у прародителя нашихъ на мѣсто монастыря вашего и рубежи землямъ его; а озеро есть наше, грамоты нашѣ не взлѣте, да уже не ловятъ ловцы ваши.» И збысться пророчество старого князя брата Петрова, еже рече о обидѣ впукъ предъ грамотою. Слышавъ же сѣя, Юрью внукъ Петровъ, иде въ Орду, и сказавъ правнукъ брата царева; дяди же чѣстѣми многими почтоша и дары многы даша и посолъ у царя исправивша ему. Приде посолъ въ Ростовъ и сѣдъ при озерѣ у св. Петра, и бысть боязнь княземъ царева посла, и суди ихъ съ внуки Петровыми. Юрью же предъ посломъ положи вся грамоты, и посолъ возрѣ въ грамоты и рече княземъ: «не ложь ли суть грамоты сѣи и купля сѣя? ваша ли есть вода, есть ли подъ нею земля? можете ли воду сняти съ земли

(1) Обрядъ побратимства совершался въ церкви и у другихъ славянскихъ народовъ.

той? И отвѣщаша князи рече:—ей господи, не ложь суть грамоты сія; а земли подъ нею несть, а вода наша есть вотчина, господине, а снити ей не можемъ. И рече посолъ сие царевъ судія: «аще не можете снити воду съ земли, то почто своею ямѣнуета? а сего реніе есть вышняго Бога на службу веѣмъ человекомъ.» И присуди внукомъ Петровымъ Юрью, «какъ есть землямъ купля, такъ и водамъ,»—и власть Юрью грамоту съ златою печатію по цареву слову, и отъиде, князи же не можаху зла сѣтворити ничтоже Юрью. И утѣшися житіе на многа лѣта, и славляху Бога, якоже навывкоша у родителей своихъ творити, памяти св. апостолъ съ слезами и радостію, поминающе съ воздыханіемъ чудеса ихъ и памяти годовини родителей съ великими милостынями. Возрасте же правнукъ Петровъ, а Юрьевъ сынъ Игнатъ, и при его живогѣ съдѣлся сія: пріиде Ахмыль на Рускую землю и пожже градъ Ярославль, и поиде к Ростову съ всею силою своею. И устрашился его вся земля, и бѣжаша князи ростовстїи и владыка побѣже Прохоръ⁽¹⁾. Игнатъ извлече мечъ и угна владыку и рече ему: «аще не идеши съ мною противу Ахмыла, то самъ поѣху тя: наше есть племя и сродичи.» И послуша его владыка, и ко веѣмъ кавросомъ взирахъ, вземъ крестъ и хорюговъ, и поиде противу Ахмыла; а Игнатъ, предъ кресты съ гражданы, вземъ тѣмъ царскую—кречеты, дубы и пятіе, и край поля езера ста на колѣну предъ Ахмыломъ, и сказася ему древняго брата цареву племя; а се есть село цареву и твое, господи, купля праѣда нашего, идѣже чудеса творяхуся господи. И страшно, еже

видѣти рать его вооруженну, и рече Ахмыль: «ты тѣмъ подаеши, а си что суть в бѣлыхъ ризахъ и хорюговъ сія? егда сѣдши с нами хотять?» Игнатъ же отвѣщавъ: сіи богомольцы церкви твои суть, да благословятъ тя; а се ношаху божницу по закову нашему. В тоже время у Ярославля, а тѣмъ недугъ бысть сынъ Ахмыловъ, возжахуть его на возилехъ,—и повелъ вести сына, да благословитъ его; владыка же Прохоръ святи воду, и вода ему пїти, и благослови сїю крестомъ—и бысть здравъ. Ахмыль же видѣ сына здравъ, възрадовася, и сниде с коня противу крестовъ, и въздѣвъ рудѣ на небо и рече: «благословенъ Богъ вышній, яже вложи ми в сердцѣ идти до здѣ, праведенъ еси, господи Прохоре, яко молитва твоя въскреси сына моего! Благословенъ ты Игнатїй, яже унасе люди своя и градъ сїи, цареву кость—наше племя; еже ти здѣ будетъ обѣда, да целенися дойти до насъ.» И вземъ 40 литръ сребра, и да владыцѣ, а 30 литръ дасть клиросу его,—и взя тѣмъ у Игната и поклонися владыцѣ, и въздѣ на конь, и отъиде въ свояси. Игнатъ же провожая Ахмыла, возвратися съ владыкою и съ гражданы, и възрадовашася, и пѣвъ молебей, и прославивша Бога. Дайже Господи утѣху почитающимъ и оишущимъ древнихъ силъ прародителей дѣянїи здѣ и в будущемъ вѣцѣ; а Петрову роду сему соблюденіе и умноженіе живота, не оскудѣетъ радость бес печали,—вѣчная ихъ память до скончанїа міру! Богу нашему слава, и нынѣ и присно, и вѣки вѣкомъ, аминь.

(Правосл. Собесѣдн. 1859 I. кн. 3, стр. 356).

Обратить вниманіе, какъ въра христіанская и цивилизація Руси дѣйствовали на Татаръ.

(¹) Прохоръ былъ епископомъ въ Ростовѣ 1311—1328 г.; изшествіе Ахмыла случилось въ 1322 г. П. С. Лѣт. III, 72; IV, 49. VII, 198.

344. Сказаніе о Михайлѣ Тверскомъ (¹).

Сий блаженный, присвопамятный, боголюбивый князь Михайло Прославовичъ, внукъ в. кн. Всеволода Юріевича, скончавшюся ему нужною смертію въ Ордѣ за христіяны; родя же ея воистину отъ блаженныя и преподобныя матеря в. княгини Оксѣиин, егоже св. та и мудрал мати велита въ страсть господни и научи св. книгамъ и всякой премудрости. Княжашу ему въ отчпны своей во Тѣтри, преставися в. кн. Андрей, и благослови его на свой столъ на в. княженіе сего христолубиваго кн. Михаила, емуже по старѣйшинству дошелъ бльше степень княженія великого; и поиде въ орду ко парези, якоже и прежде его князя бывши имяху обычай тамо взимати вел. княженіе. Въ то же время сыновець его в. кн. Юрій Даниловичъ поиде въ Орду же; егда же ему бышю въ Володимерѣ, блаженный же и присвопамятный митрополитъ кіевскій и всел Руси Максимъ съ многою молбою бранашеть итти въ Орду, глаголя: «азъ имаюся тебѣ съ в. княгинею Оксѣинею матерію в. кн. Михаила, чего въскочешъ изъ отчпны вашей, то ти дасть.» Онъ же обѣщася, рекъ: «хотя, отче, иду въ Орду, но не хочу в. княженія.» И бышю ему въ Ордѣ, не хотѣя роду человѣчю добра всепагубный врагъ дѣволъ, вложи въ сердце княземъ татарскимъ, свадѣша братію, ркуше в. кн. Юрію Даниловичу: «оже ты дася выходи болюи кн. Михаила тѣтрского, мы тебѣ великое княженіе дадимъ;» и тако превратѣша сердце его, и нача искати в.

княженія. Обычай бо поганыхъ и до сихъ мѣстъ вмещуше вражду межю братіи князей русьскихъ, и себѣ больша дари взимау. И бывши прѣведѣцѣ межю ими, и бысть тягота велика въ Русьской земли за наша согрѣшенія... Но милостію преев. Богородица и всѣхъ святыхъ, приде благовѣрный князь Михайло въ Русь, и посаженъ бысть на столѣ в. княженія въ Володимерѣ блаженнымъ и присвопамятнымъ м-томъ кіевскимъ и всея Руси Максимомъ. Княжовшу же ему 8 лѣтъ на в. княженіи, а въ Ордѣ сѣде иныи царь племемъ Озбякъ, войде въ богомерзскую вѣтру Срачиинскую, и оттолѣ наипаче не пощаждѣти нача роду христіянского. Якоже бо о такихъ рекша царьскыя дѣти, иже шѣвни въ Вавилонѣ, сѣе глаголаху: предасть ны въ рудѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавѣйшю паче всея земли... Но мы бывшее възглаголемъ. И оттолѣ нача быти вражда промежи князей сахъ; аще и творяста миръ межю себе, но врагъ нашъ всепагубный дѣволъ пакы рать вздвизаше. И пакы бывшимъ великамъ княземъ въ Ордѣ, и бывши прѣведѣцѣ межю ими и оставиша в. князя Юрія Даниловича у себе въ Ордѣ, а князя Михаила отпустиша на Русь; минувшу же единому лѣту, и пакы незаконнии Измаилѣне не съгнѣ суще мздоимства, егоже желааху, взяли много сребра, и даша великое княженіе в. кн. Юрію Даниловичю, и отпустиша съ нимъ на Русь единого отъ князь своихъ, незаконнаго и треклятаго Кавгадыл. Блаженный же в. кн. Михайло сръте его съ полки своими, и посла къ в. кн. Юрію Даниловичю, рекъ тако: «брате! аже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на великомъ княженіи, а въ мою опришину не вступайся;» и роспусти вся вой своя, и поиде въ свою отчину съ домашцы своими. И пакы дѣволъ не престаише желая кровопролитіа, еже и створѣ-

(¹) Это сказаніе составлено послѣ 1318 г. Писатель его былъ современникомъ убіенія князя Михаила и слышалъ все, что пописалъ, отъ священника, какъ онъ самъ говорить въ сказаніи. Это сказаніе можно читать въ Сочин. Вреженикъ I, 299—313, въ Полн. Собр. Р. Лит. VII, 188—197, въ Никоновск. Лѣтоп. III, 116—124.

ся за грѣхы наша. Приде бо в. вн. Юрій ратію ко Тѣри, совокупивъ всю землю Низовскую и съ кровопивцемъ Кавгадыемъ, и множество Татаръ и Бесерменъ и Морьдвы, начаша городъ жечи и многа села; и бысть тѣса не мала, ямающе мужи и мучащи различными муками и смерти предаху, а жены ихъ оскверниша поганіи; и пожгоша всю власть тѣрскую и до Волги, и поидоша на другую страну Волги, и на той странѣ тоже хотаху творити. Блаженный же князь Михайло призва епископа своего и князей и болръ, и рече къ нимъ: «братіе! видите ли, княженія великого отступилси есмь брату моему и сыходъ давати есмь, и се надъ тѣмъ коляно зла сътвориша въ вотчѣхъ моихъ? азъ же терпяхъ ямъ и чаяхъ, уже престанетъ злоба ся, но и паче вижду еже головы моя лавати; вынѣ же не творюся въ чемъ виновать, буду ли въ чемъ виновать, скажите ми.» Они же яко единѣмъ усты со слезами рекоша: «правъ еси, господине, во всемъ; предъ своимъ сыновцемъ таковое смиреніе сътвориши еси, и се взяша всю власть твою, а другую страну такоже хотятъ пущу сътворити; а вынѣ, господине, поиди противу ямъ, а мы, господине, за тебѣ хотимъ животомъ своимъ потягнути.» Блаженный же князь Михайло такоже съ многымъ смиреніемъ рече: «братіе! слышите что глаголетъ господь въ евангелии: яже аще кто положитъ душу свою за други своя, той великъ наречется въ царствѣ небеснѣмъ; аны же вынѣ не за единъ другъ, ни за два голова положити и душа своя, но за только народа въ полосу суща, а яны избіени суть»... И утвердившися честнымъ крестомъ и поиде противу ратнымъ, и яко быша близъ себе, и бысть видѣти ратныхъ безчисленное множество, и яко съступишася полци и бысть сѣча велика, не могуще браня носити, влаша противнии плещи свои, милостию великаго Спаса, и пречи-

стыя его Матеря, и помощью великаго архангела Михаила побѣди благовѣрный князь Михайло, и бысть видѣти безчисленное множество ратныхъ падающе подъ кони язвени, яко свои въ жатву на нявѣ. Великій же князь Юрій Даниловичъ видѣ многа падающа воя его язвени, и отѣхъ въ Торжекъ въ малѣ ратныхъ, и отътолѣ хъ въ В. Новгородъ; а окааннаго же Кавгадыя съ други его не повелѣ князь избавати, нъ немъже послѣдняя болши погыбель. Си же побѣда сътвориси м. декабря 22. Самому же кн. Михаилу видѣти доспѣхъ свой весь язвевъ, на тѣлеси же его не бысть никоеяже раны... И избави изъ плѣна множество душа, бывшая въ скорныхъ рукахъ поганьскихъ, и възвратися въ свое отечество съ великою радостію, и привеле окааннаго Кавгадыя въ градъ свой, и много честивъ и одаривъ его, и отъпусти его; онъ же много съ лестію рогатшися не вадити нанъ ко царю, глаголя: «занеже воевали есми власть твою безъ парева слова и повелѣнія.» Великій же кн. Юрій Даниловичъ совокупя множество Новгородцевъ и Псковичъ, и поиде ко Тѣри, и срѣте его князь Михайло противу Синѣвского, и пакы не хотя видѣти другаго кровопролитіа за толь малы дни, умиришися и крестъ цѣловаша; и рече кн. Михайло: «поидеѣ, брате, оба въ Орду, жадуемъ вмѣстѣ царю, абы ны чимъ помочи христіаномъ.» Великій же кн. Юрій Даниловичъ пакы съимася съ Кавгадыемъ, и поидоша напередъ въ Орду, поимши князи всѣ Низовскіе съ собою, и бояре съ городовъ и отъ Новгорода, по повелѣнію окааннаго Кавгадыя; (и написаша многа лжесвидѣтельства на блаженнаго в. князя Михаила). Князь же Михайло посла сына своего князя Костянтина; а самъ послѣ въ Орду же поиде, благословяся у епископа своего Варсонофіа, и отъ игуменовъ и отъ поповъ, и отъ отца своего духовнаго

игумена Ивана. И послѣднее исповѣданіе сътвори на рѣцѣ на Нерли... До того же мѣста проводя его благородная его княгиня Анна и сынъ его кн. Василей, и възвратистася со многими рыданіемъ, не могуще разлучитися отъ възлюбленнаго князя; онъ же поиде къ Володимерю, а съ нимъ сынъ его кн. Дмитрій да кн. Александръ. И бывшу ему въ Володимери, я се пріѣха посолъ отъ царя изъ орады, именемъ Ахмыль, глаголя: «зоветь тя царь, поиди вборзѣ, буди за шѣсяць; аще ли не будещи, то уже вонянова на тебе рать и на твои города; обадиль ты есть ко царю Кавгадѣй, глаголя: не бывати ему въ Ордѣ.» Думаща же бояре его ркуше: «се сынъ твой въ Ордѣ, а еще другаго посла;» такоже и сынове его глаголаста ему: «господине драгый отче! не ѣди въ Орду самъ, наю котораго посла, аще всходеши»...

(Но князь все таки отправился самъ, видя что „доръ“ никого не требуетъ „развѣ“ его самого).

Дошедшу же ему въ Орду, м. севтября въ 6, на усть рѣкы Дону, идѣже течеть въ море Сурожское, и ту срѣте его кн. Константинъ. Царь же дастъ ему прѣстава, не дадуша никому же его обидѣти; се бо умякнуша исперва словеса ихъ паче елей, и та бо пынь быша стрѣлы. И егда же одари всѣ князи орданьскіе и царици, послади же самого царя, бывшу же ему въ Ордѣ полтора мѣсяца, и рече царь княземъ своимъ: «что ми есте показали на кн. Михаила, сътворите ниша судъ съ в. кн. московскимъ Юріемъ Даниловичемъ; да котораго правду скажете мнѣ, того хошу жаловати, а виноватаго казни предати;» а не вѣсн, оказавше, уже еси своею казнію спделъ ему вѣнецъ пресвѣтель. Въ единъ убо день собращася вси князи орданьскыя въ едину вежу за царевъ дворъ, и покладоху многы грамоты со многими замышленіемъ на князя Михаила, глаголюще: «многы дани

поималъ еси на городѣхъ нашихъ, царю же не далъ еси.» Истинный же христовъ страдалецъ Михайло любяй правду, глаголя истину, со всякою правдою обличае лжи ихъ свидѣтельства... И нази минувшей единой недѣли по судѣ томъ, въ день суботный, отъ нечестивыхъ изиде повелѣніе незаконно, поставиша его на другомъ судѣ связана блаженнаго кн. Михаила, износиаше ему несправедное осужденіе: «царевы дани не давалъ еси, противу посла билъ еси, а княгиню в. князя Юрія уморилъ еси.» Благотворный же кн. Михайло со многими свидѣтельствомъ глаголаше: «колико скровищъ издавалъ есмь цареву и княземъ,» все бо исписано имѣяше; «я посла пакы избавихъ на браии и со мною честію отустихъ его;» а про килгыню Бога послуша призываше, «яки ни на мысли ми того створити.»

Но незаконныя... яко въсхотѣша, то и сътвориша. Въ настоящую убо ночь приставиша 7 сторожовъ отъ 7 князей и иныхъ немало, и покладаху предъ блаженнымъ многа ужа (узъ) желѣзныя, хотяще отягчати нозы его, и вземши отъ шортъ его и подѣяшася; въ ту ночь мало отустиша ему отъ узъ желѣзныхъ, но связанъ тако пребысть всю ночь. Тое же ночи отгнаша отъ него вся бояре его и слуги сильно бѣюще, и отца его духовнаго игумена Александра, и оста единъ въ руку ихъ; глаголаше бо къ себѣ: «удалиша отъ мене дружину мою и знаемыя отъ страсти.» Наутріе же, въ недѣлю, повелѣшеть незаконныхъ възложиша колоду велику отъ тяжка древа на выю святому, прообразующе ему поновую муку, юже пріимъ благодараше Господа Бога, съ радостію и со слезами глаголя: «слава тебѣ, Владыко человеколюбче, яко сподобилъ мя еси начатокъ пріяти мученія моего, сподоби мя и кончати подвигъ сей; да не прелестять мене словеса лукавыхъ, ни да устрашать мя прещенія нечестивыхъ.» И повелѣша бе-

законни вѣсти святаго послѣ царя, бѣже бо пошелъ въ довы, преподобный же и благовѣрный кн. Михайло яко изъмлада нмѣше и никаго же измѣнише правила своего, въ нощи поюще псалмы Давыдовы; а како поиде изъ Володимеря, то отъ недрѣи до недрѣи пощасеша и прѣчащася прѣчистаго тѣла и крови господни, а отнелъ же ятъ бысть, навнѣче безпрестани вся нощи не даяше сна очима своимъ, да не въдремлетъ ни успѣть храня его ангелъ. Но пакы славяше Бога, съ многими слезами и глубокимъ въздыханіемъ исповѣдаяся ему, глаголаше: «Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да прїидеть»... И егда безаконни стражи они въ нощи забвѣшаху въ той же колодѣ святѣи руцѣ его, но ни тако озлобляемъ поюще псалтирь непрестанию, а единъ отъ отрокъ его сѣдѣше предъ нимъ прѣкладывая листы, онъ же прилежно глаголаше: «Господи! не оторати лица твоего, яко скорблю, скоро услыши мя, вонни души моеи, избави ю отъ врагъ сихъ»... И тако на всякъ часъ моляся Богови и глаголя; по дню же всегда бѣше видѣти его свѣтлымъ лицомъ и весела взоромъ, и словесы сладкими и веселыми тѣшаше бояръ и слугъ своихъ, и бѣше видѣти его яко никоегоже озлобленія прїемлюща.. Минувшимъ же днемъ 20 и 4-мъ, святому бывшу въ невзреченномъ томъ терпѣніи, нечестивый же Кавгадѣй лѣтъ ядъ аспиденъ подъ устима своимъ, и пакы досажая души терпѣливаго кн. Михайла, повелѣ его привести въ торгъ въ таковой укорванѣ, созва вся заимодавца, повелѣ святаго поставити предъ собою на колѣну; велѣчаашеся безаконный, яко властный на праведнѣхъ, и много словеса изорче досадна праведному. И посемъ рече: «вѣдая буди, Михайле, такъ царевъ обычай: аже будогъ ему на кого гнѣвъ, хотя и на своего племянника, ти такоже древо въскладають на него, егда же гнѣвъ

его минеть, и пакы въ первую честь вводитъ его; утро бо или въ предъидуций день тягота си отидеть отъ тебе, и въ большей чести будеши». И възрѣвъ рече сторожемъ его: «почто не облегчите ему древа сего»? они же рекоша: «заутра или на другій день тако створимъ по глаголу твоему». И рече оказанный: «поддержите ему древа сего, да не отячакотъ ему плещи», а тако савиъ отъ предстоящихъ за нимъ подлѣмъ держаше древо. Многу же часу минувшу, о выросѣхъ праведному отвѣты дающе, и посемъ повелѣ вонъ вѣсти блаженнаго; и вышедшу ему вонъ, и рече слугамъ своимъ: «дайте ми студецъ, да почю и прїиму покой ногама своимъ», бѣста бо отягчали отъ многого труда. Въ то же время съѣхалося бѣше множество отъ всѣхъ языкъ, спедшеся зряще святаго; рече же единъ отъ своихъ, предстоящихъ ему: «господине княже! видѣши ли селяко народа множество стоящихъ, вѣдающе тя въ таковой укоризнѣ, а преже ты слышана царствующа въ своей землѣ; абы, господине, еси прїидель въ свою вежю». Блаженный же рече съ слезами: «яко позорю быхохъ ангеломъ и человекомъ, вси видящеши мя покрываху главами своимъ»; и пакы: «уповаю на Господа, да избавитъ мя и спасетъ якоже хощетъ, яко ты еси исторгъ мя отъ чрева матери моея»; и вѣставъ иде къ вежѣ своей, глаголя прочее псалма того. И оттолъ бѣше видѣти очи его полны слезъ, чююще бо въ сердца, яко уже скончатися доброму его теченію. Бывшу же блаженному въ невзреченномъ томъ томленіи и тяготѣ днѣи 26 за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ на Севанцѣ, подъ городомъ Тетяковымъ, минувшю всѣ горы высокія Ясыкия и Черкасьскыя, близъ Воротъ желѣзныхъ, въ среду рано повелѣ отпѣти заутреню и часы... И посемъ нача каятися ко отцемъ своимъ духовнымъ со многымъ смирненіемъ, очыщая свою дулю; бѣше бо

съ нимъ игуменъ да два попа. Посемъ же пришедшу у него сыну его князю Костянтину, онъ же приказываше ко княгине и ко сыновомъ своимъ про отчину свою, и про бояре, и про тѣхъ вже съ нимъ были и до меньшихъ, не ведя презрѣти ихъ. И посемъ уже часу приближающюся, и рече: «дадите ми псалтырь, вельми бо прискорбна душа моя», чюаше бо при дверѣхъ пришедша отъ Бога святой зватаи по святую душу его. И разгнувъ псалтырь, и обрѣте псаломъ: «пнуши Боже молящу ною и вонми моление мое, въ скорбѣхъ печали моея смутихси отъ гласа вражя, яко въ гнѣвъ яраждоуаху мнѣ», въ той бо часъ оказанный Кавгадый вхождаше ко царю и исхожаще съ отъвѣты на убѣиіе блаженнаго; сей же чтяше: «сердце мое смутися во мнѣ и страхъ смертный приде на мя». И рече попомъ: «что моляще псаломъ сій, скажите мнѣ? они ркоша не хотяще боляша его смутити: «се, господине, знакомишя псалмы въ послѣдней глаголишя: възверзи на Господа печаль свою, и той тя прещитаеи и не дасть въ иѣки смятенія праведнику»... И скончавъ псалмы и согнувъ псалтырь, и се въ той часъ отъ отрокъ его въскочи въ вежу, обледѣвши (пообледѣвши) лицемъ и измокнуши гласомъ: «господине княже! ѣдутъ уже отъ Орды Кавгадый и в. кн. Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ». Онъ же наборзѣ вставъ и въздохнувъ рече: «вѣдаю на что ѣдутъ, на убѣиіе мое», и отела вскорѣ сына своего Костянтина къ царици; и бѣ страшно въ той часъ, братіе, видѣти отъ многихъ странъ множество желающихъ къ вежѣ княжѣ Михаилѣ. Кавгадый же и в. кн. Юрій послаша убійци, а сами сѣдше съ конь въ торгу, близъ бо бѣше торгу яко каменемъ веречи. Убійци же яко дивнъ звѣріе, немилостивы кровонивци, разгнавши отъ блаженнаго всея людіе его, въскочивша въ вежу, обрѣ-

тоша его стояща, и тако похвативша его за древо еже бѣ на выи его, и удариша имъ сильно, и възломаша и на стѣну, и проломися вежа: онъ же въскочи, и тако мнози емше и повергоша его на земля, и бѣху пятами нещадно. И се единъ отъ беззаконныхъ, пивемъ Романецъ, извлекъ великій ножъ и удари въ ребра святаго въ десную страну, и обращая ножъ сѣмо и овамо, и отрѣза честное сердце его.

И тако предасть святую и блаженную свою душу въ руцѣ Господни, и. пообръ въ 22, въ среду 7 часа дня; и пригасъ съ лики святыхъ, и съ сроднякомъ своимъ св. Борисомъ и Глебомъ и съ тезоименитникомъ своимъ в. кн. Михайломъ черниговскимъ, и пригъ вѣнецъ неувядаемый отъ руку господня, егоче вжелѣ. Вежу же блаженнаго разграбиха Русь и Татарове, а честное тѣло его повергоша наго, никимъже небрегомо; единъ же отъ нихъ прѣхъ въ торгъ, рече: «се уже повелѣное вами сътворихомъ». Кавгадый же и в. кн. Юрій прѣхаша вскорѣ надъ тѣло его; Кавгадый же видѣ тѣло наго повержено, и глагола съ яростию в. кн. Юрію, река: «не брать ли ты старѣйши какъ отецъ, да чему тако лежать тѣло его наго повержено? в. же кн. Юрій повелѣ своимъ покрыти тѣло его; и се единъ прикры тѣло его своею котыгою, юже носаше. И положиша его на великій досцѣ, и възложивша на телѣгу, и увивша ужъ крѣпко, и превезоша за рѣку, рекомую *Адыжъ*, еже зовется горестъ; горестъ бо се нынѣ, братіе, и есть, въ той часъ таковую видѣвши нужную смерть господина своего кн. Михаила. А бояре его и слуги немнози гонѣиша рукъ ихъ, и еже дерзнули убѣжати въ Орду ко царици; а иныхъ изнимавше влечашуть нагихъ, терзающе нещадно акы иѣкыя злодѣи, и приведше къ ставы своя утвердивша я въ оковахъ. Сами же князи и бояре къ единой вежѣ

пѣху нию, повѣствующе, кто какову вину изрече на святаго. Створившеся чудо велико да скажемъ: въ настоящую бо ночь в. кн. Юрій Даниловичъ двѣа отъ слугъ своихъ повелѣ стрещи тѣлесе святаго, и якоже начаша стрещи, пріятъ ихъ страхъ и ужасъ великъ, не могуще терпѣти отбѣгоша въ станы свои; и рано пріидоша, не обрѣтоша тѣлеса его святаго на дѣскѣ, но тѣлѣа стояше и доска на ней одинако ужи привязана, тѣло же святаго о себѣ на единомъ мѣстѣ лежаше равною къ земли, и кровь многу изшедшую изъ язвъ, десная же рука его бѣ подъ лицемъ его, а лѣвая у язви его, а порты одинако оутѣны. Преславно бо Господь прослави вѣрнаго раба своего кн. Михаила; тако бо удивилъ и, объ ночь лежа тѣло его на земли, а не прикоснуся ему ничтоже отъ звѣрій, а множеству безчислену сушу: хранить бо Господь вся кости въѣ, ни единая же отъ нихъ не скрушится, смерть же грѣшникомъ люта; еже бысть незаконному и проклятому Кавгалю, и не пробывъ убо ни единого лѣта и злѣ изверже оказанный животъ свой. Мнози же вѣрнии и отъ невѣрныхъ тою ночью видѣша чудо преславно: два облака свѣтла всю ночь остигаша надъ тѣломъ святаго, разступающеся и пакы съступашеся вмѣсто и сіюще акы солнце. Наутрѣ же глаголаху, яко святъ ость князь сій и убіенъ невинно, облакомъ бо снмъ являетъ просвѣщеніе ангелское надъ нимъ; еже исповѣдаша намъ со слезами и со многими клятвами, яко истина есть бывшее. И отътогѣ посла тѣло блаженнаго въ Мождѣжчары съ своими бояры, и тамо слышавше гости знаменіи ему и хотѣша прикрыти плащаницами многоцѣнными тѣло его, съ честію и свѣщамъ славно въ церкви поставити; приставленіи же немилостивіи бояре не даша имъ ни видѣти блаженнаго, но со мною укоризною поставиша его въ единой хлѣвникѣ за сторожы. Но и ту прос-

лави его Господь: мнози бо отъ различныхъ языкъ, живуще на мѣстѣ томъ, по вся ночи видяху столпъ огнь сїающъ отъ земли до небеси, ниин же яко дугу небесную прокляющуюся надъ хлѣвину святаго, видѣже лежить тѣло. И оттогѣ везоша его къ Бездѣжу, и яко приближившися нѣкъ ко граду, и мнози видѣше изъ града около санихъ множество народа идяху съ свѣщамъ, а ниин на конехъ съ фонари на вѣздусѣхъ ѣдѣаща; и тако привезоша ѣ въ градъ, и не сташа въ церкви, но въ дворѣ стрѣжахуть его. И се отъ стрѣгущихъ едины въ ночь възлеже верху санихъ сущахъ съ тѣлесемъ святаго, и тако невидимо нѣкая сила сверже его далече съ санихъ святаго; онъ же великою болѣзнію одва воста, и еле живу ему сущю, пришедше исповѣда ту сущему іеревовъ бывшая ему, отъ негоже слышахомъ и написахомъ. И оттогѣ повезоша его въ Русь, везущимъ же нѣкъ по городомъ по русьскимъ, и доведшимъ Москвы положиша ѣ въ церкви св. Сваса въ монастырѣ; князѣмъ же и сыномъ его не вѣдущимъ ничтоже створившеся, далече бо бѣ земля и не бѣ кому вѣсти довести. На другое же лѣто приде въ Русь в. кн. Юрій Даниловичъ изъ великое княженіе, приведе съ собою кн. Константина Михайловича и бояръ и слугъ отъца его. И се утѣдаше княгини его Анна, и епископъ Варсонофей, и сынове его, послаша утѣдѣвати на Москву; посланіи же пріѣхавше и повѣдаша, яко кн. Михайло убіенъ есть, и плакахуся на мнози дни неутѣшно. Бывшую же в. кн. Юрію Даниловичу въ Володимирѣ, посла къ нему кн. Дмитрей Михайловичъ брата своего кн. Александра, и бояръ своихъ, и една умолиша кн. в. Юрія Даниловича; онъ же повелѣ отъпустити тѣло блаженнаго. Они же послаша на Москву бояръ своихъ съ игуменъ и попы, и привезоша тѣло святаго въ Тетрь со мною честію, и ерѣтоша его сынове

его, кн. Дмитрей, кн. Александръ, кн. Василей, и княгини его Анна, по Волзи въ насадѣхъ, а епископъ Варсонофей со кресты съ игумены и попы, и безчисленное множество народа сръѣтоша его у св. архангела Михаила на брезѣ; и отъ многого воля не баше слышати поющихъ и не можаху донести раки къ церкви, и поставиша предъ враты церковныи, и тако на многы часы плакаху, и едва внесоша въ церковь. И пѣвше надъ нимъ надгробное пѣніе, и положиша въ церкви св. Спаса на десной странѣ, еже бѣ самъ создалъ, посторонъ преп. епископа Семена, м. сентября въ 6 день, на Чюдо архангела Михаила. И се чуднѣ сътвори Богъ своею неизреченною милостию: изъ толь далече земли везено тѣло святаго на телѣзѣхъ и въ санѣхъ, и потомъ же тѣло святаго лежало на Москвѣ лѣто все, и обрѣгесе тѣло все цѣло, а не истлѣвше: како удиви Богъ сватыя своя угодицы, пострадавшая за ны.

(И. Собр. Лѣт. V, 207—215).

345. Житіе Александра Михайловича тверскаго.

Того же лѣта (1338) ⁽¹⁾ князь в. Александръ Мих. тверскій поиде во Орду, а сыну его кн. Федору тогда во Ордѣ сущу, мати же его и бояры его и гости и жителские мужи і весь градъ плакаше о немъ и увѣщаше его много, да не идеть во Орду ко царю; вѣдомо ти есть, царь гнѣвнъ на тебя и смерти предати ты хо-

(1) Ал. Мих. Тверской князь избѣлъ татаръ и ханскаго посла Шенила въ 1327 г. За это его преслѣдовалъ не только ханъ, но князь в митрополитъ московскіе, по этому онъ рѣшился идти въ Орду просить милости хана.

щеть, божественное жъ писаніе не пове-
леаетъ самому себя на смерть предати.
Онъ же речѣ: «Господь во евангеліи сво-
емъ глаголетъ: не убойтесе отъ убиваю-
щихъ тѣло, душе же немогущи что со-
творити!... Азъ отъ чрева матери своея
согрѣшихъ и согрѣшая не престаю, како
не имамъ пострадати въ настоящемъ семъ,
и скоро мнующемъ жити? все бо наше
житіе мимо граде, і яко дытъ исчезаеъ,
и яко сонъ ни почгоже бызаетъ». Они
же вси о семъ оскорбишася, глаголаше,
воля господни да будетъ, и тако умоля-
ша. Онъ же выпадѣ въ насадѣ съ сущи-
ми съ нимъ, и тогда воста вѣтръ силенъ
зело онемъ гребущимъ, а насадѣ назадъ
пдаше я симъ тружашимъ; и тако много
тружающееся едва проидоша землю рускую.
А братъ его кн. Василей Мих. съ боя-
ры своими и слугами проводяща его до
Святослава поля, а брату его кн. Ко-
нстантину Мих. тогда въ велицѣхъ болѣзнихъ
лежаще, и плакася по немъ кн. в. Але-
ксандръ Мих. тверскій глаголя сице: «се
есть при кончинѣ нашей наставникъ и
собратель отчинѣ нашей, о немъ же утвер-
дился люди его по рати си». Тогда же
съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Аз-
баху кн. в. Василей Давыдовичъ ярослав-
скій внуку Федоровъ, правнуку Ростис-
славъ, праправнуку Мстиславъ, препра-
правнуку Давыдовъ и кн. Романчукъ бе-
лозерскій. Пришедшимъ же имъ во Орду,
обретѣ кн. Александръ Мих. твер-
скій сына своего Федора во Ордѣ и це-
ловашася плакашася. Исповѣда ему сынъ
сво гнѣвъ царевъ, онъ же речѣ коля го-
сподни да будетъ, и оземъ дары многи
даде царю, и царице и княземъ и прот-
чимъ рядцемъ. И пребысть единъ мѣсяцъ
во Ордѣ у царя Азбака и мнози глаго-
лаху ему татарове, еже друзи ему сущи,
хощеть ты царь убити, оклеветанъ бо еси
къ нему на крепко. Онъ же глаголаше къ
нимъ: «что имамъ сотворити? Аще Богъ
восхощетъ мя предати на смерть, да кто

мя отъ нея избавить? И нача прележати къ молитвѣ и покаянію исповѣдавшееся всегда у отца своего духовнаго, и приближися память св. великомуч. Дмитрея, и прииде ему наки вѣсть о убиеніи его, яко по трехъ днѣхъ злѣи смерти преданъ будетъ. Онъ же глаголаше: «Господи буди воля твоя, яко же хощеша», — и весь день сетуя хожаша и моляшеся и скорбаша. И наста память св. мученикъ Терентія и Неониды, и препод. Степана творца канонѣхъ и Саваяна и св. мученицы Парасковей нареченныя Птилицы, воста рано повелѣ пѣти зазвренію.... И егда начата глаголати окса псалмы (*мелетоссалмѣ*) Давыдовы: «Господи чтося умножилася стужающіи мнѣ».... и повелѣ умолати и прииде ко иконе и знаменася целова глаголя сице: «аще царь Давыдъ толкѣхъ Богоотца пророкъ великъ духъ св. имаше въ себѣ, и нацѣсти и беды мнози претерпѣ, азъ ли не хочу пострадати многогрѣшенъ сынъ! Господи, воля твоя да будетъ, тоговъ есмь на все за имя Твое святое»; и тако повелѣ глаголати вся по ряду, также и прочіе правило все и молитвы възглаголаше. И по семъ многу часу мимоиде, посла ко царю вестей пытати, также и самъ вседѣ на конѣ и нача ѣздити вестей пытати о смерти своей отъ знаемыхъ друзей своихъ; и увѣдѣвъ истинно, яко въ сн часть смерти преданъ будетъ. Онъ же объемъ сына своего и болръ своихъ целоваша и о вогчащій своей глаголавъ, и отъ сына своего и болръ своихъ и отъ всѣхъ слухъ своихъ, паче же отъ отца своего духовнаго прошенне вземъ, и ихъ простивъ, и любезно о всѣхъ слезы проливъ, и конечно исповѣдася отцу своему духовному о всемъ, і тако священныхъ и божественныхъ таинъ причастася; и тако же и сынъ его Федоръ и болре его, і вси сущи съ нимъ; никто же бо отъ нихъ чаяше себѣ живота. И по семъ малу часу пришедшу пригнаша къ нему отроцы его

глаголюще съ горькимъ плачемъ, и со многими слезами: Господи нашъ любимый каяже, се уже грядутъ на убиение твое посланни отъ царя Азбѣка Берканъ и Черкасъ; онъ же въздѣвъ руцѣ на небо нача молитися: «Господи буди воля твоя, а не моя, якоже хощеша, да аще живъ или мертвъ есмь, даждь ми милость твою и прости ми вся согрѣшенія моя». И еще ему глаголющу и слезамъ непрестанно отъ очию текущимъ, и протчѣмъ всемъ въ слезахъ стоящимъ, и се придоша посланницы отъ царя къ стану его; онъ же выиде противу имъ со смиреніемъ. И тако ту убиенъ бысть и съ сыномъ своимъ Федоромъ, и отсекома главы ихъ, болре же его и слуги все разбежашася, елицы жѣ оставаша ту, вземше телеса и повезоша на Русь. И бывшии имъ въ Володимере, сретѣ ихъ Феогнастъ и тѣ кыевски всеа Русіи священнымъ соборомъ, и цѣлѣ надъ ними надгробное глѣбѣ, отшустѣша ихъ.

(Никон. литог. III, 166).

346. Бѣтва съ Арапшай 1378.

Перебѣжа изъ Сивсий орды за Волгу нѣкоторый царевичъ Арапта, и въскотѣ ити ратью къ Новугороду Нижнему, князь же Дмитрій Костянтиновичъ посла вѣсть къ зятю своему Дмитрію, ки. же Дмитрій Ив. прииде къ Новугороду Нижнему въ снаѣ тяжцѣ, и не бысть вѣсти про царевича Арапшай, и възвратѣся на Москву, и посла на нихъ воеводы своя, а съ ними рать: володамерьскую, переславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую, а ки. Дмитрій суздальскій посла сына своего ки. Ивана, да ки. Семена Михайловича, а съ ними вой. Бысть рать велика зѣло, и доидоша за рѣку за Пьяну (*Сибирск. губ.*). И прииде къ нимъ

вѣсть повѣдаша имъ царевича на Волчьи водѣ, они же оплошншася и избрешениемъ хожаку, досиѣхши свои складоша на телеги, а кони въ сумы, а у коней сулицы (конья) еще не насажены бѣху, а щиты и конья не приготовлены, а вѣдаты порты (платье) свои съ плечъ суета, а петли разтегавъ, аки расирѣли, бѣше бо имъ варно. бѣ бо въ то время знойно; а гдѣ наѣхаша въ зажити медъ и пиво, щипваху дошля безъ мѣры, и вѣдаты пшави, по истинѣ за Пьяною пшави; а князи ихъ, или болре старѣйши, велюжи и поведовы, ти вси потѣхаша ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, миншеся яко дома. А въ то время погаша князи мордовскіи подведоша втай рать татарскую, изъ Мамасвы орды, на князей пашихъ, а княземъ пашимъ не вѣдущимъ и про то имъ вѣсти не было. И доидоша на Шивару, и абѣ погани борзо раздѣлишася на 5 полковъ, и внезапно безъ вѣсти удариша на нашу рать въ тылъ, бѣюще и колюще и сѣкуще безъ милости; пашни же не усѣина ничтоже, чтобы имъ сътворити, побѣгоша ко Пьянѣ рѣцѣ; а татарове послѣ бѣюще, и ту убиша кн. Семена Михайловича; князь же Иванъ Дмитриевичъ приближа во торонѣ къ рѣцѣ, гонимъ наурсно, и вержеся на конѣ въ рѣку и утопе, и съ нимъ истопоша въ рѣцѣ множество бояръ и слугъ, и народа безчислено, а пшн побѣли быша. Сіа же злоба сдѣяся м. августа въ 2 въ въ недѣлю (въ воскресенье) въ 6 часѣ о полднѣ. Татарове же одолѣвши крестьяны, и есташа на костѣхъ, половъ пш и грабежъ ту оставиша, а сами поидоша къ Нижнему Новгороду взгономъ (набегомъ), безъ вѣсти; князю же новгородскому не бысть силы стати противу ихъ на бой, во побѣжа въ Суздали, а люди грабаче разбѣгошася въ селѣхъ по Волзѣ къ Городиню. Татарове же пришедше къ городу августа въ 3 въ среду, оставшихъ людей грабящъ избивша, и градъ

всѣ и церкви и монастыри пожгоша; и отыдоша мнозѣмущи отъ града въ пятницю, волости новгородскія воююще, а села жгуще, и множество людей поскокиа, а жены и дѣти и дѣвцы въ полонъ поведоша. А татарове взята Переяславль рязанскій, а самъ князь Олегъ изъ рукъ убѣжа изстрѣлявъ.

(П. Собр. лѣт. IV, 73 - 74).

347. Слово о задонцихъ послѣ 1380 (').

Снидеся братія и друзи и снынове рускыи составимъ слово къ слову, возвеселимъ Русскую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симвѣ жребій, и воладимъ поганому Мамаю побѣду, а в. кн. Дмитреку Ивановичу похвалу и брату его князю Владими-

(1) *Задонщина, или слово о в. кн. Дмитреку Ивановичи и о братѣ его князѣ Владимирѣ Андреевичи, яко побѣдили супостата своего царя Мамая.*

Описание Мамая побойща дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: одна въ *Словѣ о Задонцихъ*, которое отличается народнымъ, поэтическимъ складомъ; другая—въ *Сказаніи*, которое носитъ на себѣ характеръ книжной рѣчи, украшенной искусственными, риторическими выраженіями. Въ которой изъ назв. удержалось болѣе отъ первоначальнаго сочиненія Рязица Софронія, сказать трудно. Пользя однако не забыть, что въ первой редакціи рассказъ круглъ, и самое впечатлѣніе, имъ производимое, полнѣе и яснѣе. Что же касается до второй редакціи, то слѣдуетъ упомянуть, что она сохранилась въ наибольшемъ числѣ списковъ.

Сочинитель *Задонщины*, или *Мамасва Побойща* подражалъ *Слову о полку Игоревѣ*, даже иногда рабски. Въ предлагаемой редакціи замѣтно болѣе подражаніе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидно, что сочинитель Побойща пересказалъ выраженія Слова о п. Иг., вѣроятно, имѣя его подъ рукою въ непереводимомъ или въ написанномъ почетко спискѣ. Такъ напр. в. кн. *Боянъ* онъ прочелъ *бояринъ* (вещаннаго боярина, т. е. вѣщаго Бояна. *Томъ бояринъ* воскладоша—*Боянъ* вскладаше; в. кн. за *меломъ*—*немъ* т. е. за горю, онъ прочелъ: за *Соломономъ*, прибавивъ отъ себя *какъ за царемъ*—*побывала* и тѣк. пр.) Что это слово не принадлежитъ самому Софронію, а только у него заимствовано, яствуетъ изъ словъ: азъ же похвалу Рязица Софронія. Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что

ру Андреевичю. И рече таково слово. Мужчи бо памѣ, брате, начати повѣдати иными словесы отъ похвалыхъ сихъ и о плинѣшнихъ повѣстехъ похвалу в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андреевича, а внуки в. кн. Владимира киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былымъ, не проразимся мыслію по земляхъ, помянешь первыхъ лѣтъ времена. похвалимъ вешаннаго боярина гораздо гудца въ Киевѣ. Тотъ бояринъ воскладоша гораздо своя персты на живыя струны, пошла рускимъ княземъ славу, первому кн. киевскому Игорю Барикувичю и в. кн. Владимиру Всеславьевичю киевскому и в. кн. Ярославу Володимировичю. Азъ же помяну Рязанца Софонию, и восхвалю пѣснями, гуслыми словесы, сего в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андр., а внуки св. в. кн. Владимира киевскаго, и пѣше княземъ рускимъ за вѣру христіанскую.

Се бо князь в. кн. Дмитрей Ив. и братъ его кн. Владимиръ Андр. помолился Богу и пречистой Его Матери, изгнанае умъ свой крѣпкою крѣпостью, и поостриша сердца свои мужествомъ, и наполнили ратнаго духа, установиша себѣ храбрыя воеводы въ Рускую землю, и помянуша прадеда своего в. кн. Владимира киевскаго.

О! жаворонокъ лѣтъ и птица, красныхъ день угѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, поспой славу в. кн. Дмитрею Ив. и брату его кн. Владимиру Андр. Ци бури соколы снесетъ изъ земли Залѣскія въ полѣ Пологское! На Москвѣ кони ржутъ, звѣнѣтъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стези у Дунаю (Дона) великого на брезѣ, звонятъ въ колоколы вѣчныя (вѣчные) въ В. Новгородѣ. Стоятъ мужи новгородскіе у Софьи премудрыя, а ркутъ тако: уже намъ, брате, не поспѣть на посоль (посолье) къ в. кн. Дмитрею Ив.: и какъ слово изговариваетъ, уже аки орли слѣгъшася, то ты была не орли слѣгъшася. выгѣхали посадники изъ В. Новгорода 7000 войска къ в. кн. Дмитрею Ив. и къ брату его кн. Владимиру Андр. Къ славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи рускіе, а ркутъ таково слово: у Дуная сто-

ять Татароя поганые, и Мамай царь на рѣкѣ на Мечи, между Чюровымъ и Михайловымъ брести хотѣтъ, а предати животоу свой нашей славы. И рече кн. в. кн. Дмитрей Ив. брате кн. Владимиръ Андреевич! поведемъ тамо укушати животоу своему славы, а старымъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ словихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровію прольемъ за землю Рускую и за вѣру христіанскую. И рече иже кн. в. кн. Дмитрей Ив. братія и князи рускіе, гдѣздо есмь были в. кн. Владимира киевскаго, не въ обидѣ есмь были по роженію ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.

О! соловей лѣтняя птица, что бы ты соловей пощекоталъ славу в. кн. Дмитрею Ив. и брату его кн. Владимиру Андр., и земли Литовской дву братомъ Ольгоровичамъ, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыцкому; тѣ бо суть сынове храбры кречаты въ ратномъ времени, и вѣкомы поведомы подъ трубами подъ шеломы злечеными. Въ Литовской земли моляше Андрей Ольгоровичъ своему брату: брате Дмитрей! сами есмь собѣ два братя, сынове Ольгоровы, а внуки мы Домонтовы, а правнуки есмь Сколомондовы. Зберемъ, брате, милые панова удалые Литвы, храбрыхъ удалыцовъ, а сами сядемъ на добрыя кони своя, а посмотримъ быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ итмечныхъ о боеданы бусорманскіе. И рече ему Дмитрей: брате Андрей! не пощадимъ живота своего за землю Рускую, и за вѣру христіанскую, и за обиду в. кн. Дмитрея Ив. Уже бо, брате, стукъ стучитъ, а громъ гремитъ въ каменомъ градѣ Москвѣ, что, брате, стучитъ великая сильная рать в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андр.; гремѣтъ удалцы рускіе злечеными доспѣхи и черными щиты московскими. Сбѣдай, брате Андрей, свой добрый конь, а мой готовъ оспѣлать; выведемъ, брате, въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрые Литвы, а храбрые Литвы съ нами 7000 окованые рати. Уже бо брате возвѣяли по морю на усть Дону и Цыра прилегла (прилегла) туча на Рускую землю, изъ вихъ же выступили кровавые зори, а въ вихъ трепещутся сильныя молнии. Быти стукъ великому на рѣкѣ Напрядѣ, вѣжи Дономъ и Цыромъ, пасти трупу челоувѣческому на полѣ Куликовомъ, пролитися крови на рѣкѣ Напрядѣ; уже бо скрипѣли телеги между Дономъ и Цыромъ, а идутъ Цыповѣ поганые къ Руской земли, пряткоша сѣрые волды отъ усть Дону и Цыра, и стапши воють на рѣкѣ хотѣтъ на Мечи поступити въ Рускую землю, и то были не сѣрые волды, а гдѣздо поганые Татароя, хотѣтъ пройти поюючи всю Рускую землю. Тогда гуси возгоготали и лебеди всплескаша крылами своими, поганый Мамай пришелъ на

въ Слово могло удержаться весьма многое отъ этого сочинителя. Точно также встрѣчаемъ имя Данила упомянутымъ въ словѣ, которое приписывается ему самому. Не смотри на подражаніе слову о цолку Игоревѣ, нѣкоторые мѣста отличаются высокими художественнымъ достоинствомъ; какъ напр. плачь княжны и боярынь и вдовскихъ женъ, и особенно конецъ Слова, гдѣ описывается, какъ великій князь съ своимъ братомъ и остальными воеводами стаде на коняхъ, какъ считали онъ убитыхъ, и какъ пришелъ съ убитымъ великій князь.

Русскую землю, и воеводы своя приехали; а уже бѣды ихъ пасоша, птицы крылати подѣ облакъ летять, вороны часто грають, а галлицы своею рѣчью говорятъ, орлы хвѣяются, а волы грозно воють, а лисцы на костѣхъ брешутъ. Русская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала, то уже соколы близеретни и ястребы хвараются (*порываются*), отъ златыхъ колодицъ изъ наме-на града Москвы возлетѣша подѣ синее небеса, возгремѣша златочеными колоколами ⁽¹⁾ на быстромъ Дону. Тогда кн. в. Дмитрей Ивановичъ воступи въ златое свое стрѣмя, и вземъ свой мечъ въ правую руку; и помолился Богу и пречистой Его Матери; солнце ему на востокъ сияетъ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глебъ молитву воздаютъ за сродники своя.

Что шумить и что гремитъ рано передъ зорями! Князь Владимиръ Андр. поляки перебиваетъ и водить въ великому Дону; и моливше брату своему в. кн. Дмитрею Ил.: не ослабляй, брате, поганымъ Татаровымъ, уже поганые поля русскіе наступаютъ и вотчину отнимаютъ. И говорить ему кн. в. Дмитрей Ивановичъ брате Владимиръ Андр. сами еси, а внуки в. кн. Владимира шевскаго, а воеводы у насъ уставлены отъ бояриновъ, и крѣпцы бысть князи близеретни Феодоръ Семеновичъ, да Микѹла Васильевичъ, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волынскій, да Тимофей Волуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ, а вою съ ними 300,000 окованные ратя, а воеводы у насъ уставлены, а дружина свѣдана, а подѣ собою имѣемъ добрые ковы, а на собѣ златоченые доспѣхи, а шеломы черкасскіе, а щиты московскіе, а сулицы лѣмецкіе, а княжалы орляскіе, а мечи булатные, но еще хотятъ головы своя положить за землю Русскую и за вѣру крещеную.

Пашутъ бо ся акы живи хоругови, ищутъ собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за доу борзо перелетѣли и ударилися о многие стада лебединые; то ти наѣхали русскіе князи на силу татарскую, и удариша копьѣмъ оарѣужными о доспѣхи татарскіе, возгремѣли мечи булатные о шеломы хоновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. Черна земля подѣ копыты, а костыли татарскими поля настѣла, а кровлю ихъ земля пролѣта бысть, а сильны полки ступишася въ мѣсто (*ялѣсть*) и протопташа холмы и луги, и возмущишася рѣки, потоки, озера, и кивкупи быша днѣи въ Русской земли, а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ,

(1) Колодица или колоды: уменьш. отъ колода или клѣда, т. е. двѣ палки съ вмѣстными посреди, а по концамъ съ петлями и замками. Колокола или колокольцы навѣшывались на лопатки птицъ.

ли къ Караначи Крыму, и хъ Сафѣ (*къ казѣ*), по морю и къ Которинову, а отголѣ ко Царюграду на хвалу русскимъ княземъ. И одолѣша ратъ татарскую на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ.

На томъ полѣ сильныи гучи ступашася, а нѣтъ нѣхъ часто сѣли молнии и загремѣли громы велицыи: то ты ступишася русскіе удалыи съ погаными Татарамъ за свою великую обиду, и въ нѣхъ сѣли сильныи доспѣхи златоченыи, а гремѣли князи русскіе мечемъ булатными о шеломы хоновскіе. А билися изъ утра до полудни въ субботу на рождество св. Богородицы. Не турѣ возгремѣли у Дунаю великого на полѣ Куликовѣ, и не турѣ побѣдѣни у Дунаю великого; но постѣчени князи русскіе и бояры в. кн. Дмитрей Ил., побѣдѣни князи близеретни отъ поганыхъ Татаръ: Феодоръ Семеновичъ, да Семенъ Михайловичъ, да Тимофей Волуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Иванъ и нѣтъ многоя дружина.

Пересвѣта черница, брянскаго боярина, на суженое мѣсто (*на смерть*) приехали. В рече Пересвѣта черница в. кн. Дмитрею Ил.: лутчи бы намъ потатымъ быть, нежели половецкимъ отъ поганыхъ Татаръ. Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ, а златоченыи доспѣхомъ посвѣтиваетъ, а иныи лежатъ постѣчены у Дунаю великого на брѣвѣ; и въ то время стару надо помолодѣть, а удалымъ людямъ плечъ своихъ пошатать. И повѣяше Ослабѣ черицѣ своему брату Пересвѣту: брате Пересвѣте вижу на тѣлѣ твоѣмъ раны великіи, уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Іакову лежатъ на зеленѣ ковыль травѣ, на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ, за вѣру крещеную за землю Рускую и за обиду в. кн. Дмитрея Ивановича.

И въ то время по резанской землѣ около Дунаю ии ратя ии пастухи въ полѣ неклѣчють, по едины вороны грають трупъ ради человеческѣ, грозно и жалосно въ то время бѣше тогда слышати: за неже трава кровлю пролѣта бысть, а древеса тугою къ землѣ приклонишася, а воспѣли бѣше пѣснь жалостныи пѣсони. Восплакашася вся княгипи и боярыни и вси воеводскіе жены о избѣвшихъ, Микѹлина жена Васильевича Феодора да Дмитріева жена Марья рано плакашася у Москвы града на забрѣлахъ стоя: а ркутъ тако: Доне! Доне! быстрая рѣка прорыла еси ты каменныя горы и течени въ землю Половецкую, прилѣлѣй моего господина Микѹла Васильевича ко мѣ; а Марья про своего господина то же рекла, а Тимофеева жена Волуевича такоже плакашася, и рече тако: се уже веселіе мое поищѣ ко славномъ градѣ Москвѣ, и уже невижу своего Государи, Тимофея Волуевича ии животѣ пѣту. А Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксенія рано плакашася: се уже обѣма намъ солнце померкло въ слав-

номъ градъ Москвѣ; примахнули къ нимъ отъ быстрого Дона поломянные вѣсти, вояша великую бѣду и сѣдоба удалыи 3 добрыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ. И восилакались жены коломенскіе, а ркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси заедѣла мужей нашихъ, ркутъ, отъ насъ въ землю Половецкую, и тако: можешь ли господине князь в. веслы Нѣпръ запрудити; замкни городъ Окъ рѣкѣ ворта, чтобы потомъ поганые Татары къ намъ не ѣздили, уже мужей нашихъ рать трудила.

Того же дни въ субботу на рождество св. Богородицы исѣхша христiane поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и инокнувъ (?) в. кн. Владимиръ Андр. гораздо и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а зачѣнымъ тѣмъ шеломамъ посвящаесть, а скакаша со вѣсмъ своимъ войскоу, и загремѣли мечыи булатными шелома хитовские. И восхвалять брата своего в. кн. Дмитрея Ив.: брате, Дмитрий Ивановичъ, туто у. иныя времена... а забрала не оставай, и свои полки понужай коромольщикамъ; уже бо поганые Татары поля настувають, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ труи чело-вѣкъ борзи кони не могутъ скорѣти, а въ крови по козѣно бродятъ, а уже бо, брате, жалостно видѣти кровь крестьянская. И князь в. Дмитрий Ив. рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярские, то ти выши московскіе сладкіе меды и великіе мѣста, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыти. И рече князь в. Дмитрей Ив.: Господи Боже мой! на ти уповахъ да не постыжуся въ вѣтъ, и да не посмѣются враги моя мнѣ; и помолился Богу и пречистой Его Матери и вѣсмъ святымъ Его, и просѣлся горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколъ борзо полетѣли. И воскаиваетъ князь в. Дмитрий Ив. съ своими полки и со всею силою. И рече: брате, князь Владимиръ Андр. тутъ брате, испити медовая чара, наѣждаеъ, брате, своими полки сильными на рать Татаръ поганыхъ.

Тогда князь в. настуаетъ на рать силу татарскую, и гремятъ мечи булатные о шелома хитовскіе, и поганые бусормановъ покрыша главы свои руками своими; тогда поганые борзо вся отступиша. И отъ в. кн. Дмитрея Ивановича стезя ревутъ, а поганые бѣжятъ, а рускіе князи и бояры и воеводы и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша, и зачѣными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронъ; тогда князь Дмитрий Ив. и братъ его кн. Владимиръ Андр. полки поганыхъ всыять поворотили; и пача ихъ бусормановъ бити и сѣчи гораздо безъ милости, и влязъ ихъ цадонъ съ коней загремѣли, а трупыи татарскими поля насѣяша, и кровию ихъ рѣки потекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣжи неуготованными доро-

гами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими, доружив (?) лица своя; а ркуще такъ: уже намъ брате въ земли своей побывать и дѣтей своихъ неондаты, а въ Русь ратью намъ нехаживать а выхода (!) намъ у рускихъ людей не пришивать; уже бо востона земля Татарская, бѣдали и тугою покрыша бо сердца ихъ, хотѣние (?) княземъ и похвала Руской земли ходити; уже бо веселе наше поити; уже бо рускіе сынове разграбиша татарския узорочья, и доспѣхи и кони, и волю, и верблуды, и вино, и сахаръ дорогое узорочье, уже жены рускіе восилескаша татарскимъ златомъ.

Уже бо по русской землѣ прострѣся веселіе и буйство (раздолье); вознесся слава руская по всей земли; а на поганыхъ Татаръ промчѣся злыхъ бусормановъ хула и пагуба, уже бо вержено диво на земли, и уже грозы в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андр. по вѣсмъ землямъ текутъ грозы. И князь в. своею храбростію и дружиною Малая поганая побилъ за землю русскую и за вѣру крещеную; уже поганые оружія свои повергоша подъ мечи рускіе, и трубы ихъ не трубятъ, и уныша гласи ихъ. И отскачи поганый Мамай отъ своей дружины, сѣрымъ волкомъ звывъ, и прятче къ Хаесть граду. Моляше же ему Орязовъ (Фрэнки): чѣму ты поганый Мамай поскакаеши на Русскую землю; то тл была орда (войско) Залѣская; а не бывати тебѣ въ Батыя цари, у Батыя цари было 400,000 кованыи рати, а вдевалъ всю Русскую землю отъ востока и до запада; а казилъ Богъ Русскую землю за ея согрѣшенія. И ты пришелъ на русскую землю, царь Мамай, съ многими силами, 39-ю ордами, и 70-ю князьями; а нымъ ты поганый бѣжши, самъ-девять въ Лукоморье, не съ кѣмъ тебѣ зныи зыновати въ полѣ; не што (разонъ) тебѣ князи рускіе гораздо подчивали, ни князей съ тобою ни воеводъ: не что гораздо упились у быстрого Дона на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыль. Побѣжи ты поганый Мамай отъ насъ, позаденеши и намъ отъ земли русской.

Уподобился еси милому младенцу у матери своей, тако господь Богъ поминавалъ князей рускихъ, в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андр. межъ Дона и Нѣпра. И сталъ в. кн. Дмитрий Ив. съ своимъ братомъ съ Владимиромъ Андр. и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ Куликовѣ на рѣкѣ Напрядѣ. Гораздо бо в жалостно, брате, въ то время посмотри, иже лежатъ трупыи крестьянскіе у Дуная великого на брезѣ, и Донъ рѣка три дни кровию текла.

(!) Выхода—дани. Въ Древн. Рус. стлх. Брать онъ мзакъ. Шелаютъ дани, невыходы. царски невышлати. Все это мѣсто отдѣляется народными извѣстными сказкамъ.

И рече князь в. Дмитрий Ив., считайтесь братія сколько у насъ воеводъ нѣтъ, и сколько молодѣть людей нѣтъ. Тогда говорить стоя Михайло Александровичъ, московскій бояринъ, князю Дмитрею Ивановичю: государь кн. в. Дмитрий Ивановичъ! нѣгу, государь, у насъ 40 бояриновъ Московскихъ, 12 князей блгозерскихъ; 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояриновъ коломенскихъ, 40 бояръ серпуховскихъ, 30 пановъ лнтовскихъ, 28 бояръ костромскихъ, 35 бояръ володимеровскихъ, 8 бояръ суздальскихъ, 40 бояръ муремскихъ, 70 бояръ рязанскихъ, 34 бояриновъ ростовскихъ, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ можайскихъ, 30 бояръ звѣнигородскихъ, 15 бояръ угледскихъ; а посвячено отъ безбожнаго Мамаю полтрѣтя ста (270) тысячъ и 3 тысячи. Слава тебѣ Господи Боже нашъ, помиловалъ на съ. И рече кн. в. Дмитрий Ивановичъ: братія бояра и князи и дѣти боярскіе, то вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Иѣромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Наирѣ, и положили еста головы своя за св. церквы за землю рускую, за вѣру крестьянскую; простите мя братія и благословите, вѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдѣмъ брате, кн. Владимиръ Андреевичъ во свою Залвскую землю къ славному граду Москвѣ, и сядѣмъ брате на своемъ княженіи, а чти есми, брате, добылъ и славнаго имени, Богу нашему слава.

(Времен. моск. общ. ист. кн. XIV).

О побойщѣ на Дону въ IV Новгор. лѣт. 75—83. Рус. исторія, сборн. III, 1838 г. Сказаніе о побойщѣ изд. Смирнова 1829. См. Журн. Мин. Народ. Просв. VII, 5—71. Уч. Зап. Акад. V, 3 67. Изв. VI, 337; VII, 96. Объявленіе сказаніи въ Ист. Рос. Соловьева. IV, 360—71. Притѣнія къ сказанію въ Хрестом Буслаева.

348. О плѣненіи и о приходе Тахтamyша царя, и о московскомъ взятѣ 1382.

Бысть нѣкое проявленіе, по многія пощѣ являющася таковое знаменіе на небесахъ: на востокѣ, предъ равнею зарею, звѣзда нѣкая, аки хвостата и якоже копейнымъ образомъ, овогда вечерней зарѣ, овогда же во утреней, тоже многожды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тахтamyшево на русскую землю, и горькое поганыхъ татаръ нахождение на крестьянъ; якоже и бысть, гнѣвомъ божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ. Бысть въ

3-ее лѣто царства Тахтamyшева, царствующему ему въ Ордѣ и въ Сарай, и того лѣта царь Тахтamyшъ посла слугъ своихъ въ градъ нарицаемый Болгары, еже есть на Волзѣ, и повелѣлъ торговщи рускія и гости крестьянскія грабити, а суды ихъ и съ товаромъ у нихъ отнимати и продавати къ собѣ на перевозъ; а самъ поидася съ яростію, събравъ вой многы, и подвижеся къ Волзѣ съ всею силою своею, перевозеся на сію страну Волги съ вѣсми своими князьми, съ безбожными вой съ татарскими полки, поиде изгономъ на в. кн. Дмитія Ив. и на всю Русь; ведаше же рать внезапно извѣстѣ (неизвѣстнѣ, невѣдомо), умѣнемъ тацѣмъ же злохитрѣмъ, недающе вести предъ себѣ, да не услышано будетъ на Русѣ устремленіе его. И то слышавъ князь Дмитрій Костянтиновичъ суздальскій посла къ царю Тахтamyшу 2 сына своихъ, Василья да Семѣона; они же пришедше не обрѣтоша его, бѣаше бо грядя борю (быстро) на крестьянъ и гнаша въ слѣдъ его нѣколко днѣй, переѣхаша дорогу его на мѣстѣ нарицаемѣмъ Серьнацѣ, и поидоша по дорогѣ его съ тщаніемъ, и постигоша его близъ предѣлъ Рязанскихъ земля. А князь Олегъ Рязанскій срѣте царя Тахтamyша прежде, даже не видѣ въ землю рязанскую, и бивъ ему челомъ бысть ему помощникъ на побѣду Русѣ, но и спосылникъ на пакость крестьяномъ, яная нѣкая словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю рускую, како безъ труда взяти каменный градъ Москву, како побѣдяти и издобыти князя Дмитрія; еще же ктому обведе царя около всей своей отчизны рязанскія земли хотяше бо добра не имѣ, но своему княженію помагаше. А въ то время поздѣ нѣкако (какъ то) си едва пріиде вѣсть князю великому, възвѣщающа рать татарскую; аще бо и не хотяше Тахтamyшъ, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради ведъ гости рус-

кїа поймави быша и пограблени и удержани, дабы не было вѣсти Руси, но обаче суть иѣщи доброты на предѣлахъ ордынскихъ на то устроени, поборники сущє земли Русѣй. Слышавъ же князь великий таковую вѣсть, како идетъ на него самъ даръ въ множествѣ силы своей, нача собирать вой и съвокупляти полки свои, и выѣха изъ града Москвы, хотя ити противу Татаръ; и ту нача думать думати князь Дмитрій и съ прочими князи рускими, и съ воеводами и съ думцами и съ вельможами и съ бояры старѣйшими, и всячески гадаше, и обрѣтесе раздѣно въ князехъ, и не хотяху пособляти другъ другу, и не изволиша помогати братъ брату. Не вспомнуша Давыда пророка, глаголюща: се коль добро и коль красно, еже жити братіа вкуитъ! и другому приспопоминному рекше: другъ другу пособляя и братъ брату помогая яко градъ твердъ. Бывшу же промежи ими неединначеству по неимовѣрству (*разногласью*), и то познавъ и разумѣвъ и разсмотрѣвъ благотѣрный князь бы въ недомышленіи велицѣ и убоися стати въ лице самого царя, и не ста на бой противу его и не подія руки на царя; но побѣха въ градъ свой Переяславль, и отъиду мимо Ростовъ, и пакы реку вбѣраѣ на Кострому. А Кипріянь митрополитъ прїѣха на Москву. А во градѣ Москвит бысть мѣтня (*смути*) многа и мѣтежь великъ зѣло, бѣху людє смущени, яко овца не имущє пастуха, гражданстїи людє възмущашася и възколебашася яко пьяни: ови сѣдѣти хотяху затворившеся въ градѣ, а друзїи бѣжати помышляху, и бывши промежи ими расирѣ велицѣ, ови же съ рухлядью въ градъ выѣтахуся, а друзїи изъ града бѣжаху ограблени сущє; и створиша вѣче, позволиша во вся колоколы, и вѣсташа вечемъ народа мѣтежники, недобрїи человекѣ, людє крамольники: хотѣвшихъ изыти изъ града не токмо не пуцаху вонъ изъ града, но и

грабляху, ия самого митрополита постыдѣшася, ни бояръ нарочитыхъ не устрашашася, ни усрамишася сѣдивы старецѣ многолѣтнихъ, но и на вся огрозѣшася, ставше на вѣсѣхъ вратехъ градскихъ сверху каменемъ шибаху, а долѣ (*внизу*) на земли съ рогагынами и съ сулицами и съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, и не пушающе вылетѣти вонъ изъ града, и едва умоленїи быша, поздѣ вѣкогда выпустѣша ихъ изъ града, и то ограбѣвше. Граду же единаче въ мѣтежи сущающюся, аки морю мутящюся въ бурїи велицѣ, и ни откуда же утѣшенїя обрѣтающю, но паче болшихъ и пушчихъ золь ождаху; снѣгъ же тако бывающѣмъ, и потоми прїѣха къ нимъ въ городъ иѣкоторый князь латовскїй, именемъ Остѣй, явукъ Олгердовъ и той окроти народъ и мѣтежь градный уставивъ, и затворися съ ними въ градъ во осадѣ съ множествомъ народа съ тѣми, елико осталось гражданъ, и елико бѣжанъ сбѣжало съ волости, и елико отъ иныхъ градовъ и отъ странъ приключишася въ то время бояре и Суражанѣ, суконявкїи и прочїи купци, и архимандриты и игумены и протопопы, прозвутеры, дяконы и черницы, и всякъ възростъ мужеска полу и женеска и съ младенцы. Князь же Олегъ обѣде царя около своего отчины и земли и указа ему вся броды сущая на рѣцѣ на Окѣ. Царь же перешедъ рѣку Оку, и прежде вѣсѣхъ взя градъ Серполовъ и огнемъ поожже ѣ; оттуда тако поиде къ Москвѣ, напрасно устремився, духа ратнаго наполнився, волости и села жгущи и воюючи ихъ, и изродъ крестьянскїи събѣжущи и всячески ѣ убивающѣ, а прочая люди въ плонѣхъ емилющи. И пакы прїиде къ городу къ Москвѣ ратью, а сила татарьскєя принде м. августа въ 23 въ понедѣльникъ, и прїѣхаша не вси полки къ граду; начаша клѣюще въпрѣшивати, вѣнюще и глаголюще: «есть ли здѣ князь Дмитрій»? они же съ града съ заборолѣ отвѣщавше

рокоша: «вѣту.» Татарове же отступивше недалеко, и поѣхаша около города, обзирюще и разсматривающе приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрѣльницы, и пакы стояху зряще на градъ. А тогда въ градъ внутрюду добриі люди моляхуся Богу день и ночь, пристояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся съ покаяніемъ и съ причастіемъ и слезами. Нѣци же недобриі челоуѣци начаша обходить по дворомъ, выносяше изъ погребовъ меды господскія, а сосуды серебряныя и стѣкланницы драгіа, и увивахуся даже и дошьяна, и къ шаташю дерзости прилагашу, глаголюще: «не устрасаемся цоганыхъ нахожденія татарскаго, селики (такъ) твердъ градъ имуше, еже суть стѣны каменны и врата желѣзна; не терпятъ бо ти долго стояти подъ городомъ нашимъ сугубъ страхъ имуше, изнутри града бойци, а внѣду града князей нашихъ съвокупляемыхъ устремленія блюдутся.» И пакы вълазюще на градъ, пьяни суще, шатахуся, ругающиеся Татаромъ, образомъ безстыднымъ досаждающе и нѣкая словеса выносяще исполнь укоризны и хулы, а кидашу на ня, мѣху только той есть силы татарскія; Татарове же прямо къ нимъ на градъ голыми саблями своими машуще, образомъ аки тинаху (сльцаху) наживающе издалеча. И въ той день къ вечеру тѣ цолци отступаша отъ града, и наутрѣ самъ царь приступи съ всею силою и съ вѣсми цолки своими полъ градъ, граждане же съ града узрѣвше силу велику и убояшася зѣло; Татарове же тако и подоша къ городу, граждане же съ града пустипа на ня стрѣлы, и они паче стрѣляше стрѣлами своими, и вдаху стрѣлы ихъ на градъ аки дождь великъ умноженъ зѣло, не дадуше ни прозрѣти, и мнози на градѣ стоящи на забралѣхъ отъ стрѣлъ падаху, одоляху бо татарскія стрѣлы паче, нежели гражданскія: бѣху бо у нихъ стрѣлци гораздиі велми, ови отъ нихъ

стояще стрѣляху, а друзиі скоро рпщюше (*быстро бѣгая*), изучивъ суще, а ивиі на коня борзо гоняще на обѣ рупѣ, и пакы напредъ и назадъ, скоро получю (*улучно, благополучно*) безъ погрѣха стрѣляху; а друзиі отъ нихъ створше лѣствици и прислоняюще я лѣзяху на стѣну, граждане же воду въ котлѣхъ варяще, кипятню, и льяху на ня варъ, ти (*да*) тако възбраняхуть имъ. Отшедшимъ же смѣ и пакы приступившимъ, и тако по 3 дни бяхуся межи собою, пренемагающиеся; егда бо Татарове приступашу къ граду, близъ приступающе къ стѣнамъ градскимъ, тогда же граждане стрегуще градъ, супротившася имъ въбраняюще, ови стрѣляху стрѣлами съ заборолѣ, ови же каменіемъ пабаху на ня, а ивиі самострѣлы напязавше пругашу, друзиі же тѣяки (*изъ ружей*) пушашу на нихъ и пороки, есть же нѣци, яко и самыя тѣ пушки пушашу. Въ нихъ же бѣ единъ нѣкто гражданинъ Москвитинъ, суконникъ, именемъ Адамъ, иже бѣ надъ враты Флорѣаврьскими, примѣтивъ, назнаменовавъ единого Татарина нарочита (*знатнаго*) и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ординскаго, напратъ стрѣду самострѣльную, юже испусти напрасно, ею же уязви въ сеердце его гнѣзливое и вскорѣ смерть ему нанесе, се же бысть велика язва вѣсми Татаромъ, яко и самому царю стужити о семъ. Сямъ же тако бывающимъ, царь же стоявъ у города 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣи лживыми рѣчами и лживымъ миромъ, и вызва его вонъ изъ града и уби его предъ враты града, а ратемъ своимъ вѣсми повелѣ обступити градъ съ всеи стороны. Такова же бысть область (*оболманье*) Остѣю и вѣсми гражданомъ, сущимъ въ осадѣ: и понеже царю стоящу 3 дни около града, а на 4 день наутрѣ въ полънобѣда, по повелѣнію цареву, прѣѣхаша Татарове нарочатиі большіи князи ординскіи и рядци его, съ

нии же 2 князя суздальскій, Василей да Семионъ, сынове князя Дмитрія суздальскаго; и пришедше подъ градъ, приближишася близъ стѣнъ градекихъ по опасу (*осторожно*), и нача глаголати къ народу сущему въ градѣ: «царь васъ своихъ людей хочетъ жаловати, понеже недовинни есте и нѣсте достойни смерти; не на васъ бо воюя приде, но на Дмитрія ратунъ приде ополчився, вы же достойни есте милостию, много же ничтоже не требуетъ отъ васъ, развѣ токмо изыдите противу его въ срѣтеніе ему съ честию и съ дары, кушо и съ своимъ княземъ; хочетъ бо видѣти градъ сей и въ онъ вникти и въ цень побывати, а вамъ даровати миръ и любовь свою, а вы ему врата градвыя отворите;» также и князи Нижняго-Новгорода глаголаху: «имите вѣру намъ, мы есмя ваши князи крестьянскіи, вамъ изъ томъ правду даемъ.» Народъ же градскій вѣру яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прелестяшася, ослѣпи бо я злоба татарская и опрочи ихъ прелесть бесерменская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: «не всякому духу вѣруйте,» отвориша врата градная; и выидоша съ своимъ княземъ и съ дары многими къ царю, также архимандритове и игумены и попове съ кресты, а по нихъ боларе болярніи мужи, и потомъ народъ и черныи люди. И въ томъ часѣ начаша татарове сѣчи всѣхъ, по ряду напрасно: прежде всѣхъ убьенъ бысть князь ихъ Остий предъ градомъ, и потомъ начаша сѣчи поповъ и игуменовъ, аще и въ ризахъ съ кресты, и черныхъ людей, и ту быше падѣти святыя иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныя безъ чести небрежна, ногами топчемы, обомшаны же и одраны. Татарове же тако и поидоша въ градъ, сѣкуще, а инѣи по лѣствицамъ выидоша на градъ, никому же възбраняюще съ заборолъ, не сущю забраннику на стѣнахъ и не сущю избавляющему, ни спасающему. И бысть

внутрь града сѣча велика, а внѣуду сѣча, толико же сѣчаху, дондеже руцѣ ихъ и плещи ихъ измолкоша (*ослабѣли*), сила ихъ немоще, сабли ихъ не вѣдутъ, острии ихъ притупишася. Люди же крестьянскіи сущіи тогда въ градѣ, бѣгающе по улицамъ стѣно и овами, скоро ринуще толпами, вынююще и глаголюще, и въ дерся своя быюще: и гдѣ избавленія обрѣсти, и нѣсть гдѣ смерти изыти, и нѣсть гдѣ острей меча укрытися, оскудѣ князь и воевода и все войнство ихъ потребися, и оружия ихъ до конца изчезоша; ови въ церквахъ сборныхъ каменныхъ затворишася, но и тамо не избыша, безбожныи бо силою разбиша двери церковныя, и сихъ мечи изсѣкоша; вездѣ крикъ и вопль великъ страшень бываше, яко не слышати друга друга въшуща, множествомъ народа кричаща, они же крестьянъ изволяще изъ церкви дуяще (*обираяще*) и обирающе сѣчаху. А церкви сборныя разграбѣша олтаря святыя и мѣста попраша, и кресты честныя и иконы честныя одрапа украшены алатомъ и серебромъ и жемчугомъ и бисеромъ и каменемъ драгимъ, и пелены златомъ штыли и жемчугомъ саженыя оборваша, съ святыхъ иконъ кузнь (*металлическія украшения*) съдрахше, а святыя иконы попраша и съсуды церковныя, служебныя, священныя, златокозанныя и серебряныя многоцѣнныя поимаха, и ризы поповскія многоцѣнныя и многія расхитиша; князь же многое множество снесено съ всего града, въ сборныхъ церквахъ до *стропа* ⁽¹⁾ наметано, съхраненія ради сироважено, то все безъ вѣсти створиша. Что же изречемъ о казнь князя великаго, яко и тол многоцѣнное съкропище съкровениое скоро истощися, и велехвальное богатство и богатотворное имѣніе быстрообразно разне-

(1) До стропа—до перха; оттуда сл. стропилы.

сено бысть? Придемъ же въ сказаніе и прочихъ и многихъ бояръ старѣйшихъ, яже казны долговременствомъ собраны и благоденствомъ наполняемы, и храмища ихъ исполнь богатствомъ имѣнія многоцѣннаго и нескетнаго, то все взяша и понесоша; и паки другія сущи въ градѣ кунцы, яже суть богати людие, храмины ихъ исполненны всякого добра разноцѣннаго, та вся взяша и расхитиша; мнози монастыри разориша и мнози церкви раздрушиша, въ св. церквахъ убійство сѣдѣша, и въ священныхъ олтарѣхъ кровопролитіе сътвориша оканьны, и святая мѣста поганія оскверниша. Якоже пророкъ глаголаше: Боже! придоша языци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою; положиша Іерусалима, яко овошиное хранилище, положиша трунь рабъ твоихъ брашно отпцамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, пролиша кровь ихъ яко воду, окрестъ Іерусалима, не бѣ погребая ихъ; дѣвица ихъ неостѣвовани быша, и вдовицы ихъ неоплакави быша, и священники ихъ оруженъ падоша. Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много множество ту паде трунь Русь, отъ татаръ избѣженныхъ, и многихъ мертвыхъ лежаху тѣла мужъ и женъ непокровены. И ту убьенъ бысть Семіонъ архимандритъ Синазовскій, и другіи архимандритъ Іаковъ, и нѣи мнози игумены и попове и дьякони, крылопане, четци и шѣвцы, черницы, простыци, и отъ юнаго я до старца, мужеска полу и женеска, ти вси постѣчени быша; а друзи въ огнь изгорѣша, а нѣи въ волѣ истопоша, а нѣи множайшия отъ нихъ въ полонъ поведени быша и въ работу (въ рабство) поганскую въ страну татарскую плѣвени быша. И бѣше видѣти тогда въ градѣ плачь и рыданіе и вошь много и слезы нескетныя, крикъ неутолимый, стenanіе многое, оханіе сѣтованное, печаль горкая, скорбь неутѣшная, бѣда нестерпимая, нужда ужасная,

горесть смертная, страхъ и трепеть и ужась, драхлованіе и вѣзанованіе, поправаніе, безчестіе, поруганіе, посязаніе врагомъ, укоръ, стыдъ и срамота, поношеніе и уничиженіе. Сія вся приключишася изъ крестьянскомъ роду отъ поганыхъ за грѣхи наша. И тако зѣло въскорѣ взяли градь Москву, м. августа въ 26 день, на цѣмь св. мученикъ Андрѣяна и Наталья, въ 7 часъ дни въ четвертокъ по обѣдѣ, товаръ же и всякія имѣнія пограбиша, и градь огнемъ зажгоша, а люди мечю предаша; и бысть отголѣ огнь, а отселѣ мечь, ови огня бѣжаше мечемъ умроша, а друзи меча бѣжаше въ огнь изгорѣша, и бысть имъ четверообразна нагуба 1-е отъ меча, 2-е отъ огня, 3-е въ водѣ, 4-е въ плѣненіе поведени быша. И болѣ дотолѣ прежде видѣти было Москва градъ великъ, градъ чюдотъ, градъ многочеловѣченъ, въ немже множество господства, въ немже множество всякаго узорочья (благочинностей), и паки въ единомъ часѣ измѣниша вѣдѣніе его, егда взяли бысть и постѣченъ и поженъ: и нѣчего его видѣти, развѣи токмо земля и персть, прахъ, попель, трунь мертвыхъ многа лежаща, и святыя церкви столица аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши; плачется церковь о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избѣженныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачущихъ: о чада церковная, о страстотерци избѣвени, иже нужную кончину поплѣте, иже нужную смерть претерпѣсте отъ огня и меча; отъ поганыхъ насильства церкви стоять, не имуща льготы, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? понеже престала служба церковная, сю же многа блага у Господа проситъ, престала обѣдняя св. лютургія, престала святая просфуря, приношеніе еже на святѣмъ жертвенницѣ, престала моляща заутреня и вечерня, преста глаголетъ псалму, по всему граду умолкома пѣснь. Увы мнѣ страшное се слышати, страшнѣе же тогда было видѣ-

тѣмъ грѣхъ же наши то намъ сѣтворили. Гдѣ благочестіе и благосостояніе церковное? гдѣ четцы и пѣвцы? гдѣ клиросники, церковники? гдѣ суть ерети, священники, служащии Богу день и ночь? вси лежать, вси уснуша и почиша, вси посѣчени быша и избѣвени быша, утѣшеніемъ меча умрѣша: и бѣсть познѣніе въ колоколы, ни въ било⁽¹⁾, и бѣсть зовущаго, ни текущаго, не слышати въ церкви гласа поюща, ни слышати славословія и хвалословенія, не бѣсть въ церквахъ стихословія и благодаренія—въ истину суета человѣческая, и бѣсть мятежь человѣческій. Спсе же бѣсть конецъ московскому плѣнению. Не токмо же единая Москва взята бѣсть тогда, но и прочіи грады и страны плѣвени быша. Князь же великій съ киягинею и съ дѣтми пребысть въ Костромѣ, а братъ его Володимѣръ на Волокѣ, а мати Володимѣрова и киягини въ Торжку, а Герасимъ владыка коломенскій въ Новѣгородѣ. Кто насъ, братье, о семъ не усташится, видѣя таковое смущеніе Руской земли? Якоже Господь глагола про рокомъ: аще хощете, послушаете мене, благая земная свѣдѣте, и положю страхъ вашъ на вразѣхъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побѣдите никимъ же гоними, пошлю на вы страхъ и ужасъ, побѣдите васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща. Елма же царь распусти силу татарскую по земли Руской воевати княженію великое, ови изшедше къ Володимѣрю и много людей посѣкоша и въ полонъ поведоша, а нѣмѣ полци ходиша къ Звенигороду и къ Юрьеву, а нѣмѣ къ Волоку и къ Можайску, а друзи къ Дмитрову, а януу рать послаа въ градъ Переяславъ, ови же его взяша и огнемъ

пожгоша, а Переяславци выбѣгоша вонъ изъ града, а градъ поверише, по озеру въ судѣхъ, а тамо избыша, Татарове же мнози грады поймаша и волости повоеваша и села пожгоша, а монастыри пограбляша, а крестьянъ посѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша, и много зла Руси сѣтвориша. Князь же Володимѣръ Андрѣевичъ стояше ополчався близъ Волока, събравъ силу около себе; и нѣмѣ отъ Татаръ, не ведуще его, ни знающе, ѣхаша на нь, онъ же о Бозѣ укрѣпився и удари на нихъ, и тако милостию божіею оныхъ убилъ, а иныхъ живыхъ поималъ, и нѣмѣ побѣгоша, и прибѣгоша къ царю и повѣдаша ему бывшее. Онъ же отъ того побѣдився, и оттолѣ вачать по малу отступати; идущю же ему отъ Москвы, и оттолѣ отступивша рать къ Коломвѣ, и тѣ шедше взяша градъ Коломву и отъидоша. Царь же пересвезеся за Оку за рѣку, и взя землю Рязанскую и огнемъ пожже, и людѣ посѣче, а нѣмѣ разбѣгошася, а полонъ поведе изъ Орду безчисленное множество; князь же Олегъ Рязанскій то видѣвъ побѣже. Царь же къ Ордѣ идущи отъ Рязани, отступивъ посольствомъ посла своего Шихмата, своего шюрина, къ Дмитрію суздальскому, купи съ его сыномъ съ княземъ Семіономъ, а другаго сына его князя Василья поятъ съ собою въ Ордѣ. Отшедшимъ же Татаромъ, и потомъ не по мнози днѣхъ благовѣрный князь Дмитрій и Володимѣръ, кождо съ своими бояры старѣйшими, въѣхаста въ свою отчину въ градъ Москву, и видѣвъ градъ взятъ, и плѣнъ и огнемъ пожженъ, и святыя церкви разорены, а людѣ побитыхъ, трущыхъ жертвыхъ безъ числа лежащихъ; и о семъ сжалишася зѣло, яко и расплакатися има съ слезами. Кто бо не въсплачется таковыя погибели градныя? Кто не жалуется толка народа людѣ? Кто не потужитъ о селѣхъ множествѣ крестьянъ? Кто не сѣтуетъ сивцаго плѣненія и сѣкрушенія?

(1) Било—деревянная доска, употребляемая вмѣсто колокола въ Греціи и названіе это сохранилось въ Рускомъ Церковн. Уставѣ.

И повелѣша тѣлеса мертвыхъ хоронити, и даяста отъ 40 по полтинѣ, а отъ 50 по рублю, и съчюша, всего того дано бысть отъ погребанія мертвыхъ 300 рублевъ⁽¹⁾. А опроче того елико сдѣлаша Татарѣ напасти убытка Русѣ и княжевию великому, елико створиша протора (убытка) своимъ ратнымъ нахожденіемъ, колико градовъ повмаша и плѣняша, и колико злата и серебра и всякаго товара взяша, а землю его до останка взяша и пусту сѣтвораша, и всякого узорочья, колико волостей (областей) поволеваша, колико огнемъ пожгоша, колико мечемъ поубѣкоша и елико въ половѣ поведоваша, и еще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы изчитати, убо, не смѣю решити, мною, яко ни тысяща тысящъ рублевъ не имать числа. Не по мнѣмъ же днехъ князь Дмитрій посла свою рать на князя Олга рязаньскаго; Олегъ же не въ мнѣмъ дружинѣ едва утече, а землю его до останка взята и пусту сѣтвораша, пуша ему бысть и татарскія рати. Тогда же бысть, сущю Киприяну м-ту на Тфе-рѣ и тамо изыбвишу ему ратнаго нахожденія, и прѣйха на Москву октября 7. Той же осени къ князю Дмитрію на Москву отъ Тахмаша посолъ прѣйха Карачъ о миру; князь же повелѣ крестіянѣмъ ставити дворы и сѣзидати грады.

(И. С. Лст. IV, 84—90).

Обратить внимание на украшенный языкъ московскій въ этой повѣсти, и на искусственные приемы писателя.

349. Крещеніе Татаръ 1390⁽¹⁾.

Той же осени прѣйхаша 3 Татаряны къ кн. в. Василью въ рядъ (на службу

⁽¹⁾ Слѣдств. труновъ похоронено 24,000.

⁽²⁾ Заглавіе этой статьи сдѣлано въ трехъ Татарянахъ, иже изъ Орама прѣйдоша на Москву и крестіашася.

по уговору), и биша ему челомъ, хотяще ему служити, иже бѣша знакомити (знаменитые) двора царева и нарочиты поставленцы цареви, въсхотѣша быти въ вѣрѣ крестьянской, и жити на Русѣ и крестіятися, и прѣйдоша къ м-ту Киприяну, просиша отъ него св. крещенія; онъ же поучивъ отъ святыхъ книгъ, и молитву створивъ, и приготовавъ я якоже подобаетъ, и бысть въ время, егда подобаетъ крестіяти я, позвонивъ во вси колоколы, и събрася множество народа аки на дивное чудо, митрополитъ же облечеся въ вся своя ризы, и съ вѣмъ своимъ съборомъ, съ кресты и съ иконами и съ евангеліемъ и съ кандилами и съ свѣщами, снѣдоша на рѣку Москву, ту абіе митрополитъ самъ крестіи я во имя Отца и Сына и св. Духа; бѣша же имъ до крещенія 3-мъ симъ Татаряномъ имена быша, по татарски наречени быша: Бахтыхозя, Кидярьхозя, Маматхозя, претвори же и преименова въ св. крещенія ихъ имена: Ананья, Азарья, Мисаилъ; и бысть радость въ градѣ Москвѣ, по реченому: радость бываетъ на небесахъ о единомъ грѣшникѣ кающемся, — и вси вѣрніи человѣчи слышавши и видѣвши, прославиша Бога, благодаряще и глаголюще: обрати, Господи, поганый въ крестьянство, да и ти будутъ братья наша, пріемше св. крещеніе, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь.

(И. С. Лст. IV, 97—98)

Чрезвычайно замѣчательный изгладъ рус. летописца на инопѣрцевъ. во всякомъ человѣкѣ, присоединяющемся къ обществу православныхъ христіанъ, онъ видитъ брата, какой бы онъ ни былъ нации.

350. Объ избавленіи Москвы отъ Татара-хана.

Въ лѣто 6903 (1395). Во дни княженія благовѣрнаго и христілюбиваго в.

ки. Василія Дмитреевича, самодержца рус-
ской земли, внука в. кн. Ивана Ивановича,
пра внука в. кн. Ивана Даниловича,
при благолюбивомъ архіепископѣ Кипрія-
нѣ митрополитѣ кіевскомъ и всея Руси,
въ 15-е лѣто, царства Тахтмышева, а въ
7-е лѣто княженія в. кн. Василія Дмитре-
евича, а индикта въ 3, а въ 13 лѣто
по татарщинѣ, по московскомъ взятіи,
бысть замѣтна велика въ Орді: приде
нѣкоторый царь Темиръ Аксакъ, восточ-
ныя страны, отъ Синіе орды, отъ Са-
мархискіе земли, велику брань сотвори,
много мятежа воздвиге въ Орді и на Ру-
си своимъ приходомъ. У семъ убо Те-
мяръ Оксакъ повѣдаша, яко несорва не
царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни пле-
мянъ царьска, ни князьска, ни боярьска,
но тако изъ проста одинъ сынъ отъ ху-
дыхъ людей, отъ Заацкихъ Татаръ, отъ
Самарханьскія земли, отъ Синіе орды,
яже бѣ за Желѣзными врата; ремесломъ
же кузнецъ бѣ желѣзныи, обычаемъ же
же и дѣломъ немилостивъ, хищникъ, п-
лбедникъ, и грабежникъ; иже бѣ прежде
холопъ былъ у нѣкоего государя, егже
за злоправіе отвержеся его государь, бивъ
отсѣла его отъ себе, онъ же не имѣ чимъ п-
татися и пребываше татбою кормяся.
Единаче бо ему тогда сущу млади, во убо-
жествѣ крады и ядше, онъ же у нѣко-
его украде овцу, они же азіе очутивше
его, онъ же мняшеся убѣжати, но скоро
многими постиженъ бысть, ятъ бысть и
удръжанъ крѣпко, и биша его нещадно по
всему тѣлу, и умыслиша ему дати язву
смертнѣю, яко да убютъ ѿ, и пребиша
ему ногу и бедру на шолы, и абіе по-
вергоша его мертва не движущеся и не
дышуща; мняху бо якоже умре, и оста-
виша его посомъ на сидѣніе. Едва уздра-
вися отъ таковыя смертоносныя язвы, во-
ста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою
перебитую, таковую нужею хромаше; того
ради прозванъ бысть Темиръ Аксакъ, Те-
мвръ бо зовется желѣзо, а Аксакъ хро-

мецъ; тако бо толмачетъ половецкымъ
языкомъ, яко таковую яную прозванъ
бысть Темиръ Аксакъ, еже протолкуется
желѣзный хромецъ, яко отъ вещи и отъ
дѣла званіе приимъ, по дѣйству яма се-
бѣ встѣжа. Также потомъ, по исцѣленіи
отъ ранъ, по великихъ тѣхъ побѣдахъ, не
длшился бѣ лихого своего обычая перва-
го, не смирился, ни укротился, но паче
на большее совращеса: горѣ давшаго и
пуше прежняго бысть лють разбойникъ.
Потомъ же къ нему приложашася юности
немилостивіи, мужіе суровіи, вси зліи че-
ловѣци, подобниа ему, таковіи же раз-
бойници и хищници; и умножисяся велии.
И егда бысть числомъ яко 100, и на-
рекома его надъ собою старѣйшину и раз-
бойникомъ; а егда бысть ихъ числомъ яко
и до 1000, тогда уже княземъ его зва-
ху; а егда ихъ болѣ умножисяся, паче
числомъ, мнози земля поплѣни, мнози гра-
ды и царства поимали, тогда же царя
его у себе именоваху. Сіи же Темиръ
Аксакъ нача мнози рати творити, и мно-
ги брани воздвиге, мнози побѣды учини,
многимъ полкомъ сиротяныимъ одолѣ, мно-
ги грады раскопа, мнози люди погуби,
мнози страхи и земли половеа, мнози обла-
сти и языки поплѣниа, мнози княженія и
царства покори подъ себе; царя турска
Крещенія полони, царство за себя взя. А
се имена тѣмъ землямъ и царствомъ еже
бѣ поплѣнилъ Темиръ Аксакъ: Чагадай,
Хосураніи, Голустаніи, Китай, Синяя ор-
да, Ширасъ, Испаганъ, Ориачъ, Гевенъ,
Сизъ, Шибренъ, Шамаханъ, Сапасъ, Ар-
зунумъ, Теслявай, Тевриай, Горзустаніи,
Обезий, Багдаты, Тихиръ Кабы, рекше
Желѣзная врата, и Асирію, и Вавилонъ-
ское царство, идѣже былъ Навходоносоръ
царь, иже плѣнилъ Іерусалимъ и три от-
роки, Аванію, Азарію, Мисаила и Давила
пророка, и Севастію градъ, идѣже было
мученіе св. мученикъ 40, иже въ Саво-
стѣи, и Армению, идѣже былъ св. Григ-
горей епископъ великій Арменія, и Да-

маскъ великій; и сія имена тѣмъ землянѣ, и тѣмъ градомъ, и тѣмъ царствомъ, надъ ними же царствова Темиръ Аксакъ, со всѣхъ тѣхъ земель дани и оброки даютъ ему, во всемъ ему повинующися. Онъ же на многи брани хожаше, а они съ нимъ всюдѣ полку его твореще; царя Креша турскаго во клѣтѣ желѣзной вожаше съ собою, того ради, да еще бы видѣли мнози земля такую его славу, и силу безбожнаго врага и гонителя. Приде ратію прежде на царя Тахтамыша, и бысть нмъ бой на мѣстѣ нарицаемыхъ Ораньскомъ, на кочевіи царя Тахтамыша; и прогна царя Тахтамыша. Оттолѣ возгордѣся окаинный, нача мыслити во сердци своемъ и на Русьскую землю, поплѣнитъ ю; аки прже сего, за грѣхи наша пустившу Богу, поплѣни царь Батый Русьскую землю, а гордый и свирѣпый царь Темиръ Аксакъ тоже помышляше, хочетъ взяти Русьскую землю. И собравъ все вое свое, проиде всю Орду и всю землю Турскую, приде близъ предѣлъ рязаньскія земля, взя градъ Елецъ, и князя елецкаго изыма и мнози люди помучи. И се слыша кн. в. Василей Дмитреевичъ, собра вой евол многи, поиде съ Москвы къ Коломнѣ, хотя ити противу ему во срѣтеніе; пришедъ ратію ста у Оки рѣки на березѣ. Темиръ Аксаку же стоишу на единомъ мѣстѣ 15 дній; помышляя окаинный, хотѣ ити на всю Русьскую землю, аки второй Батый, разорити Христіанство. Слышавъ же благоговѣрный и христіанлюбивый в. кн. Василей Дмитреевичъ, самодржецъ Русьскія земля, помышлениемъ своимъ незаконнаго и свирѣпаго и гордаго мучителя и губителя Аксакъ Темира царя, како помышляше на православную вѣру: боголюбивый же в. кн. Василей Дмитреевичъ рудѣ на небо воздвигше со слезами моляшеся, глаголюще: «создателю и заступниче нашъ Господи, Господи призри отъ св. жилища твоего... избави насъ и градъ нашъ отъ окаиннаго царя Темаръ Аксака». Князь же Ва-

силей Дмитреевичъ посла вѣсть ко отцу своему, боголюбивому архіеп. Кипріяну, м-ту кievскому и всея Руси, чтобы народу повелѣлъ прияти постъ и молитву, со усердіемъ и со слезами Бога призывати. Пресвщенный же Кипріянь слышавъ таковую рѣчь отъ господина своего в. кн. Василя Дмитр. призва къ себѣ все архимандриты и игумены, и повелѣ имъ цѣти по всему граду молебны, а дѣти своя духовныя повелѣ имъ наказати, дабы приали постъ и молитву и покаяніе со усердіемъ отъ всея душа своея. Самъ же м-тъ Кипріянь такоже по вся дни призывая къ себѣ благоговѣрныя книзи, богочестивыя книжники и вся волостели и воеводы, по вся часы наказая ихъ учаше; самъ же Кипріянь по вся дни и часы отъ церкви не отступая, приносѣ молитвы къ Богу за князя и за люди. Такоже повелѣ князь намѣстникомъ своимъ и властелемъ и воеводамъ градымъ укрѣпити осаду. Благоговѣрный же в. кн. Василей Дмитр. помянувъ послать по икону пречистыя Владычица наша Богородица, призва князей своихъ и бояръ, и рече имъ: «хочу послати во градъ Владимиръ по икону Богородица, та можетъ преложити печаль нашу въ радость, можетъ заступити насъ и градъ нашъ Москву отъ нахоженія иноплемennыхъ, отъ нападенія вражіа, отъ нашествія ратныхъ, отъ междоусобныхъ рати и кровопролитія великого, и отъ мірскихъ печали, отъ напрасныя смерти, отъ великого зла, находящая на ны... Прогонѣвъ совѣщаеся съ крестоносцы пречистую и чудную икону взяша и понесоша отъ Владимира на Москву, страха ради Темиръ Аксакова Татарска, егдаже иногда въ новѣстѣхъ слышашомъ калече суща подъ востокъ солнечными, нынѣ же близъ яко при дверехъ приближился, и готовится, и покрѣпается, и вооружается на ны велими; и бысть тогда, м. августа 15 день... Егда же принесена бысть икона сія близъ града Москвы, то-

гда весь градъ изыде противу иконы на срѣтеніе ея, и стрѣтоша ю честно Киприяны и тѣ со епискупы и архимандриты; со благовѣрными князи, со благовѣрными княгинями, съ бояры, всякъ возрастъ мужеска полу и женска, отъ млада и до велика, все множество безчисленное народа людей, со кресты и со иконами, съ евангеліи и свѣщами и съ кандилами, со псалмы и пѣсньми и пѣніи духовными, паче же рещи вси со слезами, маліи и велици, иже не обрѣсти челоука не плачущаея, но вся съ молитвою и съ плачемъ, вси воздыханіи немолчными и рыданіемъ и благодареніемъ руцѣ воздѣюще на высоту, вси молахуся ко сп. Богородицѣ, вопіюще и глаголюще: «о всесвятая Владычице Богородице! избави градъ нашъ Москву отъ нахоженія ратныхъ иноплеменихъ». Тако божіею благодатию, неизреченною милостию, молитвами св. Богородица, градъ нашъ Москва цѣль и сохраненъ бысть; а Темиръ Аксакъ царь возвратися восвать, поиде въ свою землю. Оле преславное чудо! О превеликое удивленіе! О многое милосердіе къ роду христіанскому! въ который день приисеена бысть икона пречистая Богородица изъ Володимера на Москву, въ той день Темиръ Аксакъ царь убояся и устрашися, и ужасеся и смятесе, и нападе на нь страхъ и трепеть, и вниде страхъ во сердце его и ужасъ въ душу его, вниде трепеть въ кости его, и скоро отвержесе и охабися воевати Русьскія земли, и восхитишася быстрые путнаго шествія, скорѣе градаху къ орду, а къ Руси тыль показующи, и обратися съ еродиници своими восвоеся, возвратишася и возколебашеся акитѣйскими гонимы быша; не мы бо ихъ гонимы, но Богъ прогони ихъ невидимою силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступница наша въ бѣдахъ, и молитвою угодника его боголюбиваго пресвященнаго Петра м-та кіевского и всея Руси крѣпкаго заступника граду нашему Москваѣ

и молебника находяща на ны бѣды, посла на нихъ страхъ и трепеть, да окаменется... Милостивъ бо есть Богъ и силенъ, елико хочетъ и можетъ, еще вынѣ милостивъ на насъ, яко избавилъ ны Господь изъ руки врагъ нашихъ Татаръ, избавилъ ны еси отъ сѣчи и меча и отъ кровопролитія, мышцею силы твоея разгнавъ еси врага наша, сыны Агаряны, рукою крѣпкою и мышцею высокою устрашилъ еси сыны Измаиловы: не наши воеводы прогнаша Темиръ Аксакъ, не наши воинства пострашили его; но сплюю невидимою нападе на нь страхъ и трепеть, страхомъ божіимъ устрашися, гнѣвомъ божіимъ гонимъ бѣ, потщався отъиде отъ русьскія земля, отступивъ поиде прочь отнюде прииде, землѣ русьскій не прикоснуся, ни оскорби, ни стужа, ни вреди ея, но поиде безъ возвращенія; мы же востахомъ и прості быхомъ, онъ же заиде изчезе, мы же ожихомъ и цѣлени быхомъ, помощь наша отъ Господа сотворшаго небо и землю.

(Пол. Собр. Лит. VI, 124—127).

См. V, 247—249. VIII, 65—68. Инок. IV, 258—264.

351. Нашествіе Едигей

а) Тое же зимы (1408) нѣкоторый князь ординскій, именемъ Едигей, повелѣнемъ Булата царя, прииде ратью на Рускую землю, а съ нимъ 4 царевичи да мнози князи татарскіе. А се имена царевичей: Бузакъ, Тергиберды, Артияръ, Булатъ, а князи: в. кв. Едигей, кн. Махметъ Исуну Селемову сыну, Тегинъ Шиховъ сынъ, Обрягынъ Темирзевъ сынъ, Акишбѣй Едигевъ сынъ, Сеитлябѣй, Бурзакъ, Ериклиберды. Се же слышавъ кн. в. Василій Дмитреевичъ не сталъ на бой противу Татаръ но отѣха вбортъ на Кострому. И бысть въ филипово говѣнье, м. декабря въ 1 день

приде Едигей къ Москвѣ ратью съ всею славою татарскою, и распусти ихъ по всему вел. княженію и разсыпашася по всей земли, аки зли вълци по вѣтъмъ градомъ и по странамъ и по волостемъ и по селомъ, и не остана такового мѣста, нѣже небывали Татарове; взяша градъ Переславль и огнемъ пожгоша, также и Ростовъ, и Дмитревъ, и Серпуховъ, и Новгородъ Нижней и Городецъ. А за княземъ за великимъ посланъ бысть въ погоню царевичъ Тергибердѣй, да князь Акшайбѣй сынъ Едигѣевъ, да кн. Сентялюбѣй, а съ ними изборныя рати 30 тысячъ, и тѣ гнавшася по немъ не постигоша его, ниже обрѣтоша его и паки възвратишася къ Едигѣю. Стоя же Едигѣй у Москвы, въ селѣ Коломенскомъ, и тогда посылаетъ послы своя Булата царевича да кн. Ериклибердѣя на Тверь, къ кн. в. Ивану Мих. тверскому, веля ему быти у Москвы часа того съ всею ратью тверскою, и съ пушками, и съ тюфяки, и съ самострѣлы и съ всеми съсуды градобійными, хотя разбити градъ Москву; князь же Иванъ не хотя сего сътворити, ни измѣнити крестнаго цѣлованія и давнаго мира и любви съ в. кн.; но сице умысли: съ Твери поиде безъ рати, не въ мнозѣ дружинѣ и не доѣхавъ Москвы възвратиси паки съ Клина на Тверь; сіе же сътвори дабы, ни Едигѣя разгневити, ниже в. князю поглубити и обомъ обою избѣжа, премудри бо сіа сътвори. Градъ же Москва въ печали велицѣ бысть воп обстоимѣ, а людѣ въ немъ затворишася, посады же около его сами пожгоша, боящеся примета; въ градѣ бо блше затворилися съ плинн: князь Володимиръ Андрѣевичъ, кн. Андрѣй Дмитреевичъ, и братъ его кн. Петръ, и кн. Иванъ Юріевичъ, и мнози бояре съ ними, и епископи, и весь священническій чинъ и многое множество народа тмочислено, отъ многихъ бо градъ и странъ збѣгашася твердости ради град-

ные; скорбію же великою одержима баху, ни откуда пособіа имуще, но точію отъ единого Бога помощи получитьи прошаху, и пречистѣй Матери его молящеся, скорой въ бѣдахъ помощница хрстіаньскому роду, и постъ и молитву сътворяша, молбы же и моленія приносаше съ слезами и въздыханіемъ, и покаяніе же чисто отъ души кѣждо положиша, отъ грѣхъ очищающеся и смерти ожидающе. Всоблагій же милостивый человекълюбѣцъ Богъ услыша скорбь людѣй своихъ и молитвы и моленія и въздыханія ихъ не презрѣ, но обычнымъ своимъ человекълюбіемъ помилуа люди своя, отъ безбожныхъ Измаилтянъ избави. Въ время бо се, въ неже Едигѣй пришелъ у Москвы стояше, хотя и зимовати ту, всячески же похваляшеся градъ взяти хотяше, се нѣкій царевичъ, въ то время, усмотривъ себѣ время получно, егда вся Орда истошася и вси Татарове на Русь въздоша въевати, а мало ихъ около царя остана, той же царевичъ усмотривъ себе время таково и приобрѣтъ поборники себѣ, и приде напрасно изговоромъ на Орду; но сътвори ему спону проводникъ его: не на царя приведе его, но на торгъ, еще же и мгла бысть велика въ день той, егда же не получи желаемого, тогда престои повелѣтъ проводящаго его, заматію же велику сътвори я по премногу смуті всю Орду за маломъ бо самого царя не захвати. Царь же Булатъ въ ужасѣ зѣло бысть, — и посылаетъ вскорѣ на Русь по Едигѣя скоропосолники своя, веляще ему безъ всякаго пожданія поити къ себѣ съ многою скоростію, боася да не паки приведе изгонять его съ Орды или имуть. Слышавъ же се Едигей, и искаше подобна времени, како бы отступити отъ Москвы, некая не одолѣвъ, но всячески побѣдивъ, и нача просити окупа за города; сущи же въ градѣ князи и бояре и вси людѣ невѣдуще бывшаго повинутася дати окупъ 3,000 рублевъ. Едигѣй же вземъ окупъ

повде отъ Москвы въ Орду, стоя же у города 3 недѣли, а къ граду не присту-
палъ, ни рати прицущалъ, но стоялъ все
въ Коломенскомъ селѣ; егда же отыти
хоташе, и тако отпусти преже свои вой-
съ множествомъ полона, а самъ съ всею
ратью поиде м. декабря въ 20 день,
въ оныже празднуютъ память представле-
нія Петра м-га, новаго чудотворца Руска-
го. Мню бо яко и того молитва еже къ
Господу Богу избави люди и градъ отъ
толпца нужи и бѣды, валежаща на
нихъ; еще бо въ животѣ своемъ превоз-
любилъ градъ свой паче всѣхъ градъ, въ
немже и цѣлобоенный гробъ его бѣше,
имѣя честныя мощи его; его же ради
молитвъ избавленъ бысть градъ сей отъ
поганныхъ пашествіа; якоже и великій
христовъ мученикъ Дмитрій избавляше
многожды градъ свой Селушь отъ нахож-
денія Срацивъ, тако же и сему граду и
людемъ сущимъ въ немъ дастъ Богъ си-
цеваго святителя, заступати и спасати
могуща отъ всѣхъ злыхъ находящихъ на
насъ. Отшетшимъ же Татаромъ съ мно-
жествомъ полона, и всякого товара и
всякого узорочія наивавшеся, полонъ же
толико множество ведяху, яко многы ты-
сяща числомъ превосходяще; жалостно
же бѣ видяху и достойно слезъ многыхъ,
яко еднѣ Татарянь до 40 христіанъ ве-
дяху, съ нужею повязавши; многое мно-
жество исеѣчено бысть, ины же отъ
мраза изомроша, друзи жажею и гла-
домъ умираху; отци и матери плакаху
зрящи чада своихъ разбиваемыхъ и умерщ-
вляемыхъ, тако же и чада рыдаху раз-
лученія отъ родителей своихъ, и небысть
помилующаго, ниже избавляющаго, ни по-
могающаго. И бысть тогда во всей Рус-
кой земли всемъ христіанамъ туга вели-
ка, и плачь не утѣшимъ, и рыданіе и
крѣчаніе; вся бо земля плѣнена бысть,
наченъ отъ земля Разанскія и до Галича
и до Бѣлозера, вси бо подвизашася и
вси смугшася, мнози бо напасти и убыт-

ки всемъ челоувѣкомъ съдѣшася, и бол-
шымъ, и мекшимъ, и ближнимъ, и дал-
нимъ, и небысть такова, ниже бы безъ
убытка былъ, но всемъ въ тузѣ и скорби
мнозѣ и печалю одержими. Сію же
скорбь за много время нѣдѣи же отъ кни-
жвикъ провозвѣстия, глаголюще, яко въ
предущее лѣто будетъ скорбь людемъ,
еже и збытсѣя въ время се; въ мно-
гихъ же мѣстехъ отъ св. акионъ муро
исхождааше, а отъ лныхъ кровь вляше
на наказаніе (поученіе) намъ грѣшнымъ.
Преже бо казненія бывають знаменія и
прещенія, да еще не покаемся тогда, по-
томъ казни божіа приходить на ны за
наша прегрѣшенія.

(Н. С. Лѣт. VIII, 82—84).

б) Се же великое зло сътворися въ
земли Руской, на родѣ христіанскомъ,
грѣхъ ради нашихъ. А иній царевичъ
приде къ Новгороду къ Нижнему, и съ
нимъ мнози Татарове, и болгарская сила
и Мордва, взяша Новгородъ Нижній и по-
жгоша весь, монастыри и св. церкви все
то огневи предаша, а люди старыя и сеу-
щаа младенцы псеѣкоша, а молодіа въ
полонъ поведоша. Оттолѣ оказанія сирот-
яци поидоша къ Городку, а городъ взя-
ша, огнемъ пожгоша весь, манастири
вси и св. церкви огневи предаша, а лю-
ди побѣгоша кто кудѣ; они же окаянны
всеми путми гонимы въ слѣдъ ихъ,
сѣжуще люди акы траву. И поидоша отъ
Городца въ верхъ по Выльѣ, воюючи оубъ
стравъ, и быша въ Бѣлогородіа, и по-
стиже ихъ вѣсть отъ Едыгѣа, и повелѣ
и ихъ увераутися въ Орду; они же окаян-
ны хотѣша ити на Кострому и на Воло-
гду, въ слѣдъ вел. каяны. Господь же
избави градъ Кострому и Вологду отъ
насилія поганныхъ, молитвами св. Бого-
родица, и не предасть Господь людей
своихъ въ рупѣ невѣрныхъ. Они же
окаянны поидоша взадъ къ Городцу и къ

Новугороду (*Нижнему*), воюючи и съ-
кучи остатка людей, и поидоша отъ Но-
вагорода воюючи Уяды и Березово поле,
такъ поидоша обаполъ и во лѣсомъ впу-
ти людей, и многа люди во лѣсомъ ис-
сѣкоша; и отголѣ поидоша къ Сурѣ, на-
чаша Суру воевати, Коржышъ пожгоша,
и Сару Великую пожгоша, и епископы
всѣ избиша, а инѣ огнемъ скончашася,
а люди всѣ посякоша, а инѣ огнемъ
скончашася, а градъ весь сожгоша, и мѣ-
сто града того разориша Сары Великия,
и монастыри пожгоша, погосты и селя
повоеваша, и все огнемъ предаша, полонъ
закъ скотъ погнаша въ свою землю, мо-
лоди черницы и черноризцы все обнаже-
но, все поругано.

(П. С. Лѣт. XV, 484).

352. Послание Едигея Московскому князю.

Тое же лѣта (1409), Едигей князь
ординскій прислалъ къ в. кн. Василью
Дмитреевичу тако ркучи:

«Слышавше намъ учинилось таково, что
Тахтамышевы дѣти у тебя, и того ради
пришли есмя ратью, да еще слышавомъ
такъ, что ся неправо у тебя чинить в
городехъ; послаы царевы и гости изъ Ор-
ды къ вамъ приѣздыть, и вы пословъ і
гостей на смѣхъ поднимаете, да еще ве-
лика имъ обида і истомы у васъ чивитея
ино то недобро. А преже сего улусъ
былъ царевъ и державу держалъ я по-
плыны, и пословъ царевыхъ читали, и го-
стей держали безъ истомы и безъ обиды,
і ты бѣ спросилъ старцевъ, коко ся дѣ-
ло преже сего, и ты нынѣ того не дѣ-
лаешъ ино тако ли то добро? А Темяръ
Кутлукъ сѣлъ на царствѣ, а ты услугу
государь учинилея, и отъ тѣхъ мѣсть у
царя еси во Ордѣ не бывалъ, царя еси
во очі не видалъ, ни князен, ни ста-
рѣишихъ бояръ, ни мѣншихъ, ни иного

еси ни кого не присылывалъ, ни сына,
ни брата ни съ которымъ словомъ непо-
сылывалъ. И потомъ Шадибѣкъ осемь
лѣтъ царствовалъ, и у того еси такожъ
не бывалъ и иного еси ни с которымъ
же словомъ не посылавалъ, в Шадибѣ-
ково царство такожъ ишло; а нынѣ
царь Булатъ—салтанъ сѣлъ на царствѣ,
и уже третей годъ царствуетъ, такожъ
еси самъ не бывалъ, ни сына, ни брата,
ни старѣишаго боярина не присылывалъ,
а надъ толикимъ великимъ улусомъ ста-
рѣишій еси великнй князь, а вся твоя
дѣла не добры и нечравы. Добры нравы
и добра дума и добрая дѣла были, ко
Ордѣ отъ Федора, добрыи были челоувѣкъ.
Которые добрые дѣла ординские ты те-
бѣ вспоминалъ и то ся минуло, и нынѣ
у тебя сынъ его Иванъ казначен твой и
любвинокъ и старѣишина; и ты нынѣ не
того слова и іс той думы не выступа-
ешъ, и отъ того дума учинилася твоему
улусу пакость и христіане изгнѣбли; и ты
бѣ оиакъ тако не дѣлалъ, а молодыхъ не
слушалъ, а собралъ бы еси старѣишихъ
своихъ бояръ и многихъ старцевъ зем-
скихъ, да думалъ бы еси с ними добрую
думу, коя бы пошла на добро, чтобъ тво-
имъ христіаномъ малыиъ и великимъ бы-
ло добро, не погибли бы отъ твоеи гор-
досты в твоей державе до конца никтожъ.
Аще ли ты не восхощеши тако чинити,
но освзаватися восхощеши, ино ти ся ро-
бятити и бѣгати, добро ти тако быти, ка-
ко бы ти прожити, и какъ быти пошлан-
на вѣдати, і како быти во улусе семъ
жити безбѣдно и княжити. А обиды ка-
ковы ни бѣдутъ или отъ князен рускихъ
или отъ Литвы, и ты къ намъ на нихъ
жалобныя шлетъ ежелѣтъ, и жалобныя
грамоты, и оборони у насъ отъ нихъ
просишь, і покой в томъ намъ отъ тебя
нѣтъ николи, а ркучи тако, что ся улусъ
истомилъ и выхода взяти вѣнчаемъ. И мы
прежъ сего улуса твоего сами своими
очима не видали, толко есмя слухомъ

слыхали, а что твои приказы и грамоты твои к намъ во Орду посылалъ еси, то вси намъ все лгалъ, а что еси ималъ въ твоей державѣ со всякого улуса по дву сотъ рублей, и то серебро гдѣ ся деваега? Ино бѣ добро было тако каковы тебѣ познатись, како бн то отдано по старинѣ по правдѣ, ино бы того зла улусу не учинилось, а христьянѣ бы не погибли до конца, и ярости бы и брани нашей на тебѣ не было.»

(Рус. Литоп. по Никои. сп.
1789 г. Спб. ч. V, 26—27).

См. еще собр. госуд. грам. II, № 15; IV.
Новг. лѣт. 110—111.

353. Патіюіе Володимера Талычѣмъ 1410.

Князь Данило Борисовичъ Нижнего Новгорода привелъ къ себѣ царевича Талыча, и посла съ нимъ изгнать къ Володимерю боярина своего Семена Каратышева, а съ нимъ 150 Татаръ, а Руси поятараста же. И привадоша къ Володимерю лѣсомъ безвѣстно изъ-за р. Клязмы, людѣ въ полдень снѣжишъ, а града (ограды) тогда не было, а намѣстника Юрія Васил. Щоки не было же въ градѣ; они же оказавши и прѣвое за Клязмою стадо градское взяша, и потомъ на посадъ пришедше начали люди същи и грабити. Потомъ же пригоняша къ цер-

кви св. Богородица съборникъ, въ ней же затворися илючарь попъ Патрѣкѣй и съ иными людьми, и поимать съсуды св. церковныя златыя и серебряныя и аяко кузми усѣи похватати, и възнесе на церковь св. Богородица съхрани, и люди сущихъ съ нимъ тамо посади, а самъ сшедъ лѣтвѣнца отмета, и ета въ церкви предъ образомъ Пречистыя плачяся. А они безбожныи выскыши двѣри св. Богородица и ишедше въ ню, икону чудную св. Богородица одраша, также и прочая иконы, и всю церковь разграбиха; а попа Патрѣкѣя ежже началъ мучить о прочей кузми церковней и о людехъ, иже съ нимъ въ церкви были; онъ же никакоже не сказа того, но многи муки претерпѣ, на сковрадѣ лекоша ѣ, и за вѣтки цены биша, и ноги прѣтѣзавъ ужа въдергавъ по хвостѣ у копы волочиша, и тако въ той муцѣ и скончася. Они же изграбиха вся церква и градъ весь, и люди воилѣнѣвшие изскыши, огнемъ градъ запалиша и многое множество богатства, злата и серебра, взявши отъвдоша; также слаголаху иже тогда въ шѣиѣ томъ бывшеи, яко не имаша портѣ (платья), ни иное ничто же, но токмо златое и серебряное, и отъ кузми многое безчисленное поимаша множество, а деньги лѣтками дѣвшиа межю собою. Тогда же въ томъ пожарѣ и колоколы разливаша. Ся же злоба скончися июля въ 3 день отъ свѣихъ братіи христьянъ.

(П. С. Лѣт. VIII, 85—86.)

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

354. Отчего паревались богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу неадышнюю:

«Не ямахаляся наши могучія плечи,

Не уходились наши добрыя кони,
Не притупились мечи наши булатные! —
И говорятъ Алеша Поповичъ младъ:
«Попадай намъ силу не адышнюю —
Мы и съ той силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воятелей,
И крикнули они громкомъ голосомъ:

«А давайте съ нами, витязи, бой держать—
 Не глядите, что изъ двое а вась семеро».
 Не узнали витязи воетелей,
 Разгорьлся Алеша Поновичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня борзого,
 Налетѣлъ на воетелей
 И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
 Бросившись на силу всѣ витязи:
 Стали они силу колоть-рубить...
 А сила все растеть-да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идеть...
 Бились витязи три дня, три часа, три мину-

точки,
 Намахались ихъ плечи могутныя;
 Уходились кони ихъ добрые;
 Притупились мечи ихъ булатные...
 А сила все растеть, да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идеть...
 Испугались могучіе витязи:
 Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пе-
 щеры...
 Какъ подбѣжить витязь къ горѣ, такъ и ока-
 менѣетъ;
 Какъ подбѣжить другой, такъ и окаменѣетъ;
 Какъ подбѣжить третій, такъ и окаменѣетъ.
 Съ тѣхъ-то воръ и перевелся витязи на свя-
 той Руси!—

(Сынъ отечества 1856, № 17).

355. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣлался въ Орлѣ,
 Передѣлался въ Большой,—
 На стулѣ золотѣ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчатой камкѣ
 Сидитъ тутъ царь Азякъ,
 Азякъ Тавруловичъ;—
 Суды разсуживаетъ
 И ряды разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ
 По бритымъ тѣмъ усамъ,
 По татарскимъ тѣмъ головамъ,
 По спинамъ плышамъ
 Шурьевъ царь дарилъ,
 Азякъ Тавруловичъ,
 Городами столышникъ:
 Василья на Плесу,
 Гордя въ Вологдѣ,
 Ахрамея въ Костромѣ;
 Одного не пожаловалъ
 Любимаго шурина

Щелкана Дудентьевича.
 За что не пожаловалъ?
 И за то онъ не пожаловалъ,
 Его дома не случилось,
 Убѣжалъ-то младъ Щелканъ
 Въ дальнюю землю Литовскую.
 За моря синія,
 Бралъ онъ, младъ Щелканъ
 Дани, невыходы, царски невыплаты:
 Съ князей бралъ по сту рублей,—
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублей,—
 У котораго денегъ нѣтъ,
 У того дитя возьметъ;
 У котораго дитя нѣтъ
 У того жену возьметъ;
 У котораго жены-то нѣтъ,
 Того самаго головой возьметъ.
 Вывезъ младъ Щелканъ
 Дани выходы, царски невыплаты:
 Вывезъ младъ Щелканъ
 Коня во сто рублей,
 Сѣдло по тысячѣ,
 Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
 Не тѣмъ узда дорога,
 Что вся узда золота,
 Она тѣмъ узда дорога,
 Царское жалованье
 Государево величество;
 А нельзя дескать,
 Тое узды ни продать, ни промѣнять
 И друга дарить,
 Щелкана Дудентьевича.
 Проговорить младъ Щелканъ,
 Младъ Дудентьевичъ:
 «Гой еси, царь Азякъ,
 Азякъ Тавруловичъ!
 Пожаловалъ ты молодцовъ
 Любимыхъ шуриновъ,
 Двухъ удалыхъ Борисовичей:
 Василья на Плесу,
 Гордя въ Вологдѣ,
 Ахрамея въ Костромѣ;
 Пожалуй ты, царь Азякъ,
 Пожалуй ты меня
 Тверью старою, Тверью богатою
 Двумя братцами родимыми,
 Двухъ удалыми Борисовичи.
 Проговорить царь Азякъ,
 Азякъ Тавруловичъ:
 «Гой еси, шуринъ мой
 Щелканъ Дудентьевичъ!
 Заколотъ-ко ты сына своего,
 Сына любимаго,
 Крови ты чашу нацѣди,
 Выпей ты крови твоей, горячя,
 И тогда я тебя пожалую
 Тверью старою, Тверью богатою,
 Двумя братцами родимыми,
 Двухъ удалыми Борисовичи».
 Втапору младъ Щелканъ
 Сына своего заколотъ,
 Чашу крови нацѣдилъ,

Выпилъ чашу тоя крови горячія!
 А втапоры царь Азьякъ
 За то его пожаловалъ
 Тверью старую, Тверью ботатую,
 Двумя братцами родимыми,
 Двух удалыми Борисовичи.
 И втапоры младъ Щелканъ
 Онъ судьбою настѣлъ
 Въ Тверь ту старую, въ Тверь богатую;
 А немного онъ судьбою сидѣлъ:
 И вдовы-то безчестити,
 Красны дѣвицы позорити,
 Надо вѣсти наругатися,
 Надъ домами насмѣхатися.
 Мужики-то старые, мужики-то богатые,
 Мужики-то богатые, посадские,
 Они жалобы приносили
 Двумъ братцамъ родимымъ,
 Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
 Отъ народа они съ поклонитъ
 Пошли, съ чествыми подарками—
 И понесли они честные подарки
 Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
 Изошли его въ домъ у себя
 Щелкана Дудентевича;
 Подарки принялъ отъ нихъ,
 Чести не воздавъ имъ.
 Втапоры младъ Щелканъ
 Зачванился онъ, загордился,
 И они съ нимъ раздорили—
 Одинъ ухвалилъ за волосы,
 А другой за ноги,
 И тутъ его разорвали.
 Тутъ смерть ему случилася.
 Ня на комъ не сыскалося.

(Древ. рос. стих. 31—36).

См. еще былину «Каленъ царь». Тамъ же 242—243.

356. Илья и Батый Батыевичъ.

Изъ за моря, моря Синего,
 Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
 Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
 Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
 Со любимымъ зятемъ со Улюшвомъ,
 Собралъ собака силы трехъ годовъ,
 Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ:
 За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
 За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 Однихъ было сорокъ царей царевичей,
 Сорокъ королей, королевичей.
 Подоселъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
 Сопущалъ собака якори булатные,
 Выпущалъ шеймы (канаты) шелковые,
 Выметывалъ сходенки дубовыя,
 Выходилъ на крутъ-красенъ бережокъ,

Раздвинулъ бѣлъ-полотняной шатеръ,
 Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
 Писалъ ярлыки скорописчаты.
 Скрычалъ зычнымъ голосомъ, богатырскимъ,
 Сзывалъ своихъ мурзовъ-бурзовъ, Татаровей.
 «Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ,
 Человѣческимъ?»

Кто бы съѣзжалъ ко тому городу ко Кіеву
 Ко ласкову князю ко Владимиру,
 Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скоро-
 писчатый:—

Погозовно молчать бурзы-мурзы, Татаровей,
 Закрычалъ онъ по второй наконъ (разъ),
 «Ой вы гой еси, мурза-бурза, Татаровей!
 Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, че-
 ловѣческимъ?»

Кто бы съѣзжалъ ко городу ко Кіеву?
 Тутъ выскочилъ бурза-мурза, Татаровичъ:
 Старъ-горбатъ, на передъ покатилъ (попуща),
 Синъ казатанъ, голубой карманъ:
 Говорилъ самъ таково слово:

—Ужъ ты гой еси, Батый царь, сынъ Батые-
 личъ!

Умѣю я говорить русскимъ языкомъ, челове-
 ческимъ,

Отвезу ему посольный листъ, ярлыкъ скоро-
 писчатый.—

«Поѣзжай ты, бурза-мурза, Татаровичъ,
 Поѣзжай не путемъ не дорогомъ,
 Черезъ лѣса, дремучіе,
 Черезъ луза дыбучіе (отъ сл. дыболъ),
 Поѣзжай ты ко Кіеву.

Перескочи черезъ стѣну городовую,
 Черезъ ту башню наугольную,
 Брось своего коня середъ двора,
 Не привязана, не приказана,
 Иди во грядни княженицкія,
 Двери грудью на пату бери.
 Положь ярлыкъ на дубовъ столъ,
 Оборотася, приступи, крѣпко, вонъ поди,
 Приступи, чтобъ спѣли (зазвѣли) свѣтлыя
 оконцы!»

Видѣлъ, какъ молодецъ коня сѣдалъ,
 Дѣвѣнадцать подпругъ со подиругою натягалъ,
 Не для басоты молодецкія, а для крѣпости,
 Богатырскія:

Никто не видѣлъ побѣдочки богатырскія;
 Конь горы и доли промежъ ноги бралъ,
 А маленькія рѣчки хвостомъ устигалъ,
 Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Перескочилъ черезъ стѣну городовую,
 Черезъ тѣ башни наугольныя...

Положилъ ярлыкъ надубовъ столъ,
 Оборотася, приступилъ толь крѣпко, самъ
 вонъ пошелъ.

Тутъ Владимиръ стольный кіевскій
 Со своею женой Апраксией
 Крычатъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
 «Ужъ вы гой есте, Добрыня Никитичъ и Але-
 на Посовичъ младъ!

Вы принимайте ярлыки, распечатывайте,
 Поскорѣ того прочитывайте,
 Не утайте вы слова одного!»

Говорили Добрыня Никитичъ съ Алешей Поповичемъ:

—Ярыкъ, князь батюшко, не радостный:
Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго.
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
Подоселъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ-мо-
гучихъ богатырей:

Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
Другаго богатыря Добрыню Никитича,
Третьяго богатыря Алешу Поповича,
Похваляется:—Дашь-недашь, забоемъ возьму,
Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
Князя со княгиню въ полонъ возьму,
Божьи церкви на дымъ спущу,
Чудны иконы по плави рѣки,
Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
Красныхъ дѣвушекъ, пѣвицями (узами)
Добрыхъ коней табунами.—
Надѣвалъ Владимиръ платье дѣнное (черное),
Цѣнное платье, печальное,
Походивъ ко божьей церкви, Богу помолитися;
Въ стрѣчу идетъ нищая Калыка переходящая:
—Ужъ ты здравствуй, Владимиръ, стольный
Кіевскій!

Ты за чѣмъ надѣлъ черное платье, печальное?
Что у насъ во Кіевѣ учинилось?—

—Молчи, нищая Калыка переходящая,
Не хорошо у насъ во Кіевѣ учинилось.
Изъ за синяго моря, изъ за Чернаго,
Подоселъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ-мо-
гучихъ богатырей;
Похваляется:—Дашь не дашь, за боемъ возъ-
мемъ...

—Не зови меня нищей Калыкой переходящей,
Назови меня старымъ, казакомъ Илей Муромцемъ;—

Близъ челомъ Владимиръ до сырой земли:
—Ужъ ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!

Постарайся, за вѣру христіанскую,
Не для меня, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!—
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:

—Ужъ давно намъ отъ Кіева отказано,
Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ.—
«Не для меня ради, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
Проводилъ Владимиръ Илейку во гряды кня-
женецкія,

Посылалъ его ко царю Батыю, сыну Батые-
вичу.

Бралъ Илейку съ собою Алешу Поповича и
Добрынюшку,

Брали они много алата-серебра,
Побѣжали ко Батыю съ подарками.
Увидали ихъ бураи-муры, Татарова,
Говорили сами тавовы рѣчи:
—Везетъ Владимиръ стольный Кіевскій,

Везетъ намъ Илейку во подарочки!»

Подъѣзжаетъ Владимиръ стольный Кіевскій
Со старымъ казакомъ Илей Муромцемъ
Ко Батыю царю сыну Батыевичу.

Подаютъ ему оны подарочки,
Сами просятъ сроку на три года,
На три года, на три мѣсяца.
Даютъ Батый сроку только на три дня.

Наливаютъ чару зелена пива,
Не велику чару—въ полтора ведра,
Подавалъ чару князю Владимиру:

Принималъ Владимиръ чашу въ обѣ-ручѣ,
Прикусилъ изъ чаши съ пивной стаканъ;
Подаетъ чару Илей Муромцу.

Принимаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ чару на единой душѣ,
Расходился плечи могучія.

Раскидилось сердце богатырское;

«Ты прощай, Батый царь, Батыевичъ!»

Отправлялися въ путь дороженьку,
Къ своему ко граду стольному Кіеву.

Говоритъ казакъ Илейко Муромецъ:

«Запирай, князь, ворота крѣпко-на крѣпко,
Засыпай ихъ желтымъ пескомъ, сѣрымъ ка-
мешкомъ;

Я поѣду, добрый молодецъ, на Почай-рѣку,

Я поѣду созывать сильныхъ богатырей.»

Прибжалъ онъ на Почай-рѣку,

На Почай-рѣкѣ богатырей не наѣхалъ:

Потѣжалъ Илейко на Дунай-рѣку,

Тутъ богатыри сидятъ во бѣломъ шатрѣ.

«Побѣдьте, братцы, отстаивать Кіевъ градъ,

Не для-ради князя Владимира,

Не для-ради княгини Апраксии,

А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»

Добры молодцы собиралися,

Садилася по своимъ добрымъ конямъ,

Потѣжали братаны за Дунай-рѣку.

Все богатыри переѣхали.

Подъѣзжали ко граду стольному Кіеву,

Метали жеребей промежь себя:

Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,

Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,

Кого поставить въ середку силы, въ матицу;

Доставалася Самсону рука правая,

Никитѣ съ Алешей рука лѣвая,

Илейкѣ доставалася середка силы, матица.

Быются-рубятся двѣнадцать дней,

Не пиваючи не ѣдаючи,

Добрымъ конямъ вздоха не даючи;

Потѣжали добры молодцы опочивъ держать;

Не потѣхалъ Илейко опочивъ держать.

Проговорилъ его добрый конь по челоуѣтнему:

—Ужъ ты старъ казакъ, Илья Муромецъ!

Есть у Татаръ въ полѣ наконяны рвы глау-
бокия,

Конатыканы въ нихъ копыя мурзаметкія,

Копыя мурзаметкія, сабли вострыя:

Изъ перваго подкова я вылечу,

Изъ другаго подкова я выскочу,

А въ третьемъ останемся ты и я!—

Близъ Илья коня по крутымъ ребрамъ:

—Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!

Ты не хочешь служить за вѣру христіан-скую!

Пала лошадь во третей подкопъ,
Остался Илейко во подкопѣ.
Набѣжали злые Татаровѣ,
Оковали Илеюшку желѣзными,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ:
—Ужь ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!

Послужи мнѣ—ка также, какъ Владиміру,
Вѣрою непобѣдимою ровно три года!—
Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
—Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
Нѣтъ у меня копыя мурзавецкаго,
Нѣтъ у меня палицы боевыя.
Послужилъ бы я по твоей но шеѣ по татар-скій!»

Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичъ:
—Ой вы, слуги моя вѣрные!
Вы ведите Илейку на широкій лугъ.
Вы стрѣляйте его стрѣлами казенными!—
То Илеюшкѣ не поглянулося,
Говорилъ онъ таково слово:
—Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!

Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей:

У насъ выведутъ на поле на Куликово,
Положатъ голову на пизку на лопову.
По плечъ отсѣкутъ буйну голову;
Не толь старику будетъ смерть страшна!
То Батыю слово показалося:
—Выводите его на поле Куликово,
Положите голову на плаху на липову,
Но плечъ срубите буйну голову!—
Возмолился старъ казакъ Илья Муромецъ
Тому угоднику божьему Николаю:
—Поглябю я за вѣру христіанскую!
У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвалъ онъ оковы желѣзные,
Хваталъ онъ поганого Татарина,
Который покрѣпне, который на живѣ не рвется,

Взялъ Татаринѣ помахивать:
Въ которую сторону махнеть,—улица.
Подбѣгаетъ къ Илеюшкѣ добрый конь,
Садился онъ на добра коня,
Билъ Татаръ чуть не до единого.
Убирался Батый царь съ большими убытками,
Съ большими убытками, съ малыми прибытками,
Съ малыми прибытками, со страмотою вѣтною,
На мелкиѣ судахъ на панозкахъ.

(Пѣсни Кирьявскаго, 4, 38—46).

357. Изъ вѣспойвъ въ честь св. Меркурія Смоленскаго.

«Како была злыхъ Измаилѣвъ великое плѣненіе, тогда земля восплакася яко вѣкая чадолюбивая мати, мы же тогда возрадовалися, и возвеселилися, видяще божіе милосердіе и пречистые Богородици заступленіе, и страданія воина христова благочестію хвалимъ. Како быши отъ невѣрныхъ православнымъ стопаніе, оуеіе състояние и вошъ къ Господу Богу, тогда наша мати земля жерломъ (м. е. горломъ, олосомъ) возстанише, вопіюще: Чадѣ мои, чадѣ мои! противовоаніе Господа своего, а моего Творца и Бога! Мы же тогда къ Господу Богу и къ пречистой Богородици умилно возопили, глаголюще: заступница наша госпожа Богородица! избави насъ варварскаго нахожденія и злаго плѣненія. Тогда земля зря и возрыдала, како отъ пазухи ея православнии отторгаемы и безмилостивно постѣаемы; тогда мы рудѣ въздыюще и съ въздыланіемъ слезы испущающе, молящися Христу Богу и пречистой его Матери, вопіюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Исусъ, сынѣ божій! Слава Тебѣ, св. Богородица! избави насъ отъ агарянскаго насилуванія и горкаго томленія! Како намъ даровала столкратное и милостивое заступленіе, госпожа и Богородица, тогда възопили къ Богородици съ усердіемъ молящися, слезы отъ очію точаще и глаголюще: пресвятая госпожа и Богородица! Ты избавила родъ христіанскій отъ адова мучительства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахожденія, и злаго и нечестиваго плѣненія и постѣченія! Мы же тебя, Богородицу, пѣснѣю славимъ и возличаемъ и покланяемся пречистому Твоему образу».

«Римъ оставъ к намъ пришелъ еси; богатство римское оставъ и пріятъ богатство на небѣхъ, я нынѣ со ангелы водворяшися. Римское княженіе и славу суетную ни во что же вмѣнявъ, оставъ княженіе, и пріятъ царство небесное и нынѣ живѣши съ яки ангельскими. Римскихъ родителей своихъ небрегъ, едино вождѣвалъ еси, за вѣру христову кровь свою пролиати я за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и сего ради веселяшися въ солахъ небесныхъ»...

«Начнетъ касатися духовитѣй бесѣдѣ, страданія воспоминаемъ угодника и мученика христова Меркурія, како злочестивый и богонепротивный царь Батый нанде на градъ нашъ пусть сотворити, а насъ погубити; но Богомъ и пресвятою его Матерію и страданіемъ угодника воина христова, спасетъ градъ и люди. По благовѣщенію св. Богородица, принде святый въ церковь Богородицу, и обрѣтоша сѣзичу горящу предъ самою иконою госпожи Богородицы, отъ нея же выде гласъ понамарю, и падше святый предъ образомъ, чудотворнымъ, нача молитися: госпоже

Богородица! буди помощнице на супротивныхъ сихъ. И тако гласъ бысть отъ иконы пресв. Богородицы и явленіе святому, безбожныхъ нахождение, и посла побѣдити ихъ силою христовою. Отъ чудотворныхъ иконы пречистыя Богородица бысть гласъ глаголюще: раба мой Меркуріе! иди азѣтворнаго Батыя и измалетскы люди огрози; плыныя свободи дарованіемъ Христовымъ; домъ мой и градъ и люди безбѣды и сотвори. Отъ пречистаго и чудотворнаго образа пресв. Богородица бысть гласъ предѣлому коню христову: Раба мой Меркуріе! иди, убій сильнаго пшопана, а изчестивнаго царя Батыя и поганыхъ Агарянъ прожени; божею благодатию люди и градъ отъ нихъ спасутся. Прочистая госпожа и Богородица! некосная наша заступнице! крѣпкая держава, непобѣдимый воевода града нашего, измучи во своемъ градѣ такового вопия и угодилика своего Меркурія, и тако святаго воспомянуша огрозити и побѣдити зловѣрныхъ, и прогонити отъ лица нашего...

— Приде святыи на мѣсто, идѣже повелѣ св. Богородица, и ту побѣдилъ много вой татарскихъ, и оставши зарари разъяряхуся сердца и раскилахуся суетмысленныи думаныи на богочинимъ градъ Смоленскъ. И бѣ виде жепу превелику и пресвѣтлу солнцобразну съ множествами вой небесныхъ, и ужасошася, въскорѣ отбѣжа отъ насъ. Шаташася безумныи въ молвѣ горькаго своего злаго невѣрія, яко провидѣли госпожу Богородицу, паче солнца сіяюще и помогающе своему угодинику; и тако расышашася мысли ихъ, и бысть яко прахъ, и побѣгоша въскорѣ, и на бѣгъ себе вѣдша. Приде святыи въ богопокровенный градъ, и ту блаженная глава, яко добродѣтельная маслица, процвѣте...

— Егда зли Агаряне отскоча главу св. Меркурію, и въспориатъ ю самъ святыи и пренесе въ градъ, предѣ лѣвми людьми, глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ госпожи и Богородицы заступленіе и святому отъ нея помощеніе... — Красно мѣсто и свято, на немъ же твои всесестыи нозѣ стоятъ, идѣже твоя святая глава утѣчена, и ту бѣ воинъ Христовъ свыше отъ Бога, яко царскую діадиму пріять, сія въ лицѣ святыхъ мученикъ, яко солнца посреда звѣздъ, осіяла градъ и люди...

— По представленіи явился святыи тому же попомарю, яко живъ, въ воинскомъ подобіи, и рекъ старцу: побѣждѣ гражданомъ, да устроить щить и коноу мое падѣ гробомъ коню, и когда будетъ гражданомъ притуженіе отъ злыхъ нахождение тогда носить мое оружіе, прославляюще Господа славы и того рождающую Богоматерь, и мене смиреннаго раба божія Меркурія поминующе, да подасть Господу върымъ на супротивныхъ крѣпость и одоленіе... — Спомочника имѣяху вси граждане, стратотерпче христовъ доблестный! ко-

не и щить твой выну пособіе имущи, ты величаютъ, Христа Бога славяще, въблчавшаго ты!

(Очерки Буслаева, II, 182—183).

Когда Батый задумалъ плыити богоспасенный градъ Смоленскъ, тогда св. Богородица явилася отъ иконы попомарю и послала его за Меркуріемъ, который происходилъ отъ римскихъ назукъ, отъ славнаго княжескаго рода, изъ земли римской, и засталъ въ Смоленскѣ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города. Послала его Богородица на долгій мостъ и сказала, что онъ побѣдитъ мучителя—исполни и объявила ему свою помощь—и въ концѣ мученичества, Меркурій побѣдилъ враговъ и они предались бѣгству, но и ему отрубилъ голову, которую онъ принесъ въ городъ собственными руками—въ виду всѣхъ. Потомъ Меркурій явился тому же попомарю и велѣлъ поставить надъ гробомъ коня и щить. Это оружіе для гражданъ Смоленска было знаменіемъ побѣды и избавленія отъ вражескихъ нашествій. Какъ однажды этии оружіемъ отражены были Татары, такъ и всегда впредъ будетъ оно символомъ божества, могущества противъ враговъ православныи. Къ этому нужно добавить, что каждая почти вѣстность въ россіи имѣетъ свои преданія о герояхъ, сражавшихся противъ Татаръ. (Очерки Буслаева II, 185—198).

358. Легенда о Егоріѣ и Татаряхъ.

Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко—охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровю христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжала злой татаринъ, заплотилъ всю землю мончорскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать въюницъ (молочныхъ женщинъ) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою віру поганую, и заставлялъ ихъ жѣть пищу печистую, маханину (лошадиное мясо). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православныи по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негда было и Богу помолитъ.

И вотъ жилъ да былъ въ паносѣ нещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу и давали имъ Господъ сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; ростъ онъ не по дѣлмъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорія былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву—и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ,

что ангелы на небеси радуются. Вотъ услышалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Плакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ школу.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зилень-Горюнычемъ: такъ онъ былъ злымъ и хитрымъ! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выйдетъ на охоту—дикаго арбры травить, никто не попадайся, сейчасъ заколеть; а молодичъ да красненьхъ дѣвицъ тащить въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилъ она ему, сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной доль родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную,—и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подростъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи, взявъ благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шель онъ, только приходить въ палаты Брагимовы и видить стоятъ злые пехристи и нечаянно бьютъ мать его бѣдную. Позвалися Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не утратился, и сталъ возсылать молбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ лить его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья пошлывались, у топоровъ лезвия выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смоля кипучей, и святой Егорій поверхъ смолы плаваешь. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій—все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на волюный свѣтъ. Увидѣвъ въ полѣ—стоятъ оседлавный конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копые острое. Вскочилъ Егорій на коня, приуправился и побѣжалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ памъ не сладили, и наскочили на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копыемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посады, которыхъ и понынѣ славятъ *Егорьевскими*.

(*Легенды, Аванастьева, стр. 152—154*).

Образъ жизни Русскихъ столкнулся съ образомъ жизни Татаръ и не только подчинился ихъ властью: подчиненіе царю, т. е. Хану заставляло перенимать его придворныя церемонныя, чины и хозяйственный бытъ. Отъ Татаръ перешло въ Россію много вещей азиатской работы и это имѣло вліяніе на русское зодчество и мастерства; въ постройкахъ и украшеніяхъ древне-русскихъ можно уловить черты Восточнаго вкуса. Ни какъ-то такъ ярко и наглядно не отражалось татарское вліяніе, какъ на средневековой пошленинкой русской системѣ: тутъ и названія пошленинъ и названія таможенныхъ приставничковъ—все обличаетъ татарскій строй. Подъ вліяніемъ страха, жестокости со стороны завоевателей, послѣ татарскаго порабоженія, развилась сильно въ народѣ фантазія и аскетическое направленіе: когда должна надежда на свои силы, оставалась единственная надежда на помощь свыше. Оттого въ это время построено было громадное количество монастырей и каплени были они изумительны отъ усердія върующихся. Съ другой стороны долговременное подчиненіе и униженіе низшаго предъ сильными способствовало развитію житроствы, осторожности и стойкой политики московской: тѣлѣнные деспотизма надъ Москвою вызвало въ ней самой деспотическія стремленія противъ подчиненныхъ и слабыхъ областей, и титулъ царя, принадлежащаго прежде хану, перешелъ на о. имлѣ Московскаго.

Первое изшествіе Монголовъ изъ Европу въ „Histoire des Mongols depuis Tchinguis — Klan jusqu'a Timour — Lang”. Paris. 1824. Сѣвер. Архивъ ч. 34. № 21 и 22. 43. № 23 и 24. 277, 1828 г. ч. 26. № 7. 209, № 8. 291. История первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова. О. Іакинфа. Моск. Телеграфъ, 1829, XX. 529—532. 1828, XXII. 129—135. О Монголахъ Абулгази. Тамъ же 1826. XII. 301—304. О Монголахъ Іакинфа Бичурина. Москвит. 1850. XXIV. 85—92. О Монголахъ хановъ—Буткова. Сѣвер. Архивъ ч. 40. № 42. 279. ч. 41. № 13 и 14. 1. Нечто о вліяніи Монголовъ и Татаръ на Россію. А. Рихтера. Сиб. 1832 г. Его же: Изсл. о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію Сиб. 1825. Объ отношеніяхъ Рос. Князей къ Монголамъ. хаванъ. П. Ваулова. Сиб. 1823, также: Сынъ Отец. 1823, LXXXVII. 69. 1820. LXXXVIII. 20. 99. О мнѣніи запустѣній Украйны въ нашествіе Батыево. Рус. Бес. 1857. 4, III. 22—34. О золотой Орѣ изъ сочин. Шмолбергера. Зап. и Труды общ. Ист. 1824. ч. 2. кн. 2. 198—232. Ибнъ-Батута. Рус. Вѣстн. 1841. 1. 462. Марко-Поло. Чт. общ. Ист. 1864. кн. 3. См. еще: Блбл. иностр. писат. о Россіи. Изд. Семенова. Сиб. 1836. Ж. М. Н. Пров. I. 299. V. 594. ч. 37. VI. 468. ч. 38. II. 49. ч. 40. VI. 123. 131. ч. 44. II. 30. VI. 189 ч. 45 VII. 1 ч. 48.

II, 4, ч. 70. VI, 27, ч. 79, II, 221. Избавленіе Костромы отъ Татарс. нашествія. *А. Кавелина*. Маякъ. 1845. 2. Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ въ 1237 г. О маголахъ. памяти. *Срезневскаго*. IV, 77—94. Изъясненіе словъ, перешедшихъ изъ восточн. языковъ въ Россію. *Фр. Ердмаха*. Зап. и Труды общ. Ист. 1830 ч. V, 215—245. Ж. М. Н. Пр. 1842 ч. 36. Историч. сказаніе о борьбѣ съ разными племенами и народами. Ист. Рос. *С. М. Соловцева*. IV, 388—400. Ист. Рус. Словес. *Галахова*. I, 81—83. О влія-

ніи татарс. языка. Шевырева. ч. III. Москвит. 1854. № 22. *Гаммера*. geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Петерб. 1840. Изсѣдов. о Касимовс. царяхъ и царевичахъ. *И. Вельяминова-Зернова*. Автописецъ Казанскаго царства. *И. Глазатова*. Ркп. Казанс. Универс., взд. въ 1791 г.: «Ист. о Казанс. царствѣ». Начало Казанс. царства. *В. И. Погодина*. Моск. Универс. Изв. 1866—67 № 12.

4. ПЛЕМЕНА ФИНСКІЯ.

(Чудь, Емь, Корела, Водь, Югра).

359. Борьба съ Финнами въ XI и XII в.

а) Въ лѣто 6550 (1042). Иде Володимеръ, сынъ Ярославъ на Ёмы, и побѣди я, и плѣни множество Ёмы; и помрота кони у воевъ Володимеровыхъ, яко еще дышущимъ конемъ, сдираху кожи съ нихъ съ живыхъ, — толкъ моръ бысть на кони. (*I Соф. 137*).

б) Въ 1054 г. иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдъ, и убиша его Чюдъ, и много взде съ нимъ Новгородцевъ. И пакы Изяславъ иде на Чюдъ, и взя оубѣкъ Деклиивъ, сирѣчь Солнца рука.

в) Въ 1058 г. побѣди Изяславъ Голыдь. (*I Соф. 139*).

г) Въ 1113 г. побѣди Мстиславъ на Бору Чюдъ. (*I Новг. 9*).

д) Въ 1116 г. иде Мстиславъ на Чюдъ съ Новгородци, и взя Медвѣжю Голову (*Оденне*) на 40 святыхъ. (*I Соф. 156*).

е) Въ 1123 г. ходи Всеволодъ съ Новгородци на Емь въ великое говѣніе, и побѣди я; нѣ лютъ баше путь, оже купляху по ногатѣ хлѣбъ. (*I Соф. 156*).

ж) Въ 1130 г. иде Всеволодъ съ

Новгородци на Чюдъ зимѣ въ говѣніе; и самы изсѣче, а хоромы поужже, а жены и дѣти приведе домовъ и даць на нихъ възложи. (*IV Новг. 3*).

з) Въ 1133 г. иде Всеволодъ съ Новгородци на Чюдъ, и взя градъ Юрьевъ (*Дерптъ*) февр. 9. (*I Соф. 156*).

и) Въ 1142 г. приходиша Емь, и воеваша область новгородскую; избиша я (*иже*) Ладожане 400, и не пустиша ни мужъ. (*I Новг. 9*).

і) Въ 1149 г. на зиму придоша Ёмы на Водь ратью, оубѣхъ 1000; и услышавше Новгородци, съ патію сотѣ съ воеводою подоша на нихъ, и не упустиха ни единого мужа. (*I Соф. 160*).

к) Въ 1176 г. зимой приходиша вса Чюдская земля Пльскову, и бившася съ ними, и убиша ту Вячеслава и Микиту Захариница и Станислава Ивановича и янѣхъ, а Чюди множество избиша. (*I Новг. 16*).

л) Въ 1179 г. Мстиславъ Ростисл. вниде въ Новгородъ ноябр. 1, и рече имъ: «братіе! се обидятъ ны поганши, да быхомъ възрѣвше на Богъ и на св. Богородици помочъ, помьстали себе и

свободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ. И ркоша ему Новгородци: «княже! аще се Богови любо и тебѣ, а се мы готови есмы.» И сконны воя новгородцкихъ 20,000, и поиде на Чюдскую землю на Очелу, и стоя въ ней недѣлю, воюя по всей землѣ ихъ, а они отбѣгоша къ морю, и пожже села ихъ, и ополоумившеся челядью и скотомъ, и приидоша во свояси. (IV Новг. 15).

м) Въ 1187 г. избѣни быша данники перемьскіи и югорьскіи, а дружини за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кнѣзей (боляръ, знатныхъ). (IV Новг. 17).

н) Въ 1191 г. ходяща Новгородци съ Корѣаю на Ель, и воеваща землю ихъ, и пожгоша, и скотъ изсѣкоша. (I Новг. 20),

о) Въ 1194 г. идоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣнкомъ, и приидоша въ Югру и взяша градъ; и приидоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ. И стояща подѣ градомъ 5 недѣль, и высылахуть къ нимъ съ рѣчию лѣстивою, глаголюще тако, «яко копимъ серебро и соболіи и лѣная узорочіа, а не губите своихъ смердовъ и своихъ дани,» и лѣстичи имъ, а воя свои конячи; и яко скопича воя, и выслашася изъ града къ воеводѣ: «поиди въ градъ, поими съ собою 12 мужъ.» И иде въ градъ, поимъ съ собою попа Иезика Легоша и имѣхъ болшихъ, и несѣкоша и въ кауушъ св. Варвары; и выслаша чакы, и поаша ихъ 30 мужъ лучшихъ, и тѣ все несѣкоша, и потемъ 50. И потомъ рече Савка князю Югорскому: оже и еще, княже, не убѣдиши Якова Прокшинича, а жива пустиши въ Новгородъ, ино ти, княже, опять вол приведетъ съмо и землю твою пусту сътворитъ.» И призваръ же князь Яковца, и повелѣ убити; и рече Яковъ Савкѣ: «судитъ ти, брате, Богъ и св. Сома, оже еси подумалъ на кровь братія своей, и станеша съ нами предъ Богомъ и отвѣщаеши за кровь на-

шу;» и то рекшу, убѣненъ бысть; тои бо Савка перевѣтъ дръжаше отай съ княземъ Югорьскимъ. И потомъ яко изнемогаема глаголютъ.—стояли бо бѣху 6 недѣль, слушающе лѣсти ихъ,—и на праздникъ св. Николы вылѣзше изъ града несѣкоша вся, и бѣ туга и бѣда останку живыхъ, бѣ бо остана 80 мужъ; и не бѣше вѣсти чрезъ всю зиму въ Новгородъ на ихъ, ни на живыхъ, ни на мертвыхъ, и печаловахутся въ Новгородѣ князь, и владыка и весь Новгородъ.

п) Въ лѣто 6702 (1194). Приидоша избытокъ живыхъ изъ Югры, и убѣша Збышкѣ Волосовичъ, и Завида Игзовичъ, и Моислава Поповичъ, сами отбѣгоша, а нынѣ кунами ся откупиша: творяхуть бо я свѣтъ дръжаше съ Югрою на свою братью, а то Богъ вѣсть. (I Соф. 169—170, I Новг. 21—22).

360 Борьба съ Финнами въ XIII в.

а) Въ 1212 г. Ходи Мстиславъ на Чюдь, рекомую Търму съ Новгородци, и много полоумиша, скота безъ числа привелоша. Потомъ же на зиму иде князь Мстиславъ съ Новгородци на Чюдскій городъ, рекомы Медвѣжю Голову, села ихъ потрати, и придоша подѣ городъ, и поклонившася Чюдь князю и дань на нихъ взя; и придоша вси здрави. (I Пск. 177; I Новг. 31—2).

б) Въ 1214 г. иде князь Мстиславъ съ Новгородци на Чюдь на Ереву (Jerwen) skozi землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и оскы ихъ взя; и ста съ Новгородци подѣ городомъ Воробинымъ (Варболѣ?), и Чюдь поклонившася ему; Мстиславъ же князь взя на нихъ дань, и да Новгородцемъ двѣ части дани, а третью часть дворяномъ, бѣше же ту и Пльсковскій князь Всеволодъ Борисовичъ съ Пльсковци, и торопецкскій князь Давыдъ Володимиръ

братъ, и придоша здрави вси съ мвожь-
ствомъ полона. (*I Новгород. 32*).

а) Въ лѣто 2725 (1217). Воеваши
Литва на Шелонѣ, Новгородцы же при-
доша по нихъ, и не согнаша ихъ (*не*
нашли); и оттолѣ поидоша на Чюдѣ къ
Медвѣжьей Головѣ, со Псковичи со кня-
земъ Володимиромъ. Чюдѣ же начаша съ
поклономъ высылати лѣстю, а къ Нѣм-
цамъ послаша; и съ Нѣмцы бышася, и
убиша двѣ воеводѣ, а третьяго ружьми
лшѣ, а лошадей отняла 700, и придоша
вси здрави. (*I Пск. 177*).

б) Въ лѣто 6731 (1223). Ходи Ярославъ
князь съ силою многую къ Колы-
ваню (Ревелю), и повоева всю землю
Чюдскую, и полова приведе много; а го-
рода не взя, а злата взялъ много. (*I*
Пск. 177).

в) Въ 1228 г. придоша Емь воевать
въ Ладозское озеро пѣ лодкахъ и приде
на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ;
Новгородцы же вѣсѣдающе въ насады,
выребоваша въ Ладогу съ княземъ Яро-
славомъ. Володславъ посадникъ Ладозь-
скими съ Ладожанъ не ждѣ Новгородцы,
гонимы въ лодкахъ по нихъ въ сѣлѣхъ,
кдѣ они воюють, и постиже и, и биеша
съ ними; и бысть пощѣ, и отступивша
въ Островълецъ, а Емь на брезѣ съ по-
лономъ, воевали бо блху около озера на
Исадѣхъ и Олоньскъ; топ же ноци про-
сигъше мѣра, и не да имъ посадникъ съ
Ладожанъ, а они изѣхаше подомѣ все, а
сами побѣгоша на лѣсъ, лодки пометавъ-
ше, нѣши; много ихъ ту надо, а лодки
ихъ изѣжгоша. Новгородцы же стоявше
въ Невѣ нѣколко днѣй, створиша вѣче и
хотѣша убити Судимира, и съкры и
князь въ насадѣ у себе; оттолѣ вѣсѣнѣ-
шася въ Новгородъ, ни Ладожанъ ждавѣ-
ше. Послѣдъ же оставшеся Ижерные
устрѣгоша ихъ бѣгающе, и ту ихъ изби-
ша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды
кто видѣ; въ тѣхъ Корола, кдѣ обидуче,
въ лѣсѣ лп, выводяче избиша. Бѣ бо

ихъ пришло твориху 2000, лпѣ болѣ —
Богъ вѣсть, а то все мѣтво. (*I Новгород. 42*
II. С. Л. I, 219).

г) Въ 1256 г. на зиму приѣха князь
Олександръ и митрополитъ съ нимъ, и
повде князь на путь и митрополитъ съ
нимъ; и Новгородцы не сѣдѣху, кдѣ
князь идеть, друзи твориху, яко на
Чюдѣ идеть—идоша до Конорѣи; и повде
Олександръ на Емь, а митрополитъ повде
въ Новгородъ, а ниш мнози Новгородцы
вѣсѣнѣшася отъ Конорѣи, и цопде князь
съ своими полки и съ Новгородцы; и бысть
золъ путь, аки же не визали по дни, ни
ночи, и многымъ шестинкомъ бысть пагуба,
а Новгородцевъ Богъ сблюде; и пришедъ на
землю Емскую, овыхъ избиша, а другихъ
язымаша. И придоша Новгородцы съ кня-
земъ Олександромъ вси здорови. (*I Новгород. 56; I Соф. 189*).

д) Въ 1268 г. Солокунишася вси кня-
зи: князь в. Дмитрій Александровичъ,
Святъславъ, братъ его Михайлъ, Констан-
тинъ, Юрь, Ярополкъ, Демонъ Псков-
скій, и иныхъ князей нѣколко, и поидо-
ша къ Риквору (на Пѣльцы) м. гелъва-
ра въ 23 день. И яко виждоша въ зе-
млю ихъ, и разбѣлишася на 3 пути, и
много множество воеваши; в ту наѣхаша
пещеру глубокую непроходну, въ ней же
много блху чюдѣ, и быше не лѣхъ ихъ взя-
ти, стояша ту три дни; мастеръ же по-
рошныи (*стѣнобитныя орудія—поро-*
ки) хитростно пусти на нихъ воду. Чюдѣ
же побѣгоша сами вопъ, и изѣхаша ихъ,
а товаръ великій князь Дмитрей весь
взя... (*I Соф. 194*).

е) Въ лѣто 6786 (1278). Князь в.
Дмитрей Алексан. (*переславскій*) съ
Новгородцы и съ Псковцы казни Корѣлу
и всю землю ихъ взя на шпгъ. (*I Соф. 199*).

361. Борьба съ Финнами въ XIV.

а) Въ 1311 г. ходиша Новгородци войною на Нѣмецкую землю за море на Емь, съ кн. Дмитріемъ Романовичемъ и переѣхавше море, взяли первое Куицескую рѣку, села пожгоша и головы поймаша, а скотъ изѣкоша; и ту убиенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станировича въ загонѣ. Потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Черновъ придоша къ городу Ваню и взяша городъ и пожгоша, и Нѣмцы въбѣгоша на дѣтинецъ (*крѣпость*); бѣше бо мѣсто velmi сильно твердо, на камени высоцѣ, не нѣтъ приступу ни откуду же. И сослаша съ поклономъ просяще мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи волюсть труче, села великая пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ науче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выведоша на море, и придоша здорови вси въ Новъгородъ (I Новг. 69; I Соф. 205).

б) Въ лѣто 6822 (1314). Избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городѣ, и въведоша къ собѣ Нѣмцы; Новгородци же съ вѣстникомъ Оедоромъ идоша на нихъ, и передатася Корѣла, и избиша Новгородци Нѣмцы и Корѣлу перевѣтчиковъ. (I Новг. 70).

в) Въ лѣто 6826 (1318). Ходиша Новгородци войною за море въ Полную рѣку и много воеваша, и взяша Людеревь, городъ Сумьскаго князя, и пскупиль; и придоша въ Новъгородъ вси здорови (I Новг. 72).

г) Въ лѣто 6832 (1324). Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ, и взяша Устьюгъ на шить, и придоша на Двину; и ту прислаша послы князи Устьюжскыи къ князю и къ Новгородцемъ, и докончаша миръ по старой пошлнѣ, и придоша Новгородци вси здорови.

д) Въ 1329 г. Зимой избиша Новго-

родцевъ, которіи были пошли на Югру, Устьюжскыи князи. (I Новг. 74).

е) Въ 1345 г. бысть ятежъ въ Штицѣхъ великъ: избиша чюдъ своихъ бояръ земьскихъ, и въ Колываньской землѣ и въ Ругодильской землѣ 300 ихъ; и потомъ сташи на нихъ Велиевичи и Юрьевичи, и избиша чюдъ 14,000, а избытокъ (*остатокъ*) ихъ убиша въ Островскую землю, и тамо по нихъ ходиша Велиевичи въ Островскую землю и ихъ не взяша, но сами биты отъвдоташа. (I. Соф. 224).

362. Мордва.

а) Въ 1103 г. побѣдиста Ярославъ Мордву Муромъ.

б) Въ 1228 г. посла в. кн. Гюрги Святослава, Ивана, брату своему, на Мордву и побѣдиста Мордву и взяста нѣсколко (*нѣсколько*) селъ, и възвратистася съ побѣдою. Тое же зимы Ярославъ, сынъ Всеволожъ, ходи изъ Новгорода за море на Емь, гдѣ же вниднѣтъ отъ кипѣзъ рускихъ не возможе бывати, и всю землю ихъ плѣни; и възвратися Новгороду, слава и хвала Бога, ведый множество полонна, якоже сущи съ нимъ не возмоготъ всего полова отнести, но овыхъ сбѣзху, а влыхъ множество пушазху опять всю яси. (П. С. Лѣт. I, 190).

в) Того же лѣта (1228), м. Сентября, в. кн. Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиновича, и своего мужа Еремѣя Глѣбовича воеводствомъ съ полкомъ: и бывшии имъ за Новымъгородомъ на предѣлахъ мордовьскыхъ, пославъ Гюрги възврати ихъ, не дасть имъ воевати, заче погода имъ не бысть, бихуть бо дождове velmi мнози день и ночь... Тогоже мѣсяца въ 14 день в. кн. Гюрги, и Ярославъ, и Костянтиновичи Василко, Всеволодъ идоша на Мордву; и муромскыи князь Гюрги Давыдовичъ вшедь въ землю Мордовскую,

Пургасову волость, пожгоша жита (*хлѣба*) и потравиша, и скоты избвиша, полонѣ послаша назадъ, а Мордва вѣзгоша въ лѣсы своя, въ тверди, а кто не вѣзгль, тѣхъ избвиша набѣхавше Гюргеви молодіи въ 4 день генваря. То видѣше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубоку, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, забивша и, а иныхъ пазимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избвиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати. А болгарскій князь пришель былъ на Пуреша, ротника Юргева (¹), и слышавъ, оже в кн. Юрги съ братьею жжеть села мордовская, и бѣжа прочь ноци; а Юрги съ братьею и со всѣмъ полкомъ взвратишася свояси добри здорови...

г) Въ лѣто 6737 (1229) и. зрпля, придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду (*Нижнему*), и отблшася ихъ Новгородци; и зажегше манастирь св. Богородици и церковь, яже бѣ въ градѣ, того же дни и поѣхаша прочь, поймавъ свои избвеныя болия. Того же лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и избви Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва выалъ утече. (*П. С. Лѣт. I, 192*).

д) Того же лѣта (1239) взяша Татарове Черниговъ. Того же лѣта взяша Мордовскую землю, Муромъ, по Клязьмѣ половецкая, городъ св. Богородици взяша. Того же лѣта бысть пополохъ золь по всей

(¹) Сторовника Юрєва, который обѣщася клятвою служить ему вѣрно.

земли, не вѣдаху и сами, кто гдѣ бѣжитъ. (*П. С. Лѣт. I, 225*).

е) Въ 6811 (1303 г.) къ Новугороду Нижнему пришли Мордва ратью безвѣстно, и в. кн. Дмитрій Константиновичъ посла противу ихъ брата своего кн. Бориса, да сына своего кн. Симеона, со многими ратными людьми, воевать поганую Мордву, а в. кн. Дмитрій Ив. московскій прислалъ къ нему на помощь воеводу своего Федора Андреевича Свасло-ва со многою московскою силою, и доидоша до мордовской земли, Мордву по-сѣкоша, а женъ ихъ и дѣтей въ полонѣ взяша, и жилища ихъ взяша, и всю землю ихъ пусту учиниша, и въ городъ приведоша, и многихъ на льду волочили, и псами травили, и различно казнили. (*Нижегородск. лѣтоп. Древн. рос. Владимовика. Н. И. Новикова, ч. XVIII, стр. 73. Изд. 2-е М. 1791 г.*).

Обратить вниманіе, какъ легко Русскіе побѣждали финскія племена.

О Финнахъ *П. Фр. Сума*. Чт. общ. Ист. 1847. № 9. III. 1—12. Водъ въ губ. губернии. *П. Кеппена*. 1851. Синод. Филс. Вѣст. 1845. IV. Смѣсь 43. 1846, VII. 43 VIII. 43. 847. XV. 32. Печерскій край. Сынъ отец. 1852. VI. 13. Чудь. Финс. Вѣст. 1848. IV. сѣвер. вст. 21. V. 1—36 VI. I. 1847. XXIV. I. Ж. М. Н. Пр. ч. 54. VI. 290. О Суми г. Гаге. Вѣст. Евр. 1828. ч. 159. № 12, 241. О Голяди. Ходаковскаго. Сѣвер. Архивъ ч. 2. № 10, 314. № 12, 465. О Вагѣ. Тамъ же ч. 27. № 9. 3. № 40, 89. № 41, 189. № 42, 273. Исторія Финляндіи и Риги. Сынъ отец. 1836. CLXXXI. III. 53. 1842. VIII. 31. Эстонцы. Тамъ же 1819. LIII. 124. 219. Хронологич. указатель матеріаловъ для ист. вѣроят-цевъ Европ. Россіи. Составилъ Лашбонъ подъ руководствомъ *П. Кеппена*. Спб. 1861. О географич. положеніи и исторіи Югорской земли *А. Лерберга*. Изслѣд., служащая къ объясненію Рус. Исторіи. Спб. 1819. О жилищахъ Емв. ib. 83—192.

Б. НѢМЦЫ И ШВЕДЫ.

363. Отхоженіе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведамъ.

а) Въ лѣто 6725 (1217). Поиде Мѣстиславъ Кіеву, оставивъ Новгородъ княгину и сына своего Василия; и поѣхъ съ собою Гюрга Ивановича, Сбыслава Стенаицка, Ольксу Путловицка. Тѣгда же поиде Володимиръ въ Вепъгородъ своимъ орудіи, и воеваша Литва въ Шелонѣ. Новгородци идомъ по нихъ, и не състигаша ихъ; и поидоша къ Медвѣжи Голоу съ кн. Володимиромъ и съ посадникомъ Твърдиславомъ, и сташа подъ городомъ. Чюдъ же начаша сзати съ поклономъ лѣстью, а по Нѣмци послаша; и начаша Новгородци гадати съ Пльсковичи о чюдьсков рѣчи, отшедъша далече товаръ, а сторожи ночью бяху припля, а дневни бяху не пошли; и наѣхаша на товары безъ вѣсти, Новгородци же побѣгоша съ вѣря въ товары, и поймавшѣ оружіе и выбиша ѣ изъ товаръ, и побѣгоша Нѣмци къ городу, и убиша Новгородци два воеводѣ, а трети руками яша, а копевъ отъѣша 700, и придоша здрави вси, князь же Мѣстиславъ приде въ Новгородъ безъ ихъ, ни (*схватилъ*) Станимира Дьрвошица съ сыномъ Вѣздилоу и оловавъ потоци, и товаръ повма безъ числа; и опять пустъ. (*І Новгород. 35*).

б) Въ лѣто 6742 (1234). Иде князь Ярославъ съ Новгородци и съ всею областью и съ полки своими на Нѣмци подъ Гюргевъ (*Дерптъ*), и ста князь недошедъ града съ пѣлгы, и пусти люди споя въ зажитіе воевать. Нѣмци же изъ града высунушася, а иніи изъ Медвѣжь Головы на сторожи, и бишася съ ними и до пѣлку; и поможе Богъ князю

Ярославу съ Новгородци, и биша и до рѣкы, и ту паде лучшихъ Нѣмцъ нѣколко; и яко быша на рѣчѣ на Омовѣжи Нѣмци, и ту обломившася, истопе ихъ много, а иніи извѣши въбѣгоша къ Гюргевъ а друзи въ Медвѣжю Голову; и много поустоиниша землѣ ихъ и обиліе потратиша. И поклонившася Нѣмци князю; Ярославъ же взя съ ними миръ на всеи правдѣ своей, и възвратившася Новгородци здрави вси, а Пльзовѣ нѣколко паде. (*І Новгород. 49*).

в) Въ 1262 г. Поиде кн. Ярославъ и Дмитрей Александровичъ съ Константиномъ зятѣмъ Александровичемъ и со кн. полотъскимъ съ Токтивиломъ, а съ нимъ Полочанъ и Литвы 500, а княжихъ полковъ и Новгородцевъ безчисленное множество; и пришлоша къ городу къ нѣмецкому Юріеву (*Дерпту*), и сташа подъ градомъ. Бѣ бо велики крѣпость, о три стѣны каменные, и множество людей въ немъ всякихъ бяху пристроили велику брань на городъ, но честнаго креста сияя всегда извлагаетъ неправду дѣлющихъ; такоже и сѣ градъ, ни во чтоже бысть крѣпость его, но помощію божіею единѣмъ приступлениемъ взятъ бысть великій градъ Юріевъ нѣмецкій, и люди мнози града того, овыхъ взбиша, а иныхъ изымаша живыхъ, а иные огнемъ пожжены быша. И пришлоша къ землю свою вси здрави, со множествомъ полона и съ честію великою. (*І Софіе. 190—191*).

364. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ послѣ 1263.

О велицѣмъ князи нѣшемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смѣ-

левкомъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Макидонскаго, подобникъ царю Алевхису (*Ахиллесу*) крѣпкому и храброму, свѣе бысть повѣсть о немъ; ему же бже Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, и угобѣи ему Богъ дѣи и чѣсти въ славу его.

О господѣ божѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе св. в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Помеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь вѣзраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: «въ злохитру душу не увидѣть мудрость; на высокихъ бо краткъ есть, посреди же стезѣ стояще, при вратѣ сильныхъ приидити». Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Богородица и посѣлшеиємъ св. в. кн. Александра начатокъ положю. Сей бѣ князь в. Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче же и кротка, в. кн. Ярослава Всеволодовича и отъ матери св. в. княгини Феодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ: «яко глаголетъ Господь: князи азъ учинаю, священи бо суть, азъ воюу я въпстину; безъ божія повелѣнія не бѣ княженіе его». И вѣзрастъ его паче нѣхъ человекъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ Іосифа прекраснаго, оже бѣ поставилъ его египетскій царь втораго царя въ Египтѣ, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсона; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломонову, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна, еже бѣ плѣнилъ всю землю іудейску. Иногда же исполнявся къ граду Антупату приступить, в вышедше гражане побѣдиша полны его, онъ вѣста вѣзврати силу нѣхъ вратомъ граднымъ, и посмѣлся дружинѣ своей, рече: «оставите мя единого»; тако же и сій в. к. Александръ Ярославичъ бѣ побѣжая вездѣ, а не побѣдимъ николиже. Сего ради приде вѣкто отъ

Западныхъ страны, еже нарицаются Слуги божія, отголѣ приде, хотя видѣти дивный вѣзрастъ. Якоже древле царица Южская приходи ко царю Соломоу, хотя слышати премудрость его; такоже и сій, вменѣхъ Андрѣяшъ, видѣвъ в. кн. Александра Ярославича, вѣзвратися къ своимъ и рече: «проходихъ многы страны и языки, не видѣвъ такова ни въ царихъ цари, ни въ князихъ князя». Се же слышавъ король части римскія, отъ полунощныя страны, таковое мужество в. кн. Александра Ярославича и помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а В. Новгородъ плѣнити и вси грады нѣхъ и люди Словѣнскія къ себѣ въ работу створити, и рече: «поюду и плѣню землю в. кн. Александра Ярославича». И собра силу велику, вѣстеръ и бискупъ свои, и Свѣя, и Мурзано, в Сумъ, и Емь, и наполни корабля многы вѣло полковъ своихъ, и подвижеса въ силѣ велицѣ, пылая духомъ ратнымъ, и приде въ рѣку Неву, и стала усть Ижеры, шатаяся безуміемъ своимъ, хотя вѣсприяти Ладогу, прочее же рку и Новгородъ и всю новгородскую область; но еще преблагій, премилостивый человекѣлюбѣцъ Богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменикъ, и всеу трудилася безъ божія повелѣнія. Приде бо вѣсть тогда, яко Свѣи идуть къ Ладогѣ, и въ то время присла король послы, загорѣвша, къ в. кн. Александру Ярославичю въ Новгородъ, а рка тако: «аще можеша противити ми ся, то есмь здѣ уже и плѣню землю твою». Великий же кн. Александръ Ярославичъ, слышавъ словеса нѣхъ и разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь св. Софіи, паде на колѣну предъ олтаремъ и нача молитися со слезами св. Софіи, полиная исправленія родителя своихъ и глаголя: «Суди Господи, обидящихъ мя и вѣзбрани борющихся со мною, приими оружіе и щитъ, встани въ помощь нѣхъ». И кончавъ молитву вставъ и поклонися архіепископу; архіепъ же Спиря-

догь новгородскій благослови его и отпусти съ миромъ, и Новгородцевъ. В. кн. Александръ ида нъ церкви, и нача крѣпяти вой своя и рече: »не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснопѣда Давыда глаголюща: сѣ въ оружїа, а сѣ на конѣхъ, мы же ямя Господа Бога нашего призовемъ, и ти въспати быша и падоша«. И поиде на нихъ въ ярости мужества своего, въ малѣ вой своихъ, и недожда многа вой своихъ съ великою силою; но уповаю на св. Троицу. Жалостно и слышати, яко отецъ его честный князь Ярославъ Всеволодовичъ не бѣ въдалъ такового встанїа на сына своего милого в. кн. Александра, ни опому бѣ вѣстїи когда послати ко огню, уже бо приближалася ратнѣ; гѣмже и мнози Новгородци не совокуплешася, понеже ускори в. кн. Александръ Ярославичъ поити противу ратныхъ. И приде на ня въ недѣлю на Сѣборъ св. Отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, на память святою мученику Кирїка и Улиты и св. в. кн. Владимира, крестившаго Русьскую землю и нареченаго въ св. крещенїи Василїа.

Имѣаше велику вѣру и надежду къ святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу, бѣ пѣкто мужъ старѣйшїи въ земли Ижерской, именовъ Пелгусїй, поручена же бысть ему стража морская; и въсприятъ св. крещенїе, и живяше посередѣ рода своего погана суща, наречено бысть ему имя въ св. крещенїи Филиппъ, жываше же богоугодно, въ среду и въ пятюкъ пребывавъ въ алычѣхъ, тѣмже сподоби его Богъ видѣти страшу, скажемъ въкратцѣ. И увидѣвъ силу ратныхъ Пелгусїй, иде противу в. кн. Александра Ярославича, да скажетъ ему силу паражьскую и стапы пхъ; обрѣте бо я. Стоящу же ему при краи моря, стрегущю ему обои пути, и пребывъ всю ночь въ бдѣнїи, и якоже нача вѣсходити солнце, и услыша шумъ страшенъ по морю и видѣвъ насадъ единъ гребущъ, посередѣ же насада стояща свя-

тая мученика Борисъ и Глѣбъ въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста руки держаща на рамихъ, гребци же сѣдаху въ насадѣ яко мыглою одѣни; и рече Борисъ: »брате Глѣбе! вели гребти, да поможемъ сроднику своему в. кн. Александру Ярославичю«. Видѣвъ же се Пелгусїй таковая вѣдѣнїа, и гласъ слыша таковой отъ св. Мученикъ Бориса и Глѣба, стояще трепетомъ въ ужасѣ, дондеже насадъ отпиде отъ очю его: потомъ же поѣха скоро, и срѣте ѿ в. кн. Александръ Ярославичъ, онъ же видѣ его радостными очима, исповѣда ему единому все якоже видѣ и слыша; великыя же князь отвѣща ему: »сега не рци никомуже, о дружже! Отътолъ же потщася наѣхати на нихъ, въ 6 часъ дие, и бысть сѣча велика надъ Римляны, и избїи множество безчисленное Римлягъ и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ мечемъ. Здѣ же явишася въ полку в. кн. Александра Ярославича 6 мужъ храбрыхъ, иже съ нимъ крѣпко мужествоваху. Первый именовъ Гаврила Олексїеъ: сей бо наѣха на шнеку (судно), и видѣ королевича мчаща подъ руки, и изѣха за нимъ по досѣ до самаго корабля, по ней схожаху; и текома въ корабль предъ вилъ, и пакы обратилася и свергоша его съ доски и съ конемъ въ море. Божїею же волею оттолъ изиде невреженъ; и пакы наѣха, бѣся крѣпко съ самимъ воеводою посередѣ полку ихъ, и ту убїенъ бысть воевода ихъ Спирядонъ, и бискупъ ихъ убїенъ бысть ту же. Второй же Новгородецъ именовъ Сбыславъ Якуновичъ: сей же наѣхавъ многожды бїишется единѣмъ топоромъ, не имѣя страху въ серци, нѣ-колко отъ руки его паде, и подивилася силѣ его и храбрости. Третїй же Яковъ Полочанявъ, ловчей бѣ у князя: си наѣхавъ на полкъ съ мечемъ, и мужествовавъ крѣпко, и похвалъ его князь. Четвертый же Новгородецъ именовъ Мита; си же пѣшъ съ дружиною своею натече, и

погуби Римлянь 3 корабли. Пятый же отъ поломихъ его нѣкто именемъ Сава: сій же нахавъ великий шатеръ злато-верхій, подѣче столъ сѹ, шатеръ же падеся, полци же в. кн. Александра Ярославича видѣше падение шатра възрадовашася. Шестый же отъ слугъ его именемъ Раткирь: си бися пѣшь, и сѣгупиша его мнози Римляне, и паде отъ многихъ ранъ, и тако скончася. Си же вел слышашъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича, и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи. Бысть же въ то время чудо дивно: яко въ дрепяя дни при Езекии дари, егда приде Сенахиримъ царь асурійскій на Ерусалимъ, хотя взятии святой градъ, и внезапно приде ангелъ господень и избѣ отъ полка асурійска 100 и 80 и 5 тысячъ, и вѣставше утро и обрѣтоша вся трупы мертвыхъ; также и при побѣдѣ в. кн. Александра Ярославича, егда побѣди короля обѣ онъ полъ рѣкы Ижеры, идѣже и не бѣ проходно полку в. кн. Александра Ярославича, и тамо обрѣтошася много множество избѣнныхъ отъ ангелъ божіихъ, обрѣтохомъ много трупы избѣнныхъ лежана. Остатокъ же ихъ побѣже восраплени, а трупы же мертвыхъ своихъ наметаша 3 корабли великихъ воеводъ, и потопишася вси на мори, а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ нея безчислаемо, а ния мнози извѣени быша, и тое ноци побѣгоша; Новгородцевъ же ту паде: Константинъ Луготиничъ, Юрата Пишляничъ, Намѣсть, Дроцло Нѣздовъ сынъ кожевниковъ, а всѣхъ 20 мужъ паде и съ Ладожаны, пѣи менши, то Богъ вѣсть. Великий же князь Александръ Ярославичъ съ Новгородци възвратися съ великою побѣдою, и приде въ Новгородъ, сохранени вси Богомъ и св. Софією, хваля и славя св. Троицю, Отца и Сына и св. Духа, аминь...

Въ лѣто 6750 (1242). Поиде в. кн. Александръ съ братомъ своимъ Андрѣемъ,

и съ Новгородци и съ Изювци, на Нѣмецкую землю въ спѣхъ великій, да не хвалается ркуще: «укоримъ Словѣньскій языкъ, нежели себе»; уже бо бѣшеть взятъ градъ Псковъ, и тѣши ихъ посаженіи въ градѣ. Великий же князь Александръ занъ всѣ пути до Пскова и изгони градъ, и изыма въ Нѣмци и Чюдь, и намѣстники нѣмецкыя исковавъ поточи въ Новгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна; а землю ихъ пожже я повоева, и полона много взя, а иныхъ изсѣче. Они же горди совокупишеся, и рѣша: «поидемъ, погубимъ в. кн. Александра и именъ его руками»; и егда же приближишася, и почюдишася стражию в. кн. Александра силѣ нѣмецкой, самъ же в. кн. Александръ Ярославичъ поклонися св. Троици, и поиде на землю нѣмецкую, хотя мѣстати кровь христіанскую. Бѣ бо зима въ то время, якоже бысть на земли ихъ, пусти вся полки своя въ зажитіа, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша въ розговѣ; и убѣша ту Домаша брата посаднича, мужа добра, и иныхъ много избѣнша съ ниятъ, а пѣныхъ руками яша, а ные прибѣгоша къ в. князю въ полки. Се же слышавъ мѣстеръ, взиде противу ихъ со всѣми бискупы своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помощію королевою, и сиидоша на озеро глаголемо Чюдское. Великий же князь Александръ Ярославичъ всплоти на озеро, Нѣмци же и Чюдь подошася по нихъ, князь же великий постави полки на озерѣ Чюдскомъ, на Узмени, у Воронія камени, и укрѣпився силою крестною, ополчився поиде на нихъ; изступиша же озеро Чюдское, бысть же обонхъ множество велики. Отецъ же его в. кн. Ярославъ Всеволодичъ прислалъ бѣ ему на помощь брата его меньшого кн. Андрѣя, со множествомъ вой своихъ. Тако бо бѣше у кн. в. Александра множество храбрыхъ, якоже древле у Давыда царя сля-

ни и крѣпщи; такоже воя в. кн. Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца ихъ акы львонъ, и ркоша: «о княже нашъ честный и драгій! нынѣ приситъ время положить главы своя за тя». Велѣны же князь Александръ, въздѣвъ руцѣ на небо, в рече: «сули, Боже, и разсуди прю мою отъ языки велерѣчива; помози ми, Господи, яко же древле Моисѣеви на Амаалка и прадѣду моему в. кн. Ярославу на сказаннаго Святополка». Бѣ бо тогда день суботный, солицю всходящую, и съступившася обои полки: Нѣмци же и Чюдь пробившася свинією (*узлоу*) сквозъ полки, и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцямъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якоже морю померзшую двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо есть все кровію. Се же слышахъ отъ самовидца, рече ми: яко вѣдѣхъ полки божіа на въздухъ, пришедше на помощь в. кн. Александру Ярославичю. И побѣдивъ силою божією, и св. Софїи, и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради кровь свою пролиша: и даша ратнии плещи своя, и сѣчашуть я гоныше акы по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на семи верстахъ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Нѣмецъ 500, а Чюди безчисленное множество, а руками иша Нѣмецъ 50 мужъ нарочитыхъ воеводъ, и приведоша я въ Новгородъ, а лныхъ вода потопа, а ния злѣ изведея отбѣгоша. Бысть же бой сій здрля въ 5, на похвалу св. Богородица, на память св. мученика Клавдія; здѣ же прослави Богъ в. кн. Александра предъ всѣми полки, яко Иисуса Навгина у Ерихона. Се же рѣкли Нѣмци: «имемъ в. кн. Александра руками»; и сихъ ему предасть Богъ въ руцѣ его, и не обрѣтесе противникъ ему въ брани никогдаже. Възвратившу же ся в. кн. Александру съ славною побѣдою, баше же полона много въ полку его, ведяхуть бо я подле конь иже именуются ратори (*ры-*

цари); и якоже приближися в. кн. Александръ къ граду Пскову и срътоша его со кресты ичумени и попове въ ризахъ и народъ много предъ градомъ, поюще славу Господеви и в. кн. Александру Ярославичю: «пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдѣти иноплеменики и иѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменикъ рукою в. кн. Александра Ярославича». О невѣгласи Псковичи! аще забудете се и до правнучать в. кн. Александра Ярославича, уподобитесь Жидомъ, иже презита Господь въ пустыни крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыта благодѣя Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы египетскія Моисѣемъ, се же вамъ глаголю: аще кто приидеть и напосяблѣокъ рода его великихъ князей, или въ печали приидеть къ вамъ жити въ Псковъ, а не приимете его, или не почтите его, наречетася вторая Жидова. И нача имя слыти в. кн. Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго и до моря Понтьскаго, и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверійскыя, и до горъ Арааратскыхъ, обѣ оны страну моря Варяжскаго и горъ Арааратскыхъ даже и до Рима великаго; распро- страна бо ся имя его предъ тыи тмаи и предъ тысящи тысящами. И тако прииде къ Новгороду съ великою побѣдою...

Преставленіе в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Горю тебѣ, бѣдный человѣче! како можешь вписати копчину господина своего в. кн. Александра Ярославича? како не испадета зеница твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеса сердце твое отъ многия туги? отца бо человѣкъ можетъ забыть, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзалъ. Пострада Богови крѣпко. Мѣтъ же Кирвалъ глагола люддемъ: «чада моя милыя! разумѣйте, яко заведе солнце земли Русьской»; іерея, и діаконъ, и

черноризца, ниція, богати, и вси людѣ мнози вопишу, глаголюще: «уже погибаетъ». Святѣе же тѣло его несеша къ граду Володимери, м-тъ же Кирилъ съ чиноу церковнымъ, вкупѣ же кнзѣ и бояре, и весь народъ, малы и велици, срътоша его у Боголюбова съ свѣщамъ и кандилами; отъ множества народа изъгнѣшахуся людѣ, хотяще прикоснутися честнѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачь великъ и кричаніе и туга, якоже нѣсть такова бывала, токмо и земля трястися. Положиша же его въ Володимерѣ, и въ церквѣ въ Рождествѣ св. Богородица м. ноября въ 23 день, на память св. Анфилофія. Бысть тогда чудо явлено, памяти достойно: егда же положиша тѣло святѣе его въ раку, икономъ же Севастіана м-та Кирила приступилъ и хотѣ разнять руку его, да вложитъ митрополитъ грамоту душевную, онъ же самъ яко живъ суи, распростеръ руку свою и взя грамоту отъ руки митрополита; вріять же я всихъ ужасъ великъ, егда отъ раки отступила. Се же бысть проповѣданно всѣмъ отъ Кирила м-та и отъ иконома его Севастіана. Се же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну суи, привезену отъ дальнихъ мѣстъ во время зимы? тако прослави Богъ угодника своего, иже много тружешся за землю Русьскую, и за Новгородъ и за Псковъ, и за все великое княженіе животь свой отдавая, и за правотѣрную вѣру.

(Н. Собр. Лѣт. V, 176—179, 180 181, 191).

См. о. кн. Александръ Ярославичъ Невскій. Бл-лева. Времен. IV. Изс. 1—42.

365. Борьба съ Шведами.

а. Того же лѣта (1300) придоша изъ-за морія Свѣи, въ силѣ вельдѣ, въ Неву, приведоша изъ свои земли масте-

ры, изъ великаго Рима отъ папы мастерь приведоша нарочитѣ, поставиша городъ надъ Невѣю, на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостію несказанною, поставиша въ немъ пороки, похвалявшися оканънѣи нарекоша его *Вънецъ земли* (Landskrone); бѣ бо съ ними наместникъ король, именемъ Маскала (¹); и поселише въ немъ мужи нарочитѣ съ воеводоу Стенемъ, и отъидоша, князю вел. тогда не будущю въ Новгородѣ.

б. Въ лѣто 6809 (1301). Придо кнзѣ вел. Андрей съ полки низовьскими, и иде съ Новгорода къ городу тому, и приступиша къ городу м. мая 19, на память св. Патрікія, въ плетокъ предъ сшествіемъ св. Духа, и потягнуша крѣпко; сляю св. Софья и помощю св. Бориса и Глѣба, твердость та ни во что же бысть за высокоумье ихъ, зане всеу трудъ ихъ безъ божіа повелѣнія: градъ взятъ бысть, овыхъ избита и изѣкоша, а иныхъ изъязвивше поведоша съ города, а градъ запалиша и разгребоша. А покой, Господи, въ царствіи своемъ душа тѣхъ, иже у города того головы своя положиша за св. Софью... (I Нови. 67—8).

в. Въ лѣто 6819 (1311). Ходи кнзѣ Дмитрей Романовичъ съ Новгорода въ нѣмецкую землю, за море на Емъ: и переѣхавше море, первое взяша Купецкую рѣку, и села пожгоша и въ полонъ поимаша многихъ, и скоты посякоша,—и ту убиенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станислава въ заговѣ; и потомъ взяша Черную рѣку и вси села по Черной рѣцѣ повоюаша, и придоша къ г. Ваная, и городъ взяша и пожгоша, а Нѣмци вбѣгоша въ дѣтвенецъ; бѣ градъ той крѣпокъ великъ, на камени высоцѣ, не имѣя прѣступа никуды же; и

(¹) Marschaleus—Маршалъ Торкель Кнутсонъ. Гейера Geschichte Schwedens. I. 172.

прислаша Нѣмци съ поклономъ къ Новгородцамъ, просячи мира у нихъ, Новгородцы же миру имъ не даша, и стояша у града того 3 дни и 3 ночи, воююще, и села великая ихъ пожгоша, и обиліе все потравниша, а скота не оставиша ничтоже; и потомъ взяша, идущи назадъ, рѣку Кавгалу и Перну рѣку, и выведоша на море, и приидоша въ Новгородъ вси поздорову. (*I Софійс. 205*).

г. Въ лѣто 6830 (1322). Приде князь Юрьи въ Новгородъ, позванъ Новгородцы, и повелѣ пороки чинити; тогда же приходиша Нѣмци ратью къ Корѣлскому городку, и не взяша его. Того же лѣта поиде кн. в. Юрьи съ Новгородцы къ Выбору, къ городу нѣмецкому, и биша и 6-ю пороковъ, твердъ бо бѣ, и избѣиша много Нѣмцевъ въ городѣ, а нѣкихъ павѣщаши, а нѣкихъ на Низъ поведоша; и стоявшие мѣсяць, приступиша, и не взяша его, но за грѣхъ наша, нѣколько мужъ добрыхъ паде...

д. Въ лѣто 6831 (1323). Ходиша Новгородцы, съ кн. Юрьемъ, и поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ. Ту же прѣхавше послы велики отъ Свѣнскаго короля, и докончаша миръ вѣчныи съ княземъ и съ Новымъ городомъ, по старей пошлѣшъ.

(*I Новгород. 72—73*).

366. Договоръ Новгородцевъ съ Шведами 1323 г.

Я в. кн. Юрій съ посадникомъ Офромеемъ, тысяцкимъ Авраамомъ и со всѣмъ Новгородомъ заключилъ миръ съ братомъ моимъ, королемъ шведскимъ Магнусомъ Эриксономъ. По этому случаю къ намъ прибыли шведскіе послы: Эракъ Турсонъ, Геммингъ Оагильсонъ (а не Эорислессонъ), Петръ Йонсонъ, Видемундъ свя-

щенникъ; съ ними же были голландскіе купцы, Людвигъ и Федверъ,—представители голландскихъ торговцевъ. Мы возобновили вѣчный миръ и цѣловали крестъ. Ради дружбы, в. кн. Юрій, со всѣмъ Новгородомъ, уступили три округа: Саволакскъ, Эскисъ и Эврепе—корельскую часть. Грани и межи идутъ такъ: отъ моря до р. Сестры, отъ Сестры къ Моссею до горы Runetae, далѣе до р. Сая, которая впадаетъ въ Оксеиъ, отъ Сай...⁽¹⁾. Потомъ въ Петаюки и наконецъ на сѣверъ къ морю. Нашей новгородской области должны принадлежать р. Илпесъ съ рыбными ловлями, (половина Ватукки, половина Самевеса, половина Упелакса, 6-я часть боброваго улова въ Кодевъ и 6-я часть въ Кунустайнъ). Все по ею сторону грани принадлежитъ Новгороду. Купцы нѣмецкіе, пзъ Любека, Готланда и Швеція могутъ безпрепятственно прѣзжать по Невѣ въ Новгородъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Шведы и граждане Выборга обязаны не задерживать новгородскихъ купцовъ и другихъ лицъ, мирно отправляющихся изъ Россіи въ Швецію или изъ Швеціи въ Россію: въ силу этого договора, они должны пользоваться полною безопасностью. Съ этихъ поръ ни мы, ни вы не должны строить никакихъ крѣпостей въ Кареліи. Должники, поручники, рабы или разбойники, бѣжавшіе къ намъ отъ васъ или отъ насъ къ вамъ, имѣютъ быть поправу выдаваемы. Шведы, равно какъ и граждане выборгскіе, не должны покупать ни земель, ни водъ, лежащихъ въ новгородской Кареліи; къ тому же обязываются

(1) Здѣсь подробно обозначены границы новгородскихъ владѣній на финскомъ сѣверѣ, съ этой стороны грамота имѣетъ большую важность. Изслѣд. о ней Н. Р. Буткова см. въ Ж. М. Внутр. Д. 1837 г. ч. 23, № 2. 325. Также не мѣшаетъ взглянуть въ Улук. Зап. Казанск. Ун-вера. 1838, кн. 2. 103.

и Новгородцы относительно земли и воды шведской. Въ избѣжаніе розрыва, съ нашей или съ вашей стороны, должно соблюдать заключенный миръ ни въ чемъ не нарушеннымъ. Если же кто изъ насъ или изъ васъ нарушитъ что-либо, тотъ да подвергнется наказанію; нарушитель долженъ исправить свою ошибку по правдѣ божіей. Да будетъ вѣкъ Новгородцамъ миръ, вѣкъ ихъ городамъ и всей землѣ ихъ. Р. князь новгородскій со вѣмъ Новгородомъ заключилъ вѣчный миръ съ королемъ шведскимъ и жителями Выборга въ пятницу предъ Успеніемъ (во вторникъ послѣ Рождества Богородицы). В. князь русскій или Новгородскій обязывается не домогаться королевскихъ земель въ Швеціи, также и король шведскій обязывается не домогаться земель русскіхъ и новгородскихъ. Этотъ миръ утвержденъ съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ. Кто его нарушитъ, тому да отмститъ всемогущій Богъ и св. Дѣва Марія.

(*Antiquités Russes. 1851 т. II, 490—491.*)

367 Борьба съ Шведами.

а. Топ же зимы (1337) Корѣла, подведши Нѣмецъ, побѣдѣ Русь, Новгородцевъ много и ладожанъ гостей, и кто жилъ Христіанъ въ Корѣлѣ, а сами побѣжали въ нѣмецскій городокъ; и потому много поѣхало христіанъ изъ Нѣмецкаго города...

б. Топ же весны (1338) ходила Новгородцы, съ посадникомъ Феодоромъ, въ Неву, и стояла подъ Орѣховымъ, съсылающеса послы съ воеводою нѣмецкимъ съ Стенемъ, и не бысть миру; но тако възвратися Новгородцы въ Новъгородъ. Воевода Нѣмци съ Корѣлою много, по Обонѣжью, послаѣд же и Ла-

догу пожгоша, пригонявше, посадъ; нъ города не взята. Потомъ же ходиша молодци новгородетіи съ воеводами, и воеводаша Городецкую Корѣлу нѣмецкую, и много попустошиша земли ихъ, и обиліе пожгоша, и скотъ изѣкоша; и приидоша вси здрави, съ полономъ. Того же лѣта приидиша Нѣмци изъ городка воевати на Толъдогу, и оттолѣ изаху на Вотскую землю, и не пѣшиа ничтоже, остерегли бо слѣху; и изаы вышедше Копорьlane, съ Феодоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьлянина, мужа добра; а подъ Феодоромъ конь раниша, нъ самому не бысть пакости; а они выжили бѣхуть смалѣ. Князь же Нарышотъ бѣше въ Ангтѣ, и много посылаша по него, и онъ не идише, нъ и сына своего выведе изъ Орѣховаго, явнемъ Александра, токмо намѣстникъ свой остави... Топ же зимы прислаша послы изъ Нѣмецкаго городка изъ Выбора, о миру, въ Новгородъ, отъ Петрика воеводы, рекуще: «яко князь свѣтскій того не вѣдаетъ, что учинилося розниріе съ Новымъгородомъ, нъ то подъялъ Стень воевода о своемъ умѣ». Новгородцы же послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ, и привезоша миръ, докончавше по тому миру, что докончали съ в. кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Кобылицьскую Корѣлу послаша къ свѣтскому князю.

в. Того же лѣта (1339) послаша Новгородцы Кузму Твердиславля и Олександра Борисовича, съ други, а отъ владыки сестрлича его Матвея, за море, къ свѣтскому князю, посольствомъ и наѣхата его въ Мурманьской земли, въ г. въ Аюлован, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ. А про Корѣлу тако рекота: «оже къ вамъ наши бѣжати, съѣхте ихъ или въѣхайте, или ваши къ намъ, такоже имъ створимъ, дажъ не польстятъ промежу нами; а сяхъ не выдадимъ, крещени сугъ въ нашу вѣру»; а

и безъ того мало ихъ бѣ осталось, а то вси помроша гнѣвомъ божіимъ (отъ мора).

(I Новг. 78—79).

368. Борьба съ Нѣмцами

Въ лѣто 6851 (1345), индикта 11 м. маія 26, на память св. апостола Карпа, нападвшеся Псковичи съ Изборяны, подъяша всю область псковскую и поѣхаша воевати земли нѣмецкія о князи Иванѣ, и о изборскомъ князи Остаѣ, и о посадникѣ Володѣ, и воеваше села нѣмецкая около Медвѣжь Головъ 5 дней и 5 ночей, не слазаячи съ коней, гдѣ то не бывали отцы и дѣды, и поѣхаше Псковичи во Псковъ съ многими полонимъ. А Нѣмцы скопивше силу, ополчившея погнаша въ слѣдъ Псковичъ, хотяще яти руками князя Остаѣ и Ивана, многую смерть предати, а мужи Псковичи мечи азѣчи; и надгониша Псковичи за 2 поприща (версты) не доѣхавше Нового городка нѣмецкаго, на Маломъ Борку, на тѣни. И сташа Псковичи боеви, помолавшеся св. Троицы и Всеволожи молитвѣ и Тимоѣевѣ, и взяша прощеніе промежи себе и ркоша: «братья мужи Псковичи! не посрамятъ отецъ своихъ и дѣдовъ, кто старъ, то отецъ, а кто младъ то братъ; се же, братья, предложитъ намъ животь и смерть; потягнемъ за св. Троицу и за св. церкви, за свое отечество». И бысть бо съча велика Плесковичамъ съ Нѣмци, м. іюня въ 1, на память св. мученика Іустина Философа, въ самый Троицынъ день, и на первомъ сестуѣ убиша кюра Костянтиновича, а Кормана Постыпка, и Онтона сына посадника Ильина и иныхъ Псковичъ; и Богъ поможе мужемъ Псковичемъ и Изборяномъ, поѣхаша Нѣмецъ помощью св. Троица и молитвою кн. Всеволода и Тимоѣя, оныхъ побѣдши, а иныхъ прочь побѣгоша посрам-

лени. И сташа Псковичи на костехъ, и убиша Псковичъ на томъ бою 17 человекъ, а иныхъ Псковичи безсочемъ одурѣли старыя и молодыя, и тако блудячи по лѣсу много ихъ погибло; а иные послѣ рати выжили. А нолы Псковичи сеступишася съ Нѣмци битися, а въ то время Руда поць Борисоглѣбскій, Лошаковъ внукъ, пригнавъ въ Изборескъ и повѣда имъ лихую вѣсть: «всѣхъ Псковичъ и н Изборянь побѣдши»; также и во Псковѣ иршедь тую же вѣсть повѣда: «Псковичъ всѣхъ побѣдши н Изборянь». И бысть во Псковѣ плачь великъ и кричаніе, яко же не бывало николѣже такого плача. И Псковичи отрядиша гонцемъ въ Новгородъ Оому поца, старосту поповского: «Псковичи всѣ побѣдши, а вы, Новгородцы братья наша, поѣдте наборзѣ, загоните Псковъ перво Нѣмецъ, оже Нѣмцы не загонять». И не поемше вѣры Рудинѣ рѣчи, не отпуская поца въ Новгородъ, послаша въ Изборескъ уѣдывать на Псковичъ Якова Домашинича, Андрея Степановича, Жидила Шестьковича; и прѣѣхаше въ Изборескъ, оже Псковичи подъ Изборскимъ въ стагахъ, столѣтъ, опочиваючи, и въ томъ часѣ послаша во Псковъ вѣсть добру, и бысть радость и веселіе въ градѣ Псковѣ. И потомъ сами прѣѣхаше, князь и посадники и Псковичи, во Псковъ къ св. Троицы.

(П. С. Лѣт. IV, 189).

369. О королѣ Магнушѣ.

Въ лѣто 6856 (1348). Магнушъ, король Свѣтской земли, прислалъ къ Новгородцемъ, рекъ: «поплѣте на съездъ свои епископы, азъ пошлю свои епископы, дажъ переговорять про вѣру; а азъ то хочу слышеть, коя будетъ вѣра лучши; а иже ваша будетъ вѣра лучши, аю азъ иду въ

вашу вѣру, или пакы аще ваша вѣра лучше, и вы поидѣте въ нашу вѣру, и будемъ вси за единъ человекъ; или не поидете въ единачество, и азъ хочу ити на васъ, съ всею моею силою. *Владыка же Василий, и посадникъ Феодоръ Даниловичъ, и тысяцкя Абрамъ, и вси новгородци, погадавше отвѣщаху Магнущу: «аще хочещи увѣдати, кая вѣра лучше, наша ли, или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, заше мы привили отъ Грець православную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру; а кая будетъ обида межю нами, а о томъ племъ къ тебѣ на съѣздъ».*—И послаша Новгородци къ Магнущу Абрама тысяцскаго, Кузму Твердислава и иныхъ бояръ. Абрамъ же, съ своими друзи, приде въ Орѣховецъ и хотѣ поити къ Магнущу, а Магнущъ тогда былъ въ Березовомъ островѣ, съ всею своею силою. Орѣховци же бѣша челомъ Абраму, чтобы не ходилъ отъ нихъ изъ городка; и поиде къ Магнущу Кузма Твердиславъ съ друзи. Магнущъ же отвѣчалъ Кузмѣ: «обиды ми съ вами нѣту никакой»—но сице рче имъ: «поидѣте въ мою вѣру, а не поидете, иду на васъ съ всею моею силою»—и отпусти Кузму съ друзи. И абѣ дошедши Орѣховца, затворилися въ городкѣ вси, а Магнущъ бѣше приступилъ къ городку ратю, съ всею своею силою; а Ижеру почалъ крестити въ свою вѣру, а кои не крестятся, а на тѣхъ рать пустилъ. Слышавши же Новгородци, яко уже король рать отпустилъ на Ижеру, послаша претизу ляхъ Олцифора Лукиничя, Якова Хотова, Михайлу Феодлатова, съ малою дружиною. Молитвами же св. Богородица, и св. Софѣя пособіемъ, и св. мученикъ Бориса и Глѣба помощію, Богъ пособи Олцифору: взявша итѣмцевъ 500, а иныхъ живыхъ изымаюа, а перевѣтъяниковъ казниша; и придоша въ Новъгородъ вси здравы, развѣ 3 человекы убиша Новгородцевъ. Посадникъ же Феодоръ Дани-

ловичъ, и намѣстники князя в., и вси Новгородци, и Плесковичъ немного, и Новотръжци, и вся волость Новгородская, поидоша въ Ладугу, а къ князю Семѣну *Ив. послаша послы, а рекъ тако: «поиди, княже, къ намъ боронити своего отчоны, яко идеть на васъ король свѣискій, на крестное цѣлованіе»; велюкъ же князь Семѣвъ отвѣчалъ Новгородцемъ: «радъ, иду къ вамъ». Медливъ же князь долго, поиде въ Новъгородъ; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратися назадъ на Москву, а въ Новъгородъ посла брата своего Ивана; князь же Иванъ пришедши въ Новъгородъ, въ не поидяше къ Новгородцемъ въ Ладугу. Въ то же время Магнущъ король взял Орѣховецъ, на Спасовъ день; Абрама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взялъ къ себѣ, а иныхъ асѣхъ пустилъ изъ городка, а самъ поиде прочь отъ городка, а въ Орѣховцѣ оставилъ рать. Князь же Иванъ слышавъ, яко взяша итѣмци Орѣховецъ, и поидяше изъ Новгорода назадъ, не привъзъ владычня благословенія и новгородскаго челобѣтія,—и Новгородци поидоша изъ Ладогы и стаха у Орѣховца.*

(I Новг. 83—84).

370. Рукописаніе Магнуща короля свѣйскаго.

Въ лѣто 6860 (1352). Се азъ Магнущъ король свѣискій, нареченный въ св. крещеніи Григоріи, отходя сего свѣта, пашу рукописаніе при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ, и своей братіи, и асей земли *Свѣиской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, занеже намъ не пособляется. Первіе сего подъялся мѣстеръ Белгеръ и втея въ Неву, и срѣте его кн. в. Александръ Ярославичъ на Ижерѣ рѣцѣ, и самого прогна, а рать его поби. И потомъ братъ мой Маскалка, вшедъ въ Неву, городъ*

постави на Охтѣ рѣцѣ и памѣстники своя посади со множествомъ Нѣмцевъ, а самъ поиде за море; и прашель в. кн. Аядрѣй Александровичъ городъ взл, а памѣстники и Нѣмцы цобы. И потомъ было намъ рознириє съ Русію 40 лѣтъ; и потомъ за 40 лѣтъ съ в. кн. Юріємъ Даниловичемъ взяли есмь миръ вѣчный на Невѣ, земли есмь и водѣ учинили роздѣлѣ, кому чимъ владѣти, и грамоты есмь попасали и попечатали. И потомъ за 30 лѣтъ азъ Магнусъ король того не пораял, поднялся есмь со всею землею Свѣйскою, и вшедъ въ Неву, взяхъ городъ Орѣховъ и памѣстники свои есмь въ городъ посадилъ, а съ ними цѣлою силой моею оставихъ, а самъ есмь пошелъ за море; и потомъ Новгородци пришедъ городъ свой взяли, а моихъ памѣстниковъ и Нѣмцевъ побили, которые были въ городѣ. И азъ того не пораял, за одинъ годъ, опять пошелъ къ Орѣхову со всею Свѣйскою землею; и срѣте мя вѣсть, что Новгородци подъ Орѣховцемъ, и азъ опять вошелъ подъ Копорію, и подъ Копорією есмь ночевалъ. И приде ко мнѣ вѣсть: Новгородци на укрѣ (на краѣ) земли, и азъ то слышавъ побѣгълъ за море, шю въ валу парусовъ не знати (*), вета буря сильна, и потоци рати моею много на усть Неровы рѣкы; и пошелъ есмь съ землею своею съ остаткомъ рати. И отъ того времени наиде на нашу землю Свѣйскую погибель, потоцъ, моръ, голодъ и сѣча межн собою. У самого у мене отъя Богъ умъ, и сѣдѣхъ въ полатѣ прикованъ годъ чепію желѣзною и задѣланъ есмь былъ въ полатѣ; и потомъ пріѣха сынъ мой Сакуцъ изъ Мурманскіе (Нормандской, Скандинавской) земли, и выня мя изъ полаты, и везе въ свою землю Мурманскую. И ударъ на мене опять потоцъ, корабли мои и люди мои

(*) Невидно парусовъ отъ высокихъ волнъ.

истопи вѣтръ, а самъ створихся плаван на днѣ кораблемъ, исторцѣмъ пригвоздихся 3 дни и 3 ночи; и по божію повелѣнію, принесе мя вѣтръ подъ монастырь св. Спаса въ Полую рѣку, и сниху мя съ доски чернечи, и вънесоша мя въ монастырь и постригоша мя въ чернечи и въ скиму, и сѣтвори мя Господь жива 3 дни и 3 ночи; а все то мене Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что есмь наступалъ на Русь, а на крестномъ цѣлованіи. А нынѣ приказываю своимъ лѣтемъ и своей брати: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь и вода, ниже мене казнилъ, а все ми створилъ то Богъ къ моему спасенію.

(П. С. Лѣт. V, 227).

Характеръ Норманновъ и морскія ихъ набѣги. Перев. изъ сочин. Деринга: *Histoire des expéditions maritimes des Normands etc.* Paris. 1826. Стверк. Архивъ ч. 22 № 14 и 15. с. 184. ч. 23, № 17 и 18. с. 3. № 19 и 20. с. 261. ч. 24, № 21 и 22. с. 60. См. Ист. Шведс. Госуд. Олофа Дазина, перев. съ Шведскаго 1805 г. Борьба съ Шведами и Тевтонскими орденомъ. Н. И. Костомарова Стверно рус. народопр. 1, 329—394. Погодина Норманскій період. древ. Руса и его же Лемцип, замѣч. о Варягахъ Байера въ перев. К. Кондратовича. Спб. 1767.

371. Борѣа съ Нѣмцами.

а. Въ лѣто 6877 (1369). Пріѣдохъ Нѣмцы ко Изборску ратью въ силѣ велицѣ, со многими запасомъ замышленей своихъ, съ пороки великими и съ грады и затворы, наричающе *ранними*, хушучися (отъ сл. *ханать*) безбожнии на домъ св. Николы (соборную церковь), хотя взяти градъ; и стояша 18 дней, пороки шибючи во градъ, възградъ прилачающеся, сами о стѣну толкуще, и много безумни всеу трудящися, не могоша зла ничтоже сотворити, Богъ бо храняше градъ отъ супротивныхъ супо-

стать иноплеменных Нѣмцев; тогда же и Новгородцы прѣхаша въ посobie къ Пскову, то же слышавше и видѣвши Нѣмцы, побѣгоша отъ Изборска прочь и зацася свой всѣ повергоша. Потомъ, на другое лѣто, придоша Нѣмцы ко Пскову и стояша 3 дни на двѣ ночи, и поидоша во свою землю, а ничтоже не взявши; тогда же убиша Нѣмца за Псковою на поли нѣколько мужей Псковичъ, Якимъ Тривдилова внука, Артемья диаконова брата, а Лутѣ Писоломниши живого емше, поведоша по свою землю, но тамо его затравили (*собаками?*). На зиму прѣхавше Новгородцы ко Псковичемъ въ посobie, и придоша къ Новому городку, а не поидоша отъ городка въ Нѣмецкую землю; но възвратилися оттуду взадъ, а Псковичемъ не учиниша пособья ни мало. А съ того же разратья Псковичи ѣхавше, съ божимъ пособіемъ, взяша городъ Нѣмцевъ Кирьлупу и пожгоша, а много полона взяша, а Нѣмцы орыхъ избива, а нѣмъ въ погребехъ запечатавшеся подохоша (*подошли*) зноемъ, аки снѣгъ погорѣша; а Псковичи прѣхаша со множествомъ полона. Тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война; а то разратье бысть съ Нѣмцами *про Жолчь* обидя много время, аки по 5 лѣтъ, много же нужно (*нужды, скорби*) бѣше людямъ тогда и болѣзнь и моромъ, и бѣды ратныя, и всѣхъ настоящихъ на ны золь за грѣхи наша. Тогда же и миръ Псковичи съ Нѣмцами взяли. (*1 Псковс. 192—193*).

б. Въ лѣто 6956 (1448). Князь Александръ Васильевичъ съ мужи Новгородца цюде противу князя Рязскаго местера (*министра ордена*), и протавъ короля прусскаго, и протавъ короля швейскаго Карла, и стаща Новгородца на Норовъ со княземъ Александромъ, бѣущеемъ черезъ Норову рѣку съ погаными Нѣмцами; и пособи Богъ и св. Софѣя пре мудрость божія мужемъ Новгородцемъ,

и побива много поганыхъ Нѣмцевъ, а нѣмъ на мори въ бусахъ (*судахъ*) много побѣта, а нѣмъ истопоша въ мори, а нѣмъ руками поимаша 84, а съ ними два князя нѣмецкая яша, и много добытка добыта, молитвами благоверныхъ князей; а нѣмъ подъ Ямою городкомъ (*Ямбургомъ*) побива князь Василей Всенльевичъ (*суздальскій*) съ мужи Новгородца...

в. Въ лѣто 6957 (1449). Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, податъ новгородскихъ пословъ, и докончаша миръ, по благословенію архіепископа В. Новгорода и Пскова владыцъ Евѣмѣя: взяша миръ на полтретьяцать (25) лѣтъ съ княземъ местеромъ рязскимъ и съ его княземъ, также и съ пяскупомъ юрьевскимъ и съ юрьевичи (*жителями Дерпта*). А что отняли бѣше Юрьевци старинъ псковскихъ много, и милостию св. Троица и молитвою благоверныхъ князей, они погани возвратиша съ студомъ и еромомъ всѣ старинны псковскія ко Пскову, а докончаша той миръ на Успеніе св. Богородица. (*1 Псковс. 213—214*).

372. О томъ же.

а. Въ лѣто 6967 (1459). Князь Александръ Васильевичъ и посадники псковскіи, съ мужи Псковичи, ѣхавше на землю св. Троица (*т. е. Псковскую, н. ч. соборный храмъ во Псковѣ былъ во имя св. Троицы, какъ въ Новгородѣ—во имя св. Софѣи*) на Озольцу и на Желачкѣ стѣно покосиша и ловцомъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ; и церковь поставиша во имя св. архіепископа Михаила, и Чюль на Рожкини повѣсина... Того же лѣта въ яел. постъ, поганца Латиня изгоняше паговою, и не вѣруя въ крестное цѣлованіе, на то обидное мѣсто на Озольцу, на землю св. Троица, и церковь св. Миха-

ила сожгоша и 9 человекъ. Въ то же время, на то же мѣсто, князь псковскій Александръ Вас. съ посадники псковскими и со Псковичи ѣхавше въ насадѣхъ (*большихъ судахъ*) и въ лодяхъ на Озояцу и шедше въ Нѣмецкую землю, также много мужей и женъ пожгоша, и мѣсть мѣтша за тыя головы непоянница. Того же лѣта за мало времѣ, ѣхавше Нѣмцы въ снѣгахъ (*судахъ*) и въ лодяхъ во Псковскую землю въ Норову рѣку, и насадѣ псковскую у ловцовъ отѣтша съ пущицами и со всѣмъ запасомъ ратницъ и въ Березской волости 42 двора выжгоша, а людей Богъ ублюде...

6. Въ лѣто 6968 (1460). Того же осени прѣхъ посолъ отъ Новгорода во Псковъ, посадивъ Карпъ Савиничъ и съ нимъ дружина его, по челобитью нѣмецкому и по ихъ сроку, и поѣхъ князь Александръ Вас. и посадникъ Новгородскій, и посадники псковскіи, и бояре изъ всѣхъ концовъ на Озояцу и на Желачко на обидное мѣсто, и досмотрѣли того мѣста обидное, а тое земля и вода св. Троица. И поганіи Нѣмцы, познавшѣ свою вину, не стала на то обидное мѣсто на свой срокъ, и князь псковскій Александръ Вас. и посадникъ новгородскій и посадники псковскіи и бояре много ждавшѣ поганыхъ на то мѣсто, и отѣхаша прочь. Того же зимы въ Рождественское говѣнье, князь псковскій съ посадники съ Псковичи, ѣхавше въ Нѣмецкую землю, и много шкоты учинили, повоевали землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и 3 поща ночеваша въ Нѣмецкой землѣ и много живота (*пожитковъ*) пограбаша и погостовъ нѣмецкихъ много пожгоша, и божницу велику выжгоша, и крестъ съ божницы взяша и 4 колоколы снѣша, и пола нѣмецкаго поимаша и головъ нѣмецкихъ много поимаша, а все то—и животовъ и животину и головы провадиша къ Пскову; а Псковичъ всѣхъ ублюде Богъ и св. Троица, не единъ человекъ не

погиблъ; а тую мѣсть мѣстили Псковичи, что на Норовѣ поганіи повоевали и въ Березской волости что пожгли.

Того же лѣта м. января 20 день на память св. и премоуд. и богоуспешиаго Еуфимія Великаго, князь Василей Всеильевичъ прѣхъ съ Москвы въ свою отчину въ В. Новгородъ съ своими сынами, съ княземъ Юрьемъ и Андриемъ, о всѣхъ своихъ управахъ; и услышавше Псковичи князя великаго въ Новгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ В. Новгородъ, Юрья посадника Тимофеевича, Максима Ларионовича и бояръ изъ всѣхъ концовъ, и даша Псковичи на дарове князю вел. 50 рублевъ. И повелѣша имъ бити челомъ господину и государю в. князю Василью Вас. о жалованіи и о печалованіи своемъ отчлѣтъ, мужей Псковичъ добровольныхъ людей, что осемя приоблещени отъ поганыхъ Нѣмцевъ, и водою и землею и головами, и церкви божіа пожжени отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи; и потомъ бѣша челомъ князю вел. о князи Александрѣ Вас., чтобъ «ему быти отъ тебе намѣстникомъ, а во Псковѣ княземъ». Князь вел. отвѣща сяче: «язъ васъ, свою отчину, хочу жаловати и оборонити отъ поганыхъ, якоже отцы наши и дѣды наши князи великии; а что мнѣ повѣстуете о князи Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ васъ свою отчину жалую: аже толко поцѣлуеъ животворящей крестъ князь Александръ ко мнѣ къ в. князю и къ моимъ дѣтемъ къ в. княземъ, что ему зла на насъ не хотѣти, ни мыслити, ино буди вамъ князь, а отъ мене и намѣстникъ». И услышавъ князь Александръ отвѣтъ князя в., и не въскотѣ цѣловати къ нему, ни къ его дѣтемъ и моилъ: «не слуга—де язь в. князю, и не буди цѣлованіе ваше на мнѣ и мое на васъ; коли—де учувъ Псковичи соколомъ вороны имать, ино тогда—де я мене Черторизского воспоминаете»,—и попрощався на вѣчѣ, — «язъ—де вамъ не князь»; а дво-

ра его ковадой рати боевыхъ людей 300 человекъ, опричь кошовыхъ,—и поѣхъ изъ Пскова; а Псковичи ему много билиа человекъ, чтобы ся осталъ и онъ поѣхъ въ Лаву, а псковскаго челобитья не пріять, м. февраля въ 10, на память св. мученика Харлампія...

е) Въ лѣто 6969 (1461). Пріѣхаша нѣмци послы, судья великій отъ архидіакана ризскаго и отъ юрьевского пискуна и отъ всея нѣмецкія земли въ В. Новгородъ ко владыцѣ Іонѣ и къ посадничомъ новгородскимъ и ко всему В. Новгороду бити человекъ послу в. кн. Василья Вас. и мужемъ Новгородцемъ, также и псковскому послу посаднику Зеленовою Михайловичю, о перемиріи... И князь в. Василей Вас. поволѣлъ В. Новгороду и Пскову дати перемирье на ту 5 лѣтъ. И кн. местера ризскаго послы и юрьевскіе послы, на томъ перемиріи въ В. Новгородѣ и крестъ цѣловаша, также и послы псковскіа; а въ ту 5 лѣтъ на спорномъ мѣстѣ ловити Псковичемъ къ своему берегу, а Юрьевцомъ и пискупу къ своему берегу. И пріѣхавше изъ Новгорода во Псковъ послы нѣмциа, и также цѣловаша крестъ во Псковѣ по князя вел. доковчанію; и еще отъ Пскова предъ ними также крестъ цѣловаша судьи псковскіа и содѣи, что на томъ перемиріи написаны грамоты в печати приложены, что тое перемирье держати крѣпко въ ту 5 лѣтъ.

(1 Псковс. 218—219. 230).

373. Я т в я г и.

а) Въ 6491 (983). Ходилъ Владимиръ въ Ятвягъ, и побѣдя ихъ, покора землю себѣ, возвратился къ Кіеву, и творя жертвы кумирамъ съ людьми своими, приносилъ имъ отъ людей плѣнныхъ и скотовъ множество...

Ятвяги, Ятлячи, Язиги, единое есть, народъ сарматской, весьма жестокосердой и военной, съ Лавою единый языкъ имѣли, издревле обитали они по Дунаю, и распространялись до Чернаго моря. Ихъ географы раздѣляли тремя званіи, яко Язиги Метанасты, Язиги Сарматы и Язиги Базилей: первые жили вверхъ по Дунаю и р. Тейсѣ при границахъ Венгровъ, другіе по Черному морю названы Сарматы, третьи Базилей, по сказанію Плинія (кн. 4 гл. 12), жили при Меотическомъ озерѣ по р. Геррусу, и снѣзгити перешедъ поселились въ Литвѣ и въ Подляшши по Бугу, (о чемъ Плиній кн. 4, гл. 12, Птоломей кн. 3, гл. 7, Овидій въ стихахъ). Другіе просто Язиги были Язиги близъ Евфрата, потомъ Язиды, послѣдн Курды въ Дагестани именованы и доднѣшн язиги (Лексиконъ историческій и Стрыковский). Снѣзгити, о которыхъ свѣдѣется, жили около Буга, что нынѣ Подляшши и Брестъ литовская. Историкъ польскій Кромеръ, Бѣльскій, Стрыковский и пр. согласно сказуютъ о нихъ, что никто съ бою бѣжать или въ плѣнъ жить отдаться не хотѣлъ, но съ женами въ бояхъ охотно умирали,—и для того въ одной несчастливой имъ битвѣ въ 1264 г. отъ Болеслава Стѣдываго такъ побиты, что и памяти ихъ не осталось (Ист. Рос. В. Н. Титищева. М. 1773. II, 62 и прим. 167).

б) Въ лѣто 6764 (1256). Приде Данило на Ятвягъ съ братомъ, и сыномъ Львомъ и съ Шварномъ мзду сушу ему, и посла по Романа въ Новгородъ. И приде къ нему Романъ, со всеми Новгородли и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскимъ, и со сѣ стороны приде Сомовитъ со Мазовшаны, и помощь отъ Болеслава со Судимирца и Краковляны; и бысть рать велика, якоже наполнили болота Ятвяжская полкомъ. Сотворивше же сѣвѣтъ вси князи рускіа и лядстін, и рѣша нужи браньни: «ты еси король, голова всемъ полкомъ; аще иащѣ послеша напередъ кого, не послушно естъ всѣи бо ты воинскій чинъ, на ратехъ обычай ти естъ, и всякий ся тебе усрамить и убоится; изъиде самъ напередъ». Данилъ же изрядивъ полкъ, кому полкомъ ходити самъ изъиде напередъ и стрѣльцѣ же пущи напередъ, а другіа обаполы дороги; дворяскому же повелѣ за собою ходити, самъ же ѣхъ въ малѣ от-

рокъ оружныхъ. Ёдушу же ему, и прѣ-
ха къ нему сынъ Левъ одинъ, и рече
ему: «яко никто съ тобою нѣсть, азъ же
ѣду съ тобою»; рече король ему: «буда
такое» и идяше путемъ своимъ. Анкадъ же
вожъ ему бѣ и обща ему, да село его
неможъжево будетъ. И прѣѣха къ нему
Романъ сынъ одянь. И прѣѣхавъ же ко
вси, рекомѣй Болдикиша, посла Лева съ
братомъ, Левъ же тихо обѣѣхавъ село,
иѣще иѣтъ, одного же приведе; король
же упрости его; одному же рекъшу: яко
«во вси рекомѣй Привища, собралися суть
Ятвязи», слышавъ король, посла отрока
Андрѣя, рекый дворскому: «аще узриши
насъ погнавшихъ, скорѣе по насъ поженн
и распустити полкъ, якоже кто можетъ гна-
ти». Василкови же князю иѣтъ полкомъ
рекшу, да поидутъ тихо на грунахъ, и
своему полку такоже; оному же молоду
сушу, и пакы слово рекшу, завети двор-
скому не распустити людей и удержати
полкъ. Одному же Ятвязину гоняну-
шу изъ вестѣ Олыдикищъ, оѣтъ же во-
ружившимся, стрѣѣша стрѣѣлци конецъ вси,
рекомѣй Привища, и возгнаша и. Давило
же и Левъ тоснулася къ нимъ, клякоста
великимъ гласомъ: «бѣжъ, бѣжъ!»! Ят-
виземъ же видившимъ скорое пришествіе,
и нестерпѣша и увратиса на бѣгъ; бы-
вшимъ же имъ средѣ вси, пакы возвра-
нушася. Данилови же и Лвови одинаво
валежащими на нѣ и вергшимъ сулицами,
и пакы навратиса на бѣгъ. Стрѣѣлцемъ
же стрѣѣляющимъ, оружникомъ же небы-
вшимъ съ ями, прибѣгшимъ же имъ
къ воротомъ и смятшимся, и прибѣгшимъ
же уворота, друзи же наворачушася, мно-
гимъ же лѣтѣвшимъ другъ на друга, бѣ
бо ледъ ползокъ; Давило же и Левъ вбѣ-
зѣ скокиса на нѣ воротъ, они же побѣ-
гоша и пакы не вратиса. И бысть шп-
лость велика надъ королемъ, по день тѣи,
и надъ войми его, яко въ селищѣ дружи-
нѣ побѣдивъ горды Ятвязъ, и Злиащи,
и Кримендѣ, и Покѣащѣ; якоже иѣшетъ

во книгахъ: нѣсть въ силѣ брань, но въ
Богѣ стоять побѣда. Хотящю же коро-
леви далече гонити, по нихъ ити, и воз-
брани ему Левъ, рекы: «пошли мене по
нихъ»; отецъ же не пусти его. Однѣ
же войнѣ управи десъницю свою, иѣземъ
рогатию изъ пояса своего, далече вергъ,
срази князя ятвязьского съ коня своего,
и летящу ему до землѣ изыде душа его
со кровью во адъ. Данилови же и Лво-
ви оѣтъ въяжуще, пныя же изъ хворо-
ста ведушу, сѣцахуть я. И приде двор-
скый съ полкомъ, Данилу же королевѣ
рекшу ему: «злѣ створилъ еси». двор-
скому же отвѣщающу: «не азъ, не хотѣ-
ніе мое, но злое ны створилъ посолъ,
не извѣсть слова права намъ». Потомъ
же король и Левъ изонна колодники и
возвратиса къ Василкови и Семевитови,
и ерѣтчимся имъ, и бысть радость вели-
ка о погибѣлѣ поганьской; и жѣжаху до
мы ихъ и плѣняху села ихъ. Ставши на
Привищахъ на ночь и поймавши же имѣ-
нія ихъ, пожгоша дома ихъ. Наутрѣ же
поидоша плѣняюще землю и жгуще: за-
жгоша Таисевиче, и Буряля, и Раймоче,
и Комата, и Дора, и грады плѣняхуть и
паче домъ Степановъ зажгоша, и стаща
на селѣ Корковичихъ; и пристранѣно бѣ,
яко селяцѣмъ яземъ множествомъ насы-
титися, конемъ и самѣмъ, на дву двору,
яко не возмогоша поести сами и конѣ
ихъ, прокъ же пожгоша. Наутрѣ же
прѣѣха отъ Ятвязъ Юндилъ, рекшу ему
сиче: «Давило добру дружину держаши
и велики полци твои».

Наутрѣ же поидоша плѣняюще и жгу-
ще землю ихъ, и вебысть пакости воихъ
ихъ, якоже иногда храбрѣи бѣаху, положи
Богъ страхъ во сердце ихъ. Тоа же по-
шлѣ ста на болотѣхъ во островѣхъ; наутрѣ
же прѣѣхаша Ятвязъ дающе талѣ
(заложенниковъ) и миръ, молящася, дабы
не избилъ колодниковъ. Потомъ же божь-
ею милостію приде въ землю свою со че-
стью и славою, одолѣвъ врагомъ своимъ.

Хотяшу же ему пакы изыти на нѣ на брань и собираюшу вой, увѣдавши же Ягвизъ се, послаша послы своя, и дѣти своя и дань даша, и обѣщалахуся работѣ быти ему и города рубити землѣ своей. (*Ипат. 192—4*).

в) Въ лѣто 6765 (1257). Данило посла Коснятина, рекомаго Положишиля, да побереть на нихъ дань; ѣхавъ же Коснятинъ поима на ихъ дань, черныя куны и бѣлыя серебро; и вѣдсти ему изъ данн ятвяжской даръ Сягиву воеводѣ, послушства ради, да увѣстѣ вся земля Лядская, яко дань платити сѹтъ Ятвязи королеви Данилу, сыновя в. кн. Романа. По великомъ бо князѣ Романѣ никтоже не бѣ поевалъ на нѣ въ русскыхъ князихъ, развѣ сына его Данила, Богомъ же дана ему дань, послушство створи Лядскою землею, сирѣчь во память дѣтемъ своимъ, яко отъ Бога мужество ему показашу; якоже премудрый хрвогравъ еписпа, якоже добродѣяныя въ вѣки святятся... (*Ипат. 194*).

374. Отношенія Русскихъ къ Ятвягамъ.

а) Въ (1273) сдумавше князи пойти на Ятвязь, прислѣвши же зпѣ самѣ князи поидоша, но послаша воеводы своя ратью: Левъ же посла со своею ратью Андрея Путивлича, а Володимиръ посла со своею ратью Желислава, а Мстиславъ посла со своею ратью Володѣслава Ломосаго; ходивше же и взяша Злину, Ятвяземъ же собравшиися и не смѣша битися съ ними, и тако придоша съ побѣдою и честью великою ко своимъ княземъ. И посемъ прѣхаша князи ятвяжскыи, Миптеля, Шюриа, Мудѣйко, Пестяло, ко Львови и Володимирови и Мстиславу, мира просяче собѣ; они же одва даша имъ миръ, и ради быша Ятвязѣ о мирѣ и тако поѣхаша во свою землю. (*Ипат. 205*).

б) Въ лѣто 6787 (1279). Голодъ

бысть по всей землѣ и въ Русѣ, и въ Лихохъ, и въ Литвѣ, и въ Ятвязѣхъ. По семъ же Ятвязѣ прислаша послы своя къ Володимирови, тако рекуче: «господине княже Володимире! прѣхали есмя къ тобѣ ото всихъ Ятвязь, надѣючись на Богъ и на твое здоровіе; господине, не помори насъ, но перекорми насъ собѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ; чего восхвѣсть, во-ску ли, бѣли ли, бобропъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ли, мы ради дамы». — Володимиръ же изъ Берестѣя посла къ нимъ жито въ лодыхъ по Бугу, съ людьми съ добрыми, кому явѣря. Идущимъ же нимъ по Бугу, и тако возидоша на Наровъ и поидоша по Нарови и придоша подъ городъ подъ Полтовескъ, ту же стаха на ночь опочивать собѣ; и тако избити быша вся подъ городомъ, въ ночь; жито поимаша, а лодыя потопиша. Володимиръ же искаметь сего неама, хотя увѣдати, кто се учинилъ, а ко Кондратови брату своему слашеть, тако река ему: «подъ твоимъ городомъ избиты мое людье, люблю твоимъ повѣнцемъ яви много, ты пѣдаеши во твоей землѣ; повѣжь». Кондрать же запрѣся: «я не избивалъ, а много не вѣдаю, кто избивалъ». Оны же повѣдѣ Володимеру уи его, князь Болѣславъ, на сыновца своего на Кондрата, тако река: «безъ лѣна ти ся притъ, а самъ ти избилъ твои люди»; тогда Болѣславъ въ нелюбѣи живяше со сыновцемъ своимъ Кондратомъ; Болѣславъ же рече Володимерови: «увѣдайся съ нимъ, великъ бо соромъ свой». Володимиръ же посла на Кондрата рать свою, и воеваша по сей сторонѣ Вислы, и взяша полона много. По семъ же Кондрать присла ко брату своему Володимеру, мира хотя съ нимъ; Володимиръ умирися, и начаста быти во велицѣ любви. Володимиръ же в челять ему ворота, што была рать повоевала... (*Ипат. 207—208*).

375. Литовскія вѣрованія: «Оуказъ же поганской прелести сице, иже Совия богомъ нарицають».

а) *Совий* бѣ человекъ. Оуловившу емоу тивий вепрь, иземте из него 9 слезеницъ и въдасть ей (?) испечи роженымъ отъ него. Онѣмъ же изъѣдшимъ е, разпѣваеся на рожьшихся отъ него, покупашеся сини во адъ. Осмерыми враты не възмогъ, деватыми хотѣше свое оуполучивъ. Рожевыи отъ него, рекше сыномъ, брати же его негодовавшимъ на нь, испросися оу нихъ дошедъ възъищу отца своего,—и приде въ адъ. Отцу же вечерявшю с нимъ, сътвори емоу ложе и погребе ѿ въ земли. На оутрѣе въпроси его възътавшимъ: «добро ли покончиши?»—Оному же възъпавшу: охъ, чръзъми изъѣденъ быхъ и гады.—Паки же наоутрий сътвори емоу вечерю, и вложьшему ѿ въ древо и положи ѿ. Наоутрие въпроси ѿ; он же рече, яко бчелами в комары многими сѣдѣнъ быхъ,—«ухъ ми, яко тяжко ссахъ». Паки же на оутрѣе сътворивъ крадоу огненоу великоу и врьже ѿ на огнь. На оутрѣе жъ въпроси его: «добре ли почи?» Оному же рекшу: яко дѣтишь въ колыбѣли сладко ссахъ.

О великаа прелестъ діавольскаа, яже въведе въ литовскій родъ и Ятвезѣ, и въ Проусы, и въ Емь, и во Либъ и нынѣ многы языны, иже *Совицею* наричются, жнюще и душамъ своимъ суца проводника въ адъ Совья. Бывшоу емоу въ лѣта Авимелеха, иже и нынѣ жертва телеса своя съжигаютъ на крадахъ, якожъ Ахилеосъ и Еантъ и инія по ряду Еллина. Сию прелестъ *Совий* въведе въ нѣ, ижъ приносятъ жрътву сквернымъ богомъ Ав-

дави и Перкоунови, рекше громоу, и Живоуи, рекше Соуцъ, и Телявели и съ коузавоу, сковавше емоу солнце, яко съвѣтити по земли и възвергышу емоу на небо солнце. Си же прелестъ сквернаа приде в нѣ отъ Елпинъ. Лѣтъ же имѣють отъ Авимелеха и многого родоу сквернаго Совья до сего лѣта, в иже начяхомъ писати книги снѣ есть лѣтъ 3000 и 400 и 40 и 6 лѣтъ⁽¹⁾. (*Изъ византійскаго хронографа Иоанна антioxійскаго Малала по ркп. XV в. Лѣтоп. Переясл. Сузда. предисл. XIX—XXII*).

б) Мнѣдогъ (*литовскій князь*) посла къ папѣ и приа крещеніе. Крещеніе же его лѣстиво бысть: жрлше богомъ своимъ вътайвъ, первому *Нонадѣви*, и *Телявели*, и *Дивериксу* заичему богу и *Мидолину*. Егда выѣхаше на поле и выѣбгнате заяцъ на поле, въ лѣсъ рощенія не въхожаше..., и мертвыхъ тѣлеса сожигаше, и поганство свое явѣ творяше⁽²⁾. (*Ипат. 188*).

в) Романови же пришедшу ко граду и Литвѣ, потекши на градъ Литвѣ на вѣдѣша ништоже, токмо и головѣ ти, псы течюще по городищу; тужаху же и плываху, по свойскы рекуще: *Янда!* зывающе богы своя *Анда* и *Дивирякса* и вся богы своя поывающе, рекомыя бѣси. (*Ипат. 188, 195*).

(1) Авимелехъ, царь герарскій, былъ современникъ Авраама, а отъ Адама до Авраама 3324 года, отъ Авимелеха до писателя рукописи 3446 лѣтъ; слѣдов. книга писана отъ сотворенія міра 6770 лѣтъ 1261 г.

(2) Обрядъ сожжения покойниковъ оставался въ Литвѣ до позднѣйшаго времени: въ 1343 г., по смерти в. кн. Гедимина, тѣло его по древнему обычаю сожгли на кострѣ выѣзѣ съ боевыми конемъ и оруженосцемъ.

Приведенное мѣсто изъ хронографа Іоанна Маламы, представляющее нѣсколько свидѣній о литовской мнѣологии, можетъ служить подтвержденіемъ и поясненіемъ указаній на литовскія божества ипательской лѣтописи. Перенесенныя изъ хронографа въ лѣтопись свои замѣтки о литовскихъ вѣровавіяхъ, или лѣтописецъ Ипатьевскій заимствовалъ изъ древне-болгарскаго перевода Маламы, — это остается загадкой.

376. Борьба съ Литовцами.

а) Въ лѣто 6639 (1434) князь в. Мстиславъ ходилъ съ Низовци на Литву, и плѣни ихъ. (I Соф. 156).

б) Въ 1234 г. изгнана Литва Русью до тѣру, и стаха Рушане и сасада, огнишане и гридба, и кто купецъ и гости, и выгнаша я изъ посада, опять бѣгоуща на полѣ, и ту убиша нѣколько Литвы, а Рушанъ 4 мужа, поца Петрилу, 2, Павла Обрядица, и яны два мужа; а монастырь св. Спаса весь пограбѣша, и церковь полуниша (ободрали) псю и иконы и престолъ, и цѣрени (чернецовъ, монаховъ) 4 убиша, и оступѣша на Клянѣ. Тѣгда же вѣсть приде въ Новъ-городъ къ ки Ярославу; князь же съ Новгородци въсѣдѣваше въ насады, а ины на коняхъ, поидоша по нихъ по Лояти; и яко быша у Моравѣна, и въспятинася лодыниши оттолѣ въ городъ, и князь я отпусти, не достало бо у нихъ баше хлѣба, а самъ поиде съ коньми по нихъ; и постѣже я въ Дубровнѣ на салини, въ Тороньчѣской волости, и ту ся бѣ съ безбожними окаянною Литвою, и ту пособи Богъ и крестъ честный и св. Софія Премудрость божія надъ погаными ки. Ярославу съ Новгородци, и отѣята у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша въ лѣсъ, пометавъше оружїя и щиты и сови (длинные копья) все отъ гебе, а ины ту костью падоша, а Новгородѣцъ ту убиша 10 мужъ: Ѳедора Якуновича тысячскаго, Гаврила Щитника, Петугина на Лубяниці, Нѣжилу сере-

бренника, Гостилца на Кузюдемьяни улицы, Ѳедора Ума княжъ дѣнком, другое горолицанинъ, и янѣхъ 3 мужа. А покои, Господи, душа ихъ въ царствїи небеснѣхъ, пролившихъ крѣви свои за св. Софію и за кровь хрестіаньскую. (I Новг. 49—50).

377. Сказаніе о благоутрѣннѣхъ князѣхъ Демонѣхъ и о храбрости его и. 1299.

Въ лѣто 6773 (1285) заратишася Литва межю собою, якоже и всегда бѣваетъ княземъ межю яны брани многы и кровопролитїя о суетнѣхъ царствїи свѣта сего: и вая Въшегль (Воишелкъ) землю литовскую. Тогда блаженный князь Демонъ съ дружиною своею и съ вѣсѣмъ домомъ своимъ оставѣ отечество свое, землю литовскую, и приѣхѣ въ Псковъ. Сїи же ки Демонъ отъ племени литовскаго, первіе имѣя къ идоломъ служенію, по отцю преданію; егда же Богъ вселѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну во нь благодать св. Духа, и възбу (пробудилася) яко отъ сна отъ идольскаго служенїа. И крещенъ бысть во имя Отца и Сына и св. Духа въ церквѣ св. Троицы (1), и наречено бысть имя ему въ св. крещенїи Тимоѣей; и бысть радость велика въ Псковѣ, и посадиша его на княженїи въ градѣ Псковѣ. И нѣсколицѣхъ днѣхъ поимъ съ собою Псковичъ ратныхъ мужъ, три девятиста (2), иде въ землю литовскую и отечество свое довоева, и княгиню Ерленевую (Герденя) полони тетку свою Еупраксію и дѣти ея, и вся имѣнія ихъ, и возвратися со множествомъ полона. И перебродившеся Двину, отѣхѣ за ѣ верстѣ, и стаха шатры на бору чистѣ, а стражи поста-

(1) Главная церковь во Псковѣ, который и назывался отчиной или домомъ св. Троицы, какъ Новгородѣцъ землей св. Софія.

(2) Народный счетъ, какъ тридцать.

ва на рѣдѣ на Двинѣ, Давыда Якуновича съ Лукою Литвиномъ; двѣ же девяностѣ мужъ отпусти съ воловомъ, а въ единомъ девяностѣ самъ ся оста, ждя (ожидаа) по собѣ погои. Герденю же съ своимъ князми дома не бывшю, и прѣѣхаша въ домы своя, оже домове ихъ а вся земля ихъ плѣнепа; и оплѣчися Гердений, и Гортуйтъ, и Люмбій, и Люгайло и прочіи князи, въ 7 стахъ ратъ, и погнаша въ слѣдъ Домонта, хотяще ѿ руками яти и лютой смерти предати, а мужій его Псковичъ мечи изсѣчи. И пребродившеся Двину рѣку, есташа на брезѣ; стражи же видѣвши рать велику, пригнавши повѣдаша Домонту, что рать пребродилася Двину. Домонтъ же рече Давыду и Лукѣ: «помози вамъ Богъ св. Троица на стражи вашей»; и павы рече: «братіе мужи Псковичи, кто старъ то отецъ, а кто младъ, то ми братъ! слышалъ есми мужество ваше въ всѣхъ странахъ; се же намъ предлежитъ живеть и смерть; братіе моя, потягнете за домъ св. Троица и за св. церкви, за свое отечество». Тогда же бѣ приспѣлъ день вел. и славнаго воеводы мученика хрестова Леоптіа; и помолился глаголя: «св. живоначальная Троица, и св. в воевода Леоптіе, и благовѣрный княже Всеволоде! помозите намъ въ часъ сій на спротивныя врагы». И сіа рекши, двинулися, и тако божіею помощію единѣмъ девятиномъ 700 ратныхъ побѣди. Тогда убіенъ бысть кн. в. литовскій Готтортъ, и нѣхъ князей много избивша, а пвая Литва въ Двинѣ истопоши, а нѣхъ Двина наверхъ 70 на островъ Гойдопъ, а пѣхъ на прочая острова, а нѣи въ пѣхъ по Двинѣ отплыши. Тогда же убіенъ бысть единъ Псковитинъ Антоній, сынъ Дочковъ, братъ Смолиговъ, а нѣи вси безъ вреда съхранени быши, помощію св. Троица и молитвою и воеводствомъ св. Леоптіа и благовѣрнаго кн. Всеволода; и возвратившися съ радостію къ городу Пскову и съ многю корыстію. И потомъ благо-

вѣрный кн. Домонтъ испроси за себе у в. кн. Дмитрія Александровича дщерь, княгиню Марью. Паки же, на другой годъ, кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ посobie тѣстю своему в. кн. Дмитрію изъ Нѣмецъ: и бѣишася на Раковорѣ, и одолѣша. Потомъ по нѣколигѣхъ днехъ оставокъ събрашеся поганое Латыны, и пришедше тайно взяша украинъ нѣколко псковскихъ селъ, и взвратившася вскорѣ. Боголюбивый же кн. Домонтъ не стерпѣ обидамъ быти отъ нападенія поганыхъ Нѣмецъ, выѣха въ погоню въ пятихъ насадѣхъ съ 60-ю мужи Псковичъ: и тако божіимъ пособіемъ 800 побѣди Нѣмецъ, ва рѣдѣ на Мироповнѣ, овыхъ изсѣче, а нѣи истопоша въ водѣ, а двѣ насадѣ бѣжаша въ нѣныя острова. Князь же Домонтъ ѣхавъ повелѣ зажеши островъ, и егда начаша поганіи бѣгати, палимъ травѣ, въсполѣши огнемъ и влзася на нѣхъ и порты, и тако побѣди ихъ априля 23, на пѣнѣ св. великомуч. Георгія, помощію и молитвою его. Слышавъ же мѣстеръ земля Рязьскыя мужество кн. Домонта, съвокупъ много поп своихъ и ополчився въ свѣтъ тяжкѣ безъ Бога я приде ко Пскову, ова на конѣхъ а нѣи въ кораблѣхъ и въ лодахъ и съ пороки, хотяще плѣнити домъ св. Троица, а кн. Домонта руками яти, а мужей Псковичъ мечи изсѣчи, а не противный народъ жены и дѣти плѣнивше въ работу вести. Слышавъ же то Домонтъ, оплачушася люди безъ ума въ множествѣ силы безъ Бога, и пѣиде въ церковь св. Троица, и положавъ мечъ свой предъ олтаремъ господнимъ⁽¹⁾, падъ молящеся много съ плачемъ, сице глаголя: «Господи Боже силъ! мы людѣ твои, оваца пажити твоя, имя твое призываемъ; призри на кроткыя люди своя, и смиренныя възвыши, и гордыхъ высокыя мысли

(1) Средневѣковой обычай—освящать оружіе въ церкви для успешныхъ дѣйствій на войнѣ.

низложи, да не опустѣетъ пажыть овецъ твоихъ». Игумень же Сидоръ и весь іерейскій чинъ, взявъ мечъ и преославиша, благословиша ѿ. Домонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дождавъ полковъ новгородскихъ, съ малою дружиною съ мужья Псковичи выѣхавъ, избѣя полки ихъ, и самого местера раниша по лицу; ови же трупѣя своя многы учавы ⁽¹⁾ накладше отвозомъ въ землю свою, а прочій останокъ ихъ устремившися на бѣгъ, м. іуны въ 8 день, на память превесенію мощей св. мученика Феодора. По прехоженіи же нѣколика времени начаша Латины насиліе Псковичемъ дѣяти, нападеніемъ и грабленіемъ; боголюбивый же кн. Тимофей не стерпѣ обидимъ быти огъ поганыхъ Латины, тѣхъ съ мужья своими Псковичи и пѣши землю ихъ, и села чюдская пожже, и полоня много привеломъ въ землю свою. И пакы въ 33-е лѣто княженіа Домонтова, отлетѣ же во Псковъ бысть, изгониша Нѣмцы безвѣстно ратью посадъ у Пскова, марта въ 4 день, и тогда убивша Василіа игумена св. Спаса, Юсача игумена Сѣтныя горы, и черноризецъ много избивша и женъ и дѣтей, а мужей Богъ ублюде. Въ утрѣ же день поганіи Нѣмцы остушиша градъ; князь же Домонтъ не стерпѣ дождати мужъ своихъ большаи рати, выѣхъ съ малою дружиною, противу имъ ополчися, съ Иваномъ Дорогомилочемъ. И помощію св. Троица побѣди я у св. Петра и у Павла на брезѣ, овѣхъ избивша и овыхъ раниша, а мнѣхъ метяхуся съ брега въ кручю, а самого Кумандера раниша во главу, а Ведиевицъ руками нѣколько ихъ ямше, послаша къ в. кн. Андѣеви, а прочіи воскорѣ повергше оружія устремившися на бѣгъ, страхомъ грозы мужества Домонтова и мужей Псковичъ. И бѣше тогда въ Псковѣ моръ вельми золь; то-

гда и благовѣрный князь Тимофей, мало поболѣвъ, преставися къ Богу въ вѣчную жизнь, м. мѣся въ 20 день, на память св. мученика Фавелѣя. Бѣше бо милостивъ паче мѣры, священники любя, перекли украшая, нищая милуя, и вся праздники честно проводя, сироты и вдовица заступаая и обидимыхъ занимал. И проводилъ его священнопроки, и священники и дьяконы, мнѣхъ и черноризцы, и все множество людей; и тако святое и честное его тѣло положиша въ церкви св. Троицы, съ похвалами и пѣсньми духовными. Бысть же печаль и жалость пелька тогда Псковичемъ.

(И. С. Лѣт. V, 6—8).

378. Г е д и м и н ѣ .

а) Въ лѣто 6813 (1305) ⁽¹⁾ нача княжѣти Ксудиминъ Вятунвичъ въ Лѣтвѣ, въ Новгородку и Керновѣ, и воева на Русь крѣпко. Сихъ временъ прежде, Премышлява короля полскаго убилъ самы Ляхы нѣяного, въ мѣстѣ Рогозномъ, а забилъ бояре лядскіи Налець и Заремба; Богъ сотворилъ отмщеніе ему, повеже онъ прежде жену свою, именемъ Лукерію, удави ради другое, которая просия у него, да въ единой ризѣ; устѣгъ ю въ домъ: она бо бѣ рода князей сербскихъ съ Кашубъ, отъ Номоріа Варязскаго, отъ стараго града за Кдѣнскомъ. По немъ Ляхи избрали Вацлава чешскаго на королевство свое, повеже Премышлявъ не имѣ сына; Владислава Локетка не восхотѣли взяти, сей Локетко много имъ зла въ земли творилъ, изогнали его изъ землѣ, ходилъ до Риму, жалуюся царѣ на Ляховъ,—онъ ихъ прокля. По смерти Вацлавовой избрали его собѣ царемъ. Имѣ у себе сына Казимѣра, за него же взятъ въ жену дочь

(1) Учавъ—отъ слова чавъ, плоскодонное судно.

(1) Годы означены не вѣрно; слѣдуетъ—1315.

Кнедими́на кн литовскаго, поганку, и перекрести ю; и много Ляховъ полоненныхъ Литва вмѣсто дара брачнаго пусти, много бо зла Ляхомъ Литва, Житоми́тъ, прежде сотвори, Ляховъ и Мазуровъ полками въ полонъ бра, сяде Ляхъ единъ по гряниѣ, се есть по 10 грошей литовскихъ, въ Литвѣ и въ Руси Бѣлой продаванъ былъ, и на лошади и воли Литва межи собою ихъ замѣниваху... (*Ипат.* 227).

б) Паки Гедими́тъ, кн. литовскій, Овруче и Житомиръ взялъ подъ кн. киевскихъ Станиславомъ. Въ то же время и самого кн. Станислава киевскаго, и Лва луцкаго, и Романа брянскаго и прочихъ порази, и Киевъ подъ нимъ взять и потомъ Каи́евъ, Черкасы, Путивль, Брянско и Волынъ. Въ сіе лѣто Гедиминъ заложилъ мѣсто Троки и Вилно, брани же непрестанныя имъ зъ Ляхами, Крыжаками, Мазовшанами, плѣняя ихъ землю. (*Густыне.* 348).

379. Казиміръ.

а) Въ лѣто 6848 (1340) Казимеръ король Польскій, собрався и поиде на Русь: во 1, прииде м. априля подъ Львовъ и объяже его, Львовяне же, не имѣюще ни откуду помоща, поддашася Казимеру королю, единаче варуючи собѣ, абы въ старожитной вѣрѣ никто имъ николи ничего не чинилъ; еже Казимеръ обща имъ. Они же отверзоша градъ и поддашася зъ обоими замками, высокими и низкими, вѣдѣже Казимеръ обрѣте безчисленная сокровища и богатства, отъ золота и серебра и каменія многоцѣннаго; къ снѣ же обрѣте тамо два кресты отъ золота чиста, посажена каменіемъ многоцѣннымъ, а въ единомъ бѣ часть животворящаго древа. Сей же нынѣ крестъ обрѣтается въ костелѣ на замку краковскомъ. Обрѣте же тамо и двѣ короны отъ золота и каменія многоцѣннаго, и престолъ царскій отъ золота и каменія многоцѣннаго, и престолъ царскій отъ золота

и каменія, и одежду златотканную со каменіемъ, и прочее, еже все побра Казимеръ и въ Краковъ отнесе. И потомъ собравъ еще большую силу, поиде на Русь и взять, въ самую жатву, Володымеръ, Премысль, Галичъ, Львовъ, Санокъ, Луковъ, Любочовъ, Трембовлю и проч. А потомъ сей Казимеръ король собравъ сеймъ, на немъ же Рускую землю на повѣты и воеводства раздѣли, и шляху рускую единою волностію зъ полскими волностями совокупилъ и утвердилъ, а потомъ Львовъ нурожъ обмурова; и оттолѣ сія повѣты даже донныѣ (1670 г.) при лядскихъ короляхъ неотступно остаются. Въ сіе лѣто Олгердъ Гедиминовичъ поять себѣ жену Юліану, дочь витебскаго князя, ея же ради крестился со убоими бояры и людьми⁽¹⁾.

б) Въ лѣто 6851 (1343). Дашко староста премыслскій, и Даниль острожскій, и прочія князи боялися, абы Ляхи не чинили имъ пкого насилія въ вѣрѣ, понеже многихъ уже прелестиша на свою вѣру, и збунтовавшися призваша множество Татаръ на Польскую землю; но Казимеръ король не пусти ихъ чрезъ Выслу. (*Густыне.* 349—350).

380. Походъ Олгерда на Новгородъ.

Въ 1346 г. в. кн. Олгердъ литовскій и братъ его Кестутей привдоша со всею литовскою землею, и стаща на Шелонѣ, на усть Шпагы рѣки, а позывая Новгородцевъ: «хочю съ вами бѣтиса и воевати городы и волости, занеже ми лаялъ посадникъ вашъ Остафей Дворянинецъ, называлъ мя *исомъ*»; и взял Шелону и до Голинъ и Лугу до Сабля, а съ Порховскаго городка или окупъ 300 рублевъ.

(1) Ульяна была дочерью тверскаго князя, а не витебскаго и женился Олгердъ на 1340 г. а 1349, когда братъ его Любаръ взялъ за жужу дочь князя Константи́на ростовскаго (Ист. гос. рос. IV, пр. 351).

И Новгородци выѣхаша противу его до Луга и въспятися въ городъ, и созвонили вѣче на Ярославль дворъ у св. Николы, и убиша посадника Остафія Дворянинцева на вѣчѣ, а ркучи: «яко въ тебѣ волости наши поиманы отъ Литвы».

(*I Софiе. 225*).

381. О приходѣ Олгердовъ къ Москвѣ.

Того же лѣта (1368) кн. в. Дмитрей Ивановичъ събра воа многи и посла на кн. Михаила Александровича тверскаго; князь же Михайло бѣжа въ Литву къ в. кн. Олгирду зятю своему, бѣ бо за нимъ сестра роднаа княже Михайлова, и жаловашеся ему на в. кн. Дмитрея Ив., и просяше у него помощи себѣ и оборони, паче же самого поущаше ити къ Москвѣ ратью и сестру свою научаа глаголати ему. Послушавъ же его Олгирдъ, и събра силу многу, и поиде къ Москвѣ въ силѣ тяжкѣ на в. кн. Дмитрея Ив., а съ нимъ братъ его Кестутей съ сыномъ Витовтомъ, и сынове Олгирдови, и вся князи литовсти, и кн. Михайло тверскій, и смоленская сила. Ведяше же ихъ съ собою, а невѣда того никто камо идяше; бѣ бо обычай его таковъ: когда ни поидяше на вой, то не вѣдая мысли его ни кто же камо идеть, се творяше того ради, да не будетъ вѣсть земли той, на ню же идяше. И таковою кознію многы грады и земли поима и повоева, не токмо силою, но и злохитроствомъ симъ. Тако же и сего похода его не вѣдуше на себѣ в. кн. Дмитрию Ив., еже идеть на него Олгердъ съ силою, донележе приде близъ рубежу, и тогда бысть вѣсть в. кн. Дмитрию; онъ же то слышавъ нача розсылати грамоты по всѣмъ городомъ своимъ, веда быти къ себѣ во емъ своимъ, и неуснѣ ничтоже: близъ бо уже пришедшу Олгирду, а его воины которіи не успѣша отъ

далнихъ мѣсть, но олиця близъ его обрѣтошася, сихъ отпусти въ заставу противу Олгирда, еже есть сторожевый полкъ, а воеводство приказа Дмитрею Миняну, а тѣ кн. Володимера Андреевича воевода бѣ Окианъ Федоровичъ, нарицаемый Шуба, а съ ними: Москвичи, Коломенци, Дмитровцы; Олгердъ же прешедъ рубежъ и начать воевати порубежнаа мѣста, жеши и грабити, а люди сѣши, потомъ же на стрѣчѣ уби кн. Семена Дмитриевича стародубскаго Кропиву въ Холхлѣ, по семъ же въ Оболенскѣ уби кн. Костянтина Юрьевича Оболенскаго и доиде рѣки Тростныи, и ту избѣ сторожевый полкъ князя в., заставу московскую, и уби ту Дмитрея Миняна и Акинеа Шубу и иныхъ многихъ. м. декабря 21 въ вторникъ. Нача же Олгердъ спрашивать изыманныхъ: «гдѣ есть князь в. съ силою своею? Они же отвѣшаху вси, яко единѣми усты глаголющѣ: «князь в. въ градъ своемъ Москвѣ, а рати не успѣла къ нему съборатися». И отголѣ начать Олгердъ подвижнее быти, и болше дръзновение примъ, напрасно устремися къ Москвѣ, и пришедъ ста около града, посадъ же прежде ихъ пожженъ бысть примету дѣля; князь же в. Дмитрей Ив. и кн. Володимеръ Андреевичъ и Алексѣй м-тъ въ градъ затворившася, съ ними же боаре ихъ и вси прилучившися тогда съ ними и вси христіане. Стоахъ же Олгердъ у города 3 дни и 3 нощи, отъиде прочь, не успѣвъ граду ничтоже; но остатокъ пожже, и монастыри, и церкви и волости и села пошали, а христіаны вѣсѣче, а ины въ полонъ поведе. иже не успѣли разбѣжати, ижѣніе же ихъ пограби, и много зла сѣтворивъ възвратися въ землю свою. Се же пръвое зло Москвѣ отъ Литвы сѣтворися: отъ Федорчуковы бо рати татарскіе въ 40 и въ едино лѣто таковое ино не бывало ей ничтоже.

(*П. С. Лѣт. VIII, 15—16*).

382. О второмъ походѣ Олгердовѣ къ Москвѣ.

Князь Михайло прибылъ въ Литву (1370), и нача намовити в. кн. Олгерда зятя своего, дабы мстилъ его отъ в. кн. московскаго; Олгердъ же послушавъ князя Михаила и поиде вдруги про него къ Москвѣ на в. кн. Дмитрия Ив. съ силою многую, съ нимъ же братъ его Кестутій и вси князи литовстїи, и кн. Святославъ смоленскій съ силою смоленскою, и кн. Михайло съ Токеричи. Приде же Олгердъ съ свѣми силами къ Волоку и ста около города, тогда же на мосту у града стоаша кн. Василей Ив. березуѣвскій, бѣ ту воеводствуя; итѣй же Литвинъ единъ утася отъ рати, иде подѣ мостъ той; и сѣвозѣ мостъ пронзе князю сулицею (копьемъ), в отъ тоа язвы и разболѣвся, и постригся въ черницѣ престався. Олгердъ же неуспѣвъ граду Волоку ничтоже, и поиди отъ него къ Москвѣ, и пришедъ ста около Москвы декабря 6 на Николинъ день; а кн. в. Дмитрій Ив. затворися въ градѣ, а Олександръ м-ть въ то время бѣ въ Новгородѣ въ Навьемѣ, а кн. Володимиръ Андрѣевичъ съ слою собравшесѣ стоаше въ Перемышли и опочившесѣ; ту же приде къ нему кн. Володимиръ Дмитреевичъ проскій, съ нимъ же рать рязанскаа. Слышавъ же то Олгердъ убояся, и нача мира просити; князь же в. Дмитрій взя съ нимъ миръ до Петрова дни, Олгердъ же въсхотѣ вѣчнаго мира, и тако смирися, поиде отъ Москвы въ свою отчину, и идяше съ многими опасеніемъ, бояся за собою погоню. Стоа же тогда Олгердъ у Москвы 8 днѣй, и посадъ пожеже, но не весь, а волости повоева и пожеже, а люди въ полонъ веде...

(П. С. Лѣт. VIII, 17).

383. Битва подѣ Мстиславлемъ.

Того же лѣта (1386) быхасѣ Литва съ Смоляны подѣ г. подѣ Мстиславлемъ, и на томъ съступѣ убиша кн. вел. Святослава смоленскаго, и брата его кн. Ивана, а кн. Глебъ изымаша... А въ вел. говѣніе на средокрестной недѣлѣ, м. марта въ 22, кн. вел. Святославъ Ив. смоленскій съвокупил около себе силу велику, а съ нимъ братаничъ его кн. Иванъ Васил., да кн. Глебъ Святославчъ, и братъ его Юрїи, и поиде ратью къ г. къ Мстиславлю, зашеже Мстиславль прежде того былъ городъ смоленскій; но Литва отняла за себе, опъ же хоташе его отъ Литвы отняти; идуще же воеваху землю Литовскую, а кого гдѣ изымаше мучаху нещадно различными казнями, мужей и женъ и дѣтей, а цыхъ въ храмынахъ пасажавше запирающе зажигашу, а младенцы на колы встыкаху. И приде Святославъ къ Мстиславлю на страстной недѣлѣ въ среду м. апр. 18-д., граждане же затворившасѣ въ градѣ, а намѣстникъ у нихъ бѣше Корнѣйло; и стояху Смоляны и видѣша въ полѣ, и се появився стягъ (знамя), еже естъ полкъ рати литовскїи, въ немъ же бѣ кн. вел. Скиргайло Олгердовичъ, а мало подалѣ другїй полкъ кн. Корнѣуть братъ его, а третїй полкъ кн. Семѣонъ Лугвѣнь, съ ними же вкупѣ и кн. Витовтъ Кестутевичъ, и ти полци литовстїи бяху борзо идуще на поле. Смоляны же видѣшасѣ смутяшасѣ, и начаша скорѣе въ брони крутитися, и поидоша къ бою обѣи полци противу себе, и съступившасѣ на полѣ подѣ Мстиславлемъ, на р. на Вехрѣ, а люди граждане стояще на заборахъ (на стѣнахъ, на заборахъ), зряще съ города; а бысть имъ бой подолзѣ, и посемъ князи литовстїи Олгердовичи одолѣша, а Смоляны побѣеви быша, а прочїи вдаше тылъ побѣгоша. И убиенъ бысть кн. Святославъ, сынъ Ивановъ,

внуку Александровъ, правнуку Глѣбовъ, отъ нѣкоего Лаха въ дубравѣ; наѣхаша его ели жива суща, ту же и скончався. Также и братанча его убаша Ивана; а сыновъ Святославлихъ повмаша Литва и поведоша я, прочиыхъ Смоленныхъ бояръ и слугъ побивша, а пныхъ живыхъ повмаша, а друзи бѣжаще назадъ къ рѣцѣ къ Вехрѣ истопоша. Князи же литовскія такожде погнаша въ поговю за ними изговою къ г. къ Смоленску, и пришедъ подѣ города взяша окупъ съ города, а тѣлеся избѣженныхъ князей въдаша, а всю свою волю взяша, вся еяко въскогѣша и створиша; а на княженіи на Смоленскомъ пѣзъ своя рука посадиша ки. Юрья Святославича, а брата его ки. Глѣба съ собою поведоша въ Литовскую землю, и оттолѣ придоша во свояси съ вел. побѣдою. Се бысть побояше м. апр. 29.

(П. С. Лѣт. IV, 92—93).

384. Листъ перемирный Бориса Александровича в. ки. тверскаго съ в. ки. литовскимъ Витовтомъ 1393.

Се язъ, ки. в. Борисъ Александровичъ тверскій, пѣзъ есмь любовь такую съ своимъ господиномъ съ дѣдомъ в. ки. литовскимъ Витовтомъ и многихъ русскихъ земель государемъ, быти ми съ нимъ за одинъ при его сторонѣ и пособляти ми ему ни всякого не выимая; а господину моему дѣду в. ки. Витовту, мене в. ки. Бориса Александровича, своего внука, боровити отъ всякого думоу и помощію; а въ земли и въ воды, и во все мое в. княженіе тверское моему госи. дѣду в. ки. Витовту не вступатися; а дидемъ моихъ, и братья моей и племени моему, княземъ, быти въ моей послужѣ. Я ки. в. Борисъ Александровичъ воленъ, кого жажду, кого казлю; а моему г. дѣду, в. ки. Витовту не вступати-

ся; а который взохочетъ къ моему г. дѣду, къ в. ки. Витовту со отчиною, и моему г. дѣду, в. ки. Витовту, со отчиною не приймаю; пойдеть ли который къ моему г. дѣду къ в. ки. Витовту, и онъ отъ отчима лишень, а въ отчивѣ его воленъ я, в. ки. Борисъ Александровичъ; а моему г. дѣду в. ки. Витовту не вступатися. А рубежъ отчивѣ моего г. дѣда, в. ки. Витовта, по старинѣ; а который мѣста порубежныи потагали будутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать будутъ давали ко Тѣри, ино имъ и нынѣчѣ тягнута по старому; а который мѣста порубежныи потагали будутъ ко Тѣри, а подать будутъ давали къ Литвѣ или ко Смоленску, то имъ и нынѣчѣ тягнута по давному, а подать давати по давному. А што вчинител межъ нашими людьми и нашими, а волостели наша вчинять исправу; а чому наши волостели не вчинять исправы, и намъ съѣхався да вчинить исправу безъ перевода; а земля и подѣ и всему обидному дѣлу межъ нами судъ обчій; а што будетъ вчинилося пѣ нашей любви и въ нашихъ перемиріяхъ, тому всему судъ и право безъ перевода; а судити судьямъ обчіймъ цѣловать крестъ; а о што ся сопрутъ судья, ино положить на моего г. дѣда, в. ки. Витовта; а суженое, заемное, положеное, поручное отдати по исправѣ; а холопа, робу, должника, поручника, тата, разбойника, выдати по исправѣ. А людямъ нашимъ гостемъ гостити межъ насъ путь чистъ, безъ рубежа и безъ пакости, и пошлыви имати съ моихъ тверскихъ людей въ моего г. дѣда, в. ки. Витовтовѣ отчинѣ въ Смоленску, въ Витебску, на Киевѣ, въ Дорогобужѣ, въ Вязьмѣ и по всему его в. княженію, по давному, а новаго не примыслати. А по моей отчинѣ, ки. в. Бориса Александровича, пошлины имати съ людей моего г. в. ки. Витовта, во Тѣри, въ Кашині, въ городку въ Зыбцеахъ, и по всему мое-

му в княженію, по давнему, а новаго не примыслати. А на семь на веѣмъ я кн. в. Борисъ Александровичъ далъ есьми правду своему г. дѣду в. кн. Витовту, и крестъ цѣловалъ къ нему, а по сей ми грамотъ правити. Писанъ въ Токері въ лѣто 6901 августа 3, индиктъ 5.

(Сборникъ Муханова № 1).

385. Подчиненію Смоленска

Въ лѣто 6913 (1405) Витовтъ съ Олгердовичемъ, съ Корвбутомъ, съ Лугвенемъ, и съ Свѣтригайломъ, и со всею силою приде ратью къ Смоленску; а кн. Юрьи затворися въ городѣ со всеми Смоленяны. Витовтъ же весну всю стоявъ, колво бився и тружався и пушками бивъ, не може его выстоять. градъ бо Смоленскъ крѣпокъ бѣ велма; 7 недѣль былъ, и потомъ по велицѣ днѣ отступя прочь, а по зажитѣмъ и по волостемъ смоленскимъ много ала учани. А кн. Юрьи, сослався съ Васильемъ съ кн. съ московскимъ, выѣха изъ города не во мнозѣ дружнѣ, а княгыню свою остави съ бояры въ Смоленскѣ и приказавъ имъ ждати себе первой срокъ, и на другой, и на третей; а самъ прѣѣха на Москву и билъ чоломъ кн. Вас. Дмитріевичю, давался ему самъ и со веѣмъ своимъ княженіемъ смоленскимъ. Кн. же Василій не пріа его, ни всего его княженія, не хотя измѣнѣти къ Витовту. Егда же бысть кн. Юрьи на Москвѣ, а въ то время Витовтъ собравъ силу многу и ста у Смоленска; граждане же не могуще терпѣти глада въ градѣ, изнеможеніемъ и отъ всякая истомы градъ Смоленскъ (перевѣтницѣ) предаша Витовту. Се бысть послѣднее плѣненіе Смоленску отъ Витовта, въ Петрово говѣніе, м. юныя въ 26 д. въ четвертъ. И тако Витовтъ взя градъ и все смоленское

княженіе за себе, а княгыню Юрьеву поимавъ сосла ю въ Литовскую землю, а князей смоленскихъ поймавъ и бояръ, которыхъ хотѣли кн. Юрьи добра, а тѣхъ разведе и растоци, а иныхъ измуди; а въ Смоленскѣ свои намѣстники посади Лихы, и тѣмъ Ляхомъ предасть градъ держати, а по кн. Юрьи посла на взисканіе. И кн. Юрьи то слышавъ съ сыномъ своимъ съ Федоромъ, съжалывъся въ горестя душа, побѣжа съ Москвы въ Новгородъ; и тамо Новгородци пріиша его въ честь и города подаваша ему 13.

(П. С. Лѣт. IV, 145).

386. Опустошеніе Псковской области.

з. Въ лѣто 6914 (1406) приде погавый отступникъ правыя вѣры христіанскыя и отменникъ божій, сынъ діаволь, невѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣлованію кн. литовскій Витовтъ, съ множествомъ ратныхъ, а миру не отказавъ, ни крестнаго цѣлованія сложивъ, а розметную грамоту псковскую отсла къ Новгороду, а самъ изгономъ пришедъ градъ Коложе взя, а люди еущая въ градѣ и по волостемъ своихъ изсѣче, а во плѣнъ сведе всехъ дупъ 11 тысящъ, мѣс. февр. въ 5 д., на Черкисовѣ недѣли въ пятокъ; и много зла учинивше, отъѣдоша прочь. И не по мнозѣ времена, того же мѣс. февр. въ 28, Юрьи посадиши Козачковичъ пойма съ собою мало дружны, охочихъ людій Псковичъ, Изборичъ, Островичъ, Ворончанъ, Вельянъ, и шедше повоеваша Ржову и Луки, а на Лукахъ на Великихъ и стягъ коложескій взяша; и возвратишася со множествомъ полона. А къ Новгородцамъ тогда послаша Псковичъ послы своя и биша челомъ, чтобы пособили протяву Литавъ, они же прислаша нѣколко мужей своея силы, а съ лукавствомъ глаголюще: «намъ В. Новгородъ не указалъ, ни владыка благословилъ

птя на Литву; идемъ съ нами на Нѣмци; и Псковичи отрекоша имъ по лукавству сердца ихъ, они же возвратишася.

6. Того же лѣта (1407) князь нестеръ събравъ силы многыя, и заливную силу курскую подъемъ, прииде отъ Бѣлого Камени въ землю Псковскую, мѣс. авг. въ 18 д., а Псковичи безъ пригородовъ поидоша противу имъ, только союкунившие волости своя, и устрѣгоша ихъ на броду у Выбута, а броды вся бѣху затворены вѣжами⁽¹⁾, и стояша поганіи ту 4 дни, и многожды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша, Псковичемъ бѣющемся съ ними, и поидоша прочь, а не учинивше ничтоже; и Псковичи идоша съ слѣдъ ихъ, и постигоша ихъ за Камнемъ на Логовицкомъ поли, а Нѣмци станы стаща, въ недѣлю о вечернемъ годѣ, авг. въ 21 д., на память св. апост. Фаддея и св. муч. Вассы; и Нѣмци вскорѣ исполчашася, и тако Псковичи удариша на нихъ, и много бившеся одолѣша Нѣмци, а Псковичи побѣгоша, и убиша на сегоутъ Елентіа посадника, а Картата посадника, и Паникрата посадника, и бояръ много, а вѣзхъ людей иабиша 700 чел., и паде тогда и Нѣмецъ много. А съ то время впаи рать Псковская ѣздиша въ лодыяхъ и въ насадохъ за Новору, и егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, а Нѣмци въ шнекахъ постигше ихъ ударишася на нихъ; и Псковичи пометавше 7 насадовъ и прочіи посуди, и побѣгоша, и прибѣгоша ко Пскову ошъ. И бысть Псковичемъ тогда многы скорби и бѣды, ово отъ Литвы, а нное отъ Нѣмцевъ и отъ своихъ братья отъ Новгорода, ово смерти валекащи, а все то Богу попустившю грѣхъ ради нашихъ. И егда коли быше кн. Константинъ въ Псковѣ, тогда бѣше овсяная зобница по гривнѣ, а ржи по 3 мѣртъ за

полтыву, а соль по гривнѣ да по 8 мордокъ пудъ, а полтына серебра 15 гривенъ.

(П. С. Лам. V, 19. 20).

387. Нашествіе Витовта на Псковъ.

а. Въ лѣто 6934 (1426). За старымъ Коложею, на Каменѣ озерѣ, бысть знаменіе: отъ иконы св. Богородица иаише кропь, м. септембра въ 16 д.; сіе убо знаменіе прояви нахоженіе поганого кн. Витовта, и многое пролітіе христіанскихъ кровей. Того же лѣта, м. іюня въ 29, на сѣмъ Петровъ день, поганый кн. литовскій, отступникъ христ. вѣры, Витовтъ разверже миръ съ Псковичами, и Псковичи послаша въ Новгородъ бити челомъ, абы помогли; и не помогоша, но еще я послаша Александра Игнатѣевича къ Витовту на псковское замо. И егда мимоде 4 недѣли и 4 днѣ, я онъ грѣдый князь Витовтъ, собравъ силы своя многыя и Татаръ множество, прииде прежде къ Опочкѣ мѣс. авг. въ 1 д., и начаша прилѣжно къ городу лѣзти, а Опочани бѣхууть ихъ ово камнемъ, ово колодемъ, отъ заборолъ отѣкая, и множество ихъ побиша; и много поганіи веце трудившеся, 2 дни и 2 ночи стояше отъидоша, не учинивше граду ничтоже, Богъ бо св. Спасъ блюдыше градъ⁽¹⁾. И тако възъярився прииде къ Вороначю, авг. въ 5 въ понедѣльникъ; и всчиивши пороки, шваху на градъ каменіе великое. И бѣ Вороначомъ притужно велми, и послаша гонца ко Пскову, чтобы печаловался о янѣхъ, и Псковичи послаша къ Витовту посадника Ѳедора Шибалкина, а съ нимъ бояръ, и

(1) Воръ, воранъ—загорожа изъ жердей.

(1) См. Никон. лѣт. подл. 1426 г.

биша много челомъ; онъ же челобитья не приагъ. И тако начаша приближити къ городу лѣзти, пушками шпбал и порокамъ. И приспѣвши ношн, и бысть тудо страшно: внезапно вьзде туча страшна и грозна, и дождь силенъ, и громъ страшенъ, и мльня безпрестани блистая, яко мѣти уже вѣтъ отъ дождя потопленымъ быти, али отъ грому каменіемъ побивымъ быти, али отъ мльни сожженнымъ. А Вороначани безпрестани съ слезами моляхуся Богу и св. муч. Христову Георгію о избавленіи града; а Псковичи видѣше, что Витовтъ челобитья ихъ не приа, ожгоша посадки своя. И Витовтъ въ велицѣхъ страстѣ бывъ, и признакъ собѣ Вороначанъ и обольстивъ ихъ взя съ ними перемьрь, и Вороначани послаша гонца своего ко Пскову, и Псковичи послаша къ кн. Витовту Якимъ посадника, и Феодоса посадника, и иныхъ бояръ. Еще же и о семъ повѣтъ: а въ засаду къ Котелну городу тогда же послаша посадки. Селивестра и посадки. Феодора Шабалкина, и съ ними 400 мужъ, а Витовтъ слышавъ то, посла къ Котелну 7000 мужъ Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того не вѣдущимъ; и егда быша Псковичи подъ Котелномъ, удариша на нихъ Литва и Татары и убиша Псковичъ 17 мужъ, а руками яша 13 мужъ, а Псковичи съ ними бившися, побѣгая къ городку, и побита Литвы много, и тако вбѣгле въ Котелно и затворившися. А Островичи тогда ходила торовомъ (наблгожъ) къ Велью, и изѣхаша на нолезѣ Татаръ и убиша отъ нихъ 40 мужъ, а мало ихъ убѣжа, а пивыхъ подо Вревомъ Вревичи побивша. Мы же сія оставыше на предняя возвратиши. И прѣхазше Якимъ посадникъ и Феодосій брата много челомъ и срядяшася дати 1000 рублевъ, и ваяша мѣрь съ кн. Витовтомъ зег. 25, а полоненныхъ вдаде на поруку посадникомъ; а срокъ положиша привезти серебро 1000 р. и полоненныхъ всѣхъ въ Вили

поставити предъ кн. Витовтомъ на Крещеніе господне, и отъадоша.

б. Въ л. 6935 (1427), м. септембра въ 5 д., бысть знаменіе въ солнці: около солнца 6 явился круговъ, а кругъ за кругъ свизался, и различия бѣаху цвѣтама, овъ черменъ (красный), овъ зеленъ, а иный жолтъ. Того же лѣта Псковичи послаша къ о. кн. Вас. Васильевичю Юрѣя посади. Тимофѣевича, а съ нимъ бояръ, и биша челомъ, чтобы послалъ своихъ бояръ къ дѣду своему кн. Витовту, и вѣдали бы челомъ за Псковичъ; и билие ему тогда брань велика съ кн. Юремъ стрѣмъ своимъ, о вел. княжескѣ, нъ обаче о всемъ томъ не брегъ, вресчя (отвернулася). И на зиму присла князь в. своихъ бояръ въ Псковъ, и Псковичи послаша съ ними посадки. Якимъ Павловича, и посадки. Ив. Сидоровича, и иныхъ бояръ, и даша имъ реченное Витовту серебро, и поставиша плѣнныхъ предъ кн. Витовтомъ в серебро положиша 1000 р., и много биша челомъ; онъ же поганый немилостиво имѣа сердце, серебро взя, а плѣнныхъ на крѣпости посадил. Того лѣта умножи Богъ всякого обилья, хлѣба въ Псковѣ по 7 зобницъ ржи на полтину, а говядъ 3 язовичи (коровы, телки) на полтину.

в. Той же осени (1431) умре поганый кн. литовскій Витовтъ, и сѣде на столѣ его кн. Свитригайло Олгердовичъ... Въ лѣто 6940 (1432). Послаша Псковичи къ кн. литовскому Свитригайлу Якимъ посадника, и Алексѣя Ефремовича, и иныхъ бояръ, и биша челомъ о миру: и Свитригайло дастъ миръ в рубежъ земли и водѣ, по старинѣ, по крестному цѣлованію кн. Витовта; и утвердивше миръ, цѣловаша на томъ крестѣ.

(П. С. Лѣт. V. 25. 26. 27).

O narodach Litewskich. Пашикевича. 1829. Lithanische Märchen, sprichworte, Rathsel und Lieder. Акуста Шлей-

жера. Веймаръ. 1857. *Obraz Litwy. Яроше-вица*. Вильно. 1844. *Автописецъ Литвы и Хронико Русская*. И. *Дакиловича*. Вильно. 1827 г. *Его же*: О Литовскихъ Автописцахъ Ж. М. Н. Пр. 1860. № 14. Автописцы князей Литовскихъ. А. Н. *Попова* Уч. Зап. Акад. I, III, 24. Литовское племя и отношеніе его къ Россіи. *Костомарова*. Рус. Сл. 1860. № 5, 1—100. Смѣртвайло.

А. Коцебу. Библ. для Чт. 1835, XIII, 25. Бѣглый взглядъ на исторію Литвы. *Бандтке*. Вѣст. Евр. 1826, ч. 146, № 7. 191. Литва и Литва. Сынъ От. 1842. 1. 40. 1838. II, 161. 1839. XI, 115. Древности Литвы. Северн. Архивъ. ч. 1, № 3. 221. Могилы древ. Литвы. *Бѣра*. Библ. для Чт. 1833. CXVII. 29—44. Литва. Сынъ Отч. 1822. LXXVII 3

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

388. Слѣдствія татарскаго нашествія

Татарское нашествіе произвело сильное впечатлѣніе на людей религіозныхъ. Они приписывали его гнѣву божію, карѣ за недостойную жизнь народа, которая и прежде возбуждала въ нихъ отвращеніе. Найдя такимъ образомъ причину страшныхъ бѣдствій, они еще внимательнѣе начинаютъ вглядываться въ окружающую жизнь и приходятъ въ ужасъ отъ ея протѣворѣчій съ требованіями христіанской жизни. Теперь въ нихъ возбуждается энергія дѣйствовать на народъ сильнымъ обвинительнымъ словомъ, призывать къ покаянію, къ благочестивой жизни, разпивать взаимную любовь для единомудія, которое необходимо было, чтобъ свергнуть съ себя тяжелое ненавистное иго. Жизнь, несогласная съ христіанскими понятіями, замѣчается не только въ народѣ, но и въ средѣ духовенства. Так. обр. за совершившійся страшный фактъ оправдывается провидѣніе, допустившее его. Напугавшее воображеніе слагаетъ всю вину на народъ. Теперь уже нельзя было уединяться въ монастырскихъ стѣнахъ: нужно было такъ или иначе дѣйствовать. М-тъ Кирилъ II созываетъ во Владимирѣ соборъ епископовъ, чтобы дать правила для жизни духовенства сообразно съ православымъ идеаломъ. Положено было уни-

чтожить всякую симонію, которая, какъ видно, распространялась между духовными лицами: «семью гравнами на клироманъ должна была ограничиваться вся издержка попа или дьякова». «Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви и ходатайствующие за нихъ прокляты». Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпуски отъ своего господина. Житіе ставленника должны были свидѣтельствовать 7 священниковъ и добрыя сосѣди, званіе его съ лѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою убѣгалъ дань, *чародѣйствовалъ*, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Въ священники ставили возрастомъ не менѣе 30 лѣтъ. Пьянцы всѣ отвергались, если не покаются: лучше одинъ достойный служитель алтаря, нежели тысяча беззаконныхъ... (*Ист. Шевыр. т. III, стр. 27—28*). Черезъ 10 лѣтъ (1284) м-тъ Максимъ собираетъ соборъ въ Кіевѣ, гдѣ составлены правила, касающіяся другихъ предметовъ. Тотъ же Кирилъ II по свидѣтельству лѣтописей проходилъ города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Г. Шевыревъ приводитъ коротенькое его Слово, характеризующее его ученіе, основанное на любви и свисхожденіи. Оно было сказано

ростовскому епископу Игнатию, который, вѣроятно, желая дать сильный примѣръ своей паствѣ, приказалъ вынести прахъ покойнаго ростовскаго князя Глѣба Васильковича изъ соборной церкви и просто закопать въ землю. «Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ, сказалъ ему Кириллъ: не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощенье грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощениіи братіи нашихъ, милость господня скрывается для насъ въ личности нашей къ ближнему. Плачься чадо и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости, ты прежде суда божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живого ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда можно было его исправить, ты не исправилъ и нынѣ ли исправить хочешь мертваго жестокомъ отлученіемъ? А ежели желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями пищимъ, молитвою и божественною службою». (*Ист. Шевыр. III, 32—33*)... Съ энергическими словами обращаясь къ народу и суздальскій епископъ Серапіонъ, указывая на народныя бѣдствія отъ Татаръ и на причину ихъ, нехристіанскую жизнь людей, за которую Богъ и караетъ ихъ... Но проповѣдникъ требовалъ слишкомъ быстрой перемѣны въ своихъ слушателяхъ. Онъ упрекаетъ ихъ, что видятъ слишкомъ мало плодовъ отъ своего ученія: «Много разъ я говорилъ вамъ, но не вижу въ васъ перемѣны... Чѣмъ мнѣ утѣшиться, чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердца вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябало и плодъ производило... Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти, велию вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ». Впрочемъ онъ хвалитъ ихъ и радуется тому, что они ходятъ съ великою любовью въ церковь и стоятъ съ благоговѣніемъ. «О если бы, при этомъ воскликаетъ онъ, я могъ наполнять сердце и утробу cadaго разума божественнаго!»

Конечно, всѣ эти рѣчи не могли доходить до народа. Они обращались въ соборныхъ церквахъ къ горожанамъ. Общія бѣдствія дѣйствительно облизали ихъ съ духовенствомъ, которое въ лицѣ своихъ митрополитовъ и епископовъ стало дѣятельнѣе и практичнѣе въ отношеніи къ народу, и религиозное вліяніе на воображеніе массы стало сильнѣе. Горожане мало-по-малу дѣйствительно успѣли отстать отъ язычества и даже подъ вліяніемъ дѣйствій, иногда одушевлялись фанатизмомъ противъ языческихъ явленій, гнѣздившихся еще по деревнямъ въ сельскомъ населеніи. Они стали выказывать свою ревность къ христіанству въ сожженіи волхвовъ, которые появлялись въ народѣ, такъ что тѣ же самые проповѣдники, настроившіе на религиозный путь ихъ воображеніе, должны были сильными словами и укорами сдерживать ихъ фанатическую ревность...

Такъ обр. первое слѣдствіе суроваго татарскаго владычества выразилось въ возбужденной дѣятельности, которая съ юга мало по малу переходила на сѣверо-востокъ, гдѣ народъ былъ еще въ самомъ грубомъ состояніи; югъ сталъ пустѣть отъ татарскихъ набѣговъ и отъ выселенія многихъ жителей на сѣверъ. Въ прежнемъ идеалѣ духовенства теперь особенно выдается одна черта, вызванная временемъ—это безпрестанное покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, которые накликали на Русь страшное бѣдствіе. Поле дѣятельности его—призываніе къ покаянію и благочестивой жизни. Понятно, что при такомъ стремленіи число монастырей должно было значительно увеличиться. Г. Шевыревъ насчитываетъ, что уже въ XIII ст. основано было 22 монастыря, а въ XIV доходить число ихъ до 80, если не болѣе. (*Ист. Шевыр. стр. 187*). Въ одномъ безыменномъ *учении*, обращенномъ «ко всѣмъ христіанамъ», совѣтуется любить монастыри, п. ч. они

пристанища сего свѣта, сыновья свя-
тыхъ. «Входя въ няхъ, вы уведите, какъ
игуменъ пасетъ свое стадо; одинъ чер-
нецъ не говоритъ страха ради божіа,
другой возносить руки и сердце горѣ, а
очи держать долу, тотъ плачетъ въ своей
кельѣ и лежать нацѣ; тотъ работаетъ
какъ половецкій, тѣ заняты дѣломъ,
другіе стоятъ въ церкви будто каменные
и не подвижны, возсылая молитвы къ
Богу за весь міръ».

Вотъ та монастырская жизнь, привле-
кавшая людей, воображение которыхъ съ
одной стороны было напугано, съ другой
направлено на религіозный путь. Этотъ
путь сдѣлался единственнымъ для всѣхъ
сильныхъ натуръ, которые искали себѣ
дѣятельности для высшаго духовнаго про-
свѣщенія: никакихъ другихъ поприщъ для
удовлетворенія духовныхъ стремленій че-
ловѣка болѣе не было. Усвоивъ себѣ
аскетическій идеалъ, сообразно съ нимъ
они располагали и свою жизнь и дѣ-
тельность. Такъ обр. въ монастыри пе-
реходятъ изъ князей, изъ дружинъ, изъ
горожанъ; монашество быстро увелича-
ется. Въ часъ важныхъ добрыхъ дѣлъ
по прежнему ставится милостыня—раз-
дача имѣнія нищимъ и монастырямъ.
Благочестивые люди дѣйствительно за-
вѣщаютъ монастырямъ села. Многіе князья
сами строятъ монастыри и щедро надѣ-
ляютъ ихъ, чтобы они могли надѣлать
себя.

Натуры дѣятельныя и страстныя, оду-
шевленные своимъ монашескимъ идеаломъ,
ищутъ самой суровой аскетической жизни,
удаляются въ глушь, въ лѣса, и въ де-
бря, поселяются и собираютъ вокругъ се-
бя подражателей, и вотъ основывается
новый монастырь. Строгий пустынникъ
достигаетъ славы, о немъ говорятъ въ
окрестностяхъ, къ нему стекается на-
родъ, дивятся его жизни, полной лишеній
и трудовъ, слушаютъ его учене. Вотъ
какимъ образомъ распространились хри-

стіанскія понятія по деревнямъ и селамъ.
Это было дальнѣйшее слѣдствіе татарска-
го владычества. Монастыри наполнялись
нерѣдко людьми, утомленными трудною
жизнью, вѣчною боязнью огня и меча та-
тарскихъ полчищъ, разграбленными, ли-
шившимися родныхъ, захваченныхъ въ по-
ловъ. Престанищемъ и мѣстомъ успокое-
нія имъ служили монастыри, которые поль-
зовались привилегіями отъ Татаръ и бы-
ли безопаснѣе всякаго другаго жилища.
Были между энергическими дѣтелями и
такіе, которые отправлялись для распро-
страненія христіанства въ мѣста, гдѣ еще
господствовало язычество...

При особенномъ религіозномъ направле-
нии духа къ монастырскимъ стѣнамъ, по-
слѣ смерти каждаго благочестиваго дѣ-
теля, быстро составлялась о немъ сказа-
нія по тому аскетическому монашескому
идеалу, который привлекалъ воображеніе
набожныхъ людей. Основаніемъ этихъ ска-
заній, конечно, были дѣйствительные фа-
кты изъ его жизни, и вотъ они наконецъ
записывались какими либо грамотными
монахамъ, иногда распространялись и раз-
украшивались разными риторическими кра-
сками и въ такомъ видѣ переходили въ
послѣдующія поколѣнія. И иногда изъ та-
кихъ сказаній составлялись сборники подъ
названіемъ Прологовъ и Патериковъ, обра-
зомъ которыхъ служили патерихъ печер-
скій, составленный еще въ XIII ст.

Такъ обр. мало по малу въ разныхъ
областяхъ составились свои мѣстныя свя-
тыни, равно какъ и мѣстныя сказанія, до-
стойныя полнаго вниманія историка лите-
ратуры; но ихъ только начинаютъ у насъ
разрабатывать, и итѣтъ сомнѣнія, что во-
слѣдствіи, при болѣе подробной разработ-
кѣ, они доставятъ богатый матеріалъ для
исторіи...

И доселѣ еще каждый изъ древнихъ
городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ро-
стовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ со-
хранили свои мѣстныя преданія и сказанія,

которые дают особую нравственную функцию каждому из них. Эти местные особенности обязательны для всякого русского человека, п. ч. все вместе составляют его заветное национальное сокровище.

Г. Буслев таким образом характеризует Москву сравнительно с другими городами: «Мрачным тоном отличаются предания об основании некоторых московских святынь... Татарщина захватила своим темным колоритом местные сказания и некоторых других народов северо-восточной Руси, но не так полно и всецело обняла все элементы жизни, как в Москве... Из самых отношений к Татарам Москвы и других городов уже явствует, что нравственные понятия, состоявшие тогда преимущественно в противопоставлении русского и христианского иноземному, татарскому и поганому, неодинаково были развиты в Ростовѣ, Ярославѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ. А так как нравственные начала исторического народа возникают и совершенствуются на основе исторических родовых преданий, разрабатываемых в течении веков поэтично и письменно, то бѣглый взгляд на русские города и области XIV в. дает уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, т. е. грамотности и слѣдовательно литературы. Москва не только в XIV, но даже и в XV в. в отношении литературномъ стояла несравненно ниже Кіева или Новгорода XII ст. ...

Въ татарское время прежний эпосъ не утратилъ для народа своего значенія; надъ нимъ продолжала работать фантазія, видоизмѣняя и перерождая его подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій и новыхъ событий. Тогда для героическаго эпоса не находилось темъ изъ современной жизни, и онъ продолжалъ развивать прежнія темы, сближая ихъ съ современностью. Причина такого явленія ясно выразилась въ одной

рапсодіи, которая заключаетъ собою богатырский цикл и которая сложилась именно въ этотъ періодъ, слѣдующій за богатырскимъ. Она и по содержанію и по поэтическимъ образамъ заслуживаетъ полного вниманія историка. Я имѣю въ виду «Сказаніе, отчего перевелъсь витязи из Руси». Здѣсь мы видимъ еще въ полной мѣрѣ наивную вѣру въ богатырей, какъ существовавшихъ действительно въ былое время, видимъ вѣрованіе въ языческое чудесное, хотя разсказъ по своему содержанію современенъ историческимъ писанію. Тутъ самъ народъ смотритъ на прекращеніе богатырской жизни так. обр.: онъ представляетъ какую то *нездѣшную* силу, которая подавила богатырскія стремленія народа, и обратила богатырей въ камни. На многие камни въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи народъ и теперь указываетъ, какъ на окаменѣвшихъ богатырей. Эти камни служатъ ему какъ бы памятниками, подъ которыми спрятана могучая сила прошлаго. Какая же это нездѣшная сила? Эта сила—сила историческихъ обстоятельствъ, поставившая народъ въ такое положеніе. Въ разсказѣ ясно выразилось сознаніе силы подавляющей, наводящей страхъ и окаменюющей—передъ нею земская, богатырская сила приходитъ въ положеніе страдательное и каменѣетъ. Вотъ отвѣтъ, который сложилъ самъ народъ на собственный вопросъ: отчего въ его средѣ теперь нѣтъ богатырей? Время настало не то: самое сознаніе въ себѣ силы было подавлено. Первою изъ такихъ постороннихъ гнетущихъ силъ, конечно, была сила татарская, которая, поставивъ народъ въ страдательное положеніе, перемѣнила даже его нравственные понятія—тутъ приходилось стонать подъ игомъ, подавлявшимъ всякія силы, а было не до богатырскихъ стремленій, въ которыхъ выражается свободное проявленіе силъ. Въ сборникѣ русскихъ пѣсень Саратовской губ., г-жи

Мордцовой и г. Костомарова мы находим пѣсню, сложенную въ тяжелыя татарскія времена, пѣсню, замѣчательную въ томъ отношеніи, что ея тема основана на извращеніи тѣхъ нравственныхъ законовъ, которыя народъ вырабатываетъ себѣ въ камни по своимъ понятіямъ и которыми особенно дорожить, какъ основною нравственной жизни. Татаринъ извращаетъ эти законы, ставитъ членовъ одной и той же семьи въ самое неестественное положеніе:

Какъ за рѣченкой за быстрою,
Не огонь горѣть, а полыня;
Злы Татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлать,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому руска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, загаркнулъ громкимъ голо-
сомъ,

Громкимъ голосомъ молодецкииъ:
«Ты встрѣчай меня молода жена,
Я привезъ тебѣ руску нянюшку,
Руску нянюшку—половяночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльцо—ковры вышивать,
Другое дѣльцо—гусей стеречи,
А третіе—дѣтей качати».
— «Я руками ковры вышивала,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитю начала:
Ты качу-баю, мое дятятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченкохъ,
Ты не крещеной не молитвенной,
А по матушкѣ мой боярченкохъ ⁽¹⁾.
Мой боярченкохъ—руска косточка»!

(1) У Сахарова: «А по матушкѣ милъ вну-
ченкохъ».

Услыхала молода княжна:

«Почему знаешь моя нянюшка,
Что по батюшкѣ—злой татарченкохъ,
А по матушкѣ—боярченкохъ?»
— «Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонѣ взята» ⁽²⁾.

Мать—рабой у дочери, русская, православная нянчить внука—татарина, некрещенаго, ненавистнаго русскому чело-
вѣку, который въ своихъ пѣсняхъ не иначе прозвонитъ, какъ съ эпитетомъ злой. Любовь и ненависть къ одному ребенку—два противоположныя чувства соединяются въ ней. Вотъ эти то извращенныя нравственныя отношенія и смущали русскаго чело-
вѣка. Вообще надо замѣтить, что и некоторыя историческія пѣсни отличаются замѣчательнымъ драматизмомъ, естественно вытекающимъ изъ самыхъ обстоятельствъ, въ которыя жизнь ставила народъ. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ, разумеется, могъ бы раскрыть намъ и нравственныя понятія народа въ его идеальныя стремленія, и взглядъ его на разныя событія изъ его исторической жизни.

(Изъ сочиненія Вл. Стоюнина: «О преподаваніи Рус. литературы. Спб. 1864, стр. 75—95).

389. Куликовская битва.

XIV вѣкъ былъ великимъ историческимъ періодомъ въ жизни Славянскаго сѣвера. Это было время одряхлѣнія стараго удѣльно-вѣчеваго порядка, сформировавшагося въ первые вѣка нашего тысячелѣтія, и время юности новаго строя, возмужав-

(2) Лѣтоп. рус. лит. и дрес. IV стр. 47—48.

шаго и окрѣпшаго въ XVI в. Москва возвышалась посреди русско-славянскихъ земель и тянула ихъ къ себѣ волею и неволею. Тверская земля, оспаривавшая у нея право вести передъ рус. міра, уже склонялась передъ нею въ своей безсильной борьбѣ. Недоставало у князей ея ни той хитрости и изворотливости въ затупанныхъ обстоятельствахъ, ни того умѣнья выбирать удачно и ловко минуты, благоприятныя для дѣла, выжидать, когда нужно, шириться и ссориться ввѣру, по расчету а не по влечению сердца, ни той рѣшимости отважиться на все, лишь бы оно приносило пользу и вело къ цѣли, — ничего того, чѣмъ отличались одинъ за другимъ московскіе князья. Въ 8-й десяткѣ XIV в. тверскіе князья дошли до печальной необходимости стать въ оборонительное положеніе. Послѣдняя неудавшаяся попытка Митяна Александровича отнять у моск. князя великое княженіе не удалась; съ тѣхъ поръ ему и преемникамъ его оставалось только охранять себя отъ московскихъ покушеній, — плохая роль! Съ начала между Москвою и Тверью шло дѣло не о взаимной независимости; то была борьба на жизнь или на смерть: если не Тверь, то Москва; если Тверь взяла бы верхъ, независимость Москвы должна была бы погибнуть. Также точно не могла уже долго оставаться независимою и Тверь, когда Москва нѣсколько разъ одерживала верхъ въ борьбѣ съ нею. Тверь послѣ того просуществовала еще сотню лѣтъ въ оборонительномъ положеніи, но какъ земля подручная Москвѣ, — в легко было потомъ Іоанну III добыть ее, какъ только онъ захотѣлъ этого.

Въ подобномъ отношеніи находилась Москва къ Владимірской или Ростовско-Суздальской землѣ, съ тою разницею, что здѣсь Москва не боролась, какъ съ Тверью, за достиженіе первенства и власти надъ русскимъ міромъ, а преемственно овладѣла тѣмъ, что принадлежало прежде пер-

вой. Раздѣленная на мелкіе уѣзды, земля эта не могла соединиться и постоять за себя: въ ней уже не стало центра, порвалась земельная связь ея уѣздовъ, или лучше сказать — Москва, бывъ прежде ея приворождѣнъ, сама собою дѣлалась ея новымъ центромъ. Оттого-то независимость ея не устояла такъ долго, какъ татарская, и пала при наслѣдникѣ Дмитріи.

Великій Новгородъ былъ въ иномъ положеніи, чѣмъ эти обѣ земли: Новгородъ не шелъ за новымъ строемъ Руси; Новгородъ оставался вѣрнѣ старинѣ; онъ не хотѣлъ ни властвовать, ни расширять своихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ и самъ быть и видѣть вокругъ себя русскій міръ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ выросъ въ протекшіе вѣка; готовъ былъ, по стариннымъ обычаямъ, признавать надъ собою первенство в. князя въ качествѣ перваго между равными, но не въ значеніи властвующаго князя; хотѣлъ, чтобы собственная его автономія не была нарушена. Но не возможно было устоять старому противъ молодого, драхляющему противъ исполненнаго свѣжихъ силъ. Москва еще не была сильна на столько, чтобы погубить его; на это потребовалась еще сотня лѣтъ; но она уже выросла до того, что старыми узани, которыя Новгородъ уважалъ, могла опутать его, и судьба Новгорода была привязана уже къ судьбѣ Москвы задолго до паденія его свободы.

На юго-востокъ отъ Москвы была земля Рязанская. И ей приходилось только оборонять себя. О первенствѣ и о спорѣ съ Москвою не было рѣчи, но она не хотѣла подчиняться Москвѣ; она думала только удержатъ старину, какъ и Новгородъ, и обезопасить себя отъ возникающаго едновластия. Положеніе этой страны было болѣе печально, чѣмъ какой нибудь другой рус. земли; она стояла на окраинѣ рус. міра, на границѣ съ татарщиною и подаластью Ордѣ Мордвою, и безпре-

ставно терпѣла отъ нашествія Татаръ и Моравы. По мѣрѣ возвышенія Москвы, которая и ей, какъ другія русскимъ краямъ, грозила покореніемъ, Рязанская земля должна была, ради своей безопасности, опираться на Орду; Орда не уничтожала автономіи земель русскихъ, оставяла въ нихъ порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились тогда, когда подпадали подъ власть хановъ. Рязанцы были въ непріязни съ Москвичами, они смотрѣли презрительно на московскій народъ и подозрительно на московскую политику. Рязань должна была, болѣе чѣмъ другія русскія земли, покоряться Ордѣ: съ одной стороны для того, чтобъ если не совсѣмъ избѣгнуть своевольныхъ опустошеній, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ эти опустошенія были не такъ жестоки; съ другой—чтобъ удержаться съ помощью Орды противъ Москвы. Рязань не была, какъ В. Повгородъ, защищаемая отъ ней естественными средствами обороны.

Что касается до множества мелкихъ князей, не входившихъ въ эти земли, то безсиліе управляемыхъ ими удѣловъ и волостей болѣе всего наклоняло ихъ, а еще болѣе народъ, управляемый ими, примыкать къ сильному центру, который образовался бы на Руси: оттого нѣкоторые изъ нихъ охотно покорялись Москвѣ, а другіе легко и безропотно были покорены или лишены своихъ удѣловъ.

Тогда какъ Москва дѣлалась русскимъ центромъ и приготовляла въ себѣ для руса новый государственный строй, на западномъ концѣ рус. міра у ней явилась сильная соперница—Литва. Литовскіе князья Гедиминъ и Ольгердъ успѣли соединить въ своей державѣ западныя и южныя русскія земли. Въ однихъ мѣстахъ князья Рюрикова дома поступали въ число подручниковъ великихъ литовскихъ земель, въ другихъ замѣнены были князьями изъ Гедиминова дома. Литва расши-

рялась на востокъ. У литовскихъ великихъ князей образовывалось такое же стремленіе, какъ и у московскихъ—подчинить русскій міръ, а самизъ стать его владыками. Литва стояла Москвѣ поперекъ дороги; Литвѣ суждено было задерживать ей путь тогда, когда она успѣла уже совершить свое дѣло надъ половиною Руси. Въ XIV в. закладывалось начало той многолѣтней борьбы, которая наполняетъ нашу исторію XV и XVI в.,—борьбы, которая въ началѣ XVII в. разлилась надъ Москвою эпохою смутнаго времени, потомъ на полвѣка избрала себѣ исходъ въ Малороссію,—борьбы, которой слѣды отзываются до нашего времени, въ покушеніяхъ Польши, но древней передачѣ ей литовскими князьями своихъ покушеній. Во 2-й половинѣ XIV в. въ Литвѣ противодействующая Москвѣ сила сосредоточилась въ двухъ однихъ за другихъ князьяхъ: то были Ольгердъ, могучій дарованіями, политикомъ и мужествомъ воевода, и Ягелло, его сынъ, который шелъ по дорогѣ отцовской и наконецъ нашелъ новый, выгодный поворотъ въ союзѣ съ Польшею. Подъ предлогомъ защиты своего шурина, Михаила тверскаго, два раза Ольгердъ подходилъ къ Москвѣ и два раза опустошилъ ея окрестности. Московская полвѣтка нашла тогда способъ вывернуться изъ бѣды на время. Ольгердъ съ своей стороны расцѣлъ, что разорить Москву хотя можно, но покорять ее еще не пришло время, и предпочелъ союзъ съ нею. Этотъ союзъ скрѣпленъ былъ бракомъ его дочери съ Володимиромъ Андреевичемъ, двоюроднымъ братомъ в. кн. московскаго. На нѣсколько лѣтъ Москва избавилась отъ Ольгерда. Но не стало Ольгерда, Ягелло сдѣлался великимъ княземъ. Для него родственныя связи съ Москвою были слишкомъ ничтожны; напротивъ другія связи съ Русью ставили его въ враждебное положеніе къ Москвѣ: онъ былъ сынъ Тверитянки, и старая вражда его дѣ-

довъ съ матерней стороны сходилась съ политическими стремлениями.

Страшное ордынское владычество тотчасъ стало упадать, какъ только доставило Москвѣ главенство въ Русь. Еще недавно царствовалъ 30 лѣтъ въ Кипчакѣ Узбекъ. Русь трепетала передъ нимъ. Покушеніе освободиться отъ его власти было немислимо ни для князей, ни для народа. По приказанію грознаго властителя, 40 русскихъ князей было казнено въ Ордѣ. Властитель по произволу тѣхъ каралъ своимъ гнѣвомъ, другихъ осыпалъ милостями. Московскіе князья были его любимцами. Ему преимущественно обязана была возвышеніемъ Москва. Но тѣ времена прошли скоро. Съ Кипчакскимъ царствомъ повторилась одна изъ обыкновенныхъ судьбъ, которымъ подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только извѣстны исторіи съ отдаленныхъ временъ библейской древности. Продержавшись съ небольшимъ сто лѣтъ, оно обезсидѣло чрезъ нравственный упадокъ силъ своихъ владыкъ, промѣнявшихъ поле битвы и разрушительный огонь на дворецъ и гаремъ; внутреннія усобицы и споры за престолъ разлагали его. Эпоха паденія наступала. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ приемы восточной цивилизации, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣйствъ не мѣшало у восточныхъ историковъ прослыть такимъ жемудрымъ властителемъ, какъ и отецъ его; Джанибека отправилъ на тотъ свѣтъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 г., а на другой годъ нашелся за отца мстителъ: Кульна, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца и съ тѣхъ поръ въ теченіе 10 лѣтъ перемѣнилось хановъ 15; ихъ было иногда по нѣскольку при разномъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство ушло до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобъ властвовать ихъ именемъ; части

Кипчакской орды начали отлагаться и образовались въ самостоятельныя государства. Такъ обр., въ средній Золотой орды образовалось два ханства: одно—на Волгѣ въ Сарай, другое, заложенное Мамаемъ, княземъ Орды между Волгой и Дономъ. Онъ самъ долго не хотѣлъ принимать на себя ханскаго достоинства, а возводилъ на престолъ и изводилъ съ престола своихъ креатуръ и правилъ ихъ именемъ. Въ землѣ мордовской (*нынѣшней Пензенс. губ.*) отдѣлился отъ Орды и сдѣлался самостоятельнымъ государемъ князь Тагай, основавшій свою столицу въ Наровчатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Теміръ и положилъ начало Казанскому царству. Явился свой властитель въ Астрахани—Салачей. Въ Крыму возникла независимая Перекопская орда, а на Яикѣ—Яицкая орда съ городомъ Сарайчыкомъ; далѣе на востокъ выдвигалась изъ Кипчака самостоятельная Шейбанская орда, а такъ пошла врозь *Монархія Батыева*.

Въ это-то время было естественно и Русь, входившей въ число ханскихъ владѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженіе, и, конечно, знамя возстанія должно было подняться въ Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана наместникомъ русскаго міра; московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ захотѣть также сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе.

Такое было положеніе дѣлъ, которое привело къ знаменитой Куликовской битвѣ.

Было естественно, что, при внутреннихъ смятеніяхъ въ Ордѣ, русскіе князья пользовались полученіемъ своихъ достоинствъ отъ хановъ и той и другой партіи. По смерти в. кн. Ивана IV. озяло двое претендентовъ на великое княженіе: нижегородско-суздальскій князь Дмитрій Константинъ. и московскій Дмитрій IV., за котораго по несовершеннолѣтію стояла бояре. Они вѣрно проповѣдали дѣло москов-

скаго главенства, и тѣмъ доказывали, что оно было дѣломъ не одного княжескаго дома, а всей земли московской. Ханъ Нигрусь назначилъ в. княземъ суздальскаго, но самъ этотъ ханъ велѣлъ за тѣмъ быть низвергнуть и убить Хидирбергомъ или Хидиремъ. Воспользовались этимъ Москвичи и выпросили у новаго хана ярлыкъ для своего князя; но потомъ вскорѣ Тимуръ Ходжа, сынъ Хидиревъ, убилъ отца и самъ былъ изгнанъ Мамаемъ. Въ самой Ордѣ вступили въ борьбу двѣ партіи, одна: противная Мамаю, провозгласила ханомъ Мюриада, другая, Мамаева—Абдулла. Мюридъ разбилъ Мамаю, Услышавъ объ этомъ, Москвичи тотчасъ обратились къ Мюриду, какъ къ сильнѣйшему, и выпросили у него подтвержденіе на достоинство вел. кн. Но велѣвъ за тѣмъ услышали они, что Мамай беретъ верхъ, обратились къ Мамаю и получили для Дмитрія ярлыкъ на в. княжение отъ имени Абдулла, Мамаевой креатуры. Тогда Мюридова партія, въ отмщеніе за то, пручила ярлыкъ на вел. княжение сопернику Москвы, Дмитрію Констант. суздальскому, чрезъ случившагося въ то время въ Ордѣ бѣлозерскаго князя Ивана. Суздальскій князь, сопровождаемый своимъ подручникомъ бѣлозерскимъ княземъ и 30 ю Татарами, на челѣ которыхъ былъ посломъ какой то Илякъ, сѣлъ въ другой разъ на столѣ во Владимірѣ и возвратилъ древнее первенство этому городу, уже со времени Калкы принужденному уступить его Москвѣ. Тогда Москва пошла на Владиміръ. На Руси двѣ партіи шли подъ знаменемъ двухъ партій въ Ордѣ. Суздальскій долженъ былъ уступить, побоявшись подвергать разоренію свою область, и примирился съ Дмитріемъ московскимъ. Чрезъ два года, въ 1364 г., сынъ Дмитрія суздальскаго, Василій Кирдяпа, снова выпросилъ для отца ярлыкъ у хана, противнаго московской партіи, и опять готовы были отразиться на Руси слѣды ор-

дынскихъ междоусобицъ; но вна этотъ разъ отецъ побоялся вести споръ съ Москвою, помирился. Дмитрій Константиновичъ на другой годъ скрѣпилъ съ нею союзъ родствомъ, отдавъ за Дмитрія Ив. дочь свою Евдокию.

Годы были тяжелы въ то время на Руси. Предъ тѣмъ только свирѣпствовала смертельная зараза, а на слѣдующій годъ повторилась она, да еще сверхъ того настала засуха и неизбежное ея слѣдствіе—голодь.

Так. обр. московскій князь утвердился и поддерживался съ помощію Мамаю. Расчетъ былъ вѣренъ: Мамай былъ умнѣе и потому сильнѣе другихъ претендентовъ на власть въ Ордѣ. Нѣсколько лѣтъ Москва держалась Мамаю и было между ними доброе согласіе. Московскіе и суздальскіе полки ходили вмѣстѣ съ посломъ изъ Орды противъ непокорнаго Мамаю казанскаго владѣтеля. Но въ 1370 г. соперникъ моск. князя, в. кн. Тверской земли Михайло Александровичъ, подвигнувши на Дмитрія своего родственника Ольгерда, подрывалъ было его значеніе и у Мамаю. Онъ, по преданію, всѣми силами противо-дѣйствовалъ возвышенію Москвы и сверхъ того мстилъ лично за себя за то, что его коварно задержали—было въ Москвѣ. Онъ съѣзжалъ въ Орду и получалъ отъ имени Мамаева паря ярлыкъ на в. княженіе. Мамаю нужны были деньги. Незнаѣство разщедрился ли тверской князь въ Ордѣ, или—что вѣрнѣе—заскупился московскій, Тверской князь шелъ въ Русь съ ханскимъ посломъ Сарыходжею. Этотъ посолъ призывалъ московскаго князя во Владиміръ слушать ярлыкъ. Но Дмитрій не поѣхалъ во Владиміръ, да и сами Владимірцы воспротивились признать великимъ княземъ Михаила Алексан. и не хотѣли сажать его на столѣ у себя. Дмитрій пригласилъ Сарыходжу въ Москву и тамъ одарилъ его такъ, что тотъ, вмѣсто того, чтобы по ханскому ярлыку принудить

Русь къ признаю вел. княземъ тверскаго, уѣхалъ въ Орду самъ хлопотать передъ своимъ царемъ за Дмитрія. За нимъ самъ Дмитрій отправился въ Орду къ Мамаю не съ пустыми руками, и потому былъ принятъ оч. любезно. Мамай именемъ своего царя утверждалъ его на в. княженіи снова. Михаилъ тверской остался вполнѣ, какъ говорится, въ дуракахъ. Мамай написалъ ему такого рода отговорку: «Мы тебѣ давали рать и силу, чтобъ тебя посадить на в. княженіе: за чѣмъ же ты не взялъ? Теперь сидя себѣ съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ не нищѣ помощи». Въ Орду былъ тогда сынъ Михаила Ал.; онъ тамъ задолжалъ; московскій князь выкупилъ его, привезъ въ Москву и отпустилъ только тогда, когда отецъ его, соперникъ Дмитрія, заплатилъ ему за свободу сына 10,000 рублей, конечно, съ значительнымъ барышомъ про икъ того, за сколько его выкупилъ изъ Орды московскій князь.

Не много времени спустя, нарушилось это доброе согласіе съ Ордою. Поводомъ къ тому было приключеніе въ Нижнемъ Новгороде: туда пріѣхалъ посолъ Мамаевъ Саранка съ дружиною. Обыкновенно, когда такая дружина прибывала въ русскій городъ—это было наказаніемъ для жителей. Нижегородцы же въ то время, какъ и на всей рус. землѣ русскіе люди, страдали снова и отъ возобновившагося мора и отъ голода разомъ. Возникла ссора съ Татарами. Нижегородцы взяли ихъ и привели въ городъ. Князь велѣлъ развести ихъ. Саранка и Татары стали сопротивляться. Началась свалка, Саранка бросился на владычній дворъ. Зажгли дворъ владычній. Во время свалки стрѣла попала въ мантию епископа. Тогда народъ ожесточился, бросился дружно на Татаръ; убили Саранку; перебили всю дружину его; погибло тогда полторы тысячи Татаръ.

Послѣ этого событія, случившагося въ удѣлѣ князя, союзника и тестя московскаго,

князя, снова открылась тверскому князю дорога заискивать передъ Мамаевъ противъ своего соперника. Явился ему къ услугамъ: Москвичъ, сынъ бывшаго тысяцкого, послѣднію въ этомъ санѣ, по имени Иванъ, и какой то Сурожанинъ Некомитъ; они настроили его искать снова в. княженіи и отправляясь отъ его имени въ Орду. Тамъ съумѣли они огорчить московскаго в. князя. Мамай отправилъ ихъ снова въ Тверь уже съ посломъ своимъ Ачхожею; тотъ повезъ ярлыкъ на в. княженіе. Тогда московскій в. князь вооружилъ противъ тверскаго много князей. Онъ представилъ соперника общему врагомъ и указывалъ на его отношенія къ Мамаю, какъ на заговоръ противъ всей Руси... Съ помощію князей и вдобавскъ—Новгорода, мстившаго тверскому в. князю за прежнія свои ссоры и разореніе Торжка, Дмитрій побѣждалъ тверскаго князя и снова заставлялъ его соглашаться на миръ и отказаться отъ в. княженія. Так. обр. въ другой разъ Москва оставила Михаила Алекс. въ дуракахъ, да еще съ Мамаевъ вдвоемъ. Мамай и его партія въ Орду ожесточились; они увидѣли и дерзость Руси и слабость ордынской власти. Прежде Мамай далъ тому же тверскому князю ярлыкъ; Дмитрій тотчасъ побѣждалъ въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками; а теперь, по такому же точно поводу, Дмитрій не кланялся, не дарилъ, а расправился самъ и отстоялъ свои права собственными силами.

Тогда, въ отищеніе за усмиреше Михаила тверскаго, толпы татаръ опустошили тѣ земли, которыхъ ополченія были съ московскимъ подъ Тверью... Самъ московскій князь чалъ на себя прихода Орды, вооружился и вышелъ за Оку стеречь гостей. Жребій былъ уже брошенъ. Московскій князь дѣйствовалъ свободно, по-

казывалъ, что не боится Орды, не слушаетъ Мамай. Мамай не приходилъ.

На слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ дружинами суздальскими и нижегородскими, московскіе полки, подъ начальствомъ воеводы Дм. Мих. Волынскаго, двинулись на Казань. Война была удачна. Казанцы бѣжали Русскихъ какими — то громами со стѣнъ своихъ, выпустили верблюдовъ, чтобы переполошить рус. войско. Но всѣ эти хитрости восточнаго искусства не удались имъ. Русскіе вогнали ихъ въ городъ, осадили Казань, а двое казанскихъ князей, Гассанъ и Махметъ, били челомъ в. князю и заплатили большой окупъ и ему, и союзнику его, и воеводамъ со ратію, всего 5000 р., да вдобавокъ Русскіе посадили въ Казани таможенниковъ, слѣдов. подчинили своей власти управление Казани. Это было уже послѣдствіе платить Татарамъ тѣмъ, что до сихъ поръ отъ нихъ получалось. Татары были въ зависимости у Русскихъ — явление невиданное, странное до того времени. Оно указывало, до чего можетъ довести Русскихъ борьба съ Татарами, если Русскіе одолѣютъ — они не ограничатся собственнымъ освобожденіемъ, они завоюютъ въ свою очередь Татарщину. Надобно было не допустить Русъ и думать, что она можетъ мѣяться съ Ордою; надобно было вогнать ее въ прежнія границы, поработить снова. Еще Мамай не собравъ съ силами, чтобы идти самому, и ограничивался посылкою своихъ подчиненныхъ. Въ 1376 г. (?) какой-то царевичъ Арапша изъ Синей орды пришелъ къ Мамаю, а Мамай послалъ его воевать Русъ. Это былъ большой воевода, очень свирѣпый, ростомъ очень малъ, да мужествомъ великъ. *(Онъ перебилъ русскихъ на р. Цыль и самъ князь нижегородскій Иванъ Дмитріевичъ утонулъ въ рѣкѣ, а съ нимъ много бояръ. См. «Битва съ Арапшей 1378 г.»).*

На слѣдующій 1377 г. Мамай послалъ опять Орду свою на Русъ. Татары напали на Нижній. Князя не было въ городѣ. Люди пустились бѣжать; оставшіеся заперлись и предлагали за себя окупъ. Но Татары не взяли окупа, взяли городъ, сожгли его и опустошили весь уѣздъ. Другое Мамаево войско подъ начальствомъ Бегича пошло на в. князя. Оно шло чрезъ Рязанскую землю на Москву. Но в. князь предупредилъ Бегича и самъ вышелъ ему на встрѣчу въ Рязанскую землю. Они встрѣтились на р. Вожѣ. Москвичи дали врагамъ переправиться на другую сторону Вожи и потомъ ударилъ на нихъ съ разныхъ сторонъ: съ одной — полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ, съ другой — пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ моск. князь Дмитрій. Татары побѣжали; Москва наперла на нихъ и множество враговъ потонуло. На утро при туманѣ переправилась Русскіе и погнались за Татарами. Татары убѣжали, покидавъ свои латры, кибитки и телѣги; а въ телѣгахъ нашли Русскіе много добра. Тогда поймали Москвичи какого то измѣнника; былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысяцкого сына сынъ, и шелъ изъ Орды съ Татарами на своихъ собратіи. У него нашли цѣлый мѣшокъ какого-то зелья, должно быть, какъ думали, лихаго, и послѣ разспроса послали его въ заточеніе на Лать озеро въ Каргополь, въ Новгородскую землю. Эта побѣда была предвѣстницей рѣшительной войны Мамай ожесточился. Онъ рѣшился наказать страшно своихъ рабовъ. Въ то время Мамай пересталъ ставить куколъ, называемыхъ ханами или царями. Онъ самъ назвался наконецъ царемъ. Онъ думалъ возстановить потерянное могущество Кипчака. Онъ началъ съ Русскихъ

Прежде всего должна была нести отвѣтъ за поражение на Вожи Рязанская земля, и ч. въ этой землѣ случалось посягательство Орды... Самъ в. князь Олегъ

Иа. не въ силахъ былъ противостоять Татарамъ. Онъ бѣжалъ за Оку, покинувъ свои города на волю врагамъ. Они сожгли Дубокъ и Переславль, сожгли и другіе города, и опустошивъ землю, ушли во свояси. Наконецъ самъ Мамай, начавъ войска, двинулся на Россію. Олегъ рязанскій присталъ къ Мамаю и послалъ къ нему грамоту такого содержания: «Восточному вольному великому царю царямъ, Мамаю, посаженникъ твой и присяженникъ Олегъ князь Рязанскій много молить тебя. Я услышалъ, господня, что ты хочешь ядти и грозиши на твоего служебника Дмитрія князя Московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Дмитрій, какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста, или въ В. Новгородъ или на Двину, а богатство московское будетъ въ рукѣ у тебя; а меня Олега Рязанскаго, раба твоего, сподоби своей милостію. Мы оба твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ; а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника, Дмитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ яменемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заграбилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и быю тебѣ челомъ: накажи его, чтобъ онъ пужаго не похизалъ. (См. *«Сказаніе о Мамаев. побоищѣ» у Сахарова*).

Въ тоже время Олегъ отправилъ пословъ къ Ягеилу, в. кн. литовскому. Кромѣ того политическаго антагонизма Литвы съ Москвою, по которому каждый литовскій в. князь былъ естественнымъ соперникомъ возрастающей Москвы, Ягеило имѣлъ свѣжія причины неудовольствія противъ нея и ея князя. Послѣ переворота, отъ котораго погубъ дядя Ягеиловъ Кейстутъ, Ягеило сдѣлался в. княземъ литовскимъ. Дмитрій московскій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей

противныхъ Ягеилу. Братъ Ягеила Андрей, полоцкій князь, нашелъ пріютъ въ Москвѣ. Висѣтъ съ съ московскими поѣсками, онъ ходилъ на Трубчевскъ; тамъ и другой братъ Ягеила, Дмитрій Ольгердовичъ, призналъ надъ собою главенство московскаго князя. Такъ моск. в. князь распространялъ моск. государство и уже посягалъ на то, что успѣло прежде захватить себѣ государство литовское. Олегъ, по увѣренію лѣтописца, писалъ къ Ягеилу: «ты давно хотѣлъ прогнать моск. князя и овладѣть Москвою; теперь пришло время; Мамай идетъ на него, соединимся съ нимъ; посылай своихъ пословъ къ нему съ дарами. Самъ лучше меня знаешь, какъ поступить».

Расчетъ у Олега былъ таковъ: съ помощію Мамаю и Ягеила ниспровергнуть моск. государство, пресѣчь ходъ моск. самовластію, Москву отдать Литвѣ, а Рязанская земля увеличится частію тѣхъ владѣній, которыя прежде у другихъ захвачены Москвою... Так. обр. сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было Олегу, дѣйствуя вмѣстѣ съ Мамаемъ, искать сколько возможно болѣе враждебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспровергнуть это могущество, начинавшее уже тяготѣть надъ Русью подобно татарскому.

Все эти сношенія должны были происходить въ 1379 г., и вѣроятно въ концѣ. Весною 1380 г. получилъ Дмитрій извѣстіе, что Мамай уже на Воронежѣ. Самъ Олегъ Рязанскій, скрывая свое соглашеніе съ врагами Москвы, извѣщалъ вел. князя объ опасности какъ-будто дружелюбно. Велѣвъ за тѣмъ были посланы отъ Мамаю съ требованіемъ такой дани, какую Москва платила при Узбекѣ и Джанибекѣ, а не такой, которая была постановлена съ Мамаемъ при первомъ призваніи имъ Дмитрія московскимъ княземъ. Дмитрій оскорбленъ и опечаленъ зѣло—говоритъ лѣтописецъ—и началъ прежде всего молиться... Онъ по-

слалъ въ Орду посла Захарія Пулчева съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамоту и дань Мамаю; но дань была не въ той пропорци, въ какой хотѣлъ получить властитель, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посолъ этотъ едва ветушилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ передался Мамаю, и извѣстилъ объ-этомъ Дмитрія... Мамай отвергъ уиѣренную дань, предъ окончательнымъ опустошеніемъ и завоеваніемъ земли русской...

В. Князь послалъ по вѣмъ землямъ русскимъ свои грамоты, призывалъ вѣхъ князей и дружины ихъ и вѣхъ людей русскихъ сходиться на рать... Прошло нѣсколько времени. Въ Москву приходили ополченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услышавъ, что идетъ туча на Русь...

Готовясь къ выходу, Дмитрій отправился къ Троицѣ. Живъ еще былъ основатель этой святыни московской земля; его благословенія исправивалъ Дмитрій. Преподобный устроилъ трапезу въ своемъ монастырѣ для князя и для тѣхъ, кто пріѣхалъ тогда съ нимъ. За трапезою стояла св. вода. Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и серебромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отвѣщаться на кровопролитіе, за столомъ Сергій сказалъ в. князю: «почти дарами и честью нечестиваго Мамай; Господь увидитъ твоё смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ». Дмитрій отвѣчалъ: «Я уже поступилъ такъ, отче, но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостью»...

Послѣ трапезы Сергій благословилъ в. князя и бывшихъ съ нимъ крестомъ и окропилъ св. водою. Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ в. князю: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ, онъ побѣдитъ и низложитъ сопостатовъ твоихъ и просла-

витъ тебя». Эти слова обрадовали в. князя...

20 августа былъ день выхода войскъ изъ Москвы. В. князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ Петра м-га, благословившаго въ началѣ главенство Москвы... Дмитрій съ московскими полками вѣхалъ въ Коломну; на другой день, въ воскресенье 21 авг. онъ велѣлъ вѣмъ собраться на лугу, который назывался Дѣвичьимъ полемъ, близъ сада какого-то Памфила. Все поле было устѣпано необозримымъ воинствомъ. Никогда еще силы русской земли не были въ такомъ числѣ собраны на защиту родной земли.

Дмитрій устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ поеводомъ составлялъ отдѣлъ войска, а вѣ вѣмѣ изображали собранную русскую землю. ...Выбрали вожаковъ, знающихъ дорогу, а это были купцы Сурожа-не. Въ тотъ вѣкъ никто столько не путешествовалъ, никто такъ часто не перемѣнялся съ мѣста на мѣсто, какъ торговцы, а потому естественно было ихъ употребить провожатыми. Дмитрій наметалъ такихъ, что много разъ бывали и въ Ордѣ, и въ Каѣ, и въ разныхъ далекихъ краяхъ, и знали обычаи чужихъ земель и народовъ; ихъ было числомъ 10; они должны были вести войско... Въ первый разъ со времени Батыева яга, Русь, собирая въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству. Войско двинулось къ Дону, и увидѣло его наканунѣ праздника Рождества Богородицы 7 сент. Пришла вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Дмитрій; передовые отряды Семена Мелика уже бились съ Татарами; Мамай уже видѣлъ своихъ Татаръ, пѣсеченныхъ русскимъ оружіемъ. «Вѣ силы темныя, силы вѣхъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ—говорилъ Семенъ Меликъ—онъ уже на Гусляномъ броду.

Только одна ночь между нами и их полками. Вооружайся, княже! Завтра нападут на нас Татары».

Русские стали строить мосты, перекаты бродовъ, и перешли черезъ Донъ... Утромъ рано все войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю и ничего не было видно. Такъ прошло часа два. Эта мгла помогла Русскимъ. Димитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владимира серпуховскаго и Димитрія Боброка съ избраннымъ войскомъ на верхъ по теченію Дона за лѣсъ въ засаду. Наконецъ туманъ сталъ подыматься, засіяло солнце... Русское войско пошло къ устью Непрядвы... Такъ сходились русскія силы съ татарскими съ противоположныхъ возвышеній; и было страшно видѣть—говоритъ сказаніе—какъ двѣ великія силы шли на кровопролитіе и скорую смерть.

Мамай стоялъ на возвышеніи со своими князьями и сталъ отсюда наблюдать битву. Враждебныя полчища смотрѣли другъ на друга...

Послѣ единоборства Телебега и Пересвѣта, данъ былъ знакъ. Затрубили трубы. Крикнули Русскіе: «Богъ Христіанскій, помоги намъ!» Крикнули Татары, призывая Магомета. Началась всеобщая сѣча, и вѣстовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно; задыхались отъ тѣсоты; умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась потоками по травѣ. Христіане и невѣрные не пускали дыханіе, переплетаясь между собою руками и ногами въ предсмертныхъ страданіяхъ. Часа черезъ два Татары стали одолевать... Было полное пораженіе русскихъ силъ, полное торжество Мамай... Рвались Русскіе изъ засады, плакали надъ габелью своихъ, а Боброкъ все ихъ удерживалъ и велѣлъ ожидать 8-го часа. Русскіе сердились, роптали, и не смѣя поступить противъ Боброка, а, ч. считали его

знахаремъ. Наконецъ, когда уже Татары считали себя окончательно побѣдителями, именно тогда-то приблизился обѣтованный 8-й часъ... Боброкъ сказалъ: «Княже Владиміре и вы, сыны русскіе, братья и друзья! часъ приспѣлъ и пора пришла: идемъ, и поможемъ намъ благодать св. Духа». Вѣтеръ южный дулъ имъ сзади. Выскочили они стремительно изъ засады, словно соколы на журавлиное стадо, говоритъ сказаніе, съ крикомъ и шумомъ, прямо въ тылъ Татарамъ и начали паразать ихъ. Нежданное появленіе свѣжаго войска оттуда, гдѣ никакъ его не предполагали, навело на Татаръ страхъ. Потерявъ уже свой строй, они не могли стать въ боевой порядокъ. «Бѣда намъ!—кричали они—Русь перехитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучше теперь на насъ обрушились». Показалось тогда имъ, что они совсѣмъ уже разбиты. Стали бить Татаръ со всехъ боковъ; а Татары сначала черезчуръ горячо напали и утомили себя. Оказалось, что тогда, когда напали на нихъ свѣжія силы, у нихъ и кони утомились и руки ихъ ослабѣли и ноги устали, и въ безпорядкѣ не видѣли и не знали они, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ повернуться. Русскіе прорывали ихъ толпы, били и вправо и лѣво, и сзади и спереди. Татары, метая оружіе, бѣжали. Русскіе догоняли и убивали ихъ. Мамай, увидя такое смятеніе, вмѣсто того, чтобъ послать на помощь силы, которыя еще оставались около него, бросилъ свое возвышеніе и бѣжалъ; за нимъ бѣжали князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ Русскихъ. Однѣ толпы Татаръ бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ Непрядвѣ; другія толпы бѣжали вправо къ рѣкѣ Красивой—Мечи. Русскіе гнались за ними и били ихъ уже безропотно. Татары кидали свои возы и свое имущество въ добычу побѣдителямъ. ...Восемь дней послѣ того стояли Русскіе на полѣ, кото-

рому суждена была неувядаемая слава въ Русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, христіанъ отдѣляли отъ невѣрныхъ, оставляли татарскія тѣла гнить на поверхности земли, а христіанскія предавали погребенію съ обрядами. И воспѣли, говорить лѣтописецъ, священники вѣчную память избіеннымъ отъ Татаръ на Куликовомъ полѣ, между Дономъ и Мечею; и князь великій съ братомъ своимъ и все войско прошли вѣчную память съ плачемъ и слезами. На сердцахъ у Русскихъ осталась скорбь о томъ, что не всѣхъ земляковъ своихъ тѣла могли они отдѣлять отъ татарскихъ и похоронить съ честью: многимъ крещенымъ пришлось гнить вмѣстѣ съ обрѣзанными и идолопоклонниками. »Это за грѣхи наши попустилъ намъ такъ Богъ«, говорили Русскіе, вспоминая это обстоятельство.

Мамай бѣжалъ. Преслѣдуемый новымъ соперникомъ своимъ Тохтамышемъ, онъ искалъ убѣжища въ Каѣѣ. Генуэзцы тамъ и убили его. Ягейло не успѣвъ дойти къ союзнику и, стоя подѣ Одоевымъ, услышалъ, что Русскіе разбили его союзника; онъ воротился съ своими и не сталъ уже нападать на Москву. Олегъ бѣжалъ изъ земли своей, а впоследствии покорился Москвѣ. Русь торжествовала. Русь одною битвою, трудами одного дня покупала себѣ свободу отъ полутораѣвковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того, Тохтамышъ, неспровергнувши державу Мамай и ставши самъ ханомъ Золотой орды, нагнулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. За то Куликовская битва всетаки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между Славянами и Татарами. Память объ этой побѣдѣ запечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Мно-

го разъ, послѣ того, Татары давали Русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ Татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побѣдителя, Русь возрастала и дожидала лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надъ всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Такъ обр. побѣда Куликовская нравственнымъ влияніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ Татаръ, но и обратнаго пораженія первою послѣднихъ,—господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

(Изъ статьи Н. Ив. Костомарова. »Прилож. къ мѣсяцеслову на 1864 г.« стр. 1—24).

390. О литовскомъ княжествѣ.

Нашествіе Татаръ, поразившее русскій народъ, около половины XIII ст., отодвинуло два центра политической русской жизни другъ отъ друга: восточный центръ отодвинулся на юго-востокъ отъ Суздаля къ Москвѣ; западный центръ или волынско-галицкій, послѣ кратковременнаго колебанія, уступилъ мѣсто литовско-русскому центру на сѣверо-восточной оконечности нынѣшней Западной Россіи.—Русскій народъ Западной Россіи потѣсенъ былъ Татарами съ юга-запада къ областямъ литовскаго племени, занимавшаго юго-во-

сточную прибалтийскую страну и также потьсненного отсюда Нѣмецкими рыцарями. Благодаря этому деоному натаску и движению—Русскихъ съ юга на сѣверо-западъ и Литовцевъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ—образовалось литовское великое княжество, которое съ 1-й половины XIV ст. занимало всю площадь отъ низовьевъ Нѣмана вверхъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, затѣмъ на югъ черезъ Нарву до Буга, Карпатскихъ горъ и по восточному склону ихъ до степей Черноморскяхъ и Днѣпра; далѣе простиралось вверхъ по Днѣпру,—захватывало многія области къ востоку отъ Днѣпра, наконецъ на сѣверѣ простиралось по обѣимъ сторонамъ Западной Двины до низовьевъ ея.

Исторія этого новаго государства открывается передъ нами съ жизнью русскою. Малочисленное литовское племя, взявшее въ свои руки политическую судьбу русскаго народа, покоряется сильному русскому элементу на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія съ нимъ, особенно въ сферѣ государственной и религіозной. Литовскіе великіе князья принимаютъ титулъ *русскій князь*; русское право,работанное русскими народами подъ властію рода Рюрика, сохраняетъ свою силу въ литовскомъ княжествѣ; русскій языкъ становится государственнымъ, общественнымъ до такой степени, что на немъ пишутся грамоты, привилегіи, даваемые собственно литовскому народу—такъ называвшемуся Жмудскому княжеству, т. е. области, населенной часто литовскими народами.

Вмѣстѣ съ русскими правами, русскимъ языкомъ господствовала фактически и русская вѣра—православная.—Она исповѣдывалась на всемъ пространствѣ нынѣшней Малороссіи и Бѣлороссіи, въ которыхъ жилъ русскій народъ. Отсюда она вмѣстѣ съ русскими колонистами подвинулась и въ самую Литву. Въ столицѣ литовскаго княжества—Вильнѣ была десят-

ки русскихъ церквей. Такое науровление жизни въ литовскомъ княжествѣ явно вело къ тому, чтобы въ скоромъ времени оно сдѣлалось чисто русскимъ и православнымъ. Надъ литовскими князьями и ихъ народомъ готова была повториться исторія княжескаго рода Рюрика и его варяжской дружины въ Россіи, они близко были къ тому, чтобы всѣмъ имъ сдѣлаться русскими.—Между тѣмъ, въ то время, какъ на западной сторонѣ Днѣпра образовывалось русское государство при содѣйствіи литовскаго элемента, къ востоку отъ Днѣпра силы того же русскаго народа мало-по-малу группировались около Москвы, формировалось московское государство, подготавливало конецъ татарскаго ига и выступало на поприще такой же русской жизни.

Образовалось, такимъ образомъ, два русскія государства—литовское и московское изъ одного и того же народа, не раздѣленные притомъ никакими рѣчками физическими границами. Само собою разумѣется, что между ними немедленно должна была возникнуть борьба и, раньше или позже, племенное единство народонаселенія этихъ государствъ, должно было пересплестись государственное раздѣленіе. Раньше или позже должно было образоваться одно государство. Этотъ результатъ явно подготавливался особенно слѣдующими двумя обстоятельствами: многочисленными родственными связями литовскихъ и русскихъ князей и столь же многочисленными враждебными столкновениями между ними. Въ томъ и другомъ случаѣ объ половины Россіи сближались, обобщались и такимъ образомъ подготавливались къ тому, чтобы при первой случайности слиться въ одно цѣлое.

Но этотъ естественный процессъ образования одного государства на всемъ пространствѣ, населенномъ русскими народами, очень усложнился и долженъ былъ совершаться очень медленно, благодаря

соединению литовского княжества съ Польшею, — соединению, которое внесло въ историю западной Россіи новые элементы, запутавшіе естественное развитіе сознанія и жизни западнорусскаго народа.

Соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ произошло въ 1386 г. Оно вызвано было внѣшними и болѣею частью совершенно случайными обстоятельствами. Литвѣ нужна помощь противъ непримиримыхъ враговъ — швѣдскихъ рыцарей. Польша, не знавшая покаянія отъ тѣхъ же рыцарей, очень рада была такой союзницѣ, какъ Литва, тѣмъ болѣе, что посредствомъ этого союза избавлялась и отъ постоянныхъ набѣговъ самой Литвы. Кроме того, тогдашній литовскій князь Ягайло находился во враждѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Витовтомъ, боялся быть низвергнутымъ съ престола и очень пуждался въ надежномъ союзникѣ. Съ другой стороны, Польша въ это время вѣла на своемъ престолѣ молодую королеву Ядвигу и прискивала ей выгоднаго жениха. Вслѣдствіе такого неожиданнаго стеченія обстоятельствъ, союзъ двухъ государствъ совершался быстро и безъ всякихъ видныхъ препятствій.

Обязанный такимъ внѣшнимъ и случайнымъ обстоятельствамъ союзъ Литвы съ Польшею былъ чисто внѣшнимъ союзомъ и могъ разрушиться отъ самыхъ маловажныхъ причинъ. — Онъ заключался въ слѣдующемъ: 1) Оба государства общали имѣть одного государя, т. е. соединялись посредствомъ такъ называемаго — *unio personalis*. 2) Оба государства общали имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ, т. е. заключили союзъ политическій. 3) Внутреннее управленіе обоихъ государствъ было совершенно отдѣльно. Они имѣли особую войска, особую должность, особые чины для управленія. Постановлено даже было, какъ неизмѣнное правило, чтобы ни въ какомъ случаѣ не смѣшивались люди литовскаго княжества

и польскаго королевства. Житель литовскаго княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, полякъ въ литовскомъ княжествѣ. — Этими условіями различныя элементы обоихъ государствъ повидимому хорошо были гарантированы отъ взаимнаго столкновенія, которое могло быть очень опаснымъ при столь непрочномъ союзѣ двухъ рѣзко различныхъ государствъ. Русскіе и Литвины литовскаго княжества повидимому могли и при союзѣ съ Польшею свободно развивать начала своей самостоятельной жизни. Даже можно было ожидать, что они будутъ развивать ихъ свободнѣе, чѣмъ прежде, потому что могли быть теперь безопасны отъ нападений сосѣдей. На дѣлѣ, однако, оказалось иначе. Соединеніе литовскаго княжества съ Польшею повело къ жестокому столкновенію всѣхъ различныхъ элементовъ соединенныхъ государствъ — польскаго, литовскаго, русскаго. Важнѣйшимъ поводомъ къ столкновенію было латинство.

Однимъ изъ первыхъ условій согласія польской королевы Ядвиги на бракъ съ Ягайлою — было обращеніе литвы въ латинство. Литовскій народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. главнымъ образомъ Жмудины, бывший еще тогда въ значительной массѣ языческимъ, первый испыталъ на себѣ силу этого условія. Онъ былъ крещенъ въ латинство правительственною властію при ближайшемъ участіи самого Ягайлы. Этотъ насильственный переворотъ, очень обыкновенный, впрочемъ, въ тѣ старыя времена, повелъ къ очень важнымъ послѣдствіямъ въ области чисто гражданскихъ дѣлъ. Латинская пропаганда между Литвианамъ, подкрѣпленная вѣbranіи правительства, естественно должна была положить предѣлъ распространенію здѣсь русской православной цивилизаціи. Это не могло не раздражить русскіхъ жителей литовскаго княжества, привыкшихъ уже такъ давно видѣть въ этой

страшѣ господство своихъ началъ. Мало того, латинская пропаганда коснулась русскихъ еще ближе. Мы говорили, что многіе литвины, особенно изъ высшего сословія, были уже православными. Между тѣмъ, по условію соединенія съ Польшей, они должны были сдѣлаться латинянами, и многіе дѣйствительно сдѣлались вмѣстѣ съ Ягайлой. Русскіе увидѣли, что имъ не только заграждается путь къ распространенію своей цивилизаціи, но еще угрожаетъ опасность быть подавленными. Всѣ эти опасности они явно предвидѣли въ самое первое время какъ только начались переговоры о соединеніи литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Едва Ягайло женился на Ядвига, какъ въ русскихъ областяхъ литовскаго княжества поближе къ московскому государству (въ Бѣлорусіи) поднялось возстаніе. Двигателемъ его былъ родной братъ Ягайлы, православный полоцкій князь, Андрей, который объявилъ, что Ягайло, соединившись съ латинскою Польшей и принявъ латинскую вѣру, не можетъ быть государемъ литовскаго княжества. Возстаніе это было подавлено соединенными силами Литвы и Польши. Русскіе литовскаго княжества почувствовали именно къ тому положенію, котораго боялись. Ихъ стали принуждать къ латинству; Ягайло способенъ былъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ по отношенію къ русскимъ, и приказалъ, что всѣ Литвины должны быть латинской вѣры, что эту вѣру должны принимать и тѣ русскіе, которые породнились съ литвинами и латинянами, что въ этихъ случаяхъ русскіе нужно принуждать къ латинству даже посредствомъ тѣлеснаго наказанія.

При тѣхъ тѣсныхъ связяхъ, какія вѣдали Русскіе съ Литвинами—это было крайне жестокое постановленіе. Оно отрывало Русскихъ отъ Литвиновъ, рвало вѣковой союзъ между ними, полагало начало наредной и религіозной борьбѣ между Русскими и Литвинами. Къ счастью, однако,

тѣхъ и другихъ, неожиданныя обстоятельства отерочивали не разъ печальныя послѣдствія раздѣленія между ними и соединяли тѣхъ и другихъ для общей борьбы съ Польшей.—Для успѣшнаго веденія латинской пропаганды необходимо было имѣть значительное количество духовенства. Новообращенная Литва не могла его дать. Нужно было брать его изъ Польши. Кроме того для поддержанія этого духовенства нужно было имѣть надежныхъ чиновныхъ людей. Между новообращенными Литвинами такихъ было не много. Оказывалось нужнымъ призывать для этого тоже Поляковъ. Многочисленные войнцы того времени Литвы и Польши съ рыцарями тоже давали возможность Ягайлѣ наполнять Литву Поляками и поручать имъ разные должности. Такъ, обр. нарушалось то условіе союза литовскаго княжества съ Польшей, по которому литовское и польское управленіе и литовскіе и польскіе люди не должны были смѣшиваться. Но Ягайло пошелъ еще дальше.

Тревожное состояніе литовскаго княжества требовало особеннаго вниманія, ближайшаго наблюденія. Ягайло, отвлекаемый дѣлами Польши, считалъ необходимымъ назначить литовскому княжеству особаго правителя въ качествѣ наместника и назначилъ имъ своего любимаго брата Скиргайлу. Это было большое униженіе для литовскаго княжества, привыкшаго имѣть самостоятельнаго государя. Въ особенности это было чувствительно для могущественнаго удѣльнаго литовскаго князя Витовта, который потому и содѣйствовалъ соединенію Литвы съ Польшей, что надѣялся самъ управить литовскимъ княжествомъ. Поддерживаемый сочувствіемъ Русскихъ и особенно Литвиновъ—Жмудяковъ, Витовтъ возсталъ противъ Ягайлы и для большаго успѣха соединился съ рыцарями. Много прошло времени и много потрачено было силъ и крови, пока Ягайло успѣлъ отвлечь Витовта отъ рыцарей

и заключить съ нимъ миръ. Витовтъ сдѣланъ былъ великимъ литовскимъ княземъ, но долженъ былъ признать союзъ съ Польшей и часто потомъ возобновлять это признание. Это отпугнуло отъ него русскихъ. Въ южныхъ областяхъ литовскаго княжества, въ нынѣшней Малороссіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли возстанія противъ Витовта. Поляки съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовались этимъ раздѣленіемъ между Литвой и Русью, поселяли между ними новыя сѣмена раздора и этимъ отеропили опасность грозившую союзу литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Руководимый имъ Ягайло даетъ природнымъ литовцамъ въ 1400 и особенно 1413 г. на Городельскомъ сеймѣ особыя преимущества, даетъ имъ право составлять сеймы подобно Полякамъ, устанавливаетъ должности подобно польскимъ, даруетъ гербы польскаго дворянства, словомъ—сближаетъ съ ними, по его выраженію, узы рабства и даетъ польскую свободу; но Русскіе онъ лишаетъ этой свободы. Только тѣ изъ нихъ, которые замѣняютъ своей православной вѣрѣ, могутъ участвовать въ этихъ преимуществахъ.

Эта была первая попытка внести въ литовское княжество пагубное польское шляхетство, то шляхетство, по которому одна часть народа произвольно удостоивается всѣхъ правъ и благъ, а другая столь же произвольно лишается ихъ. Литвины поставлены въ положеніе господъ, иановъ,—Русскіе въ положеніе рабовъ, хлопковъ. Система эта противорѣчила всѣмъ, исторически установившимся отношеніямъ литовскаго народа къ западно-русскому. Она подвигала дальше и дальше раздѣленіе между ними, вредное имъ обоимъ. Это и обнаружилось послѣ смерти Витовта (1430). Русскіе, подъ предводительствомъ литовскаго кн. Свидригайлы, пытались снова оторваться отъ Польши,—Литвины латиніи, подъ знаменемъ Ягайлы и его брата Сигизмунда, назначеннаго пра-

вителемъ Литвы, давили Русскихъ и притягивали ихъ къ Польшѣ.

Къ счастью опять среди этихъ раздоровъ и смутъ, незамѣтно и неожиданно для Поляковъ, вырабатывалось объединеніе Литвы и Руси. Когда въ 1400 г. объявлено было, что только тѣ изъ русскихъ могутъ пользоваться политическими и гражданскими правами, которые примутъ латинство, то безъ сомнѣнія, между русскими находились охотники получить житейскія выгоды и принимали латинство. Въ тридцатыхъ годахъ XV ст. Полякамъ представился удобный случай увеличить число такихъ людей. На западѣ Европы тогда устроилось соединеніе церквей. Литовско-польское правительство немедленно воспользовалось этимъ и требовало, чтобы Русскіе принимали унию. Старый вызовъ на отступничество отъ вѣроизмѣръ началъ, смѣлѣннѣй такимъ образомъ, не могъ не увеличивать числа людей, отрывавшихся отъ русскаго народа. Но въ то время этотъ разрывъ не былъ еще такъ силенъ, какъ въ послѣдствіи. Униатское вѣроисповѣданіе тогда еще не существовало, какъ особое. Оно выражалось только въ отвѣщеніи, отрѣшеніи отъ практической жизни признаніи главенства папы. Даже принимая чистое латинство, Русскіе тогда не переставали быть русскими, и ужъ во всякомъ случаѣ не дѣлались Полякомъ, п. ч. Полякомъ не было тогда въ литовскомъ княжествѣ, или если они бывали, то временно, и вовсе не въ такомъ числѣ, чтобы могли составить вліятельное общество. Русскіе того времени, принявшие латинство или унию, неамѣнно выработывали для ближайшаго времени даже добро. Они естественно сближались этимъ путемъ съ Латинянами—литовцами и сближали ихъ съ своими братьями православными, отъ которыхъ на дѣлѣ ничѣмъ не отличались они сами.

Послѣ этого, раздѣленіе между Литвой и Русью, такъ насильственно внесенное

Ягайлой въ законодательство и жизнь, стало крайне неестественнымъ. Его и началъ уничтожать сперва подъ благовиднымъ предлогомъ, а потомъ и прямо. Въ 1443 г., грамотой Владислава Варискаго, Русскіе уравнены были въ правахъ съ Латинцами по тому поводу, что церкви восточная и западная будто бы соединились на Флорентинскомъ соборѣ! (*А. Зап. Рос. I, № 42*). Этою грамотою сильно былъ подорванъ Городельскій актъ, даровавшій права только Латинянамъ литовскаго княжества, и продолжень былъ путь къ открытому и законному возстановленію правъ западно-русскаго народа безъ всякаго отношенія къ вѣрѣ.—Въ 1440 г. убитъ былъ Сигизмундъ, управлявшій литовскимъ княжествомъ по назначенію Ягайлы. На польскомъ престолѣ былъ тогда старшій сынъ Ягайлы Владиславъ, избѣжавшій подъ именемъ *Варискаго*. Вельможи литовскаго княжества не подчинились власти польскаго короля, какъ того требовало Городельское постановленіе, но избрали собѣ, помимо воли Поляковъ и ихъ короля, младшаго брата Владиславова, малолѣтняго Казимира (*Нарбутта, т. VIII, 9*). Пользуясь большою властью при малолѣтнемъ князѣ, вельможи литовскаго княжества постарались сейчасъ же порвать главнѣйшіе узы, соединявшіе ихъ съ Польшей. Они торжественно объявили, что считаютъ Казимира неподручнымъ польскому королю, а самостоятельнымъ, независимымъ княземъ. За тѣмъ обязали его клятвою возстановить цѣлость литовскаго княжества и не допускать Поляковъ въ Литву. Черезъ нѣсколько лѣтъ, обстоятельства стали очень неблагоприятны литовцамъ. Владиславъ палъ въ битвѣ съ Турками (1444 г.) Казимиръ избранъ польскимъ королемъ. Но это не ослабило энергіи литовскихъ и русскихъ вельможъ, добивавшихся независимости своей страны. Мало по малу они возвратили

подъ власть Литвы всѣ земли южной части этого княжества, присоединяя Польшей. Благодаря этому, они стали еще сильнѣе и громче поговаривать о своей независимости отъ Польши. На многочисленныхъ сейдахъ, происходившихъ въ правленіе Казимира, они постоянно поднимали вопросъ о незаконности актовъ уни при Ягайлѣ,—объ исключеніи изъ нихъ выражений:—«одно государство, одинъ народъ», и т. п. Все это литовскіе и русскіе вельможи называли порабощеніемъ, рабствомъ Литвы и требовали уничтоженія этого позора. (*Нарбутта, т. VIII, 9*). Казимиръ явно стоялъ на сторонѣ литовской. Онъ былъ воспитанъ въ Литвѣ, болѣею частью жилъ въ ней и искренно любилъ эту страну. Для нашей цѣли важна еще та особенность, что Казимиръ очень расположенъ былъ къ русскимъ своимъ подданнымъ и пользовался у нихъ большою популярностью. Популярность его въ этомъ отношеніи была такъ велика, что нѣкоторые князья русскіе и цѣлыя области, какъ напр. Новгородъ, стали при- мыкать къ литовскому княжеству.—При такомъ направленіи дѣлъ, и при такомъ настроеніи Казимира, враждебныя отношенія между литвинами и русскими литовскаго княжества и юридическая неправо- правность между ними должны были уничтожиться. Возстановленіе единства и равноправности между тѣми и другими дѣйствительно и послѣдовало въ 1457 г. Въ этомъ году Казимиръ на Виленскомъ сеймѣ далъ своимъ подданнымъ грамоту, которая разрушала Городельскую неправду. По этой грамотѣ оба народа литовскій и русскій получаютъ равныя права безъ всякаго различія по вѣрѣ и главное получаютъ ихъ не во имя союза съ Польшей, какъ говорилось въ Городельскомъ актѣ, а просто по любви Казимира къ своимъ подданнымъ и въ награду за ихъ вѣрность къ нему,—вѣрность, съ кото-

торой такъ неразрывно соединена была любовь къ родникъ и защита ея отъ Польши (А. Зап. Рос. I, № 61).

Къ концу жизни Казимира объединенныя силы литовскаго княжества обнаружили еще большую энергію въ борьбѣ съ Польшей (Стрыйковскаго *Хроника II*, 232, по изд. 1846). Поляки и самъ король нѣли серьезное опасеніе, что союзъ Литвы съ Польшей разрушится (Тамъ же 291). Опасеніе это было совершенно справедливо. — Какъ только умеръ Казимиръ, литовскіе вельможи немедленно написали посланіе къ южно-русскимъ князьямъ и вельможамъ, усердно приглашая ихъ быть съ ними за одно, какъ братья. Призывъ этотъ былъ вызванъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Литовскіе вельможи рѣшились настоять, чтобы у нихъ по прежнему былъ свой независимый государь. Въ союзъ съ русскими людьми они избрали себѣ княземъ младшаго сына Казимира Александра и потребовали, чтобы уничтожены были все условія соединенія литовскаго княжества съ польскомъ, невыгодныя для

литовскаго княжества, какъ то: «оба государства составляютъ одно государство, подлѣ однимъ государемъ, славяются въ одинъ народъ, одно тѣло»! Мы должны здѣсь замѣтить, какъ весьма важное явленіе, то, что въ это время во главѣ вельможъ литовскаго княжества стоялъ русскій православный князь Михаилъ Глинскій. Независимость Литвы отъ Польши, казалось, теперь была уврочена и можно было думать, что при первой случайности оба эти государства разойдутся. Для этого оставалось только уничтожить тотъ видимый признакъ соединенія между ними, какой выражался въ сѣздахъ на общій сеймъ, и въ общихъ походахъ противъ непріятеля. — Но на дѣлѣ обстоятельства приняли обратный поворотъ, и повели къ скрѣпленію, а не къ расторженію союза Литвы съ Польшей...

(Изъ статьи М. О. Кояловича.
Докум. объясняющіе исторію зап.
рус. крал. Сиб. 1865, стр. XXVI
— LXVI).

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

ВѢКЪ X.

До 950 г. № № 3. 292. 321. 1. 321, а. 2. 201. 189. 294. 38.

До 1000 г. № № 4, а. 6. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 373, а. 7. 37. 114. 8. 9. 10. 322. 138. 323.

ВѢКЪ XI.

До 1050 г. № № 331, а. 162. 173. 324. 202. 39. 359, а.

До 1100 г. № № 11. 163. 359, б. 40, а. 359, в. 325, а. 50. 325, б. 12. 13. 203. 68. 69. 40, б. 115. 204. 70. 41. 94. 295. 326. 327. 296. 95. 14.

ВѢКЪ XII.

До 1125 г. № № 52, а. 362, а. 31. 359, г. 205. 359, д. 186. 359, е. 206.

До 1150 г. № № 42. 359, ж. 237. 376, а. 359, з. 164. 165. 139. 238. 15. 359, и. 297. 96. 140. 359, i.

До 1175 г. № № 166. 298. 207, а. 97. 239. 331, б. 208. 43. 299. 240. 333, в. 71. 241.

До 1200 г. № № 141. 359, к. 299, в. 359, л. 332. 328. 209. 329. 207, б. 300. 359, м. 53, а. 359, н. 242. 116. 359, о. в. 54, а. 73. 190. 210. 74.

ВѢКЪ XIII.

До 1225 г. № № 52, б. 142. 75. 53, б. 211, а. 301. 212, а. 213, а. 360, а. б. 302. 360, в. 363, а. 303. 143. 144. 333, а. 360, г. 117.

До 1250 г. № № 362, б. 335. 145, а. 360, д. 362, в. 118. 56. 146. 362, г. 191. 46, а. 333, б. в. 57. 54, б. 213, б. 363, б. 376, б. 98. 212, з. 336. 337. 362, д. 99. 145, б. 338. 339. 55.

До 1275 г. № № 340. 244. 243. 119. 147. 360, е. 373, б. в. 245. 148. 76. 363, в. 341. 346. 364. 58, а. б. 149. 360, ж. 60, а. 342. 150. 374, а. 120. 16. 214. 215.

До 1300 г. № № 60, б. 44. 60, в. 360, з. 374, б. 121. 192. 174. 45. 187. 247. 176. 59, а. 377. 248. 175.

ВѢКЪ XIV.

До 1325 г. № № 365, а. 249. 365, б. 250. 362, е. 251. 46, б. 216. 217, а. 361, а. 365, в. 122. 361, б. 378, а. б. 151. 361, в. 344. 343. 365, г. д. 366. 361, г.

До 1350 г. № № 124. 304. 152. 361, д. 252. 305. 123. 367, а. б. 345. 60, г. 367, в. 253. 254. 177. 379, а. 59, б. 153. 217, б. 46, в. 255. 154. 368. 379, б. 256, 361, г. 380. 78. 178. 77, а. 369. 257. 179. 258. 218. 259. 375.

До 1375 г. № № 370. 61, а. 125. 219, i. 46, г. 180. 167. 193. 60, д. 260. 220, а. 181. 381. 371, а. 382. 366. 307. 47. 261.

До 1400 г. № № 308. 211, з. 220, б. 334. 346. 100. 168. 126. 347. 309. 127. 348. 221. 383. 262. 128. 263. 264. 182. 349. 310. 103. 130. 265. 384. 311, а. 266. 129. 350. 169. 131. 77, б. 102. 101. 183.

311, б. в. 267. 104. 268. 224. 155.
17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 48.
49. 79. 222. 223.

ВѢКЪ XV.

До 1425. г. № № 269. 105. 170.
270. 58, в. 312. 271. 194. 136. 385.
225. 60, е. 286, а. 272. 273. 61,

б. 386, б. 331. 352. 195. 353. 184.
226. 132. 133. 219, з. 134. 106.
135. 62, 274. 275.

До 1462 г. № № 107. 277. 397,
а. 60, ж. 397, б. 278. 136. 60, з.
196. 59, в. 276. 280. 313. 108.
281. 60, и. 379. 371, б. 109. 371,
в. 197. 62, в. 282. 314. 227. 315.
63. 372. 185. 283. 171.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВЪ ПО РОДАМЪ И ВИДАМЪ.

ЛѢТОПИСИ.

*Текстъ лѣтописи, приписываемой
преп. Нестору:* № № 3. 292. 321, 1.
321, 2. 37. 321, а. 189. 294. 4,
а. б. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6.
7. 114. 8. 322. 138. 323. 295.
324. 39. 325, а. 50. 325, б. 12.
326. 327. 206. 296.

Лѣтопись Суздальская: № № 70. 52,
а. 51. 331, б. 299, б. 331, в. 299,
в. 300. 52, б. 211, а. 53, б. 301.
212, а. 213, а. 303. 333, а. 362,
а. б. в. г. 333, б. в. 54, б. 213, б.
336. 212, б.

Троицкая: № № 47. 302. 335.
362, д.

Кіевская: № № 15. 297. 140. 298.
240. 241. 328. 209. 53, а. 141. 54, а.

Волынская: № № 143. 144. 145, а.
337. 145, б. 53. 244. 375. 119.
373, б. в. 245. 58, б. 374, а. 44.
374, б. 174. 43.

Густынская: № № 24. 378, а. 58, а.
60, а. б. в. 378, б. 60, г. 379, а.
б. 132.

І Новгородская: № № 359, г. и. к.
и. 116. 359, п. 360, б. 363, а. 360,
д. 146. 56. 57. 363, б. 376, б. 360,
е. 147. 148. 150. 59, а. 365, а. б.
361, а. 217, а. 361, б. 151. 361,
в. 365, г. д. 361, г. д. 303. 367, а.

б. в. 217, б. 153. 154. 369. 311,
а. б. и. 60, ж. 59, в.

II Новгородская: № № 60, д. 106.
62, а.

III Новгородская: № № 9, 178.

IV Новгородская: № № 299, а. 359,
д. м. 59, б. 219, а. 220, а. 306.
307. 308. 220, б. 346. 348. 383.
128. 349. 58, в. 225. 219, б. 133.
134. 281. 60, п. 385.

I Псковская: № № 360, б. и. г. 124.
368. 61, а. 60, з. 371, а. б. в. 372,
а. б. в. 77, б.

II Псковская: № № 377. 386, а. б.
61, б. 274. 397, а. б. и.

I Софійская: № № 142. 359, а. б.
в. д. е. ж. 376. 359, з. 139. 359, и.
208. 359, о. 363, в. 341. 360, ж.
342. 360, з. 365, в. 344. 361, е.
380. 370. 62, п.

II Софійская: № № 78. 103. 350.
60, е. 62, б. 63.

Воскресенская: № № 381. 382. 334.
126. 312. 351, а. 353. 107. 136.
313. 108. 315.

Никоновская: № № 345. 310. 100.
224. 352.

Тверская: № 351, б.

Нижегородская: № № 362, е. 211, б.

Степенная книга: № № 101. 226.

Синопись: № 293.

Сводная лѣтопись В. Н. Татищева: № № 373, а. 10. 331, а. 332.

Житія: №№ 37. 41. 94. 95. 97. 98. 99. 343. 345. 100. 103. 101.

Отдельные рассказы и повествования: №№ 295. 296. 140. 141. 302. 335. 336. 337. 339. 364. 377. 344. 348. 330. 226. 136. 63.

Путешествія: № № 205. 77, а. б. Извѣстія иностранцевъ: № № 2. 201. 338.

Слова: № № 11. 69, а. б. 14. 71. 75. 16. 214. 215. 210. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 40. 222. 223. 155.

Поученія: №№ 114. 202. 38. 203. 13. 206. 121. 216. 218. 221. 134.

Послания: №№ 204. 115. 186. 117. 118. 76. 78. 129. 104. 105. 352. 133. 109. 314.

Церковныя уставы и правила: № № 162. 163. 164. 165. 238. 166. 207. 120.

Судебныя своды: № № 173. 178. 185.

Грамоты.

Благословенная: № 135.

Возвыл послушныя: № 277.

Вкладная № 242.

Данная: № № 243. 279.

Договорныя: № № 189. 191. 149. 251. 366. 304. 252. 193. 181. 309. 156. 194. 272. 196. 197.

Душевные или духовныя записки: № № 96. 174. 175. 152. 258. 180. 260. 262. 264.

Жалованныя: № № 237. 177. 254. 255. 256. 261. 263. 266. 267. 270. 271. 184. 275. 276. 282.

Заслужныя и закладныя: № № 257. 278.

Кобальная № 182.

Купчая: № № 179. 259. 269. 283.

Мирныя: № № 190. 246. 192. 249. 250. 195.

Грамоты разнаго содержанія: № № 247. 248. 253. 125. 131. 169. 171.

Настольная № 130.

Обводная или межсвая № 268.

Рядная № 176.

Таможенная № 273.

Уставныя: № № 127. 265. 183. 170.

Ярлыки ханскіе: № № 122. 123. 167. 168.

Показаніе № 280.

Исповѣданіе № 227.

Планъ № 102.

Записи, предисловія и послѣловія: № № 40, а. б. 41. 42. 239. 43. 46, а. б. в. г. 47. 48.

Дожныя или апокріфическія книги: № № 79. 65. 66. 74. 80. 81. 82.

Легенды: № № 83. 84. 85. 137. 538.

Преданія и сказанія: № № 64. 172. 187. 228. 229. 231. 284. 316. 317. 330. 370.

Святскія повѣсти: № № 329. 73. 347. 188. 86.

Былины: № № 25. 26. 110. 232. 233. 286. 287. 288. 318. 354. 355. 356.

Стихи: № № 27. 28. 87. 88. 89. 90. 230. 285.

